

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

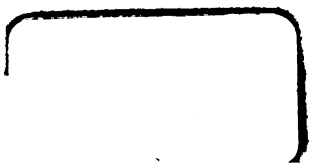
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191428 9

1917

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

1875

606927

М А Й.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. I—IX. Андрея Печерскаго.
- II. ОТЕЦЪ И СЫНЪ. Опытъ культурно-биографической хроника. Гл. III—V. М. Э. Де-Пуле.
- III. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПРУДОНА. V. W.
- IV. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. Гл. I—V. М. П. Соловьева.
- V. ПАРЛАМЕНТСКОЕ СЛѢДСТВІЕ О ДѢЙСТВІЯХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ. Г. де-Моллинар.
- VI. БОЛѢЗНЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Картины изъ современной жизни. С. Эмануэля.
- VII. ИСКУССТВО И ПОЗИТИВИЗМЪ Г. Э. Струве.
- VIII. ПО ПОВОДУ СПИРИТИЧЕСКИХЪ СООБЩЕНІЙ Г. ВАГНЕРА. С. А. Рачинскаго.
- IX. ПО ПОВОДУ НОВАГО РОМАНА ГР. ТОЛСТАГО. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

I. ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая, гл. XIV—XV.

II. ДѢЙСТВІЯ НА ОКУСЪ И ПАДЕНІЕ Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ россійскаго) окончаніе второй части.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ:

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о).
На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660027
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

НА ГОРАХЪ*

(РАЗКАЗЪ).

I.

Отъ устья Оки до Саратова и дальше правая сторона Волги Горамъ зовется. Начинаются Горы еще надъ Окой, выше Муroma, тянутся до Нижняго, потомъ по Волгѣ внизъ. И чѣмъ дальше тѣмъ выше онѣ. Рѣдко горы перемежаются — тамъ только гдѣ съ праваго бока въ Волгу рѣка пада. А такихъ рѣкъ немного.

Мѣста „на Горахъ“ ровно окаменѣлыя волны бурнаго моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и краями тянутся во всѣ стороны межъ доловъ, логовъ, овраговъ и суходоловъ; рѣчки и рѣчки колятся во всѣ стороны, пробираясь межъ угорій и на каждомъ изгибѣ встрѣчая возвышенности. До цвѣтъ мѣстамъ рѣдко такія рѣчки найдутся какъ Пьяна, Свяга, Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной** рѣка за то прозвана что шатается она, мотается

* Продолженіе разказовъ помѣщеныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1871—1874 подъ заглавіемъ: *Въ лесахъ*.

** Пьяна упоминается въ летописяхъ; Русскіе на ней поселились въ половинѣ XIV вѣка.

во всѣ стороны ровно хмѣльная баба, и пройдя закрутасами да изворотами верстѣ съ пятьсотѣ, подбѣгаетъ къ истоку и чуть не возлѣ него въ Суру выливается. Свѣяга—та лучше еще Пьяны куралеситъ: подошла къ Симбирску, версты полторы до Волги остается, — нѣтъ, повернула въ сторону и пошла рядомъ съ Волгой: Волга на полдень, она на полночь, и верстѣ триста рѣчки другъ дружкѣ на встрѣчу текутъ, а слиться не могутъ. Кудьма, та совсѣмъ къ Окѣ подошла, только бы влиться, такъ нѣтъ же, вильнула въ сторону да верстѣ за сотню въ Волгу ушла. Не захотѣлось, слышь, Кудымѣ Оку въ матеряхъ держать, захотѣлось сестрицей быть, Волгиной дочерью. Такъ говорятъ... Другія рѣчки и рѣчки что текутъ на Горахъ всѣ до единой извилисты.

Издревле та сторона крыта была лѣсами дремучими, сидѣли въ нихъ Мордва, Черемиса, Булгары, Буртасы и другіе языки чужеродные; лѣтъ за пятьсотѣ и поболѣ того Русскіе люди стали селиться въ той сторонѣ. Константинъ Васильевичъ, великій князь Суздальскій, въ половинѣ XIV вѣка перенесъ свой столъ изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ, назвалъ изъ чужихъ княженій Русскихъ людей, и расселилъ ихъ по Волгѣ, по Окѣ и по Кудымѣ. Такъ лѣтопись говоритъ, народныя преданья вотъ что сказываютъ:

„На горахъ то было, на горахъ на Дятловыхъ: * Мордва своему богу молится, къ землѣ-матущкѣ на востокъ поклоняется.... Вдетъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, плыветъ государь по Воложкѣ на камешкѣ. Какъ возговоритъ Бѣлый Царь людемъ своимъ: „ой, вы гои еси слуги вѣрные, слуги вѣрные неизмѣнные, подите-ка, поглядите-ка на тѣ ли на горы на Дятловы, что это тамъ за березникъ мотается, мотается-шатается, къ землѣ-матущкѣ преклоняется?... Слуги пошли, поглядѣли, назадъ воротились, Бѣлому Царю поклонились, великому государю таку рѣчь держатъ: „не березникъ то мотается-шатается, Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ своему богу молится, къ землѣ-матущкѣ на востокъ преклоняется“. Возпросилъ ихъ Бѣлый Русскій Царь: „а зачѣмъ Мордва кругомъ стоитъ и съ чѣмъ она своему богу молится?“ Отвѣчаютъ слуги вѣрные: „стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія, въ рукахъ держитъ Мордва ков-

* Въ Книжѣ Большаго Чертежа: „А Нижній Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ“.

ши завѣтные, завѣтные ковши большій-набольшіе, хлѣбъ да соль на землѣ лежатъ, каша, яичница на рычагахъ висятъ, вода въ чанѣхъ кипитъ, въ ней говядину янбедъ * варить". Какъ возговоритъ Бѣлый Русскій Царь: „слуги вы мои, подите, дары отъ меня Мордвѣ отнесите, такъ ей на молянѣ ** скажите: вотъ вамъ боченокъ серебра, старики, вотъ вамъ боченокъ злата, модельщики; на мордовскій молянѣ вы прямо ступайте, мордовскимъ старикамъ сребро, злато отдайте". Вѣрные слуги пошли, царскій даръ старикамъ принесли; старики сребро, злато приняли, сладкимъ сусломъ царскихъ слугъ напоили; слуги къ Бѣлому Царю приходятъ, вѣсти про Мордву ему доводятъ: „угостили насъ мордовски старики, напоили сусломъ сладкимъ, накормили хлѣбомъ мягкимъ". А мордовски старики отъ Бѣлаго Царя казну получивши, послѣ моляна судили-рядили: что бы Бѣлому Царю дать, что бы великому государю въ даръ отъ Мордвы послать. Меду, хлѣба, соли набрали, блюдъ могучія накладли, съ молодыми ребятами послали. Молодые ребята приустанови сѣли: медъ, хлѣбъ-соль поѣли, „старики де не узнаютъ". Земли да желта песку въ блюдѣ накладали, наклавши пошли и Бѣлому Царю поднесли. Бѣлый Русскій Царь землю и песокъ честно принимаетъ, крестится, Бога благословляетъ: „слава Тебѣ, Боже Царю, что отдалъ въ мои русскія руки Мордовску землю". И пошылъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, поллылъ государь по Воложкѣ на камешкѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ ведро русской земли, правой кидаетъ ту землю по берегу... И гдѣ броситъ земли горсточку тамъ городъ ставится, а гдѣ броситъ щелочку, тамо селеніце."

Таковы сказанья на Горахъ; ѣдутъ они отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ. И у Русскихъ людей, и у Мордвы съ Черемисой о русскомъ заселеніи по Волгѣ преданье одно.

Русскіе люди чуждую землю занявъ селились въ ней по путямъ по дорогамъ. Въ даль не забирались, чтобъ среди враждебныхъ племенъ на всякій случай быть на готовѣ, другъ ко дружкѣ поближе. Путиами-дорогами—рѣки были тогда. И до сихъ поръ по рѣкамъ примѣтны слѣды старорусскаго разселенія. По Волгѣ, по Окѣ, по Сурѣ и по меньшимъ рѣкамъ живетъ народъ совсѣмъ другой, чѣмъ вдали отъ нихъ:

* Одинъ изъ прислужниковъ „возати"—мордовскаго жреца.

** Общественное моленіе.

ростомъ выше, станомъ стройнѣй, изъ себя красивѣй, силою крѣпче, умомъ богаче сосѣдей — издавна обрусѣвшей Мордвы, что совсѣмъ позабыла и древнюю вѣру, и родной языкъ, и преданья своей старины. Мѣстами Мордва еще сохраняетъ народность, но съ каждымъ поколѣньемъ больше и больше руснеть. Такъ межъ Сурой и Окой. Ниже Сурскаго устья верстъ на двѣсти по обѣ стороны Волги сплошь чужеродцы живутъ, они не руснютъ: Черемисы, Чуваши, Татары. И ниже тѣхъ мѣстъ по нагорному берегу Волги встрѣтишь ихъ поселенья, но отъ Самарской Луки вплоть до Астрахани сплошь Русскій народъ живетъ, только округъ Саратова, на лучшихъ земляхъ пшеничнаго царства, Нѣмцы поселились; и живутъ они межъ Русскихъ тою жизнью какой жили на далекой своей родинѣ, на прибрежьяхъ Рейна и Эльбы.... Велика, обширна ты матушка наша земля Святорусская!.. Въ волю простора, въ волю раздолья!.. Всѣхъ, матушка, кормишь, поишь, одѣваешь, обувашь, всѣмъ мать-кормилица хлѣба даешь — и своимъ, и чужимъ, и роднымъ сынамъ и пришлымъ изъ чужа пасынкамъ. Любишь гостей угощать!.. Кто ни пришелъ, всякому: „милости просимъ—честь да мѣсто къ русскому хлѣбу да соли!..“ Ну, ничего, насъ не объѣдятъ.

Въ стары годы росли на Горахъ лѣса кондовые, мѣстами досель уцѣлѣли они, больше по тѣмъ мѣстамъ гдѣ Чуваши, Черемиса да Мордва живутъ. Любятъ тѣ племена лѣса дремучіе да роци темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ нужды деревца не тронетъ, ронитъ лѣсъ безъ пути по ихнему грѣхъ великій, по старинному закону ихъ: лѣсъ — жилище боговъ. Лѣса истреблять—божество оскорблять, его домъ разорять, кару на себя накликаютъ. Такъ думаетъ Мордвинъ, такъ думаютъ Черемисъ и Чувашаникъ.

И потому еще, можетъ-быть, любятъ чужеродцы родные лѣса что въ старину, не имѣя ни городовъ, ни крѣпостей, долго въ недоступныхъ дебряхъ отстаивали они вольную волю, сперва отъ Татаръ, потомъ отъ Русскихъ людей.... Русскій не то, онъ прирожденный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево чтобы вырубить изъ сука ось либо оглоблю, сломить ни на что не нужное деревцо, ободрать лилку, засушить березку, выпускакая изъ нея сокъ, либо снимая бересту на подтолку—ему ни почемъ. Столѣтніе дубы даже ронитъ, ободрать бы только съ нихъ желуди свиньямъ на кормъ. Въ старые

годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у древнихъ насельниковъ землю, нещадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась; и теперь на Горахъ, гдѣ коренные Русскіе люди живутъ, не помѣсь съ чужеродцами, а чистой славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ, остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ёрники.... По илымъ мѣстамъ таково стало безлѣсно, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь что кнутовища негдѣ вырѣзать, парашку нечѣмъ постѣчь. Сохранились лѣса въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, да и тамъ въ послѣдніи годы сильно порѣдѣли.... Лѣсные порубки въ чужихъ дачахъ нашими мужиками въ грѣхъ не ставятся, на совѣсти не лежатъ. „Деревьевъ въ лѣсу никто не сажалъ, толкують они, это не садъ. Самъ Богъ на пользу человѣкамъ выростилъ лѣсъ, значитъ руби его сколько надо.“

Хлѣбопашество — главное занятіе нагорнаго крестьянина, но повсюду оно обѣ руку съ какимъ ни на есть промысломъ идетъ, особливо по рѣчнымъ берегамъ, гдѣ живетъ чистокровный славянскій народъ. Въ однихъ селеньяхъ слесарничаютъ, въ другихъ скорняжничаютъ, шорничаютъ, столярничаютъ, веревки вяжутъ, сѣти вяжутъ, проволоку тянутъ, гвоздь куютъ, суда строятъ, сундуки дѣлаютъ, изъ мѣда кольца, наперстки, кресты-тѣльнички да бубенчики лѣютъ, всего не перечеть.... Кромѣ того народъ тысячами каждый годъ въ отхожі промыслы расходится: кто въ Лодманъ, кто въ Астрахань на рыбны ватаги, кто въ Сибирь на золотые прииски, кто въ Самарскія степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу въ бурлаки; теперь пароходство въ конецъ убило тотъ тяжелый и вредный промыселъ. И слава Богу!..

Охочь до отхожихъ работъ нагорный крестьянинъ, это не степнякъ домосѣдъ, что вѣкъ сидитъ на мѣстѣ словно медъ кисаетъ, и кромѣ сосѣдняго базара да развѣ еще своего уѣзднаго города, съ роду нигдѣ не бываетъ. Любитъ нагорный крестьянинъ постранствовать, любитъ людей помотрѣть, себя показать. „Дома сидѣть, ни грѣша не высидишь, онъ говорить, подъ лежащій камень вода не течетъ, на одномъ мѣстѣ камень мохомъ обрастаетъ.“ Нѣтъ выгоднаго на сторонѣ промысла — въ извозъ.... Не то избойду, мочену грушу да

парену рѣпу по деревьямъ лѣдетъ мѣнять на кость, и тряпье, на желѣзный ломъ.

До того велика у нагорныхъ крестьянъ охота на чужой сторонѣ побродить, что изстари завелся у нихъ такой промыселъ, какого oprичъ еще литовскихъ Сморгонь на всемъ свѣтѣ нигдѣ не бывало. Въ Сергачскомъ уѣздѣ деревень до тридцати медвѣжатнымъ промысломъ кормилось — жилось не богато а въ добрыхъ достаткахъ. Закупали медвѣжатъ у сосѣднихъ Чувашъ да Черемисъ Казанской губерніи, обучали ихъ всякой медвѣжьей премудрости: „какъ баба угорѣла въ не топлѣной горницѣ, какъ малы ребята горохъ воровали, какъ у Мишеньки съ лохмѣля голова болитъ“. Хаживали Сергачи со своими литомцами куда глаза глядятъ, ходили вдоль и поперекъ по Русской землѣ, заходили и въ Нѣмечину на Дилецку * ярмарку. Изстари велся тотъ промыселъ: еще въ Стоглавомъ соборѣ, жалуясь Грозному на поганскіе обычаи архіереи про Сергачей говорили что они „кормяще и храняще мѣлвѣда на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ... ** велию бѣду на христіанство наводятъ“... Силѣнъ могучъ, властенъ и грозенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, а медвѣжатниковъ не могъ извести — изводилъ ихъ Саксонскій король, а въ конецъ погубило заведенное недавно общество покровительства всякимъ животнымъ, oprичъ человѣка. Тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ потѣшали Сергачи на Дилецкой ярмаркѣ тамошній людъ медвѣжьей пляской. Какой-то Нѣмецъ съ лѣснымъ бояриномъ обогатился невѣжливо и снялъ съ него Михайло Иванычъ костяную палку. Въ ужасѣ владѣли Нѣмцы — шутка ль? цѣлаго подданнаго лишился Саксонскій король, а ихъ у него и безъ того не ахти много. Пожалобились. Воспретили Сергачамъ по чужимъ царствамъ медвѣдей водить. Ни почему бы это было медвѣжатникамъ — Русская земля длинна, широка, не клиномъ сошла, есть гдѣ лѣсному боярину разгуляться, потѣшиться. Сердобольные покровители животныхъ вступились за Мишеньку: какъ дескать можно по бѣлѣ свѣту его на цѣли таскать, какъ дескать можно Михайла Иваныча палкой бить, въ поздри кольцо ему прожимать?... Воспретили. Въ тридцати деревняхъ не одну

* Лейпцигъ.

** Стоглавъ, гл. 98.

сотню ученыхъ медвѣдей мужики перелобанили, а сами по міру пошли; все-таки — отхожіи промыселъ.

А что въ прежніи времена съ Сергачами бывало, того не перескажешь. Но къ слову пришлось разказать, какъ ученыхъ медвѣдей лѣвнымиъ Французамъ на смотръ выставляли. Когда Французы изъ московскаго поляна ползли на русскій морозъ, забирали ихъ тогда въ лѣвъ спашь да рядышкомъ, и тѣхъ подоязьяковъ по разнымъ городамъ на житье разсылали. И въ Сергачъ сколько-то офицеровъ ползло, полковникъ даже одинъ. На зиму въ городъ помѣщику съѣхались, ознакомились съ Французамъ и по русскому добродушію приютили ихъ, приголубили. Подоязьякамъ не житье, а масляница, а тутъ подосѣла и настоящая веселѣ, честнѣ Масляница, Семикова пламяница. Сегодня блины, завтра блины — конца прованьямъ нѣтъ. И разговорились лѣвники съ радушными хозяевами про то чего лѣтому надобно ждать. „Не забудеть, говорятъ, Наполеонъ сраму своего, новое войско собереть, опять на Россію нагрянетъ, а у васъ все истощено, весь молодой народъ въ полки забранъ — не сдобровать вамъ, не справитесь.“ Калитанъ-исправникъ случился тутъ, говорить Французамъ: „правда, много народу у насъ на войну ушло, да это еще бѣда невеликая, медвѣдей полки на Французъ мы выдвинемъ.“ Лѣвники смѣются, а исправникъ ихъ увѣряетъ: самому де ему велѣно къ веснѣ полкъ медвѣдей обучить и что новобранцы маленько ужъ попривыкли — военный артикулъ стали дружно выкидывать. „Послѣзавтра милости просимъ ко мнѣ на блины, медвѣжій баталіонъ на смотръ вамъ представляю.“ А медвѣжатники по бѣлу свѣту шатались только лѣтней порой, зимой-то всѣ дома. Повѣстали имъ отъ исправника, вели бы медвѣдей въ городъ къ такому-то дню. Навези звѣрей съ тысячу, поставили рядами, стали ихъ заставлятъ палки на плечо вскидывать, показывать какъ малы ребята горохъ воровали. А исправникъ Французамъ: „это, говорить, ружейнымъ приѣмамъ да по егерски ползатъ они обучаются“. Диву Французы дались, домой отписали: сами де своими глазами медвѣжій баталіонъ видѣли.

Чуть не по всѣмъ нагорнымъ селеньямъ каждый крестьянинъ хоть самую пустую торговлю ведетъ: кто хлѣбомъ, кто мясомъ по базарамъ переторговываетъ, кто за рыбой ѣздитъ въ Саратовъ да зимой ее по деревнямъ продаетъ, кто собираетъ трапье, овчины, шерсть, который строевой

лѣсъ съ Унжи да съ Немды * гоняеть; есть и „напольные мясники“, что кошекъ да собакъ бьютъ и шкурки ихъ скорнякамъ продають. Мало-малыски денегъ залежныхъ накопилось, тотчасъ ихъ въ оборотъ. И если по скорости мужикъ не свихнется, непременно выйдетъ въ люди, тысячами ворочать начнетъ. Бывали на Горахъ крѣпостные съ миллионами, у одного Лысковскаго ** барскаго мужика въ Сибири свои золотые промыслы были. Теперь на Горахъ много крестьянъ сотнями десятинъ владѣютъ. За то тутъ же рядомъ и бѣдность не покрытая. У одного дворъ крытъ свѣтомъ, обнесенъ вѣтромъ, платья что на себѣ, а хлѣба что съ себѣ, голъ да перетька—и голъ и босъ и безъ пояса. Такой бѣдности не замѣтно однакожь по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее. Общинное владѣнье земель, частые ея передѣлы—вотъ гдѣ коренится причина той бѣдности. Чуть не каждый годъ мѣръ-община передѣляетъ поля, отъ того землю никто не удобряетъ, что де за прибыль на чужихъ работатъ. На дворахъ навозу—пролѣзть негдѣ, а на полѣ ни воза, землю вылакали; пошли недороды. Нѣтъ корысти въ передѣлахъ, толкуеть каждый мужикъ, а община-мѣръ то и дѣло за передѣлъ... И богатые и бѣдные въ одинъ голосъ жалобятся на тѣ передѣлы, да подѣлать ничего не могутъ... Община!... За то кому удастся выбиться изъ этой—прахъ ее возьми—общины, да завестись хоть не великимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на Горахъ родить хорошо.

Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на Горахъ, наврядъ найти, за то и заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей. Только эти богачи не въ примѣръ тяжелѣй для бѣдныхъ людей, чѣмъ заволжскіе тысячники. Лѣсной народъ добродушнѣй, проще, а нагорному пальца въ ротъ не кладутъ. Нагорный богачъ коровитъ изъ осмины четвертину вытянуть, изъ блохи голеннице скрочить.

---

* Рѣки въ Костромской губерніи, текутъ по лѣсамъ.

** Лысково—село на Волгѣ.

II.

Съ краю славныхъ лѣсовъ Муромскихъ, въ лѣсу Салазарскомъ, что тянется межъ Сереей и Тешей, * въ деревнѣ Родаковой, что подъ самымъ почти Муромомъ, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, а можетъ и больше, жила-пожила сначала бѣдный смолокуръ, потомъ „темный богачъ“ Данило Клементьевъ. Главъ онъ смолу: до десятка казановъ ** въ лѣсу у него было ставлено. Много годовъ работалъ, но богатства смолою не нажилъ, а вдругъ такъ разбогатѣлъ, что не только съ муромскими, съ любыми московскимъ купцомъ могъ бы въ версту стать. Ломали головы лѣсники надъ скороспѣлымъ богатствомъ Данилы, не могли додуматься откуда взялось оно. Кто говорилъ что кладъ Кузьмы Роцина *** достался ему, кто завѣрялъ что знается Данило съ разбойниками. Въ Муромскихъ лѣсахъ въ тѣ поры они еще „пошанивали“, отъ того и пошла молва по народу будто богатство Данилѣ на дуванѣ **** досталось. Много разнаго говорили, истинной правды никто допытаться не могъ.

Нажился Данило отъ Андрея Поташова. О томъ Поташовъ сказъ:

Во дни Петра Великаго, посадскіе люди изъ Мурома, братья Желѣзниковы да третій Кирилъ Мездряковъ, на Окѣ руду желѣзную смыкали. Слышали тѣ посадскіе про тульскаго кузнеца Демидова, какъ наградилъ его государь и какія богатства ввзялъ тотъ кузнецъ съ вепчатыхъ Уральскихъ рудниковъ. Завидли и они про находку, и за годъ до смерти первый императоръ зѣмали на Окѣ имъ пожаловалъ, ставилъ бы тамъ заводы желѣзные. Не пошло Муромцамъ въ прокъ царско жалованье — по лѣсамъ воевъ Оки разбойники хозяйничали: съ заряженными ружьями приходилось дудки † копять, заводъ рвами окапывать, по валамъ лищали да пушки

* Теша близъ Мурома впадаетъ въ Оку, Сереежа въ Тешу.

** Большой котелъ для добыванья смолы.

*** Знаменитый разбойникъ Муромскихъ лѣсовъ, грабившій особенно проѣзжавшихъ на Макарьевскую ярмарку московскихъ купцовъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Говорятъ, олъ много кладовъ зарылъ по лѣсамъ.

**** Дѣлѣжь добычи разбойниками.

† Колодезь для добычи руды, шахта.

разставлять.... Работали кой-какъ, дѣло кончилось тѣмъ что одинъ рабочій хозяевамъ измѣнилъ, заводъ разбойникамъ передалъ. Разграбили они его, выжгли, валы срыли, пушки, пушчалы съ собой увезли.... И за то Бога благодарили заводчики что головы цѣлы на плечахъ снесли.

Черезо много годовъ на мѣсто неудачливыхъ Муромцевъ новые заводчики на Оку пріѣхали. Два Туляка, братья Андрей да Иванъ Родивоновы, дѣти оружейника Поташова, въ четырехъ губерніяхъ четырнадцать заводовъ по скорости поставили. Андрей дѣло вель. „Образъ правленія его считался безотчетнымъ и необыкновеннымъ.“* Чего ни надѣлалъ онъ при томъ образѣ правленія! Пруды заводскіе выкопалъ и диво: версты по девяти въ долину, съ трехверстными плотинами; по тѣмъ прудамъ суда подъ парусами у него хаживали. Въ каждомъ заводѣ по господскому дому поставилъ и каждый домъ дворцомъ у него глядѣлъ. Что было въ тѣхъ домахъ картинъ, мраморныхъ статуй, дорогихъ мебели, какія телуцы были при нихъ, какіе въ нихъ рѣдкостные цвѣты, ласды, деревья... И все прахомъ пошло, все погибло въ омутъ пятидесятилѣтнихъ тяжбъ и въ бездонныхъ карманахъ на насытной ватаги олекуновъ.

Поташовъ скопилъ несмѣтные богатства въ короткое время, скопилъ ихъ умомъ, трудомъ, неустойной силой воли, упорной стойкостью въ дѣлахъ, а также и темнымъ лутями. Безаказанные захваты осѣдлыхъ имѣній, пріемъ бѣглыхъ людей стекавшихся со всѣхъ сторонъ лудъ кровянаго барина, тайный переливъ тяжеловѣсной Екатерининской мѣдной монеты, умножали богатство тульского оружейника. Кто Поташову становился поперекъ дороги: деревни, дома, лошади, собаки, жены, дочери не хотѣлъ добромъ уступить, того иной разъ и въ домну** сажали. Слова съ противнаго никто молвить не смѣлъ, все преклонялось и передъ властнымъ оружейникомъ. Перевелъ Поташовъ разбойниковъ въ лѣсахъ Муромскихъ, но не перевелъ разбойниковъ—подбравшись подъ сильное крыло неприкосновеннаго барина лѣсная вольница попрежнему продолжала дѣла свои, но только по его приказамъ, какъ говоритъ преданіе. И не бы.

* Въ послѣдствіи, когда возникали нескончаемыя тяжбы о насѣдствѣ, это выраженіе встрѣчалось не только въ частныхъ запискахъ но даже въ официальныхъ бумагахъ.

** Правильная печь.

на Андрея Родивоныча ни суда ни расправы; не только въ Петербѣ, въ сосѣдней Москвѣ не знали про дѣла его... Все было шито да крыто.

А отъ того что умѣлъ съ нужными людьми ладить. Ладилъ съ княземъ Григорьемъ Орловымъ, вѣвремя отъ него отвернулся и вѣвремя прилѣпился къ другому князю Григорью — къ Потемкину. Одного закала были, хоть по разнымъ дорогамъ шли. Съ Потемкинымъ Поташовъ съ роду не видался, но въ дружеской перепискѣ былъ и въ безграмотныхъ письмахъ „братцемъ“ его называлъ. Цѣнными подарками Таврическаго удивить было нельзя, за то нарочные то и дѣла скакали съ Поташовскихъ заводовъ то въ Петербургъ, то подъ Очаковъ, съ рѣдкими плодами заводскихъ теллицъ, съ солеными рыжиками, съ кислой капустой, либо съ подновскими огурцами въ тыквахъ. Старики разказываютъ что однажды Потемкинъ зимой въ Москвѣ проживалъ; подошелъ Григорій Богословъ* — его именины; какъ разъ къ концу обѣда прискакалъ отъ Поташова нарочный съ такими плодами, какихъ ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ никто и не видывалъ. При нихъ записка Андреевой руки: „Сии ананасы тамо роляты гдѣ дровъ въ изобиліи; у меня дѣсу не занимать, потому и сей дрянн довольно“.

— Уважилъ! на весь столъ крикнулъ Потемкинъ. — Слабобо! Захотѣлъ бы Поташовъ ремень изъ спины у меня выкроить, а бы сейчасъ.

Черезъ Потемкина выпросилъ Андрей Родивонычъ дозволеніе гусаровъ держать при себѣ. Семнадцать человекъ ихъ было, ростомъ каждый чуть не въ сажень, за старшаго былъ у нихъ польскій полоняникъ, конфедератъ Язвинскій. И тѣ гусары за ноясь заткнули удалую вольницу что изстари разбои держала въ дѣсахъ Муромскихъ. Барыню ль какую, барышню, половну, куледкую дочку выкрасть да къ Андрею Родивонычу предоставить — ихъ взять. И тѣхъ гусаровъ всѣ боялась лучше огня, лучше полымя.

А когда помиралъ Андрей Родивонычъ были при немъ двѣ живыхъ жены; обѣ вкругъ ракитова кустика вѣнчаны; у каждой дѣти и всѣ какими-то судьбами законныя.

— Кому покидаешь имѣнье? спросили умирающаго.

* Это явара.

— Кто одолѣтъ, съ усмѣшкой онъ отвѣчалъ, и тѣ злобныя слова послѣдними словами его были.

Затрепали, застояли заводы Поташовскіе, дрогнуло правдой и неправдой нажитое богатство.

Начались тяжбы, опеки.... Кто жь одолѣлъ? Олекуны, да тѣ что дѣла вершали....

Таковъ былъ Андрей Родивонычъ. Богатырю на подмогу богатыри бывали нужны. На цыны дѣла гусаровъ нельзя посылать — ихъ берегъ Поташовъ, а надо жь бывало цвой разъ кому языкъ мертвой петлей укоротить, у кого воза съ товарами властной рукой отбить, кого въ стѣну замуровать, либо въ прудъ послать карасей караулить. Мѣдныя деньги переливать тоже не стать была гусарамъ. Для того и водились у Поташова нужныя молодцы; на заводахъ они не живали, въ лотаенныхъ мѣстахъ по лѣсамъ больше привитали, въ зимницахъ да въ землянкахъ.

Смолокуръ Данило Клементьевъ былъ изъ такихъ.... Но держалось имъ это въ тайнѣ отъ чужихъ и своихъ. По мѣсяцамъ Данило дома не видывалъ, а когда являлся въ деревню, разказывалъ что бродилъ по лѣсамъ, новаго смолья* розыскивалъ. А разжился Данило вотъ какъ.... Былъ у него на рукахъ мѣшокъ съ золотомъ, не успѣлъ передать Поташову когда смерть застигла его.... Померъ Андрей Родивонычъ, и смолокуръ съ тѣмъ мѣшкомъ подальше отъ Муромскихъ лѣсовъ убрался — въ уѣздномъ своемъ городѣ въ купцы записался. Покинулъ смолокурный промыселъ, зачалъ канаты да веревки вить, съ Астраханью по рыбной части дѣла завелъ.

Трехъ годовъ на новомъ мѣстѣ не прожилъ, какъ умеръ въ одночасье. Жена его жомерла еще въ Родяковѣ; осталось двое сыновей неженатыхъ: Мокей да Марко. Отцовское прозвище за ними осталось — стали писаться они Смолокуровыми.

За разъ двухъ невѣстъ братья приглядѣли — а были тѣ дѣвицы межъ собой свойственницы, сироты круглыя, той и другой по восемнадцатому годочку только-что минуло. Дарья Сергѣевна шла за Мокея, Олена Петровна за Марку Данилыча.

* Сосновые корья изъ которыхъ смола сидать.

Сосватались въ Филиповки, мясоѣдъ въ томъ году былъ короткій, Срѣтенье въ Прощено воскресенье приходилось, а старшему брату надобно было въ Астрахань до водополи съѣздить. Рѣшили вѣнчаться на Красну Горку и обѣ свадьбы справить за разъ въ одинъ день.

Прошелъ Великій Постъ, пора бы домой Мокею Данилычу, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Письма Марко Данилычу въ Астрахань лишетъ и къ брату и къ знакомымъ; нѣтъ никакого отвѣта. Пора бѣ веселымъ пиркомъ да за свадебку, да нѣтъ одного жениха, другой безъ брата не вѣнчается. Минулъ Цвѣтной мясоѣдъ, настало Крапивное заговѣнье.* Петровки подоспѣли, про Мокея Данилыча ни слуху ни духу. Пали наконецъ слухи что ни Мокея, ни Смолокуровскихъ прикащиковъ въ Астрахани нѣтъ, откупныя Смолокуровскія воды пустуютъ, остались ловцамъ не сданныя.

Передъ Ильинымъ днемъ приобрелъ къ Марку Данилычу астраханскій прикащикъ его, Корней Евстигнѣевъ. Вѣсти принесъ недобрыя. Вотъ что разказывалъ:

По стѣмъ на откупъ казенныхъ водъ, Мокею Данилычу, до той поры какъ съ ловцами рядиться, гулевыхъ дней оставалось недѣля съ три. Дѣло было Великимъ Постомъ, вздумалось ему на померзломъ морѣ лотѣшиться—на „бѣленькаго“** съѣздить. Подобралъ товарищей, своихъ прикащиковъ взялъ, „развѣдныхъ“, поѣхали артелью человекъ въ тридцать на саняхъ въ Каспійское море. Напрасно опытные люди ихъ отговаривали, напрасно пугали что время выбрали они не надежное, потому что вѣтра стоять сильные. Не слушались молодежь—поѣхала. Дня три везли до вольной воды на саняхъ съѣстные припасы, дрягалки, кротилки, чекмарь и ружья.*** Видя въ закраинѣ шихану**** видимо-невидимо; ловъ значитъ будетъ удачный. Въ тѣхъ огражденных отъ вѣтра шиханахъ тюлени дѣтенышей выводятъ и оставляютъ тамъ до весны, по нѣскольку разъ на дню вылѣзая изъ

* Цвѣтной мясоѣдъ—отъ Пасхи до Петровкъ; Крапивное заговѣнье—воскресенье черезъ недѣлю послѣ Троицы.

** Мелкій тюлень, еще не покинувшій матери, иначе „бѣлокъ“.

*** Орудія для тюленьяго бою. „Дрягалка“—небольшая ручная дубинка, „кротилка“—то же, но побольше, „чекмарь“ или „чекута“—большая деревянная колотушка или долбня.

**** Взгромоздившіяся ребромъ и бокомъ льдины.

воды черезъ „лазку“ * покормить дѣтенышей. Набили неудачные охотники бѣленькихъ множество, стоимъ стоялъ тогда крикъ тюленятъ, сходный съ плачемъ ребенка.... Рукъ не покладывали охотники, работали на славу, и до верховъ нагрузивъ сани богатой добычей, стали собираться домой. Вдругъ зафыркали лошади, стали копытами о ледъ бить... Бывалые охотники всполóтились, „на конь!... кричатъ, назадъ поскорѣй!“ Шестъ въ тюлений лазокъ опустили—маячить, льдину значитъ оторвало. Поскакали назадъ по своему слѣду, глядь—синѣетъ вода, а вдали сверкаетъ и бѣлѣетъ закрайна матерого льду... Туда, сюда— море кругомъ... Остались охотники на ледяномъ острову; сильный вѣтеръ гонитъ ихъ въ море на огромной льдинѣ.... Носитъ ихъ на тающемъ плоту по Каспійскому морю, и если не переймутъ на раннюю косовую **, гибнуть имъ въ хвалынскихъ волнахъ!...

„Пятнадцать дѣнь насъ по морю носило, разказывалъ Корней Евстигѣевъ, ни берега не видать, ни лодокъ, ничего живаго.... Запасы прѣвли, голодать стали. Долго крѣпились, да нечего дѣлать— пришлось согрѣшить: лошадей стали рѣзать, конину ѣсть, тюленье мясо даже ѣли... А тутъ красные дни наступили, вѣтру нѣтъ ѳиму, дуетъ, подуваетъ отъ Астрахани, а насъ все дальше да дальше въ море уносить, а льдина все таетъ да таетъ, часъ отъ часу рыхлѣй да рыхлѣй... Опасно стало всѣмъ въ одной кучкѣ быть, провалиться боялись... По сторонамъ разбрелись, разставили сани другъ отъ дружки подальше.... Ночью однажды слышимъ треснуло что-то, потомъ зашумѣло, бросились на шумъ— вода.... Забрежилось въ небѣ.... Глядимъ— льдину на двое разломило, межъ половинокъ широкій проливъ. На нашей половинкѣ пять человѣкъ, на той двадцать четыре, тамъ и хозяинъ. Солнышко встало, а ихъ ужъ чуть видно, ихня половинка меньше нашей была, гнало вѣтромъ ее поскорѣй. Къ полуднямъ совсѣмъ изъ виду скрылись они.... Дѣнь пять еще насъ носило, вѣтеръ смѣнился, насъ на востокъ потянуло. Уральски казаки съ морскихъ кусовыхъ насъ увидали, переняли и были мы съ ними на Эмбинскихъ промыслахъ вплоть до Петровокъ, оттуда насъ привезли въ Гурьевъ,

* Отверстія во льду, которыя тюлени продуваютъ снизу.

** Большая ловецкая лодка, рано выходящая на морской промыселъ.

а изъ Гурьева мы по своимъ сторонамъ разошлись. И я, Христовымъ имевемъ питаясь, вотъ до домовъ доволокъся.“

Марко Данилычъ тотчасъ въ Астрахань сплавль, въ Красный Яръ ѣздилъ, въ Гурьевъ городокъ, въ Уральскъ, вездѣ справлялся о братѣ, гдѣ нѣчего провѣдать не могъ... Оля лишь узналъ въ Астрахани, что по тѣмъ удалцамъ кои ѣздили съ нимъ „бѣленькихъ“ бить давно лавникиды отпѣли.

Домой воротаясь, Марко Данилычъ справилъ по братѣ доброе поминовенье: по тысячѣ мищихъ каждыя субботу въ дождь кормилось, цѣлый годъ камоллицы изъ Комарова „негасиму“ стояли, ложилали покойника по Керженскимъ скитамъ, по Черниговскимъ слободамъ, на Иргизѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ. Чѣстно устроилъ братнюю душу Марко Данилычъ. Потуживъ, послѣ Рождества свадьбу онъ справилъ, женился на Оленѣ Петровнѣ.

Пышная свадьба была. Изъ многихъ городовъ гостей наѣхало много, люди богатые, первостатейные, конца лирамъ не было. Но какъ ни шумны, какъ ни веселы были лиры тѣ—горемъ, печалью съ нихъ вѣяло. Грустилъ по братѣ Марко Данилычъ; грустила его молодая жена Олена Петровна, тяжко было ей на подругу глядѣть, что не выдвѣши вѣнца овдовѣла. Много о Дарьѣ Сергѣевнѣ тихихъ слезъ она пролила; люди тѣхъ слезъ не видали, знали про нихъ только Богъ да мужъ... А мужъ жену не тревожилъ, печалью во дни брачной радости ее не попрекалъ, самъ горевалъ вмѣстѣ съ Оленушкой о безмолвнѣ, на всѣ слова безотвѣтной Дарьѣ Сергѣевнѣ...

Убѣдила Оленушка бездомную „сиротку-сестрицу“ жить у нея, всакимъ довольствомъ ее окружила, жениха обѣщалась сыскать. Безродная Дарья Сергѣевна перешла жить къ „сестрицѣ“, но съ уговоромъ—не поминали бѣ ей никогда про брачное дѣло. „Остатокъ дней положу на молитвы“, сказала она, надѣвъ черный сарафанъ, покрылась чернымъ платомъ въ роспускъ а въ тѣсной, уютной горелкѣ повела жизнь „Христовой невѣстѣ“. Никто ее не видывалъ, кромѣ хозяевъ, да еще одной старушки, что жила при горницѣ молодой лодвижницы.

Только четыре годика прожилъ Марко Данилычъ съ женой. И тѣ четыре года ровно четыре дня передъ нимъ пролетѣли. Жили Смолокуровы душа въ душу, жесткаго слова никогда другъ отъ дружки не слыхивали, косаго взгляда не видывали. На третій годъ замужства родила Олена Петровна

дочку Дунюшку, черезъ полтора года сыночка принесла Марку Давилычу, на пятый день померъ сыночекъ; недѣлю спустя пошла вслѣдъ за нимъ и Олена Петровна.

Когда умирала, позвала Дарью Сергѣевну. Богомъ ее закланала — скинула бѣ черное платье, женой была бы Марку Давилычу, матерью Дунѣ сироткѣ.

Не восхотѣла Дарья Сергѣевна. Наотрѣвъ отказала кончавшей дни сестрицѣ-подругѣ.

— Матерью Дунѣ готова я быть, сказала она. — Бога Создателя ставлю тебѣ во свидѣтели, что сколько смогу замѣню ей тебя... Но замужъ не посягну — земной женихъ для воскресенья въ лучинѣ морской почиваетъ, Небесный царить надъ вселенной... Третьяго нѣтъ и не будетъ.

Замолкла Олена Петровна и собравшись съ силами молвила тихо, сквозь слезы, взглянувъ на подошедшаго Марка Давилыча:

— Его не оставь ты совѣтомъ своимъ... полеченьемъ... заботой... Мнѣ бы глядѣть на васъ—радоваться... Дунюшку, Дунюшку ты не покинь!

А Дунюшка тутъ. Посадили ее на кровать возлѣ матери. Бѣлокуренькая дѣвочка смѣется аленькимъ ротикомъ и синенькими глазками, треллетъ розовую ленточку, чтѣ была въ вороту материной сорочки... Такъ и заливается—яснымъ, радостнымъ смѣхомъ смѣется.

— Господи!.. Царю Небесный, милостивый!.. глядя на дочку, съ трудомъ шептала умиравшая. — Даруй ей, Господи, всегда такой радостной быть... даруй ей Господи... не звать въ жизни кручины...

Замолкла. А въ глухой тишинѣ все еще слышится веселый, младенческій смѣхъ Дуни, игравшей ленточкой на груди умиравшей матери. И при звукахъ ангельскаго веселья малютки, къ ангеламъ полетѣла чистая душа непорочнои матери ея.

— Оленушка! вырвалось изъ наболѣвшей груди Марка Давилыча... И потерявъ сознанье, сполномъ покотился у одра почившей.

— Отошла? горько вскрикнулъ онъ, придя въ память.

— Къ Богу духовъ и всякія плоти, печально, торжественно молвила Дарья Сергѣевна и подавъ ему на руки все еще смѣявшуюся Дуню:—подите съ ней,—сказала,—надо опрятать покойницу.

Съ Дуней на рукахъ въ другую горницу перешелъ Марко

Давидычъ. Окна раскрыты, майское яркое солнце горитъ въ поднебѣсьи, отрадное тепло по землѣ разливая, въ лазурной высотѣ заливаются жаворонки, въ тѣнистомъ саду поетъ соловей—все глядитъ весело, празднично... Дѣвочки радостно хохочетъ, подпрыгивая на отцовскихъ рукахъ, взмахивая лухляевскими ручками.

Новый вдовецъ клонится на землю, клонится, клонится и бережно олустилъ на полъ дочку, такъ зарыдалъ, что всѣ домашніе сбѣжались и недвижнаго, почти бездыханнаго перенесли на постель.

И когда пришелъ въ себя Марко Давидычъ вспомнилось ему участіе отца его въ кровавыхъ дѣлахъ Потапова. И такъ говорилъ онъ:

„Родитель померъ въ одночасье!... Братъ въ морѣ потонулъ!... Она, въ такихъ молодыхъ годахъ померла!... Господи! Ты по Писанію мстипь до седьмого колѣна!... Но Ты вѣдь, Господи, и милостивъ!... Излей на меня ярость Свою, во Думю мою сохрани, Думю помилуй!...

III.

И потекли дни за дьями.

Ѣ Марко Давидычъ весь торговымъ дѣламъ предался. Трудомъ, заботами, неустанной работой утолялъ онъ сколько было возможно заѣвшее жизнь его горе. Каждый годъ не по одному разу сплавлялъ онъ въ Астрахань на рыбные промысла; а въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ отецъ его поселился, построилъ большой каменный домъ, такой что въ губернскомъ городѣ былъ бы не изъ послѣднихъ.... Рядомъ съ тѣмъ домомъ поставилъ Марко Давидычъ обширныя прядиальни и скоро смолокуровскіе канаты да рыболовныя снасти въ большую славу вошли какъ въ Астрахани, такъ на Азовскомъ поморьѣ. На Увжѣ лѣсныя дачи скулалъ, строилъ для Каспійскихъ промысловъ кусовыя и ловецкія лодки, реюшки, бударки, стоялъ строевой лѣсъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья и отъ того немало барышей получалъ. Въ неустанной дѣятельности старался утопить свое горе, но забыть Оленушку не могъ.... Мрачно смотрѣлъ на весь міръ, на вѣкъ людей, кромѣ подраставшей Души — въ нее одну положилъ душу свою. И трудился и работалъ только для нея одной. „Мнѣ, говаривалъ онъ, не надо ничего, ей бы только

голубушкѣ побольше приласти, не знала бѣ нужды, аль какихъ недостатковъ.“

Мраченъ, грозенъ и властенъ съ другими, скупъ, суровъ, неподступенъ для всѣхъ подначальныхъ онъ сталъ. Съ утра до ночи ровно черная, хмарая туча, но только взглянетъ на отца синенькими глазками Дуня—онъ просіяетъ, и тутъ что хочешь проси у него.

И любили за то Дуню, и много за нее молитвъ вознеслось отъ старыхъ, отъ бѣдныхъ, отъ подначальныхъ обиженныхъ...

Богатства съ каждымъ годомъ росли — десяти лѣтъ послѣ братиной смерти не минуло, какъ Марка Данилыча стали считать въ милліонѣ, по Волгѣ имя его загремѣло. А годовъ Смолокурову было еще немного — въ самой порѣ чело-вѣкъ, и даромъ что вдовецъ, а любой невѣстѣ завидный женихъ. И московскіе и поволжскіе семейные купцы съ думъ своихъ его не скидали, замышляя съ нимъ породниться. По старорусскимъ свѣчаямъ-обычаямъ не пожелало съ невѣстиной стороны сватовство начинать, однакожъ купцы то и дѣло къ Смолокурову свахъ подсылали. Выхваляли тѣ свахи невѣстѣ своихъ лучше Божьяго милосердія, хвастали про нихъ безъ стыда, безъ совѣсти, всѣми мѣрами уговаривая Марка Данилыча дѣломъ не волоча, перстнями мѣняться, золотой чарой переливаться. Но отъ него одинъ свахамъ отвѣтъ бывалъ: „Богъ васъ спасетъ, что меня изъ людей не выкинутъ, а безлокоматъ вы попусту. Невѣсты вашей не хаю, а думаю такъ: нашель бы я въ ней жену добрую, разумную, да не сыскалъ бы родной матери Дунышкѣ. До гробовой доски не возьму я дочкѣ моей маичуху!...“ И сколь ни старались сваховьки, въ надеждѣ на богатыхъ милости невѣстиныхъ родителей, сколь ни тараятели передъ золотымъ женишкомъ, сколько ни краснобаяли, не удалось имъ подцѣпить на удочку сумрачнаго Марка Данилыча. На всѣ уговоры, на всѣ увѣщанья ихъ даже отъ Писанія, непреклоннымъ онъ оставался, себѣ даннаго слова не рушилъ.... И послѣ каждаго сватовства, послѣ каждаго отказа досужимъ сваховькамъ, больше и больше полнилось сердце его любовью и жалостью къ неаглядной своей, безматерней сиротиночкѣ. Со всѣми сумрачный, со всѣми суровый, зачастую даже жестокой, таилъ душою передъ дочкой своей. Довольно было ей словечко промолвить за кого изъ провинившихся домохадцевъ или работниковъ, тотчасъ гнѣвъ на милость смѣнялся. И не было

изъ многочисленной прислуги Смолокурова ни единого человека кто бы за маленькую Дуню въ огонь бы и въ воду не пошелъ.

Марко Данилычъ богатѣлъ, Дуня красой и добромъ пошла. Росла подъ умнымъ, нѣжнымъ присмотромъ Дарьи Сергѣевны... Безумужная вдовица какъ сказала такъ и дѣлала — замѣнила Дунь родную мать, всю любовь непорочнаго сердца перенесла на дочку незабвенной подруги, вся жизнь ея въ Дунь была... Ради милой дѣвочки покинула она жизнь „Христовой невесты“, горячей любовью, материнскими ласками, деннонощными работами о сироткѣ напомнимся дни ея, но не нарушила Дарья Сергѣевна строгаго поста, не умалила теплыхъ молитвъ передъ Господомъ объ улюбоженіи души въ морѣ погибшаго раба Божія Мокея. Къ тѣмъ молитвамъ прибавила столь же горячія, столь же задушевные молитвы о здравіи, душевномъ спасеніи и честномъ возрастаніи рабы Божіей младенца Евдокіи. Изъ любви къ названной дочкѣ приняла Дарья Сергѣевна на себя и хозяйство по дому Марка Данилыча, принимала гостей его, сама съ Дуней изрѣдка къ нимъ ѣздила, но чернаго платья и чернаго въ рѣслускѣ платка не сняла. Незримо для людей вела суровую жизнь строгой постницы, о дождѣ и всемъ мірѣ теплая молитвенница, Дарья Сергѣевна похуляла, поблагодаряла, но прекрасно было крытое скорбью и любовью лицо ея, святымъ чувствомъ добра и любви сіяли живые, выразительные ея очи. Удивлялись вдовицѣ всѣ ее знавшіе, но были и прокаженные совѣстью, что не вѣря чистымъ ея побужденіямъ, на подвижную жизнь ея метали грязныя слезы. Никто, кромѣ самого Марка Данилыча, не зналъ что покойница Елена Петровна на смертномъ одрѣ слезно молила подругу выйти за него замужъ и быть матерью Дуни. Да и узнали бы, такъ вѣры тому не дали... Какъ можно повѣрить чтобъ молодая бѣдная дѣвушка не захотѣла быть полноправной хозяйкой въ домѣ такого богача?... Какъ повѣрить чтобъ она изъ одной безкорыстной любви къ безматерней сироткѣ рѣшилась беззавѣтно посвятить ей дни свои.

„Нѣ сирота тутъ“, говорили смѣтники. Ретивыя до клеветъ и напрасницъ кумушки на тѣ рѣчи поддакивали. Бродячія приживалки, какихъ изстари много по всѣмъ городамъ, тѣ перелетныя птицы что вѣкъ свой кочуютъ, перелетая изъ дому въ домъ: за больными походить, съ дѣтми

поводиться, пострелять помочь, пошить, помыть, сахарку поколоть, — съ клятвами увѣрали что про безлутную Дарѣнку вѣрнехонько онѣ всю подноготную знаютъ — ходитъ де въ черномъ, а жизнь ведетъ пеструю; живетъ безъ совѣсти, безъ стыдѣнія у богатаго вдовца въ любовницяхъ. И никто тѣмъ слетнямъ не былъ такъ радъ, какъ свахоньки, что неудачно предлагали невѣсть Марку Давилычу. Много ему доставалось отъ досужихъ ихъ языковъ — зачѣмъ дескать на честныхъ, хорошихъ невѣстахъ не женится, а творя своей жизнью соблазнъ, другихъ во грѣхъ, въ искушеніе вводитъ... И много при томъ бывало непрошенныхъ заботъ объ участи Дуни. „Полало милое, неразумное дитятко въ мерзость грѣховную, говорили смотницы... Чего насмотрится, чему научится?... Выростетъ большая, сама по тѣмъ же столамъ поидетъ.“ Такъ говорили приживалки, такъ говорили и обманувшіяся въ расчетахъ свахи.

Недобрыхъ слуховъ до Марка Давилыча никто довести не смѣлъ. Человѣкъ былъ крутой, властный — не ровень часъ, добромъ отъ него не отдѣлаешься. Но дошли, добѣжали тѣ слухи до Дарьи Сергѣевны.

Разъ поуטרѣ забѣжала къ ней одна изъ бродячихъ приживалокъ Ольга Панфиловна. Была она вдова губернскаго секретаря, саужившаго когда-то въ полиціи и скончавшаго пьяные дни подъ заборомъ не вдалекѣ отъ литейнаго. Много гордилась Ольга Панфиловна званьемъ „чиновницы“, и тѣмъ что мужъ ея второй чинъ получилъ. Звала себя „благородною“, шляпки носила да челчики, шлялась по дворянскимъ домамъ и чиновничьимъ, но не видя отъ нихъ большого пригъну, нисходила посѣщеньями до „неблагородныхъ“, даже до самыхъ послѣднихъ мѣщанъ. Не было у ней постоянного жилища — гдѣ день, гдѣ ночь привитаала. И ложитки ея по всему городу были раскиданы у исправницы сундукъ, у стряпчихи ларецъ, у казначейши лостѣлишка — все у „благородныхъ“. И мыкалаься бездомная Ольга Панфиловна вѣкъ свой промежъ дворовъ, переносила слетни, рѣдкій творческій даръ имѣла — цилой разъ такое выдумаетъ что послѣ сама надивиться не можетъ. Много бранили ее, было дѣло — колачивали, но возвращая печаль на Господа, мирилась она съ оскорбителями, и работать языкомъ не переставала. Ничѣмъ не оскорблялась Ольга Панфиловна, кромѣ одного только: если кто усомнится въ ея „благородствѣ“, если кто скажетъ что

чавъ губернскаго секретаря не важенъ. Глаза тому выпарапасть, если только сказавшій чиномъ еще не повыше.

Когда Ольга Панфиловна бойко влетѣла въ горенку Дарьи Сергѣевны, та за самоваромъ сидѣла. Большимъ крестомъ * помолавшись на иконы и чолорно поклонаясь „хозяйшкѣ“, перелетная гостейка весело молвила:

— Чай да сахаръ!

— Къ чаю милости просимъ, не особенно привѣтно отозвалась ей Дарья Сергѣевна.

— Какъ живете, можете?... Всѣ ли здоровы у васъ, матушка?... Душошка свѣтикъ здорова ли? зачистила Ольга Панфиловна, снимая калоръ, и оправляя старомодный и крѣлко повошенный челчикъ.

— Слава Богу, живы, здоровы, молвила Дарья Сергѣевна.— Садитесь, чайку покушайте.

— Ну, и слава Богу что здоровы, здоровье вѣдь лучше всего... затараятила Ольга Панфиловна.— Не клади а ты, сударыня, въ наладку-то мнѣ, сахаръ-отъ конче вѣдь дорогъ. Мы вѣдь люди недостаточные, въ прикусочку все больше. Да не одинъ сахаръ, матушка, все стало дорогимъ-дорогохонько, приступу вѣтъ ни къ чему... Вышла я сегодня на базаръ, пришла равнымъ ранешенько, воза еще не развязывали, хотѣлось подешевле купить кой-чего на Масляницу... Ничего сударыня не купила, какъ есть ничего — соленый судакъ четыре да пять колеекъ, толлѣно масло четырнадцать, грешнева мука полтинникъ. ** Икорки бы надо къ блинкамъ-то — купила ъ исправской, хорошенькой, да купилъ-то, *** Сергѣевнушка, вѣтъ, такъ я ужь пробочекъ **** думала взять — и тѣ восемнадцать да двадцать колеекъ, самы послѣднія... Какъ жить, чѣмъ бѣднымъ людямъ питаться? Сама послуши... Опять же дрова вздорожали какъ! Хотъ мерзну съ холоду, хотъ ломирай съ голоду... Вотъ тебѣ хорошо, Сергѣевнушка, живешь безо всякой заботы, на всемъ на готовомъ, все есть у тебя, чего душенькѣ только угодно, а вспомяни-ка прежне-то время, какъ съ маткой у насъ въ свободѣ

* Дзуперстнымъ.

** Цѣны въ небольшихъ городкахъ на Горахъ вѣтъ двадцать пять тому назадъ.

*** Купила - деньги.

**** Остатки въ прохотѣ, послѣ приготовленія зермистой укры.

проживала. Покойница твоя, тоже вѣдь что и наша сестра, и горе и нужду видала, вѣкъ свой колотилась сердечная... Ну, а тебѣ вотъ за красоту за твою счастье досталось... Про Марка Давидыча нѣтъ ли вѣстей?... Пріѣдетъ чай къ Масляницѣ-то?

Хоть Дарья Сергѣевна не поняла злаго намека благородной приживалки, но какъ-то неловко ей стало, краска показалась на блѣдномъ лицѣ ея.

— Надо бы пріѣхать, отвѣтила. — Астрахански дѣла къ Срѣтенью кончили, со дня на день его ожидаемъ.

— Надо пріѣхать ему, надо, Сергѣевнушка, — тоже вѣдь заговѣнье, съ усмѣшкой сказала Ольга Панфиловна, лукаво прищуривъ быстро бѣгавшіе глазки. — До кого ни доведись, всякъ къ заговѣнью къ хозяйшкѣ торолится. А ты хоть не залправская, а тоже хозяйка.

Пуще прежняго вспыхнула Дарья Сергѣевна, вполнѣ появъ наконецъ ядовитый намекъ благородной приживалки. Дрогнули губы, потупились очи, сверкнула слезинка. Не ускользнуло это отъ пытливыхъ взоровъ Ольги Панфиловны; замѣтивъ смущенье Дарьи Сергѣевны увѣрилась въ правотѣ сплетни, ея же пущенной по городу.

— Я вѣдь, Сергѣевнушка, такъ съ прѣста молвила, облокотясь на уголь стола и подгорюнясь, заговорила она унылымъ голосомъ. — Отъ меня, мать моя, слава Богу, сплетокъ никакихъ до сихъ поръ никогда не выходитъ.... Смерть не люблю пустаковъ говорить... Я такъ только молвила, тебя жалючи, сироту беззащитную, звать бы тебѣ про людскія рѣчи, да иной разъ, сударыня моя, маленько и остеречься.

— Да что-то вы Ольга Панфиловна?... Про что говорите?.. съ горькими слезами въ голосѣ спросила растерявшаяся Дарья Сергѣевна.

— Ахъ Сергѣевнушка, Сергѣевнушка! Куда какво мнѣ жалко тебя горемычную!.. участливо покачивая головой, со слезами даже на красныхъ, маслянистыхъ глазахъ молвила Ольга Панфиловна. — Вѣдь весь городъ что въ трубы трубить, а ты и не знаешь ничего, моя горегорькая!.. Вотъ ужъ истинна-то правда, что въ сирѣтствѣ жить — только слезы лить, всѣ-то обидѣть сироту хотять, поклемы на нее несуть да напраслины, а напраслина-то вѣдь что уголь, не обожетъ такъ залачкаетъ... Въ трубы трубятъ,

сударыня, въ трубы трубать!... А все Аниська Красноглаз-ка—первая всякимъ злыднямъ заводчица... Сейчасъ на базарѣ попалась — такъ и судачить, такъ и судачить. И что ужъ за языкъ у этой подлюхи — такъ вѣдь и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ... А ужъ она ли кажется не оставлена милостями Марка Давылыча да твоими, Сергѣевнушка... И рыбкой-то ее не оставляете, и мучкой-то, и дровишками, шубу лю осени справили злоязычицѣ... Вотъ тѣ и благодарности!.. Да и ждать другаго отъ Аниськи нечего... Кровь-то какаѧ въ ней? Самая подлая: подкидывае вѣдь она, дѣвицына дочка... Есаябъ въ ней хоть единая капелька благородной крови была, развѣ бы стала такія рѣчи нести про овою благодѣтельницацу?... Говорить этакая подлая, будто ты, Сергѣевнушка, лѣтось ребечка привезла!... Вотъ вѣдь аспидъ-отъ какой, вотъ ехидна-то!... Не стерпѣла я, Сергѣевнушка, выругала ее, такъ выругала, что надоело ей памятно будетъ. Тебѣ бы, говорю, денью и ночью Бога молить за Дарью Сергѣевну, а ты безстыжая гляди-ка какіи новости распускаешь.... Сама ты, говорю ей, ласкуда, и мать-то твоя была ласкудная, да и тетка-то тоже, Матрешка казачица, весь, говорю, родъ твой самый подлѣющий, а ты свѣнешь честную дѣвицу порочить... Да тебѣ, говорю, плетей мало за такія сплетки... Что Сергѣевнушка, говорю, сирота, такъ ты и думаешь что на нее всякую канитель можно плести... Нѣтъ, говорю, сударыня, а тебѣ этого не позволю; хоть, говорю, и не видывала я такихъ милостей какъ ты ни отъ Марка Давылыча ни отъ Сергѣевнушки, а въ глаза при всѣхъ тебѣ наплюю и что знаю, все про тебя, все разкажу, какъ на ладонкѣ все выложу... Вотъ она какаѧ, Сергѣевнушка, а ты еще ее одѣляешь всѣмъ.... И сегодня на базарѣ похваляется: что, это, говоритъ, за рыба — соленый судакъ?... мѣфъ, говоритъ, отъ Смолокуровыхъ осетрины къ Масляницѣ пришлютъ да малосоленной бѣлушкины, да цкры зернистой буракъ; приходи, говоритъ, ко мѣфъ, хорошими блинками тебя угощу... А я ей: совѣти, говорю, въ тебѣ нѣтъ, искариотка ты подлая... Кто тебя кормить да жалуетъ, на тѣхъ и сплетки плетешь... Плюнула я на нее, матушка, да и прочь шла... А она хоть бы бровью моргнула, хоть бы что — такая безстыжая... Ахти, матушки!.. Закалалася я съ тобой, Сергѣевнушка, а у мека квашня поставлена, творить надо — дабы-то не перекусил бы... На минуточку забѣжала,

провѣдать только живы ли вы всѣ, здоровы ли, да вотъ заболталась грѣхомъ....

Дарья Сергѣевна не отвѣчала. Ровно убитая сидѣла онъ поникнувъ головою.

Размашисто надѣла и завязала свой калоръ Ольга Панфиловна, помолдилась на иконы и стала на прощанье цѣлова Дарью Сергѣевну.

— Да ты Сергѣевнушка, не огорчайся, утѣшала она ее. Мало-ль чего не навреть Аниська Красноглазиха — всего отъ нея, ласкуды, не переслушаешь. Плюнь на нее — собака лаетъ вѣтеръ носить. Къ чистому срамота не пристаетъ... А вотъ это скажу: послѣ такихъ слетокъ я бы такую смотницу не: что бы въ домъ, къ дому-то близко не подпустила бы, собака бы на нее на смотницу съ цѣли велѣла слустить, логаной б метлой сбила ее со двора, чтобъ почувствовала она, подла что значить на честныхъ дѣвицъ слетки плести.... Прощай моя сердечная, прощай моя миленькая.... Дуношку поцлуй.... А если милость будетъ пришла-ка маѣ на бѣдность къ Масляницѣ-то рыбешки какой ни на есть, да икорочки вѣдь у васъ поди погребѣ отъ запасовъ-то лемятся.... Е оставь, Сергѣевнушка, яви такую милость, а Аниську Красноглазиху и на глаза къ себѣ не пущай, не то пожалуй еще Богъ знаетъ чего налететь.

По уходѣ Ольги Панфиловны, Дарья Сергѣевна долго з чайнымъ столомъ просидѣла. Мысли у ней путались, въ умъ ломутилось. Не вдругъ могла сообразить она всю ядовитость рѣчей Ольги Панфиловны, не сразу могла представить что люди толкуютъ про ея положенье. Въ головѣ шумитъ, въ глазахъ туманъ разстилается, съ мѣста двинуться не можетъ. Одно только слышится: „Въ трубы трубятъ, въ трубы трубятъ!“

Вдругъ тихо-тихохонько растворилась дверь и въ горницу смиренно, степенно вошла маленькая, тщедушная, не очень еще старая женщина въ черномъ сарафанѣ, съ чернымъ платомъ въ роспускъ. По одѣжѣ знать что „Христова не вѣста“. Положивъ уставной поклонъ передъ иконами, кизъ превизко поклонилась она Дарьѣ Сергѣевнѣ и молвила:

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ!... Съ преддверемъ честной Масляницы проздравляю васъ, сударыня.

Это была Анисья Красноглазова, того же поля ягода что и Ольга Панфиловна. Разница между ними въ томъ толькѣ

была что благородная приживалка водилась съ одними благородными, съ купцами да съ достаточными людьми изъ мѣщанства, а Анисья Терентьевна съ чиновными людьми вовсе не зналась, держалась одного купечества да мѣщанства.... Ольга Панфиловна хоть и крестилась большимъ крестомъ въ старообрядскихъ домахъ, желая тѣмъ угодить хозяевамъ, но какъ чиновница не считала возможнымъ расколыничать, потому де что это неблагогородно. Отъ того водилась она и съ матушкой протопопицей, и съ [лопадьями и съ просвирами. Аксинья Терентьевна старинки держалась—по Спасову согласію была. Расколыники этого толка дѣтей крестятъ и вѣщаютъ въ церкви, но скорѣй голову на отсѣченье дадутъ, чѣмъ хоть на минутку войдутъ въ православный храмъ, хотя бъ и не во время богослуженія. Терентьевна не то что въ церковь, къ церковнику въ домъ войти считала такимъ тяжкимъ грѣхомъ что никакими постами, никакими молитвами его не загладить, не избѣжишь за него въ вѣчной жизни ни тѣмы крошечной, ни пламени неугасающаго. Потому Красноглазихъ въ старообрядскихъ домахъ и было больше довѣрія чѣмъ прощальныя Ольгѣ Панфиловнѣ, что ходя по расколыникамъ только изъ-за подарковъ прикидывалась вѣрующею въ „спасительность старенькой вѣры“, увѣряя что только по благородству своему не можетъ открыто войти въ „ограду спасенія“, и потому живетъ „Никодимски“. Какъ Никодимъ * тайно ко Христу приходилъ, такъ и она тайно приходитъ на поученіе и бесѣды о старой вѣрѣ. На свадьбахъ ли, на именинахъ ли, при другихъ ли какихъ случаяхъ на обѣдахъ и вечернихъ столахъ у Никоніанъ Ольга Панфиловна бывала непремѣнной участницей, хоть и не сажали ее за красивымъ столомъ, не пускали даже въ гостиныя комнаты, прислѣшничала она въ заднихъ горницахъ за самоваромъ, распоряжалась подачей ужина, присматривала чтобы пришла прислуга чего не стащила. Анисья Терентьевна не то что у церковныхъ, и у расколыниковъ на пирахъ съ роду не бывала, вслѣдствіе лоридая ихъ и обзывая „бѣсовскими игрищами“. За то каждый разъ получала она отъ согрѣшившихъ „дьявіе благо“, потому что очень ужъ горазда была отмаливать грѣхи учреждавшихъ въ угоду дьяволу и на прельщеніе человѣкамъ демонскія празднества.

* Никодимами у расколыниковъ зовутся православные тайно придерживающіеся старообрядства.

Кромѣ того у Анисьи Терентьевны еще два промысла было, и оба тѣ промысла Ольгѣ Панфиловнѣ, какъ церковницѣ, были не съ руки. Покойникъ у кого изъ раскольниковъ случится—Анисья Терентьевна Псалтырь надъ нимъ бывало читаетъ, службу на праздникъ Господень либо на хозяйскіе именины въ моленной надобно справить—ее зовутъ. Былъ и еще у ней промыселъ, „мастерицей“ была она, грамотѣ дѣтей обучала. За то получала плату съвѣстными приласами, кой-чѣмъ изъ одѣжи, деньгами рѣдко. Брада за выучку съ кого логодно, съ кого такъ: за азбуку плата, за Часовникъ другая, за Псалтырь третья. По домамъ обучать Красноглазиха не ходила, развѣ только къ самымъ богатымъ; мальчики, иногда и дѣвочки сходились къ ней въ лачужку, чтó поставилъ ей какой-то дальній сродникъ на огородѣ, еще въ то время какъ она только что надѣла „черное“ и пожелала на вѣкъ остаться Христовой невѣстой. Дѣти всяки домашнія послуги ей отправляли—воду носили, дрова кололи, весной гряды кололи, лѣтомъ полочили ихъ. Хоть эти работы въ уговоръ при отдачѣ въ науку ребятъ не входили, однакожь родители за то на Терентьевну не скорбѣли, а еще ей же въ похвалу говорили: „лучшай де къ трудамъ пріучаетъ“. Розогъ на ребятъ Красноглазиха не жалѣла, оплеухи, подзатыльники не ставились въ счетъ. Лѣнивыхъ и шалуновъ лугала „букой“ либо „турлы-мурлы, желѣзнымъ носомъ“, чтó въ потьмахъ сидитъ, непослушныхъ дѣтей клюетъ и желѣзными когтями вырываетъ у нихъ изъ бока куски мяса. Когда дѣти подростая переставали рѣзвиться, когда зачинали, по выраженію Анисьи Терентьевны, Часословъ дѣрма драть, тогда турлы-мурлы въ сторону, мѣсто его заступалъ дьяволъ съ хвостомъ, съ рогами, съ черной евоилской образиной.... „Рыскаетъ онъ, поучала учениковъ своихъ Анисья Терентьевна, по землѣ, и кто Богу не помолясь спать ляжетъ, кто войдетъ въ никоніанскую церковь, кто въ постный день молока хлебнетъ, аль мастерицу въ чемъ не послушаетъ, того желѣзными крюками тотчасъ стацитъ на мученье во адъ преисподній.“ Поученья о дьяволѣ и адѣ разширяла мастерица когда ученики стануть „Псалтырь говорить“—тутъ по дѣлымъ часамъ разказываетъ бывало имъ про козны бѣсовскія и такъ подробно расписываетъ мученія грѣшниковъ, будто сама только-что изъ ада выскочила. Еще подробнѣе

разказывала она про Антихриста. Онъ ужь пришелъ, по ея словамъ, въ мѣръ и царствуетъ въ Никоніанахъ: церковные попы — его жрецы идольскіе, власти—его слуги, творящіе волю сына погибельнаго, всяко „скѣблено рыло“, * всякій целотникъ, всякій табашникъ залечатаѣвъ его печатью. Сидитъ онъ въ церкви, въ судахъ, кроется въ щелоту, ** въ четвероконечномъ крестѣ, въ пяти просфорахъ, въ еретическихъ никоніанскихъ книгахъ. Все въ мѣръ растаѣно его престелью: земля осквернена въ глубь на тридцать сажень, рѣки, озѣра, источники нечисты отъ тлетворнаго его дыханья; потому и нельзя ни пить ничего, ни ѣсть, не осятивъ напередъ брашна иль литья особой молитвой. Залугавъ Антихристомъ и дьяволомъ учениковъ, поучаетъ бывало ихъ мастерица какъ должно жить и чего нетъ ворить чтобы не власть во власть врага Божія, не сойти вмѣстѣ съ нимъ въ „тартарары“ преисподніе. О Господнихъ заповѣдахъ, о любви къ Богу и ближнему ни единого слова; пьянство, обманы, злорѣчье, клевета, воровство, даже распутство, все извинялось—то не грѣхи, но паденіе токмо, покаеніемъ можно очистить ихъ.... Уставные поклоны, постъ во дни положѣнные, а луще всего „необщеніе со еретики“, вражда и ненависть къ церкви и церковникамъ—вотъ и всѣ нравственныя обязанности что внушаютъ раскольничьимъ дѣтямъ мастерицы. Творить брань со Антихристомъ и со всѣми его слугами — доблестный подвигъ, доставляющій въ здѣшнемъ мѣръ гоненія, а въ будущемъ неувадаемые, свѣтозарныя вѣнды. Такъ учила Аписья Терентьевна и за то далеко разносилась о ней громкая слава, какъ о самой мудрой учительницѣ.

Хоть Марко Данилычъ былъ по половцинѣ, однакожъ Аписья Терентьевна очень надѣялась что какъ только подрастетъ у него Дуня, ее позоветъ онъ обучать дочку грамотѣ. Мастерицъ изъ половцинскаго согласу ни одной во всемъ городѣ не было, а Красноглазиха считалась самой лучшей, потому и разчитывала она на Дуню. Тутъ не куль муки за „Часословъ“, не овчинная шуба за выучку „всему до крошечки“—обученье единственной дочери такого богача не тѣмъ пахло.... И Аписья Терентьевна, еще ничего не видя, утѣшала ужь себя

* Бръющіе бороду.

** Трехперстное крестное знаменье.

мыслию что Марко Давидычъ хорошенькій домикъ ей выстроитъ, наполнить его всѣмъ нужнымъ по хозяйству, да кромѣ того и денегенокъ на разживу пожалуетъ. Потому и забѣгала частенько къ Дарьѣ Сергѣевнѣ, лебезила передъ Маркомъ Давидычемъ, угождала во всемъ, а Дунюшку такъ ласкала, что всѣмъ только на диво. За то и не оставляла ее Смолокуровъ подарками... И то злобой распаяла благородную Ольгу Панфиловну, спать не давало ей.

Семь лѣтъ Дуня мѣнуло — срокъ „давати отрочать въ поученіе чести книгъ божественнаго писанія“. Справивъ канонъ, помолясь пророку Науму да безсребренникамъ Кузьмѣ-Демьяну, Марко Давидычъ, подавъ дочкѣ азбуку въ золотомъ перелетѣ и точеную костяную указку съ фольговыми завитушками, самъ сталъ показывать ей буквы, заставляя говорить за собой: „азъ, буки, вѣди, гааголь...“

Дуня, какъ всѣ дѣти, съ большой охотой, даже съ самодовольствомъ принялась за ученье, но скоро соскучилась, охота отпала и никакъ не могла она отличить буки отъ вѣди. Сидѣвшая рядомъ Анисья Терентьевна сильно нахмурилась. Такъ и подмывало ее прикрикнуть на ребенка по своему, рассказать ей про турлы-мурлы, да не посмѣла Марка Давидыча. А отецъ, видя что мысли у дочки въ разбродъ пошли, отодвинулъ азбуку и ласково погладивъ Дуню по головкѣ, сказалъ:

— На первый разъ будетъ съ тебя, грамотница. Самъ-отъ я учить не гораздъ, да мнѣ же и некогда... Самому хотѣлось только починъ положить, а учить тебя станетъ тетя Дарья Сергѣевна. Слушайся ее, да учись хорошенько, за то гостинца тебѣ привезу.

Улыбнулась Дуня, припала личикомъ къ груди тутъ же сидѣвшей Дарьи Сергѣевны. Какъ мука поблѣднѣла Анисья Терентьевна, задрожали у ней губы, засверкали глаза, запрыгали.... Прости, прощай новенькій домикъ съ полнымъ хозяйствомъ!... Прости, прощай изрядный капиталецъ на разживу! Дымомъ разлетѣлись завѣтныя думы, но опытная въ житейскихъ дѣлахъ мастерица виду не подавала что случилось у ней на сердцѣ. Скрѣпя досаду, зачала выхвалять передъ Маркомъ Давидычемъ Дунюшку: и разуму-то она острога, и такая дѣвочка понятливая, да такая умная. Смолокуровъ самодовольно улыбался, гладила умницу по головкѣ и велѣлъ выдать Анисьѣ Терентьевнѣ фунтъ чаю да голову сахару.

Съ того часу не влюбилъ Красноглазика и Марка Давидыча, и Дарью Сергѣевну, и даже ни въ чемъ передъ ней неповинную Дуню.. Но про злобу ту знали только грудь ея да подолѣка... Пуще прежняго стала мастерица лебезить передъ Смолокуровымъ, больше прежняго ласкать Дунюшку и при каждомъ свиданьи удавалось ей вылестить у „Марка богатаго“ то мучки, то крупки, то рыбки, то дровешекъ на бѣдность. Дарью Сергѣевну главной злодѣйкой своею считала она за то что перебила у ней ученицу, какой досель не бывало и никогда не будетъ впередъ. Лытя ей въ глаза въ надеждѣ на подарки, заглазно старалась ей насолить. А чѣмъ недругу насолить крѣпче какъ не злымъ языкомъ?..

Не объ одной любви сердце сердцу вѣсть подаетъ, тайный ворогъ тѣмъ же сердцемъ чуетъ. Не слыхивала Дарья Сергѣевна отъ Красноглазика слова недасковаго, не видывала отъ нея взгляда непривѣтнаго, а стало сдаваться ей что мастерица зло мыслить. Не влюбилъ она Анисью Терентьевну, и была бъ ея воля, не пустила бъ ее къ себѣ на глаза, но Марко Давидычъ Красноглазика жаловалъ, да и нельзя идти на перекоръ обычаямъ, а по обычаю маленькихъ городковъ Анисья Терентьевны необходимы въ дому, какъ сметана ко щамъ, какъ масло къ кашѣ — радушно принимаются такія всюду, и если хозяева люди достаточные и тароватые, гостятъ у нихъ по долгу.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ, сударыня? съ умильной улыбкой спрашивала Анисья Терентьевна, садясь на краешекъ стула возлѣ двери.

— Слава Богу, сухо отвѣтила ей Дарья Сергѣевна, силась оправиться отъ смущенья, наведеннаго на нее только-что умершей Ольгой Панфиловной.

— Дунюшка здоровенька ли?

— Слава Богу.

— Учится какво?

— Учится—ничего.

— Далекѣ ль ушла?

— Часословъ покончила, за перву каѳизму сѣла, отвѣтила Дарья Захаровна.

— Такъ, сударыня... Такъ и впрямь за Псалтырь сѣла... Слава Богу, слава Богу, говорила Анисья Терентьевна и маленько помолчавъ, повела умильные рѣчи.

— А я на базаръ ходила, моя сударыня, да и думаю, давно не видала я болѣзную мою Дарью Сергѣевну, семь-ка забреду я къ ней, семь-ка погляжу на нее, да узнаю какъ всѣ вы живете - можете.... Вдругорядъ когда-то еще выпадетъ досужее времечко—дѣла вѣдь тоже, сударыня, съ утра до ночи хлопоты, да и ходить-то, признаться, далековъко къ вамъ, а базаръ-отъ отъ васъ рукой подать, разъ шагнула, два шагнула и у васъ въ гостяхъ... А до базару заходила я къ Шигинымъ, забѣгала на едину минуточку—мальчонка-то ихній азбуку прошель, за Часословъ пора сажать, да вотъ друга недѣля ни каши не несетъ, ни платъ, ни полтины. * Самы посудите, Дарья Сергѣевна, какъ же я за Часословецъ-отъ его безъ даровъ посажу?.. Не водится... И посмотрѣла же я на ихне житье-бытье: бѣдота-то какая, ницета-то, печь не топлена, мерзнуть въ избѣ-то, а шабры говорятъ по троемъ де суткамъ не пьютъ, не ѣдятъ. Гдѣ полтину имъ взять, гдѣ платокъ купить, да еще кашу варить? Сама вижу—не изъ чего... А стары обычаи не преставишь... Нельзя, не годится: въ малѣ порушишь — все преданіе порушишь... Нечего дѣлать, велю Федюшкѣ, мальченокъ-то ихнему, сызнова учить азбуку, лущай его зады твердить, покамѣсть батька съ маткой не справятся... Да гдѣ горемычнымъ имъ справиться, гдѣ справиться!.. Совсѣмъ подрѣзались, все что было, и одежку и постеленку, все продали, одно Божіе милосердіе ** локуда осталось... А большачокъ-отъ *** все курить, сударыня, все курить, каждый день во хмѣлю, каждый Божій день... Иной разъ въ кабакѣ, что супротивъ Михайлы Архангела, съ утра до ночи просидитъ, а домой приволочется, первымъ дѣломъ жену таскать. Она во всю мочь „караулъ“, а онъ ее перекрикиваетъ: „жена да боится своего мужа! жена да боится своего мужа!“ Дѣло ночное, шабры сбѣгутся — сраму-то что, содомъ-отъ какой!.. Да этакъ, сударыня моя, кажинный-то

* Кромѣ условной платы за ученье, мастерица при каждой перемѣнѣ ученикомъ книги, то-есть при началѣ Часослова и при началѣ Псалтыря, получаетъ горшокъ свареной на молокѣ каши, платокъ, въ которомъ ученикъ несетъ этотъ горшокъ, и полтину деньгами. Кашу сѣдаютъ ученики, платокъ и деньги поступаютъ въ карманъ мастерицы. Старинный обычай, упоминаемый еще въ XV вѣкѣ, сохраняется доселѣ у раскольниковъ.

** Иконы.

*** Большакъ, большачокъ—мужъ.

день, кажинный день!... Не разъ усовершенствоваешь его хотѣла: „что, говорю, срамникъ ты этакой, дѣлаешь?.. Что ты и себя и жену-то срамишь? Побойся, говорю, Бога-то, вѣдь ты не церковникъ какой, чтобъ тебѣ по кабакамъ днєвать-ночевать!... Вѣдь ты, говорю, на все общество наше, на всю святую вѣру наводишь поношеніе. Послушай-ка моль что Никоніане-то про тебя говорятъ!...“ Неймѣтся, сударыня, что говори, что нѣтъ! И Бога не боится и людей не стыдится!... Охъ, охъ, охъ, охо! Дѣла наши дѣла, какъ подумаемы!...

Молча слушала Дарья Сергѣевна трещавшую какъ заведенное колесо мастерицу. Жалко стало ей голодавшихъ Шигиныхъ, а лучше всего бойкаго, способнаго на ученье Федюшку. Вынула изъ сундука бумажный платъ и денегъ полтину. Подавая ихъ мастерицѣ, молвила:

— Вотъ тебѣ, Терентьевна, платокъ, вотъ тебѣ и полтина, сейчасъ везю работницъ и крупы на кашу отсылать, доучивай только пожалуйста Федюшку какъ слѣдуетъ, сажай его за Часословъ доскорѣй. Знаю я мальчика — славный такой.

— Что ты, сударыня?... съ ужасомъ почти вскрикнула Анисья Терентьевна. — Какъ смѣть старый завѣтъ представлять?... Спокойнѣе вѣку такъ водится, чтобы кашу да полтину мастерицамъ родители посылали.... Отъ чужихъ книжныхъ дачъ не положено брать. Опять же надо мальчонкѣ по улицѣ кашу въ платѣ нести—всѣ бы видѣли да знали что за нову книгу садится охъ. Вотъ, мать моя, принялась ты за наше мастерство, учишь Дунюшку, а старыхъ порядковъ по ученью и не вѣдаешь!.. Ладно ли такъ-то?.. А?

— Да не все ль равно? молвила было Дарья Сергѣевна.

— Что ты, что ты, сударыня!.. Окстись! опомнись! громко вскрикнула Анисья Терентьевна. — Какъ возможно только помыслить старину представлять?... Послѣ того скажешь пожалуй: „не все ль де едино что въ два что въ три лѣрста креститься“!...

— Экъ къ чему примѣнила!... начала было Дарья Сергѣевна, но мастерица и договорить ей не дала.

— Всяка премѣна во святоотеческомъ преданіи, всяко новшество, мало ль оно, велико ли—Богу противно, строго, громко и внушительно зачала Анисья Терентьевна. — Если ты, сударыня, обучая Дунюшку, такъ поступаешь, великъ отвѣтъ предъ Господомъ дашь. Про тѣхъ что соблазняютъ мальхъ-то дѣтей какое слово въ Писаніи сказано? „Да обѣются жерновъ

осельскій на вып его, да потонетъ въ лучинѣ морствѣ“. Вотъ что сударыня!..

— Чѣмъ же я соблазняю? спросила Дарья Сергѣвна.

— А премѣною древняго чина, подхватила Анисья Терентьевна. — Сказано: „малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ...“ Сама мала отмѣна святоотеческаго преданія все тщетнымъ, все грѣховнымъ творить... Упрямится иной разъ у тебя Дуношка-то?

— Бываетъ... отвѣтила Дарья Сергѣвна.—Нельзя же — ребенокъ.

— А ты что съ нею дѣлаешь какъ она заупрямится, не захочетъ учиться, аль зашалить? спросила мастерица.

— Когда пожурю, а больше все лаской... Она вѣдь у насъ кроткая, послушная, сказала Дарья Сергѣвна.

— Пожурю! Лаской! съ насмѣшкой молвила Анисья Терентьевна. — Не такъ, сударыня моя, не такъ... Что про это писано?.. А?.. Не знаешь?.. Слушай-ка что: „Не ослабляй бѣя младенца, аще бо лозою бѣши его — не ѹмреть, но здравѣе будетъ, ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти; ащерь ли имаша—положи на ню грѣзу свою и соблюдеши ю отъ тѣлесныхъ, да не свою волю пріемши, въ неразуміи прокудѣть дѣвство свое“*. Такъ-то, сударыня моя, такъ-то, Дарья Сергѣвна.

— Ну ужъ этого никогда не будетъ, вслыхнула Дарья Сергѣвна. — Да и Марко Данилычъ пальцемъ тронуть ее не позволить...

— И погубить свое рожденіе! Безпремѣнно погубить, возвысивъ голосъ, горячо заговорила мастерица.—Сказано: „наказуй дѣти въ юности, да покоятъ тя на старости, аще же дѣти согрѣшатъ отцовскимъ небреженіемъ, ему о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати“. Скажи ты это отъ меня Марку-то Данилычу.. Оплоснѣ какъ выростетъ Дуня да согрѣшитъ, будетъ ему отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ. Такъ-то, сударыня.. Намедни какъ была я у васъ, поглядѣла на Дуношкку и поболѣла сердцемъ, охъ, каково горько поболѣла... Дѣвочка махонькая, а по всѣмъ горвицамъ бѣгаетъ, по стульямъ скачетъ, да еще, прости Господи, міроки пѣсни поетъ... Тутъ бы сейчасъ дубцомъ ее, а татенька смѣется, хохочетъ, да и ты тоже сударыня... Хорошо ль это?.. Что про это

* *Долострой*, XVII. Прокудить — шалить, проказничать. Прокудить дѣвство — лишиться цѣломудрія.

сказано? „воспитай дѣтище съ прещеніемъ и не смѣйся къ нему, игры твоя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ величѣ побояши, скорбя“. * А Василій-отъ Великій что юношамъ и отроковицамъ заповѣдалъ?.. А?.. Не знаешь, сударыня?.. „Безстрастіе тѣлесное имѣти, стуланіе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, лице и литіе немятежно“; а она у васъ напередъ за обѣдомъ кричитъ, шумитъ, даже, прости Господи, мірскую пѣсню запѣла... А отецъ-отъ ровно и не слышитъ, а тебѣ ровно и дѣла нѣтъ... Что дальше Василій-отъ Великій гласитъ?.. „При старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшимъ послушаніе...“ а а напередъ стала было ее уговаривать маленько съ пристрастіемъ, про турлы-мурлы молвила ей, а она мнѣ языкъ высунула... Благочинно ли это, по Писанію ли?.. Отроковицамъ по Василію Великому „не дерзку быти на смѣхъ“, а она только и дѣла что гогочетъ у васъ, „стыдѣніемъ украшатися“, а она языкъ мнѣ высунула, „долу зрѣніе имѣти“, а она ровно коза лупитъ глаза во всѣ стороны... Хорошее ли то дѣло, совмѣстимо ль съ закономъ святоотеческимъ?.. Сама посуди, сударыня! Дѣвица ты не глухая, скажи по чистой по совѣсти: хорошо ли такую волю отроковицѣ дать?

— По моему нѣтъ тутъ вреда, молвила Дарья Сергѣевна.— Ребенокъ еще, лущай порѣзвится...

— Нѣтъ, мать моя! возразила Анисья Терентьевна. — Послушала бы ты что въ людяхъ-то говорятъ про твое обученье, да про то какъ учишь ты свою ученицу... Уши вьнутъ, сударыня. Вотъ что.

— Мало ль что люди говорятъ, молвила Дарья Сергѣевна,— людскихъ рѣчей не переслушаешь.

— Что тутъ люди! Не люди, а я тебѣ говорю, вспыхнула Анисья Терентьевна.—Я, матушка, слава Тебѣ Господи, не одну сотню ребятъ переобучила. Знаю это дѣло въ досталь... На счетъ чего другаго—такъ; а ужъ на счетъ учьбы со мной, сударыня, не спорь. Можетъ, верстъ ста на полтора кругомъ сѣпротивъ меня другой мастерица нѣтъ. Не въ похвальбу скажу, сколько ребятенокъ грамотѣ ни обучила, мужеска пола и женска, всѣ до единого въ древнемъ благочестіи крѣпко пребываютъ, свято хранятъ отеческія преданія... А вы, сударыня, со своимъ Маркомъ Давылычемъ неловивную отроковицу отъ Бога отводите,

* Тамъ же.

съ бѣсомъ же на пагубу приводите... Да!.. Нечего, сударыня, лицо-то косить—не бойсь, не испугаюсь, всю правду матку выложу тебѣ какъ на ладонкѣ.... Губите вы, сударыня, со своимъ Маркомъ Данилычемъ отроковицу непорочну, губите!.. Да-съ!....

— Да что-то ты, Анисья Терентьевна?... Помилуй, ради Христа, съ чего ты взяла мнѣ такія слова говорить? взволнованнымъ голосомъ, но рѣшительно сказала ей на то Дарья Сергѣевна.—Что за дѣло тебѣ? Кто просить твоихъ совѣтовъ да поученій?

Слохvatилась мастерица, что этакъ пожалуй и гостинца не будетъ, тотчасъ понизила голосъ, заговорила мягко, льстиво, угодливо. Затаенной язвительности не было больше слышно въ рѣчахъ ея, зазвучали онѣ будто сердечнымъ участиемъ.

— Ахъ, сударыня ты моя Дарья Сергѣевна! Вѣдь жалѣючи васъ, моя болѣзная, такъ говорю я вамъ. Можетъ, что не угодное молвила—не обезсудьте, не осудите, покройте нашу глупость своей лаской-милостью.... Изъ любви къ вамъ, матушка, изъ единой любви говорю, помнючи милости Марка Данилыча и ваши, сударыня.... Люди вѣдь зазирають, люди, матушка. Теперь у всѣхъ только и рѣчи что про васъ да про Дунюшкино ученье.... Извѣстно, сударыня, Марко Данилычъ такой богатѣй, дочка у него одна единственная. До кого ни доведись, всякому занятно посудить, порядить....

— Да что кому за дѣло? съ досадою молвила Дарья Сергѣевна.

— Народъ—молва, сударыня. Никто ему говорить не покажетъ. Ртовъ у народа много—всѣхъ не завяжешь.... Такъ говорила Анисья Терентьевна, отираясь бумажнымъ платкомъ и свертывая потомъ его въ клубочекъ. — Охъ, знали бъ вы да вѣдали, матушка, что въ людяхъ-то про васъ говорятъ.

— Что такое? чуть слышно спросила Дарья Сергѣевна. Вспомнились ей слова Ольги Панфиловны.

— Да вотъ хоть бы сейчасъ на базарѣ, отвѣтила Анисья Терентьевна.—Стоитъ Панфилиха у возовъ съ рыбой, а сама такъ и разсыпается, такъ и разсыпается.... И все-то про васъ, все-то про васъ да про Марка Данилыча.... Имъ, говорить, грѣхпроводникамъ и безъ вѣвда весело живется. Безъ стыда, говорить, живутъ ровно мужъ съ женой.... Да и пошла, и пошла.... А еще барыня, благородная!.. Ну

да какъ же не благородная?... Стоить взглянуть на харю анаемскую, тотчасъ по рылу знать что не простыхъ свиней.... Отецъ-отъ отолкомъ щи хлѣбалъ, матька на рогожкѣ спала, въ одномъ студѣномъ шушувашкѣ * по пяти годовъ щеголяла, за то какая-то, песь ихъ знаетъ, была елистраторша, а дочку за секретаря что ли тамъ за какого-то выдала.... Родословная, видишь!... А какое у нихъ родословье? Отъ ёрника балда, отъ балды шшка, отъ шшки комъ!... ** А вы еще, сударыня, такую паскуду до себя допускаете! Первѣ на перво—невѣрная, у половъ у церковныхъ, да у дяконовъ хлѣбъ ѣсть, всяко скѣблено рыло, всякаго табашника и целотника за добрыхъ людей почитаетъ, второ дѣло смотвица, такая смотвица, что не приведи Господи. Только на самое себя слетокъ не платеть, а то на всѣхъ, на всѣхъ, что ни есть на свѣтѣ людей.... А вы еще на глаза ее къ себѣ допускаете. Не дѣло, Дарья Сергѣвна, не дѣло!... Видите какая отъ нея благодарность-то — у кого ѣсть да пьеть, на того и зло мысать.

Не отвѣтила Дарья Сергѣвна.

— Ахти засидѣлась я у васъ, сударыня, вдругъ встрелелулась Анисья Терентьевна. — Ребятечки-то поди собралися чай ко мнѣ на учьбѣ. Набѣдокурятъ еще пожалуй чего безъ меня проклятики — теперь поди чать на головахъ по горницѣ ходятъ... Прощайте, сударыня Дарья Сергѣвна. Дай вамъ Богъ въ добромъ здоровѣи и въ радости честную Масляницу проводить. Прощайте, сударыня.

И тихой походкой, склоня голову, пошла вонъ изъ горенки.

Убитая неожиданными вѣстями Дарья Сергѣвна вся погрузилась въ неиспытанное еще ею доселѣ горе отъ клеветы. Вся была поглощена тѣмъ горемъ. Краемъ уха слушала она рассказы мастерицы про учьбѣ ребятешекъ, не охотно отвѣчала ей на укеры, что держитъ Дунашу не по старин-

* Шушувъ — верхнее платье, въ родѣ кофты, изъ крашеины. Студеный шушувъ — сшитый не на ватѣ.

** Ерникъ — кривой, низкорослый кустарникъ по болоту, а также безутлый, лутъ, мошеникъ; балда — дѣская кривулина, дубина, а также дуракъ, полоумный; шшка — наростъ на деревѣ, а также ѣсть, чортъ (шшкѣ, шшига); комъ — сука въ видѣ кауба на деревѣ наростъ, а также драчунъ, забѣака (комша).

нымъ обычаемъ, но когда сказала она что Ольга Панфиловна срамить ее на базарѣ, какъ бы застыла на мѣстѣ слова не могла отвѣтить... „Въ трубы трубить, въ трубы трубить!“ думалось ей, и когда мастерица оставила ее одну изъ-за густыхъ рѣсницъ ея вдругъ заискрились горькія слезы. Дарья Сергѣевна пересѣла къ ляльцамъ, хотѣла дошивать канвовую работу, но не видитъ ни узора, ни вышиванья, въ глазахъ туманится, въ вискахъ такъ и стучитъ, сердце тоскуетъ, горячо обливаема кровью. Опираясь на столы и стулья, вышла она въ другую горенку, думала стать на молитву, но ринулась на кровать и залилась слезами.

Клевета что стрѣла человѣка разить. На себя непохожа стала Дарья Сергѣевна: въ очахъ печаль, на лицѣ кручина. Горе, коль есть съ кѣмъ размыкать его — не горе еще, только полгоря. А ей кому подѣлиться печалью? Не Марку жь Давилычу сказать, не съ Дунюшкой про напраслицу разговаривать!.. Съ нянькой, съ работницами, тоже говорить не доводится. Поймутъ развѣ онѣ ея кручину?... Пожалуй еще больше наслетничаютъ!.. Уйти изъ дому Смолокурова?.. А обѣтъ данный Оленѣ Петровнѣ на смертномъ одрѣ ея? Бога вѣдь ставила ей во свидѣтели, что замѣнить сироткѣ родную мать... Всѣ обиды стерпѣть, всѣ оскорбленья перенести, а данной клятвы не изгубить!.. Олять же Дунюшку жаль.... Какъ ее съ нянькой да съ работницами, одну оставить.. Марко Давилычъ? Его дѣло мужское—гдѣ ему до всего доходить, олять же почасту надолго изъ дому отлучается.... Нельзя одну Дуню оставить, нельзя....

Долго думала Дарья Сергѣевна какъ бы дѣлу помочь, какъ бы не расставаясь съ Дуней, годъ, два, нѣсколько лѣтъ не жить въ одномъ домѣ съ молодымъ вдовцомъ и тѣмъ бы заглушить базарныя пересуды и лущенную досужими языками городскую молву. Придумала наконецъ.

IV.

Прошла Масляница, наступилъ Великій Постъ. Дарья Сергѣевна таила въ сердцѣ скорбь, нанесенную ей благородной приживалкой и мастерицей! Три недѣли еще прошло—наступило „продѣть“, пришла Евдокія Плющиха весну

сваряжать. * Въ тотъ день Дуня была именинница, восемь годковъ тогда ей минуло. Марко Данилычъ подарилъ именинницѣ разныхъ подарковъ и называлъ ее уже „отроковицей“, веселился, глядя на дочку и любясь разцвѣтавшею ея красотой. Рада была Дуня подаркамъ, съ самодовольствомъ называла себя „отроковицей“ — значитъ стала большая теперь, — вѣжно ластилась то къ отцу, то къ Дарьѣ Сергѣевнѣ. Евдокинъ день въ томъ году въ среду на четвертой недѣлѣ поста приходился; по старинному обычаю за обѣдомъ подали „кресты“, испеченные изъ тертаго на орѣховомъ маслѣ тѣста. Въ одномъ изъ крестовъ запеченъ былъ на счастье двугривенный, онъ достался именинницѣ. Дѣвочка такъ и сіала восторгомъ.

— Да, Марко Данилычъ, вотъ ужъ и восемь годковъ минуло Дуньшкѣ, сказала Дарья Сергѣевна, только-что встали они изъ-за стола, — пора бы ее теперь учить хорошенько. Грамоту знаетъ, „Часословъ“ прошла, втору каеизму читаетъ, съ завтрашняго дня думаю ее за письмо посадить... Да этого мало... Надо вамъ подумать кому бы ее отдать въ настоящее ученье.

— Кому же какъ не вамъ учить ее, Дарья Сергѣевна?.. молвилъ Марко Данилычъ. — Не Терентыху же приставить къ ней...

— Всей бы душой рада я, Марко Данилычъ, да сама-то я не на столько обучена, чтобъ хорошенько Дуньшкѣ всему обучить... Подумали бы вы объ этомъ, сказала Дарья Сергѣевна.

— Не въ Москву же въ лексіонъ везти ее, вахмурясь слегка, сказалъ Смолокуровъ. — Пошло вынче это заведеніе по купечеству, у старообрядцевъ даже, только я на то не согласенъ... Потому — одно возвращеніе! Выучится тамъ на разныхъ языкахъ лепетать, на музыкѣ играть, танцамъ, а какъ персты на молитву слагать, которой рукой лобъ лерекрестить — забудеть.... Видалъ я много такихъ, не хочу чтобъ Дуня моя хоть капельку на нихъ походила. Надо ее обучить всему, чему слѣдуетъ по древнему благочестію, ну и рукодѣльямъ тоже... Такъ это, я полагаю, и вы все можете.

— Ну вѣтъ, Марко Данилычъ, за это взяться я не могу, сама мало обучена, возразила Дарья Сергѣевна. — Конечно,

* 1го марта празднуютъ преподобномученицѣ Евдокіи. Въ народѣ тотъ день зовутъ „проаѣтьемъ“, „Евдокіей-Плющихой“ (потому что свѣтъ тогда настоятъ плющить). Говорятъ еще въ народѣ что Евдокіи весну сваряжаютъ.

что знаю, все передамъ Душошкѣ, только этого будетъ ей мало.... Она же дѣвочка острая, разумная, не по годамъ понятливая—черезъ годъ либо черезъ полтора сама будетъ знать все что знаю я—тогда-то что жь у насъ будетъ?

Марко Давидычъ задумался.

— Учителей что ли какихъ бы прискакали.... начала было Дарья Сергѣевна, но Смолокуровъ послѣшно ее перебилъ:

— Это изъ училища-то что ли? Ни за что на свѣтъ!... Чему научать?... Какому бѣсу, прости Господи!

— Такъ другаго кого поищите, молвила Дарья Сергѣевна. — Подумайте объ томъ, Марко Давидычъ.

— Ладно, подумаемъ, отрывисто отвѣтилъ онъ и круто повернулся къ окну. Помолчала немножко Дарья Сергѣевна, другою разговоръ повела:

— Сегодня поста переломъ, Христовъ праздникъ не за горами. Кого располагаете звать страстную службу да свѣтлу заутреню въ вашей моленной отправить?...

— Кого позвать? Опречь Красноглазихи некого, отвѣтилъ Марко Давидычъ.

— Путаешь много она по „Минеи-то“, сказала Дарья Сергѣевна. — По „Псалтырю“ * еще бредеть, а по Минеи не сладить ей. Чтобъ опять такого жь соблазну не натворила, какъ въ прошломъ году.

— Это за часами-то въ Великую Пятницу? Изъ пятницы въ субботу переѣхала, засмѣялся Марко Давидычъ, открывавшаясь отъ окна.

— А въ позалпрошломъ году помните, какъ на Троицу по „Общей Минеи“ стала было службу справлять, да изъ Пятидесятницы простое воскресенье сдѣлала?... Грѣхи только съ ней! улыбаясь, сказала Дарья Сергѣевна. — Къ тому жь и то надо взять, Марко Давидычъ, не нашего вѣдь согласу....

— Это еще не велика бѣда, замѣтилъ Смолокуровъ. — Разница межъ нами не великая — та же стара вѣра что у нихъ,

---

* Домашняя служба у старообрядцевъ справляется по Псалтырю, то-есть читается Псалтырь и послѣ каждой казавмы тропари правдику. Службою по Минеи или уставною называется та что отправляется по уставу. Великимъ Постомъ справляютъ уставную службу по книгѣ „Минея Постная“, отъ поста до Троицы по книгѣ „Минея Цвѣтная“, въ прочіе дни по „Минеи Общей“.

что у насъ. Половъ только нѣтъ у нихъ, такъ вѣдь и у насъ она была да сплыла.

— Все-таки не единого стада, молвила Дарья Сергѣевна.

— А вы ужь не больно строго, сказалъ на то Марко Данилычъ. — Что станешь дѣлать при такомъ оскудѣннн свящества? Не то что поля, читалокъ-то нашего согласу по здѣшней сторонѣ нѣтъ ни единой. Поневоля за Терентыху примешься... На Кѣрженцѣ развѣ не спосылать ли?... Въ скиты?..

— Очень бы это хорошо было, Марко Данилычъ, обрадовалась Дарья Сергѣевна. — Тогда бы настоящая служба была у насъ. Всѣ бы нашего согласу благодарны остались вамъ. Можно бы старицу позвать, да хоть одну бѣлицу для лѣвнн.. Старица-то въ соборную мантию облеклась, бѣлица-то демествомъ бы Пасху пролѣла.. Какъ бы это хорошо было! Настоящій бы праздникъ тогда!... Вотъ и Дуяюшка подросла, а заправской службы Божьей она еще и не слыживала, а тутъ поглядѣла бы, хоромехонько помолилась бы. Послушала бы лѣвицу...

— Зачѣмъ лѣвицу? Брать такъ ужь лятокъ либо лодюжину. Надо чтобъ и лѣвнн и вся служба были какъ саѣдутъ, по чину, по уставу, сказалъ Смолокуровъ. — Дуяюшки ради хоть цѣлый скитъ приволоку, денегъ не пожалѣю... Хорошо бы старца какого ни на есть, да гдѣ его сыщешь? Шатаются, шутъ ихъ возми, волочатся изъ деревни въ деревню — шатуны такъ шатуны и есть... Нечего дѣлать, и со старочкой, Богъ дастъ, полпразднуемъ... Только вотъ бѣда какаа, Дарья Сергѣевна, знакомства-то нѣтъ у меня на Кѣрженцѣ. Послать-то не знаю къ кому.

— Да вы бы къ Лещовымъ отписали, у нихъ по всемъ скитамъ знакомства есть, отвѣтила Дарья Сергѣевна. — Мигомъ бы дохнули на Кѣрженцѣ вѣсточкой. Теперь четверга ведѣла, къ Вербному воскресенью и старочка и бѣлицы были бы здѣсь. Нынче же Пасха равная, Благовѣщенье на Страстной придется, рѣки пролустятъ. Разойдутся не раньше Мировосицкой.

— Не раньше, согласился Смолокуровъ. — И въ самомъ дѣлѣ къ Лещовымъ, на Ветлугу писать. Никитѣ Петровичу точно всѣ Кѣрженски обители знакомы, для меня овъ сладить то дѣло, сегодня жь логоню къ нему нарочнаго.

Нефедъ Тиховычъ Лещовъ свойственникъ былъ Смолоку-

рову, на двоюродной сестрѣ Олены Петровны женатъ. Человѣкъ съ достаткомъ, но далеко не съ такимъ каковъ былъ у Марка Давидлыча, отъ того и старался онъ при всякомъ случаѣ угодить богатому сватушкѣ. Только-что получилъ онъ письмо тотчасъ же въ путь дорогу—самъ поѣхалъ на Кѣрженецъ, самъ обдѣлалъ дѣло; и наканунѣ Лазарева Воскресенія на дворъ Смолокурова въѣхали три скитскія кибитки, нагруженныя старицей Макриной да пятью бѣлицами. Старица и лѣвчія дѣвицы были съ Каменнаго Вражка, изъ обители Манеѣы Чалуриной.

Макрина уставщицей была, несмотря на великій праздникъ отправила ее Манеѣю къ Марку Давидлычу, приказавъ помощницѣ ея матушкѣ Аркадіи заправлять въ обительской часовнѣ службой. Когда Лещовъ разказалъ дальновидной игуменьи про Смолокурова, про его богатства, про то что у него всего одна единственная дочь, наследница всему достоянью и что отцу желательнѣе воспитать ее въ древлемъ благочестіи, во всей строгости святоотеческихъ преданій, мать Манеѣю тотчасъ смекнула что изъ этого со временемъ можетъ выйти... Потому исполняя желаніе Марка Давидлыча, хоть и въ ущербъ благолѣпію службы въ своей часовнѣ, послала она пять наилучшихъ лѣвицъ праваго крылоса, а съ ними уставщицу Макрину, умную, вкрадчивую, лощкую на обхожденье съ богатыми благодѣтелями и мастерски умѣвшую обдѣлывать дѣла на пользу обители.

Отправивъ страстную и пасхальную службу Макрина не тотчасъ поѣхала отъ Смолокурова. Марку Давидлычу старица Божія понравилась; цѣлые вечера проводилъ онъ съ нею въ бесѣдахъ не только отъ божественнаго писанія, но и о мірскихъ дѣлахъ; ловкая уставщица была въ нихъ очень свѣдуща... Много она ѣздилъ по дѣламъ обительскимъ, по всему старообрядству вела обширное знакомство и разказы ея были очень заняты Марку Давидлычу. Сталъ онъ упрашивать ее прогостить Святую, а на Радунцѣ хорошеенько помянуть родителей. Потомъ отъѣздъ келейницъ замѣшкался отъ того что дороги отъ раслутицы полпортились, рѣчки стало опасно переѣзжать... Вскрылись рѣчки, Марко Давидлычъ сталъ Макрину упрашивать остаться до его именинъ, * потомъ до именинъ погашаго въ морѣ брата, чтобъ

* День Св. Марка 25го апрѣля.

отпѣтъ за него поминальнѣй канонъ.* А тутъ дѣя черезъ четыре Троица — не вѣхать же отъ такого праздника; черезъ недѣлю послѣ Троицы память по Оленѣ Петровнѣ.** Такииъ образомъ откладывая отъѣздъ день за день, недѣлю за недѣлю, комаровскія гости прожили у Смолокурова вплоть до Иванова дѣя.

Смолокуровъ до того времени въ скитахъ никогда не бывалъ, совсѣмъ не зналъ жизни обительской. Макрина въ продолженіи гостинѣ много разказывала ему про житье-бытье матушекъ, про ихъ занятія, хозяйственность, богомолье. Марку Данилычу тѣ разказы пришлись по сердцу, обѣщалъ онъ щедро наградить Манееву за домашнія службы, въ его молельной отправленныя, и на будущее время быть навсегда благодарѣлемъ честной обители, если же мать Манеева съ сестрами будутъ согласны, то пожалуй и ктиторомъ сдѣлаться. Оставаясь съ глазу на глазъ съ Макриной, Дарья Сергѣевна иныя разговоры вела: совѣтовалась съ ней на счетъ обученія Дунюшки. Жаль было разставаться ей съ воспитанницей, въ которую положила всю душу свою, но нестерпимо было и оставаться въ домѣ Смолокурова, послѣ того какъ узнала что про нея „въ трубы трубить“. Чтобъ не разучилась съ Дуней прожить нѣсколько лѣтъ внѣ Смолокуровскаго дома и тѣмъ заглушить недобрые слухи, задумала она склонить Марка Данилыча на отдачу дочери для обученія въ Манеевину обитель. Только-что намекнула объ этомъ она матери Макринѣ, та съ обычной для нея ловкостью затѣянное дѣло на ладъ поставила. И были и небылицы по дѣльнымъ вечерамъ стала разказывать Марку Данилычу про дѣвицъ обучавшихся въ московскихъ пансіонахъ и про тѣхъ что дома у мастерицъ обучались. Называла по именамъ дома богатыхъ раскольниковъ гдѣ отъ того либо другаго рода воспитанія дочери вышли такія что не приведи Господи: однѣ Бога забыли, стали пристрастны къ нововоднымъ обычаямъ, грубы, непочтительны къ родителямъ, покинули стыдъ и совѣсть, ударились въ такія дѣла что не лѣтъ и гаголати.... другія, что у мастерицъ обучались, всѣ сколько ихъ ни знала Макрина одна другой вышли гауптѣ, какъ есть дуры дурами — ни встать, ни сѣсть не умѣютъ, а чтобъ съ хорошими людьми

* Св. Мокія 11го мая.

** Св. Елены 21го мая.

бесѣду вести, про то и думать нечего. Смолокуровъ соглашался съ Красногаголиной уставщицей, говорилъ что ему самому нерѣдко доводилось и тѣхъ и другихъ видать, и что не знаетъ онъ которы изъ нихъ хуже. „И то еще я замѣчалъ, говорилъ онъ, что пенсіонная, выйдя замужъ, рано ли поздно, хахаля себѣ заведетъ безпремѣнно, а не то и двухъ, а котора у мастерицы въ обученіи была, дура-то душой окажется, да къ тому жъ и злобы много въ себѣ накопитъ“.... А Макрина тотчасъ на тѣ рѣчи: „Съ мужьями у такихъ женъ, сколько я ихъ ни видывала, ладовъ никогда не бываетъ: взбалмошны, нелокорливы, что ни день, то въ дому содомъ да дра-на грамота, и такимъ женамъ много отъ супружескихъ кулаковъ достается...“ Наговорившись съ Маркой Данилычемъ о такихъ женахъ и дѣвицахъ, Макрина ровно обрывала Свои розказни, тотчасъ заводила рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ, а тамъ дня черезъ два олять поведетъ прежнія рѣчи... Дарья Сергѣевна въ одно слово съ ней говоритъ. Сумрачно глядитъ Марко Данилычъ, молчитъ и глубоко вздыхая, гладитъ по головкѣ ненаглядную дочку. Потомъ Макрина зачнетъ бывало разказывать про житіе обительское, и будто мимоходомъ помянетъ про дѣвицъ изъ хорошихъ домовъ что живутъ у Манеены и ло другимъ обителямъ въ обученіи, называетъ поименно ихъ родителей: имена все крупныя, извѣстныя ло купечеству. Называетъ обучавшихся и прежде въ скитахъ, а теперь вышедшихъ замужъ и ставшихъ добрыми, домовитыми, умными, попечительными хозяйками... Знавалъ Марко Данилычъ нѣкихъ изъ названныхъ Макриной и соглашался со старицей, что въ самомъ дѣлѣ жены онѣ добрыя, матери хорошія, потому главное, прибавлялъ онъ, живутъ во страхѣ Божіемъ. „Страхъ Божій при обученіи дѣвицъ у насъ въ обителяхъ первое дѣло, спѣшитъ бывало отвѣтитъ Макрина, потому что и въ Писаніи сказано: „страхъ Божій начало премудрости...“ И сказавши это олять замолчитъ, либо сведетъ рѣчь на другое. Потомъ черезъ день черезъ два снова зачинаетъ разказы какъ строго въ обителяхъ за дѣвицами смотрятъ, какъ приучаютъ ихъ къ скромному и доброму житію ло Господнимъ заповѣдямъ, какимъ обучаютъ рукодѣльямъ, какія книги даютъ читать, какъ поучаютъ ихъ добру старыя матери.

— Все это хорошо и добро, молвилъ какъ-то Марко Дани-

зычь, — одно лишь не ладно, къ мнѣ жеству, слышь, у васъ молоденькихъ дѣвицъ склоняютъ, особливо тѣхъ которыя побогаче... Разчетець извѣстенъ — останется въ обители, все внесетъ въ нее, чѣмъ благословятъ родители... Таковы, матушка Макрина, про скиты обносятся саухи.

— Не вѣрьте, Марко Данилычъ, то пустяя, наносныя рѣчи, спаетъи однѣ отъ какихъ-нибудь недоброхотовъ, съ горячностью вступилась Макрина.— Мало ль чего ни говорятъ про насъ убогихъ, про насъ беззащитныхъ!... Не вѣрьте... Бываетъ что старыя матери инымъ дѣвицамъ внушаютъ покрыть себя черною рясою... Таить не стану, это точно бываетъ. Только такіе совѣты не отецкимъ дочерямъ, не богатымъ дѣвицамъ внушаются, а сироткамъ, что съ малолѣтства призрѣны въ обители Христа ради. Ни отца у сироты, ни матери, ни ближнихъ, ни сродниковъ, гдѣ жь ей сердечной въ міру главу преклонить? А въ обители мѣсто готово ей завсегда... Такихъ точно уговариваемъ, а богатыхъ, ни, ни... никогда... Родныхъ своихъ тоже уговариваемъ, у которой старшій племяненка бѣдная, либо другая сродница есть, такихъ беремъ на воспитанье и точно иной разъ склоняемъ такую принять ангельскій чинъ... А отецкихъ дочерей какъ можно уговаривать?... Помилуйте!

Разговаривая такъ съ Макриной, сталъ Марко Данилычъ подумывать не отдать ли ему Дуню въ скиты обучаться. Тяжело только расстаться съ нею на нѣсколько лѣтъ... „А впрочемъ, подумалъ онъ, и безъ того вѣдь я мало ее голубушку выдаю... Лѣто въ отъѣздѣ, по зимамъ тоже на долгіе сроки изъ дому отлучаюсь... Ставетъ въ обители жить, скиты не за тридевять земель, въ свободное время завсегда могу съѣздить, поживу тамъ недѣлку-другую, полюбуюсь на мою голубушку, да опять въ отлучку, ворочусь изъ отлучки—опять къ ней.

И вотъ однажды подъ вечерокъ, сидя за чаемъ, сказалъ Смолокуровъ Макринѣ при Дарѣ Сергѣевѣ что думаетъ онъ Дуню къ нимъ въ обученье отдать.

Другая на мѣстѣ Макрины тотчасъ бы возрадовалась, но ловкая уставщица бровью не повела. Напротивъ; приняла озабоченный видъ и медленно покачивая головой, промолвила:

— Не знаю что сказать вамъ на это, Марко Данилычъ, не знаю какъ вамъ посовѣтовать. Дѣло такое, что надо объ всѣхъ подумать да и подумать.

А Дарья Сергѣевна, хоть и радеховька рѣчамъ Марка Давидыча, но хмурится, будто ей неприятную вѣсть оъь сказала. Не молвила впрочемъ ни слова.

— Чего тутъ раздумывать? вѣтерпѣливо вскрикнулъ Марко Давидычъ. — Сама же ты, матушка, не разъ говорила что у васъ дѣвчья учьба идетъ по хорошему.. А у меня только и заботы чтобъ Дуня какъ выростетъ была бъ не хуже людей.. Нѣтъ, ужъ ты, матушка, рѣчами не отлынивай, а лучше со мной посоветуй.

— Ничего не могу я тутъ вамъ совѣтовать, Марко Давидычъ, никакого безъ матушки Манеены отвѣта дать не могу, смиренно, покорнымъ голосомъ отвѣчала Макрина. — Такого родителя дочку принять не бездѣлица!.. Конечно, еслибъ это дѣло сбылось, матушка Манеена Дунюшку поближе бы къ кельѣ своей помѣстила, въ своей бы „стаѣ“. Да теперь врядъ ли тамъ возможно ее помѣстить.... Чалурина Патала Максимыча не изволите ль знать?... Братецъ матушкѣ-то нашей по плоти: двухъ дочерей отдалъ къ ней, да третью дочку не родную, богоданную — сиротку оъь одну воспитываетъ. Четвертая съ ними живетъ матушкина воспитанница, тоже сирота безродная.... Вотъ четыре, лятая съ ними живетъ головщица. А горницъ-то всего три, и то не великія... Изъ такого дома Дунюшкѣ-то и тѣсненько покажется тамъ — скучать бы не стала. Опять же не одну вѣдь вы ее къ намъ въ обитель привезете, кто-нибудь тоже будетъ при ней...

— Ну вотъ этого я ужъ и не знаю какъ сдѣлать... И придумать не могу кого съ ней отпустить. Черныхъ работницъ хоть двѣ, хоть три предоставлю, а чтобъ въ горницахъ при Дунюшкѣ жить—нѣтъ у меня таковой на примѣтъ.

— Работницъ не надо намъ, Марко Давидычъ, въ обители у насъ своихъ трудницъ довольно. Дунюшкѣ все оъь изготовятъ: и помыть, и лошить, и лоштолать, и новое платье могутъ шить, даже башмачки пожалуй справятъ когда, сказала Макрина.

— Ну это ладно, хорошо, молвилъ Марко Давидычъ. — А гдѣ жъ такую намъ взять чтобы при ней всегда была безотлучна, присмотрѣла бъ за ней?

— А я-то на что? вступилась Дарья Сергѣевна, вскинувъ глазами на Смолокурова. — Я съ Дуняшей поѣду.

— Какъ? удивился и съ досадою промолвилъ Марко Данилычъ.—А домъ-отъ какже?... Хозяйство-то?... Домъ-отъ тогда на кого я покину?

— Марко Данилычъ, пристально глядя на него, сказала Дарья Сергѣвна.—Развѣ вамъ неизвѣстно что живу я у васъ не ради хозяйства, а для Дунышки?... Клятву дала я на смертномъ одрѣ Оленѣ Петровнѣ, обѣщавшись ей за много матери Дунышкѣ быть — и то обѣщанье передъ Творцомъ Создателемъ данное, сколько Господь мочи даетъ, исполняю... А на счетъ хозяйства вашего покойница мнѣ ничего не говорила и я ей слова въ томъ не давала... При Дунышкѣ до ея возраста останусь, гдѣ бѣ она ни жила, — конечно, ежели это вашей родительской волѣ будетъ угодно, — отвезете ее, въ дому у васъ на одинъ день не останусь.

Повисла слеза на рѣсницѣ у Марка Данилыча когда вспоминалась ему жена на кончинѣ. Съ легкимъ укоромъ грустно онъ покачалъ головой и промолвилъ:

— А не просила она васъ, умираючи, чтобъ и меня не оставили совѣтомъ своимъ да заботами?... Полонните-ка?... Не говорила развѣ того?

— Говорила, потупляя глаза и слегка вслѣхнувъ, отвѣтила Дарья Сергѣвна.— Но вѣдь вы и того, думаю я, не забыли, послѣ какихъ уговоровъ, послѣ какого отъ меня отказа про то она говорила?

Сморкъ Марко Данилычъ, нахмурилъ брови и почесалъ въ затылкѣ.

— Все-таки однакожь... началъ было онъ, но не зналъ что дальше сказать.

Подумавъ недолгое время, онъ молвилъ:

— Вы у меня въ дому все едино что братня жена, невѣстка то-есть. Такъ и смотрю я на васъ, Дарья Сергѣвна... Вы со мной да съ Дуней — одна семья.

— А люди какъ на это посмотреть, Марко Данилычъ? строго взглянувъ на него, взволнованнымъ голосомъ тихо возразила Дарья Сергѣвна.— Ежели я отпустивши въ чужіе люди Дунышку, въ вашемъ домѣ хозяйкой останусь, на что это будетъ похоже?... Что скажутъ?... Подумайте-ка объ этомъ...

— Чего сказать? Никто ничего не посмѣетъ сказать, рѣзко и кратко отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Не говорите... съ горячностью сказала Дарья Сергѣевна.— Можеть, и телерь ужь не знай чего на меня ни плетутъ!.. А тогда что будетъ? Пожалѣйте и меня хоть маленько, Марко Данилычъ.

— Кто смѣетъ сказать про васъ что-нибудь нехорошее?... вскакинулъ Марко Данилычъ, и быстро вскочивъ съ дивана, зашагалъ по горницѣ крулыми шагами. — Головы на плечахъ не унесеть, кто посмѣетъ сказать нехорошее слово!..

— Перестаемъ о томъ говорить, спокойно промолвила Дарья Сергѣевна. — Отъ басень да отъ сплетенъ никому не уйти, заказу на нихъ положить невозможно. Последнее мое вамъ слово: будетъ Дунюшка жить въ обители, и я съ ней буду, исполню Оленушкинъ завѣтъ, не захотите чтобъ я при ней была, дяя въ дому у васъ не останусь... Христовымъ именемъ ставу кормиться, а не останусь... А если приметъ меня матушка Манеѣа, къ ней въ обитель уйду, шочество надѣну, ангельскій образъ приму и тѣмъ буду утѣшаться, что хоть издали иной разъ погляжу на мою голубоньку, на сокровище мое безцѣнное.

И закрывъ руками лицо, зарыдала. Марко Данилычъ продолжалъ насупясь и молча ходить по горницѣ.

— Эхъ, Дарья Сергѣевна, Дарья Сергѣевна! горько ояъ вымогивалъ. — Богъ съ вами!.. Не того я ждалъ, не то думалъ... Ну, да ужь если такъ—воля ваша... Дуню въ такомъ разѣ ужь вы не оставьте.

— Мое дѣло сторона, вмѣшалась при этомъ Макрина. — А по моему разсужденью было бы очень хорошо еслибъ въ обители при Дунюшкѣ Дарья Сергѣевна жила. Расскажу вамъ что у насъ въ Комаровѣ однажды случилось, не у насъ въ обители,—у насъ на этотъ счетъ оборони Господи, — а въ сосѣдней въ одной.

И пошла разказывать, ни такъ ни сякъ не подходящее къ дѣлу. Ей только надо было отвести въ сторону мысли Смолокурова; для того только и рѣчь повела... И отвела... Мастерница была на такіе отвороты.

Дѣнь пять прошло послѣ тѣхъ разговоровъ. Про отправленье Дунюшки на выучку помина нѣтъ. Мать Макрина каждый разъ старается заминать разговоръ о томъ, если бывало зачнетъ его Марко Данилычъ, тоже и Дарья Сергѣевна. Иначе нельзя было укрѣпить его въ намѣреньи, не то пожалуй какъ

разъ какое ни на есть подозрѣнье найдетъ на него. Тогда ужъ ничѣмъ не возымеешь.

Разъ при Макринѣ и при Дарьѣ Сергѣевичѣ посадилъ Марко Данилычъ Дуню къ себѣ на колыба и лаская дочку, сказалъ:

— Хочешь уму разуму учиться, Дунюшка?

— Хочу, тятя, весело улыбаясь голубенькими глазками отвѣтила дѣвочка.

— Отдамъ я тебя матушкѣ Макринѣ, увезетъ она тебя къ себѣ домой и тамъ всему хорошему научить тебя, сказалъ Марко Данилычъ. — Поѣдешь съ матушкой Макриной?

На минутку Дуся задумалась. И быстро вскинувъ головкой, беснула на отца ворами и спросила:

— А тетя Даша поѣдетъ?

— Нѣтъ, не поѣдетъ, молвилъ Смолокурровъ.

— Такъ и я не поѣду, отвѣтила дѣвочка.

— И учиться не станешь?

— И учиться безъ тети не стану, рѣшительнѣй прежняго молвила Дуся.

— А если мать Макрина безъ тети тебя увезетъ?

— Убѣгу.

— А поймають?

— Тогда умру. Какъ мама померла, такъ и я помру, сказала Дуся, и такъ спокойно, такъ увѣренно, какъ будто говорила что вотъ посидить, посидить съ отцомъ да и побѣжить глядѣть какъ въ огородѣ работницы грады копають.

Занескрились взоры Марка Данилыча. Молча вышелъ онъ изъ горницы. Торопливо надѣвъ картузь, пошелъ на городской бульваръ, вытянутый вдоль кручи, поднимавшейся надъ Окою. Медленнымъ шагомъ, покуривъ голову, долго ходилъ онъ между тощихъ, нераспустившихся липокъ.

Рѣка была въ полномъ разливѣ, версты на семь затопило луга, поля * и кустарники дѣваго берега. Полутнымъ вѣтромъ внивь по рѣкѣ бѣжалъ моршамскій хлѣбный караванъ; стройно веселись гусанки и барки, широко раскинувъ полотняные бѣлые паруса и толсела, слышались съ судовъ громкія лѣсны бурлаковъ, не тѣ что поются надорванными ихъ волесами про дубину, когда рабочій людъ валтираа изо

* Низменное мѣсто, затопляемое водою.

всей ночи грудью на ляжки, тяжело ступаетъ густо оббитыми глиной ногами по скользкому бечевнику и едва-едва тянетъ подачу. Шамра * бѣжитъ въ одну сторону съ судами, „святой воздухъ“ ** до носа выдуваетъ „апостольскую скатерть“,*** и довольные попутнымъ вѣтромъ бурлаки, разметавшись по палубѣ на солнышкѣ, весело распѣваютъ про старыя казацкія времена, про поволожскую вольную вольницу. Громко, раздольно разносится въ свѣжемъ воздухѣ удалая пѣсня:

Разыгралася, разгулялася Сура рѣка—
Она устьицею пала въ Воагу матушку,
На томъ устьицѣ на Сурскомъ часть ракутовъ кустъ,
А у кустика ракутова бѣлъ горючъ камень лежитъ,
Кругомъ камешка того люди добрые сидятъ,
А сидятъ они, думу думаютъ на дуванѣ,
Кому-то изъ мѣлодцевъ что достанется на долю....

И за что это такъ полюбились простому народу разбойничья пѣсня?.. Удалство вспоминаютъ, отвагу — вотъ отъ чего полюбились.

На другой гусянкѣ раздался дружный, громкій хохотъ — какой-то бурлакъ взявъ за обору истоптанный лапоть и размахивая имъ, представляетъ пола съ кадиломъ, шуткой отлѣвая мертвецки льнаго товарища ровно покойника—на такую-то вовсе несмѣшную шутку веселымъ смѣхомъ заливаются бурлаки.... Вслѣдъ за тѣмъ веселымъ хохотомъ съ другой гусянки слышится неистовый вопль: „батюшки, буду глядѣть!... отцы родные, буду доваривать!... батюшки бурлаченьки, помилуйте!... родные, помилуйте!“ То бурлацкая артель самосудомъ справлялась съ излюбленнымъ кашеваромъ, за то что подалъ на ужинъ не провареную какъ надо пшеничную кашу...

По лону рѣки мелькаютъ лодочки рыбныхъ ловцовъ, вдали изъ-за колына рѣки выбѣгаетъ черными клубами дымящійся пароходъ, а клонящееся къ закату солнце горитъ въ высокомъ небосклонѣ, осмалая золотыми искрами рѣчную шамру; ширятся въ воздухъ и сверкаютъ лодъ лучами небснаго свѣтила бѣлосвѣжыя паруса и тѣлеса, вдали по

* Рабъ на водѣ во время ровнаго, не очень сильного вѣтра.

** Такъ бурлаки зовутъ попутный вѣтеръ.

*** Такъ бурлаки зовутъ надутый вѣтромъ парусъ.

красноватымъ отвѣснымъ горами правого берега выдѣляются обнаженныя, ровно серебряныя, слои алебастра, сияють на видѣ горъ дубовыя рощи, зеленѣетъ орѣшникъ густо поросшій по отлогимъ откосамъ. Ничего не видитъ, ничего не слышитъ Марко Давидычъ, ходитъ взадъ и впередъ не бульвару, одно на мысляхъ: „приходится съ Дуней разотаться!“

До глубокихъ сумерекъ проходилъ онъ вдоль кручи. Воротась домой весь ужинавъ промолчалъ, передъ отходомъ ко сну хохотъ Дарьи Сергѣевнѣ да матери Макриинѣ:

— Рѣшилъ я. Стану просить мать Манеюу пришла бы Дуню къ себѣ.... А вы ужь ее не оставьте, Дарья Сергѣевна, поживите съ ней покажеть будетъ она въ обученьи. Она жь и привыкла къ вамъ.... Обидно даже невозможно—любить васъ лучше чѣмъ роднаго отца.

Радостно блеснули взоры Дарьи Сергѣевны, но она постаралась подавить радость, скрыть ее отъ Марка Давидыча, не показала бы ему та радость обидною. „Тому-девать рада что покидаетъ хозяйство, домъ бросаетъ Богъ знаетъ на чьи руки.“

V.

Макриина рѣшенью Марка Давидыча была еще больше рада чѣмъ Дарья Сергѣевна. „Большое спасибо скажетъ мнѣ мать игуменья за то что сумѣла уговорить такого богача отдать въ обитель единственную дочку свою“, такъ думала довольная своимъ усѣхомъ уставщица. Перечисляла ужь въ мысляхъ она сколько денегъ, сколько поларковъ получить обитель отъ новаго „благодѣтеля“, а ужь насчетъ запасовъ, особенно рыбныхъ, нечего и думать—завалить Сماعيلуровъ обительскіе поррѣба, хоть торгъ заводи: всю рыбу никакъ тогда не прѣвотъ. Но этого мало показалось ревностной до обительскихъ выгодъ уставщицѣ, вздумалось ей еще поживиться на счетъ Марка Давидыча.

— О вашемъ рѣшеньи надо скорѣе отписать къ матушкинѣ, обратилась она къ нему.—Вы какъ располагаете дочку-то къ намъ привезти?

— Да ужь лѣто-то пуцай ее погуляеть, пуцай поживеть со мной... Ради ея и на Низъ не лѣвду—лѣвду останное время

ою Думошкой, наглажусь на мою голубушку, сказалъ Смолокуровъ.

— Значить по осени? молвила Макина.

— Да, послѣ Макарья — въ сентябрѣ что ли, отвѣтилъ Марко Давидычъ.

— Такъ я и отпущу къ матушкѣ, молвила Макина. — Приготовилась бы принять дорогую гостейку. Только вотъ что сокрушаетъ меня, Марко Давидычъ. Жить-то гдѣ будетъ она? Келій-то нѣтъ такихъ. Сказывала я вамъ намеренно что въ игуменьиныхъ кельяхъ тѣсновато ей будетъ, а въ другихъ кельяхъ еще тѣснѣй, да и не понравится вамъ — не больно приборно.... А она, голубушка, вонъ къ какимъ хоромамъ приобыкла... Больно ужъ ей не покажется.

— Какъ же тому пособить? сказалъ Марко Давидычъ и призадумался.

— Не знаю какъ это сдѣлать, Марко Давидычъ, не придумано; отвѣтила хитрая Макина. — Отписать развѣ матушкѣ, чтобы къ осени-то нову „стаю“ келій поставила... Будетъ ли согласна, не знаю.

— А мѣсто гдѣ строиться есть? спросилъ Марко Давидычъ.

— Мѣста за глава, на двадцать либо на тридцать стаѣ достанетъ, сказала Макина.

— За чѣмъ же дѣло стало? молвилъ Марко Давидычъ. — Отпущите матушкѣ, отвела бы поближе къ себѣ мѣстечко, а я на томъ мѣстѣ выстрою Думошкѣ домикъ.... До осени послѣдемъ и построить и всѣмъ его приукрасить.

— Развѣ что такъ, молвила Макина. — Не знаю только какое же то будетъ рѣшеніе матушки. Завтра же ей напишу.

— Да, ужъ пожалуйста скорѣй напишите, торопилъ ее Марко Давидычъ. — Завтра жь котаи день-отъ почтовый, можно будетъ письмо отослать.

— Сегодня жь изготовлю, молвила Макина и простась съ Маркомъ Давидычемъ, предовольная пошла въ свою горницу. „Дѣльцо ладно обдѣлалось, думала она. Послѣ выучки домъ-отъ намъ достанется. А она домикъ хорошій поставить, приберетъ на богатую руку, всѣмъ разукрасить, души вѣдь не чаешь въ дочкѣ-то.... Скажетъ спасибо матушка, поблагодаритъ меня за пользу святой обители.“

Недѣли черезъ полторы Макина получила отвѣтъ отъ игуменьи. Съ великой охотой брала Малеева Думю въ обуче-

нѣе и обѣщалась для ея домика отвести мѣсто возлѣ ошенихъ кельй. На счетъ лѣсу писала, что по соседству отъ Комарова, верстахъ въ пяти, въ одной деревнѣ у мужичка его залесено довольно, можно по сходной цѣнѣ купить, а лѣсъ хорошій, сосновый, крулмый, вылежался хорошо—сухой. Одно только не знаетъ она, какъ строить его.... Галки, что пришла на Керженецъ плотничать, всѣ теперь при мѣстахъ, подражѣнной работы будетъ имъ вплоть до глубокой осени; а приискать иныхъ плотниковъ и за дорогую плату теперь никакъ нельзя.

— Не матушкина бѣда, безъ нея справимся, молвилъ Марко Давилычъ, когда Макрина прочитала ему Манеино письмо. — Плотниковъ я найму и пошлю къ вамъ въ Комаровъ. Отписать только надо чтобъ тотъ лѣсъ, коли хорошъ, тотчасъ бы купили и на мѣсто перевезли. Что будетъ стоить сочтемся, завтра же пошлю рублей съ тысячу до расчета. Зачинала бы только матушка дѣло-то скорѣй. Домъ надо будетъ ставить лятистѣнный, немного помолчавъ примолвилъ Марко Давилычъ. — Въ передней три либо четыре горницы для Дунюшки да для Дарьи Сергѣевны, въ задней для работницы горенку да стряпущую.

— Стряпущую-то пожалуй и не надо, молвила Макрина, — кушанье-то будетъ имъ отъ обителя, изъ матушкиной кельи ставутъ приносить, не то съ Чалуриискими дѣвицами станетъ обѣдать и ужинать. Поваднѣ такъ-то будетъ, отъ жѣ ей погодки, * ровесницы—подругами будутъ.

— Этого, матушка, нельзя, возразилъ Смолокуровъ. — Вѣдь у васъ ни говядинки, ни курочки не полагается, а на рыбѣ на одной Дунюшку держать я не стану. Она вѣдь мѣрская, ивочества ей на себя не вздѣвать — зачѣмъ же ей отвыкать отъ мяснаго? Въ положенные дни лучшай ее мясное кушаетъ на здоровье.... Какъ это у васъ? Дозволяется?

— Конечно дозволяется, Марко Давилычъ, послѣшшая отвѣтить Макрина. — И Чалурииски дѣвицы безъ курочки, аль безъ гуська за обѣдъ въ скоромные дни не садятся. Особо готовить имъ въ матушкиной стряпущей. Вотъ на счетъ говядины али свинины, на счетъ значитъ всякаго крулмого — этого до сей поры у насъ не водилось.... Потому, знаете, живемъ на виду, отъ недобрыхъ людей клеветы могутъ пойти

* Одного возраста.

но міру — говядину-дескать ѣдятъ у Манеиныхъ, окоромничаютъ. Ради соблазна не допущается... Да ваша дочка ина отатя—матушка Манея разрѣшитъ ей на всеядіе.. Можно будетъ когда и говядишки...

— Ладно, хорошо, молвилъ Марко Давидычъ. — А вотъ еще: чай-отъ, я знаю, у васъ всѣ пьютъ, а какъ на счетъ кофею? Дунюшка у меня кофею любитъ.

— Такъ что же? спросила Макрина.

— Да вѣдь кто пьетъ кофею, тотъ ковъ на Христа строитъ, усмѣхнулся Марко Давидычъ. — Такъ что ли у васъ говорится?

— Полноте, Марко Давидычъ!.. Никогда отъ насъ вы этого не услышите, возразила Макрина. — Всякъ злкъ на службу человѣкомъ, сказано...

— А табакъ?.. Вѣдь тоже злкъ?.. прищуривъ глаза и усмѣхнувшись, спросилъ уставщицу Марко Давидычъ.

— А что же табакъ? сказала она. — И табакъ на пользу человѣкомъ. Ломота случится въ ногахъ — ничѣмъ какъ табакомъ лучше не пользуется. Обложи табачнымъ листомъ больну ногу, облегченье получишь не малое... Опять же мухъ изводить чего лучше какъ табакомъ? Червякъ вредный на овощъ нападетъ, настои табаку да спрыски—какъ рукой сниметь.... Вотъ курить, да нюхать—грѣхъ, потому что противу естества... Естествомъ и Божьимъ закономъ носу питанія не положено, такожде и дымомъ питанія не положено, а на полезную потребу отъ чего жъ табакъ не употребляютъ — Божье созданіе, все едино какъ и другія травы и злаки.

— А на счетъ картофелю какъ? спросилъ Смолокуровъ. — У меня Дунюшка большая до него охотница.

— Это гулёна-то, гурьба-то? * молвила Макрина. — Да у насъ по всѣмъ обителямъ на общу трапезу ее поставляютъ. Вкушать ее нималога грѣха не поставляемъ, все едино что морковъ, аль свекла, плодъ въ землѣ даетъ, во своемъ корню. У насъ у самихъ на огородахъ садятъ гулёну-то. По другимъ обителямъ больше съ торгу ее покупаютъ, а у насъ садятъ.

— Ладно, хорошо, довольнымъ голосомъ сказалъ Марко Давидычъ. — А на счетъ служебъ?.. Которы дѣвицы у насъ обучаются, въ часовню-то ходятъ-ли?

— Какъ же не ходить? Ходятъ, безъ того нельзя, отвѣтила Макрина.

* Такъ зовутъ за Волгою картофель.

Марко Данилычъ поморщился.

— Неужто за всѣ службы? спросилъ онъ. — Вѣдь у васъ онъ долги, опять же къ утрути подымаются у васъ ранымъ-ранехонько....

— Зачѣмъ же живущимъ дѣвицамъ за всяку службу ходитъ? Не ѡвокини, не пѣвчи бѣлицы, сказала Макрина.

— По воскресеньямъ бы часы только стояла, а къ утрутѣ ходила бы развѣ только на самые большіе праздники — а то не неволить: ребенокъ еще, молвилъ Марко Данилычъ.

— Такъ у насъ и дѣлается, Марко Данилычъ, такъ у насъ и водится, сказала Макрина. — Вотъ Чалуриискія — вздумаютъ когда, пойдутъ въ часовню, не вздумаютъ — дома сидятъ — никто ихъ не неволить.

— А на счетъ одѣжи? спросилъ Смолокуровъ. — Неужли Дуяъ черное вздѣтъ?

— Зачѣмъ это, Марко Данилычъ?.. Что за ѡвокини? У насъ и бѣлицы, какъ сами видите, цвѣтны передники да цвѣтны платочки на головахъ носятъ. А вашей дочкѣ и сарафанчики цвѣтные можно пошить. Одного только для живущихъ дѣвицъ у насъ не полагается — платица бы нѣмецкимъ покроемъ не шили, да головку бы всегда покровенну имѣли, хоть маленькимъ бы платочкомъ повязывались, потому что такъ по Писанію. Апостоль-отъ Павелъ женскому полу повѣщалъ главу покровенну имѣти... А косы съ лентами — можно. Баре перстеньковъ да колечекъ на перстिकाхъ не носить. На этотъ счетъ у насъ строго.

— Есан все такъ, такъ по мнѣ ничего, молвилъ Марко Данилычъ. — А какъ на счетъ обученья? Это и для Дуи и для нея главное дѣло.

— На счетъ обученья вотъ какъ дѣло у насъ пойдетъ, сказала Макрина. — Конечно никто бы такъ не обучилъ Дуиошкы, какъ еслибъ сама матушка за нее взялась, потому что учительнѣ нашей матушки по всему Кѣрженду нѣтъ, да и по другимъ мѣстамъ нашего благочестія едва ли гдѣ такая найдется. Однакожь самой матушкѣ тѣмъ дѣломъ обязать себя никакъ невозможно. И немощна частенько бываетъ, и заботъ да хлопотъ у ней много — обителью-то править вѣдь не легкое дѣло, Марко Данилычъ. Опять же переписка у нея большая и все... Невозможно, никакъ невозможно. Чалурииски дѣвицы родныя племянницы ей по плоти, какіе бы своя кровь, и отъ нихъ отступилась, сердеч-

ная, мнѣ препоручила ихъ обучать.... Конечно, подъ ея надзоромъ и руководствомъ обучаю.... Руководѣльямъ старшія дѣвицы Дуаю обучать, а самое-то нужное, самое-то главное обученье отъ самой матушки идетъ. Каждый Божій день дѣвицы вечеромъ чай кутать къ ней собираются и тутъ она ихъ поучаетъ какъ надобно жить по добру да по правдѣ, по евангельскимъ значить заповѣдямъ, да по уставамъ преподобныхъ отецъ.... Таково учительно говоритъ она съ вами, Марко Давидычъ, что не токма молодымъ дѣвицамъ, и намъ, старымъ ѱокинямъ, очень полезно для души послушать ея наставленій... И все такъ кротко да любовно, поучительно.... Для выучки коимъ я въ угоду важъ буду, такъ я, а не то и опричь меня другія старицы найдутся.... Божественнымъ книгамъ обучимъ, гражданской грамотѣ, писать—всему что слѣдуетъ дѣвицѣ. Въ томъ, сударь, будьте покойны.

— Да вы пожалуй на чернецкую статью ее обучите? молвилъ Марко Давидычъ.—Залугаете.... Вонъ у насъ мастерица Терентыха: у той все турлы-мурлы, да Антихристъ, а вся супротивная сила.

— Какъ это возможно, Марко Давидычъ?.. возразила Маркина. — Не въ ѱокини Дуношку станемъ готовить, зачѣмъ же ее на чернецкую статью обучать? Носила бъ только въ сердцѣ страхъ Божій, да оласно бы хранила себя отъ мірскихъ соблазновъ... Къ родителю была бы почитательна, любовь бы имѣла къ вамъ нелицемѣрную, повиновалась бы вамъ лю. Возъ во всемъ, старость бы вашу, когда достигнете ея, чтала, немощь бы вашу и всякую скорбь отъ всея души понесла бъ на себѣ. Душевную бы чистоту хранила, безстрастіе тѣлесное, отъ злыхъ бы и плотскихъ отлучалась, стыдливѣемъ себя украшала, въ нечистыхъ бесѣдахъ не бесѣдовала, а судьбу Господь пошлетъ—дѣлала бы супругу все ко благожитію, чадъ воспитала бы во благочестіи, о домѣ не класъ бы, простирала бы руцѣ своя на вся полезная, милость бы простирала къ бѣдному и убогому и тѣмъ возвеселила бы дни сожителя своего и дѣта его миромъ бы исполняла.... Вотъ чему у насъ мірскихъ дѣвицъ обучаютъ.

— Это все добро, хорошо, по Божьему, молвилъ Марко Давидычъ.—На счетъ родителя-то больше твердите, чтобъ во всемъ его почитала. Она у меня дѣвочка смышленная, притомъ же мягкосердая—вся въ мать покойницу.... Обучите ее,

воспитайте мою голубовьку—сторицею воспитаю, ничего не до-
жидая. Доброту-то ея, доброту сохраните, въ мать бы была...
Отъ, не знала ты, мать Макарина, моей Оленушки!.. Ангелъ
Божій была во плоти!.. Душюшка-то вся въ нее, сохраните
же ее, соблюдайте!.. По гробъ жизни благодарень останусь...

По лѣту Душюшкѣ домикъ въ Манеиной обители поста-
вили и какъ надо, по богатому его отдавали. Отъ Макарья
Марко Давидычъ на его убранство всего навезъ: и обоевъ, и
зеркалъ, и столовъ, и стульевъ, а все краснаго да орѣховаго
дерева, посуды мѣдной, хрустальной, фарфоровой и всякой
вещины для домашняго обихода накулаено было множество.
Все было хорошее, цѣнное. Поварчивала мать Манея на
Осмолокурова, зачѣмъ дескать столь дорогія вещи закула-
ешь, но Марко Давидычъ отвѣчалъ: „Нельзя же Душю кой-
какъ устроить, вошь вѣдомы достатки мои, вошь знаютъ
что ова у меня одна единственная дочь, недобрые, повор-
ные слухи могутъ развестись про меня по кулечеству, еже-
ли я на дочь поспеваюсь. Аредъ, окажутъ, этакой, для родной
дочери пожалѣвъ, устроилъ ее въ скиту ровно сироту без-
приданную. Такіе слухи, матушка, могутъ и кредитъ подо-
рвать... Нѣтъ ужъ я лучше все широкой рукой справлю, чего
и не надо, пусть будетъ надобно.... Не перечьте вы мнѣ, ма-
тушка, Душя отучится, важъ же все достанется, не везти же
мнѣ тогда добро изъ обители...“ И на то поворчала Манея,
хоть и держала на умѣ: „подай-ка Господи побольше такихъ
благодѣтелей“.... И сдержалъ свое обѣщанье Марко Дави-
дычъ; когда взялъ обученную дочку изъ обители—все по-
кинулъ матери Манеи отъ сестрами. Тогда Манея посуду
и всякое убранство къ себѣ забрала, Флевушкины горницы
окрасила, а цное что и къ себѣ въ келью взяла, до-
микъ отдала на житье матери Макария за ея усердіе. И
когда года черезъ полтора Макарина померла, Манея пере-
дала тотъ домикъ матери Тамарѣ, обительской казначей.

Передъ Вдвизненьемъ поселилась въ своемъ новенькомъ
домицѣ маленькая хозяйка отъ „тетей“ Дарьей Сергѣевной.
На новоселье самъ Марко Давидычъ привезъ ихъ, и больше
духъ недѣль прогосталъ въ обители—все-то было жалко
ему разставаться съ Душюшкой.... Глядѣвъ сумрачно, не-
весело, мало отъ кѣмъ говорилъ, видно что таккая кручи-
на одолѣвала сердце его. Пришла наконецъ пора расста-

ванья, насилу оторвался Марко Данилычъ отъ дочки, а ухватши, миновалъ свой городъ и съ послѣднимъ парходомъ слылъ въ Астрахань, не глядѣть бы только на опустѣлый безъ Дуношки домъ. И всю зиму до весны провелъ на чужой сторонѣ.

Въ обители всѣ полюбили Дуно Смолокурову, начиная съ матушки Манеены до послѣдней трудницы. А полюбили ее не только въ чаяннн богатыхъ подарковъ отъ Марка Данилыча, но больше за то что была Дуна такая добрая, такая умница, такая до всѣхъ ласковая. Мать Макари на по книгамъ учила ее, а когда иной разъ Таифа мѣсто ея заступала, на досугѣ и сама Манеена поучала ее какъ жить по доброму, по хорошему.... Руководьными работамъ Фленушка да Марыюшка обучали Дуно на ряду съ Чалуринскими дѣвцами: то у нея въ горницахъ собирались, то въ горницахъ Фленушки. Дарья Сергѣевна на шагъ не отпускала отъ себя Дуни — въ часовнѣ ли, на гулянкахъ ли, на ученн ли, бывало не отойдетъ отъ нея. Никто изъ дѣвиць, сама даже Фленушка, не смѣла при ней лишннхъ словъ говорить, отъ того выросши въ обители Дуна многого не знала, о чемъ узнала дочери Чалурина. Ни солоньевъ въ перелѣсокъ слушать вмѣстѣ съ прѣзжими купчиками не хаживала, ни разговоровъ нескромныхъ не самхивала, ни проказъ дѣвичьихъ не видывала. Изво всѣхъ больше свылась она съ Груней, богоданною дочкой Чалурина. И хоть та ее лѣтъ на пять постарше была, но дружба между ними завязалась неразрывная. Дарья Сергѣевна тому не прелятствовала, вида какъ скромна, какъ добра, чиста и въ мысляхъ своихъ непорочна тихая, вѣжкая, немложко всегда грустная и всегда къ чуждому горю чуткая богоданная дочка Патапа Максимыча. Груня имѣла большое влненье на подраставшую дѣвочку, ее да Дарью Сергѣевну благодарить надо Дуна за то что проживши семь лѣтъ въ Манеениной обители всецѣло сохранила она чистоту душевныхъ помысловъ и вѣдала въ своемъ сердцѣ стремленье къ добру и правдѣ, неолодимое старанье ко лживому, злону, порочному.

Разъ по лята, иной годъ и чаще навязалъ въ Комаровъ Марко Данилычъ поглядѣть на дочку и каждый разъ ганцивалъ у нея недѣли по двѣ и по три. Строя домикъ, для своихъ прѣздовъ нарочно съ боку прирубилъ онъ двѣ небольшие

горелки. Каждый прїездъ Смолокурова праздникомъ бывалъ не для одной Манешиной обители, но для всего скита Комаровскаго. Навезетъ бывало онъ Дунѣ всякихъ гостинцевъ, а какъ побольше выросла, цѣлыми кусками возилъ ей ситцы, холстинки, платки, синїй кумачъ на сарафаны, и все это Дуля бывало, ото вѣхъ потихоньку, раздастъ по обителямъ, и „сиротамъ“, да кромѣ того самымъ бѣднымъ выпроситъ денегъ у отца на раздачу.... Марко Давидычъ самъ никому ничего не давалъ, олричь рыбныхъ и разныхъ другихъ запасовъ, что присылалъ къ матушкѣ Манеѣ, Дуля вѣсмъ раздавала, отъ Дуни подарки вѣшъ шлѣ; за то и ублажали ее ровно ангела небеснаго. Зѣ годъ до того какъ Дунѣ домой подѣ отеческїй кровъ воротиться, еще новый домикъ въ Манешиной обители построился, а убранный и разукрашенъ былъ чуть ли не лучше Дунина домика. — Марья Гавриловна жить въ Комаровъ изъ Москвы переѣхала. Марко Давидычъ съ богатой вдовой познакомился, просилъ ее не оставить Дунюшки. Ото всей души Марья Гавриловна полюбила дѣвочку, чуть не каждый день проводила съ нею по вѣскольку часовъ; отъ Марьи Гавриловны научилась Дуля тому обращенью, какое по хорошимъ куначескимъ домамъ водится.

VI.

Семь лѣтъ въ скиту выжила Дуля, и когда воротилась въ родительскїй домъ, его не узнала. Поджидая дочку и зная что года черезъ два, черезъ три женихи начнутъ свататься, Марко Давидычъ весь домъ передѣлалъ и убралъ его съ невиданной въ томъ городкѣ роскошью—хоть въ самѣй Москвѣ любому милліонщику такой домъ завести. Но кромѣ отѣшанныхъ подѣ раморъ стѣнъ залы, кромѣ саженныхъ зеркалъ, штофныхъ занавѣсовъ, бронзы и мелкоштучнаго паркета, еще одна новость появилась въ домѣ Смолокурова. Живя въ мрачномъ одиочествѣ Марко Давидычъ сталъ книги читать и мало-по-малу къ нимъ пристрастился. Сталъ собирать сначала только печатанныя при первыхъ пяти патрїархахъ да старолисьяныя, потомъ и новыя, гражданскїя. Когда воротилась Дуля, и увидела шкапы со множествомъ книгъ, весело кивнула отцу милостивою головкой, когда онъ указавъ на книги сказалъ ей: „читай на досугѣ, Дунюшка,

тутъ есть чего почитать, хоть теперь ты у меня обучающаяся, а все-таки храни старую нашу пословицу: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“.

Возвратясь на старое пепелище довольна была и Дарья Сергѣевна. Въ семь лѣтъ зорчѣе кумушекъ стило и давно позабылось, теперь же когда „Христовой невѣстѣ“ стало ужь лодъ сорокъ, и прежняя красота сошла съ лица, новыя слаетки заводитъ даже благородной вдовицѣ Ольгѣ Панфиловнѣ было не съ руки, пожалуй еще никто не повѣритъ, пожалуй насмѣется еще въ глаза вѣстовицѣ. А это бы было ей лучше всего. Попрѣжнему приняла на свои руки Дарья Сергѣевна хозяйство въ домѣ Марка Давидыча и по просьбѣ его стала понемногу и Дуню приучать къ домоводству.

Жизнь у Смолокуровыхъ была тиха, однообразна. Въ Манешиной обители если не живѣй, то гораздо шумѣй и веселѣе было, чѣмъ въ подномѣ роскоши и богатства домѣ Смолокурова. Тамъ у Дуни были дѣвицы-ровесницы, тамъ умная, добрая, привѣтливая Марья Гавриловна, ласковая Манееша, цѣнокниги, бѣлицы, всѣ надыхаться не могли на Думюшку, на рукахъ носили ее. Дома совсѣмъ не то: въ немногихъ кулеческихъ семействахъ уѣзднаго городка ни одной дѣвушки не было что бѣ подходила къ Дуни по возрасту, изъ женщинъ рѣдкія даже грамотѣ знали, дворянскіе дома были недоступны—тогда еще такое время было что не только дворяне самые мелкопомѣстные, приказный людъ даже, уѣздные чиновники, на кулцовъ смотрѣли съ высокою и никакъ не хотѣли равнять себя даже съ тѣми у кого оборотовъ на сотни тысячъ бывало. Съ мѣщанскими дѣвицами нельзя было водиться—очень вольны, сойдись съ ними Дуня, не хорошая бѣ слава пошла про нея... Все одна да одна, только и свѣту въ окошкѣ что Дарья Сергѣевна. И вышло такъ, что воротась изъ монастыря, точно въ затворѣ обѣ молали. Принялась Дуня за отцовскія книги. Старые, черныя кожаные перелеты старинныхъ книгъ и въ обители ей приглядѣлись, за новыя принялась, за мірскія. Путешествія, описанья разныхъ городовъ и странъ, сказанья о временахъ минувшихъ читались и перечитывались ею. Другаго рода книгъ не было въ шкалахъ Марка Давидыча, другія почиталъ онъ „богоотводными“, либо „лотѣшными“. Чтеніе книгъ раскрыло Дуни новый, невѣдомый дотолѣ ей міръ, цѣлые вечера бывало просиживала она надъ книгами, такъ что отецъ начиналъ ужь

немножко на дочку хмуриться, глазъ бы не попортила, либо сама, борони Господи, не захворала.

Шестнадцать лѣтъ еще не было ей когда воротилась она изъ обители, а досужія свахи тотчасъ одна за другой стали подѣзжать къ Марку Данилычу—домъ богатый, невѣста одна дочь у отца, всякому охота Дунышку въ жены взять. Сунулись было свахи съ кулеческими сыновьями изъ того городка гдѣ жили Смолокуровы, но всемъ отказъ какъ шесть. Сына городскаго головы сватали и тому такой же отвѣтъ.

Сынъ дворянскаго предводителя, часто гуляя по бульвару, подъ которымъ въ полугорѣ стоялъ домъ Смолокурова, поглядывалъ частенько въ подзорную трубку на Дуню, когда гуляла она по саду, либо на балконѣ съ книжкой сидѣла. Влюбился въ нее черезъ трубку... Не мудрое дѣло,—у отца у его имѣнье висѣло на волоскѣ, а Дуня наследница перваго богача по окрестности, миллионщика. Свахъ не засыпали, самъ предводитель пріѣхалъ къ Марку Данилычу посватать сына. Думалъ онъ что Смолокуровъ до потоака вспрыгнетъ отъ радости, вышло не то: Марко Данилычъ ему на отрѣзъ отказалъ, говоря что дочь у него еще молода, про жениховъ ей рано и думать, да еслибъ и постарше была, онъ бы ее за дворянина не выдалъ, а только за своего брата кулца, и тоже съ хорошимъ капиталомъ. Послѣ того никто изъ помѣщиковъ не захотѣлъ вѣнчаться съ „мужичкой“, хоть каждому хотѣлось породниться со Смолокуровымъ ради поправки обстоятельствъ. Стали свататься кулцы-женихи изъ большихъ городовъ, изъ самой даже Москвы, но Марко Данилычъ всемъ говорилъ что Дуня еще не перестарокъ, а родительскій домъ ей еще не надоѣлъ. Когда же минуло Дунѣ восемнадцать лѣтъ, подарилъ ей обручальное колечко, примолвивъ чтобъ она, когда придетъ время, выбирала жениха по мыслямъ, по своей волѣ, а онъ замужствомъ ее вудить не станетъ. Говорено это было Великимъ Постомъ, а послѣ того Смолокуровъ виду не подавалъ, никакого намеку не сдѣлалъ на счетъ этого, а самъ съ собой такую думу раздумывалъ: „гдѣ жъ въ нашемъ городкѣ Дунѣ судьбу найти?.. Людей здѣсь не видать, да и вѣдь-то, признаться, некого, подходящихъ нѣтъ ни единого“. Придумалъ къ Макарыю свозить ее на армонку, въ Ярославль оттуда на пароходѣ прокатиться, потомъ Москву показать. А до тѣхъ поръ вздумалось ему свозить Дуню на Ветлугу въ

село Воскресенское къ ея сроднику Лещову. Самъ-отъ каждый годъ овъ къ нему къ Нефедову дню на именины ѣзжалъ. У Лещовыхъ гостей было много, но Дуня никого даже не замѣтила, но бывши съ отцомъ въ Петровъ день на старомъ своемъ лелелищѣ, въ обители матушки Манеи, казанскаго куличика Петра Стелавыча Самоквасова маленько запримѣтила.

Къ первому Спасу Марко Давидычъ Дуню къ Макарью повезъ, поѣхала съ ними и Дарья Сергѣевна. Олтовый торгъ рыбой прямо съ судовъ ведутъ; потому и не было у Смодокурова въ ярмонкѣ лавки ни своей ни наемной, каждый годъ живалъ овъ на которой-нибудь изъ баржѣй, каюты хорошия были въ баржахъ-то устроены. Но нельзя же Дуню на баржу везти, непривычный человекъ за полверсты отъ рыбнаго каравана носъ затыкаетъ, очень ужъ не хорошо отъ него полахиваетъ. Помѣстались въ гостищѣ, не на ярмонкѣ, гдѣ ужъ очень шумно и безпокойно было, а на городской сторонѣ.

Устроившись на квартирѣ, Марко Давидычъ поѣхалъ съ Дуней на ярмонку. Какъ ни уговаривалъ овъ Дарью Сергѣевну ѣхать съ ними „подъ Главный Домъ“, она не согласилась.

Обширное зданіе Главнаго Дома стоитъ въ самой серединѣ ярмонки, подъ его арками устроены небольшія лавочки съ разными блестящими товарами. Тутъ до самыхъ, не высокихъ впрочемъ, сводовъ развѣшаны персидскіе ковры, закавказскія шелковыя ткани, роскошныя бухарскіе халаты, кашмировыя шали, разложены екатеринбургскія работы изъ малахита, топазовъ, аквамариновъ, аметистовъ, бронза, хрусталь, мраморныя изваянія. При яркомъ освѣщеніи все это горитъ, блеститъ, сверкаетъ и переливается радужными лучами. Въ срединѣ на досчатомъ возвышеніи играетъ музыка, кругомъ кишитъ разнообразная толпа. Тѣсятса тутъ и разряженныя въ лухъ и прахъ губерскія щеголихи, и дородныя купцы съ золотыми медалями на шеѣ, и глубокомысленныя земскіе дѣятели съ толстыми сулругами подъ руку, и вертявые, тоненькіе молодые чиновники судебнаго вѣдомства и гордо посматривающіе вкругъ себя лѣхотные офицеры. Вотъ казанскіе Татары въ шелковыхъ халатахъ съ золотыми тибетейками на бритыхъ головахъ важно похаживаютъ съ чернозубыми женами, прикрывшими бѣлыми флеровыми фатами густо набѣленныя лица, вотъ длинноносые Армяне въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, съ патронташами

на чекменяхъ * и съ кинжалами на кожаныхъ съ серебряными вставки на поясахъ, Евреи въ длиннополыхъ сюртукахъ, съ рѣзко очертанными, своеобразными обличьями; молча, какъ будто гнѣвно похаживаютъ задумчивые, сдержанные Англичане, трещать и громко хохочуть Французы съ наполеоновскими бородками, и съ какой-то торжественностью тихо двигаются гладко выбритые, широколицыя саратовскіе Нѣмцы; неподвижно стоятъ разинувъ рты на невиданныя диковинки деревенскія молодицы въ московскихъ ситцевыхъ сарафанахъ съ разноцвѣтными шерстяными платками на головахъ.... Разноязычный говоръ заглушаетъ музыку, когда не гремитъ она трескучими трубами, оглушающими литаврами и бьющими дробь барабанами.... Ошеломили Дуню и этотъ шумъ, и этотъ блескъ, и эта пестрая, тѣсная толпа. Много людей, ни одного знакомаго лица, и тамъ и тутъ говорятъ неловкато, не по-русски, вездѣ суетливость, тревожность. Мутится у Дуни въ очахъ, сердце такъ и стучить, голова кружится, стало ей страшно; тихо проситъ отца удалиться отъ шума и гама. Но не слышитъ онъ дочернихъ рѣчей, встрѣтивъ знакомаго, пустился съ нимъ въ разговоръ про цѣны на икру да на сушь. **

Вдругъ передъ Дуней Петръ Степанычъ Самоквасовъ. Поздоровался онъ съ Смолокуровымъ. Марко Данилычъ радъ нечаянной встрѣчѣ. Ковчивъ съ знакомцемъ разговоръ о судахъ, заботливо сталъ онъ спрашивать Самоквасова давно ли на ярмонкѣ, откуда пріѣхалъ, и долго ль останется у Макарья. Петръ Степанычъ почтительно, и лишь съ едва замѣтной радостью во взорѣ, поклонился Дуни. Просіяла она, улыбнулась ясной, открытой улыбкой, потомъ вслыхнула и опустила голубые глазки. Замѣтилъ Петръ Степанычъ и улыбку и разлившійся по лицу румянецъ и вдругъ стало ему съ чего-то весело. Но онъ осторожно и сдержанно выражалъ радость, вдругъ охватившую душу его. Нѣжно поглядывая на Дунюшку, рассказывалъ онъ Марку Данилычу что пріѣхалъ ужъ съ недѣлю, а пробудеть на ярмонкѣ до флаговъ, *** что онъ, послѣ того какъ видѣлись на праздникѣ у Манеены, дома въ Казани еще не бывалъ, что поѣхалъ тогда по дѣламъ въ Ярославль да въ Москву, тамъ вздумалось ему прокатиться по новой еще тогда желѣзной

* Чекмень — короткій полукафтанъ съ перехватомъ.

** Сушеная на солнцѣ рыба.

*** Спускъ ярмомочныхъ флаговъ 26го августа.

дорогѣ, сѣлъ, поѣхалъ, попалъ въ Петербургъ, да тамъ и застрялъ на мѣсяцъ.

— А вы давно ли здѣсь, Марко Давидычъ? спросилъ Петръ Степанычъ, кончивъ разказъ про петербургскую поѣздку.

— Съ сегодняшнимъ пароходомъ, отвѣтилъ Марко Давидычъ.—Ярмонку дочкѣ хочу показать, прибавилъ онъ улыбаясь и съ любовью взглянувъ на Дуню.

— А вы никогда еще не бывали на ярмонкѣ? Въ первый разъ? спросилъ Самоквасовъ, быстро повернувъ голову и взглянувъ въ лицо Дуни.

— Въ первый разъ, проговорила она и потулилась.

— Что жъ понравилась вамъ? опять спросилъ Петръ Степанычъ, обливая взоромъ разгорѣвшееся личико дѣвушки.

— Шумно очень, отвѣтила она.

— А вы не любите шума? продолжалъ онъ спрашивать.

— Не люблю, потуливъ глаза сказала Дуня.

— Дѣло не привычное, улыбаясь на дочь, молвилъ Марко Давидычъ.—Людей-то еще мало видаа. Нашъ-отъ городъ маховойкой да тихой, на улицахъ-то ни души, травой поросли онѣ. Гдѣ жъ ей было людей-то видѣть?... Да ничего, обглядится, маленько полпривыкнетъ. Согрѣшить хочу для нея, въ циркъ повезу, въ театры....

— Нѣшто грѣхъ? усмѣхнувшись, спросилъ Самоквасовъ.

— А нѣшто спасенье? засмѣялся Смолокуровъ.

Разстались. На прощаньи другъ отъ друга узнали что остановились въ одной гостиницѣ.

— Значить сосѣди, видѣться будемъ. Милости просимъ насъ посѣтить, чайку когда покушать, съ теплымъ радушиемъ молвилъ Самоквасову Марко Давидычъ.

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, отозвался Петръ Степанычъ. Скромно, вѣжливо поклонился онъ сначала отцу, потомъ дочери и скрылся въ толгѣ.

— Поѣдемъ, тятенька, домой, сказала Дуня отцу тотчасъ по уходѣ Самоквасова.

— Рано еще, всего восьмой часъ, молвилъ Марко Давидычъ.—Погуляемъ... Можетъ, еще кого изъ знакомыхъ встрѣтимъ.

— Голову что-то ломить... Съ дороги должно-быть... сказала Дуня.

— Какое съ дороги? сказалъ Смолокуровъ.—Бѣжали недолго, шести часовъ не ѣхали, не трясло, не било, ни дож-

дешь не мочило.... Ты же все лежала на диванчикѣ — съ чего бы кажись головкѣ разболѣться?... Не продудло ль развѣ тебя, какъ на верхъ выхолила?

— Тепло я одѣта была, отвѣтила Дуня.

— Это съ непривычки. Вишь народо-то что!... А музыка-то? Не слыхивала такой? Почтище нашего органа? А? Ничего, привыкай, привыкай, Дунюшка, не все жь въ четырехъ стѣнахъ жить, придется и выпрыгнуть изъ родительскаго гнѣздышка.

Не отвѣтила Дуня, но крѣпко прижалась къ отцу. Въ то время толпа напирала, и прямо передъ Дуней сталъ высокій, чуть не въ косую сажень Армянинъ.... Устремилъ онъ на нее тупоумный, сладострастный взоръ, и отъ восторга прищмокивалъ даже губами. Дрогнула Дуня — слышала она что Армяне у Макарья молоденькихъ дѣвушекъ крадутъ. Потому и прижалась къ отцу.

Протѣснился Марко Давилычъ въ сторону, сталъ у прилавка, гдѣ разложены были екатеринбургскія вещи.

— Выбирай, что по мысли придется, сказалъ онъ, становясь рядомъ съ дочерью.

Продавецъ тотчасъ сталъ снимать съ полокъ замшевыя корочки, сафьянныя укладочки, маленькіе ларчики и раскладывать ихъ передъ Дуней. Но блестящіе, играющіе разноцвѣтными лучами самоцвѣтные камни не занимали ее. Душно ей было, на просторъ хотѣлось, а восточный человекъ не отходить, какъ вкопанный съ боку прилавка сталъ и не сводить жадныхъ глазъ съ Дуни, а тутъ еще какой-то офицеръ съ наглымъ видомъ уставился глядѣть на нее. Робѣетъ Дуня, не глядитъ на разложенныя передъ ней вещи и почти сквозь слезы проситъ отца: „Поѣдемъ домой, пожалуста поѣдемъ!“ Согласился Смолокуровъ, поѣхали.

Когда воротились, Дарья Сергѣевна встревожилась, взглянувъ на названную племянницу... На себя была не похожа — лицо разгорѣлось, нижняя губка дрожала. Старалась Дуня усложнить „тетю“, дѣлала надъ собой усиліе, чтобъ не выказать волненья, принужденно улыбалась, но волненье выступало на лицѣ, дрожавшій блескъ вспыхивалъ въ голубыхъ глазкахъ и невольная слезинка сверкала въ темныхъ длинныхъ рѣсницахъ. Перепугался и Марко Давилычъ, никогда не видывалъ онъ Дуню такою, и сама Дуня удивилась, взглянувъ на себя въ зеркало. Засуетились и отецъ

и Дарья Сергѣевна.... Несмотря на увѣренья Дуни что никакой боли она не чувствуетъ, что только въ духотѣ у нея голова закружилась, Марко Данилычъ хотѣлъ-было послать за лѣкаремъ, но Дарья Сергѣевна уговорила оставить больницу въ покоѣ до утра, а тамъ посмотрѣть что надобно будетъ дѣлать. Не очень жаловала она лѣкарей, не хотѣлось ей чтобы лѣчили они Дунюшку.

— Прохватило должно-быть на пароходѣ, въ полголоса говорилъ встревоженный Марко Данилычъ Дарья Сергѣевнѣ, когда Дуня пошла раздѣваться. — Сиверко было какъ она на верхъ-отъ выходила?

— Богъ милостивъ, пройдетъ, успокоивала его сама несолокойная Дарья Сергѣевна. — Горяченькимъ на ночь ее налю, горчичникъ приложу. Нельзя же иной разъ не прихворнуть.

— Охъ, боюсь я, Дарья Сергѣевна! Ну, какъ удержи Господи!... Что тогда?... съ отчаяньемъ говорилъ Смолокуровъ, поникнувъ головой и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Подните, Марко Данилычъ, ничего не видя убивать себя. Какъ это не стыдно. А еще мущина! уговаривала его Дарья Сергѣевна. — На такомъ многоядствѣ она еще не бывала, что мудреного что головка заболѣла? Богъ милостивъ! Вотъ развѣ что? быстро сказала Дарья Сергѣевна.

— Что? вдругъ остановясь и зорко глядя на нее, спросилъ Смолокуровъ.

— Не сглазилъ ли ее кто? Мудреного нѣтъ: Народу много, а на нее, голубоньку, есть на что посмотрѣть, молвила Дарья Сергѣевна. — Спрысну ее черезъ уголекъ — Богъ дастъ полегчаетъ.... Ложитесь со Христомъ, Марко Данилычъ; утро вечера мудренѣе.... А я что надо надъ ней сдѣлаю.

Смолокуровъ вошелъ въ комнату дочери проститься на сонъ грядущій. Какъ ни увѣряла его Дуня что ей лучше, что голова у ней больше не болитъ, что совсѣмъ она успокоилась, не вѣрилъ онъ, и когда прощаясь поцѣловалъ ее въ лобъ, крупная слеза канула на лицо Дуни.

— Тятенька! вскрикнула она. — Что ты?

— Ничего, ничего, моя дорогая, подавляя волненье, сказалъ Смолокуровъ, потомъ перекрестя дочь, быстро вышелъ изъ комнаты.

Оставшись съ Дуней Дарья Сергѣевна раздѣла ее и уложила въ постель. Въ сосѣдней горницѣ съ молитвой наизу

въ полоскательную чашку чистой воды на уголь, на соль на печенку, * — нарочно на всякій случай ее съ собой захватила, — взяла въ ротъ той воды и войдя къ Дунѣ невзначай спрыснула ее, а потомъ оставленною водою принялась умывать ей лицо, шелотомъ приговаривая:

— Отъ стрѣшнаго, поперечнаго, отъ лихаго человѣка попилай Гослоди рабу свою Евдокею! Отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго человѣка, отъ рыжаго, отъ черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго, отъ сѣраго глаза, отъ каряго глаза, отъ синяго глаза, отъ чернаго глаза!... Какъ заря-Амнитарія исходила и потухала, такъ бы изъ рабы Божіей Евдокеи всякіе недуги налуцовные исходили и потухали. Какъ изъ булату, изъ синяго укладу камениемъ огонь выбиваетъ, такъ бы изъ рабы Божіей Евдокеи всѣ недуги и порчи вышибало и выбивало.... Притка ты притка, приткина мать, бѣдѣсти, уроки, призоръ очесъ, подите отъ рабы Божіей Евдокеи во темныя дѣса, на сухіи дерева, гдѣ народъ не ходитъ, гдѣ скотъ не бродитъ, гдѣ птица не летаетъ, гдѣ звѣрь не рыщеть.... Соломовида бабушка ** Хриstopравушка, Христа мыла, правила, намъ окатышки оставила!... Запираю приговоръ тридевяти тремя замками, тридевяти тремя ключами.... Слово мое крѣпко!... Аминь.

И взявъ чистую сорочку, подала ее Дунѣ утереться изнанкой.

Затѣмъ надѣвъ чистую сорочку и напоивъ дѣвушку липовымъ цвѣтомъ съ малиной, укутала ее съ ногъ до головы и велѣла тотчасъ глаза закрыть. Сама не раздѣваясь, возлѣ Дуниной кровати прилегла на диванѣ.

Стихло въ гостиницѣ, лишь изрѣдка слышится гдѣ-то въ дальнихъ корридорахъ глухой толотъ ло чугувному полу залоздавшаго лостояльца да зазвенитъ замокъ отпираемой двери.... Прощумѣло на улицѣ и тотчасъ стихло, — то передъ разводкой моста черезъ Оку возвращались съ ярмовки

* Кусочекъ глины выковыранный изъ связи печныхъ кирпичей.

** Апокрифическая баба Соломея или Соломовида, будто бы упоминавшая Христа при рождествѣ Его, упоминается въ апокрифическихъ Евангеліяхъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ (напримѣръ „Синаксарь“). У старообрядцевъ поминается она, когда даютъ молитву рожевицамъ. Празднуютъ бабѣ Соломеѣ на другой день Рождества (26го декабря), въ этотъ день варятъ кашу и угощаютъ бабушекъ-повитухъ. Обычай этотъ называется „бабуи каши“.

последніе горожане.... Тишина ничѣмъ не нарушается, развѣ гдѣ въ сосѣднихъ квартирахъ чуть слышно раздастся хралъ, либо кто-нибудь въ просонкахъ промычить, что-то пробормочеть и стихнетъ.

На соборной колокольнѣ полночь пробило, пробило часть, два.... Дуня не спитъ.... Сжавшись подъ одѣяломъ лежитъ она недвижимо, боясь потревожить чуткій сонъ заботливой Дарьи Сергѣевны.... Вспоминаетъ чтò видѣла въ тотъ день. Въ первый еще разъ на пароходѣ вѣхала, въ первый разъ и ярмовку увидала. Видѣнное и слышанное одно за другимъ оживаетъ въ ея памяти.

Вотъ раннее свѣжее утро, со свѣтомъ вмѣстѣ подыались Смолокуровы въ ожиданьи бѣгущаго съ верху парохода. Небо чисто и ясно, утренняя заря румянцемъ разливае­ся по небу и отражаясь въ тихихъ зеркальныхъ водахъ Оки, обливае­тъ ихъ розовымъ сіяньемъ. Вдали за песчаной косою засвистѣлъ пароходъ, стали слышно укладывать на долгушу чемоданы, сами въ коляскѣ съѣхали къ пристани. Все занимаетъ Дуню: и необычное раннее вставанье, и свѣжесть июльскаго утра и кроткое сіянье зари... Вотъ паромъ и нѣсколько лодокъ стоитъ у пристани, наполняются тѣ лодки молодцами и дѣвушками съ подошниками, крытыми чистыми тряпичками. Идутъ межъ ними шутивыя перебранки и веселые разговоры, порой вырываются громкіе, визгивые крики. Паромъ отвалилъ, за нимъ и лодочки поплыли на луговой берегъ. Ни при городѣ, ни при слободѣ чтò возлѣ него длиннымъ поселкомъ вытянулась по берегу, нѣтъ ни яды выгонной земли—луга за рѣкой. Только соль­еть рѣка съ поймы, скотъ перевозятъ обоялдомъ,* тамъ и пасется онъ до поздней осени.... Отъ того каждый день на утренней зарѣ и передъ солнечнымъ закатомъ бабы вѣзять за Оку коровушекъ доить. Съ дѣтства о томъ Дуня слы­хала, но досель не видала переѣзда черезъ рѣку доильщицъ.... Жалко ей стало ихъ, и теперь въ ночной тиши про ихъ труды она думаетъ.... Хорошо было ей: ясно, тихо, тепло.... А ка­ково имъ, бѣдняжкамъ, въ дождь, непогоду, какво имъ тогда какъ по рѣкѣ вѣтры разыграются и не только мелкія лодки, паромъ волнами какъ мячикъ къ верху подкидываетъ.... Какъ помочь, какъ имъ пособить?... Не придумаетъ...

Съ оглушительнымъ свистомъ подбѣжалъ пароходъ. При-

* На ту сторону рѣки.

чалась, забираетъ охотниковъ хватъ. Робко вступаетъ Дуля на палубу, дрожащей поступью идетъ за отцомъ въ уютную каюту, садится у окошка, смотритъ на маленькій свой городокъ что раскинулся причудливо по берегу, полугорьямъ и на верху высокой кручи.... Опять пронзительно свистнуло, Дуля невольно вздрогнула.... Разъ, два и зашумѣли колеса и любѣжалъ пароходъ по желтосивему лону Оки.... Яркое, привѣтно сіяющее солнце поднимается надъ горами праваго берега. Длинной, предлинной полосой растянутые на восточной сторонѣ неба облака серебромъ засверкали отъ всплывшаго подъ ними свѣтила, хлынули съ небесной высоты золотые лучи и подернули чуть замѣтную рябь рѣчного лона сверкающими переливами яркаго свѣта. Въ верху небосклона появились ясныя, сѣроватыя облака съ нѣжно-серебристыми краями и надъ сверкающей золотистыми огнями и багровымъ отблескомъ рѣкой стали недвижимо въ бездонной лазури....

Шумить, бѣжить пароходъ, безпрестанно мѣняются виды: высятся крутыя горы, то покрытыя темнозеленымъ орѣшникомъ, то обнаженныя и прорѣзанныя глубокими и далеко уходящими вѣрами. Рѣка извивается и съ каждымъ изгибомъ ея горы то подходят къ водѣ и стоятъ надъ ней краснобурыми стѣнами, то удаляются отъ рѣки и отъ подошвы ихъ широкѣе и привольно раскидываются яркозеленые сочные покосы лѣсныхъ луговъ. Тамъ и сямъ на вѣнцѣ горъ чернѣютъ ряды высокихъ бревенчатыхъ избъ, бѣлѣютъ сельскія церкви, помѣщицки усадьбы.

Шумить, бѣжить пароходъ.... Вотъ на желтыхъ, сылучихъ лѣсахъ обширныя слободы сливаются въ одно непрерывное селенье.... Дома все большіе двухъэтажныя, за ними дымятся заводы, а дальше въ густомъ желтосѣромъ туманѣ виднѣются огромныя кирпичныя зданія, надъ ними высятся церкви, часовни, минареты, китайскія башенки.... Впереди рѣки не видать—сплошь заставлена она рядами разнообразныхъ судовъ.. Направо по горамъ и по скатамъ раскинулись сады и зданія большаго стариннаго города.

Одно за другимъ вспоминается Дуль, вспоминается и тѣло, шумъ, блескъ что испугали ее на ярмонкѣ. И каждое вспоминанье, о пароходѣ ли, о берегахъ ли Оки, о бабахъ ли перерѣзавшихъ за рѣку къ коровушкамъ — почему-то все сливается съ памятью о Петрѣ Степанычѣ. Его образъ то и глѣо передъ душевными очами Дуни. То вдругъ вышелъ онъ изъ береговыхъ кустовъ, то перерѣзываетъ рѣку въ легкой

косной лодочкѣ, то входитъ въ ея каюту, то съ яростью отталкиваетъ Армянина, когда тотъ нагнулся было къ ней, и крѣпко обнявъ захотѣлъ поцѣловать ее.... Вотъ онъ выводитъ ее изъ тѣсной толпы, ведетъ въ какой-то садъ, она оглядывается, а это ихъ садъ, вотъ ея грядки, вотъ ея цвѣточки, вотъ и раскрашенная узорчатая бесѣдка, гдѣ каждый день сидитъ она съ работой либо съ книжкой въ рукахъ.... Онъ зоветъ ее въ бесѣдку.... Робко и медленно идетъ она на зовъ, но — не стало ни его, ни бесѣдки, стоитъ прилавокъ съ яшмами, аметистами, а тутъ и Армянинъ съ офицеромъ.... они хватаютъ ее, куда-то тащатъ.... Въ глазахъ Дуни все кружится, туманится, все кроется мракомъ, за ней гонятся какія-то чудовища съ огненными глазами, а вдали въ слабо мерцающемъ свѣтѣ—онъ. Хочетъ бѣжать къ нему, но не можетъ отдѣлить ногъ отъ земли, точно приросли онъ, а чудовища ближе и ближе... и опять все кружится, опять все темнѣетъ....

Марко Давидычъ, снявъ салоги, въ однихъ чулкахъ всю ночь проходилъ взадъ и впередъ по сосѣдней горницѣ, чутко прислушиваясь къ тяжелому, перерывистому дыханью дочери и при каждомъ малѣйшемъ шорохѣ заглядывалъ въ щель недотворенной двери.

VII.

На другой день Дуня поздно поднялась съ постели и была совсѣмъ здорова. Сіялъ Марко Давидычъ, обрадовалась и Дарья Сергѣевна.

— Говорила я что съ глазу, разливая чай сказала она.— Моя правда и вышла: вечеръ слыснула ее да водицей съ уголька умыла, и все какъ рукой сняло.... Вотъ Дунюшка теперь у насъ и веселенькая, и головка у ней не болитъ.

Но Дуня вовсе не была веселенькою. Улыбалась она, ласкалась и къ отцу и къ названной тетѣ, но нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ и задумается, и не то тоской не то заботой подернется миловидное ея личико. Замолчитъ, призадумается, но только на минуту, вдругъ будто очнется изъ забытья, вскинетъ лазурными очами на Марка Давидыча и улыбнется ему своей кроткой, ясной улыбкой.

— Что жь, Дунюшка, поѣдемъ что ли сегодня на ярмонку? спросилъ онъ, доливая пятый или шестой стаканъ чаю.

— Нѣтъ, тятя, за чѣмъ же? Лучше я съ тетей посижу, отвѣчала Дуня.

— Съ тетей-то и дома насидѣлась бы, молвилъ Марко Давидычъ.— Коль на мѣстѣ сидѣть, такъ не за чѣмъ было и на ярмонку ѣхать?... Не на то привезена чтобъ въ залерти сидѣть. Людей надо смотрѣть, себя показывать.

— Чтѣ мнѣ себя показывать? Узоры что ли на мнѣ? улыбнулась Дуня.

— Какъ за чѣмъ? тоже улыбнулся Смолокуровъ.— Знали бъ люди да вѣдали какова у меня дочка выросла: не уродъ, не раба, не хрома, не кривобокая.

— Чтой-то ты, тятенька? зардѣвшись молвила Дуня.— Нѣшто ты меня какъ товаръ какой привезъ продавать на ярмонкѣ?..

— А почему знать чтѣ впереди? улыбнулся Марко Давидычъ.— Думаешь у Макарья такого товара не бываетъ? Много его въ привозѣ... Кажный годъ со всѣхъ концовъ дѣвицъ привозятъ къ Макарью невѣститися.

Понака Дуня головой, и глубоко вздохнувъ, замолчала.

— Отовсюду купцы дочерей да племянницъ сюда привозятъ, шутиво продолжалъ Смолокуровъ.— И господа тоже, вотъ и я тебя привезъ.... Товаръ у меня безъ обману, первый сортъ!... Глянь-ка въ зеркало-то—правду ль говорю?..

Кто-то кашлянулъ въ сосѣдней горницѣ. Выглянулъ туда Марко Давидычъ.

— Добро пожаловать, весело сказалъ онъ.— А мы еще за чаемъ. Съ дороги, должно-быть, признаться долголько проспали... Милости просимъ, пожалуйте сюда!

И ввелъ Петра Степаныча въ ту комнату гдѣ Дуня съ Дарьей Сергѣвной за чаемъ сидѣли.

Обѣ встали, поклонились. Дуня вслыхнула, но глаза прислали. Дарья Сергѣвна зорко на нее посмотрѣла.

— Садитесь-ка къ столику, Дарья Сергѣвна, чайку гостю дорогому. Подвинь сюда Дунюшка крендельки, да баранки. Аль можетъ-быть, московскаго калача не желаете ли? ласково говорилъ Смолокуровъ, усаживая Петра Степаныча.

— Напрасно безлокуитесь, отвѣчалъ Самоквасовъ,— я ужъ давно отпалъ.

— Отъ чаю, сударь, не отказываются, молвилъ Марко Давидычъ,— особенно же здѣсь, у Макарья. Здѣсь вѣдь самый главный чайный торгъ. Ну какъ ваши дѣла? Расторговались ли?

— Да вѣдь я безъ дѣла, Марко Давилычъ, по лѣсту проживаю. Покаместъ не отдѣлень, своихъ дѣловъ у меня нѣтъ, а за чужими на послѣдяхъ что-то не охота и время терять.

— Не чужія кажись бы дѣла-то? молвилъ Марко Давилычъ.

— Въ Ярославлѣ послѣдню дядину порученность выполнилъ — такой у насъ былъ уговоръ, отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Раздѣль-отъ скоро ли? помолчавъ немножко, спросилъ Марко Давилычъ.

— Да вотъ послѣ Макарья, отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Какъ годовые счета дядя сведеть, такъ и раздѣлимся.

— Тимошей-отъ Гордѣвичъ на ярмонку прѣдетъ?

— Ко второму Спасу, вѣхота отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Нельзя не прѣхать, расчеты тоже надо свести, долги кой-какіе собрать.

— Плательжи-то, говорятъ, новѣ будутъ туговыки, замѣтилъ Смолокуровъ.

— Толкуютъ, что не больно подходящіе, разсѣянно отозвался Самоквасовъ.

— А покончивши съ дяденькой, какъ располагается?.. Рыбкой что ли займетесь? съ улыбочкой спросилъ гостя Марко Давилычъ.

— Не знаю какъ вамъ сказать... Больно ужъ вы тогда меня напугали, въ Комаровѣ-то, отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Не совладать съ такимъ дѣломъ... Не привычно...

— Напрасно такъ говорите, покачивая головой, сказалъ Смолокуровъ. — По новѣшнему времени эта коммерція сама прибыльная—дѣны что ни годъ, то выше да выше, особливо на икру. За границу, слышь, много пошло ее, отъ того и дорожаетъ.

— Рыбы-то, сказываютъ, меньше стало, замѣтилъ Петръ Степанычъ. — Переводится. Пароходы что-ли ее, слышь, распугали.

— Какъ на это сказать? раздумчиво отозвался Марко Давилычъ. — Красной рыбы точно что меньше стало. Отъ лароходовъ ли то, отъ другаго ли отъ чего — Богъ ее знаетъ. А частичковой не выловить. Отъ Царицына по воложкамъ да по ильменямъ * страсть ее что, а ниже Астрахани и того

* Воложка — рукавъ Волги. Ильмень — озеро, образующееся отъ

больше. У меня хоть взять — ловы имѣю большіе, а развѣ съ осетра аль съ бѣлужины главну пользу получаю? Не было бы частикѣ все бы рыбное дѣло хоть брось. Перво дѣло судакъ, а еще вотъ бѣшенка телерь лошла *. Вечоръ справлялся, красной рыбы: осетра, бѣлуги, севрюги да икры съ балыками всего-то сотъ на шесть тысячъ наберется, а частикѣ больше трехъ милліоновъ.

— Все это такъ... Однакожъ для меня все-таки рыбная часть не къ рукѣ, Марко Данилычъ, сказалъ Самоквасовъ. — Нѣтъ, Богъ дастъ отдѣлюсь, прежнимъ торговъ займусь. Съ чего прадѣдушка зачиналъ, того и я придержусь — салцомъ да кожей стану промышлять.

— Заводы-то какъ подѣлите? Вѣдь ихъ въ разны руки лезая, спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ-нибудь подѣлимъ, молвилъ Петръ Степанычъ. — Я и на то пожалуй буду согласенъ, чтобъ деньгами за свою часть въ заводахъ получить... Новы бы тогда построилъ...

— Въ Казани же?

— Нѣтъ, по конѣшнимъ обстоятельствамъ съ саломъ сходнѣе въ Самарѣ устроиться.... Кожей пожалуй можно на старомъ пепелищѣ, отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Давай Богъ, давай Богъ! радушно промолвилъ Марко Данилычъ. — А ло моему всего бы лучше рыбная часть... Коммерція завсегда съ барышомъ! Право.

— Нѣтъ ужъ увольте, Марко Данилычъ, съ улыбкой отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — По моимъ обстоятельствамъ это дѣло совсѣмъ не подходящее. Ни привычки нѣтъ, ни споровку. Какъ всего что ло Волгѣ плыветъ не переймешь, такъ и всѣхъ торговъ въ одвѣ руки не заберешь. Чего добраго, зачнешь новаго-то искать, старое и потеряешь. Чтѣ тогда будетъ хорошаго?

— Ну, какъ знаете, съ небольшой досадой молвилъ Смолокуровъ и вставъ со стула, къ окну подошелъ.

— Батюшки свѣты! Никакъ Зиновій Алексѣичъ?.. вскрик-

разлива вешней воды, съ берегами поросшими камышомъ, тростникомъ и мокрою поросью. Озеромъ на низовѣ Волги зовутъ тоаько соленое, прѣсноводному имя—пальмень.

* Рыба *Cyprinus cultratus*, иначе „волжская сельдь“. Ее множество. Прежде считали рыбу эту вредною, отааи ловить не больше сорока лѣтъ тому назадъ.

нулъ онъ, чуть не до половины высунувшись изъ раствореннаго окошка!.. Онъ и есть! Вотъ не чаялъ-то!

И подоѣда къ двери, кликнулъ корридорнаго.

— Слушай-ка, другъ любезный, добѣги пожалуста до крыльца — тутъ сейчасъ кулець подѣхалъ, высокій такой, широкоплечій, сивій сертукъ, сѣда борода. Узнай голубчикъ не Дорогинъ ли это Зиновій Алексѣичъ. Пожалуста, сбѣгай скорѣе... Ежели Дорогинъ, молви ему Марко молъ Данилычъ Смолокуровъ къ себѣ его зоветъ.

— Да они у насъ въ гостиницѣ стоятъ, сказалъ корридорный. — Другу недѣлю проживаютъ. Въ двадцать первомъ и двадцать второмъ номерѣ, отъ насъ черезъ три номера. Съ семействомъ прѣѣхали.

— Какъ? И съ семействомъ? вскрикнулъ Марко Данилычъ. — И съ женой и съ дочками?

— Такъ точно-съ, и съ супругой съ ихней и съ двумя бабынями.

— Спасибо, любезный. На-ка тебѣ.

И вынувъ изъ кармана какую-то мелочь, сунулъ ее корридорному; тотъ молча поклонился и тотчасъ спросилъ:

— Еще чего не потребуется ли вашему степенству?

— Нѣтъ, покамѣстъ, кажись, ничево... А вотъ что: зайди-ка ты къ Зиновью-то Алексѣичу, молви ему что и я у васъ же присталъ.

— Слушаю-съ, сказалъ корридорный и полетѣлъ вонъ изъ горницы, ухарски размахивая руками.

— Вотъ тебѣ Дуяюшка и подругъ, молвилъ Марко Данилычъ, весело обращаясь къ дочери. — Зиновій Алексѣичъ великій мнѣ пріятель. Хозяюшка его, Татьяна Андреевна, женщина стоящая, дочки распрекрасныя. Скромныя такія, разумныя, меньшая-то тебѣ ровесница никакъ будетъ, а большеенькая годомъ либо двумя постарше... Вотъ ужъ ознакомитесь... Сегодня же надо будетъ повидаться съ ними.

— Какой это Дорогинъ? спросилъ Петръ Степанычъ. — Не изъ Волжска ли?

— Волжской, подтвердилъ Смолокуровъ. — Пшеномъ торгуетъ. А нешто вы его знаете?

— Большаго знакомства не имѣлъ, а кой у кого встрѣчались, отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Мельница еще у него на Иргатѣ, какъ разъ возлѣ нѣмецкихъ колоній.

— Самый онъ и есть, молвилъ Марко Данилычъ. — Зиновій

Алексѣичъ допрежь и самъ-отъ на той мельницѣ жилъ, да вотъ ужь годовъ съ пятокъ въ городѣ домъ поставилъ. Важный домъ, настоящій дворецъ. А ужь въ домѣ—такъ чего, чего нѣтъ...

— Съ большимъ, значить, капиталомъ? спросилъ Самоквасовъ.

— Съ порядочнымъ, въ бокъ кивнувъ головой и слегка наморщивъ верхнюю губу, сказалъ Смолокуровъ. — По тамошнимъ мѣстамъ изъ первыхъ. До Сапожниковыхъ далеко, а деньги водятся. Это какъ-то они, человекъ съ десятокъ, складчину было сдѣлали, да на складочны деньги заводъ стеариновый завели. Не пошло. Однѣ только лустыя затѣи. Другіе-то, что съ Зиновьемъ Алексѣичемъ въ долахъ были, хошь кошель черезъ плечо, а онъ ничего, ровно блоха укусила.

— Много въ Волжскѣ-то такихъ богачей? спросилъ Самоквасовъ.

— Есть, отвѣтилъ Марко Давидычъ.—Супротивъ прежнихъ, каковы были Злобинъ аль Сапожниковъ, теперь ужь нѣтъ, а вотъ хоть бы Зиновья Алексѣича взять—человекъ состоятельный, по всей Волгѣ извѣстенъ.

Такіе разговоры вели межъ собой Марко Давидычъ съ Самоквасовымъ часа два, если не больше. Убрали чай, Дарья Сергѣевна вышла куда-то, Дуня сѣла въ сторонкѣ и принялась вязать шелковый кошелекъ, изрѣдка вскидывая глазами на Петра Степаныча. Въ мужскіе разговоры двѣцифъ вступать не слѣдъ, отъ того она и молчала. Петръ Степанычъ и радъ бы словечкомъ съ ней перекинуться, да тоже нельзя—въ людяхъ такъ не водится.

За то карія очи его были рѣчисты. Каждый украдкою брошенный на Дунюшку взоръ приводилъ ее въ смущенье. Отъ каждаго взгляда сердце у ней ровно вздрагивало и потомъ такъ сладостно трепетало.

Когда Петръ Степанычъ собрался домой, простившись со Смолокуровымъ, поклонился онъ Дунѣ. Та молча привстала, слегка наклонила головку и взглянула на него такими сіяющими, такими ясными очами, что глубоко вздохнулось добру молодцу, и голубемъ встрепенулось ретивое сердце его.

— Такъ вы заходите же къ намъ, когда досужно будетъ... Посидимъ, покалякаемъ. Очень рады будемъ, провожая гостя говорилъ Марко Давидычъ.—По ярмонкѣ бы вмѣстѣ когда

погуляли, Зиновья Алексѣвича въ компанію прихватили бы... Милости просимъ, мы вѣдь люди простые, къ намъ по просту, безъ чиновъ.

Вышелъ Петръ Степанычъ, а Марко Данилычъ, пройдясь по комнатамъ, молвилъ въ полголоса:

— Важный парень! И съ достаткомъ!

Быстро вскинула глазами на отца Дуня и тотчасъ ихъ опустила. Кошелекъ что-то не вязался, летли лутались.

— Ты что? чуть-чуть улыбувшись, спросилъ ее отецъ.

— Ничего, чуть слышно промолвила Дуня и приставно стала вглядываться въ работу.

Марко Данилычъ вышелъ изъ комнаты.

VIII.

На низовыхъ и на каспійскихъ * промыслахъ солятъ рыбу такъ: Въ „крутой“ разсолъ бузуна ** кладутъ рыбу, а послѣ ея посола свѣжаго разсола не заводятъ. Прибавятъ въ старый разсолъ немного соли да нальютъ туда побольше воды и въ этомъ солятъ новую рыбу. Такой разсолъ, называемый „тузлукѣмъ“, держать во все время посола, каждый разъ когда надо класть свѣжую рыбу, прибавляя воды и соли. Отъ того коренная рыба скоро „доспѣваетъ“, отъ того и дѣлается она такимъ товаромъ который нельзя причислять къ разряду благовонныхъ. Хоть въ сосѣднихъ озерахъ бузуну въ вѣкъ не изчерпать, но соль обложена большой лошлиной, а воровать ее не всегда легко. Отъ того рыбнымъ промышленникамъ и нѣтъ разчета для каждаго посола свѣжій разсолъ заводить. Опять же какъ рыбу ни посоли, ее все съѣдятъ, товаръ на рукахъ не останется; сѣрному человѣку та только рыба и лакомъ что хорошо доспѣла, маленько пованиваетъ.

Когда рыбный караванъ приходитъ къ Макарью, его ставятъ вверхъ по рѣкѣ, на Гребновской пристани *** подальше, чтобъ не вѣяло на ярмонку и на другіе караваны душкомъ „коренной“. Баржи разставляются въ три, либо въ четыре ряда, глядя по тому сколь великъ привозъ. На караванъ ѣздятъ только кому дѣло до рыбы есть. Поглядѣть на вонючіе рыбные склады въ нѣсколько милліоновъ пудовъ изъ

* Низовыми называются промысла въ Волгѣ, каспійскими — въ морѣ.

** Озерная самосадочная соль.

*** Гребновская пристань на лѣвомъ берегу Оки выше Желѣзной.

одного любопытства никто не поѣдетъ — это не чай, что горами наваленъ вдоль Сибирской пристани.

Цѣлый рядъ баржѣй былъ съ рыбой Марка Данилыча; запылавъ въ пути его караванъ, отъ того и стоялъ позадь другихъ, чуть не у самого стержня Оки. Хозяева обыкновенно каждый день наѣзжаютъ на Гребновскую пристань... У прорѣзей *, что стоятъ возлѣ ярмовочнаго моста, гребцы на косной со Смолокуровскаго каравана ждали Марка Данилыча. Въ первый разъ плылъ онъ на свой караванъ.

Величаво и медленно спустился по ступенькамъ съ моста на плашкоутъ Марко Данилычъ, молча сѣлся на коверъ разостланный на средней лавочкѣ лодки, слегка приподнял картузъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гребцовъ, разодѣтыхъ на его счетъ въ красны кумачевы рубахи съ украшенными лентами шляпами на головахъ. Молчалъ и въ пути Смолокуровъ, когда удалые гребцы, бойко, рѣдко, но за разъ, точно по командѣ, взмахивали веслами и легкая косная быстро неслась по стержню Оки, направляя путь къ Гребновской пристани. Молчалъ хозяинъ, молчали и гребцы, знали они что безъ нужнаго дѣла заводить разговоры съ Маркомъ Данилычемъ значитъ только прогнѣвлять хозяина. Суровъ, нервистъ онъ бывалъ съ подначальными.. Поглядѣть на него въ косной аль потому въ караванѣ, повѣрить нельзя что этотъ сумрачный, грозный купчина тотъ самый Марко Данилычъ что до свѣту вплоть, въ однихъ чулкахъ проходить по горамъ, отирая слезы при одной мысли объ опасности нѣжно любимой дочери.

Подѣзжаетъ Марко Данилычъ къ каравану. Издали узнавалъ и косную и своего хозяина главный прикащикъ, длинный, сухой, сильно ослѣпъ лобитый Василій Ѡадѣевъ, въ длиннополомъ, спереди насквозь просаленномъ нанковомъ сертукѣ, съ бумажнымъ платомъ на шеѣ — значитъ не по древлему благочестію; истый старовѣръ платъ на шею не вздѣветъ, то фражскій обычай, святыми отцами не благословенный. Увидавъ лодѣзжавшаго хозяина Василій Ѡадѣевъ стремглавъ бросился въ размазанную разными красками казенку,** стоявшую въ видѣ бесѣдки на кормовой части крайней

* Садки съ живой рыбой.

** Рубка или каютка на рѣчномъ суднѣ, въ ней живетъ хозяинъ или прикащикъ, хранятся деньги, паспорта и разныя бумаги.

баржи. Тамъ наскоро порывшись въ разложенныхъ по столу бумагахъ, взялъ одну и подошелъ къ трапу, ожидая подъѣзда Марка Данилыча.

— Хозяинъ плыветъ! мимоходомъ молвилъ Василиій Ѡадѣевъ лоцману. Тотъ бѣгомъ въ казенку на второй баржѣ и тамъ наскоро вздѣлъ красну рубаху, чтобъ достойнымъ образомъ встрѣтить впервые прѣхавшаго на свой караванъ такого хозяина, чтò любить хорошій порядокъ, любить его во всемъ отъ мала до велика. Пробѣгая къ казенкѣ лоцманъ повѣстилъ проходившаго мимо водолива о прѣздѣ хозяина и тотчасъ на всѣхъ восьми баржахъ Смолокуровскаго каравана раздались голоса:

— Хозяинъ плыветъ! Смолокуровъ! Крѣпли трапъ-отъ ладнѣ!.. Эй, ну вы ребята, вылѣзай на волю! Хозяинъ!

И полѣзли рабочіе на палубы изъ одной мурьи,* изъ другой, изъ третьей, на всѣхъ восьми баржахъ полѣзли на верхъ и становились вдоль бортовъ посмотрѣть-поглядѣть на хозяина. Никто изъ рабочихъ его еще не видывалъ, а ужъ всѣ до единого были злы на него. Четвертый день какъ они поставили въ пристани баржи какъ слѣдуетъ, но несмотря на мольбы, просьбы, крики, брань и ругань, не могутъ получить заслуженныхъ денегъ отъ Василья Ѡадѣева. На томъ уперся прикащикъ, что покажѣсть самъ хозяинъ баржѣй не осмотритъ, ни одному рабочему онъ ни копейки не дастъ.

Подѣхалъ Смолокуровъ, лоцманъ съ водоливомъ подали трапъ на косую и приняли лодъ руки поднимавшагося хозяина. Почтительно снявъ картузь, Василиій Ѡадѣевъ молча подалъ ему „делортицію“. Молча и Марко Данилычъ просмотрѣлъ ее, и медленными шагами пошелъ вдоль по палубѣ. На всемъ караванѣ примолкли: и лоцманъ и водоливы, и рабочій людъ, всѣ стояли безъ шалокъ... Напередъ повѣстилъ Василиій Ѡадѣевъ всѣхъ, кто не знавалъ еще Марка Данилыча, что у него на глазахъ горло зря распускать не годится, и пока не велитъ онъ головы крыть, стой безъ шалокъ, потому что любить почетъ и блюдетъ порядокъ во всемъ.

— Былъ кто за рыбой? отрывисто спросилъ Василья Ѡадѣева Смолокуровъ, не поднимая глазъ съ бумаги и взглядомъ

* Мурья — трюмъ, пространство между грузомъ и палубой, гдѣ укрываются бурлаки во время непогоды и гдѣ у нихъ лежатъ лишняя одежда и другой скарбъ.

даже не отвѣчая на отдаваемые со всѣхъ сторонъ ему поклоны.

— Вечорашній день отъ Маркеловыхъ пріѣзжали, подобострастно отвѣтилъ прикащикъ.

— Ну?

— Дешевенько-съ, вертя указательными пальцами и вскидывая плаутовскими взглядами на хозяина, молвилъ Василій Ѡадѣевъ.

— По чемъ?

— Девять гривенъ судака, два съ четвертью коренная, другихъ сортовъ не спрашивали.

— Жирно будетъ, сквозь зубы процѣдилъ Марко Данилычъ, не глядя на прикащика и сунувъ въ карманъ его „лепортицію“.

— Ладно ль пароходъ-отъ поставили? насулясь спросилъ у прикащика Марко Данилычъ.

— Какъ сѣдуетъ-съ, отвѣчалъ Василій Ѡадѣевъ, судорожно вертя въ рукахъ синій бумажный платокъ.

— Много ль народу на немъ?

— Калитаавъ, лоцманъ, водоливъ да пять человекъ рабочихъ.

— Разчитаны?

— По день прихода разчитаны-съ.

— Которо мѣсто пароходъ-отъ поставили?

— Къ визу, съ самаго краю.*

— Далеко далеко?

— Ближе-то водяной не пускаетъ, тамъ дескать мѣсто для пассажирскихъ, а вамъ, говоритъ, гдѣ ни стоять—все едино...

— Все едино! Извѣстно имъ все едино, ихни же солдаты крайни пароходы обкрадываютъ.... Трехъ рабочихъ еще туда поставь, караулъ бы былъ безсмѣнный: и день и ночь караулил бы.

— Слушаю-съ, молвилъ Василій Ѡадѣевъ.

По доскамъ положеннымъ съ борта на бортъ перешли на вторую баржу.

— На баржахъ много ль народу? спросилъ Марко Данилычъ, быстро оглядывая все что ни лежало на палубѣ.

* Когда баржи съ грузомъ поставятъ на мѣсто въ Гребловской или въ другой какой-либо Макарьевской пристани, пароходы отводятъ на другую пристань ниже по теченію Волги—подъ Кремль и подъ Егорьевскій складъ. Это дѣлается для безопасности отъ огня.

— Сто двадцать восемь человекъ, отвѣтилъ Ѡадѣевъ и сдержанно каплянулъ въ сторону, прикрывая ротъ ладонью.

— Денегъ въ пути давалъ?

— Помаленьку получали иные, отвѣчалъ прикащикъ.

— Для чего?

— Надобности кой-какія бывали... у нихъ... заливаясь отвѣчалъ прикащикъ. — У кого обувь порвалась, кому рубаху надо было сшить... Не по многу давано-сь.

— Баловство! недовольно промолвилъ Марко Данилычъ.

— Пристаютъ, робко проговорилъ прикащикъ.

— Мало ль что пристають! А тебѣ бѣ ихъ не слушать. Дай имъ, чертямъ, поблажку, послѣ съ ними не справишься... Заборы-то записаны?

— Какъ же-сь! Всѣ въ книгѣ значатся, и съ ихними расписками.

— Лепортицу сготовь.

— Слушаю-сь.

И перешли на третью баржу.

Грязный, кудластый щенокъ выскочилъ изъ казенки. Съ ласковымъ визгомъ и радостнымъ бреханьемъ быстро вертя хвостикомъ и припадая всѣмъ тѣломъ къ полу, бросился онъ къ ногамъ вступившихъ на палубу.

— Кто смѣлъ въ караванѣ собакъ разводить? грозно вскрикнулъ Марко Данилычъ, изо всей силы пихнувъ салогомъ ку-ташку. Съ жалобнымъ визгомъ взлетѣла собаченка къ верху, ударилась о полъ и поджавъ хвостъ, прихрамывая, ползлась въ казенку.

— Чей песъ? продолжалъ кричать Смолокуровъ.

— Водолива, должно-быть, тихо, въ полголоса промолвилъ Василій Ѡадѣевъ.

— Должно - быть! передразнилъ прикащика Марко Данилычъ. — Все долженъ знать что у тебя въ караванѣ. И какъ могъ ты допустить на баржахъ псовъ разводить?.. А?.. Рыбу крали да кормили?... Гдѣ водоливъ?

Водоливъ немножко выдвинулся впередъ.

— Виновать, батюшка Марко Данилычъ, боязливо промолвилъ онъ, чуть не въ землю кланаясь Смолокурову. — Всего-то вчерашній день завелъ, тонулъ сердечный, жалко стало песика — вынулъ его изъ воды... Простите, великодушно!.. Виновать, Марко Данилычъ.

— То-то виновать!... Изъ твоей вины мнѣ не шубу шить!

вскрикнулъ Смолокуровъ.—Чтобъ духу ея не было... За бортъ, назадъ, въ воду ее проклятую. Ишь что выдумали! Ахъ вы разбойники!..

И обругавъ водолива, молча перешелъ съ Фадѣевымъ на четвертую баржу.

— Это судакъ? спросилъ Марко Давилычъ прикащика.

— Первые три баржи. всѣ съ судакомъ-съ, молвилъ Василий Фадѣевъ.

— Съ соленымъ?

— Такъ точно-съ.

— Бѣшенка гдѣ?

— На пятой-съ.

— На четвертой что?

— Суть.

— Вся?

— Вся-съ.

— Коренная гдѣ?

— На шестой бѣлужина съ севрюгой, на седьмой осетѣрь. Икра тоже на седьмой-съ, пробойки, жиры, молоки.

— На восьмой значить ворвань? *

— Такъ точно-съ.

Замолчали и молча прошли на другую баржу... Набрался тутъ смѣлости Василий Фадѣевъ, молвилъ хозяину:

— Разчету рабочіе требуютъ, Марко Давилычъ.

Промолчалъ, ровно не ему говорятъ, Марко Давилычъ.

— Гадаятъ, четвертый дескаты день простой идетъ, харчимся дескаты лонарасну, работу у другихъ хозяевъ упускаемъ.

Опять промолчалъ Марко Давилычъ.

— Говорю имъ, обождите немножко, вотъ молъ хозяинъ подѣдетъ, безъ хозяина, говорю, не могу я вамъ разчетовъ дать, да и денегъ при мнѣ столько вѣтъ чтобъ всѣхъ васъ убаготворить... И слушать не хотятъ-съ... Вечоръ даже чуть бунтъ не подняли, насилу уместилъ ихъ, чтобы хоть ю сегодняшняго дня обождали.

— Это все судакъ? спросилъ Марко Давилычъ.

— Такъ точно-съ.

— Зачѣмъ ворвань далѣко поставили? Съ того бы краю было сподручнѣе.

* Тысячій жиръ.

— Не велять-съ, встряхнувъ волосами, молвилъ прикащикъ. Духу дескать очень много.... Желѣзняки, слышь, жалоблись.*

— Гмъ! промычалъ Марко Данилычъ.—Не отвалились бы носы-то.—Тебѣ бы водяному ** поклониться.

— Кланялся.... Не берутъ-съ, быстро вскинувъ глазами на хозяина, молвилъ прикащикъ.

— Гм!... олять промычалъ Марко Данилычъ.—Покажь-ка сущь-то.

— Миронъчъ! крикнулъ Василий Ѡадѣевъ ходившему вслѣдъ за ними лодману.—Сѣщи достань изъ мурьи каждаго сорта по рыбинѣ; и судака, и леща, и сазана и воблы — всего... Да живѣй у меня!...

Ни слова не молвивъ, бѣгомъ побѣжалъ толстый Миронъчъ, нырнулъ въ мурью и минуты черезъ четыре поднесъ Марку Данилычу четыре рыбины.

Смолокуровъ, молча осматрѣлъ каждую, поковырялъ ногтями и отвѣдавъ по кусочку, поколотилъ каждой рыбиной о причаль *** баржи, прислушиваясь къ звукамъ.

— Жидка! Плохо сѣшена, строго молвилъ онъ Василью Ѡадѣеву.

— Солнцовъ **** мало было, Марко Данилычъ, все время шли дожди неумемные! лопикнувъ головой, отвѣчалъ прикащикъ.

— Солнцовъ мало! передразнилъ его Смолокуровъ.—Знаю я какіе дожди-то шли!... Лѣнь! Вотъ что! Гуляли, пьянствовали! Вамъ бы все кой-какъ да какъ-нибудь! Раченья до хозяйскаго добра нѣтъ. Вотъ что!

— Помилуйте, Марко Данилычъ, мы бы со всякимъ нашимъ усердіемъ, да не наша вина-съ.... Сѣпротивъ Божьей воли ничего не подѣлаешь!...

— Воли Божьей тутъ не было. Лѣнь была, а не Божья воля, сурово молвилъ Смолокуровъ, гнѣвно посмотрѣвъ на прикащика.—Про погоду мнѣ изъ Астрахани каждую недѣлю отписывали.... Такъ ты не ври!...

— Да помилуйте.... началъ было совсѣмъ оробѣвшій прикащикъ.

* Желѣзный караванъ становятъ на Окѣ рядомъ съ рыбнымъ, не вдалекѣ.

** Начальникъ пристани.

*** Козъ на лаубѣ для причала баржи.

**** Солнечнаго припеку.

— А тебѣ бы вышкнутъ, коли хозяинъ съ тобой разговари-
ваетъ! крикнулъ Марко Данилычъ, швырнувъ въ прикащика
бывшимъ у него въ рукѣ лещемъ.—Перечиты!... Я задамъ
вамъ мошеникамъ!... Что это за суши?... Глазъ-ка, пощу-
лай!... Копейки на двѣ противъ другихъ будетъ дешевле!...
Недоборъ доправлю — ты это знай!...

— Власть ваша, Марко Данилычъ, дрожащимъ голосомъ
проговорилъ прикащикъ, а только вотъ, какъ передъ самимъ
оставшимъ Богомъ, мы тутъ нисколько не причины.... Хотъ
весь караванъ извольте обойти — у всѣхъ суши жидковата,
твердой нынѣшней годъ нигдѣ не найдете.

— И обойду, и посмотрю, и на всѣсахъ прикину и свою и
чужую, гнѣвно говорилъ Смолокуровъ.—А ужъ копейки раз-
бойнику не слушаю.... Знаю я васъ, не первый годъ съ ва-
ми хорожусь!... Только и пароватъ, бездѣльники, чтобы
какъ ни на есть хозяину въ шалку накаастъ....

Замолчалъ прикащикъ. По опыту зналъ онъ что чѣмъ боль-
ше говорить съ Маркомъ Данилычемъ тѣмъ хуже. Примолкъ
и Марко Данилычъ.

Обойдя восьмую баржу спросилъ онъ:

— У другихъ продавали?

— Передъ постомъ съ Орѣховскихъ баржей самую малость
свели соленаго.... Лодокъ съ пятокъ.... Въ лавки на армонку
брали да въ Обжорный рядъ.

— По чемъ?

— Тайтъ-съ. Ужъ я было пыталъ спрашивать — не ска-
зываютъ.

— Узнать! повелительно молвилъ Смолокуровъ.

— Не скажутъ-съ.

— А ты кого ни на есть изъ ихнихъ прикащиковъ въ трак-
теръ сведи, да чайкомъ попой, закуской угости, приказывалъ
Марко Данилычъ. И вынувъ изъ бумажника рублевую, при-
молвилъ:—Получай на угощенье!...

Съ кислой улыбкой принялъ прикащикъ рублевую. Цѣны-то
Орѣховскія онъ уже знаетъ, но не скадалъ хозяину, чтобы
хоть рубляшкомъ съ него поживиться. „Съ паршивой собаки
хоть шерсти клокъ“, думалъ Василий Фадѣевъ, кладя бумаж-
ку въ карманъ.

— Ко мнѣ на квартиру зайди, раздѣвочку вѣдомость дамъ,
милый Смолокуровъ,—Да чтобы никто ее не видаалъ.... Сам-
нень?

— Слушаю, Марко Давилычъ, отвѣчалъ прикащикъ.

— Эй ты! крикнулъ Смолокуровъ стоявшему вблизи рабочему.— Пробѣги на первую баржу, молви гребцамъ: косную-то сюда бы подали, да траль притащи.

Видя что хозяинъ увѣжать собирается, трое рабочихъ робко подошли къ нему и низко поклонясь, стали.

— Чего вамъ? угрюмо спросилъ ихъ Марко Давилычъ.

— До вашей милости, робко заминаясь, проговорилъ бывший впереди, рослый, молодой, чуть не до черна загорѣвшій парень въ синей пестрядиной рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ.

— Ну?

— Разчетецъ бы намъ, проговорилъ загорѣлый парень.

— Тебя какъ звать-то? почти ласково спросилъ его Марко Давилычъ?

— Сидоромъ.

— По батюшкѣ-то какъ?

— Аверьяновъ.

— Здѣшній аль низовый?

— Сызранскій. Села Елтапки.

— Такъ... Знаю я вашу Елтапку—село хорошее.

— Живетъ, молвилъ загорѣлый парень.

— А ты откудава? обратился Марко Давилычъ къ присутствующему, коренастому, пожилому рабочему, весело глядѣвшему на него своими маленькими сѣренькими глазами.

— Мы-то? Мы здѣшни, Балахонскаго уѣзда, изъ подъ Городца—Кобылку деревню слыхалъ?

— Нѣтъ не слыхалъ, и зовуть-то тебя какъ?

— Меня-то?.. А Карлъ Егоровъ.

— А тебя какъ? спросилъ третьяго рабочаго Марко Давилычъ.

— Его-то?.. А племянникъ мнѣ-ка по хозяйкѣ будетъ, добродушно отвѣтилъ за него Карлъ Егоровъ.— Софронкой звать-то, Бориса Маркелыча знаешь?.. Смыокъ ему... Омъ у насъ грамотѣй, письма даже писать маракуетъ. Вотъ у Василья Фадѣича, у твоего прикащика, въ книгѣ за всѣхъ расписывается, которы въ лугивъ заборы забирали.

— Такъ чего жъ вамъ отъ меня надо? спросилъ Марко Давилычъ.

— Держонокъ бы надо, ваше степенство, оказалъ Карлъ Егоровъ.—Разчетецъ бы получить. Шутка ли?... Четвертый день какъ мы караванъ твой на мѣсто поставили.

— Такъ что же что четвертый день? Хоть бы шестой былъ аль седьмой, такъ и то невелика бѣда, сказалъ Смолокуровъ.

— Какъ же не бѣда? молвилъ Карлъ Егоровъ.—Что жъ намъ по пусту-то проживаться у тебя, ваше степенство? На други бы мѣста пора поступать.

— Послѣдешь... молвилъ Смолокуровъ и повернулъ отъ рабочихъ.

— Хорошо вашей милости такъ говорить! сказалъ Сидоръ Аверьяновъ.—А послепотать бы насъ, намъ-то каково...

— Подождешь услѣдешь! сказалъ съ досадою Марко Данилычъ и отвернулся отъ рабочихъ; но тѣ всѣ трое въ одинъ голосъ смѣяше стали просить разчета.

— Вѣдь ты, батюшка, за эти за лишни-то два лааты намъ не положишь, добродушно молвилъ Карлъ Егоровъ.

— Не положу, спокойно отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Такъ почто же намъ харчиться-то да работу у другихъ хозяевъ улуцать? громко заговорили рабочіе.—Власть ваша, а это ужъ не порядки. Разчитайте насъ какъ слѣдуетъ.

— Это вы что вздумали?.. Бунтъ поднимать?.. А? наступая на рабочихъ, крикнулъ Смолокуровъ.—Да я васъ....

Рабочіе немного полатылись, но униматься не унимались.

— Своего, заслужёнаго просимъ!.. Вели насъ разчитать какъ слѣдуетъ!.. Что жъ это за порядки будутъ!.. Задаромъ людей держать!.. Аль на тебя и управы нѣтъ? громче прежняго кричали рабочіе.

Ихъ было ужъ не трое, а больше пятидесяти. Съ семи первыхъ баржей, перегоняя другъ дружку, бѣжали на шумъ остальныме; всѣ становились передъ Маркомъ Данилычемъ, кричали и бранились одинъ громче другаго.

— Нечего намъ у тебя проживаться. Разчетъ подавай! Просили, просили прикащика, четвертый день прошелъ, а разчитывать насъ не разчитываетъ.... Такъ самъ разчитай—ты хозяинъ, дѣло твое....

— Такъ такъ-то вы, кособрюхіе! зычнымъ голосомъ крикнулъ на нихъ Смолокуровъ.—Ахъ вы анаемы!.. Бунтовать!.. Да я въ нитку васъ вытану!.. Сейчасъ къ водяному поѣду, онъ васъ переберетъ по своему!.. По мѣстамъ, разбойнику!

Но разбойники по мѣстамъ не пошам, тола росла и векоръ вся почти далуба нагруженной тюменскимъ жиромъ восьмой баржи покрылась рабочими. Гомонъ поднялся страшный. По

всему каравану рабочіе другихъ хозяевъ выбѣгли на палубы смотрѣть да саушать что дѣется на Смолокуровскихъ баржахъ. Плывшіе мимо избылецкія * лодки съ малиной и смородиной остановились на рѣчномъ стержнѣ и сидѣвшія въ нихъ бабы съ любопытствомъ смотрѣли на шумѣвшихъ рабочихъ.

— Разчетъ подавай!.. Сейчасъ же разчетъ!.. Нечего отлаивать-то!.. Жила ты этакой!.. Бѣдныхъ людей обираты!.. Не бойсь, не дадутъ тебѣ потачки... И на тебя судъ найдемъ!.. Разчетъ подавай!..

Клики громче и громче. Сильнѣи и сильнѣи напугаютъ рабочіе на Марка Данилыча. Прикащикъ, конторщикъ, аоцманъ, водоливы, понутивъ головы, отошли въ сторону. Смолокуровъ былъ окруженъ шумѣвшей и галдѣвшей толпой. Рабочій что первый завелъ рѣчь о разчетѣ картузъ надѣлъ и фертомъ подбоченился. Глядя на него другой надѣлъ картузъ, третій, четвертый—всѣ... Иные стали даже рукава засучивать.

— Сейчасъ же разчетъ!.. Сію же минуту!.. кричали рабочіе, и за криками ихъ нельзя было разслушать что имъ на отвѣтъ кричалъ Смолокуровъ.

Косная межъ тѣмъ подгребла подъ восьмую баржу, но рабочій что притащилъ траль не могъ продраться сквозь толпу, загородившую бортъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, бросилъ онъ траль на палубу, а самъ, надѣвъ шалку, вылучилъ глаза на хозяина и во всю мочь крикнулъ:

— Разчетъ подавай, такой, этакой!

Расходилась толпа, что волна. Нѣтъ уйму. Ни брань, ни угрозы, ни уговоры Смолокурова не въ силахъ остановить расходившагося волнения. Но не сробѣлъ, шагомъ не пошатнулся Марко Данилычъ. Скрестивъ руки на груди, гнѣвель и грозель стоялъ онъ недвижно передъ толпою.

— Молчать! крикнулъ онъ. — Молчать! Слушай что хочу говорить.

Передніе грубо, съ задоромъ ему отвѣчаютъ:

— Чего еще скажешь?... Ну, говори.... Эй ребята, поаво галдѣть—слушай что онъ скажетъ.... Переставъ же ребята!.. Нишкни!.. Что глотку-то дерешь, чертовой матери смѣлъ,

* Избылецъ—сеао на Окѣ возаѣ города Горбатова. Въ немъ много садовъ. Яблоки и ягоды отправляютъ оттуда каждый почти день въ лодкахъ на Макарьевску армонку въ огромномъ количествѣ. Возаѣ ягоды и яблоки больше бабы.

зарычали передніе на кричавшаго пуще всѣхъ Сидора Аверьянова изъ сызранской Елтавки.

А Марко Давидычъ попрежнему стоитъ скрестивъ руки за груди. Самъ ни слова.

Уявлясь толпа, послѣднимъ горлопаямъ, что не хотѣли уявляться, отъ своихъ досталось и взрыльничковъ и подзатыльничковъ. Стихли.

— Сказывай что хотѣлъ говорить, говорили передніе Марку Давидычу.—Слушаемъ!..

— А вотъ что я хотѣлъ говорить, ровнымъ, твердымъ голосомъ началъ протяжно свою рѣчь Марко Давидычъ. — Кто сейчасъ, сію же минуточку, на свое мѣсто пойдетъ, тотъ часа черезъ два деньки получить слодна. И за четыре дня что лишняго простояли получить.... А кто не пойдетъ, не уймется отъ буйства, не отъ меня тотъ деньки получить, а отъ водянаго—ему предоставлю съ тѣми разчитываться, и за четыре простояныхъ дня тотъ грошъ не получить.... Сидоръ Аверьяновъ, Карлъ Егоровъ, Софронъ Борисовъ—вы начинали, вы и уявляйте буйство!.. Имена ваши знаю—плохо вамъ будетъ коли не уймется товарищей!.. Лозаны у водянаго здоровые!.. А кто по мѣстамъ пойдетъ, для тѣхъ сію минуточку за деньгами поѣду—при мѣѣ нѣтъ, а что есть у Василья Фадѣева того на всѣхъ не хватитъ. Первые кто на свои мѣста поѣдутъ, тѣмъ до моего возврата Василій Фадѣевъ деньки выдастъ и пачлорты.... Слышали?

Пуще прежняго зашумѣли рабочіе, но крики и брань ихъ шли не къ хозяину, межъ собой пошли браниться—одни идти по мѣстамъ хотять, другіе съ мѣста тронуться не желаютъ. Тамъ одинъ другаго за шиворотъ, тамъ другъ друга въ зубы—и пошла на баржѣ драка, но добрая доля рабочихъ пошла по мѣстамъ, говоря прикащику:

— Василій Фадѣичъ, лишн насъ по именамъ да деньки сейчасъ подавай—мы тотчасъ же пошли по приказу хозяйскому.

Пользуясь сумятицей, перемахнулъ Марко Давидычъ за бортъ, спустился по канату въ косую и немного отягивъ крикнулъ на баржу:

— Фадѣевъ! Дедегъ не давать никому!.. Погодите вы у меня, разбойники!.. Я съ вами расправлюсь съ мошенниками!.. Сейчасъ же сюда привезу водянаго.

— Упустили! въ одинъ голосъ крикнули оставшіеся на восьмой баржѣ... И полились брань и ругань на удаляющагося Марка Давидыча. Быстро неслась косая внизъ по теченію.

— Теперь онъ, собака, прямо къ водяному!... Суетъ ему, а тотъ насъ совсѣмъ завинить, такъ говорилъ толтъ плечистый рабочій съ сивой окладистой бородой, съ черными какъ уголь глазами. Вся артель его уважала, рабочіе звали его „дядей Архиломъ“. — Снаряжай, Сидоръ, сливу-то: тебѣ, ларень, отвѣчать въ первую голову.

— Еще посмотримъ кто кого! бодрился Сидоръ, а у самого душа въ лятки ушла. — Ливьки водяныхъ солдатъ были знакомы ему. Макарьевскихъ только покамѣсть не пробовалъ.

— И порють же здѣсь, братцы! весело подхватилъ молодой ларень, присѣвши на брусъ переобуться. — Лѣтось объ эту же самую пору меня анаемы здѣсь угощали.... Въ Самарѣ здорово порють, и въ Казани хорошо, а сѹпротивъ здѣшняго и самарскія розги и казанскія званія не стѣять.

— А за что мнѣ въ первую-то голову отвѣчать? тоскливо заговорилъ Сидоръ Аверьяновъ, хорошо знакомый и съ Казанью и съ Самарой. — Что я первый заговорилъ съ жидомъ проклятымъ... Такъ что же?.. А гаадѣть да буянить, развѣ я одинъ буянилъ?... Тутъ надо по-божески. По справедливости, значить... Всѣ гаадѣли, всѣ буянили — такъ-то.

— Вѣстимо всѣ, подтвердилъ Карлъ Егоровъ, тоже помышая о ливькахъ макарьевскихъ.

— Всѣхъ перелоротъ нельзя, спокойно молвилъ переобувавшийся ларень. — Ливьки перелортить, да и солдатики при томъятся.

— Знамо, всѣхъ нельзя, не слѣдуетъ, согласились съ нимъ другіе.

— А вѣдь не дастъ онъ, собака, за простой ни колеечки, не то что намъ, а и тѣмъ что его послушались, по мѣстамъ съ перваго слова пошли, замѣтилъ одинъ рабочій.

— Извѣстно, не дастъ, согласились съ нимъ. — Это онъ только для отводу молвилъ, чтобы утечь значить. А мы, дураки, и улустили...

И много тосковали, и долго промежь себя толковали про то чему быть и чего не отбыть...

IX.

Много слуста, когда рабочіе уговорились и почесывая спинами укоруали другъ друга въ бунтѣ, къ нимъ подошелъ Василий Фадѣевъ.

— Что?... Небось присмирѣли? съ усмѣшкой сказалъ онъ. — Обождите-ка до вечера, узнаете какъ бунты въ караванѣ заводятся! Земля-то вѣдь здѣсь не безсудная — хозяина управу найдетъ. Со Смолокуровымъ вашему брату тягаться не рука, онъ не то что съ водянымъ, съ самимъ губернаторомъ водить хлѣбъ-соль. Его на васъ, голопятыхъ, начальство не смѣняетъ...

— Да что жь это такое будетъ, Василій Фадѣичъ?... заговорили двое-трое изъ рабочихъ. — Вечоръ самъ училъ говорить бы покрѣпче съ хозяиномъ, а теперь вонъ что зачалъ толковать... Нѣшто это по-божески?..

— Такъ нѣшто я васъ бунтовать училъ? вспыхнулъ прикащикъ. — Говорилъ я вамъ чтобъ вы его просили покрѣпче значить пожалостливѣй, а вы, чортовы куклы, горланить вздумали, ругаться, рукава даже стали засучивать, бестіи... Этому развѣ училъ я васъ?... А?

— Вѣстимо не тому, Василій Фадѣичъ, лочесывая въ затыкахъ, отвѣчали рабочіе. — Твои слова къ добру шли, училъ ты насъ по хорошему. А мы-то гляди-ка чего съ дуру-то надѣлали... Гляка-еь какое дѣло-то вышло!.. Что теперича намъ за это будетъ?... Ты Василій Фадѣичъ человекъ знающій, всѣ законы произомель, скажи Христа ради, что намъ за это будетъ?

— Перепорютъ, равнодушно отвѣтилъ прикащикъ.

— Ежели только перепорютъ, это еще не великія бѣда — снѣга-то вѣдь не на базарѣ куплема, моавилъ одинъ рабочій. — А вотъ какъ въ кутузку засадятъ, да продержатъ въ ней съ недѣлю или день съ десять!..

— Дальше продержутъ, моавилъ Василій Фадѣевъ. — Въ одинъ день развѣ сто двадцать человекъ перепорешь?... Этого неаяз.

— То-то вотъ и есть, жалобно и грустно отвѣтилъ рабочій. — Вѣдь десять-то дѣвъ мало-мало три цѣлковыхъ надо положить, да здѣсь вотъ еще четыре дня простѣю. Вѣдь это, милый человекъ, четыре цѣлковыхъ — вотъ что лѣсуди.

— Вѣрно, подтвердилъ Василій Фадѣичъ. — По новѣшнимъ цѣнамъ у Макарья пожалуй и больше четырехъ-то цѣлковыхъ пришлось бы. Плотники новѣ по рублю да рублю двадцати на серебро брали, крючянки по полтиннѣ да по шести гривенѣ, солданы по семи... Вотъ какі новѣшнимъ годомъ Господь цѣны устроилъ... Да!

— Василій Ѡадвичъ! Будь отецъ родной, яви Божеску милость, научи дураковъ уму-разуму, присовѣтуй какъ бы намъ ладнеекъ къ хозяину-то?... Смириться бы какъ?... стали приставать рабочіе, въ ноги даже кланялись прикащику.

— Смирится овъ? Какъ же! Растолпырь карманъ-отъ! съ усмѣшкой отвѣтилъ Василій Ѡадвѣвъ.—Не на таковского напали... Нашъ хозяинъ и въ маломъ лотакать не любитъ, а тутъ шутка ль что вы вздумали?... Бунтъ!... Рукава засучивать на него зачали, окружили со всѣхъ сторонъ. Вѣдь мало бы еще, такъ вы бы его въ лотасовку... Нечего тутъ и думать пустаго—не смирится овъ съ вами.... Такъ дойметъ что до гроба жизни будете монѣшнѣй день ломивать...

— Ахти, Господи батюшка, истинный Христовъ!.. Да что жь это будетъ? тосковали рабочіе, въ отчаяннѣ повуривъ головы.

Крѣпко задумавшись, Сидоръ Аверьяновъ сидѣлъ одааль, на косякѣ. * Вдругъ быстро вскочилъ овъ и шелгулъ подоля къ прикащику:

— Подь-ка со мной къ сторонкѣ, Василій Ѡадвичъ.

Прикащикъ отошелъ съ нимъ къ самой кормѣ.

— Такъ какъ мнѣ теперича доводится безъ трехъ гривенъ шесть цѣлковыхъ.... началъ Сидоръ.

— Ну? спросилъ прикащикъ, когда тотъ немного замаялся.

— Возьми ты ихъ себѣ, Василій Ѡадвичъ, эти самыя деньги... Поступаюсь ими, лѣчлортъ только выдай—я бы котомку на плѣчи да айда домой. Ну васъ тутъ и съ караваномъ-то!...

— Мудрено, братъ, придумалъ, засмѣялся прикащикъ.— Ну, выдамъ я тебѣ лѣчлортъ, отлуцу, какъ же деньги-то твои добуду?... Хозяинъ-отъ вѣдь чать расписку тоже спросить съ меня. У него, братъ, не какъ у другихъ — безъ расписокъ ни единому человѣку мѣдной полужки не велитъ давать, а за всякій прочеть, ежели случится, съ меня вычитаетъ... Нѣтъ, Сидорка, про то и думать не мого.

— Эхъ, горе-то какое! вздохнулъ Сидорка.—Ну ихъ вотъ что: салогито что я въ Казани купалъ, три цѣлкача далъ, вовсе не хожемы. Возьми ты ихъ за лѣчлортъ, а деньги, ну ихъ къ бѣсу — пропадай онъ совсѣмъ, подавись ими кроволѣйца окаяннѣй, чтобъ ему ни дна ни покрывки!...

* Толстый канатъ на которомъ кабестанный, илече шкивной пароходъ тянетъ подачу.

Василій Фадвичъ раздумывалъ, пристально разглядывая Сидоровы салоги.

— Полно-ка пустое городить-то, молвилъ онъ маленько помолчавъ.—Ну что у тебя за салоги? Стоить ли изъ-за нихъ грѣхъ на душу брать?.. Нѣтъ ужь, брательникъ, неча дѣлать, готовь спину на ливьки да посиди недѣльки двѣ въ кутузкѣ. Что станешь дѣлать?... такой ужь грѣхъ приключился... А онъ тебя безпремѣнно заводчикомъ выставить... Пожалуй еще, вспороть-то тебя вспорють, да на придачу по этапу на родину пошлютъ. Со всякими, братецъ, тогда острогами дорогой-тоознакомисья.

— Мерлушчату шалку на придачу. Знатная шалка, настояща мурашкинская... И совѣмъ какъ есть новенькая... Двухъ-то цѣковыхъ стоить. Христа ради, Василій Фадвичъ, будь аки Богъ, вызволь меня изъ бѣды немилучей...

— Полно-ка ты, переставь! Что вздоръ-отъ молоть понапрасну?.. молвилъ Василій Фадвевъ, и повернувшись, пошелъ къ казенкѣ.

Сидоръ за нимъ. Сталъ у дверей. Въ казенку рабочимъ нѣтъ ходу, не посмѣлъ и Сидоръ войти туда за прикащикомъ.

— Помилосердуй, Василій Фадвичъ, слезно молилъ онъ, стоя на порогѣ у притолоки.—Платъ бумажный дамъ на придачу. Больше ей-Богу нѣтъ у меня ничего.... И радъ бы что далъ, да нечего... При случаѣ встрѣтились бы гдѣ, угощалъ бы я тебя, и деньжонокъ аль чего-нибудь еще далъ бы.... Мнѣ бы только на волю-то выйти, тотчасъ раздобудься деньгами. У меня тутъ кулды знакомые на ярмонкѣ-то есть, sedia же работу найду... Не оставь, Василій Фадвичъ, Христомъ Богомъ прошу тебя.

И поваалился въ ноги и завопилъ, не поднимая головы отъ полу.

— Эхъ ты!.. съ досадою молвилъ ему прикащикъ. — Да не валийся—увидать... Подъ сюда въ казенку.

Сидоръ всталъ и вошелъ къ прикащику. Тотъ сказалъ ему:

— Хозяину-то что скажу? Ты объ этомъ-то подумалъ ли? Скажеть: Сидоръ всему бунту зачинщикъ, а куда онъ дѣвнется? Что я скажу?

— Сбѣжалъ, молъ.

— А лѣчпортъ спросить?

— Пачлортъ спросить! задумался Сидоръ. — А ты скажи

что я былъ изъ слѣпленкихъ.... Вѣдь есть же у насъ на баржахъ слѣпленки-то.*

— Такъ при водяномъ-то и сказать? Хорошо вздумалъ — нечего! усмѣхнулся Василій Ѡадѣвичъ.

— Допрежь молви ему, упреди... Аль не знаетъ что на его баржахъ слѣпленки-то водятся?

— Знать-то знаетъ... Какъ не знать... Только, право, не знаю какъ это сдѣлать... задумался прикащикъ. — Ну, была не была! вскрикнулъ онъ, еще немного подумавши. — Тащи шалку, скидай салоги. Такъ ужь и быть, избавлю тебя, потому знаю что человекъ ты добрый — языкомъ только гораздъ лишнее болтать. Вотъ хоть сегодняшнее взять — ну какой чортъ соваль тебя первымъ-то къ нему лѣзть?

— Брательники просили, ты де всѣхъ рѣчиствѣи, потому де самому ты и зачинай. Съ общаго значить совѣта всей артели мы съ Карломъ да съ Софронкой пошли. Чтò жь, вѣдь я кажись говорилъ съ нимъ по хорошему?

— По хорошему! А какъ загалдѣли, такъ оралъ лучше всѣхъ, да еще рукава засучалъ... сказалъ прикащикъ.

— Рукавовъ я не засучивалъ, Василій Ѡадѣвичъ, а что кричать, точно кричалъ... Такъ развѣ я одинъ? говорилъ Сидоръ.

— Полно растобарывать-то. Неси скорѣи, а я паспортъ отыщу.

Сіялъ отъ радости Сидоръ, сбѣжалъ въ мурью и минутъ чрезъ десять вылѣзъ оттуда въ истоптанныхъ саляхъ, съ котомкой за плечами и съ салогами въ рукахъ. Войдя въ казенку, поставилъ онъ салоги на полъ, а шалку и платокъ на столъ положилъ. Молча подалъ прикащикъ Сидору паспортъ, внимательно осмотрѣвъ передъ тѣмъ каждую вещь.

Сидоръ взялъ паспортъ, приосанился и ужь не такъ робко и покорно какъ прежде, сказалъ:

— Ты ужь мнѣ, Василій Ѡадѣвичъ, каку-нибудь шалченку ложертвуи...

— Гдѣ мнѣ про тебя шалокъ-то набраться? строго взглянувъ на него, вскрикнулъ прикащикъ.—Вотъ еще чтò вздумалъ!

— Да какъ же я по ярмонкѣ-то безъ шалки пойду? Тамъ казаки по улицамъ такъ и шныряютъ — пожалуй какъ разъ залодозрятъ въ чемъ, да стащутъ меня...

* Салями у бурлаковъ зовутся не шнѣице писемелкаго вида, безпаспортныя.

— Сѣвъ въ мурью да украдь у кого-нибудь картузъ либо шапку, молвилъ Василій Ѡадѣичъ. — А то вдругъ шапку ему пожертвуй. Вѣдь выдумаетъ же!

— И то видно украсть... Счастливо оставаться, Василій Ѡадѣичъ, сказалъ Сидоръ.

— Съ Богомъ, пробурчалъ прикащикъ, взявъ перо и наклонился надъ бумагами.

Сидоръ, въ лаптяхъ, въ краденомъ картузѣ, съ котомкой за плечами, попросилъ одного изъ рабочихъ, закадычнаго своего пріятеля, довести его въ лодкѣ до берега. Проходя мимо рабочихъ, все еще стоявшихъ кучками и толковавшихъ про то что́ будетъ, крикнулъ имъ:

— Прощайте, братцы!

— Куда ты, Сидоръ, куда? закричали рабочіе, подбѣгая къ нему.

— Сбѣжать задумалъ, молвилъ Сидоръ. — Такъ-то сходнѣе: и спина цѣлѣй, и за работу седни же...

— А деньги-то?

— Песъ съ ними! Пуцай анаема Маркушка ими подавится, молвилъ Сидоръ.— Денегъ-то за нимъ не сполна шесть цѣлковыхъ осталось, а какъ засадятъ недѣли на двѣ, такъ по четыре только гривенника лоденьщину считай, значить лять рублей шесть гривенъ. Одинъ гривенникъ убытку повесу. Такъ нешто спина гривенника-то не стоить.

Рабочіе захохотали.

— Ну, прощай, Сидоръ Аверьянычъ, прощай, милый человекъ, заговорили они, прощаясь съ товарищемъ.

— А пѣчпортъ-отъ какъ же? спросилъ его Карлъ Егоровъ.

— Песъ съ нимъ! молвилъ Сидоръ.—И безъ него проживу армовку-то.—У меня тутъ кулцы знакомые—и слѣлаго приѣмутъ.

И сѣвъ въ косную, поплылъ къ песчаному берегу.

— А вѣдь Сидорка-отъ умно разсудилъ, молвилъ ларень что́ знакомъ былъ съ ливьями самарскими, казанскими и макарьевскими. Чего въ самомъ дѣлѣ?.. Айда ребята, сбѣжимъ гуртомъ... Веселѣе!.. Пуцай Маркушка долнетъ съ досады!..

— А расчетъ-отъ? А деньги-то? заговорили рабочіе.

— Мнѣ всего три цѣлковыхъ получки.... А какъ засадятъ, такъ въ самомъ дѣлѣ будетъ накладно.... Дороже обойдется.... Я сбѣгу.

— А пѣчпортъ-отъ какъ же?... Васька Ѡадѣевъ нешто отдасть? спрашивали у него.

— Я изъ слѣпыхъ, да и Сидорка-то тоже никакъ. Эй, ребята!... Кто слѣпой да у кого денегъ много забрано— айда!...

И полѣзъ въ мурью снаряжаться.

Съ нимъ сбѣжало еще десятеро слѣпыхъ. Тѣ; слѣпые у которыхъ мало денегъ было въ заборѣ не пошли за Сидоркой, остались. Онъ крикнулъ имъ изъ лодки:

— Дурни!... Хоть бы и вовсе заборовъ не было, и задатковъ ежели бы вы не взяли, все же сходнѣе сбѣжать. Ярмокъ еще мѣсяцъ стоять—плохо, плохо четвертую заработашь, а безъ пѣчлорта-то тебя водяной въ острогъ засадить, да по этапу оттуда. Развѣ къ зимѣ до домовъ-то долетешься... Плюнуть бы вамъ, братцы слѣпые!... Эй, помните мое слово!..

— А вѣдь онъ дѣло сказалъ, заговорили рабочіе.

— Сбѣжать точно что будетъ сходнѣе, толковали они.

— Что жь, ребята?... Айда что ли?... почти ужь у берега закричалъ отплывавшій слѣпой.

— Айда!. Айда, ребята! закричали зычные голоса, и много рабочихъ кинулось въ мурьи собираться въ путь-дорогу.

На шумъ вышелъ изъ казенки заснувшій было тамъ Василій Фадѣевъ.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Слѣпые сбѣжали, отвѣтили ему.

Взглянулъ прикащикъ на рѣку—видитъ ото всѣхъ баржей лывуть къ берегу лодки, на каждой человекъ по семи, по восьми сидитъ. Слѣпыхъ въ Смолокуровскомъ караванѣ было на половину. На всемъ Низовьѣ по городамъ, въ Камышахъ * и на рыбныхъ ватагахъ изстари много народу безъ глазъ ** проживаетъ. Про Астрахань, что бурлаками Разгулай-городокъ прозвана, въ путевой бурлацкой пѣснѣ поется:

Кому плыть въ Камыши—
Тотъ паспóрта не пиши,
Кто захочетъ въ Разгулай —
И билетъ не выправлай.

Рыбные промышленники, судовладельца и всякаго другаго рода хозяева съ большой охотой слѣпыхъ нанимаютъ: и берутъ

* Камышами называются берега Волги и острова на ней въ Астраханской губерніи.

** Глава—паспортъ, на языкъ бурлаковъ, а также на языкъ московскихъ жуликовъ, петербургскихъ мазуриковъ.

дешевле, и обсчитать ихъ сподручнѣй, и своимъ судомъ можно съ ними расправиться, хоть бы даже и посвѣчь колы до того доведется. Кому безъ глазъ-то поидеть онъ жалобиться? Еще въ досталь наклаивается, только батюшки отпустите. Марко Давидычъ слѣвыми не брезговаль—у него и ꙗ доваляхъ и на баржахъ завсегда ихъ вдоволь бывало... Потому, выгодно.

— Ахъ, дуи ихъ горой! вскрикнулъ Василиій Ѡадѣевъ.— Лодки-то подлецы на берегу локинуть!... Ну, такъ и есть... Осталась ли хоть одна косная?.. Слава Богу, не всѣ захватили.. Миронъчъ, въ косную!.. Приплавьте, ребята, лодки-то... Покинули ихъ бестіи, и весла по берегу разбросали.. Ахъ чтобъ васъ рѣзорвало!.. Ишь что вздумали!.. Поди вотъ тутъ—ащи ихъ... Ахъ разбойники, разбойники!.. Вотъ вздрать-то бы всѣхъ до единого. Гляка-сь что надѣлали!..

Василиій Ѡадѣевъ не гореваль: и хозяинъ не въ убыткѣ и онъ не въ накладѣ. Притомъ же хлопотъ да привазокъ отъ водяного за слѣвыхъ избыли. А то пошла бы переборка рабочихъ да дознались бы что на баржахъ больше шестидесяти человекъ безпаспортныхъ, можетъ изъ Сибири бѣглыхъ да изъ полковъ—тогда бы дешево-то пожалуй не раздѣлялись. А теперь, слава Богу, всѣмъ хорошо, всѣмъ выгодно, и хозяину, и прикащику, и слѣвымъ. Зрячимъ только не было выгоды: пригорюнились они, особливо Карлъ Егоровъ съ племянникомъ. Вместе съ Сидоромъ зачинщиками Марко Давидычъ ихъ обозваль—имъ первымъ и отвѣчать.

— Батюшка, Василиій Ѡадѣичъ, пожалѣй ты насъ дураковъ, умоли Марка Давидыча, преклони гнѣвъ его на милость!.. волнамъ они, валяясь въ ногахъ у прикащика.

Другіе рабочіе тоже не чаяли добра отъ водяного. Понадѣясь на свои паспорты они громче другихъ кричали, больше наступали на хозяина, они же и по мѣстамъ не пошли. Теперь закручинились. Придется, сидя въ кутузкѣ, рабочіе два терять.

— Ничего я тутъ не могу сдѣлать, говорилъ Василиій Ѡадѣевъ рабочимъ.

— Какъ же не можешь? Вся сила въ тебѣ... Ты всему караваку голова... Кого же ему какъ не тебя слушать, клаивались и молили его рабочіе.

— Сговорись съ нимъ!.. Какъ же!.. молвилъ Василій Ѡадѣевъ.— Не въ примѣту развѣ вамъ было какъ онъ ничего не вида, никакого дѣла не разобравши, за сушь-то меня обругалъ? И мошенникъ-отъ я у него, и разбойникъ-отъ! Жиденька!.. Весломъ что ли небо-то разшевырять, коли солнцѣвъ не было... Собака такъ собака и есть!.. Подойди-ка теперь я къ нему, да заведи съ нимъ рѣчь про ваши дѣла, такъ онъ и не знай что со мной подѣлаеть... Ей-Богу!

— Нѣтъ, ужъ ты Василій Ѡадѣвичъ, яви Божеску милость, за насъ, беззаступныхъ, попечалуйся, приставали рабочіе. — Мы бы тебя вотъ какъ уважили!.. Безъ гостинца, милый человѣкъ, не остался бы!.. Ты не думай, чтобы мы на шаро-мыгу!..

— Полноте-ка ребята чепуху-то нести, молвилъ отходя отъ нихъ прикащикъ.— Да и некогда мнѣ съ вами растабарывать, депортицу велѣлъ стготовить кто сколько денегъ изъ вась перебралъ, а я грѣхомъ прослалъ маленько... Пойти стготовить скорѣе, не то прѣдетъ съ водянымъ—разлютуется.

И ушелъ въ казенку.

Стоять на мѣстѣ рабочіе, понутивъ думныя головы. Дѣла куда ни верни, со всѣхъ сторонъ никуда не годится. Ни ливьковъ, ни великихъ убытковъ никакъ не избыть. Кто-то сказалъ что прикащикъ только ломается, а ежели поклониться ему полтиной съ души, пожалуй упроситъ хозяина.

— На полтину съ брата согласенъ не будетъ, молвилъ дядя Архиль.— Считаѣ-ка сколь насъ осталось.

Стали считать, насчитали какъ разъ шестьдесятъ человѣкъ.

— Всего значить тридцать цѣлковыхъ, сказалъ дядя Архиль.— И подумать не захочетъ.... Цѣлковыхъ по два брать, тогда можетъ-статься возьмется, и то наврядъ....

Зашумѣли рабочіе, у кого много забрано денегъ тѣ кричатъ что по два цѣлковыхъ будетъ накладно, другіе на томъ стоять что можно и больше двухъ цѣлковыхъ прикащику дать ежели станеть требовать. Безъ переборовъ и перебранокъ сходка не стоитъ. Согласились наконецъ дать прикащику сто цѣлковыхъ. Такъ порѣшивъ стали смекать по скольку на брата придется; по пальцамъ считали, на биркахъ рѣзали, чурочками да щелочками метали; наконецъ добрались что съ каждаго по цѣлковому да по шестидесяти шести копѣекъ надо. Ради вѣрности по рукамъ чурочки да

щечочки разобрали и потомъ въ груду метали ихъ. Рты развиули отъ удивленья, когда пересчитавъ чурочки увидѣли что цѣлыхъ сорока не хватаетъ. Опять зачались толки да споры куда сорокъ колеекъ дѣвалось.

Сладчались наконецъ. Дядя Архиль робко пошелъ къ казенкѣ и ставъ въ дверяхъ молвилъ сидѣвшему за лепортицей прикащику:

— Батюшка, Василиій Ѡадвичъ, прикажи слово молвить.

— Чего еще? съ досадой крикнулъ прикащикъ.—Мѣшае только! Дѣломъ заняться нельзя съ вами, буянами.

— Да я все насчетъ того же, порадѣй ты объ насъ, помоги въ нашей бѣдѣ, говорилъ дядя Архиль.

— Сказано вѣдь вамъ! Такъ вѣтъ, дѣзутъ!

— По рублицу бы съ брата мы поклонились вашей милости—шестидесятью цѣлковыми... Прими сударь, не ломайся!.. только выручи Христа ради!.. При разчетѣ съ каждаго человека ты бы по цѣлковому взялъ себѣ, и дѣло бы съ концомъ.

— Ишь что еще вздумали! гнѣвно вскрикнулъ прикащикъ.—Стану изъ-за такой малости я руки марать!.. Пошелъ я рочь!.. Говорятъ тебѣ, не мѣшай.

— Ты Василиій Ѡадвичъ не гнѣвись. Скажи свою цѣну. Богъ дастъ сойдемся какъ-нибудь, не трогаясь съ мѣста, говорилъ дядя Архиль.

Замолкъ Василиій Ѡадѣвъ, сталъ лисать свою лепортицу, а дядя Архиль не отходить отъ дверей казенки.

— Полтора ста! вполголоса пробурчалъ прикащикъ послѣ короткаго молчанья, кладя перо и глядя въ упоръ на дядю Архила.

— Не много ль ли будетъ, Василиій Ѡадвичъ?... посмѣлѣй прежняго заговорилъ дядя Архиль.—Пожалѣй насъ хоть маленечко—не подь силу будетъ такой суймой * намъ поступиться твоей милости.

— Полтора ста, еще тиге промолвилъ прикащикъ, и снова взялся за перо.

Помялся на мѣстѣ дядя Архиль. Протягивая въ казенку руку, сказалъ:

— Такъ и быть, куда ни шло, получай три четвертухи, семьдесятъ лять цѣлковыхъ значить.

Молчить Ѡадѣвъ.

* Суйма.

— Будеть съ тебя, милый человекъ, ей-Богу будетъ, продолжалъ Архипъ, переминаясь и вертя въ рукахъ оборванную шляпенку.—Мы бы сейчасъ же разверстали по сколько на брата придется и велѣли бѣ Софронкѣ въ книгѣ росписаться: получили молъ въ Казани по столько-то, аль тамъ въ Симбирскѣ что ли, это ужь тебѣ виднѣ какъ надо писать.

— Сколько вась? не поднимая съ бумаги глазъ, спросилъ прикащикъ.

— Шестьдесятъ человекъ, отвѣтилъ дядя Архипъ.

— По два цѣлковыхъ съ брата, чуть слышно проговорилъ Василій Ѡадѣевъ.

— Нѣтъ, ужь ты сдѣлай такую милость, возьми три четвертухи, пожалѣй насъ, родимый, вѣдь кровь свою отдаемъ—ты это подумай, умолялъ дядя Архипъ.

— Какъ задержать у водяного да по этапу домой логотять, не по два цѣлковыхъ убытку примете, шепотомъ почти сказалъ Ѡадѣевъ.

— Да, оно такъ-то такъ, что про это говорить. Вѣстимо больше потерлишь, да ужь ты помилосердуй, заставь за себя вѣчно Бога молить... Ты вѣдь наша заступла, на тебя наша надѣжда—какъ Богъ, такъ и ты. Сдѣлай милость, пожалѣй насъ, Василій Ѡадѣичъ, слезно умолялъ дядя Архипъ прикащика.

Наконецъ сладились. Сошлись на сотнѣ. Дядя Архипъ пошелъ къ рабочимъ, все еще галдѣвшимъ на седьмой баржѣ, и объявилъ имъ о сдѣлкѣ. Тѣмчасъ одинъ за другимъ стали Софронкѣ руки давать, и паренекъ, склонивъ голову, робко пошелъ за Архипомъ въ прикащикову казенку. Въ полчаса дѣло покончили, и Василій Ѡадѣевъ, кончившій межъ тѣмъ свою лепортицу, вырядился въ праздничную одѣжу, сѣлъ въ косую и сопровождаемый громкими напутствованиями рабочихъ поплылъ въ городъ.

Межъ тѣмъ во всемъ караванѣ кашевары ужинъ сготовили. ользуясь отъѣздомъ Василья Ѡадѣева и тѣмъ что водоливы съ лодманомъ усѣвшись на восьмой баржѣ засаленными, полуразорванными картами стали играть въ три листика, рабочіе подсластили послѣднюю свою ужину—вдоволь накрали рыбы и навалили ее во щи. На шестой да на седьмой баржахъ щи были всѣхъ вкуснѣй—съ севрюгой, съ осетриной, съ бѣлужиной. Сѹпротивъ другихъ обижены были рабочіе на восьмой бар-

жѣ—тамъ нельзя было воровать, у самаго лаза въ мурью лоцманъ сидѣлъ съ водоливами за картами; да и кладъ-то къ вѣдъ была неспособная — ворвань... Хорошо поужинали, на руку было рабочимъ что вдвое сулпротивъ обычнаго ѣли, щи-то заварены и каша засыпана были еще до того какъ слѣдые обѣдали. Инымъ и въ ротъ ужъ не дѣзало, да не оставлять же добро — поватужились, сердечные, поѣли все до чиста.

Двѣ трети рабочихъ наѣвшись тотчасъ же спать завалялись, человекъ съ двадцать въ кучку собралось. Опять гадѣнье пошло.

Какъ на каменну стѣну надѣялись они на Василья Оадева и больше не боялись ни водянаго, ни кутузки, ни отправки домой по этапу; веселый часъ катился, стали забавляться ребята: боролись, на палкахъ тямудись, дрались на кулачки, и лодъ коведъ громкую лѣсню залѣли:

Какъ споемъ же мы ребята про кормилицу,

Про кормилицу про нашу, Воагу-матушку,

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Воагу-матушку.

Мы полавали по матушкѣ и вдоль и поперекъ,

Истоптали мы, ребята, ея круты бережки,

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Ея круты бережки.

Исходили мы на аамкѣ всѣ ея жоаты пески,

Коли лавали мы ребятушки отъ Рыбной къ Костромѣ,

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Какъ отъ Рыбной къ Костромѣ.

А вотъ городъ Кострома — гуляивая сторона,

А пониже его Пасъ, чтобъ шайтанъ его пронесъ.

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Чтобъ шайтанъ его пронесъ.

За мать Кулешка да Рѣшка — тамой дѣвушки не честны,

А вотъ городъ Юрьевецъ — что ни паремъ, то подаецъ,

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Что ни паремъ, то подаецъ.

Въ Городцѣ-то на дворѣ, по три дѣвки на дворѣ,

А вотъ городъ Балаха — стоятъ пелы распахна,

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Стоятъ пелы распахна.

А вотъ село Козимо — много дѣвокъ свезено,

Еще Соромово село — соромники на-голо,

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Соромники на-голо.

А вотъ Нижній городокъ — ходи, гулай въ погребокъ,

Вотъ Кулавино село, въ три дуги меня свело.

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Въ три дуги меня свело!

А вотъ Кетово-то Крестово, развеселое село,

Хоша чарочка маленька, да вино хорошо.

Ахъ, ну! Охъ ты мать! Да вино хорошо.

Вотъ село Великій Врагъ — въ каждомъ домѣ тамъ кабакъ;

А за мнѣ село Безводно — живутъ дѣвушки зазорно,
 Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Живутъ дѣвушки зазорно.
 Рядомъ тутъ село Работки — покупай, хозяинъ, водки.
 Вотъ Саопинецъ да Татимецъ — всѣмъ мошенникамъ кормилецъ,
 Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Всѣмъ мошенникамъ кормилецъ.*

Громче и громче раздается по каравану удалая пѣсня. Дядя Архилъ, молча и думчиво сидѣлъ у борта и въ тихомолку ковырялъ лалотки изъ лыкъ, украденныхъ имъ на баржѣ сосѣдняго каравана. На своемъ красть неловко—кулаки у рабочихъ пожалуй расходятся.

— Чего заорали, чортовы угольники? Забыли что здѣсь не въ плесу? крикнулъ онъ расшѣвшимся ребятамъ. — Городъ здѣсь, ярмонка!... Оглянуться не успеешь какъ съѣдутъ съ берега архангеды да ливьями горла-то заткнутъ. Одну бѣду избыли, на другу рветесь!... Спины-то по плетямъ видно больно соскучились!...

Смокли пѣвуны, не долѣли разудалой бурлацкой пѣсни, что поминаетъ все побережье Волги-матушки отъ Рыбной до Астрахани, поминаетъ соблазны и заманчивыя искушенья большею части рабочему люду недоступныя, потому что у каждаго въ карманѣ-то не очень густо живетъ. Не вскинься на пѣвуновъ дядя Архилъ, слѣли бъ они про „Суру рѣку важную—донышко серебряно, круты бѣрежки позолоченныя, а на тѣхъ бережкахъ вдовы дѣвушки живутъ сговорчивыя“, слѣли бы, сердечные, про Свяжанъ-лецевниковъ, про казанскихъ плаксивыхъ сиротъ, про то какъ въ Тетюшахъ городничій лалоть плелъ, слѣли бъ они про Симбирцевъ гробокрадовъ, качанниковъ, про Сызранцовъ ухорѣзовъ, про то какъ Саратовцы соборъ съ молотка продавали, а чилимники,** тухлая ворвань, Астраханцы кобылятину вмѣсто бѣлой рыбицы въ Новгородъ слали. До самой Бирючей Косы пролѣли бы, да вотъ дядя Архилъ помѣшалъ.

И дѣло онъ говорилъ, на пользу рѣчь ведъ. И въ большихъ городахъ, и на ярмонкахъ такъ у насъ повелось что чуть не на каждомъ шагу нестерпимо гудятъ захожіе Нѣмцы въ свои волаки, наигрываютъ на шарманкахъ Итальянцы, брѣя-

* Путевая бурлацкая пѣсня. Въ ней больше чѣмъ треть станъ истокостей отъ Рыбиска до Бирючей Косы (лиже Астрахани на востокъ), даются болѣе или менѣе вѣрные примѣты.

** Чилимъ—водяные орѣхи, *Trapa natans*.

чать на цимбалахъ Евреи, но раздайся громко русская лѣв-
ная—въ кутузку лѣвцовъ.

Смолкли рабочіе, нахмураясь кругомъ озирались, а больше
на желтый сылучій песокъ Кунавинскаго берега: не идетъ
ли въ самомъ дѣлѣ посуленный дядей Архиломъ архангель.
Бѣда однако не грянула.

Ивыя забавы пошли у рабочихъ. Скучно.

Здоровенный, приземистый, но ширь въ плечахъ парень,
ровно изъ перекатнаго желѣза скроенный, Яшка Моргувъ,
первый возвеселилъ братію, первый нову забаву придумалъ.
Опрокинулъ порожнюю изъ-подъ сельдей кадку, сѣлъ на
нее и крѣлко обвилъ ногами. Вызываетъ охотниковъ трес-
нуть его кулакомъ во всю ширь, а въ отмашь, кому какъ
угодно: свалится съ кадки платить семитку, * усидить—се-
митка ему, свалится вмѣстѣ съ кадушкой, ногъ съ нея не
спускающая—ни въ чью. Сыскались охотники, восемь разъ Мор-
гувъ не свалился, два раза кадка свалилась подъ нимъ и онъ
плашмя повалился не выпустивъ кадку изъ ногъ. Четвертакъ
безъ малаго у Яшки въ карманѣ — послалъ за косушкой.

— Хочешь, ребята, стану орѣхи лбомъ колотить? Такъ
послѣ подвиговъ Яшки, голосомъ зычнымъ на всю артель
крикнулъ рябой, краснощекий, поджаристый, но крѣлко ско-
лоченный Спирька, Бѣшенымъ Горломъ его прозывали, на
всѣхъ караванахъ первый силачъ.—Не простые орѣхи, грец-
кіе стану шибать. Чтѣ разшибу то мое, а который не разобью
за тотъ получаю по плюхѣ—хоть ладоною, хоть всѣмъ ку-
лакомъ.

Съ шумомъ, съ крикомъ, со смѣхомъ артель приняла вы-
зовъ Спирьки. Софронку къ бабенкѣ перекулкѣ на берегъ
послали, два фунта грецкихъ орѣховъ Софронка привезъ;
шесть олаеухъ, всѣ кулакомъ, Бѣшену Горлу достались,
остальными орѣхами Спирька вдоволь налакомился.

Кузька Ядреный, родомъ Алатырецъ, сильный, мощный
крѣпышъ, слова не молвя, на палубу ринулся навзничь.
Звонко затылкомъ хватился о смоленыя гладкія доски. Лѣжа
на сплнѣ онъ такъ похвалялся:

— Катай полѣномъ по брюху, по грошу за разъ.

Весело захохотали рабочіе и нахватавъ полѣньевъ приня-
лись за работу. Дядя Архиль сталъ было ихъ останавливать:
что де вы, лѣшіе, убійства что ли хотите?

* Двухкопѣечная жѣдная монета.

— Дурень ты дядя, крикнулъ Кузька Ядреный ему на отвѣтъ.—Слина что ли брюхо-то?... Кости въ немъ что ла?... Духу наберусь, вслучу животъ—что твой лузырь. Катай ребята, не слушай его!.

И катали ребята, на цѣлу косушку выигралъ Кузька Ядреный и всталъ какъ ни въ чемъ не бывало.

И долго еще, пока не стемнѣло, такъ забавлялся, такъ лотѣшался рабочій народъ. Не хитры затѣи, дики забавы, да что же дѣлать, вѣтъ иныхъ налицо. Надо же было душу отвести чѣмъ-нибудь....

Поздно, къ самой полночи, воротился на баржи прикащикъ. Безмолвной, тяжело вздыхающей толпой его обступили. Двигаясь важно къ казенкѣ, отрывисто молвилъ Василій Фадѣевъ:

— Милости ждите. Завтра разчетъ.

И въ ночной тиши раздались радостные клики по всему каравану.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ *

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО - БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

III.

(1795—1801)

Переѣздъ въ жизни И. А. Второва. — Служба въ Ставрополѣ и опять въ Самарѣ, засѣдателемъ нижняго земскаго суда. — Разѣзды по уѣзду. — Любовь. — Путешествіе въ Москву. — Алатырь. — Арзамасъ. — Муромъ. — Суздааль. — Юродивая. — Москва. — Оберъ-полицеймейстеръ Эртель. — Семейство Тургеневыхъ. — Спектакль въ Университетскомъ Баагородномъ Паксіонѣ. — Балъ въ Дворянскомъ Собраніи. — Маскарадъ въ Петровскомъ театрѣ. — Академіи (клубы) музыкальная и танцовальная. — Литературныя знакомства. — Знакомство съ Н. М. Карамзинымъ. — Московская жизнь Второва и его наблюденія. — Смерть императора Павла. — Сжѣна Эртеля Каверинныхъ. — Скандалъ при сдачѣ должности. — Весна. — Прогулки. — Карты и знакомства. — Задачи садки. — Гулянье въ Нѣмецкихъ Ставахъ. — Пѣвчіе Колокольниковы. — Гулянье въ Слободскомъ саду и въ саду Инвалиднаго Дома. — Сумашедшій Дьякомовъ. — Останкино. — Путешествіе въ Троицко-Сергіевскую Лавру.

Читая самарскія записки И. А. Второва, мы часто встрѣчаемъ въ нихъ выраженія недовольства собою, въ родѣ слѣдующихъ: „я совсѣмъ почти испортился; потухаетъ моя стремительность къ наукамъ и я всѣмъ скучаю. Сколько было предпріятій, сколько плановъ! Всѣ остаются безъ дѣй-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 45.

ствія;“ „Что я здѣсь пресмыкаюсь?.. Я самъ себя удивляюсь; самъ себя не понимаю и пребываю совершеннымъ скотомъ, совершеннымъ тунеядцемъ: ни (по) должности, опредѣленной мнѣ судьбою, ни по склонности моей, предпринимаемаго ничего почти не дѣлаю. И оттого самъ терзаюсь; но самъ же себя не могу преодолѣть... Что это такое? Создатель мой! къ чему Ты меня приводишь?“ и пр. Въ числѣ самообличительныхъ фразъ, на которыя не скупился нашъ герой, разъ лять, шесть встрѣчаются и такія: „былъ льявъ“, „былъ погруженъ въ гнусныя мерзости“ и т. л. Повидимому тина глухой самарской жизни не разъ грозила втянуть въ себя юнаго Второва, который уже по одному своему экономическому положенію, по крайней своей бѣдности и безпомощности, менѣе чѣмъ кто-либо изъ людей ему подобныхъ (какъ Болотовъ, Добрынинъ), имѣлъ возможность сопротивляться напору житейскихъ невзгодъ. Это, впрочемъ, не объясняетъ еще шестилѣтняго періода въ жизни Второва, времени съ 1795 по 1801 годъ. Самъ онъ, уже въ позднѣйшую пору своей жизни (въ 1818 году), вотъ что говоритъ объ этомъ періодѣ:

„Волнуемый страстями, свойственными сему возрасту, пріобрѣтя болѣе знакомствъ и кружась въ вихрѣ свѣтской жизни, мало-по-малу я оставилъ свои занятія въ наукахъ. Уединеніе стало тяготить меня; я былъ разсѣянъ и рѣдко принимался за журналъ свой. Я сдѣлалъ ужасный переломъ одной страсти, которая была для меня раемъ и адомъ. Сего перелома требовалъ разсудокъ и таковы были обстоятельства. Я оставилъ службу и рѣшился оставить тѣ мѣста гдѣ провелъ юность свою. Я желалъ видѣть обѣ столицы и людей и поѣхалъ въ Москву.“

Мы уже видѣли что самарская жизнь Второва не представляла ему тѣхъ средствъ къ самообразованію, какія давала симбирская. Тогдашнюю русскую литературу, то-есть все написанное отъ Ломоносова до Карамзина, онъ поглощалъ; литература текущая въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка была въ крайнемъ оскуднѣніи; стало-быть, питаніе ею могло и не удовлетворять человѣка, даже съ такимъ развитіемъ какое имѣлъ тогда Второвъ; ему могло надобность чтеніе, которое онъ называетъ „занятіемъ въ наукахъ“. Этотъ перерывъ нельзя впрочемъ назвать бѣдою, великимъ несчастіемъ для нашего героя, какъ онъ самъ называетъ, такъ какъ изъ

своихъ литературныхъ занятій извлекалъ онъ, между прочимъ, и тѣ расслабляющіе соки сентиментальности, которыми, какъ мы видѣли, онъ питался чрезъ мѣру. Самая исторія съ Чекановымъ, то моральное униженіе которое испыталъ Второвъ отъ самарскаго судьи, не могли не содѣйствовать нравственному перелому въ жизни молодого Второва. Изъ приведенныхъ выше словъ видно что исходъ перелома былъ ко благу и притомъ исходъ мужественный, уже обличавшій сформировавшуюся волю: вырваться изъ провинціальной жизни и бѣжать въ столицы, въ ту пору, для человѣка въ положеніи Второва, было крайне смѣло. Такому благопріятному исходу, хотя и косвенно, какъ возбуждающее къ энергіи средство, помогла любовь къ двумъ женщинамъ, которыхъ именъ герой нашъ, съ сожалѣнію, не называетъ и подробностей о которой въ своихъ краткихъ запискахъ, относящихся къ этой порѣ, никакихъ не сообщаетъ.

Выйдя въ отставку Иванъ Алексѣевичъ надѣялся, какъ мы видѣли, получить мѣсто въ Казани; туда особенно звалъ его Самва Андреевичъ Москотильниковъ, предлагавшій ему гдѣ-то мѣсто секретаря, съ жалованьемъ трехсотъ рублей въ годъ. Полагаясь на это обѣщаніе, Второвъ поѣхалъ въ Казань, оставивъ свое семейство въ Самарѣ; на лутѣ онъ заѣхалъ въ Симбирскъ. Въ этомъ городѣ былъ тогда прокуроромъ И. Д. Апраксинъ, старинный хорошій его знакомый, который уговорилъ его остаться на службѣ въ Симбирскомъ намѣстничествѣ, предложивъ ему два стряпчихихъ мѣста. Второвъ выбралъ городъ Ставрополь, куда и переѣхалъ въ маѣ 1795 года. Здѣсь пробылъ онъ два года. Въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ замѣтокъ Второвъ называетъ свою ставропольскую жизнь „самую лучшую и пріятнѣйшею“; мы не знаемъ почему именно она была такою. Ставропольское общество приняло его очень радушно. Онъ завязалъ здѣсь множество знакомствъ, обратившихся потомъ въ прочныя дружескія отношенія; ближе всѣхъ онъ сошелся здѣсь съ семействами Наумовыхъ, Цызыревыхъ, Павовыхъ и Мильковича, какого-то дальняго своего родственника. Наумовыхъ было четыре брата: Алексѣй, Николай, Павелъ и Михаилъ Михайловичи. Николай былъ владѣльцемъ села Архангельскаго, Павелъ—Юркулей, Михаилъ—Вознесенскаго или Головкина. Объ итнѣихъ Цызыревыхъ намъ неизвѣстно. О Павовыхъ и Мильковичахъ будетъ сказано ниже. Никакихъ подро-

стей о двухгодичной жизни въ Ставрополѣ въ дневникѣ Второва нѣтъ. Дневникъ возобновляется только 1го января 1797 года, слѣдующими словами:

„Два года уже пролетѣли въ вѣчность какъ я оломился отъ забвенія, праздноствію и разсѣяніемъ духа моего сопровождаемаго. Сердце мое заражено еще. Молю Всемогущаго Отца: да подастъ съ сего утра обновленіе душевныхъ силъ моихъ, да очиститъ сердце, суетами свѣта зараженное!“

Журналъ, по обыкновенію, начинается тоскливою нотой, предчувствіемъ какого-то несчастія, даже скорой смерти, хотя выше говорилось о празности духа и суетности сердца, и тутъ же прибавлено: „Я во всемъ счастливъ; я любимъ; я не имѣю у себя враговъ; я не сдѣлалъ ничего что бы меня страшило, рано или поздно, возмездіемъ.“ Смерти не послѣдовало; но 27го февраля читаемъ слѣдующую запись:

„Я отыгралъ свою роль въ Ставрополѣ. Богъ знаетъ, найду ли еще столько пріятностей въ моей жизни, какими я здѣсь наслаждался. Властію царя нашего упразднено мое мѣсто, а властію судьбы я раалучаюсь съ любезнымъ мнѣ сердцемъ, которое, чрезъ частое свиданіе, чрезъ частое изліаніе взаимныхъ чувствъ нашихъ, столь привязано ко мнѣ что Богъ знаетъ чего будетъ стоить обоимъ намъ разорвать этотъ союзъ! Прости, мой ангелъ!“ и пр.

Эти слова не были однѣми сентиментальными фразами. Разлука съ *нею* была очень тяжела: въ продолженіи всего 1797 года Второвъ только и занятъ былъ мыслию о *ней*, перепискою съ *ней*, обмѣнами сюрпризовъ и подарковъ и т. п. Съ упраздненіемъ стрѣлческой должности, Второва не оставили безъ мѣста: его назначили олять въ ту же Самару, за сѣдателемъ нижняго земскаго суда, нѣкоторымъ образомъ товарищемъ исправника. Въ Самару онъ прибылъ въ концѣ марта. Новою своею должностію, на первыхъ порахъ, онъ былъ очень доволенъ. Она требовала безпрестанныхъ разъѣздовъ по уѣзду, участія его въ такъ-называемыхъ „временныхъ отдѣленіяхъ“. Эти поѣздки, продолжавшіяся не рѣдко по нѣскольку недѣль къ ряду, были во всякомъ случаѣ для него полезны, расширяя кругъ его знакомствъ и приводя его въ непосредственное соприкосновеніе съ живою дѣятельностію. Великимъ благомъ для Второва было то что онъ вырвался изъ душной канцелярской атмосферы, что онъ не сдѣлался „уѣзднымъ приказнымъ“. Онъ былъ обязанъ этимъ,

юмечво, литературѣ, которая ввела его въ кругъ боаѣе развитыхъ людей и окрестныхъ помѣщиковъ; но и обществу послѣднихъ, привѣтливо его встрѣтившему, онъ былъ не мало обязанъ своимъ спасеніемъ отъ приказной проказы. Въ обществѣ самарскихъ и ставропольскихъ помѣщиковъ, между которыми, какъ уже замѣчено, были и родные по матери, Второвъ сталъ находить теперь себѣ друзей и лучшее препровожденіе времени, начиналъ ставовиться своимъ человѣкомъ. Въ эту же пору уладились и его семейныя отношенія: никакихъ бурь уже не было. Но городская самарская жизнь оставалась тою же самою; пребывалъ въ ней тотъ же А. Ф. Чекановъ, котораго одно присутствіе уже волновало Второва; очутившись въ Самарѣ, послѣдній сталъ пристращаться къ картамъ и началъ было проигрывать значительныя куши. Семейство Второва, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ мѣстамъ записокъ, оставалось въ Ставрополѣ. Въ первыхъ строкахъ этихъ записокъ за 1798 годъ говорится о новой страсти нашего героя, — къ кому, опять неизвѣстно. Предметъ первой страсти его, кажется, уѣхалъ въ Петербургъ. Предметъ второй пребывалъ гдѣ-то въ Самарской „округѣ“ (такъ Второвъ постоянно называетъ уѣздъ), потому что герой нашъ, во время своихъ безпрестанныхъ отлучекъ изъ города, не разъ съ нею видѣлся. Занятый только собою, своими чувствами и страданіями, юный Второвъ не обращалъ вниманія на окружающую его жизнь; поэтому, между прочимъ, такъ пусты его замѣтки относящіяся къ этимъ годамъ. Но изъ нихъ, между прочимъ, видно что въ ту пору въ Самарскомъ уѣздѣ былъ еще великъ калмыцкій элементъ и встрѣчались еще случаи окалмыченія Русскихъ. Частію Второвъ былъ доволенъ такою непосѣвною, деревенскою жизнью, въ особенности весною и лѣтомъ среди волжской природы, которой онъ былъ поклонникъ. „Боже милосердый (пишетъ онъ 13го мая 1798 года), чего еще желать мнѣ! Я чувствую Твои благодати ко мнѣ. Въ такихъ лѣтахъ (ему было 26 лѣтъ), въ такомъ бѣдномъ состояніи, я вижу вездѣ уваженіе къ себѣ, а особливо въ сихъ бѣдныхъ деревняхъ: (здѣсь) вездѣ готовы къ исполненію всѣхъ приказаній моихъ. Однакожь я желалъ бы хотя посмотреть большіе города и ихъ жителей.“ Въ городѣ, съ его городничимъ и картами, Второвъ чувствовалъ невыра-

зимую тоску и скуку, жалобами на которыя переполнены краткія записки его за 1798—1800 годы.

Новое столѣтіе нашъ герой встрѣтилъ слѣдующею замѣткой:

„Новое столѣтіе! И такъ дни жизни моей назначены въ двухъ вѣкахъ человѣческаго лѣтосчисления. Сколько времени протекло какъ я кружусь въ хаосѣ заблужденій, оставилъ все чѣмъ пламенно занимался я въ молодости! Слишкомъ жертвую я праздности. Богъ меня оставилъ, какъ преступника, достойнаго презрѣнія. Тяжки грѣхи мои, Творецъ милосердый, я чувствую и т. д.“

Подъ день Свѣтлаго праздника того же года, вотъ что записано:

„Ангель небесный! другъ мой безцѣнный! Ни минуты не выходишь ты у меня изъ мыслей. Думаешь ли ты обо мнѣ? Какъ проведешь ты сію наступающую недѣлю? Мы прежде вмѣстѣ были, а теперь разо. Отъ часу становится труднѣе наше свиданіе. Можетъ быть и такое время, когда совсѣмъ не возможно будетъ видѣться.“

Это время наступило 25го октября, — день въ который совершилась вѣчная разлука Второва со вторымъ предметомъ его страсти. 11го ноября 1800 года Второвъ оставилъ Самару и отправился въ свое путешествіе въ Москву и Петербургъ. На какія средства онъ его дѣлалъ, чѣмъ жилъ два года въ нашихъ столицахъ, это мы увидимъ изъ его записокъ, изъ образа жизни его въ обѣихъ столицахъ. Тогдашнее гостепріимство и общительность Второва, развившаяся въ немъ за послѣдніе годы, дѣлала возможнымъ такое путешествіе безъ особенныхъ денежныхъ запасовъ. Легче было теперь Второву, чѣмъ прежде, оставить и свое семейство: одна изъ сестеръ его, кажется, старшая, зачѣмъ-то очутилась въ Москвѣ, другая жила съ матерью въ Ставрополѣ; мать крѣпко постарѣла и вскорѣ умерла, въ маѣ 1800 года. Иванъ Алексѣевичъ сталъ, какъ говорится, вольнымъ казакomъ.

Слѣдующее ниже повѣствованіе о путешествіи въ столицы, подвергнувшееся (въ 1818 году) тщательной обработкѣ автора, приводится его собственными словами о пребываніи въ Москвѣ и въ извлеченіи о его петербургской жизни.

Путешествіе въ Москву.

Въ декабрь мѣсяцъ 1800 года, простясь съ родными, выѣхалъ я изъ Ставрополя. Былъ въ деревняхъ у Н. А. Дурасова,* у П. П. Тургенева, у друзей моихъ гг. Наумовыхъ, въ Сибирскѣ, а 26го декабря отправился въ дальній путь съ любезнымъ Алексѣемъ Михайловичемъ (Наумовымъ), его супругою, Анною Федоровною, и дѣвицею Катериной Дмитриевною Спичинскою. Два дня мы прогостили въ деревнѣ Н. С. Кроткаго.

Января 1го 1801 года пріѣхали въ Алатырь, лучший городъ нашей губерніи. Здѣсь увидѣлся я съ добрымъ другомъ моимъ К. М. Сербулатовымъ. Арзамасъ показался мнѣ прекраснымъ городомъ по многимъ красивымъ домамъ, церквямъ и монастырямъ, особливо когда подѣзжаешь къ нему въ некоторомъ разстояніи. Мы, не останавливаясь въ немъ, проѣхали улицей мимо торговой площади и монастыря въ находящуюся близъ него большую слободу, называемую Выздвой.

Января 6го числа, въ субботу, поутру пріѣхали въ Муромъ; были у обѣдни, поклонились гробницѣ Свв. Петра и Февроніи. Сей городъ еще лучше Арзамаса. Подѣзжая къ нему съ Оки, древность церквей привлекала мое зрѣніе, а при въѣздѣ въ него глубокія ямы, въ коихъ видно строеніе, представили пріятный контрастъ: надобно было поднимать голову вверхъ чтобы видѣть построенные на холмахъ дома, старинныя церкви и садики по скату холмовъ, потомъ наклоняться внизъ чтобы смотрѣть на строеніе цѣлыхъ улицъ въ глубокихъ оврагахъ. Здѣсь видѣлъ я старинную церковь построенную царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, на возвышенномъ пригоркѣ Оки, готической архитектуры. Примѣчанія достойны были здоровыя и привлекательныя лица здѣшнихъ посадскихъ женщинъ, ихъ красивыя русскія наряды и головныя высокія повязки. Разсматривая зрѣлоя ихъ лица, я находилъ много пріятности для глазъ,

* Пріятеля и товарища И. И. Дмитриева по училищу. Отецъ его былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Масликова (Твердышева), Аграфѣя Ивановна; о Дурмовѣ говорится ниже. П. П. Тургеневъ—членъ Дружескаго Общества* и братъ Ивана Петровича.

а для сердца?... Оно уже окаменѣло. Муромскій дѣсъ, по слухамъ о немъ, ничего не представлялъ мнѣ чрезвычайнаго.

„Въ понедѣльникъ утромъ, 8го числа января, прїѣхали въ Суздадь. По множеству церквей и каменнаго строенія издали заключилъ и о немъ лучше нежели о Муромѣ; но или по неприятности квартиры нашей въ тѣсной улицѣ, или по ненастному времени, онъ показался мнѣ хуже. Мы были у обѣдни, въ дѣвичьемъ монастырѣ, и прикладывались къ закрытымъ мощамъ Св. Евфросиніи. Богослуженіе совершаемое женщинами и самыя сіи богослужительницы, старицы и бѣлицы, оставили въ головѣ моей много странныхъ мыслей. Надобно сказать что я видѣлъ здѣсь баснословнаго оракула, извѣстную во всей окрестности здѣшней и даже въ нашихъ мѣстахъ юродливую женщину Марю, которая прослыла святою и у которой при мнѣ набожныя женщины просили благословенія! Увидѣлъ и скорбѣлъ душевно о ней, а болѣе о жалкомъ заблужденіи бѣдныхъ невѣждъ. Близъ дѣвичьяго монастыря, въ тѣсномъ домикѣ, поразила взоры мои сидѣвшая на лечи гнусная карриатура, самый уродливый скелеть, у котораго къ безобразному длинному лицу присохла сморщенная кожа, а наросты краснаго мяса на гноющихъ глазахъ дѣлали видъ ея отвратительнымъ и страшнымъ. Сивій пестрядивый лоскутъ нѣкогда бывшей рубашки прикрывалъ ея остовъ. На вопросы наши отвѣчала она несвязными отрывками словъ, просила вина, просила сѣсть возлѣ нея, упоминала дьяволовъ, говорила: „умреть, плакать будутъ“, и пр. Женщина живущая съ нею называлась ея родственницею и говорила что сей несчастной около 80ти лѣтъ, что она ломѣшалась въ умѣ, будучи 20ти лѣтъ отъ роду, ходила нагая и босикомъ даже зимою по улицамъ и теперь уже года три какъ не выходитъ изъ избы. Послѣ того изъяснила намъ значеніе нѣкоторыхъ словъ сей новой Сивиллы. Мы должны были заллатить нѣсколько денегъ за зрѣлице джесвятой карриатуры и за объясненіе ея предсказаній; пошутили кому изъ насъ должно умирать по ея пророчеству и вышли отъ нея. Мнѣ разказывали что сія безумная несвязными своими изреченіями предузнавала будущее приходящимъ къ ней людямъ. У нея часто бываютъ посѣтители, особливо женщины. Многія почтенныя дамы съ набожнымъ чувствованіемъ вопрошаютъ ее о судьбѣ своей, а надзирательница изъясняетъ имъ значеніе словъ ея, за что

собираетъ пошлину со смиреннымъ благочестіемъ. Многие съ благоговѣніемъ провозносятъ ея имя и отъ чистаго сердца называютъ ее святою. Какъ оскорбительно унижаютъ они величіе Божества, умысленно (ежели догадка моя справедлива) унижая бѣдное человѣчество, природою обезображенное. Я заключаю что несчастный скелетъ сей содержитсяъ такъ тирански, безъ покрова и на голыхъ кирпичкахъ, нарочно для привлеченія суесвятовъ приносящихъ жертву обману. Духовные отцы смотрятъ равнодушно на сіе униженіе человѣческаго разума и святыни, ибо пророциа живеть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря. Приѣхавъ въ Суздаль, едва успѣли мы остановиться на квартирѣ, какъ начали приходить разные сборщики денегъ. Одинъ свѣдородный старикъ, держа въ рукѣ блюдечко, требовалъ нараслѣвъ: „Лазарю праведному, другу Божію, Антилію преподобному, зубному исцѣлителю“, на украшеніе церкви Божіихъ отъ усердія мзды, называя насъ „высокопочтенными господами“. Получа мзду, лишь успѣлъ выдти, какъ явился другой, съ такимъ же блюдечкомъ и съ рыжижъ на затылкѣ лучкомъ волосъ церковникъ. Онъ также съ раслѣвомъ: „Николаю, скорому помощнику и заступнику, на церковь“. Мы скоро пошли въ монастырь, а потому и избавились отъ другихъ сборщиковъ.

„Проѣзжая мимо древняго монастыря (Спасо-Евѣиміевскаго), смотрѣлъ я на высокія каменные стѣны его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже поврежденные, и на высокія башни. Тутъ содержались прежде и нынѣ содержатся несчастныя жертвы преступленія или несчастія. Въ семъ монастырѣ жила первая супруга нашего императора Петра Іго. Несчастная слабость ея довела до ужасной, мучительной казни генерала Глѣбова и другихъ участниковъ его преступленія и заплоченія.

„Верстѣ 35 отъ Суздаля село Нельша есть владѣніе моего друга, Алексѣя Михайловича (Наумова). Я прогостилъ у него около трехъ недѣль и время провелъ весьма пріятно. Мы ѣздили съ нимъ по гостямъ въ соотвѣстныя деревни, къ знакомымъ ему помѣщикамъ, съ коими и я познакомился. Были у А. Н. Бутурлина, гг. Возницыныхъ, Кабукова, Трегубова, г. М. С. Шереметева и пр.

„26го числа января, въ пятницу, простившись съ моими спутниками, выѣхалъ я изъ Нельши въ Москву. Проѣзжалъ

чрезъ города: Юрьевъ, Киржачъ и большую слободу, прекрасную по многимъ каменнымъ домамъ и церквамъ, называемую Гавриловскій посадъ. Въ воскресенье поутру, 28го января, вѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на строенія и на толпы людей идущихъ и вѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія! Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволить ли мое состояніе завести знакомство? Можетъ-быть никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

„Остановился на Тверской улицѣ, въ Царьградскомъ трактирѣ. На заставѣ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ; но онъ возвратясь сказалъ мнѣ что должно требовать его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицеймейстера, къ которому надобно явиться лично. Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицеймейстеру *Θ. Θ. Эртелю*. Дождавшись въ его канцеляріи, видѣлъ я какъ изъ внутреннихъ локоевъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ, подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. Наконецъ вышелъ г. Эртель, спросилъ мой паспортъ, прочиталъ его, спросилъ меня долго ли я пробуду въ Москвѣ и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавъ чтобъ я изволилъ расписаться. * Дѣло кончено! Я поѣхалъ знакомиться съ известными мнѣ людьми. Былъ у Павла Ивановича Комарова, гдѣ и обѣдалъ, потомъ у г. Тургенева, Ивана Петровича, директора университета. Знакомство его и дѣтей его, Андрея и Александра Ивановичей, для меня весьма интересно. ** Былъ у гг. Дурасова Николая Алексѣе-

* Характеристику Эртеля представляет Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (часть Iа, стр. 178—180), хотя этому источнику слѣдуетъ довѣрять съ большою осторожностію.

** О семействѣ Тургеневыхъ, именно о трехъ старшихъ братьяхъ (Андрѣѣ, Александрѣ и Николаѣ), говоритъ тотъ же Вигель въ разныхъ мѣстахъ своихъ *Воспоминаній* (ч. I, стр. 175; ч. III, стр. 149; ч. VI, стр. 46—49). Неблагодарный къ Александру и Николаю, извѣстѣйшимъ изъ Тургеневыхъ, Вигель очень симпатично относится къ ихъ старшему брату Андрею Ивановичу, рано (1803) умершему Тургеневы были Второву земляки. Къ сожалѣнію, намъ ничего не извѣстно о симбирскихъ отношеніяхъ его къ этой фамиліи. Просимъ

веча и Мельгунова Стелана Григорьевича. Въ трактирѣ ночевалъ я только одну ночь, а потомъ, по ласкамъ ко мнѣ Павла Ивановича (Комарова) и приглашенію его, переѣхалъ къ нему въ домъ, состоящій близъ Сухаревой Башни, въ приходѣ Троицы, въ Троицкой улицѣ.

Пріѣздъ мой въ Москву былъ въ самомъ началѣ Сырной вѣдѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты; театры, собранія и маскарады наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и увеселенія ихъ. Въ первый день пріѣзда моего, весь вечеръ провелъ я въ домѣ И. П. Тургенева въ самомъ пріятномъ сообществѣ. Хозяинъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни. У него видѣлъ я друга бѣдныхъ, Ивана Владиміровича Лопухина, и лучшаго баснописца нашего И. И. Дмитріева, а въ комнатахъ дѣтей его многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ, изъ коихъ помню только гг. Жуковскаго Василя Андреевича, кн. Козловскаго и пожилаго уже Невзорова Максима Ивановича.* Меня пригласили въ театръ Университетскаго Благороднаго

не забывать что по матери, Пяткиной, И. А. Второвъ принадлежалъ къ дворянству. Независимо отъ его личныхъ достоинствъ, этимъ обстоятельствомъ также можно объяснить то радудіе которое онъ находилъ въ семействахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Объ А. И. Тургеневѣ († 1845) см. въ *Воспоминаніяхъ* В. И. Панаева, гл. II, стр. 237 (*Вѣстн. Евр.* 1867, т. III). Если не вся семья этихъ симбирскихъ Тургеневыхъ, то Андрей, Александръ и Николай могли бы быть предметомъ любопытной культурно-біографической монографіи. Материала кажется набралось не мало.

* Жуковскій окончилъ курсъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ въ 1800 году и въ это время служилъ въ Москвѣ въ главной соляной конторѣ. Козловскій князь, сослуживецъ Тургеневыхъ, Баудова и Вигеля по Московскому архиву иностранныхъ дѣлъ, тогдашній отчаянный западникъ. О немъ смотри у Вигеля, ч. I, стр. 186—17. Невзоровъ, воспитанникъ И. В. Лопухина и Н. И. Новикова. См. біографію его, составл. П. А. Безсоновымъ, въ *Русск. Бесѣдѣ*, 1856, кн. 3, также въ сочиненіи М. Н. Лонгинова *Новиковъ и Московскіе партиялисты* (въ разныхъ мѣстахъ), у Жихарева, въ *Дневникъ Студента* и въ *Запискѣ некоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина*. Невзоровъ былъ докторъ медицины и довольно плодотворный авторъ. Онъ, между прочимъ, писалъ стихи, былъ издателемъ журнала *Другъ Юношества* (1807—1815, по май) и перваго *Историческаго Журнала* (1813).

Пансіона и я поѣхали вмѣстѣ съ дѣтymi г. Тургенева. Играли драму, помнится, *Добрый Сынъ*, переведенную питомцами изъ Беркенева *L'ami des Enfants* — и прекрасно. Актеры и музыканты въ оркестрѣ были все изъ питомцевъ сего Пансіона. Зрители были по большей части родители воспитывающихся въ Пансіонѣ дѣтей и почетные люди, родственники ихъ и знакомые. Я былъ чрезвычайно доволенъ симъ первымъ днемъ.

„29го января, во вторникъ, отъ С. Г. Мельгунова прислали мнѣ визитерный билетъ въ Благородное Собраніе. Въ 8 часовъ вечера мы поѣхали туда съ П. И. Комаровымъ, Елизаветой Матвѣевной Ратьковой и ея дочерью Елизаветой Михайловной въ каретѣ. Входъ въ освѣщенные комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненный лучшимъ дворянствомъ обоюга пола, былъ поразителенъ. До четырехъ тысячъ персонъ собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенные брилліантами и жемчугомъ, составляли для меня восхитительное зрѣлище каковымъ я никогда не наслаждался. * Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елисаветы императрицы, каковы на примѣръ два брата Федоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и пр. Кавалеры все безъ исключенія (кроме одного старика Остермана) въ башмакахъ и въ мундирахъ со шлагами. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность! Ежели потѣсите вы кого, или васъ кто заденетъ нечаянно, то всегда съ пріятною миною и уклончивостію извиняются; жаль только что по боль-

* Современное описаніе этой залы, съ тѣмъ же отъ нея впечатлѣніемъ находится въ *Воспоминаніяхъ Вигеля* (ч. I, стр. 184—185). Москва при Екатеринѣ II и при Павлѣ нѣкоторымъ образомъ играла роль оппозиціоннаго города: въ ней водворялись недовольные правительствомъ. И хотя московская оппозиція преимущественно ограничивалась дворскими интересами, но тѣмъ не менѣе, она имѣла значеніе своего рода силы, съ которой иногда приходилось считаться: такъ было при Екатеринѣ и въ первые годы Александра I. Но что этой оппозиціи были чужды политическіе интересы, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ записки Жихарева. Предъ войною 1805 года императоръ Александръ хотѣлъ узнать о московскомъ общественномъ мнѣніи, — и ничего кромѣ фразы „какъ угодно государю“, не добился.

шей части на французскомъ языкѣ: Pardon, monsieur! или je vous demande pardon. Русскій языкъ слышенъ весьма рѣдко. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышенъ въ маскарадахъ, или въ другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорохъ отъ движущихся массъ народа. Залъ, великолѣпный и обширѣйшій, освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ огней. На внутреннхъ верхнихъ балконахъ вокругъ всего зала, поддѣрживаемыхъ множествомъ колоннъ, возлѣ стѣнъ, сдѣлано возвышеніе о двухъ студентахъ, окруженное перилами. По обѣимъ сторонамъ сего возвышенія, у стѣнъ и у краевъ, мягкіе диваны для сидящихъ зрителей; вверху — два оркестра, одинъ инструментальной, а другой роговой музыки. Посреди залы въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ, между сидящихъ по диванамъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ концѣ залы, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ поставленъ мраморный бюстъ Екатерины II, который, по вступленію на престолъ Александра I, былъ всегда освѣщаемъ. Конфеты, мороженое, лимонадъ и аршадъ, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ разносятъ богато одѣтые лакеи; цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиръ, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, и тѣ и другіе не только своего отечества, но и другихъ государствъ. Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами; узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разѣзда изъ Собранія; это были: Василій Николаевичъ и Анна Васильевна Пановы, Федоръ Михайловичъ, Капитолина и Марья Федоровны Тимашевы. * Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урокище дома своей квартиры. Всякій день, послѣ того, я видѣлся съ сестрочкою почтенною женщиной. Она имѣетъ въ Москвѣ много

* Семейство Пановыхъ играетъ важную роль въ послѣдующей жизни Второва-отца; Тимашевы — симбирскіе помѣщики. Въ ту эпоху дворянство проживавшее зимою въ Москвѣ прежде всего сходилось и сходилось съ своими земляками. Можно сказать что въ древней столицѣ помѣщики жили по губерніямъ: дворецѣ известной губерніи, или „округи“, не рѣдко слышны замечанія цѣлыя ушцы, или урочки, которыхъ въ Москвѣ такъ много.

знакомыхъ и родныхъ; мы часто ѣздили съ нею къ симъ знакомцамъ ея на обѣды и вечера. Черезъ нея познакомился я довольно коротко съ тремя домами: гг. Ладыженскихъ, Дмитрія и Андрея Ѳедоровичей, тетки ея, любезной Анны Петровны Кротковой, урожденной княжны Волконской, и Григорья Борисовича Кошелева, у которыхъ и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны бывалъ очень часто.

„Въ послѣднее воскресенье, въ маскарадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 11 часовъ утра начинается дневной маскарадъ, а съ 8 часовъ вечера—ночной; многіе остаются въ обѣихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семь домѣ. Дневной маскарадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго потому что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первая зала съ прихода, длинная и большая, освѣщена солнечнымъ свѣтомъ. Изъ нея входишь въ круглую огромную залу называемую *ротондой*; въ ней нѣтъ ни одного окна. Она окружена колоннадою съ переходами; между каждою колонною виситъ люстра, коихъ много повѣшено и въ срединѣ комнаты, съ потолка сдѣланнаго куполомъ. Множество возженныхъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдственно, представляютъ ночь среди дня. Людей обѣихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество, разныхъ состояній, кулечества и дворянства, одѣтыхъ въ разныя маскарадные платья и съ разными каррикатурными масками. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ въ нѣсколько круговъ; по переходамъ и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разѣздъ и оканчивается уже часовъ въ 6 поутру; по сему можно заключить какое бываетъ многочисленное собраніе людей и ажиалажей.

„Въ Великій Постъ, въ Благородномъ Собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлю (кромя первой и страстной), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сіи великопостныя собранія называются *концертомъ*. Тутъ играетъ музыка, а члены и визитеры сидятъ, ходятъ, разговариваютъ и играютъ въ карты. При жизни царствовавшего тогда императора Павла запрещены были и названія клубовъ; вмѣсто того, при немъ было два клуба подъ названіями академій,—музыкальной и танцовальной. Первая была въ домѣ генерала Г. Ал. Хому-

това, для благородныхъ людей, гдѣ читають газеты, журналы, играютъ въ карты и на биллиардѣ, обѣдаютъ и ужинають; во второй то же дѣлають иностранцы и купечество, сверхъ того, и танцуютъ; здѣсь много членовъ и изъ благородныхъ. Я былъ въ обѣихъ академіяхъ визитеромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ коихъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшого роста, фізіономія невзрачная, но умная и добрая. * Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною. Но я, бывши три раза въ сей академіи, не видалъ его и — что еще удивительнѣе! — ни въ одномъ публичномъ собраніи, но въ спектакляхъ, ни гдѣ не случилось видѣть сего любимаго моего писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частныя дома. Два раза случалось что я нѣсколькими минутами не заставлялъ его въ домѣ И. П. Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, оказалъ ему о желаніи моемъ познакомиться съ нимъ и общалъ вмѣстѣ со мною вѣхать къ нему; однакожь, за разными отвлеченіями, сего не случилось до тѣхъ поръ, когда я пріѣхалъ къ нему одинъ. Я часто бывалъ въ домахъ С. Г. Мельгунова, Н. А. Дурасова, А. Д. Карлова, бывшаго губернатора нашего; часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ, наконецъ увидѣлъ и любезнаго автора, Н. М. Карамзина.

„Февраля 14го числа, въ четвертокъ, объявлено было что въ первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славную ораторію г. Гайдена *Твореніе Свѣта*. Въ большой круглой залѣ Петровскаго театра собрано было около трехсотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, коими дирижировали гг. Денгаеръ и Керцелли. Кантаты и речитативы переведены были съ нѣмецкаго Николаемъ Михайловичемъ Карамзиннымъ. Куливши билетъ для входа за пять рублей, пріѣхалъ я въ пять часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Алексан-

* См. о немъ *Воспоминанія Вигеля*, ч. III, стр. 137. Онъ былъ горячій сторонникъ Карамзина, авторъ книги *Путешествіе въ Польскую Россію*, имѣвшей три изданія, переводчикъ многихъ книгъ и, въ посредствіи, издатель двухъ журналовъ, *Россійскаго Музеума*, въ 1815, и *Литературнаго Музеума* въ 1827. Его надобно отличить отъ Измайлова Петербургскаго, Александра Ефимовича, баснописца.

дромъ Ивановичами Тургеневыми и нашелъ въ залѣ большое собраніе слушателей изъ лучшей московской публики, кавалеровъ и дамъ. Концертъ еще не начинался. Мы ходили по залѣ, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали; вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говоритъ, хочу ли я видѣть Николая Михайловича? Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человека стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темнозеленымъ казимиромъ. Физиономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною. Я долго смотрѣлъ на него, воображая всѣ его творенія, какія читалъ я съ удовольствіемъ; представилъ себѣ и то, какъ сіе доброе, милое лицо улыбалось съ непріятнымъ ощущеніемъ, читая язвительную на него критику въ одѣ *Въ честь моего друга*. Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь вѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ. Все собраніе слушателей, коихъ было до трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, стоялъ или сидѣлъ, — тутъ всякій и остановился; шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ; всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и лѣтніемъ.

„Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть съ Андреемъ Ивановичемъ у Н. М. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ на Никольской улицѣ, въ каменномъ домѣ портнаго Щидта. * Я пріѣхалъ къ нему поутру и нашелъ его только лишь возвратившагося съ утренней прогулки, которую дѣлать обыкновеніе имѣетъ онъ всякій день. Въ залѣ, на окошкахъ и на полу, лежали большія книги. Онъ встрѣтилъ меня ласково и когда я сказалъ свое имя, то онъ отвѣчалъ мнѣ что уже меня знаетъ по словамъ Андрея Ивановича Тургенева и читалъ мои сочиненія напечатанныя въ двухъ журналахъ. * Мы сидѣли съ нимъ въ гостиной, или

* См. *Записки И. И. Дмитріева Взглядъ на мою жизнь*, стр. 247. Въ томъ же году (въ октябрѣ), въ томъ же домѣ и въ той же комнатѣ, происходило первое свиданіе и Каменева съ Карамзинымъ. Разговоръ и впечатлѣнія вынесенныя посѣтителями были кажется схожи. *Вчера и Сегодня*, литер. сборн. гр. Солдогоуба, стр. 48—50.

** Если это тѣ сочиненія которыя напечатаны въ *Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи Времени* и въ *Ипзокрѣтѣ или Утѣхахъ Любословія*—о нихъ скажемъ ниже; укажемъ также псевдони-

диванной его комнатѣ, пили кофе и говорили о разныхъ предметахъ. Я сказала ему что не зная его лично давно уже почитала и любилъ по его сочиненіямъ. Онъ спрашивалъ меня гдѣ я училась. Какъ старшина Музыкальной Академіи предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ лежали напечатанные листы *Московского Журнала* издаваемого имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Его перепечатывали вновь съ его позволенія, и онъ самъ разсматривалъ корректуру. Вдругъ вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ, среднихъ лѣтъ, эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву, кажется, познакомившійся съ нимъ прежде, во время его путешествія по Европѣ. Онъ началъ говорить съ нимъ по-французски, а я, любивъ нѣсколько, раскланялся и вышелъ удостоясь его пріѣтствія чтобы посѣщать его чаще. На сей разъ его фізіономія и острота показали мнѣ гораздо значительнѣе нежели прежде, а въ обращеніи его замѣтилъ я меньше философіи нежели въ его сочиненіяхъ. Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣлю чрезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту же комнату. На лѣвой сторонѣ у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ дверей, сидѣлъ хозяинъ, обремененный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ. Возлѣ него стояли два лѣкаря и готовились выдергивать больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня сими словами: „извините меня, милостивый государь! Вы видите, въ какомъ я положеніи; прошу васъ въ другое время.“ Такой пріемъ огорчилъ меня и заставилъ, извинясь взаимно, выйти. За дверью слышалъ я что г. Дмитріевъ спрашивалъ обо мнѣ: не Урусовъ ли я? какъ видно, принимая меня за молодого автора сего имени, сочинившаго книгу подъ титуломъ *Оттѣнки Моего Сердца*. * Не

имъ Второва. Послѣ тщательнаго просмотра старшихъ журналовъ находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, другихъ статей Второва мы не нашли. Принимая же во вниманіе время когда онъ упоминаетъ (1807) о своихъ напечатанныхъ статьяхъ, можно съ увѣренностью сказать что въ столичныхъ журналахъ онъ болѣе ничего уже не печаталъ. Въ журналахъ конца прошлаго и первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія встрѣчается не мало статей (стиховъ и прозы) подписанныхъ буквами: *В. И. В., В—овъ*; но всѣ эти статьи И. А. Второву не принадлежатъ.

* Книга подъ этимъ названіемъ напечатана въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, въ 1802 году, има автора—П. У—въ.

успѣлъ я перейти еще черезъ залъ, какъ хозяинъ выбѣжалъ за мною и назвавъ меня по имени, извинялся что онъ не узналъ меня, говорилъ что дня черезъ четыре онъ будетъ здоровъ и просилъ тогда къ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявилъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ будучи довольнѣе собою. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ, я не бывалъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ; ибо весной жилъ онъ на дачѣ, а потомъ женился на первой сунругѣ своей, урожденной Протасовой. *

„Московская жизнь моя въ первые дни доставляла мнѣ много пріятностей въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ; но для чувствительнаго сердца существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды была отравою мысль о будущей безызвѣстности и о бѣднѣйшемъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ лышностяхъ. Позволить ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ коими я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды по отдаленнымъ разстояніямъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки, впрочемъ гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ. Сверхъ того, я часто съ знакомцами моими обѣдывалъ или въ русскихъ трактирахъ, или у рестораторовъ, а чаще у Поляка Ивана Васильва (?), содержащаго ресторацію на Никольской улицѣ, за умѣренную цѣну. Часто бывалъ въ спектакляхъ, маскарадахъ и почти ни одного Благороднаго Собранія не пропускалъ по визитернымъ билетамъ, всегда легко доставляемымъ мнѣ отъ почтенныхъ членовъ оного, особливо посредствомъ С. Г. Мельгунова и любезной А. П. Кроткой. Въ семь собраніи, какъ я сказалъ прежде, бываетъ лучшее и блестящее общество и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопрістойности и вѣжливости. Здѣсь между знакомыхъ и незнакомыхъ наблюдательный философъ можетъ съ любопытствомъ разсматривать разныя фізіономіи и характеры, вслушиваться въ разговоры смѣшныя и замѣтательныя. Молодые люди, избалованные счастьемъ и богатствомъ, гордясь куленными мальтіійскими орденами, выказывали свою модную прическу, жабо и высокіе воротники на мундирахъ; бѣлая часть ихъ въ очкахъ, не для пособія

* Елизаветъ Ивановна, въ апрѣлѣ 1801 года.

своему зрѣнію, а для моды. Нѣкто г. Чебышовъ, кажется штабсъ-капитанъ, имѣя иностраннѣйшій орденъ, довольно сходный съ нашимъ Андреевскимъ, съ голубою лентой по камзолу и съ мишурною звѣздою, расхаживалъ по Собранію какъ Диогенъ, нагнувъ свой корпусъ и повертывая головою какъ будто искалъ людей, только вмѣсто фонаря имѣлъ на носу очки. Въ толлѣ молодыхъ щеголей я рѣдко слышалъ умныя разговоры, но по большей части смѣшныя; вотъ напримеръ какіе. Изъ числа трехъ модниковъ, сидѣвшихъ подъ оркестромъ, одинъ, лѣтъ двадцати, говорилъ другому: „Я бы теперь ужь былъ полковникомъ, ежели бы батюшка мой не упустилъ случая попросить N; а онъ съ нимъ очень знакомъ“. Въ ту минуту проходить мимо ихъ молодой блѣднолицый мальтійскій кавалеръ. Мечтающій полковникъ вскакиваетъ съ мѣста и почтительно кланяется ему, называя „вашимъ сіятельствомъ“; а сей сіятельный едва удостоилъ его кивнуть головою и прошелъ мимо. Въ другой разъ съѣлъ я везгѣ своего знакомаго, Александра Николаевича Волкова. Близъ него сидѣлъ модный щеголь съ превеликимъ жабоиъ, причесанный и одѣтый довольно каррикатурно. Я вслушался въ разговоръ его. Онъ ропталъ, для чего долго не умираетъ отецъ его: онъ могъ бы располагать имѣніемъ, жить веселѣе и ѣхать въ чужіе края. Разказывалъ какъ онъ былъ недавно въ Казани въ тамошнемъ Собраніи, гдѣ онъ нашелъ только четырехъ человѣкъ, да и тѣ влезали на хоры смотрѣть его. Это былъ, конечно, фарсъ, но весьма глупый. Въ большемъ количествѣ людей, конечно, больше глупцовъ и умныхъ чѣмъ въ маломъ.

„Марта 14го числа, въ четвертокъ, послѣ обѣда, дошелъ первый слухъ о смерти императора Павла I. Во всемъ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. Сначала шелтали и боялись говорить открыто; потомъ увидѣли какъ всѣ полки стоящіе въ Москвѣ повели въ Кремль присягать новому императору Александру I. Я поѣхалъ въ Кремль узнать достовернѣе, и на Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ, встрѣтился съ симбирскимъ моимъ знакомцемъ Н. А. Дудининымъ; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали мы на его квартиру. Тамъ читалъ я и манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра Павловича. Онъ разказывалъ какъ при немъ, когда онъ былъ у Д. А. Гурьева, вошелъ пріѣхавшій изъ Петербурга курьеромъ князь Долгоруковъ и сказалъ ему:

„L'Empereur est mort!“ Весь день и вечеръ говорили о сей перемятѣ въ цѣломъ городѣ. Куда ни прїѣдешь вездѣ только и разговоровъ было о смерти государя. Сначала шелтали, а потомъ уже говорили вслухъ о всѣхъ подробностяхъ смерти его. На другой день, 15го марта, было гулянье въ Кремлѣ—множество каретъ, саней, пѣшихъ и конныхъ. Это гулянье издавна въ обыкновеніи и принято оттого что прежде ходили покутать вербу для будущаго воскресенья. Москву можно удолобить республикѣ по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ. Чрезвычайно любопытнымъ и страннымъ показалось что многіе изъ молодыхъ щеголей были уже на семъ гуляньи въ круглыхъ шляпахъ, о чемъ прежде боялись и думать. Полиція смотрѣла равнодушно на сей запрещенный нарядъ. Надобно сказать что вмѣстѣ съ курьеромъ привезшимъ извѣстіе о смерти государя, прїѣхалъ и новый оберъ-полицеймейстеръ въ Москву, г. Каверинъ, и тотчасъ смѣнилъ прежняго г. Эртеля, котораго всѣ боялись какъ строгаго блюстителя строгихъ повелѣній покойнаго государя. Другой предметъ разговоровъ, тайныхъ и явныхъ, для московскихъ жителей былъ о смѣнѣ господъ полицеймейстеровъ. Вотъ анекдотъ разказываемый почти во всѣхъ домахъ. Каверинъ, принимая должность отъ Эртеля, требовалъ отчета въ денежной суммѣ; сей не хотѣлъ дать ему, а говорилъ что ему было ввѣрено отъ государя императора, а потому и долженъ онъ дать отчетъ лично новому государю. Каверинъ прибѣгнулъ съ жалобою къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ивану Петровичу Салтыкову, которому г. Эртель хотя и отзывался тѣмъ же, но былъ принужденъ прочесть свой отчетъ; но въ самомъ началѣ чтенія былъ остановленъ имъ, ибо въ первыхъ строкахъ расхода суммы открылись лица самыя почтенныя и близкія къ графу Салтыкову, которые получали жалованье за свое шпіонство...

„24го марта былъ день Св. Пасхи. Мы были у заутрени въ приходской церкви Троицкой. При концѣ службы, отъ множества народа и стѣсненнаго воздуха, со мною сдѣлался обморокъ, и я не помню какъ вынесли меня изъ церкви. Во время заутрени—пріятное зрѣлище по всей Москвѣ. Всѣ церкви (а ихъ величайшее множество) въ семъ городѣ освѣщены снаружи площадками и разноцвѣтными фонарями; особенно глава и крестъ Ивана Великаго казались украшенными

брилліантамъ, яхонтами и изумрудами. Во всю недѣлю Пасхи бываетъ здѣсь гулянье подъ Новинскимъ. Множество каретъ и колясокъ туда съѣзжаются, множество пѣвшихъ и ковыльхъ. Тутъ простой народъ качается на качеляхъ и смотритъ разныя увеселенія. Ташеншпиллеры удивляютъ зрителей, представляя имъ фокусы-покусы, ходить по канату, балансируютъ и пр.

„Сюда пріѣхали вѣснать изъ сибирскихъ моихъ друзей Михаилъ Михайловичъ Наумовъ, съ Катериною Николаевною и маленькою дочерью, Анной Михайловной; первый и послѣдняя—болѣе для излѣченія болѣзни. Къ нимъ ѣздилъ докторъ Поплтковскій. * Я часто бывалъ у нихъ и проводилъ время пріятно. Наступившая весна доставила мнѣ много пріятности и удовольствій въ прогулкахъ. Я пользовался тогда здоровьемъ и молодостью, имѣлъ хорошее знакомство, не было большой нужды въ деньгахъ, потому что игралъ въ коммерческія игры довольно счастливо. Коротко знакомые были у меня въ домѣ, а любезный хозяинъ мой, Павелъ Ивановичъ, держалъ всегда мнѣ половину; слѣдовательно, я игралъ иногда въ бостонъ по рублю призь, и въ лукетъ по 50 копѣекъ позы. По такимъ достоинствамъ молодые люди здѣсь принимаются лучше нежели по учености: знатные и лучшіе дома для нихъ всегда открыты. Правда, я бывалъ и въ такихъ гдѣ любятъ болѣе ученость, напримѣръ въ домѣ И. П. Тургенева, Г. Б. Кошелева, Семена Дмитріевича Ситникова, любезнаго и почтеннаго старика, который любилъ меня и у котораго была отборная бібліотека. А чаще всѣхъ бесѣдовалъ въ уединеніи съ добрымъ, умнымъ и несчастнымъ сѣлцомъ, Андреемъ Алексѣвичемъ Соколовымъ, который во всю бытность мою въ Москвѣ былъ мнѣ другомъ и съ которымъ, по разлукѣ, болѣе шести лѣтъ мы переписывались.

„У Симонова монастыря бывалъ я нѣсколько разъ, любовался прекрасными видами, кои описывалъ Н. М. Карамзинъ, искалъ хижины въ которой жила его бѣдная Лиза, и видѣлъ только нѣкоторые признаки по буграмъ и ямамъ. Видѣлъ тотъ прудъ, или лучше озеро, осянное берегами, въ коемъ

* Федоръ Герасимовичъ, профессоръ Московскаго университета и извѣстнѣйшій въ то время практикъ. См. біографію его въ *Словарь профессоровъ Московскаго университета*, ч. 2, стр. 280 — 288.

утопилаь Лиза. Смотрѣлъ на многія надписи, начертанныя на деревьяхъ, русскія и французскія. Трудно прочитатъ на древесныхъ корахъ, а потому не могъ разобрать тѣхъ стиховъ о коихъ сказывалъ мнѣ Александръ Ивановичъ Тургеневъ:

Погибла въ сихъ струяхъ Эрастова невѣста;
Топитесь, дѣвушки! И вамъ здѣсь много мѣста.

„Бульваръ въ срединѣ города; слѣдовательно, я бывалъ на немъ каждый вечеръ. Отъ Тверскихъ воротъ до Никитскихъ сдѣлана перспектива, около версты длиною, разсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями, укатанная и усыпанная пескомъ. Улицы и площади заставлены каретами, а по проспекту прогуливается знатная московская публика обоихъ половъ. Тутъ всякій вечеръ найдете нѣсколько тысячъ персонъ, а въ праздники до пяти и болѣе тысячъ; можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть и разговаривать, а въ галлерей, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и аршадъ, лакомиться конфетами, мороженымъ и пр.

„Въ воскресенье, апрѣля 21го, пользуясь прекрасною весеннею погодой, поѣхали мы съ семействомъ Елизаветы Матвѣевны въ поле, за Тверскую заставу, къ Петровскому подѣздному дворцу. Это—огромный замокъ, стоящій на дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ Москвы, окруженный стѣнами и башнями, въ азіятскомъ вкусѣ. Дворецъ выкрашенъ кирпичнымъ цвѣтомъ, съ пробѣлами. Придворный лакей, въ аломъ сюртукѣ съ позументами, показывалъ намъ всѣ внутреннія комнаты дворца. Я не считалъ сколько перешли мы всѣхъ покоевъ; скажу только что около часа безпрестанно переходили мы изъ комнаты въ комнату. Тутъ нѣтъ никакихъ лышныхъ украшеній. Огромный круглый залъ, простиравшійся во всю высоту дворца, съ кулоломъ дѣльной работы, украшенъ барельефами всѣхъ російскихъ князей, царей и императоровъ, отъ Рюрика до Александра I.

„Близъ Тверской заставы, въ полѣ, по воскресеньямъ, бываетъ чрезвычайное множество народа разныхъ состояній. Тутъ дѣлаютъ такъ-называемые садки, то-есть сажаютъ пойманыхъ зайцевъ и пускаютъ собакъ, коихъ приводятъ большими стаями. Охотники спорятъ здѣсь о своихъ псахъ и доходятъ иногда до драки. Для меня любопытно было смотрѣть на толпу народа, какъ она, устремля взоры на зайцевъ и собакъ, бѣгущихъ за ними, колеблется во всѣ тѣ стороны

куда стремятся зайцы и собаки. Раздается ужасный шумъ и восклицанія. Тутъ глухая дѣти разныхъ возрастовъ, отъ 15 и до 80 лѣтъ, составляютъ, такъ-сказать, одну душу въ тиравскомъ удовольствіи смотрѣть какъ бѣдный заяцъ старается избѣгнуть мучительной смерти, какъ его схватываютъ собаки и терзаютъ и какъ иногда онъ вырывается, оставляя кровавые куски плоти своей; его опять настигаютъ и оканчиваютъ страданія его ножомъ. Какое кровопійственное зрѣлище! И это люди одаренные умомъ, невѣжды и просвѣщенные!! *

„Мая 1го числа, послѣ обѣда, хозяинъ мой далъ мнѣ свою карету, и я поѣхалъ въ ней на гулянье въ Нѣмецкіе Станы. Тамъ было до четырехъ тысячъ каретъ и болѣе ста тысячъ народа. Мѣстоположеніе сихъ Становъ прекрасное; по рощамъ и долинамъ вездѣ палатки, галереи, и разныя увеселенія для черни. Но всего лучше надобно гулять тамъ лѣшкомъ или верхомъ, а сидящіе въ каретахъ похожи на заключенныхъ въ кѣлѣткахъ невольниковъ. Надобно глотать пыль и вѣхать повеломъ гдѣ тихо, гдѣ притко; и притомъ никто не властенъ остановиться или выѣхать изъ цѣли каретъ, тянувшейся на нѣсколько верстъ: полицейскіе драгуны не пускаютъ и бьютъ кучеровъ которые отважатся своротить въ сторону.

„Мая 2го числа, четвертокъ; праздникъ Вознесенія Господня. У обѣдни былъ я въ церкви Никиты Мученика, въ Басманной улицѣ, гдѣ славятся лучшіе въ Москвѣ лѣвчіе г. Колокольникова и гдѣ каждое воскресенье бываетъ съѣздъ лучшей московской публики, не для моленія, но болѣе для слушанія лѣвчихъ и свиданія. ** Церковь огромная. Во время чтенія или службы священника большая часть знатной публики разговариваетъ и даже переходитъ съ мѣста на мѣсто, для свиданія съ другими; но какъ скоро заложатъ лѣвчіе, то всѣ умолкаютъ и слушаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, ангель-

* Благодушнѣе смотрѣлъ на эту московскую забаву студентъ Жихаревъ, разказывая о дракѣ происшедшей въ 1806 году между тогдашними собачниками, Лихаревымъ и Похвисневымъ, травившими зайцевъ (*Дневникъ*, стр. 190—192). Онъ же повѣствуетъ о гусиныхъ и пѣтушиныхъ бояхъ, которыми забавлялись тогда нѣкоторые Москвичи.

** Объ этихъ лѣвчихъ см. Жихарева *Дневникъ Студента*, стр. 31.

скіе голоса и искусство управлять оными приводятъ въ восхищеніе слушателей. Я слышалъ въ Москвѣ и другихъ пѣвчихъ, напримѣръ Университетскихъ, Бекетовскихъ, Чашникова и пр., но никакіе не могутъ сравниться съ Колокольниковскими. Во время коронаціи государя, когда весь Дворъ былъ въ Москвѣ, то всегда церковь Никиты Мученика наполнена была знатнѣйшими людьми, и всѣ петербургскіе жители отдавали преимущество пѣвчимъ Колокольникова предъ пѣвчими петербургскими. Надобно знать что сіи пѣвчіе люди свободные, изъ кулцовъ. Богатый купецъ Колокольниковъ, которымъ построена и церковь Никиты Мученика, послалъ на свой счетъ нѣсколько мальчиковъ, изъ купеческихъ дѣтей, имѣющихъ лучшіе голоса, въ Италію, учиться пѣнію, и вотъ основанія Колокольниковскихъ пѣвчихъ! Въ сей день бываетъ гулянье въ прекрасномъ саду Слободскаго дворца. Я обѣдалъ у бывшаго симбирскаго губернатора, Александра Дмитріевича Карлова, а послѣ обѣда поѣхали на гулянье въ Дворцовый Садъ. Кажется, не одно столѣтіе потребно было на усовершенствованіе сего сада. Это доказываютъ искусственныя пирамиды изъ выросшихъ елей, величиною съ колокольни; другія ели представляютъ стелные стога, подстриженныя гладко. Прекрасная аллея простирается во весь садъ отъ самыхъ воротъ, гладко укатанная и усыпанная пескомъ; пруды, мостики и фонтаны составляютъ пріятное зрѣлище для гуляющихъ. Здѣсь всѣ ходятъ по аллеямъ съ открытыми головами, точно такъ какъ въ комнатахъ; благопристойность и вѣжливость подобны Благородному Собранію. Купечества и дворянства въ саду болѣе пяти тысячъ человекъ обоюга пола. Пожаръ, случившійся въ сей день за Москвою-рѣкою, не сдѣлалъ большой тревоги гуляющимъ.

„Въ воскресенье, мая 5го числа, былъ я также на гуляньѣ въ саду Инвалиднаго Дома, куда съѣзжаются всякое воскресенье и гдѣ можно свободно гулять во всякое время. Густыя липовыя аллеи, еловая пирамида, прекрасный большой прудъ, бесѣдки, холмики и пр. привлекаютъ сюда большое число людей. Многихъ найдешь тутъ или въ бесѣдкѣ, или въ углу уединенной дорожки, или на берегу пруда, сидящихъ съ книгами въ рукахъ. Сей садъ и домъ, гдѣ покоятся теперь инвалидные офицеры, принадлежалъ прежде предкамъ главнокомандующаго нынѣ въ Москвѣ, фельдмаршала, графа Ивана

Петровича Салтыкова. Отъ сада сего отдѣляется одною рѣшеткой домъ сумашедшихъ, изъ коихъ смиренные прогуливаются по двору въ пестрыхъ халатахъ и колпакахъ. Съ величайшимъ любопытствомъ желалъ я видѣть сей ужасный феноменъ моральной болѣзни человѣка. Сквозь рѣшетку, разговаривалъ я съ однимъ изъ сихъ несчастныхъ; мнѣ сказали что онъ студентъ Московскаго университета, Иванъ Андреевичъ Дьяконовъ. Я назвалъ его по имени. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ, снялъ свой колпакъ, учтиво поклонился и спросилъ меня, почему я его знаю. Принимая его за безумнаго, сказалъ я что, учась съ нимъ въ университетѣ, зналъ его. Онъ вошелъ въ подробные разспросы,—когда я учился, когда кончилъ науки и какъ я прозываюсь? Сказавъ ему, какъ мнѣ вздумалось, о времени и о фамилии, какой можетъ быть и не было, устыдился предъ нимъ, замѣтя его замѣчания совсѣмъ не безумныя. Потомъ сдѣлалъ ему вопросъ: чувствуетъ ли онъ, гдѣ находится? Казалось что я симъ вопросомъ встревожилъ всю его чувствительность: онъ измѣнившись въ лицѣ и, помолчавъ, предложилъ мнѣ свой вопросъ: „Бывали ль вы когда несчастны?“ И, не дожидаясь отвѣта, сказалъ: „видно нѣтъ, а потому и не можете судить. Надобно спрашивать только тому кто испыталъ бѣдствія, напримеръ князю Сибирскому, котораго провели по Москвѣ, скованнаго въ желѣзо...“ Вдругъ зарыдалъ и, отошедъ далѣе, началъ расхаживать по двору мѣрными шагами, сложа руки и повѣся голову. Я жестоко болѣзновалъ и стыдился что огорчилъ его безъ намѣренія. Со мною были дамы, Лизавета Матвѣевна съ дочерью; онъ упросилъ его опять подойти къ рѣшеткѣ. Тутъ извинился я съ чувствомъ въ неумышленномъ его оскорбленіи. Онъ, сдѣлавшись покойнѣе, разказывалъ намъ свои несчастія: что онъ безвинно посаженъ въ домъ сумашедшихъ, гдѣ въ жестокіе морозы купали его холодною водою, тирански мучили его прикладываньемъ плетскихъ мухъ и пр.; жаловался на полицеймейстера Эртеля, на директора университетскаго И. П. Тургенева за то что не защитили его, перевозосилъ похвалами Андрея Ивановича. И все это говорилъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ краснорѣчіемъ что всѣхъ насъ растрогалъ до слезъ. Ежели онъ поврежденъ въ умѣ, то слишкомъ виденъ умъ и острога. Всѣ заключали что онъ не безумный, но я оставался подъ сомнѣніемъ и послѣ узналъ его исторію отъ

А. И. Тургенева. Онъ былъ изъ лучшихъ учениковъ университета и, бывъ учителемъ въ какомъ-то частномъ домѣ, дѣйствительно помѣшался въ умѣ.

„Въ понедѣльникъ, мая бго числа, обѣдали мы на дачѣ пріятеля нашего Василя Ивановича Окорочова, на Бутыркахъ. Оттуда, вскорѣ послѣ обѣда, поѣхали, въ числѣ десяти человекъ дамъ и кавалеровъ, въ Останкино,—такъ называемое селеніе и домъ графа Шереметева, отстоящее въ пяти или шести верстахъ отъ городской заставы. У насъ былъ билетъ для осмотра сего дома. Одинъ изъ служителей повелъ насъ по всѣмъ комнатамъ. Я видѣлъ тутъ такія сокровища какихъ вѣрно нѣтъ и у индійскаго Могола: вездѣ сіяетъ золото, зеркала, картины, статуи, вазы, драгоценныя ткани. Все это разсматривалъ я мимоходомъ, перебѣгая отъ одного предмета къ другому. Все казалось волшебствомъ: мраморъ одушевленъ, картины съ жизнью. Какая роскошь! Какое великолѣпіе! И все это тщетно, безъ употребленія, безъ пользы! Горестная мысль стѣсняла мое сердце; я почиталъ сіи сокровища какъ бы зарытыми въ землю. Домъ стоитъ въ отдаленіи отъ города, лустой; никто не живетъ въ немъ. Сколько богатства пожираетъ тлѣніе, между тѣмъ какъ въ одной Москвѣ и окрестностяхъ ея тысячи несчастныхъ безъ пристанища, едва поддерживаютъ бѣдную жизнь нужнѣйшимъ пропитаніемъ. У графа Шереметева не одинъ такой домъ съ сокровищами остается пустымъ: въ Кусковѣ, другой деревнѣ его, еще болѣе богатства тлѣетъ въ ничтожество. Садъ въ Останкинѣ великолѣпный. Тутъ видѣлъ я величайшій кедръ, перевезенный, сказываютъ, изъ Сибири. Я сорвалъ нѣсколько иглистыхъ листьевъ его и послалъ въ Ставрополь къ любезнымъ людямъ, вмѣстѣ съ цвѣтами нарванными на дачѣ Окорочова.

„Мая 24го, въ пятницу, пользуясь прекрасною весеннею погодой, поѣхали мы въ славный Троицкій монастырь Св. Сергія, отстоящій отъ Москвы въ шестидесяти верстахъ. Недалеко отъ Троицкой дороги продавалась деревня Горбунова, владѣнія г. Рубецкаго, побочнаго брата кн. И. Н. Трубецкаго. * Хозяинъ мой располагался купить ее и хотѣлъ

* Сына фельдмаршала и генераль-прокурора, кн. Никиты Юрьевича, Иванъ Никитичъ былъ жемать на Катеринѣ Дмитриевнѣ, дочери бывшаго симбирскаго губернатора. П. Доагорукій, *Росс. Родосл. Кн.*, ч. I, 322.

посмотрѣть. Мы нигдѣ не останавливались до первой станицы, селенія Братовщины. Выѣхавъ изъ Москвы, проѣхали мимо села Алексѣевского и стараго деревяннаго дворца царя Алексѣя Михайловича, а на четырнадцатой верстѣ отъ города лили чистую воду изъ славнаго колодца, названнаго Громовымъ, потому, какъ говорятъ, что онъ' открылся отъ громоваго удара. Отъ сего колодца проведена вода, посредствомъ трубъ, до самаго города Москвы; трубы, по возвышеніямъ мѣстоположенія, скрыты въ землѣ, а чрезъ низкую долину виденъ мостъ, длиною болѣе 50 сажень, на каменныхъ аркахъ. Мистерныя работы, начатыя при императрицѣ Екатеринѣ, продолжались еще въ самомъ городѣ. Вся дорога отъ Москвы до Троицкаго монастыря казалась намъ большою улицей многолюднаго города, наполненною пилигримами, идущими на богомолье и возвращающимися обратно. Бѣдные и богатые, изъ набожности идутъ лѣшкомъ, только за послѣдними таятся кареты и они совершаютъ своего пути не болѣе десяти верстъ въ день: мѣжныя ноги благочестивыхъ и богатыхъ женщинъ скоро утомляются. Стечение народа чрезвычайное. Многие по обѣщанію ходятъ болѣе нежели за триста верстъ, и сіе путешествіе къ святымъ мѣстамъ облегчаетъ ихъ труды, а чистая вѣра исцѣляетъ ихъ болѣзни и утѣшаетъ въ горестяхъ. Въ Братовщинѣ, на постояломъ дворѣ стѣны и окошки исписаны были стихами и прозою, по-русски и по-французски. Тутъ читалъ я написанное какой-то влюбленною женщиной, какъ она сидѣла подъ окномъ и думала о своемъ любезномъ; а подъ строками письма ея какой-то грубіанъ написалъ стихи на счетъ ея, довольно грубые. Послѣ обѣда проѣхали мимо женскаго Хотькова монастыря, отъ котораго около двухъ верстъ была деревня Горбунова, съ красивымъ домомъ и прекрасною рощей. Тутъ мы остановились; вечеромъ прогуливались по рощѣ и по берегу небольшой рѣки.

„На другой день, 25го числа, услыша благовѣсть въ Хотьковомъ монастырѣ, поѣхали мы туда къ обѣдѣ. По дорогѣ и въ оградѣ монастыря лежали обезображенные люди и, выставля большыя и изуродованные члены свои, просили пощады; иной, казалось, едва могъ двигаться отъ болѣзни. Все это оскорбляло чувства. Церковь была уже наполнена людьми. Во время службы въ первый разъ услышалъ я визги такъ-называемыхъ клакушъ, ихъ разные голоса, подобно ааю

собакъ. Во время выхода со Св. Тайнами, ихъ подводили и нагибали къ землѣ; тутъ крики усугубились и никто не думалъ о томъ чтобы вывести ихъ изъ ужасной тѣсноты на свѣжій воздухъ. Здѣсь хранятся подъ спудомъ мощи родителей Св. Сергія коимъ служатъ лаврихицы. Въ оградѣ сего монастыря погребаютъ умершихъ. Между прочихъ надгробныхъ памятниковъ замѣтилъ я одну каменную пирамиду, на которой вырѣзана весьма не кстати слѣдующая надпись Карамзина:

Ударилъ часъ; друзья, простите!
Иду; куда, — вы знать хотите?
Въ страгу покойниковъ; зачѣмъ?
Спросить тамъ: для чего мы здѣсь,
Друзья, живемъ?

Въ самые полдни прѣехали мы къ Троицкой Лаврѣ. Въ дальнемъ разстояніи еще открылось прекрасное зрѣлище монастыря съ его церквами и зеленью садовъ, особливо высокой колокольни о четырехъ ярусахъ, которая около трехъ саженъ еще выше Ивана Великаго. Монастырь окруженъ глубокимъ ровомъ и каменною стѣной съ башнями; по стѣнѣ поставлены пушки. Какое ужасное стеченіе народа, усердныхъ богомольцевъ и несчастныхъ страдальцевъ, пришедшихъ или исцѣлиться отъ болѣзней, или выпрашивать милостыни! Я видѣлъ обезображенные трупы съ отгнившими носами, съ расслухлыми и обнаженными руками или ногами, круги лѣтцовъ слѣпыхъ съ чашечками въ рукахъ и пр. Почти не останавливаясь здѣсь, проѣхали мы далѣе въ Виенію, такъ-называемое жилище нашего первосвященника Платона, отстоящую въ трехъ верстахъ отъ Троицкаго монастыря. По дорогѣ, съ лѣвой стороны, около двухъ верстъ идетъ каменная стѣна большаго монастырскаго сада. Подѣзжая къ Виенію, открывается величественный и огромный прудъ, разлитый предъ домою митрополита Платона, семинарія и церковь Преображенія Господня; все это каменное. Въ домѣ его есть комнатная церковь съ иконостасомъ шитымъ золотомъ и шелками. Хозяинъ дома былъ тогда въ Москвѣ; слѣдовательно, мы свободно могли осмотрѣть всѣ его комнаты, даже кабинетъ или спальню его. Къ удивленію, нашли въ немъ зеркальный потолокъ; постель съ великолѣпными китайскими занавѣсами, на коихъ вытканы драконы и разныя чудовища, какъ обыкновенно изобража-

ють Китайцы; стѣны украшены похвальными стихами и прозою, подносимыми ему отъ духовныхъ льстецовъ. Осмотра семинарію и домъ митрополита, пошли мы въ церковь Преображенія Господня. При входѣ въ нее, представилась высокая гора, весьма искусно поддѣланная подъ натуру, съ каменными трещинами, а на вершинѣ ея — олтарецъ, въ который входятъ съ высокихъ хоръ, едѣлаемыхъ по сторонамъ всей церкви. При подошвѣ горы, внизу, съ правой и лѣвой стороны, — двѣ пещеры, изъ коихъ въ правой поставленъ гробъ Сергія чудотворца, изъ крѣпкаго затвердѣлаго дуба, какъ примѣтно выкрашенный. Набожные люди отдѣляютъ отъ него частички и съ благоговѣніемъ хранятъ какъ вещь священную. Я откололъ частичку грунтовой краски и послалъ въ свои отдаленныя мѣста набожнымъ родственникамъ. Въ еемъ гробѣ были мощи Св. Сергія, хранящіяся нынѣ въ Троицкомъ монастырѣ, а гробъ преосвященнаго Платона перенесенъ въ Визанію. Въ другой пещерѣ стоитъ гробъ приготовленный для живущаго еще Платона; возлѣ сей пещеры, внутри церкви, стоитъ найденный въ здѣшнихъ мѣстахъ слоновый зубъ, вѣсомъ въ 2 пуда 17 фунтовъ. Возлѣ дома преосвященнаго поставленъ монументъ, по случаю посѣщенія его покойнымъ императоромъ Павломъ I, съ надписью года, мѣсяца и часа. Возвратясь въ Троицкій монастырь, остановились мы на квартирѣ въ каменномъ домѣ, называемомъ *гостиницею*, гдѣ не берутъ никакой платы за постой и за квасъ, но приходитъ монахъ съ кружкой и обыкновенно получаетъ гораздо болѣе чого стоитъ квартира. Съ высокой колокольни, на которую влѣзалъ я и былъ даже въ самой главѣ, чрезвычайное зрѣлище на всѣ окрестности монастыря и на движущійся народъ; тогда былъ благовѣстъ, и отъ звона большого колокола дрожала вся колокольня. Внутри монастыря мы видѣли чудотворный колодезь, изъ коего лила чистую воду. Осматривали разныя гробницы съ мощами, разныя богатства монастырскія; вездѣ виденъ блескъ и несчетныя сокровища, собранныя съ древнѣйшихъ временъ и по нынѣ безпрерывно собираемыя. Вмѣсто всякаго благоговѣнія, болѣе стѣснялось мое сердце; ибо въ стѣнахъ и за стѣнами монастыря толпы бѣднѣйшихъ людей просятъ подаванія, и всѣ охотнѣе и щедрѣе прибавляютъ богатства богатому, а не бѣднымъ; самые немущіе удѣляютъ изъ своей собственности въ жертву

оусвятства. Боже мой! Какое разнообразіе человѣческихъ мѣръ! Какая смѣсь богатства и бѣдности, величія и низости. Монахи показываютъ любопытнымъ и набожнымъ разныя священные вещи, одежды и посуду, употреблявшіяся святымъ лустыяникомъ Сергіемъ, служатъ молебны, и за все собираютъ деньги; раздаютъ, также за деньги, образа и писанныя полууставомъ тетрадки, читаютъ ихъ безграмотнымъ и разказываютъ чудеса. Толпы простолюдиновъ саушаютъ со слезами, крестятся и покупаютъ сіи тетрадки. Я читалъ одну и удивился нещелости, писанной о Св. Максимѣ, почитая сіе злоупотребленіемъ монаховъ, не дозволеннымъ отъ Синода.

„Въ воскресенье вечеромъ возвратились мы въ Москву изъ сего путешествія. На обратномъ пути, близъ села Пушкина, любовался я прекрасѣйшимъ мѣстоположеніемъ. Здѣсь построены двумя братьями, изъ московскихъ купцовъ, мѣдный заводъ; здѣсь природа и искусство пріятельны, по пріятному саду и прудамъ, съ красивыми мостиками.

IV.

(1801—1802)

Продолженіе.—Присяга императору Александру Іму.—Общій восторгъ при вступленіи его на престолъ.—Приготовленія къ коронаціи.—Торжественный въездъ императора въ Москву.—День коронаціи, 18го сентября.—Народный праздникъ въ Сокольниковѣ.—Валь въ Дворянскомъ Собраніи и маскарадъ въ Осободскомъ дворцѣ.—Валь даанный гр. Н. П. Шереметевымъ въ Останкинѣ, въ честь государя императора.—Причины успѣховъ Второва въ московскомъ обществѣ.—Актъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.—Евангельскіе богачи.—С. Г. Меальгуновъ.—Путешествіе Второва изъ Москвы въ Петербургъ.—Тверь.—Разговоръ съ „гражданиномъ“.—Двѣ Тверитяки, „прекрасная“ и „любезная“.—Валдайскіе баракки.—Новгородъ.—Посѣщеніе Городаща и Юрьева монастыря.—Въѣздъ въ сѣверную столицу.

„Въ пятый или шестой день, послѣ извѣстія о вступленіи на престолѣ новаго императора, я присягалъ ему въ Успенскомъ соборѣ, который былъ открытъ ежечасно и болѣе двухъ недѣль былъ наполненъ присягающими людьми. Вмѣстѣ со мною подписалъ присяжный листъ бригадиръ графъ Вареоламей Толстой*.

* Гр. Вареоламей Васильевичъ, камергеръ, † 1838, женатый на гр. Аннѣ Петровнѣ Протасовой. П. Долгорукой, *Росс. Родословная Кн.*, II, 125.

„Надобно сказать о нашемъ любезномъ монархѣ что милости и кротость его безпримѣрны. Здѣсь всѣ, какъ вновь одушевленные, чувствуютъ свободу человечества, всѣ восхищаются его щедротами и, наслаждаясь весною, забываютъ зимніе ужасы. Всѣ лишутъ, въ похвалу его, стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ: и (чего никогда не бывало) лишутъ то что прежде чувствовали и что нынѣ чувствуютъ. Такъ много надѣются на снисхождение любезнаго царя, который, безъ сомнѣнія, мыслить по сердцу обожаемой всѣми бабки его Великой Екатерины, говорящей въ стихахъ г. Державина:

Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и челуху, и лесть.

Ода г. Державина на вступленіе государя на престолъ не была еще напечатана, но съ нея у многихъ были списки и читались съ жадностью. Разказывали тогда что государь, принявъ сію оду, одѣлалъ автору подарокъ отбѣдъ шесть тысячъ рублей и не приказалъ ему печатать оной. Потомъ, будто, въ Сенатѣ, г. Троицкій *, отозвавъ г. Державина, говорилъ ему что государь приказалъ ему оказать чтобъ онъ не только не печаталъ свою оду, но и никому не давалъ съ нея списковъ. Г. Державинъ, будто съ огорченіемъ, возразилъ ему что вѣрно государь приказалъ сказать ему о томъ не въ Сенатѣ. „Да“, отвѣчалъ г. Троицкій, — „ежели бы существовала *Тайная*, тогда бы вамъ сказали тамо; а нѣтъ ни времени, ни мѣста не назначено.“ Кажется сей анекдотъ подтверженъ сумнѣнію, когда послѣ оказалась напечатанною сія ода въ сочиненіяхъ г. Державина. Равнымъ образомъ и сіе невѣроятно, какъ разказывали тогда за несумнѣнное, что сей же авторъ написалъ къ портрету государя слѣдующую надпись:

Се образъ ангельскій любезныя души;
Ахъ, еслибъ вокругъ его всѣ были хороши!

Надпись сія не понравилась окружающимъ его царедворцамъ и кто-то изъ нихъ подъ нею отвѣчалъ ему такъ грубо и вежливо:

Комечно! Только бы Державина не надо:
Паршивая овца и все испортитъ стадо. **

* Дмитрій Прокофьевичъ, тайный совѣтъ. † 1829.

** Этотъ разказъ, доставленный Второвымъ-сыномъ напечатанъ

„Г. Карамзинъ за свои стихи получилъ перстень въ двѣ тысячи рублей. Много было стихотвореній прекрасныхъ и самыхъ уродливыхъ, каковы напримѣръ князя А. Голицина, а особливо площаднаго стихомарателя Тодорскаго и пр. и пр. Я услѣлъ тогда собрать всѣ вышедшіе на сей случай стихи и прозу. Прекрасную оду сочиненія г. Клаушина * и помынѣ (1818) не видалъ я напечатанною. Многіе писали, въ подражаніе г. Державину, весьма свободно и напечатали. Я приведу здѣсь въ примѣръ два стихотворенія, на русскомъ и французскомъ языкахъ: первое молодого человѣка, бывшаго тогда юнкеромъ Иностранной Коллегіи, кн. Якова Козловскаго, а второе профессора французскаго языка Авіата Ватая. Вотъ начальныя строфы ихъ:

1.

На что хвалить великихъ въ мірѣ?
 Дѣла ихъ славны безъ похвалъ....
 Сколь часто на прекрасной лрѣ
 Пить заодѣвъ воспѣвалъ!
 Своимъ искусствомъ унижался,
 Живей предъ трономъ шгибался,
 Вѣнокъ отъ лести заслужилъ,
 Тирама славилъ совершенство,
 Народа бѣднаго блаженство!
 Сколь часто Неронъ Титомъ савылъ! и т. д.

академикомъ Я. К. Гротомъ въ его изданіи Державина (т. II, стр. 368). О князѣ Голицынѣ (Ал—й Ив.), переводчикъ Вольтерова *Эдмона* и *Генриады*, см. примѣчаніе Я. К. Грота во II томѣ сочиненій Державина, стр. 724. При составленіи этого примѣчанія, академикъ Гротъ, не знаея почему, былъ введенъ въ заблужденіе: И. А. Второвъ не дѣлалъ никакой приписки къ тексту своего дневника, именно къ тому мѣсту которое приводитъ г. Гротъ на стр. 368ъ II тома Дневникъ Второва, какъ уже сказано, былъ обработанъ имъ (по черновому) въ 1818, сплошь весь былъ писанъ его рукою, безъ малѣйшихъ поправокъ, дополненій и оговорокъ.

* Клаушинъ (Александръ Иванъ), товарищъ Крылова по изданію *С.-Петербургскаго Меркурія* на 1798. Онъ напечаталъ стихи на прибытіе императора Александра Iго изъ Москвы въ Петербургъ (тип. Губ. Права. Спб. 1801). Другія его сочиненія и переводы указаны въ росписи Смирдина. Тодорскій Иванъ, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій блаженнаго Августина. Ода его, о которой говоритъ Второвъ, была напечатана въ Москвѣ, въ тип. Рѣшетникова, 1801.

2.

A la dure austérité
 D'une implacable justice,
 Succède le joug propice
 D'une douce autorité:
 Ainsi la nature passe
 Du noir frimat qui la glace,
 Aux triomphes du printemps,
 Qui, marquaient par le ravage
 Leur effroyable passage.
 Quittent les plaines des oieux;
 Et le soleil radieux
 Succède au bruant orage.

Между тѣмъ въ Москвѣ дѣлалось приготовленія къ коронаціи. Съ этою цѣлію была учреждена особая акадеція, куда приглашались разные чиновники и куда приглашали Ивана Александровича Второва; но онъ отказался отъ этого приглашенія, обязательно предложеннаго ему многочисленными московскими знакомыми. Не имѣя въ Москвѣ никакихъ опредѣленныхъ занятій, проводя все время, по собственному сознанію, въ совершенной праздности и карточной игрѣ, Второвъ рѣшился пробыть тамъ все время коронаціи, которое онъ описываетъ довольно подробно въ письмахъ своихъ къ роднымъ.

„Здѣсь въ Москвѣ (пишетъ онъ отъ 4го сентября въ среду) теперь болѣе милліона людей. Всѣ гвардейскіе полки, придворный штатъ и сегодня пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ. Государь будетъ въ четвертокъ и останется въ подѣздномъ Петровскомъ дворцѣ, а въ субботу мы увидимъ торжественный его въѣздъ въ Москву. Постороннее наше упражненіе, кромѣ картъ, было то, что мы болѣе трехъ недѣль смотрѣли вступающіе церемоніально въ городъ гвардейскіе полки. Они проходили черезъ день, по одному баталіону. Московская публика неутомима въ любопытствѣ: зрителей всегда было до десяти подковъ на одинъ баталіонъ.

„По прибытіи государя, онъ пріѣзжалъ изъ Петровскаго дворца въ городъ верхомъ для прогулки. Толпы народа всегда сопутствовали ему во всѣхъ мѣстахъ. Два за три до торжественнаго вѣствія его въ Москву, когда онъ ѣхалъ по Тверской улицѣ съ великимъ княземъ и нѣсколькими изъ

его свиты, большія кучи людей разныхъ состояній, по общему новенію, толпились по обѣимъ сторонамъ улицы безъ шлокъ. Онъ всегда ѣздилъ тихо и кланялся народу на его привѣтствія. Вдругъ изъ густой кучи людей выбѣжали два мужика впередъ и растянулись среди улицы на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ государь долженъ былъ проѣзжать. Онъ оставался, видя загражденнымъ свой путь, спрашивалъ чего они хотятъ и для чего легли?—„Ничего, надѣжа-государя!“ и ворили мужики, поднявъ головы: „ступай по насъ!“ Государь улыбнулся, поворотилъ въ сторону свою лошадь и прѣхалъ мимо. Толпы народа, идущія за нимъ, наполнили сѣмѣсто. Отъ избытка или усердія къ монарху, или отъ втрезваго состоянія сіи мужики сдѣлали такой фарсъ, и знаю; но видѣлъ и чувствовалъ самъ какое вліяніе можетъ имѣть присутствіе монарха на его подданныхъ. Видѣвъ нѣсколько разъ государя вблизи, я не могъ насытиться вниманіемъ и считалъ всегда за первое счастье только видѣть его. Прекрасная наружность и пріятельная физіономія составляютъ каждаго любить и уважать его, даже тогда когда бы онъ былъ простымъ гражданиномъ; но въ такомъ случаѣ, и при такихъ милостяхъ, какую ревность, какое усердіе не могъ бы онъ возродить въ каждомъ изъ своихъ подданныхъ! И какая жертва для него не будетъ пріятна всакомъ.

„8го сентября, въ воскресенье, былъ торжественный ѣздъ въ Москву государя. Отъ самаго Петровскаго дворца по всей Тверской улицѣ до Кремля, стояли по обѣимъ сторонамъ въ парадъ гвардейскіе полки, держа свои ружья ноги, въ такомъ положеніи какъ отдають честь. Всѣ дома по улицѣ украшены были вышешеными изъ оконъ коврами и разными шелковыми матеріями. Возлѣ домовъ, по обѣимъ улицѣ, построены были галереи разныхъ фигуръ, выкрашенныя и завѣшенныя также коврами. Всѣ галереи наполнены были зрителями обохъ половъ. Шествіе началось часовъ въ 10 поутру. Сначала ѣхали парадныя кареты и гамы, шагомъ, разныхъ первоклассныхъ вельможъ. Впередъ каждой кареты шли скороходы, по два и по одному, съ свитыми булавами, въ легкихъ платьяхъ и башмакахъ, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, а въ каскахъ съ перьями; возлѣ каретныхъ дверей гайдуки гигантскаго роста, въ мантияхъ киверахъ. Цѣль каретъ тянулась весьма долго, по милости оныхъ. Потомъ отряды кавалергардовъ и лейбъ

гусаровъ съ трубнымъ звукомъ и литаврами. Когда проѣхали сія отряды, то въ разныхъ мѣстахъ улицы и у Тверской заставы заревѣли ракеты, лущенныя вверхъ, возвѣщающія шествіе царской фамиліи. Звонъ колоколовъ и громъ лутекъ раздавались по всей Москвѣ. Придворныхъ экипажей было множество. Помните, въ двухъ или трехъ лошащенныхъ каретахъ, съ изображеніемъ сверху король и съ опущенными стеклами, сидѣли императрицы, вдовствующая Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна, и кланялись на обѣ стороны зрителямъ. Великія княжны и маленькіе великіе князья также сидѣли въ каретахъ. Государь съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и со многими составляющими свиту его военными чиновниками, въ мундирахъ, ѣхали верхами. Одинъ только государь былъ съ открытою головою и кланялся зрителямъ на обѣ стороны; прочіе всѣ въ шляхахъ.* Весь кортежъ заключался отрядомъ конной гвардіи. Покуда проходила сія процессія въ Кремль, мы успѣли перейти на Мясницкую улицу, и тамъ на галлерей, коихъ также множество было настроено и наполнено людьми, дождались продолженія сего шествія изъ Кремля. По всей Мясницкой улицѣ стояли въ парадѣ армейскіе полки. Шествіе продолжалось до Слободскаго дворца, гдѣ государь остановился. Церемонія сія кончилась уже за полдни, и мы въ 4мъ часу пололудни возвратились на квартиру. Еще до прибытія государя въ Москву, нѣсколько дней продолжалось извѣщеніе о его коронованіи чрезъ герольдовъ. По всѣмъ улицамъ московскимъ, съ отрядомъ драгунъ, ѣздили герольды въ шитыхъ мундирахъ, въ суперверсахъ, въ обложенныхъ документами шляхахъ съ люмажами и разноцвѣтными перьями, съ жезлами. Предъ ними трубачи и литаврицы возвѣщали шествіе, останавливались въ разныхъ мѣстахъ и читали объявленіе о коронованіи.

Во вторникъ, 10го сентября, я былъ въ саду Слободскаго дворца и наслаждался зрѣніемъ государя. Тогда было много тамъ прогуливающихся; кажется, всѣ толпились только возлѣ него. Въ субботу, 14го числа, былъ въ Кремлѣ и видѣлъ приготовленныя мѣста для зрителей; видѣлъ, какъ всѣ были въ движеніи ожидая важнѣйшей церемоніи. Многие съ вечера откупили мѣста на колокольнѣ Ивана Великаго или на башняхъ и ночевали тамъ.

* Следующее описаніе этого вѣзда см. у Вигеля, ч. I, стр. 200.

„15го сентября, въ воскресенье, часа за два до свѣту, поѣхали мы въ каретѣ, съ Павломъ Ивановичемъ, Елизаветою Матвѣевною, ея дочерью и Елизаветою Степановною Сметковой, въ Кремль. Разстояніе было отъ нашей квартиры не болѣе версты, но мы ѣхали болѣе двухъ часовъ, потому что тянувшаяся цѣль каретъ едва двигалась и болѣе останавливалась на улицѣ. Изъ четырехъ воротъ ведущихъ въ Кремль, назначены были для въѣзда каретъ одни Боровицкіе, а для выѣзда—Никольскіе; для лѣвшихъ—Тайницкіе, а для входа въ Кремль войскамъ—Спасскіе. Мы подѣхали къ Боровицкимъ воротамъ уже по разсвѣтѣ дня. Не дожидая сажень 50 отъ нихъ и видя что многіе выходятъ изъ каретъ, соскучась медаенностью, вышли и мы и пошли лѣшкомъ въ Кремль; но стоящіе у воротъ гренадеры не пропустили лѣшихъ. Видя что кучи дамъ и кавалеровъ лошади къ Никольскимъ воротамъ, принуждены были и мы идти за ними; но встрѣчавшіеся намъ обратно оттолкъ сказали что и тамъ не пропускаютъ, и что не иначе можно попасть въ Кремль лѣшимъ, какъ чрезъ Тайницкіе ворота, къ коимъ проходить было далеко берегомъ Москвы-рѣки. Кареты же своей въ стѣсненныхъ рядахъ экипажей и въ густотѣ народа мы не могли найти: вмѣстѣ съ другими она проѣхала чрезъ Кремль весьма спокойно. Чтѣ дѣлать? Дамы наши въ отчаяніи: съ одною сдѣлалась истерика. Мы должны были помогать больной и успокаивать отчаянныхъ. По счастью, караульный офицеръ былъ знакомъ Павлу Ивановичу: онъ сжался на положеніе дамъ и пропустилъ насъ между каретъ въ сіи Боровицкіе ворота. У насъ были билеты * на большой амфитеатръ, построенный около Ивана Великаго. Подошедши къ нему, увидѣли что нижнія мѣста всѣ были наполнены зрителями, а въ самомъ верху, вокругъ всей башни, до самыхъ колоколовъ, набито было людей безчисленное множество. Новая бѣда! Дамы наши рѣшительно сказали что онѣ готовы умирать, а не пойдутъ вверхъ. Мы провели ихъ къ другому амфитеатру, построенному между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами. Приставленные къ сему амфитеатру не допускали насъ на мѣсто по нашимъ билетамъ, а отсылали къ большому. Дамы наши рѣшились хотя на ногахъ про-

* Билеты на мѣста для всѣхъ зрителей раздавались изъ комиссіи бездежно.

быть все время, но не хотѣли идти куда болѣе. Черезъ полчаса кое-какъ могли и мы помѣститься на мѣстахъ сего амфитеатра. Между тѣмъ весь Кремль наполнился людьми, привели войска, и въ 10 часовъ утра началась процессія.

Отъ Краснаго Крыльца до Успенскаго собора, отъ оного до Архангельскаго, а отъ сего до Благовѣщенскаго соборовъ, сдѣланы были переходы и покрыты алымъ сукномъ. По Красному Крыльцу стояли лейбъ-гусары съ обнаженными саблями: по обѣимъ сторонамъ — кавалергарды и рейтары конной гвардіи, пѣшіе. Императорскій великолѣпный балдахинъ несея былъ первоклассными чиновниками. Подъ симъ балдахиномъ прошли въ Успенскій соборъ вдовствующая императрица, государь и его супруга. Въ семь Успенскомъ соборѣ, у всѣхъ стѣнъ, были также сдѣланы мѣста, въ видѣ амфитеатра, для иностранныхъ посланниковъ и первоклассныхъ чиновниковъ. Митрополитъ Платонъ совершалъ тамъ извѣстный обрядъ миропомазанія и коронованія государя и его супруги. Въ церкви были только чиновники первыхъ пяти классовъ и высшее духовенство, а мы, простые зрители, не могли видѣть сего обряда, но возвѣщаемы были о всемъ залпами изъ ружей стоящихъ въ Кремлѣ гвардейскихъ полковъ, пушечною пальбой и колокольнымъ звономъ. День былъ съ утра пасмурный; но часу въ 12мъ, кажется, въ то время какъ совершился обрядъ коронованія, блеснуло солнце. * Первый лучъ его, какъ я помню, игралъ въ брилліантахъ короны вдовствующей императрицы, когда она одна съ своею свитой возвращалась изъ Успенскаго собора и восходила на Красное Крыльцо. Вскорѣ послѣ того государь императоръ съ супругою проходили изъ Успенскаго собора въ Архангельскій, а изъ него въ Благовѣщенскій по переходамъ, крытымъ алымъ сукномъ, подъ балдахиномъ. На немъ былъ мундиръ гвардіи Преображенскаго полка, сверху порфира, на головѣ корона, а въ рукахъ скипетръ и держава; возлѣ него шла императрица, также въ коронѣ и порфирѣ. За ними шли первостепенные вельможи и несли царскія регалии. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ несъ подушку на которой кладеа корона; онъ былъ въ старомъ Екатерининскомъ мун-

* Гораздо кратче, но тѣми же чертами, изображаетъ Вигель какъ этотъ день, такъ и вообще все время пребыванія въ Москвѣ новаго императора (*Воспоминанія*, ч. 1, стр. 199—203).

дирѣ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ, во всѣхъ ордевахъ. Тутъ же находились: графъ М. Ѡ. Каменскій, графъ Н. П. Шереметевъ и пр. За вельможами шли депутаты отъ всѣхъ губерній. Отряды кавалергардовъ и конногвардейскихъ рейтаръ, лѣшіе, въ авангардѣ и арьергардѣ, сопровождали всю процессію. Великій князь Константинъ Павловичъ, въ конногвардейскомъ колетѣ и съ обнаженнымъ палашиомъ, командовалъ сими отрядами. Пушечная пальба и звонъ колоколовъ гремѣли по всей Москвѣ. Мы не могли видѣть тѣхъ площадей кои простираются отъ Никольскихъ и отъ Спасскихъ воротъ, гдѣ поставлены были войска; въ виду у насъ были только: Кремлевскій дворецъ, Грановитая Палата съ Краснымъ Крыльцомъ, часть Успенскаго собора и двѣ стороны Ивана Великаго. Сей послѣдній, во всю высоту его, до самой колокольни, застроенъ былъ амфитеатромъ для зрителей и представлялъ безчисленное множество людей, сидящихъ одинъ надъ другимъ; самая колокольня была наполнена людьми. Всѣ крыши строеній, какія были видны намъ въ Кремлѣ, усыпаны были народомъ. Многіе, взлѣзши на высоту крыши и нашедши какую-нибудь вещь за которую могли привязать кушаки, держались за нихъ и такимъ образомъ висѣли на желѣзныхъ крышахъ во все продолженіе церемоніи; къ нимъ вслѣзывали другіе и держались за ноги или за платье. Задняя стѣна нашего амфитеатра, къ сторонѣ Тайницкихъ воротъ, трещала отъ тягости влѣзавшаго на нее народа: другъ друга стаскивали и падали на землю; слышны были стоны, но неизвѣстно—лишился ли при томъ кто жизни. Удивительно, до чего простирается человѣческое любопытство! Не было ни одной владимы гдѣ бы не висѣлъ человѣкъ, съ трудомъ держась за гладкія стѣны или углы. Вся церемонія кончилась часу во 2мъ или въ 3мъ. Въ тотъ же день вечеромъ освѣщенъ былъ весь городъ. По всѣмъ улицамъ, предъ домами, были щиты, съ зажженными плошками и разноцвѣтными фонарями, и прозрачныя картины. Всѣ церкви также освѣщены были плошками, а особливо Иванъ Великій, отъ самой подошвы его до вершины креста, представлялъ ослѣпительный блескъ огней въ темную ночь; надъ главою его одѣлана была корона изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Стѣны, башни и зданія всего Кремля были также иллюминированы. Вся Москва представляла зрѣлище необыкновенное, прекрасное! Всѣ улицы были наполнены народомъ, лѣшими,

верховыми и густыми рядами каретъ и колясокъ. Долого ѣздили мы по улицамъ, наслаждаясь зрѣлищемъ разныхъ иллюминацій и движеніями людей. Многіе дома, во всю высоту, освѣщены были плашками и фонарями. Домъ Пашкова, съ обоями его флагеями и садомъ, былъ весь въ огнѣ; отъ вершины его бельведера къ вершинамъ флагеаей протянуты были огненные гирлянды. Въ Кремлѣ было безчисленное множество людей обоого пола. Всѣ площади онаго представляли какъ будто освѣщенные комнаты. Слѣдующія лотомъ три ночи продолжались точно такія же иллюминаціи по всему городу и въ Кремлѣ. Въ сіи три ночи были даны для всего дворянства балы въ Грановитой Палатѣ. Я былъ на двухъ и толпился въ тѣсотѣ между блестящаго общества кавалеровъ и дамъ. Кто успѣвалъ пріѣхать прежде, тотъ и правъ, а опоздавшіе не могли продраться, кромѣ самыхъ значительныхъ вельможъ. Тутъ была вся императорская фамилія, иностранные посланники и пр. Между прочимъ обращалъ вниманіе многихъ магометанскій муфтіи съ двумя женами своими, покрытыми съ головы до ногъ тонкими прозрачными покрывалами. Величина Грановитой Палаты не соответствовала многочисленному собранію: едва могли раздвинуть узкую дорожку для польскаго, въ коемъ танцевалъ въ первой парѣ императоръ съ супругою.

„Въ четвергъ, 19го сентября, было для меня самое любопытнѣйшее зрѣлище на данномъ для всего народа праздникѣ. За городомъ, на обширномъ полѣ, въ урочищѣ называемомъ *Сокольниками*, сдѣланъ былъ городокъ, обведенный деревяннымъ валомъ. Вокругъ всего городка построены были довольно высокія галереи для зрителей, которыя отдавались по пяти и десяти рублей съ персоны, смотря по удобности и выгодности мѣстъ. Среди городка были построены разные лавочки, домики, открытыя галереи для балабасеровъ и тамешпашалеровъ, карусели, качели и пр. Разныя вина и напитки закрыты были досчатыми домиками, сверху коихъ были сущены желоба къ большимъ чанамъ, находящимся подъ ними. Дороги для проѣзда царскимъ экипажамъ отдѣлены были натанутыми канатами. Вся внутренняя окружность устлана была, нарочно сдѣланными на сей случай, столами, въ видѣ высокаго и широкаго скамей. По вѣсьмъ столамъ настланы были деревянные и глиняныя тарелки, жареные гуси, утки, индѣйки, части разныхъ мясъ, яйца, пироги и пр.,

примѣрно, тысячъ на сорокъ персонъ. По краямъ, чрезъ три аршина разстоянiемъ, врыты были березки съ вѣтвями и на каждой вѣтви, по вѣсьмъ сучкамъ, навязаны свѣжiя яблоки. Въ разныхъ мѣстахъ видны были высокiя мачты, на вершинахъ коихъ укрѣплены призы изъ платковъ, шелковыхъ матерiй и разныхъ вещей для искусныхъ охотниковъ. Дожидались императора. Но вскорѣ предъ его прiѣздомъ, когда развѣзжалъ и осматривалъ всѣ приготовления оберъ-полицеймейстеръ съ драгунами, вдругъ кому-то изъ народа пришло въ голову что подавать знакъ къ обѣду. Всѣ толпы съ шумомъ устремились къ столамъ и, несмотря на удерживающихъ драгунъ, въ минуту расхватили все кушанье, сорвали яблоки и поломали не только деревья, но и столы. Многие говорили тогда что Каверинъ, оберъ-полицеймейстеръ, сдѣлалъ это умышленно до прибытiя государя; что, будто, приготовленная пища не соотвѣтствовала той суммѣ какую получилъ онъ на угощенiе. Какъ бы то ни было, но не осталось ни куска въ одну минуту. Вскорѣ потомъ пущенныя ракеты возвѣстили прибытiе государя. Вдругъ раздался ужасный крикъ: ура! Полетѣли вверхъ шалки. Народа, занимающаго густою толлою пространство болѣе четырехъ квадратныхъ верстъ, было, кажется, около милліона. Государь и великiй князь со свитою ѣздили верхами, а фамилія царская и знатные вельможи въ открытыхъ каретахъ. Изъ домиковъ и пирамидъ лущены были по жолобамъ разныя вины и ливо. Народъ устремился къ симъ домикамъ и въ мигъ, какъ муравьи, लेकरъ всѣ крыши оныхъ и жолоба; движенiя и крики народа изображали шумящую бурю. Въ разныхъ мѣстахъ, близъ сихъ домиковъ, поставлены были пожарныя трубы. Вдругъ заревѣла вода въ разныхъ направленiяхъ и полилась сильно на людей, висящихъ по жолобамъ и по крышамъ. Сперва держались они крѣпко; но, когда почувствовали льющуюся стремительно на нихъ воду, начали падать, кто въ чаны наполненныя виномъ, кто на землю. Забавное и любопытное зрѣлище! Кто подставляетъ шалку подъ жообъ; кто ловитъ калаи открытымъ ротомъ; кто черпаетъ салогами или котами или высасываетъ изъ платья купающихся въ винѣ! Потомъ начались разныя увеселенiя. Нашлись отважные смѣльчаки; лазили на шесты и доставали призы; качались на качеляхъ и ѣздили на деревянныхъ коняхъ; между тѣмъ баласеры и комедианты забавляли чернь своими фарсами. Усерднѣвшихъ

гостей было множество лежащихъ и шатающихся, однакожь полицейскою командою всё были прибраны: кто довезенъ до своего жилища, а бóльшая часть ночевали на сѣвѣжахъ и лосѣхъ отпущены по домамъ. Съ 10 часовъ утра и до самаго вечера бóльшая часть гостей пробыла на семъ празднествѣ.

Московское дворянство давало балъ императору въ своемъ домѣ Собранія. Я съ трудомъ могъ достать тогда визитерный билетъ; потому что, кромѣ членовъ, по множеству собранія, визитеровъ было немного. Въ огромной залѣ сего Собранія, въ концахъ его поставлены были два щита. Они накомпонованы были разнѣвѣтными стаканчиками. На одномъ былъ вѣзель государя, а на другомъ его супруги. Прочее освѣщеніе залы и комнатъ было блестящее. За щитами, какъ горы, навалены были шляги и шляпы танцующихъ кавалеровъ; но тѣснота была чрезвычайная, отъ многочисленнаго собранія всѣхъ придворныхъ, военныхъ, иностранныхъ и прочихъ посѣтителей. Во всѣхъ залахъ было болѣе 6.000 персонъ. Кромѣ двухъ небольшихъ пространствъ для танцующихъ, всѣ мѣста, всѣ переходы и даже окошки были заняты людьми. Государь нѣсколько разъ танцевалъ польскій; великій князь и послѣ отъѣзда его оставался и танцевалъ кохтрдансы. На другой день полицейскіе офицеры по всѣмъ благороднымъ домамъ отыскивали шлягу великаго князя которую онъ не нашелъ въ кучѣ; видно кто-нибудь ошибкою взял ее вмѣсто своей.

21го сентября, въ субботу, былъ маскарадъ въ Слободскомъ дворцѣ для дворянства и купечества. Всѣ комнаты сего дворца были открыты; въ собраніи было болѣе 15.000 гостей. Заканчаю такъ по ужасной тѣснотѣ во всѣхъ комнатахъ и потому что на моемъ билетѣ былъ № свыше 15.000. Здѣсь видѣлся я со многими изъ моихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ сюда изъ Симбирской и Казанской губерній, напримѣръ, съ И. В. Жадовскимъ и его дочерью, съ графомъ В. А. Толстымъ и его женою, * съ К. П. Алашеевою, А. И. Мясниковой, А. И. Толстымъ и проч. Я встрѣчался очень часто и былъ близко къ государю и всей его фамиліи. Я былъ кавалеромъ одной изъ знакомыхъ моихъ, прекрасной дѣвицы, Н. А. Черепановой. На нее устремлялись часто взоры великаго

* Екатерина Яковлевна, рожденная Трегубова, † 1831. Графъ В. А. Толстой, о которомъ говорится и ниже, † 1824.

князя, встрѣчающагося съ нами и всегда ходящаго рука въ руку съ г. Боуромъ, гусарскимъ генераломъ. Когда толпы переходили изъ одной комнаты въ другую то тѣнота въ дверяхъ была столь велика что многія изъ дамъ вскрикивали отъ давки.

„Въ теченіе сего времени былъ еще балъ, данный государю графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ * на его дачѣ, въ Останкинѣ, куда приглашены были только знатнѣйшія особы по билетамъ. Прочихъ гостей поручено было угощать въ особомъ домѣ, на той же дачѣ, управляющему. Мы поѣхали туда съ Павломъ Ивановичемъ, Елизаветой Матвѣевной и ея дочерьми. Отъ самой городской заставы до Останкина, на разстояніи четырехъ или пяти верстъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, сдѣланы были перила, на подобіе высокихъ скамеекъ. Сіи перила всѣ сплошь уставлены были зажженными плошками. За ними въ нѣкоторомъ отдаленіи, также по обѣимъ сторонамъ дороги и по всему ея пространству, на разстояніи саженъ 10ти, горѣли смоляныя лагуны, а чрезъ 200саженъ и менѣе поставлены были высокіе щиты, изображающіе триумфальныя ворота которыя прекрасно освѣщены были плошками и разноцвѣтными фонарями; во всѣ сіи ворота проѣзжали кареты тянувшіяся длинною цѣпью изъ Москвы до Останкина. Вся дорога представляла прекрасно освѣщенную галерею. Въ самомъ селеніи, улица крестьянскихъ домовъ закрыта была съ обѣихъ сторонъ высокими щитами, освѣщенными плошками и фонарями. Господскій домъ со всѣми строеніями, равно какъ и прекрасный садъ его съ деревьями, иллюминированы были удивительно. Площадь въ саду, предъ окошками, и одна аллея казалась огненною рѣкою. Въ разныхъ мѣстахъ представлялись огненные фонтаны какъ будто изливающіе вверхъ блестящее серебро: такъ поддѣлано было, посредствомъ движущихся машинъ и серебряныхъ тканей. Прибытіе государя и его фамиліи возвѣщено было пущенными ракетами и палъбою. Въ домѣ былъ великолѣпный балъ и театръ, на коемъ играли собственные актеры графа Шереметева. Послѣ ужина лучечные выстрѣлы открыли фейерверкъ за прудомъ, противъ балкона. Это было прекрасное и величественное зрѣлище! Послѣ многихъ перемѣнъ

* Оберъ-камергеръ, основатель Страждопріимнаго Дома въ Москвѣ, † 1800. П. Доагорукиѣ, III, 502.

бывшихъ въ фейерверкѣ, поднялись вверхъ, съ ужаснымъ ревомъ, около пятидесяти тысячъ ракетъ, со шлагами и звѣздами. Небеса казались отверстыми отъ искусственныхъ огней въ вочномъ мракѣ. Сильный и продолжительный громъ, съ блестящимъ молніи и блестящихъ звѣздъ, колебалъ воздухъ. Картинамъ щитъ изъ разноцвѣтныхъ огней, съ императорскими вензелями, горѣлъ долго. Въ томъ домѣ гдѣ насъ угощали аршадомъ, лимонадомъ, конфетами и мороженымъ, также была чрезвычайная тѣснота. Празднество кончилось уже на разсвѣтѣ; но мы, послѣ фейерверка, поѣхали обратно въ Москву.

Празднества по случаю коронаціи императора Александра I закончились маскарадомъ въ Слободскомъ дворцѣ; затѣмъ дворъ оставилъ Москву, въ половинѣ октября. Иванъ Алексѣевичъ Второвъ прожилъ въ Москвѣ до 27го апрѣля 1802 года, по словамъ его, въ праздности, иногда недѣлю и болѣе не принимаясь не только за перо, но и за книгу. Показаніе это, впрочемъ, мы не можемъ принимать буквально, по пристрастію нашего героя къ самообличеніямъ, всегда преувеличеннымъ. Что онъ писалъ въ это время живого, доказываетъ его журналъ и дѣятельная переписка съ симбирскими и самарскими друзьями: писаніе вообще было его страстію, которой онъ съ увлеченіемъ предавался во всю свою жизнь. Что онъ читалъ, размышлялъ и что жизнь его въ Москвѣ была все же содержательнѣе чѣмъ въ провинціи, это доказываетъ обширный кругъ знакомствъ пріобрѣтенныхъ имъ въ древней столицѣ въ высшихъ и образованнѣйшихъ слояхъ тогдашняго общества; это же подтверждаютъ и слѣдующія его слова: „Для по два иногда въ недѣлю удѣляю на собесѣдованіе съ любезнымъ другомъ моимъ Андреемъ Алексѣевичемъ (Соколовымъ), говорю, читаемъ и философствуемъ. Здѣсь (въ Москвѣ) насмотрѣлся я на подобныхъ мнѣ людей, много узналъ такого чего въ тамошнихъ тихихъ кругахъ (то-есть въ Самарѣ) никогда бы не узналъ. Разлука, перемѣнныя мѣста и виды много дѣлаютъ впечатлѣнія на сердце и перемѣняютъ мысли и чувства подобнаго мнѣ неопытнаго младенца.“ О времяпровожденіи своемъ онъ говоритъ: „Обыкновенныя мои упражненія здѣсь, почти каждый день убивать время за бостономъ, чрезъ недѣлю — смотрѣть пышное и праздное чело-

вѣщество въ театрѣ, который доставляетъ мнѣ болѣе удовольствія. Часто выѣзжаю въ знакомые дома на обѣдъ, на вечеръ и во всѣхъ почти домахъ карты бываютъ необходимымъ занятіемъ.“ „Мысли у меня богатырскія“, восклицаетъ въ одномъ письмѣ нашъ юный литераторъ. Съ этими богатырскими мыслями, ничѣмъ впрочемъ не выразившимися, во всякомъ случаѣ ему жилось въ Москвѣ въ ту пору лучше, чѣмъ на Поволожьѣ. Но чѣмъ и на какія средства жилъ тогда въ нашей древней столицѣ бѣдный, отставной провинціальный чиновникъ, пріѣхавшій туда съ нѣсколькими рублями? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ частію самъ Второвъ, говоря что онъ не чувствуетъ „никакого ущерба въ кошелькѣ своемъ съ самаго пріѣзда въ Москву.“ потому, можетъ быть, что этому „способствуетъ мнѣ небольшая удача въ игрѣ“. Извѣстное московское гостепріимство, тогдашняя дешевизна жизни, почти равнявшаяся нулю, такъ какъ общество помѣщиковъ, которое посѣщалъ Второвъ, жило въ столицѣ въ своихъ домахъ, на своемъ деревенскомъ содержаніи, да и сама тогдашняя Москва была на половину колоссальной русской деревней, въ которой жили помѣщики всей центральной и восточной Россіи, еще лучше чѣмъ удача въ карточной игрѣ, объясняетъ причину почему Второвъ былъ желаннымъ гостемъ въ московскомъ обществѣ, почему жить ему въ столицѣ почти ничего не стоило, почему и самая жизнь, при замѣчаемой имъ лютостѣ и однообразіи, все же въ концѣ концовъ, была ему пріятна. Къ тому же въ самомъ Второвѣ было нѣчто привлекавшее къ нему вниманіе лучшихъ представителей тогдашняго московскаго общества. Эти представители не могли не замѣтить въ пріѣхавшемъ провинціалѣ явленія выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ: бѣднякъ, не дворянинъ, канцеляристъ въ отставкѣ, съ жалкимъ чиномъ XIV класса, чѣмъ могъ привлечь къ себѣ вниманіе самарскій гость въ Москвѣ, еслибъ онъ ничѣмъ не отличался отъ людей подобнаго ему общественнаго положенія? Москвичи увидѣли въ немъ явленіе по тому времени диковинное, провинціального литератора, человѣка съ развитіемъ, съ потребностями, съ привычками совсѣмъ иными чѣмъ тѣ которыя преобладали въ тогдашнихъ Фамусовыхъ и Молчаливыхъ. Остаться не замѣченными эти качества не могли, особенно въ оживленную пору первыхъ дней царствованія

императора Александра Павловича. Лучшимъ представителямъ тогдашняго московскаго общества пріятно было убѣдиться что въ провинціи уже появлялись люди подобные Второву, что они стали выходить даже изъ темнаго приказнаго міра. Не забудемъ что появленіе Второва, его успѣхи въ Москвѣ, предшествовали преобразовательной дѣятельности Сперанскаго, съ которой начинается появленіе образованныхъ людей въ приказномъ сословіи. Въ 1802 году Ивану Алексѣевичу было тридцать лѣтъ, возрастъ въ которомъ человѣкъ опредѣляется на всю жизнь. Въ эту пору во Второвѣ вполнѣ опредѣлилось литературное направленіе: литераторомъ остался онъ до конца своего поприща, несмотря на то что имя его не занесено въ литературные списки и что провинціальная служба брала у него перевѣсъ надъ литературной производительностью, всѣ его симпатіи принадлежали литературѣ и онъ во всю жизнь остался вѣрнѣйшій перу и книгѣ. Итакъ не одною общительностію и живостію характера, но и тѣми качествами о которыхъ мы сейчасъ говорили, объясняются многочисленныя связи и знакомства которыя завелъ Второвъ въ Москвѣ и въ числѣ которыхъ было не мало и съ людьми жившими постоянно въ Петербургѣ и пріѣзжавшими въ Москву на время коронаціи.

Въ остальное время пребыванія своего въ Москвѣ И. А. Второвъ останавливается только на двухъ предметахъ, на посѣщеніи имъ публичнаго акта въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и на своихъ отношеніяхъ къ семейству Мельгуновыхъ. Актъ происходилъ 22го декабря (1801 года). „Мы пріѣхали туда, говоритъ Второвъ, съ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ вечеромъ. Въ огромной залѣ былъ оркестръ и музыканты играли симфоніи. Нѣсколько рядовъ креселъ и стульевъ было разставлено; на нихъ сидѣли отцы, матери и родственники литомцевъ. Возлѣ императорскаго портрета стояла кафедра, на которой читалъ рѣчь, своего сочиненія, Александръ Ивановичъ Тургеневъ; потомъ читаны были стихотворенія литомцевъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ томъ числѣ и прекрасные стихи г. Жуковскаго *Къ человеку*. * Затѣмъ литомцы бились на рапирахъ

* Въ послѣднемъ (близъ) изданіи *Собранія сочиненій В. Жуковскаго* (Спб. 1860), въ IV томѣ, въ отдѣлѣ „Юмшескихъ опытовъ“, помѣщено стихотвореніе *Человекъ* (стр. 463—467), помѣченное 1800 годомъ,—очевидно, ошибочно.

и эспадронахъ и, наконецъ, представлено было, въ родѣ театральнoй пьесы, судилище. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣли: президентъ и два ассессора, или судья съ засѣдателями. По обыкновенному порядку наблюдаемому въ судебныхъ мѣстахъ, въ указныи часъ вахмистръ доложилъ о просителяхъ, кои были влущены и подали судья свои просьбы. Судья заставилъ секретаря читать и далъ на нихъ резолюціи. Потомъ трактовали одинъ процессъ, собирали голоса съ нижнихъ членовъ и, по случаю несогласія въ рѣшеніи онаго и для отысканія приличныхъ къ тому законовъ, отдали его на заключеніе прокурору. Всѣ сии судьи, просители, секретарь, прокуроръ и ловытчики были изъ молодыхъ питомцевъ пансіона. Прокуроръ, никогда ни занимавшійся юриспруденціею и, какъ видно по словамъ его, недавно вышедшій изъ военной службы, затруднялся разрѣшить сомнѣніе судей: говорилъ не то о чемъ спрашивали, соглашался на то и на другое мнѣніе. Ему принесли большія кучи бумагъ, документовъ, претоастыя книги указовъ и законовъ. Онъ ужасался, смотря на всѣ сии кучи; говорилъ что не достанетъ человѣческой жизни и прочитатъ ихъ, не только помнитъ ихъ и знать. Президентъ прекрасно сыгралъ свою роль, согласилъ мнѣнія и рѣшилъ дѣло согласно съ законами и справедливо. Такой спектакль, гдѣ были представлены всѣ ябеды и крючки, чѣмъ можно залутывать дѣла, довольно забавенъ, а между тѣмъ и полезенъ для учениковъ, могущихъ быть въ гражданской службѣ. Захаръ Аликѣвичъ Горюшкинъ, будучи профессоромъ юриспруденціи, преподавалъ оную такимъ образомъ. По окончаніи акта, раздавали посѣтителямъ книжки, напечатанныя на сей случай.“ *

Степанъ Григорьевичъ Мельгуновъ былъ женатъ на Дурасовой (Катеринѣ Алексѣевнѣ). Дурасовы, Мельгуновы и Козицкіе, находившіеся между собою въ родствѣ, слыли тогда, по словамъ Второва, въ Москвѣ подъ прозваніемъ

* Пансіонскій актъ (1806) совсѣмъ въ иномъ, комическомъ видѣ представляетъ Жихаревъ. По его словамъ (см. *Дневникъ Студента*, стр. 240), всѣ эти представленія, въ продолженіи двадцати лѣтъ, происходили съ удивительнымъ одлобраіемъ; рѣчи, стихи, музыкальныя пьесы и т. п. были только въ рѣдкихъ случаяхъ произведеніями воспитанниковъ. Биографія Горюшкина помѣщена въ 1мъ томѣ *Словаря Москов. профессоровъ*, стр. 247—254.

евангельскихъ богачей. Съ ними также находились въ родствѣ князья Бѣлосельскій, Пашковы, Бекетовы, Бибиковы, графъ Толстой и пр. Всѣ эти фамиліи, которыя нашъ авторъ называетъ богатѣйшими въ Россіи, владѣли тогда громаднѣйшимъ состояніемъ симбирскихъ Крезовъ Мясниковыхъ (Твердышевыхъ), состоящимъ въ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ, въ 76.000 душъ крестьянъ и въ денежныхъ капиталахъ. У С. Г. Мельгунова была въ Москвѣ прекрасная картинная галерея изъ оригинальныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ школъ; между прочими здѣсь находилась какая-то картина Рафаеля, за которую Мельгуновъ, по словамъ Второва, заплатилъ 10.000 рублей. У Н. А. Дурасова было великолѣпное подмосковное имѣніе Люблино, мало чѣмъ уступающее Кускову, съ превосходными оранжереями, въ которыхъ зимою, по воскресеньямъ, гастрономъ-хозяинъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать съ своими пріятелями. Случайные посѣтители Люблина въ это время также дѣлались гостями хозяина. Кромѣ того, Н. А. Дурасовъ, вмѣстѣ съ В. А. Всеволожскимъ, былъ извѣстенъ въ это время своею любовью къ музыкѣ: у обоихъ были лучшіе оркестры въ столицѣ. Всѣ эти *евангельскіе богачи* были одновременно самарскими или симбирскими помѣщиками, съ которыми Второвъ началъ сближаться, вѣроятно, на мѣстѣ. Какъ бы то ни было, но герой нашъ чаще другихъ бывалъ у Стелана Григорьевича и, случалось, по долгу съ нимъ бесѣдовалъ съ глазу на глазъ. Предметомъ бесѣдъ ихъ были разсужденія объ участи человѣческой, и судьбѣ бѣднаго человечества и прочія отвлеченности въ этомъ родѣ. С. Г. Мельгуновъ былъ до нѣкоторой степени философъ; „но несмотря на то что онъ почитается евангельскимъ богачомъ, едва ли не одинакимъ подверженъ безпокойствамъ съ бѣдными, въ разсужденіи заботъ и желаній“: это собственныя слова Мельгунова сообщены Второвымъ. „Я согласенъ съ нимъ, прибавляетъ этотъ послѣдній, только въ такомъ случаѣ, когда спокойствіе души замѣняетъ всѣ богатства мірскія; а можетъ ли быть покойна душа при нуждахъ и недостаткахъ!“ Общество обыкновенно собиравшееся у Мельгунова состояло изъ представителей тогдашней московской знати, изъ аристократіи родовою, денежною и чиновною. Второвъ бывалъ въ этомъ обществѣ и даже игралъ съ его членами въ бостонъ; но здѣсь онъ чувствовалъ себя несвободнымъ. „Какое разстояніе,

говорить онъ, я чувствовалъ между собою и каждымъ изъ гостей, по богатству и по чинамъ! Но душою и сердцемъ не со многими бы я промѣнялся....“ С. Г. Мельгуновъ былъ близко знакомъ съ графомъ Васильевымъ, тогдашнимъ государственнымъ казначеемъ, покровительство котораго онъ и предлагалъ Ивану Алексѣевичу для опредѣленія послѣдняго на государственную службу; но герой нашъ отказался „отъ всѣхъ обѣщанныхъ рекомендацій, думая по какой-то химерѣ, во всю жизнь наполняющей мою голову, что счастья не должно искать самому; но, ежели судьба благосклонна будетъ человѣку, само счастье найдетъ его“.

Мысли у нашего героя были богатырскія, и вотъ они-то тянули его изъ Москвы въ Петербургъ, куда приглашали его также и новые знакомцы. „Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, говоритъ онъ, не для исканія случаевъ и средствъ къ какимъ-нибудь почестямъ, къ возвышенію: для сего я слишкомъ малъ, а можетъ-быть и слишкомъ гордъ и вовсе неспособенъ ни ползать, ни просить; но для одного любопытства и больше ничего!“ Такія рѣчи въ устахъ русскаго человѣка назадъ тому болѣе семидесяти лѣтъ были еще слишкомъ новы. Собираясь въ Петербургъ, Второвъ купилъ себѣ *Ручной Дорожникъ* *, въ которомъ описаны были всѣ станціи находящіяся между обѣими столицами.

Путешествіе отъ Москвы до Петербурга описано нашимъ авторомъ весьма подробно на девяти съ половиною листахъ убористаго письма. Оно изложено имъ въ формѣ писемъ къ московскимъ друзьямъ и раздѣлено по станціямъ, на манеръ путешествія Радищева, которому впрочемъ Второвъ, поклонникъ Карамзина, не подражаетъ. Дѣлаемъ краткія извлеченія изъ этого путешествія.

И. А. Второвъ выѣхалъ изъ Москвы 27го апрѣля, на почтовыхъ, и прибылъ въ Петербургъ 6го мая 1802 года. Эту продолжительную поѣздку ему всячески хотѣлось сдѣлать путешествіемъ въ Карамзинскомъ вкусѣ, то-есть ѣхать и наслаждаться прелестями природы и счастливою жизнію невинныхъ поселянъ. Но русская сѣверная натура въ это время года была весьма непривлекательна, въ особенности по мѣрѣ

* *Ручной Дорожникъ* для употребленія въ пути между императорскими всероссійскими столицами. Сочин. Ив. Глашкова. Спб. 1801. Т. Ак. Наукъ.

приближенія къ Петербургу: шли проливные дожди; грязь, холодъ; дороги были отвратительныя, вымощенные бревнами. Русскіе поселяне оказались далекими отъ идеальскаго благополучія и отъ аркадской чистоты нравовъ. Съ сентиментальнаго путешественника драли деньги на каждомъ шагу за всякую бездѣлицу; вымаливаніямъ и выпрашиваніямъ самымъ наглымъ не было конца. Не слышалъ онъ почти во всю дорогу и препрославленной „веселой, удалой русской пѣсни“, которая, какъ онъ воображалъ, должна раздаваться по всему пространству отъ Москвы до Петербурга: грубымъ, недовѣрчивымъ и мрачнымъ показался ему Русскій народъ, живущій между обѣими столицами. Отъ чего это происходитъ? спрашивалъ самъ себя любознательный путешественникъ, и отвѣтъ на этотъ вопросъ у него отыскался. „Какой ты добрый баринъ!“ сказала ему старуха-хозяйка на станціи Черная Грязь: „говоришь съ нами, а къ иному боимся мы и подойти.“ „На всѣхъ постоялыхъ дворахъ“, замѣчаетъ онъ въ Зимогорьѣ, „гдѣ я останавливаюсь, хозяева, особливо старухи, называютъ меня добрымъ баринкомъ; оттого ли что я говорю съ ними ласково, разспрашиваю о подробностяхъ ихъ жизни, не дѣлая ничего имъ непріятнаго, или оттого что многіе изъ проезжающихъ досаждаютъ имъ самымъ дерзкимъ образомъ безъ причинъ? чему и я былъ свидѣтелемъ на одной станціи.“ На первой станціи отъ Москвы, въ Черной Грязи, услыжавъ женскіе голоса, раздававшіеся на улицѣ въ хороводной пѣснѣ, Иванъ Алексѣевичъ пришелъ въ восторгъ: „давно уже“, говоритъ онъ, „не слышалъ я сельскихъ утѣшеній! Даже и гулъ шумящей толпы мужиковъ, около повозки моей собравшихся, пріятель для моего слуха.“ Но на другой же день, въ Пяткахъ, пришлось ему разочароваться. По улицѣ проходилъ обозъ. Пьяные пѣшковскіе мужики затѣяли драку съ извозчиками. Женщины выбѣжали изъ домовъ и кулаками и сковородами унимали пьяныхъ забіякъ, своихъ мужей и сыновей. „Жалкая и смѣшная сцена“, восклицаетъ нашъ авторъ: „крестьяне по воскресеньямъ гуляютъ, то-есть напиваются до безумія. Теперь (дѣло было въ понедѣльникъ), лютру, или не проспались еще, или уже опохмѣлились. Пьяный пастухъ ударилъ одного изъ проезжающихъ за то что скотина изъ его стада забѣжала въ обозъ и едва не задавлена; его толкнули, а можетъ-быть и ударили самого. Онъ

закричалъ, и вотъ вся причина драки! Каково правосудіе пьяныхъ скотовъ! каковы подмосковные мужики!" Въ Кляну случилась такая сцена. На постоялый дворъ, гдѣ остановился Второвъ, приходитъ старикъ съ блюдечкомъ и просить на постройку церкви. „Я вижу“, сказалъ ему Второвъ, „ты и самъ бѣденъ.“ „Бѣденъ, батюшка!“ отвѣчаетъ старикъ. „Возьми же себя“, продолжаетъ онъ, „пять колѣекъ, а для Бога есть неистощимое богатство, лучший, величественный храмъ Его—природа! Онъ не требуетъ нашихъ подаваній, но добрыхъ дѣлъ.“ Старикъ отвѣсилъ низкій поклонъ, а платочекъ положилъ въ карманъ. Но за то Тверью и пребываніемъ въ Твери нашъ путешественникъ остался вполне доволенъ. Онъ отправился пѣшкомъ осматривать городъ, прямо на Милліонную улицу, которую называетъ прекрасной, обстроенной высокими каменными домами, съ лавками внизу и погребами. Остатывливается у присутственныхъ мѣсть, противъ высокой каменной пирамиды, поставленной въ память императрицы Екатерины II, при которой началось строеніе прочной дороги между обѣими столицами. Заходитъ въ соборъ во время литургіи, гдѣ обращаетъ на себя его вниманіе большая картина, написанная на стѣнѣ, изображающая Екатерину во весь ростъ, въ порфирѣ, коронѣ и со скипетромъ; Павелъ и Марія — по сторонамъ ея, а назадъ — Вѣра, Надежда и Любовь, съ ихъ символами. Изъ собора нашъ путешественникъ прошелъ прямо къ Волгѣ и остановился на высокомъ ея берегу. Видъ родимой рѣки вызвалъ въ немъ слѣдующія чувства:

„Здравствуй, родная рѣка моя! Я привѣтствую тебя какъ милого друга съ которымъ давно расстался. Сколь часто, царя воль моего отечества, сиживалъ я на крутыхъ, каменныхъ берегахъ твоихъ въ ясные дни весны и лѣта! Смотрѣлъ на зеркальную поверхность струй твоихъ, лавящихъ вечернимъ солнцемъ, — смотрѣлъ и восхищался! Съ малолѣтства я утѣшался тобою и плавалъ по хребтамъ твоимъ всегда съ удовольствіемъ. Меня не усталили и бурные валы твои когда ты плещешь ими въ берега съ ужаснымъ шумомъ, обламываешь большія глыбы, разбиваешь суда! Я не видалъ, однакожь, большихъ несчастій и несчастныхъ поглощенныхъ твоими волнами, и потому любилъ во время бури смотрѣть на разгнѣванную стихію.“ Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ, всѣ Тверитяне показали нашему

путешественнику вѣжливыми, ласковыми, „любезными гражданами“: многіе изъ встрѣчавшихся съ нимъ кланялись. Одинъ изъ такихъ гражданъ также стоялъ на берегу Волги. Иванъ Алексѣевичъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Гдѣ вашъ Отрочъ-монастырь? Гдѣ Воксалъ?

— Извольте смотрѣть вправо, отвѣчаетъ вѣжливый гражданинъ, снимая шляпу, — видите на другой сторонѣ, между Волгою и Тверцою, на самой стрѣлкѣ? А Воксалъ еще далѣе, на семь берегу Волги. Ежели угодно вамъ погулять, пойдите къ 'ресьятскому монастырю: тамъ мѣстоположеніе вамъ понравится; тамъ вы увидите и архіерейскій домъ въ роцѣ.

— Какой прекрасный у васъ городъ! Вѣрно, весело вамъ жить здѣсь? спросилъ Второвъ.

— Да, сударь, весело кому есть чѣмъ жить; но бѣдныхъ не утѣшаетъ веселое мѣсто. Бѣдныхъ много и здѣсь.

— Такъ, мой другъ! утѣшалъ гражданина нашъ путешественникъ, — бѣдные осуждены къ такой участи во всѣхъ мѣстахъ; однакожь имѣютъ иногда свои сердечныя утѣшенія и не завидуютъ богачамъ.

Вѣжливый гражданинъ промолчалъ.

Отсюда, съ берега Волги, Второвъ отправился въ Гостиный Дворъ, обогнулъ всѣ нижнія и верхнія лавки и заглянулся на одну прекрасную Тверитянку, наломившую ему его „сердечнаго друга“ о которомъ онъ не переставалъ вздыхать въ Москвѣ. Нѣсколько разъ встрѣчался нашъ путешественникъ съ этою Тверитянкой въ разныхъ лавкахъ, вмѣстѣ съ нею нарочно торговалъ платки и, наконецъ, добился цѣли: какимъ-то „забавнымъ расчетомъ съ купцомъ“ вызвалъ на устахъ ея пріятную улыбку. Послѣ обѣда, несмотря на дурную, дождливую погоду, нашъ путешественникъ снова отправился на прогулку въ Тверской городской садъ или Воксалъ, расположенный на берегу Волги, въ надеждѣ быть-можетъ встрѣтиться опять съ „прекрасною Тверитянкой“. Садомъ и мѣстностью онъ былъ очарованъ; по его словамъ, такого прекраснаго мѣста онъ не видалъ и на нижнемъ теченіи родной своей рѣки. Вдали видѣлась Отрочъ-монастырь; по Волгѣ и Тверцѣ тянулось множество барокъ лошадыми вверхъ по теченію; садъ содержался съ замѣчательною чистотою и даже изяществомъ. Восхищенный всѣмъ видѣваемымъ, герой нашъ развернулъ свой дорожникъ и

началъ читать, сидя въ одной бесѣдкѣ, напечатанное въ немъ письмо какой-то „любезной Тверитянки“; читая, онъ „восхищался пріятнымъ описаніемъ невинныхъ удовольствій и забавъ блаженныхъ тверскихъ жителей“. Письмо Тверитянки описывающей Вокзалъ, очевидно, адресованное къ подругѣ, оканчивалось слѣдующею тирадой:

„Такъ, моя милая, и на хладномъ краю сѣвера, и на цвѣтущихъ равнинахъ романической Гншпани, въ огромныхъ палатахъ и въ бѣдной хижинѣ, съ доброю душой, чувствительнымъ сердцемъ, умѣя быть довольною, равно можно наслаждаться благополучіемъ.“

„Чувствительный, нѣжный авторъ! обращаясь къ тверскому, восклицаетъ нашъ самарскій авторъ: можетъ-быть нѣсколько разъ ты сиживала на семь мѣствъ гдѣ я сижу теперь. Наслаждайся, милая, всегда достойнымъ тебя благополучіемъ...“ Въ Торжкѣ нашъ путешественникъ также гулялъ по городу, былъ въ соборной церкви, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ и въ Гостинномъ Дворѣ, переполненномъ мѣстными издѣліями всякаго рода обуви. Въ Вышнемъ Волочкѣ, куда онъ прибылъ 1го мая, Второвъ подробно осматривалъ Цинскій каналъ; но вмѣсто „любезной, цвѣтущей“ весны, онъ встрѣтилъ здѣсь сквернѣйшую ненастную погоду, а потому и осмотръ и пребываніе въ городѣ были кратковременны. Второвъ замѣтилъ только что онъ ни одного человѣка не видитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а всѣ въ русскихъ кафтаныхъ и съ бородами. Остановившись въ домѣ какого-то купца, Второвъ разговорился съ его маленькимъ сыномъ Лѣшей (Алексѣемъ), который разказалъ ему что прежде онъ (Лѣша) былъ въ народномъ училищѣ, но отецъ его выкупилъ оттуда и отдалъ дьячку который доучиваетъ его Часослову и скоро начнетъ Псалтирь. „Въ народномъ училищѣ, говорилъ Лѣша, у насъ очень мало учатся: почти всѣ отцы берутъ назадъ своихъ дѣтей, потому что тамъ учать грамотѣ не по-нашему“. По всѣмъ тогдашнимъ станціямъ, по дорогѣ между обѣими столицами, были устроены дворцы, каменные и деревянные дома для остановокъ лицъ царской фамиліи. Въ Ядровѣ, проѣзжая мимо дворца, нашъ путешественникъ увидѣлъ множество каретъ и колясокъ. Оказалось что это былъ поѣздъ графа Н. И. Салтыкова, отправлявшагося въ Петербургъ. Графъ ночевалъ въ Ядровѣ и подъ его экипажи заготовляли только (!) 126 лошадей. „Проѣзжая по Вал-

дайскіе горы, замѣчаетъ Второвъ, поладились намъ нѣсколько лошадиныхъ труповъ и костей, лежащихъ близъ дороги. Нѣтъ ли здѣсь волковъ? спросилъ я извозчика. Нѣтъ, сударь! Это падали лошади какъ ѣхала царская свита. Скачутъ имъ вѣсть какъ, лошади-то и не выдержутъ!" Въ Зимогорь путешественнику надоѣдали валдайскими баранками. Сначала щедро надѣлила его ими хозяйка крестьянской избы, въ которой онъ остановился; потомъ явились двѣ старухи и навязывали ему свой товаръ. Герой нашъ ловко отдѣлался отъ новой локулки, подаривъ торговкамъ прежнюю, которую онъ взялъ съ радостію. Бабы разболтались. Одна изъ нихъ разказала что она воспитываетъ покинутое дитя, прибавивъ: „видно, ваша братія, проѣзжіе, поцѣловали горячо за баранки какую-нибудь дѣвушку!“ Выпросивъ у Второва денегъ для своего питомца, старуха хотѣла еще прислать дочерей своихъ съ баранками. „Цѣлуй ихъ какъ хочешь!“ сказала она при уходѣ. Баранки преслѣдовали Второва и въ самомъ Валдаѣ, гдѣ въ рядахъ „милосивидныя дѣвушки съ улыбкою выманули“ у него нѣсколько денегъ. Въ Новгородѣ, для обозрѣнія этого города, нашъ путешественникъ остановился на полсутокъ. Онъ прибылъ туда 4го мая, въ воскресенье. Погода стояла чудесная. Пѣшкомъ онъ обошелъ почти весь городъ. Постоялъ и помечталъ на Волховскомъ мосту, заходилъ въ нѣкоторыя церкви; былъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ служилъ архіерей и гдѣ было большое стеченіе публики и, между прочими, губернаторъ и много „новгородскихъ красавицъ“. Послѣ обѣди ему захотѣлось осмотрѣть Городище и отыскать признаки существованія „древнѣйшаго города Славянска“. Въ это время Городище отдѣлялось отъ города разливомъ Волхова, еще не вшедшаго въ берега. Иванъ Алексѣевичъ отправился на лодкѣ. Съ нимъ плыла одна новгородская мѣщанка, старуха. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Ты здѣсь родилась, бабушка? спросилъ Второвъ.

— Здѣсь, батюшка! отвѣчала старуха. — Родители мои были архіерейскіе служки. Мы жили прежде въ Городищѣ и давно уже переселились въ Новгородъ. А ты, мой батюшка, зачѣмъ ѣдешь въ Городище, не къ Елизару ли Максимовичу?

— Нѣтъ, бабушка. Я тамъ никого не знаю: я проѣзжающій. Вду погулять, посмотрѣть.

— А я ѣду къ Палагеѣ Тригорьевнѣ, продолжала слово-

охотливая старуха:—она мнѣ лаеманница, да и Елизаръ-то Максимовичъ мнѣ родственникъ.

— Кто они такіе? спросилъ Второвъ.

— Кожевники, отвѣчала старуха.

— Ты уже давно живешь на свѣтѣ и въ Новгородѣ. Скажи-ка, бабушка, не слыхала ли ты чего о старинѣ здѣшней, о Гостомыслѣ, о Вадимѣ, Марѣ Посадницѣ?

— Чтѣ это, батюшка, святые что ли были?

— Нѣтъ, это въ старину извѣстные здѣсь были люди, по ихъ знатности и могуществу.

— Нѣтъ, батюшка, я объ нихъ ничего не знаю. А вотъ слышала что на этомъ берегу (старуха показала на Торговую сторону) жилъ Арсеній преподобный, а на томъ Никола Качановъ. Они, мои батюшки, спасались въ своихъ кеахъ, вѣзали другъ къ другу въ лодочкахъ, да однажды какъ-то поссорились. Арсеній преподобный погналъ Николу Качанова съ своего берега. Онъ любѣжалъ черезъ его огороды и ухватилса за кочанъ калусты. Арсеній преподобный сказалъ тогда: „Будь ты отнынѣ и до вѣку Никола-Кочаный!“ Такъ онъ и понынѣ называется. Какое было мѣсто славное на этомъ берегу! Арсеній преподобный назначилъ самъ себѣ здѣсь могилку — чтобъ его не трогали отсюда, какъ онъ умретъ; однако посаѣ перенесли его, батюшку, въ Кирилловъ монастырь.

— Отъ кого это ты слышала, бабушка? спросилъ Второвъ.

— Какъ, батюшка! Здѣсь всѣ малые ребятки это знаютъ.

Перевозчикъ подтвердилъ разказъ старухи. Въ Городищѣ Иванъ Алексѣевичъ нашелъ нѣсколько жалкихъ лачугъ, страшную нечистоту и зловоніе. На возвышеніи стояла каменная церковь, пустая; вокругъ видѣлось распаханное поле, а по немъ кое-гдѣ торчало нѣсколько засохшихъ и поломанныхъ яблонь,—жалкіе остатки прежняго архіерейскаго сада. Никакихъ слѣдовъ „великаго Славянска“, разумѣется, онъ не нашелъ, чтѣ однакожь дало ему поводъ помечтать о древнихъ нашихъ предкахъ и о суетности человѣческой жизни. Полюбовавшись прекраснымъ видомъ, открывавшимся съ возвышенія, подлѣ самой церкви, нашъ путешественникъ рѣшился посѣтить Юрьевъ монастырь. Но въ этомъ монастырѣ не нашелъ онъ тогда ничего замѣчательнаго. Старинный

садъ былъ въ страшномъ залуствіи; и только нѣсколько барынь, сидящихъ подъ открытыми окнами въ гостяхъ у эконома, обратили на себя вниманіе недовольнаго путешественника: онъ любезно отвѣтилъ на его поклонъ. До берега провожалъ его сѣдой монахъ, не чисто говорившій порусски. Оказалось что онъ былъ Прусакъ, по фамиліи Ливтвортъ, взятый въ плѣнъ Русскими, и что онъ живетъ въ Россіи лѣтъ сорокъ. Принявъ православіе, онъ поступилъ въ монашество (подъ именемъ Іосифа), былъ іеромонахомъ на кораблѣ *Двенадцати Апостоловъ*, во время послѣдней войны съ Франціею, въ Голландіи и Англіи, а въ Юрьевъ перешелъ на окончателный покой, который и пожелалъ ему найти здѣсь Второвъ.

По мѣрѣ приближенія къ Петербургу, мечты юнаго провинціала, въ первый разъ вѣзжавшаго въ сѣверную столицу, разгарались; воображеніе работало сильно; но сѣренькое небо, жестокій вѣтеръ и мотросившій дождикъ въ состояніи были охладить самое пылкое воображеніе. Непроглядный туманъ висѣлъ надъ Петербургомъ. О близости громаднаго города можно было догадываться только слустившись съ Пулковой горы. Не взирая на дождь и вѣтеръ, отъ самаго Царскаго Села, бѣольшую часть дороги нетерпѣливый путешественникъ шелъ плѣшкомъ. Каждый предметъ останавливалъ его вниманіе, даже верстовые столбы сдѣланные „изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, пирамидаальными фигурами“. На 10й верстѣ блеснулъ Адмиралтейскій шпиль; на пятой показались красныя крыши и ярко блистающія главы Никола Морскаго. Вотъ и застава; но ничего кромѣ громады крышъ и нѣсколькихъ церквей, не видно. Гдѣ же великолѣпный городъ, о которомъ мечталось столько времени нашему самарскому литератору, о которомъ разказываютъ всѣ столько чудесъ?... „И такъ меня обманул!“ думаетъ озадаченный путешественникъ, приказавшій вести себя въ Семеновскій Полкъ. Вдѣтъ онъ по улицамъ: мостовая екверная, строеніе посредственное, грязь, ничего великолѣпнаго.... Совершенно разочарованнымъ вѣзжаетъ Второвъ въ квартиру своихъ друзей, Семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Усовыхъ, Петра и Александра Николаевичей, встрѣтившихъ его съ распростертыми объятіями.

V.

(1802—1804).

Петербургъ. Осмотръ достопримѣчательностей.—Поѣздка въ Петергофъ.—Петербургскія знакомства.—Публичныя лекціи Смильковскаго, Сѣвергина, Озерецковскаго, Захарова и Самостьянова.—Петербургскій театръ и литература.—Семейство Авдѣевыхъ.—Выставка въ Академіи Художествъ.—Прогулка по Петербургу.—Дуэль князя Щербатова съ принцемъ де-Саксомъ.—Знакомство Второва съ Семеловскими офицерами.—Встрѣча съ государемъ.—Петергофскій праздникъ.—Дядька Никитишка.—Стрѣльба.—Отъѣздъ въ Москву.—А. А. Соколовъ.—С. Е. Крстковъ.—Возвращеніе въ Симбирскъ.—Дурасовы и Мильковичи.—Странствованіе по помѣщикамъ.—Спектакли въ домѣ Жадовскихъ, въ Симбирскѣ.—Село Архангельское, имѣніе Намумовыхъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Иванъ Алексѣевичъ Второвъ послѣдшилъ познакомиться съ тѣми домами которыми онъ былъ отрекомендованъ въ Москвѣ, отыскать прежнихъ знакомыхъ и осмотрѣть слѣдующія петербургскія достопримѣчательности: Зимній Дворецъ, Адмиралтейство, Петропавловскую крѣпость, Кунсткамеру, Готторбскій глобусъ, Таврическій дворецъ, Невскій монастырь, стеклянный и фарфоровый заводы и Эрмитажъ. Въ Зимнемъ Дворцѣ онъ замѣтилъ что кабинетъ императора Павла оставался въ томъ же видѣ въ какомъ былъ и при немъ. При входѣ въ Эрмитажъ вниманіе его остановилось на надписи на доскѣ золотыми буквами; то были: *Правила для входящихъ.* Вотъ что говоритъ Второвъ по поводу этихъ правилъ:

„Безсмертная, нѣжная мать наша Екатерина, которой великая душа царствуетъ нынѣ въ небесномъ Эрмитажѣ, какъ добрая хозяйка приглашаетъ сюда всѣхъ кто имѣлъ право тогда входить при ней и просить оставить за дверьми шляпы, шляпы, чины и мѣстничества, быть всѣмъ равными, обращаться просто, кому какъ угодно, какъ въ собственномъ домѣ своемъ, однакожь безъ шума и безъ ссоры. Въ противномъ случаѣ, преступившій правила сіи, долженъ вылить стаканъ воды и прочитатъ вслухъ страницу *Телемахида* Третьяковскаго, а за вторичное преступленіе цѣлую главу.“

Изъ картинъ вниманіе Второва обратила на себя особенно одна, изображавшая покойнаго императора въ своемъ семействѣ и отличававшаяся поразительнымъ сходствомъ. Павелъ I сидитъ въ креслахъ и ласкаетъ Анну Павловну и Николая Павловича, обнимающихъ его колѣни. Михаилъ Павловичъ сидитъ у ногъ его на полу, съ барабаномъ. Императрица Марія Феодоровна разговариваетъ съ Маріей и Екатериной Павловнами, а Александра Павловна и Елена Павловна, обнявшись, „идутъ отъ нихъ съ печальными лицами въ изображенный вдали лѣсъ“. Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ стоятъ у бюста Петра I, а вдали, подъ кипарисами, поставленъ бюстъ Ольги Павловны*. Въ Таврическомъ дворцѣ поразило нашего путешественника тогдашнее его залуствіе. „На развалины великолѣпнаго Таврическаго дворца, говоритъ онъ, взглянулъ я со вздохомъ. Видѣлъ обломанныя колонны, облупленныя пальмы и теперь еще поддерживающія своды, а въ огромномъ залѣ съ колоннадой украшенной барельефами и живописью, гдѣ прежде царствовали утѣхи, пышность и блескъ, гдѣ отзывались звуки: „Громъ побѣды раздавайся!“ Чтѣ вы думаете теперь? Дымящійся лошадиный навозъ!... вмѣсто гармоническихъ звуковъ раздается хлопанье бичей, а вмѣсто танцевъ бѣгаютъ лошади на кордѣ: залъ превращенъ въ манежъ! Романическій садъ лопытѣ еще привлекаетъ всѣхъ для прогулки въ немъ. Тутъ поставлена чрезъ одинъ прудъ славная модель Булибина механическаго моста для Невы. На бесѣдкахъ и храмикахъ стѣны и двери исписаны сквернословными стихами и прозой.“ Въ Александро-Невской Лаврѣ показывали Второву пустую могилу императора Петра III, тѣло котораго, какъ извѣстно, было перенесено въ Петропавловскій соборъ по приказанію Павла Петровича. На Невскомъ кладбищѣ нашъ самарскій философъ обратилъ вниманіе на надгробные памятники со множествомъ надписей, по его словамъ, трогательныхъ и карриатурныхъ. „Какой блескъ, какая гордость и надъ прахами, восклицаетъ онъ,—большая часть достоинствъ покойныхъ значится въ ихъ чинахъ, родѣ и орденахъ“. Такова была надпись на памятникѣ генерала

* Въ „Каталогѣ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣка“, составленномъ г. Петровымъ (Спб. 1870), этой картины нѣтъ.

Турчанинова. „Съ чувствованіемъ почтенія взглянулъ онъ на могилу отца нашей словесности Ломоносова“ и остановился съ особеннымъ вниманіемъ надъ памятникомъ поставленнымъ надъ дочерью Демидова. Памятникъ изображалъ мраморную груллу, состоявшую изъ матери и мертвого младенца, лежавшаго во гробѣ. Мать наклонилась къ нему съ печальнымъ лицомъ, на которомъ видны слезы. Скорбь ея выражалась слѣдующими стихами, высѣченными на гробницѣ:

Давно ль я счастлива была?
 Давно ли ты, мой другъ, какъ ангелъ улыбалась!
 Съ тобой я счастье погребла;
 Одна печаль, одна любовь со мной осталась.

Ни покоя, ни усталости не зналъ нашъ путешественникъ въ своихъ странствованіяхъ по Петербургу, томимый желаніемъ все видѣть. Въ квартирѣ Усовыхъ, въ обществѣ Семеновскихъ офицеровъ, онъ наслаждался самымъ приятнымъ отдыхомъ, о которомъ даетъ понятіе слѣдующая картина, набросанная 22го мая: „Сижу подъ окномъ, противъ коего караулъ Семеновскаго полка стоитъ во фронтѣ. Любезный Петръ Николаевичъ вытягивается съ своимъ эксклентомъ предъ усатыми гренадерами; я улыбаясь грожу ему пальцемъ. Вдали слышны голоса лѣсенъ, роговая музыка и глухой шумъ отъ каретъ. Двѣ главы Исакиевской церкви * видны черезъ крыши домовъ, въ прямой чертѣ отъ меня. Мимо оконъ нашего дома, по тротуару, проходятъ красавицы подъ флеромъ; на улицѣ кареты поднимаютъ облака пыли. Въ комнатѣ расхаживаетъ милый, чувствительный мой другъ, Александръ Николаевичъ, въ своемъ плафрокѣ, и разговариваетъ со мною. Я въ самомъ приятномъ расположеніи духа.“

29го мая Второвъ съ своими хозяевами и П. Л. Флоровымъ отправился, въ открытой коляскѣ, въ Петергофъ. „Прекрасные виды природы и искусства, говоритъ онъ, утѣшали меня во всю дорогу, особливо отъ Петербурга до Краснаго Кабачка. По обѣимъ сторонамъ гладкой перспективы построены мызы, или загородные дома, лучшей архитектуры, съ англійскими садами и прудами. Живущіе въ сихъ мызахъ казались мнѣ блаженными людьми, царствующими въ райскихъ селеніяхъ.“ Выѣхавъ изъ Петербурга въ

* Прженей, до Монферановской; постройки.

8 часовъ вечера, наши путешественники прибыли въ Петергофъ далеко за полночь. Они хотѣли остановиться въ домѣ вѣжкого Чилелева, но какъ хозяева спали, да домъ и безъ того былъ половъ гостей, поэтому они вынуждены были расположиться въ трактирѣ. На другой день они осмотрѣли Верхній Сады, дворецъ, фонтаны, Марлинъ Домикъ, Березовый Домикъ, Монплезиръ; описаніе всѣхъ этихъ мѣстъ, ослѣвленное Второвымъ, ничего не представляетъ любопытнаго для современнаго читателя. У Чилелева Второвъ и его спутники обѣдали и играли въ бостонъ. Но отыгравши партію, они опять пошли къ Монплезиру и до 8 часовъ вечера гуляли по Нижнему Саду. Самарскій степнякъ былъ въ восторгѣ отъ тогдашнихъ петергофскихъ чудесъ. Первыми лицами съ которыми тотчасъ же встрѣтился Второвъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, были: Григорій Борисовичъ Кошелевъ, московскій его знакомый, и Павелъ Александровичъ Цызаревъ. О послѣднемъ вотъ въ какихъ словахъ выражается Второвъ: „Сей любезный человекъ ослѣдился мнѣ сердечнымъ другомъ. Мы часто бесѣдуемъ съ нимъ о суетѣ большаго свѣта, который довольно знакомъ ему, по его чину, воспитанію и связямъ съ первѣйшими особами. Случайныя услѣпки счастья не развратили его добраго, чувствительнаго сердца, можетъ-быть потому что онъ не слишкомъ богатъ“. 2го іюня Иванъ Алексѣевичъ былъ именинникъ. Этотъ день онъ провелъ у Цызарева, который для него никуда не выѣзжалъ и никого къ себѣ не принималъ. Вечеромъ они были въ Лѣтнемъ Саду, гдѣ нашъ путешественникъ встрѣтился съ своимъ стариннымъ знакомымъ, Антономъ Андреевичемъ Платономъ, имѣвшимъ свой домъ въ 14й линіи. Впрочемъ, число знакомыхъ Второва возрастало съ каждымъ днемъ. По воскресеньямъ въ то время на Дворцовой площади бывали царскіе смотры, или, какъ ихъ тогда называли, *keyser-paraden*. Здѣсь собирались всѣ караулы находящихся въ Петербургѣ войскъ и проходили церемональнымъ маршемъ мимо дворца, въ присутствіи государя, который въ это время стоялъ безъ шляпы. 13го іюня Ивану Алексѣевичу въ первый разъ пришлось посѣтить Петербургскій театръ. По случаю поправки Большаго Театра, играли тогда въ деревянномъ театрѣ Аничковскаго дворца. Шла комедія *Охота сватать* и балетъ *Александръ Македонскій*. Петербургскіе актеры, по мнѣнію Второва, ничѣмъ не отличались отъ москов-

скихъ, а Шушеринъ положительно ему не понравился, по своему силоватому голосу. Тѣснота въ театрѣ была ужасная. Герой нашъ былъ въ партерѣ и все время представленія долженъ былъ простоять на ногахъ; въ началѣ балета съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, еслибы какой-то „чувствительный“ гвардейскій офицеръ не помогъ ему на чемъ-то присѣсть.

Лѣтомъ 1802 года въ Петербургѣ читались публичныя лекціи, по четыре дня въ недѣлю. * Въ понедѣльникъ, въ четыре часа пополудни, у Обухова моста, въ домѣ Лелехина, читалъ ботанику адъюнктъ Смѣлковскій. Во вторникъ, поутру, въ Кунсткамерѣ читали профессора: Сѣвергинъ минералогію и Озерецковскій зоологію; въ тотъ же день, послѣ обѣда, въ физическомъ кабинетѣ Академіи Наукъ адъюнктъ Захаровъ читалъ физику и химію. Въ четвергъ утромъ, въ Кунсткамерѣ, читались минералогія и зоологія, а послѣ обѣда, въ Ботаническомъ Саду Лелехина—ботаника. Въ пятницу, послѣ обѣда, въ Академіи Наукъ—физика и химія. Иванъ Алексѣевичъ почти не пропускалъ этихъ лекцій, особенно въ Кунсткамерѣ и въ физическомъ кабинетѣ при Академіи; но слушателей на этихъ лекціяхъ было чрезвычайно мало, не болѣе двадцати человекъ; впрочемъ между ними бывали и дамы. Причина такого явленія лежала частію въ неподготовленности публики, частію въ самихъ лекторахъ. Вотъ что говоритъ Второвъ о послѣднихъ: „Мнѣ не понравился г. Озерецковскій потому болѣе что слишкомъ много вмѣшиваетъ латыни въ свои лекціи, излишне повторяетъ и отвлекается отъ настоящей матеріи посторонними сужденіями. Напримѣръ говоря о миссіонерѣ, исцѣлившемся чрезъ вампира, онъ слишкомъ откровенно и свободно изъяснялъ свои мысли о религіи, и на публичныхъ лекціяхъ!“ Въ другой разъ тотъ же Озерецковскій, на публичной лекціи, около часа читалъ на латинскомъ языкѣ изъ книги Альдрованди разказы объ осѣ. О лекціяхъ Смѣлковаго Второвъ отзывается не лучше: „Забавно было слушать ледантическій языкъ безъ привычки. Онъ (лекторъ) часто отвѣчалъ на вопросы слушате-

* Любопытныя подробности объ этихъ лекціяхъ и еще любопытнѣйшія характеристики лекторовъ (напримѣръ Озерецковаго) представляетъ Гречъ въ своихъ запискахъ (*Русс. Арх.* 1878, I, 709—716). О началѣ этихъ чтеній, устроенныхъ княгиней Е. Р. Дашковой, см. *Ухомякова, Ист. Росс. Акад.* I, 29—30.

лей латинскимъ языкомъ, пополамъ съ русскимъ, думая что всѣ могутъ понимать его. "Изъ всѣхъ чтецовъ Второвъ хвалить только одного адъюнкта Севастьянова, бывшаго прежде библиотекаремъ у великаго князя Константина Павловича; въ разговорахъ его, замѣчаетъ онъ, видно болѣе свѣдѣній и учтивости".

21го іюня Второвъ поѣхалъ въ Кронштадтъ съ своими законными, А. М. Коволиннымъ и А. А. Шиловскимъ. Онъ распространяется о своихъ спутникахъ въ этомъ недалекомъ плаваніи и между прочими объ одномъ Англичанинѣ, графѣ Патенѣ, служившемъ въ нашемъ флотѣ. Этотъ Патенъ, какъ видно человекъ бывалый, осматривалъ Геркуланъ и Помпею и рассказывалъ ему о тамошнихъ находкахъ. На другой день, въ Кронштадтѣ, въ Англицкомъ трактирѣ, гдѣ остановились петербургскіе пріѣзжіе, Второвъ разговорился съ другимъ иностранцемъ, путешествовавшимъ по Европѣ, съ какимъ-то Швейцарцемъ. Этотъ послѣдній расхваливалъ Петербургъ и дворянство, но былъ пораженъ невѣжествомъ русскаго простаго народа. Въ Кронштадтѣ пробылъ нашъ путешественникъ двое сутокъ и возвратился въ Петербургъ черезъ Ораниенбаумъ и Петергофъ. Третья встрѣча съ замѣчательнымъ иностранцемъ случилась позднѣе, въ домѣ Цызарева. То былъ нѣкто Оливьери, родомъ Венеціанецъ или Албанецъ, подавшій, какъ говорили, первую мысль императору Павлу о завоеваніи Индіи. По словамъ Второва, этотъ господинъ былъ лѣтъ сорока, ведурень собою, одѣтъ былъ по-турецки, съ бритою головою, въ тибетейкѣ и туфляхъ. Въ этомъ костюмѣ онъ щеголялъ по всей Европѣ, а въ Азіи носилъ европейское платье. Съ хозяиномъ онъ говорилъ по-французски, но зналъ будто бы всѣ европейскіе и азіятскіе языки живые и мертвые.

24е іюня ознаменовалось въ Петербургѣ нѣкоторымъ образомъ литературнымъ событіемъ: давали въ первый разъ драму Ильина (Ник. Ив.), *Луиза, или Торжество Благодарности*. * Піеса была принята съ восторгомъ, автора вызывали.

* Объ Ильинѣ очень подробно говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ *Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаніяхъ*. Ильинъ былъ еще авторомъ другой піесы, *Рекрутскій Наборъ*. Успѣхъ этихъ піесъ на сценѣ, очевидно, котораго былъ Аксаковъ, свелъ автора изъ свѣта. Бѣдняга воображалъ себя великимъ писателемъ, ничего не дѣлалъ и жилъ въ крайней бѣдности въ Москвѣ. Слабость къ

Но такъ какъ онъ не показывался и публика не позволяла продолжать представленія; поэтому директоръ долженъ былъ отправиться разыскивать его и, нашедъ гдѣ-то въ партерѣ, представилъ публикѣ изъ своей ложи. Руколясканіямъ не было конца; авторъ піесы былъ растроганъ до слезъ. Послѣ того, по требованію публики, піеса эта была играна нѣскольکو дней къ ряду. Государь прислалъ Ильину въ подарокъ драгоценный перстень. Не отрицая достоинствъ піесы, Второвъ замѣчаетъ что Ильинъ обязанъ своимъ успѣхомъ игрѣ актеровъ, „которые разыгрывали ее (*Лизу*) весьма естественно и съ превосходнымъ искусствомъ“. Заговоривъ о литературѣ и литераторахъ, выбираемъ изъ дневника Второва тѣ мѣста которыя непосредственно относятся до этого предмета. Литературная производительность была въ эту пору самая неблестящая: Иванъ Алексѣевичъ говоритъ всего о трехъ-четырехъ новыхъ піесахъ. Вотъ его отзывъ. „Читалъ (11го іюля) книгу *Лилія*, сочиненную коллежскимъ архивариусомъ Алексѣемъ Поповымъ, читалъ, смѣялся и сожалѣлъ о бѣдномъ авторѣ! А еще болѣе удивлялся, какъ г. Шелелевъ (одинъ изъ знаемыхъ) отъ чистаго сердца хвалилъ такое глубое сочиненіе“. 14го іюля, онъ посѣтилъ опять театръ съ новыми своими знакомыми, братьями Чагиными (Алек. и Дан. Фед.). Давали: трагедію *Безбожнѣй* * и балетъ *Новый Вертеръ*. Яковлевъ, по словамъ Ивана Алексѣевича, и Каратыгина играли прекрасно; но Шущеринъ не твердо зналъ свою роль и не у мѣста кричалъ; „словомъ, замѣчаетъ критикъ, я не нашелъ въ немъ того славнаго актера, котораго превозносили въ Москвѣ“. Сахаровъ, несмотря на странность своей жестикуляціи, игралъ не хуже Шущерина. Трагедія не удовлетворила вкусу нашего самарскаго литератора: „монологи предлинные, говоритъ онъ, а штиль и неупотребительныя слова противны слуху. Сколько педантизма, славянщины, восклицаній — увъ!... *Сіе, оное, мню, престань, колико* и пр., и пр.“ Авторъ балет-

знати и желаніе казаться богатымъ составляли второй пунктъ его помѣшательства. Вызовъ Ильина замѣчательнъ какъ первый вызовъ автора на русской сценѣ.

* *Лилія* напечатана въ Москвѣ, въ типогр. Кражева, Готье и Мез, 1802. Трагедія *Безбожнѣй*, въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Браве, переводъ Нв. Елагина. М. Въ типогр. Клаудія, 1786 года. Второе изданіе напечатано въ слѣдующемъ году въ типографіи Компаніи Типографовъ.

та *Новый Вертеръ* на афишѣ значился Вальдбергомъ, а на самомъ дѣлѣ былъ Лѣсогоровымъ. * Сказавши объ этомъ, Иванъ Алексѣевичъ ставитъ слово *преглумо* съ точками, не-извѣстно, относя ли свою аттестацію къ такому переводу фамиліи или къ содержанію балета, котораго онъ не одобряетъ. Во французскомъ театрѣ Второвъ былъ всего одинъ разъ, кажется, по недостаточному знанію имъ французскаго языка. Давали какую-то комедію и балетъ *Геркулесъ*. Въ комедіи отличался Ла-Рошъ, въ балетѣ—Пикъ, чета Дидло, Розъ-Колометъ и Констанція. Объ игрѣ французскихъ актеровъ Иванъ Алексѣевичъ приводитъ мнѣніе Петербуржца (Цыза-рева), назвавшаго ихъ *господами*, по отношенію къ русскимъ актерамъ, которые не болѣе какъ *слуги*. 26го іюля, Второвъ прочиталъ вновь вышедшую книгу: *Не встѣлъ на вкусъ рѣдкая чета*. ** „Мнѣ приходила, говоритъ онъ, сильная охота написать рецензію; но подумалъ что такой трудъ бесполезенъ: книга не стоить даже вниманія; и оставилъ.“ Въ числѣ петербургскихъ знакомыхъ Второва былъ нѣкто Николай Петровичъ Авдѣевъ, жившій гдѣ-то на Васильевскомъ Островѣ, у котораго Иванъ Алексѣевичъ бывалъ очень часто. Семейство Авдѣевыхъ, кажется, было литературное, по крайней мѣрѣ, здѣсь велись литературные разговоры, а сынъ хозяина, Сергѣй Николаевичъ, писалъ стихи. Въ домѣ Авдѣевыхъ Второвъ познакомился съ извѣстнымъ въ послѣдствіи

---

* О всѣхъ названныхъ выше актерахъ, особенно о Шушеринѣ и Яковлевѣ, очень подробно говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ *Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаніяхъ*. Шушерину онъ посвящаетъ особую главу въ своей *Семейной Хроникѣ* (стр. 375—455, 1е изд.). Вигель и Жихаревъ, особенно послѣдній, также говорятъ не мало о театрахъ въ обихъ столицахъ. До 1806 года въ Москвѣ не было казеннаго театра, а только частный, содержимый нѣкимъ Медоксомъ. Актеры Медоксовой труппы почти на половину состояли изъ оброчныхъ крѣпостныхъ людей. По свидѣтельству Жихарева, съ нами не церемонились. Ихъ даже въ театральныхъ афишахъ постоянно отличали отъ свободныхъ артистовъ тѣмъ что на достоинства прибавляли къ ихъ фамиліи букву *Г.* (*господина* или *губа*). Это право они приобрѣли только съ того времени когда Московскій театръ сдѣлался Императорскимъ, событіе нетерпѣливо ожидавшееся этими бѣдняками.

** Сочиненіе какого-то П. В., вышедшее въ Петербургѣ въ 1802 году, типографія Академіи Наукъ.

баснописцемъ, Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ.* „Измайловъ, говоритъ Второвъ, будучи тогда однихъ лѣтъ со мною или годомъ моложе, былъ извѣстенъ только однимъ романомъ, *Иванъ Лукичъ Негодяевъ*, осмѣяннымъ въ *Новостяхъ* Голубкова,** и нѣкоторыми мелкими стихотвореніями;“ но по своему самохвальству и непривлекательной фizioноміи, по смуглому и суровому лицу, Александръ Ефимовичъ не понравился Второву. Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Авдѣевымъ у нашего героя случилась цѣлая исторія, рисующая тогдашніе литературные нравы. Молодой Авдѣевъ, какъ мы сказали, писалъ стихи, которые онъ не рѣдко показывалъ Второву; этотъ послѣдній поправлялъ ему ошибки. Но разъ случилось что Сергѣй Авдѣевъ, вмѣсто своихъ, показалъ ему стихи чужіе, но выдавалъ ихъ за свои. Второвъ уличилъ его въ этомъ подлогѣ и, какъ другъ семейства, прочелъ ему наставленіе о скромности и о неприличіи самохвальства. Отецъ, слышавшій это наставленіе изъ другой комнаты, въ которую дверь была затворена, бросился на шею къ Ивану Алексѣевичу и началъ его благодарить за любовь къ сыну. „Сія минута, говоритъ Второвъ, была для меня восхитительна и неожиданна: мы всѣ трое плакали“. О поползновеніи къ литературнымъ подлогамъ Второвъ разказываетъ еще въ одномъ письмѣ изъ Москвы. Разъ онъ зашелъ въ Университетскую книжную лавку для покупки книгъ. Здѣсь онъ нашелъ какого-то молодого человѣка (Кунина,*** какъ оказалось^б потомъ),

* Въ послѣдствіи извѣстный баснописецъ и журналистъ, издатель *Благонамѣреннаго* (1818—1826) и (вмѣстѣ съ П. Яковлевымъ) *Календаря Музъ*, на 1826—1827. См. о немъ въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля (ч. III, 153) и Панаева (*Вѣстникъ Европы* 1867, т. III, стр. 264).

** *Новости*, ежемѣсячное изданіе на 1799 (съ мая по сентябрь). Издалъ Петръ (Ивановъ) Голубковъ, 4я кн. Слб. Тип. Медицинской Коллеги. Романъ Измайлова *Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества* (2 ч. 1799—1801) въ сатирическомъ родѣ и пользовался заслуженною популярностью. Герой романа не Иванъ, а Евгеній.

*** Кунинъ Николай—переводчикъ съ французскаго, напечатавшій (М. Т. Университет. 1806) стихи въ честь адмирала Мордвинова, по случаю избранія послѣдняго начальникомъ Московскаго ополченія. Книга *Жестокая Истина* или *Неосторожный Опытъ*, соч. д'Арно, напечатана Кунинымъ въ 1796 году (М. Универс. Тип.). Названный Второвымъ князь Мещерскій долженъ быть авторъ оды императору

который разспрашивалъ кто издалъ недавно напечатанную книгу, въ стихахъ, *Юлія, письмо къ другу*, утверждая что эта *Юлія* его переводъ съ французскаго, напечатанный имъ прежде особою книжкой, вмѣстѣ съ другою піесой, подъ названіемъ *Жестокая Истина*. *Юлія* лежала на прилавкѣ. Второвъ, взявъ книжку въ руки и прочитавъ нѣсколько стиховъ, намекъ что они ему знакомы и что онъ читалъ ихъ прежде, въ рукописи. Стихи приписывались московскому литератору, князю Проколію Васильевичу Меццерскому. Мнимые авторы или переводчики, конечно, воспользовались бывшимъ тогда въ обычаѣ рукописнымъ распространеніемъ литературнаго товара. Юный литераторъ сконфузился отъ обличенія Второва и началъ увѣрять что піеса Меццерскаго называется *Эмлой*, а эта *Юлія* — его переводъ. „Я подивился, говорить Второвъ, страшному шарлатанству такихъ авторовъ, которые присвоиваютъ себѣ чужіе таланты и труды.“

Въ концѣ іюня въ Академіи Художествъ открылась годичная выставка. Иванъ Алексѣевичъ довольно подробно описываетъ какъ самую Академію, такъ и эту выставку. Въ одной изъ залъ остановилъ его вниманіе портретъ императора Павла, во весь ростъ, въ порфирѣ и коронѣ, работы Боровиковскаго, отличавшійся поразительнымъ сходствомъ. * „Многіе служившіе при немъ, замѣчаетъ Второвъ, и часто видѣвшіе его, останавливаются съ какою-то робостію, взглянувъ нечаянно на сію картину.“ Изъ картинъ находящихся въ Академіи публика обращала тогда особенное вниманіе на произведенія Угрюмова, — на его три картины: *Избраніе на престолъ Михаила* и *Покореніе Казани*, написанныя по заказу императора Павла и хранящіяся нынѣ въ Эрмитажѣ, и *Испытаніе силъ Усмара*, принадлежащую Академіи. **

Павлу I въ день его рожденія, напечатанной безъ обозначенія времени и мѣста. Другой князь Василій Меццерскій, переводчикъ сочиненія Вольтера *О несогласіяхъ церквей въ Польшѣ*, напечатаннаго въ 1778 году (М. Унив. Тип.), вѣроятно, былъ отецъ стихотворца.

* О Боровиковскомъ см. *Жизнпись и Живописцы* Андреева, стр. 492—494. Портретъ этотъ нынѣ принадлежитъ Департаменту Удѣловъ. (См. *Каталогъ истор. выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII в.*, Петрова, № 641, стр. 174.)

** (Съ Угрюмовъ см. у Андреева *Жизнпись и Живописцы*, стр. 491—492)

Флакируя по Петербургу по дѣлу и отъ бездѣлья, Второвъ не оставлялъ безъ вниманія ничего. Онъ ходилъ по Гостиному Двору, бывалъ на биржѣ, чаще всего посѣщалъ книжныя лавки, гдѣ, разумеется, покупалъ и книги, навѣщалъ и трактиры, и „ресторациі“. Изъ послѣднихъ онъ съ особенною похвалою отзывается о находившейся на Васильевскомъ Островѣ и содержимой нѣкою Нѣмкой, мадамъ Рейслеръ. Къ ней онъ заходилъ нерѣдко обѣдать послѣ публичныхъ лекцій въ Кувсткамерѣ. Ресторациа обозначалась вывѣскою „Здѣсь кушаютъ“ и привлекала къ себѣ публику дешвою, по тогдашнему времени, цѣною: за 55 копѣекъ Мше Рейслеръ отпускала три вкусныхъ блюда, кисляя щи со льдомъ, чашку кофе и трубку табаку. Любилъ нашъ герой и „воинственную живость красивыхъ Марсовыхъ полей“, разныя парады и ученья, очень часто происходившіе на Царицыномъ Лугу, въ присутствіи государя, съ пальбою ружейною и пушечною. Отъ этой пальбы трещали и летѣли стекла въ сосѣднихъ домахъ. Царицынъ Лугъ былъ тогда плохо выровненъ: послѣ дождей долго стояли непросыхаемыя лужи, по которымъ солдаты маршировали чуть не по колѣна. Разказывая объ ученьи солдатъ Кегсгольмскаго полка, происходившемъ въ лагеряхъ, за 14ю линіей, въ присутствіи многочисленной публики, въ томъ числѣ и дамъ, Иванъ Алексѣевичъ сообщаетъ что тутъ же выводили изъ фронта солдатъ, отмѣченныхъ мѣломъ на сплнкѣ, и наказывали палками. „Это было оскорбительное зрѣлище, говорить онъ: я жалѣлъ о солдатской участи.“ Лагерь Кегсгольмскаго полка былъ разбитъ на низменномъ мѣстѣ; въ палаткахъ была грязь и вода; въ каждой палаткѣ помѣщалось по десяти человекъ. Любовался нашъ путешественникъ и тогдашними кадетами. Съ А. Н. Усовымъ онъ посѣтилъ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, гдѣ воспитывались два брата перваго, Алексѣй и Дмитрій. У воротъ стояла караульная будка; ружья были поставлены въ сошкахъ. Кадетикъ стоявшій на часахъ, увидя офицера въ гвардейскомъ мундирѣ, сталъ во фронтъ, ружье на плечо, и вызвалъ караулъ; взводъ этихъ маленькихъ солдатиковъ отдалъ Усову такую же честь. „Пріятно смѣтрѣть, замѣчаетъ на это Второвъ, какъ дѣти, вмѣсто игры, приучаются къ дисциплинѣ и ко всемъ экзерциціямъ военной службы!“ Салъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, имѣя прекрасныя пруды,

аллеи и бесѣдки, по воскресеньямъ привлекалъ къ себѣ цѣлыя толпы гуляющихъ мужчинъ и женщинъ, большею частью кадетскихъ родственниковъ. Чаше всѣхъ петербургскихъ гульбищъ нашъ путешественникъ посѣщалъ Лѣтній Садъ, въ которомъ ежедневно толлился весь петербургскій „бюмондъ“. Тогдашними львицами и первыми красавицами столицы были двѣ графини Шувалова и Зубова, вокругъ которыхъ толлился цѣлой рой поклонниковъ; Второвъ отдавалъ предпочтеніе первой. Моднымъ львомъ въ то время былъ князь Щербатовъ, только-что возвратившійся изъ-за границы, гдѣ онъ убилъ на поединкѣ принца Де-Сакса. Объ этой дуэли, надѣлавшей въ свое время столько шума, И. А. Второвъ рассказываетъ слѣдующія подробности. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, принцъ Де-Саксъ находился въ Петербургѣ и былъ знакомъ съ первѣйшими аристократическими семействами, въ томъ числѣ и со Щербатовымъ. Однажды, прогуливаясь лѣшкомъ, принцъ встрѣтился со Щербатовымъ, идущимъ верхомъ. На извѣстное французское привѣтствіе принца „какъ вы ложиваете (portez-vous, носитесь)“, Щербатовъ отвѣчалъ ему каламбуромъ: „Меня носить моя лошадь“. Принцъ обидѣлся и, при встрѣчѣ со Щербатовымъ въ театрѣ, далъ ему пощечину. Щербатовъ, гвардейскій офицеръ, по обычаю тогдашняго времени, былъ въ цивильномъ платьѣ, съ тростью въ рукѣ. Этою тростью онъ началъ бить по головѣ Де-Сакса. Обоихъ драчуновъ арестовали. Въ этой исторіи императрица приняла сторону Щербатова, которому покровительствовалъ фаворитъ, князь П. А. Зубовъ. Де-Сакса выслали за границу, съ запрещеніемъ вѣзда въ Россію; Щербатова отослали къ родителямъ для исправленія. Де-Саксъ, по выѣздѣ изъ Россіи, всю вину своего оскорбленія сталъ приписывать Зубову, котораго черезъ письма вызывалъ на дуэль, за границу. При Екатеринѣ на этотъ вызовъ не обратили вниманія; при Павлѣ, частію по строгости императора, частію по причинѣ удаленія Зубова отъ двора, принцъ молчалъ. Но, при вступленіи на престолъ Александра, когда князь Зубовъ опять появился при дворѣ, принцъ Де-Саксъ возобновилъ свою претензію и напечаталъ свой вызовъ въ иностранныхъ газетахъ, назначивъ Зубову мѣсто свиданія и поединка. Зубовъ принялъ вызовъ и поѣхалъ. Говорятъ „проѣзжая Варшаву, онъ подверженъ былъ оскорбленію Поля-

ковъ и даже опасности, за вліяніе его на послѣдній раздѣлъ Польши“. Князь Щербатовъ, узнавши о вызовѣ Зубова, поспѣшилъ его предупредить, чтобы самому драться съ принцемъ. Это ему удалось: дуэль состоялась близъ Аусиха, на границѣ Богеміи; Де-Саксъ, первый дуэлистъ въ Европѣ, былъ убитъ. Карамзинъ въ послѣдней книжкѣ издаваемого имъ тогда журнала *Вѣстникъ Европы* (іюль, стр. 163), напечатавъ извѣстіе объ этомъ поединкѣ, слѣдующими словами высказалъ свое мнѣніе о дуэли вообще: „Законодатели стращаютъ, философы доказываютъ, но ложное мнѣніе торжествуетъ, къ стыду разума и къ горести многихъ семействъ“. Но мнѣніе знаменитаго писателя только не многими раздѣлялось въ ту эпоху; къ числу ихъ принадлежалъ и нашъ герой. Большинство было въ пользу дуэли, а потому и князь Щербатовъ былъ самымъ моднымъ въ ту пору человѣкомъ во всемъ Петербургѣ. Семеновскій полкъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи такую знаменитость для Второва, по его отношеніямъ къ Усовымъ, сталъ почти своимъ: въ обществѣ Семеновскихъ офицеровъ онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ, для котораго не было тайнъ. Семеновцы особенно горячились по поводу этой дуэли, защищая дуэль вообще. Наибольшимъ краснорѣчіемъ въ пользу дуэли отличался нѣкто Власовъ (Александръ Серг.), капитанъ. Онъ называлъ дуэль „самымъ благороднымъ поступкомъ, благороднымъ мщеніемъ за обиженную честь. Прибѣгать къ защитѣ законовъ значитъ, по его словамъ, ябедничество и подлость; и тотъ кто не отомщаетъ за честь свою оружіемъ, подвергая опасности жизнь, не имѣетъ понятія о чести“. Изъ числа новыхъ знакомыхъ И. А. Второва едва ли не самымъ замѣчательнымъ былъ Василій Николаевичъ Антоновскій, курскій помѣщикъ, отличный хозяинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ со спеціальною цѣлью изучить фабричное и заводское дѣло, которое онъ, какъ замѣтно, и безъ того хорошо понималъ. Антоновскій жилъ въ квартирѣ Анненкова, семеновскаго офицера, сошелся со Второвымъ и таскалъ его съ собою повсюду при обзорѣніи петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, принадлежавшихъ тогда большею частію иностранцамъ, читая ему цѣлыя лекціи о незавидномъ у насъ состояніи этого дѣла. Такъ они осматрѣли: стеклянный и фарфоровый заводы; сахарный заводъ Володимірова, извѣстнаго богача при Екатеринѣ, но теперѣ принадлежавшій его „гаупому и безлечному“

сыну, вышедшему въ дворяне; чугунный заводъ Англичанина Берда: пороховые заводы и пр. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Антоновскій снималъ копию съ моделей и разныхъ машинъ.

Острова, окрестности Петербурга, дачи ближнія и дальнія были не разъ посѣщаемы нашимъ путешественникомъ въ его удивительныхъ прогулкахъ и съ своими друзьями, лѣшкомъ и въ экипажахъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ на Каменномъ Островѣ ему пришлось видѣть императора Александра Павловича. Объ этой встрѣчѣ (13го іюля) онъ разказываетъ слѣдующія подробности. „Тутъ (у дворца), во время присутствія государя, надобно было снять шляпу. Я поворотилъ въправо къ берегу и, проходя мимо дворца, нечаянно обернулся и увидѣлъ близъ себя императора, въ преображенскомъ мундирѣ, стоящаго безъ шляпы, возлѣ перила, и смотрящаго на заливъ. Такое неожиданное и близкое отъ меня присутствіе государя меня встревожило. Я прошелъ мимо его къ другому мосту, который соединяетъ Аптекарскій Островъ съ Каменнымъ. Тамъ нанялъ ботикъ и поѣхалъ на одну изъ трехъ яхтъ стоящихъ противъ дворца, на которой былъ пріятель мой лейтенантъ А. А. Платень. Въ сіе время государь стоялъ на берегу уже съ графомъ Толстымъ, который былъ во фракѣ, и смотрѣлъ на лавирующіе по заливу катеры. Я поѣхалъ мимо его, разстояніемъ не болѣе двухъ сажень. Мы пристали къ яхтѣ. Тутъ я увидался съ Платенемъ, который встрѣтивъ меня рекомендовалъ капитану сей яхты Гамильтону, изъ Англичанъ. Мнѣ показали всѣ каюты и комнату государя: онѣ убраны и меблированы прекрасно. Вышедши на палубу, мы смотрѣли какъ по приказанію государя подѣхалъ къ берегу одинъ изъ лавирующихъ катеровъ. Государь сѣлъ на него одинъ, безъ шляпы, и около часа плавалъ подъ ларусами по заливу; присталъ къ тому же мѣсту и вышелъ на берегъ. Катеръ подъ ларусами плылъ быстро къ берегу, и мы на яхтѣ слышали трескъ у самыхъ мостковъ пристани: это было отъ того что стоящій на носу матросъ при быстромъ приближеніи катера удержавшись къ мосткамъ переломилъ багоръ приставленный къ груди. Сіе разказывалъ намъ пріѣхавшій на яхту морской офицеръ Гамильтонъ. Вдругъ сдѣлалась тревога на нашей яхтѣ. Матросы и юнгы быстро взлѣзали на всѣ мачты, начали дѣйствовать ларусами по сигналу принимаемому съ другой яхты, бѣгали,

суетились, кричали, передергивали снасти. Мой пріятель Платень, съ рулоромъ въ рукахъ, смотрѣлъ на сигналы другой яхты, бросался къ мачтамъ и кричалъ что-то дѣйствующимъ на верху матросамъ. Гамильтонъ прыгалъ отъ досады что не скоро дѣйствуютъ, и бранился дурнымъ русскимъ языкомъ. Когда кончилась сія тревога, все успокоилось, и государь ушелъ съ берега во дворецъ.“ Посѣтилъ нашъ путешественникъ и Михайловскій Замокъ, описаніе котораго, сдѣланное Коцебу, онъ находилъ весьма сходнымъ; въ замкѣ онъ нашелъ величайшую смѣсь великолѣпнаго, поразительнаго со „страннымъ и уродливымъ“.

Живя въ Петербургѣ лѣтомъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, Второвъ началъ скучать и помышлять о возвращеніи въ Москву. Сначала у него былъ планъ ѣхать изъ Петербурга водою вмѣстѣ съ Г. Б. Кошелевымъ, на купленномъ этимъ послѣднемъ суднѣ, до Костромы или до Ярославля, по близости которыхъ находилась деревня Кошелева, а оттуда сухимъ путемъ въ Москву; но планъ этотъ не могъ быть исполненъ по невозможности для Кошелева оставить Петербургъ. Послѣ этого Второвъ торопился уѣхать одинъ, но Цызаревъ соблазнилъ его Петергофскимъ праздникомъ, который въ 1801 году былъ 30го іюля, по случаю работъ въ садахъ и дворцѣ. Второвъ остался посмотреть праздникъ, который онъ описываетъ слѣдующими словами:

„Поутру (30го іюля) пришелъ я къ П. А. Цызареву. Онъ уже совсѣмъ собрался. Мы съ нимъ позавтракали и поѣхали въ его каретѣ во дворецъ; взяли тамъ билеты на петергофскій маскарадъ; заѣхали къ Мше де-Моде, взяли венеціаны и—въ Петергофъ! Дорога отъ города до самаго Петергофа, на 32 версты, вся наполнена была экипажами, которые тянулись туда въ два ряда. Скольکو ѣхало и шло народу! Не считая тѣхъ которые плыли туда водою на катерахъ и элботахъ, едва ли не болѣе было сухопутныхъ. * На встрѣчу намъ ѣхали изъ Петергофа только три экипажа, и то лустые, придворные. Въ Петергофѣ мы остановились въ Англійскомъ трактирѣ; одна комната стоить 25 рублей въ сутки. Мы одѣлись и пошли въ садъ. Верхній и Нижній сады были уже наполнены народомъ. Государь былъ тогда на балконѣ

* Объ оживленности Петергофской дороги въ это время см. также у Вигеля (*Воспоминанія*, ч. 1. стр. 160).

дворца съ англійскимъ принцемъ Глочестеромъ, который былъ одѣтъ въ алыи мундиръ, въ орденской синей лентѣ черезъ плечо. Мы гуляли до вечера, а вечеромъ пріѣхали въ каретъ и вошли во дворецъ. Съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ Павелъ Александровича дядька, Никитушка, добрый, почтенный старикъ, котораго онъ любилъ и уважалъ какъ своего родственника; и когда бывалъ одинъ дома, то сажалъ его во время обѣда съ собою за столъ и часто дарилъ его деньгами, когда былъ въ выигрышѣ. За то и дядька Никитушка любилъ своего барина больше нежели роднаго сына; оберегалъ его во всѣхъ случаяхъ. Вотъ анекдотъ о семъ Никитушкѣ. Господинъ его былъ игрокъ, игралъ на большія суммы, расточителенъ, щедръ и столько добръ что однажды при мнѣ бѣдному офицеру, совсѣмъ незнакому ему, просящему его помощи, отдалъ всѣ деньги сколько было въ его книжкѣ, кажется до тысячи рублей. Никитушка часто журилъ его за расточительность, и когда ничего не оставалось у него денегъ, помогалъ ему своими, полученными отъ него въ подарокъ. Во время войны 1812 года, Павелъ Александровичъ, будучи въ арміи дежурнымъ генераломъ, былъ въ большомъ выигрышѣ, до милліона, потомъ олять все проигралъ и, вышедъ въ отставку, жилъ въ Киевѣ въ совершенной бѣдности. Никитушка накопилъ и сберегъ изъ даренныхъ ему бариномъ денегъ двадцать тысячъ рублей и предъ своею смертью всѣ эти деньги положилъ въ Сохранную Казну на имя своего барина, съ тѣмъ чтобы всѣхъ денегъ ему не выдавать, а только бы одни проценты. Это разказывали мнѣ потомъ всѣ знающіе г. Цызарева, который будто бы только и пользовался Никитушкиными процентами.

Всѣ залы дворца наполнены были публикой. Мушны всѣ въ шляпахъ и домино, или венеціанахъ, но безъ масокъ. Тутъ была и вся царская фамилія. Императрица Марія Федоровна какъ еще предестна въ такихъ лѣтахъ. Тѣснота была ужасная; въ нѣсколькихъ комнатахъ танцовали. Никитушкѣ баринъ приказалъ еще прежде чтобъ онъ отнюдь не скидалъ шляпы, ни предъ царскою фамиліей, особливо, забывшись, предъ бариномъ. Мы вышли на балконы. Освѣщеніе сада, игра фонтановъ, въ разныхъ направленіяхъ, были восхитительны! Въ концѣ сада, на морѣ темнота. Противъ дворца стояли три царскія яхты. На средней яхтѣ, отъ самаго верха мачтъ до лалубы, была одна большая огненная буква М. По водному

проспекту, идущему отъ горы, на которой стоитъ дворецъ, берега были иллюминированы, а фонтаны, по нимъ расположенные, образовали одну сплошную водяную арку. Самсоновъ фонтанъ изъ челюстей льва билъ перпендикулярно вверхъ, наравнѣ съ бакономъ, гдѣ мы стояли, такъ что предъ нами образовался водяной шаръ. Марлинъ Домикъ и прудъ, на которомъ плавали разныя огненные штуки, были превосходно иллюминированы. Музыка въ разныхъ мѣстахъ сада услаждала слухъ, а гуляющіе по саду толпы народа и красота освѣщенныхъ предметовъ восхищали зрѣніе. Въ Верхнемъ и Нижнемъ садахъ разставлено было множество палатокъ для угощенія лубки. Въ нижнемъ этажѣ дворца накрытъ былъ длинный столъ. Мы съ Павломъ Александровичемъ сѣли за этотъ столъ и ужинали со многими неизвѣстными мнѣ людьми лучшаго общества. Дамъ не замѣтили ни одной; Никитшки также съ нами не было. Угощеніе было царское! Разныя вина, кромѣ шампанскаго, были разносимы. Моему товарищу знакомы были всѣ придворные служители. Онъ спросилъ шампанскаго, и тотчасъ поднесъ бутылку, которую онъ подчивалъ своихъ сосѣдей; остальное долили сами. Мы вочевали въ каретѣ.“

31го іюля Второвъ съ Цызаревымъ отправились въ Стрѣльну. Съ ними встрѣтился великій князь Константинъ Павловичъ, ѣхавшій въ Петергофъ; Цызаревъ, желая съ нимъ видѣться, вернулся туда же, а Второвъ остался въ Стрѣльнѣ у своихъ знакомыхъ, конногвардейскихъ офицеровъ Конолина (Павла Михайловича) и князя Вяземскаго. По возвращеніи Цызарева изъ Петергофа, Второвъ, вмѣстѣ съ нимъ, ѣздилъ въ Сергіевскую пустынь, а оттуда отправился на дачу къ старинному своему знакомому еще по Самарѣ, къ генералъ-лейтенанту Николаю Петровичу Кожину. Будучи шефомъ Баденскаго полка, Кожинъ въ 1797 году проходилъ черезъ Самару, гдѣ и познакомился съ нашимъ героемъ. Онъ тотчасъ же узналъ его, представилъ своей женѣ (Аннѣ Ивановнѣ) и принялъ его весьма радушно. У Кожина на дачѣ Второвъ пребылъ до вечера слѣдующаго дня, то-есть 1го августа. Въ этотъ день утромъ Цызаревъ опять ѣздилъ къ великому князю въ Стрѣльну, откуда возвратился послѣ обѣда. Въ отсутствіе его, генералъ Кожинъ вдавался въ философію, въ разсужденія объ уравненіи богатыхъ съ бѣдными, о необходимости *безсмертнаго легіона*. При имени послѣдняго

Иванъ Алексѣевичъ замѣчаетъ въ скобкахъ: „эта послѣдняя мысль, кажется, осуществилась послѣ, проектомъ графа Аракчеева о военныхъ поселеніяхъ“. Возвращаясь въ Петербургъ, наши путешественники останавливались у Краснаго Кабачка, гдѣ ѣли знаменитыя тогда вафли и пили медъ.

Изъ петербургскихъ нравовъ обратило на себя вниманіе нашего самарскаго путешественника развитіе проституціи между дѣвочками отъ одиннадцати до четырнадцати лѣтъ, о чемъ онъ говорилъ съ ужасомъ.

И. А. Второвъ покинулъ сѣверную столицу 4го августа, а это прибылъ въ Москву. На обратномъ пути онъ подробно осмотрѣлъ Царское Село со всѣми его достопримѣчательностями, дворцомъ и паркомъ. Въ Москвѣ нашъ путешественникъ остановился на прежней своей квартирѣ, у Павла Ивановича Комарова; но хозяина не было дома: въ пустыхъ комнатахъ прохаживался давнишній жилецъ его и родственникъ, Андрей Алексѣевичъ Соколовъ, съ которымъ, какъ мы видѣли, подружился Второвъ; и о которомъ онъ рассказываетъ слѣдующую исторію. Соколовъ служилъ при Павлѣ въ гвардіи, и въ 1797 году женился на Комаровой (Марья Ив.), сестрѣ Павла Ивановича. Женившись, онъ жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Мѣщанской, и состоялъ на службѣ въ Межевой канцеляріи. Еще не прошло года послѣ свадьбы, какъ вздумалось ему праздновать свои или женыны именины. Много было гостей, и праздникъ окончился уже далеко за полночь. Едва гости разѣхались, какъ хозяева почувствовали сильный запахъ дыма. Андрей Алексѣевичъ выбѣжалъ въ сѣни; но дымъ валилъ изъ нихъ столбомъ, а пламя чрезъ растворенныя двери тотчасъ же бросилось въ покои. Весь домъ въ одно мгновеніе былъ обхваченъ огнемъ. Едва не задохнувшійся отъ дыма, въ ужасѣ за участь нѣжно любимой жены, молодой хозяинъ (ему было лѣтъ 25) бросился ее спасать и, найдя въ отдаленныхъ комнатахъ, схватилъ ее на руки и побѣжалъ къ дверямъ, обхваченнымъ огнемъ. Ему удалось вынести свою дорогую ношу на крыльцо; но тутъ силы его оставили и онъ, вмѣстѣ съ нею, упалъ безъ чувствъ. Пока сбѣжался народъ и пріѣхала пожарная команда, весь домъ Соколовыхъ уже обратился въ пепелъ. Несчастныхъ супруговъ нашли обгорѣлыхъ, Марью Иванову безъ признаковъ жизни, Андрея Алексѣевича удалось спасти. Но онъ не имѣлъ и

подобія человѣческаго: глаза у него лопнули, волосы, лицо и руки обгорѣли. Три дня онъ былъ безъ чувствъ и уже дѣлались приготовленія къ его погребенію: желая похоронить его вмѣстѣ съ женою, три дня не засыпали совсѣмъ могилы этой послѣдней. Но искусный докторъ Фрезъ черезъ двѣ недѣли возвратилъ его къ страдальческой жизни. Иванъ Алексѣевичъ, узнавшій Соколова по простествію пяти лѣтъ послѣ этого несчастія, нашелъ его, нѣкогда красавца собою, все въ томъ же безобразномъ видѣ. Лица его, кромѣ слуги, никто не видѣлъ: онъ закрывалъ его длиннымъ зеленымъ зонтикомъ, доходившимъ до нижней губы. На бородѣ его не росло волосъ, а видѣлась тонкая, съ легкимъ румянцемъ, бѣлая кожа; руки имѣли такой же видъ, но на нихъ и вокругъ глазъ еще не зажили раны, происшедшія отъ обжoga. Второвъ изображаетъ несчастнаго слѣльца, прожившаго до глубокой старости, человѣкомъ образованнымъ и съ большими свѣдѣніями. Наемный лисецъ былъ у него секретаремъ и чтецомъ. Въ его разговорахъ и письмахъ еще болѣе было замѣтно то тоскливое, сентиментальное направленіе, которое было въ характерѣ злохи, но которое въ немъ было вполнѣ искренно. Когда онъ говорилъ о своемъ прошломъ, то всегда употреблялъ выраженіе: „тогда я былъ еще живъ“. Его симпатичный голосъ и умная рѣчь заставляли собесѣдниковъ забывать о его безобразіи. Второвъ очень съ нимъ подружился и, живя въ Петербургѣ, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами. Мы увидимъ что и долго спустя онъ не забывалъ своего слѣлаго друга.

Итакъ, Второвъ очутился въ Москвѣ въ обществѣ Комарова, Ратькова (Петръ Мих.) и Серафимовича (Ром. Гавр.), проводя время на обѣдахъ, вечерахъ, за картами и за разными „лустяками“ и ничего не замѣчая „полезнаго для ума и сердца“. 2го сентября онъ ѣздилъ съ родственникомъ Комарова Акимовымъ (Сем. Куз.) въ село Дубно, принадлежавшее женѣ его, Катеринѣ Ивановнѣ, сестрѣ П. И. Комарова, бывшей прежде въ замужствѣ за ставропольскимъ комендантомъ Цызаревымъ (Алексѣй Ил.), дядею вышеупомянутаго. По дорогѣ они заѣхали въ деревню къ помѣщику Кроткову (Стел. Егоров.), известному въ то время во всей Россіи хозяину, который въ продолженіе 40 лѣтъ умѣлъ нажить 10 тысячъ душъ крестьянъ, имѣя родовыхъ только

300, и котораго Екатерина II выставяла въ образецъ всѣмъ русскимъ помѣщикамъ. Кроткову въ это время было уже за 70 лѣтъ. Сѣдыя густыя брови его почти совсѣмъ закрывали глаза; но зоркое око еще пристально слѣдило за движеніемъ хозяйственной машины. По словамъ Жихарева, автора *Дневника Студента*, Кротковъ былъ обязанъ своимъ богатствомъ Пугачеву, который, сдѣлавъ его Симбирскую деревню своей резиденціей, подѣлаалъ тамъ склады для хранения всего награбленнаго имъ имущества. Когда отряды царскихъ войскъ выгнали самозванца изъ этого убѣжища, Кротковъ, слѣдовавшій за ними, водворился въ своей деревнѣ и воспользовался брошенными сокровищами. * Онъ началъ скулять деревни и, будучи отличнымъ хозяиномъ, зажилъ на славу. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ сыновей, служившихъ въ Петербургѣ и кутившихъ на пропалаю. Одинъ изъ нихъ выкинулъ такую штуку: продалъ родовое отцовское имѣніе, онъ въ числѣ крестьянъ помѣстилъ и своего родителя, подъ скромнымъ именемъ бурмистра Степана Кроткова. Гораздо позже, въ роляго, въ наказаніе дѣтей, Кротковъ женился на бѣдной молодой дѣвушкѣ, которой укрѣпилъ свое подмосковное село Молоди. Второвъ встрѣтился съ нимъ, кажется, ранѣе ссоры съ дѣтьми. Кротковы, о которыхъ будетъ упоминается въ дальнѣйшемъ разказѣ, были его дѣти, а тетка Павовой, о которой говорилось выше, кажется, была за однимъ изъ нихъ. Незваные гости встрѣтили старика Кроткова за дѣломъ, бодро наблюдающаго какъ крестьяне рыли затѣпливые пруды. 14го октября, въ полдень, случилось въ Москвѣ землетресеніе, описанное Карамзинымъ въ ноябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Въ тотъ же день квартальные надзиратели и частные пристава ходили по домамъ и собирали всякаго рода свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Въ Москвѣ прожилъ Второвъ до 22го ноября, какъ затѣно уже скучая и помышляя о возвращеніи на родину.

* Извѣстностію императрицѣ С. Е. Кротковъ обязанъ графу П. И. Панину, который отличалъ его отъ другаго Кроткова, его брата, человека, по словамъ графа, „худой совѣсти“. (*Сборн. Истор. Общества*, VI, 194—196).

Этотъ обратный путь онъ держалъ съ извѣстными московскими „евангельскими богачами“, С. Г. Мельгуновымъ и Василиемъ Александровичемъ Пашковымъ (потомъ оберъ-штаб-мейстеръ, тестъ Д. В. Дашкова), отправившимися въ Симбирскъ, въ свои деревни. Нашъ скромный путешественникъ готовился ѣхать въ рогожной кибиткѣ; „евангельскіе богачи“ отправлялись въ теплыхъ возкахъ, обитыхъ медвѣжьимъ мѣхомъ. Они взяли съ собою изъ московскаго почтамта почтальйона который долженъ былъ заботиться о заготовленіи лошадей подъ ихъ экипажи на всемъ пути отъ Москвы до Симбирска. Мельгуновъ взялъ къ себѣ въ возокъ Второва; вѣрный слуга послѣдняго, Филиппъ, ѣхалъ въ кибиткѣ, нагруженной разною поклажей. Наши путники выѣхали изъ Москвы уже ночью; но ѣхать было не скучно, потому что возки освѣщались восковыми свѣчами. Иванъ Алексѣевичъ захватилъ съ собою на дорогу недавно вышедшую книгу, романъ Коцебу *Страданія Ортенберговой фамилии*.^{*} Въ длинныя ноябрьскія ночи, во все время пути, читалъ онъ въ возкѣ вслухъ эту книгу; изъ числа героевъ романа, солутнику его Мельгунову особенно понравился добрый калитавъ Штурмъ, о которомъ Степанъ Григорьевичъ долго потомъ вспоминалъ, при всякомъ свиданіи со Второвымъ и даже въ своихъ къ нему письмахъ. Съ В. А. Пашковымъ они сходились и бесѣдовали на каждой станціи; сверхъ того они пробыли болѣе сутокъ вмѣстѣ съ нимъ въ деревнѣ его брата Ивана Александровича, Ветшинѣ.

Въ Симбирскѣ наши московскіе путешественники пробыли до первыхъ чиселъ декабря. Зиму 1803 года Симбирскъ былъ особенно оживленъ. Губернаторомъ въ это время былъ тамъ князь Сергѣй Николаевичъ Хованскій, человекъ, по словамъ Второва, умный, благонамѣренный и дипломатъ. „Все дворянство его любило и уважало. Старожилые дворяне, богатые и значительные по губерніи, кромѣ должностныхъ, съѣзжались на зиму изъ деревень въ городъ. Каждый день были обѣды, вечера, балы, два раза въ недѣлю благородное собраніе и театръ. Такъ пріятно и весело было въ Симбирскѣ что многіе пріѣзжали изъ Москвы и Казани, а одинъ Москвичъ, М. И. Раевскій, остался даже на житье въ Симбирскѣ.“ 4го декабря Второвъ поѣхалъ съ Мельгуновымъ въ село Николь-

^{*} Налечатана въ Москвѣ, въ Сенатской типогр. 2 части. 1802.

ское, въ 50 верстахъ отъ Симбирска, принадлежавшее Николаю Алексѣвичу Дурасову. Никольское славилось гостеприимствомъ хозяина и разными барскими затѣями, на самую широкую ногу. Въ немъ были: театръ и оркестръ, состоящіе изъ крѣпостныхъ артистовъ, и содержался какимъ-то Французомъ пансіонъ для дворянскихъ дѣтей. Въ Никольскомъ гостилъ въ это время пріѣхавшій изъ Москвы зять хозяина, тоже Дурасовъ, генералъ-лейтенантъ. 6го декабря хозяинъ Никольскаго былъ именинникъ, и вотъ къ нему съѣхалось множество гостей, не только изъ окрестныхъ деревень, но и изъ Симбирска и Ставрополя, за 70 верстъ. Между этими послѣдними находился и ставропольскій предводитель дворянства, Василій Сергѣевичъ Мильковичъ, какъ уже сказано, дальній родственникъ Второва, у котораго жила въ это время меньшая сестра его, Александра Алексѣевна; старшій сынъ Мильковича воспитывался тогда въ Никольскомъ пансіонѣ. Завтраки, обѣды, ужины, танцы, музыка, театръ, карты и пр. предлагались многочисленнымъ гостямъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней.* Но Иванъ Алексѣевичъ воспользовался такимъ гостеприимствомъ только до 8е декабря: въ этотъ день онъ уѣхалъ съ Мильковичемъ въ Ставрополь. Семейство Мильковичей состояло изъ жены его, Катерины Ѳедотовны, четырехъ дочерей, Марьи, Фіоны, Дарьи и Натальи, и двухъ маленькихъ сыновей, Сергѣя и Николая. Вся семья очень любила нашего героя „словно ближайшаго роднаго“; но о степени ихъ извѣстительнаго родства онъ нигдѣ не говоритъ. Второвъ привезъ съ собою изъ столицъ множество книгъ, которыя и читалъ по вечерамъ любопытнымъ барышнямъ и сестрѣ. Здѣсь въ домѣ Мильковичей, Иванъ Алексѣевичъ встрѣтилъ новый 1803 годъ.

Изъ Ставрополя Второвъ ѣздилъ съ В. С. Мильковичемъ въ село Новый Буянъ, къ своему слутнику С. Г. Мельгуну, и въ деревню Екатериновку, въ 52 верстахъ отъ Самары, принадлежавшую Мильковичу. Изъ Екатериновки, которая будетъ часто упоминаться въ нашемъ дальнѣйшемъ разказѣ, Второвъ поѣхалъ одинъ въ Самару, гдѣ и пробылъ до 5го февраля, странствуя, впрочемъ, изъ Самары въ

* О роскошной жизни Дурасова въ Люблинѣ говорилось выше. О его оркестрѣ и актерахъ говорить миссъ Вальмонтъ, видѣвшая ихъ въ Люблинѣ (*Русск. Арх.* 1873, стр. 1890).

деревню Богдановку, къ другу своей юности, Моисею Александровичу Богданову, и въ другія мѣста. Въ Богдановкѣ онъ нашелъ своего двоюроднаго брата, Петра Борисовича Второва, вышедшаго въ отставку. Возвратившись въ Ставрополь, Иванъ Алексѣевичъ былъ на свадьбѣ у любимой сестры своей, Александры Алексѣевны, вышедшей замужъ за нѣкоего Ефремовскаго (Василья Федоровича). Другая сестра его, Катерина, вышла замужъ за Гавецкаго и также жила въ Ставрополѣ; но когда и при какихъ обстоятельствахъ случился этотъ бракъ, онъ ничего не говоритъ въ своихъ запискахъ. Послѣ свадьбы Ефремовскіе отправились на жительство въ Сенгилей. Второвъ сначала былъ противъ этой свадьбы; но, видя желаніе сестры, благословилъ ее, какъ старшій въ родѣ. Весь 1803 годъ герой нашъ провелъ въ странствованіяхъ изъ Ставрополя въ Самару, въ Симбирскъ, въ деревню Н. М. Наумова, село Архангельское, въ Корсуль, на ярмарку и въ Екатериновку къ Милькевичамъ. Бездѣлье начало его томить; онъ почувствовалъ сильную скуку и почти бросилъ свой журналъ. Въ рѣдкія минуты, когда онъ къ нему обращался, оставшись лицомъ къ лицу съ самимъ собою, онъ, по обыкновенію, нылъ отъ тоски и во всемъ обвинялъ людей, носясь съ чувствительностію сердца и съ добротою своей души, какъ съ такими качествами которыя, будто бы, непремѣнно дѣлають человѣка несчастнымъ. Если въ ту дешевую и сытую пору нечему удивляться что въ средѣ помѣщичьяго быта, гдѣ жизнь текла какъ по маслу, молодой, образованный человѣкъ, не будучи паразитомъ и прихлебателемъ, какихъ тогда было множество, могъ жить спокойно и беззаботно, могъ даже имѣть небольшія деньги, благодаря нѣкоторой ловкости въ карточной игрѣ; то все же остается непонятнымъ на какія средства пріобрѣлъ себѣ Второвъ домъ въ Ставрополѣ, на Солдатской улицѣ, близъ берега Волошки. Въ послѣдствіи отъ этого дома не осталось даже и слѣда: ежегодные обрывы береговъ этой рѣчки въ весеннюю пору сорвали болѣе двухъ улицъ.

1804 годъ герой нашъ провелъ точно также, то-есть въ скукѣ и тоскливости въ тѣ рѣдкія минуты когда онъ оставался одинъ съ самимъ собою, и въ суетахъ совершенно праздной и шумной жизни. Весь этотъ годъ онъ собирался въ Москву, куда звали его пріятели, уже распрощался было съ своими симбирскими, самарскими и ставропольскими друзьями,

уже все приготовилъ къ отъѣзду и сдалъ домъ подъ лостой, но ловчать ему не удалось: на дворянскихъ выборахъ происходившихъ въ декабрѣ этого года въ Симбирскѣ, его выбрали уѣзднымъ судьей въ городъ Самару. Изъ событийъ этого года Иванъ Алексѣевичъ останавливается съ особенною подробностью на такъ-называемомъ благородномъ спектаклѣ, происходившемъ въ концѣ января или въ началѣ февраля въ Симбирскѣ. Въ этомъ шумномъ городѣ, какъ оказывается, кромѣ публичнаго, были еще домашніе театры; по крайней мѣрѣ, такой былъ у Ивана Васильевича Жадовскаго. * Семейство Жадовскихъ состояло изъ театраловъ: самъ онъ былъ большой любитель и хорошій актеръ, а дочь его, Аграфена Ивановна, дѣвица, не только отличною актрисой, лучше которой, по словамъ Второва, не было въ Москвѣ и Петербургѣ, но и писательницей. Она перевела съ французскаго драму *Англійскій купецъ Ботъ*, ** которую Жадовскіе и рѣшились поставить на домашнемъ спектаклѣ; она же упросила Второва участвовать въ этомъ спектаклѣ. Самъ Жадовскій взялъ роль Бота, Иванъ Алексѣевичъ—Донъ Альсона, Неплюевъ (Алексѣй Александр.)—Клоранса, его друга. Другіе актеры были: Буткевичъ (Фед. Филл.), пензенскій помѣщикъ Буыгинъ и Плотниковъ (Левъ Борис.); изъ актрисъ участвовали въ спектаклѣ дѣвицы: Блюммъ (Анна Петр.), Еналеева (Праск. Андр.), дочь совѣтника, и Насакина (Анна Сидор.). Сама Аграфена Ивановна, какъ переводчица, не взяла себѣ никакой роли. „Когда весело было на душѣ, говоритъ Второвъ, въ молодости я весьма удачно копировалъ нѣкоторыхъ людей со странными привычками, подражая голосу и походкѣ копируемаго лица. На репетиціяхъ такое лицедѣйство имѣло эффектъ, тѣмъ болѣе что одинъ изъ играющихъ (Буткевичъ) былъ предметомъ копировки.“ Участвующіе въ спектаклѣ забавлялись этими шутками и были вполне увѣрены въ успѣхѣ нашего героя; но вышло напротивъ. Уже

* Н. В. Жадовскій былъ секретаремъ Симбирской ложи „Златаго Вѣнца“, въ числѣ членовъ которой находились знакомыя Второму фамилии Голубцовыхъ, Ладыженскихъ, Колюбакиныхъ, Аржевитовыхъ и Хардиныхъ.

** Въ *Смирдинской Репетиціи*, № 7015, эта пьеса значителен переводенною съ французскаго княземъ Петромъ Долгоруковымъ (М. 1804. Т. Гарія и К°).

все было готово къ представленію, какъ наканунѣ губернаторъ князь Хованскій * (Сергій Николаевъ) просилъ участвующихъ въ спектаклѣ сыграть его на городскомъ театрѣ, потому что, объясняя оны, по случаю множества прїѣзжихъ изъ Москвы и Казани, и половина „благородныхъ зрителей“ не можетъ помѣститься на домашнемъ театрѣ Жадовскаго. Всѣ согласились на это предложеніе. „Я уже заранѣе струсилъ при семъ предложеніи, говоритъ Второвъ, просилъ увольненія и передавалъ роль свою другому; но, въ угодность Аграфентъ Ивановнѣ и по просьбѣ другихъ, остался. Мы прїѣхали въ театръ за полчаса до представленія; публика съѣхалась и заняла всѣ мѣста. Ложи были въ два яруса; партеръ и раекъ наполнены зрителями. Я сидѣлъ въ ложѣ А. М. Наумова, когда играли первую комедію; наконецъ дошла и до меня очередь. Послѣ антракта, мнѣ надлежало выйти на сцену первому, съ другомъ Клорансомъ. Дрожь пробѣжала по мнѣ. Я, какъ осужденный преступникъ, стоялъ на эшафотѣ, особливо когда поднялся занавѣсъ и тысячи глазъ устремились на меня. Мы вдвоемъ должны были выйти на самый край сцены. Клорансъ мой началъ читать какъ дячокъ свою роль, а у меня едва языкъ ворочался. Я говорилъ тихо и робко, безъ всякихъ жестовъ и декламаций, готовъ былъ извиниться и раскланяться съ публикой. Аграфена Ивановна изъ-за кулисъ ободряла меня: „Courage, monsieur, courage!“ но ничто не помогало. Я чувствовалъ себя шуткомъ и смѣшнымъ дуракомъ, который рѣшился крикляться и болтать вытверженный вздоръ предъ публикою; однакожъ продолжалъ дурачиться немного посмѣлѣе, въ другой сценѣ съ своею дочерью (Блюммъ) получше, а съ Ботомъ-Жадовскимъ, какъ съ опытнымъ и искуснымъ актеромъ, уже гораздо лучше. Но все скверно! И слава Богу что выдержалъ всю роль свою до конца и не ушелъ со сцены. Намъ аплодировали, однакожъ не мнѣ и не Клорансу, который игралъ хотя смѣлѣе меня, но едва ли еще не хуже. По окончаніи спектакля, пришелъ къ намъ губернаторъ и благодарилъ всѣхъ за доставленное удовольствіе публикѣ, и

* Въ *Россійской Родословной Книгѣ* князя Петра Долгорукова имени князя Сергія Николаевича Хованскаго совсѣмъ нѣтъ. Онъ былъ назначенъ въ Симбирскъ изъ Владиміра, гдѣ былъ вице-губернаторомъ. *Капище моего Сердца*, князя И. М. Долгорукова, стр. 64—65.

хвалялъ гжу Блюмъ. Къ этому я сказалъ что отецъ ея, Донъ-Альзонъ, худо исполнилъ свою роль.

— Ну, что жь! замѣтилъ князь Хованскій, вы хорошо играли, только замѣтно было что сначала сконфузились.

— Нѣтъ, ваше сіятельство! я самъ чувствую что это не мое ремесло.

Итакъ Второвъ не поѣхалъ въ Москву, а остался въ своей „Азіи“, какъ называлъ родныя мѣста его С. Г. Мельгуновъ, манившій его въ древнюю столицу. Но „Азія“ начинала втягивать въ себя, начинала привлекать къ себѣ нашего героя. „Здѣсь я какъ птичка перелетаю съ мѣста на мѣсто,“ писалъ онъ московскому пріятелю, въ отвѣтъ на призывъ послѣдняго: „утѣшаюсь иногда, какъ младенецъ, разными игрушками, и тогда только грущу, какъ расстаюсь съ любезными для сердца моего и съ любящими меня людьми. Но за то и живу какъ птицы небесныя, только безъ гнѣзда и безъ цѣли. Такова моя участь! Можетъ-быть, съ юностью вмѣстѣ пройдетъ этотъ зефирный образъ жизни.“ Не имѣя ничего противъ „зефирнаго образа жизни“, Мельгуновъ только замѣтилъ: „неужели пространныя стелы воздушнымъ птичкамъ придаютъ лучшую силу въ полетахъ?“ Но герой нашъ леталъ не въ пространныхъ стеляхъ, а кружился въ довольно тѣсномъ пространствѣ, между Симбирскомъ, Ставрополемъ и Самарою, въ этихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ тогдашняго помѣщичьяго сословія, преимущественно же въ домахъ: П. П. Микулина, Мильковичей, Наумовыхъ, Пановыхъ, графа В. А. Толстаго и князя С. Н. Хованскаго. Литературныя занятія, относительно долгое пребываніе въ столицахъ и тамошнія связи и отношенія придавали ему значительную долю обаянія во мнѣніи обитателей „пространныхъ стелъ“. Въ „пространныхъ стеляхъ“ рѣшалась участь Второва: здѣсь установились отношенія которыми онъ дорожилъ всю жизнь; здѣсь онъ нашелъ себѣ подругу и то общественное положеніе, „гнѣздо и цѣль жизни“ (по его выраженію), о недостаткѣ котораго онъ горько сътовалъ.

Изъ безчисленнаго множества знакомыхъ, перечень которыхъ занялъ бы не одну страницу, братья Наумовы начинаютъ играть очень важную роль въ житейскихъ отношеніяхъ героя нашей хроники, который, какъ мы видѣли, прямо называетъ ихъ своими друзьями. Трудно сказать, кто изъ

четырехъ братьевъ Наумовыхъ ближе къ Второву; но въ ту пору о которой мы говоримъ, ближе всѣхъ къ нему былъ Николай Михайловичъ Наумовъ, владѣлецъ ближайшаго къ тремъ вышеназваннымъ городамъ помѣстья Архангельскаго. Благодаря такой близости и радушію хозяевъ, Архангельское очень часто видѣло у себя громадныя сѣзды гостей, не только изъ окрестныхъ деревень, но изъ Симбирска, Ставрополя и Самары. Кажется, въ этомъ селѣ была усадьба не одного Николая Михайловича, но и другихъ его родственниковъ; объ этомъ можно догадываться по обширности помѣщенія предлагавшагося гостямъ: гости-мушны занимали одинъ домъ, дамы помѣщались также въ особомъ домѣ. Сѣзды въ Архангельское особенно стали многолюдны съ той поры когда поселилась тамъ одна знатная особа, племянница главнаго владѣльца (дочь вѣроятно умершаго брата), вдова бывшаго казанскаго губернатора Александра Андреевича Аллечева († 1802), Катерина Александровна, съ маленькою дочкой. Въ числѣ лицъ заинтересованныхъ молодою вдовою, находился и симбирскій губернаторъ князь С. Н. Хованскій, вступившій съ нею въ бракъ въ 1805 году. За годъ до этого, въ маѣ 1804 года, былъ, по словамъ Второва, особенно великъ сѣздъ гостей въ село Архангельское. Сюда привлекла нашего героя особа игравшая въ жизни его очень важную роль; особа эта была Анна Васильевна Панова. Анна Васильевна была дочь богатаго казанскаго помѣщика, Василия Ивановича Чемезова, отличалась бойкимъ умомъ и красотою и принесла мужу своему Василию Николаевичу (кажется, сыну симбирскаго воеводы), человѣку доброму, но весьма не далекому, громадное приданое (болѣе тысячи душъ), состоявшее въ двухъ деревняхъ: Кротовкѣ и Александровкѣ, Самарскаго уѣзда. По количеству этого приданого можно судить о богатствѣ отца ея, проживавшаго въ Казани, у котораго былъ еще сынъ Николай и дочь Авдотья, вышедшая (кажется гораздо позже) за Купріанова. Анна Васильевна отличалась способностью вкругъ себя сплотить и оживить общество; будучи хороша собой и обладая значительною долею кокетливости, она умѣла особенно нравиться мушьянамъ. И. А. Второвъ былъ всегда великимъ ея почитателемъ и панегиристомъ.

Итакъ, на майскій сѣздъ происходившій въ селѣ Архангельскомъ, Второвъ отправился вмѣстѣ съ Пановыми, гдѣ

Анна Васильевна блистательно выдержала соперничество бывшей казанской губернаторши, К. А. Аллечевой. Пробывши пять дней въ Архангельскомъ, она увлекла за собою цѣлую толпу гостей, съ которыми сдѣлала наѣздъ на одинокое жилище нашего героя въ Ставрополь, проживъ у него двое сутокъ. Изъ Ставрополя, опять вмѣстѣ со Второвымъ, она отправилась въ Самару, „городъ лучшій и многолюднѣйшій“, гдѣ пробыла двѣ недѣли. Веселостямъ и праздникамъ не было конца. Героинею этихъ празднествъ была Анна Васильевна, „женщина любезная, умная, ласковая и добрая“, какъ выражается Второвъ: предъ „почтенною гостьей,“ по его словамъ, всѣ преклонялись: мужчины и женщины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. ДЕ-ПУЛЕ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПРУДОНА.

Correspondance de Proudhon, t. VI—VII. Paris, 1875.

Предпринятое книгопродавцем Лакруа издание писем Прудона должно составить десять довольно больших томовъ. Оно быстро подвигается впередъ и въ настоящее время вышла уже семь томовъ, въ которыхъ переписка знаменитаго публициста, экономиста и философа восходитъ до 1858 года. Надо впрочемъ сказать что размѣры изданія могли бы сильно сократиться, еслибъ эпистолярный матеріалъ былъ подвергнутъ болѣе тщательной сортировкѣ. Между письмами вошедшими въ это собраніе, очень много такихъ которыя могли бы быть исключены безъ всякой потери для читающей публики. Издатели не пренебрегали даже клочками, заключающими въ себѣ простое извѣщеніе что въ такой-то день Прудонъ не можетъ придти обѣдать къ такому-то, или же просьбу о присылкѣ какой-нибудь книги. Помѣщена также цѣлая коллекція писемъ Прудона къ его домашнему доктору, не имѣющихъ ни малѣйшаго интереса. Весь подобный матеріалъ только напрасно обременяетъ изданіе и затрудняетъ пользованіе имъ, такъ какъ внимательное чтеніе должно поминутно прерываться механическимъ перелистываніемъ. Масса этого балласта тѣмъ болѣе возбуждаетъ досаду что

очевидно многія въ высшей степени интересныя письма Прудона не попали въ собраніе; на примѣръ помѣщено всего только одно письмо къ Герцену, тогда какъ есть основаніе предполагать что переписка между этими представителями революціонной идеи велась въ пятидесятыхъ годахъ гораздо дѣятельнѣе. Прилагаемая теперь въ концѣ каждаго тома масса писемъ пропущенныхъ въ предыдущихъ томахъ показываетъ что изданіе вообще предпринято ранѣе чѣмъ былъ собранъ весь матеріалъ, и дѣло поведено безъ достаточной осмотрительности и тщательности въ подготовительной работѣ.

Тѣмъ не менѣе изданіе это надо отнести къ числу самыхъ интересныхъ въ текущей литературѣ. Какого бы кто ни былъ мнѣнія объ экономическихъ и политическихъ воззрѣніяхъ Прудона, никто не станетъ отрицать что личность его во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательна. Онъ до известной степени представляетъ собою нынѣшнюю Францію, съ ея живучестью и съ ея элементами разложенія. Выросшій въ скромной рабочей средѣ, получившій самое ограниченное первоначальное образованіе, онъ вырабатываетъ въ себѣ такую самобытность мысли, какою могутъ похвалиться лишь немногіе французскіе писатели, воспитавшіеся при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Но на этомъ самобытвомъ и часто даже глубококомъ мыслителѣ отяготѣло разлагающее вліяніе соціальной розни и революціонной лжи, развѣдающей французское общество, и изъ-подъ этого рокового тяготѣнія онъ никогда не могъ освободиться, несмотря на всю независимость своего ума. Чрезвычайно прямой и честный въ своей частной жизни, сохранившій печать здороваго цѣломудрія среди всеобщей деморализаціи, Прудонъ въ то же время не умѣлъ возвыситься до чувства національной чести, не понималъ тѣхъ инстинктовъ которые одушевляли самую честолюбивую и воинственную націю въ мірѣ. Такимъ образомъ высокая чистота частнаго человѣка сочеталась въ немъ съ политической двусмысленностью, которую вносятъ въ общество соціальныя страсти и заблужденія; въ этомъ смыслѣ Прудонъ, какъ мы замѣтили, можетъ быть названъ вполнѣ сыномъ своего вѣка и своей страны, сохранившей такъ много живучихъ силъ среди деморализаціи, произведенной длиннымъ рядомъ революцій.

Переписка Прудона представляетъ весьма обширный

матеріалъ для изученія его нравственной фізіономіи. Нельзя не удивляться здоровымъ задаткамъ его натуры, устоявшей противъ всѣхъ искушеній и обольщеній. Въ горнилахъ парижской жизни онъ сберегъ цѣломудренную трезвость духа и тѣла, вмѣстѣ со скромными привычками провинціального рабочаго. Жажда наживы и личной выгоды, двигавшая все то что окружало его, оставалась постоянно чужда ему. Живившись въ самый разгаръ февральской революціи, онъ велъ совершенно патріархальный образъ жизни въ лонѣ своего семейства, удѣляя что могъ отъ своихъ скромныхъ средствъ своимъ родственникамъ и обнаруживая во всѣхъ случаяхъ жизни самую взыскательную цѣлительность. Настоячиво отклонялъ онъ всякую попытку друзей, подъ видомъ подарка или иной матеріальной услуги, придти на помощь его стѣсненному положенію, когда Наполеоновская цензура лишила его почти всякихъ средствъ жить литературнымъ заработкомъ.

Но самая привлекательная черта въ характерѣ Прудона, это настойчивость съ которою онъ старался пополнить пробѣлы своего школьнаго образованія. Несмотря на автодидактизмъ, въ немъ не было и тѣни верхоглядства и полужнанія. Онъ занимался своимъ самообразованіемъ совершенно систематически, положивъ въ основаніе его изученіе древнихъ языковъ и древнихъ авторовъ. Чтеніе классиковъ онъ продолжалъ всю жизнь и письма его сохранили слѣды того постоянно свѣжаго впечатлѣнія которое онъ испытывалъ бесѣдуя съ Тацитомъ или Титомъ Ливіемъ. Французскіе ученые, не посвятившіе себя спеціально классической древности, обыкновенно вскорѣ послѣ школьныхъ лѣтъ забываютъ греческій языкъ; Прудонъ пользовался имъ всю жизнь. Хотя предметомъ его спеціальныхъ занятій была экономическая наука, но онъ много занимался также филологіей, исторіей, философійю и правомъ, и вносилъ въ эти занятія столько же усидчивости и основательности, сколько и въ изученіе экономическихъ вопросовъ. Диллетантизмъ былъ совершенно чуждъ его натурѣ; въ этомъ отношеніи онъ ни мало не походилъ на тѣхъ заносчивыхъ самоучекъ которые стремятся возмѣстить отсутствіе систематическаго образованія бойкою развязностью полужнанія. Демократъ и радикаль по убѣжденіямъ, Прудонъ былъ въ жизни строгій консерваторъ и можетъ-быть самый скромный человекъ во всемъ Парижѣ.

Значительнѣйшая часть переписки Прудона относится къ

периоду февральской республики и переворота 2го декабря. Принимая личное участие въ событіяхъ того времени, Прудонъ долженъ былъ расширить кругъ своихъ личныхъ сношеній, что и отразилось на его корреспонденціи. Мы однако не остановимся здѣсь на этой части переписки, такъ какъ событія и лица къ которымъ она относится слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны; при томъ Прудону, какъ человѣку лично заинтересованному, трудно было сохранить полное безпристрастіе. Замѣтимъ впрочемъ что несмотря на свой опредѣленный образъ мыслей, Прудонъ далеко не былъ ослѣпленъ на счетъ людей считавшихся его политическими единомышленниками, и радикальная партія не можетъ сказать чтобы знаменитый экономистъ сохранялъ о ней слишкомъ лестное мнѣніе. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе на послѣдніе (шестой и седьмой) изъ вышедшихъ лондонъ томовъ переписки, обнимающихъ четырехлѣтіе 1854—1858 годовъ. Это періодъ политическаго бездѣйствія и полной литературной зрѣлости Прудона. Удаленный событіями отъ практической дѣятельности, онъ вступаетъ въ роль наблюдателя, сосредоточивается на научныхъ занятіяхъ, и изъ удивленія своего кабинета слѣдитъ за ходомъ дѣлъ. Крымская война главнымъ образомъ овладѣваетъ его вниманіемъ, и письма его относящіяся къ этой кровавой международной драмѣ представляютъ для насъ особенный интересъ. Эта сравнительно спокойная эпоха въ жизни Прудона вообще отразилась въ его письмахъ зрѣлостью мысли и потребностью подвести итогъ своимъ опытамъ и впечатлѣніямъ, что конечно очень важно для читателя, обращающагося къ перепискѣ сошедшаго со сцены дѣятеля какъ къ матеріалу для изученія и оцѣнки его личности.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, Прудонъ въ немногихъ строкахъ опредѣляетъ положеніе въ которомъ онъ очутился къ тому времени когда Наполеоновскій режимъ надо было считать окончательно утвердившимся во Франціи. „Я вернулся въ Парижъ въ концѣ 1847 года и занимался своимъ любимымъ предметомъ, когда вслыхнула февральская революція. Я провелъ въ уединеніи два первые мѣсяца, мартъ и апрѣль, слѣдя за ходомъ событій и страдая въ душѣ при видѣ ужаснаго положенія въ которомъ находилась наша страна. Вниманіе нѣкоторыхъ демократовъ, котораго я не искалъ, и наладки журналовъ, которыхъ я ничѣмъ

не вызывалъ съ моей стороны, толкнули меня въ политическую дѣятельность; журналистика избрала меня своимъ представителемъ; разъ что я попалъ въ Собраніе, легкомысленная ненависть консервативной партіи заставила меня прервать молчаніе, и въ концѣ концовъ ожесточеніе обнаруженное противъ моей личности, возбуждая меня до бѣшенства, сдѣлало изъ меня то чѣмъ я явился потомъ.

„Это не могло такъ продолжаться; судъ отправилъ меня, съ утвержденія Собранія, на три года въ тюрьму. Поступивъ со мною съ такою строгостью, судьи спасли мнѣ жизнь. Въ пять лѣтъ, протекшія со времени моего осужденія, я много работалъ, много видѣлъ, многому научился; а конечно не измѣнился, но я сдѣлался тѣмъ чѣмъ могу быть; и я надѣюсь, будущее докажетъ моимъ друзьямъ и врагамъ что я лучше своей репутаціи, и что во мнѣ дѣйствительно есть нѣчто.

„Въ сорокъ лѣтъ, я женился на молодой и бѣдной работницѣ, не по страсти — ты знаешь какого рода страсти мнѣ доступны — но изъ участія къ ея положенію, изъ уваженія къ ея личности; наконецъ потому что по смерти моей матери я остался безъ семьи, и повѣришь ли? — за недостаткомъ любви у меня явилась потребность *своего хозяйства* и родительскаго чувства. Другія размышленія не приходили мнѣ въ голову.

„Въ четыре года, моя жена подарила мнѣ трехъ бѣлокурыхъ, румяныхъ дѣвочекъ, которыхъ она сама выкормила и которыхъ жизнь наполняетъ теперь всю мою душу. Пусть говорятъ сколько хотятъ что я поступилъ неблагоуразумно, что недостаточно произвель на свѣтъ дѣтей, надо ихъ воспитать и приготовить имъ приданое; я знаю то что родительское чувство наполнило необъятную пустоту существовавшую во мнѣ, дало недостававшую мнѣ олопу и двигающую силу, которой я не зналъ прежде. Я сожалею что въ 48 году не былъ уже отцомъ семейства по крайней мѣрѣ лѣтъ пять или шесть!

„Литературное поприще мнѣ нынче почти совсѣмъ закрыто. Ни одинъ типографщикъ, ни одинъ книгопродавецъ въ Парижѣ не осмѣлился издавать или продавать что-нибудь мое. Всякая книга подписанная моимъ именемъ должна исчезнуть съ оконъ магазиновъ и изъ каталоговъ. Я жаловался на этотъ остракизмъ полиціи, которая отвѣчала мнѣ

шутками. Мнѣ оставался книгопродавецъ съ которымъ я условился объ одномъ важномъ историческомъ трудѣ; но этотъ книгопродавецъ разорился вслѣдствіе положенія въ какое поставлена печать послѣ 2го декабря, и ликвидированъ. Въ настоящую минуту я принялъ на себя, не оставя своихъ занятій, редакцію нѣкоторыхъ частныхъ бумагъ для лицъ согласныхъ воспользоваться моими услугами. Хотѣлъ приискать себѣ какое-нибудь частное мѣсто, но всѣ съ ужасомъ бѣжали отъ меня; повидимому общество, серьезно убѣдившись что я его величайшій врагъ, исключило меня изъ своей среды. *Terra et aqua interdictus sum!*

„Вообще впрочемъ жизнь моя спокойна; я не испытываю никакихъ передрагъ. Полиція знаетъ что я за человѣкъ, знаетъ что я въ душѣ столько же гнушаюсь якобинцами, какъ и легитимистами, что я равнодушенъ къ политической формѣ и скептически отвошусь ко всякому авторитету, и что меня гораздо болѣе заботятъ задачи и обязанности власти, чѣмъ ея титулы.“

Стараясь придти какъ-нибудь на помощь своему затруднительному финансовому положенію, Прудонъ занялся интересами одной частной компаніи капиталистовъ и пытался получить для нея концессию; но правительство, осведомившись объ участиіи какое принималъ въ этомъ дѣлѣ Прудонъ, отказало въ ходатайствѣ. Компанія, желая вознаграждать Прудона за принятыя имъ на себя въ этомъ дѣлѣ труды, предложила ему 20.000 франковъ, но онъ отклонилъ это предложеніе. Онъ продолжалъ свою скромную жизнь кабинетнаго труженника, въ особенности много работая надъ исторіей. Наука эта интересовала его не со стороны факта, но преимущественно со стороны философской. Онъ изучалъ ее для обобщеній и выводовъ, которые должны были поставить исторію въ связь съ законами и явленіями экономическими. „Рядомъ съ политической экономіей — писалъ онъ къ тому же лицу — я принялся изучать исторію, и пришелъ къ убѣжденію что освѣщенная новою наукой, она сама представляетъ цѣлый новый міръ для изслѣдованія. У меня уже накопилось на десять тысячъ франковъ разныхъ замѣтокъ, собраныхъ отчасти мною самимъ, отчасти моими двумя сотрудниками; издержки этихъ приготовительныхъ работъ принялъ на себя одинъ несчастный книгопродавецъ, разоренный въ послѣдствіи переворотомъ 2го декабря. Ты понимаешь

что я не могу отказаться отъ этого труда, цѣнность котораго, если мнѣ удастся привести его къ концу, легко можетъ учетвериться и даже удесятиряться. Я далъ этому труду — ты опять обвинишь меня въ тщеславіи — я далъ этому труду, единственному въ своемъ родѣ, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, названіе *Chronos*, чтобы онъ представлялъ вѣчто подобное книгѣ Гумбольдта *Cosmos*, которая тебѣ конечно извѣстна.“ Эти занятія помогали Прудону терпѣливо переносить политическое бездѣйствіе, на которое онъ былъ осужденъ ходомъ событій; въ нихъ подчерпалъ онъ и утѣренность что въ немъ сохранялись и крѣпки его интеллектуальныя силы. „Меня считаютъ — писалъ онъ — раздавленнымъ, мертвымъ, считаютъ что со мною совсѣмъ покончили. Духовенство, судьи, старая партія и секты шкуютъ. На самомъ же дѣлѣ я только стущавадся; и если я не ошибаюсь на счетъ своихъ силъ, современемъ убѣдятся что до сихъ поръ видѣли только половину того что во мнѣ заключается“.

Мы сказали что для насъ особенно любопытны письма Прудона выражающія мнѣнія и впечатлѣнія его относящіяся до событій Восточной войны. Въ этихъ письмахъ выказался голосъ партіи для которой интересы демократіи и революціи были гораздо ближе вопросамъ національной чести и военной славы. Такая точка зрѣнія помогла Прудону отнестись критически къ истиннымъ дѣламъ и побужденіямъ Наполеоновской политики и сохранить въ самый разгаръ войны довольно безпристрастное отношеніе къ Россіи, вообще чуждое французскимъ публицистамъ. Для Прудона въ Крымской экспедиціи не существовало никакого національнаго вопроса; въ его мнѣніи это была чисто политическая игра, на которую рискнулъ Наполеоновскій режимъ ради своихъ соботвенныхъ интересовъ, связавъ съ ними и общіе интересы реакціонной партіи. Съ этой точки зрѣнія, каждый успѣхъ французскаго оружія являлся побѣдою реакціи, каждый уронъ приносилъ надежду на скорое разрушеніе только что возникшей Имперіи. Въ русской политикѣ, напротивъ, Прудонъ видѣлъ солидарность съ европейскою революціей, такъ какъ онъ предполагалъ сначала что императоръ Николай, въ виду грозной коалиціи западныхъ державъ, выдвинетъ на первый планъ вопросъ объ освобожденіи славянскихъ племенъ изъ-подъ иноземнаго господства. Въ такомъ

предложеніи, онъ считалъ побѣду Россіи несомнѣнною, и заранѣ торжествовалъ ее. Вотъ что писалъ онъ въ апрѣлѣ 1854 года, въ самомъ началѣ войны: „Система реакціи, управлявшая съ 25го февраля страню подъ именами Ламартина, Ледю-Роллена, Кавеньяка, Бонапарта и Наполеона III, близится къ своему алогееу и къ своему концу. Это она, въ послѣдніа шість или восемь недѣль, дала Восточному вопросу, легкомысленно поднятому въ Тюилери, оборотъ священнаго союза, направленнаго въ одно и то же время и противъ Царя, главы греко-славянской революціи, и противъ социалистскихъ революціонеровъ, болѣе или менѣе вѣрно представленныхъ Кошутами, Маццини и пр. Отсюда кутерьма, съ каждымъ днемъ все болѣе очевидная, въ которую стремится западная Европа, отсюда явное безсиліе англо-франко-турецкой коалиціи противъ рѣшительнаго движенія къ освобожденію христіанскихъ народностей Турціи, подготовлявшагося въ теченіи двухъ вѣковъ и поддерживаемаго императоромъ Николаемъ. Что можетъ сдѣлать, спрашиваю васъ, реакція подписанная Друэнъ-де-Луисомъ, Джономъ Росселемъ и Реншидъ-ляшей, противъ соединенныхъ силъ Царя и революціи? Что значуть эти сорокъ съ чѣмъ-то тысячъ человекъ противъ главы государства располагающаго милліонами солдатъ, становящагося представителемъ свободы и начинающаго съ того что сжигаетъ свои форты, высаживаетъ на сушу свои морскія силы, и не принимая битвы на морѣ, уводитъ корабли и запираетъ все проходы на Дунай, въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ? Предпріятіе невозможное, и не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ какъ политика Друэнъ и Росселей будетъ осмистана... Христіане греческаго исповѣданія, также какъ и католики, хотятъ быть хозяевами у себя дома; ничто не можетъ быть справедливей. Они призываютъ на помощь императора Николая — это ихъ право. До сихъ морѣ, западная революція ничего не можетъ возразить. Она не можетъ безъ всякаго предлога взять сторону Турокъ, и съ этой точки зрѣнія я оплакиваю журнальный походъ предпріятыи вашими другомъ Жирарденомъ. Все что западной революціи надлежитъ здѣсь сдѣлать, это признать новую народность и протестовать противъ всякаго раздѣла и дробленія. Подъ видомъ ли королевства, имперіи, республики или федераціи, необходимо турецкимъ провинціямъ образо-

вать новое и независимое государство; вотъ все что можетъ сдѣлать Франція, все чего можетъ требовать революція:

„Реакція 1848 — 54 годовъ думала сдѣлать въ Константинополѣ второе изданіе Римской экспедиціи; возбудила повинистскій духъ страны противъ казаковъ; стали гремѣть противъ Царя, тогда какъ слѣдовало войти съ нимъ въ соглашеніе чтобы покончить съ Турками, хотя бы вслѣдъ за тѣмъ пришлось драться за независимость новаго государства. И послѣ цѣлаго ряда ошибокъ, похваляются низвергнуть сѣвернаго деспота съ помощью нѣсколькихъ полковъ, когда великій человекъ потерпѣлъ въ томъ неудачу съ полмилліономъ солдатъ!

„Повторяю вамъ, реакція 48го года сама себя закаала; система близится къ концу, и можетъ случиться что династія Бонапартовъ, прежде чѣмъ дать себя выгнать какъ она того заслуживаетъ, сдѣлаетъ нѣчто кругомъ и укроется въ глубокихъ вѣдрахъ революціи.“

Въ юлѣ 1854, когда торжество Россіи едва ли кому представлялось несомнѣваемымъ, Прудонъ продолжалъ относиться къ Крымской экспедиціи самымъ критическимъ образомъ. Его возмущало лицемѣріе съ какимъ Англія и Франція приходили въ ужасъ отъ предложеній русской политики. „Если что дѣйствительно постыдно — писалъ онъ — это не заявленія лорда Сеймура, а лицемѣрный скандалъ произведенный имъ. Какъ! Англія, приглашающая бѣднаго Абдуль-Меджида отречься отъ заблужденій Корана, приведена въ краску стыда словами императора Николая? Не хотятъ слышать о смерти Турціи, хотя бы чтобъ она была жива! Уваженіе къ слабымъ! необходимость неприкосновенности Турціи для европейскаго равновѣсія! Вотъ дипломатія Друвѣ-де-Люиса, дѣятеля Римской экспедиціи! Кто заставляетъ васъ принимать предложенія Царя? Дѣлая ихъ, Царь открываетъ пренія, ставитъ вопросъ; надо было изслѣдовать, ослабить, противопоставить, чтобы приготовить основанія для договора.“ Перехоля къ предполагаемымъ результатамъ какихъ Франція можетъ ожидать отъ войны, Прудонъ говоритъ: „Съ Востока мы не получимъ ничего, ни колѣтки, ни даже славы... Третьяго дня императорскимъ декретомъ открытъ военному министру чрезвычайный кредитъ въ 52 милліона на потребности экспедиціи; это составляетъ уже 302 милліона. Вы знаете что если государ-

ство дѣлаетъ заемъ, стало-быть деньги уже истрачены; мы имѣемъ время дойти къ концу декабря до полумилліарда.

„Вы говорите мнѣ что Русскіе будутъ побиты. Я желалъ бы этого. Но это нисколько не подвигнетъ насъ, и хуже всего будетъ если мы возьмемъ у нихъ провинцію, которую надо будетъ сохранять. Мы влутались въ предпріятіе которое на худой конецъ будетъ стоить намъ 50 тысячъ чело-вѣкъ и 200 милліоновъ франковъ въ годъ. Скоро поймутъ это, и придетъ день когда контръ-революція, для которой Наполеонъ III служить только мало-любимымъ орудіемъ, скажетъ: стой!

„Стой—это значить отреченіе.“

Такого результата главнымъ образомъ чаялъ Прудонъ отъ англо-французской коалиціи, и съ этой только стороны она интересовала его. Онъ настаивалъ на томъ что война противъ Россіи есть война Наполеоновской реакціи противъ революціи. „Давно уже, писалъ онъ, вопросъ о Гробѣ Господнемъ тутъ ни при чемъ; повѣрьте мнѣ что въ эту минуту и сама Турція ни при чемъ, и восточные христіане ни при чемъ, и Россія ни при чемъ. Все дѣло въ спасеніи стараго порядка вещей.“

Любопытны мысли Прудона о тѣхъ явленіяхъ въ жизни и въ положеніи западной Европы которыя дѣлали войну съ Россіей чрезвычайно популярною. Мнѣніе радикала и демократа въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе замѣчательно что оно вовсе не отзывалось той предвзятою ненавистью и злобой ко всему русскому, которою отличалась тогда гораздо болѣе умѣренная европейская печать. „Старая Европа, говоритъ Прудонъ, больна, очень больна. Она умираетъ подобно Турціи, цѣпляясь за всякаго шарлатана, молясь всѣмъ Мадоннамъ; нѣтъ надобности чтобъ императоръ Николай доказалъ вамъ это. Озабоченное своею болѣзнию, старое общество вздумало воевать; оно вообразило что это выльцить его. Въ Англіи есть старая аристократія, себялюбивая, сварливая, гордость которой страдаетъ отъ того что среднее сословіе дѣлаетъ ее, и что промышленная буржуазія, кобденизмъ, чартизмъ, волненіе на континентѣ—все это толкаетъ ее куда-то туда гдѣ она не видитъ больше ни зги. Эта старая аристократія мечтаетъ теперь о чемъ-нибудь въ родѣ борьбы Пута съ республикой и съ имперіей.

„Въ Германіи буржуазія вчетверо толще нашей и помѣ-

шана на парламентарныхъ учрежденіяхъ. Съ такимъ же ужасомъ какъ и парижская буржуазія или англійская аристократія относясь къ социалистской демократіи, это нѣмецкое бюргерство не желаетъ болѣе монархій на божественномъ правѣ и ждетъ конституціонной хартіи. Кто же въ его глазахъ врагъ хартіи? Императоръ Николай. Думаютъ что когда надъ нимъ одержана будетъ побѣда, парламентарная свобода не встрѣтитъ болѣе прелятствій. Отсюда необычайная популярность какому пользуется въ Германіи англо-французское предпріятіе. Чернь вмѣшивается въ дѣло, ненависть къ славянскому племени ударяетъ въ голову, и весь міръ кричить: долой казаковъ! Прекрасно, мои буржуа. Но вспомните 1814—1815 годы: какъ только Наполеонъ былъ подавленъ, короли забыли свои обѣщанія. Они явились побѣдителями; идите же требовать хартіи отъ побѣдителей.

„Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, всегда зоркаго, Пруссія и Австрія зашевелились. Боже мой, какъ все соединилось чтобы помочь имъ.

„Никто не понимаетъ ихъ политики, тогда какъ она совершенно ясна. Очень естественно что королю Прускому и императору Австрійскому надоѣли интриги бюргеровъ, демократическіе и революціонные происки, и что имъ немного наскучило высокое и могущественное покровительство императора Николая. А тутъ французское и англійское правительства предлагаютъ имъ гарантіи противъ демагоговъ, французская буржуазія произноситъ свое *теа сибра*, нѣмецкое бюргерство предлагаетъ имъ свои талеры для покупки ружей противъ казаковъ и республиканцевъ; султанъ, отдавая послѣдній вздохъ, проситъ своего добраго друга Фердинанда принять въ свое владѣніе Молдавію и Валакію.... И вы удивляетесь что Австрія,—не слишкомъ однако влутываясь въ дѣло, Боже сохрани!—открываетъ уши внушеніямъ Наполеона III, главы новаго священнаго союза?

„Что до Россіи, не пугайтесь слишкомъ: я думаю ее побьютъ, сожгутъ ея флоты, чего Англійи въ особенности хочется; затѣмъ каждый возьметъ свою долю въ наслѣдіи Абдуль-Меджида.... Когда дѣла повернутся такимъ образомъ,—а какъ вы хотите чтобъ они иначе повернулись?—Франція, истощенная деньгами и людьми, довольно уже наскучившая своимъ Алжиромъ, консервативная Франція закричитъ Наполеону: стой!

„Стой, то-есть довольно мнѣ тебя, другъ мой, уходи себя! И лишь только императоръ Николай захочетъ показать себя удовлетвореннымъ и войти въ соглашеніе съ консервативными державами—Наполеонъ III, лишенный партіи, лишенный короны, не имѣя мѣста въ порядкѣ вещей, становится бессмыслицей и принужденъ отречься въ пользу графа Парижскаго, который, будучи великодушнѣе узурпатора 2го декабря, вознаградитъ его приличною пенсіей.“

Мысль что Вторая Имперія должна пасть подъ стѣнами Севастополя не покидала Прудона до самого конца войны. Это обычный притѣвъ всѣхъ его писемъ того времени. „Всѣ чувствуютъ, писалъ онъ на примѣръ въ сентябрѣ 1854 года, что мы близимся къ кризису. Если за опустошеніями произведенными холерой послѣдуетъ военная неудача, весьма возможно что Имперія вметитъ на воздухъ.“ Ходъ военныхъ дѣйствій, какъ и самое предпріятіе, подвергались съ его стороны безпощадной критикѣ; онъ настаивалъ что даже государственные интересы Франціи компрометтированы въ этомъ дѣлѣ, что даже въ случаѣ полной удачи, страна не можетъ ожидать отъ дорого стоящихъ побѣдъ ни малѣйшей выгоды. „Не сомнѣваются, писалъ онъ, что союзники наконецъ возьмутъ Севастополь. Но что же это будетъ за добыча? Въ дѣловой рѣчи подобный языкъ не долженъ быть терлимъ. Севастополь обойдется союзникамъ, со времени вмядки, въ 40 или 50 тысячъ человекъ и въ миллиардъ денегъ. Они не найдутъ тамъ и на миллионъ мѣди, желѣза, чугуна, остатковъ русскаго арсенала, которые непріятель, переходя чрезъ рейды по ливонамъ, не въ состояніи будетъ унести, да еще сколько нашихъ собственныхъ граватъ. Севастополь—городокъ въ которомъ не болѣе трехъ тысячъ не-военнаго населенія; въ немъ нѣтъ ни магазиновъ, ни фабрикъ, ни цѣнныхъ движимостей; казармы, камни, вотъ и все. Когда городъ и портъ будутъ взяты приступомъ, придется начать вторую осаду чтобы выгнать непріятеля изъ укрѣпленій Южной Стороны и уничтожить стотысячную армию, что также будетъ стоить людей и денегъ. Когда все это будетъ сделано, мы окажемся хозяевами Крымскаго полуострова—необитаемой степи, равняющейся цѣлему нашему Франкш-Контю и въ которой едва насчитываютъ 200.000 бѣдныхъ татарскихъ поселянъ. Чтобы сохранить это приобретение, намъ

потребуется по меньшей мѣрѣ 30.000 человекъ. И это будетъ только начало войны!“

Въ январѣ 1855 года Прудонъ считалъ экспедицію окончательнаго неудавшеюся. „Мы ввязали въ предпріятіе изъ котораго не выйдемъ со славою, если будутъ упорствовать въ образѣ дѣйствій принятомъ до сихъ поръ. Здѣсь всѣ кто только не клянется „счастьемъ Цезаря“, считаютъ союзную армію погибшею; полагаютъ по меньшей мѣрѣ что ее нельзя спасти не принявъ одной изъ двухъ мѣръ, на которыя правительство одинаково не можетъ рѣшиться: послать 300.000 солдатъ къ Пруту, или заключить миръ на условіяхъ предложенныхъ Царемъ. Что касается Турціи, она не оправится отъ услуги оказанной ей Англо-Французами: конецъ ея пришелъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни разрѣшился вопросъ, пораженіемъ или униженіемъ, трудно будетъ новой Имперіи устоять: ея конецъ также насталъ!“ „Мы осаждены въ нашемъ лагерѣ, писалъ Прудонъ въ другомъ письмѣ отъ того же числа, день и ночь тревожитъ насъ непріятель, подкарауливающийъ часъ нашей слабости и отчаянія; у насъ вѣтъ болѣе лошадей чтобы двигать артиллерію; нѣсколько разъ уже наши солдаты принуждены были довольствоваться половинными раціонами; наши несчастные новобранцы прибываютъ въ Крымъ, послѣ трехъ недѣль труднаго плаванія, только для того чтобы поступить въ госпиталь; наконецъ, ужасная вещь — армія не можетъ, когда захочетъ, съѣзъ вновь на суда; она осуждена побѣдить, а побѣда ея такъ трудна! Сжечь, стереть Севастополь еще не значитъ побѣдить; нужно овладѣть мѣстомъ, арміею, цитаделью, прогнать Русскихъ, занять Перекопъ; все вещи невозможныя для арміи потерявшей лошадей и не могущей удалиться на двѣ мили отъ флота, ея единственной опоры.“

Два мѣсяца спустя, по поводу одной брошюры, напечатанной въ Бельгіи и подвергнутой преслѣдованію французскаго правительства, Прудонъ возвращается къ перечисленію потерь понесенныхъ союзниками въ Крыму. „По словамъ этой записки, число офицеровъ и солдатъ выбывшихъ изъ строя съ начала экспедиціи достигаетъ 18.000 человекъ. Три недѣли раньше мнѣ называли, на основаніи министерскихъ свѣдѣній, цифру 75.000 человекъ. Всѣ знаютъ и не сомнѣваются болѣе что безпорядокъ, лишенія, смертность въ нашей крымской арміи ужасны и что мы также мало

проявлены какъ и Англичаве. Офицеры и солдаты пишутъ друзьямъ что не надѣются болѣе увидѣть Францію и т. д. Эти факты, обличенные принцемъ Наполеономъ, признанные генералами Ниелемъ и Канроберомъ, заставили императора рѣшиться ѣхать въ Крымъ и принять на себя руководство военными дѣйствіями. Его отъѣздъ, назначенный на 20е февраля, отложенъ уже до 20го марта, чѣмъ доказывается что само правительство не считаетъ штурмъ возможнымъ ранѣе 15го апрѣля. Я очень опасаюсь что если Наполеонъ не поспѣшитъ заключить миръ, положеніе его будетъ сильно поколеблено. Въ настоящую минуту обаяніе его уничтожено; буржуазія никогда не была на его сторонѣ, а теперь онъ потерялъ также рабочихъ и крестьянъ. Вотъ уже шесть недѣль какъ царствуетъ волненіе въ умахъ, и оно понемногу переходитъ къ массамъ. Наполеонъ III совершенно одинъ посреди своего царства. Отъ министровъ до послѣдняго наемника каждый готовъ повернуться къ нему спиной и пристать къ Орлеанской династіи. Ждутъ только случая. Я могъ бы указать вамъ множество признаковъ обличающихъ тайную, всеобщую конспирацію; но лучше скажите сами себѣ: много ли вы видите вокругъ себя бонапартистовъ? Въ концѣ того же мѣсяца Прудонъ добавляетъ: „Деньги, люди, все исчезаетъ съ разорительною быстротою; нищета растетъ, партіи ропщутъ, волнуются, приготовляются въ ожиданіи бѣдствія; охранительные интересы вопіютъ громко и требовательно. Общественное мнѣніе въ послѣднія двѣ недѣли сложилось въ томъ смыслѣ чтобы принять предложеніе Россіи, то-есть отказать отъ Севастополя.“

Дальнѣйшія письма Прудона представляютъ новое подтвержденіе того, сдѣлавшагося уже общеизвѣстнымъ, факта что истощеніе союзниковъ росло въ 1855 году вмѣстѣ съ истощеніемъ Россіи и что исходъ войны зависѣлъ отъ послѣдняго напряженія съ той или съ другой стороны. Положеніе Наполеона III, въ виду всеобщаго возрастающаго неудовольствія, стало до того затруднительно что миръ представлялся ему столь же необходимымъ, какъ и измученнымъ защитникамъ Севастополя. Еслибъ осажденные могли продержаться осень 1855 года, союзники по всей вѣроятности смѣли бы осаду, такъ какъ вторично зимовать ледъ стѣнами Севастополя для нихъ не представлялось возможности. Послѣ отбитія штурма Малахова Курганъ въ іюль мѣсяцѣ,

союзная армія дошла до высшей степени деморализаціи; къ несчастію, неудачное Инкерманское дѣло, нанесъ намъ невознаградимыя потери, ободрило непріятеля. Тѣмъ не менѣе, положеніе французской арміи и французскаго правительства было отчаянное. „Правительство, писалъ Прудонъ въ началѣ сентября новаго стила, страшно нуждается въ побѣдѣ и стремится кулить ее всякою цѣной. Севастополь или смерть— вотъ крайность въ какую оно приведено. Сильное волненіе господствуетъ во многихъ департаментахъ; попытка восстанія, очень важная, имѣла мѣсто въ Анжерѣ, и не удалась потому что правительство было вовремя предупреждено; въ Кото, на сѣверѣ, водили въ дѣло кирасировъ; Ньверъ весь переполненъ тайными обществами; императорскіе прокуроры доносятъ со всѣхъ сторонъ что демагогія подымаетъ голову и пр. Отъ Бордо до Бреста заговоръ зреетъ среди бѣлаго дня. Нужна побѣда, громадная побѣда, или все потеряно.“ Авторъ письма повторяетъ что Канроберъ настаиваетъ на отъѣздѣ императора въ Крымъ и что императорскій багажъ уже высланъ впередъ. По этому поводу онъ приводитъ каламбуръ французскихъ солдатъ: „Oui, disent les troupiers, nous avons la tante, mais nous ne voyons pas le nez“ (непереводимая игра словъ: tante—тетка и tente—палатка).

Прудонъ полагаетъ что Англія въ той же мѣрѣ утомлена войною какъ и Франція, но по его соображеніямъ она имѣетъ особыя причины желать чтобы примиреніе между Франціей и Россіей какъ можно долѣе не могло состояться. Эти причины онъ видитъ въ вопросѣ о Суэцкомъ перешейкѣ, разрѣшеніе котораго, отодвигаемое войною, грозило торговымъ интересамъ Великобританіи. Прорытіе Суэцкаго канала, приближая Францію, Италію и Россію къ Индіи, доставляло этимъ державамъ господство надъ средиземными водами, несмотря на то что Англія владѣетъ тамъ Гибралтаромъ, Мальтой и Корфу. „Предположите, говоритъ Прудонъ, что Франція, послушавшись внушеній императора Наполеона, согласилась бы устроить вмѣстѣ съ Австріей и Россіей участь Оттоманской Имперіи. Она могла бы это сдѣлать, и Англія, оставленная въ сторонѣ, принуждена была бы разрываться отъ печали и царыгать безсильныя угрозы. Не взирая на Гибралтаръ, Мальту и Корфу, Россія и Франція, соединивъ свои эскадры, были бы новыми хозяевами Средиземнаго моря и предписывали бы его водамъ свои законы.

Африка почти вся поступила бы подъ покровительство Франціи, Царь окончилъ бы съ кавказскими горами и явивулся бы къ Евфрату, который, соединясь съ Чернымъ Моремъ, поставилъ бы Москву въ непосредственное сообщеніе съ Калькуттой. Судьба міра была бы такимъ образомъ устроена помимо Ангаіи и вопреки Ангаіи... Вотъ это-то и заставляетъ прелатствовать заключенію міра, или по крайней мѣрѣ оттягивать его сколько можно. Разрѣшеніе вопроса лежитъ въ Суэцѣ; и прорытію перешейка будутъ вслѣдствіи прелатствовать. Союзъ Франціи съ Россіей будетъ для Великобританіи рѣшительнымъ ударомъ; поэтому надо во что бы то ни стало поддерживать войну. Англичане знаютъ что имѣютъ дѣло съ честолюбцемъ; они расточаютъ ему похвалы, удивляются ему, ласкаютъ его, посылаютъ королеву древней крови съ любезностями къ Mlle Теба. Франція не только сражается для Англичанъ на свой собственный счетъ, она бьется противъ своихъ интересовъ, противъ своей законной судьбы.“

Появно что относясь къ великой международной драмѣ съ исключительной точки зрѣнія демократа и республиканца, Прудонъ въ торжествѣ императорскихъ войскъ видѣлъ только поражение нанесенное интересамъ партіи которой онъ служилъ. Обаяніе національной славы было ему совершенно чуждо; онъ съ горечью принималъ извѣстіе о томъ что французскій флагъ развивается на Малаховомъ Курганѣ. Онъ писалъ тогда одному изъ друзей своихъ: „Выборы 48 года, рѣзня 51 года и севастопольскіе трофеи — вотъ три печали моего сердца. Первые показали намъ мудрость народныхъ массъ и ихъ презрѣнные инстинкты; вторая среди рукоплесканій положила начало царяльской тиранин; послѣдніе ее освятили и увѣнчали.“

Замѣчательно что въ то время когда Прудонъ давалъ печальный примѣръ отсутствія національнаго чувства,—явленіе появившееся въ странѣ гдѣ политическія и социальныя революціи оставили такіе глубокіе слѣды какъ во Франціи,—съ нимъ въ этомъ отношеніи сошелся выходецъ изъ странъ авившей въ эту тяжкую годину значенія высокаго патріотическаго напряженія. Въ то время какъ вся Россія со скорбнымъ участіемъ слѣдила за кровавою борьбой, длившейся подъ ударами Севастополя, Герцель приступалъ къ изданію периодическаго сборника, имѣвшаго цѣлю подрывать авторитетъ

русскаго правительства и государства, и заласался связями въ западно-европейской революціонной партіи. Между прочимъ оныъ обратился и къ Прудону, приглашая его сотрудничать въ своемъ изданіи. Въ шестомъ томѣ *Correspondence etc.* есть отвѣтъ Прудона на это приглашеніе, любопытный во многихъ отношеніяхъ. Письмо помѣчено 23го іюля 1855 года.

„Наши идеи — писалъ французскій радикаль русскому эмигранту—я полагаю, одѣи и тѣ же; наши интересы солидарны; наши надежды сходятся. Отъ одной окраины Европы до другой, одна мысль, одинъ лучъ озаряетъ всѣ свободныя сердца. Не стовариваясь и не слисываясь, волею или неволею, мы сотрудничи другъ друга... Но увы! какъ трудна наша задача. Тогда какъ вы занимаетесь преимущественно правительствами, я имѣю дѣло съ управляемыми. Прежде чѣмъ нападать на деспотизмъ властителей, не слѣдуетъ ли сначала побороть его въ самихъ солдатахъ свободы? Знаете ли что никто такъ не походитъ на тирана, какъ народный трибунъ, и не казалась ли вамъ много разъ нетерлимость мучениковъ столь же ненавистна какъ и ярость преслѣдователей? Не потому ли такъ трудно побороть деспотизмъ что оныъ находитъ олопу въ цѣлномъ чувствѣ своихъ противниковъ, вѣрнѣе сказать соперниковъ — до такой степени что искренно-либеральный писатель, истинный другъ революціи, часто не знаетъ въ какую сторону долженъ оныъ направить свои удары—противъ стачки угнетателей или противъ нечистой совѣсти угнетаемыхъ? Развѣ вы никогда не были скандализованы и приводимы въ отчаяніе лицемѣріемъ и макиавелизмомъ тѣхъ кого европейская демократія терлитъ и признаетъ своими вождями? Не производите раздора въ виду непріятеля, скажете вы мнѣ. Но, дорогой Герценъ, что опаснѣе для свободы—разладъ или измѣна?“ Читателямъ извѣстно изъ посмертныхъ бумагъ Герцена что русскій эмигрантъ въ послѣдніе годы своей жизни пришелъ къ той самой точкѣ зрѣнія на которую Прудонъ старался поставить его за лятвадцать лѣтъ предѣлѣтъ, и что самыя мѣткіе, хотя запоздалые удары его остроумія улади на тѣхъ кому оныъ такъ долго служилъ и въ концѣ такъ горько разочаровался.

Въ то время когда Прудонъ писалъ это письмо, французскія газеты много занимались слухами (слишкомъ преждевременными) о намѣреніи новаго русскаго правительства расширить привилегіи Царства Польскаго. Прудонъ былъ чрезъ-

вычайно заинтересованъ этими слухами и какъ видно сильно преувеличивалъ ихъ и придавалъ всему дѣлу вовсе несвойственную ему окраску. „Тогда какъ Западъ—писалъ онъ Гердеву—сражаясь за Турцію, объявляетъ себя разомъ противъ Царя и противъ революціи, Царь призываетъ къ себѣ революцію! Съ Востока отнынѣ идетъ къ намъ свобода—продолжаетъ онъ, перефразируя извѣстные слова Вольтера; съ Востока считаемаго варварскимъ, изъ отечества послѣднихъ рабовъ, изъ страны романовъ, течетъ къ намъ жизнь нравственная, убитая на Западѣ буржуазнымъ себялюбіемъ и якобинскою глупостью. Тогда какъ матеріализмъ пожиралъ насъ, эпидемія и картечь истребляютъ нашу несчастную армію, Русскій народъ влекутъ на поле битвы чувства облагораживающія человѣческую душу—національность, религія, ненависть къ варварству и—сказать ли?—надежда свободы, возжигаемая Царемъ. Исторія полна подобныхъ противорѣчій.“

Мечта увлекаетъ Прудона далѣе—онъ уже думаетъ о томъ, въ состояніи ли будутъ французскіе солдаты перенести на родину изъ-подъ стѣнъ Севастополя свѣточъ пламеньющій въ Россіи. Онъ не надѣется, онъ ничего не ждетъ отъ „солдатъ палы и императора, Римской экспедиціи и 2го декабря.“ Но перо писателя можетъ сдѣлать то на что негодны солдаты, пораженные духомъ казармы и *механизацией* дисциплины. „Съ береговъ Черной, Днѣпра и Вислы свобода принесется на крыльяхъ мысли и чтобы пристыдить старый революціонный городъ. Тогда міръ узнаетъ, Франція ли, побѣдительница въ Крыму, держитъ скипетръ цивилизаціи и прогресса, или этотъ скипетръ уступленъ ею Россіи, ея любимому врагу—но въ такомъ случаѣ истинному побѣдителю.“

Оканчивая на этой куріозной выходкѣ обзоръ послѣднихъ томовъ *Переписки Прудона*, напомнимъ то что было сказано нами въ началѣ статьи: Прудонъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей современной Франціи, съ ея живучестью и съ ея элементами разложенія. Сынъ своего вѣка, онъ вкусилъ отъ его ядовитого плода, и тамъ гдѣ дѣло касается заповѣдныхъ вопросовъ соціальной революціи, самобытная дѣятельность его мысли прекращается и предъ читателемъ выступаетъ человѣкъ лартиа, поклоняющійся своимъ фетишамъ.

V. W.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

I.

Въ концѣ 1863 года, безпристрастному наблюдателю наша провинцiальная окраина представлялась въ отчаянномъ положенiи. Вся общественная жизнь была потрясена до глубины основанiй. Всѣ элементы гражданскаго общества выступили изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, забыли свои сферы, метались въ какой-то фантазмагорiи, переживали вновь, подъ новыми юридическими и политическими формами, то броженiе которому нерѣдко подвергалась во время оной Рѣчь Посполитая. Къ исторической шляхетской наклонности къ хаотическимъ движенiямъ присоединился организованный терроръ. Революцiонная партiя была единственною организованною силою и не встрѣчала отпора ни со стороны измѣнявшей правительству мѣстной администрацiи, ни со стороны считавшихся надежнымъ элементомъ консерватизма мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ни со стороны здороваго третьяго трудового сословiя, которое никогда не существовало въ Польшѣ какъ замѣтная, самостоятельная общественная сила. Терроръ, ослабѣвшiй въ Вар-

шайкѣ, пускалъ глубокіе корни въ областяхъ. Революціонныя агенты разсылались по всей странѣ и отражомъ смерти-владычествовали надъ сельскимъ населеніемъ. Русскіе отряды были рѣдки. Сельское населеніе глубоко деморализовалось, подчиняясь то революціи, то правительственной власти. Вслѣдъ за шайкой повстанцевъ проходилъ нашъ отрядъ, вслѣдъ за отрядомъ подвигался делегатъ революціи, и сельскій житель, волей-неволей подчиняясь всякой силѣ, неся кару за невольное подчиненіе, могъ сознавать лишь одно — свое собственное безоміе, свою безпомощность. Семейный союзъ, распавшійся тоже въ безпутное время раздѣловъ Подыши, представлялся въ самомъ печальномъ видѣ. Изъ героини Мицкевича, не Юся, а Гражина возмнилъ идеалами предъ польскими женщинами. Забывая свой очагъ, свою семью, онъ вполнѣ предавался политической агитаціи. Сынъ, отецъ, мужъ, братъ, все исчезало у нихъ въ конячій патриота. Въ политической восторженности ихъ чувствовалось горячее вѣданіе религіознаго фанатизма. Въ тѣсномъ союзѣ съ женщинами чрезъ посредство стояло латинское духовенство. Оно властвовало надъ женщинами, которыхъ въ Подышѣ цѣлкомъ религіозное воспитаніе подготовляло къ экзальтированности, властвовало чрезъ женщинъ надъ мужчинами и было политическимъ рычагомъ первостепенной важности. Католическій священникъ или монахъ не привязанъ къ странѣ родствомъ и семьей, какъ православный, не ограниченъ общиной, какъ у протестантовъ: онъ живой членъ всемірной космополитической критической организаціи. Ему нечего рисковать, неуклонно осуществляя свои логические выводы, къ которымъ такъ приспособляется умъ латинскою теологіей, — если онъ одинаково дома въ Китаѣ и Парагваѣ, если онъ знаетъ что однимъ духомъ одушевлена организаціа его церкви во всей вселенной. При этой отрешенности и независимости отъ мѣстныхъ условій, при этомъ подчиненіи государственныхъ интересовъ страны церковной доктринѣ, организаціа латинскаго духовенства проникнута духомъ безусловнаго послушанія и дисциплины. Безусловное подчиненіе личному, не соборному, началу дѣлаетъ изъ всего латинскаго духовенства превосходную боевую силу, воинствующую церковь въ полномъ смыслѣ слова. И эта сила, въ угоду которой въ конституціонную эпоху Царства и лозже были перестроены гражданскіе законы французскаго

кодекса, на которую правительство долгое время, подъ вліяніемъ мистики Священнаго Союза, считало возможнымъ опираться, эта сила не могла забыть что до раздѣла она безусловно царяла въ Польшѣ; что послѣ раздѣла лишь подчиняясь схизматикамъ или обманывая ихъ она могла удерживать хотя часть своего прежняго значенія, что пропаганда для нея стала возможной лишь подъ условіемъ тайны, а явная преслѣдовалась. Эта сила, сосредоточившись влоанѣ на послушномъ ей стадѣ католиковъ, была намъ совершенно враждебна; подъ ея вліяніемъ, въ массѣ, религія слилась съ народностью; обѣ идеи неестественно срослись и произвели польскую вѣру и русскую вѣру, религіозная рознь раздула племенную и политическую неприязнь. На ряду съ несомненнымъ къ инициативѣ, проникнутымъ воспоминаніями и сожалѣніями о шляхетскомъ строѣ землевладѣльческимъ классомъ и фанатическимъ духовенствомъ стояла самая главная сила революціоннаго броженія—городское населеніе, болѣе подвижное, ближе стоящее къ событіямъ и заключавшее въ своей средѣ значительную массу образованныхъ людей. Здѣсь идея шляхетскаго равенства перерабатывалась въ демократизмъ, демократизмъ организовался въ революціонную силу противъ Россіи; все было окрашено въ рѣзкій національный цвѣтъ. Въ городскихъ центрахъ выработалась рѣшительная партія движенія, партія красныхъ. Города поставили главный контингентъ молодыхъ силъ безвременно погибшихъ въ повстанскихъ бѣдахъ. Изъ мелкой землевладѣльческой и городской шляхты вышелъ и главный контингентъ чиновниковъ, наполнявшихъ королевскую администрацію. Она была вся польская по личному составу, за исключеніемъ начальствующихъ лицъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Офіціальный языкъ былъ тоже польскій, несмотря на неоднократныя попытки правительства дать русскому государственному языку подобающее значеніе. Въ такомъ положеніи находился прувислинскій край. Это броженіе началось уже давно. Неудачи Восточной войны подняли надежды польскихъ патріотовъ. Реформы въ автономическомъ смыслѣ въ Царствѣ Польскомъ, начавшіяся въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ войны, оживили ихъ. Наконецъ великая крестьянская реформа въ Россіи, при осуществленіи которой, по мнѣнію враждебныхъ Россіи агитаторовъ, не могло обойтись у насъ безъ крупаго государственнаго или соціальнаго

тактизма, показала партіи движенія самой удобною минутой начать борьбу за независимость Польши. Въ ожиданіи внутреннихъ волненій, когда вниманіе правительства поглощено освобожденіемъ крестьянъ, казалось наступилъ самый благоприятный моментъ для возстанія. Возстаніе началось.

Но при самомъ началѣ революція натолкнулась на непредвидѣнный тормазъ, котораго нельзя было тронуть ни костельною проповѣдью, ни демократико-патріотическою пропагандой, еще менѣе картинами прошлаго; нельзя было потому что этотъ тормазъ представлялъ собою едва ли не исключительно экономическую силу, отрѣшенную въ теченіе многихъ лѣтъ отъ всякихъ идеальныхъ интересовъ, занятую исключительно заботой о хлѣбѣ и деньгахъ, шедшихъ къ полякамъ и жидамъ за хлѣбъ. Мы говоримъ о крестьянствѣ. Эта невзводущая, безличная въ государствѣ и обществѣ, но живая, стихійная сила была страшна своимъ многолюдствомъ и исходъ дѣла зависѣлъ отъ того поднимется ли она за возстаніе, или останется спокойною. На этой безмолвной, нѣмой силѣ сосредоточился весь интересъ политической борьбы.

Вооруженное возстаніе началось въ Царствѣ если не безъ надежды, то противъ желанія аристократической *бѣлой* партіи. Терроръ оттолкнулъ бѣлыхъ отъ дѣятельнаго участія въ революціи. Крестьянскій вопросъ, разрѣшеніе котораго было во власти землевладѣльческаго класса, застигнутый возстаніемъ, остался неразрѣшеннымъ, и крестьяне, зная о правительственныхъ планахъ улучшить и регулировать ихъ экономическій бытъ, видѣли что это дѣло задержано шляхетскимъ политическимъ движеніемъ. Между тѣмъ начавъ возстаніе красные кромѣ словъ и убійствъ не имѣли никакихъ средствъ улучшить положеніе крестьянства, но ни того, ни другаго не было достаточно. До какой пассивности было исторически доведено польское крестьянство уже достаточно видно изъ того что оно не двигалось ни въ ту, ни въ другую сторону въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, когда въ странѣ, всѣ сословія были проникнуты революціоннымъ духомъ. Ставъ рѣшительно на сторону правительства, крестьянство задушило бы мятежъ въ самомъ началѣ; примкнувъ къ мятежу, оно сдѣлало бы исходъ всего дѣла до нельзя сомнительнымъ. Оно не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Наши люди бьются мятежниковъ, гоняются за нами по лѣсамъ,

но въ концѣ 1863 года все-таки „владычество Россіи ограничивается лишь тѣмъ пространствомъ которое непосредственно доступно дѣйствию русскаго оружія; одно лишь безотчетное сочувствіе сельскихъ массъ и бодрая сила войскъ придаютъ владычеству Россіи въ Царствѣ наружный видъ дѣйствительности и всеобщности“. Въ это время, то-есть въ теченіе трехъ лѣтъ, безотчетно, но и бездѣтельно сочувствующее намъ крестьянство осыпается на перебой самыми льстивыми обѣщаніями и красной, и бѣлокостной партіи. Революціонныя власти отмѣняютъ крестьянскія повинности, крестьянство вбираетъ въ себя эти небывалыя льготы, перестаетъ платить за пользованіе землями и за тѣмъ остается попрежнему безучастнымъ къ дѣлу революціи. Зная историческій характеръ забитаго до степени быдла польскаго крестьянина, это странное положеніе его въ теченіи трехъ лѣтъ мы не можемъ объяснять исключительнымъ „безотчетнымъ сочувствіемъ“ къ законному порядку. У польскаго крестьянина съ давнихъ поръ отечество не простиралось далѣе его загона; онъ съ давнихъ поръ привыкъ считать все выходящее изъ предѣловъ его тѣснаго кругозора дѣломъ панскимъ, то-есть ему совершенно постороннимъ, чужимъ. Эта безличность главнымъ образомъ разстроила революціонныя планы, а съ другой стороны, инерція сельскаго населенія уяснила правительству что странѣ, земскому миру и законному порядку, необходимы не политическія, административныя реформы, но коренное, органическое преобразованіе, которое должно начаться переустройствомъ поземельныхъ отношеній. Непрерывное военное положеніе, доблесть нашихъ войскъ, энергія военныхъ правителей, сила штыка какъ оказалось, не помѣшали въ странѣ разразиться вооруженному возстанію, стало-быть не могли сами по себѣ одѣжить гарантіей законному порядку и мирному развитію страны, несмотря на условія способствовавшія дѣйствительно небывалому въ исторіи Польши развитію матеріальнаго благосостоянія. Оказалось что всѣ умственные силы страны развились въ направленіи враждебномъ Россіи, что революціонными началами, каждое на свой ладъ проникнуты и бѣлокостный классъ аристократовъ помещиковъ, и латинское духовенство, и демократическое население городовъ. Никто, казалось, не заинтересованъ охраненіемъ законнаго порядка. Консервативнымъ матери-

лемъ было одно польское крестьянство, до тѣхъ поръ немущее и равнодушное, но которое нужно было сдѣлать имущимъ и заинтересованнымъ впредь въ охраненіи земскаго мира.

Таково было основаніе для всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ въ привислинскомъ краѣ. Систематизація, разработка и направленіе всего многосложнаго и многотруднаго дѣла преобразования экономическаго и административнаго строя Царства Польскаго составляютъ незабвенную заслугу Н. А. Милютина. Основною мыслью всѣхъ этихъ работъ была ясно поставленная задача: органически связать привислинскій край съ прочими краями Россіи, „чего къ сожалѣнію до сихъ поръ (1863) не было“. Мы здѣсь не будемъ распространяться о блистательно законченной операціи выкупа крестьянскихъ земель, объ общинной организаціи, о реформѣ въ сферѣ духовнаго вѣдомства, объ устройствѣ городовъ, о преобразованіи учебныхъ заведеній, объ объединеніи администраціи, о полицейскомъ устройствѣ; ближайшій предметъ подлежащій вашему разсмотрѣнію—судебная реформа въ Царствѣ; но вамъ позволено будетъ уломянуть что широкой планъ задуманныхъ реформъ не исчерпывался совершеннымъ призывомъ Н. А. Милютина. Ему совершенно ясно было видно что ни подворное, ни общинное землевладѣніе не можетъ застраховать страну отъ язвы бездомнаго, бродячаго пролетаріата, что поэтому необходимо организовать и примѣнять систему колонизаціи; онъ также ясно видѣлъ что гминная единица недостаточна, какъ единственная общественная форма, для приученія общества къ законной дѣятельности, и предполагалъ преобразовать уѣздные и губернскіе совѣты „на началахъ болѣе соответствующихъ современнымъ требованіямъ обобщившейся гражданственности“. Но и на этихъ мѣропріятіяхъ не остановился въ самодовольствіи неумолимый государственный умъ мочившаго дѣтлея. Всѣ эти мѣры, по его мнѣнію, имѣютъ лишь характеръ частный и переходный, онѣ необходимы впредь до окончательнаго устройства края. Онѣ не что иное какъ частныя скрѣпы и сдѣлкія, впервые тѣсно связывающія польскій край съ Русскимъ государствомъ. Когда окажутся спелыми и сплужеными тѣ вѣковыя права которыя такъ искусственно раздѣляли объ, отнынь въ той или другой формѣ

неразрывно соединенныя, части славянскаго государства когда съ поднятіемъ консервативнаго землевладѣльческаго крестьянства до степени сословія политическаго, призвано къ дѣятельному и самостоятельному участию въ дѣла страны по мѣстному управленію, возстановится нормальная строй польскаго общества, сдѣлается возможнымъ нормальное поступательное движеніе страны, а вслѣдствіе того политическое настроеніе пріобрѣтетъ разумный характеръ, чуждый фантазій, тогда можно будетъ „вводить расширять тѣ учрежденія которыхъ требуетъ современное настроеніе всего европейскаго общества, причемъ необходимо полное и безусловное соглашеніе ихъ съ учрежденіями прочихъ частей Имперіи. До тѣхъ поръ еще было бы искать разрѣшенія польскаго вопроса въ какихъ-то ни было политическихъ комбинаціяхъ, столь явно отжившихъ доселѣ свою несостоятельность.“

По мысли Н. А. Милютина, перечисленныя реформы должны объединить оба края, установить одну общую почву государственнаго права, и за тѣмъ, по мѣрѣ услѣдствія пріятія странною этихъ реформъ, долженъ открыться для всего государства одинъ общій нормальный путь дальнѣйшаго развитія, причемъ польскій край уже не будетъ стоять особнякомъ, требующимъ какихъ-либо крульныхъ мѣстныхъ и лѣтій, которыми не рѣдко и злоупотребляютъ, находя ихъ необходимость тамъ гдѣ они едва ли чѣмъ-либо серьезнымъ оправдываются, но составятъ нераздѣльную, связанную общими судьбами часть великаго государства, развитіе котораго будетъ нормой и для этого края. Это широкое воззрѣніе понятное всякому русскому человѣку. Все пріобрѣтаемое Русскому государству на западѣ, югѣ, востокѣ и сѣверѣ куплено цѣною тяжкой борьбы, цѣною народнои крови и труда не представлять чтобъ эти края, напитанные русскою кровью могли долго оставаться изолированными отъ общенародной отъ общегосударственной жизни, могли имѣть какія-то особые права, привилегіи, могли во имя своихъ мѣстныхъ интересовъ провозглашать свою особность отъ Русской земли. Оттого мысли Н. А. Милютина казались понятное и дорогое и кому Русскому чувство единства земли. Въ ряду и образованій въ смыслѣ объединенія привислянскаго къ Имперіи одно изъ важныхъ и существенныхъ звеньевъ

оставляетъ судебная реформа. Она является послѣ всѣхъ, послѣ крестьянской—аграрной, послѣ новой общинной организации, послѣ преобразования городского управления. Судебное вѣдомство одно сохранило и сохраняетъ свою особость и отдѣльность послѣ того какъ прочія отрасли государственной администраціи, финансовая, административная, учебная, духовная, уже слились съ министерствами Имперіи; оно послѣднее офиціально употребляло и употребляетъ польскій языкъ, какъ языкъ суда, какъ языкъ государственный. Это обстоятельство объясняется, вопервыхъ, тѣмъ что при началѣ преобразованій въ Царствѣ русскій тиль суда, выразившійся въ судебныхъ уставахъ 20го ноября, еще не выработался, и къ проекту преобразованій можно было приступить не ранѣе какъ по введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ въ Имперію; вовторыхъ, тѣмъ что обращеніе данный уставами требовалъ участія общества въ дѣлѣ суда, а въ Царствѣ Польскомъ переустройство общественной организации, образование городскихъ и сельскихъ думъ, не было еще приведено къ окончанію, не была выяснена вѣличность благонадежныхъ общественныхъ силъ и вѣшено ихъ знаненіе; втретьихъ, тѣмъ что судебная реформа въ Царствѣ представляла особыя затрудненія, такъ какъ она затрогивала болѣе широкій кругъ интересовъ, обирившій циклъ юридическихъ отношеній. Судъ и процессъ о многихъ отношеніяхъ получаютъ свой характеръ отъ системы гражданскаго права. И у насъ, и въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ судебныхъ функцій, на судъ возложено совершеніе многихъ корпоративныхъ, охранительныхъ дѣйствій, а наблюденіе за ними, при судахъ у насъ и тамъ существуютъ учрежденія гипотечныя, нотаріальныя, тоже тѣсно обусловленныя дѣйствующимъ положительнымъ правомъ. Такъ какъ объединеніе гражданскаго права въ Русскомъ государствѣ послѣдуетъ еще неизвѣстно когда, то приходится примѣнять положенія мѣстнаго гражданскаго права къ новымъ судебнымъ и процессуальнымъ формамъ, причемъ, очевидно, не подлежитъ сомнѣнію что гораздо легче написать и ввести новый законъ, нежели приспособить старый къ новымъ формамъ. Потребовалось тщательное изученіе старой системы гражданскихъ отношеній мѣстнаго права. Новый судебный законъ потребовалъ тщательной отлѣтки

подробностей, ибо дѣйствіе его не было моментальное, какъ на примѣръ аграрнаго закона, который разъ навсегда установилъ извѣстное гражданское отношеніе, а постоянное, такъ какъ судъ дѣйствуетъ неустанно и непрерывно. Наконецъ, будучи закономъ органическимъ, разчитаннымъ на долгое время, проектъ реформы подвергся всестороннему обсужденію и съ политической стороны и съ юридической и прошелъ не сравненно болѣе разныхъ инстанцій, нежели другіе преобразовательные законы для Царства. Не малое значеніе имѣли подготовительныя мѣры и финансовыя соображенія. Такая крупная мѣра какъ введеніе въ судъ русскаго языка требовала большой постепенности и осмотрительности. Онъ постепенно вводился въ Сенатъ и апелляціонномъ судѣ съ большими промежутками времени. Нынѣшній бюджетъ судебного вѣдомства въ Царствѣ удивляетъ своею скромностью. Новые, хотя и скромные, судейскіе оклады потребовали изысканія дополнительныхъ источниковъ для покрытія добавочнаго расхода, а въ наше обильное всякими дорого стоящими предпріятіями въ государственномъ дѣлѣ время, это обстоятельство всегда сопрягается съ нѣкоторыми затрудненіями. По всемъ этимъ причинамъ судебная реформа является послѣднею въ числѣ первыхъ, неотложныхъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ.

Оставляя въ сторонѣ политическую сторону дѣла, обзоръ вая нынѣшнюю систему судоустройства и судопроизводства въ Царствѣ Польскомъ, нельзя не придти къ заключенію что уже по своимъ органическимъ недостаткамъ и судъ и процессъ въ Царствѣ требовали радикальнаго преобразованія. Въ судѣ и процессѣ мы встречаемъ полное отсутствіе какой-либо цѣльной, послѣдовательно выдержанной системы, развѣ лишь за исключеніемъ французскаго кодекса гражданского судопроизводства. Мы встречаемъ обрывки польскихъ уставовъ, французскихъ, австрійскихъ, прусскихъ русскихъ законовъ; отдѣльныя законоположенія стоятъ безъ связи другъ съ другомъ, противорѣчатъ одне другому, и согласуются ни въ общемъ духѣ, ни въ частностяхъ. Съ паденіемъ Польши прекратилъ свое бытіе и старыя судебныя учрежденія, замѣчательныя рѣдкимъ осословленнымъ отбывкомъ по къ которымъ привыкъ народъ, и потому неудовлетворительныя, быть-можетъ, болѣе по личнымъ недостаткамъ судей, нежели по своей организаціи. Въ прусской Польшѣ ви

дѣлы были прусскія, а въ австрійской—австрійскія судебныя учрежденія. Въ 1807 году Наполеонъ учредилъ герцогство Варшавское, даровалъ ему конституцію и ввелъ французское право и судебное устройство. Такой крутой юридическій переворотъ былъ встрѣченъ страной далеко не восторженно. Во многомъ возмѣщенные новыя законы не согласовались съ установившимися общественными отношеніями, исконными обычаями, мѣстными потребностями. Люди стоявшіе во главѣ управленія, при всей преданности императору, вводили новый порядокъ не безъ колебаній, послѣ нѣкоторыхъ олытовъ. Нынѣшняя судебная организація въ главныхъ чертахъ своихъ относится къ той эпохѣ и появилась въ 1807—1812 году. Въ это время были учреждены:

А) для дѣлъ гражданскихъ:

1. Мировыя суды, съ тремя отдѣленіями: примирительнымъ спорнымъ и полицейскимъ;
2. трибуналы первой инстанціи, и
3. аппелляціонныя суды;

Б) для дѣлъ уголовныхъ:

1. суды исправительной полиціи, и
2. уголовныя суды.

Всѣ дѣла вообще проходили двѣ инстанціи, во нѣкоторыя входило въ первой. Засѣданія судовъ были публичныя. Уголовныя дѣла разбирались инквизиціоннымъ порядкомъ. При судахъ состояли прокуроры. Члены судебного вѣдомства, подвергались испытанію въ юридическихъ наукахъ. Тогда же была учреждена школа права.

В) Кассационный судъ, наблюдавшій за правильнымъ примѣненіемъ закона и за дѣйствіями должностныхъ лицъ судебного вѣдомства. Въ опредѣленіи предѣловъ власти кассационнаго суда замѣчательно строгое отдѣленіе его судебной власти отъ сферы законодательной. Вопросъ объ истолкованіи закона принадлежитъ къ числу особенно важныхъ въ процесѣ. Въ юридической практикѣ встрѣчаются случаи къ которымъ примѣненіе закона бываетъ затруднительно, когда смыслъ закона кажется неяснымъ и является необходимость раскрыть истинный разумъ законоположенія. Такое истолкованіе бываетъ двухъ родовъ: научное и легальное. Но научное, какъ зависящее отъ индивидуальныхъ воззрѣній, не имѣетъ обязательнаго характера, каковымъ имѣло значеніе легальное. Органомъ послѣдняго является или

самъ законодатель, или власть которой онъ это поручаетъ. При послѣдовательномъ раздѣленіи отдѣльныхъ функцийъ государственной власти, обязательное толкованіе должно принадлежать законодательной власти, ибо оно имѣетъ обязательную силу закона. Такое толкованіе называется *int. authentica*. По закону 1810 года, если кассационная жалоба признавалась основательною, то кассационный судъ, отъменивъ рѣшеніе, передавалъ дѣло на разсмотрѣніе другого суда; если новое рѣшеніе было обжаловано по тѣмъ же основаніямъ, кассационный судъ разсматривалъ дѣло въ усиленномъ составѣ членовъ (*minimum* 12). Если же постановлялось и третье рѣшеніе, подлежащее кассации по тѣмъ же основаніямъ, тогда судъ представлялъ свое рѣшеніе вмѣстѣ съ актами Государственный Совѣтъ, а Совѣтъ немедленно представлялъ государю подробное и точное изложеніе случая требующаго истолкованія закона, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ. Королевское истолкованіе закона дѣлалось обязательнымъ для судовъ. Точный разумъ законовъ устанавливается у насъ аутентическимъ толкованіемъ, а рѣшеніемъ кассационныхъ департаментовъ Сената (ст. 813 Уст. Гражд. Суд. и 930 Уст. Суд.). Организация кассационнаго суда отличалась отъ устройства кассационныхъ департаментовъ Сената и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, такъ 1) заочные приговоры подлежали кассации, но кассационная жалоба могла быть подана только по прошествіи срока назначеннаго для отзыва о новомъ разсмотрѣніи дѣла. На заочное рѣшеніе самого кассационнаго суда могъ быть также поданъ отзывъ, въ опредѣленный срокъ; напротивъ того, по судебнымъ уставамъ 20 ноября, заочные приговоры кассации не подлежатъ. 2) Кассационныя жалобы разсматривались въ особой комиссіи. 3) Тяжущіяся стороны вызывались по кассационному процессу и было безусловно необходимо участіе адвокатовъ. 4) Наконецъ, допускалась кассация въ интересѣ закона: противъ обвинительныхъ приговоровъ, какъ обвиняемый такъ и прокуроръ могли подавать кассационныя жалобы, но если обвиняемый былъ оправданъ, то прокурору не оставалось право входить съ протестомъ въ кассационный судъ единственно въ интересѣ закона, безъ великихъ послѣствій для обвиняемаго. У насъ такой видъ кассации не признается необходимымъ. Важныя отличія этого суда отъ прежняго Сената заключались и въ опредѣленіи дисциплинарны

власти надъ членами судебного вѣдомства; ему же предоставлено было окончательно рѣшать всѣ пререканія о подсудности.

Въ такомъ видѣ кассационный судъ существовалъ съ 1810 по 1813 годъ. 1го октября 1813 года, еще до занятія Варшавы русскими войсками, дѣятельность кассационнаго суда, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ герцогства Варшавскаго и Государственнаго Совѣта, прекратилась. Движеніе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ порядкѣ кассационномъ пріостановилось. Въ юстиціи открылся пробѣлъ, который требовалъ пополненія. Возникла настоятельная потребность назначить судебное мѣсто которое, хотя бы временно, приняло на себя обязанности суда кассационнаго, и между дѣлами требовавшими скорѣйшаго движенія въ интересахъ правосудія и общественнаго порядка, были, конечно, на первомъ мѣстѣ дѣла уголовныя. Поэтому временный верховный совѣтъ герцогства Варшавскаго (постановленіе 22го марта 1814 года) возложилъ на апелляціонный судъ производство по уголовнымъ кассационнымъ жалобамъ со всѣми правами принадлежавшими преждему кассационному суду. Но соединеніе двухъ различныхъ обязанностей въ одной и той же инстанціи, безъ сомнѣнія, имѣло неблагоприятное вліяніе на успѣшный ходъ правосудія, а потому, въ видахъ облегченія апелляціоннаго суда, рескриптомъ министра юстиціи отъ 31го мая 1814 года, апелляціонный судъ былъ освобожденъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ уголовныхъ и полицейскихъ, вносимыхъ въ кассацію прокурорами единственно въ интересѣ охраненія закона. За этою перемѣной въ атрибуціяхъ кассационнаго суда послѣдовали и другія: по уничтоженіи рѣшеній въ кассационномъ порядкѣ, апелляціонный судъ уже не обязанъ былъ отсылать дѣла для новаго производства въ другой равнотепенный судъ, но рѣшалъ ихъ по существу самъ, такъ что сдѣлался апелляціонною и кассационною инстанціей. Такими постановленіями были удовлетворены потребности уголовной юстиціи, но дѣла гражданскія оставались безъ движенія въ теченіе почти трехъ лѣтъ и постоянно накапливались. Поэтому, тотчасъ по учрежденіи Царства Польскаго, временное управленіе, не дожидаясь обнародованія конституціи дарованной Александромъ I, учредило (постановленіе 21го сентября 1815 года) верховный судъ (судъ наивысшей инстанціи) для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ въ порядкѣ кассацион-

номъ и вмѣстѣ для окончательнаго ихъ разрѣшенія по существу. Поводы къ кассациіи были оставлены тѣ же самыя какіе указаны въ первоначальной организаціи кассационнаго суда 1810 года, но порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ былъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: званіе прокурора было уничтожено, кассациія въ интересѣ закона была отмѣнена, обязанности охранять законъ были возложены на члена-докладчика, комиссія для приготовления дѣлъ ко внесенію ихъ въ засѣданіе суда также упразднилась и кассационныя жалобы прямо передавались судѣй-докладчику, который долженъ былъ рассмотреть ихъ и представить суду съ своимъ заключеніемъ о правильности или неосновательности жалобы; засѣданія суда въ которыхъ разсматривался вопросъ о принятіи или отказѣ въ жалобѣ были закрытыя. Рѣшеніе постановлялось простымъ большинствомъ голосовъ и жалобъ (recursu) на рѣшеніе не допускалось. До рѣшенія о принятіи кассационной жалобы никакія возраженія отвѣтника не принимались. Уничтоживъ обжалованное рѣшеніе судъ наивысшей инстанціи самъ рѣшалъ дѣло по существу, поэтому адвокаты (меценасы) обязаны были представлять вмѣстѣ съ основаніями кассациіи и свои заключенія по существу дѣла. Этому суду предоставлены были и другіе атрибуты кассационнаго суда: именно разрѣшеніе вопросовъ о подсудности и право представлять верховной власти объ удаленіи отъ должностей предсѣдателя и судей апелляціоннаго суда и судей мировыхъ. Помимо другихъ недостатковъ, допущенныхъ вслѣдствіе управленія кассационнаго суда 1810 года, въ новой организаціи высшихъ инстанцій было допущено глубокое начало отдѣленія сверху до низу уголовной юстиціи отъ гражданской, которое съ тѣхъ поръ постоянно уже сохранилось въ польскомъ судоустройствѣ.

Съ установленіемъ конституціоннаго Царства Польскаго начался другія преобразованія въ судебномъ вѣдомствѣ, за немногими исключеніями, впрочемъ не приведенными въ исполненіе. Организационная дѣятельность этой эпохи, окончившаяся революціей 1830 года, отличается инымъ характеромъ, нежели время вѣдоства Варшавскаго. Несколько Пруссаки, Австрійцы, Наполеонъ беззаконно отнеслись къ польскому народу въ правѣ и социальной организаціи, настолько же, подъ вліяніемъ идеи о возрожденіи польскаго народа, благосклонно поддерживае-

ной всегда русскими государями, а также подъ вліяніемъ господствовавшей тогда исторической школы Савиньи, старались теперь массу новыхъ юридическихъ институтовъ, отчасти уже усвоенныхъ въ послѣднія двадцать лѣтъ народною жизнью, примирить и связать съ прошлымъ Польши. Но прошлое Польши было проникнуто главенствомъ шляхты, ея даже исключительнымъ господствомъ въ государствѣ, поэтому и реформы отмѣчены прежде всего шляхетскимъ характеромъ, насколько можно было примирить его съ равноправіемъ гражданъ и личнымъ освобожденіемъ крестьянъ. Во главѣ управленія стоялъ генералъ Зайончикъ, собратъ Косцюшки по оружію, но кромѣ этого не имѣвшій ничего общаго съ знаменитымъ патриотомъ. Въ дѣлѣ суда главнымъ нововведеніемъ была организація вотчинныхъ гминныхъ судовъ для маловажныхъ полицейскихъ и гражданскихъ дѣлъ. Система судоустройства, по конституціи 1815 года, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1. Мировые суды, имѣвшіе задачей примирять спорящихъ.
2. Суды первой инстанціи для гражданскихъ и полицейскихъ дѣлъ, въ каждой гминѣ и въ каждомъ городѣ.
3. Земскіе суды и съезды судей, по нѣскольку на одно воеводство.
4. Градскіе суды для дѣлъ уголовныхъ и полицейскихъ, по нѣскольку на воеводство.
5. Два апелляціонные трибунала.
6. Верховный трибуналъ.

Кромѣ возстановленія вѣчно дорогихъ Полякамъ историческихъ польскихъ названій, kota и прикрывавшихъ собою нѣкую матеріальную содержаніа, въ этой системѣ могло бы быть признано единственнымъ удобствомъ то что для дѣлъ маловажныхъ учреждены были подручные, многочисленные суды, но за этимъ номинальнымъ достоинствомъ стояло исключительное преобладаніе въ судѣ шляхетскаго сословія. Освобожденіе крестьянъ было совершено завоевательною волею Наполеона, и, ставъ у помещиковъ рабочую даровую силу, конечно, было не въ ихъ интересѣ съ другой стороны, крестьяне, освобожденные лично, утратили свои историческія права на свои земли и оставались на ней лишь въ силу добровольныхъ договоровъ съ землевладѣльцами. Предоставляя судебную власть гминному войту,—а каждое помѣстье составляло гмину и въ каждой гминѣ помещикъ былъ

войтомъ,—правительство отдавало интересы крестьянства въ руки ихъ прежнихъ господъ, и это, конечно, не способствовало ни благосостоянію страны, ни ея политическому развитію, ни правильности отправленія правосудія. Недостатки новой судебной организаціи были, впрочемъ, такъ очевидны что все время конституціонной Польши было преисполнено разными проектами улучшеній судоустройства, которые, за немногими исключеніями, остались безъ осуществленія. Польскіе юристы называютъ эту эпоху—эпохой проектовъ.

Революція 1830 года прекратила дѣятельность суда высшей инстанціи. Повторилось то же что мы видѣли въ 1813 году. По усмиреніи мятежа, временное правительство (постан. 14го февраля 1832) уполномочило этотъ судъ, въ составѣ изъ семи членовъ, разсматривать кассационныя жалобы, но только относительно принятія или непринятія ихъ. Органическая грамота 1833 года устанавливала то же судоустройство которое начертано было въ конституціи 1815 года. Разница сначала состояла въ томъ, что названіе трибунала было отмѣнено, и судебныя установленія всѣхъ степеней именовались просто судами. Въ сущности же осталась въ дѣйствиіи судебная система герцогства Варшавскаго, съ тѣмъ что удалось осуществить изъ конституціоннаго проекта судоустройства 1815 года. Вообще, многое изъ этой грамоты осталось безъ примѣненія, и правительственныя преобразованія въ Польшѣ послѣ 1832 года имѣютъ весьма слабую связь съ этимъ органическимъ статутомъ. Напротивъ того, въ дѣятельности правительства замѣчается стремленіе сблизить польскій край съ Имперіей, путемъ объединенія законодательства и политической организаціи. Въ дѣлѣ законодательства важнѣйшими проявленіями этой мысли были работы по слиянію гражданскихъ законовъ, выразившіяся въ положеніи 1836 года, о союзѣ брачномъ, положеніи составленномъ совершенно въ духъ русскаго законодательства, и распространеніе на Царство общаго Уложенія о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. Между 1836 и 1847 годомъ сдѣлана была и первая попытка судоустройственнаго объединенія Царства и Имперіи. „Первый, такъ-сказать, проломъ“ сдѣланъ былъ въ варшавской организаціи въ 1842 году учрежденіемъ IX и X департаментовъ Правительствующаго Сената. Изъ обзора судоустройства бывшаго въ Царствѣ съ 1813 по 1842 годъ,

мы видѣли что кассационное судопроизводство не было надлежащимъ образомъ отграничено отъ апелляціоннаго. Преобразовывать судебныя мѣста съ цѣлью возстановить чистый кассационный порядокъ не входило въ намѣренія правительства, имѣвшего въ виду объединеніе учрежденій, такъ какъ кассационнаго порядка не существовало и въ Имперіи. Но такъ какъ преобразованіе было необходимо, то оно и выразилось полнымъ сокращеніемъ кассационной инстанціи и введеніемъ третьей апелляціонной инстанціи. Варшавскіе департаменты Сената стали третьей инстанціей какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ. Принятое для Сената начало должно было сдѣлаться общимъ для всѣхъ судовъ, хотя не безъ важныхъ неудобствъ и затрудненій. Нельзя было предоставить судамъ постановлять окончательныя рѣшенія въ первой инстанціи. Всѣ дѣла должны были проходить двѣ или три инстанціи. Вслѣдствіе этого, прежде всего, мировой судъ, лишившись власти рѣшать дѣла окончательно, утратилъ всѣ свои полезныя качества, какъ судъ для малодѣльныхъ дѣлъ, подручный каждому, и сдѣлался лишнимъ звеномъ цѣли судоустройства. Три инстанціи продиали ходъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, увеличили количество судебныхъ издержекъ, а по уголовнымъ дѣламъ умножили число заключенныхъ. Съ учрежденіемъ Сената извратился и характеръ прокурорскаго надзора, организованнаго на французскій ладъ. Вопреки требованіямъ положительнаго права, прокуроры во всѣхъ судахъ должны были давать предложеніе по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ поступающимъ на окончательное рѣшеніе. Поколебалось начало гласности судебныхъ засѣданій, такъ какъ допущеніе постороннихъ лицъ въ присутственную залу Сената предоставлено усмотрѣнію первоприсутствующаго. Такія послѣдствія учрежденія Сената предвѣщали совершенную перемѣну началъ на которыхъ основывалось судебное устройство во времена Рѣчи Посполитой и Варшавскаго герцогства, но этому предвѣщанію не суждено было, однако, осуществиться. Сдѣлавъ этотъ промѣлъ во французской, по существу, судебной организаціи, пригласивъ къ ней третью, нѣмецкую, инстанцію, реформа оставилась, правительство оставило въ рукахъ безконечной кодификаціонной комиссіи безконечныя, широко задуманная работы по преобразованію матеріальнаго и формальнаго права и эти работы мирно и безслѣдно для жизни, если не

для государственнаго казначейства и личныхъ выгодъ кодификаторовъ, тянулись до шестидесятихъ годовъ. „Этотъ послѣдній періодъ преобразованія въ судоустройство, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ юристовъ, ознаменовался еще совершеннымъ уладкомъ науки и преобладаніемъ, по необходимости, раболѣвства предъ такъ-называемою практикой и рутиной. Это былъ самый ощутительный ударъ, такъ какъ много лѣтъ требуется для того чтобъ исправить вредъ причиненный кратковременнымъ устраненіемъ науки. Нѣтъ ничего самодовольнѣе рутины, и потому-то она такъ смѣло и противопоставляетъ себя научному образованію.“

Болѣе цѣльной попыткой въ дѣлѣ судоустройства слѣдуетъ признать проектъ кодификаціонной комиссіи, получившей силу закона въ 1856 году и присланный намѣстнику для введенія въ дѣйствіе, но, однако, оставшіяся безъ примѣненія. По этому закону предполагалось учредить въ краѣ:

1. Гминные, сельскіе и городскіе суды, съ правомъ рѣшать маловажныя гражданскія и уголовныя дѣла окончательно или въ первой инстанціи;

2. Сорокъ уѣздныхъ судовъ, общихъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ;

3. Шесть палатъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ;

4. Наконецъ Сенатъ, какъ третью инстанцію для весьма ограниченнаго числа болѣе важныхъ дѣлъ и какъ судъ кассационный для окончательныхъ рѣшеній.

Гласность судебныхъ засѣданій установлена положительно.

Такимъ образомъ съ учрежденіемъ гминныхъ судовъ должна была осуществиться мысль конституціи 1815 года, а съ соединеніемъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ инстанціяхъ должно было восполниться устройство введенное во времена Герцогства. Каждый судъ имѣлъ свою окончательную юрисдикцію. Для большей части дѣлъ установленія были двѣ инстанціи. Сдѣлавъ былъ шагъ къ возстановленію кассационнаго порядка.

Но уставъ 1856 не привелъ былъ въ дѣйствіе, а случайное устройство, образовавшееся съ учрежденіемъ Варшавскихъ департаментовъ Сената, сохранялось неприкосновеннымъ до 1864 года, когда гминные суды видоизмѣнили судебную организацію, и съ гминными судами вся эта нестройная и нестройная амальганна разнородныхъ порядковъ ожидаетъ выѣ своего окончательнаго упраздненія введеніемъ въ дѣйствіе Положенія 19го февраля 1875 года.

II.

Устройство гминныхъ судовъ по указамъ 19го февраля 1864 года стоитъ въ тѣсной связи съ новою организаціей крестьянскаго землевладѣльческаго сословія, вышедшаго изъ-подъ власти помѣщиковъ. Голое право личной свободы, дарованное польскимъ крестьянамъ въ 1807 году, поставило историческое право крестьянъ на землю и необходимость для помѣщиковъ имѣть рабочую силу для эксплуатаціи своихъ земель въ зависимость отъ добровольныхъ соглашеній, отъ свободныхъ договоровъ. Въ юридическомъ отношеніи этотъ принципъ, конечно, вносилъ радикальную переимѣну въ отношенія крестьянства къ землевладѣльцамъ и требовалъ приложения и развитія въ подробностяхъ. Въ этомъ была вся сила. Съ организаціей автономіи страны устройство новыхъ отношеній, какъ мы уже замѣтили выше, происходило подъ вліяніемъ идей о восстановленіи прежнихъ порядковъ Рѣчи Посполитой. Поэтому упраздненіе крѣпостной зависимости и личная свобода крестьянъ не только не сопровождалась организаціей какого-либо прочнаго общественнаго сельскаго быта, который могъ бы послужить къ огражденію законныхъ интересовъ крестьянъ, но, напротивъ, естественно клонились къ тому чтобы разрушить всѣ существовавшіе въ старей Польшѣ остатки и зачатки такового быта, ради водворенія въ селеніяхъ полнаго преобладанія одного сословія надъ другимъ. Учреждая гмины, король Саксонскій (декретъ 1809 и 1810 годовъ) оставилъ за правительствомъ право назначать войтовъ въ селеніяхъ, но это право осталось номинальнымъ; кругомъ Герцогства, крестьянство, съ одной стороны, было въ работѣ, съ другой, патримоніальная власть надъ ними принадлежала помѣщикамъ, поэтому въ Польшѣ, гдѣ еще такъ сильны были преданія о правѣ жизни и смерти принадлежавшемъ помѣщику надъ крестьянами, помѣщики остались патримоніальными владыками, войтами, не требуя правительственнаго утвержденія. Это положеніе было приведено въ порядокъ и узаконено при намѣстникѣ Зайончкѣ (1816—18). Съ тѣхъ поръ до 1846 года основной принципъ о вотчинной власти помѣщика оставался непоколебимымъ. Съ 1846 года русское правительство начинаетъ усматривать неудобство

такого порядка, но шляхетская Польша, сохранявшая въ сущности мѣстное управление въ своихъ рукахъ, борется за сохраненіе его упорно и усильно. Съ 1853 по 1863 годъ центральное правительство и мѣстныя учрежденія Царства съ особеннымъ оживленіемъ обмѣниваются проектами, записками, мнѣніями и заключеніями объ устройствѣ гминь. Сохранить въ принципѣ патримоніальную власть находятъ невозможнымъ и Государственный Совѣтъ Царства и правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ, но возникаютъ проекты которые дозволяли бы сохранить ее не прямымъ путемъ. Имѣется въ виду ввести выборное начало въ широкихъ размѣрахъ поголовной подачи голосовъ при избраніи войта. Право голоса дается всѣмъ жителямъ гмины; къ выборамъ допускаются люди находящіеся на жалованьи и получающіе его 90 р. въ годъ, или занимающіе квартиру въ 15 р., всѣ управители, экононы, фольварковые арендаторы, мелкіе торговцы, патентованные ремесленники, приходскіе ксендзы, настоятели приходовъ и монастырей. Очевиднымъ послѣдствіемъ такого широкаго избирательнаго права могло быть усиленіе и обезпеченіе преобладанія правъ помѣщика на гминномъ сходѣ посредствомъ всѣхъ его официалистовъ, работниковъ, арендаторовъ, корчмарей, жильцовъ и т. п. Войтомъ можетъ быть избрано лишь такое лицо которое окончило, по крайней мѣрѣ, четыре класса въ уѣздномъ училищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось учредить въ каждой гминѣ совѣтъ изъ шести членовъ, изъ числа коихъ трое: войтъ, ксендзь и учитель, должны занимать постоянное мѣсто въ совѣтѣ по должности и, при согласномъ дѣйствіи, могутъ безгранично распорядиться всѣми безъ изъятія общественными дѣлами гмины, всѣми гминными повинностями и даже работой крестьянъ въ произвольномъ количествѣ, подъ предлогомъ общепользныхъ цѣлей. Предѣлы гмины должныствовали совпадать съ предѣлами приходовъ. Но въ 1863 году, освѣжающее вліяніе крестьянской реформы сообщило всѣмъ русскимъ людямъ ясное пониманіе государственныхъ интересовъ Россіи и эти проекты не могли уже ввести никого въ прежнія заблужденія, а потому не удались. Было понятно что, возлагая опору на крестьянство, какъ на устой порядка, необходимо было избавить сельское населеніе отъ давленія духовенства, отъ вотчинной судебно-полицейской власти помѣщика и отъ подсудности шляхетскимъ по своему

личному составу мировымъ судамъ. Этому можно было достигнуть лишь организаціей общиннаго управленія и суда съ преобладаніемъ въ немъ мелкоземельнаго крестьянскаго населенія. Такимъ образомъ явился общинный, гминный судъ. Относительно гминныхъ судовъ у насъ, внутри Россіи, господствуетъ ошибочное представленіе, въ силу того что гмину отождествляютъ съ волостью, польское крестьянство съ русскимъ, тогда какъ между этими понятіями есть существенное различіе. У насъ крестьянство до послѣднихъ временъ имѣло характеръ *политическаго сословія*, т.-е. класса людей имѣющихъ особыя права состоянія: въ Царствѣ сословія въ государственномъ значеніи нѣтъ, поэтому и крестьянство составляетъ сословіе только въ социальномъ, общественно-экономическомъ значеніи слова, какъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ. При отсутствіи политическихъ различій между социальными сословіями учрежденіе гмины является земскимъ, бессословнымъ, и если искать аналогіи въ русскихъ учрежденіяхъ, то гмину можно приравнять только къ земству, по ея основнымъ чертамъ. При такомъ устройствѣ гмины и гминный судъ является земскимъ, общимъ для всѣхъ, которому подчинены всѣ жители гмины. Этотъ судъ, по указу 19го февраля 1864 года, организована слѣдующимъ образомъ. Гминный судъ состоитъ изъ гминнаго войта и двухъ или трехъ *лавниковъ*, избираемыхъ на гминномъ сходѣ. Въ войты и лавники можетъ быть избранъ всякій житель гмины, имѣющій право участія въ дѣлахъ схода, къ которому допускаются всѣ совершеннолѣтніе домохозяева, владѣющіе въ предѣлахъ гмины на правахъ личной собственности не менѣе какъ тремя моргами земли; устраняются отъ участія мѣстные мировые судьи, лица духовнаго званія и чины уѣздной полиціи. Кромѣ того въ эти должности не могутъ быть избираемы лица не христіанскаго вѣровсловіданія, лица не достигшія 25 лѣтъ, состоящая подъ опекой или попечительствомъ, не имѣвшія въ предѣлахъ гмины постоянного мѣста жительства по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, лица подвергнутыя наказанію лишающему права занимать общественныя должности и состоящая подъ судомъ, слѣдствіемъ или полицейскимъ надзоромъ. Затѣмъ для избранія въ должность войта требуется отъ избираемаго двойной поземельный цензъ, т.-е. владѣніе шестью моргами земли. Срокъ службы трехлѣтній. Въ гминномъ судѣ

впервые въ Царствѣ было установлено соединеніе уголовна и гражданской юрисдикціи. Его сужденію предоставлены вс споры и тяжбы между лицами имѣющими постоянное и временное мѣстопребываніе въ предѣлахъ гмины, такъ дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ. Изъ споровъ тяжбъ гминному суду предоставлено было разрѣшать лишь дѣла о движимомъ имуществѣ и личныхъ обязательствахъ: если цѣна иска не превышала 30 р. За маловажные проступки гминные суды властны были приговаривать виновныхъ къ штрафу до трехъ рублей серебромъ, къ замѣчанію и въ говору въ присутствіи суда, къ аресту до 7 дней, къ наказанію розгами до 20 ударовъ и къ отдачѣ въ рабочій домъ. Въ первый же годъ гминный судъ былъ усвоенъ сельскимъ населеніемъ совершенно правильно и удовлетворительно. Крайне враждебное отношеніе крестьянства къ помѣщику постоянно прорывавшееся при разбирательствѣ ихъ земельныхъ споровъ въ комиссіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, въ судахъ, составленныхъ почти изъ однихъ крестьянъ, не замѣчалось. Суды своимъ безпристрастіемъ приобрѣли довѣріе у Евреевъ и шляхты. Помѣщики и ксендзы обращались въ гминные суды съ своими жалобами и получали по нимъ скорыя и безпристрастныя рѣшенія. Замѣчено было также что приговоры по дѣламъ касающимся помѣщиковъ отличаются внимательнымъ обсужденіемъ, что суды расслѣдуютъ эти дѣла подробно и стараются стать не выше своего назначенія; что за дѣйствія наносящія убытокъ помѣщикамъ они назначаютъ болѣе строгія взыскація, чѣмъ за вредъ наносимый крестьянамъ.

Въ 1865 году оказалось что удачно принявшееся новое учрежденіе еще болѣе достигаетъ своихъ цѣлей съ расширеніемъ компетенціи. Часть Царства Польскаго, Августовская губернія, нѣкоторое время находилась въ вѣдѣніи виленьскаго генералъ-губернатора. Покойный графъ М. М. Муравьевъ расширилъ компетенцію гминныхъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ до 100 рублей. Эту мѣру распространили и на прочія гмины Царства. Затѣмъ въ теченіе 1865 года оказалось что множество дѣлъ крестьянъ между собою по наследованію и раздѣламъ недвижимыхъ имуществъ, поступившихъ въ ихъ собственность на основаніи указовъ 19го февраля 1864 года, остаются безъ движенія, такъ какъ крестьяне, по недоверію къ *гражданскимъ судамъ*, не обращаются къ нимъ съ

ими исками, а прочія власти не признавали себѣ такіа дѣла подсудными. Недовѣріе крестьянъ къ судамъ происходило изъ многихъ основаній: суды были послѣднимъ ослотомъ чисто польской, то-есть ланской стихіи въ администраціи; право наследованія по кодексу было всегда чуждо польскому крестьянству, самое судопроизводство было медленно и дорого для сторонъ. Являлась настоятельная необходимость дать крестьянамъ по такимъ дѣламъ судъ знакомый съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ, которое было совершенно неизвестно общимъ судамъ. Въ этихъ видахъ состоялось Высочайшее повелѣніе 30го ноября 1865 года о томъ что споры крестьянъ между собою по наследству и раздѣламъ какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества, постуливаго въ ихъ собственность на основаніи указа 19го февраля 1864 года, должны подлежать вѣдомству гминныхъ судовъ, подъ наблюденіемъ комиссаровъ и комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Недовольнымъ предоставлено было обжаловать въ кассационномъ порядкѣ рѣшеніе гминнаго суда въ мѣсячный срокъ, если оно постановлено съ нарушеніемъ указовъ 19го февраля 1864 года и изданныхъ въ развитіе ихъ правилъ и постановленій; или если гминный судъ постановилъ рѣшеніе о землѣ не крестьянской, или же хотя и о крестьянской землѣ, но находящейся въ другой гминѣ. Этими правилами окончательно опредѣлялась гражданская компетентность гминнаго суда въ томъ видѣ въ какомъ она дожила до конца о введеніи судебныхъ уставовъ Имперіи въ Царство Польское.

Нѣсколько позже выработалась окончательная уголовная компетенція этихъ судовъ. Уже указъ 1864 года возвѣстилъ что для руководства гминныхъ судовъ будетъ выработана особая инструкция. Въ маѣ мѣсяцѣ 1866 года гминнымъ судамъ дана была особая инструкция для сужденія о дѣлахъ судебно-полицейскихъ. Въ предметахъ вѣдомства гминныхъ судовъ сдѣланы были слѣдующія измѣненія: 1) изъ наказаній была исключена отдача въ рабочій домъ, на томъ основаніи что оныя находятся только въ Варшавѣ и предназначенъ исключительно для содержанія варшавскихъ нищихъ и бродягъ, а въ другихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго такого рода исправительныхъ заведеній нѣтъ; вносить же въ инстанцію наказаніе исполненіе котораго невозможно на мѣстѣ, при-

знаю неудобнымъ; въ вторыхъ, тѣлесное наказаніе, перешедшее въ указъ 1864 года изъ гминнаго устава 1860 года, исключено изъ инструкціи, на томъ основаніи что наказаніе это отмѣнено указомъ 30го августа 1864 года о смягченіи наказаній уголовныхъ и исправительныхъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ вѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не слишкомъ ослабить карательную власть гминнаго суда, въ инструкціи 1866 года восстановлено было правило устава 1860 года по которому гминный судъ могъ назначать денежный штрафъ до десяти рублей. Прочіе виды наказаній были оставлены въ томъ видѣ въ какомъ они установлены въ указѣ 19го февраля 1864 года. Инструкція 1866 года, имѣющая для гминъ то же значеніе какое въ Имперіи имѣетъ уставъ о наказаніяхъ 20го ноября 1864 года, представляетъ еще слѣдующія характеристическія особенности: во первыхъ, назначеніе рода и мѣры взысканія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію суда; во вторыхъ, проступки только тогда подлежатъ уголовному преслѣдованію и, вообще, разсмотрѣнію уголовного суда, когда въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня совершенія проступка гминный судъ получитъ о томъ жалобу или донесеніе, слѣдовательно установленъ особый видъ кратковременной давности; въ третьихъ, въ инструкціи опредѣлены проступки которые гминный судъ имѣетъ право разсматривать и наказывать, причемъ всѣ они раздѣлены на три группы: къ первой отнесены проступки противъ общественнаго порядка и нравственности, ко второй проступки противъ чужой собственности, къ третьей проступки противъ частныхъ лицъ. Наконецъ въ 38 ст. инструкціи постановлено что не подлежатъ разсмотрѣнію гминнаго суда слѣдующія преступленія: разбой, грабежъ, поджигательство, насильственное завладѣніе имуществомъ, поврежденіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ столбовъ и проволокъ, поддѣлка денегъ разнаго рода и выпускъ ихъ въ обращеніе, подлогъ, святотатство, лжеприсяга, изнасилованіе, нарушеніе правилъ на случай повальныхъ болѣзней, убійство, увѣчья, поврежденіе здоровья, нанесеніе ранъ, воровство, если стоимость похищеннаго превышаетъ 15 р. и пр. Такова организація и компетенція гминныхъ судовъ, на которыхъ мы позволимъ себѣ остановиться съ большими подробностями въ виду того что изъ всѣхъ существующихъ судебныхъ учреж-

деній, одинъ гминный судъ признано полезнымъ сохранить на будущее время, введя его въ общую систему судебной организаціи, что и придадо новому судоустройству въ Царствѣ характеръ оригинальности.

III.

Такимъ образомъ, проходя рядъ постоянныхъ измѣненій и дополненій, начиная съ 1808 года и кончая 1866 годомъ, система судоустройства Царства Польскаго представляется въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ:

а. Для дѣлъ гражданскихъ существуетъ нынѣ пять судебныхъ учрежденій:

- 1) IX Департаментъ Правительствующаго Сената.
- 2) Судъ апелляціонный въ Варшавѣ, одинъ на все Царство.
- 3) Девять гражданскихъ трибуналовъ.
- 4) Восемьдесятъ мировыхъ судовъ.
- 5) 1.300 (въ 1871 году) гминныхъ судовъ учрежденныхъ на основаніи Высочайшаго указа 19го февраля 1864 года, по одному на каждую сельскую гмину.

б. Кроме того въ Варшавѣ существуетъ коммерческій судъ. Въ губерніяхъ права и обязанности коммерческаго суда возложены на гражданскіе трибуналы.

в. Для дѣлъ уголовныхъ существуетъ семь судебныхъ учрежденій:

- 1) X Департаментъ Правительствующаго Сената.
- 2) Судъ апелляціонный въ Варшавѣ, тотъ же что и для дѣлъ гражданскихъ.
- 3) Четыре суда уголовныхъ: въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Люблинѣ и Кельцахъ.
- 4) Восемнадцать судовъ полиціи исправительной.
- 5) Восемьдесятъ судовъ полиціи простой, входящихъ въ составъ судовъ мировыхъ.
- 6) Полицейско-судная управа въ Варшавѣ, а въ другихъ городахъ президенты или бургомистры.
- 7) Гминные суды, о которыхъ оказано выше.

Эта система судебныхъ уставовъ, если только можно назвать системой агрегатъ учрежденій не связанныхъ другъ

съ другомъ одною общемою идеей, соединенныхъ одно съ другимъ въ силу чуждыхъ юстиціи и юриспруденціи политическихъ причинъ, страдаетъ сама по себѣ существенными органическими недостатками, которые ощущались издавна и были поводомъ къ неосуществившемуся закону 1856 года, содержаніе котораго мы изложили выше. Уже помимо политическихъ поводовъ къ судебной реформѣ, имѣющей въ виду объединеніе государственныхъ установленій Имперіи и Царства, недостатки существующаго судоустройства такъ велики что распространеніе нашихъ судебныхъ уставовъ на Царство составляетъ явленіе въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ котораго никто сомнѣваться не можетъ. Эти недостатки дѣйствующей системы можно сгруппировать въ слѣдующія рубрики: 1) Малое число судовъ и неудовлетворительность распредѣленія дѣлъ между судами 1й и 2й инстанціи. 2) Отдѣльность судовъ гражданскихъ отъ уголовныхъ. 3) Слишкомъ большое количество инстанцій. 4) Отсутствие кассационной инстанціи. 5) Недостаточность надзора высшихъ судовъ за низшими. 6) Неудовлетворительное устройство прокурорскаго надзора и адвокатуры. 7) Недостатки въ слѣдственномъ производствѣ. Задача хорошаго судоустройства и цѣли закона исполняются тогда когда приговоръ и рѣшеніе суда становятся для каждаго легко доступными, недвѣриятными, основанными на фактической правдѣ и законѣ и неизбѣжно исполняемыми. Такимъ требованіямъ не могутъ удовлетворить суды привислинскаго края, прежде всего по своей малочисленности, вслѣдствіе чего люди небогатые, при всей правотѣ своего дѣла, не въ состояніи нести тяжёлыхъ издержекъ. Еще болѣе ощутительна малочисленность судовъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Здѣсь недостатки судоустройства тяготеютъ уже не надъ имуществомъ, но надъ честью, личною свободой, безопасностью. Въ уголовныхъ дѣлахъ главнымъ доказательствомъ являются свидѣтели; когда суды рѣдки, свидѣтельство является тягостью, на явку свидѣтелей требуется продолжительное время; они являются по одиночкѣ, смотря по возможности; дѣло длится, а между тѣмъ подсудимый томится въ заключеніи, или, оставаясь на свободѣ, несетъ на себѣ тяжкое подозрѣніе въ виновности, которое можетъ быть разсѣяно только судебнымъ приговоромъ. Малочисленность судовъ

влечетъ за собою обширность судебныхъ округовъ, а непосредственнымъ послѣдствіемъ этого является медленность исполненія судебныхъ рѣшеній. Въ Имперіи огромная масса дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ разрѣшается въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Въ Царствѣ гминные суды имѣютъ компетенцію нашихъ волостныхъ судовъ, и только въ имущественныхъ спорахъ возникающихъ между крестьянствомъ изъ отношеній установленныхъ указами 19го февраля 1864 года, составляютъ дѣйствительно удобное, подручное мѣстное судебное учрежденіе. По крестьяне подсудны общимъ судамъ. Между тѣмъ, округи мировыхъ судовъ колеблются между 166 кв. верстами и 343; округи судовъ полиціи исправительной среднимъ числомъ составляютъ площади въ 952 кв. в., одинъ трибуналъ приходится на 1.799 кв. версть; апелляціонный судъ одинъ на весь край, т.-е. на 2.320 миль. Трудность съ которой приходится бороться услѣшному отправленію правосудія будетъ еще яснѣе, если мы добавимъ что Царство обладаетъ весьма густымъ народонаселеніемъ, склоннымъ къ сутяжничеству; что въ мировыхъ судахъ, трибуналахъ и судахъ полиціи исправительной ежегодно производится до 160.000 дѣлъ. Въ тѣсной связи съ малочисленностью судовъ стоитъ неудовлетворительное распредѣленіе предметовъ вѣдомства въ судахъ первой и второй инстанцій. Въ девяти гражданскихъ трибуналахъ Царства вчинаются всѣ иски свыше 75 рублей и всѣ иски о недвижимостяхъ безъ ограниченія цѣны, всѣ споры о наследствѣ. Затѣмъ огромная масса дѣлъ движется въ единственный апелляціонный судъ, откуда, за немногими исключеніями, направляется въ третью инстанцію, IXй департаментъ Сената. Устройство уголовныхъ судовъ заимствовано изъ Франціи, гдѣ въ основаніе компетенціи положено было раздѣленіе наказуемыхъ дѣяній на преступленія, проступки и полицейскія правонарушенія (crimes, délits, contraventions); первыя предоставлены были вѣдомству ассизныхъ судовъ (cours d'assises), уголовнымъ судамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, вторыя — вѣдомству судовъ полиціи исправительной (tribunaux de police correctionnelle), послѣднія вѣдомству простыхъ полицейскихъ судовъ (tribunaux de simple police). Для предупрежденія столкновенія между этими судами учреждена была обвинительная палата (chambre

de mise en accusation), которая опредѣляла свойство совершеннаго дѣянія и направляла дѣло въ надлежащій судъ. Въ Царствѣ такой обвинительной палаты никогда не было, а потому между судами и исправительною полиціей должны были происходить постоянныя столкновенія и пререканія, тѣмъ болѣе что система французскихъ уголовныхъ законовъ не была принята въ Царствѣ и самое судопроизводство до сихъ поръ основывается на австрійскихъ и прусскихъ законахъ. Насколько неудовлетворительно распредѣленіе предметовъ вѣдомства этихъ судовъ видно уже изъ того что суды полиціи исправительной рѣшаютъ окончательно во второй инстанціи о преступленіяхъ которыя въ настоящее время подлежатъ окончательному рѣшенію гминныхъ судовъ. Вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія дѣлъ въ разностепенныхъ судахъ образовалась многочисленность инстанцій. Всѣ иски по личнымъ обязательствамъ, споры о владѣніи, начинающіеся въ мировомъ судѣ, рѣшаются окончательно въ трибуналѣ, если только цѣна иска не выше 240 р.; стало-быть въ двухъ инстанціяхъ. Иски цѣнностью которыхъ превышаетъ 75 руб. начинаются въ трибуналѣ и кончаются въ апелляціонномъ судѣ, если цѣнность иска не превышаетъ 600 р. Иски цѣнностью которыхъ превышаетъ 600 р. рѣшаются окончательно во IXмъ департаментѣ Сената. Такимъ образомъ, иски цѣнностью до 600 р. рѣшаются въ двухъ инстанціяхъ, а выше 600 р. въ трехъ. Трибуналы составляютъ то вторую, то первую инстанцію, а апелляціонный судъ то вторую, то третью. Всѣ споры о недвижимыхъ имуществвахъ начинаются въ трибуналахъ и проходятъ двѣ или три инстанціи, смотря по цѣнности недвижимаго. Если годовой доходъ съ недвижимаго имущества не превышаетъ 30 р., то послѣднюю инстанцію составляетъ апелляціонный судъ; если же выше, то дѣло переходитъ на окончательное рѣшеніе Сената. Сверхъ того важнѣйшія дѣла гражданскія, въ случаѣ несогласія большинства членовъ отдѣленія департамента Сената съ заключеніемъ оберъ-прокурора, рассматриваются въ усиленномъ комплектѣ отдѣленія. По распоряженію намѣстника нѣкоторыя особенно важныя дѣла могутъ поступать прямо въ полное собраніе департамента, помимо отдѣленія. Такимъ образомъ нѣкоторыя гражданскія дѣла могутъ проходить четыре инстанціи.

Дѣла по преступленіямъ и проступкамъ проходятъ двѣ

или три инстанціи. Проступки за которые полагается выговоръ, денежное взысканіе до 10 рублей и арестъ до 7 дней, подлежатъ окончательному сужденію суда полиціи исправительной, въ качествѣ второй инстанціи; дѣла за которыя полагается арестъ до трехъ недѣль, рѣшаются окончательно въ судѣ уголовномъ; всѣ другіе проходятъ три инстанціи. Потомственные и личные дворяне, лица имѣющія ордена и заки отачія, жены и дѣти личныхъ дворянъ состоящихъ въ должностяхъ VII и VIII классовъ, судятся за всѣ преступленія и проступки въ первой инстанціи въ судѣ уголовномъ, съ правомъ обжалованія въ судѣ апелляціонный, какъ во вторую инстанцію, а на приговоръ апелляціоннаго суда въ X департаментъ Сената. Такой порядокъ имѣетъ то важное неудобство что дѣло объ одномъ и томъ же преступленіи, совершенномъ вмѣстѣ лицами привилегированными и непривилегированными, дробится между различными судами и проходить, смотря по правамъ состоянія лицъ, для однихъ только двѣ низшія инстанціи, а для другихъ три, начиная притомъ прямо съ уголовного суда.

Третьимъ важнымъ недостаткомъ разсматриваемаго судоустройства слѣдуетъ признать отдѣльность гражданскихъ судовъ отъ уголовныхъ. „Отдѣльность, введенная у насъ случайнымъ образомъ, — говоритъ одинъ изъ уважаемыхъ польскихъ юристовъ, — не можетъ быть оправдана никакой необходимостью, никакой теоріей. Напротивъ того, она крайне вредна, поддерживая заблужденіе, будто правосудіе нуждается въ иныхъ судьяхъ, въ особомъ производствѣ для гражданскихъ и въ особомъ для уголовныхъ дѣлъ. Она пагубна, потому что образуетъ двѣ спеціальности изъ того что должно составлять одно цѣлое. Гражданскіе законы могутъ быть изложены въ такихъ точныхъ и опредѣлительныхъ формулахъ что судья, обязанный прилагать ихъ къ дѣлу, привыкаетъ разсуждать исключительно въ ихъ рамкѣ, вѣрѣдко въ ущербъ своей индивидуальности, не освѣжаемой непосредственными вѣяніями жизни. Онъ привыкаетъ не смотрѣть далѣе буквы закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утрачиваетъ понятіе о законѣ какъ о выраженіи жизненныхъ отношеній, разсматривая его всегда какъ нѣчто стоящее внѣ жизни. Уголовное право не можетъ быть съ одинаковымъ удобствомъ заключено въ такую точную формулу. Уголовный судья имѣетъ дѣло не съ однимъ писаннымъ закономъ, но

и съ законами человѣческой мысли и чувства, съ началами нравственности и общественнаго блага. Его горизонтъ гораздо шире. Законодатель предоставляетъ въ дѣлѣ уголовной юстиціи многое усмотрѣнію и совѣсти судьи. Его отвѣтственность не исчерпывается одной легальною отвѣтственностью: нравственная отвѣтственность лежитъ на уголовномъ судѣи предъ самимъ собою и обществомъ несравненно болѣе нежели на гражданскомъ. Не находя такой абсолютной опоры въ буквѣ закона, какую находятъ гражданскій судья, уголовный судья, долго занимаясь уголовными дѣлами, впадаетъ нерѣдко въ другую крайность — ищетъ опоры въ рутинѣ, въ практикѣ, съ большимъ еще вредомъ для своей индивидуальности. Такимъ образомъ одинъ теряетъ отъ того что вѣчно ходитъ съ опорой, другой — что безъ опоры. Только при соединеніи этихъ занятій судья въ состояніи будетъ вносить въ разсмотрѣніе уголовного дѣла свѣжія умственные силы, привычку обсуждать данное происшествіе со всѣхъ точекъ зрѣнія, а къ дѣлу гражданскому тотъ свободный отъ формализма навыкъ къ самостоятельному сужденію, на которое законодатель такъ часто ссылается и которое никогда не должно исчезать въ судѣ. Исконное качество хорошаго юриста *divinarum et humanarum rerum notitia iusti injustique scientia* не можетъ быть приобрѣтено судьей при исключительномъ занятіи гражданскими или уголовными дѣлами, изъ коихъ одни возвращаются въ предѣлахъ исключительно человѣческихъ, а другія божественныхъ дѣлъ. Не безъ причины мы видимъ что судья повсюду занимается разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ. Во Франціи даже принято за правило что для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ присутствіе суда не можетъ быть составлено изъ судей занимавшихся практикой только по гражданскимъ дѣламъ и что судья не обязанъ оставаться болѣе двухъ лѣтъ въ уголовномъ отдѣленіи суда. „Отдѣленность эта, продолжаетъ цитуемый нами юристъ, распространяла невыгодное мнѣніе, будто для дѣлъ гражданскихъ нужно болѣе способностей, нежели для дѣлъ уголовныхъ; тогда какъ тѣ и другія требуютъ различныхъ способностей, которыя лишь въ совокупности могутъ образовать настоящаго судью. По каждому дѣлу, по гражданскому и уголовному, судья ищетъ истины, а потому и долженъ употребить въ дѣло всѣ свои умственные способности для достиженія

предположенной цѣли. Въ этомъ отношеніи судья философъ, а это понятіе недѣлимо.“

Отсутствіе верховнаго учрежденія для наблюденія за правильнымъ и единообразнымъ примѣненіемъ закона принадлежитъ также къ числу важныхъ недостатковъ современной организаціи. Прекращеніе кассационнаго лорядка, установленнаго на короткое время въ герцогствѣ Варшавскомъ, имѣло весьма вредное вліяніе на судебную практику, давъ возможность развиться въ ней различному пониманію въ разныхъ судахъ одного и того же закона. Изъ замѣчаній польскихъ юристовъ на судебные уставы Имперіи видно что отсутствіе подобнаго органа имѣло такое вліяніе на толкованіе и примѣненіе законовъ что нѣкоторые изъ нихъ представляются неудовлетворительными и недостаточными лишь по причинѣ ихъ дурнаго толкованія.

IV.

Совершенно ненормальны организація и положеніе въ судѣ какъ прокурорскаго надзора, такъ и адвокатуры.

Въ Царствѣ прокурорскій надзоръ введенъ вмѣстѣ съ новымъ учрежденіемъ гражданскихъ судебныхъ установленій, въ 1808 году, какъ необходимая принадлежность французскаго гражданского судопроизводства, получившаго обязательную силу вмѣстѣ съ кодексомъ 1го мая того же года. Въ 1810 году послѣдовала организація уголовныхъ судебныхъ установленій также по французскому образцу и, слѣдовательно, съ прокурорскимъ надзоромъ; но такъ какъ при этомъ остались въ силѣ прежніе уставы уголовного судопроизводства: прусскій и австрійскій, которымъ чуждо учрежденіе прокурорскаго надзора, то онъ получилъ при уголовныхъ судахъ тотчасъ же иной характеръ, нежели во Франціи. Сначала онъ даже не имѣлъ опредѣленнаго значенія и былъ введенъ въ систему уголовной судебной системы единственно, повидимому, для сохраненія симметріи въ постройкѣ новаго судоустройства, скопированнаго съ французскаго. Разновременность учрежденій 1808 и 1810 года и послѣдствіе съ которою въ то время переносили въ Герцогство французскія учрежденія была главною причиною того раздѣленія уголовной и гражданской юстиціи, которое

составляетъ главный недостатокъ всего послѣдующаго устройства судебныхъ учрежденій въ Царствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишило силы и организациі прокуратуру. Единство прокурорскаго надзора, его строгая іерархическая подчиненность, составляющая его силу во Франціи, не существуетъ въ Царствѣ съ самаго появленія этого института въ герцогствѣ Варшавскомъ. При гражданскихъ и уголовныхъ судебныхъ установленіяхъ учреждаются особые прокуроры, тѣ и другіе исполняютъ различныя функціи, не находясь между собою въ тѣсной связи, не образуя одного особаго, цѣльнаго учрежденія прокуратуры. Положеніе прокуроровъ при гражданскихъ судахъ тотчасъ же опредѣлилось съ совершенною точностью. Права и обязанности чиновъ прокурорскаго надзора основывались на гражданскомъ кодексѣ, уставѣ гражданского судопроизводства, преимущественно на книгѣ 1, раздѣл. 2, ст. 83 и 84, о сообщеніи дѣлъ прокурорамъ, и на торговомъ уставѣ (глава о возстановленіи торговой чести, ст. 606 и слѣд.). Другія обязанности ихъ были опредѣлены и развиты въ послѣдствіи особыми законодательными и другими актами. Напротивъ, при уголовныхъ судахъ учрежденіе прокурорскаго надзора не скоро получило опредѣленный характеръ. Въ первоначальной „уголовной инструкціи“ 1806 года о правахъ и обязанностяхъ прокуроровъ упоминается вскользь. Инструкція эта вовсе не возлагаетъ на нихъ обязанности обвиненія, которое поддерживается (по назначенію суда) однимъ изъ адвокатовъ. По силѣ уголовной организациі 1810 года, хотя составленіе обвинительнаго акта и преслѣдованіе обвиняемаго предъ судомъ и предоставлено чиновамъ прокурорскаго надзора, которые, впрочемъ, сохранили право возложить послѣднюю обязанность на адвокатовъ, однако обязанности прокуроровъ какъ публичныхъ обвинителей не имѣли ни практическаго примѣненія, ни систематическаго развитія; эта важная сторона установленія была парализована тѣмъ что учрежденные тогда подсудковскіе суды, переименованные въ послѣдствіи въ суды полиціи исправительной, были обязаны ех офіціо возбуждать производство уголовныхъ дѣлъ и поддерживать преслѣдованіе преступленія. Всѣ дѣйствія прокуроровъ ограничились наблюденіемъ за движеніемъ уголовныхъ дѣлъ и предъявленіемъ письменныхъ заключеній относительно дополненія слѣдствій, при-

занія виновности или невиновности подсудимаго и примѣненія закона.

Измѣненія въ организаціи судебныхъ установленій Царства и предѣлахъ ихъ вѣдомства *въ существѣ* не измѣнили правъ и обязанностей прокуроровъ, были только точнѣе опредѣлены ихъ подчиненность и отношеніе къ судамъ,— были возложены на нихъ обязанности по наблюденію за исполненіемъ рѣшеній и приговоровъ судебныхъ мѣстъ, за движеніемъ дѣлъ особенно интересующихъ правительство и т. д. Изъ правительственныхъ постановленій спеціально относящихся къ опредѣленію обязанностей и правъ прокурорскаго надзора, мы отмѣтимъ только одно, именно Высочайшій указъ 4го іюня 1834 года, предоставившій прокурорамъ при уголовныхъ судахъ право въ опредѣленныхъ случаяхъ переносить дѣла по аппелляціи въ высшія инстанціи. Такимъ образомъ сущность прокурорской обязанности въ Царствѣ состоитъ единственно въ предъявленіи заключеній по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, въ наблюденіи за охраненіемъ силы закона и за исполненіемъ приговоровъ. Обвинительная же власть, составляющая главную характеристику господствующаго на континентѣ типа прокуратуры, ограничивается правомъ возбуждать уголовныя дѣла, правомъ, впрочемъ, имѣющимъ мало примѣненія на практикѣ. Эта слабость института прокуратуры весьма ясно сознавалась всегда польскими юристами. „Въ странѣ гдѣ общественная безопасность и законный порядокъ вовсе не ограждаются непосредственнымъ участіемъ общества въ преслѣдованіи преступныхъ утѣлей и гдѣ безмѣрное неравенство положенія и раздѣленія богатствъ, личный интересъ и мелкія политическія страсти составляютъ отрицательную сторону общества“, говоритъ одинъ изъ проектовъ уголовного судопроизводства, составленный чинами польскаго судебного вѣдомства,—любимый искъ долженъ быть ввѣренъ сильно организованному учрежденію, быстрота, сила и единство дѣйствій коего служили бы вѣрнымъ ручательствомъ въ неуклонномъ укрощеніи всѣхъ преступныхъ дѣяній. Польскіе юристы, обсуждая проекты судоустройства и судопроизводства въ 1852 и 1856 годахъ, находили необходимымъ дать институту прокуратуры еще большее развитіе и власть, нежели составители нашихъ судебныхъ уставовъ.

Если прокурорскій надзоръ существуетъ въ Царствѣ срав-

нительно еще не много времени и не успѣвъ, какъ учрежденіе не лустившее корней въ народной жизни, съ 1808 года до настоящаго времени сложиться въ прочную организацію то, напротивъ того, адвокатура имѣеть весьма почтенную исторію. Въ 1347 году Вислицкій статутъ постановилъ что „такъ какъ не каждый способенъ самъ ходить по своему дѣлу, то мы повелѣваемъ чтобы каждый человекъ безъ различія состоянія наряжалъ на судъ рѣчника“. Такой рѣчникъ назывался по-латыни прокуратор, а по-польски, смотря по мѣстности, лѣрца, пржилправца, прокураторъ. Первоначально его обязанности заключались исключительно въ произнесеніи рѣчей и въ веденіи судебныхъ словолреній, въ присутствіи стороны, которая сама управляла процессомъ. Въ концѣ XV вѣка уже появляются сеймовыя конституціи въ которыхъ прокураторы разсматриваются какъ составная часть судоустройства, какъ сословіе стоящее въ постоянныхъ отношеніяхъ къ суду и обществу. Въ 1496 году прокураторовъ было уже достаточное число при всѣхъ судахъ. Законодатель пользуется этимъ и постановляетъ что, по прошенію лица не имѣющаго рѣчника и не умѣющаго изложить свое дѣло, судъ обязанъ дать ему способнаго рѣчника. Рождается уже понятіе объ обязательной защитѣ по дѣламъ бѣдныхъ, которое дѣлалось съ каждымъ годомъ опредѣлительнѣе и уже въ 1768 году одна конституція придаетъ силу закона установившемуся обычаю что „по дѣламъ *pauperum, miserabilium et incarceratorum*, трибуналъ обязанъ назначать защитника (патрона) и назначенный не долженъ отказываться отъ защиты *sub animadversione judicii*.“ Основной законъ опредѣлившій права и обязанности сословія адвокатовъ появился въ 1511 году. Адвокатамъ разрѣшено было исполнять всѣ дѣйствія по производству дѣла, не нуждаясь для сего въ присутствіи стороны или въ спеціальной довѣренности. Вместе съ этимъ частный характеръ поровнаго смѣнился публичнымъ: они числятся при судѣ, стоятъ подъ его надзоромъ, даютъ присягу въ томъ что не примутъ неправаго дѣла, что не будутъ вчинать неправыхъ исковъ и напрасно тянуть въ судъ гражданъ въ качествѣ свидѣтелей. Виновный въ несоблюденіи даннаго клятвеннаго обѣщанія лишался права на производство дѣлъ во всѣхъ судахъ Царства (1543). Онъ лишался этого права!

тогда когда позволялъ себѣ у рѣшетки суда (*barreau*) оскорбить противную сторону. За убытокъ понесенный его дѣрителемъ по его винѣ онъ наказывался „какъ слуга за кошенничество“ (1548). За стачку съ противною стороною, во вредъ своему клиенту, защитникъ подвергался смертной казни (1638 года). Такимъ образомъ уже въ началѣ XVI столѣтія понятіе о правахъ и обязанностяхъ адвоката въ своихъ существенныхъ чертахъ было установлено въ томъ же смыслѣ въ какомъ мы находимъ его и въ судебныхъ уставахъ Имперіи. Ихъ важное значеніе въ общественной жизни отражается на присвоенныхъ имъ именахъ: въ XVII вѣкѣ адвокаты называются патронами; въ XVIII патроны при верховномъ судѣ именуется меценасами. Канцеляріи защитниковъ наполнялись лучшею молодежью тогдашняго общества. Знаніе права въ старой Польшѣ, какъ въ Римѣ, Англіи, Франціи, открывало путь къ политической карьерѣ, считалось необходимою предварительною школою для общественной дѣятельности. Это знаніе болѣе всего привлекало молодыхъ людей въ канцелярію адвокатовъ. Всѣ патроны или меценасы съ своими помощниками и судебными аппликантами (кандидаты на судебную должность) составляли при каждомъ судѣ *палестру* (*barreau*). Помощники были двухъ родовъ; постуливъ съ нѣкоторою уже практическою подготовкой въ канцелярію патрона, помощникъ нѣкоторое время работалъ у него въ канцеляріи и назывался делендевомъ. Приобрѣтя надлежащія познанія, делендеветъ получалъ разрѣшеніе помогать своему патрону въ засѣданіяхъ суда „у рѣшетки“ и заступать его въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тогда уже назывался агентомъ. Вступавшій въ число патроновъ принималъ въ присутствіи суда присягу, формы которой часто измѣнялись и дополнялись, но сущность которой весьма напоминаетъ присягу установленную судебными уставами 1864 года.

Весь публичный характеръ, весь корпоративный строй адвокатуры исчезъ съ паденіемъ Польши. Меценасы и патроны опять обратились въ частныхъ повѣренныхъ, какими были до Вислицкаго статута, какими были современные имъ адвокаты Пруссіи и Австріи, безъ самостоятельности, безъ голоса при рѣшеткѣ.

Въ 1807 году, со введеніемъ французскихъ законовъ

защитники отчасти возвратили себѣ прежнее значеніе. По „организациі судебныхъ мѣстъ“ 1808 года было опредѣлено необходимое число защитниковъ (оборонцевъ) при трибуналахъ, апелляціонномъ судѣ и кассационномъ судѣ, которые при трибуналѣ назывались патронами, при апелляціонномъ судѣ — адвокатами и при кассационномъ судѣ — меценасами. Изъ официальныхъ актовъ того времени видно что правительство имѣло въ виду установленный комплектъ защитниковъ организовать на корпоративномъ началѣ. Въ 1809 открыты были палаты защитниковъ (избы обронче) въ Плоцкѣ, Ломжѣ, Быдгощѣ. При спорныхъ отдѣленіяхъ мирового суда были также установленъ комплектъ защитниковъ, не болѣе четырехъ. По первоначальной мысли организациі 1808 года, патроны, адвокаты и меценасы имѣли право вести дѣла только въ тѣхъ судахъ при которыхъ они состояли. Въ послѣдствіи это основаніе измѣнилось. Въ 1813 году кассационный судъ прекратилъ свою дѣятельность. Временное правительство, какъ мы уже говорили, перенесло уголовныя функціи этого учрежденія на апелляціонный судъ, въ силу чего меценасы стали являться тамъ по дѣламъ уголовнымъ, а допустивъ ихъ по дѣламъ уголовнымъ, правительство пришло къ заключенію что нѣтъ основаній отказывать имъ ходатайствовать въ апелляціонномъ судѣ и по дѣламъ гражданскимъ. Затѣмъ въ 1815 году былъ учрежденъ судъ высшей инстанціи для гражданскихъ дѣлъ; ходатайство по этимъ дѣламъ было попрежнему предоставлено меценасамъ, сохранившимъ за собой право являться защитниками по дѣламъ уголовнымъ въ апелляціонномъ судѣ. Такимъ образомъ меценасы, вслѣдствіе раздѣленія атрибуціи кассационнаго суда, получили право ходатайствовать въ двухъ высшихъ инстанціяхъ. При новомъ судеустройствѣ судебное вѣдомство признавало необходимымъ все сословіе защитниковъ устроить на началахъ корпорациі. Въ 1819 году въ этомъ смыслѣ проектировано было учрежденіе адвокатуры при апелляціонномъ судѣ и Варшавскомъ трибуналѣ. Но времена Священнаго Союза неблагоприятно смотрѣли на общественныя организациі не имѣющія чиновничьяго характера. Исполняемыя общественными потрясеніями, корень которыхъ, главнымъ образомъ, находился въ ненормальномъ отношеніи власти къ гражданамъ, въ злоупотребленіяхъ того же чиновничества, государ-

ственные люди Священнаго Союза думали устраненіемъ общества отъ самодѣятельности, стѣсненіемъ правильнаго и свободнаго проявленія общественныхъ силъ, достигнуть того покоя въ которомъ нуждалась Европа, но который они отожествляли съ безгласностью общества подъ рукой всевластной политической администраціи. Видя крушеніе древнѣйшихъ государственныхъ учрежденій, упустили изъ вида что не въ однихъ политическихъ учрежденіяхъ проявляется общественная жизнь и что не прочна никакая политическая система учрежденій, если она не опирается на цѣлый порядокъ организованныхъ общественныхъ интересовъ, на цѣлый рядъ органовъ, не имѣющихъ государственнаго характера въ тѣсномъ смыслѣ, но въ которыхъ общество привыкаетъ къ совокупной дѣятельности, въ которыхъ оно живѣе сознаетъ и чувствуетъ свои спеціальныя права, приучается дорожить ими, приучается дорожить тѣмъ порядкомъ государственныхъ органовъ который охраняетъ ихъ. Повторяемъ, въ то время народно-психологическая важность корпоративныхъ учрежденій была оттъснена, непризнана узкимъ политическимъ, доктринарнымъ либерализмомъ, въ которомъ вообще нельзя отказать большинству либеральныхъ сподвижниковъ Александра I. Корпоративное устройство адвокатуры, единственное которое ограждаетъ общество, единственное которое можетъ способствовать высокому развитію этого сословія, — а если можно сомнѣваться что правительство, учреждая этотъ институтъ, не задавалось мыслью дать ему возможность къ полному совершенствованію — это корпоративное устройство признано было неудобнымъ. Защитники остались судебными чиновниками и съ этого момента начинается продолжительный и непрерывный упадокъ адвокатскаго сословія.

Съ учрежденіемъ Варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената наименованіе меценасовъ было замѣнено наименованіемъ защитниковъ при Варшавскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ. Строго говоря, и права ихъ были дѣла въ судѣ апелляціонномъ должны бы были кончиться, но однако права эти не подверглись никакому измѣненію, несмотря на то что кассаціонный порядокъ вовсе былъ уничтоженъ. Таковъ историческій ходъ образованія права меценасовъ ходатайствовать по дѣламъ производящимся въ апелляціонномъ судѣ. Гораздо труднѣе объяснить какою образомъ меценасы и адвокаты получили право защи-

щать дѣла въ трибуналахъ, гдѣ въ 1808 году были установлены особые защитники подъ названіемъ патроновъ. Впервые мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ въ 1815 году: министръ юстиціи высказываетъ положительное мнѣніе что въ трибуналахъ, кромѣ патроновъ, имѣютъ право являться защитниками адвокаты и меценасы. Изъ этого циркуляра однако не видно на чемъ основано такое право; поводомъ же къ изданію такого циркуляра было постановленіе Варшавскаго гражданскаго трибунала, запрещающее адвокатамъ и меценасамъ хожденіе по дѣламъ въ трибуналѣ и основанное на томъ что дѣйствующими законами и постановленіями имъ было дозволено только окончить начатыя ими дѣла въ трибуналѣ, но не начинать новыхъ. Сверхъ того трибуналъ находилъ что участіе меценасовъ и адвокатовъ въ трибунальскихъ дѣлахъ препятствуетъ образованію дѣльныхъ и способныхъ патроновъ, не позволяя и самимъ адвокатамъ и меценасамъ, обремененнымъ занятіями при высшихъ судахъ, относиться съ надлежащею внимательностію къ трибунальскимъ дѣламъ, которыя поручаются ими обыкновенно своимъ депендентамъ. Эти соображенія трибунала, правильныя съ извѣстной точки зрѣнія, были отмѣнены уломянутымъ циркуляромъ министра юстиціи, 24го января 1815 года, на томъ основаніи что судъ не имѣетъ права собственною властью *измѣнять* существующую судебную организацію, и что о всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ, какъ въ законахъ, такъ и въ судоустройствѣ, суды обязаны дѣлать сообщенія министру юстиціи. Этотъ фактъ любопытенъ и характеристиченъ самъ по себѣ. Во всякомъ неразвитомъ государственномъ бытѣ, начинающемъ свое прогрессивное движеніе съ раздѣленія судебной и административной власти, съ дифференцированія, если позволено такъ выразиться, государственныхъ функцій, отдѣльные органы заботятся не о томъ чтобъ оставаясь вѣрными общему духу своихъ функцій, совершенствовать ихъ отправление и тѣмъ самымъ помогать общему развитію государственнаго организма; но о томъ чтобы забрать побольше власти, хотя бы изъ чуждыхъ имъ сферъ. Столкновение и глухая борьба суда и судебной администраціи въ такихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкое явленіе. Въ разказанномъ нами случаѣ трибуналъ поступалъ совершенно правильно. Онъ устранялъ не недостатокъ закона или постановленія, но устранялъ явленіе воспрещенное закономъ, ис-

понялъ свою обязанность, возстановляя въ предѣлахъ своего вѣдомства законный порядокъ. Но канцелярскій, административный характеръ министерства не могъ переварить такого самостоятельнаго, хотя и совершенно правильнаго отношенія суда къ его дѣламъ. Администрація не могла понять что судъ не имѣетъ права быть политическимъ учрежденіемъ и дѣйствовать сообразно временнымъ, измѣчивымъ условіямъ внутренней политики, что судъ долженъ заботиться объ одномъ, чтобы признанныя закономъ юридическія отношенія были неуклонно соблюдаемы, что всякій иной образъ дѣйствія будетъ равносильнъ отреченію суда отъ его консервативнаго назначенія, отрицанію закона во имя произвола, и произвольно утвердила незаконный обычай.

Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ былъ оставленъ безъ законодательнаго разрѣшенія. Судебная организація, вслѣдствіе отсутствія несмѣняемости судей, лишенная главнаго основанія устойчивости и независимости, подчинилась этому распоряженію и министерскій циркуляръ остался видимымъ основаніемъ правъ адвокатовъ и меценасовъ защищать дѣла въ трибуналахъ, такъ что въ настоящее время меценасы могутъ вести дѣла во всѣхъ инстанціяхъ, адвокаты—въ апелляціонномъ судѣ и трибуналахъ, а патроны лишь въ трибуналахъ. Они признаны состоящими въ государственной службѣ, имѣютъ право переходить на соответственныя штатныя должности и приступать къ эмеритальному обществу. Повышеніе въ степеняхъ зависитъ отъ правительственной комиссіи юстиціи.

Очевидно что такой порядокъ не выгоденъ для тяжущихся, для адвокатуры, для всей судебной организаціи. Прежде всего стороны, перенося дѣла въ высшую инстанцію, должны имѣть и своихъ судебныхъ представителей, безъ которыхъ вообще по закону нельзя обойтись въ процессѣ, или же пользоваться услугами двухъ защитниковъ разомъ, а потому издержки процесса увеличиваются. Кромѣ двойныхъ издержекъ невыгоды организаціи отражаются и на судьбахъ процесса. Патронъ, изучивъ дѣло, давъ ему первоначальное направленіе, строго говоря, долженъ бы былъ его оставить при переносѣ въ высшую инстанцію, а тяжущіеся должны бы выбрать себѣ адвоката или меценаса, но въ дѣйствительности продолжаетъ вести дѣло адвокатъ или патронъ начавшій его: онъ сочинялъ и всѣ бумаги и самую защиту-

тельную рѣчь, меценасъ же является не болѣе какъ подставнымъ лицомъ, читаетъ и говоритъ то что внушено патрономъ и, не изучивъ дѣла самостоятельно, нерѣдко становится въ тупикъ, не имѣя возможности указать какое-либо обстоятельство ведомаго имъ дѣла, а потому и проигрываетъ самое дѣло. Это не предположенія, но факты засвидѣтельствованные официальными актами. Такой порядокъ вещей возбуждалъ постоянныя жалобы частныхъ лицъ. Къ главному директору правительственной комиссiи юстиціи, — должность соотвѣтствующая нашему министру юстиціи, — поступали нерѣдко прошенія о дозволеніи защитникамъ низшихъ степеней суда, пользующимся довѣріемъ сторонъ, вести дѣла и въ высшихъ инстанціяхъ. Главный директоръ въ однихъ случаяхъ признавалъ просьбы заслуживающими уваженія, а въ другихъ отказывалъ на основаніи строгаго права. Дозволеніе давалось въ слѣдующей формѣ: патронамъ дозволялось защищать дѣло въ апелляціонномъ судѣ *при ассистенціи адвоката*, а адвокатамъ въ Сенатѣ при ассистенціи меценаса, то-есть смотря по инстанціи, патронъ и адвокатъ были главными дѣятелями, вели процессъ, производили съязвательныя рѣчи, а состоящій при судѣ защитникъ присутствовалъ единственно для формальнаго соблюденія закона по которому адвокатъ состоящій при низшей инстанціи не могъ вести дѣла въ инстанціяхъ высшихъ.

Иерархическое построеніе адвокатуры, дѣйствующее теперь, было, какъ мы уломянули вскользь выше, не чуждо и старопольскому быту. Въ нынѣшней организаціи удержался тотъ типъ основанія котораго скрываются въ сѣдой древности, выработанный отчасти въ народномъ судеустройствѣ края. Потому нѣтъ удивительнаго что несмотря на несогласимость такого порядка съ нормальнымъ для континента французскимъ типомъ адвокатуры, въ Царствѣ мѣстные юристы въ своихъ замѣчаніяхъ на судебные уставы Имперіи высказывались хотя и не единогласно, въ пользу сохраненія степеней въ адвокатурѣ. Они говорили что возможность повышенія и перехода съ низшей стелени на высшую заставляеть быть усерднѣе и избѣгать такихъ посылковъ которые мѣшали бы повышенію; что постепенный переходъ отъ дѣлъ менѣе важныхъ къ болѣе сложнымъ служитъ къ постепенному развитію защитниковъ, но эти соображенія не выдерживаютъ никакой критики. Законъ требуетъ и теперь отъ всѣхъ защит-

никоемъ одинаковыхъ условій для вступленія въ это званіе; обязанности всякихъ защитниковъ, при всякомъ судѣ, одна и тѣ же, стало-быть и права должны быть одни и тѣ же; выяснитъ юридическій вопросъ, дать правильное направленіе тяжбному дѣлу, составляетъ самый трудный и рѣшительный моментъ, а эта задача выпадаетъ всегда на долю защитниковъ при трибуналѣ. Что касается до повышенія какъ стимула для тщательнаго отправления своихъ обязанностей, то едва ли слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣтскомъ аргументѣ. Обязанность должна быть добросовѣстно исполнена по чувству долга, а не изъ приманки, и корпоративный судъ, карающій за неисполненіе законныхъ или даже нравственныхъ обязанностей адвоката къ клиенту, конечно, представляетъ болѣе солидныя гарантіи для общества, для заинтересованныхъ лицъ, нежели всевозможныя служебныя отличія, рассчитанныя преимущественно на вліяніе мелкаго тщеславія на человѣческую природу. Отсутствие корпоративнаго начала составляетъ другой коренной недостатокъ нынѣшней адвокатуры, но о немъ мы будемъ говорить ниже, равно какъ и о коренномъ недостаткѣ магистратуры — отсутствіи несмѣлимости судей. Въ настоящее время мы закончимъ обзоръ судоустройства и его недостатковъ немногими замѣчаніями о слѣдственной части въ Царствѣ Польскомъ. Тамъ въ настоящее время нѣтъ особыхъ судебныхъ органовъ для раскрытія преступленія. По установленному порядку открытіе слѣдовъ совершеннаго преступленія и розыскъ предполагаемыхъ виновниковъ его лежатъ на обязанности полиціи; затѣмъ первоначальное изслѣдованіе дѣла и удостовѣреніе въ томъ что такое-то преступленіе дѣйствительно учинено (*corpus delicti*) представлено судамъ мировымъ, въ качествѣ простыхъ полиційскихъ судовъ; наконецъ, окончательное изслѣдованіе уголовныхъ преступленій производится судами полиціи исправительной, но такъ какъ этихъ судовъ очень мало, то это дѣло поручается, по болѣе части, тѣмъ же мѣстамъ мировымъ судамъ. Такимъ образомъ предварительное слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ принадлежитъ въ Царствѣ тремъ различнымъ властямъ: полиціи, судамъ мировымъ и судамъ полиціи исправительной. Такое дробленіе одного и того же дѣла, успѣшный исходъ котораго прежде всего зависитъ отъ ясно сознаваемой одной руководящей мысли и отъ энергическаго ея исполненія, поражаетъ властью все пред-

варительное изслѣдованіе дѣла и сильно прелятствуютъ открытію истины. Всѣ проекты судебного преобразованія составленные мѣстными юристами указывали на этотъ недостатокъ и единственнымъ средствомъ устранить его признавали сосредоточеніе производства предварительныхъ слѣдствій у одной и той же власти.

Таковы существенные недостатки дѣйствующаго судоустройства въ Царствѣ Польскомъ, устраняемые, хотя и не вполне, какъ это мы увидимъ, Положеніемъ 19го февраля 1875 года. Теперь мы перейдемъ къ обзорѣнню судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и его недостатковъ.

V.

Дѣйствующій нынѣ въ Царствѣ Польскомъ порядокъ гражданскаго судопроизводства опредѣляется французскимъ кодексомъ гражданскаго процесса, введеннымъ въ Царствѣ въ 1808 году, и не подвергшимся почти никакимъ измѣненіямъ. Этотъ кодексъ послужилъ образцомъ для всѣхъ новѣйшихъ уставовъ судопроизводства, въ томъ числѣ и для устава 20го ноября 1864 года, почему между нашею и польскою гражданскою процедурой существуетъ родственное сходство. И тамъ и здѣсь допущена гласность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, устному производству дается предпочтеніе предъ письменнымъ; судъ въ своихъ дѣйствіяхъ почти безусловно ограничивается предѣлами требованій тяжущихся сторонъ и лишь въ очень немногихъ случаяхъ дѣйствуетъ въ процессѣ ех officio. Существующія, тѣмъ не менѣе, различія составляютъ тѣ усовершенствованія и упрощенія которыя указаны практикой, какъ необходимыя для французскаго процесса и которыми удачно воспользовались составители судебныхъ уставовъ 20го ноября 1864 года.

Въ чистомъ своемъ видѣ французскій кодексъ стоитъ ближе къ нашему уставу, но съ 1809 года оны уже начинаютъ поемвогу уклоняться отъ своего тѣла. Въ 1809 году были учреждены административные суды, въ 1817 году нѣкоторыя казенныя дѣла подчинены вѣдѣнню правительственныхъ комиссій (министерствъ), военнымъ управленіямъ (1847 года), и вслѣдствіе этихъ распорядженій значительная часть гражданскихъ исковъ стала подсудна не суду, а административнымъ

властямъ. Въ 1816 году учреждена была прокураторія Царства, которой спеціально было ввѣрено судебное охраненіе интересовъ казны и учреждений, и для этихъ дѣлъ былъ установленъ особый порядокъ, существенно отличающійся отъ общихъ процессуальныхъ правилъ. Такимъ образомъ въ Царствѣ судамъ подсуденъ не всякій споръ о правѣ гражданскомъ. Съ другой стороны, имъ подсудны въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла о недѣйствительности брака и о разводѣ, изымаемая въ Имперіи изъ общей подсудности.

Въ Царствѣ всѣ дѣла начинаются обязательнымъ примирительнымъ разбирательствомъ у мирового судьи. За неявку взыскивается штрафъ (10 фр.), чѣмъ въ Польшѣ обыкновенно и оканчивается примирительное разбирательство, хотя во Франціи, благодаря этому правилу, огромная масса дѣлъ прекращается у мирового судьи. Съ теоретической точки зрѣнія, однако, этотъ порядокъ давно вызываетъ весьма сильныя нападки. Послѣ примирительнаго разбирательства начинается тяжба тѣмъ что истецъ вручаетъ отвѣтчику черезъ вознаго (судебнаго пристава) вызовъ (позевъ) въ судъ. Докладъ членамъ суда дѣлается лишь тогда когда судъ признаетъ что словесныя объясненія сторонъ недостаточно разъяснили дѣло, и послѣ доклада стороны уже не могутъ прибавлять къ докладу какія-нибудь словесныя разъясненія. Существуютъ различія и въ отводахъ тяжущихся лицъ. Допускается особое судебное дѣйствіе „разпросъ тяжущихся судомъ объ обстоятельствахъ дѣла“ по прошенію одной изъ сторонъ, причемъ въ случаѣ неявки стороны для разспроса или въ случаѣ отказа ея отвѣчать на вопросы судьи, обстоятельства дождавшегося разъясниться изъ разспроса признаются доказанными. Въ числѣ доказательствъ нѣтъ дознанія чрезъ окольныхъ людей, за то удержаны два вида присяги: присяга можетъ быть или предложена одною стороною другой сторонѣ, которая или принимаетъ присягу, или оставляетъ принять ее предлагающей сторонѣ, или же назначается одною изъ сторонъ судомъ. При отсутствіи кассационнаго порядка, въ Царствѣ отмѣна рѣшеній происходитъ нѣсколько иначе, нежели у насъ. Таксы судебныхъ издержекъ не существуетъ и вознагражденіе оправданной сторонѣ опредѣляется по усмотрѣнію суда. Способы исполненія судебныхъ рѣшеній также отличаются отъ нашихъ: нѣтъ самостоятельныхъ правилъ о ввѣдѣ во владѣніе присужденнымъ имуществомъ.

Существуетъ, кромѣ продажи имущества, отдача имущества должника въ арендное содержаніе съ публичнаго торга; личное задержаніе должника допускается не за всякій долгъ, а лишь по обязательствамъ извѣстнаго рода и въ случаяхъ специально опредѣленныхъ законами. При этомъ время задержанія подъ арестомъ не соразмѣряется съ количествомъ долга и крайній срокъ задержанія не опредѣленъ; наконецъ, изытія отъ личнаго задержанія опредѣлены иначе чѣмъ у насъ. Особаго порядка для взысканія вознагражденія съ должностныхъ лицъ за причиненные ихъ дѣйствіями убытки въ Царствѣ не установлено. Постановленія третейскаго суда подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ. Нотаріальные акты исполняются непосредственно судебными приставами, безъ предварительнаго судебного разбирательства. Вотъ существенныя отличія тамошней процедуры отъ нашей. Далекое не всѣ они могутъ быть признаны недостатками, далеко не всѣ должны бы были подлежать отмінію. Нельзя того же сказать о дѣйствующемъ уголовномъ судопроизводствѣ.

Уголовное судопроизводство Царства Польскаго основано:

1. На австрійскомъ уставѣ 3го сентября 1803 года и прусскомъ уставѣ 20го декабря 1805 года. Австрійскій уставъ имѣетъ силу въ губерніяхъ: Люблинской, Радомской и Варшавской по правую сторону Вислы, а прусскій въ губерніи Варшавской по лѣвую сторону Вислы и въ губерніяхъ Августовской и Пясоцкой.

2. На декретахъ герцога Варшавскаго короля Саксонскаго.

3. На постановленіяхъ русскаго правительства, по присоединенію Царства Польскаго къ Россіи.

Коренные недостатки дѣйствующихъ законовъ могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи: 1) смѣшеніе суда съ властью слѣдственной и обвинительною, 2) слабое развитіе защиты обвиняемаго, 3) слабое развитіе судебныхъ претій и гласности засѣданій, 4) господство теоріи формальныхъ доказательствъ и 5) многочисленность судебныхъ инстанцій.

По прусскому уставу слѣдствіе производилось единоличными судьей или членомъ низшаго суда, затѣмъ дѣло рассматривалось въ судѣ коллегіальномъ другимъ членомъ; въ судѣ же единоличномъ дѣло, по необходимости, рассматривалось и рѣшалось тѣмъ же судьей который производилъ

сѣдствіе. По австрійскому уставу сѣдствіе о преступленіяхъ производилось, по распоряженію суда, особымъ чиновникомъ, состоящимъ при судѣ. Судебный приговоръ постановлялся тѣмъ же уголовнымъ судомъ по распоряженію котораго производилось сѣдствіе надъ обвиняемымъ. По обоимъ уставамъ на обязанности суда лежало обвиненіе подсудимаго и разъясненіе обстоятельствъ дѣла. „Доказать преступленіе — говоритъ 364 параграфъ прусскаго устава — лежитъ на обязанности судьи“. „Уголовный судъ обязанъ имѣть сѣдствіе о преступленіи, совершенномъ въ его округѣ, какъ только будетъ извѣщенъ о томъ молвою или инымъ какимъ-либо путемъ, или если самъ усмотритъ преступленіе“ (§ 226 австр. уст.). Герцогскими декретами 26го іюля 1810 года и 19го февраля 1812 года на суды полиціи исправительной возложено производство сѣдствій по особо важнымъ дѣламъ, съ представленіемъ ихъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе уголовныхъ судовъ. На обязанности подсудка мирового суда лежало все то что относится къ раскрытію *corporis delicti*, къ разысканію и задержанію обвиняемаго.

Постановленія прусскаго устава относительно защиты обвиняемаго носятъ на себѣ отпечатокъ того переходнаго времени въ которое появился уставъ. Новыя понятія о требованіяхъ суда и обвинительнаго порядка начинали проникать изъ области науки права въ сферу практическаго законодательства, но еще смутно создавались практическою жизнью. Старинныя понятія и ослѣшенія, унаслѣдованныя отъ эпохи инквизиціоннаго процесса и господства устрашающаго принципа въ положительномъ уголовномъ правѣ, еще крѣпко держались въ умѣ юристовъ-практиковъ. Отсюда противорѣчія въ основныхъ началахъ. Повидимому прусскій уставъ давалъ обвиняемому довольно широкое право и средство защиты: избранный обвиняемымъ повѣренный или защитникъ имѣлъ право присутствовать, съ самаго начала сѣдствія, при допросахъ обвиняемаго и свидѣтелей; обвиняемый могъ совѣщаться съ нимъ и передавать черезъ него защитательныя бумаги къ сѣдственному производству; но рядомъ съ этимъ натыкаемся въ прусскомъ уставѣ на слѣдующую статью: „по дѣламъ о кражѣ, разбоѣ, мошенничествѣ и подобныхъ преступленіяхъ, когда они не влекутъ за собою приговора къ десятилѣтней работѣ или болѣе тяжкимъ наказаніямъ, защитникъ дается обвиняе-

тому лишь тогда когда онъ *положительно потребуетъ* ея (§§ 438 и 439). Нельзя не замѣтить что при такомъ изъятіи наиболѣе многочисленный рязрядъ дѣлъ могъ разрѣшаться по старинному, на основаніи актовъ собранныхъ и избранныхъ однимъ судьей, когда обвиняемый, по незнанію, не требовалъ себѣ защитника положительно. Кромѣ того, по прусскому уставу, повѣренный имѣеть право не совѣщаться съ обвиняемымъ, не прочитывать и не объяснять ему составленной о немъ защиты. По австрійскому уставу совѣтъ не допускается защиты обвиняемаго. Защита вполнѣ возложена на безпристрастный судъ. Обвиняемый не можетъ требовать ни защитника, во время производства слѣдствія (объ этомъ, къ сожалѣнію, законъ умалчиваетъ и у насъ) ни сообщенія полученныхъ или собранныхъ при слѣдствіи свѣдѣній и доказательствъ: обвиняемый извѣщался только предметъ обвиненія и получалъ право лично и непосредственно сообщать что онъ считаетъ нужнымъ для своей защиты. Послѣдующія узаконенія ввели въ эти порядки новыя правила. Съ 1810 года защита обвиняемаго получила *на судѣ* отдѣльное и самостоятельное значеніе. Въ уголовномъ судѣ никто не могъ быть судимъ безъ защитника. Этотъ принципъ былъ утвержденъ и положеніемъ 11го ноября 1847 года, по которому подсудимый имѣлъ право требовать и всегда получалъ себѣ защитника *ex officio*, если уголовное дѣло было такового свойства что окончательное рѣшеніе постановлялось апелляціоннымъ судомъ.

По нѣмецкимъ уставамъ приговоръ постановлялся судомъ послѣ доклада дѣла однимъ изъ членовъ. Докладъ состоялъ въ изложеніи обстоятельствъ дѣла по актамъ слѣдствія произведеннаго внѣ суда; въ единоличныхъ судахъ судья произносилъ приговоръ по дѣлу имъ самимъ обслѣдованному. По декрету 1810 года, докладъ остался письменнымъ, но уже докладъ читается при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи обвиняемаго. Однако это начало подверглось ограниченію въ 69 ст. Учр. Сената 26го марта 1842 года: подсудимые содержимые подъ стражею представляются въ присутствіи X департамента Сената лишь въ томъ случаѣ если самъ Сенатъ признаетъ это нужнымъ, а во время засѣданій могутъ находиться въ присутствіи, кромѣ подсудимыхъ и состоящихъ при судѣ защитниковъ, единственно тѣ которымъ имѣють на то позволеніе отъ первоприсутствующаго.

Недостатокъ общій и нашему старому судопроизводству и уголовной процедурѣ Царства Польскаго составляетъ теорія формальныхъ доказательствъ. Въ прусскомъ и австрійскомъ уставѣ съ точностью опредѣлено: когда и при какихъ условіяхъ различныя судебныя доказательства получаютъ законную силу. Доказательства же заключаются: 1) въ собственномъ сознаніи подсудимаго, 2) въ осмотрѣ и заключеніи свидѣющихъ людей, 3) въ показаніи свидѣтелей, 4) въ письменныхъ актахъ и 5) совокулности уликъ. Конечно, собственное сознаніе почитается главнѣйшимъ доказательствомъ содѣянаго преступленія, и въ прусскомъ уставѣ 1805 года мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія относящіяся къ тому предмету: „когда упорный преступникъ дерзкою ложью и выдумками, упрямымъ заперательствомъ или совершеннымъ молчаніемъ можетъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, тогда, носѣ надлежащихъ увѣщаній и предостереженій, судья, извѣдавшій дѣло, обязанъ довести объ этомъ тому суду котораго онъ состоитъ членомъ, или высшему суду, съ приложеніемъ или безъ приложенія документовъ слѣдствія, смотря по обстоятельствамъ, и съ добросовѣстнымъ изложеніемъ свидѣній о состояніи здоровья обвиняемаго. Согласно такому доносенію, можетъ быть выданъ указъ о тѣлесномъ наказаніи обвиняемаго. На такой указъ жалоба не принимается. Тѣлесное наказаніе должно состоять, смотря по состоянію здоровья обвиняемаго, изъ опредѣленнаго указомъ числа ударовъ кнутомъ или розгами (Peitschen-oder Ruthenhiebel)“ — (§§ 292, 293 и 296). Этотъ остатокъ *пытки* существовалъ въ царствѣ до 1864 года; указомъ 30го августа 1864 года онъ отмененъ вмѣстѣ съ постановленіемъ о „чрезвычайномъ наказаніи“. По прусскому уставу, убѣжденіе судьи имѣетъ *нѣкоторое значеніе* только при оцѣнкѣ совокулности уликъ сажающихъ къ изобличенію обвиняемаго. „Когда противъ обвиняемаго“, сказано въ уставѣ (§§ 491 и 405), „имѣются значительныя улики, хотя не составляющія совершеннаго доказательства, но согласныя между собою или перекрывающія противныя доказательства, тогда обвиняемый возвращается уменьшенному противъ установленнаго закономъ или такъ-называемому чрезвычайному наказанію (ausserordentliche Strafe, Кара nadswuczajna). Послѣднее встрѣчается въ особенности тогда когда нѣсколько уликъ, согласныхъ между собою, подкрѣпляются еще дурнымъ характе-

ромъ и прежнимъ дурнымъ поведеніемъ обвиняемаго." По австрійскому уставу, сила внутренняго убѣжденія судьи ограничивается однимъ уликами, но распространяется нѣкоторымъ образомъ на всѣ виды законныхъ доказательствъ. Уставъ предписываетъ не придавать рѣшающаго значенія доказательствамъ въ отвѣтственности, но въ связи со всѣмъ и слѣдованіемъ. Въ австрійскомъ уставѣ признается законная сила и *одного* свидѣтельскаго показанія. Хотя действительность такого доказательства какъ показаніе одного свидѣтеля, признана не въ видѣ общаго правила, но лишь въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ, тѣмъ не менѣе оно представляется намекомъ на принципъ: *testes non numerantur sed ponuntur*.

По прусскому уставу уголовныя дѣла или разрѣшались окончательно въ одной инстанціи, или проходили въ ревизіонномъ порядкѣ двѣ или три инстанціи. Кроме того, къ всякому приговору могла быть представлена апелляціонная жалоба. Та же многочисленность ревизіонныхъ инстанцій встрѣчается и въ австрійскомъ уставѣ, усиленная, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представленіемъ приговора на усмотрѣніе государя, если судъ назначалъ смертную казнь. Въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло могло проходить три инстанціи. Декретомъ 26го іюля 1810 года ревизіонный порядокъ былъ отмѣненъ. Сторонѣ недовольной рѣшеніемъ дѣла было предоставлено право жалобы, а прокурору право протеста въ одну апелляціонную инстанцію по дѣламъ подвѣдомственнымъ какъ суду простой, такъ и исправительной полиціи. Что касается до болѣе важныхъ дѣлъ рѣшаемыхъ уголовными судами, то относительно ихъ декретъ 1810 года ограничивался установленіемъ кассационнаго порядка отмѣны приговоровъ, предполагая ввести присяжныхъ заседателей въ составъ уголовного суда. Предположеніе не состоялось и только черезъ 24 года разрѣшено было приносить апелляціонныя жалобы на приговоры уголовныхъ судовъ (ук. 4го іюля 1834 года). Учрежденіе X департамента Сената и изданіе правилъ 26го марта 1847 года произвело общее измѣненіе въ числѣ инстанцій. На основаніи этихъ правилъ каждое дѣло, по жалобѣ подсудимаго или по протесту прокурора, можетъ пройти двѣ апелляціонныя инстанціи, то есть побывать въ трехъ инстанціяхъ. Бываютъ случаи когда оно проходитъ и четвертую инстанцію, именно когда въ X

департаментъ Сената не состоится единогласнаго приговора. Изъ предложеннаго краткаго обзора коренныхъ недостатковъ дѣйствующаго въ привислинскомъ край уголовнаго судопроизводства видно что система польскаго уголовного процесса принадлежитъ къ разряду слѣдственныхъ и весь существующій порядокъ имѣетъ почти всѣ тѣ недостатки которые были замѣчены въ Имперіи при господствѣ слѣдственной системы и сознаніе которыхъ привело тамъ къ преобразованію уголовного судопроизводства на началахъ обвинительнаго процесса.

Разновременные и разноразличные уставы, унаслѣдованные отъ всѣхъ иноземныхъ властителей Польши, не приведенные въ систему, неполные, страдающіе внутренними противорѣчіями, доживаютъ свои послѣдніе дни. Соціальный экономическій переворотъ 1864 года открылъ эпоху преобразованій въ общественной и государственной организаціи привислинскаго края. Этотъ хаотическій строй судебныхъ учрежденій смѣняется новымъ, простымъ, удобнымъ порядкомъ зложеннымъ въ совершеннѣйшемъ законодательномъ памятникѣ нынѣшняго царствованія — судебныхъ уставахъ 20го ноября 1864 года. О примѣненіи уставовъ къ Царству, о положеніи 19го февраля 1875 года будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

М. СОЛОВЬЕВЪ.

ПАРЛАМЕНТСКОЕ СЛѢДСТВІЕ О ДѢЙСТВІЯХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

I.

Слѣдственная коммиссія коей поручено разсмотрѣніе дѣлъ правительства національной обороны оканчиваетъ возложенную на нее задачу. Совокупность ея работъ составит не менѣе пятнадцати томовъ in-quarto, въ которыхъ будущіе историки войны 1870 года и революціи 4го сентября найдутъ всевозможные матеріалы. Слѣдствіе выставяетъ вполнѣ на свѣтъ неопытность, иллюзіи, наивное тщесловіе революціонной партіи, которая не колебалась принять на себя 4го сентября продолженіе дѣла обанкротившейся Имперіи, въ полномъ убѣжденіи что достаточно принятіе ея правленія и „магическаго“ слова республика чтобы одолжить Нѣмцевъ за Рейнъ. Предаваясь подобнымъ иллюзіямъ, революціонная партія увлеклась заблужденіями пресловутаго преданія 1792 года. Не принимая въ разчетъ различія обстоятельствъ и перемѣнъ внесенныхъ въ условія вои

ны прогрессомъ вооруженія, не разсудивъ что невозможно ни-
кое сравненіе между громадною арміею, превосходно орга-
низованою и дисциплинированою, кою руководилъ гене-
ралъ Мольтке, и армейскими корпусами сравнительно мало-
численными и состоявшими подъ командою генераловъ-рути-
нровъ, которые вторглись во Францію въ 1792 году, люди
4го сентября вообразили что съ импровизованнымъ поголов-
нымъ ополченіемъ, съ вольными стрѣлками, съ прокламаці-
ями и криками: „да здравствуетъ республика!“ они будутъ
также счастливо дѣйствовать, какъ ихъ предшественники.
Опытъ жестоко доказалъ всю тщету ихъ усилій. Теперь совер-
шенно ясно что ихъ попытка отразить нашествіе, предъ
которымъ распалась прекрасная регулярная армія импера-
торской Франціи, была и непрактична и безумна, и неудача
той попытки есть окончательное осужденіе военныхъ им-
провизаций, также какъ и вмѣшательства гражданскаго на-
селенія въ дѣло войны. Регулярныя арміи сдѣлались маши-
нами столь могущественными и совершенными что противо-
поставить имъ съ серіозною вѣроятностію на услѣвкѣ воз-
можно только другія регулярныя арміи. И потому именно
что онѣ машины усовершенствованныя, что организація и
матеріалъ армій требуютъ болѣе чѣмъ когда-либо содѣй-
ствія самыхъ разнородныхъ познаній, ихъ и невозможно им-
провизовать въ одинъ день. Когда организованная сила стра-
ны уничтожена, какъ была уничтожена сила Франціи послѣ
дѣлаго ряда поразительныхъ бѣдствій, доведшихъ до Седан-
ской капитуляціи, то необходимы долгіе годы для ея пере-
устройства, и рѣшаться при такихъ условіяхъ на продолже-
ніе борьбы во что бы ни стало, значило подвергать страну
самоу полному разстройству. Вотъ что говоритъ здравый
смыслъ и чему научаетъ опытъ. Но если мы перенесемъ
къ ту эпоху когда Франція, пораженная изумленіемъ, при-
ступовала при столь неожиданной гибели своихъ армій,
и когда съ тѣмъ вмѣстѣ она извѣстилась о неслыханномъ
притязаніи побѣдителя отнять у нея Альзасъ и даже Лота-
рингію, Стразбургъ и Мецъ, то легко поймемъ что она не
расположена была слѣдовать голосу разсудка и охотно скла-
нилась къ воззваніямъ утолистовъ, которые обращались къ
ея патриотизму, обѣщая ей побѣду во имя воспоминаній 1792
года. Лучшими изъ нихъ руководило великодушное желаніе,
раздѣлавшееся лучшею частію націи, испытать послѣднее

успіе прежде чѣмъ согласиться на разлуку съ своими вѣрными соотечественниками Альзаса и Лотарингія. Прибавьте къ этому чувство оскорбленнаго національнаго самолюбія, неспособнаго примириться съ мыслью что Франція побѣждена и побѣждена безвозвратно, и вамъ полагать будутъ различныя побужденія коимъ повинувались люди 4го сентября. Конечно, посредничество ихъ было губительно, и лучше было бы послѣ Седанскаго погрома сохранять то что оставалось отъ Имперіи, предоставивъ на ее отвѣтственность и заключеніе мира. Это лучше было бы для Франціи и для самой республики, которая неизбежно послѣдовала бы за побѣжденною Имперіей, не принимая на себя даже отвѣтственности за несчастную войну и не подвергаясь обвиненію въ увеличеніи ея бѣдствій. Но то что ясно теперь, не было таковымъ въ ту эпоху и требовалось тяжелое испытаніе опыта чтобы разсвѣтъ иллюзіи которыя рано или поздно привели бы свои плоды. Если республиканцы сдѣлали ошибку, ускоривъ паденіе Имперіи и продолжая войну, которая „въ военномъ смыслѣ“ была уже окончена, то и они имѣютъ на своей сторонѣ многія смягчающія обстоятельства.

Возвращаясь къ изданіямъ комиссіи. Въ одной изъ прежнихъ моихъ статей я представлялъ анализъ той части свѣдѣствія которая касается возстанія 18го марта и имѣетъ случай разобрать доклады комиссіи о подрядахъ. Нынѣ я имѣю въ виду бесѣдовать о двухъ послѣднихъ томахъ изданныхъ комиссіей и заключающихъ въ себѣ собраніе официальныхъ телеграммъ, коими обмѣнялись между собою различныя республиканскія власти съ 4го сентября 1870 года до созванія настоящаго Национальнаго Собранія въ февралѣ 1871 года. Эти два тома несомнѣнно самыя интересныя во всей коллекціи. Въ нихъ вы находите исторію административную и даже до нѣкоторой степени исторію политическую и военную этого періода кризиса, ваятую прямо изъ жизни, разказанную сжатымъ слогомъ телеграфа, день за днемъ, подъ впечатлѣніемъ ощущеній и страстей минуты. Тамъ нѣтъ ни выработанныхъ фразъ, ни официальныхъ періодовъ: повсюду факты, событія и люди, сами себя изображающіе, какъ въ фотографическомъ снарядѣ. Въ первый разъ еще сборникъ документовъ такого рода появился на свѣтѣ, а такъ какъ телеграфу предстоитъ играть съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе значительную роль въ политическихъ и

восьмь дѣлачь, также какъ и во вѣсѣхъ остальныхъ, то видно тотчасъ же что можетъ извлечь исторія изъ корреспонденцій и документовъ всякаго рода, передачъ коихъ она сужилъ. Правда, комиссія принуждена была дѣлать выборъ. И дѣйствительно одни телеграфныя бюро доставили ей болѣе ста тысячъ официальныхъ телеграммъ, писанныхъ съ 10 сентября 1870 года по 8е февраля 1871, и должны были бы доставить еще болѣе, но, какъ замѣчаетъ докладчикъ, по тѣрѣ того какъ непріятель захватывалъ департаментъ, — а она захватилъ ихъ до тридцати, — телеграфныя архивы были уничтожены, увезены или спрятаны; чаще всего ихъ сожигали едина или отчасти. Это громадное количество телеграммъ вѣсколько не удивительно, если принять въ соображеніе что главные государственныя чиновники, каковы въ Парижѣ министры или уполномоченные ими начальники отдѣльных частей, а въ провинціи префекты, генералы, прокуроры и пр., имѣютъ право бесплатно сноситься между собою по телеграфу. Это право, впрочемъ, строго ограничивается официальными телеграммами, относящимися къ неотложнымъ общественнымъ дѣламъ, но, какъ легко себѣ представить, правила эти не были строго соблюдаемы во время этого критическаго періода. Телеграммы разсылались по всякому поводу, а иногда и безъ всякаго повода. Случалось также что телеграфировавшіе присоединяли къ сообщеніямъ объ общественныхъ дѣлахъ подробности совершенно частнаго характера, обнародованіе коихъ было бы самою куріозною частію свѣдѣнія, еслибы комиссія не сочла долгомъ воздержаться отъ обнародованія такихъ сообщеній, несмотря на все свое желаніе придать имъ гласность. Такъ какъ оригиналы вѣсѣхъ официальныхъ телеграммъ, отиравленныхъ на счетъ государственнаго казначейства, сохранились въ архивахъ телеграфныхъ бюро, то комиссіи стоило только распределить ихъ и выбрать изъ нихъ наиболѣе интересныя. Она утверждаетъ что рекомендовала соблюденіе строжайшаго безпристрастія тому изъ своихъ членовъ, — досточтимому г. Шале, — на котораго она возложила этотъ колоссальный трудъ, прося его руководиться только историческимъ интересомъ, а не интересомъ той или другой партіи. Сколько можно судить, г. Шале держался вообще рекомендованнаго ему правила.

Распределеніе этой массы телеграммъ было также не легкимъ

дѣломъ. Коммиссія расположила ихъ по мѣстамъ ихъ отправленія: вопервыхъ, департаментскія телеграммы, причемъ департаменты расположены по алфавиту, а телеграммы по числамъ затѣмъ телеграммы центральнаго правительства и Турской делегации въ хронологическомъ порядкѣ. Эта метода имѣетъ свои недостатки, потому что отдѣляетъ вопросы отъ отвѣтовъ но трудно было придумать другую, да она и вообще была доволно удовлетворительна. Разумѣется я не могу анализировать всѣ телеграммы по каждому департаменту,—для этого не достаточно было бы цѣлаго тома. Я ограничусь изложеніемъ телеграфной исторіи нѣсколькихъ департаментовъ; образчикъ этотъ дастъ вамъ возможность судить о цѣломъ.

II.

Возьму сначала Нижне-Альпійскій департаментъ, гдѣ не совершилось ничего особенно замѣчательнаго, но гдѣ нахожу нѣкоторые факты, повторяющіеся почти во всѣхъ прочихъ волервыхъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣдовавшихъ 4-мъ сентября, замѣна префекта Имперіи, г. Лаволле, префектомъ „добрымъ республиканцемъ“, г. Сиприеномъ Ше. Г. Лаволле удаляется безпрекословно. Преемникъ его тотчасъ же телеграфируетъ министру внутреннихъ дѣлъ г. Гамбеттѣ „Префектъ министру внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ. Принимаю съ преданностью постъ который вы мнѣ довѣрили Братское привѣтствіе.“ Нѣсколько дней спустя ему предлагають другой постъ, въ Марсели. „Мое присутетіе необходимо здѣсь, телеграфируетъ онъ, въ странѣ возвращеннаго Гарнье и Дювернуа (бывшими депутатами). Демократическая партія разстроится, если я уѣду.“ Тѣмъ не менѣе, такъ какъ пронесся слухъ что въ скоромъ времени произойдутъ общіе выборы — то было въ концѣ октября,—онъ посылаетъ свою отставку, чтобы выступить кандидатомъ въ Національное Собраніе. Когда же выборы были отсрочены, онъ беретъ назадъ свою отставку, какъ свидѣтельствуется слѣдующая телеграмма отъ 10го октября 1870: „Такъ какъ выборы отсрочены то отставка вслѣдствіе избирательныхъ причинъ оказывается недействительною. Я принялъ снова обязанности, которыя передалъ-было временному администратору.“ Министръ вышелъ все это въ порядкѣ вещей. Въ администраціи это

префекта я могу замѣтить только столкновение касательно атрибуцій власти съ дивизионнымъ генераломъ, — столкновения этого рода повторялись повсюду, и я предоставляю читателямъ судить насколько они способствовали правильному теченію дѣлъ. Такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и военный (опять — таки Гамбетта) уполномочилъ его смѣстить г. Бони, баталіоннаго командира мобилей, то онъ извѣстилъ объ этомъ рѣшеніи генерала командующаго дивизіей въ Безансонѣ. Генералъ отвѣчалъ: „Когда министръ дастъ мнѣ приказъ касательно баталіоннаго командира Бони, то я его исполню.“ „Прошу васъ, телеграфируетъ озабоченный префектъ, обсудить отвѣтъ генерала и дать приказанія въ этомъ смыслѣ, ибо дѣло не терпитъ отсрочки и многочисленные письма мобилей свидѣтельствуютъ о нерастерпимыхъ поступкахъ баталіоннаго командира Бони.“ Значитъ, солдаты жаловались на своего командира префекту, а этотъ требовалъ его смѣщенія, на что и изъявлено было согласіе, исполненія котораго онъ не могъ добиться отъ генерала. Какое извращеніе іерархическихъ правилъ и законовъ дисциплины! Тотъ же префектъ отличался „лиризмомъ, даже въ своемъ телеграфномъ слогѣ. Доказательство тому телеграмма которою онъ отвѣчалъ 3го октября на восторженное и обманчивое извѣщеніе о великой побѣдѣ Парижской арміи (рѣчь шла о сраженіи при Шампани): „Великая вѣсть о побѣдѣ храбраго народа парижскаго прибыла сюда въ ночь на 2е декабря; она возбудила всѣ умы и укрѣпила всѣ сердца. Это громадный шагъ для республики, впредь уже непобѣдимой и безсмертной.“

Но вотъ департаментъ сосѣдній съ этимъ, гдѣ дѣла идутъ далеко не такъ покойно. Мы разумѣемъ департаментъ Приморскихъ Альповъ, заключающій въ себѣ Ниццское графство, присоединенное всего десять лѣтъ тому назадъ и гдѣ существуетъ сепаратистская партія, которая съ большимъ или меньшимъ основаніемъ внушаетъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ опасенія своимъ безлокойнымъ духомъ и интригами. 4го октября, въ 10 часовъ вечера, императорскій принцъ г. Гавиани извѣщаетъ что онъ получилъ депешу о сфриваніи правительства національной обороны, что онъ извѣщаетъ, но проситъ назначить ему преемника. Непубликанская партія не ждетъ назначенія и въ составляется комитетъ въ бюро радикальной

принятія въ свои руки департаментской администраціи. Въ стѣ съ тѣмъ собирается генеральный совѣтъ, и когда префектъ отказался отъ должности, то онъ назначаетъ изъ среды своей комиссію изъ пяти членовъ для управленія департаментомъ. Итакъ вотъ съ перваго же дня, вмѣсто одной являются двѣ администраціи. Можно опасаться столкновенія. По счастью, г. Гамбетта отецъ, честный и скромный negociantъ, проживаетъ въ Ниццѣ. Онъ послѣдшилъ телеграфировать сыну „о немедленномъ назначеніи префекта, который бы замѣнилъ организующіеся мѣстные комитеты, могущіе придти въ столкновение“. Этому разумнаго совѣта послушали и 8го сентября г. Пьеръ Бараньонъ, назначенный префектомъ департамента Приморскихъ Альповъ, прибылъ въ Ниццу, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ. Въ промежуткѣ правда, произошли нѣкоторые безпорядки, тюрьмы были отперты, толпа захватила жилища полицейскихъ комиссаровъ и устроила лютѣшныя огни изъ ихъ мебели; наконецъ бывшій префектъ принужденъ былъ выѣхать лотихоньку, но все это было неважно, и полковникъ 25го линейнаго полка телеграфировалъ что для восстановленія порядка достаточно было нѣсколькихъ патрулей. Итакъ республиканскій префектъ вступилъ въ должность и повидимому не тяготится ею. „Я чрезвычайно доволенъ департаментомъ, пишетъ онъ въ ночь послѣдовавшую за его прибытіемъ; намъ нужно ружей и денегъ, и у насъ будутъ люди сформированные скоро и хорошо; патриотизмъ возбужденъ; гдѣ взять оружія и капиталовъ?“ Но на другой же день ему сообщаютъ о движеніяхъ италіянскихъ войскъ на границѣ; онъ тотчасъ же телеграфируетъ министру иностранныхъ дѣлъ чтобы спросить его „не слѣдуетъ ли войти въ дружескія объясненія съ Флоренціей“. А такъ какъ дѣло кажется ему неотложнымъ, то онъ прямо обращается къ посланнику во Флоренціи г. де-Маларе. Г. де-Маларе считаетъ невозможнымъ вести дипломатическую переписку съ префектомъ и г. Бараньонъ жалуется на это—кому же?... министру иностранныхъ дѣлъ. „Я требую, телеграфируетъ онъ ему 11го сентября (онъ былъ префектомъ только три дня), отъ г. де-Маларе свѣдѣній о скопленіи войскъ. Онъ укрывается за іерархію! Я энергически требую, гражданинъ министръ, чтобъ онъ получилъ приказаніе отвѣчать мнѣ прямо, не черезъ Парижъ, когда это необходимо.“ Но приказанія этого онъ добиться не могъ и даже при-

нужденъ оправдываться въ томъ что его потребовалъ. Вотъ какъ онъ оправдывается. Онъ отправляетъ министру иностранныхъ дѣлъ новую телеграмму слѣдующаго содержанія: „Маларе и Жеромъ Наполеонъ вмѣстѣ во Флоренціи участвуютъ въ опасныя интригахъ, окружающихъ мой департаментъ съ присутствіемъ въ Монако, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Болоньѣ бывшихъ чиновниковъ или членовъ Наполеоновской фамиліи. Вотъ почему я дѣйствовалъ и желаю бы дѣйствовать прямо. Ибо здѣсь я имѣю главныя свѣдѣнія о положеніи, настоящій авторитетъ, а дурно истолкованный или залоздавшій приказъ изъ Парижа можетъ сдѣлать меня жертвой нечаяннаго нападенія и открыть реакціи дверь, которую потомъ трудно будетъ залереть снова.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы придать болѣе вѣса своему оправданію, онъ призываетъ къ себѣ въ кабинетъ г. Гамбетту отца и диктуетъ ему слѣдующую телеграмму, писанную на бланкѣ и адресованную Гамбеттѣ сыну: „Положеніе опасное, Бараньонъ справляется съ нимъ чрезвычайно ловко; смѣло утвердите всѣ его полномочія и онъ спасетъ насъ.“ Но вотъ наступаютъ другія болѣе серіозныя затрудненія. Гарибальди телеграфировалъ французскому правительству о предоставленіи себя въ его распоряженіе слѣдующимъ лаядарнымъ слогомъ: „Все что остается отъ меня—къ вашимъ услугамъ!“ Онъ высадится вѣроятно въ Ниццѣ и телеграфируетъ префекту, спрашивая у него объ отвѣтѣ правительства, которое медлитъ его присылкой. По этому поводу воображеніе г. Пьера Бараньона воспламеняется, онъ требуетъ разрѣшенія вступить въ прямыя сношенія съ Калперой и дать ему кредитъ въ три милліона. „Рѣшайте, телеграфируетъ онъ, желаете вы или нѣтъ воспользоваться революціонными силами Гарибальди... Гарибальди искрененъ, шайки нетерпѣливы. Всѣ элементы соединенные на различныхъ пунктахъ могутъ, какъ говорятъ, сформировать армію въ 30.000 годныхъ людей, среднимъ числомъ тридцатилѣтняго возраста. Для того чтобы перевезти ихъ, вооружить и направить къ Луарѣ потребуются кредитъ по крайней мѣрѣ въ три милліона и поставленіе меня въ прямое отношеніе съ Калперой, чтобы все получить и направить,—дѣло чрезвычайно важное, но затруднительное и тяжелое.“ Правительство ограничивается отвѣтомъ что если Гарибальди высадится въ Ниццѣ, то его слѣдуетъ принять хорошо и отправить его

тотчасъ же „со скорымъ спеціальнымъ поѣздомъ“. Между тѣмъ сепаратистскій элементъ, разчитывая на прибытіе Гарibaldi, волнуется въ Ниццѣ, и г. Баральонъ начинаетъ терять голову. Доказательствомъ служитъ слѣдующая телеграмма, отъ 24го сентября, 5 часовъ, 25 минутъ вечера: „Гарibaldi оставляетъ Калреру, намѣревается проѣхать здѣсь. Многочисленныя банды ожидаютъ въ Генуѣ и въ другихъ мѣстахъ. Да здравствуетъ Французская республика! Ницца предана сепаратизму и Пруссіи. Инструкцій, полномочій и кредита! Отвѣчайте немедленно.“ Въ тотъ же вечеръ, въ 11 часовъ 45 м., онъ телеграфируетъ снова: „Осадное положеніе учрежденное здѣсь во всей его строгости произвело необходимое дѣйствіе. Итальянская мятежная партія, назначившая двухъ итальянскихъ офицеровъ для командованія національною гвардіей, повидимому разстроилась. Сегодня вечеромъ городъ покоенъ; увидимъ что будетъ завтра. Здѣсь есть сильная прусская партія, которая, подъ предлогомъ выборовъ, устроила комитетъ вольнаго города Ниццы. Туземные извѣстные банкиры во главѣ этой партіи; они-то поддерживали сношенія съ Флоренціей и можетъ-быть съ Пруссіей.“ Правительство повидимому получило, однако, увѣдомленіе что префектъ Приморскихъ Альповъ могъ дѣйствовать подъ увлеченіемъ своего воображенія. Въ первыхъ числахъ октября разнесся слухъ что рѣчь идетъ о назначеніи ему помощника или даже о совершенномъ его смѣщеніи. Тогда префектъ, глубоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи, прибѣгаетъ къ телеграфу: „При щекотливомъ и совершенно спеціальномъ положеніи въ которомъ находятся Ницца и департаментъ, я только въ Турѣ могу почерпнуть мою главную силу. Говорятъ уже о присылкѣ сюда уполномоченнаго для организациіи обороны. Ничего не понимаю. Я оставилъ Парижъ съ гражданскими и военными полномочіями, посредствомъ которыхъ я успѣлъ въ 48 часовъ подавить сепаратистскій заговоръ, въ существованіи коего нынѣ сознаются сами его виновники. Я изгналъ не безъ опасностей корсиканскую шайку, которая держалась здѣсь на служеніе Имперіи интригами Гавини. Если какое-нибудь вѣдѣтельство уменьшитъ, посреди полнаго спокойствія, авторитетъ необходимый мнѣ для моего положенія, то оно слѣдуетъ быть невыносимымъ.“ Между тѣмъ слухи оказались основательными; ему присылаютъ помощника, гражданина Баши, съ неопредѣленнымъ званіемъ комиссара обороны. Будетъ

ли Блэшъ подчиненъ Бараньйону или раздѣлится съ нимъ властью? Призываютъ на совѣтъ Гамбетту отца по поводу этого неопредѣленнаго вопроса. Онъ убѣждаетъ Блэша уступить первенство Бараньйону и тотчасъ же телеграфируетъ Кремью о результатахъ своихъ переговоровъ: „Блэшъ, желающій подготовить себѣ кандидатуру въ Варскомъ департаментѣ, соглашается состоять подъ начальствомъ Бараньйона. Необходимо такимъ образомъ рѣшить затрудненіе, иначе Бараньйонъ оставитъ насъ, что было бы для Ниццы опасностью и несчастіемъ.“ Кажется, однако, что такое самоотверженіе Блэша было не искреннее, ибо два дня спустя, 6го октября, тревога Бараньйона возобновляется. На этотъ разъ онъ обращается противъ притязаній честолюбиваго Блэша не только къ помощи Гамбетты отца, но и полковника командующаго военною поддивизіей, командира вѣстоваго лагеря стоящаго на рейдѣ и... г. Альфонса Карра, знаменитаго лицаго романиста-садовника. Вотъ что они телеграфируютъ къ Кремью: „Дорье прислалъ въ Ниццу гражданина Блэша: просимъ Кремья дать ему какъ можно скорѣе другое назначеніе. Присутствіе его уже создаетъ неувѣрительныя толкованія и порождаетъ слухи опасныя для нашего департамента, гдѣ спокойствіе полное. Бараньйона здѣсь достаточно.“ Кто же одержитъ побѣду—Блэшъ или Бараньйонъ? Между тѣмъ Блэшъ принужденъ отправиться по дѣламъ въ Дрегиньянъ, и Бараньйонъ пользуется его отсутствіемъ чтобъ адресовать слѣдующее отчаянное воззваніе къ справедливости и политической опытности турецкаго правительства: „Блэшъ, комиссаръ обороны, угрожаетъ нарушеніемъ моихъ полномочій; онъ утверждаетъ будто я возмущаюсь противъ васъ, и возвратясь завтра изъ Варскаго департамента, возбудитъ на этомъ основаніи въ нашемъ заширенномъ департаментѣ страшнѣйшіе безпорядки, противъ коихъ я буду съ помощію мѣстныхъ властей защищать мои полномочія. Блэшъ въ Дрегиньянѣ. Онъ не хочетъ даже и обождать тамъ рѣшенія изъ Тура. Если онъ возвратится въ департаментъ Приморскихъ Альповъ, то столкновеніе неизбежно. Дѣйствуйте же, и телеграфируйте ему эту ночь.“ Правительство дѣйствительно телеграфируетъ, но для того чтобъ уполномочить Блэша занять мѣсто Бараньйона. Ярость Бараньйона. Величественное негодование Гамбетты отца, который телеграфируетъ въ свою очередь:

„Никто не можетъ имѣть на меня вліянія; руководствуюсь только интересами республики; оказываю содѣйствіе по мѣрѣ силъ. Всѣмъ извѣстно что моя личная популярность держала въ порядкѣ департаментъ отъ 4го до 8го октября. Турская делегація имѣетъ невѣрные свѣдѣнія о положеніи департамента Приморскихъ Альповъ. Это непонятно или обнаруживаетъ много легкомыслія. Еслибы Парижъ не былъ въ блокадѣ, я бы все исправилъ.“ Что касается Бараньёна, то онъ рѣшается передать свои полномочія побѣдоносному Блашу и отправиться въ Туръ, но до принятія этого рѣшенія онъ было поколебался и даже далъ приказъ арестовать Блаша. Послѣдній извѣщаетъ насъ объ этомъ въ телеграммѣ отъсамого дня вступленія своего въ должность, 8го октября: „Къ сожалѣнію для Бараньёна, я долженъ извѣстить васъ что вчера былъ имъ данъ приказъ арестовать меня гдѣ бы то ни было.“ Итакъ Блашъ остается во главѣ департамента, но не надолго. Противъ него сильно дѣйствуютъ друзья и родственники Бараньёна. Это ему извѣстно и онъ телеграфируетъ своему другу Лорье, чтобы тотъ „избавилъ его отъ этихъ интриговъ“. Онъ обращается также съ слѣдующею телеграммой къ Гамбеттѣ, только-что прибывшему на воздушномъ шарѣ въ Туръ: „Именемъ республики умоляю васъ принять относительно меня окончательное рѣшеніе. Я полагаю, не воображая, конечно, что я необходимъ, что могу оказать здѣсь правительству серіозныя услуги моими сношеніями и энергіей, которую ничто не заставитъ отступить. Если вы думаете иначе, если въ умѣ вашемъ есть хотя малѣйшее колебаніе, смѣните меня съ должности, на служеніе которой я охотно отдалъ бы мою жизнь, и я возвращусь къ моимъ скромнымъ адвокатскимъ занятіямъ... Но повѣрьте слову честнаго чловека. Я могу быть здѣсь полезенъ. Умоляю васъ отвѣчать неотложно. Ваша прокламація произвела блестящій эффектъ.“ Между Бараньёномъ, котораго поддерживалъ Гамбетта отецъ, и Блашемъ, котораго поддерживалъ Лорье, правительство повидимому сильно затруднялось. Какъ же оно выпуталось изъ этого дѣла? Оно отправило въ Ниццу Марка Дюфресса, знаменитость 1848 года, съ титуломъ генеральнаго комиссара департамента Приморскихъ Альповъ. Блашъ соглашается подчиниться этому именитому республиканцу, но жаждетъ имѣть титулъ префекта, такъ какъ званіе „комиссара обороны“ не понятно для публики. Но Маркъ Дюфрессъ,

съ своей стороны, отнюдь не желаетъ сохранить Блаша. Какъ только онъ прибылъ къ своему посту, 26го октября, то требуетъ чтобъ его избавили отъ Блаша и отправили его префектомъ въ Нижне-Альпійскій департаментъ. Но правительство не обращаетъ вниманія на это требованіе. Маркъ Дюфрессъ настаиваетъ, и слѣдствіе представляетъ до дюжины телеграммъ, адресованныхъ министру внутреннихъ дѣлъ и неизмѣнно оканчивающихся прилѣвомъ: „*Назначьте Блаша префектомъ*“, и къ министру юстиціи съ такимъ варіантомъ: „*Назначьте Блаша генеральнымъ прокуроромъ!* Блашъ стѣсняетъ меня, - Блашъ опасенъ, а впрочемъ Блашъ заслуживаетъ вознагражденія, назначьте Блаша.“ Былъ ли назначенъ Блашъ префектомъ или генеральнымъ прокуроромъ? Саѣдствіе не упоминаетъ объ этомъ и очень жаль, но Маркъ Дюфрессъ успѣлъ отъ него избавиться, и вотъ большая тяжесть свалилась у него съ плечъ. Онъ однако не скрываетъ отъ себя опасностей положенія, и замысливъ утверждать что онъ ихъ преувеличиваетъ. Онъ страшно подозрителенъ. Ему сообщаютъ о присутствіи г. Гауссмана въ Ниццѣ. Онъ тотчасъ же приказываетъ произвести обыскъ у г. Гауссмана. „Мнѣ сообщено было объ опасныхъ интригахъ, телеграфируетъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ я имѣлъ сильное основаніе подозрѣвать что бывший префектъ Сенскаго департамента не чуждъ этимъ интригамъ и сношеній Ниццы съ италіанскою границей, то я счелъ долгомъ въ интересахъ внутренней и внешней безопасности государства произвести у него сообразно со всѣми законными формами домовый обыскъ.“ Этотъ обыскъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, но помимо бонапартистскихъ интригъ другія опасности возбуждаютъ до крайности безпокойство генеральнаго комиссара. Дѣло идетъ о сепаратистскихъ интригахъ. Онъ требуетъ военнаго корабля изъ Тулона, чтобъ устрашить сепаратистовъ. Ему отказываютъ въ этомъ, предлагая въ видѣ вознагражденія „поддержку Ниццской національной гвардіи“. На это онъ отвѣчаетъ съ горькою ироніей: „Ясно вижу что вамъ не знакомъ духъ населенія этого города“. Эти заботы не препятствуютъ ему помышлять о множествѣ друзей и кліентовъ, которыхъ доставило ему его высокое положеніе и обязательный характеръ. Вотъ на примѣръ телеграмма которую онъ адресовалъ 31го декабря главному директору личнаго состава:

„Нынѣшній управляющій табачнымъ окладомъ въ Ниццѣ, г. Бонверъ, бывшій депутатъ италіянскаго парламента. Должность доставляетъ ему 6.000 фр. Добейтесь его увольнения или смѣщенія. Мѣсто это очень пригодно для Дома.“ Мѣсяць спустя онъ телеграфируетъ генеральному директору почтъ, Стенакеру, чтобъ онъ „завтра же назначилъ двѣицъ Коттъ, сестеръ префекта Варскаго департамента, одну директрисой почтъ, другую начальницей табачнаго бюро, не забывая все-таки адвоката Блаша, для котораго онъ, съ отчаянія, требуетъ мѣста военнаго комиссара въ Альцинскомъ лагерѣ. Наконецъ наступаетъ февраль. Генеральному комиссару удается приобрести на выборахъ депутатскія полномочія, „въ обществѣ, какъ онъ говоритъ, двухъ Италіянцевъ, рыцарскихъ реакціонеровъ, Бергарди и Пиккона.“ Назначеніе его не нравится жителямъ Ниццы и они принимаются шумѣть. Каждый вечеръ происходила манифестація, которой генеральный комиссаръ придаетъ въ своихъ телеграммахъ размѣры мятежа. Онъ принимаетъ мѣры строгости. Онъ предписываетъ арестовать до пятидесяти бунтовщиковъ и „отрѣзать на воздухъ“. Бунтъ тѣмъ не менѣе продолжается или лучше сказать возобновляется каждый вечеръ. „Этотъ Ниццскій бунтъ, телеграфируетъ онъ наконецъ съ отчаяніемъ, *укротить невозможно*. Каждый вечеръ онъ какъ будто оканчивается, но на другой день и въ тотъ же самый часъ онъ начинается снова въ тѣхъ же размѣрахъ.“ Для подавленія этого постоянно возобновляющагося бунта онъ требуетъ чтобъ ему прислали бригаднаго генерала и провозгласили осадное положеніе. Къ счастью бунтовщики утомляются, и послѣдняя телеграмма, адресованная министру внутреннихъ дѣлъ, извѣщаетъ насъ что „ниццскія волненія укрощены безъ пролитія капли крови. Не было ничего ущерба кромѣ разрушенія одного изъ фасадовъ префектуры“. Что не мѣшаетъ ему присовокупить: „По прибытіи въ Бордо, я сообщу вамъ отчетъ объ этомъ прискорбномъ мятежѣ“. И въ постскриптумѣ онъ говоритъ: „Припоминая вамъ что я все-таки желаю занять дипломатическій постъ въ Бернѣ, куда вы имѣли въ виду назначить меня“. Правительство имѣло неблагодарность не вылолнить этого требованія спасителя Ниццы, и г. Маркъ Дюфрессъ, нѣкогда яростный республиканецъ, нынѣ принадлежащій къ самой утѣ-

реальной фракціи лѣваго центра и человекъ вообще хорошій, остался простымъ членомъ Национальнаго Собранія.

Вотъ вѣрный, хотя и краткій отчетъ телеграфной исторіи администраціи департамента Приморскихъ Альпъ съ 4го сентября до созванія Собранія и до начала правительства г. Тьера.

III.

Оставимъ теперь Приморскія Альпы и перенесемъ на бо-
лѣ обширный театръ, во второй городъ Франціи, и можетъ-
быть первый съ революціонной точки зрѣнія — я разумю
Лионъ. Нигдѣ во Франціи страсти не проявлялись съ такою
запальчивостью, нигдѣ не встрѣчается такого рѣзкаго антаго-
низма между различными классами населенія: классъ рабочихъ
состоитъ вообще изъ социалистовъ и знамя у него красное,
высшіе же классы клерикальные, даже страстно клерикаль-
ные, имперіалисты или легитимисты. Бѣдствія войны, нача-
той такъ опрометчиво, возбудили въ Лионѣ впечатлѣніе
сильнѣе даже чѣмъ въ Парижѣ, и революція произошла тамъ
тотчасъ же по полученіи извѣстія о Седанской капитуляціи и
прежде чѣмъ поданъ былъ сигналъ изъ Парижа. 4го сентября
въ 9 часовъ утра республика была провозглашена, „комитетъ
общественнаго спасенія“ водворился въ городской думѣ
и водрузилъ на ней красное знамя. Комитетъ этотъ тотчасъ
же раздѣлился на различные отдѣлы и принялся дѣятельно
телеграфировать правительству національной обороны, объ-
являя ему что „онъ принялъ всѣ неотложныя мѣры и ожи-
даетъ сообщеній отъ временнаго правительства“. Между эти-
ми неотложными мѣрами первая касалась,—кто бы тому по-
вѣрилъ?—луговидъ національной гвардіи, какъ явствуетъ изъ
слѣдующей телеграммы адресованной 5го сентября, то-есть на
другой день послѣ революціи, комитетомъ общественнаго спа-
сенія военному министру: „Благоволите назначить надпись
для луговидъ національной гвардіи,—общую надпись, которая
могла бы служить для всей Франціи, во избѣжаніе множества
различныхъ формъ, что повело бы къ промедленію и къ зна-
чительнымъ расходамъ.“ Не правда ли что подобная забота
въ такую минуту весьма оригинальна и характеристична?
Впрочемъ военный отдѣлъ комитета очень серьезно вошелъ
въ свою роль, и оттого естественно послѣдовало первое

столкновеніе съ военными властями, которыя отказывались признать эту импровизованную диктатуру, коей повелительные и революціонные приказы не признавали даже тираніи правописанія. Свидѣтельствомъ служить телеграмма адресованная военному министру за подписью президента комитета переплетчика Фавье:

„En raison des désordres qui ont lieu au camp de Sathonay et par un grand nombre d'officiers de la mobile qui refusent de reconnaître la république. En consequence le comité de la guerre vous prie de *donné* des ordres le plus *promptemens* que vous le *pourré*.“ *

Сильно встревоженное положеніемъ Ліона и опасаясь всего болѣе преобладавшихъ въ немъ демагогическихъ элементовъ, правительство послѣдило отправить туда въ качествѣ префекта одного изъ самыхъ смысленныхъ и энергическихъ людей республиканской партіи, сдѣлавшагося потомъ однимъ изъ ея вождей и правою рукой г. Гамбетты—г. Шаллемель-Лакура. Послѣдній прибылъ въ Ліонъ 6го сентября и представился комитету общественнаго спасенія, вооруженный своими полномочіями, но комитетъ и не подумалъ отречься въ его пользу отъ своей власти, и хотя не засадилъ его въ тюрьму, но тотчасъ же подчинилъ его строжайшему надзору, не дозволяя ему писать или телеграфировать безъ своей *visa*. Подъинспекторъ телеграфовъ извѣщаетъ главнаго директора въ Парижѣ объ этомъ критическомъ положеніи. „Я видѣлъ сейчасъ, говоритъ онъ, г. Шаллемель-Лакура. Ліонскій комитетъ не хочетъ его признавать. Всѣ наши официальные и частныя телеграммы визируетъ делегатъ ліонскаго комитета, не выпускаяющій ихъ безъ этого. Г. Шаллемель - Лакуръ сказалъ мнѣ, что онъ самъ будетъ приносить свои телеграммы чтобъ избѣжать визирования.“ Комитетъ распоряжался въ городѣ; онъ посадилъ въ тюрьму бывшаго префекта, г. Сансье, генеральнаго прокурора и многихъ іезуитовъ; г. Шаллемель-Лакуръ не могъ распутить его, не вызвавъ кроваваго столкновенія. Итакъ онъ рѣшился протянуть время и попытаться привлечь къ себѣ самыхъ безпôкойныхъ членовъ этого страшнаго комитета.

* То-есть: „По поводу безпорядковъ происходившихъ въ лагерѣ Сатоне и по множеству офицеровъ мобилей отказывающихся признавать республику. Вслѣдствіе этого военный комитетъ васъ проситъ дать приказанія такъ скоро какъ вы только можете.“

Въ числѣ ихъ находился адвокатъ по имени Андриѣ. Г. Шаллемель-Лакуръ телеграфировалъ по поводу его министру иностранныхъ дѣлъ: „Прошу Кремьё назначить Андриѣ первымъ генеральнымъ адвокатомъ. Настойте на этомъ. Назначеніе это необходимо чтобы привлечь здѣшнихъ агитаторовъ и укротить Андриѣ удовлетвореніемъ его желанія.“ Этотъ рецелтъ, какъ извѣстно, былъ всегда вѣренъ. Онъ вполнѣ удался г. Шаллемель-Лакуру. По простествіи нѣсколькихъ дней, онъ овладѣлъ положеніемъ по крайней мѣрѣ настолько насколько было возможно въ эту эпоху броженія; онъ заставилъ произвести муниципальные выборы, и совѣтъ, правда довольно красный, но все же избранный правильно, заступилъ мѣсто революціоннаго комитета. Но въ Лионѣ, какъ и повсюду, была другая власть, съ которою префектъ долженъ былъ сговориться и съ которою, опять также какъ и повсюду, онъ сговориться не могъ, — власть военная. Последняя очевидно была компетентнѣе гражданской власти въ дѣлѣ организаціи національной обороны. Но она не имѣла довѣрія къ оборонѣ, и между тѣмъ какъ *statiskie*, благодаря своему невѣжеству въ дѣлахъ войны, ни въ чемъ не сомнѣвались, *военные*, съ своей стороны, сомнѣвались во всемъ. Оттого г. Шаллемель-Лакуръ не переставалъ говорить о власти генерала Эспивана де-ла-Вильбуане и требовать его смѣны. Его замѣнили генераломъ Мазюромъ, но и тотъ обнаруживалъ не болѣе горячности. Неукротимый префектъ отправляетъ телеграмму за телеграммой съ жалобами на его бездѣйствіе. „Столкновеніе между мною и военною властью. Она удерживаетъ множество ружей которыя необходимы для вооруженія національной гвардіи. Кромѣ нѣкоторыхъ фортификаціонныхъ работъ, которыя она во всеуслышаніе объявляетъ бесполезными, она ровно ничего не дѣлаетъ и приводитъ въ уныніе вологтеровъ. Дайте мнѣ средства уничтожить это недоброжелательство.... Генералъ Мазюръ понимаетъ дѣло не лучше своего предшественника Эспивана. Онъ не хочетъ ни о чемъ слышать кромѣ арміи, когда арміи нѣтъ, и остается только одна нація. Онъ удивляется въ своихъ казармахъ. Сдѣлайте такъ чтобъ онъ слушался меня.“ Несомнѣнно улреки эти не лишены истины, хотя отъ военной власти требовали болѣе чѣмъ она могла дать при той дезорганизаціи въ какой находилась армія. Петербургіе префекта ничего еще не значило въ сравненіи

съ нетерпѣніемъ населенія и его прямыхъ органовъ. Такъ муниципалитетъ не замедлилъ потребовать чтобы военная власть была подчинена гражданской. 27го октября муниципальный совѣтъ телеграфировалъ турецкому правительству: „Телеграмма извѣщаетъ насъ что непріятель направляется на Ліонъ. Военная власть, бессильная или неспособная сдѣлать что-нибудь сама по себѣ, повидимому съ особеннымъ упорствомъ старается помѣшать всякой организациі помимо ея собственной и отказывается содѣйствовать чему-либо. Генералъ Мазюръ и интендантство соперничаютъ другъ съ другомъ въ недоброжелательствѣ. Совѣтъ проситъ васъ чтобы гражданинъ Шаллемель-Лакуръ, съ званіемъ чрезвычайнаго комиссара республики, былъ облеченъ полною властью надъ военнымъ начальствомъ, съ правомъ повышения въ чины офицеровъ которые представляютъ наиболѣе гарантіи для организациі дѣятельной и энергической обороны. Совѣтъ проситъ немедленнаго отвѣта; новое промедленіе въ виду фактовъ слишкомъ очевидныхъ для населенія можетъ принудить совѣтъ къ принятію энергическихъ мѣръ собственною властью.“ Такъ какъ правительство медлило отвѣтомъ на эту угрожающую телеграмму, то броженіе удвоилось, столкновение стало неизбежнымъ, и наконецъ телеграмма за подписью Кремь и Гле-Бизуана предоставила г. Шаллемелю-Лакуру полномочія принять на свою отвѣтственность всѣ мѣры необходимыя для поддержанія порядка и общественнаго спокойствія. Телеграмма не объяснила однако вопроса о преобладаніи которой-либо изъ двухъ властей. Генералъ Мазюръ телеграфируетъ по этому предмету къ военному министру, который также не слѣшилъ отвѣтомъ. Въ ожиданіи этого, г. Шаллемель-Лакуръ объявляетъ ему о его смѣщеніи, которое тотъ отказывается принять. Возбужденное населеніе требуетъ чтобы этого измѣнника разстрѣляли. Г. Шаллемель доказывается задержаніемъ его, но такой арестъ доставляетъ ему много хлопотъ, потому что толпа требуетъ преданія его суду... Къ счастью, въ дѣло вступается военный министръ, отправляющій генерала Мазюра въ Нантъ. Совѣтъ тѣмъ освободить его успѣли только чрезъ двѣнадцать дней. Значитъ г. Шаллемель-Лакуръ сосредоточиваетъ всю власть въ своихъ рукахъ; онъ производитъ смотры и употребляетъ всю свою дѣятельность для организациі защиты Ліона. Дѣло это нелегкое и онъ долженъ въ томъ сознаться въ своемъ оче-

редь. „Прому разрѣшенія, телеграфируетъ онъ отъ 21го октября, принимая въ случаѣ надобности военный законъ. Отсутствіе дисциплины обнаруживается между мобіями и даже между начальниками. Необходимо укротить ихъ. Нѣсколькихъ строгихъ примѣровъ будетъ достаточно.“ Повидимому онъ не питаетъ также полнаго довѣрія къ постоянной энергіи населенія. „Необходимо, говоритъ онъ, держать непріятеля въ отдаленіи. Если въ Лионѣ сгорятъ два дома, то Лионъ сдѣлается.“ Онъ занимается также преобразованиемъ полиціи, оставляющей многого желать, и отправляетъ къ Ранку, директору общественной безопасности въ Турѣ, отчаянную телеграмму, отъ 7го ноября: „Будучи вынужденъ арестовать моего единственнаго полицейскаго комиссара за сообщничество съ мятежниками, я не имѣю въ эту минуту ни одного человѣка на котораго бы можно было положиться для отправленія полицейскихъ обязанностей. Пришлите мнѣ тотчасъ же одного или двухъ вѣрныхъ людей съ десятью агентами, жившими когда-нибудь въ Лионѣ, если у васъ найдутся таковыя.“ При такихъ условіяхъ не легко было завѣдывать полиціей: чтобы упростить дѣло, страшный префектъ предписываетъ изгнаніе бывшихъ каторжниковъ и прочихъ подозрительныхъ людей. Впрочемъ всѣ эти хлопоты не до такой степени поглощаютъ его дѣятельность чтобъ онъ не заботился также о внѣшнихъ дѣлахъ. Вотъ на примѣръ, онъ предлагаетъ Гамбеттѣ дѣйствовать *частными вліяніями на женщинъ при иностранныхъ дворахъ!* Делеша эта несомнѣнно самая куріозная и я привожу ее буквально:

„Лионъ, 9го ноября 1870 года, 4 часа 40 м. вечера, № 5.612. *Префектъ Гамбеттъ отъ Турѣ. Личная и шифрованная.* Я въ состояніи дѣйствовать настоятельно и можетъ-быть весьма сильно частными вліяніями на женщинъ при дворахъ Вѣнскомъ, Петербургскомъ, Лондонскомъ и даже Берлинскомъ. Я могу также добиться частаго помѣщенія статей во множествѣ иностранныхъ газетъ. Если вы желаете воспользоваться этого рода операцией, то дайте мнѣ знать немедленно въ какомъ мѣстѣ сѣдуетъ употребить ее. Ожидая по этому предмету телеграммы немедленно и письма Сплелера съ изложеніемъ болѣе полныхъ инструкцій. *П. Шаллемель-Дакуръ.*“

Отвѣта мы не находимъ въ собраніи телеграммъ, и истиннѣ нельзя не пожалѣть объ этомъ. Съ своей стороны и

г. Шаллемель-Лакуръ не настаивалъ, такъ что, по всему вѣроятію, мы никогда не узнаемъ какими „частными вліяніями“ ліонскій префектъ предполагалъ настоятельно дѣйствовать на женщинъ при иностранныхъ дворахъ. Повторяемъ, нельзя не пожалѣть объ этомъ.

Но вскорѣ болѣе близкія заботы поглощаютъ его вниманіе. Ліонъ наполнился Гарибальдійцами, настоящими или подложными, производившими всевозможные безпорядки. 16го ноября, префектъ извѣщаетъ Гамбетту что они въ одну ночь умертвили двухъ человекъ. „Ліонъ, присовокупляетъ онъ, не можетъ оставаться болѣе мѣстомъ ихъ сборища. Требую чтобы меня избавили отъ нихъ.“ А такъ какъ ему долго не отвѣчаютъ, то онъ настаиваетъ всѣми силами на своемъ требованіи. „Благоволите, говоритъ онъ, въ телеграммѣ отъ того же дня, дать приказаніе всѣмъ мнимымъ Гарибальдійцамъ здѣсь находящимся чтобъ они отправились организовываться въ другое мѣсто. Необходимо во что бы ни стало очистить Ліонъ отъ этой сволочи.“ Сволочи! Надо сознаться что слово не слишкомъ лестное для гарибальдійскаго ополченія, но по крайней мѣрѣ г. Шаллемель-Лакура нельзя обвинить въ недостаткѣ откровенности. Другія заботы ему причиняютъ крестьяне, вообще плохіе патріоты, сопротивляющіеся распоряженіямъ о переправѣ ихъ продуктовъ въ городъ, чтобъ они не достались непріятелю. А между тѣмъ совершенно ли неправы были эти крестьяне, плохіе патріоты? Теорія опустошенія страны въ виду непріятели можетъ-быть примѣняема только къ странамъ пустыннымъ, но отнюдь не къ мѣстности богатой и густо населенной. Развѣ въ Парижѣ она не имѣла результатомъ наводненія города подгороднымъ населеніемъ, которое далеко не увеличило средствъ Парижа и котораго движимое и недвижимое имущество осталось на произволь непріятели, и непріятель разумѣется счелъ себя въ правѣ распорядиться имъ въ отсутствіе владѣльцевъ. Затѣмъ возникаютъ снова затрудненія между префектомъ и командующимъ дивизіей генераломъ Брессолемъ, и командующимъ національною гвардіей генераломъ Александромъ. Г. Шаллемель-Лакуръ жалуется что реакція начинаетъ обнаруживаться слишкомъ дерзко и настоятельно, и что она находитъ себѣ орудія въ этихъ господахъ, „недовольныхъ что ими управляетъ простой префектъ.“ Съ другой стороны, генераль Брессоль отправляетъ раздражительныя телеграммы съ жалобами на

вѣзательство въ его команду двухъ только-что произведенныхъ генераловъ, Кремера и Кревизье. „Кто же командуетъ здѣсь наконецъ? (телеграмма отъ 26го ноября.) Генераль Кревизье съ одной стороны, генераль Кремеръ съ другой. Они раздають приказанія въ моеѣ дивизіи, не предупреждая меня. Одинъ желаетъ принять начальство надъ поддивизіей въ Бургъ, другой даетъ повелѣнія жандармеріи и уводитъ съ собою жандармовъ, объявляя капитану Макону, который дѣлалъ ему замѣчаніе по сему поводу, что теперь нѣтъ болѣе ни начальниковъ, ни іерархіи. Чтò же въ самомъ дѣлѣ значить такой безпорядокъ?“ Мы узнаемъ потомъ что Брессоль предписываетъ Кревизье явиться къ нему въ Лионъ для объясненія его поведенія. Кревизье конечно не исполняетъ этого предписанія и слѣзаетъ въ Туръ, гдѣ у него есть друзья. Брессоль приходитъ въ справедливый гнѣвъ и объявляетъ въ телеграммѣ *военному министру въ Туръ*, что подобнаго отсутствія дисциплины не видало, и требуетъ чтобъ этотъ генераль былъ немедленно уволенъ. „Какимъ образомъ, присокупляетъ онъ, очень откровенно, но не совсѣмъ почти тѣло въ іерархическомъ отношеніи, возстановить дисциплину, когда дурной примѣръ идетъ *сверху?*“ Впрочемъ г. Шаллемель-Лакуръ, телеграфируя военному министру, обнаруживаетъ не болѣе терпѣнія. Доказательствомъ служить слѣдующее разсужденіе по поводу патроновъ, которыхъ онъ напрасно требовалъ, хотя Лесевъ, коему поручены были подряды этого рода, увѣрялъ его что они существуютъ: „Стало-быть въ Турѣ неизвѣстно однимъ чтò происходитъ у другихъ.“ Но если въ Турѣ были безпорядки, то недостатка въ нихъ не было и въ Лионѣ. Вольные отряды въ особености приводили въ отчаяніе военныя власти, также какъ и власти гражданскія. Слѣдующая телеграмма генерала Брессоля характеристична въ этомъ отношеніи. „Я начинаю нѣсколько понимать, телеграфируетъ онъ отъ 2го декабря, все касающееся до отдѣльныхъ вольныхъ отрядовъ, проживавшихъ въ Лионѣ безъ всякаго занятія. Только не могу отыскать франкопольскаго легіона подъ командой полковника О’Брина. Легіонъ этотъ безъ всякой организаціи и даже не формируется. Полковникъ этотъ отправился въ Туръ, чтобы получить полномочія и ускользнуть отъ наблюденія. Вышлите его ко мнѣ обратно.“ Полковникъ О’Бринъ дѣйствительно возвра-

щается, но для ускоренія сформированія легіона обращается не къ генералу, а къ прокурору республики, „чисто красному“, котораго онъ заставляетъ телеграфировать *министру внутреннихъ дѣлъ*, чтобы получить кредитъ въ 15.000 фр. для скорѣйшаго сформированія франко-польскаго легіона. Такъ какъ кредитъ не получается, то онъ объявляетъ что „положеніе невыносимо болѣе“, и затѣмъ вѣтъ уже рѣчи ни о немъ, ни о франко-польскомъ легіонѣ. 20го декабря случилось странное происшествіе. Командующій національною гвардіей Арно былъ умерщвленъ за то что отказался повиноваться толпѣ мятежниковъ, приказывавшихъ ему идти на префектуру. При извѣстіи объ этомъ, Гамбетта является въ Лионъ, но онъ находитъ уже что порядокъ восстановленъ. Весь городъ присутствовалъ на похоронахъ Арно и правительство не встрѣчало никакого сопротивленія. Впрочемъ этотъ прискорбный эпизодъ единственный гдѣ пролилась кровь во время этого труднаго и тревожнаго періода, и это служить къ похвалѣ г. Шаллемель-Лакура, на которомъ въ окончательномъ результатѣ лежало бремя сохраненія порядка. Мы доходимъ до января мѣсяца, и между телеграммами этого послѣдняго періода я нахожу нѣкоторыя куріозныя указанія на жалкое положеніе вооруженія импровизованныхъ легіоновъ. Послушайте напримѣръ что говоритъ генералъ Круза о Савойскомъ легіонѣ:

„Первый Савойскій легіонъ, прибывшій сегодня вечеромъ, вооружился передѣльными кремневыми ружьями, а нѣкоторое число людей и вовсе не имѣеть оружія; я видѣлъ ружья съ растреснутыми стволами, почти всѣ приклады передорчены; я просилъ у генерала командующаго въ Лионѣ оружія для этого легіона; онъ отвѣчалъ что въ арсеналахъ вѣтъ ничего. Обращаюсь къ вамъ, и увѣряю васъ что невозможно стрѣлять изъ этихъ ружей, не опасаясь что ихъ разорветъ“.

Верхне-альпійскіе баталіоны не въ лучшемъ состояніи; они поднимаютъ бунтъ въ лагерѣ Сатове, когда ихъ хотятъ отправить на театръ войны, заявляя что „они не обучены, что у нихъ вѣтъ никакихъ запасовъ и что они дурно вооружены“. Генералъ Круза извѣщаетъ слѣдующимъ образомъ что онъ справился съ этимъ бунтомъ: „Мнѣ казалось что во всемъ этомъ больше трусости и тупоумія, чѣмъ „зловамъ“

реальности, но всего прискорбѣе недостатокъ средствъ или забѣтливости выказанный префектами при снабженіи и вооруженіи ихъ мобилей." Тѣмъ не менѣе нѣкій генераль Францини, командующій бригадой Верхней Савоіи (вооруженною кремневыми ружьями), телеграфируетъ Гамбеттѣ отъ 28го января: „Хотите сласти Францію? Это еще легко. Рузаюсь въ томъ честию". Францини не присовокуляетъ какимъ средствомъ онъ можетъ сласти ее, и это поистинѣ заслуживаетъ сожалѣнія. Шаллемель - Лакуръ, съ своей стороны, не раздѣляетъ мнѣнія Францини. Онъ понимаетъ что все потеряно; онъ упалъ духомъ, заболѣвъ и 29го января просится въ отставку, объявляя что онъ не можетъ болѣе приести никакой пользы Лиону. „Я не желаю, говоритъ онъ, служить политикѣ капитуляцій, съ другой стороны, я возбуждалъ противъ себя такую массу вражды во всѣхъ партияхъ что не могу съ пользой служить политикѣ революціи: Я не могу извлечь изъ этой страны ни однимъ человекомъ и ни однимъ франкомъ болѣе того что она уже дала. Новый человекъ, даже неизвѣстный, услѣдетъ больше меня въ поддержаніи ли порядка, въ одушевленіи ли трусовъ, въ укрощеніи ли реакціи или въ очищеніи и приведеніи въ дѣйствіе революціонныхъ элементовъ. Прошу васъ найтѣ поскорѣе такого человека." Такъ какъ такого человека не находятъ скоро, то нѣсколько дней спустя, 4го февраля, Шаллемель-Лакуръ настаиваетъ предъ Гамбеттой въ слѣдующей телеграммѣ, переполненной горечью:

„Такъ какъ перемиріе можетъ быть разорвано съ минуты на минуту, я долженъ предупредить васъ что если непріятель пойдетъ на Лионъ, то онъ найдетъ городъ безъ войска, безъ припасовъ, безъ одушевленія. Для защиты у насъ будетъ 600 моряковъ, изъ коихъ половина больна, да горсть республиканцевъ изъ предмѣстьевъ. Я буду съ ними, если они не зарѣжутъ меня до тѣхъ поръ, а намѣреніе это они обнаруживаютъ ежедневно." Къ счастью въ тотъ же день въ Лионъ прибылъ Валантенъ, бывший стразбургскій префектъ. Шаллемель-Лакуръ задерживаетъ его, приглашаетъ къ себѣ завтракать, убѣждаетъ его принять отъ него должность, и въ телеграммѣ датированной отъ 10 часовъ 50 минутъ утра требуетъ чтобъ ему немедленно прислали его назначеніе. Назначеніе прислали тотчасъ же, и въ тотъ же день Шал-

лемель-Лакуръ адресуетъ одному изъ своихъ друзей въ Бордо телеграмму, которая въ краткости своей выражаетъ радость доставленнѣму ему его избавленіемъ: „Дѣло улажено. Валантеъ префектъ. Прїѣду въ Бордо въ среду или въ четвергъ. Назначь мнѣ гостиницу по телеграфу“.

IV.

Я изложилъ съ нѣкоторыми подробностями кризисъ послѣдовавшій въ Лионѣ за революціей 4го сентября, потому что онъ заключаетъ въ себѣ характеристическія черты, повторяющіяся въ бѣльшей части другихъ департаментовъ. Такъ напримѣръ исторія департамента Устье въ Роны и его бывшей столицы Марсели очень похожа на эту. Марсель производитъ также свой республиканскій *pronunciamento* 4го сентября, выждавъ, впрочемъ, извѣстій изъ Парижа, ибо Марсельцы, хотя и большіе хвастуны, но благоразумнѣе Лионцевъ. Комитетъ общественнаго спасенія, сформированный красными, тотчасъ же организуется подъ названіемъ *Комитета демократической уніи* и президентъ его г. Дельпешъ отправляетъ Гамбеттѣ слѣдующій адресъ, изложенный южно-демократическимъ слогомъ:

„Гражданинъ! Сыны Марсельцевъ 92го года съ гордостію привѣтствуютъ въ лицѣ вашемъ отца революціи 70го года. Соединенные съ вами неразрывными узами, мы гарантируемъ вамъ порядокъ и спокойствіе въ великомъ городѣ, бывшемъ вашею политическою колыбелью. Что касается до патріотизма нашей дорогой Фоке, то онъ останется на высотѣ своей древней репутаціи.“

Муниципальный совѣтъ присоединяется къ нему и онъ назначаетъ г. Лабадь комиссаромъ или временнымъ префектомъ. Наконецъ, правительство, не теряя времени, назначаетъ генеральнымъ комиссаромъ г. Альфонса Эскироса. Отличный писатель, постоянный сотрудникъ *Revue des deux Mondes*, г. Эскиросъ, къ несчастію, не имѣлъ никакихъ административныхъ способностей и сдѣлался игрушкой марсельскихъ демагоговъ. Онъ поддается народнымъ манифестаціямъ, онъ приходитъ въ столкновеніе съ военною властью, не успѣвая, однако, удовлетворить неистовыхъ, которые упрекаютъ его что онъ оставляетъ на мѣстахъ подозрительныхъ

людей вѣсто того чтобы замѣнить ихъ „добрыми ребятами“. Положеніе скоро становится для него невыносимо. Онъ подаетъ въ отставку, получаетъ ее, и одинъ изъ самыхъ энергическихъ республиканцевъ, г. Альфонсъ Жанъ, заступаетъ его мѣсто. Но это не нравится демагогамъ, которые угрожаютъ „скорѣе сжечь городъ, чѣмъ отпустить Эскироса“. Тѣмъ не менѣе г. Альфонсъ Жанъ является. Въ видѣ притѣтствія въ него стрѣляютъ изъ пистолета и наносятъ ему легкую рану, но онъ не оставляетъ дѣла и вскорѣ, благодаря его энергіи, Марсельцы успокаиваются настолько они могутъ успокоиться и порядокъ восстанавливается до окончанія кризиса. Г. Жанъ соединяетъ въ своихъ рукахъ всѣ должности, онъ занимается всѣмъ на свѣтѣ. „Я ничто въ родѣ *maître Jacques*, говоритъ онъ, исправляю должности префекта, командующаго генерала, интенданта и директора артиллеріи, заключаю подряды, фабрикую пушки и уплачиваю за нихъ или заставляю уплачивать съ помощью открытыхъ кредитовъ“... Эта многосторонняя дѣятельность не доставляетъ большихъ результатовъ, ибо ревность Марсельцевъ испаряется въ словахъ, и ему никто не помогаетъ, но наконецъ порядокъ, скомпрометтированный Эскиросомъ, восстанавливается, а это что-нибудь да значить. Эскиросъ, не оставившій Марсели за неизвѣнемъ денегъ, получаетъ вознагражденіе въ 4.000 фр., которое даетъ ему возможность выѣхать въ началѣ января, и Жанъ произноситъ своему неловкому предшественнику слѣдующую похоронную рѣчь, которая не отаичается снисходительностью, но вполнѣ имъ заслужена: „Мнѣ нечего говорить вамъ о немъ, вы его знаете. Но только ради его прошедшаго и ради его самого, гораздо болѣе чѣмъ для насъ, я радуюсь что онъ отправился отсюда, ибо здѣсь онъ окончательно бы погубилъ себя, не понимая этого и даже безъ всякаго сознанія. Человѣкъ этотъ живетъ внутреннею жизнью и одержимъ слѣпотой относительно всѣхъ внѣшнихъ фактовъ, что, конечно, очень прискорбно.“ И вотъ какимъ людямъ республиканская камарадерія поручала управление однимъ изъ важнѣйшихъ департаментовъ и однимъ изъ городовъ гдѣ всего труднѣе было установить правильную администрацію. Жанъ былъ человѣкъ инаго закаля, но имѣлъ недостатки, неразлучные съ тѣми качествами которыми онъ обладалъ. Услышавъ о каитуалціи Парижа, онъ телеграфируетъ Жюлю Фавру въ

припадкѣ гнѣва: „Я не повинуюсь тому кто сдался Бисмарку, я не знаю его.“ Онъ протестуетъ также противъ декрета созывающаго избирателей для назначенія Национальнаго Собранія и отказывается его обнародовать. Руководимый болѣе страстью, чѣмъ здравымъ разсудкомъ, онъ требуетъ диктатуры и борьбы на жизнь и смерть. Гамбетта отказывается отъ диктатуры и онъ телеграфируетъ ему: „Я не думаю, Гамбетта, что мы разстанемся когда-нибудь. Итакъ прощайте.“ Наконецъ онъ подчиняется необходимости и сохраняетъ свой постъ до окончанія кризиса.

Въ Одскомъ департаментѣ, гдѣ главный городъ Каркассона, населеніе не менѣе воспламеняющееся, какъ и въ департаментѣ устье Роны. Лишь только получено было тамъ извѣстіе о революціи въ Парижѣ, какъ республиканская группа провозгласила низверженіе Имперіи и удаленіе префекта. Ярый радикалъ, г. Марку, нынѣ депутатъ крайней лѣвой, овладѣлъ префектурой безъ выстрѣла, ибо префектъ поспѣшилъ уступить ему свое мѣсто „во избѣжаніе беспорядковъ“. Г. Марку провозгласилъ себя „революціоннымъ комиссаромъ“, но онъ не обратилъ вниманіе на одного изъ друзей Гамбетты, г. Теодора Рейнала, который проѣздомъ черезъ Нарбоннъ, на возвратномъ лутешествіи изъ Испаніи, узналъ о революціи 4го сентября, и не видя своего имени въ спискѣ новаго личнаго состава, не безъ горечи телеграфировалъ 8го сентября Гамбеттѣ: „Другъ, вы подумали о моихъ товарищахъ и забыли обо мнѣ; вѣхать ли мнѣ въ Парижъ или ожидать здѣсь? Дѣло ваше трудно, вамъ нужны испытанные люди“. На это Гамбетта отвѣчаетъ назначеніемъ его префектомъ въ Одскій департаментъ. Но, какъ не трудно понять, это назначеніе вовсе не нравится Марку и его друзьямъ, завоевателямъ префектуры. Вслѣдствіе этого телеграмма извѣщаетъ насъ что „избранный демократическій муниципальный совѣтъ въ Каркассонѣ отъ имени населенія выражаетъ желаніе чтобы гражданинъ Марку остался въ должности префекта, такъ какъ отъ этого зависитъ общественное спокойствіе.“ Въ тотъ же день самъ Марку телеграфируетъ: „Ожидаю Теодора Рейнала, преемника, котораго вы назначили для занятія поста *въѣрннаго мнѣ единогласно народомъ*.“ Чтобы рѣзче обозначить свое неудовольствіе гражданинъ Марку адресуетъ эту телеграмму „господину министру внутреннихъ дѣлъ“. Тѣмъ не менѣе г. министръ не отвѣчаетъ ни слова, и

Рейналь съ гордымъ лаконизмомъ телеграфируетъ отъ 13го сентября: „Я занимаю мой постъ.“ Впрочемъ спустя шесть дней, онъ проситъ объ увольненіи, потому что желаетъ выступить кандидатомъ въ учредительное собраніе, но это было лишь фальшивою тревогой: выборы отсрочены и онъ остается на своемъ мѣстѣ, о чемъ возвѣщаетъ 24го сентября своимъ высокимъ слогомъ. „Остаюсь на моемъ постѣ. Мужайтесь, мужайтесь, мужайтесь!!! Республика спасетъ Францію и цивилизацію.“ Такой префектъ не могъ долго спориться съ военною властью. Сначала онъ жалуется что ему прислали генерала который не нравится населенію. „Ничего не сдѣлаешь съ этимъ *лѣнливцемъ*, онъ способенъ только все разстраивать.“ Затѣмъ онъ доноситъ о полковникѣ мобилей, который раздаетъ чины „клерикальскимъ франтикамъ и самымъ скомпрометтированнымъ реакціонерамъ Нарбоннскаго округа.“ И онъ заключаетъ съ меланхолическою важностью: „Это болѣе чѣмъ ошибка, г. министръ, и наши друзья по справедливости чувствуютъ себя обиженными, видя что правительство раздаетъ чины тѣмъ кто ему извѣщаетъ и кто приведетъ къ гибели республику. Это очень грустно!“ Привожу еще личную телеграмму къ Гамбеттѣ, о прибытіи котораго на воздушномъ шарѣ извѣщаютъ префекта: „Благодарю отъ имени насъ всѣхъ, мужественный другъ, вы спасете республику, *sic itur ad astra* — не сказали ли вы себѣ садясь въ баллонъ?“ Нѣсколько позже онъ поощряетъ его сопротивляться до крайности, все-таки въ интересахъ республики, которую онъ естественно ставитъ выше Франціи. „Въ особенности не заключайте ни мира, ни перемирія, вы убьете республику.“ Но средства и люди? Благодареніе Бога, ни въ тѣхъ ни въ другихъ не оказывается недостатка... въ телеграммахъ префекта Одскаго департамента. Вотъ напри- мѣръ испанскіе делегаты, находящіеся въ эту минуту у него въ кабинетѣ, „предлагаютъ десять тысячъ волонтеровъ, ревностныхъ республиканцевъ“. Онъ спрашиваетъ слѣдуетъ ли принять предложеніе. Вѣроятно правительство не обнаруживаетъ такого довѣрія, какъ префектъ Одскаго департамента, ибо дадѣе вѣтъ и рѣчи о 10.000 волонтеровъ; впрочемъ, къ чему тутъ Испанцы? Развѣ у страны недостаточно собственныхъ сыновъ? „Требуйте отъ нея все что угодно, она дастъ вамъ все, чтобы помочь вамъ противъ внѣшнихъ враговъ и противъ внутреннихъ измѣнниковъ.“ Увы! страна пред-

оставляетъ свободу говорить и дѣйствовать, но что же она дѣлаетъ, когда ей самой предоставляютъ слово? Она пользуется имъ чтобы требовать мира, даже въ Нарбоннѣ, и назначаетъ своими представителями враговъ республики и борьбы на жизнь и смерть. „Извѣстные результаты прискорбны въ высшей степени“, телеграфируетъ съ глубокою горестью Рейналь 8го февраля. Легитимисты одержать побѣду при крикахъ: „Миръ, миръ во что бы ни стало!“ Что оставалось тогда дѣлать Рейналю? Ему оставалось только подать въ отставку; онъ подаетъ ее и телеграфируетъ Эммануэлю Араго въ припадкѣ лирическаго отчаянія: „Возвращаюсь снова въ изгнаніе, тамъ я въ состояніи буду въ мирѣ оплакивать нашу злополучную страну, нашу бѣдную республику!“ Излишне присовокуплять что Рейналь не отправился въ изгнаніе — то была пустая фраза, — но на этомъ блаженномъ югѣ, стоить сказать слово, и его принимаютъ за дѣло.

Другой префектъ, не уступающій Рейналю во фразахъ, есть Луріонъ, префектъ Шерскаго департамента. Вотъ въ видѣ обращика его телеграмма въ отвѣтъ на извѣстіе о сдачѣ Меца: „Комитетъ обороны Шерскаго департамента, отнюдь не пришедшій въ умыніе отъ преступнаго бѣдствія Меца, дадь клятву что Французская республика ни въ какомъ случаѣ не будетъ капитулировать на этой древней галльской почвѣ, гдѣ живы еще, по прошествіи двухъ тысячелѣтій, воспоминанія борьбы на жизнь и смерть, которую нѣкогда поддерживали на ней наши предки.“ Въ Коррезскомъ департаментѣ, Латрадъ, также чисто красный, выказываетъ не меньшую энергію. Онъ телеграфируетъ 1го ноября, послѣ сдачи Меца: „Сформируйте въ Мецѣ военный судъ. Приговорите заочно измѣнчившихъ маршаловъ и генераловъ. Это облегчитъ аресты и приговоры въ департаментахъ.“ Къ несчастію Латраду не помогаетъ никто. „Это крайне прискорбно, говоритъ онъ въ припадкѣ раздраженія (телеграмма шифрованная), но я не вижу ни одного годнаго человѣка въ республиканской партіи департамента.“ Въ Орнскомъ департаментѣ, префектъ относительно умѣренный, г. Альберъ Кристофъ, подаетъ въ отставку въ началѣ января, вслѣдствіе затрудненій съ военною властью. Онъ замѣненъ ярко-краснымъ журналистомъ Антономъ Дубо, настоящимъ воителемъ. Подпрефектъ де-Мортанъ доноситъ ему о появленіи въ окрестностяхъ пяти уланъ и проситъ его дать приказъ о задержаніи ихъ. Онъ отвѣча-

еть по-военному: „За коимъ чортомъ вы спрашиваете меня? Этихъ лятерыхъ улакъ задержите сами, и въ особенности не улустите ни одного.“ Не менѣе воинственнымъ образомъ олъ улрекаетъ нѣкоего полковника Бюффара, который, ма-веромъ бывшимъ въ общемъ употребленіи, отступалъ предъ Прусаками: „Мнѣ кажется, вы совершенно потеряли голову. Первое достоинство солдата хладнокровіе въ виду опасности... Я отправляю отсюда одинъ Матенскій баталіонъ, которымъ вы распорядитесь для исполненія моихъ приказаній... При такихъ условіяхъ, полковникъ, если вы человекъ, и если ваши люди не трусы, то вы непобѣдимы. Во всякомъ случаѣ я даю вамъ приказъ скорѣе умереть всѣмъ до послѣд-наго, чѣмъ отступить.“ Олъ не менѣе грозенъ относительно гражданскаго элемента. „Олъ телеграфируетъ [13го января меру Бомона на Сартъ: „Предупреждаю васъ что если, по полученіи этой телеграммы, вы не велите взорвать двухъ мостовъ въ Бомонѣ, желѣзнодорожнаго и на большой дорогѣ, а равно и другихъ, если таковые имѣются, то вы будете немедленно арестованы, преданы военному суду и тотчасъ же разстрѣляны.“ На другой день олъ не безъ гордости телеграфируетъ о результатахъ этого страшнаго внушенія. „Меръ и населеніе Бомона имѣли въ виду помѣшать намъ взорвать мосты и защищать городъ, — операціи которыя поручилъ мнѣ вылоанить генераль Шанзи. Я объявилъ меру что въ случаѣ сопротивленія олъ будетъ разстрѣлянъ, а населенію, если оно попытается разстроить наши войска, какъ оно поступило прошедшею ночью, что городъ будетъ выжженъ. Угрозы было достаточно и патріотизмъ пробудился.“ Надо созваться что патріотизмъ этотъ былъ не изъ самыхъ добровольныхъ. Но Автодеву Дюбо до этого дѣла нѣтъ. Олъ хлопочетъ только о результатѣ. Олъ желаетъ лишь содѣйствія, но не получаетъ его. „У меня здѣсь, говоритъ олъ, генераль столь же безсильный умомъ какъ и тѣломъ: всегда готовый отступить, олъ имѣетъ самую плохую карту и никогда не имѣетъ при себѣ подзорной трубы.“ Не знаю умѣла ли быстрая энергія страшнаго префекта утратить Прусаковъ, но несомнѣнно что она была не по вкусу мирнымъ обитателямъ Ораскаго департамента. Они обнаружили это какъ нельзя яснѣе во время выборовъ. „Реакціонный списокъ прошелъ весь слона“, извѣщаетъ олъ, 10го февраля. Это его послѣдняя телеграмма, и не служить ли она многозначительнымъ комментариемъ всѣхъ остальныхъ?

V.

Первая и самая обширная часть свѣдѣннй заключаетъ въ себѣ телеграммы отъ департаментскихъ властей; вторая состоитъ изъ правительственныхъ телеграммъ изъ Парижа, Тура и Бордо; она не менѣе интересна чѣмъ предыдущая. Впрочемъ значительная часть документовъ заключающихся въ ней, а именно делешн съ воздушными шарами изъ Парижа къ Турской делегаціи и отъ этой делегаціи въ Парижъ, отправленныя съ голубями, уже извѣстны. Вслѣдствіе этого я пройду ихъ молчаніемъ и ограничусь краткимъ указаніемъ на остальные. Телеграммы первыхъ дней послѣдовавшихъ за революціей заключаютъ въ себѣ только въ самой сжатой формѣ извѣщеніе о низложеніи императорскаго правительства и объ утвержденіи республики, затѣмъ слѣдуетъ множество назначеній префектовъ и чиновниковъ всякаго рода, избранныхъ большею частію изъ воинствующаго личнаго состава республиканской партіи. Мы видѣли какъ неудаченъ былъ выборъ чиновниковъ новыми правительствомъ: Подобно всѣмъ партіямъ достигающимъ власти, республиканцы не могли не поддаться духу исключительности и монополіи. Они не въ состояніи были понять что при опасномъ кризисѣ какой проходила Франція, необходимо было прибѣгнуть къ патриотизму всѣхъ партій и не опасаться порученія общественныхъ должностей роялистамъ и даже бонапартистамъ. На глаза ихъ республиканскія убѣжденія или даже просто республиканская фразеологія замѣняли всевозможныя умственные и нравственныя качества. Такъ напримѣръ 17го сентября мы находимъ телеграмму министра внутреннихъ дѣлъ Гамбетты, къ префекту Шерскаго департамента, предписывающую ему „немедленно удалить меромъ враждебныхъ республикѣ“. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла о республикѣ въ минуту такой страшной опасности! Въ послѣдствіи мы видимъ того же Гамбетту встревоженнымъ до крайности извѣстіемъ о прибытіи принцевъ Орлеанскихъ, явившихся подъ впечатлѣніемъ самаго почтеннаго чувства — желанія участвовать въ оборонѣ отечества. „Я имѣю письменное доказательство“, телеграфировалъ онъ 27го декабря Раяку, начальнику своей полиціи, о присутствіи въ арміи генерала

Шанси лица, которое необходимо задержать во что бы ни стало и отправить въ вѣрное мѣсто подъ крѣпкимъ карауломъ. „Лицо это, называющее себя полковникомъ Бастероттомъ, и получившее помимо меня разрѣшеніе слѣдовать за арміей, есть не кто иной какъ принцъ Жуанвильскій. Вамъ нечего объяснять важность этого задержанія, какъ съ точки зрѣнія общественнаго порядка, такъ и преступныхъ интригъ которыя оно дастъ намъ возможность открыть и предать наказанію. Но необходимо дѣйствовать въ величайшей тайнѣ, задержать его безъ огласки, безъ предупреденія Шанси, и отвезти его въ Бель-Иль въ силу полномочій которыя я специально предоставляю вамъ на этотъ предметъ.“ Четыре дня спустя, онъ возвращается къ тому же предмету и телеграфируетъ манскому префекту чтобъ онъ вытребовалъ отъ принца показанія, не находится ли во Франціи кто-либо другой изъ членовъ его семейства. „Онъ не можетъ“, продолжаетъ Гамбетта, „оставаться здѣсь ни во время войны, ни послѣ нея. Необходимо чтобъ онъ оставилъ Францію, и чтобы предупредить его возвращеніе, вы должны потребовать у него отчета касательно средствъ имъ употребленныхъ чтобы проникнуть на нашу территорию. Онъ не можетъ отказать вамъ въ этомъ, не подвергаясь самой серьезной отвѣтственности, ибо отказъ его означалъ бы тайное намѣреніе возобновить попытку и былъ бы явнымъ доказательствомъ что онъ упорствуетъ въ нарушеніи закона и общественной безопасности.“ Исключать принцевъ Орлеанскихъ въ ту минуту когда Франція нуждалась во всѣхъ своихъ дѣтяхъ, были ли они принцы или нѣтъ, не значило ли ставить интересы секты выше интересовъ Франціи? И сколько душевной низости нужно было чтобы предполагать что принцы Орлеанскіе посвящаютъ свою шлагу на служеніе отечеству только съ эгоистическою и постыдною цѣлю! Что до меня касается, то я не знаю никакого акта который яче выставлялъ бы на видъ узкій, завистливый и подозрительный духъ, характеризующій политическихъ республиканцевъ во Франціи, и въ этомъ дѣлѣ г. Гамбетта въ особенности мнѣ кажется не заслуживающимъ никакого извиненія. Отдадимъ, однако, справедливость ему и его товарищамъ, что они нерѣдко дѣйствовали гораздо благоразумнѣе. Большая часть ихъ деленъ свидѣтельствуетъ что имъ далеко не чужды были умѣренность и спра-

ведливость. Когда г. Альфонсъ Эскиросъ, повинуясь марсельскимъ демагогамъ, предписываетъ, напимѣрь, изгнаніе членовъ религиозныхъ корпорацій, Гамбетта не колеблется кассировать его распоряженіе декретомъ изложеннымъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ. Онъ осуждаетъ и отменяетъ также распоряженіе о приостановкѣ *Gazette du Midi*. Наконецъ онъ принимаетъ отставку Эскироса телеграммой заслуживающею полного одобренія по ея тону и твердой краткости. „Отставка ваша принята. Республика ни въ какомъ случаѣ не можетъ терпѣть чиновниковъ которые подаютъ примѣръ нарушенія законовъ и правъ собственности.“ Онъ обнаруживаетъ не менѣе энергію для восстановленія порядка и дисциплины въ пресловутомъ отрядѣ волонтеровъ, начальники которыхъ имѣли претензію зависть только отъ себя самихъ, и которые, конечно, дѣлали гораздо болѣе вреда французскому населенію, чѣмъ прусской арміи. „Я узнаю, телеграфируетъ онъ, 31го декабря, Гюссону, командующему вольными стрѣлками въ Пуатье, что генераль хочетъ отправить васъ въ Манъ, и что вы отказываетесь идти туда; этотъ отказъ возбуждаетъ во мнѣ недовѣріе къ вамъ... Вы говорите что половина вашихъ людей безъ оружія и безъ обуви. Снарядить ихъ вы не можете вашими фразами. Чего вы требовали касательно оружія и обмундировки? Перестаньте извѣстаться вашими чувствами самоотверженія. Выкажите настоящій организаторскій духъ и вы увидите что требованія ваши будутъ удовлетворены.“ Съ другой стороны телеграммы г. Гамбетты обнаруживаютъ странныя иллюзіи, хотя при выходѣ изъ баллона въ Туръ онъ судилъ о положеніи умовъ и дѣлъ, скорѣе, какъ пессимистъ. „Селенія бездѣйствуютъ, телеграфировалъ онъ 14го октября, буржуазія мелкихъ городовъ труслива, администрація вѣроломна или равнодушна и отличается отчаянною медленностью. Дивизіонные генералы, вышедшіе изъ резервныхъ кадровъ, возбуждаютъ общую, неукротимую ненависть, которую они слишкомъ заслуживаютъ своею медленностью и безсиліемъ“. 19го декабря, когда положеніе для всякаго здравомыслящаго человека было отчаянное, г. Гамбетта телеграфировалъ делегату иностранныхъ дѣлъ, по поводу переговоровъ о мирѣ, которыми, какъ казалось, благопріятствовали добрыя намѣренія Россіи. „Мнѣ кажется невозможнымъ воспользоваться добрыми намѣреніями Россіи чтобы сдѣлать предварительныя предложе-

нія о мирѣ. Это значило бы связывать насъ слишкомъ... нравственное и матеріальное положеніе Парижа, состояніе нашихъ военныхъ средствъ позволяютъ намъ попытаться на рѣшительное военное дѣло черезъ нѣсколько дней и безъ шлюзіи надѣяться на успѣхъ онаго.“ Эти иллюзіи дозволила, конечно, продолжать оборону, и онѣ имѣли свою почтенную сторону, но какъ дорого онѣ обошлись Франціи!

Если телеграммы Гамбетты и большей части его товарищей отличаются умѣренностью тона, то нельзя сказать того же о г. Стенкерѣ, главномъ директорѣ телеграфовъ. Вотъ истинно страшный человѣкъ! Война, о которой онъ мечтаетъ, есть война на ножахъ, и онъ скорбитъ что не находитъ въ Туріи людей которые бы стояли на одинаковой высотѣ съ нимъ. Здѣсь, говоритъ онъ (телеграмма отъ 25го сентября, адресованная одному начальнику дивизіи), я не встрѣчаю необходимой зверги для начатія войны дикарей на ножахъ, безъ отдыха и пощады. Адмиралъ Фуришонъ отличный и весьма честный человѣкъ, но не способенъ къ революціоннымъ мѣрамъ, которыя однѣ могли бы спасти насъ; я повелѣю бы дѣло иначе, еслибы былъ на его мѣстѣ. Провинцію необходимо возбудить, а ее не возбуждаютъ.“ Въ телеграммѣ отъ того же дня, адресованной Гамбеттѣ, онъ развиваетъ свою систему обороны, и она представляетъ поистинѣ нечто куріозное и носить на себѣ печать болѣзненнаго раздраженія, въ которое увлеклись тогда нѣкоторые умы, по природѣ плохо настроенные. Я предлагалъ сначала бить въ набатъ во всѣхъ общинахъ, потомъ сдѣлать распоряженіе чтобы всѣ охотничьи ружья были представлены въ мерѣ въ распоряженіе комитета обороны, что доставило бы 300.000 ружей, весьма полезныхъ въ партизанской войнѣ; затѣмъ сформировать маленькіе отряды въ 20, въ 50 и въ 100 человѣкъ, подъ командой вѣрныхъ начальниковъ, которые перерѣзывали бы поѣзды, подстерегали бы въ засадахъ непріятели, и вѣшали бы просто-на-просто за шею, изуродовавъ какъ слѣдуетъ, непріятели, которыхъ они успѣли захватить; затѣмъ добыть изъ Алжира за щедрую плату отъ 20 до 30 тысячъ Кабилловъ и ринуть ихъ въ Германію, съ порученіемъ имъ предавать огню, грабежу и насилію все что они встрѣтятъ на своемъ пути; потомъ напечатать по нѣмецки преувеличенный разказъ объ этомъ нашествіи и распространить его въ милліонахъ экземплярахъ въ непріятельскихъ лагеряхъ подъ Парижемъ и подъ Мецемиъ.

Словомъ, я предлагалъ войну какую вели Испанцы во время первой имперіи и Мексиканцы во время второй. Вашъ душой и сердцемъ." Эти неистовства бѣснующихся не во вкусъ Гамбетты. Онъ на другой же день сухо отвѣчаетъ Стенекеру: „Звонить въ набатъ и собирать охотничьи ружья я нахожу средствами болѣе фантастическими, чѣмъ дѣйствительно полезными. Что касается 30.000 Кабилловъ, то мнѣ кажется гораздо лучше отправить 30.000 Французовъ. Побуждайте Лесена закупать ружья, прикажите запасать снаряды, приведите въ порядокъ вооруженныя банды—вотъ настоящія средства.“

IV.

Вотъ заключеніе которое можно вывести изъ обнаруженія этихъ телеграммъ и вообще изъ свѣдѣній о дѣлахъ правительства 4го сентября: революціи, бѣдственныя и въ мирное время, еще ужаснѣе во время войны. Конечно, я не думаю защищать императорскую администрацію. Вслѣдствіе недостатка контроля, на который жаловался самъ императоръ, хотя онъ долженъ былъ бы обвинить въ томъ собственную систему, администрація эта, гражданская и военная, стала рутинною и подкубною, но она все-таки знала свое дѣло и учиться ей было нечего. Революція разразилась, и какой же былъ ея первый результатъ? Она замѣнила этотъ опытный личный составъ администраціи личнымъ составомъ ревностнымъ можетъ-быть, но совершенно не свѣдущимъ, которому приходилось учиться при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ какихъ только Франція находилась въ теченіе полулѣткіа. Республика импровизируетъ префектовъ, судей и генераловъ, и имѣетъ неловкость набирать ихъ преимущественно въ своихъ рядахъ, устраняя тѣхъ кого она считаетъ своими врагами. Но если республика во Франціи имѣетъ въ рядахъ своихъ ораторовъ и писателей, то она всегда была бѣдна администраторами, и причина эта понятна: правительствъ, которыя она замѣняла, не принимали къ себѣ на службу республиканцевъ, а только въ ихъ школахъ все можно было пріобрѣсти административное воспитаніе. Итакъ несмотря на всю свою ревность, этотъ импровизованный личный составъ былъ всегда ниже своего призванія. Въ Парижѣ его неспособность и непредусмотрительность

допустили разразиться коммуны, что легко было бы предупредить, и если въ департаментахъ порядокъ соблюденъ былъ лучше, то скорѣе благодаря благоразумію населенія, чѣмъ искусству администраціи. Что касается военной организаціи, то предписывая чрезвычайныя ополченія, успѣли собрать толпы людей, которыхъ вооружили кой-какъ, благодаря заключенію убыточныхъ подрядовъ, но которые и по вооруженности не были похожи на войско. Нигдѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, когда этимъ импровизованнымъ войскамъ приходилось имѣть дѣло съ малочисленными отрядами, она не въ состояніи были противиться вѣмечскимъ арміямъ, и разумѣется не отъ недостатка мужества—въ немъ никогда не было недостатка во Франціи,—а вслѣдствіе отсутствія организаціи, дисциплины и правильнаго командованія, безъ которыхъ нѣтъ армій, достойныхъ этого имени, и которыя не импровизируются. Прибавьте ко всѣмъ затрудненіямъ неразлучнымъ съ импровизованною администраціей, столкновенія властей, повторявшіяся повсюду и ставшія неизбежными посредствѣмъ волненія и разстройства, причиненныхъ революціей. Такъ какъ г. Гамбетта, адвокатъ, импровизовалъ себя диктаторомъ и отправляя въ армію планы кампаніи, то почему же другимъ подобнымъ ему адвокатамъ, импровизованнымъ префектами, не имѣть притязанія командовать генералами своего округа? А эти послѣдніе, съ своей стороны, могли ли переносить чтобы ихъ подчиняли „статскимъ“, наперекоръ революціонному преданію? Но изъ всѣхъ этихъ разногласныхъ элементовъ можно ли было извлечь силу способную противодѣйствовать могуществу, которое было обязано своимъ побѣдоноснымъ перевѣсомъ чудесному порядку и несравненной дисциплинѣ? Безъ сомнѣнія, можно уважать чувство побудившее республиканцевъ на попытку отбросить нашествіе за границу, и это конечно обстоятельство смягчающее, но нельзя не признать что у нихъ всего болѣе была ощущателенъ недостатокъ въ здоровомъ разсудкѣ и что они съ невѣроятнымъ легкомысліемъ принимали на себя самую тяжелую, самую подавляющую отвѣтственность. И что жъ изъ этого вышло? То что послѣ неудачи ихъ успѣй, когда Франція сбросила ихъ диктатуру и назначила Собраніе при крикахъ: „Да здравствуетъ миръ!“ реакція едва не уничтожила республику, предавъ разстрѣлянію и ссылакъ въ одну друую часть республиканской арміи. Если монархія не

была восстановлена, то виновать въ томъ единственный король который могъ вступить на престолъ, и если республика существуетъ и теперь, то потому только что нечѣмъ было ее замѣнить. Стоить только подняться буря извнѣ или внутри, и она будетъ унесена этою бурей безъ надежды на возвращеніе! Итакъ революція 4го сентября отягчила поражение Франціи, отдаливъ заключеніе необходимаго мира, и позволительно усомниться было ли вознагражденіемъ за то основаніе республики. Да хранитъ насъ Богъ отъ революцій! Да хранитъ Онъ насъ отъ нихъ во время мира и еще болѣе во время войны!

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

БОЛѢЗНЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

КАРТИНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Мнѣ жалько васъ тоскующихъ и бѣдныхъ
Земли лепрошенныхъ, выскательныхъ госте

Гр. Ростопчина.

I.

— Ничего-то вы не понимаете, Наталья Владиміровна, а берегитесь судить, и всему злу корень ваше идеальничанье

— Какъ не понимаю, вотъ прекрасно! Конечно вашихъ юридическихъ тонкостей я не знаю, да и знать-то не хочу, если овѣ могутъ такъ рѣзко противорѣчить справедливости и...

— И чему?

— И здравому смыслу.

— Покорнѣйше васъ благодарю!

— За что?

— За патентъ на безсмысліе.

Наталья Владиміровна сдѣлала гримаску которая очень шла къ ея, если не положительно красивому, то очень умненькому личику. Она это конечно знала, по крайней мѣрѣ очень часто прибѣгала къ этой гримаскѣ.

Разговаривающіе, кандидатъ правъ, будущій присяжный повѣренный Лихонинъ и Наталья Владиміровна Волгина, локантная блондинка (какъ называла ее знакомая молодежь), лѣтъ двадцати, сидѣли на ступеняхъ обширной террасы одной изъ Сокольничьихъ дачъ. Наступалъ теплый, лѣтній вечеръ послѣ гнетуще-жаркаго дня. Молодые люди провели его вдвоемъ на той же самой террасѣ, защищенной отъ солнца и отъ шоссеиной пыли густымъ рядомъ деревьевъ, изрѣдка перебрасываясь немногими словами, и только теперь, вмѣстѣ съ вечернею прохладою, что-то похожее на разговоръ завязывалось между ними, но не переходило еще въ бурный споръ, чѣмъ кончались почти всѣ ихъ бесѣды.

Наталья Владиміровна, или Натти, какъ зовутъ ее въ семьѣ, имѣла очень высокое мнѣніе объ умѣ Лихонина, и въ тайнѣ подчиняясь ему въ большинствѣ случаевъ, никакъ однако этого не обнаруживала; напротивъ, никому такъ отъ нея не доставалось, какъ Борису Михайловичу, „злополучному защитнику угнетенныхъ мошенниковъ“, какъ она величала его въ свои веселыя минуты. Натти привыкла на сѣбѣ и ни предъ кѣмъ не стѣсняться. Балованная дочка вдоваго отца, лишившаяся матери въ такое время когда наиболѣе нуждалась бы въ ея надзорѣ, она пользовалась безграничною свободою, предоставленною ей отцомъ-либераломъ „по принципу“, какъ любилъ онъ выражаться, а можетъ-быть и по неволѣ. Онъ зналъ очень хорошо что попробуй онъ стѣснить въ чемъ-нибудь свою Натти, она надѣлаетъ такихъ чудесъ что совѣмъ собьетъ его съ толку. Однимъ словомъ, хотя ей и не приходилось еще бороться, но она каждую минуту готова была на борьбу, съ твердою увѣренностью выйти изъ нея побѣдительницей. Нельзя впрочемъ сказать чтобы она злоупотребляла своею свободою. Самый строгій блюститель женскихъ нравовъ не могъ бы найти чего-либо дѣйствительно предосудительнаго въ ея поведеніи, хотя не объ одной дѣвушкѣ ея круга не говорили столько какъ объ ея сумасбродствахъ. Не многія изъ ея сверстницъ любили ее, да и она сама неохотно сближалась съ ними. Въ ея маленькой головкѣ, несмотря на ея кажущуюся вѣтренность мелькали порой мысли и стремленія незнакомыя ея подругамъ. И Лихонинъ не прасно упрекнулъ ее въ идеальничаньи

Натти воспитывалась въ одномъ изъ модныхъ московскихъ пансіоновъ, очень мало оттуда вынесла, и горько сознавая

свое величество, вполне искренно стремилась дополнить свое образованіе, но природная лѣнь и безалаберность мѣшали сколько-нибудь систематическимъ занятіямъ. Она бралась за многое, читала все что ни попадало подъ руку, и все же знала очень мало, но тѣмъ болѣе уважала она знаніе въ другихъ. Умъ, знаніе, таланты были ея кумирами. Какъ всякой молодой дѣвушкѣ ей хотѣлось любить, но любить было некого. Правда, были у нея женихи и не безвыгодные, какъ у единственной наследницы порядочнаго состоянія, но она только смѣялась надъ ихъ претензіей ей понравиться, чѣмъ очень радовала отца которому совсѣмъ не хотѣлось разстаться съ дочерью, все еще представлявшеюся ему ребенкомъ.

Въ первыхъ годахъ дѣтства у Натти былъ товарищъ, годами пятую ея старѣе, двоюродный братъ, сирота, вѣрный попеченіямъ Волгина. Они жили тогда безвыѣздно въ деревнѣ, и какъ Сашѣ минуло тринадцать лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ въ одно изъ специальныхъ училищъ. Пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ самъ захотѣлъ поступить на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Тогда уже поговаривали о судебной реформѣ, и дядя-опекунъ, бредившій всѣми реформами, безъ труда согласился на его желаніе. По окончаніи курса молодому Волгину захотѣлось пойти въ единственно близкой ему семьѣ, онъ и пріютился въ Москвѣ поступивъ помощникомъ къ одному изъ присяжныхъ повѣренныхъ.

По пріѣздѣ двоюроднаго брата Натти ожила. Въ началѣ изъ сближенія она готова была въ него влюбиться; среди окружавшей ее лустой молодежи онъ показался ей чуть не гениемъ, но первое защищаемое имъ въ судѣ дѣло разочаровало искательницу идеаловъ. Блѣдный временный кумиръ оказался плохимъ ораторомъ, что впрочемъ не мѣшало ей всепрежнему бредить судебною реформой, и очень часто поспѣвать уголовныя засѣданія. На одномъ очень запутанномъ дѣлѣ, заранѣе интересовавшемъ всѣхъ записныхъ поспѣвателей судовъ, защитникомъ явился Лихонинъ. Это былъ его первый дебютъ и очень удачный. Ему посчастливилось разбить обвиненіе на всѣхъ пунктахъ и доказать невинность подсудимой, молодой женщины, съ перваго взгляда привлекшей къ себѣ всѣ симпатіи. Натти была въ полномъ восторгѣ. Подъ этимъ-то впечатлѣніемъ, не выходя изъ залы засѣданія,

молодой Волгинъ представилъ ей Бориса Махайловича Лихонина. Это случилось зимой предшествовавшей описываемому нами лѣту. Молодой адвокатъ такъ понравился и отцу и дочери что самъ старикъ Волгинъ уговорилъ его нанять себѣ дачу въ Сокольникахъ, и несмотря на отсутствіе Александра Васильевича, уѣхавшаго въ свое имѣніе, мы находимъ Лихонина ежедневнымъ гостемъ въ семьѣ Волгиныхъ, ежедневнымъ, почти единственнымъ собесѣдникомъ Натти.

Немногіе знакомые посѣщавшіе ихъ на дачѣ начинали уже предсказывать свадьбу, и отецъ, нисколько не желавшій отдавать Натти замужъ, опять начиналъ тревожиться, но холодное, отчасти даже рѣзкое обращеніе ея съ молодымъ адвокатомъ вскорѣ его успокоило. „Не такъ ведутъ себя влюбленные, думалъ онъ, моя дѣвочка совсѣмъ умница, ей не скоро вскружишь голову, лускай же забавляется.“

Короткость съ молодою и очень привлекательною дѣвушкой не могла не подѣйствовать благотворно на Бориса Михайловича, тѣмъ болѣе что онъ росъ одиноко, внѣ семьи, и почти не зналъ женскаго общества. Въ началѣ знакомства, застѣнчивый, какъ всѣ самолюбивые люди, онъ боялся за каждое свое слово, за каждое движеніе; но простое, безцеремонное обращеніе Натти вскорѣ развязало и его, а сознаваемое имъ тайное на нее вліяніе очель ему льстило. Роль авторитета, которому покорялся поневолѣ, очель ему нравилась, но нравилась ли ему сама Натти, какъ вѣроятно понравилась бы многимъ на его мѣстѣ, онъ и самъ бы не могъ дать себѣ яснаго отчета. Честолюбивый, мечтающій о блистательной карьерѣ и дѣйствительно человекъ не безъ дарованія, но пока еще бѣдный, онъ боялся каждаго рѣшительнаго шага, боялся сознаться самому себѣ что Натти можетъ ему нравиться. Боязнь быть отвергнутымъ заглушала въ его, прежде всего самолюбивой душѣ всѣ естественныя чувства молодости. Онъ обращался съ молодою дѣвушкой дружески, не болѣе; даже очень часто не выносилъ ея рѣзкостей и давалъ ей довольно жесткіе уроки. А при всемъ томъ представивъ, по просьбѣ Натти, въ домъ Волгиныхъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по университету, онъ очень искусно отвлекалъ ее отъ знакомства съ болѣе даровитыми между молодыми адвокатами. Но почему онъ поступалъ такъ, онъ опять-таки не желалъ дать себѣ яснаго отчета.

Послѣ презрительной гримаски, закончившей разговоръ, водворилось молчаніе. Натти глядѣла въ сторону, машинально обрывая листочки лавелики, обвивавшей перилы террасы.

— Выиграть дѣло! точно что-то свое собственное, крѣпостное! скорѣе прошептала чѣмъ выговорила Наталья Владиміровна, все еще продолжая смотрѣть въ противоположную отъ Лиховина сторону.— Да вѣдь это возмутительно! почти вскрикнула она, быстро обращаясь къ Борису Михайловичу.

— Что возмутительно, Наталья Владиміровна? спросилъ онъ лѣниво, какъ бы нехотя выговаривая каждое слово.

— Выиграть дѣло!

— Какъ выиграть дѣло возмутительно? Посмотрѣлъ бы я что бы вы сказали, еслибъ у васъ завелся процессъ, и я его выигралъ.

— Точно вы не понимаете о чемъ я говорю, вы разказывали мнѣ, кажется, о защитѣ уголовной, а не о гражданскомъ процессѣ, сказала Натти съ своею обычною презрительною гримаской.

Кромѣ сознанія что эта гримаска ей къ лицу, она знала еще что, прибѣгая къ ней, она всегда враждебно дѣйствуетъ на Лиховина.

— Ничего не понимаю, халявочно отвѣчалъ Борисъ.

Натти пожала плечами, и опять отвернулась къ периламъ. Помолчавъ съ минуту, она медленно повернулась къ своему собесѣднику, и пристально смотря ему въ глаза, медленно, ударяя на каждомъ словѣ, сказала:

— Я нахожу возмутительнымъ ваше выраженіе: выиграть дѣло.

— А я не нахожу.

Опять водворилось молчаніе.

— Скажите, Борисъ Михайловичъ, и ваши прокуроры, то есть обвинители, то же говорятъ: выиграть дѣло?

— И какъ еще иные говорятъ, а главное, какъ стараются выигрывать дѣла, во что бы то ни стало улець, какъ выражаются самые ярые.

— И вы не находите этого возмутительнымъ?

— Со стороны обвиненія пожалуй что и такъ. Впрочемъ, „возмутительно“ слишкомъ ужъ сильное выраженіе, а „нехорошо“,

я согласенъ. А съ другой стороны, надо же сдѣлать карьеру: взялся за гужъ, не говори что не дюжъ.

— Съ вашею карьерой вы сами для меня отвратительны! быстро, горячо сказала Натти.

За минуту предъ тѣмъ блѣдное личико ея такъ и вспыхнуло, и голубо-сѣрые выразительные глаза загорѣлись злобщимъ огонькомъ предвѣщавшимъ сильную бурю.

Послѣднія слова Натти, особенно же выраженіе ея лица задѣли за живое Лихонина. И онъ заговорилъ серьезно, почти также горячо какъ и она.

— Вы хорошо знаете, Наталья Владиміровна, что я не жертвую моими убѣжденіями карьерѣ, не беру дѣлъ безъ разбора, за что же вы на меня лично нападаете?

— А кто васъ тамъ знаетъ, какъ вы поступаете сами, по моему отъ слова до дѣла не далеко!

Лихонинъ поблѣднѣлъ, угрюмо потупивъ глаза въ землю. Онъ не зналъ какъ поступить въ этомъ случаѣ. Оскорбленное самолюбіе нашептывало: слѣдуетъ уйти тотчасъ же и никогда уже не показываться у Волгиныхъ. Между тѣмъ Натти оломилась, поняла что зашла слишкомъ далеко. Она читала на блѣдномъ лицѣ Бориса все что происходило въ душѣ его, и въ ней начиналась борьба разсудка и добраго женскаго сердца съ самолюбіемъ. Къ счастью, борьба длилась не долго; прежде чѣмъ Лихонинъ дошелъ до какого-нибудь рѣшенія Натти протянула ему руку.

— Простите, Борисъ Михайловичъ, мягко, почти вѣжливо начала она, — я наговорила вамъ невыносимыхъ глупостей! Пойдемте гулять, на встрѣчу къ отцу, онъ долженъ скоро вернуться; теперь совсѣмъ уже не жарко.

Выйдя изъ воротъ дачи и повернувъ къ Москвѣ они долго шли молча. Натти обдумывала новое нападеніе, а Лихонинъ невольно любовался ею. Онъ былъ въ необычномъ ему вѣжномъ настроеніи.

— Чѣмъ вы занимаетесь, Борисъ Михайловичъ, по утрамъ, когда сидите у себя на дачѣ?

— Дѣлами.

— Какими?

— У меня три гражданскихъ дѣла на рукахъ которыя на дняхъ назначены къ докладу въ судѣ.

— Очень интересные дѣла?

— Не очень.

— И они васъ удовлетворяютъ вполне?

— То-есть какъ удовлетворяютъ?

— Вамъ весело заниматься дѣлами?

— Эти дѣла даютъ мнѣ деньги, то-есть средства къ жизни. Воздухомъ да возвышенными теоріями не проживешь, Наталья Владиміровна.

— Вотъ новость сказали! Точно я васъ упрекаю что вы занимаетесь дѣлами. Но мнѣ хотѣлось бы знать...

— Что?

— Вы вполне довольны вашими занятіями? Вамъ ничего больше не нужно?

— Но чего же? Я васъ не понимаю.

— Ахъ Боже мой! Да знанія! новыхъ мыслей, новыхъ выводовъ. Еслибъ я была подготовлена какъ вы, чего бы я ни надѣлала! Неужели вамъ не противна ваша безцѣльная, полусонная жизнь! Ваша полудремота у насъ въ саду, да пошрое перебрасываніе со мною какими-то глупыми полусловами?

Лихонинъ вздохнулъ не отвѣчая.

— Неужели вы избрали карьеру юриста для одной только цѣли зарабатывать деньги?

— А то для чего же? какъ-то желчно отвѣчала Лихонинъ и помолчавъ немного прибавилъ:— вы неисправимая идеалистка, Наталья Владиміровна, а еслибы вы знали суть дѣла, вы бы поняли что между идеаломъ и юриспруденціей очень мало общаго.

— Такъ бросьте юриспруденцію.

— Укажите мнѣ другую карьеру гдѣ бы не было той же самой разладицы.

— Такъ у васъ совсѣмъ нѣтъ идеала?

— Есть. Но между идеаломъ и дѣйствительностью цѣлая пропасть. Оттого-то такъ и скучно жить на свѣтѣ.

— Нѣтъ, вы не тотъ человѣкъ какимъ я васъ воображала!.. вырвалось у Натти:—и меня еще упрекаютъ...

Лихонинъ поднялъ опущенную дотолѣ голову и удивленно взглянулъ на нее. Она покраснѣла.

— Кто же и въ чемъ васъ упрекаетъ?

— Никто и ни въ чемъ.

— Но вѣдь вы сказали...

— Глулость.

— Однако... Мнѣ тоже бы хотѣлось знать...

Натти молчала.

— Наталья Владиміровна, въ чемъ васъ упрекають?

— Впрочемъ почему же и не сказать, рѣшительно заговорила молодая дѣвушка выпрямившись и смѣло глядя на своего слутника.— Меня не разъ упрекаль Саша что я безсердечная, что я не умѣю любить. Надо вамъ сказать что было время когда я готова была къ нему привязаться всею душой. Посудите!... Стало-быть не безсердечная я, стало-быть чувствую потребность любить. Сашу чуть не полюбила! прибавила она съ своею презрительною гримаской.— А я теперь у васъ спрашиваю: кого любить? Людей подобныхъ вамъ! Развѣ это возможно? Чего, чего не дано вамъ, и природой, и судьбой, и умъ, и образованье, а что вы изъ нихъ дѣлаете? Тряпки вы всё, вотъ что!

И она быстро пошла отъ него въ чащу лѣса. Лицо ея горѣло, глаза сверкали. Въ эту минуту она была почти красавицей. У Лиховина сильно билось сердце, бездна новыхъ мыслей и чувствъ роились въ груди. Ему хотѣлось бѣжать за Натти, сказать ей: „полюбите меня, и я буду такимъ человѣкомъ какого вамъ нужно!“ Онъ и любѣжалъ бы, и сказалъ бы это, и многое другое что гнело, давило его въ эту минуту, еслибъ одна мысль не помѣшала: „А не буду ли я смѣшновъ съ моими изліяніями? Дѣвочка всплыла, правда, хорошо, честно всплыла, а мнѣ ужъ и разнюкаться. Да и могу ли я быть когда-нибудь такимъ человѣкомъ какого она требуетъ въ эту минуту, ея избранникомъ? Обѣщать невозможное, особенно когда тебѣ безусловно ловѣрять—безчестно.“

И грустно понуривъ голову, онъ продолжалъ машинально шагать по дорогѣ, пока Натти не вышла ему на встрѣчу, успѣвъ обѣжать всю куртину. Платье ея было во многихъ мѣстахъ прорвано сучьями, волосы въ беспорядкѣ.

— Пойдемте домой, уже поздно, отецъ долженъ быть дома, проговорила она проходя мимо его не останавливаясь и почти любѣжала по боковой дорожкѣ домой. Когда они дошли до дачи, не выговоривъ почти ни одного слова, уже всѣмъ стемнѣло. Владиміръ Петровичъ ожидалъ ихъ за самоваромъ, замѣтно надувшись.

— Куда это вы залопали? проворчалъ онъ, нехотя цѣлуя дочь.—Я начиналъ безпокоиться, Натти.

— Я убѣжала отъ Бориса Михайловича, папа, все ходила

ло чашѣ, избѣгала всю куртину, покойно отвѣчала Натти, — прощай, я страшно устала.

— А что же чаю?

— Не хочу, прощай, лала. И холодно протянувъ руку Лихоцину, даже не взглянувъ на него, она ушла къ себѣ. И Лихоцинъ послѣвшиль откланяться, наскоро проглотивъ предложенный ему стаканъ чаю.

„Что-то съ ними случилось, ужь не объяснились ли они между собою? подумалъ либеральный лалаша, — чего добраго!“ И сильно зацемило сердце. Ему совѣтъ не хотѣлось отдавать дочь за неизвестнаго еще локамѣсть помощника неизвестнаго присяжнаго повѣреннаго, хотя онъ вполнѣ, и даже преувеличенно быть-можетъ, признавалъ даровитость молодого адвоката.

Когда же на слѣдующее утро явилась Натти, веселая и живая, и попросила его съѣздить съ нею къ теткѣ въ Кунцево, онъ очень скоро успокоился.

А Лихоцину не спалось въ эту ночь, все еще звучали въ ушахъ слова Натти: „всѣ вы тралки, вотъ что!“ На слѣдующее утро явился онъ къ Волгинымъ раньше своего обыкновеннаго часа. Ему сказали что господа уѣхали въ Кунцево и вернутся не раньше слѣдующаго дня, да и то къ вечеру. Лихоцинъ пришелъ на третій день, ему опять сказали что Натальи Владиміровны нѣтъ дома, на четвертый тотъ же отвѣтъ, но въ этотъ разъ прохода мимо оконъ ея комнаты онъ увидалъ ее выглядывающею изъ-за занавѣсокъ съ книгою въ рукахъ.

„Если такъ, хорошо же, вспомните меня, соскучитесь, Наталья Владиміровна,“ подумалъ онъ, шагая съ досадою по дорожкѣ; и четыре дня затѣмъ не выходилъ съ своей дачи, не подозревая что каждый вечеръ Натти, закутанная въ неизвестный ему старый бурнусъ, покрытая платочкомъ, проходила мимо его дачи и видя его подъ окномъ съ книгою въ рукахъ, лукаво улыбалась. На пятый день ему пришлось ѣхать по дѣламъ въ Москву, а оттуда въ Тверь и во Владиміръ. Такимъ образомъ прошло болѣе недѣли въ разъѣздахъ и цѣлыхъ днѣ со дня ихъ послѣдней бурной встрѣчи, когда измученный, усталый Лихоцинъ возвращался въ Сокольники въ самый сильный жаръ и вдругъ увидалъ на шоссе Натти подъ руку съ однимъ юношей, особенно ему невѣстнымъ. Онъ отвернулся съ досадою, услыжавъ ея голосъ кричавшій ему:

— Борисъ Михайловичъ, Борисъ Михайловичъ, куда вы пропали? Приходите обѣдать, мнѣ безъ васъ скучно.

Онъ рѣшился было не ходить, однако къ пяти часамъ явился на дачу Волгиныхъ, гдѣ неожиданно встрѣтилъ только-что возвратившагося изъ лутешествія Сашу. По окончаніи обѣда, за которымъ Натти болтала и дурачилась какъ въ давно миновавшія уже времена, молодой Волгинъ завладалъ товарищемъ и увелъ его въ свою комнату толковать о своемъ возникавшемъ процессѣ. Сидя у окна, они вскорѣ увидели Натти и юношу, страдавшаго, по мѣткому выраженію Лихонина, *неизлѣчимою графьданскою скорбью*, съ волакомъ въ рукахъ. Юноша, недоучившійся студентъ Гремякинъ, третій годъ безуспѣшно стремящійся выдержать прямо кандидата, несмотря на скорбь свою, сіялъ отъ восторга; онъ давно уже былъ влюбленъ въ Натти, и хотя не смѣлъ прямо говорить ей о любви, но въ тайнѣ не терялъ надежды тронуть ея сердце, а пока пробавлялся ея дружбой.

Пробѣгавъ съ полчаса, вся раскраснѣвшаяся Натти бросилась на дернъ, едва переводя дыханіе. Она притворилась спящей, а все же однимъ глазкомъ посматривала на окно откуда вылеталъ дымъ сигары. Наконецъ притворство ей надоѣло, она живо вскочила и закричала:

— Саша! Борисъ Михайловичъ! идите къ намъ! Я отдохнула, играть въ четверомъ веселѣе.

— Еще жарко, Наталья Владиміровна, лѣнливо отвѣчалъ Борисъ,—я усталъ съ дороги.

— Ну, Саша, скорѣй иди хотя ты одинъ, если мсье Лихонину не угодно.

Александръ Васильевичъ не умѣлъ долго заниматься даже собственными дѣлами, онъ очень обрадовался призыву Натти, и схвативъ Лихонина за руку мигомъ сбѣжалъ къ играющимъ. Началось новое бѣганье и не прекращалось вплоть до чая.

II.

Съ этого дня Натти вошла въ свою, очень обычную ей до знакомства съ Лихонинымъ, колею ребячливости. Въ продолженіи двухъ недѣль она не произносила сама, да и не позволяла произносить при себѣ и другимъ ни одного лутнаго слова, мучала и тербила отца до того что наконецъ

вызвала довольно строгое замѣчаніе, а молодому Волгину устраивала разныя западни въ видѣ песошницы опрокинутой въ чернилы, нужныхъ бумагъ и книгъ забрасываемыхъ невидимою рукой подъ диваны, такъ что и того, несмотря на его добродушіе и природную веселость, вывела изъ терпѣнія; больше же всѣхъ доставалось Гремякину, когда тотъ появлялся въ Сокольникахъ. Зная свою безграничную власть надъ его сердцемъ, она никогда съ нимъ не церемонилась. Съ Лихонинымъ она большею частью шутила какъ и съ другими, а то такъ обращалась холодно какъ будто не замѣчала его присутствія. Вначалѣ зараженный ея веселостью, онъ самъ дурачился вмѣстѣ съ нею, и какъ будто чувствовалъ себя довольнымъ жизнію, но при первомъ калривѣ, выразившемся холодною къ нему одному, онъ обидѣлся и сталъ являться рѣже въ гостиной Волгиныхъ, прибывая впрочемъ постоянно въ комнату Александра Васильевича, гдѣ онъ проводилъ цѣлыя дни валяясь на диванѣ безъ всякаго дѣла и какого-либо связнаго разговора, что было хорошо извѣстно Натти, и постоянно вызывало ея презрительную гримаску.

„Еслибъ онъ былъ человѣкомъ, думала она сидя одиноко на террасѣ, онъ бы меня давно образумилъ, заставилъ бы заниматься, а то дрянь, тряпка!“ И чтобы заглушить тоску и скуку, она принималась дурачиться, какъ только появлялось живое лицо, надъ которымъ, или съ которымъ возможно было потѣшаться.

Однѣжды вечеромъ, войдя въ комнату молодого Волгина, въ его отсутствіе, она нашла книгу возвращенную Лихонинымъ, развернула ее отъ мечаго дѣлать и начала перелистывать. Краткія отиѣтки на поляхъ рукою Бориса поглотили все ея вниманіе. Она унесла книгу къ себѣ и прочитала часть ночи.

Слѣдующее утро увидало Натти преобразившеюся. Тихо, сошла она къ чаю, потолковала съ отцомъ о хозяйствѣ, предложила Александру Васильевичу переписать ему двѣ бумаги, о чемъ онъ уже давно, но безуспѣшно просилъ ее, и тотчасъ же принялась за работу, какъ только проводила отца и брата въ Москву. Но едва пробило три, обычный часъ прихода Лихонина, Натти быстро вскочила, поправила предъ зеркаломъ свои вѣчно трепавшіеся волосы и также быстро обѣжала на маленькую терраску, ведущую въ комнату Але-

ксандра Васильевича. Не долго пришлось ждать ей, и Лихонинъ показался на дорожкѣ.

— Сама въ Москвѣ, сказала Натти, идя ему на встрѣчу.

Лихонинъ поклонился молча, и ловидимому собрался уходить. Они предъ этимъ дня три не встрѣчались; несмотря на какія убѣжденія молодого Волгина, упрямый товарищъ постоянно уходилъ отъ обѣда.

— Развѣ вы не зайдете къ намъ, Борисъ Михайловичъ? какъ-то стыдливо произнесла Натти.

— Боюсь наскучить вамъ, Наталья Владиміровна.

— Полноте, перестаньте дуться, довольно намъ дурачиться, быстро, сквозь зубы, выговорила молодая дѣвушка, и въ одинъ прыжокъ перескочивъ нѣсколько ступеней, поскольку нулась и чуть не упала. Лихонину пришлось поддержать ее.

— Я право не замѣчалъ за собою все это время никакихъ дурачествъ, сказалъ все еще недовольный, но начинавшій уже улыбаться Лихонинъ.

— Ну такъ дурачилась я, а теперь никогда не буду, комически, какъ провинившійся ребенокъ, отвѣчала оправившаяся Натти, взявъ олять молодого человѣка подъ руку и направляясь къ полисаднику чтобы пройти на свою собственную террасу.

— Посмотрите, продолжала она серьезно, съ отгѣнкомъ грусти,—деревья начинаютъ желтѣть, не долго наслаждаться намъ дачною свободой. Еслибы вы знали, Борисъ Михайловичъ, какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ просто гадко на душѣ, вы не стали бы надо мною смѣяться, серьезно заговорила Натти, когда Лихонинъ усѣлся противъ нея въ кресло.

— Я что-то не замѣчалъ до сихъ поръ вашей грусти, иронически отвѣчалъ онъ.

— А вы думаете я отъ сердечнаго веселья дурачилась все это время? Непонятливый въ человѣкѣ послѣ этого, Борисъ Михайловичъ, нѣтъ у васъ шестаго чувства, чутья пожалуй, какъ у насъ женщинъ, грустно продожала Натти. — Жизнь проходить, а я не живу, а только дурачусь, и Богъ знаетъ что ждетъ меня впереди; пора наконецъ оломиться, что-нибудь дѣлать.

Лихонинъ понялъ что Натти не шутитъ, не дразнитъ его по своему обыкновенію, что ей дѣйствительно было грустно, и ему стало жаль ея.

— Что же хотите вы дѣлать? серьезно, съ участіемъ спросилъ онъ.

— Какъ переѣдемъ въ Москву, возьму учителей, стану готовиться, а весной держать экзаменъ.

Лихонинъ пожалъ плечами.

— Вижу что вамъ дѣйствительно скучно, и вы не знаете что съ собою дѣлать. Неужели вы думаете что экзаменъ дастъ вамъ знанія? Полноте, Наталья Владиміровна, не увлекайтесь тщеславіемъ; у насъ въ Россіи женщинамъ со средствами нечего другого дѣлать съ своимъ дипломомъ какъ выставлять его на показъ.

— А кто можетъ быть увѣренъ въ своихъ средствахъ? грустно, разсѣянно, какъ бы про себя сказала Натти, а потомъ, точно опомнившись, пристально взглянула на Лихонина, твердо, съ особенною интонаціей выговаривая слѣдующія слова:—Саши говорилъ съ вами конечно о своемъ процессѣ?

— Говорилъ, ну такъ что же?

— Вы увѣрены что онъ его выиграетъ?

Лихонинъ замаялся.

— Процессъ не безнадежный, отвѣчалъ онъ чрезъ минуту.

— А все-таки не вѣрный?

— Что же есть вѣрнаго на свѣтѣ, особенно при залутанности нашихъ законовъ? По моему, въ принципѣ, Александръ Васильевичъ правъ.

— Однако все же можетъ проиграть.

— Можетъ.

Натти задумалась; наступило продолжительное молчаніе; Лихонинъ удивленно смотрѣлъ на нее.

— Сегодня, начала она наконецъ, — я поняла изъ разговора отца съ Сашей что и наше пѣніе какъ-то связано съ шибаніемъ Саши, оно смежное, какое-то черезполосное, кажется. Стало-быть проиграетъ онъ, и мы можемъ проиграть.

— Я ничего подобнаго не слыхалъ, Наталья Владиміровна, вы должно-быть ошибаетесь.

— Нѣтъ, не ошибаюсь, отецъ не любитъ говорить объ этомъ, а я давно вижу что его что-то беспокоитъ.

Она опять задумалась; а у Лихонина, смотря на ея грустное личико, особенно привлекательное въ задумчивости, промелькнула неясная мысль: если они потеряютъ большую часть состоянія, мы будемъ ровня, и на одну минуту, какъ будто, веселье стало на сердцѣ.

— Вы будете смѣяться надо мною, Борисъ Михайловичъ, начала опять Натти, — назовете меня идеалисткою, а я право не приду въ отчаяніе отъ проиграннаго процесса. Кое-что у насъ еще останется, на отца хватить, а я буду работать.

Лихонинъ улыбнулся.

— Не смѣйтесь, говорю вамъ, мнѣ такъ надоѣла моя праздная, безцѣльная жизнь что я рада всякой перемѣнѣ. А безъ толчка, я вѣдь себя знаю, я ни за что лутное не примусь. Простите, недавно я укоряла васъ въ лѣни, а сама такая же лѣнивица, вѣтъ, хуже, гораздо хуже, я во всю свою жизнь ничего не сдѣлала.

Лихонинъ окончательно растаялъ, такъ мило она казалась, и опять мелькнула отрадная мысль о ровнѣ.

— Я радъ, Наталья Владиміровна, что вы такъ бодро смотрите на жизнь, ничего не боитесь, сказалъ онъ серьезно, — такимъ звучащимъ голосомъ, какого Натти никогда отъ него не слыхала. — Да радъ, очень радъ, стало-быть вы можете довольствоваться немногимъ, и при этомъ такъ взглянулъ на нее что Натти вздрогнула и потупила глаза покрасѣвшись.

„Неужели, подумала она, — счастье должно придти ко мнѣ вмѣстѣ съ лишениями? Что же, милости просимъ! я не боюсь лишений!“

А Лихонинъ между тѣмъ опомнился и уже упрекалъ себя за увлеченье. „Глулостъ!... иное дѣло мечтать о бѣдности, о трудѣ, и совѣмъ другое переносить ихъ, привыкнувъ къ роскоши. Надо локрѣвче подтянуть себя чтобы не пробалтываться.“

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей у него стало такое нехорошее лицо, изъ добраго, оживленнаго, какимъ оно было за минуту предъ тѣмъ, что Натти, рѣшившись наконецъ взглянуть на него, почувствовала внезапно какъ сжалось ея сердце.

Пріѣхали оба Волгина и не пустили Бориса. Пришлось ему оставаться обѣдать. За обѣдомъ и онъ и Натти говорили мало. Къ счастью пріѣхавшіе изъ Москвы привезли съ собою много новостей, такъ что не замѣтили ихъ молчаливости.

Лихонинъ измѣнился: приходилъ рѣже и рѣже и то холодный, надутый или насмѣшливо раздражительный, привязывался къ каждому слову. Разъ взялся за книгу, прочиталъ вслухъ двѣ, три страницы и принялся трунить надъ

Александромъ Васильевичемъ за случайно высказанное тѣмъ замѣчаніе. Такъ чтенія ихъ прекратились. Натти наломни-ла разъ, другой, и наконецъ замолчала, ушла сама въ себя и мало-по-малу стала удаляться отъ Бориса. Самолюбіе ея и можетъ-быть болѣе нѣжное чувство было сильно задѣто видимымъ отступленіемъ молодаго человѣка.

„Что же это такое? часто думала она,—развѣ находить мое общество пріятнымъ такъ уже оскорбительно для самолюбія господина адвоката что слѣдуетъ изъ-за пустаго предположенія бѣжать за тридевять земель, спрятаться въ свою скорлупку, выльзвать изъ нея для того только чтобы злиться! Пусть будетъ такъ какъ вы того желаете, Борисъ Михайловичъ, ужь конечно бѣжать за вами никто не станетъ, проживемъ и безъ васъ!“

Натти и въ голову не входило чтобъ ея состояніе удаляло отъ нея Лихонина; сама она такъ мало цѣнила богатство, и вмѣстѣ съ тѣмъ придавала такую высокую цѣну талантамъ и способностямъ Бориса что никогда, ни на одну минуту, не могла бы подумать что, сдѣлавшись его женой, она низшла бы, а не возвысилась. Что касается Бориса Михайловича, то ему конечно нравилась Натти, и теперь, какъ онъ отъ нея добровольно отдался, чаще и чаще являлось порывистое желаніе броситься очертя голову навстрѣчу всякаго рода прелестствіямъ, завоевать во что бы то ни стало, взять съ боя свое счастье. По крайней мѣрѣ такъ мечталось ему иногда въ тиши безсонной ночи. Нервы его все болѣе и болѣе разстраивались отъ внутренней разладицы и недовольства собою и всѣми, часто приходилось вставать съ постели не уснувши во всю ночь полчаса сряду, и тогда, перебирая по ниточкѣ всю свою нескладную, безцвѣтную жизнь, онъ чувствовалъ neodодимую потребность измѣнить ее какъ бы то ни было, во что бы то ни стало; и при этомъ сознавалось ясно собственное его безсиліе произвести желаемую перемѣну, чувствовалось что только другой или, лучше сказать, другая, можетъ выльчить его отъ все болѣе и болѣе овладѣвающей имъ апатіи, дать толчокъ къ новой жизни. Сердце летѣло къ этой желанной другой, и онъ уже не могъ, да и не хотѣлъ скрывать отъ себя что она ни кто иная какъ Натти. Въ волненіи ему не разъ случалось вставать съ постели, одѣваться и идти на разсвѣтѣ бродить по лѣсу. Часъ, другой онъ улывался мечтой что вотъ наконецъ

ему удалось полюбить, отдаться всецѣло безъ оглядки; и тутъ ему казалось что онъ непременно въ то же утро пойдеть къ Волгинымъ, скажетъ или по крайней мѣрѣ намекнетъ Натти что онъ серьезно ее любитъ, и готовъ на все на свѣтѣ чтобы только заслужить ея взаимность.

Но всходило солнце, и, при его свѣтѣ, мечты разлетались вмѣстѣ съ утреннимъ туманомъ. Лихонинъ возвращался домой усталый, разбитый, перебирая въ умѣ одни только прелятствія и недочеты, онъ анализировалъ себя, беспощадно анализировалъ Натти, и при этомъ осмотрѣ не видѣлъ ничего другаго кромѣ полнаго несходства между собою и ею; всѣ ея привлекательныя стороны, отъ которыхъ сильнѣе билось сердце въ ночной тиши, исчезали, оставались одни недостатки, и чтобы наказать себя за глупыя мечты, а вѣрнѣе чтобы наказать Натти зачѣмъ она не подходитъ ближе къ его идеалу, онъ въ этотъ день совѣтъ не шелъ къ Волгинымъ, а оставаясь среди невыносимой скуки одиночества, утѣшалъ себя новыми мечтами объ идеальной женщинѣ, которую онъ современемъ полюбитъ или по крайней мѣрѣ могъ бы полюбить страстно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ забверіемъ всего себя, даже своего ненасытнаго самолюбія. Лихонинъ любилъ увѣрять себя, а подъ мнимо откровенный часъ и другихъ, что онъ способенъ къ такого рода самоотверженной любви, еслибы только нашлась стоящая его женщина; и это самообольщеніе мѣшало ему сознать что никакъ не въ Натти, а гораздо больше въ немъ самомъ недостаетъ чего-то что бы дало ему силу не только взять приступомъ свое счастье, но даже просто всецѣло броситься въ круговоротъ дѣйствительной жизни, не останавливаясь при каждомъ новомъ шагѣ на полдорогѣ. Тотъ же анализъ разоблачавшій недостатки бѣдной Натти, также беспощадно разоблачалъ предъ нимъ несостоятельность и всѣхъ другихъ сторонъ жизни. „Зачѣмъ? Къ чему? Куда это меня поведеть?“ спрашивалъ себя мученикъ внутренняго недочета оиъ, вслѣдъ за какимъ бы то ни было увлеченіемъ, человекомъ ли или идеей и дѣломъ, горько упрекая себя если не сумѣлъ скрыть отъ другихъ своего минутнаго увлеченія. Слова: „надо, надо подтянуть себя, все это ужасно глупо, я уже не мальчишка,“ заканчивали почти каждую изъ его бесѣдъ съ собою.

А между тѣмъ, пока Лихонинъ невѣдомо для нея боролся

со своею нерѣшительностью и самолюбіемъ, бѣдная Натти все глубже и глубже поддавалась овладѣвшей ею тоскѣ неудовлетворительности и разочарованія. Она должна была наконецъ сознаться что гораздо болѣе привязалась къ Борису чѣмъ думала въ то время когда, видая его постоянно занятымъ одною ею, она была почти увѣрена что онъ ее любитъ. Тогда она недостаточно цѣнила эту любовь, болѣе тѣшила ею свое самолюбіе чѣмъ сердце; она жаждала неограниченной власти надъ нимъ, какъ будто не рѣшалась вполнѣ отдаться привлекавшему ее къ нему чувству, точно чего-то ждала еще прежде нежели сказать даже самой себѣ что она его любитъ.

„Неужели же“, тоскливо раздумывала она въ своихъ одинокихъ прогулкахъ въ чащѣ Сокольничьяго лѣса, „я должна сказать теперь это рѣшительное слово, навѣки закабалить себя нераздѣльному чувству! Нѣтъ, нѣтъ, не бываетъ этому, не хочу! Неужели идти смиренно къ господину Лиховину вымаливать его драгоценную любовь? А отчего же и не вымаливать если она мнѣ нужна, необходима? Я вѣдь хотѣла же чтобъ онъ вымаливалъ мою любовь, почему же намъ и не являться ролями если такъ рѣшила судьба? Вздоръ это все, старые свѣтскіе предрасудки, что будто въ любви первый шагъ принадлежитъ мужинѣ. Я чувствую что онъ самъ готовъ полюбить меня, можетъ-быть уже и любитъ, одно его адское самолюбіе мѣшаетъ ему высказаться; онъ конечно будетъ тронутъ моимъ призваніемъ. Стало-быть можно попробовать... Попробовать! то-есть увижаться, поцѣловать. И на чтѣ будетъ мнѣ она, вымоленная любовь, развѣ можетъ она продолжаться? Нѣтъ, нѣтъ, не надо! не хочу! Изломаю себя, всю изломаю, а справлюсь, перестану тосковать, забуду!“

Однако эта внутренняя борьба не могла не отразиться даже на здоровье Натти, она лишилась аппетита, замѣтно похудѣла, глаза ввалились.

Лиховинъ въ самыхъ первыхъ числахъ сентября переѣхалъ въ Москву. Холодно простился онъ съ Натти, встрѣтивъ ее нѣсть съ отцомъ въ темной аллеѣ, отдѣлявшей палисадникъ отъ улицы, не отвѣтилъ даже положительнымъ общаніемъ на приглашеніе Владиміра Петровича навѣститъ ихъ на дачѣ.

— Борисъ Михайловичъ, Борисъ Михайловичъ, куда ты, закричалъ ему вслѣдъ прибѣжавшій въ полыхахъ Але-

Александръ Васильевичъ, когда Лихонинъ, простившись съ хозяевами въ аллеѣ, выходилъ въ калитку. — Нѣтъ, какъ хочешь, я тебя не выпущу, цѣлую недѣлю пропадать, а телера бѣжишь какъ угорѣлый.

— Никогда, извозчики ждутъ, я сегодня переѣзжаю, отвѣчалъ Лихонинъ, вырываясь изъ рукъ товарища.

— А но мнѣ все-таки зайдешь, мнѣ надо потолковать съ тобой о моемъ дѣлѣ, продолжалъ молодой Волганъ, увлекая Бориса на свою половину.

Показавъ ему наканунѣ полученную бумагу, Александръ Васильевичъ всунулъ пріятелю сигару, и силой привычки Лихонинъ очутился около хозяина на диванѣ.

— Скажи пожалуйста, какая черная кошка пробѣжала между тобою и Натти? за что вы дуетесь? вскорѣ заговорилъ Волганъ.

— Откуда залѣзла тебѣ въ голову такая чушь? серьезно отвѣчалъ, весь вспыхнувъ, Лихонинъ.

— Если чушь, отчего же ты краснѣешь? А я вотъ что тебѣ скажу, дружище, невозможно продолжать. Александръ Васильевичъ, — если воображаешь что за тебя не отдадутъ, то знай что Натти пойдетъ за того за кого сама захочетъ, а дядя будетъ обожать ея мужа, кто бы онъ ни былъ.

— Да что ты издумалъ насъ сватать? ни я, ни Наталья Владиміровна не воображаемъ....

— Это ужъ ваше дѣло, мое было только предупредить тебя.... А теперь идемъ завтракать; завтракъ уже поданъ....

— Какъ знаешь.... я все сказалъ что нужно....

Проходя черезъ заау, молодые люди столкнулись съ Натти; взглянувъ на ея поблѣднѣвшее личико Лихонинъ почувствовалъ что его точно что-то кольнуло въ сердце и безсознательно повернулъ за ней въ столовую. Смущенно, точно первый разъ въ домѣ, сидѣлъ онъ за завтракомъ, молчалъ, почти ничего не ѣлъ, и какъ только встали изъ-за стола, сталъ послѣшно прощаться, но совсѣмъ уже иначе чѣмъ въ аллеѣ пожалъ руку Натти.

„Это что такое?“ думала она, глядя въ окошко за удалявшимся Борисомъ, „не Сашиныхъ ли тутъ рукъ дѣло? Какъ бы выспросить половчѣе о чемъ они поговорили наверху. Да нѣтъ, Саша догадается чего мнѣ нужно, да опять передастъ ложкауду. А я не хочу, не хочу чтобъ обо мнѣ толковали, жалѣли меня.... Погодите, Борисъ Михайловичъ, сумѣю и

сами доказать вамъ что не нуждаюсь въ вашемъ состраданіи. Дайте только съ собой справиться, приняться за дѣло!..“

Наступила осень, съ ливневыми, скучными вечерами. По-видимому равнодушная ко всему Натти не торопилась отъѣзжать въ городъ. Владиміръ Петровичъ часто ѣздилъ въ Москву и что-то скрывалъ отъ дочери.

— А что, Натти, мы что-то очень ужъ зажились въ Сокольникахъ, смотри-ка чуть что не одни остались; не хочешь ли прокатиться со мною въ Москву? а завтра и совсѣмъ до дому, весело сказалъ онъ, входя однимъ утромъ въ комнату дочери.

Наталя Владиміровна сидѣла за письмомъ въ Дрезденъ къ своей близкой подругѣ, съ которой она оспалась во время своей пансіонской жизни, и которой иногда, хотя не часто, открывала свою душу.

— Во что это вы такъ угабурили, Наталя Владиміровна? весело продолжалъ Вогаицъ:—какія такія тайны пошвыдываете міру, позволяете узнать?

— Я писала въ Дрезденъ, мама, и знаешь что?

— Позвольте полюбопытствовать, а всеъ мы узнаемъ тайну вашей тоски и грусти, отвѣчалъ Владиміръ Петровичъ, протягивая руку къ мелко исписаннымъ томельскимъ листикамъ почтовой бумаги.

— Это ужъ совсѣмъ лишнее, мама, храбро отвѣчала Натта, быстро собирая листы и запирая ихъ въ портфель.—Тутъ не одни мои дѣла. А вотъ ты послушай только что я пишу про себя, и дѣйствительно узнаешь тайну моей тоски.

— Ужъ не влюблена ли ты, Натти? ислугавно спросилъ Вогаицъ.

Натти вспыхнула, но успѣла отвернуться и совершенно покойно заговорила:

— Какой вздоръ, мама, извини, какъ это могло войти тебѣ въ голову? Въ кого же прикажешь мнѣ влюбиться? не въ Дичковина же; выговорила она совершенно твердо, нисколько не красѣя и прямо смотря отцу въ глаза. Въ эту минуту она почувствовала что и дѣйствительно смѣшно, нелѣпо ей любить человека который ее не любитъ, что это все вздоръ и стало-быть не слѣдуетъ отправлять письма въ Дрезденъ, надо только высказать отцу твердо принятое рѣшеніе.

— Моя тоска—бездѣйствіе, я глупе провожу жизнь и на-мѣрена измѣнить ее, если позволишь, серьезно заговорила

она,—а вѣдь ты позволишь, неправда ли? ласково продолжала она.

— Въ чемъ же измѣнить, моя крошечка? я право тебя не ловимаю.

— Позволь мнѣ, какъ только мы устроимся, пригласить къ себѣ учителей. Я не хочу оставаться невѣждой, стыдно!

— Ужь и невѣждой, Натти! Да ты у меня больше знаешь чѣмъ всѣ твои подружки вмѣстѣ! Ты не въ профессора ли собралась?

— Въ профессора, не въ профессора, а собираюсь выдержать экзамень. Какъ знать, лала, что ожидаетъ меня въ жизни, грустно прибавила молодая дѣвушка быстро и lightly взглянувъ отцу въ глаза.

Владиміръ Петровичъ вздрогнулъ, но тотчасъ же оправился и весело засмѣялся. Онъ только наканунѣ переговорилъ съ извѣстнымъ адвокатомъ и почти окончательно успокоился на счетъ угрожавшаго ему процесса.

— Хочешь, Наташа, я буду пророкомъ, скажу что тебя ожидаетъ выѣхание зимой? Ты выйдешь замужъ, это вѣрно!

Натти не улыбулась въ отвѣтъ на шутку отца, а только отрицательно покачала головой.

— Не хочешь? Вѣрь вамъ дѣвчонкамъ! Ну да что толковать, одѣвайся Натти, ѣдемъ!

Въ продолженіи пути Натти была разсѣяна и молчалива; ее мучилъ вопросъ: правда ли все то что она написала въ Дрезденъ и слѣдуетъ ли отправлять мелко исписанные листки, залертыя въ ея портфель? Владиміръ Петровичъ весело посвистывалъ, продолжая лукаво улыбаться.

Когда доѣхавъ до Арбатскихъ Воротъ коляска повернула на Поварскую, Натти опомнилась.

— Куда же мы это ѣдемъ? Посмотри лала, мы съ тобой замечались, а Василій ошибся дорогой, отсюда будетъ дальше, чѣмъ Арбатомъ.

— Потерли крошка, Василій знаетъ куда ѣдетъ.

— Лала, ты развѣ перемѣнилъ квартиру?...

— Мы заѣдемъ сперва къ теткѣ.

Но вотъ коляска повернула за уголъ, въ одинъ изъ переулковъ и тотчасъ же остановилась у подъѣзда большаго бѣлаго дома, съ двумя выстулающими флигелями.

— Выходи Наташа, мы пріѣхали.

— Такъ и есть, ты перемѣнилъ квартиру.

— Прочти-ка что написано на воротахъ.

Натти повернула голову. Вотъ что гласила черная надпись на золотомъ фонѣ: *Дочери надворнаго советника Волгиной.*

— Милый папа, какой ты добрый! воскликнула Натти, бросаясь къ отцу на шею. Она вспомнила какъ говорила прошлою зимою что скучно вѣчно перѣезжать съ квартиры на квартиру.

— Что ты дурочка, на улицѣ-то! отвѣчалъ Волгинъ, проталкивая дочь въ разтворившіяся настежъ обѣ двери подъѣзда. Ему думалось въ эту минуту „этого дома никто у тебя не отыщетъ, что бы тамъ ни случилось“, и точно эта грустная дума сообщилась и Натти, у нея защемило сердце, когда она переступила въ первый разъ черезъ порогъ своего собственнаго дома.

III.

Домъ Волгиныхъ ярко горѣлъ огнями. Владиміръ Петровичъ расхаживалъ по освѣщеннымъ комнатамъ, любясь эффектомъ своего бальнаго зала и весело выслушивая комплименты гостей. Молодая хозяйка, въ легкомъ бѣломъ платьѣ, украшенномъ васильками, едва успѣвала отвѣчать на приглашенія окружавшей ее молодежи. Танцы еще не начинались, ожидали сестру Владиміра Петровича, которая обѣщала пріѣхать заранѣе чтобы помочь племянницѣ въ непривычномъ для нея дѣлѣ, пріемѣ такого многочисленнаго общества, и однако не являлась когда общество было уже все въ сборѣ: не доставало только ея да Лиховина. Разсерженная отсутствіемъ послѣдняго, Натти готова была не разъ сказать Александру Васильевичу что пора начинать танцы, но ее безпокоила мысль что сдѣлаетъ она съ первой кадрилию обѣщанной Лиховину, отъ приглашеній на которую она положительно отказывалась, несмотря на всѣ убѣжденія и просьбы. Неужели придется признаться предъ всѣми что кавалеръ забылъ ее, не пріѣхалъ? А какъ нарочно безпрестанныя приглашенія Гремякина, съ кѣмъ она танцуетъ, обратили общее вниманіе на эту злосчастную кадрилию и Натти мѣшкала, подъ предлогомъ что непременно надо дождаться тетюшки. Но вотъ самъ Владиміръ Петровичъ подходитъ къ оркестру

и велить играть вальсъ. Натти завертѣлась съ сокрушеннымъ сердцемъ, придумывая какъ бы вѣрнѣе отметить ей Лихонику, а отметить слѣдовало непременно. Въ послѣднюю недѣлю Боржъ Михайловичъ, бывая почти каждый день у Волгиныхъ, опять сталъ прежнимъ милымъ, веселымъ собесѣдникомъ Натти; объ ихъ размовкѣ не было и помину.

„Что же это такое?“ раздумывала Натти, „опять какая-нибудь штука, желаніе доказать что ни я, ни мое мнѣніе равно для него ничего не значать.“

И какъ нарочно остановясь чтобы перевести духъ около Александра Васильевича, въ надеждѣ удовлетворить свое любопытство, спросивъ его какъ-нибудь кстати гдѣ Лихонинъ, она слышитъ разговоръ его съ сосѣдкой, хорошенькою, но пустынькою молодою вдовушкой, вѣчнымъ врагомъ Натти, но за которою молодой Волгичъ слегка ухаживалъ.

— Кажется вашего товарища, Лихонина, здѣсь вѣтъ? говоритъ хорошенькая вдовушка,—странно...

— Онъ вѣроятно скоро прійдетъ; онъ конечно явился бы раньше еслибы зналъ что вы замѣтите его отсутствіе, любовно, но вѣскольکو съ кислою миной отвѣчаетъ Александръ Васильевичъ.

— Мнѣ что до него за дѣло, я танцую первую кадрили съ вами, а вотъ ваша кузина...

— Какая кузина?

— Развѣ вы не замѣчаете какъ разсѣяна сегодня Мише Натали? Она конечно ждетъ кого-нибудь, и кого же какъ не любезнаго дачнаго сосѣда?

— А, такъ это правда, вы танцуете первую кадрили съ Лихонинымъ? шелчетъ Натти подвернувшійся Гремякинъ.

— Это глупо, Гремякинъ, также шелотомъ отвѣчаетъ ему выведенная изъ себя Натти,—что вамъ за дѣло съ кѣмъ я танцую? Съ вами навѣрно не буду танцовать цѣлый вечеръ. Сама, продолжала она, становясь прямо предъ говорившею парочкой и вѣскольکو презрительно окидывая вдовушку глазами,—тебѣ придется переходить въ первой кадрили, одного визави не хватаетъ.

— Вашего кавалера? вмѣшалась вдовушка. Она давно замѣтила присутствіе Натти.

— У меня совсѣмъ вѣтъ кавалера, серьезно отвѣтила молодая хозяйка,—я всѣмъ отказала, но и кромѣ меня, одной дамѣ придется сидѣть. Поди же устрой это скорѣй, Сама.

— Гдѣ Диховицъ, Миле Натали? не перестаетъ добиваться вдовушка.

Натти собралась отвѣтить, но въ эту минуту появилась давно ожидаемая тетюшка. За нею слѣдомъ молодецкій гусарь, статный, красивый юноша, съ ярко блистающими синими глазами. Лицо вдовушки такъ и раздвѣло въ приветливую улыбку, маленькіе глазки заискрились.

— Вотъ мое извиненіе, говорить Зинаида Петровна представляя юношу племянницѣ, — мсье Груздевъ, товарищъ моего Васи. Я совсѣмъ собралась садиться въ карету, а онъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ Васи. Я тотчасъ же отправила его въ почтаницу переодѣться; ну и пришлось ждать, одинъ онъ бы къ вамъ ни за что не явился.

— Очень кстати, очень рада, отвѣчала Натти приветливо протягивая руку новому знакомцу, на что Зинаида Петровна нѣсколько покосилась: она не выносила фамильярныхъ манеръ племянницы и вѣчно препиралась за нихъ съ братомъ. — У насъ какъ нарочно не достаетъ одного кавалера, оцѣль началъ Натти, обращаясь къ сконфуженно стоявшему предъ нею гусару.

— Вы конечно уже танцуете? пробормоталъ онъ едва слышимымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ни съ кѣмъ не танцую первой кадрили, я всѣмъ отказала, готова танцевать съ вами, если пригласите.

Гусарь поклонился.

— А теперь пойдѣте отыщемъ моего двоюроднаго брата, онъ найдетъ намъ визави.

Гусарь едва рѣшился предложить ей руку, а вдовушка между тѣмъ думала: „вотъ вѣдь навязалась, а онъ можетъ быть пригласилъ бы меня, такой хорошенькій мальчикъ.“ Она совсѣмъ забыла на эту минуту что танцевала съ Александромъ Васильевичемъ. Отыскавъ Саму и визави, Натти наконецъ успѣла со своимъ кавалеромъ на мѣсто. Минутное оживленіе ея прошло; не дождавшись ничего отъ гусара кромѣ односложныхъ отвѣтовъ, она совсѣмъ замолчала и тутъ только примѣтила Диховица, стоявшаго у одной изъ колоннъ поддерживающихъ хоры.

Съ Борисомъ Михайловичемъ случилось приключеніе. Его лошадь лопнула, вывалила въ сѣнъ и всего перепачкала, пришлось сядова переодѣваться; а хотя онъ довольно смѣло зашибъ себѣ ногу, а все-таки явился танцевать съ Натти.

Онъ входилъ въ залу когда раздалась ригурнель кадрили. Узнавъ отъ кого-то что это только первая, онъ тотчасъ же пошелъ отыскивать свою даму; увидавъ Натти уже сидящую съ гусаромъ, онъ не поклонившись ей съ досадою отошелъ къ колоннѣ, не сообразивъ на эту минуту что по позднему времени ей ничего другаго не оставалось какъ выбрать себѣ другаго кавалера.

Замѣтивъ Лихонина уже послѣ первой фигуры, Натти невольно покраснѣла. Онъ какъ нарочно выбралъ колонну напротивъ ея мѣста и точно дразнилъ ее, стоя на виду у всѣхъ предъ нею.

— Мсье Груздевъ, быстро обратилась она къ своему кавалеру.—Кстати, какъ васъ зовутъ?

— Петръ Николаевичъ, отвѣчалъ гусаръ, опять-таки краснѣя.

— Я терпѣть не могу верускаго прибавленья мсье, а те-тушка бранить меня когда я обращаюсь просто по фами-ліи. Вы видите, Петръ Николаевичъ, что мы люди простые, не церемонные. Я увѣрена что мы съ вами подружимся очень скоро, если только вы перестанете краснѣть, весело и живо продолжала Натти.

Гусаръ конечно покраснѣлъ еще сильнѣе, но ободренный ея добрымъ взглядомъ, рѣшился наконецъ заговорить.

— Я конечно кажусь вамъ очень глупымъ и неловоротли-вымъ, Миле Волгинъ...

— Наталья Владиміровна, встала Натти.

— А еслибы вы знали, Наталья Владиміровна, какъ мало имѣлъ я возможности до сихъ поръ познакомиться съ обще-ствомъ, вы бы посмотрѣли на меня снисходительнѣе.

— Да я и такъ смотрю очень снисходительно, по контрасту съ собою я очень люблю застѣнчивыхъ людей. Расскажите мнѣ вашу исторію, а потомъ я расскажу вамъ свою, вотъ мы и познакомимся.

Гусаръ молчалъ, не зная съ чего начать.

— Скажите, зачѣмъ вы пошли въ военную службу?

— А зачѣмъ что епекунъ отдалъ меня въ юнкерскую школу. И знаете, Наталья Владиміровна, во все пять лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ, я никогда ни съ кѣмъ кромѣ товарищей не говорилъ, все праздники сидѣлъ въ школѣ, только въ послѣдній годъ изрѣдка бывалъ въ театрѣ.

Вы первая женщина, по крайней мѣрѣ молодая, съ кѣмъ мнѣ приходится знакомиться.

— Ахъ какъ это весело! воскликнула Натти,—стало-быть вы въ моемъ лицѣ знакомитесь теперь со всѣмъ нашимъ коломъ. Посмотримъ какимъ-то онъ вамъ покажется.

— Навѣрно очаровательнымъ, прошептала Груздевъ, но такъ тихо что Натти скорѣе отгадала чѣмъ слышала его слова.

— Гдѣ же вы жили по выходѣ изъ школы?

— Въ страшномъ захолустьи, по собственной впрочемъ волѣ, я самъ просился въ *** полкъ.

— Чѣмъ же онъ привлекалъ васъ?

— Мнѣ не хотѣлось оставаться въ гвардіи.

— Это отчего? Неужели Петербургъ вамъ не нравился? а я такъ брежу Петербургомъ.

— Не надѣялся на себя, боялся закружиться, Наталья Владиміровна, едва слышимымъ голосомъ докончилъ Груздевъ.

Натти въ первый разъ пристально на него посмотрѣла, и выраженіе его блестящихъ синихъ глазъ показалось ей очень смѣшнымъ.

Ласковое обращеніе Натти мало-по-малу ободрило юного воина. Онъ объявилъ что намѣренъ заниматься и поступить въ Военную Академію. Натти предпочитала университетъ. Груздевъ былъ готовъ на все и даже сообщалъ что прошлаго зимой въ Римѣ началъ учиться по-латыни.

— Счастливецъ! вы были за границей, въ Италіи! а еще называете себя невѣждой! воскликнула Натти.

— Я мало воспользовался своимъ лутешествіемъ, всего четыре мѣсяца пробылъ за границей. Я былъ очень боленъ осенью, меня послалъ нашъ докторъ въ Италію оправляться. Сначала я ни на что не былъ способенъ, только къ веснѣ могъ гулять и заниматься, а тутъ пришлось ѣхать обратно въ полкъ.

— Зачѣмъ же вы не остались дольше?

— Отпускъ кончился, а главное, олекунъ не выслалъ денегъ, отвѣчалъ Груздевъ краснѣя;—мнѣ на дняхъ минулъ двадцать одинъ годъ, я теперь только самъ себя господня, за тѣмъ и прѣехалъ сюда чтобы свести счеты.

Но тутъ перервалъ ихъ Владиміръ Петровичъ. Онъ давно отискивалъ дочь по всѣмъ комнатамъ; кадрили давно ужѣ

кончилась, а Натти все еще продолжала разговаривать съ своимъ кавалеромъ.

— А ты все еще съ своимъ кавалеромъ, началъ оный медовольнымъ голосомъ, — сестра давно тебя спрашиваетъ, иде ли къ ней въ гостиюу.

— Пала, вотъ пріятель вашъ и мой, Петръ Николаевичъ Груздевъ, рекомендую, живо заболтала Натти.

Замѣтивъ ея оживленное личико, блестяшіе отъ удовольствія глаза, Волгивъ смягчился, и радушно обратился къ молодому человѣку.

— Мы уже знакомы, иди Натти къ теткѣ, а я займу гостя, будь покойна, познакомлю его съ молодежью.

— Петръ Николаевичъ, мы танцуемъ съ вами мазурку, къ счастью я ее никому не обѣщала, другіе же танцы всѣ отданы...

Груздевъ смущенно покаивался.

— Но я право, Наталья Владиміровна, не умѣю ..

— Вотъ вздоръ какой, какъ-нибудь пройдемся. Я сама не мастерица, отвѣчала Натти убогая.

Лихонинъ обошелъ всѣ комнаты, нѣсколько разъ возвращаясь въ залу и издали наблюдая за оживленнымъ разговоромъ Натти съ гусаромъ; онъ встрѣтилъ наконецъ Александра Васильевича, разказалъ ему свое приключеніе, нѣсколько преувеличивая ушибъ чтобъ имѣть благовидный предлогъ немедленно уйтись.

— Погосди, Борисъ Михайловичъ, закричалъ вслѣдъ ему Волгивъ, — покажись по крайней мѣрѣ Натти.

-- Наталья Владиміровна занята и безъ меня, она меня и не замѣтитъ, сурово отвѣчалъ Борисъ, однако пріостановилась.

— Вотъ вздоръ какой, я знаю что она тебя искала, ни съ кѣмъ не хотѣла танцевать нервой кадрили.

Пріятели разговаривали въ дверяхъ между большой и маленькой гостиной, когда въ противоположной сторонѣ комнаты показалась Натти. Лихонинъ тотчасъ же отошелъ и векоръ утѣхалъ. Однако Наталья Владиміровна увидѣла его мелькомъ и тоже отвернулась, быстро заговорила съ кѣмъ-то изъ гостей, а тутъ заиграли польку и она опять убождала въ залъ. Танецъ слѣдовалъ за танцемъ. Натти совсѣмъ затерялась, только предъ мазуркой сошлась она съ двоюроднымъ братомъ.

— Натти, ты видѣла Лихонина?

— Не видала, развѣ онъ былъ?

— Былъ и уѣхалъ совсѣмъ больной, знаешь что съ нимъ случилось?

И онъ разказалъ исторію ладенія съ необычными подробностями.

— Бѣдный! отвѣчала она съ непритворнымъ участіемъ:— какъ жаль что я съ нимъ не поговорила. Сапа, привези его завтра къ намъ обѣдать, если будетъ можно, а то такъ лала поведетъ навѣстить его. Погоди, я пойду къ себѣ, напашу ему заласку.

И она направилась въ свой дѣловой кабинетъ, гдѣ была устроена уборная для дамъ, но по дорогѣ встрѣтила Груздева.

— Наталья Владиміровна, сейчасъ будетъ мазурка; если вы дѣйствительно не боитесь танцевать со мной, то пора намъ занять мѣсто.

Заиграла музыка и она поневолѣ послѣдовала за своимъ кавалеромъ. Сначала она такъ углубилась въ свои тревожныя думы что совсѣмъ забыла гдѣ она и угрюмо молчала. Безъ слыно упрекала совѣсть, а бѣдный гусарь, смотря на пасмурное лицо своей дамы, не смѣлъ начинать разговора: Наконецъ кто-то выбралъ Натти, а Груздевымъ завладѣла хорошенькая вдовушка. Они сошлись оба въ фигурѣ и гусаремъ овладѣло такое смущеніе что онъ не рѣшился дѣлать тура, а прямо повелъ свою даму на мѣсто.

— Простите, Наталья Владиміровна, я право танцевать не умѣю, да вы сами видите... то-есть я вижу... что вы недовольны тѣмъ что рѣшились танцевать со мной... позвольте мнѣ удалиться, смущенно бормоталъ Груздевъ.

— Чтѣ за вздоръ, Петръ Николаевичъ, развѣ можно уходить изъ мазурки, вѣдь вы оставите меня безъ кавалера. Ободритесь, все пойдетъ прекрасно, лучше разкажите мнѣ про Италію, давеча намъ ломѣшали.

Груздевъ оживился, и вкорѣ его восторженное описаніе Рима, а главное, его наивная откровенность, такъ увлекла Натти что она опомнилась только послѣ ужина, который по большому обычаю провела виѣсть съ своимъ кавалеромъ; спать подумала о Лихонинѣ и очемъ на себя разсердилась.

„Какая я безчувственная,“ думала она, — „человѣкъ страдаетъ, а я пляшу какъ угорѣлая. Нѣтъ, сейчасъ пойду напашу ему заласку.“

Но тутъ пришлось провожать гостей, а вмѣстѣ съ ними уѣхалъ и сильно утомленный Александръ Васильевичъ; записка такъ и осталась не написанной.

— Какой, право, счастливый характеръ у вашей кузины, говорила вдовушка, прощаясь съ молодымъ Волгинымъ, — ее все забавляетъ, все увлекаетъ, не одинъ, такъ другой, ей со всѣми весело!

На слѣдующее утро Натти встала конечно поздно, утомленная и грустная. Ей хотѣлось думать о Лиховинѣ и только объ немъ одномъ, а мысли, противъ ея воли, перебивались воспоминаніями о заинтересовавшемъ ее своемъ наивностью гусарѣ. Она еще никогда не встрѣчала ничего похожаго на Груздева. „Вотъ ужъ сердце на ладони,“ думала она, „этотъ, если полюбить, такъ отдастся всецѣло, не будетъ разыгрывать комедіи, торговаться за чувство, насколько припрятать его, насколько выказать.“ И ей вдругъ хотѣлось быть, хотя разъ въ жизни, такъ любимой чтобы царствовать безраздѣльно въ чужой душѣ, въ душѣ свѣжей, молодой. Помечтавъ съ полчаса лежа въ покойномъ креслѣ, она принудила себя написать записку Александру Васильевичу, наполненную очень любезнымъ участіемъ къ больному, повторяя приглашеніе къ обѣду. Отвѣтъ пришелъ отрицательный: ушибенная нога распухла, нѣтъ возможности надѣть сапога.

IV.

Петръ Николаевичъ Груздевъ не помнилъ отца, ему было два года когда тотъ умеръ. Мать его не любила, вся ея страстная вѣжность сосредоточилась на старшей дочери. Болѣзненный, загнанный ребенокъ всю жизнь свою проводилъ сначала въ дѣтской съ прислугой, потомъ съ Французомъ-гувернеромъ. До двѣнадцати лѣтъ онъ не зналъ ласки. Тутъ умерла его оестра и вся страстная любовь матери перешла на него. При жизни ея любимицы, она не могла простить сыну что своимъ рожденіемъ онъ лишилъ ея драгоценную Катю большей части состоянія, которое было отцовское, располагать имъ по своей волѣ она не могла и возненавидѣла мальчика. Но тѣмъ сильнѣй теперь заговорила въ ней совесть. Цѣлая

годъ полнаго, дѣтскаго счастья дала она сыну, но ея страстная, порывистая природа не вынесла дальше горя, она умерла, едва успѣвъ поручить тринадцати-лѣтняго Петю дальнему родственнику, суровому, скулому старику, но честному чело-вѣку. Она была по крайней мѣрѣ увѣрена что состояніе сироты не разстроится. Опекунъ отвезъ его въ Петербургъ, отдалъ въ приготовительный пансіонъ съ полномо-чіемъ содержателю помѣстить его черезъ годъ въ юнкерскую школу. Тѣмъ и покончилась его забота о воспитанникѣ, сосредоточившись на его матеріальныхъ выгодахъ. Цѣлымъ лѣтъ молодой Груздевъ не видалъ ни одного друже-скаго, родственнаго лица, онъ жилъ воспоминаніемъ един-ственно счастливаго года своей жизни, постоянно жаждая какой-нибудь привязанности; но слишкомъ застѣнчивый что-бы сойтаться съ буйными, веселыми товарищами, онъ полу-чилъ отъ нихъ прозвище „красной дѣвушки“ и постоянно былъ одинъ. Къ тому же опекунъ очень скупо высылалъ ему кар-манныя деньги и съ этой стороны не весела была его жизнь среди окружавшей его богатой молодежи.

Знакомство съ Волгинымъ открыло предъ нимъ новый міръ. Натти съ вечера бала завладѣла нераздѣльно всѣмъ его сердцемъ. Старикъ Волгинъ былъ ласковъ съ юношею, но не придавалъ никакого значенія новому знакомству и ничего не замѣчалъ. Не такъ смотрѣла на дѣло Зинаида Петровна. Она до страсти любила устраивать свадьбы; къ несчастію обѣ ея дочери были слишкомъ молоды, приходилось еще ждать годка три, четыре, и она мечтала на яву и во снѣ какъ бы поскорѣ обвѣнчать Натти. Это былъ вѣчный пунктъ раздора между братомъ и сестрой. Привычные глаза Зинаиды Петров-ны, съ перваго взгляда, подмѣтили настроеніе наивнаго гу-сара и сердце ея исполнилось надежды. Она не медля при-ступила къ дѣлу.

— Вася мнѣ пишетъ, начала она, обращаясь къ брату, — что Груздева въ полку считаютъ очень богатымъ. Онъ, зна-ешь, былъ выпущенъ въ кавалергарды, самъ не захотѣлъ оставаться, и перепросился въ армію. На отличномъ счету...

Волгинъ молчалъ.

— Вотъ бы хорошо... продолжала Зинаида Петровна, и вдругъ умолкла.

— Что?

— Ты опять разсердишься....

— Почему же? Конечно бы хорошо года черезъ три, тыре, отдать за него твою Надю. Женихъ къ тому времени будетъ совсѣмъ подходящій.

— Я такъ далеко не загадываю, отвѣтила Зинаида Петровна.— Нынѣшняя молодежь, если не женится до двадцати лѣтъ, такъ избалуется съ разными Бертами что и считай ихъ женихами!

— Что жь тутъ подѣлаешь? жаль конечно богатаго женика, поддразнивалъ оестру Волгана, — да какъ уладить съ кономъ. Раньше шестнадцати лѣтъ не велитъ вѣнчать, а все тутъ!

Зинаида Петровна нетерпѣливо отвернулась.

— Развѣ вотъ что, продолжалъ дразнить ее Волганъ. Помоги имъ теперь же, да и возьми съ него росписку. Переѣхать съ невестой жить къ Васѣ, а за будущимъ женихомъ глядѣть въ оба чтобъ этихъ Бертъ — ни, ни, ни од Пускай удостоится Монтионовской преміи за добродѣтель.

— Полно, Владиміръ Петровичъ! Ну что притворяешься точно не понимаешь что я хочу сказать, на что обрати твое вниманіе.

— Не понимаю, да и понимать-то не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ты позволяешь Наттѣ дурачиться? Ну хорошо ли это, завладѣть молодымъ человекомъ, не выпускать его отъ себя изъ дому! Да ты помни тутъ, не понимаю, а она сама дѣвочка не промахъ, зато такъ обойдется безъ твоего разрѣшенія. Наладилъ на одну не хочу отдавать дочь замужъ, молода, а ей скоро двадцать лѣтъ.

— Даже уже минуло, въ октябрѣ. А все-таки Груздевъ не женихъ.

— Какого тебѣ нужно еще принца? Вези за границу, какой и присватается.

— Не принца мнѣ нужно, а человека. Груздевъ твой чикъ, ребенокъ. Натти за него не пойдетъ!

— Такъ твои новемодные адвокаты, безъ колѣнки и шапоу, лучше!

— Послушай сестра! Я говорю тебѣ серіозно чтобъ сватаній не было, я не позволяю кружить голову Наттѣ! Я позволю! Если я узнаю что ты ей, или твоему гусарикъ зала хотя одно лишнее слово, увезу ее въ деревню!

Петербургъ, куда-нибудь, а къ тебѣ ни ногой. Это мое послѣднее слово, помни.

„Увидишь какъ увезешь,“ подумала Зинаида Петровна, и на зѣ брату дала себѣ слово поставить-таки на своемъ, обгнать въ эту зиму Натти съ Груздевыми. И Владимиръ Петровичъ задумался.

„Нѣтъ, какъ тамъ хочетъ Натти, думалъ онъ, не стану лезть къ себѣ часто этого гусарика, далеко ли до грѣшн Оада бѣда миновала, — книги да учителя, грѣшить другая. Какъ мѣтко сказалъ Грибоѣдовъ: „что за компания, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ!“ Надо сказать Самъ чтобъ онъ побольше навезъ къ намъ молодыхъ. Тѣ люди по крайней мѣрѣ взрослые, не мальчишки, русскій ужъ лучше между ними выбирать!“

Жизнь Владимира Петровича отчасти исполнилось. Въ домъ Волгиныхъ явилось новое лице, молодой адвокатъ Замшанъ, пріятель Лихонина и молодого Волгина, только-что возвратившійся въ Москву и немедленно введенный Александромъ Васильевичемъ въ гостиную Волгиныхъ. Это былъ молодой человекъ небольшого роста, съ изсиня черными блестящими волосами. Красивое лице его, съ крупными чертами, наманивавшими не русское происхожденіе, казалось отчасти своихъ лѣтъ отъ густыхъ почти оросшихся бровей и черной бороды, съ легкимъ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Мать Замшана была Грузинка; онъ пріѣхалъ прямо изъ Тифлиса, гдѣ провезъ на службу воѣ четыре года но выходя изъ университета.

Лихонинъ сопровождалъ пріятелей. Натти радушно встрѣтила молодыхъ людей и увела ихъ въ маленькую гостиную, гдѣ знакомила съ Груздевыми, который неподвижно сидѣлъ въ темномъ уголку. Разговоръ долго не клеился, несмотря на старанія Натти оживить его. Лихонинъ старался войти-быть не безъ злого умысла, втянуть въ бесѣду Грузина, но тотъ отдѣльвался однослезными отвѣтами, а пріятелій видимо сдерживался, нѣсколько ржеуясь. Воѣ затѣтно скучали, когда Александръ Васильевичъ возымѣлъ благо мысль перевести разговоръ на одну изъ любимыхъ темъ Натти: о новыхъ судахъ, прокурорахъ, адвокатахъ и т. д.

— Совѣтую тебѣ, Натти, ѣхать послѣзавтра въ судъ, очень интересное дѣло, сказалъ онъ.

— Какое?

— Подлогъ маленькій, фальшивыхъ расписокъ надѣламъ однакъ господчикъ, а защищаетъ его Б.

— Поѣду непременно, если ты заѣдешь за мной. Памъ ужъ надоѣло.

— Не знаю какъ это сдѣлать. Развѣ всѣмъ втроемъ заѣхать. Мы возьмемъ новичка присматриваться къ новому дѣлу.

— А мсье Замшевъ тоже адвокатъ? спросила Натти.

Груздевъ просіялъ при словѣ мсье. „Съ нимъ она не попросту“, радостно думалъ онъ, и вышелъ изъ своего угла.

— Надоѣло, Наталья Владиміровна, каргѣтъ надъ бумагами, хочу попробовать свои силы надъ живымъ дѣломъ, отвѣчалъ Замшевъ.

— И вы поладаете очень удачно, съ перваго раза увидите вѣроятно насколько это дѣло живо ведется у насъ, только не желаю вамъ такого рода живыхъ принциповъ, сказала Натти.

— Какого же это рода принциповъ, Наталья Владиміровна? живо спросилъ Замшевъ, и потомъ прибавилъ съ худо-скрытымъ отгнѣкомъ проици:—Вы, я вижу, судья компетентнѣй въ моемъ новомъ дѣлѣ, и мнѣ, какъ новичку, интересно познакомиться съ вашимъ взглядомъ.

— Вы можете конечно насмѣхаться надъ моею компетентностью, съ своимъ обычнымъ задоромъ возразила Натти, — но я никакъ не отказываюсь отъ нея. Судебная реформа насколько не меньше касается женщинъ, какъ и мужчинъ, мы точно также въ правѣ интересоваться ею.

— Ça chauffe, ça chauffe, шепнулъ Александръ Васильевичъ, удаляясь въ гостиную, куда давно уже звалъ его дядя чтобы составить партію Зинаидѣ Петровнѣ.

— Я никакъ не отвергаю этого права и въ этомъ и во всякомъ другомъ случаѣ, вѣжливо и совершенно серьезно отвѣчалъ Замшевъ,—я защитникъ всѣхъ женскихъ правъ, всегда и вездѣ готовъ за нихъ ратовать.

— Оно и прекрасно, стало-быть намъ и спорить болѣе не о чемъ, покойно сказала Натти.

— Но я все-таки не знаю вашего взгляда.

— Я выскажу вамъ его послѣ засѣданія, если вы еще разъ о немъ спросите.

— Почему же не теперь? Мнѣ было бы полезно знать на что обратить мое особенное вниманіе.

— Предвзятый взглядъ никуда не годится, опять задорно возразила Натти, и обратилась къ Груздеву.

— Петръ Николаевичъ, поведемте вмѣстѣ съ нами въ судъ; мы вѣдь некогда тамъ не бывали.

— Если позволите, застѣнчиво отвѣчалъ гусарь,—это будетъ для меня случай...

— Наталья Владиміровна, вы меня простите, но я никакъ не могу не повторить моей просьбы чтобы вы высказали ваше мнѣніе, прервавъ Груздева, сказалъ Замшевъ.

— Спросите у Бориса Михайловича, онъ знаетъ его наизусть, отвѣчала Натти, и опять обратилась къ гусару.

Но Лихонинъ продолжалъ молчать и улыбаться.

— Наталья Владиміровна обвиняетъ насъ, защитниковъ, за то что мы защищаемъ, вмѣшался тутъ прибѣжавшій Александръ Васильевичъ.

Чтобы вырваться, онъ спасовалъ съ очень хорошимъ видомъ, чѣмъ возбудилъ полное негодованіе Зинаиды Петровны.

— Какъ, Наталья Владиміровна, что я слышу? Неужели мнѣ придется отказаться отъ моего мнѣнія о вашей компетентности?

Натти пожала плечами.

— Не завидую вашему мнѣнію, если вы основываете его на словахъ Саши.

— Посмѣй повторить, Натти, что я сказалъ неправду! задорно возразилъ Волгинъ и опять убѣжалъ поневолѣ.

— Не совѣмъ правду, вмѣшался наконецъ Лихонинъ.— Наталья Владиміровна находитъ что Б. и нѣкоторые другіе черезчуръ наперекоръ истинѣ и справедливости стараются выгораживать своихъ кліентовъ, и казнить ихъ за это безпоощадно.

— Какъ, Наталья Владиміровна, ваше женское сердце сочувствуетъ карательному правосудію? вы на сторонѣ обвиняемыхъ, прокуроровъ?

— Я на сторонѣ именно правосудія, то-есть справедливости. Обществу которому вы служите почти одинаково вредно какъ оправданіе виновнаго, такъ и обвиненіе невиннаго.

— А кто виноватъ въ винѣ этого виновнаго какъ не общество его воспитавшее? Оно не имѣетъ права карать, сказалъ Замшевъ.—Если человѣкъ такъ поступилъ въ извѣстномъ случаѣ, стало-быть, иначе онъ поступить не могъ, и я долженъ только жалѣть что всѣ предыдущія обстоятельства его жизни: незнаніе, неразвитіе, безнравственность среды, слабость характера и пр., вызвали его на такой поступокъ, а обществу которое отъ того пострадало, подѣломъ, если оно не сумѣло предупредить преступленіе, сдѣлать его невозможнымъ. Да кто же составляетъ это общество, скажите. развѣ не такіе же люди какъ и самъ преступникъ, не сходные съ нимъ во многомъ? Если они не совершаютъ преступленія, то или не наталкиваются на него, или, по условіямъ ихъ окружающимъ, не находятъ въ немъ для себя выгоды.

Лихонинъ улыбался, а Натти недоумѣло смотрѣла на Замшева и какъ-то нервнѣе отвѣтила:

— Положимъ что во многомъ виновато общество, среда, а главное неразвитіе. Мнѣ всегда бываетъ жаль подсудимаго изъ простаго народа; я понимаю что эти дикари часто не вѣдаютъ что творять, но когда, какъ это будетъ послѣзавтра, преступникъ человѣкъ образованный...

— Наталья Владиміровна, вмѣшался Лихонинъ, — зачѣмъ такой предвзятый приговоръ, когда само правосудіе еще не признало его преступникомъ, а только заподозрило возможность преступленія.

— Не привязывайтесь къ словамъ, Борисъ Михайловичъ, сказала Натти,—я нисколько не желаю обвинять заранѣе, и буду очень рада, если этотъ господинъ окажется невиннымъ. Я говорю только что когда преступникъ человѣкъ образованный, то его никакъ нельзя оправдывать невѣдѣніемъ и средою—тутъ кромѣ нравственнаго чувства долженъ стоять на сторожѣ и страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ.

— А если страсти сильнѣе всего этого, надо предположить что вся его предыдущая жизнь обуславливаетъ ихъ сильное развитіе, стало-быть опять среда... возразилъ Замшевъ.

— Такимъ образомъ все позволено по-вашему, отвѣчала Натти уже съ своею презрительною гримаской.

— Да, все можно извинить, если войти въ дѣло глубже.

Натти замолчала и задумалась, сильное недоумѣніе было написано на ея выразительномъ личикѣ.

— Что же вы не возражаете, Наталья Владиміровна? опять заговорилъ Лиховинъ.

— Потому что не умѣю, хотя чувствую что во всемъ этомъ есть какая-то неправда.

Замшевъ засмѣялся.

— Я вижу что этотъ взглядъ еще новъ для васъ, Наталья Владиміровна; опять заговорилъ онъ докторальнымъ тономъ. — Поработайте надъ нимъ, почитайте и вы согласитесь съ нами...

— Говори впрочемъ за себя одного, сказалъ Лиховинъ, — я еще своего взгляда не высказывалъ.

— Въ этомъ я тебя прямо и обвиняю. Какъ, имѣя возможность часто бесѣдовать съ Натальей Владиміровной, ты не навелъ ее до сихъ поръ на единственно вѣрный путь зрѣнія?

— Меня не такъ-то легко наводить на пути по желанію, заморю заговорила Натти. — Я вотъ что скажу вамъ и теперь, хотя еще не нахожу твердаго возраженія на главный предметъ. Если преступника и можно извинить средою и прочимъ, все-таки не позволительно, въ силу нравственнаго чувства, добиваться его полнаго оправданія предъ присяжными, потому что такимъ образомъ виновному приносятся въ жертву невинные.

— Наталья Владиміровна, шелнулъ ей Груздевъ, давно уже устывшій позади ея кресла, — помните, вы спрашивали меня на какой факультетъ я поступаю; навѣрно только не на юридическій. Нѣтъ, быть юристомъ не по мнѣ. Я, кажется, буду медикомъ; какъ вы думаете?

Натти подарила его въ отвѣтъ добрымъ, блестящимъ взглядомъ, отъ котораго сердце юноши забилося восторгомъ.

— Поговоримъ послѣ, также тихо отвѣтила она, — вы не смущайтесь, мнѣ не вѣрится чтобъ этотъ господинъ скажалъ вамъ всю суть правды.

— Ну что же, Натти, спрашивалъ Александръ Васильевичъ при прощаньи, — который сусальное золото и который настоящее?

— Полюбо говорить загадками, Саша, задумчиво отвѣчала она. — Замшевъ показался мнѣ очень умнымъ человѣкомъ.

— Умиѣ Лиховина?

— Не знаю, онъ говоритъ прекрасно.

Александръ Васильевичъ засмѣялся и послѣднью набросивъ шубу, побѣжалъ догонять уже вышедшихъ товарищей.

V.

Съ этого вечера Замшевъ и Лиховинъ вмѣстѣ съ Александромъ Васильевичемъ и являлись къ Волгинымъ раза два, три въ недѣлю, большею частью къ обѣду, и сильно смущали своимъ присутствіемъ бѣднаго гусара. Онъ съживался, уходилъ въ себя и тро исчезалъ какъ только Натти не успѣвала вовремя задержать его. Оставаясь по ея имениному повелѣнію, онъ выпрашивалъ себѣ въ награду за послушаніе свободныя утренніе часы и наединѣ изливалъ ей свою душу, не осмѣливаясь впрочемъ прямо говорить о любви. Нельзя сказать чтобы Наталья Владиміровна не нравилось это тайное обоготвореніе ея особы, но она избѣгала полнаго признанія, на которое пришлось бы отвѣчать да или кѣтъ. Она ублаживала себя неясною мечтой о чемъ-то непредвидѣнномъ. Холодныя отношенія съ Лиховинымъ продолжались, они разошлись даже болѣе чѣмъ прежде, почти уже враждебно относились другъ къ другу, хотя бы отъ этого и страдали, и странно сказать, но Лиховинъ страдалъ больше нежели Натти. Нерѣдко ему хотѣлось сблизиться съ Натти. Онъ шелъ къ ней съ намѣреніемъ серьезно покаяться, разъяснить всѣ ихъ недоразумѣнія, и находилъ ее занятою Груздевыми. Онъ начиналъ задумчивый разговоръ; она отвѣчала ему или насмѣшкой или неяснымъ намекомъ что теперь уже поздно, не воротить прошлаго. Хотя сама послѣ страшно упрекала себя за такое нехлѣбное отношеніе къ человѣку все еще дорогому и по крайней мѣрѣ сознательно признаваемому выше всѣхъ ее окружающихъ. Зачѣмъ поступала она такъ, въ покойную минуту она и сама не могла дать себѣ отчета; точно какой-то внутренній, враждебный голосъ нашептывалъ ей слова которыми если она и заставляла страдать другого, то и себѣ не приносила никакой отрады. А Лиховинъ былъ слиткомъ гордъ чтобы дальнѣйшими попытками на сближеніе преодолѣть налускную враждебность дѣвушки. Это не мѣшало ему раздражаться, ревновать ее къ сопернику, счи-

таемому имъ вполне недостойнымъ такой чести, и на насмѣшку отвѣчать насмѣшкой.

Александръ Васильевичъ искренно любилъ и уважалъ Лиговина, по своей природной добротѣ онъ нисколько не тяготился сознаваемымъ имъ очень хорошо превосходствомъ товарища. Онъ искренно огорчался видимымъ отчужденіемъ Натти, проклиналъ Груздева, тетюшку, всѣхъ и все, но не зналъ какъ помочь горю. Попробовалъ разъ заговорить съ Борисомъ, но тотъ такъ грозно послалъ къ чорту непрошенныхъ посредниковъ что онъ быстро отретировался, и раздумывалъ какъ бы поискусить лодойти къ Натти. Она тоже съ нѣкотораго времени не поддавалась ни на какую попытку съ его стороны къ искреннему разговору. Онъ рѣшился обратиться къ Замшеву, какъ авторитету по части житейской практики. Польщенный довѣріемъ, Замшевъ сталъ усердно придумывать вмѣстѣ съ Волгинымъ чѣмъ бы помочь дѣлу, какъ свести разсорившуюся парочку. И нисколько не стѣсняясь продолжалъ разговоръ при входѣ Гремякина. Александръ Васильевичъ поморщился, считая несомнѣнно удобнымъ брать еще новаго повѣреннаго въ чужія тайны, но дѣло было сдѣлано, надо было извлекать изъ худшаго лучшее.

— Ради Бога, господа, чтобъ это осталось между нами, помните что я довѣрилъ вамъ нѣкоторымъ образомъ тайну дѣлушки, моей родственницы, да и Борисъ не проститъ мнѣ если узнаетъ.

— Надѣюсь что вы считаете меня честнымъ человекомъ, Александръ Васильевичъ, торжественно отвѣчалъ Гремякинъ, — да и мнѣ Наталья Владиміровна не чужая. Нечего скрывать теперь, вы, я думаю, сами видѣли какъ я былъ искренно къ ней привязанъ, но насильно милъ не будешь, разумъ взялъ свое, у меня осталось одно чувство уваженія и дружбы. Я могу, желая ей счастья, уступить безъ борьбы мое мѣсто Борису Михайловичу, человеку вполне достойному уваженія; но меня ужасъ беретъ когда я подумаю что Груздевъ, этотъ ничтожный мальчишка, потому только что онъ богатъ, завладѣетъ сокровищемъ за которое я готовъ бы былъ заллатить мою жизнь.

— Надѣюсь вы не думаете что Натти предпочитаетъ его за богатство, обидчиво сказалъ Волгинъ. Досадуя на неумѣ-

стную болтливость Замшева, онъ готовъ былъ сорвать сердце на Гремякинѣ.

— Александръ Васильевичъ, отвѣчалъ тотъ еще торжественнѣе,—я сегодня сказалъ вамъ что любилъ, а можетъ-быть и теперь еще люблю Наталью Владиміровну; такого рода чувство какъ мое вдругъ не изглаживается; какъ бы могъ я обидѣть ее такимъ недостойнымъ подозрѣніемъ?

— Довольно о высокихъ чувствахъ, господа, вмѣшался Замшевъ. — Мы вполне вѣримъ, Гремякинъ, вашей чести, даю вамъ слово за себя и за него. Подумаемъ лучше чѣмъ бы помочь дѣлу. Я удивляюсь тебѣ, Волгинъ, какъ ты не умѣешь столкнуть съ кузиной, которую знаешь съ дѣтства.

— Попробовалъ бы ты сладить съ Натти, когда она заупрямится.

— И попробую, если ты не успѣешь. Честь перваго почина принадлежитъ тебѣ по праву родства, и да будетъ тебѣ стыдно если ты не успѣешь. Тогда настанетъ наша очередь, Гремякинъ.

На слѣдующій день, вмѣсто Груздева, пришло отъ него письмо. Александръ Васильевичъ, пріѣхавъ по совѣту товарища образумить Натти, засталъ ее за чтеніемъ и перечитываніемъ немногихъ строчекъ.

„Я люблю васъ, Наталья Владиміровна, писалъ Груздевъ, люблю такъ какъ высказать не умѣю. Вы это знаете конечно сами, но быть-можетъ не знаете что я, несчастный, не могу ничего дѣлать, какъ только думать о васъ. Поэтому я не смѣю явиться, какъ вы приказали, отдать вамъ отчетъ въ моихъ занятіяхъ.“

Натти была тронута, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разсержена этимъ письмомъ. Оно полагало конецъ ея туманнымъ мечтаніямъ, вызывало на опредѣленные дѣйствія, а чтѣ ей дѣлать, она не знала. Прямо оттолкнуть Груздева ей было жаль для него самого, да немощко и для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно сознавала теперь что не только не любитъ его, но и никогда не будетъ въ состояніи полюбить такъ чтобы смѣло выдти за него замужъ. Не таковъ былъ ея идеалъ. Въ человѣкѣ любимомъ, въ мужѣ, она мечтала найти для себя опору и руководителя. Быть же вѣчною нянькой несовершеннаго дѣла,—а такимъ, она это очень хорошо сознавала, навсегда въ отношеніи ея останется Груздевъ,—она не чувствовала въ себѣ силы. Но неужели такъ грубо и сказать это бѣдному юношѣ,

беззавѣтно и всецѣло отдавшему ей свое сердце? Но что же дѣлать? Что сказать ему? Оставить ему какую-нибудь надежду въ будущемъ? Но не будетъ ли это безчестно, когда она знаетъ теперь очень хорошо, что надеждѣ этой, безъ какого-либо особеннаго чуда, могущаго измѣнить и ее и Груздева, никогда не осуществиться! Она взяла перо, написала нѣсколько безсвязныхъ строкъ и тутъ же разорвала написанное. „Еслибъ я была увѣрена что выдержу, что сдѣлаю изъ него человека, оставляю его счастье, а бы рѣшилась пожертвовать собою. Не рѣшиться ли?“

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу, не могу вслухъ сказала она, — вскакивая съ мѣста.

— Натти, съ кѣмъ ты тутъ разговариваешь? спросилъ входившій Александръ Васильевичъ. — Да ты одна, продолжалъ онъ, протягивая руку и цѣлуя ее въ лобъ. — Что же значить что ты разсуждаешь сама съ собою?

Наталья Владиміровна стремительно бросилась подбирать разбросанные по полу клочки бумаги.

— Натти, что съ тобой? я никогда не видалъ тебя въ такомъ волненіи. Что случилось?

— Ничего; я сочиняла романъ, и боюсь чтобы ты не прочелъ моихъ глупостей.

— Какой же это романъ, литературный, или жизненный? Мнѣ кажется, Натти, что жизненный.

Она вся вслыхнула и молчала.

— Натти, я пришелъ поговорить съ тобой серьезно.

— О чемъ? О твоёмъ дѣлѣ? испуганно спросила она. — Ты проигралъ его?

— А развѣ тебя беспокоитъ мое дѣло? я никакъ не подозревалъ этого.

— За тебя, за лапа, да; за себя — нисколько.

— Какъ за себя?

— Да, если и ты проиграешь процессъ, а вѣдь это можетъ быть, я знаю, я буду почти рада; это дастъ мнѣ толчокъ, силу выйти изъ моего невыносимаго состоянія, я буду знать тогда что мнѣ дѣлать, нужда научить.

— Невыносимое состояніе, Натти? Что случилось? ради Бога!

Она оломнилась, принудила себя успокоиться и сѣвъ на диванъ, усадила около себя Александра Васильевича.

— Ничего, Саша, право ничего особеннаго, кромѣ моихъ глупыхъ фантазій, покойно заговорила она, — но что же мнѣ

дѣлать, если мнѣ скучно, тоска, я мѣста себѣ нигдѣ не нахожу, съ такою тоской въ голосѣ прибавила молодая дѣвушка что Александръ Васильевичъ серьезно испугался.

— Натти, моя милая, ради Бога скажи что тебя такъ тревожить? и онъ нѣжно обнялъ ее за талию, пытливо вглядываясь въ ея взволнованное лицо? Такая искренняя привязанность была написана въ его испытующемъ взглядѣ что Натти была глубоко тронута и едва не подала ему письма Грузева, но оломилась. „Это было бы слишкомъ нечестно, даже жестоко“, подумала она, и принудивъ себя улыбнуться, заговорила весело:

— Охота тебѣ, Саша, беспокоиться о пустякахъ! Точно ты меня не знаешь, лѣвою ногой съ постели встала, вотъ и капризничаю, а ты невѣсть что думаешь. Право же, честное слово, ничего нѣтъ серьезнаго.

Александръ Васильевичъ продолжалъ молча ее разсматривать.

— Что ты на меня такъ смѣшно смотришь? спросила она уже своимъ естественнымъ голосомъ.—Ничего нѣтъ, утѣряю тебя. Но вѣдь ты хотѣлъ поговорить о себѣ, говори же, я слушаю.

— Не о себѣ, Натти, а о другомъ; пожалѣй его, и можешь быть ты сама успокоишься.

— Пожалѣй кого?

— Точно ты сама не знаешь?

— Грузева? едва слышно проговорила Натти.

— Грузева! Чтобъ чортъ его побралъ! вспылалъ Александръ Васильевичъ,—прости, Натти, за грубое выраженіе, но я право не могу помириться съ мыслию что ты радостно ничтожнаго мальчишки жертвуешь своею и чужою будущностью. Повѣрь что ты не найдешь никогда человѣка ближе къ тебѣ подходящаго какъ Борисъ—я его знаю, знаю хорошо, и безъ страха говорю тебѣ....

Натти прервала его рѣчь взрывомъ смѣха, но неестественнаго.

— Такъ вотъ за кого ты хлопочешь, иронически заговорила она, — смѣшной ты человѣкъ, Саша! Повѣрь что Борисъ Михайловичъ также мало обо мнѣ думаетъ, какъ о вчерашнемъ днѣ.

— То-то и есть что телерь, къ своему несчастію, думаетъ гораздо больше, но ты такъ съ нимъ обращаешься, что ско-

ро пожелаю ты будешь и права. Борисъ самолюбивъ, ты это знаешь...

— Если знаю, стало-быть такъ и дѣйствую какъ мнѣ нужно.

— Такъ это преднамѣренное, обдуманное поведеніе? Ты серьезно рѣшилась выдти за Груздева?

Она покачала головой.

— Натти, ужъ не думаешь ли ты жертвовать собой дядѣ въ случаѣ если процессъ будетъ проигранъ? Груздевъ боится! Клянусь честью, дядя на это никогда не согласится и не долгу, открою ему глаза.

Наталья Владиміровна не выносила угрозъ, онѣ только вызвали ее на новое упрямство. Въ душѣ ея закипѣла досада, но она скрыла ее и спокойно сказала:

— Почему же ты не допускаешь что я могу любить Груздева? Я несколько не думаю жертвовать собой, и можетъ-быть сохоту за счастье принять его предложеніе, если онъ мнѣ его сдѣлаетъ, чего до сихъ поръ не было.

— Любить Груздева! тебѣ! никогда не повѣрю.

— Ты его не знаешь, у него золотое сердце, какого не найдется у тысячи Лихониныхъ взятыхъ вмѣстѣ.

— И поздравляю тебя съ золотымъ сердцемъ безъ капельки ума! Впрочемъ это твое дѣло, раскаешься, да поздно будетъ. Мнѣ остается только одно, посоветовать тебѣ серьезно, не раздражать Бориса своими капризами.

— А что? вызывающе спросила Натти.

— А то, что выйдетъ исторія которой ты сама не будешь рада.

— Исторія со мною? иронически продолжала она.

— Нѣтъ съ другими, дѣло можетъ дойти до дуэли.

— До дуэли? услужливо спросила Натти.

— Да до дуэли; Замшевъ шутокъ не любитъ.

— Что за дѣло Замшеву до меня?

— Не до тебя, а до Лихонина. Однако прощай, мнѣ нѣтъ дела.

— Скажи ради Бога, Саша, что все это значить?

— При выяснившихся сегодня обстоятельствахъ, я не считаю себя въ правѣ разказывать.

— Ну, такъ я спрошу сама у Замшева.

— Можешь: и не слушая ничего болѣе, онъ вышелъ изъ кабинета.

Оставшись одна, Натти, что случалось съ ней не часто, залилась слезами. „Какая я несчастная, думала она, все обрушивается на меня разомъ! Что буду я теперь между ними двумя дѣлать?“ А голосъ совѣсти, непрощенный, нашелъ: „Кто же виноватъ, какое имѣла ты право, потому только что тебѣ скучно, что ты не умѣешь съ собою справиться, завлекать другаго въ свою разладицу, принимать искренно предлагаемое тебѣ чувство? Развѣ ты не все сдѣлала чтобъ усилить и развить его? Теперь и раздѣлывайся. Да надо на что-нибудь рѣшиться.“ Послѣдній выводъ внутренней мысли сказалъ ей что она и Лихонина не любитъ настолько чтобы беззавѣтно отдаться этому чувству. Теперь она поняла почему она капризничала и оскорбляла его, какъ бы помимо своей воли. Пока она думала что онъ ея не любитъ, ей хотѣлось во что бы то ни стало, добиться его любви, казалось что все ея счастье заключается въ ней одной, но какъ только его несмѣлая попытка на сближеніе и замѣтная ревность къ Груздеву показали ей что цѣль совсѣмъ не такъ далека, какъ она того боялась; жажда любви утолилась и ей захотѣлось чего-то другаго; а послѣдній разговоръ съ Александромъ Васильевичемъ, окончательно убѣдившій ее что она любима, также окончательно выяснилъ теперь что неудовлетворится она и любовью Бориса, даже еслибъ у него было, по собственному ея выраженію, такое же золотое сердце, какъ у Груздева. „Боже мой, да чего же мнѣ наконецъ нужно? Что я за несчастное, отверженное созданіе, посланное для того только чтобы заставлять страдать другихъ и самой казниться ихъ страданіемъ.“

— Надо однако что-нибудь сдѣлать, сказала она опять и, сѣвъ къ письменному столу, быстро написала: „Пріѣзжайте сегодня вечеромъ къ тетускѣ, гдѣ буду и я. Н. В.“

VI.

У Зинаиды Петровны совершенно неожиданно собралось цѣлое общество, чѣмъ она была очень довольна. Она позвала къ себѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, брата и племянника, а Александръ Васильевичъ просилъ позволенія привезти съ собой обоихъ товарищей, да еще втайнѣ уговорилъ врага Натти, хорошенькую вдовушку, пріѣхать, какъ бы слу-

чайно, избавить его отъ невыносимой скуки родственнаго собранія.

Вдовушка, раздраженная въ пухъ и прахъ, звала, закрываясь вѣромъ, и все-таки благосклонно выслушивала комплименты Владиміра Петровича и еще двухъ старичковъ, которыхъ хозяйка пригласила себѣ для ералаша. Натти не отходила отъ тетки, несмотря на усиленные просьбы своихъ маленькихъ кузинъ идти съ ними въ залу; ей хотѣлось отдалить неловкую минуту объясненія съ Груздевымъ, сидѣвшимъ напротивъ ея. Онъ пожиралъ ее своими блестящими глазами.

Александръ Васильевичъ подошелъ ко вдовушкѣ, и хозяйка, избавившись отъ обязанности занимать незваную гостью, поспѣшила усадить своихъ партнеровъ за карты. Но Дубровина разсѣянно выслушивала любезности своего сосѣда. Все ея вниманіе было обращено на Лихонина. Ей давно хотѣлось отбить его у Натти. Замѣтивъ что со времени бала и появленія Груздева черная кошка пробѣжала между влюбленными, она не пропускала удобнаго случая возбудить въ молодомъ адвокатѣ желаніе вознаградить себя за измѣну Натти ея лестнымъ предпочтеніемъ. До сихъ поръ Борисъ Михайловичъ очень осторожно обходилъ приготовленные для него сѣти. И теперь вмѣстѣ съ Замшевымъ и Гремакинымъ утѣлся около Натти. Они составили такимъ образомъ двѣ группы; одинъ бѣдный Груздевъ, не зная что съ собою дѣлать, вышелъ въ залу къ дѣвочкамъ. Натти становилось уже жаль его и она нѣсколько разсѣянно выслушивала шутки окружавшей ея молодежи. Борисъ острилъ очень удачно, никого впрочемъ не задѣвая, какъ это было въ послѣднее время въ его обыкновеніи; напротивъ, взявъ Гремакина подъ свое покровительство, онъ защищалъ его всякій разъ отъ нападковъ Натти.

Дубровина, все время прислушивавшаяся къ ихъ разговору, разсмѣялась изъ своего угла одной удачной остротой Лихонина.

— Чему вы смѣетесь, Анна Львовна? удивленно спросилъ молодой Волгинъ, серьезно ей что-то въ это время разказывавшій.

— Развѣ вы не слышите что говоритъ мсье Лихонинъ?

— Вы давно бы сказали что желаете слушать Бориса, а не меня; а я-то стараюсь, весело отвѣчалъ Александръ

Васильевичъ.—Эхъ, Анна Львовна, нѣтъ у васъ ни капли жалости къ моимъ страданіямъ.

— Я полагаю что вы отъ нихъ не умрете, даже не похудѣете.

— Зачѣмъ умирать, помилуйте, я еще не теряю надежды тронуть ваше каменное сердце.

— Сердце мое всегда расположено утѣшать страждущихъ.

— То-есть кого же это, Бориса или меня? Мы оба страдаемъ.

— Угадайте.

— Угадываю, угадываю, подойдемте къ нимъ. Что ужъ съ вами дѣлать?

Анна Львовна не заставила повторить приглашенія и въ одну минуту очутилась возлѣ Лиховина, которому пришлось уступить ей свое мѣсто.

— Pardon, говорила она усаживаясь на его кресло,—но вы сами виноваты, вы, именно вы привлекли насъ своею заразительною веселостію.

— Я на сегодняшній вечеръ только въ отставку, или на всегда? шепнулъ ей Александръ Васильевичъ.

— Это смотря по обстоятельствамъ.

— Вижу что пора мнѣ проситься въ чистую. Слушаю и повинуюсь, наслаждайтесь, наслаждайтесь, Анна Львовна, даю вамъ мое благословеніе.

Александра Васильевича въ эту минуту посѣтила отрадная мысль: авось Натти станетъ ревновать и образумится.

А Натти уже вспыхнула негодованіемъ какъ только подошла Дубровина.

— Извините, господа, сказала она быстро вставъ,—позвольте мнѣ уйти, здѣсь становится тѣсно, а меня давно зоветъ Надя.

И она храбро направилась въ залу на встрѣчу пугавшаго ее объясненія.

— Наталья Владиміровна, заговорилъ дрожащимъ голосомъ Груздевъ, какъ только она подошла къ нему,—вы на меня сердитесь? ради Бога, простите, я самъ не знаю какъ у меня вырвалось....

— Успокойтесь, Петръ Николаевичъ, смущенно отвѣчала Натти,—сердиться не за что, все это пустяки.

— Для меня не пустяки, глухо сказалъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ простите вы меня....

— Стало-быть никакой надежды нѣтъ? еще глуше спросилъ Груздевъ.

Натти хотѣла сказать: никакой, но слово не выговаривалось. Водворилось молчаніе.

— Петръ Николаевичъ, заговорила наконецъ она,—оставьте меня, забудьте, я несчастное существо: я ни васъ и никого не могу любить.

— Гдѣ же тотъ счастливецъ кого вы любите? только-что не выкрикнулъ задыхаясь Груздевъ.

— Ради Бога таше, насъ могутъ услышать, я не хочу чтобы знали, для васъ не хочу.... Вы меня не любили, никакого счастливца нѣтъ, я никого никогда не полюблю, не умѣю, да послужить вамъ это утѣшеніемъ, я никогда не выйду замужъ.

Груздевъ просіялъ.

— Выходите въ такомъ случаѣ за меня, тихо заговорилъ онъ,—я никогда не посмѣю требовать вашей любви, для меня будетъ довольно если вы удостоите носить мое имя, если я буду каждый день видѣть васъ, молиться на васъ какъ на недосягаемое для меня совершенство. Выходите, Наталья Владиміровна, даю вамъ честное слово что я не буду вамъ надоедать собою, не посмѣю являться къ вамъ на глаза иначе какъ если вы сами позовете меня.

Натти была тронута.

— Какъ мнѣ жаль васъ и какъ я себя ненавижу, чуть слышно прошептала она.

— Выходите, Наталья Владиміровна, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ, не обращая вниманія на ея слова.—Вы будете счастливы, быть любимою такъ какъ я васъ люблю чего-нибудь да стоить. Повѣрьте, я чувствую въ себѣ громадную силу для вашего счастья.

Натти улыбнулась, ей вспомнилась ея утренняя мысль о роли безсмѣнной няньки вѣчно несовершеннолѣтняго; но ей было жаль Груздева.

— Дать вамъ слово, отвѣчала она,—не могу, не смѣю, это было бы безчестно, но я не отвергаю возможности современемъ, когда вы докажете не только вашу привязанность ко мнѣ, но и силу воли надъ собой, выйти за васъ замужъ, будьте же довольны.

— А если другой въ это время!... Поймите, Наталья Вла-

диміровна, чѣмъ буду я заниматься съ этою постоянною мыслью въ головѣ!

Натти почувствовала что этотъ другой дѣйствительно можетъ явиться и опустила голову.

— Что же мы будемъ въ такомъ случаѣ дѣлать? Конечно лучше всего разстаться—уѣзжайте въ полкъ, въ Петербургъ, за границу, куда хотите, только оставьте меня.

— Не могу, не уѣду, ни за что не оставляю! Прогоните меня отъ себя, запретите бывать у васъ, я буду ходить у вашихъ оконъ, стоять у вашего подъѣзда, всюду васъ преслѣдовать!

Натти съ отчаяніемъ удалилась по направленію къ гостинной и столкнулась въ дверяхъ съ Замшевымъ.

— Наталья Владиміровна, что вы насъ покинули? вмѣстѣ съ вами удалилось все наше веселье.

Натти заглянула въ гостиную.

Лиховинъ сидѣлъ возлѣ вдовушки и что-то оживленно ей разказывалъ, должно-быть очень веселое, она сіяла и безпрестанно хихикала. „Видите“, сказали глаза Натти Замшеву.

— Вслушайтесь, отвѣчалъ онъ ей уже словомъ.

Она стала вслушиваться и должна была сознаться что искреннее, живое веселье дѣйствительно удалилось изъ смѣвашагося кружка, осталось только его подобіе. Внутренно раздраженный уходомъ Натти къ Груздеву, Борисъ скрывалъ свое напряженное состояніе подъ неестественною веселостью; онъ не острилъ уже, а просто дурачился, въ чемъ вторили ему и Гремякинъ и Волгимъ, но Анна Львовна, ничего не замѣчая, сіяла полнымъ удовольствіемъ.

— Что же, убѣдились въ правдѣ мною сказаннаго? спросилъ Замшевъ.

— Я вижу что имъ очень весело и намѣрена веселиться вмѣстѣ съ ними, отвѣчала Натти, переступая въ гостиную.

— А вы увѣрены что можно веселиться даже съ непокойною совѣстью?

— Вы что за исповѣдникъ, или проповѣдникъ, мсье Замшевъ? вслыхнувъ отвѣчала Натти самымъ задорнымъ тономъ.

— Не сердитесь, Наталья Владиміровна, а выслушайте.

— Вашу проповѣдь? Сегодня должно-быть день такой, цѣлое утро отчитывалъ меня Саша, телерь вы локушаетесь. Кстату, съ кѣмъ это вы собираетесь выходить на дуэль?

— Я? на дуэль? и Замшевъ расхохотался. — Охотно бы вышелъ съ вами, Наталья Владиміровна. Позвольте мнѣ прислать вамъ моихъ секундантовъ.

— Это смотря кого вы выберете.

— Я выбираю здравый смыслъ и великодушіе.

— Или я выбираю охотно. Посмотримъ что они мнѣ скажутъ?

— Первый скажетъ вамъ: что неразумно отгадывать свое счастье, гнѣвать его на дѣтскія игры съ малолѣтними. Второе, обратившись къ вашему женскому сердцу, будетъ умолять его склаться надъ страдающимъ и прекративъ его страданія успокоить и себя. Увидимъ что вы имъ отвѣтите, какихъ секундантовъ выберете для себя?

— Я и безъ секундантовъ сумѣю вамъ сказать что терпѣть немогу загадокъ, и что такимъ путемъ вашъ здравый смыслъ ничему меня не научить.

— Такъ вы позволяете говорить прямо? Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу прямо и скоро: перестаньте, Наталья Владиміровна, изъ шутки завлекать мальчика во всѣхъ отношеніяхъ васъ недостойнаго, за котораго замужъ вы никогда не войдете. Ваша шутка жестока, какъ относительно самого Груздева, такъ и другаго...

— Кого же это? позвольте узнать?

— Бориса, человѣка искренно къ вамъ привязаннаго, который страдаетъ черезъ вашу дѣтскую забаву, раздражается до такой степени...

— Что забавляется отъ души и забавляетъ другихъ, презрительно встала Натти.

— Не забавляется онъ, Наталья Владиміровна, а страдаетъ, вы это знаете, и изъ непонятнаго упрямства продолжаете вашу шутку.

— Мсье Замшевъ, вы забываетесь, я не нуждаюсь въ вашей одѣлкѣ моихъ дѣйствій, гордо сказала Натти быстро повернувшись въ залу.

— Идите, идите, полюбуйтесь на дѣло вашихъ рукъ, посмотрите что вы сдѣлали изъ бѣднаго мальчика, сказалъ онъ вслѣдъ удалявшейся Натти.

Лихонинъ, давно вслушивавшійся въ ихъ разговоръ, поймалъ вполнѣ послѣднюю фразу и еще громче началъ шутить и смѣяться съ хорошенькою вдовушкой.

„Подумалъ немножко, подумалъ онъ, авось заглушу окончательно глупую любовь, и тогда за дѣло, скорѣе вонъ изъ Москвы.“

VII.

Въ одинъ прекрасный или, лучше сказать, прескверный вечеръ пятой недѣли Поста (на дворѣ была слякоть и непогода), Замшевъ и Гремякинъ засѣдали вдвоемъ за чаемъ, толкуя, какъ это имъ часто случалось, о Натти и Груздевѣ.

— Не вѣрю я и теперь чтобъ она могла любить его, говорилъ Гремякинъ.

— Не вѣрите пожалуй, а дѣло становится ясно, и намъ тутъ вмѣшиваться нечего, тѣмъ болѣе что и Борисъ по видимому успокоился, благодаря миленькой вдовушкѣ, и совершенно доволенъ своею участью. А досадно право, умная точно личный интересъ какой отнимають. Ну, о чемъ будемъ мы съ вами толковать по вечерамъ?

— Вотъ вы какъ относитесь къ такому волюющему дѣлу, замѣтилъ съ упрекомъ Гремякинъ.—Плохой вы наблюдатель, Михаилъ Ильичъ, если вѣрите довольству и спокойствію Лиховина,—продолжалъ онъ.—Мнѣ же сквозь его смѣхъ слышатся слезы.

— Ну, вы пошли съ вашими слезами, Гремякинъ! и Замшевъ раскохотался, вспомнивъ его неизлѣчимую гражданскую скорбь. Не успѣлъ его смѣхъ замолкнуть, какъ у наружной двери раздался сильный звонокъ: Черезъ минуту бѣжалъ Александръ Васильевичъ, блѣдный, разстроенный.

— Конечно дѣло, Замшевъ! закричалъ онъ на порогѣ:—Процессъ мой проигранъ, я теперь бѣднякъ, какъ и всѣ вы.

— Ну, ужъ и бѣднякъ—перенеси въ Сенатъ.

— Повѣренный мой пишетъ что не стоить, дѣло такъ запутано въ палатѣ, что самъ чортъ ногу переломить. Мнѣ жаль бѣднаго дядю, онъ совсѣмъ уничтоженъ.

— Дядя твой, якорь спасенья, теперь конечно и его протянуть, а онъ поведетъ дѣло новымъ порядкомъ и выиграетъ свое дѣло. Тогда и ты можешь начать новый процессъ. Мой совѣтъ вамъ обоимъ вѣхать немедленно въ Д*** взять съ собою хорошаго адвоката.

— Только лишняя трата, не выйдетъ никакого толку. Бѣдная Натти, она еще ничего не знаетъ!

— Она теперь непременно выйдетъ за этого мерзавца! вскрикнулъ Гремякинъ.

— Я не допущу, скажу дядѣ, твердо отвѣчалъ Волгинъ.

— А какъ это ты не допустишь, если она сама захочетъ, желалъ бы я знать? возразилъ Замшевъ.— Я же теперь убѣжденъ что она ей действительно нравится. Въ другое время можетъ-быть воспротивился бы Владиміръ Петровичъ, а теперь тетюшка какъ разъ все устроитъ.

— Такъ это двойное несчастье! грустно воскликнулъ Александръ Васильевичъ;— эта свадьба погубитъ мою бѣдную Натту.

— А я тебѣ вотъ что скажу, Волгинъ, заключилъ Замшевъ,— не теряй присутствія духа, рано отчаиваться. Говорю тебѣ, дѣло поправимо, вспомни мнѣніе С. и другихъ, кажется компетентныхъ людей. Повзжай-ка опять къ дядѣ и успокой его; а завтра мы составимъ у тебя юридическое совѣщаніе, и тогда увидимъ что дѣлать.

Волгинъ послушно взялъ свою шляпу и вышелъ.

— Что дѣлать? что дѣлать? какъ помѣшать имъ? повторилъ Гремякинъ, въ волненіи расхаживая по комнатѣ.

— Да, хотѣлось бы поставить на своемъ! воскликнулъ Замшевъ.

— Знаете что, Замшевъ, посватайтесь вы за нее, въ послѣднее время она была къ вамъ очень благосклонна.

— А потомъ что?

— Какъ что? вы будете счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!

— Желиться! безъ гроша за душой, когда и у невѣсты не многомъ больше—покоряйте васъ благодарю! отъ одной этой мысли становится жутко. Повзжайте съ этимъ совѣтомъ къ Лихонину.

— Повзжайте сами, онъ такъ меня встрѣтитъ, что я дверей не найду, отвѣтилъ Гремякинъ, и опять зашагалъ по комнатѣ, машинально повторяя:— что дѣлать? что дѣлать? Развѣ вотъ что, продолжалъ онъ останавливаясь предъ Замшевыми.—Поговорить съ самимъ Груздевымъ, затронуть его великодушіе.

— Вотъ выдумалъ сказать влюбленному мальчишкѣ: она васъ любитъ, но вы не должны на ней желиться изъ великодушія. Повѣрьте что и онъ сумѣетъ отправить васъ къ чорту.

— Такъ что жъ дѣлать? неужели допустить ея погибель?

Замшевъ задумался.

— Пойдите, молчите, мнѣ пришла великолѣпная мысль! и

Замшевъ, въ свою очередь, сталъ быстро ходить изъ угла въ уголъ; потомъ остановившись предъ Гремякинымъ сказалъ ему что-то на ухо, оглядываясь нѣтъ ли человѣка въ передней.

— Да не все ли это равно что и сказать ему прямо, отвѣчалъ Гремякинъ.

— Экій младенецъ, мы того налетемъ что герой не обрадуется, и онъ опять началъ нащелтывать.

— Но это будетъ подлость! воскликнулъ Гремякинъ.

— Ну, такъ сложите руки, батюшка, и готовьтесь держать вѣнецъ надъ невѣстой; я отказываюсь.

Водворилось молчаніе.

— Скажите, Гремякинъ, чего вы хотите? Сласти любимую вами дѣвушку, слѣло стремящуюся къ своей гибели, вѣдъ такъ?

Гремякинъ махнулъ утвердительно головой.

— И я хочу того же, да притомъ изъ болѣе безкорыстнаго чувства, изъ простой человѣческой жалости, продолжалъ Замшевъ, — а для такой цѣли всякое даже косвенное средство хорошо, особливо когда другаго нѣтъ и прямымъ путемъ ничего не подѣлаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу согласиться. У меня ло крайней мѣрѣ никогда не подымется рука.

— У меня подымется, но впрочемъ я тутъ послѣдняя лица въ колесницѣ, безъ вашего согласія я дѣйствовать не буду.

— Дѣлайте какъ знаете, взволнованно сказалъ Гремякинъ, послѣшно отыскивая свою шляпу, — а я пойду домой, мнѣ слишкомъ тяжело.

— Это значитъ, любезнѣйшій, что вы хотите чужими руками жаръ загребать. Нѣтъ, батюшка, на эту удочку меня не поймаете, безъ васъ я ничего не сдѣлаю.

Гремякинъ молча вышелъ изъ комнаты.

— Подумайте, Гремякинъ, крикнулъ ему вслѣдъ хозяинъ, — утро вечера мудренѣе. Я жду васъ завтра утромъ съ разумнымъ рѣшеніемъ.

И какъ только дверь затворилась за гостемъ, Замшевъ сѣлъ къ письменному столу и сталъ писать письма.

Долго сидѣлъ онъ, одно письмо все какъ-то ему не удавалось, онъ перервалъ нѣсколько листовъ бумаги. Запечатавъ его наконецъ въ конвертъ, съ улыбкой надписавъ адресъ и довольный собою легъ въ постель и тотчасъ же заснулъ крѣп-

чайшимъ сномъ. Написанныя письма остались на столѣ въ первой комнатѣ, откуда по заведенному порядку бралъ ихъ рано утромъ его человѣкъ и относилъ въ почтовый ящикъ. Возвращаясь съ почты онъ встрѣтилъ у подъѣзда посланнаго съ письмомъ Гремякина, требовавшаго чтобъ онъ тотчасъ же разбудилъ своего барина.

„Такъ и есть, утро вечера мудренѣе“, думалъ Замшевъ съ просонья медленно распечатывая письмо. „Стоило будить меня изъ пустяковъ, дѣло сдѣлано.“

„Нѣтъ, Михаилъ Ильичъ, писалъ Гремякинъ,—никакъ нельзя. Я не спалъ, всю ночь продумалъ и слѣшу сказать вамъ что никакъ, никогда не рѣшусь на такой поступокъ и васъ убедительно прошу ничего подобнаго не дѣлать. Будь что будетъ! Право нельзя!“

Замшевъ съ досадою изорвалъ письмо.

— Ухитрился таки, мошенникъ, загрести жаръ моими руками. Неужели же это такъ дурно? Вздоръ, совѣсть моя покойна.

И повернувшись на другой бокъ, онъ снова заснулъ.

— Михаилъ Ильичъ, будить его человѣкъ, — требуютъ отвѣта.

— Чортъ возьми! Да гони его вонъ, я спать хочу.

— Онъ говоритъ что не велѣно приходить безъ отвѣта.

— Дай клочокъ бумаги и карандашъ.

„Чтобы чортъ васъ побралъ, Гремякинъ, эка васъ угораздило разбудить меня ни свѣтъ ни заря изъ-за сущаго вздора. Я пошутилъ вчера, а вы и повѣрили, невинный молодецъ!“

VII.

Сильно поразило Лихонина извѣстiе о проигранномъ процессѣ. Занятый самъ собою, онъ давно забылъ думать о возможности такого исхода. Прежде всего конечно ему жаль было добраго товарища. Волгинъ не могъ не тронуться искренностью не выраженнаго, а вырвавшагося у него участiя. Эта минута вознаградила Александра Васильевича за всю его тайную слабость къ Борису. Они были вдвоемъ когда пришло роковое письмо. Послѣ первыхъ сбивчивыхъ толковъ о

случившемся, Лихонинъ бросился разбирать присланную копию съ рѣшеніемъ, вытаскивалъ темы свода и всѣ относящіяся къ этому случаю отдѣльныя постановленія, Волгина же потянуло къ дядѣ, хотя Борисъ и уговаривалъ его повременить неприятнымъ сообщеніемъ.

Оставшись одинъ, какъ ни принуждалъ себя Лихонинъ думать только о лежащихъ предъ нимъ бумагахъ, а образъ Натти ибшалъ ясности его соображеній. „Неужели, дѣло ему безпрестанно въ голову, наступила минута на что-нибудь рѣшиться? Теперь я могу пошататься безъ униженія своей гордости.“ Въ головѣ у него былъ хаосъ, сердце усладенно билось, но билось не радостно. Ему было страшно, было и жаль Натти, было жаль за что-то и самого себя, а главное онъ не зналъ что ему дѣлать, чего именно ему хочется.

И вдругъ возстали предъ нимъ старыя воспоминанія дѣтства и ранней юности. Онъ видѣлъ себя живымъ, предприимчивымъ ребенкомъ, когда задумать что-нибудь и сдѣлать было для него одно и то же. И дома, и въ гимназіи онъ былъ коноводомъ всѣхъ шалостей, ему повиновались товарищи. Вслѣдъ затѣмъ мелькнули и первые университетскіе годы. Ему минуло двадцать лѣтъ, онъ только-что лишился матери, помѣщицы десяти душъ, которая съ трудомъ содержала его въ губернскомъ городѣ, и очутился въ Москвѣ одинъ безъ средствъ, безъ связей, безъ всякой опоры. Тогда онъ бодро смотрѣлъ на жизнь, энергически принялся за дѣло, самъ сумѣлъ достать себѣ уроки, работалъ, но всегда былъ доволенъ собою. Потянулись предъ нимъ слѣдующіе годы, годы тяжелаго анализа, подъ вліяніемъ втянувшей его среды новыхъ товарищей, всего его юношескаго запаса убѣжденій, скопленнаго при помощи одного изъ воспитателей, идеалиста сороковыхъ годовъ, своею любовію и полеченіями замѣнишаго ему давно умершаго отца. Эти убѣжденія были ему однако дороги, онъ твердо стоялъ за нихъ, долго не поддавался ни насмѣшкамъ, ни убѣжденіямъ своего кружка, не легко досталась ему внутренняя ломка, она и тогда уже надорвала быть-можетъ цѣльность его природы. Составились наконецъ и новыя убѣжденія, явились новыя цѣли, но не тверда должно-быть была подъ нимъ почва, чаще и чаще мелькало сомнѣніе въ правильности вновь выработаннаго запаса. Юноша потерялъ внутреннюю руководящую нить...

„Надо бы вернуться вспять, думалъ Лихонинъ, попробую жениться, авось семейное чувство примиритъ меня съ жизнью. Скажу ей завтра же....“ Но опять предъ принятымъ рѣшеніемъ ожало сердце непреодолимымъ страхомъ. Какъ смѣть рисковать не только своею, но и чужою судьбой, безъ всецѣльнаго порыва души. „Натти дорога мнѣ, это правда, но не люблю я ее настолько....“ Предъ нимъ возсталъ образъ черноволосой, блѣдной женщины, слушавшей его, бывало, какъ оракула, женщины несчастной, изломанной жизнью подъ гнетомъ обстоятельствъ. Она отремилась къ нему всею душой, готова была на всякую жертву для него. „Вздоръ, это была рисовка. Не изъ любви къ ней не принялъ я жертвъ. Я просто испугался ответственности, не было и тогда во мнѣ цѣльности порыва. Я и теперь боюсь больше за себя чѣмъ за Натти.... Однако что же это я ничего не дѣлаю? Волгивъ можетъ скоро вернуться....“ И Лихонинъ примудилъ себя снова приняться за бумаги, но дѣловые мысли перебивались мучившею его необходимостью на что-нибудь рѣшиться. Онъ опять пересталъ читать, машинально смотрѣлъ предъ собою.

— Да дуракъ же я наконецъ что такъ себя мучаю! вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ рукою ло столу.—Пойдете ли еще она за меня? Точно вѣтъ между нами Груздева... А я никакъ не желаю получить презрительный отказъ Натальи Владимировны.... Нечего стало-быть и совѣтаться, этого Самѣ хочется, а не ей....

Онъ принялся твердо въ этотъ разъ за чтеніе, заглушая внутренній голосъ напелтывавшій: „Перестань себя убаюкивать, это ковая ложь твоя предъ собою. Не любитъ она Груздева, ты это знаешь очень хорошо и не имѣешь права казнить ее за дѣтскій капризъ, придуманный въ шку тебѣ, за твое малушкое равнодушіе. Попробуй высказаться и ты увидишь....“ Надобѣдливый голосъ замолкъ, и Борисъ выкинулъ наконецъ въ дѣло, напалъ на слабое мѣсто рѣшенія. Съ восторгомъ указалъ онъ на него вѣкорѣ вернушемуся Александру Васильевичу, и оба порѣшили послѣдовать совѣту Замшова, собрать по возможности завтра же на совѣщаніе первыхъ московскихъ юристовъ.

Натти узнала о случившейся катастрофѣ черезъ Зинаиду Петровну. Она пріѣхала на слѣдующее утро къ племянницѣ

съ утѣшеніями и слезами и тотчасъ же заговорила о Груздевѣ. Ислуганная, взволнованная дѣвушка молчала, она съ ужасомъ чувствовала какъ разлетаются въ прахъ всѣ ея прекрасныя намѣренія предъ дѣйствительною бѣдою, чувствовала что нѣтъ въ ней и не будетъ силы начать трудовую жизнь. Долго слушала она молча совѣты тетки, ради отца, потерявшаго голову, выдти какъ можно скорѣе за Груздева.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь, Натти? спросила наконецъ Зинаида Петровна. А Натти ни слова не слышала изъ всего ея разглагольствованія, кромѣ безпрестанно повторяемаго имени гусара.

— Ахъ, тетушка, сказала она наконецъ чтобъ отвязаться, — не могу же я сама сдѣлать ему предложеніе.

— А онъ развѣ не дѣлалъ?

Натти молчала и Зинаида Петровна рѣшилась наконецъ ухватить съ твердо задуманнымъ планомъ въ головѣ.

Оставшись одна, Натти залилась слезами.

„Что будетъ съ лала? что будетъ со мной? думала она рыдая.—Я глупая, гадкая, ни на что лутное не способна. Почему я не могу исполнить совѣта тетки! Но нѣтъ, я внесла бы адъ въ его жизнь. Сдѣлайся я только его невѣстой, я его тотчасъ же возненавижу, съ наслажденіемъ буду мучить его, терзать каждую минуту. Всѣ меня покинули, Борисъ не смотритъ, увлеченъ другою....“ И ей вдругъ стало ужасно жаль своего заглушеннаго чувства: оно такъ сильно вслыло наружу изъ глубины ея сердца что явись Лихонинъ въ эту минуту съ предложеніемъ, она бы съ восторгомъ протянула ему руку. Но не долго длилось и это впечатлѣніе, опять потянуло ее вдалъ, къ невѣдому счастью, о которомъ она смутно мечтала все это время. Пріѣхавшій послѣ своего юридическаго совѣщанія молодой Волгивъ засталъ ее еще въ слезахъ. Довольный результатомъ бесѣды, онъ вскорѣ ее успокоилъ и заставилъ разсмѣяться, переразвивъ очень удачно своего настоящаго повѣреннаго, извѣстнаго въ Д*** приказнаго крючка.

— Теперь мы будемъ умѣе, прибавилъ онъ,—обратимся къ какой-нибудь здѣшней знаменитости. Сперва я вмѣстѣ съ дядей поѣду въ Д*** посмотримъ на мѣстѣ что дѣлать, а потомъ вылишемъ себѣ повѣреннаго.

— Когда вы собираетесь ѣхать?

— Тотчасъ послѣ Святой.

— И я поѣду съ вами!

— Я уговаривалъ Лихонина ѣхать въ Д***, ему всего бы охотѣе поручилъ я свое дѣло, говорилъ Александръ Васильевичъ, не отвѣчая на высказанное ею намѣреніе, и всматриваясь какое произведетъ на нее впечатлѣніе имя Бориса.

Натти покраснѣла немного, но не отвѣчала ни слова. Не дождавшись отвѣта, Волгинъ продолжалъ:

— Борисъ не соглашается; совѣтуетъ обратиться къ болѣе опытному адвокату; но авось, когда онъ узнаетъ твое рѣшеніе ѣхать съ нами, то будетъ поговорчивѣе. Попроси его сама, Натти.

— Борисъ Михайловичъ говорить дѣло, я не стану его уговаривать. Ему не справиться съ тѣмъ что прежде него напутали крючки, сурово сказала Натти, и помолчавъ немного прибавила грустно:

— Ты напрасно мечтаешь, Саша, что моя просьба можетъ подѣйствовать. Увѣраю тебя серіозно что теперь, по крайней мѣрѣ, мы совсѣмъ чужды другъ другу.

— Это-то меня и сокрушаетъ, Натти. Еслибы ты захотѣла!.. Вчера, какъ дядя только узналъ что дѣло мое проиграно, его первое слово было: зачѣмъ Натти не замужемъ!

— Боже мой! Что же это такое что всѣ вы меня сватаете! Должно-быть я вамъ очень надоѣла! вскрикнула Натти и опять горько заплакала. На томъ и кончился разговоръ.

VII.

Вернувшись отъ племянницы, Зинаида Петровна тотчасъ же послала съ запиской къ Груздеву, но прошло два часа, а молодой человѣкъ не являлся, хотя посланный и засталъ его дома. Въ волненіи рассказывала Зинаида Петровна по гостиницѣ, приказавъ предварительно никого не принимать, кромѣ гусара. Наконецъ раздался звонокъ, и блѣдный, едва держась на ногахъ, вошелъ Груздевъ.

— Что съ вами, Петръ Николаевичъ? спросила хозяйка, идя къ нему на встрѣчу. — Садитесь, вы нездоровы?

— Я пріѣхалъ съ вами проститься, выговорилъ наконецъ Груздевъ.—Я уѣзжаю завтра въ полкъ.

— Вы уѣзжаете завтра? Что же это значитъ? Какъ мнѣ ни неприятно, я должна съ вами объясниться откровенно. Подумали ли вы, молодой человекъ, что такъ честные люди не поступаютъ, какъ поступили вы въ нашемъ семействѣ.

— Что же я такое сдѣлалъ?

— Вы ухаживали слишкомъ явно за моею племянницей, компрометтировали ее, быть-можетъ удалили другихъ жениховъ.

Груздевъ горько улыбнулся.

— Если и такъ, отвѣчалъ онъ, — это не моя вина. Я дѣйствовалъ честно, по внушенію моего сердца. Я не зналъ что это не хорошо, почему же вы не сказали мнѣ прежде?

— Я полагаю что вы намѣрены жениться.

Груздевъ молчалъ.

— А вы, не дѣлая предложенія, уѣзжаете. Развѣ это не оскорбительно для чести Натти?

— Не развѣ, а всякій день умолялъ я Наталью Владиміровну отдать мнѣ свою руку. Если для ея репутаціи нужно объявить объ этомъ цѣлому свѣту, я готовъ. Прошу васъ говорить всѣмъ что я сватался и она мнѣ отказала.

— Но вѣдь она вамъ не отказывала?

Груздевъ опять молчалъ.

— Не отказывала?

— Спросите Наталью Владиміровну, это ея дѣло.

— Если Наташа и не соглашалась до сихъ поръ, теперь она согласится, я знаю, повторите предложеніе.

Груздевъ отрицательно покачалъ головою.

— Она сама сказала мнѣ сегодня. Говорю вамъ: повторите предложеніе.

— Она сказала вамъ? Что же такое съ ней случилось?

Лицо юноши просіяло на минуту; но Зинаида Петровна испугалась чтобы до него не дошелъ слухъ о ихъ возможномъ разореніи, прежде чѣмъ она состряпаетъ дѣло, и сама не зная что говорить, отвѣчала наугадъ:

— Ее уговорилъ Саша.

— Онъ? испуганно вскрикнулъ Груздевъ.—Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Стало-быть все правда! Прощайте, Зинаида Пе-

тровна, мнѣ нечего здѣсь дѣлать. И буквально шатаюсь, пошелъ изъ гостиной.

— Оставайтесь, Петръ Николаевичъ, говорила вся бѣдная отъ негодованія Зинаида Петровна, хватая его за руку.— Вы обязаны объяснить мнѣ ваши слова.

— Спросите его, онъ объяснитъ вамъ, отвѣчалъ Груздевъ.

— Кого его?

— Вашего племянника, брата Натальи Владиміровны. Да вы сами знаете вѣроятно почему онъ одинъ могъ уговорить ее, бормоталъ Груздевъ, самъ себя не помня отъ отчаянія и гнѣва.

— Нѣтъ я не выпущу васъ прежде чѣмъ вы скажете.

— Ничего я вамъ не скажу, отвѣчалъ Груздевъ, вырвавъ у нея руку. Она схватила его за другую. Въ эту минуту изъ его кармана выпала вся скомканная бумажка исписанная подѣльнымъ почеркомъ. Ничего не замѣчая, освободившійся Груздевъ пошелъ къ двери.

Ошеломленная хозяйка машинально подняла бумажку. Ее тотчасъ же поразили крупно написанныя слова: *прелестная Нанти*. Она развернула лисьмо. На порогѣ Груздевъ обернулся; увидавъ бумажку въ ея рукахъ, онъ упалъ въ кресло и зарыдалъ какъ ребенокъ.

„Глупый, дурачій вы мальчикъ, читала Зинаида Петровна — позволете водить себя за носъ, пока васъ окончательно не ошелямуютъ, женивъ на *прелестной Нанти*. Скажите что вамъ отвѣчаетъ на всѣ ваши страстныя мольбы сія прелестная дѣвица? Morgen, morgen, nur nicht heute, то-есть по-просту, не приказываетъ, не отказываетъ, не такъ ли? А знаете отчего это? Ея возлюбленный братецъ А. В. все еще надѣется сложить свои старыя грѣшки съ нею на шею своего товарища и друга. Л., человекъ мирный (т.-е. франикъ), мнѣ пугаетъ его въ будущемъ, когда придется расплачиваться, чѣмъ ваша сабля. На Г. были уже направлены батареи, отвергълся, узналъ вовремя. Развѣ вы не замѣчаете какъ презрительно относится къ нему ваша прелестница? На дняхъ, я знаю, будетъ послѣдній приступъ къ Л., онъ не удастся, я это тоже знаю: вдовушка помѣшаетъ. И тогда берегитесь, васъ немедленно окрутятъ, если вы не примете мѣръ... Бѣгите, бѣгите безъ оглядки, повѣрьте другу истинно жалующему вашу молодость!“

— Какая мерзость! Какая низость! воскликнула Зинаида

Петровна.—И вы могли повѣрить, Петръ Николаевичъ? Нѣтъ, вы не любите Натти!

Груздевъ немного оправился.

— Я не вѣрилъ, клянусь Богомъ не вѣрилъ! Я такъ сказалъ вамъ что ѣду завтра, я бы не уѣхалъ. Развѣ я могу расстаться съ Натальей Владиміровной... Даже если все это правда, я готовъ жениться, но пускай она мнѣ скажетъ правду. А то быть обманутымъ, подставнымъ, за всю мою любовь. Ужасно, ужасно! Пускай скажетъ она сама! Я убью мерзавца и женюсь, клянусь Богомъ, женюсь! Никогда взглядомъ не напомяю ей прошлаго!

Зинаида Петровна услугалась не на шутку.

— Вы все еще вѣрите? сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Зинаида Петровна, почему же онъ одинъ могъ уговорить ее? Она не соглашалась на всѣ мои мольбы!

Пришлось Зинаидѣ Петровнѣ покаяться въ выдуманномъ ею предлогѣ согласія Натти, рассказать ему приблизительно все какъ было дѣло.

— Брату очень хочется выдать скорѣе Наташу замужъ, прибавила она.—Ему придется уѣхать, надолго оставить ее одну. Натали избалована, ей трудно расстаться съ дѣвическою свободой, изъ отца она дѣлаетъ все что хочетъ; вотъ причина всѣхъ ея отказовъ. Развѣ одинъ слѣпой можетъ не видѣть какъ она васъ любитъ, она скомпрометтировала себя своимъ обращеніемъ съ вами предъ всѣми знакомыми. Лихонинъ, правда, ухаживалъ за ней, а теперь удалился изъ ревности. Неужели вы ничего не замѣчали?

— Грѣхъ вамъ будетъ, Зинаида Петровна, если вы меня обманываете, сказалъ Груздевъ.

— Ребенокъ вы, ребенокъ, Петръ Николаевичъ! Пожалуй самъ Лихонинъ, а то такъ другой ея поклонникъ Гремякинъ и написалъ письмо, а вы повѣрили.

— Я вызову ихъ обоихъ на дуэль, мрачно сказалъ гусаръ.

Зинаида Петровна опять услугалась.

— Оставьте, что вамъ за дѣло до мерзавцевъ! Натти васъ любить, увѣряю васъ, любить. Поручите мнѣ поговорить официально съ братомъ, и все будетъ кончено сегодня.

Груздевъ просіялъ.

— Дѣлайте какъ знаете, отвѣчалъ онъ бросаясь цѣловать ея руки.— Но я боюсь что Наталья Владиміровна рассердится.

— Говорю же вамъ что она согласилась.

— О, такъ поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе къ Владиміру Петровичу, дорогая тетушка! Я обязанъ вамъ больше чѣмъ жизнью.

— Хорошо, я поѣду, но съ условіемъ. — Вы дадите честное слово не разыскивать автора безыменнаго письма?

Груздевъ замялся и опять сталъ мраченъ.

— Онъ будетъ достойно наказанъ, повѣрьте, когда увидитъ что его низкій поступокъ послужитъ только къ скорѣйшему окончанію дѣла. Что же, даете слово?

— Не могу.

— Ну такъ я ни во что не вѣриваюсь. Я не хочу видѣть мою племянницу вдовой черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы.

Груздевъ не говорилъ ни слова, но на лицѣ его было написано: „теперь я и безъ тебя все устрою“.

— Послушайте, Петръ Николаевичъ, не дождавшись отвѣта, продолжала Зинаида Петровна, — если вы не дадите слова, я должна буду все разказать Наташѣ, а она горда, она никогда не проститъ вамъ что вы повѣрили клеветѣ, никогда не согласится...

Наконецъ слово было дано и Зинаида Петровна отправилась на свой трудный подвигъ. Она еще не знала какъ уломать племянницу, но сознавала болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимость выдать ее поскорѣе замужъ, не сознавала только этой необходимости сама Наталья Владиміровна. Холодно, не возражая ни однимъ словомъ, выслушала она тетку, но тонкій наблюдатель замѣтилъ бы что въ душѣ ея собирается буря. Презрительная гримаса не сходила съ ея лица, багваыя губы слегка дрожали.

Не дождавшись отвѣта, Зинаида Петровна прибавила:

— Дома отецъ? Ты предупреждена, я иду къ нему.

— Не трудитель, тетушка, я не пойду за Грузлева.

— Не пойдешь? послѣ того что ты мнѣ сказала сегодня утромъ, послѣ того какъ ты вела себя съ нимъ все это время?...

Натти молчала.

— Отецъ заставитъ тебя! Я должна буду разказать ему все!.. вскрикнула Зинаида Петровна.

— Меня заставить? отецъ? и Натти презрительно расхохоталась. — Попробуйте, пожалуй, мнѣ рѣшительно все равно

что бы вы ему ни разказывали. Извините, у меня есть неотлагаемое дѣло.

— Какое?

Натти, не отвѣчая ни слова, вышла изъ комнаты; а выведенная изъ себя Зинаида Петровна только-что не побѣжала въ кабинетъ къ брату, и тамъ узнала отъ его камердинера что онъ обѣдаетъ и проведетъ весь вечеръ у Александра Васильевича. Одно оставалось ей теперь—отправляться скорѣе домой чтобы предупредить прїѣздъ къ Волгинымъ обнадеженнаго ею юноши. Она послала съ запиской просить его къ себѣ; но посланный не засталъ его дома. „Опоздала“, подумала она съ досадою; онъ теперь у нея и вотъ сейчасъ явится ко мнѣ за объясненіемъ. Но она напрасно прождала его до поздней ночи. Груздевъ не явился.

Онъ сидѣлъ у себя въ невыразимомъ словами отчаяніи, перечитывая нѣсколько словъ, написанныхъ дрожащею рукою Натти.

„Все между нами кончено, — читалъ въ сотый разъ Груздевъ, — какъ вы могли обратиться къ отцу, говорить съ теткой безъ моего позволенія? Развѣ вы не знали какъ я ее люблю ея, не терплю чтобъ она вмѣшивалась въ мои дѣла? Я и васъ теперь ненавижу. Не смѣйте никогда показываться мнѣ на глаза. Если придете, васъ не примутъ.“

IX.

На слѣдующее утро Зинаида Петровна олять прождала Груздева до четырехъ часовъ, каждую минуту готовая вновь послать за нимъ, и наконецъ не вытерпѣла. Посланный принесъ ей поразительное извѣстіе: Груздевъ, забравъ всѣ свои вещи и расплатившись въ гостиницѣ, уѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ Петербургъ. Въ отчаяніи она бросилась къ брату чтобы все разказать ему, но по пути раздумала, и только вечеромъ, не дождавшись никакого извѣстія отъ племянницы, отправила къ Волгинымъ съ твердо принятымъ рѣшеніемъ не упоминать о безыменномъ писемѣ.

„Письма нѣтъ налицо, думала она, какъ доискаться какъ оно написано? Только надѣлаешь безцѣльной кутерьмы. Ну

во что не буду вышиваться теперь; а потомъ можетъ-быть чрезъ Васю и поправлю дѣло: какъ дѣйствительно-то объѣдетъ Наталья Владиміровна, такъ авось образумится!" утѣшала себя Зинаида Петровна.

Она застала семью всю въ сборѣ; ободренный во вчерашнемъ собраніи юристовъ, Владиміръ Петровичъ весело разговаривалъ съ племянникомъ о предстоящей имъ поѣздкѣ. Они назначали свой отъѣздъ на Фоминой недѣлѣ. Рѣшеніе Натти имѣть солутствовать очень обрадовало отца. Выслушавъ ихъ планы, Зинаида Петровна неожиданно спросила:

— Слышали новость? Груздевъ уѣхалъ сегодня въ Петербургъ.

— Что это съ нимъ сдѣлалось? Онъ, кажется, не собирался, отвѣчалъ старикъ Волгивъ. — Не говорилъ ли онъ тебѣ вчера, Натти?

— Онъ вчера у насъ не былъ, отвѣчала молодая дѣвушка блѣднѣя, но старалась говорить спокойно.

Ее съ утра мучила совѣсть за свое жестокое письмо; но она была твердо увѣрена что пройдетъ день, два, Груздевъ все-таки явится, несмотря на ея запрещеніе, или наконецъ встрѣтитъ ее гдѣ-нибудь и тогда она смягчила бы свой отказъ, утѣшила бы бѣднаго юношу.

„А можетъ-быть и лучше что такъ все кончилось, подумала она, но мнѣ все что-то не вѣрится. Не сочинила ли тетюшка, не согласились ли они обмануть меня.“

— Пала, обратилась она къ отцу,—пошли пожалуста къ Дюссо узнать, мнѣ кажется тутъ какая-нибудь путаница. Кто сказалъ вамъ, тетюшка?

— Я посылала къ нему съ запиской; въ гостиницѣ сказали что расплатился и уѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

„Стало-быть она ничего ему не писала и не говорила, если не вѣрится его отъѣзду, думала Зинаида Петровна, пока молодой Волгивъ вышелъ исполнить желаніе Натти. Что же въ такомъ случаѣ значить его отъѣздъ?“ И она готова была заговорить о письмѣ; но олять одумалась, отложила до болѣе удобнаго времени, когда ей удастся напасть на какой-нибудь слѣдъ его автора.

Изъ гостиницы принесли записку на имя Владиміра Петровича, съ извиненіемъ что забыли исполнить ранѣе при-

казаніе Груздева. Въ короткихъ словахъ благодарилъ онъ за гостепримство, извинялся что не могъ проститься лично, но что полученная телеграмма заставила его уѣхать, не мѣшкая ни минуты. О томъ когда вернется, и вернется ли, ни слова.

— Странно, сказалъ Владиміръ Петровичъ, подозрительно взглядывая на дочь, но та крѣпко прикусила себѣ губу и не покрасѣла.

— Безумный мальчишка! Чего же вы отъ него путаго ожидали? прибавилъ молодой Волгинъ сіяя отъ удовольствія.

Онъ вскорѣ уѣхалъ къ Замшеву подѣлиться съ нимъ своею радостію и по обыкновенію засталъ у него Гремякина. Не выдержалъ Замшевъ, слегка покрасѣлъ услышавъ неожиданную новость. Подозрительно взглянулъ на союзника Гремякинъ, но не сказалъ ни одного слова и вскорѣ ушелъ къ себѣ насладиться безъ помѣхи побѣдой, которая, съ радостію сознавалъ онъ, не стоила ему ни малѣйшаго упрека совѣсти.

„А загребъ-таки жаръ вашими руками, Михаилъ Ильичъ, весело раздумывалъ онъ, шагая по лужамъ,—спасибо вамъ, Натти спасена! А все-таки это не честно, нѣтъ, какъ хотите, какъ бы ни хороша была цѣль, а не оправдываетъ она низкія средства!“ И съ этого времени Гремякинъ сталъ понемногу удаляться отъ бывшаго союзника, ему тяжело было съ Замшевымъ.

А самъ Замшевъ, проводя Александра Васильевича, съ которымъ онъ все-таки чувствовалъ себя не совѣмъ ловко, уснулъ безмятежнымъ сномъ, не остановившись на мысли что долженъ былъ чувствовать бѣдный гусарь, бѣжавшій изъ Москвы по его совѣту.

„Дуракъ, думалъ онъ, если повѣрилъ такъ скоро, подѣломъ ему, не ожидалъ я такой полной побѣды!“

А можетъ-быть и его не чуткая совѣсть заговорила бы, еслибъ онъ могъ взглянуть въ небольшую грязенькую комнату маленькой гостиницы около Мясницкой. Тамъ на жесткомъ, грязномъ диванѣ лежалъ одинъ, на полеченіи больничной сидѣлки, бѣдный обманутый юноша въ сильномъ бреду, то угрожая Александру Васильевичу и Лиховину, то призывая Натти. Сопровождавшій его деньщикъ ушелъ

отправлять телеграмму призваннаго хозяиномъ гостиницы доктора, къ олеку Гуздева.

Выучивъ наизусть записку своего кумира, Груздевъ всю ночь проходилъ въ одномъ сертукѣ по московскимъ улицамъ, и наконецъ рѣшилъ что ему дѣлать. Разыгравъ въ гостиницѣ комедию быстрого отъѣзда въ Петербургъ, онъ поселился въ маленькомъ трактирчикѣ, чтобъ оттуда, переодѣтымъ, наблюдать за всѣмъ что дѣлается у Волгиныхъ и ихъ знакомыхъ, разчитывая посредствомъ придуманнаго имъ дѣтски-наивнаго плана узнать правду ли сообщило ему безымянное письмо, узнать имя его автора, и тогда на немъ или на Александрѣ Васильевичѣ утолить душившія его тоску и злобу. Горячка, слѣдствіе простуды и водненія, остановила его на самомъ первомъ шагу....

Не равнодушно, не такъ какъ Замшевъ, принявъ Борисъ сообщенную ему Александромъ Васильевичемъ новость. Первое чувство его было что-то въ родѣ искуса. Протолковавъ съ пріятелемъ чуть не до разсвѣта, онъ и послѣ не могъ уснуть ни на одну минуту. Теперь онъ очень хорошо сознавалъ это, ничто не стояло между нимъ и Натти, кромѣ его собственной нерѣшительности.

Быстро приближался день отъѣзда Волгиныхъ. Натти ходила какъ въ чадѣ, съ трудомъ занимаясь приготовленіемъ къ отъѣзду. Теперь она горько сознавала свою безпомощность предъ грядущею быть-можетъ скоро жизнію лишений. Всякій день она видала Лихонина, но мало съ нимъ разговаривала. Имъ завладѣвалъ Владиміръ Петровичъ. По временамъ Натти казалось что молодой человекъ хочетъ сказать ей что-то особенное, быть-можетъ вымолвить послѣднее, рѣшительное слово. Опять сильнѣе билось ея сердце, стремясь на встрѣчу къ прежнему чувству, и опять замирало отъ страха предъ рѣшеніемъ.

Чѣмъ же это кончится? думала она почти что съ отчаяніемъ дня за четыре до отъѣзда.—Боже мой, когда же наконецъ мы увидимъ! Я не люблю его такъ какъ хотѣлось бы любить, и все-таки мнѣ тяжело, невыносимо больно расставаться съ нимъ быть-можетъ навсегда. Какъ знать куда броситъ меня судьба, если дѣло наше будетъ проиграно? Борисъ

можетъ встрѣтить другую, которая сумѣетъ полюбить его лучше меня...

При мысли объ этой возможности, сердце ея болѣзненно сжалось. Она сидѣла за книгой въ своемъ дѣловомъ кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ столовой довольно тонкою перегородкой, и вдругъ услышала голосъ Александра Васильевича.

— Посидимъ здѣсь, Борисъ, въ ожиданіи завтрака, говорилъ онъ. — Его сейчасъ подадутъ, а между тѣмъ и дядя подѣдетъ.

— Я боюсь олоздать въ судъ, ты можешь и одинъ передать Владиміру Петровичу.

— Въ судъ ты и такъ опаздалъ, засѣданіе давно открыто.

— Я ѣду за справкою, мнѣ обѣщали сказать сегодня когда назначатся къ докладу мои три дѣла.

— Какія?

— Единственныя которыя у меня теперь на рукахъ въ здѣшнемъ судѣ. Мнѣ хочется быть скорѣе свободнымъ.

— Такъ это рѣшено окончательно что ты разстаешься съ Москвою?

— Рѣшено, насколько что-нибудь можетъ быть окончательно рѣшеннымъ въ этомъ мірѣ. Я можетъ-быть совсѣмъ брошу адвокатуру, а на родинѣ мнѣ легче будетъ подыскать себѣ другія занятія. Не могу я вѣчно жить въ такомъ разладѣ самъ съ собою, не могу мучить себя почти при каждомъ новомъ дѣлѣ неразрѣшимыми вопросами: дѣйствительно ли правъ мой клиентъ? могу ли я по убѣжденію взяться за его дѣло? Такое состояніе невыносимо!

— А еще обвиняешь Натти въ идеальничаньи!

Разгорячившись, Борисъ говорилъ очень громко; Натти давно ихъ слушала невольно. Ее поразило неизвѣстное ей до сихъ поръ намѣреніе Лихонина оставить Москву, а при послѣднихъ его словахъ, такъ вполне отвѣчавшихъ ея душевнымъ взглядамъ, сильно забилось ея сердце. Въ волненіи она вскочила съ мѣста, и, не раздумывая, бросилась въ столовую.

— Простите меня, Борисъ Михайловичъ, начала она взволнованнымъ голосомъ, прямо подходя къ нему, и протягивая ему руку, — я васъ подслушала, и, хотя это дурно, но я очень рада... Вы честный, хорошій человекъ, такой какихъ, кромѣ васъ, быть-можетъ нѣтъ!

Борисъ былъ ошеломленъ; прежде всего это неожиданное,

горазде одобрене Натти цѣлебнымъ бальзамомъ произошло въ его самолюбивую душу, въ одну минуту изгладило слѣды многихъ недоразумѣній; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему сдѣлалось какъ-то совѣстно отъ ея порыва, точно онъ самъ усомнился въ полной искренности своихъ словъ.

Александръ Васильевичъ поспѣшно вышелъ, думая „завось теперь столкнутся“, и очень удивилъ буфетчика приказавшемъ повременить завтракомъ, котораго за пять минутъ предъ тѣмъ требовалъ немедленно.

— Наталья Владиміровна, началъ Лихонинъ послѣ минутнаго молчанія,—не дарите меня, ради Бога, такъ безусловно вашимъ сочувствіемъ, я его, мнѣ кажется, не стою.

— Какъ не стоите? Вѣдь не лгали же вы Самѣ?

— Конечно, не лгаль. Но что же изъ этого? Все что я сейчасъ говорилъ Александръ Васильевичу, я это думаю, передумываю, переживаю давно, чуть ли не съ самаго начала моей адвокатской карьеры, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ мнѣ повезло и не приходится болѣе думать о завтрашнемъ днѣ. И, какъ видите, я все же продолжаю тянуть ламку, продолжаю вести жизнь которую ненавижу. Я бы давно переимѣнилъ карьеру еслибы былъ увѣренъ что могу найти что-нибудь другое что будетъ мнѣ больше по сердцу. Ну, буду я учителемъ, напримеръ; я вѣдь заранѣе знаю что преподаваніе не только надобно мнѣ также быстро, если еще не быстрее, чѣмъ надобна адвокатура, но что я и въ немъ найду стороны не ладящія съ моею совѣстью. Я слишкомъ привыкъ все анализировать до тонкости, скептицизмъ завѣдаетъ во мнѣ все живое. Что же тутъ прикажете дѣлать?

— Вамъ надо бы родиться богатымъ человекомъ, задумчиво сказала Натти.

— Тогда бы я окончателно заснулъ непробуднымъ своимъ бездѣятвіемъ. — Скажите, вы сами развѣ не чувствуете подчасъ, когда раздумываете надъ собой, что вамъ чего-то хочется, а чего именно, неизвѣстно; и вмѣстѣ съ тѣмъ вы сознаете что все что бы вы себѣ ни представляли какъ идеалъ жизни, никакъ не удовлетворитъ васъ.

— Чувствую, очень часто чувствую, грустно сказала Натти,—но что же это значить? Чего не достаетъ намъ съ вами чтобы жить и наслаждаться жизнью, какъ живутъ и наслаждаются всѣ люди?

— Мнѣ, Наталья Владиміровна, не достаётъ любви къ чему-нибудь внѣ меня, любви которая бы вполнѣ, всецѣло поглотила меня: жить для одного себя невозможно. Одна эгоистическая цѣль никогда не удовлетворитъ ни васъ, ни меня, она идетъ слѣшкомъ въ разрѣзъ съ идеаломъ, который кака-то враждебная судьба вложила въ наше сознаніе.

— Но я, право, люблю отца, люблю Сашу, люблю мою подругу, Вѣру Покровскую.

Ей хотѣлось сказать „люблю васъ“, но она только взглянула на Бориса. Онъ неволью потушился предъ ея взглядомъ.

— Вы меня не понимаете, я вижу.

— Не понимаю.

— Да и я понималъ себя недавно. Еслибъ у меня была кака-нибудь намѣченная цѣль, которую я сознавалъ бы достойною всѣхъ моихъ усилий, я бы сталъ жить для нея. Нѣтъ этой цѣли, я и мечусь во всѣ стороны, увѣряя себя отъ душевной тоски что тамъ гдѣ меня нѣтъ, тамъ-то и счастье. Люби нѣтъ, Наталья Владиміровна, дайте мнѣ любовь, и я опять стану человѣкомъ.

Натти покраснѣла. Въ эту минуту, когда бы она отдала все въ міръ чтобы дать ему и любовь и счастье, обидно и горько было сознаніе своего безсилія.

— Боюсь что вы меня не совсѣмъ поняли, Наталья Владиміровна, не дождавшись отвѣта, продолжалъ Лихонинъ — Вы женщина, вамъ нужно другое, чѣмъ намъ. Вамъ нужна особенная, исключительная любовь къ человѣку, къ мужчине, который бы сумѣлъ заставить васъ полюбить свою цѣль и стремленія настолько чтобы они стали вашими собственными. А такого человѣка у васъ нѣтъ. Вѣдь вы никого не любите?

Натти промолчала. Въ эту минуту она положительно любила его, Бориса.

— А вамъ не нужна такая любовь къ человѣку, а не къ идеѣ только? наконецъ рѣшилась она спросить.

Лихонинъ собирался съ мыслями чтобы отвѣтить. И онъ въ эту минуту чувствовалъ что эта женщина, его подобіе въ другой формѣ, близка и дорога ему такъ какъ можетъ-быть никогда не будетъ другая; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то смутно сознавалъ что именно это сходство и мѣшаетъ имъ быть счастливыми вмѣстѣ. Онъ боялся сказать слѣшкомъ

много, въ чемъ придется раскаться когда пройдетъ минута увлеченія.

— Что же вы не отвѣчаете, Борисъ Михайловичъ? заговорила олять Натти.

— Нужна, конечно нужна, Наталья Владиміровна, началъ онъ нерѣшительно, когда, къ его великому облегченію, вошелъ буфетчикъ съ подносомъ въ рукахъ, приготовляясь подавать завтракъ, и объявилъ что Владиміръ Петровичъ пріѣхалъ и проситъ барышню къ себѣ въ кабинетъ.

— Ахъ какая досада, сказала Натти уходя, — мы послѣ окончимъ этотъ разговоръ, Борисъ Михайловичъ.

Однако разговору этому не суждено было возобновиться, хотя и онъ, и она чувствовали потребность договориться до конца, до какого-нибудь безповоротнаго рѣшенія въ ту или другую сторону. Имъ постоянно мѣшали оставаться вмѣстѣ настолько чтобы душевная бесѣда, не легкая при ихъ нерѣшимости, могла возобновиться когда прошла уже первая минута увлеченія, такъ неожиданно сблизившая ихъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ разлада. Напрасно старалась соединить ихъ Александръ Васильевичъ. Зинаида Петровна, по нѣсколь-ку разъ въ день пріѣзжавшая къ брату и зорко сдѣлавшая за Натти, да и разныя хлопоты лавшія предъ отъѣздомъ на домъ молодой хозяйки, шли наперекоръ его усиліямъ. Наконецъ наступилъ и канунъ отъѣзда.

Уложивъ всѣ свои чемоданы, Натти сдѣла за письмомъ въ Дрезденъ. Принудивъ себя наконецъ откровенно высказаться предъ подругой, она не скрыла ни одной своей ошибки, ни одного колебанія. Передавая послѣдній разгоръ съ Борисомъ, она окончательно уяснила себѣ почему не могла до сихъ поръ безповоротно привязаться къ нему.

„У него“, писала она, „нѣтъ такихъ опредѣленныхъ цѣлей и стремленій которыя я могла бы сдѣлать моими; стало-быть полное счастье съ нимъ для меня невозможно, я глубоко сознаю это; но все же мнѣ такъ жаль его что я готова даже на несчастіе чтобы только облегчить его нескладно сложившуюся жизнь. Если онъ мнѣ скажетъ что со мною ему будетъ лучше чѣмъ одному....“

На этомъ словѣ ей неожиданно доложили о его пріѣздѣ.

— Я пришелъ проститься съ вами, Наталья Владиміровна, взволнованно сказалъ Лиховинъ, не сядясь, несмотря на ея приглашеніе.

— Проститесь? Но мы уѣзжаемъ завтра вечеромъ. Развѣ вы не обѣдаете вмѣстѣ съ нами?

— Я долженъ сейчасъ ѣхать во Владимиръ. Вызываютъ по дѣлу. Завтра назначенъ докладъ. Остался часъ до отхода поѣзда. Завтра торопливо говорилъ Борисъ, не рѣшаясь взглянуть ей прямо въ глаза.

— Прощайте, едва слышно выговорила Натти, протягивая ему руку.—Желаю вамъ, Борисъ Михайловичъ, всего хорошаго.

Онъ держалъ ея руку и не двигался.

Однѣ и тѣ же мысли занимали обоихъ. Отправившись на это послѣднее свиданіе, Лиховинъ не зналъ чѣмъ оно можетъ кончиться. „Если она скажетъ одно сердечное, прямое слово, доказывающее что я нуженъ для ея счастья, я не выдержу,“ говорилъ онъ самъ себѣ.

Но сердечное слово не вырвалось ни у того, ни у другаго; Лиховинъ еще разъ пожалъ дорогую, маленькую ручку и быстро, не оглядываясь, вышелъ изъ комнаты.

Возможно смотрѣла ему вслѣдъ Натти.

„Стало-быть я ему не нужна... Стало-быть одному безъ меня ему лучше,“ думала она, и слезы дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ, но не выкатились, силой воли она подавила ихъ.

И разошлись они тоскующіе, недовольные собою, въ разныя стороны, на поиски вѣчно маящаго ихъ вдалѣ, невѣдомаго счастья. Быть-можетъ мы опять когда-нибудь съ ними встрѣтимся.

С. ЭМАНУЭЛЬ.

ИСКУССТВО И ПОЗИТИВИЗМЪ *

Съ древнѣйшихъ временъ человѣкъ развивается по двумъ основныимъ направленіямъ, выходящимъ непосредственно изъ его умственной и физической организаціи. Направленія эти обозначаются въ наукѣ отвѣченными названіями: *идеализма* и *реализма*.

Идеализмомъ называютъ обыкновенно всѣ тѣ стремленія и проявленія человѣческой дѣятельности которыя имѣютъ свое начало въ духѣ, въ его мысляхъ, желаніяхъ и потребностяхъ, въ разумѣ, сердцѣ и самодѣятельности человѣка. Въ этомъ смыслѣ называютъ идеалистами: *философа* который больше довѣряетъ разуму нежели чувствамъ; далѣе *поэта* и *художника* непосредственно изображающихъ въ словѣ или въ какомъ-либо другомъ матеріалѣ свои глубочайшія чувства, не обращая притомъ особеннаго вниманія на вышнюю обработку своихъ произведеній, на случайный вкусъ публики. Далѣе мы назовемъ идеалистомъ *героя*, *политика*, вообще каждаго дѣятеля который дѣйствуетъ по непосредственнымъ внушеніямъ своего сердца, по требованіямъ чести, нравственности, человѣколюбія, и т. д., упуская при томъ изъ

---

* Публичная лекція читанная авторомъ въ Варшавскомъ университетѣ.

виду всё такъ-называемыя внѣшнія обстоятельства, всё раз-
четы.

Противоположное идеализму направленіе есть *реализмъ*, подъ которымъ понимаютъ обыкновенно всё проявленія какъ умственной, такъ и практической дѣятельности человѣка вызываемыя или его физическою организаціей, или же направленіемъ мыслей ко внѣшнему чувственному міру. Въ этомъ смыслѣ считаются реалистами *ученіе* которые ставятъ опытъ выше разума; *поэты* и *художники* для которыхъ внѣшнее изящество произведенія или его сходство съ дѣйствительностью важнѣе всякихъ возвышенныхъ мыслей и чувствованій. Точно также называютъ *реалистами* и *политиковъ*, и *дѣятелей* которые, жертвуя честью, справедливостью, чувствомъ благодарности и другими требованіями внутренней духовной жизни, подчиняютъ свои стремленія и дѣйствія расчету, согласно внѣшнимъ обстоятельствамъ.

Мы не станемъ разбирать подробно ни содержанія, ни значенія этихъ двухъ основныхъ направленій проявляющихся во всехъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности: въ философіи и наукахъ, въ религіи и искусствѣ, въ практической жизни государствъ, народовъ и отдѣльных личностей. Для нашей цѣли, состоящей въ уясненіи столь индивидуальнаго и конкретнаго проявленія какъ искусство, я полагаю что вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ выводовъ слѣдуетъ прежде всего указать на соответственное индивидуальное и конкретное начало этого проявленія. *Искусство* не есть сухое, отвлеченное понятіе, и потому его содержаніе нельзя уразумѣть по однимъ логическимъ операціямъ ума. Равнымъ образомъ, сущность искусства не заключается въ его вещественномъ матеріалѣ, почему къ нему и не примѣнимы обыкновенныя средства научнаго анализа внѣшнихъ явленій. *Искусство* ни отвлеченная идея, ни мертвое тѣло; оно есть проявленіе *жизни*, родъ существа одушевленнаго, основныхъ свойствъ котораго вамъ никогда не раскроютъ ни абстрактный мыслитель въ своемъ мрачномъ кабинетѣ, ни изслѣдующій законы химіи и физики въ своей лабораторіи, ни наконецъ анатомъ въ своемъ театрѣ. *Жизнь* понятна и доступна только для жизни. *Искусство*, какъ внѣшнее явленіе, понятно и доступно только для тѣхъ жизненныхъ силъ которымъ оно обязано своимъ существованіемъ, для тѣхъ силъ духа которыя мы обыкновенно со-

единемъ въ общемъ понятіи *эстетическаго чувства*. Безъ этого чувства, способнаго уразумѣть внутреннюю жизнь поэмы и храма, драматической фигуры и статуи, симфоніи и картины, вы никогда не узнаете что такое искусство, не смотря на всѣ ученые трактаты идеалистовъ и реалистовъ.

Не удивляйтесь, слѣдовательно, если я, говоря объ искусствѣ, можетъ-быть не удовлетворю ожиданіямъ вашего отвлеченнаго ума, вашего критическаго смысла; если я не нашелъ удобнымъ представляться въ настоящую минуту ученымъ механикомъ, напрягающимъ съ надлежащимъ критическимъ хладнокровіемъ, со стоическимъ равнодушіемъ, всѣ пружины вашего умственнаго механизма: дедукцію и индукцію, аналогію и анализъ, сужденія и умозаключенія, тезы и антитезы, и т. д. Я понимаю очень хорошо удовольствіе вызываемое въ механикѣ зрѣлищемъ правильно дѣйствующей машины, напримѣръ локомотива. Но тѣмъ не менѣе, несмотря на весь прогрессъ XIX вѣка, я до сихъ поръ еще не способенъ смотрѣть на человека вообще, а тѣмъ болѣе на моихъ почтенныхъ слушателей, какъ на зубчатые колеса которыя слѣдуетъ приводить въ движеніе абстрактнымъ паромъ сухой учености. Машины очень полезны; я далекъ отъ того чтобъ отрицать это, но мѣсто ихъ ни въ мастерской художника, ни въ убожищахъ искусства, но въ механическихъ заводахъ и специальныхъ заведеніяхъ. При возвращеніи же на искусство, человекъ долженъ быть вполне *человѣкомъ*, существомъ живымъ, чувствующимъ глубоко, жаждущимъ свѣта, теплоты и воздуха.

Разбудить эту жажду, возвысить сердца мыслью о красотѣ и изящномъ, удовлетворить, хотя бы отчасти, ваше эстетическое чувство, вотъ, признаюсь откровенно, главная цѣль которой я желалъ бы достигъ въ настоящую минуту. Задача эта несомнѣнно очень трудная для каждаго кто не поэтъ или художникъ. Тѣмъ не менѣе, однако, и теоретическій эстетикъ не можетъ отказаться отъ этой задачи. Рѣшеніе ея есть одно изъ необходимыхъ условій успѣшной разработки всякаго рода эстетическихъ вопросовъ. Рѣшеніе и нашего настоящаго вопроса объ искусствѣ и объ отношеніи позитивизма къ нему не можетъ обойтись безъ участія эстетическаго чувства, котораго дѣятельность въ свою очередь можетъ-быть возбуждена только свѣтомъ живой фантазіи и теплотой искренней любви къ изящному.

Эстетическое чувство, по существу своему, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны которыя соотвѣтствуютъ вполне вышеприведеннымъ направленіямъ общаго развитія человѣка: идеализму и реализму. Искусство, собственно говоря, есть нечто иное какъ живое звено, соединяющее непосредственнымъ образомъ оба эти направленія; сочетающее внутренній міръ человѣка со внѣшнимъ; идеальныя потребности и стремленія духа съ реальною, вещественною формою, съ изящнымъ матеріальнымъ облаченіемъ.

Чтобы ясно уразумѣть приведенныя начала эстетическаго чувства, безъ котораго нельзя получить надлежащаго понятія объ искусствѣ, взгляните на извѣстные вамъ міры, внутренній и внѣшній, къ которымъ вы принадлежите по своей умственной и физической организаціи.

Внутреннюю жизнь человѣка поэты неоднократно сравнивали съ Золовою арфой, струны которой дрожатъ при всякомъ движеніи воздуха, распространяя вокругъ себя музыкальные звуки. И въ самомъ дѣлѣ, волненія души имѣютъ столько сторонъ сходныхъ съ музыкой что это сравненіе, при всей своей пошлости, не лишено однако глубокаго смысла и реальной истинны.

Приложите только внимательное ухо къ человѣческому сердцу, и вы услышите въ немъ такое богатство разнообразныхъ музыкальных піесъ что ихъ до сихъ поръ не сумѣлъ еще сыграть ни одинъ оркестръ міра. Иногда вы услышите нѣжную мелодію любви и тоски, воспроизведенную какъ бы рукой чистыхъ ангеловъ, иногда же изъ глубины дойдутъ до васъ стоны печали, унынія, воли гнѣва, отчаянія, похожія на угрозы разъяреннаго грома. Отъ времени до времени, среди этихъ громовыхъ раскатовъ, вы услышите гармоническіе звуки псалмовъ которые на крыльяхъ надежды и вѣры возносятъ сердце въ небесныя сферы вѣчнаго покоя, то снова принуждаютъ васъ низойти къ землѣ звуку плясовой музыки. Эти звуки съ начала преисполнены сердечной веселости, такта и ритма, какъ бы издаваемые для развлечения невинныхъ дѣтей. Но постепенно въ эту мелодію вкрадывается дисгармонія чувственныхъ раздраженій; тактъ и ритмъ вытѣсняются все болѣе и болѣе крикомъ безпокойной страсти, и наконецъ вы не слышите ничего больше кромѣ необузданнаго хаоса звуковъ въ родѣ Оффенбаховыхъ оперетокъ.

Въ этомъ изобѣ чувственныхъ раздраженій многіе находятъ больше наслажденія нежели въ ораторіяхъ Гайдена или симфоніяхъ Бетховена. Но они забываютъ что эти раздраженія не постоянны; между ними раздается неожиданно звонъ похороннаго колокола, а къ облакамъ возмосься возмшешные аккорды траурнаго марша, въ родѣ Шопена. Въ этомъ случаѣ, скажите, кто не желалъ бы услышать въ дополненіе къ этому концерту *Героическую Симфонію* Бетховена? Но не забудьте что великій капельмейстеръ міра, обладая какъ и мы эстетическимъ чувствомъ, не исполняетъ безъ разбора всѣхъ желаній публики. А потому какъ въ нашихъ обыкновенныхъ концертахъ, такъ и въ концертѣ всеобщей жизни, вы на одной программѣ не найдете никогда сопоставленія *Прекрасной Елены* съ *Героическою Симфоніей* Бетховена.

Вотъ, мм. гг., нѣсколько слабыхъ отголосковъ той богатой музыкальной скалы которая свойственна арфѣ человѣческаго сердца. Слова мои едва дотронулись нѣсколькихъ струвъ этой таинственной арфы; тѣмъ не менѣе однако, смѣю надѣяться, при содѣйствіи этихъ нѣсколькихъ аккордовъ я буду въ состояніи возбудить въ вашемъ духѣ живое понятіе о внутреннемъ идеальномъ началѣ эстетическаго чувства. Позвольте мнѣ только спросить васъ, кто настраиваетъ струны человѣческаго сердца? кто натягиваетъ вялыя струны, ослабленныя, неспособныя издавать ясныхъ и чистыхъ тоновъ? кто слускаетъ слишкомъ натянутыя изъ нихъ, наполняяющія воздухъ пронзительнымъ визгомъ? кто вообще имѣетъ попеченіе о правильномъ созвучіи всѣхъ струвъ, о равновѣсіи всѣхъ тоновъ, о ихъ сліяніи въ одно гармоническое цѣлое? Все это есть непосредственное дѣйствіе нашего внутренняго дѣятеля, называемаго *эстетическимъ чувствомъ*. Оно проявляется въ жадѣ внутренняго равновѣсія, гармоніи всѣхъ чувствованій и желаній, всѣхъ волеяй сердца; въ жадѣ симметрическаго строя нашихъ мыслей; порядка, взаимодѣйствія во всѣхъ проявленіяхъ духа. Это чувство есть наша *эстетическая совѣсть*, безъ дѣйствія которой человѣческое сердце подвергается разстройству, полному внутреннему разладу.

Обратимся теперь ко *внѣшнему, реальному міру*.

Если эстетическая сторона человѣческаго сердца находить

самое вѣрное выраженіе въ музыкѣ; то напротивъ вѣншній міръ представляется нашему чувственному глазу главнымъ образомъ въ видѣ картины. Живопись есть самое вѣрное изображеніе эстетическаго характера природы и исторіи, этихъ двухъ великихъ двигателей вѣншной жизни. Взгляните только на разные роды живописнаго искусства, и вашимъ глазамъ представится поочередно все богатство разнообразныхъ явленій вѣншнаго міра.

Пейзажная живопись познакомитъ васъ со всѣмъ земнымъ шаромъ. Она рисуетъ предъ вами и вѣчные снѣга громадныхъ альпъ, и дикую роскошь тропическихъ странъ: пасмурное небо далекаго сѣвера, и свѣтлую лазурь благоуханнаго юга; тихую деревеньку среди зеленѣющихъ нивъ на берегу ручья, и грозныя волны Океана, воздымающія на лѣнстыхъ хребтахъ своихъ гигантскіе корабли къ мрачнымъ громоноснымъ облакамъ.

Жанровый и историческій роды живописи оживляютъ арену вѣншнаго міра представленіемъ животныхъ и челоѣка. Эта живопись знакомитъ насъ съ разнородными проявленіями частной и общественной жизни, съ бытомъ всѣхъ состояній народа, съ главными моментами умственнаго, религіознаго и политическаго развитія челоѣчества насколько эти моменты представились въ формѣ вѣншнихъ, видимыхъ фактовъ. То принимаемъ мы живое участіе въ весельи народа во время празднествъ, и воспоминаемъ съ улыбкой знаменитую картину Рубенса въ галлерей Люксембургской или картины Леопольда Роберта изображающія народную жизнь Италіянцевъ; то, напротивъ, открывается нашему взору вся нищета новѣйшаго пролетаріата, его нравственный и матеріальный упадокъ, его прискорбіе, уныніе и отчаяніе, представленныя съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ въ картинахъ Карла Гюбнера. То смотримъ на забавы вѣчныхъ дѣтей, на чистоту младенческой любви, на счастье семейной жизни, представленныя такъ живо Бнаусомъ въ картинахъ: *Крещеніе*, *Золотая Свадьба*, въ большинствѣ картинъ Мейергейма и другихъ, то напротивъ приходимъ въ ужасъ предъ картинами Гораса Верне, изображающими съ такимъ драматизмомъ всѣ бѣдствія войны, всю ярость и кровожадность челоѣка въ борьбѣ за существованіе. Тиціанъ и Корреджіо прелестными красками рисуютъ красоту жизни и золотыми узамъ приковываютъ насъ

къ землѣ; титаническая же сила Микель-Анджело возбуждаетъ нашу ослабленную энергію, а небесныя Мадонны Рафаэля указываютъ на высшую идеальную цѣль нашей жизни. Далѣе живопись представляетъ намъ поочередно всѣхъ великихъ людей міра, память коихъ возбуждаетъ удивленіе или благодарность. Предъ нашими глазами открываются драматическіе моменты жизни и смерти всѣхъ героевъ міра отъ Александра Великаго и Цезаря до Карла Великаго и Наполеона. Кажется что предъ нами воскресли и Гомеръ и Сократъ, и Гуссъ и Галлилей, и Колумбъ, и Коперникъ, и весь Олимпъ бессмертныхъ гениевъ человечества, изображенный въ величественныхъ картинахъ; Афинская школа Рафаэля, Апотеоза искусствъ Делароша въ Ecole des beaux arts въ Парижѣ, въ грандіозныхъ композиціяхъ Каульбаха, находящихъся въ Берлинскомъ музеѣ, и въ многочисленныхъ картинахъ художниковъ каковы Делакруа, Энгель, Жеромъ, Галле, де-Кайзеръ, Корнелиусъ, Шноръ, Лессингъ, Пилети и многіе другіе.

Я былъ бы принужденъ обойти съ вами, мм. гг., всѣ галереи міра еслибы хотѣлъ дать вамъ полное понятіе объ эстетическомъ характерѣ вѣшняго міра. Но какъ это невозможно, то скажу только вкратцѣ что весь этотъ эстетическій характеръ вѣшняго міра сводится главнымъ образомъ къ одному общелоятному началу, называемому *формой*.

Разсматривая вѣшній міръ однимъ чувственнымъ глазомъ, вы принимаете его за *картину* и не увидите въ немъ ничего больше кромѣ *формы*. Вся природа, отъ зтома до самыхъ громаднхъ небесныхъ тѣлъ, является для чувственного глаза ничѣмъ инымъ какъ *формой* въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Внутренняго содержанія этихъ формъ, ихъ сущности, силы дѣйствующей въ нихъ, мы не созерцаемъ чувствами. Мы можемъ получить извѣстное понятіе объ этой сущности лишь когда свидѣтельство вѣшнихъ чувствъ пополняемъ идеальнымъ содержаніемъ нашего духа, когда вѣщность явленій, ихъ форму, оживляемъ жизнью нашихъ собственныхъ мыслей, чувствованій и стремленій. Но до тѣхъ поръ пока мы этого не дѣлаемъ, пока разрываемъ связь между собою, нашею внутреннею жизнью, и вѣшнимъ міромъ, пока противопоставляемъ послѣдній нашему духу какъ ячто чуждое для насъ, не имѣющее никакого сходства

съ нашими мыслями, чувствованіями и стремленіями, до тѣхъ поръ естественно внѣшній міръ представляется лишь въ видѣ мертвой, бездушнѣй матеріи, лишенной всякой внутренней жизни. При подобномъ, чисто поверхностномъ, возрѣніи на міръ, естественно что и вся исторія, все развитіе человечества, представляются отвлеченному уму какъ механическія видоизмѣненія внѣшнихъ формъ человѣческаго быта.

При этомъ возрѣніи все становится *формой*. Стоить только указать на обычай опредѣляющій отношенія разнородныхъ членовъ общества, сейчасъ скажутъ что это *форма*. Стоить только говорить о нравственности и религіи какъ о явленіяхъ истекающихъ изъ глубины человѣческаго сердца, — снова скажутъ что это *форма*. Стоить, наконецъ, углубиться во внутреннюю жизнь исторіи, стремиться познать духъ ея, дать себѣ отчетъ какъ въ темныхъ, такъ и въ свѣдлыхъ ея сторонахъ, соблѣзновать о растлѣніи и упадкѣ, радоваться всему идеальному, возвышенному, — сейчасъ обожатели внѣшняго матеріальнаго глаза скажутъ: все это *формы*, видоизмѣненія, вызываемыя лишь дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, лишь движеніемъ механическихъ соотношеній почвы и климата, традиціи и воспитанія людей, народовъ и государствъ.

Никто изъ серьезныхъ эстетиковъ, мм. гг., не станетъ оспаривать громаднаго значенія *формы*, наружности въ которой намъ представляются проявленія жизни всего окружающаго насъ. *Форма* есть необходимое ограничительное начало для всякаго содержанія. Какъ вода безъ сосуда разливается во всѣ стороны, лишается совокулности, видимаго единства своихъ частицъ, такъ и всякое, хотя бы и самое возвышенное содержаніе, безъ формы расплылось бы въ туманѣ неопредѣленности. Поэтому, *содержаніе* вездѣ и всегда ограничено формой; душа облечена тѣломъ, внутренняя жизнь опредѣлена въ своихъ проявленіяхъ внѣшними законами, природы и общественнаго порядка.

Равнымъ образомъ и въ эстетическомъ отношеніи вся внутренняя жизнь нашего духа, вся музыкальность человѣческаго сердца, желая вырваться изъ груди, найти для своихъ лѣтвольнѣй отголосокъ во внѣшнемъ мірѣ, должна непремѣнно подчиниться общему закону, принять матеріальную оболочку, принять опредѣленную осязательную *форму*. И въ

это именно обнаруживается второе существенное начало *эстетического чувства*, его начало формальное, какоюдеется *вѣнности*, вещественной оболочки искусства. Въ этомъ формальномъ отношеніи эстетическое чувство соответствуетъ вполне глазу, умѣющему оцѣнить достоинство произведеній живописи. При помощи этого глаза, художникъ и эстетикъ наблюдаютъ за правильнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ пересѣкающихся линий композиціи, за пластичностью и дѣятельностью перспективы, за надлежащею живостью колорита и дѣтвонъ, словомъ, за гармоническимъ развитіемъ наружной формы художественныхъ произведеній.

Но изъ этого значенія формальнаго начала эстетическаго чувства вовсе не истекаетъ чтобы мы паравнѣ съ матеріаломъ и формализмомъ могли пренебрегать внутреннимъ содержаніемъ, самостоятельную жизнь, духомъ искусства. Каждый изъ насъ представляется другимъ въ видѣ *вѣнней* матеріальной формы; безъ этого облаченія мы не могли бы дѣйствовать другъ на друга, жить въ вещественномъ мірѣ. Но тѣмъ не менѣе все то что черпаетъ во глубинѣ нашего духа, всѣ наши идеи и чувстваванія, страсти и стремленія,—все это мы сами никогда не назовемъ пустою формой; все это имѣетъ для насъ неоспоримое значеніе какъ содержаніе наполняющее наше сознаніе и жизнь. Всего этого никто и не рѣшится назвать пустою формой, потому что подобный взглядъ обидѣлъ бы наше личное достоинство, нашъ разумъ, наше сердце, наши желанія и стремленія. Во имя этихъ внутреннихъ волненій духа мы готовы неоднократно пренебречь *вѣнними* формами а требовать чтобы онѣ измѣнялись согласно нашимъ идеямъ, нашимъ желаніямъ и стремленіямъ.

Если наше убѣжденіе относительно внутренней жизни таково, то спрашиваю я теперь: по какому праву рѣшились бы мы пренебрегать и обижать внутреннюю жизнь другихъ существъ, въ особенности природы и исторіи, обнаруживающихъ на каждомъ шагѣ гораздо больше разума и идеальнаго содержанія нежели наше единичное сознаніе? Мы уважаемъ въ *человѣкѣ* *человѣка*, принимая во вниманіе не только его наружность, но прежде всего его мысли, чувстваванія и стремленія. Равнымъ образомъ и всѣ остальные проявленія всеобщей жизни мы должны оцѣнивать не только

по ихъ наружности, по ихъ матеріальнымъ формамъ и видоизмѣненіямъ, а равнымъ образомъ и по разуму, дѣйствующему въ нихъ, по идеальному содержанію, по духу который живетъ не только въ нашей организаціи, но проникаетъ все и во всемъ обнаруживаетъ порядокъ и законы возбуждающіе удивленіе гениальнѣйшихъ умовъ человѣчества.

Существованіе, или что то же, всеобщая жизнь представляетъ намъ на каждомъ шагѣ гармоническое сочетаніе внутренняго и внѣшняго началъ духа и матеріальной формы. Мы только въ нашемъ отвлеченномъ умѣ разрываемъ тѣ два начала которыя въ дѣйствительности составляютъ одно органическое цѣлое. Никто еще не видѣлъ отвлеченнаго духа безъ внѣшней, видимой формы; точно также и никто еще не видѣлъ матеріи лишенной разумаго начала, мысла, закона, порядка, словомъ, лишенной внутренняго духа, соединяющаго весь матеріальный міръ въ гармоническое цѣлое.

Съ этой точки зрѣнія, и искусство, какъ непосредственное проявленіе жизни, заключаетъ въ себѣ оба эти начала: духовное и матеріальное, внутреннее и внѣшнее. Полное, развитое эстетическое чувство не можетъ никоимъ образомъ довольствоваться или одною только возвышенностью идей и благородствомъ чувствованій, безъ воплощенія оныхъ въ соответственную изящную форму, или одною только чувственною стороною художественныхъ произведеній, безъ вниманія къ потребностямъ нашей внутренней жизни и ея эстетическому содержанію. Каждое истинное произведеніе искусства, желающее исполнить удовлетворить наше эстетическое чувство, должно непремѣнно соединить съ собою приведенные два основныя художественныя элемента. По своей *формѣ* оно должно приближаться насколько возможно къ живописи, къ ея ясности и опредѣленности, ея реальной пластичности и истинѣ. По своему же *содержанію* произведеніе искусства всегда должно имѣть характеръ музыкальный, задѣвая одну изъ многочисленныхъ струнъ нашего сердца. Безъ этого музыкальнаго элемента, потрясающаго сердце до глубины, произведеніе искусства оставляетъ насъ холодными или раздражаетъ только чувства дисгармоническими впечатлѣніями.

Въ эстетической необходимости и истинѣ этого воззрѣнія легче всего можетъ насъ убѣдить взглядъ на крайности до которыхъ доводитъ одностороннее развитіе приведенныхъ началъ эстетическаго чувства.

Одностороннее углубленіе духа въ самомъ себѣ, въ своихъ идеяхъ и чувстваваніяхъ, имѣеть всегда слѣдствіемъ туманность идей, мечтательность чувстваваній и нерѣшительность постановленій. Человѣку этого рода не достаетъ опредѣленнаго матеріала для его душевныхъ способностей. Онъ подобенъ Золовой арфѣ помѣщенной въ наглухо закрытомъ пространствѣ. До нея не доходитъ свѣжій воздухъ внѣшняго міра; до нея не касается ни дуновеніе вѣтерка, ни завыванія разыгравшейся бури; а потому она не даетъ отъ себя никакихъ звуковъ; все сводится къ одному внутреннему дрожанію струнъ, безъ всякой опредѣленности и ясности. При такой туманности, естественно что искусство не можетъ развиваться. Все что человѣкъ способенъ создать при подобномъ одностороннемъ направленіи есть незрѣлый субъективизмъ и темный мистицизмъ.

Съ давнихъ поръ психологи и эстетики приводили Шекспирову Гамлета какъ типическаго представителя подобной односторонности духа. Гамлетъ въ самомъ дѣлѣ одаренъ самыми высокими способностями ума и сердца. Натура его вполнѣ музыкальная. Но внѣшней жизни Гамлетъ не знаетъ и знать не хочетъ, и потому лишается самыхъ простыхъ средствъ способныхъ развязать трагическій узелъ его жизни. Вместо того чтобы соединиться со своими друзьями, схватить Клавдія и отдать суду, какъ это хотѣлъ сдѣлать безлокойный Лаэртий послѣ смерти Полонія, Гамлетъ мечтаетъ и мечтаетъ, разсуждаетъ о томъ: быть или не быть, убить Клавдія или нѣтъ. Но онъ не дѣлаетъ того чего требовалось внѣшними обстоятельствами. Напротивъ того, онъ увлекается страстями и прибѣгаетъ къ незрѣлымъ дѣйствіямъ которыя имѣли слѣдствіемъ его трагическій конецъ.

Такова участь каждаго односторонняго мечтателя. И художникъ предающійся подобному одностороннему субъективизму никогда не создастъ произведенія способнаго удовлетворить реальныя требованія внѣшней художественной формы, несмотря на всю возвышенность идей, на все благородство чувстваваній и желаній. Произведеніе подобнаго рода будетъ всегда туманно, лишено опредѣленности, преисполнено противорѣчій, а вслѣдствіе того не удовлетворитъ никогда самого художника.

Взглянемъ теперь на противоположную односторонность, то-есть на тѣхъ кто, пренебрегая внутреннею жизнью,

развитіемъ духа, его критическою мыслью, сердечнымъ чувствомъ и самостоятельностью воли, обращаютъ свое вниманіе исключительно на вѣшній міръ. Развиваясь по этомъ одностороннему направленію, они естественно къ концу концовъ теряются среди вѣшняго міра, сами становятся какъ-то автоматомъ, дѣйствующимъ бессмысленно лишь только для того чтобы удовлетворить свою жажду вѣшной дѣятельности.

Г. Тургеневъ въ одномъ мѣстѣ* указалъ на Сервантесова Донъ-Кихота какъ на комическій типъ подобнаго односторонняго направленія духа и противопоставилъ его Гамлету Гамлетъ, говоритъ Тургеневъ, есть выраженіе коренной *центростремительной* силы природы, по которой все живущее считаетъ себя центромъ творенія и на все остальное смотритъ какъ на существующее только для него; между тѣмъ Донъ-Кихотъ представляетъ собою силу *центробѣжную*, по закону которой все существующее существуетъ только для другаго.

И въ самомъ дѣлѣ припомните себѣ этого странствующаго рыцаря, проникнутаго горячимъ желаніемъ передѣлать весь міръ, борющагося со всемъ дѣйствительно- и мнимо-существующимъ, для того только чтобы даяныя формы замѣнить новыми, но столько же лишенными внутренняго содержанія какъ и прежнія; припомните себѣ всѣ мнимо-великія дѣянія Донъ-Кихота, иллюстрированныя съ такою фантазіей Густавомъ Дорé, и вы увидите вѣрный образецъ тѣхъ людей которые не спросясь бросаются въ пучину вѣшняго міра, безъ всякаго разумнаго начала, безъ достаточной зрѣлости ума, безъ надлежащаго развитія внутренней духовной жизни. Донъ-Кихотъ сдѣлался одною *формою*, лишенною всякаго разумнаго содержанія, всякой ясно созданной идеи, всякаго истиннаго чувства, истекающаго изъ глубины сердца. Подобно куколкѣ съ заведеннымъ механизмомъ, онъ странствуетъ по всему міру въ постоянномъ безпокойствѣ, не зная откуда онъ идетъ и куда его влечетъ судьба, что составляетъ его дѣйствовать и въ чемъ заключается истинная задача его жизни. Міръ имѣетъ для него лишь значеніе картины, нарисанной яркими красками на плоскости съ искусственною перспективою.

* Сочиненія Тургенева, т. IV, стр. 230 и след. рѣчь Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

Таковы односторонніе реалисты, лишенные внутренней духовной жизни.

Въ искусствѣ это направление имѣетъ слѣдствіемъ развитіе одной вѣншей формы произведеній, одной техники, безъ всякаго идеальнаго содержанія. Все содержаніе подобныхъ произведеній сводится, съ одной стороны, къ преодолѣнію искусственно созданныхъ техническихъ трудностей, какъ мы видимъ это въ Донъ-Кихотовой борьбѣ съ вѣтряными мельницами, а съ другой стороны, къ грубому драматизму вѣншей жизни, напоминающему Санчо-Пансу, стремяннаго Донъ-Кихота.

Еще болѣе выразительными типами идеализма и реализма нашего вѣка являются Фаустъ Гёте и Донъ-Жуанъ Байрона. Первый есть воплощеніе философскихъ взглядовъ нѣмецкаго идеализма, начиная съ Канта до Гегеля. Въ Донъ-Жуанѣ же мы могли бы безъ затрудненія отыскать начала той формы новѣйшаго реализма, которая довела Шопенгауэра, Гартмана и ихъ послѣдователей до жалкаго умственного разстройства, извѣстнаго подъ именемъ пигилистическаго пессимизма.

И въ художественномъ отношеніи не трудно было бы провести параллель между Фаустомъ и идеализмомъ, и между Донъ-Жуаномъ и реализмомъ. Новѣйшій идеализмъ въ искусствѣ стремится главнымъ образомъ къ воплощенію извѣстныхъ философскихъ идей. Чувственная форма сдѣлалась лишь средствомъ для выраженія этихъ идей; она лишена всякаго самостоятельнаго значенія; содержаніе представляется исключительною цѣлью искусства. Таковъ философскій характеръ Фауста. Такова поэзія Шиллера. Таковы въ живописи стремленія Корнелиуса и его школы; въ музыкѣ же обнаруживаетъ подобное стремленіе Рихардъ Вагнеръ.

Напротивъ, новѣйшій реализмъ ищетъ въ искусствѣ, какъ Донъ-Жуанъ въ жизни, лишь сильныхъ потрясеній нервовъ, однихъ чувственныхъ эффектовъ. Въ новѣйшей живописи представителями этого направленія являются такъ-называемыя колористическая и натуралистическая школы, аачная съ Герико и оканчивая циническими картинами многихъ французскихъ живописцевъ нашего времени. Въ музыкѣ Донъ-Жуановское направленіе находитъ свой вѣншій отголосокъ въ Оффенбахѣ и его довольно многочисленной школѣ. Въ поэзіи образцомъ этого направленія можетъ слу-

жить Викторъ Гюго. Элементъ же внутренняго разстройства представляють главнымъ образомъ Гейне и Альфредъ де-Мюссе.

Мы не можемъ въ настоящую минуту развивать болѣе подробно приведенной параллели. Я указалъ на нее только для общей характеристики двухъ основныхъ направлений, влияющихъ на всю новѣйшую исторію художествъ, а затѣмъ и на развитіе эстетической теоріи.

Исторія художествъ представляетъ намъ разные періоды высокаго процвѣтанія искусствъ. Въ эти-то періоды указанныхъ выше противоположностей мы не встрѣчаемъ. Періоды эти представляютъ совершенство искусства, то-есть полное гармоническое сочетаніе его составныхъ элементовъ и потому именно въ нихъ нѣтъ никакой односторонности. Къ греческой скульптурѣ и архитектурѣ непримѣнимы названія идеализма и реализма. Въ этомъ періодѣ искусства воплощаются самыя гармоническія идеи въ самой гармонической формѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о цвѣтущемъ состояніи живописи во времена Леонарда да-Винчи, Микель-Анджело, Рафаэля; о музыкѣ Гайдна, Моцарта, Бетховена. Разладъ искусства на его идеальное и реальное начала есть всегда признакъ или его недостаточнаго развитія или же его упадка. Мы не рѣшаемся въ настоящую минуту судить о томъ, который изъ этихъ двухъ случаевъ, незрѣлость ли или упадокъ, составляетъ настоящую причину того разлада который мы встрѣчаемъ въ новѣйшихъ проявленіяхъ поэзіи и искусства. Скажемъ только что этотъ разладъ обнаруживаетъ всегда болѣзненное состояніе человѣка; онъ подобенъ разрыву органической связи между душою и тѣломъ. Поэтому желая содѣйствовать развитію или возрожденію поэзіи и искусства, какъ поэты и художники, такъ и эстетики должны стремиться главнымъ образомъ къ воссоединенію искусственно разорванныхъ основъ его, къ гармоническому соединенію его души съ его тѣломъ, его идеальнаго содержанія съ его реальною формою. Только при подобной органической связи обнаруживается *жизнь*, а вслѣдствіе того и правильное развитіе и прогрессъ искусства.

Во всемъ вышеизложенномъ я бросилъ, мм. гг., бѣглый взглядъ на общія начала эстетическаго чувства и его непосредственное жизненное проявленіе—*искусство*. Слѣдуя предложенной программѣ, мы зададимся теперь вопросомъ: какъ

относится *позитивизмъ*, одно изъ новѣйшихъ реалистическихъ направлений, къ искусству?

Позитивизмъ является въ наше время не только подъ видомъ научной теоріи утверждающей что всякое истинное знание должно основываться на анализѣ внѣшнихъ явленій міра при содѣйствіи внѣшнихъ средствъ изслѣдованія, но кромѣ того сдѣлался для многихъ предметомъ догматической *вѣры*. Подъ этимъ названіемъ *вѣры*, я, конечно, не разумѣю позитивной религіи Огюста Конта, отца позитивизма. Религія эта, какъ извѣстно, есть родъ фантастическаго произведенія, напоминающаго рыцарскія стремленія Донъ-Кихота. Еслибы Донъ-Кихоту пришла мысль самовольно создать новую религію, то онъ, безъ сомнѣнія, опередилъ бы Конта. Объ *этой* позитивной вѣрѣ я теперь не говорю. Я имѣю здѣсь единственно въ виду ту догматическую увѣренность въ исключительной научности эмпирическаго метода и внѣшняго опыта, которую такъ часто встрѣчаемъ въ средѣ новѣйшаго образованнаго и подобразованнаго общества. Согласно этой вѣрѣ терминъ *позитивный* смѣшивается многими съ понятіемъ *строгой научности*, а каждый взглядъ который не раздѣляетъ этой вѣры обозначается презрительнымъ названіемъ *идеализма, субъективизма, мечты*. Таковая высокоумѣрность переходитъ даже у многихъ позитивистовъ въ фанатическую нетерпимость чужихъ убѣжденій.

Для приверженцевъ подобной вѣры въ непогрѣшимость позитивизма, его эстетическая теорія становится предметомъ новаго догмата, которому долженъ подчиниться каждый кто хочетъ имѣть право называть себя строго научнымъ эстетикомъ.

Изложенныя мною вкратцѣ основныя эстетическія понятія ни по формѣ, ни по содержанію не имѣютъ ничего общаго съ позитивизмомъ. И потому я впередъ знаю чего ожидать отъ всѣхъ тѣхъ которые вѣрятъ въ евангеліе позитивизма, безъ всякаго разбора чужихъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе однако, не желая заслужить подобнаго упрека въ догматизмъ и фанатическомъ отрицаніи, я хочу въ заключеніе изложить вкратцѣ позитивную теорію искусства, для безпристрастнаго указанія на ея достоинства и недостатки.

Основная мысль философіи Конта не имѣетъ ничего общаго съ эстетикою, напротивъ подкалываетъ одно изъ на-

чалъ эстетическаго чувства, то-есть его внутреннее, жизненное, духовное начало.

Человѣческое знаніе, какъ извѣстно, по Контю переходитъ три фазиса: *теологическій, метафизическій и позитивный*. Прогрессъ этотъ есть, собственно говоря, не что иное какъ постепенное умерщвленіе природы лишеніемъ ея внутренней жизни, духа. Первоначально люди, по Контю, все обожали, обожали весь внѣшній міръ; во всемъ видали они Бога или боговъ. Въ послѣдствіи устранили это богословское воззрѣніе и замѣнили боговъ метафизическими понятіями, каковы: *субстанція, сила, духъ* и т. д. Наконецъ убѣдились что и эти понятія существуютъ только въ человѣческомъ умѣ и признали что въ самомъ мірѣ нѣтъ ничего больше кромѣ однихъ видоизмѣненій природы, называемыхъ *явленіями міра*. Это воззрѣніе составляетъ по Контю самое высшее, позитивное.

Такимъ образомъ позитивизмъ Конта, вмѣсто того чтобы дойти до постепенно болѣе совершеннаго воззрѣнія на *жизнь* вселенной, на ту жизнь которая проявляется въ разумномъ устройствѣ міра, въ потребностяхъ и стремленіяхъ нашего духа, дошелъ до отрицанія этой *жизни*, до поверхностнаго Донъ-Кихотова воззрѣнія, по которому все существующее есть собраніе однихъ формъ, однихъ видоизмѣненій міра, лишенныхъ внутренней жизни, то-есть самостоятельнаго духа.

Правда что вообще нельзя Контю отказывать во внутреннемъ эстетическомъ чувствѣ. Напротивъ онъ самъ говоритъ очень часто объ идеальныхъ потребностяхъ нашего духа (*besoins d'idéalité*), о гармоніи, какъ послѣдней цѣли знанія.* Кромѣ того вся его фантастическая религія имѣетъ цѣлью удовлетворить потребности внутренней жизни. Но все это не находилось ни въ какой органической связи со стремленіями его отвлеченнаго ума. Послѣдній создалъ теорію на основаніи одной внѣшней формы міра, не обращая никакого вниманія на его оживляющій принципъ, то-есть на духъ. Во имя этой отвлеченной теоріи, противорѣчащей на каждомъ шагѣ дѣйствительнымъ, конкретнымъ проявленіямъ всеобщей жизни, Контъ высказалъ положеніе обнаруживающее всю поверхность

* Смотри напримѣръ послѣднія главы 6го тома *Cours de philosophie positive*, 2е изд. 1869.

его міровоззрѣнія, именно положеніе что человѣкъ способенъ познать непосредственно все кромѣ процессовъ собственнаго духа: *L'esprit humain, говорить Контъ, peut observer directement tous les phénomènes excepté les siens propres.** Все донъ-кихотство этого положенія выходитъ наружу когда только зададимся вопросомъ: можемъ ли мы познать какой-нибудь внѣшній предметъ не постигая сознательно состояній нашего собственного духа вызываемыхъ этимъ предметомъ? Существовалъ ли бы вообще внѣшній міръ для насъ, еслибы мы не обладали способностью созерцать насъ самихъ? Безъ всякаго дальнѣйшаго разбора этого вопроса ясно что приведенное положеніе исключало изъ позитивизма Конта всю область *психологии*, самостоятельныхъ духовныхъ явленій, а вслѣдъ затѣмъ лишило его возможности понять ту музыкальность человѣческаго сердца, которая составляетъ душу искусства. При подобномъ воззрѣніи не можетъ быть и рѣчи объ эстетикѣ въ истинномъ значеніи этого слова.

Общезвѣстный эстетикъ позитивизма, Тэнъ, созналъ приведенную односторонность Конта и стремился пополнить оную болѣе глубокимъ воззрѣніемъ на искусство. Пополненіе это заключаетъ въ себѣ два главные момента, изъ которыхъ одинъ относится ко внутреннему, а другой ко внѣшнему началу искусства.

Что касается до перваго начала, то Тэнъ принималъ въ соображеніе внутреннюю жизнь человѣка, психологическія основанія эстетическаго чувства. Правда что онъ, какъ позитивистъ, согласно духу своей школы, не могъ признать за внутреннюю жизнь самостоятельнаго значенія, а вслѣдствіе того и идеальное содержаніе искусства играетъ у него роль второстепенную, подчиняется разнороднымъ внѣшнимъ началамъ. Тѣмъ не менѣе однако психологическія указанія и анализы, которые мы встрѣчаемъ въ его эстетическихъ сочиненіяхъ, равно въ его книгѣ *Объ умѣ*, обнаруживаютъ ясно стремленіе пополнить монотонность и сухость Контовой абстракціи какимъ-нибудь болѣе идеальнымъ и непосредственнымъ, болѣе жизненнымъ началомъ. Вслѣдствіе подобнаго стремленія, Тэнъ вводитъ въ свои разсужденія тотъ музыкальный элементъ безъ котораго не могутъ существовать ни эстетика, ни искусство. Если эстетическія сочиненія Тэна привлекаютъ читателя, воодушевляютъ его, возбуждаютъ

* *Cours.* томъ I, стр. 31.

въ немъ живой интересъ къ произведеніямъ искусства, то этимъ услѣхомъ они обязаны главнымъ образомъ дѣйствию приведеннаго музыкальнаго элемента, его оживляющей силѣ. Но тѣмъ не менѣе основательный критикъ эстетическихъ воззрѣній Тэнъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ что эта музыкальность и теплота суть только непосредственное, такъ-сказать инстинктивное проявленіе эстетическаго чувства автора, а вовсе не вліяютъ на дѣятельность его отвлеченнаго ума, не принимаются имъ въ расчетъ при самомъ образованіи эстетической теоріи. Эта теорія извлечена исключительно изъ разбора внѣшней стороны художественныхъ произведеній. И Тэнъ, подобно всѣмъ позитивистамъ, смотритъ на искусство какъ на одно изъ многообразныхъ явленій внѣшняго міра, которое должно быть изслѣдовано на основаніи эмпирическаго метода, наравнѣ со всѣми другими явленіями мертвой, бездушнаго природы.

По Тэну все искусство сводится къ одной *характеризаціи* разнородныхъ предметовъ и явленій. Выставить на видъ главные характеристическіе признаки представляемыхъ предметовъ — вотъ вся задача искусства по Тэну. Идеалъ же искусства состоитъ въ двухъ моментахъ: во первыхъ, въ томъ чтобы представляемая характеристическая черта достигла высшей степени *важности*, и, во вторыхъ, чтобы она сдѣлалась какъ можно болѣе господствующею въ представляемомъ предметѣ. При ближайшемъ разборѣ вопросовъ: какія черты предметовъ слѣдуетъ назвать характеристическими и въ чемъ заключается [разная степень ихъ важности? Тэнъ стремится выискнуть все болѣе и болѣе въ сущность искусства. При этомъ онъ иногда отождествляетъ даже характеристическую черту предмета съ его *идеєю* и говоритъ о представленіи *идей* посредствомъ искусства. Но всѣ эти идеальныя термины не отмѣняютъ сущности дѣла, которая сводится всегда къ тому что искусство есть родъ подражанія дѣйствительности, что наблюденіе внѣшнихъ проявленій жизни и ихъ характеристизація составляютъ исключительную задачу художника.

Все значеніе такого взгляда на искусство, какъ характеристизацію, заключается въ опредѣленіи внѣшняго, формальнаго начала его, то-есть того начала которое мы выше назвали началомъ живописнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, художникъ отчасти во влещенія своихъ идей долженъ стремиться пре-

жде всего къ тому чтобъ это воплощеніе отличалось живою характеристикю, тѣлечностью. Въ этомъ-то заключается главнымъ образомъ элементъ ясности и опредѣленности художественнаго произведенія. Вслѣдствіе подобнаго опредѣленія формальнаго начала, Тэнъ устранилъ всѣ тѣ недостойныя попытки новѣйшаго искусства которыя хотѣли свести всю его задачу къ однимъ техническимъ эффектамъ, къ одному раздраженію нервовъ. Тэнъ указалъ на то что техника должна подчиняться эстетическимъ требованіямъ характеристики, и что отъ надлежащаго развитія этого начала зависитъ изящество, точность и опредѣленность вѣшняго проявленія художественныхъ идеаловъ.

Во всемъ этомъ обнаруживается, слѣдовательно, истинное достоинство Тэновой эстетической теоріи, ея неоспоримое значеніе для научнаго уразумѣнія художества. Но изъ всего этого вовсе еще не истекаетъ чтобы вся *сущность* искусства сводилась къ одной характеристикѣ, какъ утверждаетъ Тэнъ. Напротивъ, живое эстетическое чувство воспротивится всегда подобному сухому и поверхностному опредѣленію искусства, основанному исключительно на разборѣ его вѣшней, формальной стороны. Эстетическое чувство никогда не будетъ въ состояніи свести всей дѣятельности художника къ простому представленію выдающихся характеристическихъ признаковъ представляемыхъ предметовъ. Въ этомъ можетъ насъ убѣдить даже самый бѣглый взглядъ на знаменитѣйшія произведенія искусства.

Развѣ *Илліада* и *Одиссея*, *Потерянный Рай* и *Божественная Комедія*, драмы Шекспира и *Фаустъ* Гёте не заключаютъ въ себѣ ничего больше кромѣ изложенія характеристическихъ признаковъ представляемыхъ сюжетовъ? Можно ли сказать что Парѳенонъ, Альгамбра или готическій храмъ суть лишь характеристическія репродукціи какой-либо дѣятельности? Милосская Венера, Аполлонъ Бельведерскій, Моисей Микель-Анджело, статуя Торвальдсена могутъ ли быть сведены къ одной характеристикѣ чловѣческаго тѣла, безъ всякаго самостоятельнаго идеальнаго содержанія? Тѣ же самые вопросы я могъ бы предложить относительно драматическихъ личностей созданныхъ такими артистами какъ Девриенъ, Давидсонъ, Рашель, Ристори, равно относительно музыкальныхъ произведеній Баха, Глюка, Гайдна, Моцарта, Бетховена и наконецъ относительно картинъ всѣхъ

геніальныхъ живописцевъ отъ Леонардо да-Винчи и Рафаэля до Корнеліуса и Каульбаха.

Нѣтъ, истинное художественное значеніе всѣхъ этихъ произведеній не исчерпывается одною характеристикой. Последняя безъ сомнѣнія играетъ очень важную роль въ искусствѣ, но роль эта относится лишь только къ его формѣ, къ его наружности. Что же касается до содержанія, то оно не заключается въ характеристику, но въ самомъ характеризуемомъ предметѣ, въ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ человеческого духа, въ возвышенныхъ идеалахъ истинной любви, гармоніи и совершенства. Всѣ эти идеалы, всѣ наши чувства и стремленія имѣютъ абсолютное значеніе для нашей внутренней жизни, безъ нихъ жизнь была бы пустою комедіей, а потому они и составляютъ не случайныя украшенія и арабески, безъ которыхъ храмъ искусства могъ бы обойтись, но составляютъ необходимый фундаментъ этого храма, безъ котораго все внѣшнее изящество формы, вся характеристика, лишены были бы истиннаго значенія для духовной жизни человѣка.

Каждый хорошо пойметъ что самая художественная характеристика предметовъ, идей и чувствованій протѣкающихъ по своему содержанію эстетическому чувству, не можетъ создать истиннаго произведенія искусства. Характеристика, даже самая правильная и точная, площадная, низкаго, превратнаго, отвратительнаго, сама по себѣ не удовлетворяетъ никогда внутреннему эстетическому чувству. Мы признаемъ въ такихъ случаяхъ всю ловкость и искусственность внѣшней обработки подобныхъ сюжетовъ, все совершенство техники и формы, но не согласимся никогда признать за подобнымъ произведеніемъ высшаго художественнаго значенія. Представленіе негативныхъ сторонъ жизни допускается эстетическимъ чувствомъ только для контраста, для яркаго отдѣленія истинно возвышеннаго и изящнаго содержанія отъ темнаго грунта. Въ каждомъ истинномъ произведеніи искусства, положительная идея остается всегда побѣдительницей. Эстетическое наслажденіе вызываемое подобнаго рода произведеніями заключается главнымъ образомъ въ побѣду положительной идеи и въ гармоническихъ чувствахъ радости и счастья, которыми наполняетъ наше зрѣлище этой побѣды, несмотря на всѣ прелѣтствія и трудности. Представленіе же отрицательныхъ идей, само по себѣ,

безъ положительнаго содержанія, не имѣеть истинно художественнаго характера и не удовлетворяеть требованіямъ духа.

Самъ Тэнъ признаеть все это. И его эстетическое чувство возмущается всѣмъ низкимъ, отвратительнымъ, что такъ часто встрѣчается въ новѣйшемъ искусствѣ, въ особенности же въ новѣйшихъ романахъ. Но Тэнъ не указываетъ на то эстетическое начало которое служило бы критеріумомъ для подобной оцѣнки художественныхъ произведеній. По его взгляду преимущество однихъ характеристическихъ признаковъ предъ другими, то-есть положительныхъ, возвышенныхъ признаковъ, предъ отрицательными, площадными, зависитъ исключительно отъ степени ихъ *важности*, оцѣниваемой однако однимъ эмпирическимъ умомъ, однимъ высшимъ соотношеніемъ этихъ признаковъ. Дѣло между тѣмъ не заключается въ подобномъ чисто внѣшнемъ соотношеніи предметовъ и ихъ признаковъ, но въ ихъ отношеніи ко внутренней, духовной жизни, къ музыкальному началу нашего эстетическаго чувства, къ его требованіямъ идеальной гармоніи и совершенства. Обо всемъ этомъ, Тэнъ, какъ односторонній реалистъ, вовсе не упоминаеть.

По этой-то односторонности Тэнъ и при разборѣ произведеній искусства оставляетъ безъ всякаго вниманія столь важный въ эстетическомъ отношеніи элементъ *художественнаго творчества*. По его теоріи преимущество генія заключается не въ чемъ иномъ, какъ только въ высокой способности непосредственно воспринимать характеристическія черты предметовъ. вмѣстѣ со всѣми позитивистами Тэнъ не имѣеть никакого понятія о самостоятельномъ творествѣ, о производствѣ *новыхъ* идей, не почерпаемыхъ изъ скуднаго матеріала внѣшней дѣйствительности, но изъ глубины живаго духа. Ему чужды идеи не имѣющія характера монотонной коліи прошедшаго и настоящаго, того что было или того что есть. Онъ вовсе не постигаетъ идей имѣющихъ предметомъ то что *должно быть*, идей которыя, подобно восходящему солнцу, оживляютъ человека къ осуществленію новой, болѣе совершенной будущности.

Но при подобномъ отрицаніи творчества раждается вопросъ: въ чемъ же заключается вся исторія, весь прогрессъ человечества, если мы лишимъ его этого творчества, если мы и гениамъ не позволимъ освободиться отъ существую-

щихъ внѣшнихъ формъ, отъ такъ-называемой реальности, и не предоставимъ имъ права обогащать умъ и сердце новыми содержаніемъ, способнымъ оживить грубую реальность, преобразовать и усовершенствовать ея внѣшнія формы?

Безъ этого самодѣятельнаго творческаго источника жизни, истекающаго хрустальною струей изъ глубины человѣческаго духа, не было бы ни исторіи, ни прогресса. Глухая монотонность покрывала бы всю жизнь человѣка, и наконецъ онъ закастыѣлъ бы совершенно, или сдѣлался бы безсмысленнымъ и бездушнымъ автоматомъ, который не можетъ развиваться и не имѣетъ будущности. Самыми важными эпохами въ развитіи человѣчества мы обязаны главнымъ образомъ великимъ творческимъ идеямъ, которыя не были подражаніемъ внѣшности, воспроизведеніемъ ея эмпирическаго содержанія, но истекали изъ глубины самодѣятельнаго духа и были произведеніемъ его таинственной работы, той работы которая не можетъ быть замѣнена никакимъ механизмомъ, никакими внѣшними рычагами; работы называемой *жизнью, душой*. Только упавшіе элигоны или незрѣлые еще умы могутъ пренебрегать этою работой, этимъ неутомимымъ источникомъ жизни, развитія и прогресса, источникомъ всего того что проявляется въ измѣненіи внѣшнихъ формъ, въ замѣнѣ старыхъ новыми, болѣе совершенными.

Искусство не можетъ и не должно никогда отказаться отъ рѣшенія высокой задачи: содѣйствовать всеобщему развитію, усовершенствованію человѣчества. Разрѣшеніе же этой задачи требуетъ непременно вниманія къ идеальному содержанію духа, къ разнороднымъ требованіямъ его внутренней жизни. Искусство не есть предметъ развлечения, не имѣетъ цѣлью улаждать нашихъ внѣшнихъ чувствъ ни драматическими эффектами, ни характеристизаціею плаской реальности. Его истинная задача заключается въ изящномъ представленіи возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ руководить человѣчествомъ на темномъ пути ежедневной жизни. Идеалы эти живутъ и дѣйствуютъ въ глубинахъ нашего сердца; стоить только обратить на нихъ вниманіе и предоставить имъ возможность развиваться и принять осязательную форму. Искусство, воплощая эти идеалы, расширяетъ при ихъ содѣйствіи нашъ умственный горизонтъ, облагораживаетъ чувствованія, возбуждаетъ ослабленную энергію, словомъ,

возвышаетъ общій уровеньъ нашей внутренней жизни и содѣйствуетъ такимъ образомъ ея надлежащему развитію.

Жизнь обусловливается всегда и вездѣ двумя основными условіями: *свѣтомъ* и *теплотою*. Свѣтъ духа—это *философія* и *наука*. Теплота же возбуждается въ человѣческомъ сердцѣ только *религією* и *искусствомъ*. Отъ правильнаго развитія каждаго изъ этихъ проявленій духа и отъ гармоническаго сочетанія ихъ дѣйствія зависятъ нравственное и физическое благосостояніе человѣчества, его истинное счастье въ далекомъ будущемъ.

Г. СТРУВЕ.

ПО ПОВОДУ СПИРИТИЧЕСКИХ СООБЩЕНІЙ Г. ВАГНЕРА*

Въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы* напечатано въ высшей степени интересное сообщеніе, касающееся такъ-называемыхъ медиумическихъ явленій (столовращенія, стологоворенія, и пр.). Интересъ этого сообщенія заключается не въ фактахъ въ немъ описанныхъ: изумительныя явленія о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь извѣстны по наслышкѣ всякому кто имѣлъ случай заглянуть въ спиритскую книгу или побесѣдовать со спиритомъ. Но въ высшей степени важно то обстоятельство что упомянутое сообщеніе подписано Н. П. Вагнеромъ, ученымъ извѣстнымъ своими точными и любопытными наблюденіями. Еще важнѣе другое обстоятельство, явствующее изъ содержанія письма г. Вагнера: при всѣхъ описанныхъ опытахъ присутствовалъ также нашъ извѣстный химикъ г. Бутлеровъ. Нѣтъ сомнѣнія что эти два ученые сравнивали свои наблюденія, свѣряли свои впечатлѣнія, и что г. Вагнеръ сообщаетъ намъ лишь о явленіяхъ представлявшихся во всѣхъ подробностяхъ въ одинаковомъ видѣ обоимъ ученымъ.

При такой обстановкѣ опытовъ, нельзя не изумиться дважды выраженной г. Вагнеромъ надеждѣ что читатели ему

---

* Не думаемъ чтобы сужденія и объясненія излагаемыя почтеннымъ авторомъ этой статьи удовлетворяли г. Вагнера и другихъ изсѣдователей сообщавшихъ свои наблюденія надъ этими явленіями, такъ неожиданно вторгшимся въ самыя повидимому недоступныя для нихъ научныя сферы. А потому, оставая этотъ вопросъ открытымъ, мы не прочь дать у себя жѣсто сообщеніямъ и съ другой стороны. *Ред.*

не повѣрять. Признаюсь что смыслъ этой риторической фигуры мнѣ совершенно непонятенъ. Еслибы сообщаемыя наблюденія были приведены въ отдѣльности г. Вагнеромъ, или г. Бутлеровымъ, мнѣ могло бы придти въ голову что наблюдатель былъ жертвою галлюцинаціи, но совмѣстное свидѣтельство обоихъ ученыхъ не оставляетъ мѣста этому предположенію. Остановился я на странномъ выраженіи г. Вагнера только для того, чтобъ убѣдить его что никому изъ его читателей не придетъ на мысль усомниться въ объективной дѣйствительности описанныхъ имъ явленій, на которой онъ такъ энергически настаиваетъ. Разнорѣчіе можетъ возникнуть только въ ихъ объясненіи, и въ тѣхъ выводахъ которые г. Вагнеръ считаетъ себя въ правѣ дѣлать изъ сообщенныхъ имъ фактовъ.

Что такое разнорѣчіе возникаетъ, и что оно будетъ радикальное, въ томъ г. Вагнеръ, конечно, не сомнѣвается. Люди болѣе меня свѣдущіе вѣроятно примутъ на себя трудъ освѣтить со всѣхъ сторонъ массу темныхъ фактовъ имъ сообщаемыхъ. Берусь за перо только потому что при сложности и новизнѣ дѣла, всякое указаніе можетъ имѣть цѣну, а время не терпитъ. Дѣло въ томъ что по моему крайнему и искреннему убѣжденію, статья г. Вагнера можетъ принести непоправимый вредъ, если произведенное ею впечатлѣніе не будетъ извѣщено самою тщательною критикою.

Слѣду предупредить и г. Вагнера, и читателей что я не специалистъ по части спиритизма. Литература этого предмета мнѣ мало извѣстна, и, въ настоящее время, совершенно недоступна. Но я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ многихъ такъ-называемыхъ медиумическихъ явленій. Позволю себѣ говорить только на основаніи видѣннаго мною и сообщеній г. Вагнера.

Явленія описанныя г. Вагнеромъ можно, ради удобства, раздѣлить на три разряда:

1. *Столоращеніе*. Сюда я отношу разнообразныя движенія столовъ и другихъ неодушевленныхъ предметовъ, а также сопровождающіе ихъ почти постоянно таинственные шумы, стуки и т. д.
2. *Столороженіе*. Составленіе словъ и фразъ изъ буквъ указанныхъ условеннымъ способомъ постукиваніемъ одной ножкею стола.
3. *Духовидѣніе*. Не могу придумать иного названія для

самыхъ разительныхъ изъ явленій описанныхъ г. Вагнеромъ, и которыя будутъ ниже переданы его собственными словами.

Первые два разряда явленій мнѣ извѣстны по личному опыту; послѣдній только по наслышкѣ. Въ статьѣ г. Вагнера я въ первый разъ встрѣтилъ о подобныхъ явленіяхъ свѣдѣтельство исходящее отъ людей науки.

Сущность явленій столовращенія заключается въ слѣдующемъ: когда нѣсколько человѣкъ садятся вокругъ стола, и кладутъ на него обѣ руки, то иногда, по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени, столъ начинаетъ производить разнообразныя движенія: самыя обыкновенныя изъ нихъ движеніе вращательное (въ особенности, если столъ круглый), движеніе поступательное, наклоны въ разныя стороны, наконецъ, ритмическое поднятіе и опусканіе одной стороны, разумѣется, сопровождаемое стукомъ. Но кромѣ этого стука, во время всякихъ движеній стола и даже до начала этихъ движеній, слышатся разнообразные стуки, изъ которыхъ нѣкоторые по видимому исходятъ изъ стола, другіе изъ разныхъ угловъ комнаты, изъ стѣнъ и т. д. Интенсивность этихъ явленій, время нужное для того чтобъ они обнаружилась, разнообразны до крайности. Иногда нѣтъ возможности ихъ добиться, иногда они настаютъ черезъ нѣсколько минутъ; иногда они до того слабы что можно сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, иногда такъ сильны что характеръ ихъ прямо можно назвать порывистымъ и бурнымъ.

Условія способствующія развитію этихъ явленій, по свѣдѣтельству г. Вагнера, слѣдующія: сухой и теплый воздухъ, темнота или слабый полусвѣтъ, тишина, музыка, наконецъ особое настроеніе всѣхъ производящихъ опытъ, настроеніе, которое г. Вагнеръ не пытается опредѣлить.

Наблюденій надъ температурою и влажностію атмосферы во время столовращенія я не производилъ, да и г. Вагнеръ не сообщаетъ на этотъ счетъ точныхъ данныхъ. Что касается до тишины, музыки * и освѣщенія, могу сказать положительно что эти вліянія относятся къ числу второстепенныхъ. Мнѣ не случалось присутствовать при сеансахъ съ музыкою, и несмотря на то я былъ очевидцемъ всѣхъ вышеисчисленныхъ явленій. Самыя же сильныя движенія стола

* Подъ музыкою г. Вагнеръ разумѣетъ непрерывную игру табатерки съ музыкою. Впрочемъ табатерка иногда замѣняется дамою непрерывно наигрывающею въ сосѣдней комнатѣ шотландскіе мотивы.

которыхъ я былъ свидѣтелемъ происходили при дневномъ свѣтѣ, во время сильнѣйшей грозы.

За то я вполнѣ согласенъ съ г. Вагнеромъ относительно важности послѣдняго условія—особаго общаго настроенія, охватывающаго всѣхъ, или большинство лицъ производящихъ опытъ. Настроеніе — дѣло темное и сложное, и его трудно опредѣлить словами. Могу указать лишь на нѣкоторые изъ элементовъ изъ которыхъ, по моимъ наблюденіямъ, слагается это настроеніе. Это напряженное ожиданіе общаго явленія (у большинства желаніе чтобъ они совершились) и физическая усталость отъ неподвижнаго положенія, сопровождаемая большимъ или меньшимъ онемѣніемъ рукъ и ногъ. Этихъ двухъ причинъ достаточно чтобы черезъ нѣсколько времени въ извѣстной степени разстроитъ нервы всѣхъ участвующихъ въ опытѣ. Поэтому музыкальная пытка, къ которой прибѣгаетъ при своихъ опытахъ г. Вагнеръ, кажется мнѣ излишнею жестокостью.

Въ чемъ условія опыта? На столѣ, то-есть на чрезвычайно сложномъ аппаратѣ, состоящій изъ множества склеенныхъ брусковъ, дощечекъ, фанерокъ, даютъ десять или двѣнадцать рукъ. Давленіе это сперва равномернo и слабо, и производится сверху внизъ. Мало по малу, вслѣдствіе усталости и онемѣнія членовъ, давленіе это становится сильнѣе и неравномернѣе, направленіе его колеблется во всякой отдѣльной рукѣ совершенно независимо отъ воли и сознанія лицъ производящихъ опытъ. Поверхность стола мало по малу нагрѣвается у краевъ, и если на немъ нѣтъ ковра, пропитывается влагою. Разнообразныя давленія, произведенныя руками, то слагаются, то уравниваются, какъ между собою, такъ и съ дѣйствіемъ теплоты и влаги. Наконецъ этой суммѣ вліяній подвергается внутри стола какая-нибудь точка находящаяся въ напряженномъ состояніи (такихъ точекъ всегда много во всякомъ предметѣ склеенномъ изъ кусковъ дерева различной сухости и плотности). Происходитъ разрывъ древесной фибры или тонкой прослойки клея, то-есть стукъ или трескъ, происхожденіе котораго прослѣдить невозможно, ибо явленіе слагается изъ бессознательныхъ, весьма слабыхъ движеній нѣсколькихъ лицъ. *

* По наблюденіямъ г. Вагнера, движенія стола начинаются прежде стука. Мнѣ случалось видѣть и это. Описываю явленія въ томъ видѣ въ какомъ они представлялись мнѣ всего чаще.

Въ большинствѣ случаевъ, этотъ первый стукъ производить замѣтное впечатлѣніе на присутствующихъ. Нервное напряженіе усиливается, вниманіе еще болѣе отвлекается отъ рукъ, все болѣе и болѣе нѣмвующихъ. Начинаются движенія стола, сопровождаемыя разнообразными звуками. Сперва два слова о движеніяхъ.

Сначала они не представляютъ никакой правильности: это легкія нагибанія въ ту или другую сторону, слабыя попытки къ вращательному или поступательному движенію. Но мало по малу ихъ характеръ выясняется и складывается по одному изъ двухъ типовъ: по типу вращенія или по типу качанія, сопровождаемаго, разумѣется, постукиваніемъ.

Движеніе перваго типа преобладало въ началѣ повѣтрія на опыты этого рода. Къ нему относится объясненіе Фарадея, къ которому не считаю нужнымъ ничего прибавить. Замѣчу только что при крайнемъ развитіи этого явленія (я видалъ столы положительно вальсирующие по комнатамъ), адепты, принужденные слѣдить за быстрымъ движеніемъ стола, на которомъ лежатъ ихъ руки, тѣмъ самымъ подталкиваютъ его по направленію вращенія. Избѣгнуть этого почти невозможно.

Въ настоящее время, съ развитіемъ стологоворенія и умноженіемъ такъ-называемыхъ медіумовъ, стало преобладать покачиваніе съ постукиваніемъ. Въ присутствіи медіума, или еще лучше, какъ совѣтуетъ г. Вагнеръ, двухъ, помѣщенныхъ насупротивъ другъ друга, это явленіе становится почти неизбѣжнымъ.

Происхожденіе этого движенія, насколько хватаютъ мои наблюденія, слѣдующее: Всѣ люди съ разстроенными нервами болѣе или менѣе подвержены такъ-называемымъ *тикамъ* (tics) то-есть, произвольнымъ, ритмическимъ сокращеніямъ извѣстныхъ мышцъ. Эти сокращенія выражаются либо подергиваніями въ лицѣ, либо покачиваніями ноги или всего туловища, либо произвольнымъ перебираниемъ пальцами. Эти *тики* постоянно усиливаются при всякомъ напряженіи нервной системы, при всякомъ неудобномъ или утомительномъ положеніи тѣла. Это движенія которыя могутъ быть остановлены по произволу, но которыя могутъ повторяться всегда долго помимо сознанія лица ихъ производящаго. Точно также могутъ они быть остановлены бессознательно, а именно всякою, хотя бы незначительною, но внезапною

переменною во внешних условиях, словомъ, звукомъ, видимымъ явленіемъ, возбуждающимъ мгновенно вниманіе субъекта подверженнаго тѣлу. Наконецъ, движенія эти имѣютъ собственный, болѣе или менѣе опредѣленный ритмъ, но легко подчиняются каждому ритмическому шуму, напримеръ, музыкѣ, чиканью часовъ и т. д., и даже нерѣдко возбуждаются внешними впечатлѣніями, имѣющими ритмическій характеръ. Полагаю что въ справедливости всего сказаннаго убѣдится всякій кто возьметъ на себя трудъ нѣкоторое время наблюдать за нервными субъектами, въ особенности дѣтьми. Если же сказанное справедливо, то вполнѣ понятно почему при участіи весьма нервныхъ субъектовъ движеніе стола рано или поздно должно принять характеръ ритмическаго качанія. Изъ разнообразныхъ, неправильныхъ давленій, коимъ подвергается столъ, неминуемо должно взять верхъ то которое повторяется ритмически, ибо всякій послѣдующій толчокъ усиливаетъ вліяніе предыдущаго, и ритмы произвольныхъ движеній разныхъ субъектовъ мало по малу согласуются между собою. При этомъ произвольныя мышечныя сокращенія могутъ быть весьма слабы, они могутъ происходить въ любой части тѣла — приведеніе стола въ качательное движеніе или возникновеніе внутри его ритмическаго стука или треска становится только вопросомъ времени.

Что касается до прочихъ звуковъ сопровождающихъ столотвореніе, то я долженъ сознаться что мнѣ никогда не случалось слышать ничего необъяснимаго. Звуки въ столѣ всегда мнѣ казались слѣдствіемъ давленія на него произведеннаго, звуки исходящіе изъ другихъ точекъ комнаты имѣли тотъ характеръ обыденныхъ звуковъ, видоизмѣненный окружающею тишиною, напряженіемъ нервовъ и вниманіемъ, какой имѣютъ, напримеръ, звуки слышимые ночью, въ тихомъ домѣ, во время бессонницы. По всей вѣроятности это происходитъ отъ того что я никогда не присутствовалъ при опытахъ руководимыхъ профессиональнымъ медиумомъ.* Не сомнѣваюсь что при такихъ опытахъ слышатся звуки несравненно болѣе разительные. Это я заключаю

* Такъ г. Вагнеръ называетъ медиумовъ получающихъ за участіе въ сеансахъ опредѣленную плату.

изъ важности которая придается этимъ звукамъ всѣмъ убѣжденными спиритами.

Таковы явленія столовращенія въ томъ видѣ въ которомъ они доступны наблюденію безъ участія медиума. Въ присутствіи же медиума, и притомъ профессиональнаго, къ нимъ присоединяется движеніе другихъ предметовъ въ комнатѣ (часто весьма тяжелой мебели), и что всего страннѣе, *отдѣленіе отъ пола и поднятіе всего стола* до аршина вышины, причемъ, по наблюденіемъ г. Вагнера, онъ можетъ провисѣть на воздухѣ до 12 секундъ. Это весьма рѣдкое явленіе, происходящее исключительно въ темнотѣ, наблюдать я не имѣлъ случая, и оно совершается лишь въ сопровожденіи иныхъ манифестацій высшаго порядка, поэтому предоставляю себѣ поговорить о немъ въ послѣдствіи.

Люди которымъ доводится быть свидѣтелями описанныхъ явленій и участвовать въ ихъ вызваніи раздѣляются на двѣ категоріи. Одни, и это, къ счастью, большинство, выносятъ изъ нихъ впечатлѣніе сходное съ тѣмъ которое они произвели на меня, то-есть движенія стола и сопровождающіе ихъ звуки представляются имъ слѣдствіемъ непривольныхъ мышечныхъ движеній тѣхъ лицъ которыя прикасаются къ столу. Другія, и это по большей части женщины, люди склонные къ мистицизму или страдающіе болѣе или менѣе сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, приходятъ къ убѣжденію что между движеніемъ стола и мышечными движеніями соприкасающихся съ нимъ лицъ нѣтъ никакой связи, и что видѣнныя ими явленія зависятъ отъ особой неизвѣстной силы. Это ошибка очень понятная, ибо всякое нервное разстройство прелатствуетъ наблюденію надъ самимъ собою и надъ явленіями окружающей среды. Но что на первый взглядъ гораздо страннѣе, почти всѣ люди этой категоріи, вмѣсто того чтобъ остановиться на изслѣдованіи этой неизвѣстной силы и ея любопытныхъ проявленій, прямо переходятъ къ высшей ступени спиритизма—къ стологоворенію. Настоятельно обращаю вниманіе читателя на громадность скачка который нужно совершить чтобы перейти отъ перваго разряда явленій ко второму. Явленія столовращенія, если допустить ихъ независимость отъ нашихъ мышечныхъ движеній, могутъ только заставить насъ допустить что нервные токи, происходящіе въ человѣческомъ тѣлѣ, способны при извѣстныхъ услови-

лкъ приводить въ движеніе предметы внѣ нашего тѣла лежащія, безъ посредства мышечныхъ сокращеній—допущеніе противорѣчащее всѣмъ физиологическимъ аналогіямъ, но въ сущности лишь количественно измѣняющее наше воззрѣніе на извѣстныя явленія природы. Если же мы допустимъ такую же независимость стологоворенія отъ экспериментатора, матеріальную и психическую, мы должны будемъ признать существованіе мириадъ духовныхъ существъ всегда готовыхъ сообщаться съ нами при посредствѣ столовъ, существъ безплотныхъ, впрочемъ вполне знакомыхъ съ нашими языками, и притомъ неизмовѣрно пошлыхъ и глупыхъ или же находящихся въ постоянномъ лихорадочномъ бреду. Читатель согласится что это второе допущеніе ставитъ вверхъ дномъ всѣ понятія нормальнаго человѣка объ окружающемъ его мірѣ. Притомъ между первымъ и вторымъ допущеніемъ нѣтъ и тѣни логической связи. Есть только связь чисто внѣшняя, одинаковость инструмента—стола, служащаго для спиритическихъ опытовъ. Меня долго занималъ вопросъ о томъ какимъ образомъ и почему совершается это психологическое salto mortale, пока я наблюденіемъ не убѣдился въ томъ что оканчокъ только кажущійся и что окъ, въ сущности, вовсе не совершается. Дѣло въ томъ что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, къ стологоворенію переходятъ только тѣ лица которыя и къ столовращенію приступали не въ качествѣ безпристрастныхъ изслѣдователей, но съ несознаннымъ желаніемъ или страхомъ чего-то сверхъестественнаго, словомъ, въ настроеніи ожидающемъ только предлога, чтобы перейти въ увлеченіе. Таково впечатлѣніе выведенное мною изъ моихъ наблюденій надъ спиритами, и оно объясняетъ мнѣ почему явленія столовращенія, представляющіяся инымъ лицамъ лишь любольтною механическою загадкою, другимъ принимаютъ въ крайнее нервное возбужденіе и, даже въ самой слабой и неопредѣленной формѣ, кажутся имъ безусловно необъяснимыми.

Да то людямъ относящимся спокойно и трезво къ столовращенію, и стологовореніе представляется совершенно въ такомъ видѣ чѣмъ людямъ разстроившимъ себѣ нервы при попыткахъ перваго разряда. Они видятъ въ стологовореніи явленіе крайне любольтное, но вполне объяснимое безъ помощи интеллектуальной силы посторонней людямъ сопрягающимся со столомъ.

Перехожу къ разсмотрѣнію этихъ новыхъ явленій, оговариваясь напередъ что буду уломинать лишь о тѣхъ случаяхъ, мною видѣнныхъ, въ которыхъ, по крайнему моему убѣжденію, основанному на близкомъ знакомствѣ съ участвовавшими лицами, не могло быть умышленнаго обмана. Случаи въ которыхъ возможно хотя бы малѣйшее подозрѣніе, разумѣется ничего не доказываютъ.

Для стологоворенія, то-есть для того чтобы столъ, по условленной азбукѣ, выстукивалъ буквы, составляющія слова и фразы, необходимо присутствіе медиума. Для убѣдительности опыта желательно чтобы медиумъ не былъ профессиональный, то-есть не получалъ денегъ за участіе въ сеансахъ. Всѣ мои наблюденія относятся къ медиумамъ непрофессиональнымъ.

Что такое медиумъ? По опредѣленію г. Вагнера, это „лицо котораго нервная система вѣроятно имѣетъ весьма тонкое, но тѣмъ не менѣе достаточно сильное отличіе отъ нервной системы обыкновенныхъ людей и можетъ вызвать всѣ эти явленія, которыя, мнѣ кажется, можно назвать психологическими“.

Постараюсь вѣсколько точнѣе опредѣлить это „весьма тонкое, но тѣмъ не менѣе достаточно сильное отличіе“. По моимъ наблюденіямъ медиумъ есть лицо способное, при извѣстныхъ нервныхъ настроеніяхъ, производить безсознательно движенія и дѣйствія, въ нормальномъ состояніи сопровождающія сознаніемъ. Подобныя нервныя состоянія не составляютъ рѣдкости. Нѣтъ почти человѣка который въ извѣстномъ возрастѣ не подвергался бы хотя легкимъ припадкамъ лунатизма. Почти всякій нервный субъектъ способенъ подъ извѣстными условіями власть въ искусственный сомнамбулизмъ. Въ этомъ состояніи совершаются, помимо сознанія, болѣе или менѣе сложныя дѣйствія, изъ которыхъ самое обыкновенное есть связанный отвѣтъ на данный вопросъ. Оставляю въ сторонѣ тѣ крайніе случаи гдѣ это безсознательное состояніе сопровождается ясновидѣніемъ. Замѣчу только что въ этихъ нервныхъ состояніяхъ встрѣчаются всѣ возможныя постепенности въ интенсивности безсознательной дѣятельности. Для медиумичности выражающейся въ стологовореніи достаточно самой слабой степени этого искусственнаго сомнамбулизма, степени столь неувловимой что безъ помощи стола ее почти невозможно было бы отличить отъ

нормального состоянія. Дѣйствительно вспомнимъ сказанное о причинахъ качанія и постукиванія стола. Онѣ заключаются въ ритическихъ движеніяхъ, въ нормальномъ состояніи не доходящихъ до сознанія, движеніяхъ слособныхъ останова- виться столь же бессознательно. Представимъ же себѣ эту бессознательность хоть немного усиленною и возьмемъ про- стѣйшій примѣръ стологоворенія, вопросъ на который не можетъ послѣдовать иного отвѣта какъ *да* или *нѣтъ*. Буквы алфавита вычитываются подъ ритмъ мѣрнаго выстукиванія стола. Не согласится ли со мною читатель что существуютъ громадные шансы въ пользу остановки бессознательнаго дви- женія, стало-быть и стука, на буквахъ *д* или *н*? Это един- ственные моменты въ которыхъ прерывается тоскливое одно- образіе этой безконечно скучной процедуры, единственные моменты въ которые на чемъ-нибудь сосредоточивается вни- маніе медиума, утомленное однообразнымъ, безсодержатель- нымъ напряженіемъ. Звукъ этихъ буквъ играетъ тутъ роль внезапнаго оклика, заставляющаго нервнаго ребенка бессо- знательно прекратить свои бессознательныя гримасы. Съ еще болѣею вѣроятностію буква *д* повлечетъ за собою букву *а*, буква *н* буквы *ъ*, *т*, *з*.

Какъ только медиумъ добился какого-либо простаго резуль- тата въ этомъ родѣ, его нервное возбужденіе возрастаетъ въ громадной степени. Онъ теряетъ послѣдніе слѣды контроля надъ своими движеніями, послѣдніе остатки способности къ самонаблюденію. Подъ его руками слагаются слово за сло- вомъ, фраза за фразой. Притомъ, сначала, эти слова и фра- зы совершенно безсвязны и бессмысленны. Первыя ихъ бук- вы обыкновенно возникаютъ совершенно случайно и наво- латъ на слѣдующія. Случайно сложившееся слово влечетъ за собою цѣлую фразу. Первыя фразы имѣющія смыслъ обыкновенно суть цитаты (всего чаще стихи) изъ авторовъ извѣстныхъ медиуму. Это въ высшей степени характери- стично. Всякій знаетъ по опыту какъ неотвязчиво, при извѣстныхъ нервныхъ настроеніяхъ, насъ преслѣдуетъ ка- кой-нибудь стихъ, даже въ то время когда мысли на- ши заняты совершенно другимъ. Весьма поучителенъ при- мѣръ приведенный г. Вагнеромъ. Столъ подъ руками медиума выстукалъ всѣмъ извѣстный стихъ Данте рус- скими буквами. Происхожденіе этого явленія можно объ- яснить почти безошибочно. Столъ совершенно случайно

выстукалъ безсмысленный наборъ буквъ *n, e, c, y, n, m, a*.... Воображеніе медиума устремленное на эти звуки бессознательно дополнило ихъ тѣми звуками которое оно привыкло съ ними соединять и вышло:

Nessun maggior dolore и т. д.

Затѣмъ слѣдуютъ самостоятельныя фразы, всего чаще общія мѣста и пошлости, отвѣты, по большей части безтолковыя и неясныя, на задаваемые вопросы, отрывочныя афоризмы блуждающіе около какого-либо понятія, словомъ, это бредъ, но не „бредъ пророческихъ духовъ“, а бредъ несчастнаго медиума, быстрыми шагами подвигающагося къ полному нервному разстройству.

Я описалъ тотъ способъ выстукиванія буквъ котораго я былъ свидѣтелемъ. При опытахъ г. Вагнера употреблялся нѣсколько иной способъ. Столъ молчалъ во время пропознесенія азбуки и обозначалъ стукомъ лишь тѣ буквы изъ которыхъ составлялась получаемая фраза. Читатель согласится что это различіе не существенное. Если допустить что стукъ имѣютъ свой источникъ въ бессознательныхъ движеніяхъ медиума, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что при отсутствіи ритмическаго тика, эти движенія совпадаютъ съ буквами видъ или звукъ которыхъ особенно возбуждаетъ нервную систему пациента. Способъ употребленный г. Вагнеромъ вѣроятно требуетъ нѣсколько большаго нервнаго напряженія чѣмъ тотъ который я описалъ. Но за то онъ затрудняетъ наблюденіе. Дѣло въ томъ что въ каждомъ столѣ найдется немного точекъ легкое давленіе на которыя могло бы произвести стукъ безъ предварительнаго раскачиванія. Поэтому роль медиума при подобныхъ опытахъ будетъ выпадать случайно то на одно, то на другое лицо. Это прибавитъ опытамъ больше разнообразія и сбивчивости.

Объяснюсь точнѣе. При продолжительныхъ и повторенныхъ опытахъ стологоворенія съ участіемъ одного медиума, среди потока общихъ мѣстъ, цитатъ и бессмыслицъ, рано или поздно выясняется въ писаніяхъ стола извѣстный характеръ какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ этихъ сообщеній. *Характеръ этотъ положительно и несомнѣнно соответствуетъ кругу понятій, интересамъ, привычкамъ, даже мельчайшимъ идиосинкразіямъ медиума.* Проскакиваютъ обороты рѣчи, приемы мышленія, симпатіи и антипатіи вполнѣ

убедительныя въ этомъ отношеніи для лицъ близко знающихъ медиума.

Быть-можетъ читателю покажется слишкомъ обширною та область которую я удѣляю бессознательной дѣятельности мышечной и психической лицъ повидимому здоровыхъ, какковы бываютъ нѣкоторые медиумы. Но пусть онъ вспомнитъ что производять, совершенно бессознательно, лунатики—ихъ способность къ эквилибрическимъ фокусамъ, къ связной, осмысленной рѣчи, даже къ писанію. Пусть онъ вспомнитъ что состояніе лунатизма можетъ быть вызвано искусственно, не только приемами магнетизера, но чисто физическими вліяніями, сильнымъ, однообразнымъ возбужденіемъ одного изъ органовъ чувствъ (такъ-называемый гипнотизмъ), длиннымъ повтореніемъ ритмическихъ возбужденій зрѣнія и слуха, и пусть онъ сравнитъ сложность бессознательныхъ дѣйствій совершаемыхъ лунатиками, съ элементарною простотою тѣхъ бессознательныхъ дѣйствій которыя достаточны для низшихъ степеней стологоворенія.

Мнѣ неизвѣстно кому принадлежитъ честь изобрѣтенія стологоворенія посредствомъ выстукиванія. Но нельзя не сказать что это изобрѣтеніе въ высшей степени остроумно и целесообразно. Едва ли можно придумать приемъ самообольщенія болѣе простой и вѣдѣть съ тѣмъ болѣе тонкій. Этимъ отчасти объясняется его громадный успѣхъ.

Еще двадцать тому назадъ былъ распространенъ иной способъ стологоворенія, несравненно менѣе совершенный. Употреблялись миниатюрныя столики въ которые вставлялся, кончикомъ внизъ, карандашъ. На столикъ, подъ который подкладывался листъ бумаги, клали руку медиума, и карандашъ писалъ. Само собою разумѣется что при этихъ условіяхъ самообольщеніе было гораздо труднѣе и требовало гораздо сильнѣйшаго расстройтва нервной системы чѣмъ при нынѣшнемъ способѣ стологоворенія. Тѣмъ не менѣе, трудность была не такъ велика какъ кажется съ перваго взгляда. Близость карандаша и бумаги, въ силу привычнаго рефлекса, удивительно предрасполагала руку къ движеніямъ писанія. Даже лодъ руками лицъ никогда не бывшихъ медиумами, карандашъ нерѣдко чертилъ каракули связанныя на подобіе буквъ. Одинъ разъ, въ моемъ присутствіи, человѣкъ замѣчательный своимъ физическимъ и нравственнымъ самообладаніемъ положилъ случайно руку на столикъ, и каран-

дашь явственно начерталъ росчеркъ которымъ это лицо имѣло привычку пробовать перья. Что касается до медиумовъ, то они всѣ, предварительно разстроивъ свои безъ того слабые нервы долгими и тщетными опытами, доходили до того что столбикъ писавъ подъ ихъ рукою *пожило изъ сознательной воли*. Характеръ этихъ писаній былъ точъ въ точъ такой же какъ и при нынѣшнемъ стологовореніи, только сообщенія были многословнѣе, обильнѣе и по этому самому поучительнѣе. Въстѣ съ тѣмъ нервное разстройство, неминуемое слѣдствие всѣхъ подобныхъ упражненій, развивалось несравненно быстрѣе чѣмъ при писаніи постукиваніемъ. Одинъ близкій мнѣ медиумъ былъ спасенъ отъ полного сумашествія лишь острою, страшною нервною болѣзью, заставившею его прекратить свои вредныя занятія.

До сихъ поръ я говорилъ о явленіяхъ извѣстныхъ мнѣ лишь по личному опыту и описывалъ и объяснялъ лишь то что видѣлъ, не вдаваясь въ разборъ однородныхъ явленій описанныхъ г. Вагнеромъ. Въ этой области спиритизма, видѣнное имъ и мною до того сходно, что такой разборъ казался излишнимъ. Перехожу теперь къ явленіямъ высшаго порядка, никогда мною не виданнымъ, но засвидѣствованнымъ гг. Вагнеромъ и Бутлеровымъ. Слѣшу заявить что это двойное свидѣтельство для меня важнѣе лучшаго опыта. Еслибъ я *одинъ* видѣлъ то что одновременно видѣли оба эти ученые, я бы безусловно счелъ себя жертвою галлюцинации или ловкаго обмана, и счелъ бы излишнимъ сообщать печатно о видѣнномъ. Но пусть судятъ сами читатели. Выписываю дословно *разказъ* г. Вагнера объ этихъ явленіяхъ, принадлежащихъ уже къ области *дуговиднѣя*.

„Въ Лондонѣ и Америкѣ спириты давно уже пришли къ убѣжденію что медиумическія явленія совершаются гораздо усилѣннѣе и интенсивнѣе когда медиумъ сидитъ отдаленно отъ кружка, въ темномъ помѣщеніи, за занавѣской, гдѣ онъ вскорѣ впадаетъ въ магнетическій сонъ. Такіе сеансы извѣстны подъ именемъ „*face seance*“. Мы приложили этотъ самый способъ къ Бредифу. * Мысль этого приложенія пришла въ голову въкоторымъ спиритамъ, которме были свидѣтелями медиумическихъ явленій при такихъ условіяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

* Камилль Бредифъ, — профессиональный медиумъ, участвовавшій по найму въ опытахъ г. Вагнера, личность, по его свидѣтельству, не внушающая довѣрія.

„Я опишу здѣсь одинъ изъ такихъ сеансовъ, который происходилъ въ средѣ нашего обыкновеннаго кружка, то-есть состоящаго изъ меня, Бутлерова, Аксакова, жены его и доктора А. Сеансъ происходилъ, по обыкновению, въ квартирѣ Аксакова. Одна изъ дверей его кабинета, съ глубокою амбразурой, была назначена для помѣщенія медиума. Олуцкая портьера изъ тонкаго сѣраго сукна отдѣляла эту амбразуру отъ кабинета и дѣлала помѣщеніе совершенно темнымъ. Кстати замѣчу здѣсь что темнота составляетъ одно изъ любимыхъ условій для медиумическихъ явленій, а для того отдѣла ихъ о которомъ теперь идетъ рѣчь, это условіе превращается въ необходимость. Въ описываемомъ сеансѣ мы улотребляли для освѣщенія одну стеариновую свѣчу, которая была поставлена въ углу комнаты и заслонена ширмочкой.

„Предварительно предъ этимъ сеансомъ было обычное засѣданіе за столомъ. Вѣроятно, оно необходимо для того чтобы привести всѣхъ участвующихъ въ сеансѣ въ одинъ согласный строй. Во время этого сеанса были обычные стуки, движенія, поднятія стола, и затѣмъ, спустя полчаса, мы приступили къ устройству сеанса a parte. Осмотрѣвъ, хорошо ли заперта дверь которая вела въ амбразуру, превращенную въ темное помѣщеніе, и спрятавъ ключъ отъ нея, мы занялись связываніемъ медиума, для того чтобы предохранить себя отъ обмана съ его стороны. Способъ завязки былъ нами заранѣе тщательно обдуманъ.“

Слѣдуетъ подробное описаніе этого способа.

„За занавѣскою, напротивъ Бредифа, былъ поставленъ маленький столикъ, на которомъ лежало нѣсколько чистыхъ лоскутковъ бумаги и карандашъ. Устроивши все это, мы опустили занавѣску, поставили предъ нею въ серединѣ небольшой столикъ, на которомъ положили тамбуринъ, колокольчикъ и нѣсколько карандашей. Около этого стола подлѣ самой занавѣски справа помѣстился Бутлеровъ, докторъ А. и гжа Аксакова; слѣва сидѣлъ Аксаковъ и я. Вскорѣ мы перемѣнились съ нимъ мѣстами. Довольно большой ящикъ съ музыкой, поставленный на другомъ столѣ, игралъ во все продолженіе сеанса.

„Спустя нѣсколько минутъ послѣ того какъ мы сѣли Бредифъ сказалъ: *o ça vient! Je sens l'oppression....* — затѣмъ за занавѣской все смолкло. Черезъ три минуты послѣ этого мы услышали рѣзкіе стуки въ косякъ двери, и вся занавѣска заколыхалась, какъ будто кто-нибудь въ различныхъ мѣстахъ трогалъ ее руками. Вскорѣ въ серединѣ, въ разрѣзѣ, нѣсколько выше стола за которымъ мы сидѣли, появилась рука. Хотя эта дрожащая рука оставалась нѣсколько мгновений и въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, но тѣмъ не менѣе мы вѣ очень ясно видѣли форму этой руки, небольшою, узкою женскою руки, которая вовсе не походила на руку Бредифа.

Вслѣдъ за тѣмъ какъ она исчезла, я тихонько раздвинулъ портьеру и сквозь отверстіе ясно видѣлъ руки медіума, спокойно лежація на его колѣняхъ.

„Затѣмъ мы услышали какъ двигался маленькій столикъ, который былъ за занавѣской, услышали какъ сильно шелестѣли бумажки, которыя лежали на столикѣ, и какъ двигался по нимъ карандашъ. На вопросъ: „Жеке, ты пишешь намъ? всѣмъ намъ?“ послѣдовали утвердительные удары въ косякъ двери.

„Я долженъ здѣсь привести небольшое объясненіе по поводу уютребленнаго нами имени Жеке. Спириты которые пользовались услугами Вредифа увѣряютъ что къ нему является духъ китайской женщины, которая называетъ себя Жеке. Я, разумѣется, не желалъ вмѣшиваться въ эти суетвѣрные объясненія. Мнѣ было все равно подъ какими именемъ и при какихъ воображаемыхъ условіяхъ происходитъ явленіе.

„Черезъ нѣсколько мгновеній мы услышали еще болѣе яственный шелестъ бумажками, какъ будто ихъ складывали. Затѣмъ занавѣска заколыхалась, кто-то дрожащими руками шарилъ около отверстія и на мгновеніе выдвинулась опять та же рука и въ ней двѣ сложенные бумажки. Мы взяли ихъ. Одна была пустая, на другой нацарапана небольшая каракуля. По окончаніи сеанса, когда мы осматривали пустое помѣщеніе, то на полу нашли двѣ другія бумажки. На одной, на углу, было написано Je..., на другой довольно четко и красиво Жеке — съ росчеркомъ. Въ теченіе слѣдующихъ сеансовъ эта подпись сдѣлалась гораздо тверже и явственнѣе. Кроме того, мы получили нѣсколько написанныхъ фразъ: Жеке, si Février 23..., Je vous aime, mais je..., Grâces à Dieu, je vais bien....

„Затѣмъ мы услышали обычные пять ударовъ — требованіе азбуки. Стуки означали три буквы: Т, а, ш.... — „Tambourin!“ — догадались мы, и послѣ подтвержденія тамбуринъ былъ переданъ. Его тотчасъ же взяли и начали на немъ сильно выстукивать подъ тактъ музыки. При этомъ онъ отзывался въ разныхъ точкахъ темнаго помѣщенія. Но всего интереснѣе были прикосновенія этой руки, которая намъ являлась, или, правильнѣе говоря, при насъ образовалась, руки совершенной теплою, маленькою, женскою, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной человѣческой руки. Каждый изъ насъ кто пожелалъ вдвинуть свою руку за занавѣску, чувствовалъ какъ трогали его руку и пожимали его пальцы. Съ меня рука пробоваала стащить кольцо и очень явственно зацѣпляла его ногтемъ. Черезъ сукно занавѣски мы всѣ совершенно явственно ощущывали эту руку; я сжималъ ея пальцы, ощущывалъ на нихъ ногти. Точно также эта рука или эти руки, въ свою очередь, схватывали и сжимали наши руки, утягивали ихъ внутрь темнаго помѣщенія. Одинъ разъ занавѣска въ той сторонѣ гдѣ сидѣлъ медіумъ сильно отодвинулась и при

поднялась, такъ что Бутлеровъ и докторъ А., сидѣвшіе съ этой стороны, явственно видѣли Бредифа сидящаго на стулѣ неподвижно, со сложенными руками и завязками на локтяхъ, и надъ его головой мелькала изъ-за занавѣски бѣлая рука.

Вскорѣ послѣ этого явленія стали слабѣе, и наконецъ все прекратилось. Мы услышали движенія и вздохи медиума, который просыпался. Мы тщательно осмотрѣли его положеніе. Всѣ наши узлы и завязки были не тронуты. Допустить какое-нибудь участіе съ его стороны или фокусничество было положительно невозможно. Правда, какой-нибудь скелтикъ можетъ заподозрить самое помѣщеніе, косяки, дверь, наконецъ самую дверь, которая могла быть отперта со стороны противоположной занавѣскѣ, и какой-нибудь помощникъ медиума могъ проскользнуть и разыграть роль видѣнныхъ нами и осязаемыхъ рукъ. Но такое предположеніе для насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, лишено всякаго человѣческаго смысла. Мы очень хорошо знаемъ что косяки двери—самые обыкновенные косяки и что никто къ ней не подходилъ, не могъ подходить во все время сеанса. Притомъ эта дверь была отчасти видима для насъ сквозь отверстіе, оставленное въ занавѣскѣ. Повторяю еще разъ что для всѣхъ насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, всѣ происходившія явленія имѣютъ несомнѣнную неподдѣльность и полнѣйшую объективность. Всѣ они повторялись съ различными измѣненіями въ теченіе нѣсколькихъ сеансовъ.

„Я привожу здѣсь факты, толкованіе которыхъ считаю въ настоящее время положительно невозможнымъ. Всѣ видѣли, осязали руки, сложившіяся въ нашемъ присутствіи. Правда, мы не видали самаго процесса образования, но мнѣ кажется вполнѣ возможнымъ и даже необходимымъ допустить его.“

Еще разъ наложивъ читателю что сомнѣваться въ объективной дѣйствительности этихъ удивительныхъ явленій мы не имѣемъ права. Они происходили въ присутствіи двухъ извѣстныхъ ученыхъ, и засвидѣтельствованы однимъ изъ нихъ, слѣдовательно они представлялись одновременно обоимъ, и притомъ въ видѣ тождественномъ до мельчайшихъ подробностей, иначе г. Вагнеръ довелъ бы до нашего свѣдѣнія различіе между его впечатлѣніями и впечатлѣніями г. Бутлерова. Умалчиваю о прочихъ очевидцахъ, ибо свидѣтельство двухъ извѣстныхъ естествоиспытателей совершенно достаточно.

Разберемъ же вкратцѣ условія опыта. Происходилъ онъ въ весьма слабо освѣщенной комнатѣ, при звукахъ довольно большаго музыкальнаго ящика, предъ лицами давно занимающимися спиритическими манипуляціями, и кромѣ того, предъ самымъ опытомъ настроенными сеансомъ стологово-

ренія. Иными словами, было по возможности затруднено наблюденіе видимыхъ предметовъ, наблюденіе звуковъ, и ослаблена способность присутствовавшихъ ко всякому точному наблюденію. Исслѣдователи помѣстились предъ олущенной занавѣской, за которою находилась залертая изнутри дверь. Между дверью и занавѣской помѣщался привязанный руками и ногами къ стулу профессиональный медиумъ. Затѣмъ, въ продолженіе часа съ небольшимъ, произошло слѣдующее: занавѣска заколыхалась, были слышны разнообразныя звуки, наконецъ изъ-за нея высунулась маленькая женская ручка, которая передавала предметы изъ-за занавѣски присутствующимъ, брала изъ ихъ рукъ другіе и написала (за занавѣской) кое-какую безсмыслицу.

Изъ этихъ явленій г. Вагнеръ заключаетъ что въ пространствѣ между занавѣской и дверью сложилось женское тѣло или одна женская рука* и, совершивъ разныя безсмысленныя дѣйствія, исчезла безъ слѣда. Читатель ошеломленъ насильственностью этого объясненія, тѣмъ болѣе что г. Вагнеръ самъ упоминаетъ о другомъ, вполнѣ естественномъ. Это объясненіе заключается въ существованіи, безъ вѣдома хозяина дома, другаго ключа отъ двери находящейся за занавѣской. Изумленіе наше возрастаетъ когда г. Вагнеръ объявляетъ намъ что эта альтернатива въ данномъ случаѣ невозможна, не приводя доказательствъ этой невозможности, изъ чего мы въ правѣ заключить что такихъ доказательствъ у него нѣтъ. Почему же г. Вагнеръ предпочитаетъ первое объясненіе второму? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ. Потому что это объясненіе было готово въ его умѣ прежде чѣмъ онъ былъ свидѣтелемъ описанныхъ имъ явленій. Дѣйствительно, отъ стологоворенія до духовидѣнія только одинъ шагъ. Допустивъ существованіе интеллектуальныхъ силъ слѣдующихъ съ нами посредствомъ столовъ, убѣдившись въ разительномъ ихъ сходствѣ съ нами, мы невольно привыкаемъ придавать имъ мысленно всѣ атрибуты человѣческой личности, между прочимъ человѣческой обликъ, и мы уже подготовлены къ тому чтобы встрѣтиться съ ними лицомъ

* Это остается неразъясненнымъ. Г. Вагнеръ, державшій въ своей рукѣ эту таинственную руку, къ сожалѣнію не воспользовался этимъ случаемъ чтобы исслѣдовать имѣлось ли при этой рукѣ предлечіе и т. д.

къ лицу. Мы становимся безоружными предъ всякою галлюцинаціей, предъ всякимъ обманомъ...

Остается мнѣ сказать два слова о явленіи котораго я никогда не былъ свидѣтелемъ, и которое въ сущности относится къ области столовращенія. Но такъ какъ оно происходитъ лишь при участіи профессиональныхъ медиумовъ и въ присутствіи аделтовъ искусившихся въ стологовореніи (исключенія допускаются лишь для лицъ весьма высокопоставленныхъ), притомъ въ темнотѣ и вообще весьма рѣдко, то его мнѣсто скорѣе здѣсь чѣмъ въ началѣ моего обзора. Разумѣю поднятіе всего стола и висѣніе его на воздухѣ, на болѣе или менѣе значительной вышинѣ. Объяснить это явленіе я не берусь, и вѣроятно не взялся бы и въ томъ случаѣ еслибъ былъ его свидѣтелемъ, точно также какъ я не берусь объяснить и десятой доли изъ фокусовъ показываемыхъ, при яркомъ освѣщеніи, самымъ дюжиннымъ фокусникомъ. Но я утверждаю, и г. Вагнеръ конечно согласится со мною, что мыслимо не мало механическихъ объясненій этого явленія, разумѣется при нѣкоторой подготовкѣ, возможность которой никогда вполне не устранена въ присутствіи профессиональнаго медиума. Предлагаю, для примѣра, на усмотрѣніе гг. профессиональныхъ медиумовъ слѣдующее простое и дешевое приспособленіе, требующее лишь присутствія въ обществѣ столовращателей одного помощника. Это два желѣзные браслета, надѣваемые на руки подъ рукава рубашки. На каждомъ браслетѣ виситъ небольшой, но крѣпкій желѣзный крючокъ. Помѣстивъ своего помощника противъ себя, нѣтъ ничего легче какъ въ данный моментъ выпустить въ прорѣзъ рукава крючки, захватить ими снизу верхнюю доску стола, продолжая держать кисти рукъ на его поверхности, и поднять весь столъ на любую вышину.

Кстати о профессиональныхъ медиумахъ. Мы очевидно впади бы въ грубую ошибку, еслибы сочли ихъ за *обыкновенныхъ* обманщиковъ и фокусниковъ. Я даже убѣжденъ что они прибѣгаютъ къ фокусамъ весьма рѣдко, лишь въ крайнихъ случаяхъ. По большей части они люди искренно увлекавшіеся столовращеніемъ и стологовореніемъ, затѣмъ отдавшіе себѣ отчетъ въ ихъ механизмѣ и пользующіеся приобретенною олытностію для возбужденія въ другихъ лицахъ состояній испытанныхъ и переиспытанныхъ ими самими. Имъ стоить только *se laisser aller*, для того чтобы производить

всѣ возможныя столовращенія и стологоворенія. Явленія отъ этого выходятъ такъ—сказать натуральнѣе, то-есть выступають во всей своей самородной нелѣпости, сохраняють тотъ характеръ одуряющаго бреда который всего способнѣе сбить съ толку слабонервнаго зрителя. Это конечно не мѣшаетъ медиуму вставить гдѣ нужно преднамѣренное словечко. Вообще же эта процедура, особенно когда медиумъ имѣеть дѣло съ людьми образованными и мыслящими, требуетъ для полного успѣха большаго такта, чувства мѣры и наблюдательности. Тутъ главное искусство заключается въ томъ чтобы поддерживать въ обществѣ извѣстное настроеніе, кошмарный колоритъ, что дается лишь людямъ испытавшимъ нервныя расстройства, подобныя тѣмъ которыя они хотять вызвать въ своей публикѣ. Наконецъ,—я въ этомъ убѣжденъ,—между профессиональными медиумами есть такіе (et c'est le sublime du genre) у которыхъ страннымъ образомъ чередуется и перелетается шарлатанизмъ съ искреннимъ увлеченіемъ. Такія психическія уродства, отчасти извиняемыя крайнимъ расстройствомъ нервной системы, несомнѣнно существуютъ. Эти медиумы самые опасныя. Къ нимъ, по всѣмъ дошедшимъ до меня свидѣніямъ, я долженъ причислить знаменитаго Юма.

Послѣ всего сказаннаго надѣюсь оправдать предъ г. Вагнеромъ рѣзкое выраженіе употребленное мною въ началѣ моей замѣтки. Я назвалъ его статью положительно вредною. По крайнему моему убѣжденію, столовращеніе есть упражненіе въ бессознательныхъ тѣлодвиженіяхъ, стологовореніе—упражненіе въ бессознательномъ писаніи. Способность къ первымъ и въ особенности ко второму можетъ быть приобретена и изощрена не иначе какъ при весьма серьезномъ потрясеніи нервной системы и не ведетъ ровно ни къ какимъ приобретеніямъ, умственнымъ или нравственнымъ. Совѣтъ г. Вагнера, обращенный къ читателямъ *Вѣстника Европы*, заняться изслѣдованіемъ медиумическихъ явленій—совѣтъ вредный, потому что эти изслѣдованія могутъ быть произведены безъ опасности и съ пользою лишь специалистами по части нервныхъ болѣзней и психіатріи, предметовъ совершенно чуждыхъ массѣ нашей публики. При изслѣдованіи всѣхъ явленій сюда относящихся, первымъ предметомъ наблюденія долженъ быть единственный постоянный элементъ этихъ явленій—медиумъ, затѣмъ лица находящіяся подъ его вліяніемъ. Ни тотъ, ни другія изслѣдованій этихъ производить не

могутъ, ибо ихъ вниманіе обращено не на самихъ себя и другъ друга, а на ожидаемыя движенія и стуки.

Я знаю что протестъ мой недостаточно авторитетенъ: онъ имѣетъ только цѣлью обратить на этотъ предметъ вниманіе людей болѣе меня компетентныхъ. Не сомнѣваюсь что къ моему голосу присоединятся вѣскіе голоса изъ медицинскаго міра.

Прежде чѣмъ кончить мою замѣтку не могу не коснуться послѣдняго аргумента въ пользу спиритизма приведеннаго г. Вагнеромъ. Это чрезвычайное распространеніе этого ученія въ Америкѣ и Англіи. Дѣйствительно, надъ цифрами приведенными г. Вагнеромъ и сообщаемыми отъ времени до времени газетами нельзя не задуматься. Эти цифры имѣютъ громадное значеніе, но не то которое приписываетъ имъ г. Вагнеръ. Онѣ не доказываютъ существованія вѣшнихъ намъ интеллектуальныхъ силъ, говорящихъ съ нами посредствомъ столовъ, но указываютъ на страстную религіозную жажду пробуждающуюся въ протестантскомъ мірѣ вообще, а въ англосаксонской расѣ въ особенности. Ибо нельзя этого не видѣть—спиритизмъ для большинства его увлеченныхъ адептовъ составляетъ суррогатъ религіи. Колоссальное его развитіе на Западѣ одинъ изъ многочисленныхъ предвѣстниковъ великаго религіознаго кризиса, готовящагося въ протестантскихъ церквахъ. Онъ, вмѣстѣ съ экстатическими сектами Сѣверной Америки, подготавливаетъ для этого кризиса тѣ слѣпныя стихійныя силы которыя придаютъ всякому великому религіозному перевороту его роковую мощь, но вмѣстѣ съ тѣмъ затемняютъ его чистоту и ясность....

С. РАЧИНСКИЙ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО РОМАНА ГР. ТОЛСТАГО

Анна Каренина, романъ графа Л. Н. Толстаго. *Русскій Вѣстникъ* 1875 года.

Давно и нетерпѣливо ожидавшійся новый романъ графа Толстаго нѣсколько мѣсяцевъ уже жадно читается всею образованною и полуобразованною русскою публикой. Интересъ возбужденный этимъ произведеніемъ несомнѣненъ; повсюду слышатся толки о немъ, всѣ спрашиваютъ другъ друга: читали вы? Даже люди, по выраженію одного нашего писателя, „нѣсколько беззаботные на счетъ литературы“—и тѣ на этотъ разъ измѣнили своему умственному воздержанію. Романъ еще далеко не оконченъ, но впечатлѣніе уже начинаетъ слагаться, хотя и не вполнѣ однородное. Люди литературный вкусъ которыхъ развитъ настолько что для нихъ задача художественнаго произведенія совершенно ясна приходятъ отъ *Анны Карениной* въ положительный восторгъ и съ наслажденіемъ слѣдятъ за всѣми перипетіями тонко развитой и превосходно воспроизведенной драмы. Не всѣ страницы романа въ одинаковой степени заслуживаютъ ихъ безусловное одобреніе, но иначе и не можетъ быть, когда приходится повѣрять въ себѣ цѣлую массу впечатлѣній, вынесенныхъ изъ произведенія такого значительнаго объема. Однакоже читателей стоящихъ на высотѣ оцѣниваемаго произведенія немного. Продолжительный литературный уладокъ сильно испортилъ вкусы публики; и къ сожалѣнію, искаженіе замѣ-

чается всего болѣе не въ той подспудной средѣ которая мало привыкла давать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, но въ средѣ присяжныхъ цѣнителей, обращающихся къ литературнымъ произведеніямъ съ извѣстными болѣе или менѣе опредѣленными требованіями. Мы конечно не говоримъ о тѣхъ ревизителяхъ „новыхъ идей“ для которыхъ безусловно противно всякое художественное произведеніе и заранѣе безынтересна всякая драма развивающаяся не въ кругу мастеровыхъ и причетниковъ. О такихъ читателяхъ можно только пожалѣть, но справляться съ ихъ литературными впечатлѣніями было бы излишне. Нѣтъ, мы имѣемъ въ виду такихъ цѣнителей которые готовы отнестись къ произведенію безъ предвзятаго вѣлованія, которые считаютъ себя охотниками до художественныхъ наслажденій, которые искренно восхищались *Войной и Миромъ, Казаками, Севастопольскими Разказами*, и въ настоящее время столь же искренно восхищаются въ некоторыми отдѣльными главами и эпизодами *Анны Карениной*. У этихъ читателей успѣхъ послѣдняго романа не лопызъ. Упрекъ съ которымъ они обращаются къ автору — тотъ, что содержаніе романа слишкомъ вседневно, что оно не поднято до какой-то чрезвычайной высоты, на которой они ожидали его видѣть. Они находятъ что талантъ автора слишкомъ привязанъ къ подробностямъ, что слишкомъ много его потрачено на мелочную отдѣлку такихъ характеровъ и явленій жизни которые сами по себѣ не представляютъ де достаточнаго интереса. Они рѣшаются наконецъ сказать что въ романѣ не чувствуется ни подъема авторской мысли, ни подъема изображаемой жизни, и что эта жизнь вообще ниже современной дѣйствительности и удалена отъ ея задачъ и интересовъ. Таковъ самый общій смыслъ впечатлѣнія сложившагося у извѣстной доли читателей, которыхъ нельзя назвать предубѣжденными ни противъ художественной литературы вообще, ни противъ таланта графа Л. Н. Толстаго.

Не входя въ оцѣнку этого впечатлѣнія, мы должны сказать что во всякомъ случаѣ видимъ въ немъ хорошій признакъ. Оно свидѣтельствуетъ что въ нашей публикѣ, такъ долго пробавлявшейся и довольствовавшейся безсодержательными бытовыми картинками и сценками, начинаютъ вообще слагаться болѣе серіозныя требованія; что она тяготится скудостью внутренняго содержанія нашей литературы, что она хотѣла бы видѣть литературу не внизу, а на верху

дѣйствительной жизни. Но обращаясь въ частности къ настоящему случаю, мы не можемъ устраниваться отъ вопроса: поняты ли эти требованія въ ихъ дѣйствительномъ, истинномъ смыслѣ, и вѣтъ ли тутъ нѣкотораго не сознаваемого недоразумѣнія портящаго дѣло?

Надъ этимъ вопросомъ необходимо остановиться.

Возможна двоякаго рода содержательность художественнаго произведенія: художественное произведеніе можетъ имѣть дѣло съ вопросами и интересами присутствующими въ данную минуту въ жизни общества, и можетъ точно также имѣть дѣло съ чисто-внутреннею жизнью человѣка. Каждый человѣкъ болѣе или менѣе живетъ этими двумя жизнями, и какъ бы ни были близки его связи съ обществомъ, сколько бы ни поглощали его общественные интересы и задачи, за всѣмъ тѣмъ въ немъ есть своя частная внутренняя жизнь, глубина и ширина которой зависятъ отъ его интеллектуальнаго уровня, темперамента, натуры и т. д. Разграничить вполне эти двѣ области трудно, но во всякомъ художественномъ произведеніи одна изъ нихъ преобладаетъ надъ другой. Вкусы современной пубрики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературы, склоняются въ пользу первой. Намъ кажется что только то произведеніе интересно и содержательно въ которомъ затрогиваются такъ-называемыя общественныя задачи, ставятся и разрѣшаются такъ-называемые „вопросы“. Въ этомъ элементѣ мы ищемъ той прямой приправы безъ которой литературное произведеніе представляется намъ прѣснымъ. Но если таковы господствующіе въ данную минуту вкусы, это еще не значитъ что удовлетвореніе имъ обязательно для современнаго романиста. Помимо интересовъ общественныхъ, жизнь представляетъ и другіе, съ такимъ же правомъ входящіе въ область художественнаго творчества. Не однѣ только общественныя формы заслуживаютъ вниманія, но и тѣ условія подъ давленіемъ которыхъ человѣкъ живетъ своею внутреннею жизнью. Последнія для романиста-художника представляютъ даже болѣе обширный матеріалъ. Культурныя начала разлитыя въ общественные идеалы въ немъ присутствующіе или отсутствующіе, семейныя отношенія, формы общежитія, явленія повседневной жизни, словомъ, все то что опредѣляетъ общественныя и частныя нравы въ данную эпоху — все это составляетъ законное достояніе романиста, и если онъ не

тратилъ на него свой художественный талантъ, свою наблюдательность, мы конечно не вправѣ будемъ назвать его произведеніе безсодержательнымъ потому только что въ немъ не фигурируютъ земскіе дѣятели, желѣзнодорожные тузы и присяжные повѣренные. Общественность есть только форма, получающая свою жизнь, свое содержаніе отъ нравовъ общества и условій индивидуальнаго развитія, подъ которыми живетъ частный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, внѣшній интересъ романа можетъ показаться намъ значительнымъ когда мы встрѣчаемъ въ числѣ его героевъ такихъ лицъ которыя движутся на поверхности общественной жизни, наполняютъ ее внѣшними фактами, занимаютъ собою столбцы газетъ и т. д. Но достиженіе внѣшняго интереса конечно не составляетъ главной задачи художественнаго произведенія. Интимная, не всплывающая на поверхность, жизнь общества всегда полна серьезнаго и глубокаго интереса. Чтобъ изобразить и освѣтить эту жизнь такъ какъ это сдѣлалъ графъ Толстой, требуется не одинъ только художественный талантъ, но и большая сила мысли. Только эта мысль не носится надъ поверхностью романа, она большею частью лежитъ на днѣ его; выясняется лишь тогда когда читатель серьезно и глубоко вникаетъ въ смыслъ тѣхъ отношеній въ какія авторъ ставитъ дѣйствующихъ лицъ романа, въ тѣ внутреннія задачи съ которыми борются его герои.

Въ самой основѣ романа лежитъ идея которую конечно нельзя назвать мелкою или безынтересною. Это не новый, но тѣмъ не менѣе все еще остающійся открытымъ вопросъ о любви между мужчиной и женщиной не имѣющими возможности вступить въ бракъ потому что одна изъ сторонъ уже находится въ бракѣ. Авторъ повидимому намѣренъ глубоко исчерпать эту идею, или эту задачу, въ своемъ произведеніи. До сихъ поръ она уже дважды предлагается вниманію читателя. Романъ начинается съ того что Долли Облонская обнаруживаетъ невѣрность своего мужа. За этой прелюдіей, какъ бы представляющей тему романа en miniature, въ ея простѣйшей формѣ, раскрывается главная драма, построенная на томъ же мотивѣ. Анна Каренина, замужняя женщина, влюбляется во Вронскаго, и послѣ напряженной борьбы съ своею страстью, уступаетъ ея давленію. Тема, какъ мы сказали, та же, но партитура распредѣлена между главными сюжетами труппы, драма находить здѣсь свой центръ и обѣщаетъ болѣе полное и слож-

ное развитіе. Романъ еще не оконченъ въ печати, и потому нельзя судить о томъ какимъ образомъ авторъ разрѣшаетъ вопросъ. Да и дѣло не въ томъ. Намъ всегда казалось что разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ, то-есть указаніе разумнаго и примирительнаго исхода изъ жизненныхъ затрудненій не входитъ въ задачу беллетристическаго произведенія. Еслибы романисты могли легко распутывать такіе Гордіевы узлы, жизнь распутала бы ихъ еще ранѣе. Но вопросы подобные тому который легъ въ основу романа *Анна Каренина*, въ жизни разрѣшаются лишь насильственнымъ образомъ. Всѣ попытки найти этимъ неразрѣшимымъ вопросамъ какое-либо практическое рѣшеніе — чѣмъ часто занимаются французскіе ювелисты и драматическіе писатели — обыкновенно ни къ чему не приводятъ. Задача художественнаго произведенія заключается въ настоящемъ случаѣ не въ томъ чтобъ явиться на помощь жизни съ готовою развязкой для ея проблемъ, а въ томъ чтобъ анализировать явленіе жизни, дать почувствовать его трагизмъ, его безысходность. И мы видимъ что обиліе красокъ положенныхъ графомъ Толстымъ на обаятельный образъ героини, богатство нѣжныхъ, такъ сказать интимныхъ оттѣнковъ, которыми авторъ рисуетъ главныя сцену романа — все это потрачено на то чтобы ввести изображаемую драму въ самую глубину жизни, облечь ее тѣми дѣйствительными признаками, которые не оставляютъ въ читателѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея полной реальности. На художественную разработку этихъ признаковъ потрачено въ романѣ чрезвычайно много ума, таланта, наблюдательности; нельзя не удивляться тонкому, ничего не забывающему анализу, которымъ какъ лучами свѣта пронизана вся эта жизнь, сплутавшаяся въ такіе крѣпкіе узлы. Можно ли сказать что эти затраты сдѣланы непроизводительно, что онѣ не даютъ роману внутренняго содержанія, потому что онѣ остается чужды такъ-называемыхъ „общественныхъ вопросовъ“ и интересовъ дня? Безъ сомнѣнія такъ могутъ говорить только люди которые живутъ лишь тѣмъ что носится вокругъ нихъ по вѣтру. Интимная жизнь человѣческаго сердца, обставленная явленіями повседневной дѣйствительности, всегда давала и будетъ давать художественной литературѣ наибольшую и лучшую часть ея содержанія. Это въ особенности понятно для русской публики, потому что въ нашей беллетристикѣ попытки често-тенденціознаго романа весьма рѣдко были удачны, и въ

большинствѣ случаевъ такъ-называемые „носители общественныхъ идей“, полая въ герои романа, являлись или карикатурами на что-то грандіозное, или безличными и безцѣтными манекенами, разукрашенными кое-какими журнальными тенденціями. Если мы сравнимъ совершенно частную, интимную исторію Анны Карениной съ тѣми похождениями якобы гражданскаго и политическаго характера которыми любятъ украшать жизнь своихъ героевъ беллетристы новаго склада, мящие выводить на сцену общественныхъ дѣятелей, мы должны будемъ согласиться что эта частная исторія Анны Карениной — не говоря уже о томъ что она въ тысячу разъ лучше разказана — гораздо интереснѣе и даже содержательнѣе беллетристическихъ экспериментовъ съ русскими Лассаллами и прочими „новыми людьми“. И она потому имѣла интереснѣе и содержательнѣе ихъ что самыя мельчайшія подробности ея полны жизни и дѣйствительности, тогда какъ „новые люди“ живутъ и дѣйствуютъ въ пустотѣ населевной тенденціозными призраками.

Намъ случалось однако слышать отъ тѣхъ которые вполнѣ понимаютъ художественную реальность *Анны Карениной* другаго рода упрекъ роману. Отдавая автору справедливость въ томъ что онъ вездѣ остается безусловно вѣренъ жизни, эти судьи готовы сѣтовать на самую жизнь, и въ особенности на среду въ которой вращается дѣйствіе романа. Имъ кажется что изъ всей ширины и глубины современной жизни авторъ захватилъ наименѣе живую и дѣятельную ея часть, что изъ различныхъ слоевъ современнаго русскаго общества онъ избралъ тотъ слой который дальше другихъ стоитъ отъ общаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, признаки наиболѣе характеризующіе современную жизнь въ ея послѣдней, сегодняшней формѣ, играютъ очень небольшую роль въ романѣ. На сценѣ, какъ мы говорили уже, нѣтъ ни мировыхъ судей, ни присяжныхъ повѣренныхъ, ни концессионеровъ и директоровъ акціонерныхъ обществъ. Одинъ только Константинъ Левинъ пробовалъ служить въ земствѣ, да и тотъ бросилъ, и проба эта очевидно была ошибкой съ его стороны. Если мы будемъ обращать вниманіе не на общій тонъ и колоритъ романа, а на его внѣшнее, фактическое содержаніе, то за исключеніемъ кое-какихъ маловажныхъ, побочныхъ подробностей, ничто не укажетъ намъ должны ли мы отнести дѣйствіе романа къ настоящему времени, или къ

лѣтисидесятымъ и даже сороковымъ годамъ. Въ одной газетной рецензїи намъ случилось даже прочесть будто больша часть дѣйствующихъ лицъ въ новомъ романѣ — тѣ же самыя лица которыхъ мы видѣли въ *Войнѣ* и *Мирѣ*; такимъ образомъ дѣйствіе романа оказывается возможнымъ отодвинуть еще далѣе. Ниже мы еще вернемся къ этой наивной претензїи газетнаго рецензента; теперь же слѣдуетъ нѣсколько остановиться на общемъ вопросѣ: что такое среда воспроизведенная графомъ Толстымъ въ его новомъ романѣ, и въ какомъ отношенїи стоитъ она къ современной дѣйствительности, т.е. къ тому что фигурируетъ на поверхности современной жизни, наполняя собою столбцы газетъ, судебныя дѣлописи, протоколы земскихъ и акціонерныхъ собраній и т. д.?

Прежде всего мы видимъ что это та же самая среда изъ которой взяты почти всѣ прежнія произведенія графа Толстаго. У насъ въ настоящее время она называется „аристократическою“. Мы говоримъ „въ настоящее время“, потому что прежде она считалась просто дворянскою образованною средою. Но нынче понятія наши во многомъ измѣнились. Казалось бы, во времена крѣпостнаго права и прочихъ сословныхъ прерогативъ, русское дворянство скорѣе, чѣмъ теперь, могло наломать, въ слабой степени, нѣчто подобное тому что въ западной Европѣ соединяется съ понятіемъ объ исторической аристократїи. Однако масса помѣстнаго дворянства владѣвшая крѣпостными душами и сосредоточивавшая въ своихъ рукахъ всю силу, все богатство, всю образованность и всю жизнь страны, вовсе не казалась и не считалась „аристократїей“. Это было просто хорошее, образованное общество, усвоившее себѣ европейскія формы общественаго бытія, хотя нравы его иногда еще отличались вовсе не европейскою грубостью. Но вотъ дворянство утратило свои сословныя прерогативы, совершился въ огромныхъ размѣрахъ переходъ матеріальныхъ богатствъ изъ рукъ дворянъ въ постороннія руки. Выстъ съ тѣмъ у насъ заговорили объ аристократїи. Мы придаемъ слову „аристократїя“ такое значеніе какого конечно не найдемъ ни въ одномъ европейскомъ словарѣ. И однакожь мы постоянно слышимъ это слово, намъ постоянно указываютъ аристократовъ. Кого же называютъ этимъ именемъ?

Подъ словомъ „аристократъ“ у насъ принято разумѣть пре-

имущественно свѣтскаго человѣка. Если кто-нибудь являетъ внѣшніе признаки свѣтскости, да вдобавокъ владѣетъ наслѣдственными независимыми средствами, то значить онъ аристократъ. Если онъ, или его родня, занимаютъ при этомъ значительное общественное положеніе, то аристократическія свойства такого лица не подлежатъ уже ничемалѣйшему сомнѣнію. Въ столицахъ, гдѣ понятія вообще болѣе формируются на европейскій ладъ, еще существуетъ нѣкоторая разборчивость при выдачѣ такихъ дипломовъ; но чѣмъ далѣе отъ большихъ центровъ, тѣмъ требованія становятся ограниченнѣе, и можно попасть наконецъ въ такіе закоулки гдѣ аристократомъ считается всякій умѣющій изъясняться по-французски.

Такимъ образомъ, наше аристократическое общество есть собственно свѣтское общество, и главнымъ признакомъ аристократизма являются у насъ извѣстныя формы общежитія, отрицаемыя другими общественными слоями и кругами.

Съ такимъ признакомъ является и среда изображенная графомъ Толстымъ въ его новомъ романѣ. Дѣйствующія лица этого романа—„аристократы“ по понятіямъ нашей критики и значительной части нашего общества. Откуда же вышло это опредѣленіе? Конечно не оттого что мужъ Анны Карениной занимаетъ важное служебное мѣсто, что Константинъ Левинъ имѣетъ свою деревню, что Вронскій служить въ гвардіи, что Облонскій предсѣдаетъ въ какомъ-то присутствіи. Главный признакъ заключается въ нравахъ этой среды, въ образѣ жизни, въ усвоенныхъ формахъ общежитія. Эти люди живутъ въ свѣтѣ, ѣздятъ на балы и принимаютъ у себя извѣстный кругъ столичнаго общества, тратятъ деньги на извѣстную обстановку; обстановка въ особенности играетъ здѣсь чрезвычайно важную роль. Этого достаточно чтобы видѣть въ нихъ „аристократовъ“, придавая конечно этому слову нѣсколько пролическій смыслъ. Между тѣмъ очевидно что если извѣстная среда отличается только болѣе или менѣе свѣтскимъ образомъ жизни и нѣкоторою требовательностью относительно внѣшнихъ приличій — такую среду странно разсматривать какъ какую-то корпорацію, выдѣляющуюся изъ общественной массы своей политической программой или своими социальными привилегіями. Понятно что такая среда одинаково не представляетъ достаточныхъ основаній ни для того чтобы стоять наверху національной жизни, ни

для того чтобы возбуждать серьезное чувство соперничества и тѣмъ болѣе вражды со стороны другихъ классовъ. Многое изъ того чѣмъ эта среда въ настоящее время отличается, у насъ какъ и вездѣ болѣе и менѣе обязательно для каждаго образованнаго человѣка. Въ Англии самый маленькій клеркъ или даже фермеръ старается быть джентльменомъ, и одно изъ важнѣйшихъ завоеваній цивилизаціи заключается именно въ томъ что понятія соединяемая со словомъ „джентльменъ“ сдѣлались достояніемъ общественныхъ массъ.

Намъ кажется что мы подошли къ одному изъ главныхъ источниковъ недоразумѣнія возникшаго между читателями и авторомъ *Анны Карениной*. Дѣйствующія лица этого романа являются несомнѣнно людьми свѣтскими. Свѣтская среда—это нѣчто такое къ чему наша журналистика привыкла относиться пренебрежительно. Съ другой стороны, эта среда такъ рѣдко фигурируетъ въ нашей литературѣ, внѣшніе признаки ея такъ мало примелькались, что рѣзко бросаются въ глаза. За этими внѣшними признаками значительная доля читающей публики не замѣчаетъ если авторъ показываетъ ей нѣчто другое, гораздо болѣе заслуживающее вниманія. Такъ случилось и съ *Анной Карениной*. Всѣ замѣтили что романъ выводитъ на сцену свѣтскую среду, но не всѣ дали себѣ трудъ проникнуть что свѣткость составляетъ лишь внѣшній ея признакъ, за которымъ таится нѣкоторое весьма цѣнное содержаніе. А между тѣмъ такое содержаніе несомнѣнно существуетъ, и авторъ чрезвычайно искусно даетъ его почувствовать. Въ этомъ складѣ жизни, которымъ живутъ три московскія дворянскія семьи — князей Щербацкихъ, Облонскихъ и Левиныхъ, очевидно сохраняется не одинъ только внѣшній декорумъ, но и нѣчто иное — сохраняются извѣстныя преданія, извѣстный уровень цивилизованныхъ нравовъ, уваженіе къ извѣстнымъ принципамъ, и въ особенности чрезвычайное уваженіе къ человѣческой личности. Въ этомъ складѣ жизни чувствуется нѣкоторая наслѣдственность культуры, чего вообще недостаетъ нашему обществу. Все это особенно хорошо объяснено и высказано въ тѣхъ строкахъ которыми авторъ опредѣляетъ отношенія Константина Левина къ семейству князя Щербацкаго, и которыя мы здѣсь напомнимъ читателямъ: „Дома Левиныхъ и Щербацкихъ были старые дворянскіе московскіе дома, и всегда были между собою въ близкихъ и дружескихъ отно-

шеніяхъ. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Онъ вмѣстѣ готовился и вмѣстѣ поступилъ въ университетъ съ молодымъ княземъ Щербацкимъ, братомъ Долли и Кити. Въ это время Левинъ часто бывалъ въ домѣ Щербацкихъ и влюбился въ домъ Щербацкихъ. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Константинъ Левинъ былъ влюбленъ именно въ домъ, въ семью, въ особенности въ женскую половину семьи Щербацкихъ. Самъ Левинъ не помнилъ своей матери, и единственная сестра его была старше его, такъ что въ домѣ Щербацкихъ онъ въ первый разъ увидалъ ту самую среду стараго дворянскаго, образованнаго и честнаго семейства, которой онъ былъ лишенъ смертью отца и матери. Всѣ члены этой семьи, въ особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственною, поэтическою завѣсой, и онъ не только не видѣлъ въ нихъ никакихъ недостатковъ, но подъ этою поэтическою покрывавшею ихъ завѣсой предполагалъ самыя возвышенныя чувства и всевозможныя совершенства.“ Авторъ продолжаетъ анализировать это обаяніе, производимое на Левина домою Щербацкихъ. Источники и причина обаянія лежали во всемъ строѣ жизни царствовавшемъ въ домѣ, въ подробностяхъ и мелочахъ составлявшихъ его ежедневный бытъ. Левинъ и не отдавалъ себѣ отчета почему всѣ эти подробности входили въ жизнь семьи, но его плѣняло то что эти подробности были выработаны всѣмъ образованнымъ старо-дворянскимъ кругомъ, и каждый домъ принадлежавшій къ этому кругу считалъ ихъ какъ бы обязательными: это были бытовые преданія того слоя который явился на нашей почвѣ первымъ воспріимникомъ европейской цивилизаціи и культуры. „Всего этого онъ не понималъ, говоритъ авторъ про Левина, — но зналъ что это такъ нужно, что это прекрасно, и былъ влюбленъ именно въ эту таинственность совершавшагося.“ Надо вспомнить что самъ Левинъ вовсе не свѣтскій человекъ, и терпѣть не могъ внѣшнихъ признаковъ свѣтскости; следовательно то что его плѣняло въ домѣ Щербацкихъ, вовсе не заключалось во внѣшнемъ декорумѣ ихъ барской жизни. Его плѣняло внутреннее содержаніе этой жизни, вѣяніе преданій и наследственной культуры. И не на одного Левина домъ Щербацкихъ производилъ это освѣжающее, обаятельное впечатлѣніе. Вронскій — человекъ уже

потерпѣлся въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, человекѣ гораздо болѣе охлажденный и въ особенности гораздо болѣе самообожавшій, испытываетъ то же самое. Авторъ позволяетъ заглянуть въ его впечатлѣнія, когда онъ возвращается послѣ вечера у Щербацкихъ; и хотя эти впечатлѣнія главнымъ образомъ привязаны къ Кити, но чувствуется что не одна Кити участвуетъ въ нихъ, что обаяніе наполняющее Вронскаго онъ вдохнулъ вмѣстѣ съ воздухомъ царствующимъ въ гостиной Щербацкихъ. „То и прелестно, думалъ онъ возвращаясь отъ Щербацкихъ и вынося отъ нихъ какъ и всегда пріятное чувство чистоты и свѣжести... то и прелестно что ничего не сказано ни мной ни ею, но мы такъ понимали другъ друга въ этомъ невидимомъ разговорѣ взглядовъ и интонацій что нынче яснѣе чѣмъ когда-нибудь она сказала мнѣ что любить. И какъ мило, просто и главное доврчиво! Я самъ себя чувствую лучше, чище. Я чувствую что у меня есть сердце и что есть во мнѣ много хорошаго... И онъ задумался о томъ, гдѣ ему кончить нынѣшній вечеръ. Онъ прикинулъ воображеніемъ мѣста куда онъ могъ бы ѣхать. Клубъ? партія безука, шампанское съ Игнатовымъ? Нѣтъ не поѣду. Château des fleurs, тамъ найду Облонскаго, куллеты, сапсан; нѣтъ, надоѣло. Къ ней? Нѣтъ, къ ней-то ужъ ни въ какомъ случаѣ нынче. Вотъ именно за то я люблю Щербацкихъ что самъ лучше дѣлаюсь. Поѣду домой.“

Объ этомъ обаятельномъ впечатлѣніи Вронскій говорилъ на другой день Облонскому: „признаться, мнѣ такъ было пріятно вчера послѣ Щербацкихъ что никуда не хотѣлось“...

Обаяніе этой жизни сопровождаетъ читателя на всѣхъ страницахъ гдѣ выступаетъ семейство Щербацкихъ. Сама Кити, съ ея чистою, наивною и иногда наивно-безпомощною прелестью — лучший продуктъ этой жизни, сохранившей преданія стараго семейнаго воспитанія, преданія, все болѣе и болѣе исчезающія въ наше время. Дѣтство, проведенное въ честной, любящей семейной средѣ, старые приемы дѣвическаго воспитанія, неторопливо ведущіе дѣвучку чрезъ всѣ заловѣдныя фазы ея развитія, тонъ высшей порядочности господствующій въ домѣ — все это положило на Кити печать обаятельной женственной чистоты, и она выступаетъ въ романѣ въ лучахъ свѣта, совершенно не похожая на барышень новѣйшей формаціи, прошедшихъ чрезъ открытыя учебныя заведенія, публичныя лекціи, консерваторію и

развивательныя бесѣды блестящихъ тетушекъ и кузинъ, идущихъ „наравнѣ съ вѣкомъ“. Этими именно сторонами своей индивидуальности такъ неотразимо дѣйствовала Кити на Константина Левина, переноса его „въ волшебный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя умиленнымъ и смягченнымъ, какимъ онъ могъ заложить себя въ рѣдкіе дни своего ранняго дѣтства“. Мы не знаемъ ничего лѣгкительнѣе въ этомъ отношеніи небольшой сцены на каткѣ, въ первой части романа: въ разговорѣ между Кити и Левинымъ столько чуткости, столько цѣломудренной впечатлительности къ каждому отбѣву слова и чувства что для большинства современныхъ читателей, мы полагаемъ, смыслъ этой сцены надо считать почти потеряннымъ. Да и вообще вся та внутренняя сторона жизни которою живутъ Щербацкіе, Левины, Облонскіе, все то обаяніе которымъ облекъ авторъ эту жизнь и взаимныя отношенія этихъ лицъ между собою, почувствованы вѣроятно весьма немногими. По крайней мѣрѣ то что мы встрѣтили въ печатныхъ отзывахъ о романѣ графа Толстаго, только подтверждаетъ наше предположеніе. Критика или прошла мимо этой стороны изображаемой авторомъ дѣйствительности, или не скрыла своего неудовольствія — зачѣмъ ее хотятъ въ такомъ обаятельномъ свѣтѣ показать читателю, тогда какъ она заранѣе осуждена всѣмъ теченіемъ „новыхъ идей“ и новыхъ вкусовъ. Въ одной газетной рецензій мы даже встрѣтили сѣтованіе, зачѣмъ авторъ даетъ такъ мало мѣста Николаю Левину и его подругѣ жизни, тогда какъ эти два лица, по мнѣнію рецензента, самыя интересные во всемъ романѣ...

Заговоривъ о дѣйствующихъ лицахъ *Анны Карениной*, нельзя обойти молчаніемъ странный упрекъ, дѣлаемый автору за то будто эти лица по большей части представляютъ лишь повтореніе героевъ и героинь *Войны и Мира*. Здѣсь опять сказалось крайнее непониманіе среды выведенной въ обоихъ произведеніяхъ, даже непониманіе общихъ условій жизни. Новые люди являются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ лишь въ томъ летучемъ слогѣ общества который лишенъ всякой внутренней жизни и представляетъ нѣчто въ родѣ открытаго пустаго сосуда, свободно наполняемаго всякимъ теченіемъ. Въ этомъ слогѣ, преимущественно знакомомъ нашей литературѣ, дѣйствительно характеры и типы формируются по покрою послѣдней журнальной идеи и вби-

раютъ въ себя все то что касается по вѣтру. Но въ нашемъ обществѣ, несмотря на всю его распатанность и распущенность, существуетъ нѣчто болѣе содержательное и устойчивое, чѣмъ этотъ летучій слой. Среда выведенная въ *Войнѣ и Мирѣ* и въ *Аннѣ Карениной* (это одна и та же стародворянская, московская среда) имѣетъ свою собственную жизнь, свои историческія и бытовые преданія, представляющія значительный отпоръ новымъ теченіямъ. Она вбираетъ въ себя изъ нихъ то въ чемъ дѣйствительно выражается постулательное движеніе цивилизаціи, но отвергаетъ все враждебное тѣмъ культурнымъ началамъ, на которыя эта среда въ правѣ смотрѣть какъ на свое лучшее достояніе. Такая устойчивость ведетъ къ весьма естественной наследственности типовъ и характеровъ. Несмотря на существенныя измѣненія испытанныя нашимъ общественнымъ устройствомъ, условія подъ которыми живетъ эта среда — одни и тѣ же: матеріальная независимость, европейское просвѣщеніе, европейскія формы жизни, обширныя, близкія, часто кровныя связи съ московскимъ и петербургскимъ большимъ свѣтомъ. При такихъ условіяхъ, родовыя преданія получаютъ значительную крѣпость, и нѣтъ ничего удивительнаго, на примѣръ, если старый князь Щербакій — такой же московскій баринъ, такой же отецъ въ своей семьѣ, такая же чисто-русская стародворянская натура какъ и старый графъ Ростовъ въ *Войнѣ и Мирѣ*. Нѣтъ ничего удивительнаго если Кити, воспитанная въ такомъ же семействѣ, въ такихъ же преданіяхъ какъ и Наташа Ростова, представляетъ кое-какія общія съ нею черты. Тутъ разница можетъ быть только въ оттѣнкахъ, и конечно никто не станетъ увѣрять чтобы оттѣнки не были положены авторомъ. Въ этой средѣ отдѣльныя индивидуальности слишкомъ поддающіяся тѣмъ новымъ вѣяніямъ которыя приносятся извнѣ неизбежно тотчасъ же изъ нея выходятъ. Такой примѣръ представляетъ братъ Константина Левина, Николай. Его натура протестуетъ именно противъ устойчивости среды, его бѣситъ присутствіе въ ней контролирующаго аппарата, который она представляетъ всякой новой идеѣ, всякому новому явленію жизни. Самъ онъ разомъ перешагнулъ въ это *новое*, и хотя бы ему пришлось въ томъ раскаяться, онъ навсегда сохранитъ ожесточеніе противъ своей среды за то что она не только не одобряетъ его прыж-

ка, но видить въ немъ нѣкотораго рода casus belli, актъ безловоротнаго и неоправимаго разрыва. Всѣ жалѣютъ Николая Левина, но всѣ, даже братья его, понимаютъ что онъ принадлежитъ уже другому міру, что всѣ связи съ вослѣдовавшею его средой порваны. И чѣмъ болѣе Николай чувствуетъ что самыя близкіе къ нему люди, въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ, стараются замаскировать фактъ разрыва, тѣмъ съ болѣе ошесточеніемъ настаиваетъ онъ на этомъ фактѣ: состраданіе оскорбляетъ его и растравляетъ незажившую рану.

Все что мы говорили до сихъ поръ объ отношеніяхъ нашей критики и литературныхъ вкусовъ современной публики къ новому роману графа Толстаго, свидѣтельствуеетъ до какой степени трудно бороться съ господствующими понятіями и требованіями писателю продолжающему художественныя преданія предыдущаго періода нашей литературы. Эти понятія и требованія настолько понизились что всякое произведеніе возвышающееся надъ уровнемъ тенденціозной посредственности поражаетъ недоразумѣніа. Автору приходится имѣть дѣло не только съ непониманіемъ его художественной задачи, но и съ вырожденіемъ общественныхъ вкусовъ, съ недоступностью для читающей массы тѣхъ обаяній которыя сохранили власть надъ нимъ. Онъ расходуетъ свой талантъ чтобы создать поэтическій образъ, и вдругъ оказывается что его читатель вовсе не расположенъ любоваться этимъ образомъ, что для него Маша, подруга жизни Николая Левина, гораздо интереснѣе Кити Щербацкой и Анны Карениной...

Недѣля сомнѣваться въ томъ что краски потраченныя графомъ Толстымъ на обѣихъ героинь его романа пропали для большинства современныхъ читателей. Мы видѣли что уже не понято самое главное въ изящно-поэтическомъ образѣ Кити — не понято не потому чтобы этотъ образъ былъ чуждъ современной дѣйствительности, но потому что такіа героини не во вкусѣ общества нашихъ дней. Русскій читатель обращается къ романисту съ такими же требованіями новыхъ фасоновъ и матерій, какъ къ своему портному. Его вкусы демократизированы всѣмъ тѣмъ что ежедневно подноситъ ему текущая литература, и въ области типовъ и идеаловъ у него сложились новыя симпатіи. Онъ желаетъ чтобы героини современнаго романа были демокра-

тизованы въ той же мѣрѣ въ какой демократизовался онъ самъ, чтобы на нихъ легъ тотъ пошловатый тонъ, который лежитъ на всей современной жизни.

Наиболѣе непониманія обнаружила впрочемъ критика въ отношеніи къ самой Аннѣ Карениной. Если воздухъ окружающій Кити Щербацкую оказался непонятенъ или непріятенъ газетнымъ рецензентамъ, то по крайней мѣрѣ они не рѣшились сказать чтобы для нихъ оказалась непочувствованною начная, дѣвственная грація, въ лучахъ которой выступаетъ въ романѣ этотъ прелестный образъ. Аннѣ Карениной повидимому посчастливилось еще менѣе. Фельетонисты большихъ и малыхъ газетъ признали ее обыкновенною и безнравственною женщиною. Они осудили ее уже не за обстановку, которая имъ конечно тоже очень мало нравится, а за ея женскую индивидуальность.

Фактъ очень любопытный. Та самая критика которая требуетъ свободы чувства, невмѣняемости ладенія и пр., владеетъ въ негодующій тонъ по поводу увлеченія Анны Карениной, замужней женщины.... Та самая журналистика которой наше общество болѣе всего обязано олошлеленіемъ вкусовъ и понятій, пониженіемъ умственного и эстетическаго уровня, вопіетъ теперь, зачѣмъ Анна Каренина—обыкновенная женщина. Нѣтъ ли тутъ опять какого-нибудь недоразумѣнія, чтобъ не сказать лицемерія?

Безъ всякаго сомнѣнія, недоразумѣніе играетъ тутъ огромную роль. Газетная критика отнеслась бы къ ладенію Анны Карениной совершенно иначе, еслибъ оно совершилось при другой обстановкѣ. Анна Каренина невозвратно погубила себя въ глазахъ современной критики, во первыхъ, тѣмъ что она барыня, вовторыхъ, тѣмъ что будучи барыней она не сознаетъ въ этомъ обстоятельствѣ никакой вины съ своей стороны и не желаетъ выйти изъ своего привилегированнаго положенія, и наконецъ втретьихъ, тѣмъ что она влюбляется въ графа Вронскаго, человѣка съ блестящею военно-придворною карьерой. Влюбись она иначе, напримѣръ хоть бы въ Николая Левина, было бы совсѣмъ другое дѣло: въ глазахъ современныхъ цѣнителей она вдругъ выросла бы до героизма, до идеала. Сознался же одинъ рецензентъ что Маша гораздо интереснѣе Анны; тогда Анна сдѣлалась бы, вѣроятно, гораздо интереснѣе Маши..

Оставимъ впрочемъ въ сторонѣ вопросъ о нравственности,

такъ какъ въ этой области современные литературные судьи мѣряютъ весьма различными аршинами, и остановимся на томъ обвиненіи которое изводитъ Анну Каренину на стелю обыкновенной женщины.

Здѣсь мы опять входимъ въ область вкусовъ и модныхъ фасоновъ. Что значитъ обыкновенная, иначе говоря пошлая женщина? Каждое новое поколѣніе отвѣчаетъ у насъ на этотъ вопросъ иначе. Обыкновенная ли женщина Татьяна Пушкина? Обыкновенная ли женщина Вѣра въ *Герои Нашего Времени*, съ которою Анна Каренина имѣетъ ближайшее сродство? Обыкновенная ли женщина Зинаида Вольская, едва намѣченная Пушкинымъ въ небольшомъ отрывкѣ, начинающемся словами: „Гости съѣзжались на дачу“?... Обыкновенная ли женщина княжна Засѣкина въ повѣсти г. Тургенева *Первая Любовь*? Да, конечно, всѣ эти женщины очень обыкновенны, потому что онѣ вполнѣ женщины, онѣ ничего не приняли въ себя извнѣ кромѣ того что даетъ сама жизнь — обыкновенная повседневная жизнь въ извѣстномъ кругу общества, гдѣ женщина занимаетъ свое опредѣленное мѣсто, среди издавна сложившейся обстановки. Современная критика вѣроятно назоветъ этихъ героинь даже пошлыми женщинами, и она будетъ права съ своей точки зрѣнія, хотя можно также сказать что это такая точка зрѣнія съ которой нельзя быть правымъ. Современная критика, отчасти и современные общественные вкусы, требуютъ прежде всего отъ женщины чтобъ она какъ можно менѣе была женщиной и какъ можно болѣе походила на студента или на семинариста. Приглядитесь къ героинямъ выводимымъ на подмостки романа новѣйшими беллетристами—васъ непременно поразитъ старіе авторовъ отнять у этихъ героинь всякую женственность и привить имъ тѣ протестующіе элементы которые такъ противны въ самомъ принципѣ женской натурѣ. И читатель очень хорошо чувствуетъ это, хотя по свойственнымъ русскому читателю табуемымъ свойствамъ не рѣшается сознаться въ своемъ чувствѣ. Однако не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ что эти новѣйшія героини, привлекая любопытство какъ вѣчто новое, модное и иногда куріозное, лишены самаго обыкновеннаго обаянія, производимаго на читателя *женственными* женскими тѣлами. Современный читатель не влюбляется въ этихъ героинь, какъ влюблялись читатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ Татьяну Пушкина, въ

княжну Мери и въ Вѣру Лермонтова; поэтической нервъ, связывающей публику съ женскими идеалами создаваемыми литературой, остается мертвъ. Какъ ни сбита съ толку современная публика, она понимаетъ что женщина является въ романѣ не съ той стороны гдѣ ея достоинство могло бы быть возвышено блестящимъ знаніемъ акушерскаго искусства или педагогическими способностями учительницы воскресной школы. Романъ, какъ бы то ни было, есть поэтическое отраженіе жизни, а потому и женщинѣ всего естественнѣе выступить въ немъ поэтической стороной своей натуры. Современная критика повидимому вовсе не допускаетъ этого простаго логическаго требованія. Ей хотѣлось бы сдѣлать женщину носителемъ идей, которымъ служить нынѣшній журнализмъ, хотѣлось бы наполнить ее газетными тенденціями, и съ этимъ снарядомъ втолкнуть въ общество, въ семью. У героинь этого сорта есть своя публика, которая можетъ-быть даже находить особаго рода поэзію въ такомъ извращеніи женской природы. Для этой публики конечно будутъ совершенно непонятны тѣ героини которыя, вопреки всѣмъ новымъ вкусамъ и фасонамъ, остаются вполнѣ женщинами, со всѣми женскими слабостями и добродѣтелями; которыя остаются равнодушны къ совершающемуся въ той области гдѣ онѣ не живутъ сердцемъ, и уходятъ въ свою внутреннюю жизнь, полную страсти, борьбы и неизбѣжныхъ разочарованій. Ввести въ этотъ интимный міръ современнаго читателя довольно трудно: онъ встрѣчаетъ тамъ непокорное женское сердце, не подчиняющееся рѣшеніямъ, столь для него яснымъ, сложившимся въ такія стереотипныя формулы; онъ находитъ тамъ индивидуальныя интересы, такъ мало понятныя для него, пріученнаго выкраивать всякое явленіе жизни по извѣстному шаблону.

По поводу Анны Карениной мы припомнимъ нѣкоторыхъ героинь нашей прежней художественной литературы, потому что у всѣхъ этихъ женщинъ есть одна преобладающая общая черта: всѣ онѣ по преимуществу живутъ жизнью сердца. Въ этой жизни для нихъ заключенъ цѣлый міръ, настолько богатый впечатлѣніями что уже мало интересуетъ что-либо внѣ его. Современная критика видитъ въ этомъ своего рода ограниченность и называетъ такихъ женщинъ обыкновенными и пошлыми; прежняя наша литература видѣла въ этой ненасытной потребности сердца признакъ глубокой на

туры и, главное, проявленіе того что она наиболѣе цѣнила въ женщинахъ—ея женственность. Указываемъ на это лишь какъ на фактъ, не предполагая вдаваться въ его оцѣнку.

Замѣтимъ что личныя симпатіи автора романа не склоняются къ Аннѣ Карениной. Это не изъ тѣхъ женскихъ типовъ которые онъ воспроизводитъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Припомнимъ замѣчаніе сдѣланное Кити на балѣ лосаѣ мазурки, которую Вронскій танцовалъ съ Анной: „Да, что-то *чуждое*, бѣсовское и прелестное есть въ ней, сказала себѣ Кити.“ Въ этихъ словахъ, и въ особенности въ эпитетѣ *чуждое*, отчасти выказалось отношеніе самого автора къ своей героинѣ. Анна Каренина очевидно принадлежитъ къ тѣмъ женскимъ типамъ которые покойный Александръ Григорьевъ называлъ „мищными“. На противоположности между Карениной и Кити Щербацкой основанъ главнымъ образомъ интересъ одной изъ лучшихъ главъ въ первой части романа, именно той главы гдѣ обѣ героини встрѣчаются на балѣ. Нигдѣ авторъ не положилъ столько живыхъ и правдивыхъ красокъ; онѣ обѣ прекрасны, эти двѣ царицы блестящаго московскаго бала, но это двѣ совершенно различныя красоты и двѣ совершенно различныя индивидуальности. И онѣ обѣ отразили на себѣ ту фазу въ которую вступили ихъ отношенія къ Вронскому въ этотъ вечеръ—одна уныніе и увяданіе, другая медленно разгоравшійся внутри ея огонь страсти и удовлетвореннаго самолюбія. Припомнимъ вѣскольکو стрѣкъ, сопоставленныхъ авторомъ почти рядомъ: „Она (Кити) чувствовала себя убитою. Она зашла въ глубь маленькой гостиной и опустила на кресло. Воздушная юбка лаятя поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана; одна обнаженная рука бессильно олуццая утонула въ складкахъ розоваго тюлика, въ другой она держала вѣрѣ и быстрыми короткими движеніями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но вопреки этому виду бабочки, только что удѣлавшейся за травку и готовой вотъ-вотъ вспорхнувъ развернуть радужныя крылья, странное отчаяніе щемило ей сердце.“ А противъ нея въ той же гостиной сидѣла Каренина съ Вронскимъ и на лицѣ послѣдняго лежало выраженіе потерянности и покорности, похожее на выраженіе умной собаки, когда она виновата: онъ былъ виноватъ своимъ очарованіемъ. „Анна улыбалась и улыбка передавалась ему. Она задумывалась и онъ становился серьезнѣе.“

Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кита къ лицу Анны. Она была прелестна въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, прелестны были ея руки съ браслетами, прелестна шея съ ниткой жемчуга, прелестны волосы разброшенныя прически, прелестны граціозныя легкія движенія, прелестно это красивое лицо въ своемъ оживленіи; но было что-то ужасное и жестокое въ ея прелести.“

Съ этого вечера начинается собственный романъ Анны. Ничего особеннаго повидимому еще не произошло, но заронившаяся искра начинаетъ глѣть, медленно, но упорно разгораясь все болѣе и болѣе. Анализъ этой непримѣтно зарождающейся и разгорающейся страсти исполненъ авторомъ съ такимъ высокимъ мастерствомъ, къ которому современный читатель совсѣмъ не приученъ. Въ романѣ введено столько необычайно тонкихъ и глубокихъ наблюденій что часто по одному намеку автора внезапно озаряются свѣтомъ самыя интимныя тайники женскаго сердца. Пусть читатель возьметъ снова въ руки февральскую книжку нашего журнала и перечтетъ напримѣръ XX главу, въ которой Анна ѣдетъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ: такой силы психологическаго анализа графъ Толстой не достигалъ даже въ *Войнѣ и Мирѣ*. Во время этой поѣздки опять ничего замѣчательнаго во внѣшнемъ смыслѣ не произошло съ Карениной, а между тѣмъ въ тайникахъ ея сердца совершился тотъ невидимый процессъ который рѣшилъ всю ея жизнь. Страницы подобныя этимъ нельзя читать такъ какъ обыкновенно читаются романы, то-есть въ ожиданіи ближайшей развязки; къ нимъ надо возвращаться, когда это ожиданіе уже удовлетворено, и вникать въ каждую отдѣльную черту, въ каждый штрихъ этой высоко-художественной работы. Развитие страсти, борьба съ нею, новыя и трудныя отношенія къ мужу, въ какія вступаетъ Анна, и наконецъ та поразительная сцена, гдѣ эта женщина съ ужасомъ и отвращеніемъ оглядывается на свое ладеніе, предъ глазами смущеннаго и уничтоженнаго сознаниемъ своего роковаго счастья Бронскаго— все это поэма страсти, изумительная по обилію красокъ и оттѣнковъ и по тонкости анализа. Для тѣхъ которые не умѣютъ различить въ Аннѣ ничего далѣе обыкновенной, лѣшаватой и чувственной женщины, мы желали бы въ особенности указать на тѣ нѣсколько словъ которыми она обмѣливается съ Бронскимъ въ только-что упомянутой сценѣ:

„— Все кончено, сказала она.— У меня ничего нѣтъ кромѣ тебя. Помни это.

„— Я не могу не помнить того что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...

„— Какое счастье! съ отвращеніемъ и ужасомъ сказала она, и ужасъ невольнао сообщился ему. — Ради Бога, ни слова, ни слова больше.“

Если мы рядомъ съ этими двумя женщинами поставимъ обоихъ героевъ романа, Вронскаго и Левина, мы должны будемъ сознаться что первыя поставлены авторомъ гораздо сильнѣе. Вронскій и Левинъ безъ всякаго сомнѣнія ниже того подъема на которомъ стоитъ захваченная романомъ жизнь. Вронскій очень типиченъ, очень ясенъ, но внутреннее содержаніе его, конечно, ниже роли предоставленной ему въ драмѣ. И это вышло не случайно, это очевидно входило въ планъ автора. Не безъ намѣренія показываетъ авторъ глубокое различіе между міросозерцаніемъ Вронскаго и тѣми внутренними признаками которыми отмѣчена въ романѣ жизнь Щербацкихъ, Левиныхъ, даже Облонскихъ. Повидимому, это люди одного и того же круга, это одно и то же столичное свѣтское общество — но въ старо-дворянскихъ московскихъ семьяхъ за вѣншимъ ритуаломъ свѣтскаго быта чувствуется нѣчто нравственно-культурное, есть честныя и строгія преданія, тогда какъ Вронскій и его общество влоялѣ наполнены и удовлетворены одною вѣншею, свѣтскою стороною существованія. „Въ его петербургскомъ мірѣ, говоритъ авторъ, всѣ люди раздѣлялись на два совершенно противоположные сорта. Одинъ, низшій сортъ: пошлые, глупые и главное смѣшные люди, которые вѣрують въ то что одному мужу надо жить съ одною женою, съ которою онъ обвѣнчалъ, что дѣвушка надо быть невинною, женщинѣ стыдливою, мужчиноу мужественною, воздержанною и твердому, что надо воспитывать дѣтей, зарабатывать свой хлѣбъ, плащать долги, и разныя тому подобныя глупости. Это былъ сортъ людей старомодныхъ и смѣшныхъ. Но былъ другой сортъ людей, настоящихъ, къ которому они всѣ принадлежали, въ которомъ надо быть главное элегантноу, красивому, великодушному, смѣлымъ, веселому, отдаваться всякой страсти не краснѣя и надъ всѣми остальными смѣяться. Вронскій только въ первую минуту былъ ошеломленъ послѣ впечатлѣній *совсѣльмъ другаго міра*, привезенныхъ имъ изъ Москвы;

но тотчасъ же, какъ воунулъ ноги въ старыя туфли, онъ вошелъ въ свой прежній веселый и пріятный міръ.“

Вѣроятно въ общемъ планѣ произведенія автору нуженъ былъ именно такой герой; чтобы судить объ этомъ, необходимо подождать окончанія романа.

Константинъ Левинъ очевидно сосредоточиваетъ на себѣ всѣ симпатіи автора, и выступаетъ въ романѣ съ тѣми чертами задушевности какими графъ Толстой умѣетъ рисовать свои любимыя простые и смиренныя русскіе типы. Но ему недостаетъ инициативы, и потому въ тѣхъ мѣстахъ романа гдѣ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ Левинъ, какъ будто ослабѣваетъ драматическое напряженіе, и читатель входитъ въ область идеаліи. Въ особенности это относится къ главамъ посвященнымъ деревенской жизни Левина. Здѣсь интересъ сосредоточивается уже не на столкновеніи характеровъ, а на элическомъ изображеніи оставившагося теченія жизни... Надо впрочемъ сказать что художественное мастерство и свѣжесть этихъ изображеній искупаютъ недостатки драматическаго дѣйствія.

Говоря о герояхъ *Анны Карениной*, невозможно забыть Стиву Облонскаго, этотъ влоднѣ удавшійся, превосходный типъ современнаго московскаго барина. Невозможно представить болѣе увлекательнымъ образомъ человека средняго ума и среднихъ достоинствъ: несмотря на его средніе размѣры, читатель съ первыхъ страницъ пріучается любить его тѣмъ дружески снисходительнымъ чувствомъ, какое эти люди возбуждаютъ въ самой жизни.

Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ мы конечно не предполагаемъ дать полную оцѣнку новаго произведенія графа Толстаго; да такая оцѣнка и невозможна пока романъ не оконченъ въ печати. Мы имѣли въ виду только объяснить по своему крайнему пониманію происхожденіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, замѣченныхъ нами въ отношеніяхъ критики и читающей публики къ этому въ высшей степени замѣчательному произведенію. Для полной же критической оцѣнки мы еще будемъ имѣть время, когда весь романъ сдѣлается достояніемъ печати.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЖНИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Вышла и раздается гг. подписчикамъ (пятая)
МАЙСКАЯ книжка историческаго, иллюстри-
рованнаго сборника „**ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ**
РОССІЯ“. Содержаніе ея слѣдующее:

Текстъ: I. Чума въ Москвѣ 1771 года. Гл. I и II. Д. Л. Мор-
дочева. — II. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуй-
скій. Критико-біографическій очеркъ. Гл. I. Проф. В. С.
Жонникова. — III. Василий Никитичъ Татищевъ, администра-
торъ и историкъ первой половины XVIII в. Гл. IX. Проф.
К. Н. Бестужева-Рюмина. — IV. Ссылка прусскаго почтъ-
директора Вагнера въ Сибирь (1759 — 1763). Е. К. Петро-
скаго. — V. Остатки Засѣчно-сторожевой линіи въ предѣлахъ
Воронежской губерніи. В. Н. Майнова. — VI. Херсонесскій
монастырь. П. К. Мартынова. — VII. Критика и библиографія:
1) Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи
(гг. Васильевскаго и Миллера). Проф. Д. И. Иловайскаго. — 2)
Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—
1807). А. Г. Брикнера. М. 1874. Б. Гив.—3) Металлы и метал-
лическія издѣлія и минералы въ древней Россіи (матеріалы
для исторіи русскаго горнаго промысла). Соч. М. Д. Хмы-
рова, исправленное и дополненное К. А. Скальковскимъ. Спб.
1875. — VIII. Анекдотъ объ Аракчеевѣ. *Рисунки:* I. П. Д.
Еропкинъ. — II. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій (хромолито-
графія). — III. Карта Воронежской губерніи. — IV. Херсонес-
скій монастырь. — V. Фасадъ и планъ собора Св. Владимира въ
Херсонесскомъ монастырѣ.

Подписка на Сборникъ Древняя и Новая Россія принимается въ Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, на Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при типографіи и хромолитографіи издателя В. И. Граціанскаго и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ, д. № 30, и И. Г. Мартынова, на Вознесенскомъ, д. № 15. *Въ Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣевыхъ. *Въ Варшавѣ:* въ книжномъ магазинѣ В. М. Истомина. *Въ Одессѣ:* въ книжномъ магазинѣ Бѣлаго.

Подписная цена за 12 книжекъ въ годъ 12 р., съ доставкою на домъ 12 р. 50 к., съ перес. 18 р. 50 к. 4.674.

Сего 1го мая вышла и разослана подлищикамъ V, майская,
книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Воспоминанія перваго камеръ-лажа великой княгини (императрицы) Александры Ѳеодоровны 1817—19 (Окончаніе). — II. Князь Потемкинъ-Таврическій, біографическій очеркъ, по неизданнымъ матеріаламъ: переписка и событія 1786—89 — III. Атаманъ Войска Донскаго Кутейниковъ: пребываніе двухъ сенаторовъ на Дону, — доносенія сенат. Болгарскаго, — переписка съ Чернышевымъ и пр., 1827—36 — IV. Василій Назаровичъ Каразинъ: Основаніе Харьковскаго университета 1802 — V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, гл. XV: Москва и московское общество въ 1828—29 — VI. А. С. Даргомыжскій, матеріалы для его біографіи, вновь открытыя о немъ свѣдѣнія 1865 года. — VII. Петръ Великій во Франціи 1717 года: вновь открытыя о немъ дѣянія. — VIII. Екатерина II и Пугачевщина: неизданныя собственноручныя распоряженія императрицы Екатерины 1774 года. — IX. Русская церковь въ Потсдамѣ 1718 — 1807 — X. Памятникъ Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи. — XI. Замѣтка А. Баумгартена къ письмамъ кн. Меншикова о Севастополѣ. — XII. Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь? — XIII. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*: 1) Письмо служилаго человѣка при Петрѣ Великомъ. — 2) Лѣкарство отъ правежа. — 3) Карлъ-Леопольдъ Мекленбургскій † 1747 — 4) Одинъ изъ докладовъ кн. Потемкина 1788 г. — 5) Характеристика полководца Суворова, имъ самимъ сдѣланная. — 6) Предсказаніе о смерти Ермолова. — 7) Выкупъ артиста М. С. Щелкина изъ крѣпостнаго состоянія 1818 года. — 8) Письмо поэта Т. Шевченка съ примѣчаніями Н. И. Костомарова. — 9) Архитекторъ Р. И. Кузьминъ. — XIV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ этой книгѣ приложены: I. Записки Манштейна о Россіи, 1727—1744, переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи автора. Главы V—VII, событія 1732—1734 — II. Заглавная вишетка къ XIII тому, рисункъ профессора Шарлеманя, гравир. академикъ А. А. Сѣряковъ. — III. Изображеніе рѣдкой медали: императрица Анна Іоанновна. —

IV. Снимокъ съ письма кн. Потемкина къ А. В. Суворову.—
V. Рисунокъ памятника Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи.
Русская Старина 1870 года (два изданія), 1871 года, 1873 года и 1874 года разошлась сполна по подпискѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой (*осталось 42 экземпляра*).

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изданія 1875 года продолжается. Двѣнадцать книгъ, съ портретами, рисунками и прочими приложеніями,

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подлищиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, домъ № 42, кв. № 12.

Прилѣчаніе. Печатается (въ двухъ типографіяхъ) *третье* изданіе *перваго* года *Русской Старины*, то-есть 1870 года, двѣнадцать книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ присылать *восемь* рублей, дабы своевременно получить это изданіе по его отпечатаніи. Цѣна 8 р. съ пересылкой. 4.677.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ
НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Профессора Н. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 полнотипажамъ въ текстъ, задачами, репетиторіумомъ и вопросами для упражненій.

Определеніемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.

Вышло и поступило въ продажу сочиненіе:

ФОРМЫ ВОДЫ
ВЪ ОБЛАКАХЪ И РЪКАХЪ,
ВО ЛЬДЪ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.

ДЖОНА ТИНДАЛА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Съ полтитпажами въ текстѣ.

Цена 1 руб.

Переводъ *Русскаго Вѣстника*, съ исправленіями.

Складъ въ Университетской типографіи, на
Страстномъ бульварѣ, въ Москвѣ.

великъ: футовъ сто пятьдесятъ въ длину и пятьдесятъ въ ширину; на одной изъ сторонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены были большіе, высокіе портики, подобные тѣмъ что я уже описывалъ, а въ серединѣ двора раскинуты три или четыре большія кибитки на круглыхъ кирпичныхъ подмосткахъ. Обстановка эта казалась чрезвычайно оригинальною и красивою при лунномъ свѣтѣ.

На все это я бросилъ тогда только бѣглый взглядъ, такъ какъ моя красавица быстро обогнула со мною выступъ стѣны, ввела меня въ тѣнь портика, а оттуда въ большую комнату позади. Пригласивъ меня жестомъ садиться на груды подушекъ, она сама зажгла еще пять, шесть лампъ, подобныхъ той что была у нея въ рукахъ, и разставила ихъ вокругъ стѣны; потомъ схватила чайникъ и выбѣжала съ нимъ, отдавая въ то же время приказанія другимъ женщинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли за нею; а затѣмъ вошли другія женщины, усѣлись и стали смотрѣть на меня и обиживаться замѣчаніями — о моей наружности, ловидному.

Я же тѣмъ временемъ сидѣлъ и оглядывался въ полнѣйшемъ изумленіи. Комната въ которой я находился была футовъ въ десять шириной при двадцати футахъ длины; стѣны и потолокъ были мѣстами изукрашены множествомъ первобытныхъ рисунковъ самыхъ грубыхъ колоритовъ, подобно ханской сокровищницѣ. Одна стѣна сверху, до низу была покрыта деревянными полками какой-то странной отдѣлки, и онѣ были уставлены фаянсовою посудой, чашками, кубками всѣхъ размѣровъ и цвѣтовъ, горшками, чайниками и вазами. Здѣсь было множество чашекъ стариннаго китайскаго фарфора, очень цѣнныхъ, а разставлены онѣ были въ перемежку съ дешевыми чайниками русскаго издѣлія, ярко изукрашенными, и, ловидному, на глаза Хивинцевъ между этими вещами не было никакой разницы.

Въ комнатѣ царилъ величайшій безпорядокъ. На полу навалены были ковры, подушки, одѣяла, шали, халаты, перекинутыя въ страшномъ хаосѣ всякаго рода домашними принадлежностями, оружіемъ, въ которомъ попалась мнѣ еще двуствольная англійская винтовка съ лустыми патронами, калюлами, нѣсколько гитаръ, все это такъ и бросалось въ глаза при свѣтѣ лампъ по стѣнамъ. Во всемъ видѣлись

приготовленія къ бѣгству, и самыя цѣнныя вещи, повидимому, были уже отобраны.

Пока я оглядывался такимъ образомъ и старался убѣдить себя что все это происходитъ со мною не во снѣ, возвратилась хозяйка съ чайникомъ, отъ котораго шелъ паръ, и поставила его предо мною на полъ, тогда какъ другія женщины внесли хлѣбъ, фрукты и всякія сласти. Затѣмъ она знакомъ спросила меня не хочу ли я вымыть руки, и на мой утвердительный отвѣтъ повела меня на другой конецъ комнаты, гдѣ въ полу было четырехугольное углубленіе, въ родѣ таза, а сама взяла въ руки красивой формы мѣдный кувшинъ, безъ ручки и съ тонкимъ изогнутымъ носикомъ, поила мнѣ на руки воды и дала полотенце, все съ самымъ ласковымъ и услужливымъ видомъ. Покончивъ съ этимъ, она сняла съ полокъ чашки, налила чаю сперва мнѣ, а потомъ всѣмъ остальнымъ и себѣ самой, и принялась сѣдять за мной, пока я его пилъ, съ какимъ-то страннымъ, слышащимъ любопытствомъ. Мнѣ опять пришло въ голову прѣжнее мое предположеніе что у нея есть до меня какая-то просьба. Послѣдствія показали что я не ошибался.

Изъ восьми окружавшихъ меня женщинъ три были до того стары и уродливы что больше напоминали вѣдьмъ, нежели женщинъ; три были надѣлены лицами ничѣмъ незамѣчательными, одна была очень молода и очень красива, тогда какъ сама хозяйка и не была красавицей, но положительно была интереснѣе всѣхъ другихъ, благодаря своему умственному превосходству и еще чему-то особенному, что рѣзко выдѣляло ея фигуру отъ окружавшихъ ее простыхъ женщинъ. На ней была надѣта короткая зеленая шелковая куртка всерасшитая золотомъ; длинная, шелковая же, красная рубашка, застегнутая у подбородка однимъ изумрудомъ, распахивалась на груди и спускалась ниже колѣвъ; широкіе шаровары и красные салопы; тюрбана на ней не было, а волосы были уложены на головѣ тяжелыми блестящими косами; въ уши были вѣдты странной формы серги, состоявшія изъ множества маленькихъ подвѣсокъ, а на руки надѣты неразгибавшіеся, безъ застежекъ, браслеты очень оригинальнаго образца, попадавшагося мнѣ въ первый разъ. Они были изъ серебра съ золотымъ узоромъ, около дюйма шириной и въ четверть дюйма толщиной, формой напоминали букву С, съ пустымъ пространствомъ около полдюйма между обими

концами; какъ я видѣлъ послѣ, въ это пространство втискиваютъ руку у кисти бокомъ.

Сама она теперь полусидѣла, полустояла на колѣняхъ на полу противъ меня, не спуская съ меня пристальнаго взгляда своихъ большихъ черныхъ глазъ, что меня наконецъ начинало уже смущать, хотя и не мѣшало послѣ моей прогулки выпить двѣ чашки чаю и истребить значительное количество сластей. Въ головѣ же у меня тѣмъ временемъ неотступно вертѣлись вопросы: что будемъ мы дѣлать потомъ? какъ буду я съ ними объясняться, не зная почти ни слова изъ ихъ языка? Повелительница гарема вѣроятно думала о томъ же самомъ, судя по ея безпокойному испытующему взгляду, точно будто обдумывая какое-нибудь средство облегчить наши переговоры, тогда какъ остальные слѣдили за нами въ какомъ-то выжидательномъ положеніи, точно вотъ-вотъ должны мы вступить въ интересную и дружескую бесѣду.

Чтобы завязать какъ-нибудь разговоръ, я сталъ спрашивать ихъ имена: „Фатима?“ спросилъ я наугадъ повелительницу гарема—первое татарское имя которое могъ припомнить. Она поняла мой вопросъ и, покачавъ отрицательно головой, указала на одну изъ старухъ, изъ чего я заключилъ что Фатимой звали эту послѣднюю. Указывая затѣмъ на себя произнесла „Зулейка“, и такимъ образомъ назвала мнѣ всѣхъ поочереду.

Довольный такимъ успѣшнымъ началомъ, я рѣшился не упускать благоприятнаго случая и пуститься въ общій разговоръ. „Урусъ ма якши?“ спрашиваю я, то-есть Русскіе добры?—„Юкъ, юкъ“, посыпалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ онѣ непріязненно замотали руками.

Это меня нѣсколько ошеломило, такъ какъ я, конечно, предполагалъ что онѣ во мнѣ самомъ должны видѣть Русскаго, а принимая во вниманіе что я былъ ихъ гостемъ, это было немного черезъ-чуръ откровенно.

Чтобы выгородить себя изъ этой національной непріязни „мнѣ Урусъ юкъ“,—„я не Русскій“, сказалъ я, на что онѣ послѣшнн закивали головами, точно говоря „знаемъ, знаемъ“.

Это очень поразило меня, тѣмъ болѣе что въ эту минуту я рѣшительно не зналъ чѣмъ себѣ это объяснить. Въ послѣдствіи я впрочемъ имѣлъ возможность убѣдиться что вѣсть о моемъ нерусскомъ происхожденіи быстро разнеслась между Хивинцами и, какъ мнѣ потомъ объясняли, они

подозрѣвали во мнѣ агента высланнаго англійскимъ правительствомъ, подобно Шекспиру въ 1840 году, во время бѣдственной экспедиціи Перовскаго.

Этимъ фактомъ объяснялся и весь приемъ который мнѣ сдѣланъ былъ этой ночью. Ханъ бѣжалъ, ихъ же не допустили бѣжать ихъ собственные слуги, и бѣднѣжки теперь лагались на помощь иностранца.

Я объяснилъ имъ какъ умѣлъ что Русскихъ бояться нечего. Хотя разговоръ нашъ велся болѣе знаками, однако визитъ мой все-таки продолжался болѣе двухъ часовъ. Прощаясь съ ними, я роздалъ имъ какія оказались у меня въ карманахъ бездѣлушки. Онѣ довели меня до двери у которой я постучался, но когда я объяснилъ что и отсюда не найду дороги, Зулейка проводила меня до маленькаго двора, въ который я сперва попалъ изъ большой башни. Здѣсь я ее оставилъ и поднялся по каменной лѣстницѣ. Будучи уже на верху, я обернулся на нее еще разъ; она на прощанье послала мнѣ воздушный поцѣлуй и исчезла въ темномъ корридорѣ, я же благополучно добрался до двора занятаго генераломъ Головачовымъ, растянулся на коврѣ подлѣ одного изъ офицеровъ и тутъ же уснулъ мертвымъ сномъ.

Когда на другое утро послали въ гаремъ лицъ, его нашли пустымъ: всѣ женщины бѣжали!

ХП. Гаремъ при дневномъ свѣтѣ.

Конечно, я не считалъ нужнымъ на слѣдующій день доносить о своихъ ночныхъ похожденияхъ генералу Кауфману, и онъ теперь, вѣроятно, услышитъ объ нихъ въ первый разъ. Я надѣюсь что въ виду совершенно особенныхъ обстоятельствъ этого дѣла онъ извинитъ что я не сообщилъ ему о томъ раньше.

„Женщины бѣжали“ были первыя слова которыя я услышалъ просыпаясь на слѣдующее утро. Калитанъ Рейсве, поставленный начальникомъ надъ дворцомъ, узналъ объ этомъ бѣгствѣ только тогда когда послалъ въ гаремъ приготовленный на завтракъ женщинамъ пилавъ. Цѣль русскихъ солдатъ разставлена была кругомъ, у всѣхъ дверей были часовые; какимъ же образомъ, спрашивали всѣ, умудрились женщины

бѣжать? Предположеній было множество; конечно, и я не больше другихъ былъ способенъ дать вѣрный отвѣтъ на эту загадку. Въ рапортѣ представленномъ генералу Кауфману объ этомъ дѣлѣ говорилось что онѣ спустились по водосточной трубѣ, предпріятіе съ ихъ стороны довольно рискованное, особенно въ виду того что въ Хивѣ и лонятія не существуетъ о такомъ предметѣ какъ водосточная труба.

Въ теченіе дня старшій дядя хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ, доведъ что женщины у него, а такъ какъ не было никакой необходимости беречь ихъ подъ карауломъ, то генералъ Кауфманъ и дозволилъ имъ тамъ оставаться.

Теперь мы въ числѣ нѣсколькихъ человекъ отправились осматривать гаремъ. Тяжелыми воротами, о которыхъ уже было упомянуто, входимъ мы въ высокій и широкій корридоръ и послѣ многочисленныхъ поворотовъ выходимъ на большой гаремный дворъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, онъ нисколько не напоминаетъ тотъ дворъ что представился мнѣ прошлаго ночью при лунномъ освѣщеніи. Тогда онъ былъ картиной которая могла бы возникнуть въ воображеніи при чтеніи *Лалла-Рукъ*; теперь же предъ нами открывался безобразный, грязный дворъ, обнесенный полуразрушенными глиняными стѣнами, отъ которыхъ, послѣ одного хорошаго хивискаго ливня, не осталось бы ничего кромѣ груды земли.

Входимъ въ комнату въ которой меня такъ хорошо угощали прошедшею ночью. Почти всѣ вещи находятся еще въ томъ же порядкѣ въ какомъ я ихъ засталъ въ первый разъ. Мы проходимъ затѣмъ по другимъ комнатамъ: онѣ всѣ очень похожи на первую, только въ нихъ меньше претензій. Груды халатовъ, одѣяль, женской одежды, кухонная посуда, домашняя утварь, кружки, мѣдныя кувшины весьма изящной формы, гитары съ мѣдными струнами, двѣ, три самопрялки — все это наваленное на полу въ полнѣйшемъ безпорядкѣ — вотъ картина которая вездѣ представлялась нашимъ глазамъ.

При болѣе внимательномъ розыскѣ, мы нашли много женскихъ туалетныхъ принадлежностей и бездѣлушекъ, хотя большую часть подобныхъ вещей обитательницы гарема вѣроятно захватили съ собой. Тутъ были маленькія зеркальца съ полустертою амальгамой; деревянные гребни весьма грубой отдѣлки, маленькія стклянки духовъ какого-то особеннаго

провицательнаго залаха, вовсе не похожіе на тѣ что употребляются въ Европѣ, и баночки хашша. Проходили мы и по кладовымъ, гдѣ всѣ эти вещи были свалены въ громадномъ количествѣ; въ одной изъ кладовыхъ было нѣскольکو маленькихъ желѣзныхъ ящичковъ съ тяжелыми замками, въ которыхъ, повидимому, хранились драгоценности женщинъ. Ящички, однако, всѣ были открыты и лусты. По всему было видно что все цѣнное было повывезено. Должно-быть ханъ за нѣсколько дней до паденія своей столицы предвидѣлъ что событія этого не миновать, и потому имѣлъ время перевезти и припрятать свои деньги и драгоценности. Я только удивляюсь что онъ еще оставилъ на мѣстѣ столько цѣнныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, намъ попались двѣ хорошія англійскія двуствольныя охотничьи винтовки, нѣсколько табатерокъ съ музыкой, вѣроятно очень цѣннымихъ женщинами, одинъ изъ этихъ инструментовъ даже игралъ арію изъ *Belle Hélène*. Эту видимую оплошность хана, а также и то что онъ оставилъ женщинъ въ гаремѣ на жертву побѣдителю, я могу объяснить себѣ только тѣмъ предположеніемъ что онъ рѣшился, было, остаться во дворцѣ, полагаясь на милость генерала Кауфмана, пока бомбардировка начатая отрядомъ генерала Веревкина не нагнала на него паническій страхъ и не заставила его послѣшно бѣжать, оставая все на произволъ судьбы.

Самыми цѣнными вещами что намъ попадались, за исключеніемъ кашмирскихъ шалей, была великолѣпная коллекція стараго китайскаго фарфора, въ которой насчитали не нѣве тысячи вещей. Тутъ были чаши и чашки всѣхъ размѣровъ, начиная маленькими чайными чашками и кончая большими чашами, вытцающими чуть ли не цѣлый галлонъ воды. Большею частью онѣ были бѣлыя и синія, но нѣкоторыя были также прекрасныхъ яркихъ цвѣтовъ—красныя, коричневыя, зеленыя. Все это безъ разбора было разставлено бокъ о бокъ съ дешевою, но ярко-вызолоченною посудой русскаго издѣлія.

Жаль было смотрѣть какъ этотъ чудный фарфоръ — утѣшеніе и гордость гаремныхъ женщинъ, накопленный заботами не одного поколѣнія — былъ весь перевороченъ солдатами, которые слобны были его перебить и растерять. Много изъ этихъ вещей, конечно, попало въ руки офицеровъ, которые знали имъ цѣну, да и я должень сознаться что пере-

купили нѣсколько прекрасныхъ вещей, найденныхъ Акъ-Манатовымъ, но большею частью всѣ эти вещи были затеряны и разрознены.

Сдѣлана была опись всѣмъ прочимъ вещамъ; затѣмъ захвачены были ковры, халаты, одѣяла, одежда, все что имѣло хоть какую-нибудь цѣну, чтобы продать въ пользу солдатъ. Оставлена была только часть старыхъ ковровъ, одѣялъ, негодной одежды разбросанной въ беспорядкѣ во дворѣ, а затѣмъ двери были залепты, и мы вышли изъ опустошеннаго гарема.

Для черезъ два войска выступили изъ города; оставленъ былъ всего небольшой отрядъ для охраны дворца и для поддержанія порядка.

Генералъ Кауфманъ расположилъ свой лагерь въ большомъ саду, версты за полторы отъ города. Садъ этотъ принадлежалъ лѣтней резиденціи хана. Занимаетъ онъ около шести акровъ земли и окруженъ толстою глиняною стѣною футовъ пятнадцати въ вышину; онъ засаженъ абрикосовыми, персиковыми и сливовыми деревьями, но главную его красоту составляютъ великолѣпные вязы и двѣ прекрасныя аллеи молодыхъ тополей; извивающіеся по всѣмъ направленіямъ маленькіе каналы орошаютъ почву, доставляютъ воду для полвки деревъ и наполняютъ нѣсколько маленькихъ бассейновъ подъ вязами. Лѣтній дворецъ хана стоитъ въ одномъ углу этого сада и гораздо комфортабельнѣе устроенъ чѣмъ городская его резиденція.

Представьте себѣ большое прямоугольное зданіе ста ярдовъ въ длину при пятидесяти въ ширину, съ зубчатыми стѣнами, какъ у феодальныхъ замковъ. Черезъ узкую дверь, прорубленную въ стѣнѣ, входите вы изъ сада въ большой дворъ; посреди его растутъ четыре большіе вяза, подъ которыми устроенъ маленькій бассейнъ. Съ правой стороны высокій портикъ, открытый къ сѣверу, за которымъ, какъ и всегда, находится темная, прохладная комната, очень удобная во время жаровъ. Надъ первымъ портикомъ устроенъ другой, а надъ вторымъ еще третій, въ который вязаы простираютъ свои длинныя вѣтви.

За этими рядами портиковъ и комнатъ находится другой небольшой дворъ, также съ маленькимъ бассейномъ и двумя большими вязами. Это дворъ гарема; съ трехъ сторонъ его вѣются ряды маленькихъ комнатъ; а надъ четвертою, солнечною стороною, свѣшиваются густыя, тяжелыя вѣтви

вязовъ, растущихъ у самой стѣны снаружи двора, представляя чудную тѣнь и прохладу. Каждое жилое отдѣленіе состоитъ изъ одной комнаты внизу и двухъ наверху, съ маленькимъ портикомъ или балкономъ выходящимъ во дворъ; въ рѣшоткахъ и деревянной отдѣлкѣ этихъ балконовъ видно было дѣло рукъ плѣнныхъ Русскихъ, которые преимущественно употреблялись на дворцовыя и садовыя работы.

Великій Князь Николай Константиновичъ расположился съ одной стороны этого двора, а Князь Евгенийъ Максимиліановичъ съ другой. За дворцомъ въ саду были два лѣтніе дома, освѣщенные тѣнью вязовъ; въ нихъ-то помѣстился генералъ фонъ-Кауфманъ и генералъ Головачевъ, остальные же офицеры раскинули свои палатки гдѣ только находилось для нихъ мѣсто подъ фруктовыми деревьями.

Мы съ Чертковымъ рѣшились помѣститься въ самомъ дворцѣ, въ портикѣ втораго этажа, при которомъ нашлись двѣ очень темныя, прохладныя комнаты; самъ же портикъ былъ освѣенъ густою листвою вязовъ. Здѣсь раскинули мы свои ковры и войлоки, устроили себѣ постели изъ одеялъ, которыя наши люди нашли въ другомъ дворцѣ, и расположились какъ дома. На этой квартирѣ мы пользовались всѣми выгодами открытаго мѣста и въ то же время были защищены отъ солнца густою тѣнью вязовъ. Стоило намъ только подняться на верхній портикъ, футовъ на тридцать надъ землею, и предъ нами открывался великолѣпный видъ на городъ и окружающій оазисъ, за которымъ видѣлись желтые пески пустыни.

Единственнымъ недостаткомъ этого великолѣпнаго помѣщенія была лѣстница. Я не думаю даже чтобы въ самые славные дни своего существованія она могла съ честью выдержать сравненіе съ лѣстницами Тюилерійскаго или Сентъ-Джемскаго дворцовъ. Она была просто-на-просто слѣплена изъ грязной глины; а всѣмъ извѣстно что каковы бы ни были другія качества этого прекраснаго матеріала, онъ никакъ не отличается прочностью, въ особенности для мѣста которое вѣчно уталтывается множествомъ народа. Ступенки почти всѣ были разрушены, а нѣкоторыя даже совсѣмъ сглажены, когда мы завладѣли комнатами, а черезъ нѣсколько дней отъ нихъ не осталось почти и слѣдовъ, и спускъ изъ нашихъ покоевъ представлялъ весьма трудную и рискованную задачу.

Что касается стола, то Акъ-Маматовъ былъ нашимъ поваромъ, а дылать, барановъ, арбузовъ, дынь, абрикосовъ, винограда и персиковъ было вволю. Каждое утро не только доставлялись намъ горячія пшеничныя лепешки со свѣжимъ молокомъ, но даже и ледъ. Хивяцы заготавливаютъ большой запасъ льда ежегодно и цѣнятъ его весьма высоко, судя по деньгамъ которыя они за него требовали. Какъ читатель видитъ, житье намъ въ Хивѣ выпало вовсе не такое плохое, какъ бы можно было предполагать.

Въ первые дни генераль Кауфманъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о ханѣ. Наконецъ, стало извѣстно что онъ бѣжалъ въ Имукчиръ, сопровождаемый двоими вѣрными Туркменами. Генераль Кауфманъ немедленно послалъ ему письмо съ заявленіемъ что если онъ вернется въ Хиву и сдастся Русскимъ, то ему будутъ оказываться всѣ подобающія его положенію почести; если же онъ откажется это исполнить, то на его мѣсто посадятъ ханомъ кого-нибудь другаго. Такъ какъ генераль Кауфманъ не имѣлъ въ виду окончательнаго занятія страны, то желалъ возможно скорѣе возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе.

Ата-Джанъ, меньшей братъ хана, который содержался въ послѣднее время въ заключеніи, считался кандидатомъ на престолъ, и уже заявилъ о своихъ притязаніяхъ генералу Кауфману. Еслибы ханъ не послушался вразумленій, заключенныхъ въ письмѣ, то безъ сомнѣнія былъ бы низложенъ русскимъ генераломъ.

XIII. Генераль фонъ-Кауфманъ и ханъ.

2го (14го) іюня ханъ вернулся въ Хиву и явился къ побѣдителю.

Генераль фонъ-Кауфманъ принялъ его подъ вязами, предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, уставленная теперь коврами и уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

Едва разнесся слухъ о пріѣздѣ послѣдняго, мы всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть владетельна о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно вѣхалъ въ свой собственный садъ, сопро-

вождаемый свитой человекъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и подошелъ лѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему вѣроятно часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ. Затѣмъ онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой вѣроятно его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ. Надо замѣтить что Хивинцы не сидятъ скрестивъ ноги какъ Турки, но усаживаются полу-стоя на колѣняхъ и въ этой позѣ, которую я уже описывалъ говоря о Киргизахъ, они ѣдятъ, разговариваютъ и совѣщаются. Итакъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ колѣнопреклоненіе хана не было выраженіемъ униженія и покорности.

Ханъ человекъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ; у него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду онъ мушкетеръ очень крѣпкій и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широки пропорціонально этой вышинѣ, и на мой взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный яркосиній шелковый халатъ; на головѣ была высокая хивинская баранья шапка. Смирненно сидѣлъ онъ предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства когда онъ очутился такимъ образомъ въ концѣ-концовъ у ногъ туркестанскаго генераль-губернатора, славнаго ярымъ-ладшаха. Два человека эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбкѣ скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ русскаго историческаго врага, сказывалась не малая доля самодовольства. Мнѣ казалось что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго воинаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мушкетерахъ. Во времена

МУХАМЕДЪ-РАХИМЪ-БОГАДУРЪ-ХАНЪ.

рыцарства ханъ этотъ со своимъ могучею фигурой великана былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ; весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ „*Cœur de Lion*“, а теперь самый послѣдній солдатъ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ, сказалъ генералъ Кауфманъ,—вы видите что мы наконецъ и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщалъ еще три года тому назадъ.

Ханъ.—Да; на то была воля Аллаха.

Генералъ Кауфманъ.—Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиною этому. Еслибы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, еслибы вы дѣлали что я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ.—Удовольствіе видѣть ярымъ-ладшаха такъ велико что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Кауфманъ (смѣясь).—Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно. Но перейдемъ къ дѣлу. Что вы будете дѣлать? Что думаете предпринять?

Ханъ.—Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слугою великаго Бѣлаго Царя.

Генералъ Кауфманъ.—Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугою его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ только хочетъ доказать что онъ достаточно могущественъ чтобы можно было оказывать ему преобрѣженіе, и въ этомъ, надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество онъ готовъ теперь простить васъ, и оставить попрежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ.—Я знаю что дѣлалъ очень дурно, не уступая справедливымъ требованіямъ Русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и мнѣ давали дурные совѣты; впередъ я буду лучше знать что дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-ладшаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ.

Генераль Кауфманъ.—Теперь вы можете возвратиться, ханъ, съ своею столицу. Возстановите свое правленіе, судите свой народъ и охраняйте порядокъ. Скажите своимъ подданнымъ чтобъ они принимались за свои труды и занятія, и никто ихъ не тронетъ; скажите имъ что Русскіе не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронутъ ни ихъ женъ, ни имущества.

Затѣмъ произошелъ обмѣнъ вопросовъ о здоровьѣ и взаимныя пожеланія всѣхъ благъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; потомъ ханъ удалился. Онъ возвратился въ столицу и приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; но не жилъ больше во дворцѣ, въ которомъ и жить, собственно говоря, было уже нельзя, а проводилъ ночи у Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара.

За первымъ визитомъ хана послѣдовало нѣсколько другихъ въ теченіе послѣдующихъ дней; въ одно изъ этихъ посѣщеній ханъ съ своимъ братомъ присутствовалъ на смотре русскихъ войскъ. Забавно, и интересно было видѣть съ какимъ любопытствомъ и удивленіемъ слѣдилъ онъ за движеніями русской арміи. Твердый, мѣрный шагъ солдатъ и быстрый, дружный отвѣтный возгласъ на привѣтствіе главнокомандующаго должны были казаться хану чѣмъ-то таинственнымъ и демоническимъ. Онъ мнѣ напомнилъ выраженіемъ своей фигуры полу-испуганнаго ребенка, слѣдящаго съ робкимъ любопытствомъ за развитіемъ дѣйствія (въ какой-нибудь страшной святочной пантомимѣ). Таковы-то люди, думалось ему вѣроятно, что покоряютъ себя всю Центральную Азію; предъ горстью которыхъ полегли цѣлыя мусульманскія рати въ Самаркандѣ какъ трава подъ косой; таково то могучее племя изъ котораго двѣнадцати сотенъ оказалось достаточно чтобы взять приступомъ Ташкентъ, съ его столичнымъ населеніемъ, люди подъ дыханіемъ которыхъ самый исламизмъ исчезаетъ съ земной поверхности!

По распоряженію генерала Кауфмана былъ собранъ диванъ или совѣтъ для обсужденія средствъ и способовъ къ уплатѣ военной контрибуціи, которую предполагалъ назначить русскій главнокомандующій. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ самого хана съ тремя его министрами и изъ трехъ русскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ Ивановъ. Задача этого совѣта заключалась не въ одномъ обсужденіи

средствъ къ улатѣ Русскимъ военныхъ расходовъ, но такъ же и въ томъ чтобы своими совѣтами руководить хана въ дѣлахъ общаго управленія страной. Всѣ эти распоряженія возбудили сильный интересъ хана, и онъ выказалъ много усердія въ исполненіи всѣхъ требуемыхъ мѣръ.

По правдѣ говоря, онъ былъ такъ неопытенъ въ государственныхъ дѣлахъ что они имѣли для него все обаяніе новизны. До сихъ поръ онъ предоставлялъ все управленіе государствомъ своему министру, диванъ-беги Матъ-Мураду, о которомъ придется еще говорить дальше. Теперь же онъ выказывалъ такую ребяческую послѣдственность при выполненіи всѣхъ распоряженій генерала Кауфмана что подчасъ портилъ все дѣло. Для примѣра я приведу одинъ случай, разказанный мнѣ самимъ русскимъ главнокомандующимъ. Намѣреваясь освободить рабовъ, онъ написалъ хану письмо, сообщая ему о своемъ рѣшеніи и прося его издать по этому поводу прокламацію. Вторая половина письма заключала разныя внушенія и совѣты относительно лучшихъ способовъ привести въ исполненіе эту мѣру; между прочимъ онъ убѣждалъ хана снестись со всѣми губернаторами провинцій чтобы прокламація эта была прочитана во всемъ ханствѣ въ одинъ тотъ же день, дабы лишить Узбековъ возможности мучать Персіянъ напослѣдокъ. Ханъ же, прочтя только первую часть письма, тутъ же, не дочитавъ до конца, написалъ требуемую прокламацію и далъ приказъ своимъ герольдамъ читать ее по всѣмъ улицамъ на слѣдующій день, а самъ послѣдшилъ къ генералу Кауфману сообщить о своемъ распоряженіи и показать какъ онъ слѣдуетъ исполнять всѣ его желанія.

— Развѣ вы не читали послѣдней части моего письма? спросилъ Кауфманъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ханъ,—я не зналъ что это необходимо.

— Да, конечно, сказалъ Кауфманъ,—у насъ вторая половина письма верѣдко даже самая важная. Въ ней я совѣтовалъ вамъ повременить еще немного изданіемъ этой прокламаціи.

— Ну, этого я не зналъ, возразилъ ханъ;—я сейчасъ вернусь къ себѣ, дочту ваше письмо до конца и не прикажу обнародовать этой прокламаціи до того времени какое вы назначили.

Онъ, однако, скоро освоился съ русскимъ способомъ веденія дѣлъ, выказывалъ даже большую понятливость и много

здравого смысла въ управленіи. Весьма вѣроятно что испытывъ однажды всю прелесть власти, онъ не такъ-то охотно вѣрить ее олять другому.

До сихъ поръ, какъ кажется, Русскимъ удалось собрать еще весьма мало свѣдѣній объ устройствѣ администраціи и о доходахъ ханскаго правительства, о средствахъ и населеніи страны. Одна изъ особенностей хивинской администраціи состоитъ въ томъ что за исключеніемъ муллъ и небольшого числа людей составляющихъ полицію для присмотра за порядкомъ и наказанія виновныхъ, почти никто изъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленной платы. Всѣ они, отъ высшаго до самаго незначительнаго чиновника, живутъ посторонними доходами захваченными въ довѣренной имъ части администраціи; система эта конечно ведетъ къ ужасному воровству и взяткамъ со стороны чиновниковъ.

Въ финансовой части ханскаго управленія оказалась страшнѣйшая лутаница и невообразимый беспорядокъ. По изслѣдованіямъ г. Куна, посвятившаго много времени на ознакомленіе со всѣмъ что относилось къ управленію ханствомъ, весь государственный доходъ доходилъ до 90.000 тиллъ; но счета были всѣ до того запутаны что не было никакой возможности сдѣлать вѣрную смѣту дѣйствительно собранныхъ налоговъ. Также не было извѣстно какая часть доходовъ приходилась на долю самого хана. Судя по его умѣренному, простому образу жизни я думаю что онъ получалъ долю самую незначительную. При его обстановкѣ было бы невозможно истратить и десятую часть всего государственнаго дохода; хотя у него было большое семейство и отъ трехъ до четырехъ сотъ рабовъ, но у него были также большія земли, приносившія ему вѣроятно хорошій доходъ. Роскошь, въ нашемъ смыслѣ этого слова, неизвѣстна хану. Единственною нѣсколько дорогою пріхотью его была конюшня, полная великолѣпныхъ туркменскихъ коней, да отъ времени до времени покупка новой жены. Постояннаго войска онъ, кажется, не содержитъ.

Доходъ этотъ, каковы бы ни были его дѣйствительныя размѣры, набирался изъ разнородныхъ налоговъ.

Одною изъ первыхъ статей дохода былъ „закетъ“, или пошлина съ товаровъ, собираемый Мать-Мурадомъ.

Насколько можно было понять изъ книгъ Мать-Мурада, налогъ собираемый съ русскихъ товаровъ, въ 2½ процента, доходилъ

до 11.000 малыхъ тилъ (каждая малая тилла = 1 р. 80 к.); закеть же съ товаровъ привозимыхъ изъ Бухары и другихъ странъ составляла 8.663 малыхъ тилъ. Но только половина этой суммы поступала въ казну. Қалалъ ли Мать-Мурадъ другую половину денегъ просто себѣ въ карманъ, или самъ ханъ ему присуждалъ извѣстную долю закета въ вознагражденіе за труды и расходы по обору—неизвѣстно. Однако, болѣе чѣмъ вѣроятно что Мать-Мурадъ просто кралъ эти деньги у правительства.

Кромѣ того закеть еще собирался тѣмъ же Мать-Мурадомъ со внутренней торговли. Податью этою облагались всѣ купцы, сообразно величинѣ лавки и продаваемому въ ней товару, отъ 1 кокана (20 коп.) до 1 тиллы (1 р. 80 коп.).

Затѣмъ слѣдовала подать „салгутная“, взимаемая съ земли и домовъ. Собиралась она двумя министрами хана, мехтеромъ и кушъ-беги.

Съ Каракаллаковъ взималось по одному барану съ сотни, по одной штукѣ съ каждыхъ 20ти головъ рогатаго скота и по одному верблюду изъ каждыхъ шести. Киргизы, пригонявшіе скотъ на базары, облагались пошлиною въ размѣрѣ отъ 3хъ до 5ти кокановъ съ каждаго верблюда и 2хъ кокановъ съ каждаго десятка барановъ.

Кромѣ того существовалъ еще налогъ на урожай. Когда подходило время жатвы, нарочно для того назначаемыя должностныя лица выѣзжали въ объѣздъ по полямъ и оцѣнивали на глазъ количество предполагаемаго урожая, въ присутствіи собственника земли.

Точно опредѣлить населеніе ханства не оказалось никакой возможности; а думаю даже что нескоро и добьются этихъ свѣдѣній. Даже и въ тѣхъ среднеазіатскихъ городахъ что давно находятся подъ властію Русскихъ оказалось невозможнымъ произвести вѣрную перепись, благодаря подозрительности народа на этотъ счетъ. Ничто неспособно такъ враждебно настроить ихъ какъ перепись. Полагаютъ однако что все населеніе ханства доходило до 500.000 душъ, не считая кизиль-кумскихъ Киргизовъ, на которыхъ нѣкоторымъ образомъ также простиралась ханская власть.

Дороги и каналы поддерживаются на счетъ правительства, и на этотъ предметъ опредѣляется часть налога получаемого съ земли. Поземельный налогъ можетъ также, вмѣсто улааты назначенной суммы денегъ, отрабатываться натурой.

Правила существующія въ Хивѣ относительно земли, почти тѣ же что и въ прочихъ магометанскихъ странахъ. Земля считается собственностію государства, или, вѣрнѣе говоря, собственностію магометанскаго вѣроисповѣданія, и не дается никому въ полную собственность. У правовѣрныхъ однако трудно отнять разъ поступившую въ ихъ руки землю, пока они вносятъ за нее налоги и воздѣлываютъ ее. Если же земля остается цѣлыхъ три года невоздѣланною, то ее можетъ потребовать себѣ каждый прохожій, и его права на нее тогда считаются настолько же основательными, какъ и права прежняго владѣльца. Однакоже, если прежній владѣлецъ явится въ непродолжительномъ времени, предлагая уплатить деньгами за подроставшій урожай и сдѣланныя улучшенія, то новый владѣлецъ обязанъ возратить ее прежнему хозяину. Приобрѣсти необработанный участокъ земли въ Центральной Азіи весьма легко, такъ какъ въ ея воздѣлываніи предполагается главный источникъ богатства страны: стоить только засадить невоздѣланную землю нѣсколькими деревьями и снабдить ее орошеніемъ.

XIV. Свиданіе съ ханомъ.

Найдя что садъ въ которомъ стояли войска слишкомъ неудобенъ для астрономическихъ наблюденій, поручикъ Сыроватскій, астрономъ экспедиціи, просилъ позволить ему занять одну изъ комнатъ ханскаго городского дворца. Получивъ разрѣшеніе на такое перемѣщеніе, онъ отправлялся во дворецъ два раза въ день и тамъ же ночевалъ. Ханъ выражалъ такое любольство относительно инструментовъ что Сыроватскій обѣщалъ ему объяснить ихъ. Въ назначенный ханомъ день Сыроватскій предложилъ мнѣ сопровождать его.

Представивъ сначала подарокъ, состоявшій изъ ковра и револьвера, поручикъ Сыроватскій переправилъ свои инструменты въ одинъ изъ внутреннихъ дворцовыхъ дворовъ. Здѣсь застали мы хана, сидѣвшаго на платформѣ, о которой я уже разъ говорилъ. Подмостки эти не были устланы ковромъ. Я полагаю что у хана осталось весьма мало ковровъ и онъ находилъ нѣкоторое злобное удовольствіе выставять свою бѣдность на показъ Русскимъ. Когда мы поднялись по ступенькамъ, онъ далъ намъ знакъ садиться и

предложилъ намъ арбуза, хлѣба и чаю. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе видѣть инструменты. Сперва ему показавъ былъ большой телескопъ, но такъ какъ мы со всѣхъ сторонъ были окружены стѣнами, то можно было наблюдать только солнце. Вставили темное стекло и окуляръ достаточной силы чтобы видѣть лята на солнцѣ. Ханъ смотрѣлъ въ телескопъ, а поручикъ Сыроватскій объяснялъ ему видимыя въ телескопъ явленія; но это повидимому не интересовало хана, вѣроятно ему было бы гораздо пріятнѣе еслибы стекло было направлено на земные предметы. Затѣмъ Сыроватскій пытался объяснить ему употребленіе квадранта и ртутнаго горизонта; объясненіе это повергло хана въ бѣздну смущенія, хотя онъ, повидимому, и старался понять что ему толкуютъ. Ханъ несравненно болѣе заинтересовался, когда Сыроватскій сталъ ему объяснять что хотя бы его, Сыроватскаго, привели съ завязанными глазами въ любой городъ на свѣтѣ, онъ всегда будетъ въ состояніи при помощи квадранта опредѣлить въ какомъ онъ находится городѣ, если только ему дадутъ посмотреть на солнце изъ такого же маленькаго двора. „Я могу тогда вѣрно сказать вамъ что я въ Хивѣ, а не въ Бухарѣ, или въ Бухарѣ, а не въ Самаркандѣ“. Ханъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія, и съ этой поры, какъ кажется, считалъ астронома чѣмъ-то въ родѣ колдуна. Въ то же время онъ вѣрно въ душѣ проклиналъ Сыроватскаго какъ невѣрнаго лса что онъ своими бѣсовскими чарами указалъ Русскимъ дорогу въ Хиву, считавшуюся недосыгаемою. Онъ очень заинтересовался также и барометромъ. Когда Сыроватскій сталъ показывать ему свои большіе и маленькіе хронометры, ханъ вынулъ свои золотые часы, подарокъ лорда Нордбрука, и сталъ свѣрять время. Хотя былъ уже полдень, ханскіе часы показывали всего шесть часовъ утра. Осмотрѣвъ его часы, Сыроватскій сказалъ ему что они очень хороши. Когда инструменты были осмотрѣны, ханъ сталъ выказывать значительное любопытство касательно меня. Не одинъ разъ случалось мнѣ замѣчать его испытующій, пристальный взглядъ, обращенный на меня, такъ что я вовсе не былъ удивленъ когда онъ потомъ заявилъ желаніе имѣть вторичное со мною свиданіе.

Онъ началъ разговоръ вопросомъ изъ какой я страны пріѣхалъ.

— Изъ Америки, отвѣчалъ я.

— Такъ, стало-быть, вы не Англичанинъ? спросилъ онъ съ видимымъ удивленіемъ. Вопросъ этотъ подтвердилъ мои предположенія что онъ принималъ меня за англійскаго агента.

— Нѣтъ, возразилъ я;— страна моя гораздо дальше.

— А какъ далеко?

— За большимъ моремъ; 400 дней пути, верблюжьимъ ходомъ.

Пораженный, онъ освѣдомился, какъ же я перѣхалъ такое большое море.

Тогда я спросилъ его, не видалъ ли онъ русскій пароходъ на нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Онъ отвѣчалъ что амъ его не видалъ, но много о немъ слышалъ. Я сообщилъ ему что такой-то пароходъ можетъ перѣхать то море въ десять дней, подвигаясь впередъ ровно въ сорокъ разъ быстрѣе верблюда. Затѣмъ я ему заявилъ что мои земляки изобрѣли эти пароходы, а также и ту быструю систему сообщенія посредствомъ которой можно бы переслать извѣстіе изъ Хивы въ Бухару въ какія-нибудь пять минутъ. Это заявленіе однако показалось хану совершенно невѣроятнымъ; я даже думаю что онъ счелъ меня тутъ великимъ агуномъ.

Телеграфъ былъ доведенъ до Ташкента уже послѣ паденія Хивы и весьма мало Азіятцевъ имѣютъ понятіе объ этомъ изобрѣтеніи.

Я сказалъ также что Американцы изобрѣли винтовку употребляемая Русскими — заявленіе весьма не любезное съ моей стороны, въ виду того какъ пришлось пострадать бѣдному хану отъ дѣйствія этихъ самыхъ орудій. Это сообщеніе однако возбудило въ немъ большой интересъ. Онъ сталъ меня спрашивать, много ли выдѣлывается въ Америкѣ винтовокъ? Чѣмъ онѣ стоять? Трудно ли ихъ достать? Когда я отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, онъ сталъ разспрашивать меня о Франгистанѣ (Франціи) и Англіи.

Я начертилъ приблизительную карту на клочкѣ бумаги, объясняя ему относительное положеніе Франціи, Германіи, Англіи, Россіи и Индіи, и онъ внимательно въ нее всматривался. Я сказалъ ему что у Франціи была съ Германіей война, что Франгистанъ былъ побитъ и принужденъ вылатить большую сумму денегъ. Это очень его тронуло, онъ немедленно уловилъ сходство положенія этой страны со своимъ собственнымъ. Онъ полюболытствовалъ узнать, всегда ли такимъ же образомъ ведется война на Западѣ. Я увѣрилъ его что всегда и что тамъ не убиваютъ плѣнныхъ, не муча-

уть ихъ и не продаютъ въ рабство; не выжигаютъ и не грабятъ непріятельской страны, а существуютъ тамъ болѣе дѣйствительныя средства для достиженія того же результата. Когда я сказалъ ему что во Франціи насчитывается 40.000.000 народонаселенія, и почти столько же въ Германіи, и что каждая изъ этихъ странъ выставила на поле битвы армію въ 1.000.000 человекъ, онъ былъ пораженъ до послѣдней степени; для него, конечно, было не малымъ утѣшеніемъ узнать что и такая большая страна какъ Франгистанъ можетъ подвергнуться такому же униженію, какъ и онъ.

Тутъ онъ меня спросилъ, велика ли страна Русскихъ. Я отвѣчалъ ему что Россія больше Франціи, Англіи, Германіи и Индіи сложенныхъ вмѣстѣ, и что населеніе ея вдвое многочисленнѣе населенія Англіи или Франціи.

Больше всего поразило его изъ разказовъ объ Америкѣ то что тамшній ханъ царствуетъ всего четыре года, и чтозатѣмъ избирается другой ханъ на мѣсто прежняго.

— Да какъ же ханъ допускаетъ выбрать другаго на свое мѣсто? спрашивалъ онъ въ удивленіи.

— Таковъ законъ; еслибъ онъ не захотѣлъ подчиниться закону, народъ бы его къ тому принудилъ. Тутъ я прибавилъ что даже и я, по возвращеніи своемъ домой, могу быть выбранъ ханомъ.

Онъ, однако, взглянулъ на меня съ весьма недовѣрчивымъ видомъ, вѣроятно думая что ужъ этому-то послѣднему никогда не бывать. Онъ спросилъ меня затѣмъ, въ дружбѣ ли находятся Англичане съ Русскими. Я отвѣчалъ утвердительно; сообщилъ хану о только-что объявленной помолвкѣ Дочери Великаго Бѣлаго Царя съ сыномъ Англіійской королевы, увѣряя его что и теперь Левъ Англіи и Медвѣдъ Россіи лежатъ рядомъ въ такомъ добромъ согласіи будто два ягненка.

Наружность хана довольно привлекательна. Выраженіе его лица пріятное и веселое, и во взглядѣ нѣтъ ничего жестокаго и кровожаднаго. Я нашелъ его даже весьма вѣжливымъ и ласковымъ. Въ то же время въ осанкѣ его проглядывало что-то царственное—видъ спокойнаго самообладанія человека привыкшаго повелѣвать. Вообще мнѣ кажется что онъ расположенъ къ кроткому образу дѣйствій. Пльваные Русскіе отзывались о немъ очень хорошо. Проходя

мимо нихъ во время работъ, ханъ не рѣдко останавливался и вступалъ съ ними въ дружелюбный разговоръ. Конечно, въ настоящую кампанію онъ выказалъ себя со стороны весьма невыгодной, оказался неблагодарнымъ и трусливымъ въ высшей степени. Онъ нигдѣ лично не предводительствовалъ своими войсками, бѣжалъ при первомъ появленіи Русскихъ, и наконецъ, какъ увидитъ читатель, выказалъ потомъ самую черную неблагодарность относительно Туркменъ.

Въ теченіе всего моего свиданія съ ханомъ, одинъ изъ стоящихъ при немъ слугъ черезъ каждыя пять минутъ вносили ему трубку. Ханъ затягивался и отдавалъ трубку назадъ; затѣмъ ее набивали вновь и опять подносили ему. Я потомъ узналъ что онъ цѣлый день продолжаетъ такъ курить. Во время пребыванія Русскихъ въ Хивѣ онъ проводилъ день свой слѣдующимъ образомъ. Утромъ пріѣзжалъ въ русскій лагерь и присутствовалъ въ совѣтѣ или диванѣ, подъ председательствомъ полковника Иванова. Здѣсь проводилъ онъ часть-другой въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Отсюда возвращался въ свой дворецъ, завтракалъ, а затѣмъ часа два судилъ народъ. Онъ выслушивалъ всевозможныя жалобы, начиная съ самыхъ серьезныхъ раздоровъ касавшихся имуществомъ, и кончая самыми пустыми ссорами мужей съ женами. Послѣ полудня, напившись чая, онъ отправлялся отдыхать въ гаремъ. Вечеромъ же опять выѣзжалъ верхомъ, заѣзжалъ къ генералу Кауфману или просто прогуливался по странѣ, сопровождаемый тремя, четырьмя, а иногда и двадцатью изъ своихъ приближенныхъ. Онъ всегда старался отвѣчать на поклоны встрѣчныхъ людей; никогда я не видалъ чтобъ онъ пропустилъ чей-нибудь поклонъ—былъ ли то Русскій или самый послѣдній изъ его подданныхъ — не поклонившись въ свою очередь.

Говорили что у Хана всего четыре жены; но кромѣ того у него еще около сотни рабынь всѣхъ племенъ, попадавшихъ въ его владѣнія. О точномъ числѣ ихъ я однако не могъ справиться, такъ какъ въ Центральной Азіи считается крайне неприличнымъ упомануть человѣку хотя бы однимъ словомъ о его женѣ или женахъ. Образъ жизни женщинъ здѣсь очень простъ и воздержанъ. У нихъ не существуетъ роскошества относительно одежды; и даже женщины цивилизованнаго міра могли бы брать съ нихъ примѣръ во многихъ отношеніяхъ. Большую часть своего времени проводятъ онѣ по

домамъ, выдѣлывая одежду, ковры, постели для всего семейства и присматривая за хозяйствомъ.

Въ Хивѣ было нѣсколько государственныхъ сановниковъ: Мать-Мурадъ, Мать-Ніазъ, Якубъ-Бей и дядя хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ. Мать-Мурадъ Авганецъ, рабъ прежняго хана, вкравшійся въ его довѣріе. Онъ также сумѣлъ заслужить расположеніе молодаго хана, и этотъ послѣдній, по вступленіи своемъ на престоль, сдѣлалъ его своимъ главнымъ совѣтникомъ. Мать-Мурадъ сильно ненавидѣлъ Русскихъ, и по его именно наущенію ханъ отказывался выполнить ихъ требованія. Онъ предводительствовалъ хивинскимъ войскомъ подъ Шейхъ-арыкомъ, и затѣмъ сопровождалъ хана въ его бѣгствѣ. Генералъ Кауфманъ спрашивалъ Мать-Ніаза, способный ли человекъ его товарищъ Мать-Мурадъ. „Онъ хитеръ, но не уменъ“, было отвѣтомъ. Когда ханъ сдался Русскимъ, Мать-Мурада захватили и никогда болѣе не допускали видѣться съ его властелиномъ. Потомъ его отправили въ Казань, гдѣ онъ, какъ кажется, до сихъ поръ содержится въ заключеніи.

Мать-Ніазъ, также какъ и Сеидъ-Эмиръ, оба принадлежатъ къ партіи мира. Первый изъ нихъ маленькій, безобразный человекъ, съ круглыми глазами, рѣдкою бородкой и вздернутымъ носомъ. Къ Русскимъ онъ былъ, по видимому, расположенъ очень дружелюбно, и онъ-то доставилъ генералу Кауфману самыя вѣрныя свѣдѣнія относительно ханства. Лѣтъ ему было около сорока пяти. Якубъ-Бей старикъ, лѣтъ шестидесяти. Это еще бодрый, крѣпко сложенный человекъ, съ пасмурнымъ выраженіемъ лица, украшеннаго короткимъ толстымъ носомъ и весьма напоминающій бульдога; онъ кривъ на одинъ глазъ. Въ нѣкоторыхъ чертахъ его было сходство съ Туркменами, да можетъ-быть и въ жилахъ его текла туркменская кровь. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара я уже описывалъ прежде.

У хана было два брата; одного онъ очень любилъ, другаго же рѣшительно ненавидѣлъ. Этотъ послѣдній имѣлъ виды на престоль, какъ я уже говорилъ прежде, онъ даже заявилъ свои притязанія генералу Кауфману, во время бѣгства хана, когда престоль былъ никѣмъ не занятъ.

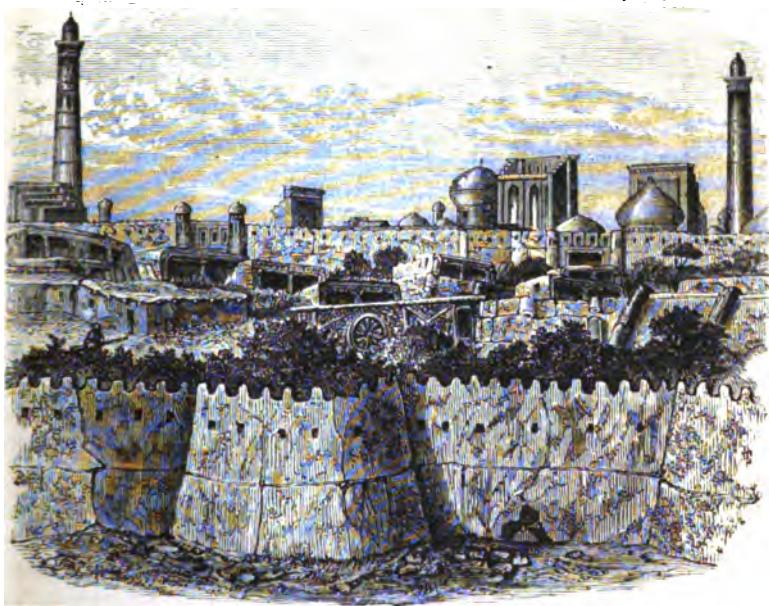
Отъ русскихъ офицеровъ я слышалъ что по разказамъ нѣкоторыхъ кулцовъ изъ Куны-Ургенча, ханъ ежегодно закупалъ большое количество вина, привозимаго изъ Россіи, и

нерѣдко наливался пьянъ. Но такъ какъ во дворѣ не найдено было ни одной бутылки, да и самый разказъ весьма неправдоподобенъ, то почти нечего и сомнѣваться что это было чистѣйшею выдумкой.

XV. Городъ Хива въ 1873 году.

Наружный видъ Хивы съ нѣкоторыхъ пунктовъ очень оригиналенъ. Высокія зубчатая стѣны съ башнями; крытыя ворота съ тяжелыми башнями по бокамъ; возвышающіеся изъ-за городскихъ стѣнъ куполы мечетей и минаретовъ; если видѣть все это на фонѣ западнаго небосклона при освѣщеніи заходящаго солнца, то картина представляется очень живописная; но пріятное впечатлѣніе произведенное наружнымъ видомъ вполнѣ забывается при входѣ въ самый городъ. Во всемъ городѣ найдется не болѣе трехъ-четырехъ строевій представляющихъ хотя бы какой-нибудь намекъ на архитектуру; все остальное слѣвлено изъ глины и представляеть самый жалкій видъ.

Въ Хивѣ находятся двѣ большія стѣны: одна снаружи, другая внутри города. Внутренняя стѣна, съ частью города которую она оцѣляетъ, образуетъ цитадель въ одну милю длинны и четверть мили ширины. За этой стѣной находится ханскій дворецъ, большая башня, нѣсколько медресе и большая часть публичныхъ зданій. Стѣна защищена тремя-четырьмя башнями. Сооруженіе ея относится къ гораздо болѣе древнему періоду, чѣмъ постройка стѣны наружной; въ сущности никто не въ состояніи опредѣлить времени ея сооруженія. Весьма вѣроятно что прежде за этой стѣной заключался и весь городъ Хива. Наружная же стѣна была построена всего въ 1842 году, когда ханъ того времени, Аллахъ-Кули, велъ войну съ Бухарой; онъ построилъ стѣну какъ дополнительную защиту своей столицы. Діаметръ этой наружной стѣны далеко не вездѣ одинаковъ, такъ какъ форма окруженнаго ею пространства нѣсколько напоминаетъ раковину устрицы, съ удлиненнымъ узкимъ концомъ, срѣзаннымъ подъ прямымъ угломъ. Діаметръ по длиннѣйшему направленію, доходитъ до полуторы мили, а по кратчайшему составляетъ одну милю. Средняя вышина стѣны достигаетъ двадцати пяти футовъ, но во многихъ мѣстахъ она выше; у осно-

ВИДЪ НА ЦИТАДЕЛЪ (Съ рисунка капитана Федорова).

ванія она двадцати пяти футовъ толщины, но при вершинѣ не шире трехъ и даже двухъ футовъ. Городъ окруженъ еще ровомъ отъ двадцати до двадцати пяти футовъ шириной. Ровъ этотъ я мѣстами видалъ до краевъ наполненнымъ водой, не хуже любого канала, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ совсѣмъ пересохъ. Мнѣ уже случилось уломянуть о двухъ воротахъ, которые ведутъ въ городъ. Кромѣ воротъ Хазарь-Асла и Хазаватскихъ существуетъ еще пять другихъ входовъ въ городъ.

Пространство заключающееся между наружною и внутреннею стѣнами въ одномъ мѣстѣ почти сплошь покрыто гробницами. Это уже не первый случай что мнѣ приходилось замѣчать странный обычай туземцевъ устраивать могилы рядомъ съ жилищами живыхъ людей. То же самое находилъ я и прежде того на Хала-Атѣ, въ Хазарь-Аслѣ—наконецъ, во всемъ ханствѣ.

Въ другомъ мѣстѣ весь промежутокъ между двумя стѣнами былъ засаженъ садами. И эта часть города, западная, самая пріятная для жилья. Здѣсь множество вязовъ, фруктовыхъ деревьевъ и маленькихъ каналовъ, такъ что по свѣжести воздуха этотъ кварталъ напоминаетъ хорошенкое предмѣстье, или же маленькій голландскій городокъ, гдѣ каждая улица имѣетъ свой каналъ. Вода доставляется сюда преимущественно изъ двухъ каналовъ: Чингери, съ сѣверной, и Игрякъ, съ юго-западной стороны города. Внутри всѣхъ почти дворовъ при домахъ устроенъ маленькій бассейнъ для домашняго обихода, наполняемый водою изъ каналовъ.

По безобразной наружности хивинскихъ глиняныхъ домовъ, не слѣдуетъ заключать что они представляютъ такое же печальное, некомфортабельное устройство и внутри. Совсѣмъ напротивъ: они очень хорошо приспособлены къ мѣстности и климату; хотя они и не соответствуютъ нашимъ понятіямъ о роскоши, но за то въ своихъ прохладныхъ, темныхъ комнатахъ доставляютъ пріятное убѣжище отъ палящаго зноя; часто они и убраны съ комфортомъ, заставляющимъ вполнѣ забывать объ ихъ жаломъ наружномъ видѣ.

Расположеніе хивинскаго жилища слѣдующее. Большой дворъ въ который ведетъ или маленькая, узкая дверь или же ворота достаточной ширины для проѣзда телеги. Вокругъ двора расположены жилыя комнаты, которыя всѣ имѣютъ аверы выходящія во дворъ, но между собою не имѣютъ

никакого сообщенія. На южной сторонѣ устроенъ высокій портикъ, открытый съ сѣвера; крыша его возвышается отъ 8 до 10 футовъ надъ окружающею стѣною и служитъ къ тому чтобы захватывать вѣтеръ, и слускать его во дворъ, ввизу. Такимъ образомъ почти всегда искусственно поддерживается токъ воздуха; каковы бы ни были невыгоды этого расположенія для зимняго времени, но лѣтомъ оно безспорно доставляетъ большое удобство и полезно для здоровья.

Внутреннее убранство комнатъ такое же какъ и въ ханскомъ гаремѣ, который я описывалъ, но нѣтъ, конечно, такого изобилія вещей.

Излишнимъ, я думаю, будетъ и говорить что здѣсь неизвѣстны ни стулья, ни столы, а замѣняются они коврами, войлоками, подушками и одѣялами самыхъ яркихъ цвѣтовъ и блестящихъ матерій. Оконныя стекла также вещь здѣсь неизвѣстная, да лѣтомъ и я не видѣлъ тутъ въ нихъ необходимости, такъ какъ свѣтъ неразлученъ съ жарой, а полумракъ царствующій въ этихъ покояхъ даже и днемъ, гораздо комфортабельнѣе и пріятнѣе яркаго дневнаго свѣта.

Такъ какъ въ городѣ не существуетъ почти и намѣка на архитектуру,—нѣтъ оконъ, мало дверей даже и на главныхъ улицахъ,—то прогулка по Хивѣ представляетъ столько же разнообразія и удовольствія какъ всякая прогулка между двумя стѣнами отъ 10ти до 20ти футовъ вышины въ любомъ другомъ мѣстѣ. Улицы шириною отъ десяти до двадцати футовъ, конечно очень пыльные въ это время года; проѣзжая по нимъ вы только и видите съ обѣихъ сторонъ грязныя голыя стѣны, изрѣдка перерѣзанныя поперечными улицами, ничто кромѣ того не нарушаетъ это глянцное однообразіе. Развѣ иногда за дверью, полуоткрытой въ темное пространство, мелькнетъ одна, другая женщина, слѣша спрятаться отъ любопытныхъ взоровъ ненавистнаго „Уруса“. Временами случается подѣзжать къ грулламъ маленькихъ дѣвочекъ лѣтъ пяти-шести, да и тѣ, уже наученныя избѣгать мужскаго взгляда, рассыпаются по сторонамъ и прячутся какъ молодыя куропатки, или же встрѣчается женщина вся укутанная безобразнымъ вуалемъ изъ конскаго волоса, и она прижимается на ходу къ противоположной сторонѣ улицы, будто одного вашего взгляда достаточно чтобы повредить ей, или же она просто-на-просто оборачивается къ вамъ спиной, выжидаая пока вы проѣдете. Мальчики однако вовсе не пугливы, шаловливы и

ВИДЪ ВНУТРИ ОГРАДЫ. (Съ рисунка капитана Федорова).

любытвы какъ мальчишки всего свѣта и всегда готовы поддержать вашу лошадь или оказать вамъ какую-нибудь другую маленькую услугу.

Въ Хивѣ насчитывается семнадцать мечетей и двадцать два медресе. Медресе имѣетъ нѣкоторое сходство съ католическимъ монастыремъ; это мѣсто въ которомъ, по убѣжденію народной массы, муллы или духовныя лица ведутъ праведную жизнь и приобрѣтаютъ научныя религіозныя свѣдѣнія. Я посетилъ однажды нѣсколько такихъ медресе вмѣстѣ съ барономъ Каульбарсомъ. Сперва мы отправились къ хану и застали его въ совѣтѣ или диванѣ, засѣдающемъ въ кибиткѣ въ одномъ изъ садовъ. Онъ послѣдшилъ снабдить насъ проводникомъ и, казалось, польщенъ былъ интересомъ который мы выказывали относительно медресе.

Самое великолѣпное и въ то же время самое священное зданіе въ Хивѣ—это мечеть Подванъ-Ата. Расположена она очень уютно въ глубинѣ маленькаго сада и весьма красива благодаря высокому куполу. Выстроена изъ обожженаго кирпича. Куполъ имѣетъ около шестидесяти футовъ вышины, покрытъ такими же изразцами какъ и большая городская башня, о которой я уже говорилъ, только ярко-зеленаго цвѣта, и заканчивается позолоченымъ шаромъ. Общій видъ нѣсколько напоминаетъ русскую церковь. Построена эта мечеть Магомедъ-Рахимъ-ханомъ въ 1811 году и въ ней помѣщается гробница Полавана, почитаемаго святымъ патрономъ Хивы.

Внутренній видъ купола очень красивъ. Онъ весь выложенъ изразцами украшенными тонкимъ голубымъ узоромъ въ перемежку съ изреченіями изъ Корана. Изразцы такъ плотно пригнаны одинъ къ другому что швовъ между ними вовсе не видно, и общій видъ купола представляетъ какъ бы опрокинутую и вывернутую вазу прекраснаго китайскаго фарфора.

Всѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей постройки, куполъ этотъ отличается особенными акустическими свойствами, которыми Хивинцы приписываютъ сверхъестественное происхожденіе. Молитвы читаемыя громкимъ голосомъ и многими людьми заразъ, повторяются эхомъ довольно внятно; этого, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія простыхъ умовъ Хивинцевъ что Аллахъ слышитъ ихъ молитвы.

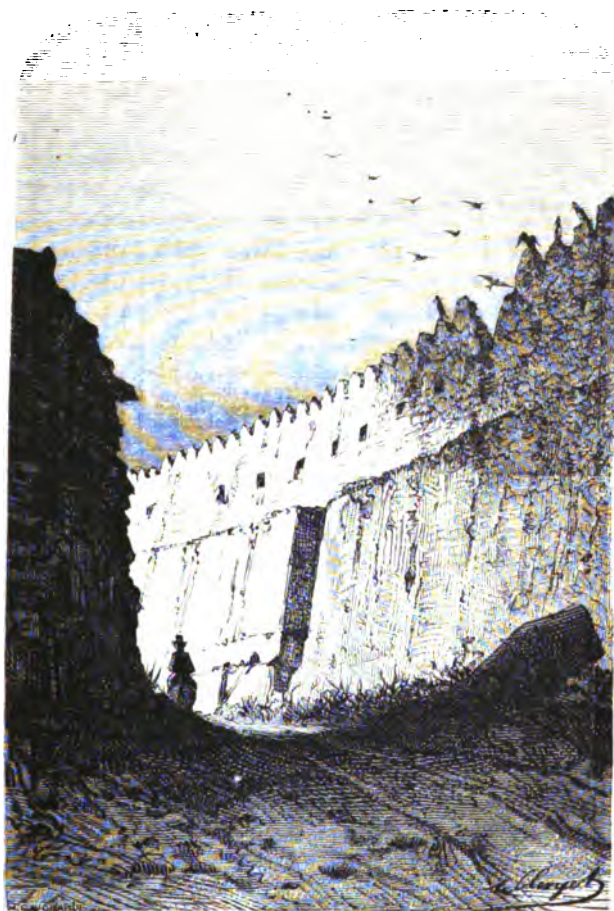
Внутри помѣщаются гробницы предшественниковъ хана. Онѣ расположены въ стѣнной нишѣ и обнесены мѣдною рѣшеткой. Въ этой части мечети похоронены три хана: Муха-

медь-Рахимъ, Абуль-Гази и Ширъ-Гази. Повѣстно что мѣсто гдѣ покоился Ширъ-Гази возбуждало не малый интересъ Рускихъ: надо вспомнить что это былъ ханъ который такъ предательски умертвилъ князя Бековича-Черкаскаго и перебилъ почти всѣхъ людей его экспедиціи.

Въ сторонѣ отъ этого главнаго отдѣленія мечети находятся двѣ небольшія комнаты. Въ одной помѣщается гробница хана Алахъ-Кули, умершаго въ 1843 году и построившаго вѣншую городскую стѣну; въ другой гробница самого святаго Полвана. Квадратная комната эта очень мала и низка; и почти темна, такъ какъ освѣщается всего однимъ маленькимъ окномъ. Стѣны и гробница выложены сѣрыми изразцами. Гробница помѣщается посреди пола; она семи футовъ въ длину, четырехъ въ ширину и трехъ въ вышину; изразцы ее покрывающіе такъ плотно соединены между собою что всю ее можно принять за цѣльный кусокъ сѣраго мрамора.

За мечетью находится глиняное строеніе, заключающее въ себѣ множество комнатъ, занятыхъ слѣпыми. Мы осмотрѣли нѣсколько изъ этихъ комнатъ. Это были простыя кельи, иногда всего шести футовъ длины при четырехъ ширинѣ, и все убранство такой комнаты состояло изъ небольшого количества кухонной посуды, овчины, разостланной на полу съ двумя отдѣлами для постели и каменнаго кувшина для воды. Какъ ни мала была комната, въ углу всегда находили мы миниатюрную печку, въ которой предоставлялось самому слѣпому варить себѣ пищу и чай. Было что-то трогательное въ заботливой чистотѣ въ которой все содержалось; опрятность и порядокъ царствующіе въ расположеніи ихъ вещей возбуждали невольную симпатію, выказывая въ этихъ отшельникахъ тѣ же особенности которыми отличаются слѣпцы нашихъ расъ.

Здѣсь жило отъ пятнадцати до двадцати слѣпыхъ. Они намъ сказали что имъ ежедневно выдается чай, рисъ и хлѣбъ, мясо раза два, три въ недѣлю, да кромѣ того, при всякомъ выходѣ своемъ на базаръ, они получаютъ отъ прохожихъ маленькіе подарки, заключающіеся въ кускахъ сахара и фруктахъ. Учрежденіе это поддерживается частію вкладомъ основателя его святаго Полвана, частію же настоящимъ ханомъ. Уже изъ того что подобное заведеніе существуетъ въ Хивѣ видно что народъ здѣсь вовсе не такой варварскій, какъ полагаютъ.

УЛИЦА. (Съ рисунка Верещагина).

Затѣмъ поднялись мы по узкой изогнутой лѣстницѣ въ верхній этажъ, то-есть на площадку идущую кругомъ главнаго купола, по которой были въ безпорядкѣ разбросаны маленькія кельи или комнатки, гдѣ жили муллы. Эти комнатки расположены отдѣленіями, состоящими изъ двухъ, трехъ каморокъ, не больше тѣхъ гдѣ живутъ слѣпые; всѣ онѣ помѣщаются на южной сторонѣ. Эти темныя маленькія кельи, хотя и расположенныя на солнечной сторонѣ, вовсе не были комфортабельны, когда притворялась входная дверь; и мы охотно усѣлись въ одной изъ нихъ на полу, пока мулла готовилъ для насъ чай и пилавъ.

Отсюда пошли мы въ медресе, построенное настоящимъ ханомъ на площади предъ дворцомъ. Медресе это принадлежитъ къ новѣйшимъ постройкамъ, сооружено изъ пре-красно обожженныхъ кирпичей и выказываетъ большія претензіи на архитектурное изящество. Выстроено оно по плану одного персидскаго караванъ-сарая; рисунокъ этотъ вѣроятно доставленъ тѣми же рабами-Персіянами которые работали надъ его постройкой. Зданіе это около ста футовъ въ квадратѣ, состоитъ изъ двухъ этажей и представляетъ очень красивый фасадъ съ возвышеннымъ порталомъ около пятидесяти футовъ вышины, который по окончаніи работъ весь будетъ украшенъ бѣлыми и синими изразцами о которыхъ я уже такъ часто упоминалъ.

Внутри находится большой, хорошо вымощенный дворъ, съ котораго идутъ входы во всѣ комнаты. Комнаты расположены двумя этажами вокругъ двора. Каждый мулла имѣетъ двѣ комнаты: одну для кухни, такъ какъ муллы всѣ сами готовятъ себѣ пищу, а другую для ученыхъ занятій. Большая изъ этихъ двухъ комнатъ, футовъ шести шириною при восьми длины, снабжена печкой съ трубой и другими принадлежностями кухни, но въ такихъ миниатюрныхъ размѣрахъ что онѣ кажутся дѣтскими игрушками. Комнаты эти освѣщаются однимъ маленькимъ отверстіемъ надъ входною дверью; конечно при этомъ онѣ очень темны и вовсе не приспособлены къ ученымъ занятіямъ. Верхній этажъ состоитъ изъ цѣлаго ряда маленькихъ келлій, выходящихъ на длинный балконъ, огибающій весь фасадъ; изъ нихъ открывается прекрасный видъ на площадь и ханскій дворецъ. Это медресе, по хивинскимъ требованіямъ, представляетъ достаточное помѣщеніе для ста человѣкъ, но до сихъ

поръ оно почти-что совсѣмъ не занято. Удивительно какъ вздумалъ ханъ выстроить медресе вмѣсто новаго дворца, когда его настоящій дворецъ далеко не можетъ сравниться съ этимъ медресе по вкусу, прочности и удобствамъ стройки.

У самаго ханскаго дворца находится медресе построенное Мухамедъ-Эмиръ-ханомъ въ 1844 году. Это главное городское медресе, и состоитъ изъ четырехугольнаго строения окружающаго большой вымощенный дворъ.

Построено оно по такому же плану какъ и описанное выше; въ немъ содержатся триста учениковъ, обучаемыхъ четырьмя учителями. Каждому ученику выдается въ годъ дванадцать четвериковъ пшеницы, пятнадцать четвериковъ джугары и отъ 20 до 26 рублей деньгами. У угла этого медресе стоитъ большая башня, предметъ наиболѣе бросающійся въ глаза во всей Хивѣ.

Только четыре или пять хивинскихъ медресе выстроены изъ кирпича, остальные сдѣланы изъ глины и почти отличаются отъ окружающихъ домовъ.

Мушлы совершенно нелюбожи на обыкновенныхъ людей. Бродятъ они по городу худые и изнуренные, съ длинными бородами и впалыми глазами; лица ихъ, тупыя и безсмысленныя, оживляются только по временамъ вспышками возбужденнаго фанатизма.

Долгіе годы пребыванія въ тѣсныхъ и темныхъ кельяхъ, ученіе наизусть Корана, безъ малѣйшаго пониманія, вѣчное усилія надъ одною и тою же задачей, отчуждающей ихъ отъ всякаго живаго человѣческаго интереса, доводятъ ихъ до этого полудидотскаго состоянія. Вотъ рѣзкій примѣръ ихъ невѣжества и тупости, который однако также служитъ доказательствомъ ихъ способности къ умственному труду. Мнѣ разсказывалъ генералъ Кауфманъ что разъ, въ бытность свою въ Самаркандѣ, онъ услышалъ объ одномъ молодомъ мулѣ, славившемся своею набожностію и знаніемъ Корана. Когда генералъ Кауфманъ выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться, мулла явился къ нему. Оказалось что онъ зналъ весь Коранъ наизусть по-арабски, могъ начать съ любого мѣста и безъ ошибки продолжать свое чтеніе наизусть до конца книги. Когда же мулла этого попросили перевести главу изъ Корана, онъ изразилъ полнѣйшее удивленіе при такой необыкновенной манерѣ его взгляды просить, и заявилъ что онъ ни слова по-араб-

ВНИЩЪ. (Съ рисунка Верещагина.)

ски не понимаетъ. А между тѣмъ этотъ бѣдняга лучшіе годы своей жизни убилъ надъ этимъ занятіемъ достойнымъ полугая. Удивительно ли что послѣ цѣлыхъ годовъ проведенныхъ въ этомъ безтолковомъ долбленіи наизусть, люди эти не только кажутся, но становятся дѣйствительно полнѣйшими идиотами.

Но не говоря уже объ образѣ ихъ жизни, однихъ головныхъ уборовъ ихъ достаточно чтобы затормозить какую угодно головную работу, лишитъ ихъ послѣдняго проблеска разума, удѣлѣвшаго послѣ ихъ суроваго религіознаго воспитанія. Уборъ этотъ состоитъ изъ высокой бараньей шалки, фунтовъ въ семь-восемь вѣсу, у краевъ обмотанной въ видѣ чалмы тридцатью или сорока аршинами бѣлой кисеи. Носится эта шалка въ самую жаркую пору лѣта, и надо видѣть несчастныхъ муллъ, бродящихъ съ этими чудовищными башнями на головѣ подъ жгучими лучами лалашго солнца чтобы понять до какой жестокости къ себѣ можетъ дойти человекъ! Не легко понять что заставляетъ ихъ носить эту баранью шалку лѣтомъ, когда Коранъ требуетъ ношенія одной чалмы.

Духовенство это имѣетъ самое пагубное вліяніе на народную массу: оно поддерживаетъ въ ней духъ нетерпимости, изуверства и суевѣрія, прелятствуетъ всякому прогрессу, поощряетъ пороки и невѣжество, ограничивая всякое знаніе одячимъ долбленіемъ Корана. Я даже думаю что именно отсутствію муллъ у Киргизовъ надо приписать ихъ честность, терпимость и доброту, не встрѣчаемыя въ городскомъ населеніи.

XVI. Базаръ.

Разъ выхожу я въ полдень изъ своей квартиры въ Хивѣ съ цѣлью осмотрѣть базаръ. На улицахъ жарко и пыльно; солнце печетъ немилосердно; стѣрыя глиняныя стѣны до того раскаляются подъ солнечными лучами что отъ нихъ такъ и льшеть жаромъ, и прогулку по такой улицѣ можно сравнить развѣ съ прогулкой внутри раскаленной печи.

Пріятно вступить изъ этого лекла въ прохладную тѣнь базара. При входѣ васъ охватываетъ смѣшанный запахъ правостей и другихъ веществъ; въ ушахъ звенитъ отъ шума и гула толпы людей и животныхъ, и вы видите предъ

собой пеструю массу людей, лошадей, верблюдовъ, ословъ и воевъ. Базаръ просто-на-просто состоитъ изъ крытой улицы, въ которой все устроено на первобытный ладъ. Крыша образуется бревнами, перекинутыми съ одной стѣны на другую поперекъ узкой улицы; на бревнахъ плотно уложены небольшіе куски дерева и все это засыпано землею. Сооруженіе это, однако, вполне отвѣчаетъ своему назначенію, прекрасно защищаетъ отъ яркаго свѣта и жары.

Съ наслажденіемъ вдыхаете вы прохладный, сырой, пропитанный запахомъ пряностей воздухъ и видите предъ собой груды свѣжихъ, спѣлыхъ фруктовъ, наваленныхъ въ безчисленномъ количествѣ. Тутъ найдете вы абрикосы, персики, сливы, виноградъ, арбузы, дыни всевозможныхъ сортовъ, и неподдающійся никакому описанію рядъ товаровъ, встрѣчаемыхъ въ одной Центральной Азіи. Лавокъ, въ собственномъ смыслѣ, тутъ нѣтъ, а просто устроена вдоль одной стороны возвышенная платформа, на которой возсѣдаютъ люди среди груды товаровъ, и между ихъ владѣніями не видать никакой пограничной черты. Съ другой стороны улицы помѣщаются цирюльники, мясники, лочинщики старой обуви и мелочные торговцы.

Съ трудомъ пробиваетесь вы съ лошадью чрезъ эту толпу на протяженіи около двадцати сажень и встрѣчаете другую крытую улицу, перестѣкающую эту полереку. Взявъ вѣзго, проезжаете вы тяжелыми, сводчатыми кирпичными воротами и цѣвотъвы на самомъ базарѣ, извѣстномъ подъ названіемъ, Т... На этомъ базарѣ производится главная мелочная торговля города; помѣщается онъ подъ двойнымъ сводомъ, образующимъ проходъ сажень въ 50 длины и 20 ширины. Построенъ этотъ проходъ изъ кирпича сложеннаго цѣлымъ рядомъ аркавъ; крыша отстоитъ сажень на двадцать отъ земли; и каждая арка оканчивается чѣмъ-то въ родѣ купола съ пробитымъ подобіемъ трубы, служащимъ для освѣщенія и вентиляціи мѣста. Посреди находится куполъ выше всѣхъ остальныхъ и не лишенный въ которыхъ архитектурныхъ теній.

Лавки состоятъ изъ простыхъ балагановъ или стойлъ, въ которыхъ восемь и даже шести въ квадратѣ, открытых съ одной стороны для выставки несообразнѣйшей смеси возможныхъ товаровъ. Въ одномъ такомъ стойлѣ увидать можно чай, сахаръ, шелковыя и бумажныя матеріи, халаты, сѣ...

МУЛЛА НА МОЛИТВЪ. (Съ рисунка Верещагина.)

табакъ, словомъ, все что только можно найти въ Центральной Азіи.

Вы садитесь напротивъ этихъ балагановъ и наѣдаетесь какъ только можете холодными, сочными арбузами, сладкими румяными персиками и виноградомъ, живо напомивающимъ собою хорошее вино. Если же вы нуждаетесь въ болѣе существенномъ подкрѣпленіи, въ одно мгновеніе дается предъ вами лилавъ съ горячими пшеничными лепешками; вы можете спокойно возсѣдать среди этой волнующейся толпы и наслаждаться ѣдой. Кстати замѣтить что чай здѣсь употребляется зеленый, единственный привозный предметъ составляющій монополью Англичанъ.

Никто вамъ также не помѣшаетъ растянуться на коврѣ въ какомъ-нибудь углу и цѣлые часы наблюдать съ постояннымъ интересомъ за вѣчно мѣняющимися группами и проходящимъ мимо васъ рядомъ странныхъ, дикихъ лицъ. Въ этой пестрой толпѣ найдутся представители всѣхъ средне-азиатскихъ народностей. Вотъ Узбекъ въ длинномъ халатѣ, высокой черной бараньей шалкѣ, съ задумчивымъ видомъ и стеленною осанкой, свойственными всему его племени. Потомокъ покорителей страны, онъ принадлежитъ къ хивинской земельной аристократіи, стоящей въ такомъ же положеніи относительно остальныхъ Хивинцевъ, какъ потомки франко-норманнской расы къ массѣ англійскаго народа. Узбекъ высокъ, хорошо сложенъ, съ прямымъ носомъ, правильными чертами лица, густою бородой и задумчивымъ видомъ; его легко бы принять и за Европейца, если бы не выдавали его настоящее происхожденіе смуглый цвѣтъ лица, худоцавая жилистая фигура и какое-то жесткое выраженіе, присущее всѣмъ обитателямъ Востока, къ какому бы племени и странѣ они ни принадлежали. Теперь бѣдному Узбеку конечно есть надъ чѣмъ призадуматься: прошли красные дни господства его племени надъ Хивой, едва ли даже Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ не будетъ послѣднимъ Узбекомъ владычествующимъ въ странѣ. Вотъ Киргизъ, возсѣдающій на своемъ верблюдѣ; его широкоскулое, плоское, глушоватое, но тѣмъ не менѣе добродушное лицо выражаетъ самую коичную застѣнчивость. Насмѣшки сылются на бѣдлагу со всѣхъ сторонъ изъ толпы раздвигаемой его верблюдомъ; онъ служитъ предметомъ множества замѣчаній, какъ видно не совсѣмъ лестнаго свойства. Высоко-образованные и

уточненные городскіе обыватели относятся съ не малою долей презрѣнія къ этимъ простымъ номадамъ, живущимъ вдали отъ столицы, центра просвѣщенія и удовольствій. Киргизъ этотъ вѣроятно вѣшалъ версты за лятьдесять или шестьдесятъ затѣмъ чтобы продать пару овецъ да купить немного чаю, сахару, а можетъ-быть новый халатъ для себя, и горсть другую бисера для жены и дочери.

Вотъ этотъ человекъ въ бѣлой чалмѣ и яркокрасномъ, блестящемъ на солнцѣ халатѣ—бухарскій купецъ, пріѣхавшій въ этотъ провинціальный на его взглядъ городъ съ цѣлью понадуать своихъ собратій, хивинскихъ торговцевъ, а можетъ-быть и закулить одного, другаго раба, если подойдетъ удобный случай. Последнему его расчету, однако, уже не суждено осуществиться.

Затѣмъ взглядъ вашъ останавливается на человекѣ со смуглымъ, почти чернымъ лицомъ, съ толстыми губами, тяжелыми нависшими бровями, короткимъ вздернутымъ носомъ и свирѣпыми глазами. Онъ воссѣдаетъ съ видомъ самодовольной независимости, чуть ли даже не дерзости, на своемъ высокомъ красивомъ конѣ, погоняя его и ни мало, по видимому, не заботясь о томъ что легко можетъ и раздавить кого-нибудь въ этой толпѣ. На этого не сыплется ни насмѣшекъ, ни остротъ, хотя онъ заслуживаетъ народную неприязнь гораздо болѣе скромнаго Киргиза. Причина этого уваженія не маловажна. Человекъ этотъ за отвѣтомъ въ карманъ не полизуетъ, а если что ему придется не по вкусу, то сабля въ рукахъ его окажется еще пожалуй подвижнѣе языка во рту. Это Туркменъ-Томуть, о которомъ еще рѣчь впереди.

Дальше слѣдуетъ Персіянинъ, недавній рабъ; этотъ отличается острымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, быстрыми кошачьими движеніями, и проходя мимо, вскидываетъ на васъ быстрый взглядъ своихъ хорьковыхъ глазъ. Но вотъ бросается вамъ въ глаза высокая бѣлая чалма, извѣстная уже вамъ принадлежность женскаго наряда, и вы напрягаете все ваше зрѣніе въ надеждѣ увидать наконецъ олять женское лицо. Но нѣтъ. Женщина вся обернута длинными одеждами въ лохмотьяхъ, на плечи ея накинутъ грязный халатъ, а ужасный вуаль изъ чернаго конскаго волоса задергиваетъ все ея лицо будто саванъ; развѣ только удастся вамъ уловить мгновенный проблескъ ея взгляда, когда она

проскользнетъ мимо васъ. Здѣшнія женщины одѣваются въ самыя грязныя и оборванныя одежды при выходѣ на улицу, съ цѣлю отвратить этимъ вниманіе прохожихъ. Обычай этотъ составляетъ одну изъ самыхъ неприятныхъ особенностей Хивы. Въ теченіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ встрѣчаете вы вездѣ и повсюду одни мужскія лица, такъ что наконецъ желаніе видѣть женское лицо дѣлается такою же настоятельною потребностью какъ взглянуть на зеленую траву и цвѣты послѣ долгаго переѣзда пустыней.

„Тимъ“ служитъ центромъ торговли мелочной, тогда какъ большая часть оптовой торговли производится въ караванъ-сараѣ.

Караванъ-сараѣ этотъ, какъ я узналъ изъ русскихъ источниковъ, построенъ въ 1823 году Мухамедъ - Рахимъ - ханомъ по плану всѣхъ подобныхъ строеній въ Центральной Азіи. Это квадратное зданіе съ четырехугольнымъ мощенымъ дворомъ отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ величиной. Съ каждой изъ четырехъ сторонъ расположено множество клѣтушекъ, служащихъ лавками, каждая не болѣе восьми футовъ въ квадратѣ. Балаганы устроены со сводчатыми потоками, открыты во дворъ и получаютъ все освѣщеніе черезъ дверь. Въ этихъ-то балаганахъ совершаютъ всѣ свои торговые обороты богатые хивинскіе кулцы, ведущіе торговлю съ Россіей и Центральною Азіей.

Въ одной изъ русскихъ газетъ мнѣ попалась замѣтка о томъ какъ одно духовное лицо выѣзжаетъ нѣсколько разъ въ день на базаръ для разрѣшенія жалобъ относительно мѣръ и вѣсовъ. На этомъ же лицѣ лежитъ отвѣтственность чтобы никто не прослалъ чашъ молитвы. Всѣ провинившіеся наказываются на мѣстѣ преступленія; кара эта производится помощниками духовнаго лица, сопровождающими его въ этомъ объѣздѣ. Можетъ-быть, вслѣдствіе повсемѣстно еще царствовавшей неурядицы, мнѣ самому ничего подобнаго видѣть не случилось. Мѣры и вѣсы употреблялись русскіе, также какъ и счеты, на которыхъ кулцы производятъ свои вычисленія. Денежная хивинская единица есть „коканъ“ или „тенга“, стоящая двадцать копѣекъ. Девять кокановъ составляютъ „тилло“, золотую монету, въ 1 р. 80 к. с. стоимостью. Есть еще большія тиллы, цѣною въ 3 р. 60 копѣекъ; существуетъ и мѣдная монета „пуль“ или „чека“, и шестьдесятъ такихъ монетъ

составляютъ тенгу, такъ какъ пудъ цѣнится въ $\frac{1}{2}$ копѣйки серебромъ.

Здѣсь же находился и невольничій рынокъ. Захватъ русскихъ и персидскихъ подданныхъ и продажа ихъ въ рабство продолжались долгое время. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія численность рабовъ-Русскихъ была велика; судя по вышеупомянутому источнику ихъ было до 2,000 предъ экспедиціей генерала Перовскаго. Но во время этой кампаніи, въ 1839—40 годахъ, бѣольшая часть Русскихъ были освобождены и высланы въ Оренбургъ. По договору заключенному послѣ этой несчастной экспедиціи полковникомъ Давилевскимъ съ Хивинскимъ ханомъ, послѣдній обязывался не позволять болѣе торговли русскими лѣвными. Несмотря однако на этотъ трактатъ и на другой заключенный въ 1858 году, торговля Русскими невольниками продолжалась, хотя и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Рабы Русскіе продавались въ послѣднее время на Хивинскихъ рынкахъ по 100 и даже по 200 талль за каждаго; Персіяне цѣнились въ 70, а женщины и мальчики до четырнадцати лѣтъ отъ 60 и до 300 талль. Рабы Русскіе цѣнились выше Персіянъ, потому что работали они лучше; по большей части они доставались самому хану. Нѣкоторые Русскіе получали даже почетныя назначенія, имъ поручалось командованіе войскомъ или обученіе артиллеріи.

Персія однако доставляла самое большое число рабовъ. Туркмены захватывали на Персидской границѣ огромное количество персидскихъ „шітовъ“ или еретиковъ. Туркмены нарочно обращались съ этими лѣвными какъ нельзя болѣе варварски. По свидѣтельству Вамбери, ихъ едва даже кормили, изъ оласенія что сытые они въ состояніи будутъ убѣжать. Уже не говоря о страшныхъ побояхъ бичомъ, и истязали всевозможными пытками, которыя въ состояніи придумать одни только азіятскіе варвары. На „ночь“ ихъ такъ крѣпко привязывали что они не могли ни стоять, ни сидѣть. Появное дѣло что въ Хиву они доставлялись совершенными скелетами.

Насколько я однако въ состояніи былъ разузнать, въ сѣмой Хивѣ рабы содержатся вовсе не такъ дурно. Имъ даютъ достаточное количество пищи и питья; что же касается одежды, то въ этомъ отношеніи между хозяиномъ и рабомъ почти что нѣтъ разницы. Да и работники, какъ видѣ

не были обременены, если нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось даже выработать еще достаточно денегъ для выкупа себя изъ рабства.

Захватывали и Аванцевъ, но на основаніи предписаній Борана они не могли быть продаваемы въ рабство, будучи правовѣрными суннитами, а не еретиками. Однако жадные къ добычи Туркмены и Хивинцы бичеваніемъ и другими вытками доводили этихъ несчастныхъ до признанія себя „шитами“ и тогда продавали ихъ въ рабство за отступничество отъ истинной религіи. Евреевъ никогда не обращали въ рабство благодаря презрѣнію съ которымъ относятся къ нимъ съ магометане. Русскихъ захватывали Туркмены главнымъ образомъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, а Киргизы брали въ плѣнъ рыбаковъ сѣвернаго побережья этого моря, также и другихъ Русскихъ по границамъ Оренбургской губерніи и Сибири.

Какъ Персіяне, такъ и всѣ другіе рабы съ безумнымъ осторгомъ привѣтствовали приближеніе Русскихъ, зная что спасеніе Русскими какого бы то ни было пункта въ Центральной Азіи сопровождалось немедленнымъ освобожденіемъ рабовъ.

Тотчасъ по занятіи Хивы между рабами и хозяевами началась открытая война. Персіяне начали грабить Хивинцевъ, и послѣдніе стали приходять къ Русскимъ цѣлыми толпами, прося защиты отъ ярости Персіянъ. Для подавленія безпорядка были приняты строгія мѣры, двухъ Персіянъ уличенныхъ въ грабительство судили военнымъ судомъ и повѣсели. Я видѣлъ ихъ тѣла, когда они висѣли на базарѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Я могу однако засвидѣтельствовать что многіе изъ русскихъ офицеровъ сильно осуждали это рѣшеніе, полагая что надо было принять во вниманіе и то что Персіяне имѣли болѣе чѣмъ достаточныя причины считать своимъ хозяевамъ. Наказаніе это имѣло два послѣдствія, оно усмирило Персіянъ и поощрило ихъ хозяевъ къ новымъ изысканіямъ ихъ въ наказаніе за то какъ они воспользовались минутною свободой. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ приходили въ нашъ лагерь, показывая рубцы на плечахъ и раны на краяхъ ногъ въ которыя насыпаны были мелко нарѣзанный конскій волосъ.

Узнавъ объ этихъ звѣрствахъ, генералъ-Кауфманъ поручилъ хану издать прокламацію объ уничтоженіи рабства; при

этомъ ханъ сдѣлалъ ту смѣшную ошибку, о которой я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Прокламація эта была издана 12го (24го) іюня; глашатаи читали ее на улицахъ Хивы и по всѣмъ главнымъ хивинскимъ городамъ.

Вѣрныхъ свѣдѣній о численности рабовъ мы добиться не могли. Мать-Мурадъ на вопросъ объ этомъ отвѣчалъ что ихъ всего три или четыре тысячи. Потомъ же оказалось что у самого Мать-Мурада ихъ было 400. По тѣмъ свѣдѣніямъ какія могли собрать, мы заключили что въ Хивѣ было около 30.000 Персіянъ, изъ которыхъ 27.000 состояли въ рабствѣ. Я слышалъ что одно время у Русскихъ было предложеніе надѣлать Персіянъ частью незаселенной хивинской земли; я не знаю, однако, приведена ли эта прекрасная мысль въ исполненіе. Часть Персіянъ Русскіе рѣшили выслать на родину. Составлено было три партіи — каждая человекъ въ 500, и персидскому правительству дано было по телеграфу знать чтобъ оно приняло ихъ на границѣ. Тѣ Персіяне которые высланы были на Красноводскъ и Киндерлинскую бухту благополучно достигли своего назначенія, тѣ же что пошли на Атрекъ попались въ руки Туркменъ-Теке истребили злую смерть. Рабы оставшіеся въ Хивѣ хотя и считаются освобожденными, но житье имъ, какъ кажется, не лучше прежняго. Нѣкоторые русскіе офицеры были даже тогда мнѣнія что три четверти Персіянъ еще останутся въ положеніи рабовъ, и что мѣры принятыя въ этомъ отношеніи не достаточно рѣшительны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что это теоретическое уничтоженіе рабства неминуемо приведетъ и къ его дѣйствительному искорененію.

Центръ торговли ханства находится въ Яны-Ургенчѣ, вѣстахъ въ тридцати на сѣверо-востокъ отъ Хивы. Здѣсь проживаютъ самые богатые хивинскіе кулцы, ведущіе оптовую торговлю съ Россіей, Бухарой и Персіей; въ самой же столицѣ денегъ мало и торговля незначительна. Въ Хивѣ считается до 300 лавокъ, но товару въ нихъ немного, и открыты онѣ по большей части бываютъ всего два дня недѣлю, въ понедѣльникъ и четвергъ, базарные дни; остальные дни недѣли не производится почти никакихъ торговыхъ оборотовъ.

На базарахъ и въ лавкахъ продаются слѣдующіе товары: сырые и сухіе фрукты, пшеница, рожь, джугара, клеверный сѣмя, хлѣбъ, русскій сахаръ, зеленый чай, доставляемый

Индія на Бухару, русскія бумажныя и бухарскія шелковыя матеріи, одѣяла, сапоги и башмаки, жѣдные товары, чугуновая посуда, чайники, чайныя чашки и блюда, также доставляемыя изъ Россіи.

Уже изъ этого краткаго перечня видно что большая часть торговли производится съ Россіей. Изъ англійскихъ товаровъ попадаютъ только дешевый ситецъ и кисей со штемленемъ Глазго. Русскій ситецъ болѣе легкой доброты и продается отъ десяти до пятнадцати копѣекъ за аршинъ.

Хивинскіе фрукты замѣчательно хороши и изобильны, и въ сухомъ видѣ они составляютъ главный предметъ вывоза для хавства въ Россію. Дыни необыкновенно вкусны и събираются въ огромномъ количествѣ; созрѣваютъ онѣ въ первой половинѣ іюня и лѣтомъ составляютъ главную пищу Хивинцевъ. Дыни встрѣчаются во множествѣ, различныхъ сортовъ, и продаются копѣекъ по пяти за штуку. Арбузы и гранаты поодѣе. Огурцы въ Хивѣ такой же формы какъ и дыни, и внутренность ихъ даже очень схожа.

Шелковое производство довольно развито въ Хивѣ. Весь оазисъ засаженъ тутовыми деревьями и во всякомъ сельскомъ домѣ находили мы двѣ даже три большія комнаты, наполненныя трудолюбивыми маленькими прядильщиками, листающимися тутовыми листьями. Хотя весь процессъ шелкового производства устроенъ на самый первобытный ладъ, но матеріи тѣмъ не менѣе выдѣлываются очень красивыхъ узоровъ и удивительной прочности. Часто всѣ работы, пряжка, ткачество, крашенье и самое тканье матерій, производятся въ одномъ семействѣ однимъ или двумя его членами. Цвѣта очень хороши, но располагать ихъ туземцы не умѣютъ. Искусство такъ располагать узоры и цвѣты что они выдѣляются на голубѣ будто сами свѣтятся—это искусство которымъ такъ славятся бухарскіе и коканскіе ткачи—Хивинцамъ совершенно неизвѣстно. Единственный ихъ способъ размѣщенія цвѣтовъ здѣсь состоитъ въ расположеніи ихъ красными, желтыми, пурпуровыми и бурными полосами.

Проходя хивинскими улицами, вы встрѣтите многія стѣны совершенно увѣшанныя шелковою пряжей, которую красильщики вывѣсили сушить, и если вы не остережетесь вовремя, то все платье ваше будетъ обрызгано размоцнѣвшими каплями, стекающими съ массъ шелка, свѣсившихся надъ головами прохожихъ. При ближайшемъ осмотрѣ эти факто-

риі едва ли напомнятъ вамъ о громадной мануфактурѣ Vonnet въ Лионѣ, но и онѣ въ своемъ родѣ интересны, представляя собою цѣлую отрасль существованія этого страннаго, затеряннаго въ лескахъ народа. Первая, однако, операція шелкового производства, состоящая въ размоткѣ нитей съ коконовъ, до того схожа со способами употребляемыми на огромной фабрикѣ Vonnet что если эта работа остановится у него за недостаткомъ рабочихъ рукъ, ему легко будетъ найти для этого дѣла искусныхъ рабочихъ въ Хивѣ. Вы видите такіе же маленькіе желтые шарикъ, прыгающіе въ тазахъ горячей воды въ то время какъ нити наматываются на шпудльки и носъ вашъ чувствуетъ тотъ же непріятный запахъ. Я даже замѣтилъ что какъ на лионскихъ фабрикахъ, такъ и тутъ на составленіе первой нити берутся лять коконовъ. Машина при работѣ употребляется самая простая: большое деревянное колесо футовъ восьми въ діаметрѣ поворачивается рукою и приводитъ въ движеніе множество маленькихъ шпудлекъ, на которыя наматываются нити коконовъ. Одно или два мотовила для изготовленія основы составляютъ всѣ машины отдѣленія гдѣ производится сученіе пражіи. Ткацкій станокъ еще того проще. Для раздѣленія основы и пропусканія челнока не существуетъ никакого механическаго приспособленія и положительно нельзя не удивляться какъ при такихъ первобытныхъ снарядахъ Хивинцамъ еще удается выдѣлывать такъ много хорошаго шелка.

XVII. О б ѣ д ѣ у У з б е к а.

Мирза-Хакимъ коканскій посланникъ въ Ташкентѣ. Емогу сказать чѣмъ онъ былъ во времена своей вѣрности азіатизму; теперь же, во всякомъ случаѣ, онъ славный мана Говоритъ по-русски, провелъ зиму въ Петербургѣ и былъ принятъ въ лучшихъ кругахъ тамошняго общества. Онъ держитъ сторону Датти противъ Нильсонъ, пьетъ шампанское, куритъ папиросы, словомъ, цивилизованъ вполнѣ.

Контрастъ между нимъ и его царственнымъ повелителемъ поразителенъ.

Худояръ-Ханъ представляетъ собою совершенный образецъ среднеазіатскаго властелина. До шестнадцатилѣтняго возраста онъ былъ подъ олекой нѣкоего Мусульманъ-Ку

который правилъ страной его именемъ, угнеталъ народъ, совершалъ всякія жестокости и крѣпко держалъ бразды правленія въ своихъ рукахъ. Чтобы не дать возможности хану приобрести себѣ друзей и съ ихъ помощію предъявить въ одинъ прекрасный день свои права на престолъ, хитрый министръ этотъ совсѣмъ не давалъ ему денегъ, а самого его держалъ на положеніи заключеннаго съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ.

Наконецъ нескончаемая безчинства Мусульманъ-Куля довела народъ до возстанія. Молодой ханъ принялъ довольно оригинальное рѣшеніе присоединиться къ партіи бунтовщиковъ, хотя номинально возстаніе направлялось противъ его собственнаго правленія. Бунтовщики встрѣтили его съ открытыми объятіями; произошла битва, Мусульманъ-Куль былъ сверженъ и захваченъ съ 500 приверженцами.

По вступленіи своемъ на престолъ, молодой ханъ торжествовалъ это радостное событіе рядомъ блистательныхъ праздниковъ, длившимся цѣлыхъ два мѣсяца. И не будучи злопачителемъ онъ приглашалъ Мусульманъ-Куля присутствовать при каждомъ торжествѣ. Каждый такой праздникъ ознаменовывался живою картиной весьма пріятнаго содержанія— для Мусульманъ-Куля въ особенности—а именно, казнилось человекъ лянцнадцать-двадцать изъ его прежнихъ сторонниковъ и приближенныхъ. Этотъ интересный спектакль повторялся ежедневно въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, и Мусульманъ-Куль прилежно посѣщалъ каждое представленіе. Наконецъ, когда закончили со всеми его приближенными, то пригласили его самого промѣнять роль зрителя на роль главнаго дѣйствующаго лица. Сказавъ только „Аллахъ акбаръ“— „Аллахъ великъ, Мусульманъ-Куль спокойно подставилъ свою голову подъ ножъ палача.

Однажды Мирза-Хакимъ пришелъ ко мнѣ, приглашая меня на обѣдъ къ одному изъ своихъ пріятелей, сосѣднему Узбеку. Я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе. После часоваго переѣзда садами мы очутились у дома Узбека. Это было большое прямоугольное зданіе такой же постройки какъ и описанныя мною прежде узбекскія жилища. Тяжелая изогнутая стѣна окружала строенія и оцѣпляла собой акровъ шесть земли. Для Хивы это было большое помѣстье, и потому надо было полагать что хозяинъ нашъ принадлежалъ къ богатому классу земельныхъ собственниковъ. Пройдя

черезъ большой, грубой отдѣлки входъ мы очутились на маленькомъ дворѣ, со множествомъ столябъ по сторонамъ. Прямо предъ собой увидѣли мы входъ въ самый домъ, предъ которымъ столябъ хозяинъ со своими родственниками и гостями, готовясь встрѣтить и привѣтствовать насъ. Въ домъ оны насъ однако же повелъ, а проводилъ узкими воротами влѣво, въ окружающій садъ. Подъ вѣтами раскинута была палатка, а на зеленой полянѣ у маленькаго бассейна воды были разостланы для насъ ковры.

Трудно бы найти болѣе пріятное мѣсто для обѣда. Какъ я сказалъ, садъ разстилаеся на нѣсколько акровъ кругомъ и былъ засаженъ фруктовыми деревьями, лѣдъ которыми по вѣвѣмъ направленіямъ протекали маленькіе каналы прозрачной воды. Въ сторонѣ отъ мѣста гдѣ мы расположились видѣлось нѣсколько домиковъ, въ родѣ бесѣдокъ, занятыхъ, повидимому, семействомъ хозяина. Многие члены его семейства собрались кругомъ насъ и осматривали насъ съ большимъ любопытствомъ, но въ то же время лѣтчительно; другіе же помогали намъ стягивать наши тяжелые салоги и подставляли туфли.

Повидимому, Узбекъ приложилъ всѣ старанія чтобъ устроить намъ великолѣпный пріемъ: оны не только предложилъ намъ русскихъ папиросъ, но угощалъ и наливкой. Папиросы и вино были добыты отъ русскихъ купцовъ, которые въ числѣ десяти-двѣнадцати человекъ появились тотчасъ по закатѣ Хивы, привезли шампанское и другія вина, табакъ и множество всякихъ товаровъ—примѣръ эмергіи русскихъ купцовъ въ распространеніи русской торговли въ Центральной Азій.

Немного погодя на ковры разстелили скатерть и внесли обѣдъ. Въмѣсто того чтобъ откладывать десертъ до конца обѣда, когда вы не въ состояніи уже отнять его по достоинству, въ Центральной Азій его подаютъ прежде ѣды. Итакъ, первымъ поданнымъ намъ блюдомъ были фрукты абрикосы, дыни и тутовья ягоды. Затѣмъ подавали салаты нѣсколькихъ сортовъ, очень цѣнныхъ въ Центральной Азій. Оны напоминаютъ нѣсколько пастилу съ прибавленіемъ зеренъ различныхъ орѣховъ, бываютъ всевозможныя цвѣтовъ—красныя, зеленыя и желтыя и очень вкусны. Затѣмъ поданъ былъ какой-то пѣнистый составъ, напоминающій вкусомъ сливочное мороженое, только не холодное. Такъ какъ составъ этотъ почти совершенно жидокъ, а ложекъ намъ и

подають, то мы мочимъ въ немъ свои тонкія лшеничныя лешетки. Дальше слѣдуютъ орѣхи всевозможныхъ сортовъ миндаля и наконецъ pièce de résistance, предъ нами ставится дымящійся плавъ, состоящій изъ огромнаго количества риса, обжареннаго вмѣстѣ съ сочными кусками баранины. Блюдо это вовсе не душно и представляетъ главную основу хивинскаго обѣда.

Васили большія трубки и я съ удовольствіемъ сталъ думать что вотъ предстоитъ мнѣ наконецъ насладиться куреньемъ такого же прекраснаго табака какъ настоящій турецкій. Меня однако ждало маленкое разочарованіе. Трубка состояла изъ большой выдолбленной тыквы около фута вышиною; она была почти наполнена водою, а на верху ея была головка набитая уже зажженнымъ табакомъ, которая сообщалась съ водою посредствомъ трубы. Съ обѣихъ сторонъ при вершинѣ, тотчасъ надъ водою, было по отверстию, но чубука не шло. Вы просто берете всю эту посудину въ руку и дуete въ одно изъ отверстій чтобы выгнать весь дымъ что еще есть внутри. Затѣмъ прикрываете пальцемъ отверстие съ одной стороны и приставляете ротъ къ другому, втягивая дымъ себѣ въ легкія; для этой операціи требуется не мало ловкости и проворства чтобы не обжечь себѣ ротъ и не опалить бровей. Конечно я затаился не болѣе двухъ-трехъ разъ и радъ былъ приняться опять за папирсы.

Послѣ обѣда пошли мы осматривать все хозяйство и Узбеки показывали намъ все повидимому съ большимъ удовольствіемъ. Осматривать однако оказалось почти нечего кромѣ пауга, не болѣе, вѣроятно, мудраго устройства чѣмъ тотъ что улотреблялся Адамомъ, нѣсколькихъ мотыгъ и грабель, двухъ-трехъ телегъ или арбъ, по мѣстному названію, да нѣсколькихъ косъ. Затѣмъ хозяинъ повелъ насъ на гумно, гдѣ стояли большіе стога свѣжаго сѣна и только-что скошенной лшеницы и ячменя; я было надѣялся что онъ проведетъ насъ и въ домъ, покажетъ его внутреннее устройство, свою жену и дѣтей,—но въ этомъ я ошибся.

Въ носѣдствіи мнѣ представился случай осмотрѣть внутренность узбекскаго дома, и я думаю что жилище угощавшаго насъ Узбека не очень уклонялось отъ видѣннаго мною образца. Роскоши въ убранствѣ домовъ не встрѣчается даже у самыхъ богатыхъ людей; въ этомъ отношеніи

бѣдныя стоятъ на одномъ уровнѣ съ богачами. Нѣсколь-
ко ковровъ на полу, одѣяла и подушки у стѣнъ, на стѣ-
нахъ полки для глиняной посуды и китайскаго фарфо-
ра, нѣсколько тяжелыхъ, пожелтѣлыхъ книгъ въ кожаныхъ
переплетахъ, банки съ вареньемъ и консервами изъ фрук-
товъ — вотъ и все что вы найдете въ комнатахъ. Двѣ или
три комнаты обыкновенно устраиваются совершенно особен-
нымъ образомъ и снабжены полнымъ освѣщеніемъ. Въ та-
кой комнатѣ одна изъ стѣнъ не доведена до верху на до-
вольно большое пространство, въ которое загаядываютъ вѣт-
ви вязовъ растущихъ у наружной стѣны. Эффектъ произ-
водимый этимъ устройствомъ очень оригиналенъ и не ли-
шенъ нѣкоторой пріятности. Такая комната обыкновенно
окружена глиняными стѣнами, имѣетъ неровный полъ, въ
ней попадаются первобытнѣйшая домашняя утварь, а иногда
застанете въ ней еще тлѣющій костеръ; со средины же ея
можете любоваться на голубые клочки неба, видящіеся
сквозь листву вязовъ. Выдающаяся сверху крыша защища-
етъ отъ дождя; въ холодную же погоду, конечно, подобная
комната остается не занятою.

Нѣсколько комнатъ отводится подъ шелковичныхъ червей,
забота о которыхъ возлагается на женщинъ. О шелкови-
ныхъ червяхъ очень лекутся, такъ какъ большая часть рас-
ходовъ по дому оплачивается ихъ коконами.

Но возвратимся теперь къ моему хозяину. Солнце сѣло и
готовилась главная забава вечера. Мы возвратились на лу-
жайку гдѣ обѣдали, сѣли и принялись олять за трубки и
палиросы. Выступили впередъ два мальчика, одинъ лѣтъ
восьми, другой около десяти, и сдѣлавъ почтительный *сам-*
амъ, приготовились къ пляскѣ. Они были одѣты просто въ
длинные, почти до лятъ, широкіе хивинскіе халаты, головы
ихъ были обриты, только за каждымъ ухомъ оставлено бы-
ло по одной длинной прядкѣ, спускавшейся имъ на пле-
чи; они были босикомъ, на головахъ имѣли маленькія ко-
ническія ермолки. Это были очень красивыя дѣти съ боль-
шими глазами, освѣженными густыми, длинными рѣсницами
они казались очень веселыми, живыми и вполне довольными
своею судьбой; я даже удивлялся какъ могли ихъ лица со-
хранить такое разумное, ясное выраженіе при такомъ ум-
нительномъ занятіи.

Вокругъ собралась небольшая толпа домашнихъ и прі-

ТАНЦУЮЩІЕ МАЛЬЧИКИ.

слуги принимавшаго насъ **Узбека**. Выступилъ оборванный музыкантъ, держа въ рукахъ трехструнную гитару, очень наломившую тѣмъ что найдены были въ ханскомъ дворцѣ и которыя я уже описывалъ. Присѣвъ на землю подъ деревомъ, онъ сталъ пѣть, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Манера его пѣвня нѣсколько походила на киргизскую; въ ней не слышалось никакой мелодіи, да повидимому и не было никакого музыкальнаго склада, просто тянулся нескладный визгъ, по временамъ прерываемый восклицаніями. Акомпаниментъ гитары былъ хотя и странный, но тѣмъ не менѣе пріятный. Мальчики начали плясать. Сначала ихъ движенія были довольно плавны и медленны, они просто перепрыгивали съ одной ноги на другую въ тактъ музыкѣ, хлопая руками надъ головой и изгибаясь въ разнообразныхъ граціозныхъ позахъ и движеніяхъ. Скоро однако музыка оживилась и мальчики постепенно воодушевились. Дико хлопали они руками, издавали отрывочные крики и наконецъ стали кувыркаться, бороться другъ съ другомъ и кататься по полу. Это, повидимому, приводило зрителей въ восторгъ, они аплодировали отъ чистаго сердца. Самъ **Узбекъ** былъ очень доволенъ, хотѣлъ самымъ дикимъ образомъ и, поднимъ съ земли мальчиковъ, ласково съ ними разговаривалъ, угощая ихъ лакомствами. Представленіе это повторялось, почти безъ вариаций, разъ пять въ теченіи вечера.

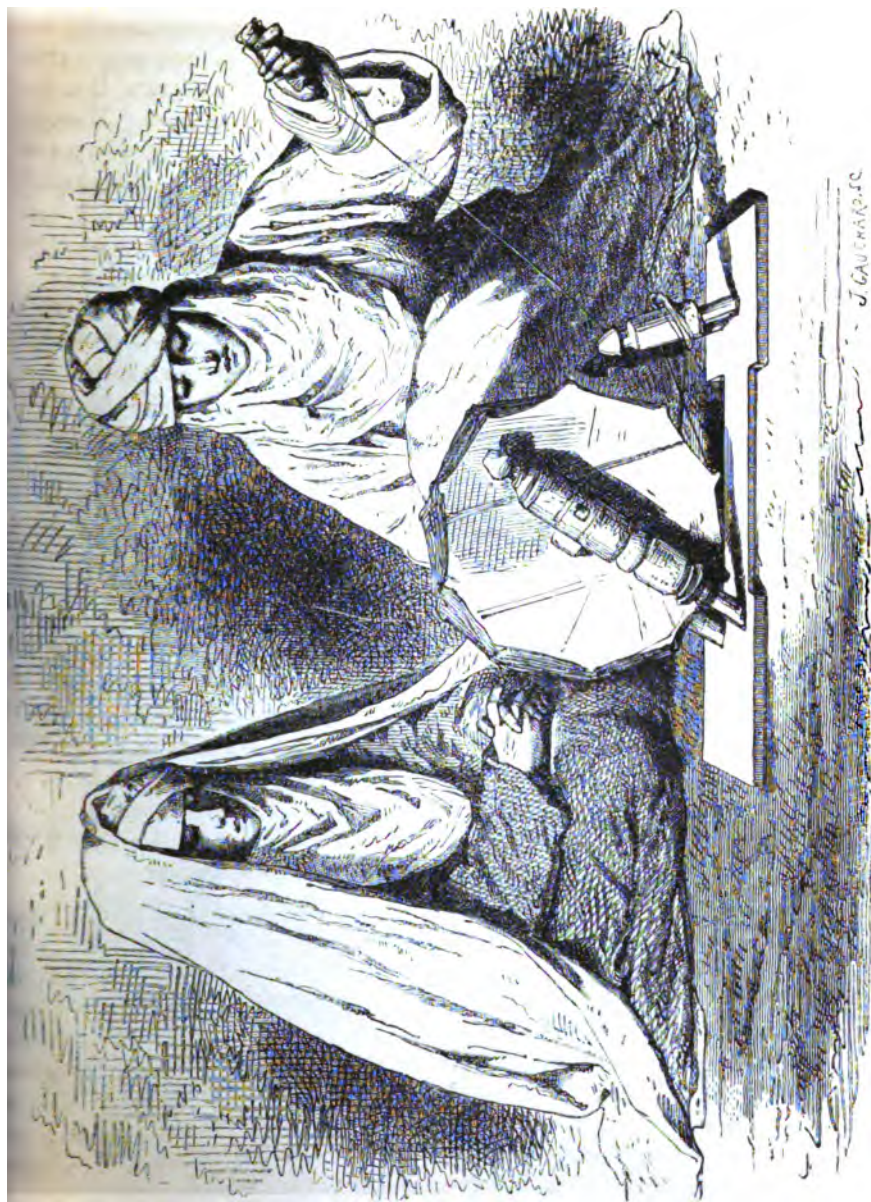
Когда стемнѣло вынесли факелы и размѣстили ихъ вокругъ, воткнувъ въ землю или привязавъ къ стволамъ и сучьямъ деревьевъ. Красивѣйшій изъ двухъ мальчиковъ теперь переодѣлся дѣвочкой; на руки и на ноги его навязаны были маленькіе колокольчики, а на головѣ была надѣта красивая лестро-изукрашенная шалочка, покрытая колокольчиками и серебряными бляхами, съ вуалемъ, свѣшивавшимся назадъ. Онъ протанцовалъ новый танецъ, болѣе спокойный и скромный чѣмъ въ костюмѣ мальчика. Около четверти часа слустя выступилъ и другой мальчикъ, и оба стали танцовать, очень хорошо изображая сцену влюбленныхъ. Тотъ что разыгрывалъ роль дѣвушки представился обиженнымъ, отворачивался отъ другаго, повидимому сердясь и дуясь. Другой мальчикъ сталъ выплясывать вокругъ этой оскорбленной дѣвицы, ухищряясь всевозможными ласками привести ее въ хорошее настроеніе. Не добившись однако ничего, онъ также разсердился и началъ дуться въ свою

очередь. Барышню эта уловка нѣсколько смягчила, и она, въ свою очередь, прибѣгая ко всевозможнымъ способамъ притворенія. Молодой влюбленный, выдержавъ еще немного роль сердитаго, наконецъ сдался, они стали танцовать вмѣстѣ самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ и наконецъ утѣжили со сцены, сопровождаемые хохотомъ публики. Все это разыграно было очень граціозно и со смысломъ. Мимика того который представлялъ дѣвочку была въ особенности мила и кокетлива. Колеблющійся свѣтъ факеловъ, освѣщающій нависшія вѣтви, дикія лица окружающихъ, двое дѣтей, разыгрывающихъ любовную сцену—все это сливалось въ оригинальную, живописную картину.

Время было позднее. Такъ какъ мы съ Мирзой-Хакимомъ располагали вернуться въ лагерь до разстановки ночныхъ патрулей, то и не справились объ условленномъ пароле для прохода. Итакъ, возвращеніе въ лагерь не обѣщало быть пріятнымъ: уже не говоря о томъ что пришлось бы вѣять садами, во тьмѣ кромѣшной, трудно было пробраться и мимо русскихъ часовыхъ. Мы рѣшились провести у Узбека всю ночь; онъ, однако, и тутъ не пригласилъ насъ въ домъ; а велѣлъ разстелить намъ одеяла и уложить подушки въ палаткѣ. Мы съ Мурзой - Хакимомъ разлеглись и скоро заснули. Ночью мы были разбужены дождемъ, бившимъ намъ въ лицо; сдвинувъ плотно лоды палатки мы легли опять и умудрились не очень промокнуть, несмотря на ливень. На слѣдующее утро, позавтракавъ, мы дружески распрощались съ хозяиномъ, сѣли на коней и вернулись въ лагерь.

XIX. Два портрета Русскихъ. — Андрей Александровичъ. Иванъ Ивановъ.

Андрей Александровичъ принадлежать къ одной изъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій—а это вещь не послѣдняя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ фамилій ведутъ свою родословную съ восьмага вѣка, отъ владѣтельныхъ князей въ то время раздробленной Русской земли. Въ этотъ длинный, чуть ли не тысячелѣтній періодъ времени, фамилія Андрея Александровича мало переродилась; многіе изъ ея членовъ еще могутъ похвастаться такою же физическою силой и выносливостью, какія доставили владычество ихъ преа

Узбекские женщины.

(Съ рисунка Верещагина.)

камъ. Въ ихъ средѣ нрѣдко можно встрѣтить, какъ и въ другихъ хорошихъ фамиліяхъ, человека который также легко жмалъ пальцами литифранковую монету, какъ свинцовую пластинку. Родственники Андрея Александровича сохранили всю свою родовую гордость; едва ли даже кто изъ Гогенцоллерновъ такъ гордится древностію своего происхожденія.

У родителей Андрея Александровича большое имѣніе въ Харьковской губерніи; не одною тысячею душъ владѣли они во времена крѣпостнаго права, да и теперь еще очень богаты. Отецъ его отличился во время Наполеоновскихъ войнъ, дослужился до высокаго чина и многочисленныхъ орденовъ. Естественно что онъ и сына своего пожелалъ вести къ той же карьерѣ. Безъ труда помѣстили Андрея съ раннихъ лѣтъ въ Пажескій Корпусъ; здѣсь его баловали дамы, глаживалъ по головкѣ Великій Князь, а подчасъ и самъ Государь. Здѣсь обучался онъ танцовать, лѣтъ и фехтовать, отвѣчать комплиментомъ на комплиментъ, сарказмомъ на сарказмъ, научился также и всѣмъ прочимъ искусствамъ предназначеннымъ для того чтобы спускивать благосклонность дамъ и отличія въ средѣ мужчинъ. Кончивъ курсъ наукъ въ высшемъ военномъ заведеніи, онъ произведенъ былъ въ чинъ прапорщика и при-
нать въ гвардію.

Гвардейская карьера самая модная въ Россіи. Рѣдко можно встрѣтить человека съ претензіей на свѣтскость который хотя бы короткое время не числился въ этомъ привилегированномъ корпусѣ. Это *cours d'élite* Имперіи, центръ всего того бѣшеннаго кутежа, дурачества и мотовства, которымъ такъ славится Петербургъ. Надо бы имѣть болѣе холодную голову и болѣе флегматическую натуру, чѣмъ тѣ которыми природа надѣлила бѣольшую часть русской молодежи, чтобы пройти этотъ водоворотъ не потерпѣвъ финансоваго крушенія.

Андрей Александровичъ изъ общаго правила исключенія не составляетъ. Трехлѣтняго пребыванія въ гвардіи оказалось достаточнымъ для его разоренія. Въ это время ему не только удалось промотать все свое состояніе, но и несчастливо възять по уши въ долги. Гвардію приходится оставить за неимѣніемъ средствъ въ ней поддерживаться, и онъ переходитъ въ армію.

И вотъ, Андрей Александровичъ проводитъ нѣкоторое время въ какомъ-то переходномъ состояніи, увертываясь отъ кредиторовъ, проводя квартирныхъ хозяевъ и содержателей

ресторановъ, не думая о будущемъ, а перебиваясь кое-какъ, изо дня на день, своею изобрѣтательностью да искусствомъ играть въ карты. Но это конечно не можетъ продолжаться долго, и Андрею Александровичу приходится наконецъ выбирать одинъ изъ слѣдующихъ трехъ исходовъ: жениться на богатой кулчихѣ и тѣмъ поправить свое состояніе; попытаться частіа въ статской службѣ; или же наконецъ перейти въ Туркестанъ.

Тихія радости семейной жизни не представляютъ еще пока особенной прелести въ глазахъ Андрея Александровича; къ статской службѣ также призванія онъ не чувствуетъ; на сторону же Туркестана тянетъ еще перспектива обаятельнаго разгула походной жизни, съ двойнымъ окладомъ жалованья и двойною возможностью выслужиться. Надо замѣтить что Туркестанъ въ новѣйшія времена играетъ роль прежняго Кавказа, представляя готовое убѣжище для людей подобныя Андрею, которые растратили свое состояніе, но не лишились еще послѣдней надежды выбраться изъ своего положенія. Итакъ, распрощавшись со своими петербургскими друзьями, Андрей Александровичъ пускается въ дальній путь, а по достиженіи Казали немедленно получаетъ приказъ идти впередъ чтобы принять участіе въ осадныхъ дѣйствіяхъ подъ Акъ-Мечетью.

Въ день своего прибытія онъ застаётъ все готовымъ къ приступу и, ни мало не медля, вызывается вести охотничью; его храбрость доставляетъ ему разомъ орденъ и два чина, и фортуна, повидимому, снова ему улыбается. Но Андрей Александровичъ имѣетъ способность быстрѣе разсточать дары фортуны, чѣмъ они могутъ сыпаться на него, хотя бы ему цѣлая сотня бабушекъ ворожила.

Въ одно прекрасное утро выходитъ онъ на прогулку за городъ, съ цѣлюйти по дорогѣ въ кибитку одной молодой дамы киргизскаго племени, прелести которой удостоились его вниманія. Въ кибиткѣ этой застаётъ онъ своего товарища по службѣ Степана Ивановича. А Степанъ Ивановичъ, надо замѣтить, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей которыхъ Андрей Александровичъ не долюбиваетъ. Уже не одинъ разъ завязывалась между ними ссора или за картоннымъ столомъ, или подъ хмѣлькомъ, за стаканами; а такъ какъ заносчивый нравъ Андрея Александровича всѣмъ извѣстенъ, то не разъ уже товарищи совѣтовали ему избѣгать

возможности встрѣчь со Степаномъ Ивановичемъ. Андрей Александровичъ обѣщала избѣгать столкновеній; но встрѣча при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могла кончиться иначе какъ дуэлью. Дуэль происходитъ, и при первомъ выстрѣлѣ Степанъ Ивановичъ получаетъ пулю въ сердце. Андрей Александровичъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. Такимъ-то образомъ онъ лишается не только всего что заслужилъ въ Туркестанѣ, но еще кое-чего изъ прежнихъ отличій.

Въ Центральной Азіи, однако, гдѣ почти постоянно происходятъ стычки съ непріятелемъ, храброму офицеру не долго приходится ждать случая отличиться. Черезъ два, три года Андрею Александровичу возвращается прежній чинъ и перепадаетъ нѣсколько новыхъ орденовъ. Тѣмъ временемъ Русскіе подвинулись вглубь Туркестана, и генералъ Черняевъ осадил стѣны Ташкента. Здѣсь опять представилась Андрею Александровичу возможность отличиться и онъ ею воспользовался слѣдующимъ образомъ.

Въ самомъ разгарѣ осадныхъ дѣйствій, онъ затѣваетъ ссору съ однимъ изъ товарищей-офицеровъ, который обвиняетъ его въ недостаткѣ храбрости. Не вступая въ дальнѣйшія по этому предмету препиранія, Андрей Александровичъ предлагаетъ своему противнику вмѣстѣ сдѣлать приступъ на городскія стѣны. Безо всякаго на то разрѣшенія со стороны начальства, эти два офицера выстраиваютъ своихъ людей и устремляются на приступъ. Стѣны окружены широкимъ и глубокимъ рвомъ, сами онѣ вышиною футовъ въ тридцать, бреши никакой еще пробито не было, а у солдатъ даже и лѣстницъ нѣтъ. Легко можно вообразить себѣ результатъ такого приступа. Одна половина людей остается во рву, другимъ, послѣ такой безумной попытки, едва удается спастись отступленіемъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ открытымъ по нимъ со стѣнъ; Андрей Александровичъ самъ получаетъ три раны и уносится своими солдатами съ мѣста дѣйствія; противникъ же его, другой офицеръ, лежитъ въ числѣ мертвыхъ. За этотъ неудачный подвигъ его, понатное дѣло, опять разжаловали въ рядовые.

Въ слѣдующіе годы Андрею Александровичу почти не представлялось случаевъ отличиться, и онъ ведетъ безцѣльную, беззаботную, бродяжническую жизнь, которая въ Центральной Азіи имѣетъ своего рода прелесть. Цѣлые дни одинъ

за другимъ проводить оны въ куреньѣ, литьѣ водки, карточной игрѣ; единственное развлеченіе среди этого разнообразія представляетъ изрядка охота на тигровъ.

Андрей Александровичъ былъ однимъ изъ первыхъ людей который подошелъ ко мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ армию генерала Кауфмана; завязавшееся при подобныхъ обстоятельствахъ знакомство наше быстро перешло въ короткость, а затѣмъ и въ дружбу. Этими временемъ, послѣ двадцатилетней службы, оны достигъ высокаго чина прапорщика. Такая несообразность лѣтъ съ чиномъ вовсе однако не поражаетъ васъ съ перваго раза, потому что человекъ этотъ томо одаренъ вѣчною молодостью. Хотя въ дѣйствительности ему уже около сорока, на видъ вы ему никакъ не дадите болѣе двадцати лѣтъ, несмотря на безобразную жизнь которую оны вель.

Такого славнаго малаго я еще въ жизнь свою не встрѣчалъ; щедрость въ немъ доходила до излишества. Никогда не заботясь о будущемъ, оны въ одно утромы потратитъ бывало на завтракъ товарищамъ полтораста рублей, выигранные за ночь въ карты, а на слѣдующій день идетъ заннать денегъ на покулку себѣ чая съ сахаромъ и лошади своей ячменя. Храбрый какъ левъ, оны лейдетъ на отчаянный приступъ, выйдеть и на трехмѣсячный переходъ пустыней и на простой парадъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ и беззаботностію, и даже чуть ли не съ одинаковыми приготовлениями. Въ сущности оны и въ Хивинскую кампанію выступилъ всего съ трехдневнымъ запасомъ провизіи.

Андрей Александровичъ хорошо знаетъ иностранные языки—но и это не по своей винѣ. Въ дѣтствѣ къ нему представлена была Англичанка, Француженка и Нѣмка, и оны такимъ образомъ научился ихъ языкамъ какъ своему собственному, безо всякаго труда и старанія. Теперь же оны провелъ нѣсколько лѣтъ въ Туркестанѣ, а между тѣмъ почти ни слова не понимаетъ по-татарски. Чтo оны знаетъ въ военномъ дѣлѣ—а знаетъ оны не мало—добыто имъ не изъ книгъ, а по личному опыту. Оны обладаетъ даже не малымъ литературнымъ талантомъ; а французскіе стихи пишетъ съ замѣчательною легкостію.

Послѣ Хивинской кампаніи оны получилъ два ордена Св. Владиміра и Анны. Предлагалось и повышение въ чинъ но оны отказался „Видите-ли“, сказалъ оны мнѣ, „разницѣ

въ жаловань прaporщика и поручика такъ незначительна, что не стоить и говорить объ ней. А въ мои лѣта рѣшительно все равно быть тѣмъ, или другимъ. Да не всякому и удастся быть прaporщикомъ въ тридцать восемь лѣтъ.“

— Мнѣ кажется я бы предпочелъ повышение ордену, зачѣмъ я.

— И душно бы сдѣлало. А у меня еще есть почтенная гетушка съ материной стороны, которая, какъ услышитъ что я дослужился до Владиміра—вѣдь это высшій орденъ, вы знаете, за Георгіемъ—такъ ужь навѣрное разщедритя тысячь на двадцать.

— Ну, а на долго ли вамъ станетъ этихъ денегъ? спрашиваю я.

— Да на годъ, а можетъ-быть на два. На что же и деньги если ихъ не тратить и ничего за нихъ не имѣть!

Андрей Александровичъ представляетъ собою преувеличенный типъ довольно значительнаго числа русскихъ офицеровъ. Конечно немногіе бывають по нѣскольку разъ въ жизнь разжалованы въ рядовые и немногіе остаются прaporщиками до срока лѣтъ, но въ остальныхъ отношеніяхъ карьера многочисленнаго разряда схожа съ карьерой Андрея Александровича. Почти всѣ лобывали въ гвардію, промотали въ ней свое состояніе, и пошли по избитымъ слѣдамъ своихъ предшественниковъ. О будущемъ никто изъ нихъ не заботится, порѣшивъ пользоваться лишь настоящимъ; и всѣ ведутъ ту же беззаботную, бродяжническую жизнь. Большую часть времени бивають за карточною игрою; эта манія игры доходитъ во сѣхъ классахъ русскаго общества до невѣроятныхъ размѣровъ. Офицеровъ же я не рѣдко видалъ играющими по двое сутокъ, почти не вставая съ мѣста. Большинство ничего не изучають и не болѣе своихъ солдатъ заботятся о будущихъ дѣйствіяхъ арміи и даже о приказахъ на слѣдующій день. При какой кампаніи какъ настоящая, за исключеніемъ нѣсколькихъ штабныхъ офицеровъ, ни у кого не было картъ; они даже не мали великъ ли предстоялъ переходъ до слѣдующаго колода. Хотя всѣ они хорошо знакомы съ иностранными языками, о во всемъ русскомъ отрядѣ не нашлось бы и трехъ офицеровъ знающихъ языкъ туземный.

Изъ всего этого однако никакъ не слѣдуетъ заключать что русскіе офицеры плохи. Храбры они какъ львы; едва ли вы

найдете въ средѣ ихъ хотя одного который остановился бы предъ самымъ отчаяннымъ предпріятіемъ или не пошелъ бы на вѣрную смерть съ такимъ же равнодушіемъ какъ и обѣдъ. Приказы выполняются ими съ какимъ-то слѣпымъ неразсуждающимъ героизмомъ, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только героизмъ ихъ солдатъ. Къ тому же они ови щедры, добры и веселы, всегда готовы встрѣтить васъ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, и въ концѣ-концовъ вы не можете отъ души не полюбить и не уважать ихъ.

Иванъ Ивановъ состоитъ рядовымъ въ полку Андрея Александровича.

Родился Иванъ Ивановъ крѣпостнымъ Андрея Александровича и ничѣмъ не походилъ на этого молодого барина. Но чтобы вѣрно оцѣнить нравъ Ивана Иванова необходимо имѣть нѣкоторое понятіе и объ отцѣ его, Иванѣ Михайловичѣ. Иванъ Михайловичъ крестьянинъ, и цѣлыя поколѣнія его предковъ были крѣпостными предковъ Андрея Александровича. Въ жизнь свою не видалъ онъ ничего кромѣ тяжелой работы и самой плохой пищи. До освобожденія крестьян приходилось ему работать четыре дня изъ семи на барина на своихъ харчахъ, поставляя своихъ лошадей и орудія; содержаніе же себя съ семействомъ предоставлялось ему работать въ остальные три дня.

Если принять во вниманіе что цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ году въ Россіи и работать невозможно, благодаря климату, то понятное дѣло что жизнь на долю Ивана выпала красная. Проработавъ, бывало, цѣлый день на помѣщицѣ онъ еще половину ночи работаетъ на себя и всю жизнь свою проводитъ на лустыхъ щахъ съ похлебкой да на черномъ хлѣбѣ. Жилище его состоитъ изъ одной избы въ которой тѣснятся всѣ члены семьи — старые старики и малые ребята. Женатые сыновья его съ женами и дѣтьми живутъ нимъ же, въ той же избѣ, въ той же комнатѣ. Нельзя и сказать чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ Иванъ Михайловичъ могъ отличаться особенною утонченностью нравомъ образованіемъ и просвѣщеннымъ образомъ мыслей. Онъ, напротивъ того, отличается именно отсутствіемъ всѣхъ этихъ качествъ. Неразвѣтъ и суевѣрѣе онъ до крайности; но и дутся въ немъ и хорошія черты. По природѣ онъ не жестокъ

и не безчеловѣченъ, нѣтъ въ немъ никакихъ унижительныхъ пороковъ. Слабая сторона у Ивана Михайлова та же что и у Наполеона I. Это фатализмъ. Дѣйствуетъ онъ однако на Ивана Михайлова совершенно другимъ образомъ, не только не надѣлая его безумною отвагой и рѣшимостью на всякій рискъ, а напротивъ того, развивая въ немъ какую-то безнадежность. У Ивана Михайлова нѣтъ восторженной вѣры въ свою звѣзду. Онъ даже и не знаетъ что у него есть звѣзда, а если и знаетъ, то считаетъ ее злополучною и обманчивою звѣздой, на которую не только нельзя полагаться, а скорѣе приходится ее избѣгать и проклинать.

Изда ли его загорится—Господня на то воля, и онъ оставяетъ ее догорать до тла. Грѣхъ противиться Божьему суду. Заболѣеть онъ—лѣчиться не станетъ по той же причинѣ. Самому ли ему придется слуховать, присвоить себѣ чужое добро или деньги—опять-таки не его въ томъ вина, и онъ твердо стоитъ на томъ что его лукавый полуталъ, а самъ онъ въ дѣлѣ томъ не повиненъ.

По правдѣ говоря, въ Иванѣ Михайловѣ не существуетъ никакой свободной инициативы. Цѣлые вѣка нравственнаго угнетенія тяготѣвшіе надъ его предками и надъ нимъ самимъ довели его до этого фатализма. Къ чему противиться неизбежному? Къ чему бороться противъ неодолимаго? И потому весь образъ мыслей Ивана и всѣ его чувства подернуты какимъ-то мрачнымъ колоритомъ, проникнуты горечью и уныніемъ.

Рассказы его всѣ имѣютъ трагическое окончаніе, самого его осаждаютъ и угнетаютъ казочный міръ вампировъ, привидѣній и чертей, отъ лукавства и кровожадности которыхъ нѣтъ спасенія. Слова его лѣсенъ проникнуты тою же безнадежностью, всѣ налѣвы въ миморныхъ тонахъ и отзываются безысходною грустью.

Всѣ эти характерныя черты найдутся и въ Иванѣ Ивановѣ, съ прибавленіемъ еще нѣсколькихъ особенностей. Отрванный въ ранней молодости отъ семьи и друзей для того чтобы провести пятнадцать, двадцать лѣтъ на службѣ, онъ оставляетъ далеко за собой всѣ обыкновенныя людскія надежды и желанія. Цѣлыя двадцать лѣтъ приходитъ ему наполнять одною рутинной лагерной жизни. Нѣтъ у него въ перспективѣ ни своего очага, ни семьи, ни дѣтей.

Большую часть друзей молодости ему никогда уже не видеть. Онъ хорошо знаетъ что задолго до того какъ ему вернуться на родину, его отецъ съ матерью покрутъ, желанную выдаютъ замужъ, братья съ сестрами состарятся, да и самого его всё успеютъ позабыть. Судьба разомъ перевернула всю его жизнь, сдѣлала его другимъ существомъ. Быть-можетъ вначалѣ не разъ приходилось ему всплкнуть надъ своею горькою долей: бѣдная изба его, конечно, была не очень удобна и привлекательна, но все-таки тамъ онъ бывалъ подъ роднымъ кровомъ, и никогда, быть-можетъ, туда не возвратится. Но прошли годы, и великая государственная машина отлила и его въ общую форму, подвела подъ общій уровень. И вотъ съ тѣхъ поръ зажилъ онъ живымъ автоматомъ, локорный волъ недосагаемой для критики его простого разума; слѣпо покорился онъ своей участи, не пытаясь сопротивляться. Да и не въ его природѣ бороться противъ неотвратимаго. На то была Божья воля, бесполезно и глупо на нее роптать, и махнулъ Иванъ Ивановъ на прошлое рукой, стараясь примѣниться къ настоящему.

Наконецъ вѣчное возбужденіе и оживленіе солдатской жизни заставляетъ его забывать о родныхъ покинутыхъ въ дальней родинѣ. Хотя и мало у него надеждъ впереди, да за то и терять ему больше нечего, не предвидится больше горя, и вотъ онъ дѣлается самымъ веселымъ малымъ, бешабашною головой.

Главный источникъ увеселенія Ивана состоитъ въ пѣсняхъ. Поетъ онъ съ утра до ночи. На ходу не замолкаетъ онъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Въ репертуарѣ его найдутся пѣсни въ цѣлыя сотни стиховъ, и поетъ онъ ихъ съ начала до конца съ полнымъ довольствомъ этому утѣхой. Среди пустыни — въ Иркибаѣ, Хала - Атѣ, Алты - Кудукѣ, когда и воды ему выдавалось по кружкѣ въ день, и тогда бы могли его видѣть стоящимъ въ полукругѣ пятнадцати, двадцати товарищей и поющимъ что есть мочи. И надо замѣтить что въ пѣвнн этомъ видитъ онъ для себя занятіе далеко не маловажное, которое можно бы выполнять спустя рукава. Поэтому, когда поетъ нашъ Иванъ, то всегда стоитъ на ногахъ а товарищи собираются вокругъ него и подтягиваютъ ему хоромъ чуть ли не при концѣ каждаго стиха. Въ веселье ему чувствуется даже какое-то преувеличеніе. Неприличіе явко

торыкъ его пѣсень доходить до такой несообразности что утрачивается самый оной характеръ непримѣнія, перехода въ какую-то смѣшную неясность.

Вѣра Ивана Иванова въ честность и способность своихъ офицеровъ поистинѣ похвальна и назидательна. Онъ твердо убѣжденъ въ ихъ мелочливости и вполнѣ увѣренъ что чѣ бы они ни дѣлали, лучше того не придумать, удачнѣе того не исполнить. Потому онъ никогда и не бумтуетъ. Другіе солдаты стали бы роптать на то что ему не выдается ломка къ кофе или мяса хоть разъ на день. Иванъ же и не ожидаетъ до того чтобы жаловаться на такіе пустяки. Если не выдается ему мяса, то ужъ конечно оттого что его вѣтъ. Если выданное мясо уже намало портиться, то повидное дѣло виновата въ томъ жара, противъ которой ничего не по-дѣлаешь. Салоги ли его оказываются куда не годными и ноги Иванъ отморозить—виноваты въ томъ морозъ. Сухари его подточать черви—виноваты въ томъ черви. Ему и въ голову не приходитъ никого осуждать и упрекать. Если по какой оплошности или ошибкѣ попадетъ онъ подъ огонь, гдѣ товарищи его падаютъ вокругъ сотнями и локу его грозитъ вѣрное истребленіе—опять-таки Божья на то воля и нечего больше дѣлать какъ ей покориться. Ему никогда и на мысль не приходитъ обѣтствомъ исправить ошибку начальниковъ. Словомъ, Иванъ Ивановъ держится того убѣжденія что все ведетъ къ лучшему и охотно принимаетъ вещи въ томъ видѣ въ какомъ онѣ ему представляются. Онъ вполнѣ удовольствуется жизнью при одномъ черномъ хлѣбѣ и чаѣ, и никогда не подумаетъ жаловаться.

Некого Ивану Иванову любить кромѣ товарищей и офицеровъ, и вотъ онъ привязывается къ нимъ страстно, но безсознательно. Нерѣдко случается пасть на мѣстѣ восьми, десяти солдатамъ подъ непріятельскимъ огнемъ, въ то время какъ они пытаются увести раненаго товарища. Въ Иванѣ не найдете вы никакого мелодраматизма. Онъ совершаетъ самый геройскій подвигъ даже и не думая о томъ что совершаетъ дѣйствіе необыкновенное, заслуживающее похвалы. Въ Иванѣ коренится какой-то безсознательный, но тѣмъ не менѣе величественный героизмъ. Эта именно его черта и заставила сказать о немъ Наполеона: „Мало убить Русскаго солдата—надо его еще съ ногъ свадить“.

Объ иностранцахъ у Ивана сложилось понятіе совершенно своеобразное. Для него всё они бунтовщики противъ Батюшки-Царя. Англичане, Франдузы, Нѣмцы, Азіаты, всё слѣдъ мятежники; и онъ вполнѣ увѣренъ что рано или поздно все человѣчество покорится власти законнаго православнаго Царя. Въ Иванѣ не проявляется никакой неприязни ко врагу, онъ его и не ругаетъ. Не будь они мятежниками — всё они прекрасные люди. Онъ даже не осмиваетъ и крабости ихъ. Потому вы рѣдко услышите отъ него презрительный отзывъ о врагѣ, что такъ обыкновенно въ средѣ другихъ солдатъ. Въ томъ, быть-можетъ, и заключается причина что Иванъ не поддается паникѣ; никогда врагъ не можетъ удивить его какимъ-нибудь нечаяннымъ нападеніемъ, потому что того онъ только и ждетъ.

Иванъ Ивановъ, однимъ словомъ, совершенный идеалъ солдата и нельзя не сознаться что онъ лучший солдатъ во всемъ мірѣ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 году

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рубль** **пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ **шестьдесятъ копѣекъ**; въ Петербургѣ **шестьдесятъ копѣекъ** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семьдесятъ копѣекъ**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Францію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Французскія Индїанскія Острова—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875 году

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ объявленій **тринадцать рубль** **сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **шестьдесятъ копѣекъ** **шестьдесятъ копѣекъ**; съ казенными обязательствами, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рубль** **сер.**; съ доставкою и пересылкою **восемьдесятъ копѣекъ** **шестьдесятъ копѣекъ**.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ Бульварѣ.

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

1875

000027

І Ю Н Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ. Окончаніе. Ю. А. Новосильцова.
- ОТЕЦЪ И СЫНЪ. Опытъ культурно-біографической промѣны. Гл. VI—VII. М. Э. Де-Шуде.
- MEMENTO MORI. Стихотвореніе. М. А. Хитрово.
- МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ. (Воспоминанія Одиссея Полихроміадеса, загорскаго Грека). Гл. I—VIII. Е. Н. Леонтьева.
- ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ И ОЧЕРКИ. Петра Петрова.
- КОВЗДКА ВЪ БУХАРУ. (Извлеченія изъ дневника.) К. П. Стрелюхова.
- О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВНѢШНЯГО МИРА И ОСНОВАНІИ МЕТАФИЗИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ. (Отвѣтъ К. Кавелику). В. С. Соловьева.
- СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫХЪ. (Изъ моихъ воспоминаній). Гл. I—X. Н. Г. Чаплигина.
- Нѣсколько словъ объ УКРАЙНОФИЛАХЪ. В. С. Гогоцкаго.
- РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Н. Н. Страхова.
- ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. В. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ПАРЕНЖАНЕ. Романъ Эдуарда Буавера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга двѣнадцатая, гл. I—IV.
- ВЪЗНЕСЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСЪ И ПАДЕНІЕ СЪНУСЪ. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ русскаго). Часть третья. Гл. I—X.

О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ*

III. О блокадахъ.

Говоря о правѣ торговли нейтральныхъ съ воюющими, мы имѣли въ виду при исполненіи нейтральнымъ государствомъ обязанностей принятыхъ имъ на себя въ силу своего положенія, то-есть при соблюденіи безпристрастія и невмѣшательства въ военныя дѣйствія, оно остается совершенно свободнымъ въ остальныхъ своихъ торговыхъ дѣйствіяхъ съ воюющими. Но такъ какъ торговля усиливаетъ непріятель, то, очевидно, въ интересахъ воюющаго уничтожить ее. Спрашивается, какимъ же образомъ соединить эти два права: дать воюющему возможность осуществить свое право относительно непріятели, не нарушая тѣмъ правъ державъ оставшихся мирными зрителями борьбы? Отвѣтомъ на это служитъ право воюющаго блокировать территорію своего непріятели, по частямъ или въ цѣлости. **

* Окончаніе. См. № 4 Русскаго Вѣстника.

** Весьма важно различіе между блокадою и контрабандою: преступленіе торговца нейтральнаго воюющимъ контрабандою съ пропускномъ есть со стороны воюющаго мира репрессивная, такъ какъ торговля контрабандою, какъ вмѣшательство въ войну, обостряетъ нарушеніе нейтралитета. Блокада же, распространяющаяся на торговлю всякими предметами нейтральнаго государства съ

Какое же юридическое основаніе права блокады? Какимъ условіямъ должна соответствовать блокада, чтобы дать воюющему *право* прекратить сношенія нейтральныхъ съ непріятелемъ, не нарушая тѣмъ принципа свободы ихъ торговли?

Большинство писателей видятъ въ блокадѣ лишь приложеніе права необходимости: только въ силу военной необходимости воюющее государство можетъ блокировать порты или побережье непріятельской территоріи и прекратить сношеніе съ нейтральными. Выше было сказано объ этомъ мнѣніи правѣ, о его неопредѣленности даже въ лояліяхъ его защитниковъ, его противорѣчіи всѣмъ принципамъ международнаго права. Здѣсь можно указать только на то что если видѣть основаніе блокады въ правѣ необходимости, то мы придемъ къ такимъ выводамъ которые отвергаютъ сами защитники этой теоріи.

Дѣйствительно, необходимость можетъ побудить воющаго воспретить всякую торговлю съ нейтральнымъ, не только въ мѣстахъ дѣйствительно блокируемыхъ, но подъ видомъ общей, фиктивной, блокады, во всѣхъ портахъ и гаваняхъ непріятели. Этого не допускаютъ защитники системы необходимости, такъ какъ чрезъ фиктивную блокаду уничтожается общее право торговли нейтральныхъ. Но гдѣ же граница права необходимости? Почему по праву необходимости государство можетъ воспротивиться торговлѣ нейтральнаго съ тѣмъ или другимъ портомъ, гаванью и пр. непріятели, а право это не распространяется на всю его торговлю?

Чувствуя несостоятельность теоріи о правѣ необходимости въ своемъ непосредственномъ приложеніи къ блокадѣ Коши * раздѣляетъ военныя дѣйствія на двѣ группы: первую составляетъ война полевая въ широкомъ смыслѣ своемъ (сюда же относится и морская), вторую — война осадная, блокадная. Относительно первой нейтральные обязаны только воздерживаться отъ торговли военною контрабандой, относительно второй обязанность ихъ гораздо шире. Вто

однимъ изъ воюющихъ, не отрицая права торговли нейтральнымъ вообще, отрицаетъ его только относительно нѣкоторыхъ определенныхъ блокируемыхъ мѣстъ. Блокада такимъ образомъ дѣйствіе предпринимаемое прямо противъ непріятели и лишь вслѣдствіе падающее на нейтральное.

* Cauchy, II, 197.

группа военныхъ дѣйствій влечетъ за собою возможность полагая прекращенія нейтральной торговли, * хотя въ сущестѣ своемъ обязанности нейтральныхъ остаются тѣ же. Гражданца права необходимости, по мнѣнiю Коши, въ слѣдующемъ. Для того чтобъ оно было приложимо на дѣлѣ, необходимо чтобы портъ или гавань были подвергнуты дѣйствительной блокадѣ, чтобъ осадная война существовала de facto. Это послѣднее положенiе, само по себѣ вѣрное, однакоже вовсе не вытекаетъ изъ дѣленiя войны на полевою и осадною. Оно можетъ быть важно для стратегика, но для юриста не имѣетъ значенiя. Допуская даже его, остается все-таки необъясненнымъ на основанiи какого права можетъ быть прекращена торговля нейтральныхъ съ блокированнымъ портомъ, если обязанности нейтральныхъ и при блокадной войнѣ не терпятъ измѣненiя. **

По Гесснеру, *** также признающему право необходимости, блокада есть не что иное какъ расширенiе понятiя о контрабандѣ. **** Это не вѣрно: блокада имѣетъ цѣлью прекратить всякаго рода сношенiя осажденнаго съ остальнымъ миромъ, а не только лишить его извѣстныхъ продуктовъ. Къ тому же, если напиримѣръ осаждающiй стоитъ предъ мѣстомъ котораго голодомъ нельзя принудить къ сдачѣ, то, очевидно, нѣтъ уже *необходимости* считать подвозъ жизненныхъ припасовъ контрабандой. Такимъ образомъ понятiе о блокадѣ является весьма неясно формулованнымъ. Оно то расширяется, то суживается; при однихъ обстоятельствахъ, одни предметы считаются контрабандой, при другихъ тѣ же предметы перестаютъ считаться таковою. Блунчли † видить въ блокадѣ лишь необходимость, но думаетъ что именно поэтому блокада должна быть допускаема только тамъ гдѣ есть *абсолютная* въ ней необходимость. Но гдѣ же эта абсолютная необходимость? Кто въ ней судья, воюющiй или нейтральный? Что касается до английскихъ писателей, они не угадываются въ вопросъ объ основанiяхъ блокады и

* Это *conséquence spéciale*, ibid, 420.

** Cauchy. II, 199 et 200.

*** Gessner, *Recht*, 68.

**** Ibid. 72: „*der Einfluss einer Blockade auf den neutralen Schandel würde daher nur der sein dass der Begriff der Contrabande ausgebehnt wird...*“

† Bluntshli, § 827.

слѣдуя постоянной своей методѣ, принимаютъ рѣшенія англійскаго Адмиралтейства какъ непреложныя истины, и ограничиваются ихъ разработкой.

Всѣ названные писатели однакоже признаютъ необходимымъ условіемъ блокады ея *дѣйствительность*. Только съ момента дѣйствительнаго обложенія начинается приложеніе права необходимости для воюющаго.

Ясно что это условіе вовсе не вытекаетъ изъ предшествующихъ разсужденій; оно основано на одномъ лишь наблюденіи *факта*. Вопросъ же о томъ почему необходимо требуется *дѣйствительность* блокады, съ юридической стороны остается необъясненнымъ. Спрашивается, гдѣ же искать основаніе права блокады? Воюющее государство, осаждая гавань, портъ непріятельскій, окружаетъ его своими войсками. Мѣста на которыхъ расположены войска эти, eo ipso, по праву завоеванія, становятся территоріей государства которому принадлежатъ силы занимающія ихъ; имъ слѣдовательно пріобрѣтается юрисдикція въ силу территоріальной власти*. Въ силу своей юрисдикціи, государство войска коего осаждаютъ можетъ воспротивиться всякому дѣйствию несогласному съ законами изданными имъ на своей территоріи. Выбѣвъ съ тѣмъ, имѣя неограниченную и безконтрольную власть на собственной территоріи, оно можетъ издать какія угодно постановленія, можетъ дозволить иностранцамъ доступъ на свои владѣнія, но можетъ и воспретить его. Воспрещая доступъ иностранцевъ на территорію окружающую осажденный городъ или крѣпость, оно *блокируетъ* его. Очевидно что дѣлая это оно пользуется своимъ правомъ, дѣйствуетъ въ силу своего суверенитета и здѣсь вполнѣ приложимо правило: *qui jure suo utitur neminem laedit*. Поэтому-то завоеватель, прекращая торговлю нейтральнаго съ заблокированнымъ мѣстомъ, не нарушаетъ тѣмъ правъ нейтральнаго на свободную торговлю. Онъ воспрещаетъ только транзитную торговлю съ непріятелемъ черезъ свою территорію. Нейтральное государство не можетъ видѣть въ этомъ дѣйствиіи нарушенія своей независимости и своихъ правъ; оно можетъ только, въ силу своего суверенитета, дѣйствовать на основаніи взаимности, и наложить на подданныхъ воюющаго тѣ же стѣснительныя

* *Occupatio bellica est modus acquirendi dominium.*

мѣры которымъ подвержены его подданные на территоріи воюющаго.

Вотъ принципы лежащіе въ основаніи права блокады. Территоріальная власть, а не право необходимости, находитъ здѣсь свое приложеніе. Такого взгляда держатся Готфѣль, Губнеръ, Ортолавъ. Возраженія дѣлаемыя противъ нихъ съ точки зрѣнія теоріи необходимости весьма плохо сформулованы Блаунчли и приводятся къ слѣдующимъ *. „Блокада производится на открытомъ морѣ, гдѣ стоятъ блокирующія суда, а открытое море не зависитъ отъ территоріи какого-либо государства.“ Справедливо что открытое море свободно, но не менѣе справедливо и то что корабль пріобрѣтаетъ своему отечеству ту частицу моря на которой онъ стоитъ, точно также какъ на континентѣ войско пріобрѣтаетъ своему суверену ту часть непріятельской или *ничьей* (res nullius) территоріи которою завладѣло. Къ тому же блокада на открытомъ морѣ имѣетъ мѣсто только тамъ гдѣ не можетъ служить препятствіемъ къ сношеніямъ нейтральныхъ съ нейтральными же портами. Такъ, проливъ дающій доступъ къ морю, берега котораго принадлежатъ не исключительно непріятельской, а частью и нейтральнымъ державамъ, не можетъ быть занятъ блокирующею эскадрой, такъ какъ такое дѣйствіе составило бы, во первыхъ, не *прямо* и *исключительно* противъ непріятеля направленное дѣйствіе, и во вторыхъ, нейтральное государство можетъ усмотрѣть по полному праву casus belli въ этомъ дѣйствіи, ставящемъ преграду свободѣ его сношеній. Блокада же, если производится даже судами столицами на открытомъ морѣ, но явно и исключительно съ цѣлью вредить лишь непріятелю и препятствовать доступу только къ его территоріи, не содержитъ въ себѣ противорѣчія принципу свободы открытаго моря.

Блаунчли ** признаетъ блокаду существующею если доступъ къ порту закрытъ батареями выведенными на берегу. Если же, за невозможностью устройства береговыхъ укрѣпленій, блокада возможна только съ открытаго моря, то не допустить такой блокады на томъ основаніи что она противорѣчитъ принципу свободы открытаго моря, значило бы жертвовать существеннымъ правомъ одной лишь формально-

* Bluntschli, § 827, примѣч. 1e.

** Bluntschli, § 829.

сти, и здѣсь воюющей стороной пришлось бы испытать *summius jus, summam injuriam*.

Второе возраженіе касается шаткости, недолговременности суверенитета приобретаемаго кораблями надъ морскою территоріей (*la souveraineté est essentiellement provisoire*.) Но шаткій или вѣтъ, долговременный или краткосрочный, суверенитетъ этотъ однако существуетъ; международное право не можетъ руководиться вѣроятіемъ успѣха или неуспѣха, оно признаетъ совершившійся фактъ завоеванія, и пока фактъ продолжается оно его признаетъ за таковой. Только съ прекращеніемъ его, прекращается и право на немъ основанное. * Далѣе, по мнѣнію Блунчли, право это, основанное на фактѣ завладѣнія, далеко не неоспоримое. Блокированный берегъ большею частью остается въ рукахъ непріятеля, сохраняющаго такимъ образомъ суверенитетъ свой на портъ и на территоріальное море, такъ что нельзя утверждать что бы фактъ завладѣнія совершился. ** Возраженіе это падаетъ само собою. По самому существу своему, блокада не требуетъ необходимымъ условіемъ завоеванія части морской территоріи, находящейся подъ *vis armatum* берегового государства. Достаточно того чтобы доступъ къ блокируемому мѣсту находился въ рукахъ осаждающаго; и если онъ дѣйствительно въ его власти, то безразлично, остается ли портъ и часть моря во власти непріятеля.

Итакъ, право прекратить сношенія блокированного мѣста съ остальными государствами вытекаетъ изъ территоріальной власти, приобретаемой воюющимъ вслѣдствіе факта завоеванія. Слѣдовательно, блокада безъ факта завоеванія немыслима. Воюющій не имѣетъ права противиться свободному пользованію территоріей ему не принадлежащею. Поэтому первое, существенное и необходимое условіе блокады — ея дѣйствительность, дѣйствительное завоеваніе известной территоріи. Требованіе это есть логическое послѣдствіе вышесказанныхъ данныхъ, оно принято и писателями основывающими право блокады на правѣ необходимости, но, какъ было замѣчено, вовсе не вытекаетъ логически изъ предположаемыхъ ими разсужденій. Но

* *Jus illud tantum aequiritur occupanti, quatenus occupat.*

** Bluntschli, § 827, пунктъ 1е.

возникаетъ вопросъ: что должно считать *дѣйствительною блокадою*? Очевидно доступъ къ блокированному мѣсту долженъ находиться подъ постоянною властью блокирующаго. Поэтому здѣсь прилагается правило: *ibi finitur potestas, ubi armorum vis*. Что же касается до того чтобы опредѣлить число судовъ необходимыхъ для блокады, то, очевидно, единообразное рѣшеніе этого вопроса не возможно. „Противно здравому смыслу“, говоритъ Ортоланъ, „требуется такого опредѣленія блокады для неизвѣстнаго мѣста“. * Одинъ портъ можетъ быть блокируемъ однимъ кораблемъ, другой требуетъ цѣлой эскадры. Должно замѣтить что въ некоторые писатели признаютъ правильную блокаду производимую крейсерами (*blocus par croisière*). Этого нельзя допустить однако, во первыхъ, потому что подобная блокада основана не на дѣйствительномъ и постоянномъ завоеваніи, и вторыхъ, оттого что она освящаетъ вполнѣ произволъ воюющаго. „Характеристическая черта блокады“, говоритъ Готфѣль, „есть устойчивость блокирующихъ силъ; напротивъ, характеристическая черта *blocus par croisière*, это постоянное перемѣщеніе ихъ, ** то-есть черта несовмѣстная съ постояннымъ владѣніемъ извѣстною частью территоріи. Нельзя также принять и мнѣнія Блунчли; онъ думаетъ что крейсеръ зависящій отъ остановившейся блокирующей эскадры *** можетъ правильно блокировать берега. Это значило бы, однако, допустить фиктивную блокаду цѣлаго ряда открытыхъ портовъ на томъ основаніи что одинъ портъ дѣйствительно блокированъ.

Изъ всего сказаннаго ясно что вопросъ о томъ можетъ ли воюющее государство блокировать только портъ непріятельскій или же цѣлый берегъ, рѣшается самъ собой. Воюющее государство имѣетъ право блокировать цѣлый берегъ. Нѣтъ никакого юридическаго основанія отрицать это право, но оно должно дѣйствительно блокировать его, а не довольствоваться, какъ часто дѣлала Англія, нѣсколькими крейсерами у непріятельскаго берега.

Воюющее государство, воспрещая иностранцамъ доступъ

* Ortolan, II, liv. III.

** Hautefeuille, *Droits*, II, 245.

*** Bluntschli, § 830.

къ блокированному мѣсту, должно, очевидно, увѣдомить ихъ о фактѣ блокады. Иначе, за незнаніемъ факта, обуславливающего право, нейтральному не можетъ быть имѣно и нарушение этого права. Увѣдомленіе можетъ быть сдѣлано какимъ способомъ: общемо дипломатическою нотификаціей о блокадѣ нейтральнымъ государствамъ и спеціальною нотификаціей (Гесснеръ называетъ ее индивидуальною), дѣлаемою порознь каждому нейтральному кораблю идущему въ блокируемый портъ. Гесснеръ, придавая дипломатической нотификаціи значеніе аналогичное промюльгации внутренняго закона, видитъ въ ней существенное условіе для юридическаго существованія блокады. * Однако это значитъ придавать общей нотификаціи значеніе котораго она не имѣетъ. Она не составляетъ обязанности для воюющаго; въ качествѣ территоріальнаго суверена, онъ можетъ на своей территоріи прилагать свои законы къ иностранцамъ, не извѣщая о томъ ихъ правительствъ. Но извѣщеніе это принято международнымъ обычаемъ въ виду пользы которую оно можетъ имѣть относительно иностранцевъ. Оно дѣлается въ предупрежденіе могущихъ возникнуть столкновеній, съ цѣлью поддержать добрыя отношенія. Вошедши въ обычай международного союза, оно весьма полезно для нейтральнаго, такъ какъ можетъ остановить извѣстныя торговыя предпріятія, направленныя къ блокированному мѣсту. По выраженію Готфѣмъ это актъ гуманности относительно нейтральныхъ. **

Совершенно иное значеніе имѣетъ нотификація *спеціальная*: нейтральное судно, идущее съ открытаго моря въ блокированный портъ, должно получить отъ блокирующей эскадры объявленіе что блокада существуетъ, и поэтому входъ въ портъ не можетъ быть допущенъ. Такимъ образомъ, это объявленіе, спеціальная нотификація, имѣетъ цѣлью *удостоверить нейтральнаго въ дѣйствительности факта*, между

* La notification générale est une des conditions de l'existence juridique du blocus; elle est une des conditions nécessaires à sa validité la notification a... une importance analogue à celle de la publication pour la validité d'une loi." Gessner, *Droit*, 181—186. То же мнѣніе и Ваувану, § 831.

** „C'est un acte d'humanité envers les peuples neutres." Hautefeuille *Droit*, II, 225.

тѣмъ какъ нотификація дипломатическая имѣла цѣлью *предупредить* нейтральнаго о блокадѣ. Нѣкоторые ученые ставятъ вопросъ: нужна ли специальная нотификація если была сдѣлана дипломатическая? Изъ предшедшаго ясно что специальная нотификація во всякомъ случаѣ необходима: если не была сдѣлана дипломатическая, вопросъ рѣшается самъ собой; если же нейтральный корабль и былъ увѣдомленъ, но несмотря на то пошелъ къ блокируемому мѣсту для того чтобъ удостовѣриться въ фактѣ блокады, то и здѣсь специальная нотификація необходима, такъ какъ право удостовѣриться въ дѣйствительности блокады несомнѣнно принадлежитъ нейтральному и въ этомъ нельзя видѣть нарушенія блокады. *

Какія дѣйствія обуславливаютъ нарушенія блокады? Общій принципъ, принимаемый большинствомъ ученыхъ, тотъ что нарушенія блокады вмѣняемы только въ томъ случаѣ если, во первыхъ, блокада дѣйствительна, то-есть входъ въ портъ дѣйствительно блокированъ эскадрой, подъ огнемъ которой находится окружающее море, и во вторыхъ, если нейтральное судно знало и было удостовѣрено въ дѣйствительности блокады, то-есть получило специальную нотификацію.

Англійское Адмиралтейство выработало впрочемъ иную теорію, теорію нашедшую горячихъ защитниковъ въ лицѣ Филлимора, Редди, отчасти и Цитона. Вотъ эта теорія, какъ она высказана оракуломъ англійскаго Адмиралтейства, В. Скоттомъ. Для существованія нарушенія блокады необходимо доказать три факта:

- 1) Дѣйствительность полной блокады.
- 2) Знаніе этого факта обвиняемымъ въ нарушеніи.
- 3) Насильственное дѣйствіе со стороны его при входѣ или выходѣ изъ порта съ грузомъ, взятымъ послѣ открытія блокады. **

Эти положенія, казалось бы, тѣ самыя какія только что изложены нами. Но что же дѣлаетъ изъ нихъ софи-

* Въ войну 1861 — 64, американское правительство вовсе не давало дипломатической нотификаціи, ограничиваясь специальной. См. депеша лорда Лайонса къ лорду Росселю; у Ortolan, II *Appendice spéciale*, № XXVII (р. 549).

** Robinson's *Admiralty Reports*. См. у Wheaton, *Elements*, II, 174.

стическая логика англійскаго судьи и къ какимъ выводамъ приводитъ она его?

„Должно различать“, говоритъ онъ, „два вида блокады: одинъ—основанный на простомъ фактѣ, другой—на нотификаціи, сопровождаемой фактомъ (one by the simple fact only, the other by a notification accompanied with the fact“. Не правильнѣе ли было бы сказать: фактомъ сопровождаемымъ нотификаціей?). Въ первомъ случаѣ, когда фактъ прекращается, прекращается тотчасъ же и блокада; но если фактъ сопровождается дипломатическою нотификаціей отъ правительства воюющей державы къ правительству державы нейтральной, думаю, prima facie, что блокада должна предполагаться существующею, пока не послѣдуетъ тѣмъ же путемъ нотификація о снятіи ея. Несомнѣнная обязанность воюющей державы, давшей нотификацію о началѣ блокады, извѣстить тѣмъ же путемъ, и не медля, о прекращеніи ея. Дать эту нотификацію лишь по прошествіи долгаго срока по прекращеніи факта значило бы поступить не честно относительно нейтральныхъ державъ, и мы сомнѣваемся чтобы какое-либо государство было способно на такой поступокъ“ (?). „Нотификація (о началѣ блокады) иностранному правительству, очевидно, относится ко всемъ его подданнымъ; она была бы излишней, еслибы подданные могли ссылаться на незнаніе нотификаціи. Иностранное правительство обязано извѣстить своихъ подданныхъ, интересы которыхъ оно должно охранять. А потому я утверждаю что капитанъ никогда не можетъ основывать своей защиты на незнаніи нотификаціи. Если онъ дѣйствительно не зналъ о ней, то онъ можетъ требовать вознагражденія убытковъ отъ своего правительства, но его невѣдѣніе отнюдь не можетъ лечь въ основу его защиты предъ призовымъ судомъ воюющаго. Въ блокадѣ de facto положеніе дѣлъ иное, но здѣсь идетъ рѣчь о блокадѣ нотифицированной. Блокада нотифицированная отличается тѣмъ именно отъ блокады de facto что въ первой одно уже снятіе съ якоря съ назначеніемъ къ блокированному порту обуславливаетъ нарушеніе блокады.... Съ того момента какъ корабль снимается съ якоря имѣя назначеніе въ такой портъ, нарушеніе блокады уже произошло вполнѣ и грузъ подлежитъ конфискаціи. Положеніе можетъ быть иное при блокадѣ de facto: здѣсь вѣтъ презумпціи о продолженіи

блокады и *неподвижные* можетъ быть допускаемо въ извѣщеніе предпринятаго перехода.“*

Относительно нарушенія блокады В. Скоттъ продолжаетъ: „Если блокирующая эскадра принуждена выйти въ открытое море вслѣдствіе состоянія моря, являть причины заключать отъ этого обстоятельства о перемѣнѣ системы; не возможно предположить чтобы блокада могла продолжиться нѣсколько мѣсяцевъ безъ подобныхъ временныхъ перерывовъ. Но если эскадра была принуждена силою снять блокаду, то наступаетъ рядъ фактовъ обуславливающихъ совершенно новую презумпцію, презумпцію въ пользу нормальной свободы торговли. Нейтральный негодіантъ уже не обязанъ предвидѣть или соображаться съ тѣмъ что блокада вновь будетъ начата; слѣдовательно, если блокада снова должна быть начата, воюющее государство снова должно принять обычныя мѣры (то-есть дать нотификацію), не взирая на предшествующій фактъ блокады, такъ какъ фактъ прекратился... Снятие блокады послѣдовавшее благодаря непріятельскимъ силамъ есть полное уничтоженіе этой блокады и дѣйствій предпринимаемыхъ въ виду ея существованія.“**

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій вытекаетъ что англійское Адмиралтейство 1) рассматриваетъ блокаду обязательною для нейтральной державы съ момента дипломатической нотификаціи. 2) Оно дѣлаетъ исключеніе только для судовъ дальняго плаванія, которыя не имѣли возможности получить свѣдѣніе объ этой нотификаціи. Для нихъ англійское Адмиралтейство допускаетъ *ignotiam facti*, и требуетъ поѣтому спеціальную нотификацію. 3) Спеціальная нотификація нужна только при блокадѣ *de facto* (не нотифицированной дипломатическимъ путемъ). 4) Нарушеніе блокады существуетъ уже тамъ гдѣ нейтральное судно *направляется* къ блокируемому порту. 5) Блокада нотифицированная прекращается только черезъ нотификацію о снятіи ея.

Вотъ къ какимъ заключеніямъ приходитъ англійское Адмиралтейство. Заключенія эти вполне согласны съ англійскою практикою, и политика освятившая ихъ была необходима Англіи для поддержанія „величія и морскаго могущества,

* Robinson's *Admiralty Reports*. См. у Wheaton, *Elements*, II, 176 и слѣд.

** Robinson's *Admiralty Reports*. См. у Ortolan, II, 346.

дарованныхъ ей Провидѣніемъ, и поддержаніе которыя столь важно для благосостоянія всего міра“.*

Ложность этихъ положеній очевидна. Относительно реальности блокады англійское правительство не разъ высказывалось въ смыслѣ необходимости этого условія, но при этомъ допускало столько изъятій, столько модификацій что дѣйствительность блокады становилась химерой. Всегда за англійскимъ Адмиралтействомъ, въ томъ же смыслѣ выражаются и англійскіе публицисты: такъ, напримеръ, Рэдди, говоря о дѣйствительности блокады, прибавляетъ: „насколько позволяетъ ее погода и состояніе моря“. ** Но ясно что прерывъ, по какимъ бы то ни было причинамъ происшедшій уничтожаетъ возможность нарушенія блокады. Очевидно что здѣсь уже воюющій перестаетъ быть сувереномъ моря, занятая предъ тѣмъ его войсками; такъ какъ суверенитетъ его обусловливается этимъ занятіемъ и съ нимъ же прекращается. Также относительно нарушенія блокады; нарушеніе можетъ быть только тамъ гдѣ есть насиліе, или покушеніе на насиліе со стороны нейтральнаго корабля. Англійское же Адмиралтейство усматриваетъ нарушеніе блокады и въ томъ дѣйствиіи что нейтральный корабль идетъ къ блокированному порту. Въ этомъ случаѣ оно руководится предположеніемъ что корабль зная о существованіи блокады, благодаря дипломатической нотификаціи, не имѣлъ бы никакой нужды идти къ блокируемому порту, если не съ явнымъ намѣреніемъ прорвать блокаду. Но на какомъ же основаніи англійское Адмиралтейство, столь склонное допустить широкія презумпціи въ пользу воюющей державы, допускаетъ только презумпціи въ ущербъ нейтральныхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ искать въ политикѣ Англій, стремившейся всегда и всѣми средствами къ исключительному морскому господству. Англійское Адмиралтейство старается оправдать свои положенія разъясненіемъ значенія нотификаціи дипломатической и специальной. Достаточно бросить взглядъ на это воззрѣніе чтобы убѣдиться въ его крайней софистикѣ и неосостоятельности съ юридической точки зрѣнія.

Дипломатическая нотификація, какъ было замѣчено выше, есть актъ гуманности, нотификація же специальная удосто-

* Order of Council 12 Nov. 1807. См. у Hautefeuille, II, 256.

** „So far as weather permitted.“ Цитов. у Ortolan, II, 344.

вредить нейтральнаго въ дѣйствительности факта и вытекающаго изъ него для воюющаго права. Очевидно что если актъ дѣйствительный, то нѣтъ никакого затрудненія для блокирующаго дать ту и другую нотификацію; отвергать и спеціальную нотификацію, значитъ отнять у нейтральнаго право удостовѣриться въ дѣйствительномъ существованіи или него извѣстной обязанности. Наконецъ, и необходимость нотификаціи о снятіи блокады не имѣетъ никакого основанія. Съ прекращеніемъ блокады, во ірсо падаетъ и право воюющаго. Требованіе нотификаціи направлено исключительно противъ нейтральнаго государства, такъ какъ съ минуты *фактическаго* снятія блокады непріятельская торговля тотчасъ возобновляется, между тѣмъ какъ нейтральная должна еще остаться приостановленною до полученія нотификаціи, которая, по словамъ В. Скотта, должна быть дана немедленно, „такъ какъ ни одно государство неспособно на бремя дружественной державы“. Все англійское ученіе очевидно клонитъ къ одному: къ освященію блокады безъ дѣйствительнаго обложенія, къ блокадѣ извѣстной подъ названіемъ блокады *per notificationem* или бумажной (*paper blockade*). Какое значеніе можетъ имѣть подобная бумажная блокада? Какое дѣйствіе можетъ она имѣть на торговлю непріятеля, какъ скоро у объявленнаго блокированнымъ мѣста нѣтъ глава охраняющаго и приводящаго въ дѣйствіе право воюющаго? Прекратившись *de facto*, блокада уже очевидно не смѣетъ ни мало непріятельскимъ судамъ входить и выходить изъ гавани: для непріятеля объявленіе блокады *per notificationem* не обязательно. Казалось бы что и нейтральныя суда могутъ, не взирая на объявленіе о блокадѣ, пользоваться фактическимъ положеніемъ вещей, какъ юридически ни имѣютъ право это сдѣлать. Но для того чтобъ обезпечить дѣйствіе *paper blockade*, государства прилагавшія ее къ дѣлу провозгласили новое право для воюющаго, право *предупрежденія* и *преслѣдованія*. * По теоріи принимаемой англійскимъ империалтействомъ, всякій корабль направляющійся къ порту объявленному блокированнымъ, тѣмъ самымъ нарушаетъ уже блокаду. Точно также и всякій корабль вышедшій изъ объявленнаго блокированнымъ порта, считается также нарушившимъ блокаду. Очевидно почему при этой системѣ

* *Droits de prévention et de suite.*

Англія отказывается признать необходимость спеціальной нотификаціи. Принять ее значило бы нанести смертельный ударъ праву предупрежденія. Пользуясь этимъ правомъ государство имѣетъ возможность уничтожить нейтральную торговаю почеркомъ пера, объявленіемъ о блокированіи того или другаго порта, если воюющее государство хочетъ прекратить съ нимъ торговаю нейтральнаго. Это прямо противоположно высказаннымъ выше основаніямъ правъ воюющаго вообще, правъ блокирующаго въ особенности. Прекращая торговаю *нейтральнаго съ блокированными мѣстами*, воюющій прямо и непосредственно вредитъ нейтральному; между тѣмъ какъ блокада состоитъ прежде всего въ прекращеніи торговли *известнаго порта съ нейтральными*, то-есть въ дѣйствіи направленномъ прямо и непосредственно на непріятеля и лишь косвенно (хотя можетъ-быть и весьма чувствительно) вліяющемъ на нейтральнаго.

Современная наука рѣшительно отвергаетъ фиктивную блокаду, какъ противную основнымъ юридическимъ положеніямъ военнаго права. Даже и англійскіе лубицисты признали всю несправедливость, всю юридическую несостоятельность мнимой блокады. * Но, какъ мы видѣли, желая оправдать дѣйствія своего отечества, они, ограничивая до крайнихъ предѣловъ условія блокады для воюющаго, переходятъ къ результатамъ освящающимъ только-что осужденное ими право.

Что же касается до правъ предупрежденія и преслѣдованія, то нѣкоторые писатели не отвергаютъ ихъ, ставя впрочемъ непрѣмнымъ къ нимъ условіемъ дѣйствительности блокады и полученіе спеціальной нотификаціи. Мнѣніе свое они основываютъ на томъ соображеніи что не имѣя правъ преслѣдованія и предупрежденія воюющее государство чистю было бы лишено возможности карать нарушеніе. По

* „Современное международное право... не допускаетъ ничего подобнаго кабинетной блокадѣ; нарушеніе блокады признается за такое лишь при дѣйствительномъ существованіи блокады, поддерживаемой морскими силами, приспособленными къ естественнымъ качествамъ блокируемаго мѣста...“ Phillimore, III, p. 416. „Блокада должна быть дѣйствительна и постоянно поддерживаема достаточными морскими силами...“ Reddie, II, 568 у Ortolan, II, 573.

этому-то они и принимаютъ фикцію *flagrant délit* во все время сѣдovanja до порта назначенія. * Это мнѣніе однако едва ли можетъ быть принято: во первыхъ, принявши разъ фикцію *flagrant délit*, не логично ограничить ее произвольнымъ срокомъ, то-есть пока корабль не достигнетъ своего назначенія. Фикція должна бы быть распространена на все время войны, такъ какъ эта мѣра предупрежденія ** и фактъ прибытія въ тотъ или другой портъ—обстоятельство не существенное, и къ факту о нарушеніи блокады не относящееся. *** Вовторыхъ, право предупрежденія противорѣчитъ принципу свободы открытаго моря. Находясь разъ въ открытомъ морѣ, корабль не подчиненъ никакой чужой юрисдикціи; онъ свободно. Единственное ограниченіе допускаемое на открытомъ морѣ, это осмотръ, который блокады не касается. Поэтому нельзя принять фикцію *flagrant délit*—въ тѣхъ размѣрахъ которые даютъ ей Ортоланъ и Уитонъ. Кажется что здѣсь должно принять вполнѣ мнѣніе Готфѣля:

„Мнѣ кажется невозможнымъ, говорить оны, допустить фикцію *flagrant délit* во время всего похода, часто весьма продолжительнаго; особенно въ томъ случаѣ если виновный не былъ замѣченъ въ моментъ нарушенія, и если для того чтобъ узнать объ этомъ нарушеніи, необходимо прибѣгнуть къ осмотру его бумагъ. Допустить подобную систему значить отрицать всѣ принципы уголовного права. *Flagrant délit* можетъ и можетъ имѣть мѣсто лишь въ моментъ нарушенія, когда оны былъ замѣченъ блокирующею эскадрой; въ этомъ случаѣ *flagrant délit* будетъ продолжаться пока

* Ortolan, II, 254. Wheaton, *Elements*, II, 184—185.

** „Pour prévenir une transgression future.“ Wheaton, *ibid.*

*** Англійское Адмиралтейство считаетъ нарушителя *in delicto* до момента прибытія его въ какую-либо гавань; но и здѣсь оно требуетъ чтобъ эта гавань была дѣйствительно мѣстомъ назначенія, а не случайною остановкой. Одно коммерческое судно (*General Hamilton*), по состоянію моря, было принуждено остановиться въ англійскомъ портѣ, послѣ того какъ нарушило блокаду. Адмиралтейство признало его правильно захваченнымъ, и *in delicto*, такъ какъ оно по необходимости (by stress of weather) вошло въ англійскій портъ. Robinson's *Admir. Reports* (the *General Hamilton*); цит. у Ortolan, II, 355—356.

продолжается преслѣдованіе нарушителя замѣтившимъ кораблемъ, и прекратится, какъ скоро преслѣдуемое судно выйдетъ изъ вида преслѣдующаго.“ *

Посмотримъ теперь на историческое развитіе началъ лежащихъ въ основаніи права блокады. Вопросы сюда относящіеся возникли не ранѣе конца XVI вѣка и ни одинъ трактатъ до этого времени не говоритъ о блокадѣ, „Позднее появленіе этихъ вопросовъ“, говоритъ Коши, „объясняется поздними успѣхами морскаго дѣла.... Только съ того момента когда стало возможнымъ вооружать орудіями корабли, заирать этими кораблями входъ въ порты, могла возникнуть современная теорія блокады.“ ** И дѣйствительно слабые ея зачатки мы находимъ лишь въ весьма немногихъ актахъ XVI и XVII вѣка. Всѣ главные трактаты того времени содержатъ въ себѣ слѣдующее положеніе: перечисливъ предметы не составляющіе военной контрабанды, они заключаютъ тѣмъ что торговля ими остается свободною, за исключеніемъ того случая когда они направлены въ мѣсто „осажденное, блокированное, или окруженное войсками“. ***

Но о томъ что должно понимать подъ названіемъ блокированнаго мѣста, трактаты эти не говорятъ. Повидимому, тогдашняя практика называла блокированными всѣ неприступныя порты, куда, по распоряженію воюющаго, не допускалась нейтральная торговля. Другими словами, господствовала система фиктивной блокады. „Честь этого изобрѣтенія“, говоритъ Готфѣль, „принадлежитъ Голландіи. Первые попытки его приложенія относятся къ 1584 году“. **** Но это, кажется, не совсѣмъ вѣрно: можно сказать только что въ 1584 году система эта въ первый разъ прикрылась именемъ блокады. На самомъ же дѣлѣ, будучи ничѣмъ инымъ какъ запрещеніемъ торговли нейтральныхъ, она прилагалась гораздо ранѣе. Даже въ XIV столѣтіи, воюющія государства прилагали во всей ихъ строгости мнимыя свои права претупрежденія и преслѣдованія (таковы напримѣръ ордонансы

* Hautefeuille, II, 246—247, vid. также Bluntschli, § 836 примѣч.

** Cauchy, I, 299—300.

*** См. трактаты: Пурейейскій, Ниммергенскій, Русвикскій, Утрехтскій и многіе другіе (у Hautefeuille *Histoire*, 189 въ примѣчаніи).

**** Hautefeuille, *Histoire*, 191.

Англии 1315 и 1337 года, во время войны съ Шотландіей). Эдиктъ же 27го іюля 1584 года только ястре формуловалъ эту систему и старался подкрѣпить ее, кладя въ основаніе ея право блокады.

Съ этого момента видимъ по отношенію къ вопросу о блокадѣ двойственное направленіе: съ одной стороны сильныя морскія державы, Голландія, а за ней Англія, стараются всѣми силами поддерживать систему фактивной блокады, или другими словами систему уничтоженія нейтральной торговли; съ другой стороны, въ противность этой политики, остальные державы стремятся ограничить это мнимое право, поставить блокаду въ болѣе тѣсныя границы и тѣмъ оградить право нейтральной торговли. Эдикты голландскихъ Генеральныхъ Штатовъ отъ 4го апрѣля и 4го августа 1586 года, 9го августа 1622 года, 21го марта 1624 года, содержатъ постановленія относительно фламандскихъ гаваней согласныя съ эдиктомъ 1584 года. Наконецъ, эдиктъ отъ 26го іюня 1630 года представляетъ полное освященіе фиктивной блокады. * Въ 1652 году объявлены блокированными всѣ англійскіе порты. Но въ 1663 году, когда Испанія хотѣла употребить то же средство противъ Португаліи, она встрѣтила горячее сопротивленіе со стороны Голландіи же, оставшейся нейтральною, и не желавшей испытать на себѣ послѣдствій политики которую она сама столько разъ прилагала къ дѣлу. ** Испанія

* Изъ комментарій Букерсгукъ на этотъ эдиктъ видно что онъ не былъ строго приложенъ на практикѣ. Многія нейтральныя судашедшія во фламандскіе порты или вышедшія изъ нихъ и захвачены какъ нарушившія блокаду, были освобождены и лишь предметы военной контрабанды были конфискованы. Тѣмъ не менѣе эдиктъ этотъ послужилъ основой фиктивной блокады, и доводы его всегда повторались Голландіей, а потомъ, при переходѣ морскаго владычества въ руки Англіи, англійскимъ Адмиралтействомъ.

** Точно также поступила Голландія, а вслѣдъ за ней и Англія во время Сѣверной войны. Оставаясь нейтральными, онѣ отказались признавать для себя обязательною блокаду русскихъ портовъ, объявленную Карломъ XII. „Еслибъ означенные города“, сказано въ одномъ англійскомъ мемуарѣ того времени, „были дѣйствительно осаждены или блокированы, то подданные его величества и Генеральныхъ Штатовъ не имѣли бы права туда ѣхать; но этого нѣтъ, и въ Балтійскомъ морѣ только нѣсколько шведскихъ крейсеровъ. — Robinson, *Collectanea marit.* 162. См. у Wheaton, *Histoir.* I, 187, примѣчаніе 2.

должна была уступить, но Бинкерсгукъ, комментируя дѣйствія своего отечества, укоряетъ его въ нелогичности.

Въ 1689 году вспыхнула война между Франціей, съ одной, Англіей и Голландіей, съ другой стороны; 22го августа 1689 года былъ подписанъ въ Лондонѣ трактатъ, которымъ Англія и Голландія объявили что въ виду войны, онѣ считаютъ необходимымъ прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній съ Франціей со стороны остальныхъ державъ и поэтому блокируютъ ея порты. За и 4я статьи провозглашаютъ что для поддержанія блокады, они намѣрены прилагать право преслѣдованія и предупрежденія. Будучи на сей разъ прилагаемо во всей строгости, это право, присвоенное воюющими, встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Дании и Швеции. Въ 1693 году (17го марта) онѣ заключили трактатъ, которымъ объявили что намѣрены поддерживать всѣми силами свободу нейтральной торговли, столь явно нарушаемой дѣйствіями Англіи и Голландіи. Эти послѣднія державы, въ виду грознаго положенія какое принимало дѣло, должны были отказаться отъ фиктивной блокады.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка пало морское могущество Голландіи. Англія осталась господствующею на морѣ. Она унаслѣдовала отъ Голландіи систему фиктивныхъ блокадъ, и въ теченіи всего XVIII вѣка, можно утвердительно сказать, не веда ни одной войны не прилагая къ дѣлу этой лагубной для нейтральныхъ державъ политики.

Въ войну 1756 года, Англія объявила блокаду всѣхъ французскихъ портовъ. Въ войну же 1775 года, когда Франція приняла участіе въ войнѣ за независимость американскихъ колоній, англійское Адмиралтейство резюмировало всю свою практику въ слѣдующемъ соображеніи: „порты Франціи по ихъ положенію, естественнымъ образомъ блокированы англійскими“.

Но скоро первый вооруженный нейтралитетъ принудилъ Англію отказаться, по крайней мѣрѣ на время и de facto отъ своихъ притязаній. Впрочемъ и ранѣе мы находимъ слабыя попытки опредѣленія блокаднаго права, направленные противъ злоупотребленій фиктивныхъ блокадъ, и стремившіяся къ огражденію правъ нейтральныхъ государствъ.

Уже въ XVII вѣкѣ три трактата * прибавили къ смутному опредѣленію блокады, употребительному во всѣхъ тогдашнихъ и позднѣйшихъ трактатахъ, квалифицирующее условіе, а именно *дѣйствительность* блокады. Многие трактаты XVIII вѣка разработали это положеніе. Такъ, трактатъ 1742 года (Франція—Данія) требуетъ присутствія двухъ военныхъ судовъ или береговой батареи; трактатъ 1748 года (Данія—объ Сициліи) двухъ кораблей; трактатъ Голландіи и обѣихъ Сицилій 1753 года (ст. 22) шести кораблей или береговыхъ батарей, такъ чтобы нельзя было пройти въ портъ, не проходя подъ выстрѣлами блокирующаго. Выше было уже указано на невозможность подобныхъ опредѣленій условій блокады и указанія силъ необходимыхъ для блокированія неизвѣстной и необозначенной мѣстности. Гораздо важнѣе было опредѣлить *принципъ* блокады, и это въ первый разъ торжественнымъ трактатомъ сдѣлалъ первый вооруженный нейтралитетъ. Трактатъ 1780 года опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ блокаду: „блокируемымъ можетъ считаться лишь тотъ портъ гдѣ, вслѣдствіе присутствія судовъ поставленныхъ наладающимъ и достаточно близкихъ, есть явная опасность для проѣзда.“ Второй вооруженный нейтралитетъ повторилъ высказанное первымъ, и вообще съ этого времени вѣтъ трактата, за исключеніемъ морской конвенціи 1801 года, который не признавалъ бы, для юридической обязательности блокады, необходимости присутствія дѣйствительныхъ и достаточныхъ силъ предъ блокируемымъ мѣстомъ. Послѣ Колленгагенскаго сраженія, и по кончинѣ императора Павла I, въ 1801 году, Великобританія заключила трактатъ съ Россіей (потомъ съ Швеціей, 23го октября 1801 года, и Даніей, 18го марта 1802 года). Относительно блокады она приняла постановленіе вооруженныхъ нейтралитетовъ, но перемѣнила въ немъ одно слово, чѣмъ и былъ искаженъ самый смыслъ, вмѣсто словъ: „avec des bâtimens arrêtés et suffisamment proches...“ было сказано: „avec des bâtimens arrêtés ou suffisamment proches...“, чѣмъ, очевидно, была освящена система блокады par croisière,—блокады неправильной, какъ было показано выше. Это было, такимъ образомъ, возобновленіе старой англійской

* Голландія и Ажиръ 1662 года, Голландія и Швеція 1667 года, Голландія и Англія 1674 года. См. Gessner, *Droit*, 176.

практики. Въ парламентѣ, въ преніяхъ по поводу этого трактата, лордъ Гранвиль выразилъ неудовольствіе на то что правительство имѣло неосторожность поставить въ зависимость отъ одного слова возможность приложенія одного изъ главныхъ для величія и могущества Англіи принциповъ.* Впрочемъ, со времени заключенія трактата 1801 года и особенно со времени погрома Наполеона I, Англія официально и de jure признавала существеннымъ условіемъ блокады ея дѣйствительность. Но рядомъ съ этимъ англійское Адмиралтейство, посредствомъ софистическихъ истолкованій, старалось оправдывать систему кабинетной блокады. Укажемъ два примѣра, делешу Форстера (англійскаго посланника при правительствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ), по поводу блокадъ 1806 и 1807 годовъ, блокадъ вызвавшихъ, какъ извѣстно, континентальную систему: „Великобританія, говоритъ Форстеръ, никогда не отрицала что по международнымъ обычаямъ всякая блокада, чтобы быть обязательной, должна основываться на достаточныхъ силахъ и представлять опасность для судовъ пытающихся ее нарушить. Въ силу своего принципа блокада и была нотифицирована Фоксомъ (статсъ-секретарь при Foreign Office) лишь тогда когда онъ, на основаніи доклада Адмиралтейства, убѣдился что Адмиралтейство употребитъ все средства для наблюденія береговъ отъ Бреста до Эльбы, и дѣйствительно осуществить блокаду. Посему блокада мая 1806 года была правильна и законна съ самаго своего начала, такъ какъ она была обоснована какъ *напѣреніемъ*, такъ и дѣйствительными силами.“**

Такимъ образомъ, въ основаніи полагается дѣйствительность блокады. Но вслѣдъ затѣмъ, въ чемъ состоитъ эта дѣйствительность, не обозначено, а средства употреблявшіяся Англіей для *наблюденія* были не что иное какъ приложеніе права предупреденія и преслѣдованія. Далѣе, указывается *напѣреніе* блокировать непріятельскіе берега, и выставляется мысль что блокада дѣйствительна какъ скоро держава нотифицирующая ее располагаетъ достаточными для осуществленія ея силами. Другими словами, по аналогіи, это то же что утверждать что лицо владѣетъ если имѣетъ *анімы*

* См. Wheaton. *Histoire*, II, 103 и слѣд.

** Цитов. у Gessner, *Droit*, 162—163.

possidendi, хотя бы и не было *corpus possidendi*. Трактатъ 1801 года былъ отвергнутъ Россіей въ 1807 году. Декларацией отъ 20го октября 1807 года русское правительство объявило что оно снова и вполнѣ принимаетъ принципы вооруженнаго нейтралитета, сего „плода мудрости императрицы Екатерины II“, и что никогда не отступится отъ нихъ. Англія же держалась системы крейсерской блокады до конца войны, то-есть до 1814 года. Съ тѣхъ поръ ни одно государство, кромѣ Даніи, въ 1864 году, не приложило ея. *

Во время Восточной войны всѣ блокады какимъ подверглись русскіе порты были дѣйствительныя. **

Блокада алжирскихъ портовъ (1827—1830), блокада мексиканскихъ портовъ (1838) и блокада Ла-Платы (*blocus pacifique*—1838) также были дѣйствительныя. Словомъ, можно сказать что современное международное право признаетъ дѣйствительность блокады существеннымъ условіемъ ея обязательности для нейтральныхъ государствъ. Англія, прикнувъ къ Парижскому трактату 1856 года, также *de jure* отказалась отъ системы бумажной блокады. 4я статья деклараціи 16го апрѣля 1856 года гласитъ: „*Les blocus pour être obligatoires, doivent être effectifs, c'est à dire maintenus par une force suffisante, pour interdire réelement l'accès du littoral de l'ennemi.*“ Хотя такое опредѣленіе и не совсѣмъ ясно и точно и, по видимому, допускаетъ и блокаду *par croisière*, такъ какъ не сказано что блокада должна производиться *stationnaires* (аррѣтѣ) судами, но однакоже, при безпристрастной интер-

* Известно, говоритъ по этому поводу Гесснеръ, „что лишь симпатія великихъ державъ къ Даніи побудила ихъ оставить безъ вниманія образъ дѣйствій столь же вредный для собственной ихъ торговли, сколько для торговли прусской; образъ дѣйствій, противъ котораго протестовали не одни прусскіе, но и бордосскіе и мамчестерскіе negociants.“ *Gessner, Droit, 169.*

** Декларацией отъ 27го марта 1854 года, англійское правительство объявило что „оно воспротивится нарушенію со стороны нейтральныхъ дѣйствительною блокадою, которая будетъ производима дѣйствительными силами предъ портами, берегомъ или гаванями неприятеля.“ То же самое повторила и французская декларація отъ 29го марта того же года (см. *Gessner, Droit, 166.*)

На интерпелляцію лорда Кламриккарда, герцога Ньюкастльскій (тогдашній министръ) положительно высказалъ „что Англія не имѣетъ намѣренія открыть такъ-называемую бумажную блокаду, и блокады будутъ дѣйствительныя.“ *ibid.*

претація, принципъ дѣйствительности весьма положительно выражень. Декларация эта могла быть разсматриваема какъ всемірно-обязательная, такъ какъ всѣ государства Европы,* за двумя лишь исключеніями, подписали ее. Соединенные Штаты не участвовали въ ней, но по причинамъ совершенно чуждымъ вопроса о блокадѣ. Практика же ихъ доказываетъ что они считаютъ дѣйствительность блокады основнымъ ея принципомъ.**

Рядомъ съ признаніемъ реальности блокады основнымъ ея принципомъ, идетъ и постепенное уничтоженіе права преслѣдованія и предупрежденія; требованіе специальной нотификаціи слышится чаще и упорнѣе; уже второй вооруженный нейтралитетъ 1800 года,*** и за нимъ всѣ почти трактаты XIX столѣтія, содержащія статьи о блокадѣ, содержатъ и требованія специальной нотификаціи.**** Особенно энергично настаивало на этомъ пунктѣ французское правительство. До Восточной войны, Франція не вела ни одной войны гдѣ ея блокирующія эскадры не давали бы специальной нотификаціи даже кораблямъ тѣхъ государствъ съ которыми не было заключено по этому вопросу трактатовъ. † Нота графа Моле (бывшаго министра иностранныхъ

* За исключеніемъ Испаніи.

** Война 1861—1864 годовъ, см. дельми лорда Лайонса къ лорду Росселю (отъ 2го и 4го мая 1861), у Ortolan, II, p. 549 и сѣд. и Gessner, *Droit*, 165.

*** *Tout bâtiment ne pourra être regardé comme contrevenant, que lorsque après avoir été averti par le commandant de blocus de l'état du port, il tâchera d'y pénétrer.* Art. III.

**** Таковы напримѣръ 31го августа 1828 (Франція—Бразилія); 15го сентября того же года—Мексика—нѣмецкіе города. 20го января 1836 года (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—Венецiа); 26го сентября 1838. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—Сардинія), 30го июня 1842 (Австрія—Мексика) и др. (см. Martens et Cussy, tome III.)

† Такъ, см. дѣло американской шкуны *The Josefine* (1843) у Hautefeuille, *Droits*, II, 231 прим. Во время Восточной войны французскія эскадры давали специальную нотификацію (хотя англійскія этого не дѣлали), см. *Instruction aux officiers généraux, supérieurs etc.*, 31го мая 1854 art 7, у Ortolan, II, *Appendisse spécial*, N. VI (p. 448 и сѣд.).

дѣль) содержать резюме взгляда французскаго правительства на этотъ вопросъ. *

Только Англія до сихъ поръ еще не отказалась отъ прежней своей политики; во время Восточной ** и Китайской войны она, хотя и не установляла ни одной бумажной блокады, давала только нотификацію дипломатическую. Должно думать, однако, въ виду уступокъ сдѣланныхъ ею требованіямъ новѣйшаго международнаго права, въ виду признанія и слѣдованія ея (по крайней мѣрѣ съ 1854 года) принципа *дѣйствительности* блокады, что она не замедлитъ признать и логическое ея послѣдствіе: *необходимость* спеціальной нотификаціи помимо дипломатической. Уже въ самой средѣ Англійскаго парламента раздавались голоса въ пользу такой политики *** хотя, можетъ-быть, и менѣе выгодной для Англіи въ матеріальномъ отношеніи, но согласной съ принципами международнаго права, принципами признаваемыми и предлагаемыми къ практикѣ всеми государствами цивилизованнаго міра.

* Нота графа Моле отъ 17го мая 1838 года и его же письмо къ морскому министру по поводу американскаго коммерческаго судна, не получившаго спеціальной нотификаціи и захваченнаго французскимъ фрегатомъ: „Г. N. (командиръ фрегата)“, пишетъ графъ Моле, „считиваетъ двѣ различныя вещи: дипломатическую нотификацію о блокадѣ, которая должна быть дана нейтральнымъ государствамъ, и задержание которое командиръ блокирующихъ силъ обязанъ дать судамъ подходящимъ къ блокированному мѣсту... А такое сѣшеніе не только совершенно противно принципамъ морскаго права, но и всѣмъ инструкціямъ вышедшимъ изъ вашего министерства.“ См. *Ottolan*, II, 340.

** Такъ, датскій корабль *Union* былъ захваченъ за нарушение блокады, не получивъ спеціальной нотификаціи. По этому поводу лордъ Грагамъ еще разъ выразилъ англійскій взглядъ на нотификаціи: „The effect of a more general notice from the seat of government is, that all parties in every portion of the ocean are held to be cognizant of that notice, and the blockade is held to be effectual against all neutrals, when the notice has been given.“ Рѣчь 26го мая 1864 года см. *Gessner, Droit* 207 примѣч.

*** Рѣчь лорда Бомена въ палатѣ лордовъ. Говоря вообще о значеніи нотификаціи, лордъ Боменъ заключаетъ такимъ образомъ: „..... Что же касается до спеціальной нотификаціи, она должна всегда даваться, даже когда была и нотификація офиціальная.“ См. *Gessner, Droit*, 188.

IV. О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза.

Въ послѣднія два столѣтiя перевозная торговля или торговля по комиссiи заняла самое видное мѣсто въ системѣ торговыхъ международныхъ сношенiй.

Два вопроса о перевозной торговлѣ имѣютъ отношенiе къ вопросу о правахъ нейтральныхъ, а именно: имѣютъ ли нейтральныя право свободнаго перевоза непрiятельской собственности на своихъ корабляхъ? Имѣютъ ли нейтральныя право свободнаго перевоза нейтральной собственности на непрiятельскихъ корабляхъ?

Не трудно усмотрѣть что вопросы эти независимы другъ отъ друга: первый относится къ иммунитетамъ нейтральнаго флага, второй—къ свободѣ и неприкосновенности нейтральнаго имущества. Раздѣльность этихъ двухъ вопросовъ подмѣчена и развита учеными занимавшимися ими. * Если большинство трактатовъ и международныхъ актовъ соединяли оба вопроса, и ставили ихъ разрѣшенiе въ зависимость отъ одного и того же принципа, такъ что рѣшенiе въ известномъ смыслѣ одного изъ нихъ уже включало въ себѣ рѣшенiе и другаго, то причины этого явленiя слѣдуетъ искать въ фактическихъ, утилитарныхъ соображенiяхъ, и, главнымъ образомъ, въ неравности значенiя того и другаго вопроса. Первый, о свободѣ непрiятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ, несравненно важнѣе втораго. Къ перевозу своего имущества на корабляхъ воюющихъ рѣдко прибѣгаютъ нейтральныя; наоборотъ, воюющiе, чтобъ обезопасить свои имущества отъ захвата, нагружаютъ ими нейтральныя суда. Спорнымъ пунктомъ потому былъ всегда первый вопросъ, вопросъ о свободѣ непрiятельскаго имущества. Второй же, „для удобства“, или въ видѣ уступки той или другой стороны, разрѣшался по тому же принципу какъ и первый, то-есть

* Wheaton, II *Elem.* 104. Hautefeuille, II, 445 и слѣд. Gessner, *Recht.* 84 и слѣд. „Man hat daher dem Rechtsatz: frei Schiff frei Gut, seine Umkehrung: unfrei Schiff unfrei Gut gegenübergestellt,—ein Verfahren, welches lebhaft an die Trugschlüsse, welche in den für Gymnasien bearbeiteten Compendien der formalen Logik aufgezählt zu werden pflegen,—erinnert.“

ни по національности флага, ни по національности груза. Такъ было на практикѣ, но наука отдѣляетъ одинъ вопросъ отъ другаго.

А. О правахъ нейтральнаго флага.

Имѣютъ ли нейтральные право свободнаго перевоза неприязельской собственности на своихъ нейтральныхъ корабляхъ.

„Вопросъ этотъ“, говоритъ Гесснеръ, „вызвалъ на свѣтъ необозримую массу споровъ, груды дипломатическихъ актовъ, и можно указать на постоянно возобновляемыя, особенно въ новѣйшее время, попытки науки найти руководящую нить въ страшной запутанности вопроса. Удивительно что лишь столь поздно удалась эти попытки, ибо недавно только наука, далеко отставшая отъ практики, вступила на твердую почву. И однако, ни одинъ вопросъ изъ области права нейтральной морской торговли не даетъ возможности стать на болѣе строго юридическую точку зрѣнія, какъ разбираемый. *

Вопросъ, дѣйствительно, ставится просто. Если припомнить что обязанности нейтральнаго государства: невмѣшательство въ военныя дѣйствія и полное безпристрастіе къ воюющимъ сторонамъ составляютъ сущность нейтралитета и что, съ другой стороны, всѣ дѣйствія нейтральныхъ совѣщающія эти два требованія — суть несомнѣнное ихъ право, то принципъ свободы неприязельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ будетъ ясенъ. Если свобода торговли нейтральныхъ несомнѣнна, то спрашивается: на какомъ же основаніи дѣлать исключеніе для одной изъ отраслей этой торговли — торговли перевозной? Если и она соответствуетъ обязанностямъ нейтралитета, то очевидно, и она должна быть свободна и подвергаться только тѣмъ ограниченіямъ которыя налагаются на мѣнновую, то-есть не перевозить предметовъ контрабанды и не нарушать блокады.

Перевозная торговля не обуславливаетъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія со стороны нейтральнаго, если не слобствуетъ доставленію воюющимъ войскъ, военныхъ матеріаловъ и пр. Съ другой стороны, и безпристрастіе къ воюющимъ

* Gessner, *Recht*, 73.

легко можетъ быть соблюдаемо: оно нарушается, по вѣроу замѣчанію Готфѣля, лишь обстоятельствами совершенно чуждыми основнаго характера перевозной торговли. „Такъ, на примѣръ, систематическимъ отказомъ одному изъ воюющихъ перевозить собственность его подданныхъ.... Если нейтральное государство воспретитъ своимъ подданнымъ перевозить собственность подданныхъ одного изъ воюющихъ, дозволивъ въ то же время перевозъ собственности подданныхъ другою, оно нарушаетъ свои обязанности, но не потому что занимается перевозною торговлею, а потому что выкажетъ явное пристрастіе.“ *

Справедливо что принятіемъ принципа свободы перевоз наносится весьма чувствительный ударъ воюющему относительно его добычи. Но предъ этимъ останавливаться нельзя. Или должно держаться строгихъ началъ права и признавать ихъ, или же пожертвовать ими въ пользу воюющаго, дать этому послѣднему право на всевозможныя дѣйствія; другими словами, допустить неограниченное господство права необходимости. Именно такъ поступали писатели защищавшіе принципъ что нейтральный флагъ неспособенъ охранять непріятельскіе грузы отъ захвата. Конечный, основный ихъ аргументъ—право необходимости. Но если въ силу права необходимости объявлять недозволенной перевозную торговлю, почему же допускать свободу торговли вообще. Логически было бы отвергнуть и ее, однакоже ни одинъ изъ писателей защищавшихъ право необходимости не рѣшился открыто принять этотъ выводъ, который есть въ сущности крайнее, но логическое послѣдствіе ихъ ученія.

Главные доводы приводимые противниками свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ слѣдующіе:

1) Римское право освящаетъ конфискацію непріятельскаго имущества, находящагося на римскомъ кораблѣ, и конфискацію самаго корабля. ** На это можно отвѣтить что римское право, будучи гражданскимъ, внутреннимъ законодательствомъ, не можетъ быть считаемо обязательнымъ въ международныхъ сношеніяхъ. Затѣмъ, не трудно заметить что и въ приведенномъ примѣрѣ рѣчь идетъ не все не о нейтральномъ, независимомъ отъ воюющихъ кораблѣ

* Hautefeuille, II, 297—298.

** Lampredi, § 10, за нимъ и Azuni.

а о корабль римскомъ, то-есть подданномъ и перевозящемъ собственность не дружественнаго, а непріятельскаго для Рима государства.

2) Воюющіе имѣютъ право захвата непріятельской собственности какъ военной добычи. Объявить же эту собственность свободною подъ нейтральнымъ флагомъ значитъ отягчать у воюющаго одно изъ главныхъ средствъ къ нанесенію вреда непріятелю.

Къ сожалѣнію, право захвата частной собственности, какъ военной добычи, на морѣ, еще господствуетъ въ международной практикѣ. Морское военное право еще не приняло въ этомъ отношеніи принциповъ континентальнаго. Но не справедливо что воюющіе имѣютъ право захвата этой собственности гдѣ бы она ни находилась. Если она на нейтральной территоріи, она свободна, какъ мы видѣли выше. Это ограниченіе замѣчено Дженкинсомъ, и имъ праводится рядъ разсужденій въ доказательство того что нейтральный корабль не есть нейтральная территорія и слѣдовательно имущество непріятеля на немъ находящееся не освобождается отъ захвата. По его мнѣнію, всѣ корабли вышедшіе въ открытое море находятся другъ къ другу въ тѣхъ же отношеніяхъ въ какихъ находились люди до возникновенія государства (*status naturalis*). А посему нейтральный корабль не имѣетъ никакихъ правъ, никакихъ преимуществъ прель другими.* Реневаля, возражая Дженкинсону, весьма справедливо замѣчаетъ что если нейтральный корабль теряетъ свою національность и свои права вышедши въ открытое море, то совершенно та же участь постигаетъ и корабли воюющаго государства, которые такимъ образомъ перестаютъ быть воюющими и слѣдовательно не имѣютъ уже права захвата.** Мнѣнія Дженкинсона, что корабль не можетъ разсматриваться какъ нейтральная территорія, держится и Уитонъ.***

Возражая Дженкинсону и прочимъ ученымъ, отрицавшимъ территоріальныя свойства корабля въ открытомъ морѣ, Готфельдъ, впалъ въ противоположную крайность. Долустивъ что нейтральный корабль есть пловучая часть нейтральной территоріи, отъ отсюда заключилъ что и непріятельскія имущества

* Ibid, 122, прим.

** Wheaton. *Elements*, 99—101.

*** Rayneval. II, 116 и слѣд.

находящіяся на нейтральномъ кораблѣ въ томъ же точно положеніи какъ нейтральныя имущества находящіяся на нейтральной континентальной территоріи. Этимъ доводомъ, по моему мнѣнію, устраивается всякое возраженіе. * Но корабль не *территориаленъ*, а лишь *экстерриториаленъ*; иммунитеты которыми онъ пользуется основаны на юридической фикціи. Поэтому-то экстерриториальность корабля можетъ быть допущена лишь пока нейтральный не нарушаетъ своихъ обязанностей и правъ остальныхъ государствъ. Точно также и въ занимающемъ насъ вопросѣ, иммунитеты нейтральной территоріи распространяются на нейтральный корабль, только если перевозъ непріятельской собственности самъ по себѣ не есть нарушеніе правъ воюющихъ державъ. Выше я уже старался доказать что нейтральныя имѣютъ несомнѣнное право на перевозную торговлю и поэтому экстерриториальность не прекращается и здѣсь.

Итакъ, нейтральный флагъ охраняетъ непріятельскую собственность, но не по территориальному свойству корабля, а по совершенно законному характеру перевозной торговли. Дѣйствія же не дозволеннаго международнымъ правомъ, составляющаго право нарушенія, нейтральный флагъ покрывать не можетъ. *Ultra casum fictum, fictio non extenditur.*

Главный, любимый и въ сущности наиболѣе сильный изъ всѣхъ аргументовъ англійскихъ писателей противъ свободнаго перевоза есть историческій фактъ. Они утверждаютъ что принципъ ими защищаемый основывается на международномъ обычаѣ, вѣками освященномъ.

Предполагая даже что международная практика принимаетъ принципъ конфискаціи, невозможно отсюда заключать къ юридической силѣ принципа, къ его правомѣрности; фактъ не право. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергать значеніе историческаго факта точно также невозможно, это противно правильному приему, особенно въ вопросахъ международного права, которое, по мягкому замѣчанію Баунччи, будучи само продуктомъ исторіи, не можетъ отвергать ея выводовъ.

Посмотримъ же насколько международная практика приняла принципъ защищаемый англійскими писателями.

Вопросъ о правахъ нейтральнаго флага одинъ изъ самыхъ

* См. выше (*Права территориал:* 59) и Hautefeuille, II, 379 и *ibid.* I, 299 и слѣд.

являхъ. Онъ возникъ весьма рано и уже въ XIII вѣкѣ его можно встрѣтить въ исторіи. Не надо забывать что тогда не мало обращали вниманія на права государствъ не участвовавшихъ въ войнѣ. Ими легко жертвовали въ пользу ющихъ и, какъ я уже имѣлъ случай указать выше, первоначальная практика состояла въ полномъ прекращеніи торговыхъ сношеній съ воюющими.

„Уничтожить торговлю противника было главною, можетъ быть единственною цѣлью сторонъ“, говоритъ Готфѣль. „Въ обѣ борбѣ слабѣйшій старался спасти хоть часть своей промышленности, употребляя для перевоза корабли нейтральные, такъ какъ его собственный флагъ былъ уже бездѣленъ. Противникъ его, съ другой стороны, прилагалъ все свое стараніе чтобы поразить непріятеля въ послѣднихъ его средствахъ. Средство для достиженія этой цѣли было конфисковать и на чужихъ, дружескихъ корабляхъ непріятельскіе товары. Средство это и было принято.“ *

Оно было принято, при полномъ отсутствіи трактатовъ, рѣшенъ, и принципъ о несвободѣ непріятельскаго груза вошелъ въ обычное право Среднихъ Вѣковъ. Подробное изложеніе юридическихъ обычаевъ касательно занимающаго насъ вопроса находится въ такъ-называемомъ *Морскомъ консулатѣ* „*Consolato del mare*“. Труды Пардессю ** доказали что морской консулатъ былъ составленъ въ концѣ XIV столѣтія, въ Сѣверной Исландіи, на романскомъ языкѣ. На него должно смотрѣть, не какъ на внутренніе законы одного или нѣсколькихъ государствъ, но какъ на компиляцію обычаевъ, господствовавшихъ въ сношеніяхъ прибрежныхъ городовъ Средиземнаго моря. *** Глава 276 морскаго консулата относится къ вопросу объ участіи непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ. Ея держаніе въ общихъ чертахъ слѣдующее: непріятельскій грузъ, найденный на дружественномъ кораблѣ, конфискуется, корабль свободенъ. Перевозчикъ получаетъ транспортную квитанцію, какъ бы доставивши въ мѣсто назначенія. Адмиралъ (главнокомандующій корабля воюющихъ) можетъ требовать доставки конфискованнаго груза въ указанное имъ мѣсто на нейтраль-

* См. Hautefeuille, *H. st.* 119—120.

** Pardessus *Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle*, 1826—1845.

*** См. Wheaton, *Histoire* I, 69 и слѣд.

номъ же корабль, но лишь за вознагражденіе перевозчику, а въ случаѣ если сей послѣдній не будетъ соглашаться, корабль дозволено потопить.*

Итакъ, морскимъ консулатомъ принять принципъ что нейтральный флагъ непріятельскаго груза не покрываетъ. Таково было обычное право не только южной Европы, но и всего тогдашняго торговаго міра, ибо постановленія морскаго консулата встрѣчаются и на сѣверѣ; они составляютъ обычное право и Ганзейскаго Союза.**

Практика XIV, XV, XVI столѣтій вполнѣ приваля правила морскаго консулата что нейтральный флагъ не покрываетъ непріятельскаго груза. Какъ немногіе трактаты этихъ вѣковъ, такъ и внутреннее законодательство государствъ освятили его. Самый древній договоръ коснувшійся этого вопроса договоръ между городами Арль и Пизой, 1221 года;*** договоръ 1351 года между Англіей и Бискайтскими и Кастильскими приморскими городами, и Англіи съ Португаліей 1383 года содержать то же постановленіе.

Немногіе трактаты заключенные въ теченіи XV и XVI столѣтій всѣ безъ исключенія подтвердили правило морскаго консулата.**** Такимъ образомъ правило это было вполнѣ господствующимъ въ Средніе Вѣка. Самая немногочисленность трактатовъ и ихъ единогласіе служитъ доказательствомъ общерапространенности сихъ правилъ.

Французскіе эдикты 1543 и 1584 годовъ не только приваля правило морскаго консулата, но постановили что и самый нейтральный корабль подлежитъ конфискаціи, † чего, какъ мы видѣли, въ морскомъ консулатѣ не было. Англія также слѣдовала неизмѣнно правилу морскаго консулата, иногда конфискуя, иногда освобождая нейтральный корабль. Колебаніе относительно этого послѣдняго вопроса должно

* Ibid. 78 и слѣд.

** Wheaton, *Histoire*, I, 88. Лемковъ, 14.

*** Готфриль (*Hist.* 122) ошибается, считая первымъ трактатомъ держащимъ это правило Англо-Бургонскій трактатъ 1406 года. См. Сласовичъ 31, Лемковъ 16 и слѣд. 31 и слѣд. Wheaton, *Hist.*, I, 86.

**** Англійско-Бургундія 1406, 1417 и 1467 годахъ. Англійско-Фламандскіе города 1446, 1478, 1495, 1758 годахъ, Англійско-Гемуа 1460 года, Англійско-Бретань 1486 года, Hautefeuille *Hist.*, 122, *Droits*, II, 306, Сласовичъ 32—33.

† Hautefeuille, *Droit.*, II, 329—330. Wheaton, *Hist.* 153 и слѣд.

прислать противодѣйствию голландскихъ и ганзейскихъ городовъ, съ которыми она не разъ приходила въ столкнове-
ніе по этому поводу, какъ въ 1575 и 1598 году. *

Внутреннее законодательство главныхъ морскихъ госу-
дарствъ за XVII и первую половину XVIII вѣка осталось
вѣрнымъ принципу морскаго консулата. Французскіе эдик-
ты 1639, 1645 и 1650 годовъ ** повторяютъ постановленія
эдиктовъ XVI столѣтія. Однако же нейтральный корабль
объявляетъ не подлежащимъ конфискаціи, слѣдовательно они
вуть точное воспроизведеніе постановленій морскаго консу-
лата. Наконецъ, выходитъ „Ordonnance pour la marine de
guerre“, 1681 года; нейтральный флагъ объявляетъ не покрыва-
ющимъ непріятельскаго груза, и нейтральный корабль сно-
ва подлежащимъ конфискаціи. *** Тѣ же принципы подтверж-
дены Франціей въ „Arrêt du Conseil“ отъ 26го октября 1692
года **** и повторены вновь регламентами 1704 и 1744 годовъ
(сей послѣдній объявляетъ нейтральный корабль свободнымъ).
Регламентъ 1744 года былъ послѣдній узаконившій правила
морскаго консулата. Послѣдовавшій за нимъ регламентъ 1778
года основанъ на совершенно другихъ началахъ, какъ бу-
детъ ниже указано.

Англія, какъ извѣстно, не имѣла никогда постояннаго вну-
тренняго законодательства касающагося вопросовъ насъ за-
нимающихъ. Предъ открытіемъ войны она пукликовала такъ-
называемые orders of Council, rules of the war. Не только
ими всегда освящался принципъ не свободы непріятельска-
го груза, но, какъ уже не разъ было сказано, Англія шла
гораздо дальше, поражая по возможности полнымъ воспре-
щеніемъ торговлю нейтральныхъ, прикрывая свои дѣйствія
правомъ необходимости (right of necessity).

* Reddie, I, 92 Цитир. у Ortolan, II, 109.

** Hautefeuille, II, 331 и прим. 1е.

*** Объ ордонансѣ 1681 года см. Ortolan, II, 103 и сѣд. Hautefeuille, *Histoire* 181 и сѣд., Спасовичъ 50 и сѣд., Wheaton *Histoire*, I, 149, 158 и сѣд.

**** Ortolan, II, 105, прим. 1е. Въ силу установившагося обычая, морские суды давали свободу кораблямъ конфисковать грузъ; *Arrêt du Conseil* 1692 года имѣлъ цѣлью уничтожить это и по-
казываетъ во всей точности исполнять постановленія ордонансовъ
1681 года.

Первые международные акты провозгласившіе принципъ свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ были такъ-называемыя capitulations между Портой и Франціей.* Первый актъ этого рода относится къ 1604 году; онъ послужилъ образцомъ остальныхъ подписанныхъ въ теченіе XVII вѣка между христіанскими и мусульманскими государствами.**

Первый же международный торжественный трактатъ заключенъ въ 1646 году Франціей и Голландскими Генералами Штатами. Съ этого времени и до конца XVIII столѣтія принципъ свободы непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ провозглашенъ не толькоими всѣми главными трактатами составлявшими основу европейскаго международного права,*** но и значительнымъ большинствомъ трактатовъ заключенныхъ между отдѣльными государствами.

Ограничимся главными: Испанія — Голландія 1650, Франція — Данія 1663, Франція — Швеція 1672, Швеція — Голландія 1667 и 1675, Австрія — Испанія 1725, Франція — Голландія 1739, Франція — Данія 1742. ****

Безполезно было бы пересчитывать здѣсь всѣ трактаты освятившіе права нейтральнаго флага; Гесснеръ насчиталъ съ половины XVII вѣка (то-есть, какъ мы видѣли, съ того момента когда трактаты начинаютъ принимать правило противоположное морскому консулату) и до 1780 года 36 трактатовъ принявшихъ принципъ свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ, между тѣмъ какъ лишь 15 выразили противное. † Съ другой стороны, Филлиморъ насчитываетъ за тотъ же періодъ времени 35 актовъ принявшихъ либеральное правило и 76 провозгласившихъ противное или же *вовсе не упомянувшихъ о правилѣ*: „free ships, free goods“. ‡

* Эти акты не могутъ быть названы трактатами. они не равны, хотя и подписаны со стороны Порты безъ принужденія. Они даютъ французскимъ кораблямъ извѣстныя льготы, между тѣмъ какъ Порты не получаютъ ничего въ замѣнъ. См. у Wheaton, *Hist.* I, 162, примѣчаніе 1е.

** Голландія — Порты, 1612; Франція — Марокко, 1631; Франція — Порты, 1673; Англія — Аджиръ, 1682.

*** Пиренейскій трактатъ 1659, Утрехтскій 1713, Ахенскій 1748 Парижскій миръ 1763.

**** Подробный перечень всѣхъ трактатовъ см. Ortalan, II, 128 и 122 Сласовичъ, 41—44.

† Gessner, *Droit*, 229.

‡ Philimore, III, 268.

въ этихъ словахъ явная недобросовѣстность; если трактаты не уломивали о правилѣ „free ships, free goods“, то гдѣ-нибудь нельзя заключить что они освятили противоположное. Дѣйствительно, не трудно найти множество трактатовъ умаляющихъ о занимающемъ насъ вопросѣ, или не выразившихся темло и неясно, оставляя такимъ образомъ каждой сторонѣ возможность интерпретаціи выгодной для себя. Но, повторяю, умолчанія или общія и темныя выраженія о свободѣ нейтральной перевозной торговли не могутъ читаться *отрицаніемъ* правъ нейтральнаго флага.

Изъ 15ти трактатовъ принявшихъ правило что нейтральный флагъ не покрываетъ непріятельскаго груза, 9 относятся къ XVII, и 6, по указанію Готтефѣля, къ XVIII и XIX вѣкамъ.* Нѣсколько изъ нихъ заключены Англіей, но гораздо большее число трактатовъ освятившихъ новое правило было подписано ею же.

Англія заключала подобные договоры: съ Португаліей 1654, съ Испаніей 1665, съ Голландіей 1667, съ Франціей 1667 и Испаніей 1667, съ Голландіей 1668, 1674, съ Франціей 1677. Наконецъ она является стороною и въ Утрехтскомъ, Ахенскомъ и Парижскомъ трактатахъ.*

Всѣ эти торжественные акты приняты повидимому Англіей только для того чтобы въ удобную минуту ихъ нарушить. Однако уже въ 1689 году твердость датскаго и шведскаго правительства принудила ее измѣнить свой образъ дѣйствій; второй же половинѣ XV-III вѣка ея политика встрѣтила не болѣе сильное сопротивленіе и потерпѣла поражение сначала отъ Пруссіи, затѣмъ отъ всей соединенной Европы. Въ 1780 году Россія явилась главнымъ поборникомъ правъ нейтральныхъ, и подъ ея руководствомъ составилась знаменитый союзъ державъ извѣстный подъ именемъ перваго вооруженнаго нейтралитета; 1780 годъ можно считать эпохой въ исторіи международного права нейтральныхъ вообще, относительно правъ нейтральнаго флага въ особенности. Съ этого

* Къ XVII в. Англія — Швеція, 1661, 1666, 1670; Англія — Давія, 170, см. Wheaton, *Hist.* I, 168. Къ XVIII, Франція — Гамзейскіе города, 16, 1769; Мекленбургъ, 1779, Англія — Соединенные Штаты 84—96, и наконецъ XIX в. Convention maritime 1801. и Англія — Португалія 1842. Hautefeville, *Hist.* 312 и слѣд.

времени всѣ государства международнаго союза, окончателъ принявъ начала вооруженнаго нейтралитета какъ во внутре немъ своемъ законодательствѣ, такъ и въ торжественныхъ международныхъ актахъ, лишь временно отступали отъ него чтобы возвращаться къ принципамъ морскаго консулата. Эти временныя отступленія являются какъ репрессалии противъ Англіи, продолжавшей держаться старыхъ преданій. Краткія историческія очерки главныхъ событій 1780—1854 года, есть до Восточной войны, ясно доказываетъ это.

Съ 1780 года до начала революціонныхъ войнъ ни одинъ договоръ не отступалъ отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Даже Англія, принужденная въ 1780 году признать права нейтральнаго флага, дважды высказалась въ пользу ихъ торжественнымъ образомъ въ Версальскихъ трактатахъ 1783 и 1786 годовъ. * Новый самостоятельный членъ международнаго союза, Северо-Американскіе Соединенные Штаты, высказались также какъ сторонникъ либеральнаго принципа. Уже деклараціей конгресса отъ 1781 года они примкнули къ союзу вооруженнаго нейтралитета; трактаты ихъ съ Голландіей 1782 года, съ Швеціей 1783 года и съ Пруссіей 1785 года не отступили отъ правилъ вооруженнаго нейтралитета. **

Войны французской революціи воскресили снова права морскаго консулата въ еще болѣе строгомъ и невыгодномъ для нейтральныхъ вѣдъ. Англійскій order of Council отъ 8 июня 1793 года и дополнительныя къ нему инструкціи 6 ноября 1793 года и 8го января 1794 года установили не только конфискацію непріятельскаго груза, но, какъ я уже замѣтилъ выше, фиктивную блокаду всѣхъ портовъ Франціи. Съ другой стороны, Національный Конвентъ уже ранѣе, 17го мая 1793 года, объявилъ что въ виду действій англійскаго правительства, нарушающаго права нейтральнаго флага, и французскимъ судамъ дозволяется конфисковать англійскую собственность подъ флагомъ тѣхъ государствъ которыя позволяютъ англійскимъ силамъ нарушать ихъ права. Постановленія Исполнительной Директор

* О трактатахъ 1786 года см. Ortolan, II, 142.

** Wheaton, *Histoire* e. t. c. I, 369.

*** См. выше и Wheaton, *Histoire*, II, 33 и слѣд.

ю мая 1797 года распространили эту мѣру на Северо-американскіе Штаты, въ виду ихъ трактата съ Англіей 1794 года которымъ они нарушили трактатъ съ Франціей 1778 года. * Итакъ Франція въ этотъ періодъ времени отступила отъ регламента 1778 года и отъ всѣхъ трактатовъ заключенныхъ ею послѣ его обнародованія. Но она отступила не отъ принципа, объявляя что она лишь временно, въ видѣ репрессалій, конфискуетъ непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ и готова возвратиться къ регламенту 1778 года тотчасъ, если противная сторона не сдѣлаетъ. ** Консульство издало рядъ декретовъ въ этомъ смыслѣ; наконецъ въ 1799 году востановленъ регламентъ 1778 года. ***

Таково было положеніе принятое Франціей, Англіей и Северо-Американскими Штатами во время войнъ революціи. Итальянскія державы въ этотъ періодъ частью держались горны Англіи, частью строгаго нейтралитета, защищая по возможности свои права. Таково, въ особенности, было положеніе Даніи, наотрѣзъ отказавшейся подчиниться англійскимъ orders of Council 1793 и 94 годовъ. ****

Между тѣмъ Россія отказалась отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета и, по политическимъ соображеніямъ, рождаемымъ французскою революцію, дѣйствовала за одною Англіей. † Однако, съ восшествіемъ на престолъ императора Павла I, русское правительство приняло новую политику, болѣе согласную съ прежнимъ его образомъ дѣйствій. Въ 1800 году, деклараціей отъ 27го августа Пруссія, Швеція и Данія приглашены къ возобновленію союза, на основаніяхъ вооруженнаго нейтралитета 1780 года и въ томъ же году союзъ Балтійскихъ державъ состоялся на этихъ началахъ. †* Въ томъ же году Франція заключила трактатъ съ Северо-Американскими Соединенными Штатами (30го сен-

* Ortolan, II, 148 и слѣд.

** Ст. 5 закона 1795 года. См. Hautefenille, II, 349, прим. 1.

*** Декретъ консуловъ отъ 20го декабря 1799. см. Ortolan, II, 151.

**** См. ноту графа Бернсдорфа отъ 28го июля 1798 года у Ortolan, II, 146—147.

† Конвенція Россіи съ Великобританіей 25го марта 1798 года.

†* Wheaton, *Histoire*, II, 83 и слѣд. Спасовичъ, 81.

тября), возобновлявшій договоръ 1778 года, савдательна освящавшій права нейтральнаго флага. *

Такимъ образомъ, Англія снова была поставлена въ опіе все для нея положеніе. Понимая вполнѣ всю невыгоду д себя положенія дѣлѣ, и предвидя возобновленіе союза 1778 года въ полномъ его составѣ, она рѣшилась воспротивит сему силой. 2го апрѣля 1801 года англійскій флотъ, бс предварительнаго объявленія войны, бомбардировалъ Копе гагенъ и уничтожилъ датскій флотъ. Въ то же самое врем скончался императоръ Павелъ I, и Александръ I, рукоо дясь иными видами, заключилъ 17го іюня 1801 года замк нитую „Convention maritime“ съ Англіей. Въ ней признан подлежащимъ конфискаціи непріятельскій грузъ подъ неи тральнымъ флагомъ. Къ конвенціи примкнули, принуажены къ тому Англіей, Данія и Швеція. **

Я уже имѣлъ случай замѣтить что конвенція 1801 год не можетъ обосновывать какихъ-либо международныхъ првилъ, такъ какъ она принадлежитъ къ договорамъ не равнымъ, заключаемымъ по принужденію. Притомъ она некоое время оставалась въ силѣ. Вслѣдъ за вторичнымъ бомбардированіемъ Копенгагена, въ 1807 году, англійскимъ флотомъ, Россія въ объявленіи войны Англіи отказывается и всегда отъ конвенціи 17го іюня 1801; подтверждаетъ, и противъ, начала вооруженнаго нейтралитета, „плодъ мудрости ея императорскаго величества императрицы Екатерны II, и пріемлетъ на себя обязанность не отступать отъ обшности“. *** Мирнымъ договоромъ 5го іюля 1812 года и Англія отказалась отъ конвенціи 1801 года, отложивши согшеніе относительно вопросовъ морскаго нейтралитета на неопредѣленное время. **** Въ 1842 году Англія заключила трактатъ съ Португаліей, въ силу котораго непріятельскій грузъ объявляетъ подлежащимъ конфискаціи.

„Трудно было бы объяснить согласіе на это со стороны Португаліи“, говоритъ Готфѣль, „если не принять во вниманіе положеніе сей державы относительно Англіи и желаніе ея освободиться отъ обременительнаго для нея тракта 1778

* Ortolan, II, 151.

** Wheaton, *Histoire*, II, 86 и слѣд.

*** Декларация Россіи 22го октября 1807, см. Спасовичъ, 86.

**** См. Hautefeuille, *Histoire etc*, 314 и слѣд.

да". * Такимъ образомъ трактатъ 1842 года, которымъ португалія отступила отъ принципа свободы непріятельскаго груза, можно также отнести къ разряду договоровъ невыныхъ, заключенныхъ по принужденію.

Конвенція 1801 года и трактатъ 1842 года единственные международные акты XIX столѣтія не приклавшіе принципа свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ, съ другой стороны, принципъ сей, будучи принятъ всѣми государствами во внутреннее законодательство, освященъ громадною массою международныхъ договоровъ и такимъ образомъ несомнѣнно долженъ быть признанъ дѣйствующимъ правиломъ въ новѣйшей международной практикѣ. **

Наконецъ во время Восточной войны и Англія „временно“ отказалась отъ своего „права“ конфисковать непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ. *** Декларациею же 16го апрѣля 1856 года провозглашенъ принципъ свободы непріятельскаго груза окончательно, такъ что нынѣ Англія приняла общій принципъ. Къ сожалѣнію оныя показали что Великобританія рѣдко держится своихъ самыхъ торжественныхъ обѣщаній.

Такимъ образомъ историческое развитіе занимающаго насъ вопроса ясно показываетъ что международное право вполнѣ принимаетъ принципъ свободы непріятельскаго груза. Только пристрастный взглядъ англійскихъ публицистовъ не можетъ или не хочетъ этого замѣтить.

Ясно однако что и на перевозную торговлю нейтральныхъ распространяются и общія ограниченія торговли, налагаемыя понятіями о военной контрабандѣ и блокадѣ. Кроме того здѣсь возникаетъ еще вопросъ о такъ-называемой контрабандѣ *по аналогіи*. Можетъ ли нейтральный флагъ

* *Idid.*, 315.

** По исчисленію барона Кюсси, 122 трактата приняли принципъ свободы непріятельскаго груза съ 1746—1846; между тѣмъ какъ мѣсяца (изъ которыхъ ашь два, какъ мы видали, XIX столѣтія) отпущенъ его. См. Hautefeuille, *Histoire*, 316, прим. 1е.

*** Въ англійской деклараціи отъ 28го марта 1854 года читаемъ: „Her Majesty is willing, for the present, to waive a part of the *aligerent rights*, appartaining to Her... etc“, и даае: „to waive the right of seizing enemy's property, laden on-board a neutral vessel... etc“. См. Ortolan, II. *Appendice spécial*, N V.

покрыть извѣстные предметы относящіяся собственно не къ военной контрабандѣ, но могущіе быть ей приравнены, именно делешы и подданныхъ воюющаго государства находящихся на государственной службѣ.

Что касается до делешъ воюющаго государства, нѣтъ сомнѣнія что нейтральное судно не можетъ доставлять имъ не нарушая нейтралитета. Доставка одного извѣстія, одного плава кампаніи и т. п. можетъ быть, по справедливому замѣчанію В. Скотта, несравненно важнѣе чѣмъ перевозъ несколькихъ грузовъ оружія. * Нейтральное судно, доставляющее делешы, тѣмъ самымъ вмѣшивается въ войну, становится перевозчикомъ, курьеромъ воюющаго.

Вопросъ о перевозѣ лицъ находящихся на службѣ воюющаго государства съ особенною силой возникъ въ междуусобную американскую войну 1861—64, по дѣлу объ ирландскомъ почтовомъ пароходѣ *the Trent*; сѣверо-американскій военный корабль остановилъ его, и при этомъ были арестованы четыре Американца-федералиста, подъ предлогомъ что они могутъ быть разсматриваемы какъ „олицетвореніе (embodiment) делешы“. ** Такой образъ дѣйствій однако былъ единодушно осужденъ всѣми европейскими кабинетами, и сѣверо-американское правительство нашло себя вынужденнымъ освободить плѣнныхъ.

Дѣйствительно, перевозъ подданныхъ воюющей державы не уполномоченныхъ на веденіе войны (то-есть не военнопленныхъ), не можетъ быть разсматриваемъ какъ нарушеніе нейтралитета. Только перевозъ войска не совмѣстелъ съ обязанностями нейтралитета. Число же перевозимыхъ военныхъ лицъ врядъ ли можетъ вліять на рѣшеніе вопроса. Нельзя не согласиться съ Уитомъ что „перевозъ одного опытнаго полководца въ цѣлыхъ случаяхъ можетъ быть гораздо важнѣе перевоза цѣлаго полка“.

* Robinson's Admir. Reports, VI, см. у Wheaton, Elem. II, 162.

** См. рапортъ команданта фрегата *The San Jacinto*, отъ 16го августа 1861 Ortolan, II, 512. Вся подробная переписка по этому делу тамъ же, 511—546.

*** Wheaton, Elem. II, 161.

В. Права нейтральнаго груза.

Вопросъ о правахъ нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ проще и яснѣе предыдущаго. Какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ онъ не представляетъ тѣхъ запутанностей, неясностей и многочисленныхъ толкованій, съ коими постоянно можно встрѣтиться въ вопросѣ о правахъ нейтральнаго флага.

„Сомнѣваться въ истинѣ принципа свободы нейтральнаго имущества невозможно“, говоритъ Гесснеръ, „она есть не что иное какъ логическое слѣдствіе восьмой заповѣди: „не укради“. На какомъ основаніи, по какому праву воюющее государство могло бы подвергать захвату нейтральное имущество на непріятельскомъ кораблѣ, между тѣмъ какъ на территоріи континентальной, гдѣ бы оно ни находилось, оно неприкосновенно?

Въолавъ признавая въ принципѣ свободу нейтральнаго груза, аѣкоторые писатели, однако, думали что на практикѣ она приложима лишь съ весьма крупными неудобствами.

Таково мнѣніе Ортолана. Ортоланъ полагаетъ что принятіе ея на практикѣ породитъ страшныя затрудненія; между тѣмъ какъ принятіе одного лишь принципа національности корабля значительно упрощаетъ дѣло. Не трудно замѣтить однако что это соображеніе не касается сущности дѣла; оно совершенно постороннее и утилитарное; большія или меньшія практическія затрудненія не должны вліять на рѣшеніе вопроса права.

Если обратиться къ историческому развитію занимающаго насъ вопроса, то находимъ что практика XVII и XVIII вѣковъ постоянно освящала соединеніе (соппехіо) обоихъ правилъ и признавала слѣдовательно нейтральныи грузъ подлежащимъ конфискаціи. Только Англія, согласно съ постановленіями морскаго консулата, которыхъ она, какъ мы видѣли, постоянно держалась, клонила вообще къ признанію свободы нейтральнаго груза. Такой образъ дѣйствій со стороны державы направлявшей всѣ свои усилія къ уничтоженію торговли своихъ соперниковъ могъ бы показаться необъяснимымъ, если уступить изъ вида сочетаніе правилъ о нейтральномъ грузѣ и флагѣ, соче-

таніе, отъ котораго Великобританіи было бы невыгодно отказаться, такъ какъ въ случаѣ признанія правъ нейтральнаго флага, она лишь при его помощи могла найти слабое, правда, вознагражденіе въ конфискаціи нейтральнаго груза*. Притомъ и самый вопросъ о правахъ нейтральнаго груза, какъ уже замѣчено, далеко не такъ важенъ какъ вопросъ о свободѣ непріятельскаго имущества подъ нейтральнымъ флагомъ. И допуская свободу нейтральнаго груза, Англія всегда находила возможность, путемъ фиктивныхъ блокад, конфискаціи относительной контрабанды и т. п. вредить нейтральной торговлѣ.

Вотъ почему въ основныхъ положеніяхъ вооруженныхъ нейтралитетовъ, направленныхъ противъ принциповъ осериваемыхъ Англіей, не упоминается о свободѣ нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ. Объ этомъ не было надобности говорить, такъ какъ Великобританія не отказывалась признавать свободу нейтральнаго груза. Такимъ образомъ первый вооруженный нейтралитетъ *de facto* уже отдѣлялъ вопросъ о грузѣ отъ вопроса о флагѣ, но это отдѣленіе нашло себѣ ясное выраженіе и полное признаніе лишь въ деклараціи 16го апрѣля 1856 года.

Уже при самомъ началѣ войны союзники объявили что не будутъ подвергать конфискаціи нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ**. Декларация 16го апрѣля 1856 года провозгласила какъ принципы:

„Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, исключая военную контрабанду.

„Нейтральный грузъ свободенъ подъ непріятельскимъ флагомъ, исключая военную контрабанду“.***

Только три державы, какъ извѣстно, не примкнули къ деклараціи.

Важнѣе другихъ для насъ политика Северо-Американскихъ

* По совершенно произвольному токованію, англійское Адмиралтейство, признавая свободу нейтральнаго груза вообще, отвергаетъ ее для нейтральнаго груза на военныхъ корабляхъ. См. *Geneve, Droit*, 261.

** Англійская декларація 28го марта 1854 года, французская 29го марта 1854 года у *Ortolan*, II *Appendice Spécial*, N V и VI (р. 446 и слѣд.)

*** Ст. 2 и 3.

Соединенныхъ Штатовъ. Вся практика ихъ доказываетъ что свобода нейтральнаго груза принята ими; и, при отсутствіи трактатовъ, сѣверо-американскія призовые суды постоянно рѣшали въ пользу свободы нейтральнаго груза на томъ основаніи „что таково общее международное право“. * Если же въ некоторыхъ своихъ трактатахъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и согласились на конфискацію нейтральнаго груза, ** то это объясняется какъ уступка за признаніе правъ нейтральнаго флага, которыя Сѣверо-Американскіе Штаты постоянно охраняли особенно старательно. Въ теченіе же протекшихъ двадцати лѣтъ американское правительство не разъ имѣло случай выразить свой взглядъ на вопросъ о свободѣ нейтральнаго груза, и взглядъ этотъ былъ всегда ей благопріятенъ. 22го іюля 1854 года подписанъ трактатъ съ Россіей, признающій нейтральный грузъ подъ непріятельскимъ флагомъ свободнымъ. Точно также и во время междуеубой войны принципъ былъ строго соблюденъ. Однимъ словомъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты рассматриваютъ свободу нейтральнаго груза „какъ принципъ нынѣ вполнѣ признанный международнымъ правомъ.“ ***

V. Заключение.

Все вышеизложенное можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Всякое вмѣшательство въ войну и всякое пристрастное дѣйствіе по отношенію къ одной изъ воюющихъ сторонъ есть нарушеніе нейтралитета.

2) Обязанности нейтральныхъ державъ, вытекающія изъ самаго существа нейтралитета, абсолютны; воюющее же государство надъ нейтральнымъ правъ не приобретаетъ; обязанности нейтральныхъ чисто отрицательнаго свойства — онѣ состоятъ *in non faciendo* извѣстныхъ дѣйствій.

3) Какъ мѣшковая, такъ и перевозная торговля нейтраль-

* Напримеръ по дѣлу испанскаго корабля *Nereides*. См. Wheaton *Elements* 106....

** Таковы трактаты съ Колумбіей 1824, съ центр. Америкой 1825 съ Бразиліей 1828, съ Чили 1832 (Ortolan, II, 158).

*** „... a right, now generally recognized by the law of nations“, см. Gessner, *Droit*, 261.

ныхъ съ воюющими свободна; исключеніе составляютъ военная контрбанда и блокада, и, кромѣ того, военная контрбанда *по аналогіи* для перевоза непріятельскаго имущества специально.

4) Право морскаго убѣжища теоретически ни чѣмъ не разнится отъ права убѣжища въ войнѣ континентальной — международная практика клонится къ сравненію ихъ.

5) Корабль не есть, въ *дѣйствительности*, продолженіе государственной территоріи, но онъ пользуется фикціей экстерриториальности.

6) Понятіе о военной контрбандѣ имѣетъ начало въ самомъ принципѣ нейтралитета; оно не есть исключительно историческій фактъ, какъ думаютъ Кляуберъ и другіе.

7) Должны считаться военною контрбандою исключительно предметы находящіе непосредственное употребленіе въ войнѣ.

8) Право блокады основано для воюющаго на правѣ завоеванія; сношенія нейтральныхъ съ блокированнымъ кѣ-стомъ могутъ быть прерваны на основаніи территоріальной юрисдикціи воюющаго.

9) О блокадѣ должна быть дана дипломатическая и, во всякомъ случаѣ, специальная нотификація.

10) Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ (за исключеніемъ военной контрбанды *по аналогіи*, т.-е. официальныхъ депешъ и военно-служащихъ воюющихъ). Нейтральный грузъ свободенъ подъ непріятельскимъ флагомъ.

11) Свобода непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ вытекаетъ изъ общихъ принциповъ международнаго права (касательно торговли нейтральныхъ), а не изъ территоріальности нейтральнаго корабля, которая, будучи юридическою фикціей, сама по себѣ права обосновать не можетъ.

12) Общій ходъ историческаго развитія нейтралитета показываетъ стремленіе международнаго права принять юридическія начала выработанныя теоріей, и стремленіе это тѣмъ болѣе осуществимо что съ конца XVIII вѣка, благодаря вооруженному нейтралитету и вступленію Северо-Американскихъ Штатовъ въ международный союзъ, стало возможнымъ установленіе политическаго равновѣсія и на морѣ.

Ю. НОВОСИЛЬЦОВЪ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ *

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО - БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

VI.

(1805—1807).

Судейство Второва въ Самарѣ.—Образъ его жизни.—Исторія Е. Ф. Строгановой.—Исторія женитьбы Н. А. Второва на М. В. Мильковичъ.—Замѣчательнѣйшіе процессы рѣшенные судьей Второвымъ.—Камеяриость Дмитріевъ и графъ В. А. Толстой.

Въ 1805 году Второву исполнилось 32 года и въ жизни его произошли важныя перемѣны. Мы уже видѣли что дворянское сословіе весьма любовно приняло его, не дворянина, въ среду свою, приняло какъ человѣка замѣчательнаго по своему образованію; повтому нечего удивляться что дворянство удостоило его избраніемъ на должность судьи. Этотъ выборъ одлакоже тѣмъ замѣчателямъ что Второвъ не былъ помѣщикомъ и что его, молодзго человѣка, предпочли старику Чекалову, еще недавнему его гонителю. Къ злдохъ судейства всѣ душевныя тревоги Второва улеглись; судейство окончательно его успокоило, установило его духовное существованіе, до тѣхъ поръ тревожное и колебавшееся.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 44 и 55.

Судейство заставляетъ его усѣться на одномъ мѣстѣ и при-
няться за живое дѣло тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ что
въ область крючкотворства и взятокъ ему удастся внести
много здраваго и честнаго. На первыхъ порахъ онъ былъ
очень доволенъ своею дѣятельностью. Объ образѣ жизни
его въ Самарѣ можно судить по слѣдующему отрывку изъ
письма къ одному изъ симбирскихъ пріятелей, Колюбакину
(Серг. Ив.).

„Мало ли было у меня плановъ, замысловъ и предположе-
ній! Я все откладывалъ до завтра, а завтра—разсвѣтаніе, по-
слѣзавтра—другое препятствіе, потомъ новый планъ. Авось,
успѣю: я еще молодъ! Наконецъ оглянулся и вспомнилъ
что мнѣ уже стукнуло за 30 лѣтъ... Мудрено ли пролетѣть
и остатку назначеннаго времени жизни между подобными
мечтаніями безъ исполненія! Вы спрашиваете, получаю ли я и
читаю ли я *Вѣстникъ Европы*? Да на нынѣшній годъ я по-
лучаю газеты, два вѣстника, *Европы* и *Сѣверный, Москов-
скій Курьеръ* и *Новости Литературы*. Должно сказать тебѣ
о моихъ занятіяхъ: Утренніе и вечерніе часы посвящены у
меня исполненію должности по службѣ которою нынѣ обре-
мененъ я: рыться въ юридическихъ бумагахъ, разсматривать
и читать подъяческіе крючки, развязывать узлы (правда не
Гордіевы), порожденные ябѣдою, или опредѣлять судьбу по-
добныхъ мнѣ людей. Базалось бы это не по склонности мо-
ей, но я уже нѣсколько кричакъ къ тому поневолѣ. Со
вступленія моего въ должность, я успѣлъ рѣшить (въ три
мѣсяца) около 30 дѣлъ, а впереди еще ужасныя горы: у
насъ есть дѣла такіа жирныя что производясь болѣе 10 лѣтъ
растолстѣли въ поларшина. Не знаю, могу ли я выдер-
жать трехлѣтній срокъ здѣшняго заключенія, особливо если
встрѣтятся непріятности отъ начальства за несоблюденіе
какихъ-нибудь канцелярскихъ обрядовъ. Вы знаете каково
переносить невинному, который основываетъ дѣла свои на
чистой совѣсти!.. Отъ головомныхъ дѣлъ есть у меня и
свободныя минуты въ будни, а праздники всѣ мои. Я читаю
журналы, книги и между тѣмъ перевожу извѣстную вамъ

* Переходъ съ къ ти и обратно—обычная форма выраженія у
людей прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Она встрѣчается и въ
официальныхъ документахъ.

книгу сочиненія г. Коцебу, *L'Année la plus remarquable de ma vie*, но только для себя. Сверхъ того у меня есть питомецъ, бѣдный сирота, сынъ умершаго виннаго пристава Баульева (Григ. Из.), Иванъ. Я развиваю юныя чувства его, замѣчаю нравственность и приучаю къ наукамъ. * Вотъ мои занятія въ здѣшней пустынѣ! На три года я простаея съ картами и со всеми удовольствіями большого свѣта; желаю какъ утѣматься ими. Впрочемъ, я въ совершенномъ почти уединеніи; лучшіе собесѣдники мои книги. Наступающая весна обѣщаетъ мнѣ пріятныя прогулки въ прекрасныхъ окрестностяхъ города, расположеннаго между двухъ рѣкъ.“

Первое время своего судейства И. А. Второвъ, со свойственною ему горячностью, взялся за слѣдующее дѣло. Въ Самарѣ проживалъ нѣкто Стромилловъ (Филиппъ Ивановичъ) мелкопомѣстный помѣщикъ. Онъ былъ холостакъ и имѣлъ любовницу съ которою прижилъ дочь Елизавету. Желая предоставить законныя права дочери онъ женился на ея матери, но почему-то медлилъ въ исполненіи своего намѣренія; между тѣмъ жена его умерла, а искорбъ и самъ онъ скончался скорострѣжно. Елизавета осталась послѣ отца 9 лѣтъ, безъ всякихъ правъ и нравственной поддержки. Покойный Стромилловъ воспитывалъ ее какъ родную дочь, слѣдовательно дѣвочка была подготовлена не къ той жизни какая ожидала ее какъ незаконную. У Стромилова было 20 душъ крестьянъ въ Самарскомъ уѣздѣ, наличныя деньги и векселя. Все это имущество было благопріобрѣтенное, но покойный духовнаго завѣщанія не оставилъ, а потому законными наследниками явились послѣ его смерти родной его братъ и племянница, дочь другаго брата. Судьба малолѣтней дѣвочки-сироты возбудила тѣмъ большее сочувствіе во всемъ самарскомъ обществѣ что братъ умершаго былъ человѣкъ весьма незавидной репутаціи, а племянница имѣла свое состояніе, доставшееся ей отъ отца. Иванъ Алексѣевичъ горячо вступился за Елизавету и убѣдилъ духовника Стромилова и двухъ дворянъ подать объявленіе въ Дворянскую Опеку о смерти Стромилова и объ оставшейся послѣ него безъ призрѣнія малолѣтней его дочери. Опека назначила

---

* О судьбѣ этого питомца и о дальнѣйшемъ ходѣ его воспитанія наши источники умалчиваютъ.

опекуну, которому поручила сдѣлать на законномъ основаніи опись всему Стромилловскому имѣнію и взять его подъ свой присмотръ. Независимо отъ этого Второвъ садится и пишетъ отъ имени неизвестнаго письма къ тогдашнему министру юстиціи, князю П. В. Долухину, разказавъ ему подробно исторію Елизаветы и обращаясь къ человеколюбію князя и самого императора Александра. „У насъ вѣтъ еще, говоритъ между прочимъ Второвъ въ этомъ письмѣ, особливаго класса людей адвокатами называемыхъ. Одинъ неизвестный который не имѣетъ никакой связи ни съ покойными родителями несчастной ни съ живыми ея родственниками, и даже неизвестенъ будучи самой ей, по одному только соблазнованію рѣшился писать къ вашей свѣтлости и просить милостиваго заступленія у государя человеколюбиваго,—даровать ей право законной дочери и наследства.“ Между тѣмъ Алексѣй Стромилловъ, братъ умершаго, не допустилъ опекуна до описи и взялъ къ себѣ ключи отъ всѣхъ сундуковъ и ящичковъ. Опека отвелась къ полиціи и потребовала чтобъ она отобрала ключи отъ Стромилова брата, внушивъ послѣднему что опись имѣнія дѣлается въ интересъ того кому оно достанется по закону, но Алексѣй Стромилловъ этихъ внушеній не послушался и ключей не отдалъ. Тогда опека прибѣгнула къ силѣ, приказавъ снять замки и приступить къ описи, что и было сдѣлано. Наслѣдники начали дѣло. Алексѣй требовалъ себѣ слова все имѣніе покойнаго своего брата; племянница только лоловины. Началось разныя справки и безконечная переписка. Между тѣмъ получается на имя губернатора отвѣтъ князя Долухина на письмо неизвестнаго: министръ предлагаетъ употребить содѣйствіе къ склоненію родственниковъ Стромилова о неоставленіи дочери его безъ пролитанія и о соглашеніи ихъ уступить ей хотя часть отцовскаго имѣнія. Но родственники стояли на своемъ: Алексѣй ничего не хотѣлъ дать, а племянница предлагала (только одну семью людей. Дѣло затянулось; имѣніе состояло подъ опекой; Елизавету взяла къ себѣ въ домъ жена уже извѣстнаго намъ самарскаго дѣкаря Баумгартена. Алексѣя Стромилова, служившаго тогда въ нижнемъ земскомъ судѣ, взялъ подъ свое покровительство исправникъ Харитоновъ, извѣстный взяточникъ и негодяй, побывавшій потомъ не разъ въ острогахъ за разныя уголовныя преступленія и, между прочимъ, за присое-

не себѣ непрінадлежащихъ ему титуловъ. Обобразъ Алексѣя Стромилова, Харитоновъ подговаривалъ его къ продолженію процесса и къ перенесенію дѣла въ Петербургъ, въ формѣ жалобы министру на Дворянскую Опеку. Иванъ Алексѣевичъ также не дремалъ и написалъ отъ имени Елизаветы Стромиловой письмо къ князю Долухину. Прошло болѣе года. Дѣло это доходило до самого государя; но по недостаточности свидѣтельскихъ показаній что Елизавета дѣйствительно рождена женой Стромилова въ бракъ и что родители не просили о ея усыновленіи, оно было проиграно. Все имѣніе Фидилла Стромилова досталось его брату, который менѣе чѣмъ въ два года его размоталъ и пропилъ. Алексѣй Стромилловъ кончилъ жизнь свою шаяясь по кабакамъ въ грязномъ рубищѣ и проживая ради Христа у братника отпущенника. По окончаніи этого дѣла, симбирскій губернаторъ князь Хованскій, ревизуя въ Самарѣ присутственныя мѣста и вѣроятно предупрежденный Второвымъ, пожелалъ видѣть Елизавету. Она предстала предъ нимъ обливаясь слезами и упала ему въ ноги. Ласково поднявъ дѣвочку, добродушный губернаторъ сказалъ ей: „Что дѣлать, мой другъ! Я не въ силахъ ничего тебѣ сдѣлать.“ Затѣмъ, обратившись ко Второву, онъ сказалъ: „Напрасно вы письмо свое о ней послали къ Долухину, а не прямо къ государю императору“. Недѣлю спустя послѣ губернаторской ревизіи пріѣзжаетъ въ Самару, прямо въ городническую квартиру, коляска съ пожилою женщиной и лакеемъ. Оказывается что этотъ экипажъ былъ посланъ губернаторомъ за Елизаветой. Князь Хованскій въ это время былъ уже женатъ на К. А. Алишечевой, вѣдикодушіе которой спасло несчастную сироту. И такъ Елизавета Стромилова поступила въ домъ симбирскаго губернатора, гдѣ и жила въ положеніи его родственницы до перевода князя Хованскаго въ Минскъ, на ту же должность, что послѣдовало въ концѣ мая 1805 года.* При отъѣздѣ, Хованскіе поручили Елизавету попеченію Анны Александровны Наумовой, родной сестры княгини Хованской. Въ послѣдствіи времени „интересная“ сирота вышла замужъ за какого-то землемѣра, и нашему герою пришлось еще разъ съ

* Второвъ этого князя Хованскаго называетъ Сергѣемъ, а не Николаемъ; но въ родословной книгѣ Долгорукова князя С. Н. Хованскаго вовсе нѣтъ.

нею встрѣтиться. Исторія Елизаветы Стромилловой послужила, двадцать лѣтъ спустя, сюжетомъ повѣсти, правда не напечатанной, но весьма распространенной по Поволжью. Авторомъ повѣсти былъ нѣкто Шмаковъ (Алексѣй Иванъ), одинъ изъ друзей нашего героя, посвятившій ему свое произведеніе, отличавшееся, по словамъ Ивана Алексѣевича, изысканною плодотворностью и отвлеченностью.

Отъѣзжая въ Минскъ, князь Хованскій заѣзжалъ въ Самару, гдѣ пробылъ сутки, радушно встрѣченный и провожаемый всѣмъ самарскимъ обществомъ, служащими и неслужащими. Съ нимъ ѣхалъ нѣкто Киндаковъ (Павелъ Василъ), сосланный при Павлѣ въ Сибирь, гдѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ писателемъ Коцебу, проживавшимъ въ Тобольскѣ. Второвъ, непримчившій познакомиться съ Киндаковымъ, называетъ его „умнымъ и прекраснымъ человѣкомъ“.

Перехожу къ исторіи женитьбы Второва.

Въ небольшомъ городѣ Ставрополѣ первый домъ по богатству и значенію былъ Мильковичей, * состоявшій, какъ мы видѣли, изъ мужа, жены, четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Неизвѣстно какъ велико было состояніе Мильковичей, но они жили весьма открыто, имѣли свою калелу, часто давали балы и вечера. Сосѣдніе помѣщики какъ пчелы слетались каждую зиму въ развеселый городокъ, въ надеждѣ на радушіе и гостепріимство Мильковичей; домъ Благороднаго Собранія, существовавшій также въ Ставрополѣ, занималъ послѣ дома Мильковичей уже второе мѣсто, и въ дѣйствительности, и въ воображеніи тогдашняго дворянскаго общества, любившаго пожить на широкую ногу. Благодаря близости къ Самарѣ, фамилія Мильковичей пользовалась большою извѣстностью и въ этомъ послѣднемъ городѣ. Съ Василиемъ Сергѣевичемъ Мильковичемъ мы встрѣтились въ 1802 году, когда онъ былъ ставропольскимъ предводителемъ дворянства. Къ тому времени о которомъ мы ведемъ рѣчь, то-есть въ 1805 году, вторая дочь его Фіола уже была замужемъ за Плотниковымъ (Владиміромъ Борисовичемъ); старшій сынъ Сергѣй уже подростокъ. Читатель замѣтилъ, конечно, что нашъ герой, говоря о

* Эта фамилія несомнѣнно малороссійскаго происхожденія. Въ Подтавской губерніи распространена фамилія Милькевичъ, — вѣроятно родственная по происхожденію.

людяхъ, не скулился на названія „умный и добрый“; поэтому изъ его характеристикъ трудно составить опредѣленное понятіе о Мильковичахъ, мужѣ и женѣ. Но несомнѣнно одно что Сергій Васильевичъ былъ что называется добрякъ и находился подъ башмакомъ своей супруги. Всѣмъ домою и мужемъ управляла Катерина Федотовна, урожденная Чирикова, типъ дворянки прошлаго вѣка, ревниво относящейся къ породѣ, чину и богатству. Находясь въ какомъ-то дальнемъ родствѣ со Второвыми, Мильковичи, какъ мы видѣли, ласкали это семейство и особенно любили Ивана Алексѣевича; тщеславію Катерины Федотовны несомнѣнно льстило это въ густой фалангѣ родныхъ, которая въ доброе старое время простиралась у насъ до безконечныхъ степеней „куювства и сватовства“, находился такой недюжинный, такой бразованный человекъ какъ Иванъ Алексѣевичъ Второвъ; кѣгда съ нимъ, какъ съ человекомъ бывалымъ и начитаннымъ, была пріятна не только старикамъ, но и молодому полковнику Мильковичей, дѣвицамъ,—качество „пріятнаго собеседника“ всегда было отличительнымъ свойствомъ Второва. Мильковичи очень ласкали Второва и не стѣснялись говорить что любятъ его больше дѣтей своихъ. Обзаведясь своимъ гнѣздомъ въ Ставрополѣ, Второвъ почти безвыходно жилъ у Мильковичей въ городѣ и въ деревнѣ Катериновкѣ. Тамъ узналъ короче старшую дочь ихъ Марью Васильевну, которая, по его словамъ, была „скромнѣе и умнѣе“ своихъ сестеръ и которая ему очень понравилась; дѣвушка питала къ нему болѣе горячее чувство. Когда они объяснились, Марья Васильевна тотчасъ же призналась своимъ родителямъ, сказала что она ни за кого не пойдетъ замужъ и, въствительно, начала отказывать женихамъ. Родители не шутку разсердились, начали преслѣдовать дочь и стали принимать Второва съ убійственною холодною. Василій Сергѣевичъ еще былъ не прочь отъ брака дочери съ Иваномъ Алексѣевичемъ, но гордая и тщеславная Катерина Федотовна не хотѣла и слышать объ этомъ, не допускала и мысли о томъ чтобы старшую свою дочь отдать замужъ за мовѣка бѣднаго, незнатнаго, не чиновнаго, да еще „родню“, шутя считая нарушение послѣдняго препятствія грѣхомъ, отя со стороны церкви не было ровно никакихъ препятствій къ этому брачному союзу. Словомъ, начался романъ, продолжавшійся болѣе двухъ лѣтъ, романъ со всѣми затѣя-

ми старинныхъ повѣствованій этого рода и хорошо рисующій тогдашнїе нравы. Тутъ было все, и „жестокосердые родители“, и слезы, и страданія, и дневники съ письмами, и неизмѣнные друзья, и бѣгство изъ родительскаго дома, и изпрашивание прощенья на колѣняхъ.

Трудно опредѣлить степень чувства которое питалъ Иванъ Алексѣевичъ къ Марьѣ Васильевнѣ. Была ли то дѣйствительно сильная страсть, или на самомъ дѣлѣ болѣе спокойное чувство, подогрѣваемое лишь припадками сентиментальной романтичности, — рѣшить трудно; но, кажется, послѣднее вѣрнѣе. По крайней мѣрѣ, прежняя рана еще не затянулась, еще не изгладилась изъ памяти его прежнїя отношенія къ двумъ женщинамъ, страстно имъ любимымъ. Кто была первая, неизвѣсто. Иванъ Алексѣевичъ скрываетъ ея имя подъ буквами *М. И.*, и притомъ не въ журналѣ, а въ особомъ лоскуткѣ бумаги. Можно догадываться что дѣвица эта была довольно образованная: она любила читать книги и вела журналъ. Она жила въ Ставрополѣ, въ домѣ Цызыревыхъ, въ качествѣ лица чѣмъ-то облагодѣтельствованнаго ими. У ней гдѣ-то былъ отецъ и, почему-то, находилась въ Ставрополѣ сестра. Любовь Второва къ *М. И.* началась въ концѣ ноября 1796 страшными казнями: любовники казнили въ вѣчной вѣрности предъ образомъ, потомъ разрывали пальцы на лѣвой рукѣ и лили кровь другъ у друга. Но отъ этихъ ужасовъ они перешли вскорѣ къ болѣе мирнымъ отношеніямъ. Иванъ Алексѣевичъ не говоритъ результатахъ этой, какъ онъ выражается, „связи“. И вѣсто только что онъ писалъ къ ея отцу, вѣроятно, про ея руки, и что она въ февралѣ 1797 оставила домъ Цызыревыхъ и потомъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ отцомъ, очутилась гдѣ-то за тысячу верстъ. Мы уже говорили о *второй* его страсти въ 1798. Она-то кажется была болѣе сильнымъ и глубокимъ чувствомъ. Иванъ Алексѣевичъ называетъ эту вторую „страсть“ также „связью“, не давая точнаго опредѣленія этому слову и тщательно скрывая не только отъ своей возлюбленной, но даже мѣста гдѣ они встрѣтились, страдали и были счастливы. Связь почему-то была прервана; но въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, въ шумѣ жизни разсѣянной и праздною, въ столицахъ и провинціи, оставался самъ съ собою, герой нашъ по часту и долгу вспоминалъ о *ней*. Уже одинъ способъ выраженія этихъ воспомина-

краткій и чуждый аффектаціи, свидѣтельствуешь о глубинѣ чувства. Воспоминаніе о ней было еще живо и тогда когда начался, продолжался и оканчивался романъ Ивана Алексѣвича съ Марьей Васильевной. Это воспоминаніе усугубляло страданія нашего несчастнаго любовника, производимыя „жестокосердыми“ родителями его новой возлюбленной; къ воспоминанію, можетъ-быть, примѣшивалось какое-нибудь тревожное чувство по отношенію къ прежней привязанности, въ родѣ чего-нибудь укоряющаго. Могли, напримѣръ, служить безмолвнымъ укоромъ порванной связи тщательно берегаемыя ея письма. Иванъ Алексѣвичъ въ патетическую минуту своего романа, что конечно случилось къ концу его, собирался умирать и воображая что подобный финалъ дѣйствительно вослѣдуетъ, собралъ всѣ эти письма и запечаталъ ихъ при своемъ письмѣ въ пакетъ, адресовавъ его на имя сестры своей А. А. Ефремовской. Когда же романъ окончился благополучно, онъ сжегъ всѣ письма К. (подъ этою буквою онъ скрывалъ свой второй предметъ), вырѣзалъ только тѣ мѣста которыя были залиты слезами. Эти вырѣзки сохранялись въ томъ же пакетѣ который предназначался для Александры Алексѣевны. Изъ этихъ вырѣзанныхъ лоскутковъ, омоченныхъ слезами бѣдной женщины, теперь ничего нельзя понять; только изъ одной сохранившейся приписки къ какимъ-то стихамъ на разлуку видно желаніе ея идти въ монастырь. Если Иванъ Алексѣвичъ съ Марьей Васильевной не переживалъ (трудно допустить это, при возможности такихъ горячихъ воспоминаній о ней), а только продѣлывалъ романъ, по готовымъ идеаламъ, вычитаннымъ изъ книгъ, то несомнѣнно что тотъ же Иванъ Алексѣвичъ съ К. пережилъ романъ дѣйствительный, чувство глубокое и сильное; вотъ почему безграмотныя каракульки, писанныя въ концѣ прошлаго вѣка любящею женщиной, выцвѣтшія отъ времени и слезъ, не возбуждаютъ улыбки, между тѣмъ какъ приведенныя ниже письма, вѣроятно, не разъ заставляютъ улыбнуться современнаго читателя. Вотъ письмо Ивана Алексѣвича къ сестрѣ, писанное 1го февраля 1805, когда онъ *готовился умереть*:

„Милая сестрица и другъ!

„Я сдѣлался скелетомъ отъ тайныхъ сердечныхъ горестей. Много страдалъ отъ несчастной чувствительности, сталъ

ужаснымъ меланхоликомъ: мудрено ли что одна минута можетъ разорвать всѣ связи съ любезными мнѣ людьми и дѣлымъ свѣтомъ. Я боюсь чтобы не пострадалъ кто изъ любившихъ меня людей и не сталъ проклинать моею памяту.

„Вотъ памятникъ сердечной слабости моею, памятникъ блаженнѣйшихъ минутъ въ моею жизни и самыхъ лютеѣйшихъ! Тебѣ поручаю я, милый, единственный мой другъ, послѣ смерти моею, не открывая сжечь.

„Возможно ли... Сколь священны для меня сіи бумаги, которыя поручаю тебѣ, — что я не смѣю дерзнуть, пока живъ, истребить ихъ своими руками. Блаженные, небесныя минуты!... я не забуду васъ при послѣднемъ издыханіи! Прости! исполни мое завѣщаніе. Я теперь здоровъ, а завтра не знаю что со мною случится: кто можетъ предвидѣть будущее!“

Но не пришлось не только умереть, но даже уѣхать въ Москву; а потому и письмо не дошло по адресу. Черезъ полтора года, то-есть послѣ уже женитьбы, на немъ сдѣлана была слѣдующая приписка: „Боже мой! я рѣшился самъ истребить драгоценный памятникъ. Но могъ ли я не сохранить тѣ слезы которыя были пролиты любезнѣйшимъ моему сердцу человекомъ! Я сжегъ всѣ письма, вырѣзавъ только тѣ мѣста которыя закалены были слезами.“ Марья Васильевна посвящена была въ тайну стараго романа, писемъ однако же не читала. Но мы покинули нить романа новаго.

Романъ съ Марьей Васильевною шелъ и развивался своимъ порядкомъ. „Жестокіе родители“, какъ мы сказали, начали преслѣдовать дочь, холодно принимали ея влюбленнаго, но отъ дому ему не отказывали, собирались съ нимъ говорить *серіозно*, но такъ и не собрались. Марья Васильевна, просто, но страстно полюбившая, была въ постоянной горести и слезахъ; Иванъ Алексѣевичъ въ отчаяніи, обращеніи котораго едва ли будетъ нужно приводить; но хранилъ упорное молчаніе предъ родителями своей возлюбленной, „боюсь ихъ прогнѣвить“. Любовь ихъ не была тайной въ Ставрополѣ, гдѣ, по словамъ Второва, не только все „благородное“ общество, но даже дворовые люди о ней знали и желали соединенія любящихся сердецъ; младшіе члены семейства Мильковичей были положительно на ихъ сторонѣ. Въ Самарѣ ихъ тайна была открыта только тремя, но надежнымъ лицамъ: старинному другу Богданову (Моисею Але-

ксандровичу), уѣздному предводителю, самарскому городничему Лукину (Алексѣю Акимовичу) и родственнику П. И. Бронскому, служившему въ земскомъ судѣ засѣдателемъ. Романъ продолжавшійся два года породилъ обширную переписку между любownikами, бѣлая часть которой утратилась; но нашъ автобиографъ сохранилъ для потомства семь своихъ и девять писемъ своей возлюбленной. Настоящею героинею романа была Марья Васильевна. Она прямо и проше смотрѣла на дѣло; она давала ему направленіе; чувство ея было сильнѣе и глубже; герой нашъ только безпричинно изывалъ и не умѣлъ или не хотѣлъ смѣлѣе относиться къ фактамъ. Марья Васильевна, какъ мы видѣли, тотчасъ же объявила родителямъ о своемъ чувствѣ; Иванъ Алексѣевичъ молчалъ о немъ два года. Родители на первыхъ порахъ встрѣтили ея признаніе съ большимъ неудовольствіемъ и угрожали ей какимъ-то „страшнымъ“ наказаніемъ; вслѣдствіе такихъ угрозъ она рекомендуетъ своему возлюбленному осторожность и предлагаетъ на время разлучиться. Но Иванъ Алексѣевичъ оскорбляется такимъ предложеніемъ, не безъ ироніи выражаясь въ отвѣтномъ письмѣ своемъ слѣдующимъ образомъ: „Я уѣду. Забудьте меня! Вы, конечно, въ силахъ это сдѣлать; но я не выше человѣка! Судьбѣ угодно было наказать меня злосчастнымъ сердцемъ: оно слишкомъ чувствительно и слабо!“ Приводимъ цѣликомъ слѣдующее письмо Марьи Васильевны:

„На что терзаешь растерянное сердце! Что тебя, мой милый, заставило такъ обидно мыслить обо мнѣ? Или думаешь, что родительскій гнѣвъ истребитъ это чувство! Нѣтъ, никакія адскія муки не истребятъ его: оно для меня священно. Ахъ, еслибы зналъ сколько я люблю тебя, безцѣнный другъ, какъ о тебѣ страдаю! Одинъ Богъ тому свидѣтель; но что сдѣлать! Научи меня, скажи, какія средства предпринять? Я готовъ пожертвовать рада моею жизнью. Прошу, научи меня, милый другъ, а я всю надежду потеряла. Жестокія сердца, глубныя предразсудки насъ терзаютъ. Имъ нужны богатство, высокія степени, знатное родство; но меня, мой другъ, привязали твой умъ и твое доброе сердце. Боже мой! Еслибы вышло отъ меня, мы были бы счастливы. Люби и не забудь меня, а я, клянусь вамъ что обожаю, и что одна смерть истребитъ мою любовь къ тебѣ. Ты хочешь, мой драгоценный другъ, узнать мысли батюшки и маменьки? Они клянутся и обѣщаютъ что со мною примѣрно постулатъ и просятъ Бога

чтобы лучше я умерла, чѣмъ нанесу срамъ имъ и всей ихъ почетной фамиліи. Говорить и писать къ нимъ тебѣ не совѣту: лучше не сдѣлаешь, а только они тебя оскорбятъ. Побереги свое чувствительное сердце отъ ихъ дерзости, потерли; можетъ-быть, время переимѣнитъ ихъ жестокость. Надѣйся и проси Бога; Онъ одинъ наша надежда. Я просила тебя удалиться; ужели чтобъ тебя забыть! Нѣтъ! Богъ меня накажетъ. Я боюсь чтобъ они тебя не огорчили. Ужь было говорено — отказать тебѣ отъ дому. Твои горести и страданія болѣе терзаютъ мое сердце нежели мои собственныя. Они замѣчаютъ невольна вылетавшіе наши вздохи и взгляды и за это меня и тебя ругаютъ. Ты видѣлъ въ Новый Годъ какъ маменька разсердилась; — и вотъ уже третій день слушаю ихъ ругательныя проповѣди и боюсь чтобы тебя когда-нибудь не огорчили. Знаю, тебѣ это будетъ больно, да ты и самъ говорилъ что этого не перенесешь. Вотъ для чего я просила тебя уѣхать; но ты можешь здѣсь остаться, только кажись покойнымъ: побереги меня и себя. Прости, мой безцѣнный другъ, будь покоенъ: можетъ-быть, Богу угодно испытать насъ. Еще свидѣтельствуюсь тебѣ Богомъ что сердце мое не истребитъ къ тебѣ любви.“

Но Иванъ Алексѣевичъ и безъ просьбъ берегъ свое „чувствительное и несчастное“ сердце; совѣтъ Марьи Васильевны, тѣмъ не менѣе, пришелся ему по вкусу. Успокоившись на ея счетъ, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ней вдается въ философію. Идя отъ мысли что душа наша бессмертна, онъ доказываетъ что и страсть его къ Марьѣ Васильевнѣ тоже бессмертна и что, стало-быть, и она на его счетъ также должна быть покойна. Отъ этого силлогизма онъ переходитъ къ новому, — къ неизбежной для него необходимости удалиться на время, а можетъ-быть и на долго, съ цѣлью „подкрѣпить себя разсвѣніемъ“, забывая что назавтра тому нѣсколько мѣсяцевъ самъ же возмущался при одномъ словѣ *разлука*, въ пользу которой теперь ораторствуетъ и на случай которой даже предлагаетъ рецепты. Къ счастью, Марья Васильевна не обратила вниманія на эти противорѣчія, да едва ли и понимала такого рода умствованія: она продолжала дѣйствовать въ простотѣ сердца, по крайнему своему разумію. „Жестокія сердца“, при всей грубости отказа на просьбы дочери, кажется были болѣе наивны и, по пословицѣ, себѣ на умъ, чѣмъ жестоки. „Ну, пиши ему“, говорили они, конечно, устами Катерины Федотовны, „чтобы

онъ пріѣхалъ, взялъ бы тебя, какъ недостойную нашихъ милостей и благословенія дочь, и повѣнчался бы съ тобою въ ближней деревнѣ.“ На этотъ совѣтъ Марья Васильевна просила у родителей послѣдней милости, — пусть отецъ напишетъ ко Второву, какъ къ другу, и попроситъ его избѣгать свиданія съ нею; „но сердце мое, говоритъ она, не было согласно съ словами“; но отецъ невнималъ ея просьбамъ, тоже, вѣроятно, боясь огорчить влюбленнаго родственника. Романъ затягивался и угрожалъ убійственнымъ однообразіемъ, еслибы сама Марья Васильевна не ускорила развязки. Сестра ея Оіона и женихъ ея, а потомъ вскорѣ и мужъ, Плотниковъ (Владиміръ Борисовичъ), держали сторону старшей сестры и къ ея просьбамъ присоединяли свои; но родители были непреклонны. Марья Васильевна, убѣдившись что „предразсудки ихъ (родителей) такъ сильны что нужно множество вѣковъ любѣждать ихъ“, ловитъ слово, еще прежде и можетъ-быть не безъ намѣренія вырвавшееся изъ родительскихъ устъ, размышляетъ надъ нимъ и—рѣшается бѣжать! Комизмъ романа увеличивается тѣмъ болѣе что на это бѣгство послѣдили натолкнуть ее сами родители. „Если уже она его такъ любитъ, говорили они Плотниковымъ, мы дадимъ ей кибитку и тройку лошадей въ приданое, — пусть къ нему ѣдетъ!“ Но рѣшившись бѣжать, Марья Васильевна начинаетъ убѣждать своего возлюбленнаго въ необходимости такого рѣшенія, проситъ его съ нею согласиться; но ей приходится въ голову мысль что эта просьба не будетъ исполнена. „Я думаю, говоритъ она, ты скажешь: „безсовѣстно оскорбить родителей“. Но скажи, совѣстно ли уморить ту которая, любя тебя, отказала себѣ во всемъ. Скажи другъ мой: „Я согласенъ увезти тебя“, и ты возвратишь мнѣ жизнь. Твердо рѣшившись бѣжать, Марья Васильевна все-таки сильно тревожится: она говоритъ что начинаетъ бояться стѣнъ, что какъ будто и онѣ за нею присматриваютъ; сверхъ того, ей жалко оставить родителей. „Еслибы ты ихъ видѣла, лишеть она Второву, они сами жалки. Какъ они меня любятъ! Я, другъ мой, люблю ихъ также много, во тебя несравненно“ и т. д. Марья Васильевна сама назначаетъ день побѣга, проситъ приискать священника, а если, говоритъ, такого не знаешь, то мы здѣсь поищемъ.“ Но мысль о *полиціи* невѣсты очень понравилась

Ивану Алексѣвичу. Приводимъ въ извлеченіи одно изъ его писемъ къ Марьѣ Васильевнѣ:

„Безцѣнный мой другъ! Была глубокая ночь какъ я получилъ драгоценныя ваши строки. Сонъ удалился отъ меня; можетъ ли что постороннее занимать теперь мои чувства, мою душу? Нѣтъ! Я одинъ въ безмолвной тишинѣ хожу взадъ и впередъ по моей комнатѣ, думаю, — и разныя мечты представляютъ мнѣ *жизнь и смерть*. Эти слова много значатъ. Могу ли я не рѣшиться на то что бы ни было, когда вы („такъ не говорятъ друзья—вмѣсто *ты—сы*“, замѣчаетъ Марья Васильевна въ своемъ отвѣтѣ на это письмо) мнѣ приказываете! Такъ я рѣшился и, расположивъ время, мѣсто и пособія, ѣду къ исполненію. Если случится какая неожиданная измѣна (?), какое важное препятствіе къ исполненію намѣренной нашихъ... Боже мой! Одна секунда превратитъ меня въ бездушный трупъ. Могу ли я послѣ того жить еще на свѣтѣ! Такъ это намѣреніе твердо. Ваша правда что не вѣкъ страдать: надобно положить какой-нибудь конецъ сему страданію. Такъ, мой другъ! Въ другое время, съ холоднымъ разсудкомъ, я бы могъ отвергнуть ваше предложеніе. Могъ бы представить вамъ картину послѣдствій, горестъ вашихъ родителей и пр. Но теперь, когда уже всѣ средства испытаны безполезно и когда вѣчные предразсудки ихъ будутъ всегдашнимъ препятствіемъ, то какой разсудокъ, какая философія можетъ заставить отчаянно страдать навсегда, не испытавши рѣшительнаго конца? Да и кто со здравымъ разсудкомъ и съ добрымъ сердцемъ можетъ винить насъ за то, зная все происходившее, въ разсужденіи варварскихъ (?) пошлунковъ съ вами родителей? Нѣтъ, мой другъ! Всякій по чистой совѣсти присовѣтуетъ то сдѣлать и всякій возьмется помогать намъ. Но чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже; надобно скорѣе рѣшиться“ и т. д....“

Но Марья Васильевна, рѣшившись на бѣгство и назначивъ срокъ, два раза его откладывала, по причинѣ тяжелой болѣзни матери, которую ей жалко было оставить въ такомъ положеніи; Иванъ Алексѣвичъ началъ дуться и считалъ эту отсрочку „измѣной“. Пришлось успокоивать капризнаго романтика и назначить послѣдній срокъ, 6го января 1806 года, когда Катерина Федотовна уже выздоровѣла. Но, желая еще разъ для очистки совѣсти „поискать счастья не въ крайнихъ обстоятельствахъ“, она совѣтуетъ своему возлюбленному написать къ ея отцу письмо, справедливо замѣчая что ея родители „иногда говорятъ что еще отъ тебя ничего не слы-

хали". Она диктуетъ даже что писать. „Ты можешь сказать что не смѣлъ имъ объясниться, привыкши ихъ почитать; боялся оскорбить, зная неравенство твоего состоянія съ ними; но уже не въ состояніи переносить своихъ страданій, — просишь ихъ.“ Послушный и этому совѣту, Иванъ Алексѣевичъ пишетъ, 28го ноября 1805 года, къ Василию Сергѣевичу слѣдующее письмо:

„Чистосердечіе всегда управляло моими поступками, въ какихъ бы обстоятельствахъ они ни были. Я не зналъ притворства ни въ образѣ мыслей, ни въ дѣлахъ моихъ; можетъ-быть оттого и испыталъ я разныя невыгоды въ жизни. Могу ли я и теперь не быть чистосердечнымъ противъ моихъ благодѣтелей?

„Бываетъ всему конецъ. Надобно чѣмъ-нибудь кончить несчастную исторію которой обстоятельства вамъ извѣстны и которую до сихъ поръ скрывалъ я въ бѣдномъ сердцѣ моемъ и не смѣлъ открыть вамъ только для того что боялся оскорбить лучшихъ моихъ благодѣтелей. Но продолжительныя мои страданія наконецъ принудили меня рѣшиться на сіе открытіе. Мои чувстваванія и поступки противъ васъ были всегда одинаковы. Почти съ малолѣтства будучи привязавъ ко всему почтенному семейству вашему привыкъ я издавна любить и почитать васъ за лучшихъ моихъ родственниковъ, каковымъ не гнушались считать меня и вы. Я помню всѣ ласки, всѣ благодѣянія ваши которыми нѣкогда пользовался и вѣчно буду помнить. Сія счастливыя времена составили мнѣ несчастье можетъ-быть на цѣлую жизнь, — несчастье которое долженъ я омыть моею кровью если оскорбленныя противъ меня ваши чувстваванія не перемѣнятся. Такъ, мнѣ все извѣстно сколь жестоко пострадали добрые родители, видя непреклонность любимой дочери на ихъ волю; извѣстно и то какимъ злодѣемъ почитался я въ глазахъ вашихъ. Не говорю ни слова о моемъ страданіи, о моихъ мученіяхъ какія перенесъ я оттого, видя перемѣну расположенія вашего ко мнѣ. Отдаю на собственный вашъ судъ когда не будетъ въ немъ постороннихъ предразсудковъ; судите по-человѣчески и, если угодно, по-божески. Вотъ все мое злодѣйство, все преступленіе предъ вами. Привязанность, почтеніе и любовь моя были равны ко всѣмъ дѣтямъ вашимъ; но одну изъ дочерей вашихъ предпочиталъ я по превосходнымъ качествамъ ея ума и сердца. Сіе предпочтеніе родило въ обоихъ насъ дружбу, превратившуюся потомъ въ сильную страсть. Сколько доставало разсудка и силъ моихъ старался я преодолѣть эту страсть, зная неравенство состояній нашихъ, зная важнѣйшее прелятствіе, что ни богатствомъ, ни чинами не могу я блистать въ большомъ свѣтѣ;

но любезная ваша дочь, имѣя совершенныя лѣта и разсудокъ не дѣтскаго легкомыслія, почитаетъ блескъ большаго свѣта за пустую мечту, не составляющую благополучія въ жизни. Вы сами, почтеннѣйшій благодѣтель мой, давно рѣшили это въ собственномъ сердцѣ своемъ, которое меньше подвержено предразсудкамъ другихъ людей. Вамъ извѣстенъ душевный характеръ мой, мое поведеніе: могу ли я имѣть противъ васъ какія преступныя мысли? Мои намѣренія и чувствованія были всегда самыя священныя; но я не въ силахъ бороться съ судьбой которая не вѣсѣтъ равно раздѣлять дары свои. Итакъ, осмѣливаюсь въ послѣдній разъ испытать мое счастье чрезъ сіе письмо. Теперь отъ васъ зависитъ моя участь: одно слово ваше или повергнетъ меня къ ногамъ вашимъ, или навсегда лишитъ вашихъ милостей."

На это письмо послѣдовалъ изъ Ставрополя, отъ 30го ноября 1805 года, слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь,

„Иванъ Алексѣвичъ!

„На письмо ваше отвѣчать послѣшаю. Не покорять волю разуму не есть дѣло философа. Я родилася и живу подъ закономъ. Въ настоящемъ письмѣ вашемъ сами изясняете что вы приобыкли почитать насъ за лучшихъ родственниковъ (что вы и есть); слѣдовательно не предразсудокъ, а собственное ваше изреченіе и законъ не позволяютъ намъ согласиться на непозволенную страсть вашу. Быть въ законѣ необходимо должно и волю нашу покорять его уставамъ. Я увѣренъ что сія истина перемѣнитъ ваши мысли и заставитъ васъ посовѣтоваться съ разсудкомъ, только не пристрастнымъ. А за симъ не стыжусь отъ чистаго сердца васъ увѣрить что исключая сего пункта, расположеніе мое къ вамъ не перемѣнилось. Есть и будетъ съ истиннымъ почтеніемъ навсегда вамъ, м. г., вѣрно покорнѣйшимъ слугою.

„Василій Мильковичъ."

На это письмо Иванъ Алексѣвичъ отвѣчалъ въ полемическомъ тонѣ что законы онъ знаетъ самъ, что родство его съ Марьей Васильевной въ такой дальной степени что для брака ихъ даже не потребуетъ архіерейскаго разрѣшенія, а что неравенство состояній легко уничтожить, стоитъ только родителямъ Марьи Васильевны ничего ей не давать, кромѣ своего благословенія. Но на эту полемику не послѣдо-

вало отвѣта. Родители хранили упорное молчаніе, а потому Марья Васильевна продолжала готовиться къ побѣгу. На Святкахъ Бровскій отправился въ Ставрополь и, въ качествѣ родственника, былъ принимаемъ въ домѣ Мильковичей, хотя не безъ нѣкоторой подозрительности: на самомъ дѣлѣ онъ былъ посредникомъ между влюбленными. Кромѣ трехъ выше названныхъ лицъ Иванъ Алексѣевичъ нашелъ себѣ въ Самарѣ еще четвертаго помощника,—Кузьму Ивановича Зеленева, почтмейстера. Между тѣмъ 5го января 1806 года, Второвъ получаетъ отъ Бровскаго слѣдующую рѣшительную записку: „Сейчасъ посылаю нарочно. Вы съ Кузьмой Ивановичемъ прѣзжайте въ Жигуду (село въ 8ми верстахъ отъ Ставрополя и въ 65 отъ Самары) 6го числа поутру и тамъ дождитесь, да привезите маленькія сакки. Будьте готовы совсѣмъ, но осторожно. Остановитесь въ крайнемъ дворѣ, на правой рукѣ, а повозку и сани оставьте въ другой квартирѣ или на почтовомъ дворѣ.“ На Крещенье послѣ обѣда, Иванъ Алексѣевичъ отправился на почтовыхъ, съ „надежнымъ и сильнымъ“ человѣкомъ Матвѣемъ, крѣпостнымъ Богданова, въ Жигуду. Зеленева поѣхалъ въ своемъ экипажѣ. Они остановились въ назначенныхъ мѣстахъ. Въ 3 часа за полночь, во дворъ занимаемый нашими похитителями въѣхала повозка; въ ней сидѣла Марья Васильевна, а на обаучкѣ П. И. Бровскій. Этотъ послѣдній съ почтмейстеромъ поскакали впередъ, для заготовленія почтовыхъ лошадей; влюбленная чета отправилась вслѣдъ за ними. Въ Самару прѣехали еще раннимъ утромъ, прямо на квартиру Второва. Онъ послалъ просить къ себѣ знакомую даму, Елизавету Андреевну Алашееву, исправницу, мужа которой не было тогда въ городѣ; она предназначалась быть посаженою матерью. Гжа Алашеева явилась и удивилась романтической обстановкѣ, увидя въ квартирѣ холостяка незнакомую дѣвицу; но загадка тотчасъ же, разумѣется, разъяснилась. Отцомъ посаженнымъ былъ назначенъ Моисей Алекс. Богдановъ,—обстоятельство давшее поводъ родителямъ Марьи Васильевны называть ее нѣкоторое время иронически Марьей Моисеевной. Во время обѣда всѣ отправились въ церковь Спаса-Преображенія, гдѣ послѣ богослуженія совершено было вѣнчаніе, къ изумленію присутствовавшихъ въ церкви, ничего подобнаго не ожидавшихъ. Марья Васильевна выходила

замужь 30 лѣтъ отъ роду; Ивану Алексѣевичу было 34 года. На другой день утромъ молодые дѣлали всѣмъ визиты, а къ обѣду и вечеромъ принимали у себя гостей. Вечеромъ при гостяхъ явился гонецъ изъ Ставрополя и громко, именемъ Василя Сергѣевича и Катерины Федотовны, спросилъ въ какомъ положеніи находятся молодые люди и „не въ наложницахъ ли у Ивана Алексѣевича дочь ихъ?“ Гонецъ былъ отправленъ обратно на другой день (8го) съ письмами отъ обоихъ супруговъ. Приводимъ письмо Марьи Васильевны, отличающееся, какъ всѣ ея письма, глубокою искренностію:

„Дражайшіе и милые родители мои!

„Я слишкомъ чувствую сколько васъ огорчила, неблагодарная и непослушная дочь ваша. Ежели бы знали вы мои мученія и скорбь мою, когда я боролась съ собою и думаю на что мнѣ рѣшиться изъ двухъ средствъ? Прекратить мои страданія смертію, или поступкомъ который я теперь противъ васъ сдѣлала? Я знала что первое средство не легче бы вы могли перенести теперешняго; итакъ я рѣшилась на послѣднее. Хотя я жива теперь и счастлива, исполнивши свою волю, но счастье мое отравляетъ ужасная скорбь о васъ, мои дражайшіе родители. Воображаю весь гнѣвъ вашъ. Знаю сколько вы много любили меня; знаете и вы какъ я любила васъ. Не могу и теперь вспомнить безъ слезъ ласки моей милой маменьки, которыя и тогда меня терзали болѣе потому что я чувствовала сколько недостойна была ихъ. Я любила противъ воли вашей, и любовь эта довела меня до сей крайности. Знаю сама что недостойна вашего прощенія, недостойна вашихъ милостей; но я надѣюсь на ваши добрыя, чувствительныя сердца, надѣюсь что вы не станете проклинать несчастную дочь вашу. Одинъ слухъ о васъ что вы успокоитесь и не будете печалиться обо мнѣ, какъ о преступницѣ вашей воли, почту я за счастье и буду надѣяться что я имъ терпѣлиемъ, моими молитвами о васъ удостоюсь когда-нибудь вашего благословенія.“

Иванъ Алексѣевичъ на этотъ разъ писалъ краткое письмо и почти безъ фразъ. Отвѣта не было; но въ тотъ же день писала изъ Ставрополя Єіона Васильевна, между прочимъ, слѣдующее: „Положеніе батюшки и маменьки не такъ ужасно какъ мы думали. Батюшка сохранилъ все присутствіе разсудка: онъ чувствуетъ что сами они виною твоего поступка; но маменька... ты знаешь ея характеръ! И она мало

на тебя сердится, а все обращено на И. А. Батюшка готовъ простить тебя и твоего друга, я надѣюсь, скоро. Совѣтую тебѣ самой пріѣхать и какъ можно скорѣе. Въѣзжай къ намъ; во, Бога ради, одна: въ первомъ жару они не могутъ видѣть И. А. Мы скоро, я думаю, будемъ у васъ. Всѣ люди о тебѣ плачутъ и весь городъ обвиняетъ не тебя. Мнѣ прискорбно, другъ мой, что тебѣ чужіе люди дали рубашку: это разрываетъ мое сердце. Добрый мой Воля—ты его знаешь—онъ заплакалъ, услышавши о томъ. Я посылаю тебѣ три рубашки, дуаветъ, юлку, чулки и платье, носовой платокъ, шесть мотковъ нитокъ, косынку съ кружевами... Сидя въ кучкѣ, плачемъ о тебѣ, добрый другъ нашъ.“ Для черезъ два, пріѣхали ко Второвымъ изъ Ставрополя братъ Марья Васильевна Сергѣй и Плотниковъ. Они привезли извѣстіе что огорченные родители теперь стали спокойнѣе и желаютъ видѣть дочь. Пробывъ у молодыхъ двое сутокъ, гости хотѣли хозяйку-сестру взять съ собою; но Иванъ Алексѣевичъ одну ее не отпустилъ. Вслѣдъ за ними онъ самъ поѣхалъ съ нею въ Ставрополь, гдѣ они остановились въ домѣ Плотникова, давъ тотчасъ знать кому слѣдуетъ о пріѣздѣ одной Марья Васильевны. Является Василій Сергѣевичъ, и пробывъ съ четверть часа, увозитъ съ собою дочь; Иванъ Алексѣевичъ, по совѣту родныхъ, не показывался на глаза тестю. Марья Васильевна пробыла у родителей до вечера, обѣдала у нихъ и получила прощеніе. Но „комедія еще не кончилась“, говоритъ Иванъ Алексѣевичъ въ своихъ запискахъ: его не пожелали видѣть, а потому молодые на другой день оставили Ставрополь. Комедія кончилась черезъ двѣ или три недѣли, когда молодые получили извѣстіе что родители желаютъ видѣть ихъ обоихъ. „Мы пріѣхали, говоритъ Второвъ, уже прямо къ намъ въ домъ. Встрѣчи не было. Отецъ и мать находилась въ особой комнатѣ. Мы вошли къ нимъ. Батюшка даже не далъ мнѣ стать на колѣна, обнялъ и расцѣловалъ меня, а матушка, рыдая, начала было дѣлать упреки. Но батюшка прервалъ ее: „Перестань, Катя! говорилъ онъ, забудемъ все прошедшее.“ Всѣ четверо мы плакали и не говорили ничего, кромѣ постороннихъ предметовъ. И такъ мы прожили въ Ставрополѣ болѣе двухъ недѣль пріятно и весело. Почти каждый день были у насъ гости, обѣдали и проводили вечера съ гостями или сами въ гостяхъ у нашихъ знакомыхъ.“

Такъ переживался романъ, довольно затѣливаго содержанія. Къ продолженію и окончанію его мы возвратимся въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же представимъ картину семейнаго счастья, нарисованную нашимъ героемъ, 35 лѣтъ спустя послѣ 7го января 1806 года, на изображеніе которой онъ не пожалѣлъ яркихъ красокъ. Нѣсколько лѣтъ, онъ говоритъ, прошли для него медовыми мѣсяцами, „въ совершенномъ счастьи, какого желалъ я и—достигнулъ, такъ что ничего мнѣ не записывалъ въ свой журналъ. Родители моей жены совершенно примирились съ нами и полюбили меня попрежнему, если еще не болѣе. Они пріѣзжали къ намъ въ Самару взглянуть на наше житье-бытье, а свояченицы, особливо дѣвицы, гащивали у насъ по мѣсяцу. Семейная жизнь была самая пріятная вначалѣ, исключая нѣкоторыхъ хлопотъ по заведенію хозяйства. Мы любили другъ друга искренно, не слаждались счастьемъ. Иногда набѣгали и мрачныя тучки на горизонтъ нашего счастья, но безъ бури. Бывали небольшія ссоры, но непродолжительныя: въ тотъ же день мы мирились и забывали всѣ неприятности.“ Марья Васильевна получила отъ родителей 25 душъ крестьянъ съ отвѣтствующимъ количествомъ десятинъ земли, въ дачахъ той же Катериновки.

Возвращаемся къ судейской дѣятельности Второва, продолжавшейся 11 лѣтъ. Если онъ, какъ герой романа, является предъ читателями не совсѣмъ въ выгодномъ свѣтѣ, за то въ его общественной дѣятельности, мы надѣемся, читатель увидитъ много хорошаго. Человѣкъ образованный, любившій въ столицахъ, литераторъ на дѣлѣ и по натурѣ, онъ внесъ много добра и свѣта въ мрачныя катакомбы тогдашняго провинціального правосудія и лихоимства. Желавшій угомонившись, какъ говорится, онъ тѣмъ съ большею энергіей предался практической дѣятельности, которая совсѣмъ не оставляла мѣста и времени для одолевавшихъ его прежде параксизмовъ сентиментальной романтичности. Самая его склонность къ литературнымъ занятіямъ нашла себѣ практическое примѣненіе, въ составленіи разнаго рода дѣловыхъ бумагъ, правильность изложенія которыхъ въ ту пору составляла большую рѣдкость не въ одной провинціи. Въ дополненіе къ сказанному прежде о его образѣ жизни въ

Самарѣ, приводимъ, его же словами, слѣдующую картину, которая, надѣмся, убѣдитъ читателя что И. А. Второвъ, для своего времени, явленіе весьма замѣчательное, прошедшее не безслѣдно.

„Домашнія заботы по хозяйству, занятія по склонности, знакомства, гости и угощенія у себя въ домѣ и взаимно у другихъ шли своимъ порядкомъ. Но занятія по службѣ были почти единственнымъ моимъ упражненіемъ и заботою. Были на свободѣ, любимымъ занятіемъ моимъ было чтеніе книгъ, собранныхъ мною отъ самой юности (до двухъ тысячъ), по которымъ я со страстію учился и пріобрѣталъ свѣдѣнія во всѣхъ почти родахъ наукъ, особливо по части литературы. Сочинялъ разныя брошюрки, изъ которыхъ напечатано въ двухъ московскихъ журналахъ подъ названіемъ: *Приятное и Полезное Препровожденіе Времени* (ч. 19, стр. 123) и *Иппокрена или Утѣхи Любословія* (ч. III, стр. 97, 105 и 110, ч. VI, стр. 545 и 550), стихами и прозою. * Кромѣ того переводилъ съ французскаго языка на русскій. Теперь же, сперва по принужденію, а потомъ по необходимости, началъ читать законы и сочинять юридическія бумаги. Въ теченіи 11 лѣтъ моей судейской должности сколько было случаевъ открывать въ залутанныхъ процессахъ невинность подсудимыхъ лицъ, или виновныхъ, скрывающихся во мракѣ лбедическихъ крючковъ, изъ корыстолюбія и подлости производившихъ слѣдствія! Всякая несправедливость приводила

* Въ указанномъ мѣстѣ *Приятнаго и Полезнаго Препровожденія Времени* (1798 ч. XIX, стр. 123—125) помѣщена прозаическая статья подъ названіемъ: *Прости, май!*—Подписано: И... Д. Утро 10 часовъ 56 минутъ іюня 1го числа 1798 года. Деревня чувашская Токмакла, Челны, Вершины, въ Самарскомъ уѣздѣ.—Въ *Иппокренѣ* въ ч. III на 1799, стр. 97—104, помѣщена прозаическая статья *Царевъ Курганъ* (извѣстная красивая мѣстность на Волгѣ). Подписано: „8 (славянское Ѣ) В. 18го числа сентября 1798. Слобода Царево-Курганская въ Самарскомъ уѣздѣ.“ Въ той же части, стр. 106—109, помѣщено стихотвореніе: *Перелѣна Участи (друзьямъ моимъ)*, состоящее изъ десяти куплетовъ и подписанное: „8. 2. 2го числа декабря 1798 года; въ С.—Въ той же части, стр. 120—126, напечатано другое стихотвореніе, *Время*, состоящее изъ 15 куплетовъ, и подписанное словами: „Ив... 2; декабря 31го числа 1794 года. Въ Самарѣ“.—Въ VI части *Иппокренъ* (1800), на стр. 545 — 549, на-

меня въ отчаяніе, а правое дѣло и рѣшеніе справедливое радовали какъ ребенка. Много перенесъ я во всю мою службу непріятностей и огорченій за защиту правды и за открытіе вины въ рѣшеніи дѣлъ. Тогда не было еще Свода Законовъ. Мы руководствовались уложеніемъ, учрежденіемъ, уставами и собраніемъ указовъ, а болѣе здравымъ разсудкомъ, чистомъ совѣстью и безпристрастіемъ.“

Словомъ, судейство было лучшимъ временемъ въ жизни Второва. Въ своихъ запискахъ онъ приводитъ нѣсколько процессовъ, любопытныхъ какъ въ юридическомъ, такъ и еще болѣе въ правоописательномъ отношеніи.

У Мильковича, въ деревнѣ его Катериновкѣ, на рѣкѣ Кудурчѣ, была построена мельница, существовавшая болѣе 50 лѣтъ безъ всякаго спора со стороны сосѣдей, даже при генеральномъ размежеваніи. Мельница эта сгорѣла; Мильковичъ началъ строить новую на томъ же самомъ мѣствѣ. Ближайшій сосѣдь его, надворный совѣтникъ Иванъ Гавриловичъ Дмитріевъ, отецъ тогдашняго министра юстиціи и известнаго поэта и баснописца, человѣкъ богатый и значительный въ губерніи, просилъ судъ запретить эту постройку, на томъ основаніи что отъ этой мельницы и прежде затопляло въ его дачахъ нѣсколько луговъ и лѣсу. Уѣздный судъ произвелъ дознаніе, по которому оказалось что затоплялась только часть песчанаго берега да мелкій кустарникъ. До вступленія въ должность Второва члены суда боялись тронуть это дѣло; но Иванъ Алексѣевичъ, не бывшій еще въ то время зятемъ Мильковича, рассмотрѣлъ дѣло и отказалъ въ просьбѣ

печатана прозаическая статья *Моя Прогулка*, подписанная такъ: „Анонимъ. Сентября 5го числа 1795 года. Въ той же книжкѣ (стр. 550—556 помѣщена (не указанная авторомъ) прозаическая статья подъ названіемъ: *Здравствуй май!* подписанная такъ: „8 Второго мая 1го числа 1800 года. На берегу Волги, въ Симбирской губерніи.“—Читатель настолько знакомъ съ характеромъ нашего героя и съ его манерою литературнаго изложенія что намъ нѣтъ надобности ни дѣлать выписокъ изъ этихъ статей, ни излагать ихъ содержанія. Въ указанныхъ статьяхъ встрѣчаются, правда, нѣкоторыя біографическія черты, но онѣ гораздо подробнѣ развиты въ настоящемъ трудѣ. Любопытно что Второвъ, говоря о своей литературной производительности, указываетъ на пьесы напечатанныя 8—6 лѣтъ назадъ.

Дмитріеву. Является повѣренный этого послѣдняго, беретъ копию съ рѣшенія уѣзднаго суда, но неудовольствія на рѣшеніе не объявляетъ. Черезъ мѣсяць онъ снова является въ судъ, проситъ о дозволеніи подписать свое недовольствіе и перенести дѣло на апелляцію; но такъ какъ повѣренный пропустилъ узаконенный срокъ, то уѣздный судъ казаетъ ему въ этой просьбѣ. Заключило дѣло. Дмитріевъ хотѣлъ бомбардировать губернское правленіе жалобами, а это сдѣлавъ посылать указы въ уѣздный судъ о допущеніи повѣреннаго къ подпискѣ неудовольствія; но самарскій губернаторъ мужественно стоялъ на своемъ до тѣхъ поръ пока не угрозили ему оштрафованіемъ всѣхъ членовъ. Но и тогда, изъ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, судъ опредѣляетъ, „изъ единаго повиновенія начальству“, допустить повѣреннаго Дмитріева къ подпискѣ, принять отъ него апелляціонныя деньги, а все дѣло отправить въ Симбирскую палату гражданскаго суда. Донесеніе уѣзднаго суда въ этомъ отношеніи губернское правленіе сочло дерзостью противъ начальства и объявило уѣздному суду Второву *строжайшій выговоръ*. Иванъ Алексѣевичъ уже написалъ возраженіе, требуя отъ себя *строжайшаго суда*, но пріѣхавшій изъ Симбирска городничій Лукинъ своимъ извѣстіемъ что губернаторъ Хованскій на него чрезвычайно озлобленъ, привелъ въ смущеніе нашего героя, позабывшаго что резолюціи губернскаго правленія полагаетъ самъ губернаторъ. „Тутъ только и оробѣлъ“, добродушно сознается Второвъ. Бывшій частымъ гостемъ въ Симбирскѣ, знакомый со всею южною служебною и неслужебною аристократіей, Иванъ Алексѣевичъ не хотѣлъ знать секретарей и ловытчиковъ, которые на самомъ дѣлѣ всѣмъ управляли и всѣ губернскія дѣла водили за носъ: онъ не бывалъ у нихъ съ визитами, не давалъ имъ денегъ или подарковъ, за что они, разумеется, платили ему полною ненавистью. Такъ и секретарь губернскаго правленія, воспользовавшись тѣмъ временемъ когда губернаторъ былъ не въ духѣ, доложилъ ему послѣдній рапортъ Самарскаго суда по дѣлу Дмитріева и „добрѣйшій“ Хованскій вышелъ изъ себя отъ такой дерзости и уже хотѣлъ было отдать подъ судъ всѣхъ членовъ, но къ счастью заступничество Наумовыхъ спасло самарскихъ судей отъ такой напасты. Узнавъ эти подробности, Иванъ Але-

Косевичъ разорвалъ приготовленный имъ протестъ и посккалъ въ Симбирскъ „съ повинною головою“. Онъ остановился въ домѣ М. М. Наумова и не успѣлъ еще переодѣться какъ въ комнату, въ которой онъ разговаривалъ, входитъ князь Хованскій съ женой, племянницей хозяина. На поклонъ Второва князь отвѣтилъ кивкомъ, послѣ котораго герой нашъ исчезъ. На другой день утромъ онъ явился къ князю, „выслушалъ всѣ его упрёки за мои глупости, которыя я самъ глубоко чувствовалъ и сокрушался что могъ огорчить такого добраго начальника... Его отеческія увѣщанія и наставленія довели меня до слезъ. Послѣднія слова его были: „Забудемъ! Будьте увѣрены что у меня на сердцѣ противъ васъ ничего не осталось“. Этотъ урокъ въ послѣдствіи послужилъ мнѣ въ пользу къ осторожности. Такъ неудачно окончился протестъ Второва по дѣлу Мильковича, когда онъ уже былъ его зятемъ; такъ сокрушилось гражданское мужество нашего героя предъ силою начальника неодоленія! Гораздо любопытнѣе слѣдующее дѣло.

Въ Самарскомъ городскомъ правленіи служилъ канцеляристомъ нѣкто Дмитріевъ, человѣкъ около 40 лѣтъ, по словамъ Второва, „невѣжда въ полномъ смыслѣ, лѣный и лодыжій“. Городничій Лукинъ, „добрый и простой человѣкъ, вѣрилъ ему все производство дѣлъ по полиціи, какъ человѣкъ дѣловому, по навыку, и дозволилъ даже пользоваться мелочными *доходами*, какъ они называли взятки, доставилъ ему чинъ коллежскаго регистратора и сдѣлалъ его кварталнымъ надзирателемъ“. Получивъ эту должность, Дмитріевъ началъ до безобразія, кляузничать и обирать жителей. Городничій смотрѣлъ на эти продѣлки сквозь пальцы и томи „иногда подчивалъ его лощечивами и сажалъ подъ арестъ. Вотъ какую штуку сочинилъ этотъ Дмитріевъ. Въ трехъ верстахъ отъ Самары, на берегу Волги, находился потаенный заводъ кулца Салтыкова. Мѣстность на которой расположенъ этотъ заводъ была въ ту пору любимымъ губищемъ Самарянъ и Самарянокъ, куда они каждое воскресенье и праздники являлись толпами, многіе съ самоварами и закусками. Это народное гулянье оживлялось пѣснями и плясками посадскихъ дѣвушекъ, водившихъ тутъ процессіи. Не разъ кварталный Дмитріевъ, въ качествѣ бастителя порядка, присутствовалъ на „заводѣ“ съ полиціею.

кими солдатами и десятскими, но слѣдующую сцену онъ дѣлалъ вѣроятно подѣ влияніемъ особеннаго вдохновенія. Умѣтивъ что три посадскія дѣвушки („дѣвки“ на тогдашнѣмъ языкѣ) и одна женщина пошли съ гулянья на заводъ тамъ стали разговаривать съ сыномъ кулца Салтыкова, Дмитріевъ съ своею командою ударился вслѣдъ за ними и началъ приставать къ Салтыкову съ вопросомъ: „зачѣмъ у его очутились дѣвки?“ и требовать съ него денегъ. Салтыковъ денегъ не далъ. Тогда Дмитріевъ приказалъ „дѣвокъ“ женщину связать кнутьями, рука съ рукой, подѣ мышки, коса съ косою, а кулеческаго сына Салтыкова раздѣть и ставить въ одной рубахѣ. Въ такомъ видѣ несчастныхъ, при большомъ стеченіи народа, гнали кнутьями какъ скотовъ по городу чрезъ Нижній Базаръ, Большую Улицу и торговую площадь до городническаго правленія, гдѣ продержали ихъ трое сутокъ подѣ арестомъ. По произведенному слѣдствію оказалось что обвиненные во взводимомъ на нихъ Дмитріевымъ преступленіи (прелюбодѣйствѣ) были неповинны. 10 июня 1806 года это слѣдствіе поступило въ уѣздный судъ. Такъ началось дѣло, въ которомъ городничій Лукинъ, въ чести своей, нисколько не поддерживалъ негодяя квартальнаго. Судъ освободилъ изъ заключенія арестованныхъ, вызвалъ Дмитріева и представилъ все дѣло въ палату уголовнаго суда. Домъ Дмитріева и имѣніе отданы были подѣ рассмотрениеъ до рѣшенія дѣла. Палата утвердила этотъ приговоръ и опредѣлила: десятскихъ наказать плетьюми, а солдатъ палками при полиціи, о квартальномъ же Дмитріевѣ представила губернскому правленію чтобъ отдать его подѣ судъ; личнымъ предоставлено было право просить на Дмитріева особо. Экзекуція надѣ десятскими и сотскими была исполнена; но квартальный Дмитріевъ продолжалъ себѣ служить безобразничать. Несчастныя „дѣвки“ и женщина остались въ причемъ; правомъ иска воспользовался только одинъ купецкій сынъ Салтыковъ, который просилъ уѣздный судъ высказать съ Дмитріева за безчестье и за убытки происшедшіе по случаю его арестованія, цѣною во 100 руб.“ Судъ потребовалъ къ отвѣту квартальнаго, но тотъ, отговариваясь мѣзью, не явился. Ему послали на домъ вопросныя пункты, сдѣлавъ слѣдующую ошибку противъ формы: не обозначили ему и отъ кого они посылаются, хотя подѣ ними и подли-

сались засѣдатель и секретарь земскаго суда. „Что маѣ дѣлать съ пьянымъ скотомъ! спрашивалъ городничій, встрѣтившись чрезъ нѣсколько дней съ судьей: вѣдь онъ измаралъ вашъ листъ и не написалъ того чего вы требуете!“ Возвратите намъ вопросы, какъ они есть, съ его мараньемъ, отвѣчалъ Второвъ. Что же оказалось? Дмитріевъ вмѣсто отвѣтовъ написалъ слѣдующее:

„Сіи вопросныя пункты хороши и я ихъ читалъ. *Неизвѣстный*.

„Отъ кого жь и по какому закону даются, не знаю.

„Но знай же, *Никогнитная* особа, * что законамъ не шутятъ. Впрочемъ, предаю себя на разсмотрѣніе высшему начальству.“

Судъ, конечно, счелъ такія изреченія за дерзость, опредѣлилъ взыскать съ Дмитріева истцовъ искъ и за негербовую бумагу, а за оскорбленіе имъ присутственнаго мѣста предать его суду уголовной палаты. Къ выслушанію рѣшенія Дмитріевъ опять не явился, а на сообщеніи объ этомъ написалъ слѣдующее:

„Оное сообщеніе слышалъ. Но какъ, безъ отобранія отъ отвѣтчиковъ отвѣтовъ, рѣшенія быть не можетъ; то и къ выслушанію рѣшительнаго опредѣленія явиться не для чего. А по выздоровленіи, ежели, по отобраніи отвѣта, дѣло рѣшено будетъ на законномъ основаніи, тогда явлюсь.“

Черезъ два мѣсяца палата уголовного суда вызвала Дмитріева къ отвѣту въ Симбирскъ, гдѣ онъ успѣлъ обработать дѣло въ свою пользу и самолично привезъ въ Самару указъ на имя городничаго, повелѣвавшій взыскать съ часовъ узднаго суда за негербовую бумагу и освободить изъ-подъ присмотра домъ и имѣніе квартальнаго Дмитріева. Само собою разумѣется, такое торжество не обошлось Дмитріеву даромъ; частью награбленной и еще не пропитой добычи онъ подѣлился съ палатскимъ секретаремъ Кисловскимъ. Такой оборотъ дѣла до глубины души возмутилъ Второва, тѣмъ болѣе что персоналъ Симбирской уголовной палаты былъ ему коротко знакомъ. Предсѣдателемъ палаты былъ уже упомянутый прежде графъ Василій Андреевичъ Толстой. Второвъ

---

* Читатель, конечно, догадается что остроумный квартальный этимъ именемъ (incognito) называетъ уздный судъ.

называлъ его почтеннымъ человѣкомъ, добрѣйшаго сердца, съ прекрасными свѣдѣніями и умомъ, но мягкаго и добраго характера; всѣ эти качества онъ могъ имѣть, но кромѣ свѣдѣній и ума, которыя ни въ чемъ незамѣтны. Еще будучи холостымъ, во время пребыванія своего въ Симбирскѣ, Второвъ почти ежедневно бывалъ въ домѣ Толстыхъ, гдѣ, по его словамъ, былъ принятъ какъ родной самимъ графомъ и графиней Катериной Яковлевной (урожденной Трегубовой). Графъ любилъ пофилософствовать о суетѣ мірской вообще и о правосудіи въ особенности, хотя въ дѣлахъ непосредственно относящихся до его должности ровно ничего не понималъ и былъ въ полной власти секретаря Кисловскаго и заведателя Трегубова. Но Иванъ Алексѣевичъ почему-то имѣлъ высокое понятіе о значеніи графа Толстаго, называлъ его воимъ „благодѣтелемъ“ и имѣлъ несчастье въ дѣлѣ Дмитріева положиться на его авторитетъ, вмѣсто того чтобъ искать одѣствія у Жадовскаго, уже извѣстнаго намъ театрала, о кажется, самаго дѣльнаго человѣка въ палатѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Графъ В. А. Толстой въ сношеніяхъ своихъ со Второвымъ вполне рисуется. Вотъ что онъ ежду прочимъ отвѣчаетъ на упрекъ послѣдняго о взысканіи палатою штрафа за бумагу:

„Я емь человѣкъ; легко могу попасться въ сѣти коварнаго. Но чтобы быть осторожнѣе готовъ принять строгій разговоръ отъ вышшняго начальства и тѣмъ самымъ вамъ доказать что мнѣ легче самому вытерпѣть гнѣвъ отъ него, нежели видѣть подначальствующихъ невинно терпящихъ моей неосторожности.. Въ тотъ часъ какъ я получилъ къ васъ письмо, я писалъ точно такого жъ сюжета письмо одному изъ моихъ благодѣтелей, сенатору бго департамента. Сей департаментъ столько къ намъ неблагоклоненъ въ другой разъ, безъ суда и отвѣта, штрафуетъ мѣсячнымъ мованьемъ, и, истинно, безвинно. Мы взяли смѣлость обвинить свою невинность. Чтѣ будетъ, не знаю!“ и пр. Къ явленію это письмо утѣшило Второва. Но на другой день газета прислала, при указѣ, все дѣло, указавъ на разныя несправности (формальныя) суда въ его рѣшеніи и выражаясь что „хотя *проясненіе* Дмитріева дерзновенно, однако отобраннмъ въ палатѣ показаніемъ (онѣ) оправдывая себя что оное учинилъ въ то время когда былъ, по

болѣзни, въ безпамятствѣ“. Второвъ, написавъ возраженіе и всѣ замѣчанія уголовной палаты, поскакалъ въ Симбирскъ: взявъ съ собою все дѣло, и прямо явился къ своему „благодѣтелю“. „Чего вы хотите?“ спросилъ у него графъ Василій Андреевичъ. Тотъ отвѣчалъ, пусть палата приметъ обратное дѣло, рассмотреть его и свистеть положенный штрафъ. „Все это сдѣлалъ бы я, скажу чистосердечно, говорилъ графъ Толстой, еслибъ я былъ одинъ; но у меня совѣтники, изъ коихъ болѣе всѣхъ не согласится Трегубовъ, а Жадовскій теперь нѣтъ, онъ въ отпуску“. Второвъ соглашался заплатить и штрафъ, но только просилъ предсѣдателя принять дѣло и рѣшить его по своему. „Не знаю, какъ согласятся другіе, отвѣчалъ ему графъ Толстой, а между тѣмъ не подѣдетъ ли Жадовскій, подождите“. Но Жадовскій не подѣзжалъ, а палата, рассмотрѣвъ донесеніе при которомъ Второвъ препроводилъ дѣло, снова опредѣлила — возвратить его въ уѣздный судъ. Графъ Толстой пѣлъ все ту же пѣсню „Что дѣлать! Я вамъ говорилъ что я не одинъ, а товарищи мои иначе не соглашаются. Подождите: я ожидаю И. В. Жадовскаго.“ Выведенный изъ терпѣнія, Второвъ пожаловалъ губернатору, князю Хованскому. Князь приказалъ ему представить записку объ этомъ дѣлѣ, которую обѣщавъ послать въ Сенатъ. Записка была представлена, но обѣщаніе не было исполнено. Протестъ прокурору также остался безъ послѣдствій. Члены уѣзднаго суда принуждены были заплатить штрафъ, но производить дальѣе дѣла, какъ операціи кражи для себя обидной, не пожелали, несмотря на жалобы палаты губернскому правленію и, въ свою очередь, принесли жалобу на послѣднюю въ 6й департаментъ Сената; уголовная палата, съ своей стороны, также принесла жалобу на уѣздный судъ. Въ это время въ Сенатѣ служилъ ловытчикомъ и секретаремъ нѣкто Пещуровъ, * родной племянникъ Киселевскаго, черезъ посредство котораго этотъ послѣдній совѣщавъ удивительныя продѣлки. Черезъ 10 мѣсяцевъ получилъ въ Самарѣ сенатскій указъ слѣдующаго содержанія: 1) оштрафовать присутствующихъ и секретаря уѣзднаго суду третьимъ жалованьемъ, въ пользу Приказа Общественнаго

* Въ послѣдствіи псковскій губернаторъ. Объ отцѣ его говоритъ Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (см. ч. I, стр. 156—157), а такъ В. И. Панаевъ (*Вѣстникъ Европы* 1867. Т. III, стр. 258—262).

Призрѣнія и опубликовать объ этомъ печатными указами; 2) отрѣшить Дмитріева отъ должности и „предать вновь сужденію по законамъ“; 3) палатѣ же уголовного суда, за явную къ нему поновровку, „учинить строгій выговоръ“. Но Дмитріевъ, еще до сенатскаго рѣшенія, куда-то исчезъ изъ Самары, продавши свой домъ. Кисловскій пошелъ въ гору и въ непродолжительномъ времени получилъ мѣсто прокурора въ Казани.

Третье дѣло о которомъ разказываетъ Второвъ въ своихъ запискахъ случилось при новомъ губернаторѣ, князѣ Долгоруковѣ (Алексѣй Алексѣевичѣ). * Князь Долгоруковъ, при назначеніи въ губернаторы, былъ переименованъ въ гражданскій чинъ, но штатскихъ не любилъ, былъ вспыльчивъ до такой степени что, какъ разказывали, на одномъ пожарѣ билъ ладкою частнаго пристава Реймана, находившагося въ штабъ-офицерскомъ чинѣ; но потомъ стали говорить о немъ „какъ о наилучшемъ, умномъ и добромъ начальникѣ“, горѣвшимъ желаніемъ истребить зло. Въ селѣ Елшанкѣ у крестьянина Тимашева украли разныя вещи и деньги трое изъ его же односельчанъ и одна женщина. Женщина и двое крестьянъ, во время слѣдствія, сознались въ своемъ преступленіи, но третій залпирался, отговариваясь тѣмъ что его въ это время не было дома. Но, посадивъ три дня въ острогъ, женщина и двое сознавшихся воровъ объявили что они показали ложно, „отъ устраиванія обывателей“. Узданный судъ, разсматривавшій это дѣло, вида изъ слѣдствія явныя улики на подсудимыхъ, которые при повальномъ обыскѣ были не одобрены своимъ обществомъ и даже не принимались на жительство, опредѣлялъ: троихъ изъ подсудимыхъ, наказавъ, сослать на поселеніе, а четвертаго, оставя въ сильномъ подозрѣніи, отдать подъ присмотръ односельчанъ. Дѣло поступило на ревизію въ уголовную палату, которая опредѣлила: „По силѣ воинскихъ процессовъ, лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного ревниваго наказать, оставить всѣхъ воровъ въ подозрѣніи, возвративъ ихъ на мѣсто жительства, а съ членовъ суда и секретаря, за неправильное рѣшеніе, взыскать штрафъ 10 р., въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія. Счастливый случай открылъ Второву причину такой кассациі. Перехвачена

* Въ послѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и министръ юстиціи. † 1834 года.

была переписка двухъ родныхъ братьевъ-канцеляристовъ, изъ которыхъ одинъ служилъ въ Самарскомъ уѣздномъ судѣ, а другой, младшій, въ Симбирской уголовной палатѣ. Старшій взялъ взятку съ преступниковъ и, при посредствѣ брата, подѣлился ею съ палатскимъ ловытчикомъ, который самъ собою, безъ участія даже секретаря, и перерѣшилъ дѣло. „Здѣсь, братецъ, писалъ меньшей братъ старшему, въ палатѣ уголовной такъ можно обрабатывать дѣла, и за малость согласятся (на) то что угодно подсудимымъ.“ Эта „малость“, опредѣляемая, конечно, состояніемъ подсудимыхъ и важностію дѣла, предоставлялась, какъ видно, ловытчикамъ и некоей канцелярской братіи. Преступный самарскій ловытчикъ былъ тотчасъ же изгнанъ изъ суда; но судья Второвъ, написавъ записку о дѣлѣ, съ приложеніемъ къ ней переписки названныхъ братьевъ (Рудаковыхъ), не зналъ что съ этою дѣлатъ и какъ вручить ее губернатору, утвердившему ламатскій приговоръ, человѣку еще лично ему незнакомому. Въ счастію въ Симбирскѣ отправлялся въ это время самарскій предводитель Богдановъ, который вызвался доставить записку губернатору, что онъ и исполнилъ. Князь Долгоруковъ прочелъ и принялъ записку весьма благооклонно. „Объясните вашему судѣ, сказалъ онъ Богданову, я много слышалъ о немъ хорошаго, чтобы онъ извинилъ меня что я, по новости, утвердилъ несправедливое рѣшеніе палаты, не выкаузывъ въ настоящее дѣло. Впередъ буду внимательнѣе разсматривать рѣшенія уѣзднаго суда.“ Услышавъ этотъ лестный отвѣтъ, Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ чтобы лично познакомиться съ губернаторомъ. Князь Долгоруковъ принялъ его, окруженный толлою чиновниковъ, приветливо пожалъ ему руку, сказавъ что ему пріятно служить „съ такими чиновниками“ и пригласилъ его къ обѣду.

Всѣ эти разказанныя нами событія происходили во времена между годами 1806—12. Но независимо отъ послѣдней и возможной борьбы съ тогдашними неправосудіемъ и крючкотворствомъ, Второвъ много употребилъ времени и труда на то чтобы раскрыть предъ начальствомъ жалкое состояніе низшихъ судебныхъ учреждений и бѣдственное положеніе чиновниковъ, получавшихъ нищенское жалованье; при такомъ порядкѣ который существовалъ тогда лихоимство было, дѣйствительно, зломъ неизбежнымъ, ибо безъ него суды

были бы лишены возможности имѣть помѣщеніе, дрова, письменные матеріалы, прислугу, уже не говоря о чиновникахъ, содержаніе которыхъ было гораздо ниже послѣдняго лоденщика. Въ этомъ смыслѣ Второвъ писалъ цѣлые трактаты, которые прочитывались губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ, частію посылались для вѣчнаго покоя въ Сенатъ, частію же обрѣтали такой въ Симбирскихъ архивахъ. Не забудемъ что литераторъ-судья не могъ смотрѣть равнодушно на безграмотность и невѣжество подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, большею частію людей нетрезвыхъ; все это должно было болѣе чѣмъ удвоивать его труды.

VII.

(1807—1814).

Перемены въ семьѣ Второва и его казанскія знакомства. — 1812й годъ. — Баткирскій бунтъ. — Г. Н. Струковъ. — Кн. Г. С. Волконскій, оренбургскій военный губернаторъ. — Вѣсти изъ Москвы. — Семейства графа Г. С. Салтыкова и графини А. Н. Толстой, проживавшія въ Самарѣ. — И. А. Второвъ не только судья, но и городничій и предводитель дворянства въ Самарѣ. — Пѣвныя Наполеоновской арміи. — Подвиги полковника Языкова. — Князь А. А. Долгоруковъ, симбирскій губернаторъ, полемизирующий со Второвымъ изъ-за пѣвныхъ. — Озлобленіе Самарянъ противъ пѣвныхъ Французовъ. — Проводы пѣвныхъ. — Замѣчательные случаи изъ городничества и судейства Второва. — Минуты его недовольства. — В. Г. Паткиль.

Между тѣмъ событія обыденной жизни шли своимъ чередомъ. Они были не замѣчательны и только весьма немногими, блѣдными чертами отразились въ ежедневныхъ запискахъ нашего героя. Самыя записки эти порою до такой степени кратки и безсодержательны что изъ нихъ рѣшительно нечего выбрать; не разъ случалось что за цѣлый годъ записано только нѣсколько ничего не значащихъ строкъ.

Въ концѣ октября 1806 года Марья Васильевна родила дочь Катерику. Черезъ годъ въ тѣ же числа Иванъ Алексѣевичъ отпускаетъ на оброкъ стараго слугу своего Гаврилу, что заноситъ, какъ событіе важное, въ свои записки, со слѣдующею замѣткой: „Онъ уже перешелъ на квартиру. Привычка къ человѣку бываетъ болѣе, нежели къ кафтану,

или какой вещи. Больно мнѣ, но дѣлать нечего!" Въ 1806 году его избираютъ судьей на новое трехлѣтіе. Въ 1809 году относится его сближеніе съ Пановыми, пріѣзжавшими каждое лѣто въ свою Кротовку; но сближеніе, т.-е. тѣсная дружба, была не съ самимъ Пановымъ, а съ его женою, Анной Васильезной, которую герой нашъ называетъ „великимъ изъ женщинъ человѣкомъ, ангеломъ для всѣхъ“. Съ этимъ „ангеломъ“ каждое лѣто Второвы проводили по нѣсколькимъ дней и даже недѣль, вмѣстѣ ѣздили по гостямъ, на воды и пр.; гащивали и Пановы у Второвыхъ въ Самарѣ. Годъ черезъ три Иванъ Алексѣевичъ познакомился съ отцомъ Пановой, Василиемъ Ивановичемъ Чемезовымъ, котораго онъ очень расхваливаетъ. Пановы причисляли себя также къ казанской аристократіи; домъ ихъ былъ изъ первыхъ въ городѣ; Пановъ имѣлъ какой-то крупный чинъ. Въ 1810 году скончалась въ Ставрополѣ старшая сестра Второва, Екатерина Алексѣевна. Жизнь ея прошла совершенно незамѣтною. Оплакивая ея смерть, братъ замѣчаетъ только: „Горестно было вспомнить ея непріятную жизнь и невѣрные страданія отъ гордости.“ Умирая, она передала брату какую-то тайну ихъ матери. Въ іюлѣ того же года въ первый разъ ѣздили Второвъ на Сергіевскія сѣрныя воды. Съѣздъ былъ довольно большой, до 120 семействъ. Пріѣзжіе размѣщались лагеремъ, въ палаткахъ, кибиткахъ и балаганахъ; вокругъ этого лагеря паслось до двухъ тысячъ лошадей. Сѣрные ключи, вытекая изъ отлогей горы, съ шумомъ низвергаются въ прудъ и издаютъ отвратительный, далеко распространяющійся запахъ. Въ числѣ посѣтителей водъ находился профессоръ Казанскаго Университета Фуксъ (Карлъ Фелоръ), съ которымъ не преминулъ познакомиться Второвъ, и старинные симбирскіе знакомцы его, братья Микулины (Пав. и Порф. Петровичи). Сергіевскія сѣрныя воды пользовались на востокѣ Россіи такою же славою какъ Лилецкія на югѣ, съ тою однакоже разницею что жизнь на нихъ не представляла тѣхъ удобствъ какъ въ Лилецкѣ, красивомъ и живописномъ городкѣ Тамбовской губерніи. Въ послѣдствіи, въ 20—30 годахъ, число посѣтителей сѣрныхъ водъ значительно увеличилось и помѣщеніе на нихъ представляло уже мѣтѣ азійскую картину, чѣмъ въ десятихъ годахъ. Но и тогда, по словамъ очевидца (одного изъ пріятелей Второва, описывавшаго ему воды), помѣщеніе для пріѣзжихъ было весьма

жалкое. Кромѣ большихъ домовъ, принадлежавшихъ Тургене-вымъ, Шалашникову и другимъ окрестнымъ богачамъ, и лазарета, всѣ постройки на водахъ состояли не болѣе какъ изъ 30 жалкихъ лачужекъ, сырыхъ и холодныхъ. За исключе-ніемъ лазарета, построеннаго Шалашниковымъ, каменнаго зданія не было ни одного, несмотря на обиліе главы, изве-сти, гилса и хорошаго строеваго лѣса. Частную предприимчивость убивалъ натуральный лостой, который должны были отбывать владѣльцы убогихъ хижинъ, давая у себя безмездный пріютъ разнымъ чинамъ и чиновникамъ. При такихъ условіяхъ жизнь на водахъ была очень дорога: оди-нокіе люди платили за квартиру по 50 руб. на сезонъ; ванна стоила 1½ руб.; лудъ или или сѣрной грязи—2 р. Но неудобства и дороговизна не мѣшали сѣздамъ, увеличивав-шимся съ каждымъ годомъ: сѣзжались не только со всего Поволжья, но изъ Москвы и другихъ отдаленныхъ мѣстъ. Сѣрныя воды и для нашего героя были всегда любимымъ мѣстомъ остановки во время его лѣтнихъ странствованій. Святки 1811—12 года Иванъ Алексѣевичъ провелъ въ Каза-ни, гдѣ останавливался у Павловыхъ, на Ляцкой улицѣ. Это посѣщеніе столицы русскаго востока оставило въ воспоми-наніяхъ нашего героя слѣды болѣе глубокіе, чѣмъ предыду-щее, когда онъ познакомился съ казанскими масонами; въ эту пору о какихъ-нибудь масонскихъ отношеніяхъ и зна-комствахъ не могло быть и рѣчи. До знаменитаго пожара 1815 года, испепелившаго Казань, городъ этотъ, послѣ сто-лицъ, былъ рѣшительно первымъ въ Россіи, лучшимъ, чѣмъ „нѣмецкая Рига, польская Вильна и вавилонская Одесса“, по выраженію Вигеля. Послѣдній, состоя при свитѣ графа Голов-кина, отправлявшагося посломъ въ Китай, посѣтилъ Казань въ 1805 году и оставилъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько бойкихъ, хотя, вѣроятно, не вполнѣ вѣрныхъ очерковъ казанской жизни (*Воспом.* Вигеля Ч. II, стр. 125—138). Замѣчательно то что ни Вигель, ни Второвъ ничего не говорятъ о только-что возникшемъ тоже Казанскомъ Универ-ситетѣ. Казанскимъ губернаторомъ былъ въ эту пору Бо-рисъ Александровичъ Мансуровъ (1804—1814). Онъ былъ женатъ на прирожденной Казанкѣ, на княжнѣ Елисаветѣ Се-меновнѣ Баратаевой, старшей дочери бывшаго казанскаго губернатора (1789—1796), князя Семена Михайловича, родна-го брата уже упомянутаго симбирскаго губернатора; другая

сестра ея (Александра Семен.) была потомъ замужемъ за Мусинымъ-Пушкинымъ (Мих. Никол.), въ послѣдствіи попечителемъ Казанскаго Университета. Домъ княгини Баратаевой и ея четырехъ дочерей-красавицъ былъ изъ первыхъ аристократическихъ домовъ въ Казани; въ пріѣздъ Вигеля Мансуровъ былъ уже вдовцомъ. Второе, послѣ Баратаевыхъ, мѣсто въ тогдашнемъ казанскомъ обществѣ принадлежало Юшковымъ (Иванъ Осиповичъ и Наталья Илатовна), имѣвшимъ множество дѣтей, изъ которыхъ оставалось въ живыхъ пять сыновей и столько же дочерей. „Домъ Юшковыхъ, говоритъ Вигель, „почитался и былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Казани“. Наталья Илатовна Юшкова была родная сестра знаменитаго Василя Илатовича Полянскаго, о которомъ мы скажемъ ниже. Вигель восхваляетъ только многочадіе этой четы; но мать и дочери, кажется, отличались и умомъ. Не малочисленна была въ Казани и фамилія Булыгиныхъ. Ихъ было, кажется, два дома: Катерины Александровны, вдовы и обладательницы нѣсколькихъ дочерей, и Дмитрія Александровича, ея сына. Первая, крестница императрицы Екатерины II, женщина очень умная и образованная, была въ это время уже древнею старухой. Домъ Геркень, или Геркиныхъ, Федора Петровича и Катерины Петровны, также славился, подобно Юшковымъ и Булыгинымъ, многочадіемъ, — нѣсколькими дочерьми. Затѣмъ, послѣ Пановыхъ и Чемезовыхъ, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ фамиліяхъ: Мусиныхъ-Пушкиныхъ (Николай Михайловичъ и Авдотья Сергѣевна) и Желтухиныхъ (Федоръ Федоровичъ и Анна Николаевна), съ которыми герой нашъ также сблизился, какъ и со всею казанскою аристократіей. Вигель, хорошо принятый въ Казани, былъ невысокаго мѣннія о тамошнемъ обществѣ и сожалѣлъ даже что въ немъ не было ни пересудовъ и злословія, ни толковъ о собакахъ и урожаяхъ, а царствовало, какъ онъ выражается, „какое-то веселое, безвинное пустословіе“ (II, 131). Но въ короткое время пребыванія своего въ Казани Вигель, естественно, не могъ вполне ознакомиться со всемъ казанскимъ обществомъ. Но почти въ ту же пору, и за долго до пріѣзда своего въ Казань, Второвъ находился въ перепискѣ съ Н. И. Юшковой, сестрою Полянскаго, и двумя дѣвцами Булыгиными; къ сожалѣнію, отъ этой переписки не осталось никакихъ слѣдовъ. Лажечниковъ, узнавшій Н. П. Геркень и

ея дочерей въ двадцатыхъ годахъ, съ восторгомъ отзывается объ этомъ семействѣ, называя послѣднихъ „милыми, умными, образованными“ (*Русск. Вѣстн.* 1866. Т. LXI, стр. 141). Какъ бы то ни было, но со всѣми названными семействами Второвъ завязалъ такія прочныя отношенія, которыя порвались только со смертью представителей стараго поколѣнія. Казанскій театръ (Есипова) ему очень понравился, но такъ-называемое Благородное Собраніе оказалось хуже Симбирскаго. На этотъ разъ, вѣроятно, увлеченный казанскимъ большимъ свѣтомъ, Второвъ не обратилъ должнаго вниманія на юный Казанскій Университетъ; но однако же познакомился съ однимъ представителемъ его, профессоромъ Городчанцовымъ, плодовитымъ казанскимъ литераторомъ, который приглашалъ его вступить въ Общество Любителей Россійской Словесности. Въ маѣ того же года родилась у Второвыхъ другая дочь, Анна, а въ ноябрѣ скончался тестъ Ивана Алексѣевича, В. С. Мильковичъ. Со второй половины 1812 до второй половины 1814 года Второвъ правилъ городническую должность, сверхъ своей; приходилось ему въ это же время, кромѣ этихъ двухъ, исправлять и третью должность, узднаго предводителя дворянства. Недостатокъ въ людяхъ, объясняемый важными событіями того времени, былъ причиною такого страннаго явленія. Великія событія Отечественной Войны задѣли и тотъ отдаленный, тихій край средняго Поволжья, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ нашъ герой. Только 9го сентября, находясь въ Ставрополѣ, узналъ онъ о вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи. Вотъ что онъ записалъ о 1812 годѣ:

„Наступилъ несчастный 1812 годъ. Въ началѣ его каждую ночь мы любовались прекрасною звѣздой съ длиннымъ хвостомъ. Почти всѣ жители Самары предвѣщали какое-то общее несчастье, какъ обыкновенно всегда съ самой древности лугали людей появляющіяся кометы; и когда исполнялись ихъ предвѣщанія, то вѣрили, такъ и теперь случилось.

„Не болѣе полугода прошло какъ мнѣ поручили еще городническую должность, а самарскаго городничаго перевели въ другой городъ; итакъ, мнѣ прибавилось заботы и трудовъ невыносимыхъ. При полиціи прежде была въ вѣдѣніи городничаго инвалидная команда, которая послѣ того причислена ко внутренней стражѣ и управлялась гарнизоннымъ офицеромъ, ни мало не завися отъ городничаго. Кварталь-

наго надзирателя не было, а десятскихъ, человекъ восемь изъ стариковъ или мальчиковъ, по очереди присылала городская дума и тѣ жили по своимъ домамъ или квартирамъ. Въ городѣ не было ни одной будки. Въ городническомъ правленіи находилось только двое писцовъ: одинъ горькій пьяница, другой потрезвѣе; изъ нихъ первый, вскорѣ по вступленіи моемъ въ городническую должность, опился и наденъ близъ кабака мертвымъ. Мнѣ же досталось одному съ лѣкаремъ производить слѣдствіе о скоропостижной его смерти. Другой, по прозванію Жевскій, въ чинѣ коллежскаго регистратора, умѣлъ только переписывать набѣло. Въ городѣ, по многолюдству жителей, особливо по множеству бурлаковъ пристающихъ къ нему на лывущихъ вверхъ и внизъ по Волгѣ судахъ и лодкахъ, случались ежедневно разные происшествія: драки, ссоры, воровство, которыя долженъ я былъ разбирать словесно или производить слѣдствія, а между тѣмъ непрерывно встрѣчать и провожать идущіе чрезъ городъ лѣшіе и конные лодки изъ Оренбургскаго корпуса къ арміи. Исправляя должности судейскую, городническую и дворянскаго предводителя за его болѣзнію, я почти все время не имѣлъ свободнаго часу для отдыха ни днемъ, ни ночью. Письменною частію по полиціи занимался самъ, а лица Жевскаго сдѣлалъ квартальнымъ надзирателемъ, далъ ему свою лошадь чтобъ онъ съ десятскими объѣзжалъ городъ ночью и днемъ, чтò дѣлалъ и самъ, и обо всемъ доносилъ губернатору и губернскому правленію, прося при томъ прислать мнѣ кого-нибудь въ помощники. И какъ никого не присылали, то просился въ учреждающееся тогда ополченіе, и на это также промолчали. По крайней мѣрѣ добрый нашъ губернаторъ (А. А. Долгоруковъ) лестными отзывами о моей дѣятельности утѣшалъ меня надеждою что скоро будетъ опредѣленъ настоящій городничій.“

Лестные отзывы Иванъ Алексѣевичъ вполне заслужилъ; но „настоящій“ городничій не появлялся въ Самарѣ до второй половины 1814 года, а между тѣмъ этотъ городъ въ 1812 году, когда непріятель еще находился въ предѣлахъ Россіи, едва не сдѣлался ареною башкирскаго бунта. Дѣло происходило такимъ образомъ. Въ половинѣ октября явился въ Самару квартирмейстеръ отъ идущаго позади его башкирскаго отряда, состоявшаго изъ пяти полковъ, по 500 людей и по 1.000 лошадей въ каждомъ. Этимъ полкамъ назначено

было пробыть въ Самарѣ двое сутокъ, по случаю переправы черезъ Волгу. Такъ какъ всѣхъ полковъ нельзя было размѣстить въ Самарѣ, то Второвъ просилъ исправника Алашеева чтобъ онъ послѣдовалъ назначить имъ квартиры въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ. Алашеевъ поскакалъ на встрѣчу отряду, а между тѣмъ два полка уже вступили въ городъ. Ихъ пришлось размѣстить частью въ Самарѣ, частью въ пригородной слободѣ, населенной Татарами; остальные три полка успѣли разставить по селеніямъ. Несмотря на октябрь, въ Самарѣ уже начиналась большая стужа. Волга, хотя еще и не стала, но уже была покрыта громадными льдинами, прелятствовавшими переправѣ черезъ нее даже въ мелкихъ лодкахъ; сверхъ того, даже при возможности переправы, въ Самарѣ въ ту пору рѣшительно не было никакихъ перевозочныхъ средствъ, кромѣ одной завозки, и достать ихъ было не откуда. Второвъ довѣсь объ этомъ губернатору и просилъ у него разрѣшенія отправить полки въ Симбирскъ, куда имъ слѣдовало и по маршруту, именно по лѣвому берегу Волги, по которому шла хотя и небольшая, но ровная и кратчайшая дорога. Но отвѣта не было, и поэтому Башкирцы простояли въ Самарѣ цѣлый мѣсяцъ. Отъ новыхъ гостей, состоящихъ, кромѣ Башкирцевъ, изъ Телтарей, Киргизовъ и Татаръ, начались между тѣмъ разные безпорядки, какъ воровство, ссоры и драки съ жителями. Ни командиры ихъ, русскіе офицеры, ни городничій не могли унять буйство; обо всемъ этомъ Второвъ съ каждою почтой доносилъ князю Долгорукову. Между тѣмъ случилось слѣдующее происшествіе: 18го ноября, за два часа до разсвѣта, вбѣжалъ въ квартиру Второва командиръ 8го Башкирскаго полка, капитанъ Пашивцовъ, блѣдный и трелещущій. „Спасите меня, говорилъ онъ: полкъ мой взбуртовался! Нынѣшнею ночью, болѣе 300 человекъ рядовыхъ, въ полномъ вооруженіи, ушли самовольно по Оренбургской дорогѣ.“ Второвъ тотчасъ же послалъ исправника въ тѣ селенія гдѣ стояли Башкирцы, чтобы предупредить полковыхъ командировъ о самарскомъ происшествіи, а самъ зашелъ посовѣтываться что именно дѣлать въ этомъ случаѣ, къ своему пріятелю, проживавшему тогда въ Самарѣ свитскому полковнику по квартирмейстерской части, Струкову (Григ. Никавор.), состоявшему прежде правителемъ дѣлъ у командовавшаго тогда Оренбургскимъ корпусомъ и военнаго губернатора, князя Волконскаго

(Григор. Семенов.) * Струковъ прежде служилъ въ корпусъ Германа въ Голландіи, вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ Французами и болѣе года прожилъ въ Лилѣ. Онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ вмѣстѣ съ княземъ Волковскимъ, но болѣе двухъ лѣтъ не могъ переносить странностей и капризовъ своего начальника, поссорился съ нимъ и перешелъ къ другой дѣятельности. Ему поручено было сдѣлать первый опытъ перевозки каменной соли изъ Илецкой Защиты прямо до Самары; вотъ почему онъ проживалъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, съ состоящими при немъ чиновниками, Фурманомъ (Александр. Федор.) ** и Кинешенцовымъ (Владим. Иванов.) Живя два года въ Оренбургѣ, Струковъ могъ считаться специалистомъ тамошнихъ азіятскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе что онъ пользовался особенною популярностью между Башкирцами, которые обращались къ нему за совѣтами во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Второвъ, по легкости тогдашнихъ отношеній, тотчасъ же подружился съ оренбургскими пріѣзжими, а потому и естественно что онъ нуждался въ совѣтѣ Струкова, чело-вѣка очень умнаго и смѣлаго. Но въ связи съ самарскими происшествіями была и личность оренбургскаго военнаго губернатора, о которой, поэтому, приходится сказать нѣско-лко словъ. Князь Григорій Семеновичъ Волковскій былъ смодуръ въ полномъ смыслѣ этого слова. „Разказываютъ, пишетъ Второвъ, что онъ часто представлялъ собою Суворова, дѣлалъ такія же штуки, зимою и лѣтомъ ежедневно облива-ся холодною водою, ходилъ часто по улицамъ безъ верхняго платья и говаривалъ: Суворовъ не умеръ; онъ во мнѣ! Кажется, не мудренъ былъ и прежде, а въ Оренбургѣ дошелъ до того что далъ предписаніе подчиненнымъ мѣстамъ чтобы по-вѣлній его не исполняли, если не будетъ на нихъ подписи Ер-молаева“. Этотъ *Ермолаевъ*, Алексѣй Терентьевичъ, былъ оберъ-аудиторомъ по должности, но на самомъ дѣлѣ управлялъ

* Генералъ-отъ кавалеріи и членъ Государственнаго Совѣта, † 1834. Онъ былъ жемать на княжнѣ А. Н. Рѣпкиной, дочери фельдмарша-ла Николая Васильевича. О чудачествахъ его говорить и авторъ *Ка-пища моего сердца* (стр. 218).

** Этотъ Фурманъ, большой пріятель Второва, былъ недюжинный по времени стихотворецъ: онъ писалъ юмористическіе стишки на нѣкоторыхъ тогдашнихъ Самарянахъ и въ особенности на Нѣмца Бау-гартена.

дѣлымъ Оренбургскимъ краемъ и, вѣроятно, не отечески, ибо иначе не назывался какъ *Терентичемъ*. А вотъ другое обличительное слово противъ князя Волконскаго, изъ письма Марьи Васильевны Второвой къ ея родителямъ, писаннаго въ октябрѣ 1812 года: „Господи, сохрани насъ при такихъ начальникахъ, какъ нашъ оренбургскій! Ни о чемъ не думаетъ, всему радуется. А что дѣлать! всѣ видятъ и молчатъ. Онъ даже, говорятъ, порадовался что Бертъе, его знакомецъ, начальникомъ Москвы, даже перекрестился этому: вотъ до какого дожилъ безуміа! Если это правда, то Оренбургъ намъ опаснѣе пришествія Французовъ. Тамъ всякая всячина ссылавыхъ, Киргизы, Башкирцы; все это благодаря ему установлено. Конецъ моему героизму: что-то сердце у меня замираетъ!“

Услышавъ разказъ Второва о бунтѣ, Струковъ ужаснулся и воскликнулъ: „Быть бѣдѣ! Французы теперь въ Москвѣ, и Башкирцы навѣрно затѣваютъ бунтъ; надобно ихъ предупредить“. Онъ велѣлъ заложить тройку своихъ лошадей въ открытыя сани, вооружился парю pistols, взялъ съ собою башкирскаго мулла и поскакалъ въ логово за бѣглецами. А между тѣмъ Второвъ, простившись со Струковымъ, поѣхалъ въ Татарскую слободу для производства дознанія, такъ какъ въ городѣ, отъ русскихъ домовладѣльцевъ, по неманію ими башкирскаго языка, естественно, нельзя было ничего узнать. Въ слободѣ нашъ городничій остановился у знакомаго Татарина, отъ котораго онъ узналъ слѣдующія подробности. Въ ночь подъ 18е ноября, въ полверстѣ отъ слободы и по Оренбургской дорогѣ, у Башкирцевъ было сборище, куда они валили толпами изъ города и слободы. Двое изъ ихъ старшавъ, какъ замѣтно, ихъ въ чемъ-то угоривали, но безуспѣшно, а потому принуждены были уйти отъ нихъ скорымъ шагомъ, по направленію къ городу; бунтовщики погнались вслѣдъ за ними и одного едва не закололи, а по другому стрѣляли изъ лука; но бѣглецы спаслись, благодаря быстротѣ своихъ коней. Еще недѣли за двѣ до этого происшествія, по разказамъ Татарина, пріѣзжали въ слободу изъ города и деревень депутаты изъ другихъ башкирскихъ полковъ, кромѣ, впрочемъ, 9го (капитана Полова). Они собирались въ круги и о чемъ-то долго и горячо толковали, отстраняя отъ участія въ этихъ собраніяхъ мѣст-

ныхъ Татаръ. Но послѣ этихъ сходовъ многіе изъ нихъ часто плакали. О чемъ вы плачете? спрашивали Башкирцевъ хозяева Татары. „Насъ посылаютъ на войну, отвѣчали постояльцы, не царь, а *Терентичъ*. Къ намъ дошли слухи что безъ насъ напали Киргизцы и всѣхъ женъ и дѣтей нашихъ порѣзали.“ Вотъ что узналъ Второвъ. Кромѣ Струкова, логнался за бѣглецами и командиръ взбунтовавшаго полка Пльшивцовъ; но ни оный, ни исправникъ не успѣли ничего сдѣлать: VIII Башкирскій полкъ ушелъ въ дѣломъ составѣ, захвативъ съ собою не мало людей и изъ другихъ полковъ. Бѣглецы уже раздѣлились на партіи и поспѣшно бѣжали по направленію къ Оренбургу; но неустоимый Струковъ нагналъ ихъ и успѣлъ перерѣзать дорогу одной изъ партій. При посредствѣ муллы и своимъ авторитетомъ оный успокоилъ бѣглецовъ и убѣдилъ ихъ возвратиться къ долгу службы. Между Башкирцами, какъ узналъ здѣсь Струковъ, существовалъ заговоръ, чрезвычайно оригинальный. „Такъ какъ теперь (по ихъ мнѣнію) въ Москвѣ царствуетъ новый царь, *Пугачъ*; поэтому настала самая пора взбунтовать всю Башкирію, идти на Оренбургъ и другія мѣста до самой Москвы, жечь города и убивать жителей.“ Услышавъ эти странныя вѣсти, Струковъ стремглавъ поскакалъ въ Оренбургъ. Въ жестокую стужу, легко одѣтый, скача по проселкамъ и лѣсамъ, гдѣ скрывались бѣглецы, на третій день не утрашимый, но измерзшій полковникъ былъ уже въ этомъ городѣ и прямо явился въ домъ новаго Суворова. Увидѣвъ личнаго своего недоброжелателя вооруженнымъ и встревоженнымъ, князь Григорій Семеновичъ струсиль.

— Извините, князь, мой костюмъ, сказалъ Струковъ, — имѣю объявить вамъ важную тайну. Прикажите людямъ въ шимъ выдти или пойдете въ особую комнату.

— Нѣтъ, не выходите, обращаясь къ людямъ, вскричалъ люблѣдѣвшій Волконскій, — пошлите еще кого-нибудь... А гдѣ мои адъютанты?...

— Не бойтесь, князь, успокоивалъ его Струковъ, — я имѣю противъ васъ никакого злаго умысла, и тайна моя касается службы.

Они вышли въ другую комнату, гдѣ Струковъ разказалъ ему всѣ приведенныя выше подробности.

— А, батюшка!... воскликнулъ князь Волконскій своею обычною поговоркой, — я ихъ всѣхъ пересѣку кнутомъ.

— Сперва надобно поймать кого съвѣ, внушительно замѣнилъ Струковъ.—Послѣдите, князь, послать надежныхъ людей въ Башкирію и на встрѣчу бунтовщикамъ, надобно сейчасъ предупредить ихъ чтобъ они не могли исполнить своего разговора.

— А, батюшка!... Подите и перескажите все это Алексѣю Терентьичу и дѣлайте какъ надобно, сказалъ губернаторъ.

— Помилуйте, князь! возразилъ не церемонившійся съ нимъ Струковъ,—куда и зачѣмъ мнѣ ходить? Прикажите послать къ кѣмъ вамъ угодно и призовите сюда; надобно сейчасъ дѣйствовать.

Струковъ настоялъ на своемъ. Сбранъ былъ совѣтъ, въ которомъ участвовалъ и неизбѣжный Терентьичъ. Положили: генералу Герценбергу и адъютанту Кочкину отправиться въ Башкирію и на встрѣчу бѣглецамъ. Эти послѣдніе были переловлены частью на дорогѣ, частью въ самой Башкиріи. Возмущеніе не вспыхнуло; но замыселъ идти на Москву, къ Пулячу, какъ оказалось по слѣдствію, существовалъ дѣйствительно. Главные зачинщики были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Второвъ справедливо приписываетъ всю заслугу прекращенія этихъ беспорядковъ, грозившихъ большою бѣдою, энергіи и отважности Струкова, сѣтуя только что этотъ подвигъ остался даже неизвѣстнымъ правительству и прошелъ безслѣдно. Окончивъ дѣла въ степи, Герценбергъ прибылъ въ Самару для присутствованія при переправѣ черезъ Волгу башкирскихъ полковъ. Въ это время Волга только-что покрылась льдомъ, поэтому переправа черезъ нея была еще небезопасна. Иванъ Алексѣевичъ, въ качествѣ городничаго, долженъ былъ приготовить всѣ необходимыя средства, на случай несчастія. Это онъ и сдѣлалъ; но, занятый отправкою почты по суду и полиціи, самъ онъ не могъ присутствовать при переправѣ, а поручилъ заняться этимъ квартальному Жевскому. Но генералъ Герценбергъ, увидѣвъ злополучнаго квартальнаго, послалъ жестокимъ гнѣвомъ за такое неуваженіе къ его сану со стороны городничаго. Онъ прогналъ съ перевоза квартальнаго и потребовалъ къ себѣ Второва. Иванъ Алексѣевичъ явился и долженъ былъ выслушать цѣлую бурю генеральскихъ угрозъ, отъ обычнаго „какъ вы смѣете“ до „я представляю васъ къ отрѣшенію отъ должности“. Выслушавъ терпѣливо эти окрики, герой нашъ сказалъ сердитому гене-

ралу: „ваше превосходительство сдѣлали бы мнѣ величайшее благодѣяніе, еслибы, по вашему представленію, меня отрѣшили“. Слѣшимъ прибавить что Герценбергъ совсѣмъ смягчился когда узналъ подробности о многочисленныхъ занятіяхъ и должностяхъ Второва. Онъ извинился предъ нимъ, отпустилъ его съ переправы и въ остальное время пребывания своего въ Самарѣ почти подружился съ нимъ, оказывая ему „особенныя ласки и вниманіе“.

Грозный, но „славный памятью“ Двѣнадцатый годъ заѣхалъ крыломъ своимъ и отдаленную Самару. „Сердце замираетъ“ въ у одной Марьи Васильевны. Не было почти дома гдѣ бы какой-нибудь членъ семьи, отецъ, братъ, сынъ или другой ближній родственникъ, не служилъ въ арміи или въ ополченіи. Газетъ не выходило; всѣ сношенія съ Москвою были прерваны распространялись одни противорѣчивые слухи: говорили то о побѣдахъ, то о пораженіяхъ. Извѣстіе о занятіи Москвы Французами было получено въ октябрѣ, то-есть одновременно со слухами распространившимися въ степи о появленіи Пугача и о Башкирскомъ движеніи. Понятно, какъ должно было „замирать сердце“ у мирныхъ обитателей средняго Поволжья въ подобную пору, при внутреннемъ хаосѣ, когда цѣлый край грозившій возмущеніемъ уравнивался сумасбродомъ. Что касается до нашего героя, то ему въ исторіи Самары несомнѣнно принадлежитъ почетное, хотя и скромное мѣсто. „Примите, приписываетъ Второвъ къ тещи и тещѣ въ писемѣ жены отъ 4го октября, только мой поклонъ; а писать много нѣкогда. Я сижу то въ судѣ, то въ полиціи. Почта ужасная! пишу самъ, а писаря мои всѣ пьяны. Больше ста бумагъ надобно послать. Замучилась до смерти; хочу проситься лучше на службу (военную). Пугачевую жену мою не слушайте... Французы вошли безъ вреда въ Москву отъ барабаннымъ боемъ, но потомъ опять вышли, награбивъ нѣсколько вещей и серебра, конечно, цѣлковаго, на 450 повозкахъ; но подъ Черною Грязью разбиты и обозъ сей отбитъ. Они уже потянулись назадъ.“ „26го августа, пишетъ Марья Васильевна къ родителямъ, бы подъ Москвою такое кровопролитіе, что никакое перо и даже воображеніе представить не можетъ. Вездѣ звѣрствомъ отличаются Поляки. Изъ Москвы раненыя всѣ перевезены во Владиміръ. Въ здѣшнюю губернію ведутъ лѣвѣнныя

Французовъ. Говорятъ, въ Бугульмѣ они сдѣлали дебошь и зажали было городъ.“ При такихъ занятіяхъ мужа, при такихъ страхахъ и ужасахъ, бѣдной Марья Васильевна, на которой лежала вся тяжесть домашнихъ заботъ, нѣкогда была вздохнуть свободно и она принуждена была отказываться отъ развлеченій, необходимыхъ и даже пріятныхъ. Въ это время проживало въ Самарѣ два знатныхъ семейства, бывшія изъ Москвы отъ Французовъ, графиня Толстая (Александра Николаевна), съ тремя сыновьями и четырьмя дочерьми, и графъ Салтыковъ (Григорій Сергѣевичъ), * ездитъ, женатый на ея дочери (Елизаветѣ Степановнѣ), съ своею матерью, двумя сестрами и двумя маленькими дѣтьми; большой запасъ гувернантокъ и компаньенокъ увеличивалъ безъ того не маленькія семейства. Графъ Григорій Сергѣевичъ былъ литераторъ и даже поэтъ и, по увѣренію Второва, зналъ въ совершенствѣ всѣ европейскіе языки. Онъ бизиса съ Иваномъ Алексѣвичемъ и долго потомъ находился съ нимъ въ лостоянной перепискѣ. Онъ каждодневно бывалъ у Второвыхъ и просиживалъ у нихъ далеко за полночь; очень часто заживали и братья Толстые (Степанъ, Іахманъ и Петръ Степановичи). „Я еще не знакома съ графинями, говоритъ Марья Васильевна въ вышеприведенномъ письмѣ, да не знаю буду ли знакомиться: вы знаете всѣ мои обязанности (дѣла) и много ли я имѣю времени. Правда Иванъ Алексѣвичъ при всей охотѣ къ знакомству отказывался отъ частыхъ свиданій; но благосклонности такъ велики, по нѣтъ возможности отказаться. Сегодня (4го октября) у Салтыкова Ваня будетъ обѣдать и т. д.“ И дѣйствительно, потомъ, отказаться отъ знакомства не было никакой возможности: графини оказались любезными женщинами, и оба знатнѣя семейства стали жить въ большой дружбѣ съ семьей самарскаго городничаго и судьи, дружбѣ не прекращавшейся во всю ихъ жизнь.

* Сынъ Сергѣя Петровича, сенатора. † 1814. Онъ былъ однимъ изъ основателей Московскаго Общества Любителей Россійской Словоупотребленія, издатель (вмѣстѣ съ Хвостовымъ и Кутузовымъ) журнала *Просвѣщенія* и авторомъ многихъ стихотвореній. Графиня А. Н. Толстая была урожденная княжна Щербатова, † 1820. У этихъ людей, не игравшихъ никакой административной роли, была поэтесса въ тогдашней Симбирской губерніи.

„Въ началѣ 1813 года и весь этотъ годъ, продолжаетъ Второвъ, мои хлопоты и мучительныя заботы по должности особливо по городу, умножились болѣе прежняго. Я долженъ былъ безпреставно встрѣчать и провожать толпы лѣвннхъ: Французской арміи, разныхъ націй: Французовъ, Пяццевъ, Поляковъ, Италіянцевъ и Гизланцевъ, которыхъ сопровождали русскіе офицеры, съ командами ратниковъ и регулярныхъ солдатъ въ Сибирь и въ Оренбургскую губернію. Раненыхъ и больныхъ везли на подводахъ, а которые въ силахъ были идти пѣшкомъ, тѣхъ гнали, какъ свиней, лаками. Тогда всѣ состоянія, особливо чернь, озлоблены были неистовства противъ враговъ нашего отечества. Въмѣсто квартиръ, запирали ихъ кучами въ лустыхъ сараахъ и амбарахъ. Равнодушно нельзя было смотрѣть на несчастныя жертвы властолюбія Наполеона.“

Первая партія лѣвннхъ прибыла въ Самару въ концѣ сентября 1812 года, уже въ глубокую осень. Эту партію, въ числѣ 1.700 человекъ, велъ Владимірскаго ополченія полковникъ Языковъ, сконвоировавшій ее полнымъ батальономъ ратниковъ. За день до прихода въ городъ, онъ далъ звать родственнику о своемъ прибытіи, просилъ отвести для него офицеровъ и команды квартиры, а для лѣвннхъ приготовить лустые амбары или сараи, а равнымъ образомъ озаботиться доставленіемъ необходимыхъ средствъ для переправы черезъ Волгу. Все это было приготовлено. Языковъ и нѣсколько офицеровъ въѣхали въ городъ первыми и расположились тотчасъ же въ отведенныхъ имъ квартирахъ. Второвъ съ графомъ Салтыковымъ отправились на переправу, въ двухъ верстахъ отъ Самары. Они были поражены увидѣнною ими картиною. „Положеніе лѣвннхъ было самое ужасное: кто въ силахъ былъ, шол пѣшкомъ; дрожали отъ холода, въ однихъ мундирахъ своихъ, безъ всякаго зимняго плаатья, худые, и куренные; многіе падали дорогою, и тѣхъ клали на телеги. За ними тянулись на подводахъ больные, лежащіе человекѣ по ляти на одной телегѣ. На перевозѣ въ нѣсколькихъ миляхъ приставали къ берегу, также дрожащіе отъ стужа бѣдные, извуренные люди; больныхъ вытаскивали изъ лодокъ и клали на телеги. Ихъ стонъ и жалобы на безчеловѣчье съ ними поступки раздирали сердце. Зрѣище ужасное, оскорбительное! Мы не могли долго видѣть такого бѣдъ

несчастныхъ и возвратились въ городъ.“ Графъ Салтыковъ, воспользовавшись своимъ знаніемъ языковъ, разговаривалъ съ лѣвными Французами, Нѣмцами, Итальянцами и Исландцами, спрашивая ихъ о родинѣ и о тѣхъ битвахъ гдѣ пришлось имъ пострадать.

Прямо съ перевоза нашъ пылкій городничій бросился въ квартиру полковника Языкова и разказалъ ему свои впечатлѣнія отъ видѣнной сцены, изъясняя, при этомъ, свое негодованіе на обращеніе ратниковъ съ лѣвными, которые „улавшихъ отъ безсилія бьютъ палками, а медленно идущихъ также погоняютъ палками, какъ скотовъ“. Языковъ, разказываетъ Второвъ, съ суровостію возразилъ мнѣ:

— Какъ вамъ не стыдно, сударь, жалѣть злодѣевъ, которые надѣлали столько бѣдъ нашему отечеству.

— Они были злодѣями тогда когда имѣли ружье и дрались, а теперь обезоружены, изранены и убиты несчастіемъ. Надобно жалѣть по человѣчеству, а не угнетать ихъ. Но моя философія не произвела на него никакого дѣйствія: онъ все говорилъ свое. Отъ него прѣвзжаю къ графу Салтыкову и разказываю ему о человѣколюбивыхъ сужденіяхъ г. Языкова. Въ ту самую минуту, противъ самыхъ оконъ его квартиры, провезли лѣвныхъ больныхъ. Двѣ сестры Салтыкова, графиня Пелагея и Аграфена Сергѣевны, просили меня проводить ихъ къ больнымъ чтобы посмотреть и поговорить съ ними. Мы вошли на дворъ, гдѣ снимали больныхъ съ телѣжки. Ихъ было пять человѣкъ, Французы. Верхнихъ трехъ сняли, а лежащіе внизу двое были уже мертвые. Графини начали говорить съ живыми по-французски, но они ничего не могли отвѣчать и только стонали. Хозяйка того дома привнесла имъ по небольшой лепешкѣ и положила имъ на руки. Одинъ ничего уже не могъ ѣсть, а другіе двое, вмѣсто лепешекъ, грызли свои руки до крови. Видно было что они очень голодны, или въ безламятствѣ. Графини со слезами на глазахъ возвратились къ себѣ на квартиру.

Эту партію лѣвныхъ Языковъ на другой день повелъ въ Оренбургскую губернію; но, пройдя верстъ 150 отъ Самары, онъ былъ оставленъ. Изъ Оренбурга присланы были медики для освидѣтельствованія больныхъ, потому что по пути Языкова шла эпидемически гнилая горячка. Изъ 1.700 человѣкъ лѣвныхъ, вышедшихъ изъ Владиміра, Языковъ привелъ въ Орен-

бургскую губернію не болѣе 300 человекъ, а изъ ратниковъ только половину; остальные люди были зарыты на скорую руку въ землѣ въ разныхъ мѣстахъ, по которымъ проходили. Въ послѣдствіи обнаружилось что въ самой Самарѣ, во время переправы черезъ Волгу, на правомъ берегу этой рѣки, было зарыто въ песокъ до сорока еще не остывшихъ труловъ. „Слышно было, говорить Второвъ, что полковникъ Языковъ отдавъ былъ подъ военный судъ за свое варварство“; но не извѣстно оправдался ли этотъ слухъ и чѣмъ кончился судъ, если слухъ былъ вѣренъ.

На постоянное житье въ Самарѣ лѣвныя Великой Арміи изъ разныхъ національностей явились только черезъ годъ, въ сентябрѣ 1813 года, въ числѣ 16 офицеровъ и 42 рядовыхъ. Офицерамъ выдавалось по 50 к., а рядовымъ по 5 к. въ день на человека, и сверхъ того солдатскій провіантъ. Городничему велѣно было смотрѣть за ихъ поведеніемъ и наблюдать „чтобы не было имъ чинимо никакого притѣсненія“. „Всѣ лѣвныя офицеры и рядовые, доносилъ Второвъ губернатору, имѣютъ на себѣ весьма худое платье, такъ что многіе босы, нѣтъ даже рубашекъ, кромѣ ветхихъ мундировъ или изорванныхъ сюртуковъ и капотовъ; а шубы или тулупа нѣтъ ни у кого. Всѣ они, кромѣ двѣнадцати человекъ, изранены или имѣютъ ознобленныя на рукахъ или ногахъ пальцы. Молодость не спасаетъ ихъ отъ болѣзни, а страданія отъ наступившаго холода.“ И. А. Второвъ явился горячимъ защитникомъ интереса лѣвныхъ и не давалъ по этому случаю покоя губернатору. Мы уже нѣсколько знакомы съ тогдашнимъ симбирскимъ губернаторомъ княземъ А. А. Долгоруковымъ, человекомъ дѣйствительно умнымъ, который очень любилъ Второва, „но и онъ, по словамъ послѣдняго, по тогдашнему ожесточенію всѣхъ сословій противъ Французовъ, имѣлъ, какъ и другіе, политическій фанатизмъ и ни мало не входилъ въ бѣдственное положеніе лѣвниковъ. Часто онъ досадовалъ на меня за защиту ихъ и называлъ меня Французолюбцемъ.“ Главная забота Второва состояла въ томъ чтобъ одѣть и прокормить лѣвныхъ, не дать имъ умирать съ голоду и холоду и отъ болѣзней. Тогда былъ урожайный годъ и цѣна въ Самарѣ на съѣстные припасы болѣе чѣмъ удвоилась, такъ что отпускаемыхъ денегъ не хватало даже на содержаніе рядовыхъ. Отпуская этимъ послѣднимъ по 5 к. и солдатскій порціонъ, правительство

разчитывало на ихъ заработокъ, а потому и отказывало въ снабженіи одеждой тѣхъ изъ нихъ которые были совершенно здоровы и слобовны къ работѣ; но расчетъ этотъ оказался ошибочнымъ, такъ какъ лѣнные при тогдашнихъ отношеніяхъ къ Русскому народу и ломышлять не могли ни о какихъ заработкахъ, по крайней мѣрѣ въ Самарѣ. По положенію, составленному тогдашнимъ министерствомъ полиціи, отпускались для зимняго времени нижнимъ чинамъ изъ лѣнныхъ слѣдующія вещи: шалка изъ простаго сермяжнаго сукна, овчинный полушубокъ, сермяжный кафтанъ, такіе же штаны и онучи, рубашка, рукавицы съ варьгами и лалти. Штабъ- и оберъ-офицеры вмѣсто полушубковъ получали овчинные тулупы, а вмѣсто кафтановъ сермяжныя шивелы; въ случаѣ неимѣнія никакой одежды имъ давали то же самое что назначалось для нижнихъ чиновъ; но потомъ имъ стали давать на одежду по 100 р. на человекъ. Но изъ заготовленіе всѣхъ необходимыхъ вещей обозначенныхъ въ положеніи, въ которыхъ нуждались лѣнные, деньги и ассигновки высылались изъ Симбирска самымъ безпорядочнымъ образомъ: на лалти и онучи вышлютъ, а про полушубки и армаки позабудутъ, или наоборотъ! Между тѣмъ ранніе осенніе холода, обыкновенно бывающіе въ Симбирскѣ и Самарѣ, и стоящіе доброй зимы болѣе южныхъ и западныхъ губерній, уже давали себя чувствовать. Появились болѣзни, а въ городѣ всего на всего былъ одинъ лѣкаръ (Калиновскій), да и тотъ никого не лѣчилъ, будучи и самъ одержимъ какии-то недугомъ. Но добрая воля и энергія чего не преодолеваютъ! Такъ и Второвъ преодолевалъ всѣ препятствія и сдѣлалъ положеніе лѣнныхъ весьма сноснымъ: они не нуждались болѣе въ пищѣ и одеждѣ; для нихъ былъ присланъ лѣкаръ, изъ лѣнныхъ же, живущихъ въ Ставрополѣ. Нѣкоторое вліяніе на улучшеніе положенія лѣнныхъ могъ имѣть слѣдующій ихъ адресъ къ князю Долгорукову, отправленный Второвымъ уже въ концѣ декабря и, вѣроятно, по его мысли составленный:

A son excellence, Monseigneur le gouverneur de Simberg.

Monseigneur,

L'état déplorable dans lequel nous sommes, nous a engagé à
Vous exposer nos pressans besoins et à solliciter vos bontés.

Il y a déjà longtemps que nous sommes prisonniers, nous

n'avons plus ni vêtement, ni linge, et ne pouvons suppléer au besoin par le fruit du travail ayant la plupart les pieds et les mains gélées. Nous sommes couverts de blessures qui nous ont affaiblies et privées de nos facultés, quelques uns même ont de membres de moins. Un partie de nous a reçu des péliesses et l'autre des demi-péliesses, mais la saison est rigoureuse, et Vôtre Excellence sait, que cette couverture est insuffisante. Nous faisons donc des voeux pour qu'elle daigne se disposer favorablement pour nous et pour qu'elle ordonne qu'il y soit ajouté quelque chose. Nous vous supplions, Monseigneur, de fixer un instant vôtre attentions sur nous et d'accueillir nôtre prière avec cette bonté qui Vous caractérise.

Nous sommes avec le plus profond respect etc.

Въ началѣ 1814 года прибыла въ Самару новая партія плѣнныхъ, такъ что всего составилось 18 офицеровъ и 101 рядовой. Плѣнные размѣщены были по квартирамъ, на каждой по два человѣка; офицеры въ особыхъ комнатахъ, а рядовые вмѣстѣ съ хозяевами. Нѣкоторые хозяева въ офицерскихъ квартирахъ испортили печи, или выставили окна, другіе не давали дровъ для топки. Хозяева солдатскихъ квартиръ не давали своимъ постояльцамъ не только посуды и воды, но даже сѣна и соломы, оправдываясь тѣмъ что Французы ологаняютъ посуду, ибо они ѣдятъ зайцевъ и никогда не крестятся. Унтеръ-офицеръ и двое солдатъ должны были ежедневно обходить квартиры плѣнныхъ. Самъ Второвъ часто посѣщалъ квартиры офицеровъ, а иногда и нижнихъ чиновъ. Каждое воскресенье приводили ихъ къ городничему, выстраивали въ одну линію предъ окнами его дома и дѣлали имъ переключку. Плѣнные вели себя скромно; но до губернатора дошли слухи о противномъ, и вотъ онъ рекомендуетъ Второву усилить надъ ними надзоръ, „который бы удерживалъ ихъ отъ всякихъ своевольныхъ поступковъ“. Иванъ Алексѣевичъ является опять горячимъ защитникомъ плѣнныхъ и вотъ что, между прочимъ, доноситъ о нихъ своему начальнику:

„Съ самаго начала нахожденія ихъ въ городѣ не могъ я замѣтить вообще никакого своевольства отъ нихъ. Во все сіе время одинъ только рядовой, за грубость хозяину, наказанъ былъ мною тюремнымъ содержаніемъ; впрочемъ, всѣ они, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, ведутъ себя нап-

лучшимъ образомъ среди людей естественно чувствующихъ къ нимъ, какъ къ врагамъ и иностранцамъ, ненависть. И тѣмъ (для нихъ) похвальнѣе что во все время нахождения ихъ здѣсь ни одинъ лѣвый никогда и никѣмъ не былъ замѣченъ въ пьянствѣ и даже въ началѣ ссоры, несмотря на то что ежедневно озлобляются они жителями названіемъ *собакъ, свиней* и, выдуманнѣе чрезъ какого-то цѣловальника, словомъ — *Парижъ-пардонъ*. Не было прохода ни одному Французу по улицѣ, чтобъ его толпы ребятъ и даже взрослых и старыхъ людей не дразнили, какъ собаку, несмотря на запрещеніе отъ меня чрезъ полицейскихъ служителей и солдатъ, къ нимъ приставленныхъ. Дабы не случилось важнѣйшей между ними ссоры и драки, я принужденъ былъ въ некоторыхъ бунтовъ брать подъ караулъ и тѣмъ нѣсколько уменьшилъ озлобленіе противу лѣвыхъ. Однакожь и понынѣ еще сіе продолжается, такъ какъ недавно случилось что четверо пьяныхъ людей избили жестоко одного Француза. Почти всегда отъ лѣвыхъ и отъ приставленныхъ къ нимъ солдатъ доходятъ ко мнѣ жалобы на сіи озлобленія и на разныя притѣсненія ихъ отъ хозяевъ квартиръ, и по разбирательству, я всегда находилъ невинными лѣвыхъ. Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство предлѣзать здѣшнему магистрату и думѣ, чтобъ они подтвердили гражданамъ своего вѣдомства не озлоблять военнолѣвыхъ Французовъ, для избѣжанія ссоры и драки; ибо многіе изъ порядочныхъ гражданъ, по невѣжеству своему, одобряютъ такіе непристойные поступки съ лѣвыми и недовольны моимъ защищеніемъ ихъ. Если и дошли до вашего сіятельства о своевольствѣ лѣвыхъ какіе слухи, то не иначе можно почитать какъ клевету.⁴

Между губернаторомъ и городничимъ - судьей возникла рѣшительная полемика по поводу лѣвыхъ. Вотъ что отвѣчалъ князь Долгоруковъ на донесеніе Второва: „На рапортъ вашъ сынъ даю знать что я не нахожу ни мало со стороны жителей для военнолѣвыхъ озлобленій, ежели они говорятъ имъ что *Парижъ-пардонъ*. И сіи слова ходить имъ по улицамъ преграды дѣлать не могутъ; тѣмъ болѣе сіе подтверждается, если Французы такъ добродѣтельны, какъ вы ихъ описываете.“ Въ доказательство озлобленія жителей Второвъ разказываетъ слѣдующій забавный анекдотъ:

„Въ послѣдніе дни Масляницы, во время катанья, расста-

вилъ я въ разныхъ мѣстахъ по улицамъ лѣвшихъ казаковъ и строго приказалъ имъ смотрѣть, унимать и даже брать подъ караулъ тѣхъ кто будетъ дразнить Французовъ и ругать ихъ. Вечеромъ пошелъ я одинъ на Большую Улицу. На мнѣ былъ байковый капоть. Доходя до одного мѣста, гдѣ стоялъ караульный казакъ, слышу: „Собака-Французъ! Парижъ-пardonъ“. Подхожу ближе. Казакъ идетъ прямо ко мнѣ съ кулаками и продолжаетъ ругать свиньею и собакою; но, узнавъ меня, скинулъ шапку и вытянулся. Такъ-то ты исполняешь приказаніе? говорю ему. „Виновать, ваше благородіе! Я думалъ что это Французъ“.

Озлобленіе дѣйствительно было; но отъ официальной полемики оно не унялось. По свидѣтельству Второва, жители Самары, видя молчаніе Французовъ на задирательныя фразы, стали бросаться на нихъ съ ругательствомъ, бить, толкать въ снѣгъ, бросать въ нихъ мерзлою грязью и пр. Но и лѣвыя далеко не были такими агнцами, какими ихъ рисуетъ Второвъ. Въ Курмышѣ, во время Масляницы того же 1814 года, они надѣлали разныя безпокойства и поразбѣжались; даже между самарскими лѣвными, даже между офицерами, изъ которыхъ нѣкоторые „имѣли входъ въ три благородныя дома“, не все было ладно. Явились буяны, которыхъ надобно было умирать, подвергать взысканіямъ, строгому выговору и аресту и, что всего непріятнѣе, доносить объ этихъ происшествіяхъ полемизирующему губернатору. Блязъ Долгоруковъ, дѣйствительно, ловко воспользовался такимъ доношеніемъ. „Не могу не присовокупить моего удивленія что Французы такъ худо оправдываютъ вашу рекомендацію, прежде вами мнѣ обо *всѣхъ* ихъ сдѣланную, и что, какъ я съ прискорбіемъ замѣчаю изъ рапорта вашего, *благородные Русскіе могутъ водить компанію съ врагами изъ отечества!*.. Желалъ бы чтобы всякій остался при тѣхъ чувствованіяхъ что къ безсиальному уже неприятелю должно имѣть одно только состраданіе и не вредить ему; но отнюдь не водить компаніи, а тѣмъ лаче еще имѣть короткое обращеніе. Ибо сіи двѣ вещи весьма различны; и каждый истинный сынъ отечества увидитъ что первая изъ нихъ похвальна, а носѣдняя предосудительна и мараетъ честь Россіянца.“ Это назиданіе не осталось безотвѣтнымъ со стороны нашего героя. „Ежели изъ нихъ (лѣвныхъ офицеровъ), говоритъ онъ, че-

ловѣкъ пять и имѣли прежде входъ въ нѣкоторые благородныя дома, то принимались они совсѣмъ не для компаніи, а дѣйствительно изъ одного состраданія только, по человѣчеству, и даже многіе изъ нихъ, по бѣдности, какъ несчастныя, награждаемы были бѣльемъ, или подобными вещами. Короткаго жь обращенія никто съ ними имѣть не можетъ, потому болѣе что они не знаютъ русскаго языка, а на ихъ языкъ здѣсь не болѣе трехъ человѣкъ могутъ съ ними объясняться.“ Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Иванъ Алексѣевичъ указываетъ въ своемъ журналѣ этихъ знатоковъ французскаго языка; то были: дѣвица Анфимова, гжа Ростовская * и онъ самъ. О себѣ онъ замѣчаетъ: „Я зналъ французскій языкъ только глазами, но чрезъ недѣлю такъ напрактиковался съ лѣвыми что могъ свободно объясняться“. Толстые и Салтыковы уже не жили въ Самарѣ въ то время. Во время этой полемики, въ одномъ мѣстѣ своего журнала, Второвъ пишетъ: „Несчастный, обезоруженный, изувѣченный и нуждающийся во всемъ лѣвникъ долженъ быть трактованъ хуже скота! Его должно озлоблять еще и притѣснять. Какой позоръ для человѣчества, особливо для націи и даже правительства! Но сіе послѣднее совсѣмъ не такъ думаетъ, судя по его полеченію о лицѣ и одеждѣ.“ Но полемика съ губернаторомъ этимъ не кончилась: случай происшедшій въ Ставрополѣ снова возбудилъ ее. По словамъ Второва, этотъ случай происходилъ такимъ образомъ. Въ Ставрополѣ проживалъ нѣкто III, разбогатѣвшій приказный, изъ отпущенниковъ, круглый невѣжда, котораго не принимали нигдѣ въ порядочныхъ домахъ, чего онъ сильно добивался. Онъ возненавидѣлъ Французовъ за то что ихъ принимаютъ и рѣшился имъ отомстить за это предпочтеніе, воспользовавшись исторіей курмышскаго буйства, за которое всѣ участники изъ лѣвыхъ были посланы въ Сибирь. III. сочинилъ такую штуку. Разъ онъ зазвалъ къ себѣ городскаго голову, напоилъ его до безчувствія льянымъ и, когда уже смерклось, послалъ проводить его до дому подкуленного имъ и инвалиднаго солдата. Еле-двигаясь и поддерживаемый подъ руку солдатомъ, тащится голова по олуствѣвшей улицѣ и подходитъ къ

---

* Не писательница ли, Марья Федоровна? (*Русскій Архивъ* 1865, стр. 1201), объ Анфимовой, Аннѣ Ефимовнѣ, говорится ниже.

одному дому, въ которомъ лѣвннй Французъ, высланный своими хозяевами, закрывалъ ставни. Въ это время инвалидъ-менторъ вынулъ ножъ и слегка пырнулъ имъ въ заднйя мѣкя части ольнявшаго ставропольскаго мера, закричавъ во все горло: *караулъ!* Сбѣжался народъ. Инвалидъ указалъ на лѣвннаго Француза, который, будто бы, хотѣлъ заколотъ городскаго голову. Француза схватили и отвели въ тюрьму. Началось слѣдствіе; Ш. не жалѣлъ денегъ; ставропольскій уѣздный судъ приговорилъ: высушь кнудомъ несчастнаго Француза и сослать въ каторгу! * Рава головы оказалась, конечно, ничтожною. Это происшествіе дало новый поводъ князю Долгорукову предписать городничимъ своей губерніи усилить надзоръ надъ лѣвнными. Выражая свою увѣренность въ этомъ, князь Долгоруковъ замѣчаетъ: „Я увѣренъ что господа городничіе не допустятъ жителей, *какъ то въ нѣкоторыхъ городахъ случилось*, до фамиліарнаго съ ними (лѣвнными) обращенія; ибо сострадать и быть доброхоту есть совѣмъ не то что водить съ врагами отечества компанію.“ Второвъ, при всѣхъ добрыхъ отношеніяхъ къ нему губернатора, не могъ не тревожиться своею съ нимъ полемикой, хотя тревога эта въ послѣдствіи оказалась совершенно напрасною: полемика съ княземъ не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Какъ всему бываетъ конецъ, такъ наступилъ конецъ и пребыванію военноплѣнныхъ въ Самарѣ. Въ началѣ іюня 1814 года велѣно было отправить Французовъ въ Бѣлостокъ, а военноплѣнныхъ другихъ національностей въ Радзивиловъ. Радость лѣвнныхъ, при этомъ извѣстіи, была безпредѣльна. Приготовивъ все для ихъ отправленія на 7е число, въ воскресенье, Второвъ не побоялся устроить для нихъ проводы, до нѣкоторой степени торжественные, подробности которыхъ передаемъ его же словами:

„Въ полдни собралось ко мнѣ много изъ здѣшнихъ господъ дворянъ и чиновниковъ съ тѣмъ чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ Дуброву: такъ называется на берегу Волги мѣсто гулянья

---

* Къ счастью Француза, уголовная палата, разсмотрѣвъ дѣло, не утвердила приговора уѣзднаго суда. Плѣнный былъ совершенно оправданъ и полатился за продаку Ш. только шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

здѣшнихъ жителей, куда они собираются по воскресеньямъ и привозятъ съ собою чайники, самовары, разныя закуски. Тутъ же, въ двухъ верстахъ отъ города, находится и перевозъ черезъ Волгу. Мы поѣхали туда. Барыни взяли съ собою приготовленные для закуски пироги, жаркое и пр. Туда же привели и всѣхъ лѣвннхъ. На полянѣ, близъ берега, между кустовъ, разставили столики, разостлали ковры на травѣ и разложили завтракъ для отправляющихся въ путь гостей. День былъ прекрасный и тихій. Нижніе чины были выстроены въ линію на, самомъ берегу, близъ перевозныхъ лодокъ, а офицеры приглашены были въ нашъ кружокъ, на возвышеніе. Повѣренный литейными сборами привезъ солдатамъ нѣсколько ведеръ вина и сотни двѣ калачей. Офицеровъ подчивали мы. Только Тевенень (арестованный буянъ) съ своимъ однополчаниномъ, Горсомъ, гнѣваясь на другихъ, не подходили къ намъ и прогуливались въ сторонѣ. Я послалъ сказать солдатамъ чтобъ они пили за здоровье нашего Государя. Имъ поднесли по стакану вина,—и вдругъ увидали мы бросаемаыя вверхъ шалки и услышали крикъ, нѣсколько разъ повторяемый: „Vive l'empereur! Vive l'empereur!“ Мнѣ шепнула Анна Ефимовна (Алфимова) что нѣкоторые кричатъ: Vive les empereurs! Но я не замѣтилъ. Офицеры были довольны нашимъ угощеніемъ, благодарили насъ и распрощались. Посадили ихъ (лѣвннхъ) въ нѣсколько лодокъ, и лишь отстали отъ берега, какъ на всѣхъ лодкахъ полетѣли опять шалки вверхъ и раздались крики, нѣсколько разъ повторяемые: „Vive le commandant de Samara!“

Иванъ Алексѣевичъ не говорилъ, но, безъ сомнѣнія, эта минута была для него великимъ утѣшеніемъ, наградой за все тяжелое время 12—14 годовъ, когда имъ однимъ держался большой городъ. Особенно его мучило городничество, исполненіе несродныхъ ему полицейскихъ обязанностей, да еще въ такую пору. Бѣдность въ людяхъ, поглощаемыхъ арміей, была изумительна. Уѣздный судъ почти бездѣйствовалъ, по болѣзни секретаря и по причинѣ поголовнаго пьянства канцелярскихъ служителей; о городническомъ правленіи уже и говорить нечего: тамъ канцеляристы пребывали въ пьянствѣ „безчувственномъ“ и непробудномъ. Какъ милости, просилъ Второвъ князя Долгорукова объ освобожденіи его отъ городническихъ обязанностей; но что могъ сдѣлать князь когда

не только на городническую, но и на должность квартальнаго надзирателя некого было найти, а если и являлись, то народъ уже никуда негодный. Трезвость и порядочность были такими рѣдкими явленіями въ этомъ сортѣ людей что считались положительнымъ достоинствомъ, даже при дурковатости и безграмотности; но крайней мѣрѣ такими отрицательными добродѣтелями отличался новый помощникъ Второва, поручикъ Елузинъ (Никифоръ Матвѣевичъ), занявшій должность квартальнаго надзирателя, человекъ безграмотный и „немного гауловатый“. Второвъ рѣшительно изнемогалъ не только отъ непосильныхъ письменныхъ занятій, но отъ хлопотъ и тревогъ всякаго рода. Почти одному, въ большомъ городѣ, съ населеніемъ сброднымъ и подвижнымъ, мудро было управиться. По городнической должности случалось часто и скандалы; объ одномъ изъ нихъ Второвъ разказываетъ многоболытныя подробности. Въ Самарѣ проживалъ кѣкто Ждановъ (Алексѣй Степановичъ), отставной казачій офицеръ, торговашій хлѣбомъ. Онъ подрядилъ крестьянина Самарскаго уѣзда, деревни Березоваго-Гага, Григорія Иванова, доставить ему 50 пуд. пшеницы по 95 к. за пудъ, и далъ ему въ задатокъ 25 р. Крестьянинъ Ивановъ привезъ ему возъ пшеницы, вѣсомъ въ 23 пуда; но Ждановъ, принявъ пшеницу, отдалъ у крестьянина лошадь съ возомъ и вытолкалъ его со двора, требуя полной доставки заподраженнаго хлѣба. Ивановъ пожаловался городничему. Второвъ послалъ съ крестьяниномъ Елузина требовать отъ Жданова возвращенія отнятыхъ вещей; но этотъ послѣдній не отдалъ, отвѣщаясь тѣмъ что крестьянинъ Ивановъ взялъ у него не 25, а 50 руб. Когда же Ивановъ сталъ увѣрять въ протавомъ, Ждановъ замѣтилъ: „Не помню что-то. Надобно справиться по книгѣ.“ Второвъ въ другой разъ послалъ къ нему квартальнаго, требуя возвращенія отнятыхъ вещей и выставилъ ему на видъ что крестьянину Иванову, у котораго была единственная лошадь, не на чѣмъ будетъ привести къ нему хлѣба; но это убѣжденіе, какъ и совѣтъ разчесться съ Ивановымъ по тогдашней цѣнѣ на пшеницу (1 р. 50 к. за пудъ), остались безъ послѣдствій. Тогда Второвъ въ третій разъ послалъ квартальнаго, но уже съ солдатомъ, приказавъ ему взять силой со двора Жданова лошадь и возвратить ее хозяину. Но Жданова посланнаго городничимъ лица не засталъ

дома: онъ уѣхалъ на свой хуторъ, взявъ съ собою лошадь крестьянина. На другой день повторилось то же самое: бесполезность увѣщаній и отказъ отдать лошадь бѣдному крестьянину. Разжирѣвшій подрядчикъ, женатый на дочери богатаго сызранскаго кулца, видимо глумился надъ полиціей. Когда квартальный хотѣлъ взять лошадь для передачи Иванову, Ждановъ схватилъ его за воротъ и хотѣлъ бить. „Пускай придетъ городничій! Я посмотрю какъ онъ возьметъ у меня лошадь!“ вскричалъ разсвирѣлѣвшій нахаль. Второвъ вытребовалъ отъ инвалиднаго офицера 51 человекъ солдатъ, съ которыми, въ сопровожденіи Елузина и Иванова, и отправился въ домъ Жданова. Этотъ послѣдній встрѣтилъ его на крыльцѣ, но видимо струсилъ. Такъ какъ лошадь Иванова была уже спроважена на хуторъ, судто бы по дозволенію исправника, то Второвъ приказалъ просителю взять одну изъ лошадей Жданова и вести ее въ полицію. „Возьми хоть всѣхъ!“ вскричалъ послѣдній съ досадою. Второвъ просилъ его идти вмѣстѣ съ собою въ полицію. Ждановъ согласился было, но увидѣвъ что крестьянинъ Ивановъ уже свелъ со двора его лошадь, отказался наотрѣвъ. Никакія увѣщанія городничаго исполнить это приказаніе не подѣйствовали на Жданова, такъ что принуждены были почти насильно притащить его за то онъ, впрочемъ, самъ вызывался, растянувшись на полу своей комнаты и крича: „Пускай тащатъ меня!“ Привезенный въ полицію, онъ сѣлъ въ передней комнатѣ и не хотѣлъ войти въ присутствіе для дачи стѣтвовъ, говоря что у него болятъ ноги, и что онъ ни стоять ни отвѣчать не можетъ. Второвъ приказалъ посадить его подъ арестъ въ кордегардію, а о буйныхъ его поступкахъ сообщить въ уѣздный судъ. Когда Ждановъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, то объявилъ что городничій, при арестованіи, отнял у него 2.800 р. ассигн. Князь Долгоруковъ принялъ сторону Второва и предписалъ суду поступить со Ждановымъ по всей строгости законовъ; судъ приговорилъ его къ лишенію иновъ и послалъ свое рѣшеніе въ уголовную палату. Нѣсколько тысячъ потратилъ тамъ Ждановъ; но милостивый манифестъ прекратилъ это дѣло и спасъ его. Ему только вѣрно было размѣняться лошадьми съ крестьяниномъ Ивановымъ, что онъ и сдѣлалъ, но своей лошади отъ Иванова не зялъ, отговариваясь ея изнуренностію и негодностію.

Лошадь была продана съ аукциона въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія.

Въ продолженіи одиннадцатилѣтняго судейства черезъ рук Второва прошло болѣе двухсотъ замѣчательныхъ „процессовъ. Всѣхъ ихъ онъ, конечно, не помнилъ, но во всѣхъ ихъ онъ былъ горячимъ поборникомъ правды. Кромѣ приведенныхъ выше, онъ разказываетъ еще объ одномъ, продолжавшемъ четыре года и доставившемъ ему много огорченій съ одной стороны и не мало пріятныхъ впечатлѣній для его сердца и совѣсти съ другой, когда удалось ему открыть истину и обнаружить зло. Частію мистикъ, вполнѣ романтикъ, всегда идеалистъ, Второвъ восторженно относился къ добру и правдѣ; но, несмотря на свою общительность, мало замѣчалъ людей. Не по одному благодушному настроенію, характеризующему эпоху, но и по личному своему характеру, мягкому и довѣрчивому, почти всѣ они казались ему „добрими умными“ и честными. Разочаровываться приходилось ему на каждомъ шагу; разочарованіе дѣйствовало на него болѣзненно, но не научало его житейской мудрости. Оно его раздражало, въ такомъ случаѣ онъ повѣрялъ бумагѣ воли своего отчизна. Вотъ что онъ записалъ въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ въ своемъ журналѣ: „На что ни посмотришь, и какъ я подумаешь, все заставляетъ меня оставить сію мерзкую и гнусную службу. Неправедности, развратъ отъ большого и малаго, невниманіе правительства сдѣлали презрительными всѣ сіи должности, которыя я занимаю. Еслибы дозволено было поступать по разуму и человѣчеству, еслибы были помощники лучшіе и награда за честность и правду, то счастье можно бы почесть быть при такихъ должностяхъ. Какъ бы то ни было, но и раздраженіе, и способность къ подобнымъ протестамъ дѣйствовали на нашего генерала освѣжающимъ образомъ: въ 42 года онъ былъ еще свѣжъ и бодръ душой, и еще оставался вѣренъ своимъ идеаламъ.“

возвращаемся къ замѣчательному судебному процессу продолжавшемуся четыре года.

Еще въ 1808 году изъ земскаго поступило въ Самару възвѣданный судъ дѣло объ убійствѣ трехъ разнощиковъ четырьмя государственными крестьянами деревни Мамыко. При дѣлѣ представлены были и убійцы съ поличными, есть съ вещами которыми обыкновенно торгуютъ разнощико-продавцы. По показанію свидѣте-

Убийство это совершилось слѣдующимъ образомъ. Въѣхавъ въ деревню Мамыкову, разнощики остановились у кабака, въ домовальничалъ крестьянинъ Накрайниковъ. Двое изъ нихъ вошли въ кабакъ, а мальчика, бывшего съ ними, оставили на возу. Убийство началось въ самомъ кабацкѣ, гдѣ имъ умерщвлялъ одинъ изъ разнощиковъ; другого, получившаго, вытащили въ сѣни и тамъ удушили; также поступили и съ мальчикомъ, караулившимъ возъ. Всѣ три трупа убитыя оттащили къ рѣкѣ и спустили въ прорубь. Все это видѣлъ одинъ изъ свидѣтелей, который во время убійства находился на своей ловлѣ, гдѣ бралъ сѣно, а ловль стоялъ какъ разъ подлѣ самаго кабака, у сѣней котораго въ это время двери стояли настежь; этотъ свидѣтель и объявилъ тотчасъ же о происшествіи изъ боязни чтобы убійцы не сдѣлали и ему какого-нибудь зла. Двое другихъ свидѣтелей показали что они видѣли по весѣмъ плавающимъ по рѣкѣ три мертвыя тѣла. У жены Накрайникова найдено было личное, и всѣ убійцы сознались въ преступленіи. Но тогда скоманные преступники были приведены въ присутствіе уѣзднаго суда и когда имъ было прочитано дѣло и читаны вопросы, при увѣщаніи священника, тогда она всѣ заплали на колѣни и со слезами увѣряли что не только не бивали разнощиковъ, но и не видали ихъ, что ихъ мучили нравски, подвѣшивая за связанныя руки къ потолку за маху, и что они не могутъ владѣть руками, распухшими отъ еревокъ. Судъ назначилъ новое слѣдствіе и сдѣлавъ справку по всѣмъ губерніямъ, не пролазала ли кто изъ крестьянъ торгующихъ краснымъ товаромъ, согласно примѣтамъ знавшимися въ первомъ слѣдствіи. Отвѣтъ получился отрицательный; переслѣдованіе ни къ чему не привело положительному и только болѣе запутывало дѣло. Такъ жена Накрайникова показала что личное, то-есть платки, ситецъ и холстъ, она покупала даже не у разнощика, а у развѣзднаго върваннаго по винной части, торгующаго этими вещами, одного Аларина. Между тѣмъ прошло около года, и одинъ изъ подсудимыхъ успѣлъ умереть въ острогѣ; умирая, несчастный передалъ священнику что онъ страдаетъ неизвѣстно. Не забудемъ что первый слѣдователь по этому дѣлу оуправляемъ въ земскомъ судѣ, былъ человекъ не молодой и имѣлъ много знакомыхъ и друзей, которые увидя въ крѣпко его поддерживали; не забудемъ что земскій судъ

се вошли его членами были для Второва почти своими людьми, короткими знакомыми, пріятелими; только вспомянув все это, мы должны будемъ признаться что въ рѣшеніи Второва по этому дѣлу, героемъ нашего разказа обнаружено немало нравственнаго мужества. Судъ освободилъ мнимыхъ убійцъ и возвратилъ ихъ на мѣсто жительства, приговоривъ къ наказанію только лжесвидѣтеля, будто видѣвшаго совершеніе убійства, но не донесшаго о немъ; о первомъ свидѣтелѣ, какъ о чиновникѣ, судъ опредѣлилъ представить свое заключеніе уголовной палатѣ, куда и все дѣло было отправлено на ревизію. Неизвѣстно, былъ ли въ то время председателемъ палаты простоватый графъ Толстой, но секретарь Кисловскій еще пребывалъ. Засѣдатель земскаго суда, конечно, не жалѣлъ денегъ, и дѣло пролежало въ палатѣ три года и пролежало бы больше, еслибы не возобновилъ его новый совѣтникъ, должно-быть человекъ честный и энергическій, Андреевъ (Ефимъ Ѳеодор.). Онъ самъ поѣхалъ на свидѣствіе въ деревню Мамыкову и открылъ ужасающія вещи. Собравными лицами, прикосновенными къ дѣлу, не только отреклись отъ прежнихъ своихъ показаній, но многіе изъ стариковъ говорили что они еще помнятъ Пугачевскій бунтъ, но и тогда такого ужаса не было, какъ въ ту пору когда пріѣзжалъ въ ихъ деревню засѣдатель съ солдатами и разсыльными, который подвергалъ пытки какъ мнимыхъ убійцъ, заставляя ихъ сознаться въ небываломъ преступленіи, такъ и свидѣтелей, вынуждая этихъ послѣднихъ дѣлать ложныя показанія. Какой-то крестьянинъ, личный врагъ Накрайникова, желая отомстить ему, выдумалъ убійство и донесъ на него засѣдателю; этотъ послѣдній, конечно, имѣлъ въ виду одну ловку. Сверхъ того спрошенныя Андреевымъ лица объявили что свидѣтелей для засѣдателя они должны были выбирать по жеребью. Показаніе жены Накрайникова также оправдалось. Рассказывая объ этомъ дѣлѣ, Иванъ Алексѣевичъ сознается что подробности его онъ забылъ, и что никакихъ черновыхъ бумагъ къ нему относящихся у него не сохранилось; по этой причинѣ, конечно, остается не все яснымъ какъ въ подробностяхъ мнимаго убійства, такъ и въ свидѣствіи Андреева. Мы не называли до сихъ поръ имени засѣдателя Самарскаго земскаго суда, котораго вывелъ на свѣжую воду Второвъ засѣдатель этотъ былъ уже упомянутый нами Бронскій его родственникъ, другъ юности, игравшій такую выдающую

роль въ похищеніи Марьи Васильевны. Читатель, конечно, гнѣвъ съ большимъ уваженіемъ отвесится къ нашему герою.

Выписываемъ изъ дневника его слѣдующія строки:

„Этотъ Бронскій былъ мнѣ родственникъ и способствовалъ моей женитьбѣ. Имѣя дурную нравственность, воспитанный въ невѣжествѣ, онъ клеветалъ на меня и вооружилъ противъ меня стараго друга моего М. А. Богданова и другихъ, вѣрившихъ ему, людей. У меня были жаркіе споры съ г. Богдановымъ, который укорялъ меня что я промѣнялъ своего брата-дворянина на мужиковъ: для чего но первымъ допросамъ подсудимыхъ не рѣшилъ дѣла и не приговорилъ ихъ къ кауту и къ ссылкѣ?! Гдѣ справедливость? Гдѣ человѣчество?... Я спорилъ не равнодушно, наговорилъ ему много дерзостей, и съ тѣхъ поръ охладѣли его дружба и любовь ко мнѣ.“

Но въ рѣдкія минуты отдыха, въ ту же тревожную пору 1812—1814 годовъ, о которой идетъ рѣчь, оставаясь одинъ съ самимъ собою, герой нашъ приходилъ въ отчаяніе отъ тоски и скуки. „Какая здѣсь скука, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ: нѣтъ человѣка съ кѣмъ бы можно было не только посовѣтоваться и поговорить, но хотя раздѣлить время какъ бы вѣбудь!“ Почему же нѣтъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ почти тутъ же: „Товарищество непріятное: всѣ почти любятъ болѣе пить, чѣмъ лучшей способъ препровожденія времени“. Въ половинѣ 1814 года пріѣхалъ въ Самару новый городничій, стало-быть часть заботъ спала, стало-было легче; но герой нашъ былъ недоволенъ этимъ облегченіемъ: „Какая бездѣйственность и скука!“ восклицаетъ онъ опять. Идеалъ который носилъ въ душѣ своей Второвъ былъ выше и свѣтлѣе окружающей его дѣйствительности и онъ начиналъ ловимать свое безсиліе властить его въ самомъ себѣ. Разладъ этотъ былъ непріятенъ, тревоженъ; но, въ романтическому складу міросозерцанія, онъ доставлялъ Второву нѣкоторое утѣшеніе уже самою своею тревогой и назывался на языкѣ его *философіей*. „Мнѣ бы, говорить онъ, надобно родиться или гораздо прежде или гораздо послѣ, нежели я произошелъ на свѣтъ. Да. Тогда бы можетъ-быть я не чувствовалъ сей грусти. Болѣе двадцати лѣтъ ядовитый червь гложетъ мое сердце. Можно бы зашить его раны, но я не вижу впередя никакой надежды. Какъ и быть! Терпѣть и утѣшаться тѣмъ что въ громадѣ

міра, конечно, есть много подобныхъ мнѣ и можетъ-быть добродѣтельнѣе, чувствительнѣе и—несчастнѣе! Несчастнѣе! спроситъ читатель: но куда же дѣвалось недавно семейное счастье? О семейномъ счастьи нашего героя мы побесѣдуемъ особо, ниже; здѣсь же замѣтимъ что грустный тонъ приведенной тирады имѣлъ вполнѣ реальное основаніе и отнюдь не былъ калпризною выходкой мечтающаго романтизма. Читая исторію, говорить оны, въ то же время мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: ежели буду я свободенъ, налицо замѣчаніе на исторію о всѣхъ убійствахъ и варварствахъ вадородомъ человѣческимъ, произведенныхъ фанатизмомъ въ политикѣ, войнѣ, судахъ, въ религіи и наукахъ. Но когда это исполнится? Сколько предпріятій и, между тѣмъ, отвлеченій!

Освободившись отъ городнической должности, Иванъ Александровичъ тѣмъ не менѣе съ радостію бросился въ такъ-называемую имъ „тину“ жизни, въ вихоръ „отвлеченій“. Былъ конецъ 1814 года, конецъ великой народной войны, когда отечественные герои, украшенные свѣжими лаврами и „еще покрытые парижскою пылью“, возвращались къ домашнимъ своимъ очагамъ. Появился и въ Самарѣ одинъ близкій родственникъ Второва, которому принадлежитъ видная роль въ послѣдующемъ нашемъ разказѣ: это былъ Василій Гавриловичъ Пяткинъ, сынъ родной тетки Второва по матери, Лизаветы Леонтьевны, бѣдной, бездомной дворочки проживавшей по разнымъ помѣщикамъ, то у Микулашевича то у Мильковичей, Кристовъ (или Христовъ) и т. д. Пріѣзжій гость былъ тотъ самый мальчикъ котораго Лизавета Леонтьевна ввѣрила по лечению племянника еще въ 1798 году (см. гл. II). Прѣжній Вася, теперь Василій Гавриловичъ Пяткинъ, явился въ Самару къ проживавшей там матери и къ благодѣтелю, двоюродному брату, въ чинѣ полковника лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, раненый и увѣнчанный орденами. Василій Гавриловичъ поступилъ въ военную службу въ 1798 году юнкеромъ въ гарнизонный полковника Кондратьева полкъ. Въ 1807 году, находясь въ 26-мъ Егерскомъ полку, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ участвовалъ въ войнѣ противъ Французовъ въ Пруссіи, затѣмъ въ Финляндской войнѣ, гдѣ прославился личною храбростію и обратилъ на себя вниманіе графа Каменскаго 2-го при которомъ состоялъ въ 1809 году бригадъ-майоромъ. Въ 1810 году, состоя дивизионнымъ адъютантомъ при генера-

лейтенантъ Раевскомъ, онъ участвовалъ въ войнѣ противъ Турокъ въ Молдавіи и Валахіи. Состоя при томъ же генералѣ, командовавшемъ корпусомъ, онъ особенно прославился въ сраженіи при селѣ Султановкѣ. По соединеніи нашихъ арій, будучи дежурнымъ штабъ-офицеромъ VIIго и Гренадерскаго корпусовъ, Пяткинъ участвовалъ почти во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ Отечественной войны, подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутиномъ, Маломъ-Ярославцѣ и подъ Краснымъ. Въ битвѣ при Маломъ-Ярославцѣ, гдѣ онъ былъ тяжело раненъ, Пяткинъ, въ присутствіи извѣстнѣйшихъ генераловъ того времени, Уварова и Ермолова, былъ однимъ изъ первыхъ героевъ того дня, разбивъ и прогнавъ подъ прикрытіе ихъ батарей неприятельскихъ стрѣлковъ. Въ битвахъ подъ Лейпцигомъ онъ снова былъ тяжело раненъ, произведенъ за отличіе въ подполковники и переведенъ въ гвардію; въ битвѣ при Арси, во Франціи, онъ снова прославился храбростію, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ, за что и произведенъ въ полковники. Боевая жизнь и двухлѣтнее пребываніе за границей не прошли безслѣдно и для Пяткина, какъ и для большинства лучшихъ изъ его современниковъ. Человѣкъ *военный*, боевой, онъ не походилъ на тѣхъ *Скородубовъ* и *Бурбоновъ*, которыхъ развелось въ послѣдствіи такое множество. Замѣчательна была его мягкость во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Къ бѣдной старушкѣ-матери онъ питалъ самое нѣжное сыновнее чувство: онъ часто писалъ къ ней письма, присылалъ деньги и для нея пріѣхалъ въ Самару, съ кучею подарковъ, кулечныхъ имѣлъ въ лучшихъ парижскихъ магазинахъ. Съ И. А. Второвымъ, въ продолженіе всей его жизни, при значительно измѣнившемся ихъ общественномъ положеніи, когда Пяткинъ былъ уже генераломъ и губернаторомъ, Василій Гавриловичъ сохранилъ болѣе чѣмъ родственныя отношенія. Думаемъ что не одно общественное положеніе, не одинокъ чинъ, такъ важный въ ту пору, заставляютъ стыннѣ нашего героя считать брата Василія Гавриловича авторитетомъ, къ которому онъ начинаетъ относиться съ уваженіемъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни обращается за совѣтомъ и помощью; помимо всего, добродушіе, откровенность и прямой взглядъ на вещи были, кажется, тому причиною.

Пріѣздъ Пяткина далъ поводъ Второву предаться любимому своему развлеченію, поѣздкамъ. Василій Гавриловичъ

звалъ его съ собою въ Оренбургъ, куда онъ съ удовольствіемъ и отправился. Въ этомъ городѣ каждый предметъ, каждая улица занимали нашего героя, по дорогимъ воспоминаніямъ его дѣтства. Онъ былъ у князя Волконскаго, Герцера, Германа; видѣлъ въ служеніи оренбургскаго архіерея Августина, * котораго называетъ „хорошимъ актеромъ“ и о которомъ разказываетъ что онъ былъ такъ раздражителенъ что одному священнику въ Бузулукѣ разбилъ зубы. Иванъ Алексѣевичъ объѣхалъ весь городъ, осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Оренбурга, лобывалъ на всѣхъ званыхъ обѣдахъ, простыхъ и официальныхъ, съ лучшею пальбой, и вообще былъ очень доволенъ своею поѣздкой.

(Продолженіе слѣдуетъ)

М. ДЕ-ПУИЕ

---

* Августинъ Сахаровъ, управлявшій епархіей въ 1807—1819 годахъ. См. *Списки архіереевъ*, стр. 114.

MEMENTO MORI

Застывающія руки,
Потъ холодный лба,
Жизни съ смертью въ скорбной мукѣ
Страшная борьба,
Исказился ротъ отъ боли,
Глухъ колоколецъ....
Вздохъ, — послѣдній признакъ воли....
И всему конецъ!...

Тихо все.... Смерзлись вѣки,
Замерли уста,
Въ отстрадавшемъ человѣкѣ
Жизнь пережита.
Залегла сама собою,
Замѣняя страхъ,
Тайна вѣчнаго покоя
Въ каменныхъ чертахъ....

Мудрецы! — вотъ эту тайну
Разрѣшите намъ!
Если жизнь была случайна,
Если къ небесамъ
Нѣтъ пути, и если въ цѣломъ
Мирѣ Бога нѣтъ, —
Что жъ свершилось съ этимъ тѣломъ,
Гдѣ же тутъ отвѣтъ?
И зачѣмъ тогда мученье
Скорбнаго конца
И покоя выраженье
Въ ликѣ мертвеца?

М. ХИТРОВО.

МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ

(ВОСПОМИНАНІЯ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНИАДЕСА, ЗАГОРСКАГО ГРЕКА). *

I.

Хотя родъ нашъ весь изъ эпирскихъ Загоръ, однако первое дѣтство мое протекло на Дунаѣ, въ домѣ отца моего, который по нашему загорскому обычаю торговалъ тогда на *чужбинѣ*.

Съ береговъ Дуная я возвратился на родину въ Эпиръ тринадцати лѣтъ, въ 1856 году; до пятнадцати прожилъ я съ родителями въ Загорахъ и ходилъ въ нашу сельскую школу; а потомъ отецъ отвезъ меня въ Янину чтобы учиться тамъ въ гимназіи.

Я обѣщался тебѣ, мой добрый и молодой аеѳивскій другъ, разказать подробно исторію моей прежней жизни, мое дѣтство на дальней родинѣ, мои встрѣчи и приключенія первой юности. Вотъ первая тетрадь.

---

* *Загоры*—гористый округъ южнаго Эпира; оны начинаются около самой Янины и долгое время были подобель небольшой христіанской республики подъ властью султана, на опредѣленныхъ особенныхъ правахъ. Загоры въ старину управлялись своими старшинами и имѣли своего особаго представителя при янинскомъ пашѣ. Теперь этотъ край приравненъ къ другимъ уѣздамъ Турецкой имперіи. Мусульманскихъ селъ тамъ нѣтъ и прежде не было.

Если ты будешь доволенъ ею, если эти воспоминанія мои займутъ тебя, я разкажу тебѣ позднѣе и о томъ какъ я кончилъ ученье мое въ Янинѣ, что со мною случилось дальше, какъ вступалъ я поемногу на путь независимости и дѣятельной жизни, кого встрѣчалъ тогда, кого любилъ и ненавидѣлъ, кого боялся и кого жалѣлъ, что думалъ тогда и что чувствовалъ, какъ я женился и на комъ, и почему такъ скоро разошелся съ тою первою женой. Вторая часть моего разказа будетъ занимательнѣе и оживленнѣе, но она не будетъ тебѣ ясна, если ты не прочтешь внимательно эту первую. Прежде всего я разкажу тебѣ объ отцѣ моемъ и о томъ какъ онъ женился на моей матери.

Онъ женился на ней совсѣмъ не такъ какъ женятся другіе Загорцы наши.

Ты слышалъ конечно, страна наша красива, но безлюдна.

Виноградники наши не даютъ намъ дохода. По холмамъ, около селеній, ты издали видишь небольшія, круглыя лятна обложенныя рядомъ бѣлыхъ камней.

Вотъ ваши хлѣбныя поля! Вотъ бѣдная пшевица наша!

Рѣдкіе колосья, сухая земля, устланныя мелкими камнями; земля которую безъ помощи воловъ и плуга жена Загорца сама вскопала трудолюбивыми руками, чтобъ имѣть для дѣтей своихъ мелочливую пищу въ отсутствіи мужа.

Да, мой другъ! Мы не пахемъ, подобно счастливымъ Тессалицамъ, тучныхъ равнинъ на живописныхъ и веселыхъ берегахъ древняго Пивея. Мы не умѣемъ, какъ жители Бруссы и Шаръ-Кѣя, искусно ткать разноцвѣтные ковры. Не разводимъ миліоны розъ душистыхъ для драгоценнаго масла, какъ Казаильскъ болгарскій. Мы не плаваемъ по морю какъ свѣтые Греки Эгейскихъ острововъ.

Мы не пастыри могучіе какъ румяные Влахи Пивда въ бѣлой одеждѣ. Мы не сходимъ, подобно этимъ Влахамъ, каждую зиму съ лѣсистыхъ вершинъ въ теплыя долины Эпира и Тессалии чтобы пасти наши стада; не живемъ со всею семьей въ походныхъ шалашахъ тростниковыхъ, оставляя дома наши и цѣлыя селенія до лѣта подъ стражей одной природы, подъ охраной свѣговъ, стремнинъ недоступныхъ и дикаго лѣса, гдѣ царить и бушуетъ тогда одинъ лишь гнѣвный старецъ Борей!

Мы, признаюсь, и не воины, подобно сосѣдямъ нашимъ, молодцамъ-Судіотамъ.

Грѣясь безлечно у дымнаго очага во время зимнихъ непогодъ, блѣдный паликаръ славной Лакки Сулітской поетъ про дѣла великихъ отцовъ своихъ и презираетъ мирныя ремесла и торговлю. Въ полуразрушенномъ домѣ, безъ потолка и окошекъ, онъ гордо украшаетъ праздничную одежду свою золотымъ шитьемъ. Серебряные листолеты за сверкающимъ поясомъ, тяжелые дослѣхи вокругъ гибкаго стана, который онъ учится перетягивать еще съ дѣтства, ружье дорогое и вѣрное для Суліота милѣе покойнаго, теплаго жилья.

Мы, Загорцы, не можемъ жить такъ сурово и безлечно какъ живетъ Суліотъ.

Да, мы не герои, не пловцы, не земледѣльцы, не пастыри. Но за то мы Загорцы элпирскіе, другъ мой! Вотъ мы что такое! Мы тѣ Загорцы элпирскіе которыхъ именовъ половъ, однако, Востокъ.

Мы вездѣ. Ты это знаешь самъ. Вездѣ наше имя, вездѣ нашъ изворотливый умъ; если хочешь, даже хитрость наша, вездѣ нашъ греческій патриотизмъ, и уклончивый, и твердый, вездѣ наше загорское благо и вездѣ наше загорское зло!

Всюду мы учимъ и всюду мы учимся; всюду мы дѣлимъ; всюду торгуемъ, лишемъ, строимъ, богатѣемъ; мы жертвуемъ деньги на церкви и школы эллинскія, на возобновленіе античскихъ игръ въ свободной Греціи, на возстаніе (когда-то), а теперь вѣроятно на примиреніе съ тѣми противъ кого возставали, быть-можетъ на борьбу противъ страшнаго призвѣка славизма; не такъ ли мой другъ? Тебѣ, аэицкому политику, это лучше знать чѣмъ мнѣ, скромному торговцу. Мы открываемъ опрятныя кофейни и снимаемъ грязныя хаты въ балканскихъ долинахъ и въ глухихъ городкахъ унылой Фракіи; мы издаемъ газеты за океанами, въ свободной Филадельфіи, мы правимъ богатыми землями бояръ молдо-валахскихъ. Мы торгуемъ на Босфорѣ, въ Одессѣ, въ Марсели, въ Камькуттѣ и въ азовскихъ городахъ; мы въ народныхъ школахъ такихъ деревень куда съ трудомъ достигаетъ лишь добрый верховый конь или мулъ осторожный, уже давно внушаемъ македонскимъ дѣтямъ что они Эллина, а не варвары болгарскіе, которыхъ Богъ послалъ намъ въ сосѣди за наши грѣхи (кажется отъ тебя самого я слышалъ подобную рѣчь).

Мы служимъ султану и королю Георгію, Россіи и Британіи. Мы готовы служить Гамбеттѣ и Бисмарку, миру и

войнѣ, церкви и наукѣ, прогрессу и охраненію; но служа всему этому, искренно служимъ мы только милой отчизнѣ нашей, Загорскимъ горамъ, Эпиру и Греціи.

Радуйся, Эллинь! Радуйся, молодой патріотъ мой!

Видишь ты этого юношу который такъ стыдливо и благородно молчитъ въ кругу чужихъ людей? Еще лухъ первой возмужалости едва появился на его отроческихъ щекахъ... Ты скажешь: „онъ дитя еще“; не правда ли? Нѣтъ, мой другъ. Онъ не дитя. Этотъ робкій юноша уже семьянинъ почтенный; онъ женатъ; онъ, быть-можетъ, отецъ!

Года два еще тому назадъ, какія-нибудь старушки въ его родномъ селѣ замѣтили его первую возмужалость. Онъ долго совѣщались между собою; онъ считали деньги его родителей, судили о родствѣ его, связяхъ и сношеніяхъ, и пришли, наконецъ, предложить его отцу, его матери, или ему самому, въ жены сосѣднюю дѣвушку, которая, какъ поетъ древній стихотворецъ, „едва лишь созрѣла телерь для мужчины“.

За ней даютъ деньги; воспитана она въ строжайшемъ благочестіи; привычна къ хозяйству; неумоима на всякую скучную работу; она не безобразна и здорова. Онъ соглашается. Ему нужна бодрая, дѣятельная хозяйка въ отцовскомъ домѣ; нужна помощница старѣющимъ родителямъ; нуженъ якорь въ отчизнѣ; его душѣ необходимъ магнитъ, который бы влекъ его домой хотя бы отъ времени до времени изъ тѣхъ далекихъ странъ гдѣ онъ осужденъ искать счастья и денегъ.

И вотъ онъ мужъ, отецъ...

Теперь, когда Загорецъ привыкъ къ своей новобрачной, когда содрогнулось его сердце въ первый разъ видя плачу новорожденного ребенка, — теперь пусть собирается онъ смѣло въ тяжкій путь, на борьбу съ людьми и судьбой, на лишенія, опасности, быть-можетъ, на раннюю смерть. Теперь пусть онъ обвинитъ старую мать и жену молодую; пусть благословитъ своего ребенка... Ему въ родномъ жилищѣ нѣтъ ужъ больше дѣла, ему нѣтъ мѣста здѣсь; его долгъ уѣхать и искать судьбы хорошей въ большихъ городахъ торговыхъ, въ дальнихъ земляхъ плодородныхъ. И такъ жить ему теперь до старости и трудиться, лишь изрѣдка навѣщая семью и родныхъ на короткій срокъ.

„Откройся, сердце грустное, откройтесь горькія уста,
 Скажите что-нибудь, утѣшите насъ....
 У смерти утѣшенье есть; есть у гибели забвенье...
 А у разлуки живо отрады вовсе нѣтъ.
 Мать съ сыномъ разлучается и сынъ бросаетъ мать.
 Супруги кѣжные, согласные, и тѣ въ разлукѣ,
 И въ день разлуки той деревья высыхаютъ,
 А свидятся—опять деревья листъ даютъ.“

Такъ говоритъ эпирская старая лѣсня разлуки.

Сорокъ слишкомъ селъ цвѣтеть въ Загорахъ нашихъ.

И не думай ты что это села бѣдныя, какъ во Эракіи или въ иныхъ полудикихъ албанскихъ округахъ.

Я помню съ какими ты презрѣніемъ говорилъ о желтыхъ хижинахъ болгарскихъ, о томъ какъ тебя клали въ нихъ спать на сырую землю, около худаго очага, когда зимою ты ѣздилъ къ роднымъ въ Филиппополь. Не понравились тебѣ простые эракіійскіе Болгары, ты звалъ ихъ звѣрями въ образѣ человека; ты порицалъ ихъ овчинныя шубы не покрытыя сукномъ, ихъ черныя чалмы, ихъ смуглыя, худыя лица; въ чертахъ этихъ лицъ ты тщательно отыскивалъ какіе-то слѣды туранской крови.

Я помню какъ негодовалъ ты на духовенство всѣхъ предковъ твоихъ, за то что не позаботились они „вовремя“ или не сумѣли, какъ ты говорилъ тогда, „эллинизировать (во славу рода нашего священнаго!) этихъ безграмотныхъ и грубыхъ чалмоносцевъ!“

Радуйся, Элики! Загоры наши не таковы.

И здѣсь (скрывать я этого не буду) течетъ много славянской крови. Но что значитъ кровь?

Здѣсь Эллада по духу, Эллада по языку и стремленіямъ.

Любезныя горы моей дорогой отчизны! Есть въ Турціи мѣста живописнѣе загорскихъ, но для меня нѣтъ мѣста милѣе. Горы моего Эпира не украшены таинственною и важною сѣтью дикихъ лѣсовъ, подобно горамъ южной Македоніи; широкій каштанъ и дубъ многолѣтній не простираютъ на ихъ склонахъ задумчивыхъ вѣтвей. Холмы Эпирскіе не обращены трудомъ человека въ безконечныя рощи сѣдыхъ и плодоносныхъ оливокъ, подобно холмамъ Керкиры или Критскимъ берегамъ.

Только дайте къ Пиду, гдѣ рослый Куцо-Влахъ жи-

веть, тамъ шумятъ душистыя сосны, топясь на страшной высотѣ.

У насъ, внизу, высоты наги; колючій дубъ нашъ не растетъ высоко; мелкими и частыми кустами зеленѣетъ ольга густо вокругъ нашихъ бѣлыхъ селъ.

Но и безъ садовъ маслячныхъ и безъ лѣса дикаго наши Элпирскія горы мнѣ милы.

Радуйся, Эллинь аэвевскій!

Села наши загорскія, хотя и носятъ старо-славянскія имена, но они села эллинскія; богатыя, красивыя, провѣщенныя.

„Довра, Челедово, Судена, Лѣсковецъ....“ Пусть эти звуки не смущаютъ тебя.

Не бойся. Уже и лѣсные Куцо-Влахи Загоръ стали узнавать и любить имена Омистокла, Эсхила и Клетона.

Села наши богаты и чисты; дома въ нихъ — дома архонтскіе; училища просторныя, какъ въ большихъ городахъ; колокольни у церквей высокія и крѣпкія какъ башни. Колокола намъ издавна привычны; они и встарь еще сзывали старшинъ загорскихъ на совѣтъ, не только на молитву.

Турки не жили никогда въ нашемъ краю, огражденномъ древними правами фирмановъ.

У насъ они могли сказать по своему обычаю: „Здѣсь, о Боже мой! не Турція! Здѣсь я слышу несносный звукъ колоколовъ на храмѣ невѣрныхъ!“

Видишь какъ было наше загорское село. Какъ груда чистѣйшаго мѣла сіяетъ оно на солнечныхъ лучахъ посреди виноградинокъ. А вокругъ за садами дальняя пустыня безлѣсныхъ высотъ. Тополи и дубы растутъ на дворахъ и шумятъ надъ домами.

На площади, у церкви, стоитъ большой платанъ и подъ его широкою тѣнью бесѣдуютъ загорскіе старцы, которымъ Богъ сподобилъ возвратиться домой и скончать на покой трудовые дни.

Эллинской славной фустанеллы ты здѣсь, однако, не увидишь, другъ мой, хотя ею и половъ весь остальной Элпиръ. Сюда завозятъ люди всѣ одежды съ которыми свыкались они на чужбинѣ.

Ты увидишь здѣсь и полосатый халатъ турецкій, подпоясанный шалью, и короткія шальвары, голубыя и красныя, расшитыя чернымъ шнуркомъ, и легкій ситецъ подъ откидными рукавами, и модный сюртукъ европейскій, и широкую

шляпу, и русскую круглую фуражку изъ Кишинева и Одессы, и маленькую казацкую феску, и кривую саблю турецкаго мундира.

Но кому бы ни служилъ Загорець, чьимъ бы подданнымъ онъ ни сдѣлался для выгоды своихъ, онъ прежде всего Загорець, онъ Эллинъ и патриотъ!

Дѣла загорскія и дѣла Эллады дороже ему всего на свѣтѣ, и всѣ эти старики, всѣ богатые люди, которые въ различныхъ одеждахъ собрались совѣщаться и бесѣдовать подъ платанъ у церкви, еще живя безъ женъ и дѣтей своихъ за дальней чужбинѣ, думали о родномъ селѣ и посылали туда трудовыя деньги на народныя школы, на украшеніе храмовъ загорскихъ, на устройство удобныхъ и безопасныхъ спусковъ по уступамъ нашихъ горъ; на украшеніе веселыхъ и мирныхъ улицъ архонтскими высокими жилищами.

Иностранецъ дивится, проѣзжая по незнакомымъ и дикимъ горамъ, въ которыхъ ничего не слышно кромѣ лѣтнія дикихъ птицъ и звона бубенчиковъ на шеяхъ нашихъ козъ; гдѣ ничего не видно кромѣ неба, скалъ, ручьевъ струящихся въ ущельяхъ и привычныхъ тропинокъ протоптанныхъ по мягкому камню вѣрными копытами мула или стадами овецъ...

Но онъ дивится еще болѣе, когда робко спускаясь верхомъ съ горы, по ступенямъ скользкой мостовой, онъ видитъ внезапно у ногъ своихъ обширное село, въ зеленомъ уборѣ садовъ; видитъ крыши крестьянъ крытыя не красною черепицей, а бѣлымъ сіяющимъ камнемъ; обширное зданіе школы; церковь большую, широкіе столбы ея прохладной галлерей; слышитъ звонъ колоколовъ съ высокихъ колоколенъ; видитъ движеніе жизни людской, и мирный трудъ, и отдыхъ, и умъ, и свободу.

Предъ усталыми конями его отворяются широко ворота гостеприимнаго и чистаго жилища. Очагъ пылаетъ ему какъ бы радостно въ угоду; широкіе диваны ждуть его на покой.

Онъ находитъ въ домѣ книги, просвѣщенную бесѣду и нѣкоторые обычаи Европы, безъ которыхъ, конечно, ему было бы тяжело.

Таковы эфирскіе Загоры, мой добрый другъ! Такова моя незабвенная родина!

Радъ ли ты этому, Эллинъ? Радъ ли, скажи мнѣ?

II.

Отецъ мой, сказалъ я тебѣ, женился не совсѣмъ такъ какъ женятся почти всѣ Загорцы наши. Къ нему не приходил старушки сватать сосѣднюю дѣвушку, не торговались о приданомъ съ его отцомъ или матерью. Отецъ мой былъ сиротою съ раннихъ лѣтъ и женился поздно.

Когда дѣдъ мой и бабушка еще были живы, имъ случилось прогостить нѣсколько дней проездомъ у знакомыхъ въ Челеловѣ, самомъ большемъ изъ нашихъ селъ. Отцу моему тогда было семь лѣтъ и онъ былъ съ родителями своими. У хозяина дома въ Челеловѣ только-что родилась дочка. Зашла въ это время въ домъ Цыганка, гадала и предсказала что папикарь этотъ, то-есть отецъ мой, женится на новорожденной дѣвушкѣ. Родные и хозяйка стали шутить и смѣяться надъ отцомъ, стали клекать его: „женухъ“. Мальчикъ стыдился, плакалъ сначала, а потомъ разсердился такъ что схватилъ дѣвочку изъ колыбели и выкинулъ ее изъ окна. Къ счастью она зацѣпилась пеленками за кустъ, который росъ подъ окномъ на земѣ, внизъ не упала.

Ее достали изъ куста; но она висѣла головой внизъ и успѣла такъ отецъ кровью что ее долго растирали и очень долго болелись за ея здоровье.

Эта-та новорожденная и была моя мать.

Отца моего тогда наказали больно за это и онъ разкаивалъ что долго ненавидѣлъ дѣвочку и думалъ часто про себя убить даже ее, когда выростетъ большою.

Выросъ онъ далеко, въ своемъ селѣ, уѣхалъ на чужбину; воротился двадцати шести лѣтъ; вспомнилъ объ Эленицѣ этой. Спросилъ: „нѣ жь поправилась эта Эленица послѣ моего комплимента?“ „Такъ поправилась Эленица, сказали ему люди, что вышла какъ древняя Елена, за которую считали старцы троянскіе приличнымъ кровь проливать. Стала она истинно, по словамъ пѣсней нашихъ, *блѣкоурая и черноокая; очи оливки, а брови смурочки; рѣсницы какъ стрѣлы франкскія, а волосы сорокъ пять аршинъ!* Она вышла замужъ за хорошаго молодого человѣка, семьи не важной и самъ онъ ребенокъ овецъ ласъ; но мать его хорошая хозяйка и онъ

обучился въ школѣ и теперь учителемъ школьнымъ во Фракію уѣхалъ.“

— Вотъ и солгала Цыганка! сказалъ отецъ и смѣялся.

Однако, Цыганка не солгала. Еще прошло три года; опять захотѣлось отцу побывать на родинѣ и родные ему все писали чтобъ онъ непременно возвратился жениться. Приѣхалъ онъ по новой дорогѣ, черезъ горы, которыя онъ мало зналъ. Ѣхалъ онъ только съ двумя товарищами; запоздали и обидно съ дороги. Стало темнѣть, погода была зимняя, дурака, стали падать снѣгъ. Стали и лошади падать.

И рѣшились они заѣхать ночевать въ село, которое въ сторовѣ совсѣмъ и не на пути ихъ стояло. Слутники отца моего были люди попроче его и попривычнѣе ко всему; одинъ былъ кузнецъ изъ нашихъ загорскихъ крещеныхъ Цыганъ, а другой былъ ханджи. * Кузнецъ имѣлъ въ этомъ селѣ другаго кузнеца знакомаго и взялъ съ собой къ нему въ ханьву ханджи, а отца моего пожалѣлъ потому что ему дорогой сильно нездоровилось и отыскали ему ночлегъ въ домѣ одной старушки, которая жила въ своемъ хорошенькомъ домикѣ втроемъ, съ невѣсткой молодой и слугою.

Отецъ обрадовался и обѣщалъ хорошо заплатить за ночлегъ.

Встрѣтили его съ огнемъ на лѣстницѣ и съ почетомъ и старушка, и слуга, и невѣстка вышла сама съ лампадой. Хоть и поздній былъ часъ, а на ней сверху была новая *аба* ** безъ рукавовъ, вся сплошь расшитая краснымъ шелковымъ шпуркомъ, и платочекъ, голубой ли, красный ли, желтый ли, не помню я, только онъ былъ ей къ лицу. И отецъ мой былъ рослый мужчина и молодецъ. Посмотрѣлъ онъ на невѣстку и она хотѣла къ рукѣ его подойти; и онъ ей сказалъ: „Биря моя добрая, не присуждайте меня съ тридцати лѣтъ моихъ прямо въ сѣдые и почтенные архонты. Не дамъ я вамъ моей руки цѣловать и не стою я этого!“

Хозяйку дома звали кира Евгенко Стѣлова; она была старушка прелеселая, предобрая... и сейчасъ же въ простотѣ своей все разказала отцу.

— Вдова она у меня, вдова! закричала она.—Сына имѣла

* Содержатель *хама*, постоялаго двора.

** *Аба*, такъ зовутъ и толстое сукно мѣстной работы и самую одежду изъ него сшитую.

я, да на чужбинѣ умерь, а мы съ ней его молитвами хорошо живемъ, и я все мое имѣніе ей отдамъ и найду ей мужа хорошаго, чтобы со мной вмѣстѣ жила, чтобы кормила меня и чтобы смотрѣла за мной....

Постелила красивая вдова отцу моему мягкую постель на широкомъ диванѣ у большаго очага; положила ему красную шелковую подушечку съ тюлевою наволочкой, два одѣяла шелковыя, восточныя, одно на другое и даже углы имъ въ головахъ у подушки загнула чтобы только былъ ему одинъ трудъ—лечь и заснуть. На очагъ повѣсила на гвоздикѣ лампадку; воды сама на ночь принесла. Кофе сама сидя предъ нимъ у очага сварила и салогі съ него почти насильно сняла, чтобъ ему покойнѣе было съѣсть съ ногами на диванѣ.

„Говорю я со старухой, рассказывалъ послѣ отецъ, а самъ все однимъ глазомъ на вдову взоръ косвенный бросаю. И что эта женщина ни сдѣлаетъ, все мнѣ нравится! Кофе подастъ и останется ждать, головку на бокъ, съ подносомъ; кофе вкусенъ. Салогі стала снимать, сердце мое отъ радости и стыда загорѣлось; и въ очагъ же дрова такія сухія, большія поставила и сухими сучьями такъ хорошо и скоро ихъ распалила что и я вовсе распалился! Слово скажетъ.... и какое жь слово? Великое какое-нибудь?—Ничтожное слово „на здоровье кушайте“, на примѣръ, аманъ! аманъ! Пропалъ человекъ! и это слово человеку медомъ кажется!“

Ночью отецъ совсѣмъ заболѣлъ; у него такая сильная лихорадка сдѣлалась что онъ въ этомъ домѣ двѣ недѣли прожилъ и пролежалъ.

Старушка и невѣстка ея доктора ему привели и смотрѣли за нимъ какъ мать и сестра. Онъ и стыдиться предъ ними вовсе пересталъ. И все ему въ этомъ домѣ еще больше прежняго начало нравиться, особенно когда послѣ болѣзни ему веселѣе стало.

Попросилъ отецъ какихъ-нибудь книгъ почитать. Старушка сходила къ священнику, къ учителю, къ богатымъ сосѣдямъ и принесла ему много книгъ.

Читалъ мой отецъ, лежалъ, гулялъ по дому и все ему было пріятно. Вдова сама попрежнему служила ему. Она даже сама ему вымыла два раза ноги и вытерла ихъ расшитыми полотейцами.

„Судьба была!“ говорилъ отецъ. Онъ уже не могъ отвѣтаться отъ услужливой и красивой вдовы.

Разъ поутру помолился онъ Богу и увидавъ на столѣ Библию, съ глубокимъ вздохомъ раскрылъ ее, желая подѣлать свое рѣшеніе какимъ-либо священнымъ стихомъ.

Онъ до конца своей жизни считалъ это гаданіе своею истиннымъ откровеніемъ. Три раза открывалъ онъ, крестясь, Са Писаніе и вотъ что ему выходило изъ Евангелія, Апостоловъ и Притчей Соломона.

Первый разъ: „Представляю вамъ Фиву, сестру нашу, и концессу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, ибо и она была помощницей многимъ и мнѣ самому“.

Потомъ: „Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ“.

А въ третій разъ открывъ на удачу Ветхій Заветъ отецъ встрѣтилъ въ Притчахъ Соломона нѣчто еще болѣе ясное: „Человѣкъ который нашелъ достойную жену, нашъ благо и онъ имѣетъ милость Всевышняго“.

Чего же лучше! Послѣ этого отецъ уже не колебался и женился на молодой вдовѣ.

Однажды, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, сидѣли они вмѣстѣ у очага. Мать прядла шерсть, а отецъ курилъ варганъ и разказывалъ ей о томъ какъ и гдѣ настрадался онъ на чужбинѣ и привелъ между прочимъ ей одно мусульманское слово на счетъ благоразумія и терпѣнія человѣческаго.

„Не будь никогда разгнѣванъ переворотами счастья, ибо терпѣніе горько, но плоды его сочны и сладки. Не тревожься о трудномъ дѣлѣ и не сокрушай о немъ сердца, ибо источникъ жизни струится изъ мрака.“

А мать моя на это сказала ему:

— Да! ты на чужбинѣ страдалъ много, а теперь вотъ съ мной веселишься, а я еще бессмысленнымъ ребенкомъ была когда меня убить хотѣли, и однако спасъ меня Богъ.

И сказавъ это, передала отцу моему какъ выкинулъ ее изъ окна одинъ мальчикъ и какъ она леденками зацѣплялась за кустъ.

Улыалъ у отца тогда варганъ изъ рукъ отъ изумленія и сказалъ онъ только: „Предназначеніе Божіе!“

И въ самомъ дѣлѣ благословилъ Господь Богъ и старушку добрую, которая невѣсткѣ все имѣніе свое отдала, и отца съ матерью, которые старушку покаяли. Заботъ у нихъ

и горя было много въ жизни, но раздора между ними не было никогда. А это, ты знаешь, самое главное. При домашнемъ согласіи и несчастія всѣ легче сносить.

Два года не могъ отецъ мой разстаться съ любимой женой, которая такъ умѣла ему угождать. Хотѣлъ было остаться торговать въ Явинѣ, но на Дунаѣ тогда было слишкомъ выгодно и такъ какъ и я уже родился къ тому времени, отецъ мой рѣшился уѣхать чтобы пріобрѣсти побольше для дѣтей.

Разлука была очень тяжела; но и старушку было бы грѣшно оставить одну лосаѣ столькоихъ ея благодѣяній.

Отецъ уѣхалъ въ Тульчу; но пріѣзжалъ каждыя два года на три или четыре мѣсяца въ Загоры.

Незадолго до Восточной войны, однако, пользуясь тѣмъ что родной братъ кыры Стиловой возвратился съ большими деньгами изъ Македоніи и остался жить уже до конца жизни въ родномъ селѣ, отецъ мой рѣшился взять съ собой на Дунаѣ и мать мою и меня.

Братъ кыры Стиловой былъ докторъ практикъ, имѣлъ хорошія деньги и двухъ большихъ сыновей, которыхъ онъ вкормил и женилъ на загорскихъ дѣвицахъ, такъ что старая сестра его не оставалась никогда безъ общества и безъ помощи по хозяйству.

Когда между Россіей и Турціей возгорѣлась война и Русскіе вступили въ Дунайскія Княжества, отецъ мой услужался и хотѣлъ насъ съ матерью отправить на родину въ Элирѣ; но скоро раздумалъ. По всѣмъ слухамъ и по секретнымъ письмамъ друзей онъ ожидалъ что и въ Элирѣ вспыхнетъ возстаніе. И тамъ и здѣсь грозили опасности и безпорядки. Но отецъ разсудилъ что на Дунаѣ будетъ безопасно.

На Дунаѣ слѣдовало ожидать настоящей правильной войны между войсками двухъ государей; въ Элирѣ чего можно было ждать?... Грабежей, пожаровъ, измѣнъ, предательствъ, безурядицы. Волонтеровъ эллипскихъ отецъ мой боялся столько же сколько и албанскихъ башу-бузуковъ, и ты согласишься что онъ былъ правъ.

Шайка Тодораки Гриваса оправдала его опасенія; увы! ты это знаешь, паликары наши уважали собственность и жизнь людей никакъ не больше чѣмъ мусульманскіе беи.

Еще надѣялся отецъ и на то что Русскіе однимъ ударомъ вымчатъ всѣ преграды на Нижнемъ Дунаѣ; онъ думалъ что

борьба съ Турками для нихъ будетъ почти игрою, и первые слухи, первые разказы, казалось, оправдывали его. Извѣстiя изъ Азiи были побѣдоносныя; имена князей Андроникова и Бебутова переходили у насъ изъ устъ въ уста. Турки казались очень услужливыми; старые христіане вспоминали о Дибичѣ и о внезапномъ вторженіи его войска далеко за Баканы.

Эти надежды, воспоминанія и слухи приводили въ восторгъ моего отца, который до конца жизни боготворилъ Россію, и мы остались, ежедневно ожидая и прислушиваясь не гремитъ ли уже барабанъ руссiйскiй по нашимъ тихимъ улицамъ. Но въ этомъ отецъ ошибся.

Тулчу взяли Русскіе, но гораздо позднѣе и съ большими потерями. Множество воиновъ русскаго десанта погибло въ водахъ Дуная, переправляясь на лодкахъ противъ самыхъ выстрѣловъ турецкой батареи...

Потомъ мой бѣдный отецъ долженъ былъ сознаться что Турки на Дунаѣ защищались какъ слѣдуетъ, и до конца жизни дивился и не могъ понять отчего Русскіе распорядились такъ медленно и такъ неудачно подъ Ольшаницей, Читатее и Силистрией... Онъ приписывалъ всѣ неудачи ихъ валахскому пліонству и предательству польскихъ офицеровъ, которыхъ было, по его мнѣнію, слишкомъ много въ русскихъ войскахъ.

Онъ никогда не могъ допустить и согласиться что и нынѣшніе Турки отличные воины и всегда дивился когда сами русскіе консулы или офицеры старались ему это доказать. „Что за капризный народъ эти Русскіе! говорилъ онъ нерѣдко. У многихъ изъ нихъ я замѣчалъ охоту, напредвѣръ, Турокъ защищать и хвалить. Отъ гордости большой что ли или такъ просты на это?“ спрашивалъ себя мой отецъ и всегда дивился этому.

III.

Семейство наше много перенесло, и больше отъ худыхъ христіанъ чѣмъ отъ Турокъ, потому что худые христіане, всегда я скажу, гораздо злѣе и лукавѣе Турокъ.

Первое дѣло почему отецъ мой пострадалъ. Когда въ 53мъ году переправились Русскіе черезъ Дунай, всѣ у насъ думали что они уже и не уйдутъ и всѣ радовались, кромѣ нѣ-

которыхъ липованъ и хохлавъ бѣглыхъ изъ Россіи, но и тѣ равное думали, и между ними были люди которые говорили: „наша кровь!“ Отецъ мой тогда обрадовавъ былъ крѣпко и Русскихъ всячески угощалъ и ласкалъ...

У насъ въ тульчинскомъ домѣ русской капитанъ стоялъ и при немъ человѣкъ пять или шесть простыхъ солдатъ.

Скажу я тебѣ про этихъ людей вотъ что: куръ, водку, вино, виноградъ и всякій другой домашній запасъ, и вещи, и деньги береги отъ нихъ. Непремѣнно украдутъ.

Но если ты подумаешь что за это ихъ у насъ въ Добруджѣ ненавидятъ, то ты ошибешься.

Въ 67мъ году, когда одно время ожидали Русскихъ, весь край какъ будто оживился. Что говорили тогда всѣ, и Греки, и Болгары, и простаки-Молдаване сельскіе въ бараньихъ шалкахъ?... И даже, {ловѣрь мнѣ, Жиды и Татары Крымскіе, которые у насъ цѣлый городъ Меджидіе построили... Что говорили всѣ?

— Амавъ! Амавъ! придутъ скоро Русскіе! Вотъ торговля будетъ! Вотъ барышъ! Офицеру биллиардъ нуженъ, ромъ, шампанское, икра свѣжая. Платить и не торгуется! А если казакъ курицу украдетъ, такъ онъ тутъ же продастъ ее офицеру и самъ деньги не спрячетъ, а въ нашихъ же кофейняхъ истратитъ на вино или на музыку. Такой народъ веселый и щедрый! Прибить человѣка онъ можетъ легко, это правда, но никто за то же такъ утѣшить и такъ приласкать человѣка не можетъ, какъ Русскій. Все у него — „братъ“ да „братъ“ и злобы въ сердцѣ не держитъ долго.

Такъ говорили мнѣ въ 67мъ году, вспоминая то что видѣли въ 53мъ.

Разкажу я тебѣ какъ русскій солдатъ однажды укралъ у одного сосѣда нашего поросенка во время занятія Тульчи. Онъ спряталъ поросенка подъ шинель и идетъ по базару такъ важно, задумчиво, можно сказать, даже грозно и не слѣша. А поросенокъ визжитъ подъ шинелью его на весь базаръ. Всѣ люди глядятъ на солдата; солдатъ же ни на кого не смотритъ.

Сосѣдъ нашъ былъ Молдаванъ, но человѣкъ довольно смѣлый. Онъ догналъ солдата и при всѣхъ говоритъ ему:

— Остановись, братъ, ты укралъ у меня поросенка.

— Я? Ты съ ума сошелъ что ли? Какой это такой поросенокъ, скажи мнѣ, любезный другъ ты мой?...

Ужасно удивился солдатъ, и не улыбается, и не бонтоя, и не сердится вовсе.

А поросенокъ еще громче прежняго визжитъ подъ его полою.

Сосѣдъ разсердился и говорить ему:

— Такъ нельзя дѣлать!.. Раскрой шинель или я къ полковнику твоему пойду.

Сейчасъ же раскрываетъ солдатъ шинель и видитъ поросенка.

Посмотрѣвъ съ изумленіемъ, перекрестился, плюнулъ и воскликнулъ:

— Посмотрите, проклятая тварь, куда забрался. Это отъ дьявола все! А ты возьми его, братъ, если ояъ твой.

И пошелъ молодецъ дальше, ояъ не улыбается и ни на кого не глядитъ. Усы вотъ какіе въ обѣ стороны стоятъ и бакенбарды огромныя!

Весь базаръ до вечера смѣялся этому, и сосѣдъ жаловаться не пошелъ... Жалко ему было пожаловаться на такого человека, особенно зная что полковникъ былъ строгій Нѣмецъ и беспощадно наказывалъ этихъ бѣдныхъ людей за подобные безпорядки.

Калитана, который жилъ въ нашемъ домѣ, звали Иванъ Петровичъ Соболевъ. Ояъ меня очень любилъ. Звалъ ояъ меня „Дыганокъ“, за то что я смуглый, и дѣлалъ мнѣ много подарковъ. Ояъ каждый день, несмотря на холодъ, обливался холодною водою и приказывалъ солдатамъ и меня сватывать, раздѣвать и обливать насильно для укрѣпленія. Потому я и самъ это полюбилъ.

Выдетъ калитанъ на балконъ, на улицу, самъ раздѣется совсѣмъ и меня раздѣтаго выведетъ. Женщины бѣгутъ; а ояъ имъ кричить: „Чего вы не видали? Куда бѣжите? Скажите! какой стыдъ великій!“

И восклицаетъ потомъ солдату:

— Катай Дыганочка съ головы прямо!

Я и радъ, и кричу; а калитанъ бѣдный глядя на меня отъ души веселится. Ужасно любилъ я его.

Когда Австрійцы зашли Русскимъ въ тылъ и уходилъ Русскіе отъ насъ, калитанъ Соболевъ золотымъ крестикомъ благословилъ меня на память и я всегда ношу его на шеѣ съ тѣхъ поръ.

— Прощай, Цыганочекъ мой, прощай, голубчикъ, сказалъ онъ мнѣ и сѣлъ на лошадь.

Я сталъ плакать.

— Господь Богъ съ тобой, сказалъ калитавъ; — не плачь, братъ мой, увидимся еще. Съ Божьей помощью назадъ опять придемъ и освободимъ всѣхъ васъ.

Онъ лопѣловалъ меня и перекрестилъ, нагнувшись съ ко-
ня, а я держался за стремя его и плакалъ.

И не увидались мы съ нимъ больше! Да спасетъ Божія Матерь Своими молитвами его простую воинскую душу! Мы узнали потомъ что его подъ Инкерманомъ убили эти отвратительные Французы, которыхъ и отецъ мой, и я всегда ненавиждали.

Послѣ ухода Русскихъ изъ Добруджи, когда у насъ опять стали вездѣ султанскія войска, отецъ мой едва было не лишился жизни.

Нашлись добрые люди, которые даже не изъ мести и не по злобѣ личной на отца, а лишь изъ желанія угодить турецкому начальству и выиграть отъ него деньги, донесли на отца моего что онъ русскій шпионъ.

Сказать тебѣ что онъ русскимъ начальникамъ не передавалъ никогда гдѣ Турки и что они дѣлають, этого я не скажу.

Конечно, было и это; не станешь ли ты его хулить за это? Или лучше было дѣлать такъ какъ Валахи дѣлали около Букурешта, когда они Туркамъ Русскихъ продавали?

Призвали отца къ лашѣ. Отецъ зналъ что доказательствъ никакихъ противъ него нѣтъ; помолился, поплакалъ съ нами, матушка на островъ *Тиниз* серебряную большую лампаду обѣщала и стали ждать его и молиться. Я былъ еще малъ; сталъ бѣгать и кричать; а мать говорить: „Кричи! кричи, веселись—теперь отцу можетъ-быть голову ножомъ Турки отрѣзали“. И я утихъ...

Такъ двѣ недѣли прошао; стоимъ мы однажды вечеромъ; застучали въ дверь. Испугались всѣ, а это батюшка возвратился веселый. Освободили его Турки и спасъ его самъ тотъ Турокъ который долженъ былъ убить его.

Довозъ былъ тотъ что будто отецъ мой далъ черезъ Дунай вѣсть казакамъ (уже послѣ отступленія Русскихъ въ Молдавію) что въ Тульчѣ войска турецкаго мало. Тогда казаки ночью черезъ рѣку переправились и кинулись въ

городъ вскачь... это и я помню... крикъ какой подвдася... Турокъ точно было не много и они всѣ разсыпались въ испугѣ. Я ихъ и не вижу въ трусости за это. Очень это было неожиданно и казаки слишкомъ страшно кричали ура! Убить никого и не убили; а только повеселились турецкимъ испугомъ и въ лѣвъ никого не успѣли взять, потому что сами замѣшкать боялись. Украли мимоходомъ кой-что, безъ разбора христіанскій ли домъ или турецкій; это они успѣли, и ушли. Вотъ по этому самому дѣлу въ особенности и былъ на моего отца доносъ.

Отецъ стоялъ на одномъ словѣ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, и спрашивалъ „гдѣ-жь доказательства?“ Показывалъ что онъ во всю недѣлю предъ этимъ въ Бабадагѣ далеко отъ берега былъ и ни съ кѣмъ изъ своихъ не видался. „Кого жь бы онъ послалъ Русскихъ извѣстить?“ Паша не хотѣлъ слушать и велѣлъ его отвести къ пашу. Повели отца къ небольшому домику въ сторонѣ того селѣ гдѣ паша тогда жилъ; подвели къ двери, отворили эту дверь и втолкнули его туда... Отецъ сколько разъ объ этомъ и разказывалъ, всегда у него губы трясаись и голосъ мѣнялся. Закачаетъ головой и скажетъ: „увы! увы! дѣтки мои какъ страшно! это совсѣмъ не то что война, гдѣ у человека кровь килить... а это дѣло холодное и ужасное... Посмотри на курицу, и та какимъ голосомъ страшнымъ кричитъ когда ее рѣзать несутъ... Съ тѣхъ поръ, я и куриного крика не могу даже такъ спокойно слышать, повѣрьте мнѣ, дѣтки мои. И вотъ однако спасъ меня Богъ!“

Остался отецъ въ этой комнатѣ и видитъ сидитъ въ сторонѣ у очага худой Турокъ съ длинными усами. Оружія на стѣнамъ много. Поялъ отецъ что это и есть *Джелатъ*,* который долженъ его убить.

Отецъ ему поклонился и Турокъ говоритъ ему: „здравствуй“, и приглашаетъ вѣжливо сѣсть около себя.

Отецъ сѣлъ. Началъ Турокъ спрашивать откуда онъ и какъ его имя. И что отецъ скажетъ, онъ все ему: „Такъ, хорошо, очень хорошо!“ И потомъ еще разъ спросилъ у него

* *Джелатъ* значитъ палачъ; но у Турокъ настоящихъ, казенныхъ палачей никогда не бывало—режесало это грѣхъ и позоръ; но въ крайности называются временемъ какіе-нибудь бѣдные люди для исполненія приговоровъ. Вѣроятно этотъ Турокъ палача потому что ему были очень нужны тогда деньги.

какъ его имя чтобъ онъ повторилъ. Отецъ сказалъ ему, и показалось отцу что джелать какъ будто иначе взглянулъ на него.

— А есть у тебя братья? спросилъ потомъ Турокъ.

Отецъ сказалъ что есть два брата.

— А гдѣ они?

— Одинъ въ Греціи, а другой умеръ.

— А который умеръ чѣмъ занимался, гдѣ жилъ?

Отецъ сказалъ ему и объ этомъ.

— А въ Софьѣ не жилъ твой братъ?

Вспомнилъ отецъ что онъ долго жилъ и въ Софьѣ и тамъ держалъ.

— А никогда онъ ничего тебѣ не разказывалъ про этотъ ханъ или про какихъ-нибудь людей?

Не помнилъ отецъ; однако нарочно сталъ будто припоминать чтобы хоть минутку еще на этомъ свѣтѣ прожить. Измучился наконецъ и слезы у него изъ глазъ потекли и сказавъ онъ Турку:

— Не спрашивай у меня больше ничего, ага мой, эффеади мой. Я въ твоей волѣ и припоминать я больше ничего не могу; у меня одна память о бѣдной женѣ моей и моихъ сиротахъ несчастныхъ!

— А ты разкажи мнѣ, говоритъ Турокъ,—кто на тебя эту клевету выдумалъ?

Отецъ повторилъ ему то что сказалъ патѣ.

— А ты мнѣ скажи, чорбаджи, говоритъ тогда Турокъ,—радъ вѣдь ты былъ когда наши московскіе сюда пришли и Тульчу забрали и Силистрію осадили. Ты мнѣ, чорбаджи, правду говори только и меня ты не бойся.

— Что жъ я тебѣ скажу, отвѣтилъ ему отецъ,—вѣра у нихъ съ нами одна...

— Это ты хорошо говоришь, чорбаджи. И вижу я что ты человекъ не живой, а прямой и добрый. Все что ты сказавалъ, все правда. Сиди здѣсь, я скоро вернусь, а ты сиди и не бойся.

Вышелъ Турокъ и залеръ отца сваружи. Долго ждалъ отецъ и молился. Наконецъ Турокъ вернулся и смѣется.

— Иди съ Богомъ куда хочешь. И лошадь твоя здѣсь. Да скачи скорѣй чтобы тебя не вернули. И уѣзжай потомъ куда-нибудь подальше и отъ насъ, и отъ Русскихъ.

Не вѣрить отецъ и подумать не знаетъ что такое случилось. И сказалъ онъ агѣ этому:

— Ага мой, не могу я съ этого мѣста тронуться пока не узнаю за что ты меня такъ милуешь.

— А вотъ за что, говорить ему Турокъ.—За то что весь вашъ родъ люди хорошіе, другихъ милуете и васъ надо миловать.

— Слушай, говорить,—садись на коня. Я самъ тебя до другого села провожу, никто тебя не тронетъ.

И разказалъ отцу что тотъ отцовскій братъ, дядя мой, который хавъ держалъ, его брата спасъ и кормилъ.

Бѣжали долго вмѣстѣ, около часа, и ага ему исторію брата разказывалъ.

Дядя мой держалъ *ханъ* около Софьи; а братъ этого Турка былъ ученикомъ у *налбанта* * въ самой Софьѣ. Онъ былъ молодой и красивъ. У наши, который тогда начальствовалъ въ Софьѣ, была возлюбленная христіанка; жила она въ своемъ домикѣ на предмѣстьѣ, недалеко отъ того хана, гдѣ молодой Джемали лошадей ковалъ. Любилъ Джемали наряжаться и щеголять на дикихъ и злыхъ жеребцахъ. Случалось часто что онъ мимо сосѣдки въ лестрой одеждѣ оказывалъ: она знала что она всегда на него изъ-за рѣшетки въ окно глядѣла.

Потомъ нашла она случай познакомиться съ нимъ, нашла тележку въ ихъ хану; куветъ ему вышила и вышила одной старушкѣ ему передать. Эта же старуха сказала ему:

— Джемали-ага, господа моя велѣла тебѣ сказать что она тебѣ табаку хорошаго хочетъ дать изъ окна вечеромъ; она тебя очень жалѣетъ и говоритъ: какой юнакъ, на *бейонуло* ** больше похожъ чѣмъ на простаго человѣка!

— Такъ узнали они близко другъ друга и впали въ грѣхъ, говорилъ отцу тотъ Турокъ.—Узналъ и паша. Тогда было все проще въ Турціи, и погибнуть было легче, но легче и свѣтись. Схватили Джемали въ саду у христіанки молодой и привели въ конакъ.

— Ты кто такой? закричалъ грозно паша,—что по ночамъ въ чужіе дома заходишь и черезъ стѣны лазьешь? Кто ты такой, собака, окажи?

* *Налбантъ*, ковалъ или вообще человѣкъ который лошадей занимается, куетъ ихъ и т. п.

** *Бейонуло*, дитя безъ молодой баринъ.

— Мы *исмафы*, папа, господина мой, — *исмафы* мы, самимъ вамъ это извѣстно.

Папа покраснѣлъ и закричалъ:

— Пошелъ вонъ, оселъ!

Въ чемъ же тутъ секретъ былъ что папа смутился? *Исмафами* зовутся люди одного ремесла, одного цеха, и самое это слово упротребляется иногда иначе, аллегорически.

Мы съ тобой *исмафы*, то-есть товарищи, одного ремесла люди; *кумовья*, если хочешь...

А папа и самъ по ночамъ у этой христіанки бывалъ и бѣдный Джемали и не ожидалъ что онъ такъ остроумно и колько отвѣтитъ. Двое, трое изъ старшихъ чиновниковъ Турокъ даже улыбуались, не могли воздержаться.

Однако, хотя папа и выгналъ Джемали, но все-таки велѣлъ потомъ чтобы залгѣ его взяли и отвели въ тюрьму. Джемали притворился вовсе покорнымъ и слабымъ; двое залгѣ вѣли его и сначала держали, а потомъ одинъ и вовсе оставилъ. Какъ увидалъ онъ это и рѣшилъ куда можно бѣжать, вырвалъ вдругъ у одного пистолетъ, ранилъ другаго и бросился черезъ разоренную стѣнку стараго каадыца, бѣжалъ, бѣжалъ; просидѣвъ потомъ до вечера въ разрушенной банѣ одной, вспомнилъ о своемъ дядѣ и ушелъ ночью къ нему въ ханъ за городъ. Дядя мой пряталъ и кормилъ его двѣ недѣли, а потомъ переправилъ черезъ Дунай въ Валахию и оттуда Джемали вернулся опять въ Турцію инымъ путемъ. Такъ какъ за нимъ никакого преступленія важнаго не было, то онъ боялся лишь ревности и мести того паша котораго онъ оскорбилъ, а не другихъ начальниковъ. Когда Джемали увидался съ братомъ своимъ онъ разказалъ ему все это и прибавилъ еще:

— Ты положи мнѣ клятву что гдѣ бы ты ни встрѣтилъ родныхъ загорскаго Дмитро Полахроноса или его самого, ты послужишь и поможешь и ему, и всему роду его. Они мнѣ теперь и до конца жизни моей все равно какъ *своя*, *побратимы*. *

Вотъ какъ чудесно слася отецъ мой. Онъ и говорилъ что въ его жизни два чуда было: встрѣча съ матерью моею и съ этимъ Туркомъ, Мыстикъ-агюю.

* Въ западной Турціи, въ Албаніи, Эпирѣ, другихъ соседнихъ странахъ существуетъ, какъ извѣстно, и у мусульманъ и у христіанъ старый обычай *побратимства*.

— А какое лицо у него было грозное, у Мыстикъ-аги! говорилъ иногда вздыхая глубоко отецъ.—Худое лицо, печальное, безъ улыбки! Усы длинные и острые въ обѣ стороны, туда и сюда стоять. Кто бы могъ ожидать такой доброты?

Мать моя думала напротивъ того что отцу это такъ показалось отъ страха и что у Мыстикъ-аги было обыкновенное турецкое лицо.

Отецъ мой любилъ объ этомъ событіи разказывать и, обращаясь ко мнѣ, грозился мнѣ рукой и говорилъ:

— Заклинаю я тебя, Одиссей, всѣмъ священнымъ, если и меня на свѣтѣ не будетъ и если когда-нибудь Мыстикъ-ага валитъ тебѣ о чемъ-нибудь прося, или въ домъ твой придетъ, то вспомни объ отцѣ твоемъ и всякую просьбу его исполни. Въ домѣ же твоемъ почетъ ему окажи бóльшій чѣмъ бы ты самому великому визирю оказалъ. Служи ты ему самъ и если жена у тебя будетъ, то хотя бы дочь валийскаго министра или перваго фавариотскаго богача за себя взялъ, но я хочу чтобъ эта жена твоя туфлаи ему подавала, и чубукъ, и огонь, и постель ему стлала бы руками своими, слышишь ты, въ домѣ твоемъ постелала! Слышишь ты меня, мошеникъ ты Одиссей? Это я, отецъ твой, тебѣ, Одиссей, говорю! Прощаясь съ Мыстикъ-агою я такъ и сказалъ ему:

— Эффенди и благодѣтель мой, паша мой, домъ мой—твоей домъ отнынѣ! И жена и дѣти мои, и дѣти дѣтей моихъ, твои локорные слуги!

А онъ бѣдный отвѣтилъ мнѣ:

— Все мы рабы Божіе, чербаджи!

Сидя на жеребца своего, приложилъ руку къ щекамъ и ускакалъ! И долго глядѣлъ я какъ развивались красныя кисти на зломъ жеребцѣ его и за спиной его голубые рукава, и не могъ я вовсе съ мѣста стоять пока не потерялъ его изъ вида. Какъ бы незримая сила приковала меня тамъ гдѣ я издали на него любовался.

Когда отецъ мой это разказывалъ, хотя бы и въ двадцатый разъ, трудно было не плакать.

Мать моя всегда плакала и обращая глаза къ небу, прикладывая руки къ груди своей и прерывала разказъ восклицаніемъ: „Боже! Пусть онъ живетъ долго и счастливо, человекъ этотъ, пусть спасетъ онъ свою душу, и хотя Турокъ онъ, но пусть угодить Тебѣ, Боже нашъ, хотя такъ какъ угодилъ Самарянинъ добрый!“

IV.

Тотчасъ по заключеніи мира, отецъ мой отправилъ насъ съ матерью на родину, въ Эпиръ, а самъ поѣхалъ въ Аѳины и досталъ себѣ тамъ безъ труда эллинскій паспортъ и такимъ образомъ право на защиту греческаго посольства и греческихъ консуловъ во всей Турціи.

Къ этому его побуждалъ не только тотъ страхъ который пришлось испытать ему отъ тогдашняго турецкаго беззаконія и самоуравной грубости, но и другое тяжелое дѣло, которое причинило и ему, и мнѣ поздыѣ много неприятностей и хлопотъ.

Не только по поводу доноса на отца, но еще и по поводу этой тяжбы мнѣ пришлось сказать тебѣ, мой другъ, что худые христіане нерѣдко по природѣ своей злѣе и лукавѣе Турокъ.

Отъ отца же моего покойнаго я слышалъ одну небольшую и очень хорошую молдаванскую сказку или басню, не знаю какъ ее лучше назвать.

„Пошелъ одинъ человѣкъ, поселянинъ небогатый, дрова въ лѣсъ рубить и увидалъ что большое дерево упало на землю и придавило большую змѣю. Змѣя была жива и стала просить человѣка чтобъ онъ освободилъ ее. Человѣкъ подставилъ лодъ дерево подпорки и освободилъ змѣю. Она тотчасъ же обвилась вокругъ него и сказала ему: „Я тебя съѣмъ!“ „За что?“ спросилъ человѣкъ. „Всѣ вы люди очень злы и злѣе васъ звѣря вѣтъ на свѣтѣ; за это я тебя съѣмъ.“ Тогда человѣкъ ей сказалъ: ты такъ говоришь, а другіе что скажутъ, пойдемъ судиться; до трехъ разъ кого встрѣтимъ того и спросимъ. Змѣя согласилась и они пошли. Сначала увидали они что люди пахутъ. И люди эти когда увидали человѣка и около шеи и тѣла его такую большую змѣю, вмѣсто того чтобы помочь ему испугались и убѣжали. Спросила змѣя у одной коровы которая была въ лагъ впряжена: „Съѣсть мнѣ этого человѣка?“ „Вшь! сказала корова. Люди всѣ злы и злѣе ихъ звѣрей вѣту. Я моему хозяину много телятъ, молока и масла дала; а онъ меня, корову, теперь въ лагъ съ волами залрегъ.“ Пошли они дальше, увидали на сухомъ полѣ худую, старую лошадь. Спросила у нея змѣя:

„Скажи мнѣ, лошадь, съѣсть мнѣ этого человѣка?“ И лошадь сказала: „Вшь! Люди всѣ злы и злѣе ихъ нѣтъ звѣрей на свѣтѣ. Я служила хозяйну двадцать лѣтъ, а теперь стану стара; онъ меня и бросилъ на этомъ сухомъ полѣ, гдѣ меня можетъ-быть и волки съѣдятъ.“ Пошли они дальше. Встрѣтили лисицу. Ей далъ знать человѣкъ знаками что онъ ей трехъ куръ дастъ, если она въ его пользу рассудитъ. Лисица тогда сказала змѣѣ: „чтобы рассудить права ли ты, надо видѣть какъ онъ тебя спасъ и трудно ли ему это было. Отойдите меня туда гдѣ тебя придавило большое дерево.“ Когда они всѣ пришли въ дѣсь и увидѣли что дерево лежитъ еще на подпоркахъ. Лисица сказала змѣѣ: „подлѣзай опять ли примѣра лодь дерево чтобъ я могла видѣть какъ ты жала и рассудить васъ.“ Змѣя подлѣзла, а лисица сказала человѣку: „Видишь подпорку!“ И змѣю опять придавило деревомъ и она пыхнула. Тогда человѣкъ повелъ лисицу въ своему селу и сказалъ ей: „подожди здѣсь въ полѣ, а вмѣстѣ тебѣ живыхъ куръ въ мѣшокъ“. А самъ подумалъ, у насъ мѣхъ очень красивъ, годится жемъ на шубку. Пойду нѣчто куръ положу въ мѣшокъ залю и быструю собаку она поймаетъ мнѣ лису. Пошелъ въ село и вынесъ собаку въ мѣшокъ. Лисица сидитъ далеко на камнѣ хвостомъ шуршитъ и не подходитъ. „Что это у тебя, другъ мой, мѣшокъ очень великъ?“ „Изъ благодарности шесть куръ несу вмѣсто трехъ,“ сказалъ человѣкъ, и выпустилъ на нее собаку; но собака была далеко и сплелась, громко воскликнувъ: „Хорошо сказала и змѣя, и корова, и лошадь что вы люди злы и злѣе васъ нѣтъ звѣря на свѣтѣ!“

Отецъ мой говорилъ объ этой баснѣ такъ:

— Я давно ее зналъ и хотѣлъ забыть ее послѣ того какъ Турокъ Мыстикъ-ага спасъ мнѣ жизнь; но въ то же почти время одинъ Грекъ нашъ и одинъ Болгаринъ научили меня ее вѣчно помнить.

Отецъ мой торговалъ на Дунаѣ разными товарами и дѣлалъ всякіе обороты, но въ то время онъ особенно занимался рыбною торговлей, скупалъ икру у Русскихъ липованъ и другихъ рыбаковъ и продавалъ ее очень выгодно.

Онъ имѣлъ дѣла и большіе счеты съ однимъ эпархійскимъ же Грекомъ, котораго звали Хахамолуло. Человѣкъ онъ былъ и жадный, и легкомысленный, и боязливый, и обманщикъ. Онъ былъ гораздо моложе моего отца и отецъ мой былъ ему

ючти благодѣтелемъ. Отецъ этого Хахамопуло умеръ внезапно въ Валахию и мальчикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ познаній и безъ ремесла. Однако онъ былъ кутерь; пришелъ въ Галацъ, увидалъ что тамъ продаютъ козырьки для фуражекъ и вздумалъ дѣлать козырьки. Купилъ кожи, вырѣзалъ, сѣлъ верхомъ на скамью и сталъ какою-то гладкою костью лощить козырьки эти. Козырьки не годились.

Потомъ онъ увѣрилъ одного богатаго Валаха что онъ отличный красильщикъ, учился въ Одессѣ и можетъ выкрасить ему карету заово гораздо дешевле чѣмъ другіе мастера. А вся цѣль его была чтобы хоть недѣлю еще хлѣбъ имѣть и мѣсто для ночлега. Купилъ сажи, самъ лакъ попробовалъ сварить, совсѣмъ не такъ какъ было нужно; накрасилъ лалда на три густоты, не держится, все кусками падаетъ. Пришелъ хозяинъ кареты, взялъ лаку и прогналъ его. Онъ сидѣлъ у воротъ гостиницы и плакалъ, когда отецъ мой увидалъ его и спросилъ у него кто онъ такой и отъ чего онъ плачетъ.

— Мнѣ и тогда, рассказывалъ мой отецъ,—не очень понравился этотъ мальчикъ. Слишкомъ ужъ ломался и гримасничалъ. И туда кинется, и сюда перегнется.... ЭффендикѠ моѠ! ЭффендикѠ! кричить онъ мнѣ и воетъ. — Ба! говорю я ему, слѣдуетъ ли плакнару какъ женщинѣ плакать и выть. Пошлетъ Богъ тебѣ хлѣба. Не кричи, дуракъ, у меня ужъ и голова отъ волъ твоего какъ цѣлый казанъ раздулась. А всегакъ жалко его было. Христіанинъ молодой и нашъ эпирокій Грекъ.

Рекомендовалъ его отецъ мой одному изъ нашихъ Загорцевъ, который имѣніемъ большимъ у молдаванскаго боярина управлялъ. Прожилъ Хахамопуло у Загорца пять лѣтъ; во время войны и Русскимъ, и Туркамъ, и Австрійцамъ служилъ, деньги нажилъ, женился и переехалъ въ Тульчу. Отецъ видѣвши что у него какъ будто хорошія деньги есть и полагая что онъ его благодѣанія помнить, взялъ его въ долю къ себѣ по рыбному промыслу и они нѣсколько времени торговали вмѣстѣ. Еще до войны случилось отцу занять тысячу золотыхъ турецкихъ лиръ у одного знаменитаго Болгарина добруджанскаго, Петраки Стояновича. Этотъ Стояновичъ теперь уже не просто Петраки, а Петраки-бей и капуджи-баши султана Абдуль-Азисъ-хана, богатъ какъ лидійскій Крезъ, а ужъ подлецъ такой что Хахамопуло нашъ

предъ нимъ Аристидомъ Справедливымъ является. Paskatu я тебѣ и про этого болгарскаго архонта, что онъ такое за сокровище драгоценное и откуда.

Отецъ его, старичокъ Стоянъ, простой болгарскій мужикъ изъ-подъ Костенджи, кажется. Я его видѣлъ. Простѣйшій земледѣлецъ болгарскій, въ бараньей шалкѣ и толстыхъ шароварахъ изъ коричневой абы. Какъ говорится по-болгарски: „Четыре кожи единъ колакъ! Големъ-те чорбаджи!“

Старичокъ безвредный, лѣтъ ему 80, усы сѣдые, самъ худой и смуглый, пишетъ самъ до сихъ поръ, деньги въ землю зарываетъ, Турокъ боится, а больше никого знать не хочетъ; всю недѣлю черной хлѣбъ съ лукомъ или перцемъ краснымъ ѣстъ, а баранину жаритъ только по праздникамъ. У сыновей въ Тульчѣ рѣдко бываетъ, а они къ нему, кажется, никогда не ѣздятъ. При немъ дочь замужняя съ зятемъ и внуками уже большими живетъ.

Сыновей же у него двое, Петръ и Марка. Оба теперь богачи и беи. Петраки, какъ я сказала тебѣ, калуджи-баши, а Марко—предсѣдатель нашего Тульчинскаго торговаго суда, тиджирета, и такъ-сказать бичъ челоуѣчества въ нашемъ городѣ.

Пришли они оба на Дунай въ сельскихъ лутѣрахъ** и колакахъ еще молодые, но гдѣ-то въ греческой школѣ обученные не дурно, и открыли небольшую лавочку въ Тульчѣ. Было это еще до Восточной войны.

Какъ они торговали? Такъ какъ торгуетъ всякій христианинъ бакалъ. Не безъ лжи и небольшого обмана.

Это бы ничего; все мы такъ дѣлаемъ. Но Петраки и Марко не удовольствовались такими обыкновенными доходами, но сперва приобрѣли они отъ Турокъ много денегъ доносами, такъ что ихъ трелеталъ весь городъ, а потомъ разбогатѣли чрезвычайно во время сосредоточенія турецкихъ войскъ около Дуная, различными подрядами и оборотами, поставкой сѣна, ячменя, рису для войска; а доносы шли своимъ чередомъ.

По окончаніи войны, у болгарскихъ селянъ въ Добруджѣ и подъ Силистріей скопилось множество росписокъ отъ начальниковъ различныхъ турецкихъ отрядовъ. Часто нуждался

* „Четыре кожи бараньихъ—одинъ колакъ; большой господина значить!“

** Деревенскіе шальвары.

въ въ деньгахъ, начальство турецкое забираю въ долгъ у малъ фуражъ для кавалеріи своей и всякую провизію для солдатъ. Какъ только узналъ Петраки Стояновичъ что у оренбурженниковъ его собралось такое множество долговыхъ списковъ, онъ сталъ хлопотать чтобъ общины сельскихъ округъ выбрали его для поѣздки въ Константинополь; достигъ этого; поѣхалъ; но, явившись къ великому визирю, не жегъ потребовалъ, а повергъ къ стопамъ султана всѣ росписки его върынкъ райа... „ибо всѣ эти върные подданные поручили мнѣ изъяснить Блистательной Портѣ живѣющую радость что общій врагъ московскій изгнанъ съ позоромъ изъ предѣловъ нашихъ!“ Такъ сказалъ Петраки.

Видитъ ли мы будемъ Турокъ за то что они съ радостью приняли этотъ даръ и дали мужичку нашему болгарскому одждіе и мундиръ калуджи-баша съ расшитомъ золотомъ удыю?

Тогда еще больше сталъ расти и богатѣть Петраки, сынъ мнелѣвца Стояна. Взглянулъ бы ты теперь на него! Шикій, румяный, здоровый *эффенди*; одѣтъ щегольски, красивый эффенди, борода черная съ просвѣдью небольшою, походка важная, рѣчь серьезная, въ Парижъ ѣздилъ, по-французски немного сталъ говорить; лашу его боятся, всѣ коня визитъ первые ему дѣлають, коляска у него въискалая, шади львы свирѣпые. „Желудокъ“, говоритъ онъ, „у меня перъ разстроены и леченью, къ несчастью, страдаю, потому я не въ силахъ посты содержать, какъ бы того требовали приличія для примѣра простому народу, ибо необразованнымъ людемъ религія есть единственная узда для страстей. Сожалѣю крайне о такомъ моемъ преждевременномъ устройствѣ, но что дѣлать! самъ докторъ Вельно въ Парижѣ не совѣтовалъ мнѣ поститься. Прекрасный городъ Парижъ и докторъ Вельно благороднѣйшій человекъ. Европеецъ ювѣкъ, влолвѣ Европеецъ!“

Поститься уже теперь не въ силахъ Петраки, сердечный онъ. За то нѣтъ Еврейки молодой и бѣдной, нѣтъ служанки Болгарки сельской, Хохлашки или Молдаванки, которую онъ не обоастилъ за деньги и не бросилъ бы послѣ. ъ могутъ слезы сироты противъ Петраки-бея, когда самъ лашу боятся иногда его интригъ и тѣхъ взятокъ которыя онъ всегда въ силахъ въ Константинополь дать?

Въ 67мъ году прошелъ слухъ что Петраки-бея хотять кня-

земь независимой Болгаріи сдѣлать. Но и тутъ онъ успѣлъ оправдаться предъ Турками. У такого-то человека отецъ мой имѣлъ несчастье занять тысячу лиръ золотыхъ!

Хахамолуло между тѣмъ захотѣлъ отдѣлаться отъ отца моего и стали они сводить счеты. Отцу тогда было не под силу заплатить Петраки-бею, котораго срокъ подошелъ, и онъ, полагаясь на Хахамолуло, перевелъ долгъ на него и удовольствовался тѣмъ что Хахамолуло, который отцу былъ гораздо болѣе этого долженъ, записалъ при немъ тысячу лиръ для Петраки-бея въ свою счетную книгу. „Заплати только ему эту тысячу лиръ, и остальные я прощамъ тебѣ“, сказалъ ему отецъ. Расписки отецъ мой съ Хахамолуло не взялъ. Какъ только объяснились между собой тайкомъ отъ отца два злодѣя, Болгаринъ и Грекъ, такъ и обнаружили ихъ злоба, но что было дѣлать?

— Дай ты мнѣ, Хахамолуло любезный, сейчасъ пятьсотъ лиръ, сказалъ Парижанинъ-эффенди болгарскій нашему априскому молодцу.—Я же тебѣ дамъ бумагу или счетъ особый чтобы ты былъ покоенъ, какъ будто я эти пятьсотъ лиръ получилъ отъ тебя по иному торговому дѣлу. Ты отрѣкайся отъ своего долга Полихроніадесу, ибо онъ отъ тебя не имѣетъ расписки, а я съ него свои тысячу лиръ судебнымъ порядкомъ требовать стану, ибо я отъ него расписку правившую имѣю и буду утверждать что отъ тебя я не получилъ ничего и даже знать тебя, Хахамолуло, вовсе и не хочу. Долженъ же мнѣ съ большими процентами за просрочку Георгій Полихроніадесъ изъ Эпирскихъ Загоръ.

Вотъ поѣтому-то и поспѣшила достать себѣ эллипскій паспортъ отецъ мой вскорѣ послѣ окончанія Восточной войны. Онъ предпочелъ бы, конечно, взять русскій паспортъ; тогда и это дѣлалось легко, но русскаго консульства въ то время не было въ Тульчѣ, и какъ ни слаба Элада, все-таки независимое государство, думалъ отецъ мой, и можетъ его защитить.

Много перенесъ онъ тогда мученій, и паспортъ греческій если и былъ полезенъ, то развѣ для предохраненія жизни на случай большой опасности, а для тяжбы, я полагаю, онъ сдѣлалъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы. Турецкое начальство признавать его никогда не хотѣло; нѣсколько разъ тайно отца и сажали въ тюрьму; не пускали его изъ тюрьмы въ Загорье съѣздить и съ нами видѣться. Греческіе кон-

я постоянно мѣнялись; ладеть министр въ Аѳинахъ, сейчасъ ѣдетъ новый консулъ и старому перѣдко онъ врагъ. Ладю угождать новому. Сколько разъ англійскій консулъ освобождалъ отца изъ тюрьмы.

Со стороны Петраки-бея, кромѣ мошенничества и алчности, была еще и личная злоба на отца моего—за одно слово которое онъ дѣйствительно неосторожно, быть-можетъ, и небдуманно сказалъ въ обществѣ.

Тогда только-что начались разговоры о томъ что Болгарамъ слѣдуетъ отдѣлиться отъ вселенской патріархіи, имѣть свои славянскія школы и получить разрѣшеніе не только въ Вѣрной Болгаріи, но и во Фракіи и въ Македоніи на своемъ церковно-славянскомъ языкѣ лѣтъ и читать въ церквахъ.

Отецъ мой былъ человекъ умѣренный и справедливый, и всегда говорилъ что Болгары въ подобныхъ требованіяхъ равны. „Отчего имъ не читать и не лѣтъ вездѣ на своемъ одномъ языкѣ? И Святой Духъ сошелъ на апостоловъ въ идѣ огненныхъ языковъ именно для того чтобъ они проповѣдывали Евангеліе всемъ народамъ на нарѣчіяхъ имъ понятныхъ. Хорошо просить Болгары!“ говорилъ мой отецъ. Но отдѣленія отъ вселенской церкви онъ не допускалъ и подъ какимъ видомъ. И когда этотъ самый Петраки-бей дважды въ домѣ австрійскаго консула выразился такъ:

— Этого мало, мы надѣемся что султанъ дастъ намъ патріарха особаго; ибо мы, Болгары, ему всегда были вѣрны и утешниками подобно вамъ, Грекамъ неразумнымъ, не были не будемъ!

Отецъ мой отвѣтилъ ему хотя и шутя, но очень обидно: — Да! сказалъ онъ.—И до меня дошли подобные слухи съ береговъ Босфора. Говорятъ люди свѣдущіе и высокопоставленные, будто бы садразамъ предложилъ вселенскому патріарху согласиться на учрежденіе особой болгарской патріархіи, но что его святѣйшество изволило отвѣтить такъ: Ваша свѣтлость согласится, конечно, что Цыгане въ Турціи исповѣдуютъ одну вѣру мусульманскую съ чистыми Оттоманами, однакоже не видалъ еще никакой человекъ чтобы сейтъ-уль-исламъ изъ цыганскаго шалаша былъ взятъ!..“

Смѣху тогда было много въ Австрійскомъ консульствѣ по поводу этой остроты моего отца; но къ алчности Петраки-ея съ того дня примѣшалась еще и національная ненависть и личная досада на весь нашъ родъ.

V.

Пока мой бѣдный отецъ хлопоталъ и мучился на Дунае мы въ Загорахъ жили хорошо и спокойно.

Эпирскія пѣсни родное село наше зовутъ „пустыня Франгадесъ“... Пусть такъ! Но я люблю его.

Церковь у насъ обширна и красива; высокая колокольня подобна крѣпкой башнѣ; а надъ *алтаремъ софита* такъ великъ, такъ широкъ и такъ прекрасенъ что я въ жизнь мою другаго подобнаго ему дерева не видалъ.

Домъ старушки нашей Евгенки Силовой былъ и не великъ, и не малъ, а средній. Была въ немъ зала большая, с колонками деревянными, а за колонками софа широкая и кругъ; было довольно маленькихъ комнатъ и направо, и направо, и наверху, и внизу; и погребъ былъ просторный, и виноградники у насъ, и мулы, и овцы были свои.

Старушка наша, мать моя, я, служанка молодая и старая работницъ, только насъ и было въ домѣ и мы жили все мирно и согласно. Коконя Евгенко была трудолюбива и мила села; мать моя кротка и заботлива; служанка бѣдная и послушна и старикъ Константинъ, работникъ нашъ, вотъ былъ какой человекъ: онъ сражался волонтеромъ подъ Севастополемъ и возвратился въ Турцію съ крестомъ Св. Георгія за храбрость.

Говорили люди и смѣялись надъ нами, будто бы онъ съ какимъ-то русскимъ писаремъ по окончаніи войны двоимъ составили аттестаты и будто бы онъ крестъ Св. Георгія просто на базарѣ купилъ....

Можетъ-быть оно и правда; только для нашего дома Константинъ былъ очень хорошъ и мы его все любил.

Мать моя шила, прала сама, мыла бѣлье; вмѣстѣ съ молодой служанкой къшанье намъ готовили. Бабушка Евгенка съ Константиномъ въ виноградникахъ сама работала, рвала и копала неутомимо, пшеницу для дома сѣяла.... Цѣлый день въ трудахъ и всегда веселая. Не знала она ни жалобъ усталыхъ, ни лѣни. Мать моя цѣпляла наклонность владать своимъ въ глубокую грусть и ожидала тогда печальныхъ извѣстій и всего худаго; начинала плакать и одежду на груди своей рвала себѣ разрывать и на землю садилась и восклицала

Увы, мой бѣдный мужъ! Онъ умеръ.... Съѣли его злыя со-
аки, враги его на Дунаѣ.... Нѣтъ вѣстей отъ него! Нѣтъ
вѣстей отъ несчастнаго! Ахъ я черная, злополучная эта-
да!... О! проклятый вѣрно былъ часъ въ который я роди-
лась на свѣтъ....“

А Евгенко не улыбада и тотчасъ же оспѣшила утѣшить
развлечь ее... „Не прокливай, море Элемица моя, для
воего рожденія! Это грѣхъ. Все пройдетъ и все будетъ
орошо, дочь ты моя.... Не бойся, я тебѣ, старуха, такъ го-
ворю!“ И сядетъ около нея на полу же и начнетъ ей разка-
зывать: „Яковакина жена вотъ то-то сдѣлала; а Йоргакина
ругое сдѣлала. Кира-Маруго утромъ лѣвочку родила здо-
овую, толстую, дай Богъ ей жить! А кира-Кириакида тет-
у своею обижаетъ, кричитъ на нея.... „бре, ты такая, бре!
ы сякая!“ И развлекетъ мать моя немного и слуша-
тъ и скажетъ потомъ: „Много у тебя бодрости, вижу я и
авлюся тебѣ....“ А старуха ей: „У тебя, дочь, сердце узкое,
у меня широкое сердце... Оно и лучше такъ.... А что бы-
ыло, есаибъ у обѣихъ у насъ съ тобой узкія сердца были?“

Крѣпкая была женщина бабушка добрая наша и ты бы-
ада на простоту рѣчей ея и на грубую старинную одежду,
а ея жесткія руки, не различилъ бы ея отъ простой работ-
ицы деревенской и не догадался бы что она имѣетъ хоро-
ій домъ въ селѣ и сама госпожа. Древняя и почтенная
ыла женщина!

Всѣ ее уважали: но и смѣху съ ней было девольно....
Славилась она у насъ междометіями различными. На все
нея былъ особый возгласъ, особое междометіе. „Есть, ко-
она Евгенко, вода у насъ въ колодезѣ?“ спрашиваетъ че-
вѣкъ. „А.... а!“ и глаза закроетъ. Значить: „ни калаи!“ —
Все работаете, кокова Евгенко?“ „Гр-гр! гр-гр!“ Это зна-
ить: „Все возимся, все работаетъ!“ „Музыка играла на
идѣбѣ....“ — Аманъ, аманъ, что за хорошая музыка!...
зими! — Значить, громкая хорошая музыка. — „Легъ отецъ
дыхатъ, бабушка?“ — „А, а, а!“ то-есть, „да, да, да!“ и го-
мой потрасеть. Смѣшная она насъ.

Когда стали появляться у насъ въ Элпирѣ изрѣдко фото-
мафы, она ни за что не соглашалась снять съ себя пор-
ретъ, утверждая что такой старой бабушкѣ картинки съ
бя снимать и еще машинками и деньги за такой лустякъ

платить, какъ бы грѣхъ кажется, а ужь стыдъ, безъ сомнѣнiя, великiй!

Цвѣты она очень любила до самой смерти своей и разводить ихъ любила около дома, и любоваться на нихъ, и нюхать любила. Когда она стала все больше и больше старѣть подъ конецъ своей жизни и уже работать перестала, а почти все сидѣла или лежала на диванѣ, лѣтомъ у окошка открытаго, зимою у очага, ей домашнiе люди не забывали приносить иногда душистые цвѣты и если цвѣтокъ былъ не великъ, она клала его себѣ въ носъ. — „Бабушка Евгенко, зачѣмъ вы цвѣтокъ въ носъ себѣ положили?“ — А затѣмъ, *морé*, человѣче ты неразумный, затѣмъ что руки у меня старыя и работать устали всю жизнь мою! Держать рукой я цвѣтокъ не хочу, а залахъ его хочу обонять.... Пожалъ ты теперъ, человѣче....“

И всѣ уже знали что она отвѣтитъ такъ, но всѣ хотѣли слышать ея занимательные отвѣты.

Скажу тебѣ еще вотъ что. Кокона Евгенко наша не только была трудолюбива, забавна и весела; она была и свѣтлаго нрава. Ты слышалъ какой безпорядокъ царствовалъ въ краѣ нашемъ во время Восточной войны?... Я писалъ тебѣ уже о томъ какъ боялся отецъ мой отправить насъ съ матерью тогда съ Дуная въ Эпиръ. Онъ очень тревожился и за старушку и не разъ писалъ ей чтобъ она уѣхала изъ деревни въ Янину и жила бы тамъ, пока не кончится война и возстанiе. Но она всѣмъ говорила: „Кто старую такую, какъ я, обидитъ? А если и убьютъ.... Такъ вѣдь Харонъ* вездѣ человѣка найдетъ! Сказано что съвозжаетъ Харонъ съ горъ отуманенныхъ и влачить съ собою старыхъ людей впереди, а сзади молодцовъ молодыхъ, а дѣточекъ, нѣжныхъ ребяточекъ, рядышкомъ, рядышкомъ на сѣдлѣ везетъ! Вотъ что!“ Съ большимъ трудомъ уговорилъ ее братъ ея, докторъ Стѣловъ, чтобъ она съ нимъ вмѣстѣ уѣхала на это время въ городъ. Въ городѣ казалось безопаснѣе. По возвращенiи нашемъ съ Дуная мы узнали отчего ей такъ не хотѣлось покидать домъ свой. И этому причиной главной

* Память о языческомъ Харонѣ сохранилась у Христианъ Эпира. Они часто употребляютъ слово *ò Харос* (*ò Харосъ*) вмѣсто слова *Смерть*. Есть много и пѣсень деревенскихъ о Харонѣ или о Смерти.

была ее любовь къ отцу моему, и матери, и ко мнѣ. У нея въ темномъ углу конюшни было зарыто въ землю золота мѣръ двѣсти сашкомъ. Собрала она ихъ за многіе года и зарыла сама. Мѣсто зналъ одинъ только отецъ мой. Одною темною ночью приснилось ей что на этомъ мѣстѣ огонь горитъ, горитъ, горитъ и гаснетъ. Она испугалась, сошла туда и до разсвѣта со страхомъ великимъ трудилась и перенесла съ молитвами деньги въ иное мѣсто. И все ей казалось съ тѣхъ поръ что всѣ люди догадались и стоить ей только уѣхать, такъ сейчасъ и отроютъ деньги эти и послѣ смерти ее не найдеть ничего отецъ мой и скажетъ: Вотъ злая старуха обманула меня. Боялась она и брата своего Отилова, хотя онъ и добрый былъ человекъ. „Семьянинъ-человекъ, думала она: свои дѣти есть; а же ему сестра, а Эленица (мать моя) чужая мнѣ по роду, вдова сына моего сердечнаго!“ Писать Евгенко сама не умѣла; кому довѣрить тайну, чтобъ отца моего извѣстить и указать ему заочно новое мѣсто гдѣ телерь деньги? Этимъ она мучилась долго. И рѣшилась она въ Явишу къ брату ѣхать тогда только когда во всей сосѣдней Загорамъ Курендѣ села христіанскія загорѣлись. Въ Курендѣ порядокъ иной чѣмъ въ нашихъ Загорахъ.... Куренда мѣсто земледѣльческое, земля тамъ менѣе гористая; а народъ тамъ бѣднѣе, потому что собственности у него нѣтъ. Земля бѣлымъ принадлежала и ее крестьяне пахали. Во всемъ округѣ одно только и есть село богатое, свободное. Это село, прекрасная бѣлая Зица, у подножья высокаго холма, вослѣдстаго самимъ лордомъ Найрономъ.

Когда крестьяне бѣдныхъ селъ въ Курендѣ возстали и убѣжала на высокія горы съ женами и дѣтьми своими, разказываютъ у насъ, будто бы богатые Зиціоты продали ихъ и подали Туркамъ мысль зажечь въ долинахъ всѣ дома, всѣ жилища возставшихъ людей.

Ужаснулись люди и, опустившись съ неприступныхъ высотъ, поклонились Туркамъ и получили помилваніе отъ нихъ.

Вотъ только тогда, когда загорѣлись всѣ эти бѣдныя села несчастной нашей Куренды, Евгенко рѣшилась уѣхать въ Явишу къ брату.

Богъ спасъ старушку! У Гриваса въ охотникахъ была, конечно, вмѣстѣ съ добрыми патріотами и всякая сволочь,

жадная, безстрашная, свирѣлая. Эта сволочь не гнушалась грабить и христіанъ, когда въ чемъ-нибудь нуждалась.

Въ той самой лѣсѣ Элпирской, въ которой родное село наше названо *пустынное Франгадесъ*, поется о подобномъ грабѣжѣ и нападѣніи на христіанскіе дома.

„Ты поѣ, кукушечка, ты поѣ, какъ распѣвала прежде.“
 — Я что спою? и что скажу? Какую рѣчь держать я буду?
 Вотъ Какаранца * на горахъ, на самыхъ на верхушкахъ,
 Собралъ все войско оное свое и всѣхъ своихъ Алабандцевъ.
 Ножи у нихъ дамасскіе и ружья все готовы.
 „Робята вы не бойтесь, ни калаи не отразитесь!
 „Желаво васъ шпикъ въ грудь, какъ сталь пусть будутъ ноги,
 „И айды! грабить мы пустынное Франгадесъ!“
 И Костарасъ ** сказалъ тогда, такъ Костарасъ имъ говорилъ:
 „Идите вы себѣ, а мнѣ нельзя въ Франгадесъ,
 „Тамъ у меня двѣнадцать братьевъ есть...
 „Каялись мы на Евангелѣ...
 „И крестникъ есть, еще дитя; его зовутъ Дмитраки.“
 И собрались они, идутъ поднимаюса всѣ разомъ;
 Среди села привалъ и въ колоколъ звонилъ;
 Сывали архонтовъ, всѣхъ архонтовъ собирали.
 „Поклоузъ вамъ, архонты!“ „Здоровье вамъ, ребята.“
 „Откуда, молодцы? И путь куда вамъ будетъ?“
 „Начальникъ насъ прислалъ на подвигъ за свободу!“
 Тутъ киръ-Георгія они, Бинбука ** тутъ схватили...
 „На ваши на дома напасть прислалъ насъ Федоръ Гриваса!“

Да, истинно Промыслъ спасъ нашу старушку!

Другую хозяйку и сосѣдку нашу беременную убили грабители, раздраженные подозрѣніемъ что она не хочетъ выдать имъ мужьямъ деньги! А она, несчастная жертва, и не знала гдѣ деньги; мужъ не открывалъ ей своей тайны!

И въ нашъ домъ входили; взяли нѣкоторыя ложиныя вещи и деньги искали въ амбарѣ и въ коморнѣ; но деньги Евгенко рѣшилась съ собой увести, и что бы случилось съ нею, есаибъ она не уѣхала!..

Итакъ, родные мои жили заботливо и трудились, а я ходилъ въ школу. Мальчикъ я былъ тогда, скажу тебѣ по

* *Какаранца* и *Костарасъ* — капитаны, начальники повстанцевъ иаи грабителей.

** *Киръ-Георгій Бинбука*, какой-нибудь селарскій богачъ, ограбленный охотниками Гриваса.

совѣсти, тихій и благочинный; принималъ участіе въ играхъ охотно; но къ буйству и отважнымъ шалостямъ я не былъ расположенъ. На ученье я не былъ лѣнивъ и память у меня была хорошая.

По желанію отца меня рано взяли пѣть въ церкви съ пѣвчими и скоро я слѣдовалъ любимымъ *анагностомъ* * священника нашего отца Евлампія. Читалъ Апостола я некусно и громко; сразу, какъ только первый разъ вышелъ, не сбивался ни въ какомъ порядкѣ, не забывалъ земные поклоны класть, когда нужно при чтеніи; зналъ годажъ къ пятнадцати уже многое на память и особенно любилъ Великимъ Постомъ читать громко съ выраженіемъ и чувствомъ послѣднюю молитву повечерія, молитву ко Христу, Антиоха Пандекта.... „И дай намъ, о Богъ нашъ! умъ добрый, цѣломудренныя мысли, трезвое сердце и легкій сонъ, свободный отъ всякой лживой фантазіи!...“

Отецъ мой зналъ изъ писемъ о томъ какой я *анагностъ* хорошій вышелъ и какъ скоро. Онъ сердечно утѣшался этимъ и писалъ намъ съ Дуная: „А сына моего Одиссея благословляю, и радуюсь тому что онъ преуспѣваетъ въ церковной діаконіи и псаломнѣмъ. Похвальное и честное дѣло; ибо и въ древней Византіи дѣти и юноши, сыновья сенаторовъ императорскихъ и иныхъ великихъ архонтовъ, считали за честь и удовольствіе быть чтецами въ Воинскихъ храмахъ!“

Такъ одобрялъ меня отецъ и я этому радовался и еще громче, еще старательнѣе читалъ и пѣлъ.

Мирно, говорю я, текла наша семейная жизнь въ горахъ; день тихо убѣгалъ за днемъ.... праздники церковные и трудовыя будни; веселія свадьбы изрѣдка, училище, молитва; упорный трудъ у стариковъ, у насъ игры; слезы новыхъ разлукъ у сосѣдей; возвратъ мушницъ на родину, радость старыхъ отцовъ и матерей; иногда печальный слухъ о чьей-нибудь кончинѣ; асмы дли и несчастные; зной и дожди проливные; снѣга зимой грозные на неприступныхъ высотахъ и цвѣточки малые, алые, желтые, бѣлые, разные, загорокіе родные цвѣточки мои, весной ло зеленой травочки нашей и въ бабушкиномъ охренномъ саду.

* *Анагностъ*—чтець. На Востокъ та часть церковной службы которая у насъ предоставляется *дьячку*, обыкновенно исправляется юношами или дѣтми, верѣдко изъ богатыхъ семействъ.

Я росъ, мой другъ, и умъ мой и сердце мое незримо и не слышимо зрѣли.

Чемъ видѣлъ я все; пробуждались во мнѣ чинныя чувства, болѣе живыя.

Я начиналъ уже думать о будущемъ своемъ. Я спрашивалъ уже себя, отъ времени до времени, какая ждетъ меня судьба на этомъ свѣтѣ?

И что на томъ?... Что *тамъ*, за страшною, за безвозвратною ладьею неумолимаго Харона?

Я начиналъ все внимательнѣе и внимательнѣе слушать бесѣды и слогы опытныхъ и пожилыхъ людей.

И здѣсь, въ городахъ Эпира, какъ и на Дунаѣ, великая тѣнь державной Россіи незримо освѣтляла меня. Прости мнѣ! Ты хочешь правды, и вотъ я пишу тебѣ правду.

Эллада! Увы! Теперь Эллада и Россія стали для души нашей огонь и вода, мракъ и свѣтъ, Ариманъ и Ормуздъ.

— Смотрите, восклицаетъ пламенный Грекъ, — смотрите, православные люди, Русскіе возбуждаютъ Болгаръ къ непокорности и схизмѣ. Вы слышали, Эллины, объ ужасномъ преступленіи свершившемся недавно въ одномъ изъ сосѣдствъ домовъ? Молодой сынъ, въ порывѣ нечеловѣческаго гнѣва, поднялъ святотатственную руку на собственную мать свою. Не мать ли русскому православію наша вселенская церковь? Не она ли просвѣтила древнюю Россію святымъ крещеніемъ? Не она ли исторгла Русскихъ изъ мрака идолослуженія?... И эта Россія, лучшая, любимая дочь нашей великой, гонимой матери, вашей святой восточной и вселенской церкви, она... страпущь вымоловить...

Да, мой добрый и молодой эвнскій другъ. Слышу и я верѣдко теперь такія пламенные рѣчи. Но не радостью наполняется мое сердце отъ подобныхъ рѣчей. Оно полове печали.

Кто правъ и кто не правъ, я не знаю; но, добрый другъ, дорогая память дѣтства имѣетъ глубокіе корни.... И умъ нашъ можетъ ли быть вполнѣ свободенъ отъ вліяній сердца?

И тогда когда я еще незримымъ мальчикомъ ходилъ съ сумкой въ нашу Загорскую школу, уже замѣчалось то движеніе умовъ которое теперь обратилось въ ожесточеніе и бурю.

Учитель нашъ, г. Несториди, суровый и сердитый, воспитался въ Греціи и не любилъ Россіи. Священникъ нашъ

отецъ Евлампій, веселый и снисходительный, иначе не называлъ Россіи какъ „святая и великая Россія“. Братъ нашей доброй бабушки, врачъ Стиловъ, одѣтый по старинному въ *дулама* и *джюбе*,* поддерживалъ отца Евлампія въ долгихъ спорахъ, зимой по вечерамъ у нашего очага, лѣтомъ у церкви, въ тѣни платана, гдѣ къ нимъ тогда присоединялись и другіе люди.

— Благодаря кому мы дышемъ, движемся и едимъ? говорилъ отецъ Евлампій, обращаясь къ Несториди.—Кѣмъ, продолжалъ онъ, — украшены храмы Господни на дальнемъ Востокѣ? Не Адрианопольскимъ ли миромъ утвердилась сама ваша Эллада, нынѣ столь свободная?... Молчи, несчастный, молчи, Несториди!... Я уже чтецомъ въ церкви здѣшней былъ когда тебя твоя мать только-что родила.... Ты помни это.

— Такъ что жь, говорилъ ему на это Несториди.—Если ты тогда чтецомъ былъ, когда меня мать родила, такъ значить и ланславизма опасаться не слѣдуетъ.... Доброе дѣло, отецъ мой!

— Нѣтъ, Несториди, я этого тебѣ не говорю. Но у тебя много злобы въ рѣчахъ, отвѣчалъ отецъ Евлампій и смущаясь надолго и не находилъ болѣе словъ.

Онъ былъ умный и начитанный человекъ, но у него не было вовсе той ядовитости которую легко источалъ Несториди въ своихъ отвѣтахъ. „*Чулокъ дьявола* самого этого человека!“ такъ звалъ учителя нашего добрый священникъ, хотя они были дружны и взаимно уважали другъ друга.

На помощь отцу Евлампію выходилъ, какъ я сказалъ, нерѣдко нашъ старый загорскій докторъ, братъ нашей бабушки Стиловой. Онъ былъ силенъ тѣмъ что приводилъ тотчасъ же примѣры и цѣлыя разказы о былыхъ временахъ.

— Позвольте мнѣ, господинъ Несториди мой милый, началъ онъ убѣдительно и ласкательно (и слушая его тихую рѣчь смягчался и становился иногда задумчивъ нашъ грозный Спартавецъ).—Позвольте и мнѣ, простому и неученному старичку, вымолвить свое немудрое слово. Былъ я не дитя тогда когда сподобилъ меня Божій Промыслъ узрѣть этими самыми глазами которые вы видите великое событіе,

* Старинная восточная одежда; разноцвѣтная, широкая и длинная, на подобіе расы и подрясника.

а именно вступленіе войскъ, російскихъ въ Адрианополь. Было мнѣ уже двадцать слишкомъ лѣтъ тогда, и я жилъ на чужбинѣ во Фракіи и видѣлъ, и слышалъ тамъ плачь и скрежетъ зубовъ. Видѣлъ я своими вотъ этими глазами какъ трепеталъ тогда Грекъ, какъ не смѣла женщины выйти на улицу безъ *фередже* и покрывала, и если *фередже* на христіанкѣ было зеленого цвѣта, то разрывали на ней это зеленое фередже турецкія женщины въ клочки и били ее чтобы не смѣла она носить священнаго мусульманскаго цвѣта. Не смѣливались тогда женщины наши выходить и за городъ на прогулку. Видѣлъ я какъ въ двадцать первомъ году влекли на убой адрианопольскихъ архонтовъ, мамъ мой господивъ Несториди! Слышалъ я волаи женъ и дѣтей ихъ невинныхъ; видѣлъ какъ янычары повергали стариковъ за волосы ницъ предъ дверьми собственныхъ ихъ жилищъ и отсѣкали головы христіанскія ятаганами.

И не было, скажу я вамъ, у христіанъ тогда ни друзей, ни заступниковъ. Жили и торговали тогда въ Адрианополь вѣкоторыя богатые Франки (ихъ много и теперь); но и они не любили и не жалѣли насъ, и когда привлекаемыя волами христіанъ жены и дѣти этихъ Франковъ бѣжали къ окнамъ со страхомъ, отцы-Франки успокаивали ихъ говоря съ равнодушіемъ: „Это ничего. Грековъ рѣжутъ!“ И жены ихъ возвращались спокойно къ своимъ домашнимъ трудамъ, и дѣти Франковъ предавались обычнымъ играмъ, господивъ Несториди! Тогда-то блаженной памяти императоръ Николай Всероссийскій рѣшился двинуть войска свои на султана (продолжалъ старикъ, одушевляясь и вставая).—Да успокоитъ Господь Богъ въ жилищѣхъ присноблаженныхъ его высокую и могучую душу!... Тогда!.. Слышайте.... Смотрите! Адрианополь стоитъ сѣвренною частью своей на высотахъ.... За высотами этими широкая равнина, и течеть извиваясь Тунджа, небольшая рѣка.... Смотрите и теперь все также. Вотъ здѣсь, направо, большія деревья Эски-Сарая. Двѣ древнія башни у рѣки, стѣна высокая, а за ней старый дворецъ султановъ. А тутъ налѣво, подалеже, большая казарма для солдатъ, давнишняя казарма, и за казармой этой поле и холмы. Никто не ждалъ Русскихъ въ нашей сторонѣ. Турки не слѣдили укрѣплять городъ, и войска въ казармахъ было мало. Подъ Шумлой, всѣ знали, стоялъ корпусъ турецкій въ 60.000 чело-

вѣкъ; надо было одолѣть его чтобъ идти дальше. Иначе судилъ Божій Промыслъ. Не снѣвши Турки; однако велѣлъ папа весь народъ спогнать за городъ чтобы копать окопы. Себѣ приказалъ поставить шатеръ по близости и прѣвѣжалъ глядѣть на работу. По его приказанію прѣвѣжалъ и митрополитъ благословлять христіанъ и возбуждать ихъ усердіе. Работали христіане усердно отъ страха.... Вотъ, однажды,—друзья мои, слушайте.... однажды утромъ рано, день былъ свѣтлымъ, вышли мы къ Эски-Сараю; вышелъ и я. Стоялъ около меня съ лопатой одинъ старикъ христіанинъ и смотрѣлъ долго вдаль. Гляди! сказалъ онъ имъ.—Я взглянулъ на небо.... О, Боже мой! Черная льва поднималась вдаль за Тундже. Больше все, больше. Смотрю, уже и сверкнуло тамъ и слытъ что-то на солнцѣ... Старикъ поблѣднѣлъ; задрожалъ и я.... Хочу сказать слово ему и руки дрожать, и ноги слабѣютъ, и голоса нѣтъ у меня, несчастнаго! Старикъ положилъ лопату и сказалъ мнѣ: „Пойдемъ къ деспоту“. „Деспотъ мой! говорить онъ митрополиту-послу. Клянусь тебѣ хлѣбомъ моимъ и душой моею матери что пришли къ намъ Русскіе...“ Какъ огонь сталъ митрополитъ нашъ, слышитъ къ шатру папы и говорить ему: „Папа, господиный мой! Позволь мнѣ потрешить тебя.... Всѣ мы въ опасности нынче, райя султанинъ, отъ злыхъ Москововъ; что за войско, папа господиный, идетъ сюда съ сѣверной стороны?“ Вышелъ папа изъ шатра своего.... Глядите.... Что глядѣть... Уже казаки съ лицами бѣдуть, красуясь, по холмамъ и дорогѣ.... А льва черная все гуще и ближе.... И вотъ раздались крики, и безоружные солдаты турецкіе въ искуствѣ стали выбѣгать изъ воротъ и кидаться изъ оконъ казармы и спасаться въ городъ. Одинъ мигъ—и вся толпа наша огромная побѣжала туда же. Папа самъ скакалъ верхомъ, и слуги его, и офицеры въ ужасѣ, не разбирая, попирали народъ. Турки, христіане, Евреи, старцы и дѣти всѣ бѣжали въ городъ вмѣстѣ. И я бѣжалъ. Да, Несториди, страшно было тогда и Туркамъ и намъ.... Намъ отчего? вы спросите. А оттого намъ было страшно что страхъ и трепеть былъ намъ привыченъ какъ хлѣбъ насущный и не умѣли мы вѣрить тогда что есть на свѣтѣ сила сильнѣе грозной и безжалостной силы нашихъ тирановъ. Вотъ отчего я и говорю: „Да помянетъ Господь Богъ въ жилищѣхъ присноблаженныхъ державную душу императора Николая!“ Не видали вы,

какъ видѣли мы, крови отцовской, не слышали вы великой родительскихъ, не знаете вы теперь, вы, которые смолоду жили въ Афинахъ, настоящаго страха турецкаго, господина Несториди, и не пустила въ гордыя сердца ваши благодарность глубокіе корни.

И садился старикъ, отдыхалъ немного. И Несториди молчалъ, слушалъ добраго старика. И не мѣшали ему отдыхать.

Потомъ старикъ Стиловъ начиналъ опять свой разказъ, и по мѣрѣ того какъ изображалъ онъ торжество Русскихъ, свѣтлѣло лицо его и рѣчь его становилась все веселѣе и теплѣе.

— И вотъ, эфенди мой, вступили русскія войска. Внутрь города и до сей поры цѣлы безролезныя нынѣ и стары стѣны крѣпости; но теперь этотъ центръ зовется „Каотра“, и живутъ въ немъ христіане и Евреи. Улицы тамъ узки и дома высоки. По этимъ улицамъ, по двое въ рядъ, стоимъ кавалерія до самой митрополіи. Уланы на рыжихъ коняхъ. Архистратигъ императорскій, графъ Дибичъ-Забалканскій, хотя и былъ протестантъ (какъ съ сокрушеніемъ сердца и съ удивленіемъ не малымъ узнали мы все повѣдѣе), однако присутствовалъ самъ, во множествѣ царскихъ крестовъ и всякихъ отличій, на торжественномъ богослуженіи въ митрополіи нашей и соизволилъ исполнить всѣ приличія и обряды свойственныя православію: цѣловалъ онъ руку деспота нашего и прикладывался ко святымъ иконамъ. И это ему сѣдало у насъ въ народѣ великую честь. Давидись люди наши только его безобразію и неважному виду. Митрополитъ нашъ былъ вмѣ себя отъ восторга, и когда мы къ нему наканунѣ пришли и сказалъ ему одинъ изъ арконовъ: „Добрый день, святой отче!“ — „Что ты! воскликнулъ епископъ.—Что ты? Такъ ли ты знаменуешь великую зарю нашей свободы!.. Христось воскресе! скажи... Христось воскресе! и со слезами поднималъ онъ руки къ небу повторяя Христось воскресе!“ И мы всѣ ему вторили: „Воистину, воистину воскресе, отче святыи, хорошо ты сказалъ! Воистину Господь нашъ воскресе! И православію нынѣ правды изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ!“

Долго стояли у насъ Русскіе. Христіане всѣ ободрившись. Женщины стали выходить смѣлѣе на улицу; люди наши начали ходить туда куда и въ помыслахъ прежде хаживать не осмѣливались. Около предмѣстья *Ени-Маретъ* не смѣли

ывало, проходить христіане; Турки ихъ крѣпко бивали за это. Почему? И самъ я не знаю. Стали при Дибичѣ и туда дер- жать. Иные грозили местию Туркамъ. Глядѣть глазами ине- же начали, руками стали больше махать. Я и самъ сталъ, по- колодости моей тогдашней, ощущать иныя чувства въ серд- цѣ моемъ и проходилъ мимо турецкихъ домовъ, по моему неразумію дѣтскому, съ такою дерзновенною гордостью какъ будто бы я самъ перешелъ Балканскія горы и завоевалъ всю Эракію у султана. А послѣ когда ушли благодѣтели наши, пересталъ и я тотчасъ же руками махать и сложилъ ихъ рочтительно подъ сердцемъ и полы опять сталъ смиренно впахивать и очи опустилъ полприличіе долу.... Да, недол- го продолжался нашъ первый пиръ. Началъ Дибичъ съ того что успокоилъ всячески ислугавныхъ Турокъ, приставилъ вражю къ мечетямъ, дабы никто изъ насъ или изъ Русскихъ не смѣлъ тревожить Турокъ въ богослуженіи и въ святыняхъ ихъ; повелѣлъ всѣмъ намъ объявить что всякое посягатель- ство на мусульманъ, и мечь наша всякая, и обида имъ бу- деть наказана строго. И, посѣтивъ митрополита, онъ въ при- сутствіи старшинъ такъ объявилъ ему: „Государь импера- роръ мой не имѣетъ намѣренія ни удержать за собой эти грани, ни освобождать ихъ изъ-подъ власти султана. Цѣль наша была лишь дать понятіе Туркамъ о могуществѣ на- шемъ, принудить ихъ исполнять строже обѣщанное и облег- чить вашу участь. Не враждуйте теперь съ Турками, не озло- бите ихъ противъ себя, вамъ съ ними опять жить при- ртса; старайтесь чтобъ у нихъ добрая память осталась за ремя моего присутствія о вашей умѣренности. Мы уйдемъ— то неизбѣжно, но будьте покойны! Отнынѣ участь ваша будетъ облегчена.“ Такъ говорилъ архистратигъ россійскій, митрополитъ, и старшины слушали его въ ужасѣ и грусти о будущее. Однако, Дибичъ правду сказалъ: „отнынѣ участь наша будетъ облегчена“. Да! Несториди, съ тѣхъ поръ каж- ный Турокъ эракійскій нашелъ что есть на свѣтѣ великая православленная сила, и наше иго съ тѣхъ поръ стало все лег- че и легче.

Такіе разказы старика Стилова я слушалъ съ восторгомъ. Зимой по длиннымъ вечерамъ еще охотнѣе чѣмъ лѣтомъ въ тѣни родимаго платана.

Въ домѣ у насъ есть зимняя комната съ большимъ оча- комъ. Это моя любимая комната, и я недавно велѣлъ обно-

вить ее по старому, такъ какъ она была прежде. Она в очень велика; по обѣимъ сторонамъ очага стоятъ низкія широкія, очень широкія двѣ софы во всю длину стѣны и покрыты онѣ тою яркою пурпуровою шерстяною и прочною тканью которую ткуть въ Болгаріи и Эпирѣ для дивановъ нарочно. Стѣны этой комнаты простыя бѣлыя и чистыя пречистыя, какъ всегда въ нашемъ домѣ онѣ бываютъ; а противъ очага дулапы * въ стѣнѣ, и рѣшеточки, и полки по стѣнѣ узенькія во всю комнату кругомъ, и окна, и двери, все окрашено зелеными полосами и трехгольниками и еще того цвѣта какого бываютъ весенніе маленькіе цвѣтки, и стѣны благоухающіе, по-турецки „зюмбюль“.

Вотъ въ этой комнатѣ была у насъ какъ будто бы сама Россія! Лампада въ углу теплилась предъ золотыми и прекрасными русскими иконами; была одна изъ этихъ иконъ Божія Матерь Иверская, дивный, божественный ликъ! Новой живописи московской, но по древнимъ образцамъ; ликъ исподвечный особой кротости и необычайно красивый; за золотымъ вѣнцомъ ея былъ укрѣпленъ другой вѣнецъ изъ яркихъ розъ самой восхитительной работы, какая-то особая лушистая зелень, какъ бархатъ вѣдала, и на цвѣтахъ сіяли капли искусственной росы. Теперь вѣнокъ этотъ снятъ отъ ветхости, но мнѣ было непріятно знать что Божія Матерь наша безъ него, и я послалъ недавно отсюда новый вѣнокъ такой же на Ея Святое чело.

На бѣлыхъ стѣнахъ этой комнаты висѣли картины. Портретъ государя Николая I и его нынѣ столь славно царствующаго Сына. Оба, ты знаешь, что за молодцы на видъ и что за красавцы!

На картинкахъ другихъ ты видишь коронацію Александра II въ Москвѣ, его шествіе съ Царицей въ митрополию Кремля съ державой и скипетромъ, видишь побѣду при Башы-Калыкъ-Дарѣ и взятіе турецкаго лагеря еще при князѣ Шкелевичѣ Эриванскомъ. Турки одѣты тогда были иначе: въ высокіхъ и узкихъ шалкахъ убѣгаетъ ихъ кавалерія стрѣльцовъ, напирая другъ друга сквозь тѣснину, а Русскіе съ облаженными саблями мчатся на нихъ. Посреди картины молодой казакъ хватается за грудь рукой самого пашу, у

* Шкафы въ стѣнахъ; когда они хорошо расписаны или покрыты искусною рѣзбой, то они очень украшаютъ комнату.

юраго на красивомъ мужественномъ лицѣ изображена пре-
красно смѣсь услуга и рѣшимости. Онъ думаетъ еще защи-
щаться, старый лычарь не хочетъ отдаться легко; онъ спѣ-
шитъ выхватить пистолетъ изъ-за пояса. Но.... ты уже по-
нимаешь что это тщета! Онъ лѣвѣнникъ и его отвезутъ на
ширенное поклоненію Царю въ Петербургъ.

Не была забыта у насъ и Эллада! О, не думай ты этого.
Въ нашемъ домѣ увѣшаны были цвѣтами любви нашей обѣ-
щери эти великой православной матери нашей, церкви вос-
рочной, и старинная дщерь полная сѣверной мощи и юная
мать Греція, которая любитъ на себя въ голубыя волны
ожныхъ морей и цвѣтетъ разнообразно красуясь въ тысячи
зеленыхъ острововъ, надъ мирными и веселыми заливами, на
крутизнахъ суровыхъ и безплодныхъ вершинъ.

Въ нашемъ домѣ, въ сердцахъ нашихъ, не раздѣляясь
раждебно, цвѣли тогда любовью нашей эти прекрасныя обѣ-
щери.

Побѣды блестящаго князя Паскевича не затмѣвали подви-
говъ нашего великаго и простаго моряка Канариса, и царь
Николай взиралъ, казалось мнѣ, съ сожалѣніемъ и благосклон-
ностью, какъ на другой стѣнѣ умиралъ у насъ Марко Бо-
дарисъ, въ арнаутской одеждѣ, склонясь на руки своей вѣр-
ной дружины.

Вотъ въ той родительской и старой комнатѣ, въ ней са-
мой и отецъ мой лежалъ больной когда-то и полюбилъ впер-
вые мою мать. Зимой, темнымъ вечеромъ, когда вѣтеръ шу-
мѣлъ въ долину или падалъ снѣгъ въ горахъ, или лился
жучный дождь, мы зажигали прिवѣтный и широкій очагъ
нашъ, и отцовскіе друзья приходили одни или съ женами и
или у очага долгую бесѣду. Мать моя и старая Евгенко пря-
мо или вязали чулки и молча слушали мушницъ.

Слушалъ и я старика Стилова съ восторгомъ, и раннюю
жизнь сердца, мой добрый аеинскій другъ, повѣрь мнѣ, не
вытѣнитъ ничто, и никакой силѣ живаго разума не вырвать
изъ корнемъ того что посѣяно было рано на вѣчную душу
человѣка!

VI.

Я увѣряю тебя что и Эллада не могла быть забыта у насъ.

Забить Эллладу! Возможно ли было забыть ее, когда на насъ такъ грозно и умно глядѣлъ изъ-подъ густыхъ бровей нашъ патріотъ Несторида?

Какъ я боялся сначала и какъ послѣ любилъ и почиталъ этого человѣка.

И онъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ шагомъ моимъ на пути первыхъ познаній, становился все благосклоннѣе и благосклоннѣе ко мнѣ, отдавая справедливость моимъ способностямъ и прилежанію.

Позднѣе еще, когда въ Яннѣхъ у меня открылся небольшой поэтическій даръ, Несторида первый ободрилъ меня и не разъ тогда проводилъ онъ со мною цѣлые часы въ дружеской бесѣдѣ, прочитывалъ мнѣ отрывки изъ древнихъ поэтовъ и объяснялъ мнѣ все неисчерпаемое богатство нашего царственного языка, который пережилъ такое дивное разнообразіе событій, подчинялся столькимъ чуждымъ вліяніямъ и возносился всякій разъ надъ всѣми этими вліяніями, омыдѣвая влодѣхъ духомъ вѣка и присвоивая его себѣ.

Несторида былъ нашъ Загорецъ изъ небогатой семьи; отецъ его, почти столѣтній старецъ, и теперь еще живетъ бродя кой-какъ съ палочкой и грѣясь на солнцѣ въ дальнемъ селеніи Врадетто, которое стоитъ на неприступныхъ каменныхъ высотахъ, у береговъ горнаго, холоднаго и безрыбнаго озера.

Несторида въ дѣтствѣ пасъ овецъ и часто спалъ, завернувшись въ бурку, подъ открытымъ небомъ. Потомъ отецъ взялъ его домой и обучилъ немного грамотѣ. Проѣзжая тогда черезъ Врадетто одинъ богачъ Загорецъ изъ Мелло Валахіи. Остановился отдохнуть и вышелъ подъ вечеръ прогуляться съ друзьями. На небольшой полянкѣ онъ увидѣлъ толпу играющихъ дѣтей. Играли они въ игру которая зовется у насъ *клюд-скуфича*. *

Дѣти становятся въ кругъ; одинъ снимаетъ съ себя бумажный или валяный колпачокъ или феску и всѣ на лету

* Бросаю палочку.

должны успѣть ударить ее ногой такъ чтобъ она дальше и дальше летѣла.

Богатый Загорецъ свѣз на траву и любовался. Онъ дѣтъ двадцать уже не былъ на родинѣ и не могъ вдоволь насытиться радостью глядя на веселье и крики загорскихъ дѣтей.

Сынъ старика Нестора превосходилъ всѣхъ другихъ мальчиковъ красотой, энергіей и ловкостью. Смуглый, курчавый, умятый и стройный, въ бѣдной куцо-влашской одеждѣ, въ нѣкихъ шальварчикахъ, въ бѣломъ валеномъ колпачкѣ, этотъ мальчикъ прыгалъ какъ олень молодой, глаза его сіяли; онъ и разу не промахнулся, и быстрыя движенія его были такъ живы что нѣмье товарищи его падали на землю когда онъ нечаянно отталкивалъ ихъ.

— Какой паликаръ и что за бравый мошенникъ! говорилъ ро него кулець.

Священникъ сказалъ что онъ къ наукѣ способенъ.

Потомъ когда протѣжій спросилъ у дѣтей кому изъ нихъ дать въ подарокъ деньги для всѣхъ и кто изъ нихъ раздѣлить эти деньги честно, дѣти всѣ въ одинъ голосъ избрали маленькаго Несториди.

Тогда кулець сказалъ:—Онъ и паликаръ, онъ и мошенникъ, въ же и честный! Человѣкомъ будетъ! И предложилъ отцу гвезти его въ Яниское училище и устроить его тамъ на общественный счетъ.

Отецъ съ радостью согласился, и Несториди уѣхалъ съ своего благодѣтелемъ сперва въ Янину, а потомъ въ Аѳины. Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ съ Дуная, я подружился съ маленькими дочерьми учителя и очень любилъ бывать въ из скромномъ и чистомъ жилищѣ. Оно и не далеко было къ нашего дома.

Жена его, кира-Марія, была еще молодая, кроткая, смиренная, бѣлокурая, „голубая“, какъ говорятъ иногда у насъ, но слишкомъ красивая. Онъ очень ее любилъ, но принималъ ней почти всегда суровый видъ. Она знала что онъ ее бить и была покорна и почительна. Въ семейномъ быту онъ былъ древній человѣкъ и не любилъ свободы. „Я десь дома! Въ семьѣ я хочу быть гордымъ аристократомъ!“ склицалъ онъ нерѣдко и самъ.

Жена стояла предъ нимъ до тѣхъ поръ пока онъ не говорилъ ей: „Сядь, Марія!“ Она ему служила, подавала сама

гостямъ варенье и кофе; сама готовила кушанье, сама уסף вала домъ и дворикъ подмести.

И дочерей своихъ, и насъ, учениковъ, Несториди за малости и лѣнь билъ крѣлко иногда и замѣчалъ при этомъ чм „лапка изъ рая вышла. Но надо бить безъ гнѣва и обдумавно ибо въ гнѣвѣ лобои могутъ быть и несправедливы и ужасны.

Жена, впрочемъ, своими просьбами нерѣдко умѣла смягчить его. У нея было много сладкихъ и ласкательныхъ словъ.

— Учитель ты мой любезный! говорила она ему складывая предъ нимъ руки.—Очи ты мои, золотой мой учитель, *кузла даскала!* барашекъ ты мой! Отпусти ты это дитя дождю и бивши. Я, твоя жена, прошу тебя объ этомъ. Жалко мнѣ прежалко видѣть эти дѣтскія слезы.

И онъ уступалъ ей.

Самъ Несториди одѣвался хотя и бѣдно, но по-европейски и носилъ шляпу, а не феску, потому что былъ греческій подданный, а не турецкій. Но женѣ не позволялъ носить стариннаго платья и она покрывалась всегда платочкомъ и носила сверхъ платья толстую нашу загорскую *абу* безъ рукавовъ.

Кира-Марія, бѣдная, не родила ему ни одного сына. Несториди жаловался на это и былъ правъ потому что въ Одрѣ безъ хорошаго приданнаго очень трудно выдавать дочерей.

Мать моя однажды спросила у него:

— Здорова ли супруга ваша, кира-Марія?

Несториди съ досадою отвѣтилъ:

— Чтò ей дѣлается! Собирается новую дѣвчонку родить.

— А можетъ-быть и сына? сказала мать.

— Куда ей сына родить!

Былъ тутъ и докторъ Стиловъ, старикъ, онъ ласково сѣлъ за Несториди:

— Это все оттого что вы, господинъ Несториди, очень страстный *эросъ* къ молодой супругѣ литаете. Сила чувствъ на вашей сторонѣ, оттого женскій полъ и рождается. Это наукой замѣчено нашей.

Несториди покраснѣлъ и сказалъ сердито:

— Если это истинною наукой открыто, — иной разговоръ если *вашей* наукой загорскихъ врачей, которыхъ увидаеть тутъ недалеко въ лежерѣ везавигнуть, такъ ужъ я воль мнѣ не вѣрить этому открытiю. *

* Загорье, между прочимъ, славилось прежде своими врач

Добрый старичокъ Силовъ замѣтилъ ему на это недурно, что и пещера не вредить.

— Въ пещерѣ любить пребывать сова, птица Аѳины, богами премудрой. Вотъ что, друже ты мой!

А мать моя тогда сказала учителю:

— За что вы, учитель, сердитесь? Развѣ стыдно *эросъ* имѣть въ законной супругѣ? Она же у васъ хоть и ростомъ маленькая, но весьма пріятная курія и всякому человѣку понравиться можетъ.

— Великая пріятность! возразилъ Несториди.— Нашли что гвалить! „Что стоитъ рачекъ морской и много ли въ немъ савару?“ Забыли вы эту пословицу греческую? Вотъ что такое жена моя.

Стыдился Несториди такихъ разговоровъ искренно, но доводилъ онъ больше притворно, ибо жену свою онъ точно что отъ всего сердца любилъ. *Нужностей* только не *слышала душа* его никакихъ, такъ онъ и самъ выражался.

Да! Въ семьѣ онъ былъ патріархальный властелинъ и мужъ какъ надо быть мужу: будь нравственъ супругъ, будь амъ цѣломудренъ и къ женѣ справедливъ, но строгъ; жена осудъ слабый“. Но для государства онъ былъ демагогъ въ всякой мѣрѣ и часто объяснялъ свои чувства такъ: „Не постигаетъ мой умъ и никогда не постигаетъ почему кто-либо другой будетъ выше меня по правамъ. Умъ и сила вои — вотъ моя аристократія, вотъ мой царь, вотъ власть и права! Другихъ я не знаю!“

Несториди былъ очень ученъ для простаго сельскаго учителя; зналъ превосходно древній эллинскій языкъ, не дурно итальянскій, понималъ немного и французскій, но говорить въ немъ не могъ.

Онъ издавалъ не такъ давно въ Аѳинамъ довольно большой журналъ, *Хронографію Эмира*, гдѣ старался быть сжатымъ и емкимъ, какъ въ некоторые историки древности; собиралъ поговиды народныя наши и записывалъ сельскія лѣсни. Противая громко эти лѣсни онъ иногда бранилъ Грековъ за то что Европейцы будто бы лучше ихъ умѣютъ цѣнить

шириками. Они продолжаютъ и теперь лѣчить въ Турціи. Есть между нами, конечно, и способные люди, полезные своимъ опытомъ. Съ загорскими докторами сѣются, утверждая что они обучались въ большой пещерѣ, въ *Загорскомъ университетѣ*.

подобныя произведенія простонароднаго творчества, или указывая тайкомъ на отца Евлампія, прибаваятъ при немъ съ намѣреніемъ: „Да! Нѣмцы, напримѣръ, потрудились много, а вотъ Русскіе-то ничего этого, я думаю, и не знаютъ! Замерзли тамъ въ лѣсахъ и болотахъ и ничего о Грекахъ не слышать. Торгуютъ Греки, хитрый народъ... А лоззія наша?.. Не спрашивай!“

Отецъ Евлампій зналъ что онъ для него это говоритъ нарочно и отвѣчаетъ бывало съ упрекомъ: „Неразумное я дитя тебѣ что ты дразнить меня будешь?“ Или съ досадой: „Ядъ ты опять источаешь свой?“ Либо еще: „Нѣмцамъ дѣла лучшаго нѣтъ какъ твои разбойничьи лѣсны собирать, а Русскимъ не до нихъ. У нихъ дѣло есть какъ свое царство хранить, какъ Богу молиться, какъ мудрымъ правителямъ своимъ подчиняться!“

— Такъ, такъ, святой отче! возражалъ учитель.—Я давно ожидаю, когда это вы, попы и монахи, совѣмъ насъ, Грековъ, погубите.

Несториди умѣлъ очень искусно пробуждать въ ученикахъ своихъ патріотическія чувства и пользовался всякимъ случаемъ чтобы наломить намъ что мы Эллины!

Когда ученикъ его смотрѣлъ на карту и отыскивалъ скромныя предѣлы нынѣшней Эллады, онъ любилъ спрашивать: „Да! А не помнишь ли ты до какихъ предѣловъ простиралась Македонская власть, просвѣщенная Эллинами, а потомъ Византія, просвѣщенная чистою вѣрой Христа?“

Рука ребенка уходила далеко до горъ Кавказа, къ источкамъ Нила, къ дикимъ Дакійскимъ берегамъ.

Глаза другихъ дѣтей слѣдили за рукой товарища, и приучилась постепенно во слѣдъ за взорами летать и мечта.

Когда мы предъ нимъ перечисляли народы которые населяютъ Турецкую Имперію онъ не забывалъ и тогда напомнить намъ *что такое Греки*.

Онъ спрашивалъ у насъ „какой изъ всѣхъ народовъ Турціи способнѣе и къ воинскимъ подвигамъ, и къ наукѣ?“ Мы слѣшили отвѣчать: „Христіане“. И Несториди соглашался „Да! Христіане... то-есть ты хочешь сказать этимъ — Греки Греки, скажи, способнѣе всѣхъ.“

Иначе сталъ говорить онъ намъ когда мы выросли больше. Я помню, юздяще, когда мы оба съ нимъ, я ученикомъ,

Несториди наставникомъ, жили вмѣстѣ въ Янинѣ, онъ обращался съ такою рѣчью:

— Несмотря на тяжкія условія, о коихъ распространяться здѣсь нѣтъ нужды, византійское просвѣщеніе продолжало, подобно живоносному источнику, струиться въ тѣни и питать корни новыхъ всходовъ. Болгары, Молдаване, Валахи, Сербы, Русскіе обязаны всѣмъ духовнымъ существованіемъ своимъ однимъ лишь остаткамъ греческаго просвѣщенія, которое не могло стереть съ лица земли никакое жесточайшее иго. Два раза цвѣлъ Эллинскій народъ; онъ далъ сперва міру безсмертные образцы философской мудрости, искусствъ и поэзіи, и потомъ оживленный духомъ ученія Христа онъ благоустроилъ православную церковь, утвердилъ незыблемый догматъ христіанскій и оставилъ въ наслѣдство человѣчеству новые образцы краснорѣчія и возвышенныхъ чувствъ въ проповѣдяхъ святыхъ отцовъ и въ гимнахъ богослуженія, въ этихъ греческихъ гимнахъ, воспѣваемыхъ съ однимъ и тѣмъ же восторгомъ, съ одною и тою же вѣрой, въ снѣгахъ Сибирскихъ и въ знойныхъ пустыняхъ Сиріи и древняго Египта, въ роскошныхъ столицахъ подобныхъ Аѳинамъ, Москвѣ, Вѣнѣ, Александріи и въ самомъ бѣдномъ селѣ воинственной Черногоріи, въ дикихъ Балканскихъ горахъ и въ торговомъ Грестѣ! Помните что весь міръ, все человѣчество обязаны Грекамъ до скончанія вѣка почти всѣмъ что у человѣчества есть лучшаго: вѣчными образцами воинской доблести Леонидовъ иThemistocles, философской мудрости Сократовъ и Платоновъ, образцами прекраснаго въ созданіяхъ Гофокла и Фидія, и наконецъ, какъ я вамъ сказалъ уже, возвиженіемъ твердыхъ, незыблемыхъ основъ святой церкви православной нашей, одинаково приспособленной къ понятиямъ и чувствамъ мудреца и простѣйшаго земледѣльца, ира и нищаго, младенца и старца. Вы меня слушаете теперь внимательно, прибавлялъ онъ нерѣдко:—но я знаю что вы еще не въ силахъ понять вполне то что я вамъ говорю.... Придетъ время когда все это будетъ вамъ гораздо яснѣе.... Вы поймете тогда будете старше почему мы, Эллина новѣйшаго времени, названные въ третій разъ къ новой жизни трудами Кораиса, ученическою смертію патріарха Григорія, кровавыми подвигами столькихъ героев Акаріаніи, острововъ и нашего прекраснаго Элира, почему мы въ правѣ надѣяться на будущее ваше и на то что мы третій разъ дадимъ вселенной

эпоху цвѣта и развитія. Малочисленность племени нашего пусть не смущаетъ васъ. Римъ, объявшій постепенно весь міръ, начался съ небольшого разбойничьяго гнѣзда на берегахъ Тибра, съ городка который вѣроятно былъ бѣднѣе и хуже нашего Франгэдесъ; Россія имѣла, лѣтъ двѣсти, триста тому назадъ, не болѣе шести или семи милліоновъ жителей, по мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ статистиковъ, и вы видите чѣмъ стала теперь эта Россія,—Россія, которой народъ не могъ сравниться съ нашимъ по природнымъ способностямъ своимъ, по гордой потребности свободы, по энергіи и предприимчивости.

Такъ говорилъ намъ Несториди, когда мы стали вѣжи. Скажи мнѣ, могли ли мы при немъ забыть свободную Грецію? Теперь Несториди давно уже уѣхалъ изъ Элира. Онъ ѣздилъ съ тѣхъ поръ два раза въ Германію. Онъ сталъ отверженцемъ Турціи; живетъ у береговъ Босфора и прежняя подозрительность его противъ Славянъ обратилась постепенно въ яростное ожесточеніе. „Схизму, схизму намъ! восклицаетъ онъ:—чѣмъ дальше отъ Славянъ, тѣмъ лучше. Не только потому что этимъ отдаленіемъ мы приобрятемъ достріе Германіи и Англіи, и самихъ Турокъ, которыхъ необходимо отнынѣ намъ хранить на Босфорѣ какъ зѣвицу ока, но еще и вотъ почему (тутъ онъ обыкновенно понижаетъ голосъ и добавленіе это сообщаетъ конечно не всякому)... вотъ почему... Православіе, сознайся, устарѣло немного въ формахъ своихъ, понимаешь? Духъ Элиира, другъ мой, есть творческій духъ... Отдаляясь отъ Славянъ, мы бытъ-можетъ постепенно создадимъ новую, новую, несслыханную религію... И новая религія эта будетъ новою основой новому просвѣщенію, новой эпохѣ эллинскаго процвѣтанія. Появлять теперь ты меня или нѣтъ? Постепенно и несслышно, незримо и постепенно создаются великія вещи!“ Онъ угощаетъ теперь турецкихъ чиновниковъ и беевъ, изучаетъ арабскую литературу и Коранъ, и увѣряетъ не только встрѣчныхъ ему и знакомыхъ элирскихъ мусульманъ, которые, какъ ты знаешь, дѣйствительно одного племени съ нами, но и всѣхъ азиатскихъ и румелійскихъ Турокъ что они Эллины.

— Выльемъ вмѣстѣ, мой бей, еще рюмку *раки*, говоритъ онъ имъ теперь.—Подайте намъ съ беемъ еще раки. Слушай, мой бей, ты не говори впередъ что ты „Турокъ“, Турокъ слово грубое и обидное даже. Не говори просто: „я мусуль-

манить“, ты говори: „я юнакъ, я Эллинь, но не христіанинь Эллинь, а чититель правовѣрнаго Ислама“. Вотъ ты что. Гдѣ въ васъ осталась старая турецкая кровь? Со времени того какъ вы къ намъ пришли вы переродились; гаремы ваши были сначала полны Гречанками, Грузинками, Черкешенками прекрасными. Таковы ли были ваши грубые предки каковы вы теперь? У васъ теперь благородныя европейскія лица, у васъ теперь тонкій умъ и политическая мудрость. Это въ васъ течетъ кровь вашихъ матерей. Грузинки, Черкешенки, ты скажешь, не Гречанки. Но развѣ ты не знаешь, мой бей-эффенди, что Кавказъ былъ наполненъ колоніями Грековъ и Римлянъ? Развѣ ты не знаешь что западные Черкесы европейской породы, не знаешь что въ древности нашъ Грекъ Язонъ съ паликарами вѣздилъ въ Колхиду, то-есть именно въ эту Грузію, за золотымъ руномъ. Выльемъ еще за султана и за твое здоровье, бей-эффенди, мой милый. Да, ты сынъ Ислама, я поклонникъ Христа, это все равно.... Государству нѣтъ дѣла до вѣры; пусть мы оба будемъ юнаки по роду и племени. Вамъ безъ нашихъ торговыхъ способностей и намъ безъ вашей нынѣ столь умѣренной, но твердой власти, не устоятъ намъ отдѣльно противъ общихъ враговъ.

Турки хвалятъ его и смѣются радостно, слушая его новыя для нихъ рѣчи.

Вѣрять ли они ему или нѣтъ?

По мѣрѣ того какъ я подрасталъ, я началъ меньше бояться Несториди и больше сталъ любить и уважать его.

Я видѣлъ что и онъ любитъ меня больше всѣхъ другихъ учениковъ своихъ. Нельзя сказать чтобъ онъ хвалилъ меня въ глаза или какъ бы то ни было ласкалъ меня. Нѣтъ, не для ласковости былъ рожденъ этотъ человекъ; онъ смотрѣлъ на меня почти всегда какъ звѣрь, но я уже привыкъ къ его пріемамъ и зналъ что онъ любитъ меня за мою ловяливость.

Иногда, глядя на мою стыдливость и удивляясь моему такому нраву, онъ говорилъ моей матери при мнѣ съ презрѣніемъ, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А ты что? Все еще слышь, несчастный?.. Проснись, любезный другъ! Муштина долженъ быть ужасенъ! Или ты въ монахи собрался? Или ты дѣвушка ни въ чемъ виновная?

А когда мать моя спрашивала его:

— Довольны ли вы, господинъ Несториди, нашимъ бѣднымъ Одиссеємъ? Хорошо ли идетъ дитя?

Несториди опять съ презрѣніемъ:

— Учится, несчастный, бьется, старается... Умъ имѣетъ, фантазіи даже не лишень, но... что жь толку изъ всего этого... Учитель какой-то, больше ничего! Въ учителя годится.

— Все вы шутите, скажете мать,—вѣдь вы же сами учитель... Развѣ худо быть учителемъ?

— Честенъ ужь очень и отъ этого глушь, съ сожалѣніемъ говорилъ Несториди.—Ты понимаешь ли, несчастный Одиссей, что муштина долженъ быть деспотомъ, извергомъ ужаснымъ... надо быть больше мошенникомъ, Одиссей, больше лаликаромъ быть! А ты что? дѣвица, дѣвочка... И выйдетъ изъ тебя учитель честный, въ родѣ меня... больше ничего. Развѣ не жалко?

— Когда бы мнѣ Богъ помогъ, даскалъ мой, отвѣчалъ ему тогда,—вполовину быть тѣмъ что вы есть, а я бы себя счастливымъ!

— Bravo, дитя мое! восклицала мать. — Дай Богъ тебѣ жить. Умно отвѣчаешь!

— Лестъ! возражалъ съ презрѣніемъ Несториди.—Ты хочешь мнѣ этимъ доказать что умѣешь и ты быть мошенникомъ?.. И то хорошо.

Но я видѣлъ что онъ былъ утѣшенъ и радъ. Подъ вѣдомъ презрѣнія и шутокъ Несториди долго скрывалъ свою мысль действительно приготовить меня на свое мѣсто учителемъ въ наше село Франгадесъ. Онъ надѣялся скоро получить мѣсто при Явнскои гимнази. Его *Хронографія Эпира, Сборникъ эпирскихъ пословицъ*, и статьи *О Валахскомъ племени въ Эпирѣ и Македоніи*, гдѣ онъ доказывалъ что это многочисленное, энергическое и даровитое племя полукочующихъ пастырей должно войти неизбѣжно въ теченіе эллинскихъ водъ; всѣ эти труды его обратили на себя вниманіе ученыхъ людей въ Аѳинахъ и Константинополѣ и оставаться ему вѣчно сельскимъ учителемъ въ Загорахъ было невозможно.

Ожидая своего отъѣзда изъ роднаго села, которое онъ всю душой любилъ, Несториди мечталъ передать школу въ добрыя руки. Видѣлъ мой тихій и серіозный характеръ и думалъ что и въ 17—18 лѣтъ уже буду годенъ въ наставника, что въ помощь мнѣ можно будетъ взять другаго учителя и

каконецъ что священникъ нашъ отецъ Евлампій будетъ имѣть сверхъ того присмотръ за школой.

Онъ часто говорилъ что меня надо отправить въ Янинскую гимназію года на три. А потомъ, съ Божьею помощію, извратить меня въ Загоры и дать мнѣ дѣло сообразное съ моими наклонностями.

— Во всякомъ случаѣ, утверждалъ Несториди:—не сдѣлано бы Одиссея слишкомъ рано въ торговля дѣла вмѣшиваться. Торговля, конечно, душа и кровь народной жизни въ наше время; но съ одною торговлей не могутъ преуспѣвать и двигаться впередъ національныя силы. Торговля и одна торговля неблагопріятна для развитія высшихъ умственныхъ способности.

Онъ продолжалъ попрежнему шутить надо мной:

— Совѣтъ не мошенникъ этотъ юноша, говорилъ онъ мой матери. — Что онъ за кулець? Кулець долженъ быть мнѣй, хитрый, интриганъ, чтобы головы не терялъ, чтобы совѣсти не было... Вотъ это кулець! А онъ дуракъ у васъ, чвань добръ и честень. Ему въ учителя бы хорошо. Вотъ какъ я. Что ты открылъ огромные глаза на меня и смотришь?.. Э, здравствуй, братъ! Чего не видалъ? Видите, какой онъ у васъ тяжелый и толстоголовый. Болгарская, а не янинская голова, я вамъ скажу. Глядя на тебя, человѣчюй, даже противъ воли лавславистомъ ставешь; скажешь: правда что въ Загорахъ течеть не эллинская наша кровь! Ютъ и горе намъ чрезъ тебя...

Шутками и шутками понемногу приучалъ онъ мать къ той мысли чтобы меня учителемъ оставить въ Загорахъ, отя бы не на всегда, а на нѣсколько лѣтъ.

Матери эта мысль стала нравиться; она со слезами вспоминала о томъ что ей придется со мной разстаться, и прихвѣръ столькохъ другихъ элпирскихъ матерей которыя раста-тятся точно также съ сыновьями мало утѣшалъ ее.

— Онъ у меня единородный, говорила мать. — У другихъ много дѣтей.

Старушка Евгенко спорила съ ней; она была крѣпче ли эрдцемъ, на горе ли позабывчивѣе—не знаю...

— Такъ написано Загорцамъ, Эленко, говорила она матери.—Такъ имъ написано, чернымъ и несчастнымъ. У Бога такъ написано. У меня сынъ мой, первый твой мужъ, не эль тоже единороденъ, гауплая ты! Э, умеръ! Господи, спаси

его душу. А Богъ тебя мнѣ послалъ чтобы за мной смотрѣла.

— Велико утѣшенье! отвѣчала моя мать. — Велико мое смотрѣнье за тобой... Ты за мной смотришь; а не я за тобой. Мое смотрѣнье — на диванѣ сидѣть да чулки вязать, а ты сама виноградники роешь.. Такого для себя утѣшенья какое я для тебя—подъ старость не желаю. Мы до сихъ поръ все еще твой хлѣбъ ѣдимъ, а не ты нашъ...

И старуха бѣдная рада, смѣется, такъ и умираетъ отъ смѣха, руками по колѣнамъ себѣ ударяетъ. Какая де въ Эленкѣ, наша шутница, забавница, дьявольскаго ума женщина! Все найдетъ, все какъ слѣдуетъ, всякую рѣчь и всякое слово!

Впрочемъ, бабушка наша веселая на все была согласна.

— Э! Одиссей, и такъ хорошо. Оставайся, дитятко, съ нами. Будешь учителемъ. Малымъ всѣмъ дѣточкамъ нашимъ стнешь Божіи вещи объяснять... Такъ сдѣлалъ Богъ, такъ сдѣлалъ Богъ... И женимъ потомъ мы тебя въ этомъ мѣстѣ или изъ Чепелова какую-нибудь „гвоздичку душистую“, „лампадку раскрашенную и расписанную“ посадимъ на музѣ съ музыкой громкой... *дзининь! бумъ, бумъ!* барабанъ!.. привеземъ сюда чтобы благоухала въ домѣ и свѣтила вамъ... Дуламъ шелковую на свадьбу надѣнешь, шубу на лисьемъ мѣху, платочекъ съ расшитыми концами за поясъ персидскій заткнешь. Феску назадъ... Ахъ! ты буря и гибель моя!

— Bravo, bravo! говорилъ Несториди. — Такъ, такъ, это все хорошо! Гименей, дня на три торжество и веселье; а послѣ него, яремъ вмѣстѣ надо покорно и свято нести... *О сизигосъ*—значитъ сулругъ несущій вмѣстѣ *ярко*. И *сизигосъ*—значитъ супруга, *та* которая несетъ вмѣстѣ съ нимъ *ярко*. Пашите вмѣстѣ, друзья мои, тяжкую лямку жизни земной... Увы!.. такъ оно, Одиссей, однако все же гораздо легче оставаться здѣсь чѣмъ ѣхать далеко и претерпѣвать недостатки и неудачи по ханамъ холоднымъ, странамъ далекимъ и верѣдко варварскимъ... Ты же тихъ и кротокъ какъ агнецъ, и хотя я и шучу что ты глулъ, ты, напротивъ того, очень способенъ, но не знаешь ты, мальчикъ ты мой, сынъ ты мой, что такое чужбина!..

И когда начиналъ вдругъ говорить этотъ суровый и жесткій человекъ такъ снисходительно, дружески и мягко, на

могу я тебѣ выразить до чего услаждалось мое сердце и чего бы я не готовъ былъ для него сдѣлать тогда.

Но мать моя справедливо отвѣчала ему: „Прежде всего посмотримъ что скажетъ мой мужъ. Онъ глава дома и мы ожидаемъ теперь его возвращенія. Не нашему уму деревенскихъ и неученыхъ женщинъ судить о такихъ дѣлахъ!“

— Пусть будетъ такъ, соглашался учитель.

Отца моего точно мы ждали каждый день... Два слишкомъ года прошло уже съ тѣхъ поръ какъ онъ привезъ меня съ матерью въ Загоры и возвратился на Дунай. Онъ писалъ намъ что на счастье его въ Тульчу пріѣхалъ недавно изъ Аеннъ двоюродный братъ моей матери, человекъ очень богатый и съ влияніемъ. Онъ купилъ себѣ домъ и открылъ на Нижнемъ Дунаѣ обширную торговлю хлѣбомъ и думаетъ завести большую паровую мельницу на берегу рѣки. Быть-можетъ отецъ упроситъ его стать поручителемъ по дѣлу Петраки-бея и Хахамолула и тогда сейчасъ же пріѣдетъ самъ въ Загоры. Онъ писалъ еще намъ печальную вѣсть о томъ что глаза его очень слабѣютъ.

VI.

Наконецъ дождались мы отца. Пріѣхалъ онъ подъ вечеръ. Какъ мы были рады, что говорить! Онъ поцѣловалъ руку у Коконы-Евгенко, а мы всѣ, и мать, и я, и Константинъ-старикъ, у него цѣловали руку.

Матери отъ радости дурно сдѣлалось. Она сѣла на диванъ и держалась за грудь, повторяя со вздохами: „ахъ, сердце мое! ахъ, сердце мое!“ Отецъ тоже вздыхалъ и улыбался и ей, и мнѣ, и всѣмъ... и словъ не находилъ. Такая была радость! Такой праздникъ! Боже! Кинулись мы потомъ всѣ служить ему. Кто очагъ затапливалъ, кто кофе варить у очага садился, кто рукомойникъ несъ руки ему мыть, двое разомъ на одну ногу его бросались чтобы салогу ему снять. Сосѣдъ за сосѣдомъ въ комнату собрались, отецъ Евлампій, Стиловъ старикъ, жена его, дочери, сыновья, Несторици съ женой, все село, кажется, сбѣжалось... Двое Цыганъ пришли и гѣ сѣли на полу у дверей... И тѣмъ отецъ жалъ руки и тѣхъ благодарилъ.

Всѣ его любили, потому что онъ не искалъ никакого обидѣть и былъ очень справедливый человекъ.

Когда отецъ покушалъ и отдохнулъ, онъ разказалъ намъ подробно что случилось. Незадолго до отъѣзда его изъ Тульчи, греческій консулъ уѣхалъ на два мѣсяца въ отпускъ въ Элладу и передалъ управление своего консульства английскому консулу г. Вальтеру Гею. Вальтеръ Гей этотъ родомъ изъ Сири (мать его была, кажется, православная изъ арабской семьи); человекъ онъ отчаянный и капризный, хотъ и бѣдѣнь и семьей обремененъ большою, но всегда грубитъ всѣмъ и даже вовсе не въ духѣ своего правительства писать и дѣйствуетъ. Ему велятъ Турокъ хвалить, а онъ ихъ порицаетъ и критикуетъ во всемъ. Ему велятъ быть осторожнѣе, а онъ что ни шагъ, то опрометчивость, ссора, дерзость... Маленькій, желтый, сердитый. „Я самъ варваръ!“ кричитъ онъ всегда. „Всѣ мы, Европейцы, хуже Азіатцевъ варвары! Оттого у насъ и законы хороши и строги на Западѣ что изверга и разбойника хуже западнаго человека нѣтъ. Дай намъ волю, дай намъ волю только и мы сейчасъ Китаецъ за косу, негра повѣсимъ, пытки неслыханныя выдумаемъ, Турку дышать не дадимъ, къ Пирею эскадру приведемъ изъ-за Жиды Пачифико. Варвары, изверги мы всѣ Европейцы и хуже всѣхъ англо-саксонское, свирѣлое племя... Дома мы смирны отъ страха закона... А здѣсь посмотри на насъ, кого мы только не бьемъ... За что? За то что насъ здѣсь не бьютъ.“ Однажды случилось что австрійскій драгоманъ, сидя у него, замѣтилъ ему на это: „Невозможно, однако, согласиться безусловно съ этимъ.“ „Нѣтъ“, говоритъ г. Вальтеръ Гей, „соглашайся безусловно!“ „Не могу“, говоритъ драгоманъ австрійскій. „Ну такъ пошелъ вонъ изъ моего дома! Развѣ за тѣмъ я тебя приглашаю въ домъ мой чтобы ты противорѣчилъ мнѣ и безлокоилъ меня этимъ! Вонъ! Кавассы! выбросьте этого дурака за ворота!“

Австрійскій консулъ писалъ, писалъ по этому дѣлу много жество нотъ и донесеній и самому Вальтеру Гею и въ Вѣну; а лорду Булверу, который самъ капризенъ былъ нравилась, видно, капризы г. Гея и ничего ему не слѣдали.

Вотъ какъ разъ около того времени какъ г. Вальтеръ Гей принялъ въ свои руки Греческое консульство, Петракъ бей поссорился съ отцомъ за церковный вопросъ и сталъ

хлопотать въ Портѣ чтобъ отца моего въ тюрьму посадили. Пока самъ папа былъ тутъ, дѣло не подвигалось, потому что папа былъ человѣкъ опытный и осторожный. Г. Вальтеръ Гей между тѣмъ далъ моему отцу комнату у себя въ консульствѣ и говорилъ ему:

— Здѣсь тебя никто не возьметъ, берегись только на улицу днемъ выходить. Самъ знаешь что твой греческій паспортъ неправильный и Турки его знать не хотятъ. Да и правы Турки, потому что министры ваши эллинскіе за двадцать франковъ взятки сатану самого гражданина признаютъ. Хорошо королевство! Это все Каммингъ нашъ безлутный и сумасшедшій лордъ Байронъ, котораго надобно было бы на цѣль посадить, надѣлали! А я ужъ усталъ отъ ссоръ и больше ни съ кѣмъ никогда вздорить не буду. И ты на меня и на помощь мою не надѣйся, издыхай здѣсь въ комнатѣ какъ знаешь самъ, пока твой консулъ вернется. Тамъ ужъ они съ нашей хоть въ клочки изорви другъ друга, такъ мнѣ ужъ все равно. Я старъ и боленъ и умирать скоро надо мнѣ; какое мнѣ до васъ всѣхъ дѣло!

Такъ говорилъ отцу г. Вальтеръ Гей, и отецъ около мѣсяца не выходилъ изъ Англійскаго вице-консульства.

Наконецъ сталъ тосковать и началъ выходить по вечерамъ.

— Берегись! говорилъ ему Вальтеръ Гей;—не буду я заступаться.

Замѣтилъ Петраки-бей что отецъ ходитъ къ роднымъ и друзьямъ иногда темнымъ вечеромъ. Поставили Турки въ угоду Петраки человѣкъ пять, шесть залтіе изъ самыхъ ликихъ Арнаутовъ по близости Англійскаго вице-консульства.

Только-что сѣло солнце, вышелъ отецъ тихонько и идетъ около стѣнки. „Айда!“ и схватили его Арнауты и повлекли въ конакъ. Однако отецъ успѣлъ закричать кавассу англійскому:

— Османъ! море! Османъ! схватили меня! Османъ услыгалъ, мигомъ къ консулу. А Вальтеръ Гей въ халатѣ и туфляхъ... Ни шляпы не надо, ни салогъ... въ туфляхъ, въ халатѣ, съ толстою палкой въ рукѣ; кавассъ за нимъ едва поспѣваетъ. Ужъ дни на площади, на базарѣ, при всемъ народѣ, одного залтіе разъ! другаго—два! у третьяго ружье со штыкомъ изъ рукъ вонъ. Тѣ не знаютъ что дѣлать! Какъ за консула руку поднять. „Консулъ!“ одно слово. Опустили

бѣдные Турки голову, а Вальтеръ Гей взялъ отца подъ руку и кричить:

— А, варвары! годдемъ! варвары! Нѣтъ, врите, я хуже васъ варваръ! Я, варваръ, я!.. И увелъ отца домой. А на другой день пошелъ въ конакъ, засталъ тамъ только том чиновника который вмѣсто лаши векилемъ * былъ, потому что лаша уѣхалъ въ Галацъ по дѣлу, и говоритъ ему:

— А, это ты, ты... лосагаешь на чужихъ подданныхъ.. Васъ просвѣщать хотять, а вы анархію варварскую сами заводите. Такъ вотъ я вамъ еще хуже анархіи заведу...

— Pardon, мусье консулось, pardon! говоритъ ему несчастный векиль:—Кофе, эффенди мой, чубукъ одинъ, садитесь, садитесь, господинъ консуль.

— Не сяду! не сяду! Сяду я дома и лорду Булверу съ моему напишу сейчасъ, какъ ты, именно ты меня оскорбил и что я даже здѣсь больше служить не могу.

— Сядьте, успокойтесь, господинъ консуль. Англія великая держава.

— Нѣтъ не великая, когда даже ты можешь ее оскорбить.

— Сядьте, умоляю васъ. Бре, ** кофе! бре, чубукъ... Нѣтъ! Чего вы желаете? все будетъ по вашему.

— Сяду я, говоритъ г. Вальтеръ Гей,—съ тѣмъ чтобы писарь сейчасъ написалъ *тескере* на проѣздъ Полихроніаесъ на родину.

— Какъ турецкому подданному, эффенди мой, извольте.

— Нѣтъ, говоритъ Вальтеръ Гей.

— Аманъ! аманъ! Чтò же съ моею головой будетъ, господинъ консуль! Чтò съ нею будетъ если я пролишу на насъ портъ его эллискимъ подданнымъ, когда мое государство его таковымъ не признаетъ и вы сами знаете что онъ раба.

— Да! раба; а ты не лиши и не юнакъ табааси и не Османли табааси, а просто элирскій уроженецъ и торговецъ города Тульчи.

— Извольте, извольте, но чтò скажутъ его противники? Чтò закричитъ Петраки-бей послѣ этого? Эффенди мой, эти люди очень сильны у насъ! Очень сильны!

— Такъ это у васъ девлетъ? Такъ это у васъ держава

* *Векиль*—исправляющій должность временно.

** *Бре* обыкновенное въ Турціи междометіе: то же что и *морс*, въ грубѣе.

чтобы носильщика хамала, Стояновича этого, чтобы болгарскаго мужика Петраки-бея, предателя и вора, трепетать!... Прочь чубуки. Прочь кофе!

— Пишемъ, лишемъ, какъ вы говорите, эффенди мой! Дружба великое дѣло!

— Великое! великое! говоритъ Вальтеръ Гей.

И кончилъ онъ такъ дѣло и отправилъ отца на родину; а Петраки-бею отъ себя велѣлъ сказать чтобъ онъ ему на улицѣ не встрѣчался бы долго, долго, потому что онъ человѣкъ больной и легко раздражается.

Предъ отъѣздомъ своимъ отецъ, однако, чтобы сердце его было въ Загорахъ покойнѣе, упросилъ г. Діамантидеса (того двоюроднаго брата моей матери который изъ Аѳинъ пріѣхалъ и въ Тульчѣ мельницу собирался строить) остаться за него поручителемъ предъ турецкимъ начальствомъ по дѣлу Стояновича. Не хотѣлось ему также при этомъ и Турокъ оскорблять такимъ видомъ что онъ ихъ знать не хочетъ и не боится, и всю надежду возлагаетъ лишь на г. Вальтера Гей.

Векиль самъ ему много жаловался на авглійскаго консула и спрашивалъ:

— Безумный онъ человекъ должно-быть и очень грубый? Политики никакой не знаетъ, кажется?

Отецъ, смѣясь, сознавался намъ что онъ векилю польстилъ и о своемъ спасителѣ отзывался безъ особыхъ похвалъ:

— Больной человекъ! сказалъ онъ, и благодарилъ векиля.

Затрудненіе процесса нашего состояло въ томъ что признать отецъ этого долга небывалаго не могъ. А тиджаретъ два раза уже возобновлялъ дѣло это и оба раза находилъ средства рѣшать его въ пользу Петраки-бея Стояновича. Въ Константинополѣ Стояновичъ тоже былъ силенъ, а греческое посольство слабо. Проценты между тѣмъ все росли и росли въ счетахъ Петраки и мы могли, наконецъ, если дѣло протянется еще долго и все-таки рѣшится не въ нашу пользу, потерять почти все наше состояніе. Были минуты въ которыя отецъ готовъ былъ уже и на соглашеніе; но двоюродный братъ моей матери, Исаакидесъ, отговорилъ его. Прошли слухи что въ Тульчѣ откроютъ скоро Русское консульство. „Тогда, совѣтовалъ ему дядя Діамантидесъ, постарайся перевести какимъ-либо изворотомъ весь этотъ процессъ на имя кого-нибудь изъ русскихъ подданныхъ на

Дунаѣ или самъ съѣзди въ Кишеневъ и возми себѣ тамъ русскій паспортъ. Русскіе защититъ сумѣють. А Вальтеръ Гей хорошъ когда быть надо, на тяжбы же, самъ ты знаешь, какъ онъ безтолковъ и не способень.“

Послушался отецъ совѣта дяди и отложилъ мысль объ уступкѣ и соглашеніи.

Исторія г. Вальтера Гея, разумѣется, всѣхъ насъ повеселила, мы ей весь вечеръ смѣялись; но болѣзнь глазъ отцовскихъ и тяжба эта не только старшихъ огорчали, они и меня страшили; особенно когда отецъ говорилъ: „Я прежде не хвалилъ нашъ загорскій обычай рано жениться; а теперь завидую тѣмъ которые женились почти дѣтми. Еслибъ я женился не поздно, Одиссею было бы теперь не шестнадцать, а двадцать и болѣе лѣтъ. И онъ могъ бы уже помогать мнѣ, могъ бы на чужбину поѣхать, а я бы здѣсь отдохнулъ, наконецъ, во святой тишинѣ и ѣлъ бы кривой-слѣпой старикъ свой домашній хлѣбъ!“

Очень страшно мнѣ становилось думать о чужбинѣ и о борьбѣ со злыми и хитрыми чужими людьми.

Если отцу тяжело, думалъ я, что же я, безмысленный и стыдливый, и неопытный, что жь я съ ними, съ этими хитрыми людьми сдѣлать могу?... Нѣтъ! лучше бы такъ какъ Несториди учитель совѣтуетъ—дальше Янины мнѣ не ѣздить и взять бы здѣсь за себя какую-нибудь красивую, добрую и богатую архонтскую дочку, *красную арходтопулу, лампаду расписанную*, изъ вилайета нашего, *Яниотису* благородную, чтобы ходила она кѣжно, какъ куропатка ходитъ!

Такія вещи, хоть и тихъ я былъ, а думалъ молча!.. И никто бы, я полагаю, и не догадался какъ часто я начиналъ уже мечтать въ то время о „гвоздичкахъ“ этихъ, о „лампадахъ“ и о томъ какъ ходитъ куропатка, красивая птица, и по какимъ мѣстамъ.

VIII.

Отцу моему понравился совѣтъ Несториди отдать меня въ Янинскую гимназію. Но о томъ по какому пути меня послать вести, по торговому или ученому, онъ сказалъ что времени еще много вперед и что самые недуги посѣтившіе его заставляютъ его колебаться.

— Хорошо бы единственного сына около себя въ Загорахъ или по крайней мѣрѣ въ Янинѣ удержать; хорошо и на чужбину вмѣсто себя отправить для торговли, если болѣзнь глаза не пройдетъ.

Такъ какъ отецъ ни въ какомъ дѣлѣ слѣшить не любилъ и очень хвалилъ Турокъ за ихъ поговорку: „Тихонько, тихонько,—все будетъ!“ (*Яваши, яваши,—эси оладукаш!*), то можетъ-быть и годъ еще цѣлый мы съ нимъ не собрались бы, еслибы не пріѣхалъ къ намъ неожиданно въ Загоры изъ Янины новый русскій консуль, г. Благовъ.

Затрудненіе отецъ находилъ въ томъ гдѣ меня помѣстить въ городѣ. Собственный нашъ домъ въ Янинѣ былъ отданъ за хорошую цѣну въ наймы англійскому консулу, такъ что черезъ это одно вся семья наша съ избыткомъ содержалась въ Загорахъ, и отецъ цѣлыхъ два года на расходы не высылалъ намъ ничего съ Дуная и могъ употреблять свободно деньги которыя пріобрѣталъ торговлей на новыя выгодныя дѣла. Онъ нашелъ даже возможность, не обременяя ни насъ, ни себя, поправить и отдѣлать прекрасно за это время маленькій *пαραклизъ* * во имя Божьей Матери „Широчайшей Небесъ“ **, за селомъ нашимъ, въ небольшой дубовой рощицѣ, на холмѣ. Параклизъ этотъ былъ давно уже разрушенъ, во времена старинныхъ смуть и набѣговъ; и я еще съ дѣтства слышалъ какъ часто отецъ, вздыхая, восклицалъ: „Когда бы сподобилъ меня Господь Богъ возобновить этотъ маленькій храмъ на мое иждивеніе!“ Наконецъ онъ этого достигъ.

Итакъ, чтò дѣлать со мной родителямъ? Нанять мнѣ одну комнату—не трудно. Но у кого? Гдѣ? Кто будетъ смотрѣть за мной? Мать моя, замѣчая что я ростомъ становлюсь уже высокъ, начинала ужасно бояться чтобъ я не развратился. Кому въ городѣ поручить меня?

Былъ у насъ въ Янинѣ одинъ дальній родственникъ моей матери, полу-Яніотъ, полу-Корфіотъ, полу-Италяинецъ, полу-Грекъ — докторъ Козвино. Онъ былъ холостъ и занималъ одинъ, какъ слышно было, большой и хорошій домъ.

* *Параклизъ*, придѣлъ или особый небольшой храмъ въ которомъ не бываетъ постоянного богослуженія, а лишь отъ времени до времени. Такихъ церквей малыхъ на Востокѣ вѣкъ селъ довольно много.

** *Платитера Урану* (Ширшая или широчайшая небесъ), Знаменіе Пресвятой Богородицы.

Когда я еще былъ очень малъ (до отъѣзда матери моеѣ съ отцомъ на Дунай) Коввино жилъ нѣсколько времени въ Загорахъ, былъ друженъ съ отцомъ, былъ отцу моему многимъ обязанъ и даже долженъ былъ ему деньги. Живя во Франгадесѣ, онъ почти всѣ вечера просиживалъ у моихъ родителей, бесѣдуя иногда далеко за полночь и считалъ нашъ домъ почти своимъ домомъ.

Отецъ думалъ у него попросить для меня одну комнату. Но мать боялась доктора. Я его вовсе почти не помнилъ, но слышалъ о немъ отзывы какъ о безумномъ человѣкѣ.

Старикъ Константинъ говорилъ о немъ, качая головою: „На цѣль! на цѣль его!“ Бабушка Евгенко осуждала его за безвѣріе и за злой языкъ.—„Вотъ ротъ, такъ ужъ ротъ!“ говорила она, „вотъ языкъ, такъ ужъ языкъ!“ А мать моя съ отчаяніемъ поднимала глаза къ небу, восклицая: „Пресвятая Владычица, Заступница ты наша! Избави насъ отъ такой нужды чтобы ребенка невиннаго къ безумному и изступленному человѣку въ домъ отдавать!“ И потомъ, обращаясь къ отцу, упрашивала его такъ: „Киръ-Георгій! Мужъ мой коротій! Я тебѣ, я, жена твоя, говорю вотъ какую рѣчь.. что ты ждешь отъ человѣка который хвалится что мать его какого-то Италіянца (прости мнѣ это слово) любила? Я, кричить, „не яинской, не элпирской крови!“ Коввино къ тому же когда разсердится можетъ и убить мальчика... Избави насъ Боже, избави насъ!“

Отецъ улыбался и отвѣчалъ ей успокоительно: „Хорошо. Подумаемъ, подождемъ, посоветуемся. Коввино точно человѣкъ своеобычный и немножко безумный, хотя и очень добръ. Подумаемъ, посоветуемся и подождемъ“.

Такъ мы съ мѣсяць все думали, все совѣтовались, все ждали. Пришелъ и конецъ октября.

Однажды, въ день воскресный утромъ, отслушавъ обѣдню, пошли мы со старикомъ Константиномъ нашимъ прогуляться за село. Взяли мы немножко сыра, вина и орѣховъ, погуляли и сѣли за стѣнкой одной, на горкѣ. Поѣли, залили виномъ, сперва пѣсенки кой-какія пѣли, а потомъ Константинъ мнѣ свои старые разказы разказывать сталъ.

Опять про Севастополь, про великую войну, про то какъ цѣлый годъ, день и ночь, день и ночь гремѣли пушки; какіе Русскіе терпѣливые; какіе казаки у нихъ молодцы. О томъ еще какъ онъ самъ съ моряками и казаками рус-

скими вмѣстѣ ночью воевать куда-то лопель, и какъ осту-
лился и ладалъ съ горы и за кусты держался; какъ боялся
что прямо къ Французамъ въ руки попадетъ... И какъ онъ
услыхалъ около себя людей и притаился. Сердце бьется. А
когда эти люди заговорили тихо: „Это не Грекъ ли, Пен-
дось нашъ солёный?“ какъ онъ обрадовался и сказалъ „Пен-
дось! Пендось!“

Я слушалъ.

И вотъ увидали мы оба съ Константиномъ, вдругъ — по
Янчинской дорогѣ, внизу въ долинѣ, со стороны села Джу-
дильмы, толпу всадниковъ. Они тихо спускались съ горы.

Скоро различили мы что впереди ѣхали турецкіе сувары,
конные жандармы, четыре человѣка. Ихъ можно было узнать
по краснымъ фескамъ и чернымъ шальварамъ... За ними
два человѣка въ красной верхней одеждѣ и бѣлыхъ фустанел-
лахъ. Потомъ ѣхалъ на рыжей лошади кто-то въ бѣлой
чалмѣ и въ длинной одеждѣ, какъ кади или молла, такъ
мнѣ издали казалось. А за нимъ еще люди, еще фустанел-
лы и вьючные мулы; лѣшіе провожатые съ боковъ прыгали
по камнямъ.

Константинъ думалъ что это какой-нибудь консулъ. Я по-
лагалъ что турецкій судья или другое мусульманское ду-
ховное лицо, судя по одеждѣ. Но старикъ нашъ настаивалъ
что это не Турокъ, а непременно консулъ какой-нибудь и
совѣтовалъ мнѣ побѣжать домой и сказать отцу.— „Можетъ-
быть и Русскій, и отецъ въ домъ его приметъ“.

Пока мы такъ совѣщались, всадники приостановились въ
долинѣ на минуту, сошли съ лошадей и потомъ одинъ Ту-
рокъ-суваріи и съ нимъ одинъ молодецъ въ фустанеллѣ по-
мчались во весь опоръ впередъ по нашей дорогѣ.

Тогда уже не было сомнѣнія.

Константинъ узналъ одного изъ кавассовъ Русскаго кон-
сульства, Анастасія, Суліота. У него и грудь, и поясъ бли-
стали на солнцѣ серебромъ и золотомъ, какъ огонь.

Видно было что и консулъ съѣлъ олять. Немного погода
поскакалъ и онъ, а за нимъ и вся толпа. Только вьючные
мулы и лѣшіе люди остались сзади.

Я побѣжалъ домой сказать отцу, но на пути уже меня
обогнали кавассъ и сувары. Я показалъ имъ домъ отца, и
они повернули къ намъ.

Какъ пожаръ у насъ сдѣлался въ домѣ! Консула русскаго у насъ въ Загорахъ никогда не видали.

Растворились наши ворота широко со скрипомъ и со стукомъ; отецъ новый сюртукъ надѣлъ; мать предъ зеркаломъ поправлялась; служанка по диванамъ въ большой залѣ бѣгала безъ башмаковъ и уталтывала ихъ чтобы ровнѣе были; старушка Евгенко новый фартукъ красный повязывала и кричала служанкѣ чтобъ она въ маленькую комнату дрова на очагъ несла и чтобъ шаръ-кѣйскій ковѣръ у очага стелила.

А ужъ по мостовой топотъ конскій все ближе и ближе. У меня отъ радости сердце билось.

Вышли мы всѣ за ворота и ждемъ. Отецъ тихо сказалъ тогда матери:—„Ты руку у него не цѣлуй. Это телерь уже не дѣлають, а только ложи ему, если онъ тебѣ свою подастъ“.

А я думалъ: „Какой же онъ человекъ этотъ намъ покажется? Гордый и грозный? Старый должно-быть; и какими орденами царскими онъ будетъ украшенъ?“

И вотъ бѣгутъ толпой впередъ наши сельскія дѣти; бѣгутъ тихо и молча; только лица у нихъ измѣнились отъ изумленія или страха. Вѣхали шагомъ на улицу нашу прежде всего два сувары-Турка, ружья по формѣ держали; а за ними еще сувары и другой кавассъ; потомъ и самъ консулъ на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ; а за нимъ драгоманъ и еще одинъ нашъ Загорецъ его провожалъ. И слуги Греки. Старикъ Константинъ уже услѣлъ феску на свою старую русскую фуражку обмѣнить; руку у козырька держалъ и стоялъ какъ каменный у воротъ. Отецъ мой самъ стремя и узлу консулу держалъ, когда онъ сходилъ съ коня; а Евгенко уже громко кричала ему и со смѣхомъ, по своему обычаю: „Добро пожаловать! Добро пожаловать къ намъ!“ Служанка наша услѣла и руку у него поцѣловать, когда онъ на лѣстницѣ входилъ.

Не старый былъ г. Благовъ, а очень молодой; не грозный, а веселый и ласковый; и не гордый, а можетъ-быть иногда уже и слишкомъ простой.

Вовсе не такимъ я его ожидалъ видѣть!

Орденами царскими онъ изукрашенъ не былъ, а только виденъ былъ у него красный бантикъ въ летелькѣ бархатнаго чернаго сюртучка. То что я принялъ издали за чамау былъ

точно та бѣлая сирійская ткань, расшитая золотистымъ шелкомъ, которую употребляютъ нѣкоторые важные мусульмане для головного убора. У консула этой чалмой обвита была соломенная шляпа и сзади ниспадалъ длинный конецъ съ прекрасными узорами для защиты шеи отъ солнца.

Сверхъ бархатнаго сюртучка на консулѣ была надѣта длинная одежда изъ небѣленаго, простаго полотна съ башлыкомъ на спинѣ; салюги на немъ были большіе, даже выше коленъ; черезъ плечо висѣла на красныхъ шнуркахъ съ кистями кривая турецкая сабля, и станъ у него былъ перетянутъ поверхъ дорогаго бархата обыкновеннымъ сельскимъ болгарскимъ кушакомъ.

Лицомъ г. Благовъ былъ красивъ, очень нѣженъ и блѣденъ; бороды не носилъ, а только маленькіе усы; глаза у него были большіе, и онъ ими на всѣхъ смѣло и прямо глядѣлъ.

Разсматривалъ я его внимательно, какъ чудо; все хотѣлъ видѣть и все удивляло меня въ немъ.

Сюртучокъ показался мнѣ очень коротокъ для важнаго чиновника, салюги слишкомъ длинны, панталоны слишкомъ узки, сапоги въ лыжи, а перчатки хорошія. И я замѣтилъ еще что отъ него чѣмъ-то душистымъ пахло, лучше розы шамой!... Бархатъ и болгарскій кушакъ! Сирійская чалма и шляпа à la française; перчатки и духи прекрасные, а длинная одежда изъ простаго полотна.

И что за почетъ, этому молодому человѣку! Капитанъ Анастасій Суліотъ, которому я почтительно подавалъ вафелье и наргиле, бросился съ радостью снимать съ него разные салюги, когда онъ захотѣлъ сѣсть на диванъ съ югами... Другой слуга уже бѣжалъ за туфлями; Турки-андармы, которыхъ мы боялись и которымъ сама Евенко бабушка внизу прислуживала, угощая ихъ всячески, къ Турки трепетали его и просили насъ сказать консулу бѣ нихъ доброе слово. Драгоманъ привставалъ когда онъ начиналъ говорить съ нимъ...

„Вотъ жизнь! Вотъ власть!“ думалъ я! „Только одежда странная!... Удивительно! Удивительно мнѣ все это!“

Въ дальнихъ комнатахъ мы шепотомъ совѣщались и дѣлились другъ съ другомъ нашими впечатлѣніями. Старикъ Константинъ жалѣлъ что консулъ очень молодъ. „Дитя! вчерна изъ училища вышелъ.“

Бабушка жаловалась также какъ и я что панталоны слишкомъ узки и что сюртучокъ коротокъ и что на шляпѣ (какъ бы и грѣхъ это христіанину?) *сарыкъ* * арабскій, какъ на турецкомъ полѣ намотанъ.

И она, также какъ и я, говорила, ударяя рукой объ руку: „Развѣ не удивительно это?“ Но мать условоила насъ всѣхъ тѣмъ что сказала: „Ничего нѣтъ удивительнаго если между людьми высокаго общества такая мода вышла теперь.“

Впрочемъ бабушка Евгенко, не стѣсняясь, и самому г. Благову сдѣлала замѣчаніе:

— Огорчилъ ты насъ что такъ просто пріѣхалъ къ намъ. Мы тебя во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ и въ формѣ твоей желали бы встрѣтить и поклониться тебѣ; а ты пріѣхалъ смиренно и знать намъ въ Загорье заранѣе не далъ чтобы мы по заслугамъ твоимъ встрѣтить тебя могли!

А консулъ молодой засмѣялся на это и отвѣчалъ ей недурно по-гречески:

— Форма наша, кира моя хорошая, увѣряю тебя, не красва... Я чту ее потому что она Царская;—а сознаюсь тебѣ все-таки что кавассы мои куда какъ больше на вельможъ похожи, чѣмъ я. Орденовъ много я у Государя заслужить еще не успѣлъ; только этотъ маленькій... Не жалѣй же, кира моя, что я, какъ ты говоришь, такъ смиренно пріѣхалъ. Право, такъ лучше.

А Евгенко ему:

— Гдѣ же это ты языку нашему обучился такъ хорошо?

На это консулъ отвѣчалъ ей такъ:

— Кира моя! Я хоть и молодъ, а на Востокъ давно уже. — Говорить я люблю со всякими людьми и говорю, можетъ быть, и слишкомъ много иногда. А съ кѣмъ же намъ и говорить здѣсь, какъ не съ Греками? И мы имъ нужны и оид намъ. Молимся мы въ одной церкви; однимъ и тѣмъ же молитвамъ и насъ, и Грековъ съ дѣтства матери наши учать. У меня же и отецъ военный былъ; былъ въ походахъ, у Турокъ въ плѣну былъ долго.

И разказалъ намъ г. Благовъ еще что въ домѣ отца его много было картинъ которыя онъ въ дѣтствѣ очень любилъ и никогда ихъ не забудетъ. На одной было изображено какъ лаша Египетскій хотѣлъ Миссолонги взять; на землѣ подъ ногами лошадей турецкихъ лежала убитая молодая Гречанка

* *Сарыкъ*—чама.

растрепанными волосами. На другой, Турокъ въ чалмѣ адывалъ тоже прекрасную Гречанку; на третьей, сынъ, иди дитя, защищалъ раненаго отца-Грека...

Когда г. Благовъ еще былъ малъ, то наглядѣвшись на картинки часто просилъ мать свою вырѣзывать ему изъ рыхъ картъ Гречанокъ которыя идутъ на войну за роу и такъ какъ бубновый король на русскихъ картахъ въ мѣ, то ему всегда больно доставалось отъ Бобелины и звы Боцарисъ... Иногда матери г. Благова наскучала эта игра, и она говорила ему: „оставь этихъ глулыхъ Греюкъ; сидѣли бы и шили дома лучше чѣмъ сражаться, дутакія!“ Отнимала шутя у него карты эти и заставляла новаго короля въ чалмѣ греческихъ дамъ прогонять и азывать... „А я кричалъ и заступался...“ сказалъ Благъ.

Всѣ мы и посмѣялись этому разказу, и тронуты имъ были мно. Мать моя вздохнула глубоко и сказала: „Богъ да нить православную нашу Россію!“

Благовъ помолчалъ немного и потомъ прибавилъ, улысь:

— Оно, сказать правду, не совсѣмъ оно такъ... Поживши въ на Востокѣ, видишь часто что Турки славные люди, остодушные и добрые; а христіане наши иногда такіе что же уласи! Но что дѣлать. Лукавая жена, а все жена!... — Вотъ вы насъ какъ, ваше сіятельство! сказалъ отецъ ъ, смѣясь.

Вое сутокъ прогостилъ у насъ г. Благовъ и онъ былъ знь весель, и всѣ мы были ему рады. Всѣмъ онъ стараловравиться. Служанкѣ нашей денегъ много за услуги ѣ. Старикъ Константину подарилъ новую русскую фуку и говорилъ съ нимъ о Севастополѣ. „Ты и лицомъ русскаго стараго солдата похожъ. Я радъ тебя видѣть,“ казалъ онъ ему и велѣлъ еще купить ему тотчасъ же ное шальвары. Константинъ ему въ ноги упалъ.

Старшины наши всѣ ему представлялись; всѣмъ онъ намъ привѣтливое слово. У отца Евлампія руку почтительноцѣловалъ; внимательно слушалъ разказы старика Стиза о временахъ султата Махмуда; ло седу ходилъ; въ ркви къ образамъ прикладывался и на церковь лиру золоту далъ; въ школу ходилъ; у Несториди самъ съ визитомъ

былъ и кофе у него пилъ; бесѣдовалъ съ нимъ о древнихъ авторахъ и очень ему этимъ понравился.

— Древне-эллинская литература, сказалъ г. Благовъ:— какъ магическій жезлъ; сколько разъ ни прикасалась она новымъ націямъ, сейчасъ же и мысль и повѣія были живы ключомъ.

Несториди послѣ превозносили его умъ. Зубами скрипѣли и говорили: „О! Кириллъ и Меѳодій! надѣлали вы хорошаго дѣла намъ Грекамъ!.. Вотъ вѣдь хоть бы этотъ негодный мальчишка, Благовъ, знаетъ онъ, извергъ, что говоритъ! Знаетъ мошенникъ!“

А полкъ Евлампій ему:—Видишь, какъ эллинизмъ твой Россіи чтутъ люди?

— Великій выигрышь! сказалъ Несториди.—У тебя же доброе возьмутъ, твоимъ же добромъ задумаютъ тебя! Великое счастье!

Но самого г. Благова учитель все-таки очень хвалилъ, называлъ его: „паликаромъ, молодцомъ-юношей и благороднѣйшаго, высокаго воспитанія человекомъ.“

— Нѣтъ, умна Россія! долго говорилъ онъ послѣ этого свиданья съ русскимъ консуломъ.

Отцу моему г. Благовъ искалъ всячески доставить ему вольствіе и заллатить добромъ за его гостепріимство и расположение къ Русскимъ.

Отецъ разказалъ ему о своей тяжбѣ съ Петраки-бейъ Хахамолуло и жаловался что придется, кажется, вовсе и прасно лойти на соглашеніе и уплатить часть небывалаго долга; но г. Благовъ ободрилъ его и совѣтовалъ взять въ Одессѣ или Кішиневѣ русскій паспортъ. Онъ сказалъ что вѣроятно, въ Тульчѣ откроютъ скоро Русское консульство тогда онъ возьмется рекомендовать особенно его дѣло съ ему будущему товарищу.

— Это дѣло будетъ въ такомъ случаѣ имѣть и политическій смыслъ, сказалъ г. Благовъ:—полезно было бы наказать такого предателя, какъ этотъ Петраки-бей. Можно будетъ я думаю, начать уголовное дѣло и принести жалобу на этихъ противниковъ въ мехкежѣ. * Хотя мы официально

---

* *Мехкеме*, турецкое судилище по Кораку; въ время до послѣднихъ судебныхъ реформъ въ Турціи судилъ одинъ молла или кади, безъ помощи какихъ бы то ни было гражданскихъ членовъ.

знаемъ ни уголовного, ни гражданскаго суда * въ Турціи, чтобы не лотворствовать суду христіанъ по Корану, яко ловкій консулъ всегда можетъ войти въ соглашеніе моллой или кади и черезъ нихъ выиграть дѣло.

Эти слова эти очень обрадовали. Потомъ отецъ мой упоминулъ почти случайно о томъ что скоро хочетъ везти меня въ Янину и затрудняется только тѣмъ гдѣ меня оставить и кому поручить. Г. Благовъ тотчасъ же воскликнулъ:

— Пустое! У меня домъ большой и я одинъ въ немъ живу. Я дамъ хорошую комнату и пусть живетъ у меня, пусть въ привыкаетъ къ Русскимъ чтобы любить ихъ какъ вы любите. Черезъ недѣлю путешествіе мое кончится; я буду ждать васъ съ сыномъ и отсюда людямъ своимъ дамъ знать чтобы приготовили для васъ комнату.

Отецъ мой почти со слезами благодарилъ консула; а мать обрадовалась этой чести, такъ какъ будто бы меня самъ въ какой-либо русской высокой чинъ произвели. Отецъ, который сначала несовѣтъ былъ тоже доволенъ молодостью сына и какъ бы легкомысленною свободой и веселостью разговора, такъ послѣ этого разговора съ нимъ расположился къ нему что сталъ говорить: „Нѣтъ, ничего что можно.“

На другой день г. Благовъ и самъ пригласилъ меня къ себѣ въ Янину и вообще обошелся со мною очень братски и тепло, хотя и огорчилъ меня нѣкоторыми вовсе неожиданными замѣчаніями.

На первый день, когда отецъ представилъ меня ему, я очень смутился, ничего почти не могъ отвѣчать на вопросы которые онъ мнѣ предлагалъ и даже сѣлъ ошибкой отъ дивана вмѣсто дивана на очагъ. Г. Благовъ это замѣтилъ и сказалъ: „зачѣмъ же ты, г. Одиссей, сѣлъ такъ не хорошо?“ Я еще болѣе смутился; однако, пересѣлъ на диванъ. Отецъ тоже за меня покраснѣлъ и говоритъ: „это отъ стыда только сдѣлалъ; вы ему простите.“

Потомъ наединѣ со мною отецъ сказалъ мнѣ: „не надо, Одиссей, такимъ дикимъ быть. Добрый консулъ съ тобой говоритъ благосклонно, а ты какъ камень. Уважай, но не бойся. Не хорошо. Онъ скажетъ что ты необразованъ и глулъ,

---

Недавно и Россія признала новые суды въ Турціи для русскихъ подданныхъ.

сынъ мой. Держи ему отвѣтъ скромный и почтительный, свободный.

Я вздохнулъ и подумалъ про себя: „правда! я глулъ бы Другой разъ иной луть изберу. Я вѣдь знаю столько хорошихъ и возвышенныхъ эллинскихъ словъ. Зачѣмъ же и молчать и чего мнѣ стыдиться?“

Послѣ разговора съ моимъ отцомъ г. Благовъ, какъ то ко встрѣтилъ меня, такъ сейчасъ же взялъ меня дружески за плечо и говоритъ: „буду ждать тебя, Одиссей, къ себѣ Янину. Повеселимъ мы тебя. Только ты меня не бойся и очагъ больше не садись.“

А я между тѣмъ собралъ всѣ мои силы и отвѣчалъ такъ:

— Сіятельнаяйшей г. консуль! Я не боюсь васъ, но люблю и почитаю какъ человѣка старшаго по лѣтамъ, высокаго по званію и прекраснѣйшей, добродѣтельной души.

— Ба! говоритъ г. Благовъ: — вотъ ты какой Демосеевъ! А душу мою почему ты знаешь?

Я же все свой новый луть не теряя, восклицаю ему:

— Душа человѣка, г. консуль, начертана неизгладимыми чертами на его челѣ!

— Слышите? говоритъ онъ: — Вотъ ты какіе, братъ, лхіе комплименты знаешь! Другой разъ, если будешь ты мошенничать, я тебѣ и вѣрить не буду. Ты будь со мной проще. Я не люблю вашего греческаго риторства. Къ чему эта возвышенность? Бабка твоя кирія Евгенко гораздо лучше говоритъ. Учись у нея.

Я замолчалъ, а г. Благовъ спросилъ:

— Радъ ли ты что будешь у меня въ домѣ жить?

Я отвѣчаю ему на это отъ всего сердца что „готовъ свидѣвать за нимъ на отдаленнѣйшій край свѣта!“ А опять:

— Ты все свое, терпѣть не могу краснорѣчія!

И ушелъ онъ отъ меня съ этими словами.

Я остался одинъ въ смущеніи и размышлялъ долго о томъ какъ трудно вести дѣла съ людьми высокаго воспитанія.

Увѣзая, консуль секретно просилъ отца собрать ему какъ можно болѣе свѣдѣній о странѣ, о населеніи, церквахъ, настыряхъ, училищахъ, произведеніяхъ края; о прехристіанъ, о томъ чѣмъ они довольны и на что жалуются. Просилъ изложить все это кратко, но какъ можно ясно.

ючаѣ, съ цифрами, на бумагѣ, и прибавилъ: „какъ можно правдивѣе, прошу васъ, — безъ гиперболъ и клеветы...“

Онъ еще разъ повторилъ, садясь на лошадь, что его янинскій домъ — нашъ домъ отнынѣ и что онъ самъ черезъ нѣвлю вернется въ городъ.

Мы всѣ, отецъ мой, я, полкъ Евлампій и другіе священники, нѣкоторые старшины и жители и всѣ слуги наши, проводили его пѣшкомъ далеко за село и долго еще смотрѣли какъ въ со всѣмъ караваномъ своимъ подымался на гору.

— Пусть живетъ, молодецъ, пусть благословить его Госюль Богъ, сказалъ съ чувствомъ отецъ Евлампій.—Оживилъ въ насъ. Теперь иначе дѣла Элпировъ пойдутъ.

— Дай Богъ ему жизни долгой и всего хорошаго, повторили и мы всѣ. Отецъ же мой сказалъ, провожая глазами юлу его всадниковъ:

— Вотъ это царскій сановникъ: и взглянуть пріятно. И юбой красивъ, и щедръ, и на конѣ молодецъ, и веселъ и ещи у него всѣ благородныя такія и ковры на вьюкахъ юрошіе и люлей при немъ многое множество. Душа веселится. Таковы должны быть царскіе люди. А не то что вотъ юй бѣдный мистеръ Вальтеръ Гей. Желтый, больной, дѣтей юного, жилище небогатое, тѣсное! А такой алмагантъ блестящій и юный; и православный къ тому же — душу онъ мою, рузья, веселить!..

— Правда! сказали всѣ согласно, и попы наши, и старшины, и слуги.

Тотчасъ по отъѣздѣ консула, мы съ отцомъ начали готовить для него тѣ замѣтки о которыхъ онъ просилъ. Отецъ пригласилъ себѣ на помощь одного только отца Евлампія и юкому больше довѣриться не хотѣлъ—онъ боялся не только обудить турецкую подозрительность, но и зависть Греческаго консульства въ Элпирѣ.

И онъ, и отецъ Евлампій отъ меня не скрывались. Они сошались при мнѣ, приломинали, считали, а я записывалъ. Юа они повторили мнѣ нѣсколько разъ: „смотри, Одиссей, тобы Несториди не догадался, берегись“.

Въ досадѣ за нашу чрезвычайную близость съ Русскими въ можетъ довести все это до Элпинскаго консульства.

Отецъ старательно изложилъ все что касалось до древнихъ правъ Загорскаго края; объяснилъ въ какомъ подчиненіи Загорье находилось къ янинскимъ лашамъ; почему въ

нашей сторонѣ всѣ села свободныя, а не зависима отъ беевъ турецкихъ и отъ другихъ собственниковъ, какъ въ иныхъ округахъ Эпира; почему Турки тутъ никогда не жили и какъ даже стражу Загорцы нанимали сами христіанскую изъ сулійскихъ молодцовъ. Обо всемъ этомъ вспоминали отецъ и полкъ Евлампій. Даже Цыганъ нашихъ загорскихъ крещеныхъ не забыли и объ нихъ сказали что они заняты у насъ кузнечествомъ и другими простыми ремеслами; что мы ихъ держимъ нѣсколько далеко отъ себя и въ почтеніи и даже мѣсто гдѣ ихъ хоронятъ за церковью отдалено отъ нашего греческаго кладбища рядомъ камней. „Однако, прибавилъ отецъ: Они имѣютъ одно дарованіе, которымъ насъ превосходятъ, божественный даръ музыки.“

— На чтѣ это ему? сказалъ священникъ.

— Онъ все хочетъ знать, отвѣчалъ отецъ. И я записалъ эти слова о музыкѣ.

Счасть села, церкви и маленькіе скиты, въ которыхъ живутъ по одному, по два монаха, упомянуть о большой пещерѣ, о посвященіяхъ грознаго Али-паши, все это было не трудно.

Но было очень трудно перечислить хотя приблизительно имена Загорцевъ-благодѣтелей и указать именно кто что сдѣлалъ и около какого села или въ какомъ селѣ. Кто сдѣлалъ каменный, мощный слускъ съ крутизны для спасенія отъ зимней грязи и толи; кто мостъ, кто и гдѣ отъ церкви церковную починилъ, кто школу воздвигъ, кто храмъ украсилъ. Не хотѣлось отцу забывать и людей менѣе богатыхъ, менѣе именитыхъ, ему хотѣлось правды; а у всякаго встрѣчаемаго открыто справки наводилъ сейчасъ по отъздѣ консула онъ не хотѣлъ.

Въ Янину пора была спѣшить: и вотъ мы всѣ трое тайно трудились съ утра ранняго; бросали тетради и опять брались за нихъ. Отецъ повторялъ: „Трудись, трудись, сынокъ мой, трудись, мой мальчикъ хорошій, для православія и для добраго консула нашего. Можетъ-быть скоро будешь хлѣбомъ его ѣсть.“

И я съ охотой писалъ, поправлялъ и опять переписывалъ.

О турецкихъ злоупотребленіяхъ написали довольно много но не слишкомъ преувеличивая. Отецъ Евлампій въ одномъ мѣстѣ продиктовалъ было: „Такъ изнываютъ несчастные Греки подъ варварскимъ игомъ Агарянъ нечестивыхъ!“ Но отецъ

всѣмъ это вычеркнуть и сказалъ: „Не хочетъ г. Благовъ такихъ украшеній, онъ хочетъ вотъ чего: Въ такомъ-то году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Турокъ Мехмедъ убилъ того-то въ томъ-то селѣ, а Турокъ Ахмедъ отнялъ барана у такого-то и тогда-то!“ О такихъ случаяхъ и вообще о томъ чѣмъ христіане недовольны написали мы довольно много; но отецъ находилъ что эту часть онъ въ Янивѣ дополнить можетъ лучше, потому что въ самихъ Загорахъ Турокъ нѣтъ, ни народа, ни начальства, и случаевъ подобныхъ, конечно, меньше. Янивскіе же Турки славятся своимъ фанатизмомъ и городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ не свободными селами, а *шэфликами*, въ которыхъ и беи, и полиція, и сборщики царской десятины легче могутъ угнетать народъ и обнаруживать, такъ-сказать, удобнѣе недостатки которыми страдаетъ управление обширной Имперіи. Даже на счетъ судовъ, относительно Загоръ говорить было труднѣе, ибо въ то время когда мы съ отцомъ занимались этими записками, у насъ не было еще ни мудира, ни кади; мы судились между собою въ совѣтъ старшинъ по всѣмъ селамъ и только въ случаѣ обиды обращались въ Янику къ митрополиту или къ самому пашѣ, черезъ посредство особаго выборнаго загорскаго *оджабашы*, который для этого и жилъ всегда въ городѣ.

Наконецъ отецъ сказалъ: „Довольно!“ переправили мы еще разъ, спрятали тетрадки старательно и стали собираться въ путь. Консулъ сказалъ что онъ черезъ недѣлю возвратится въ Янику другою дорогою, а мы прожили дома трудясь надъ тою статистикою уже болѣе двухъ недѣль.

Итакъ пора! Уложились, простились съ матерью, съ бабушкой, съ сосѣдями и поѣхали.

Я былъ немножко взволнованъ и думалъ: „Какая, посмотримъ, будетъ тамъ судьба моя? хорошая или худая?“

Выѣхали мы рано и около полудня уже были у города.

Путешествіе наше было нескудное.

Непріятно только было въ это время года переѣзжать черезъ ту высокую и безлѣсную гору которая отдѣляетъ нашъ загорскій край отъ Янивской длинной долины; вѣтеръ на высотахъ дулъ такой сильный и холодный что мы завернулись въ бурки и фески наши обвязали латками чтобъ ихъ не унесло. Предъ тѣмъ какъ спускаться внизъ, отецъ сошелъ съ мула чтобы было безопаснѣе и легче; а сдѣлалъ

то же и захотѣлъ послѣдній разъ взглянуть назадъ... Франгадеса нашего уже не было видно и только направо, въ сѣд Джудилъ, на полгорѣ, въ какомъ-то домѣ одно окно какъ звѣзда играло и горѣло отъ солнца.

Жалко мнѣ стало родины; я завернулся покрывле въ бурку и погналъ своего мула внизъ.

Внизу, въ долину, погода была ясная; воздухъ и не жаркій, и не холодный.

Отецъ мнѣ дорогой многое показывалъ и объяснялъ.

Тотчасъ же за перевозомъ черезъ большую нашу горю идетъ длинный, очень длинный каменный и узкій мостъ черезъ большое болото. Мостъ этотъ построенъ давно ужъ однимъ нашимъ же Загорскимъ жителемъ для сокращенія пути изъ Янины въ эту сторону.

Это большое благодѣяніе! иначе приходилось бы людямъ товарамъ на мулахъ далеко объѣзжать.

За болотомъ, по ровной и зеленой долине Янинской, огражденной съ обѣихъ сторонъ гребнями нагихъ и безлѣсныхъ горъ, мы ѣхали скоро и весело.

Разогнали иноходью небольшою нашихъ муловъ; отдохнули въ хану подъ платаномъ, свѣжей воды и кофею выпили и около полудня увидали съ небольшой высоты Янину; увидали озеро ея голубое и на берегу его живописную крѣпость съ турецкими минаретами.

Мнѣ городъ понравился. Тихія предмѣстья, въ зеленыхъ садахъ; все небольшіе, смиренные домики глиняные, крыты красною черепицей, а не бѣлымъ или сѣрымъ камнемъ какъ у насъ въ селахъ.

А дальше уже начались хорошіе архонтскіе и высокіе дома...

Въѣзжая въ предмѣстье Янинское, я сказалъ себѣ: „И посмотримъ, какой человекъ намъ первый встрѣтится, — веселый онъ будетъ или печальный. Такая будетъ и живая судьба моя въ Янинѣ!“

Сначала въ цѣломъ длинномъ переулкѣ намъ никто встрѣтился; время было полднее и всѣ люди или заикали, или отдыхали. Кой-гдѣ у воротъ играли дѣти; но ихъ не считалъ встрѣчными, потому что они стояли на мѣстѣ или сидѣли на землѣ, когда мы проѣзжали. На одномъ изъ воротъ я испугался, увидавъ издали согбенную стару

съ палочкой и въ черномъ платьѣ; но она повернула въ другую сторону и я успокоился.

Наконецъ предсталъ предъ нами человекъ, котораго я готовъ былъ въ первую минуту назвать вѣстникомъ истинной радости. Казалось бы что веселье, ободрительнѣе, праздничнѣе этой встрѣчи и придумать нельзя было въ угоду моему гаданью... Какъ древній атлетъ, грядущій на брань за отчизну, былъ наряженъ и веселъ Маноли, главный кавассъ Русскаго консульства, котораго отецъ мой зналъ давно. Ростомъ, длинными усами, походкой, гибкимъ станомъ, и блескомъ оружія—всѣмъ онъ былъ воинъ и герой... Фустанелла его была чиста какъ снѣгъ на зимнихъ вершинахъ Загорскихъ и верхняя одежда его была изъ синяго бархата, обшитаго золотымъ галуномъ съ черными двуглавыми русскими орлами.

Но увы! самъ Маноли былъ и веселъ, и красивъ, вѣсти же его были печальныя!

Онъ сказалъ намъ что г. Благовъ еще не возвращался изъ путешествія, что записки отъ него никакой не было, что домъ его весь, кромѣ канцеляріи, залерть и даже ходять слухи будто бы онъ уѣхалъ внезапно куда-то изъ Эпира, въ Корфу или въ Македонію, еще неизвѣстно лока...

Отецъ мой былъ замѣтно смущенъ этою неожиданностью и особенно тѣмъ что г. Благовъ не потрудился даже запиской, сообразно обѣщанію своему, извѣстить секретаря или слугъ своихъ чтобы намъ приготовили въ консульствѣ комнату.

Что касается до меня, то я больше отца, я думаю, обиженъ этимъ и огорченъ. Всѣ мечты мои жить въ первомъ и лучшемъ изъ иностранныхъ консульствъ, въ обществѣ такого молодого и любезнаго высокопоставленнаго человека какъ г. Благовъ,—всѣ эти мечты исчезли какъ утренній туманъ, какъ дымъ или прахъ!..

Печально сидѣлъ я на мулѣ моемъ и ждалъ что скажетъ отецъ. Я думалъ, онъ разкажетъ Маноли о приглашеніи г. Благова и намъ, быть-можетъ, отворятъ комнаты; но отецъ молчалъ...

Отецъ молчалъ, за то Маноли, кавассъ-баши, говорилъ все время, хвалилъ г. Благова, хвалилъ Загорцевъ, хвалилъ умъ отца, хвалилъ меня, говорилъ что я красавецъ, что всѣ „красныя“ дочери янинскихъ архонтовъ будутъ бѣгать къ

окнамъ чтобы смотрѣть на меня, и когда отецъ мой съ неудовольствіемъ замѣтилъ ему на это что я не дѣвицамъ, а учителямъ угождать ѣду въ Янину, тогда Маюли согласился съ нимъ что это гораздо лучше и полезнѣе...

— Да! сказалъ онъ съ послѣдностью,—да! г. Полихроніодесъ, вы правы! Даже очень правы по моему. Что-нибудь одно: или мечъ, или перо! Просвѣщеніе въ наше время необходимо. Скажите мнѣ, я спрашиваю васъ, г. Полихроніодесъ, куда годенъ человѣкъ который ни къ мечу, ни къ наукѣ не способенъ? Куда? На что? На какое дѣло? скажите мнѣ, во имя Божіе, я васъ прошу сказать мнѣ, куда онъ такой человѣкъ годится? Улицы мести? Уголь на ослахъ изъ города вывезить? Тяжести носить? Землю пахать? Грести на лодкѣ въ Янинскомъ озерѣ? Вотъ на что, вотъ на какія презрѣныя занятія годится нынче простой человѣкъ, ни меча, ни пера не удостоившійся.... Да. Учись, учись, милый мой Одиссей... Утѣшай родителей, утѣшай.... А г. Благонъ будетъ очень жалѣть, если не увидитъ васъ; онъ говоритъ что Загорцы умнѣйшіе люди и возносятъ ихъ гораздо выше гаульных янинскихъ архонтовъ. И я согласенъ съ консуломъ.

Такъ разсуждалъ сіяющій кавассъ-баши, а мы все молчали и смотрѣли съ отцомъ другъ на друга.

Наконецъ отецъ сказалъ: „Повѣдемъ къ доктору Коввино“. Мы простились съ Маюли и поѣхали дальше. Отецъ былъ не въ духѣ и продолжалъ все время молчать. Домъ который занималъ Коввино принадлежалъ одному турецкому шиху и стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ; предъ окнами его была широкая зеленая площадка, старинное еврейское кладбище, на которомъ уже давно не хоронятъ и гдѣ множество древнихъ каменныхъ плитъ глубоко вросли въ землю. Часто здѣсь бываетъ гулянье и пляски на карнавалѣ и народъ отдыхаетъ тогда толпами на этихъ плитахъ. Напротивъ караванна турецкая, много хорошихъ домовъ вокругъ площади и большая церковь *Архъ-мандриѣ* недалеко. Я немножко утѣшился и обрадовался что буду жить на такомъ веселомъ мѣстѣ и въ такомъ большомъ домѣ, если Коввино согласится оставить меня у себя.

Однако, двери у доктора были закрыты и мы, сошедши съ муловъ, напрасно стучались. Никто намъ не отворялъ. Стучаться принимались мы не разъ и все громче и громче, такъ

что даже нѣкоторыя сосѣдки стали смотрѣть на насъ изъ оконъ и дѣти ловыбѣжали изъ дверей.

Намъ стало такъ стыдно что мы уже хотѣли садиться опять на муловъ и ѣхать въ ханъ; но одна сосѣдка увѣрала отца что докторъ скоро, вѣроятно, возвратится, потому что время ему обѣдать, а другая, напротивъ того, говорила: „Гдѣ жь у него обѣдъ? Гайдуша, служанка его, вчера поссорилась съ нимъ и сегодня на разсвѣтѣ ушла и вещи свои увнесла“.

Третья женщина предпологала что докторъ гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ, у одного изъ больныхъ своихъ позавтракаетъ.

Что намъ было дѣлать? Стыдъ просто! Рѣшились мы ѣхать въ ханъ. Но еще одна старушка сказала что лучше послать къ Абдурраимъ-эффенди; не у него ли докторъ? Абдурраимъ-эффенди, есѣдъ, живетъ близко отсюда; доктора онъ очень любитъ и у него жена давно больна. Она позвала свою маленькую внучку и велѣла ей бѣжать скорѣе къ Абдурраимъ-эффенди за докторомъ.

Отецъ рѣшился ждать. Мы сняли ковры съ нашихъ муловъ, постелили ихъ на камняхъ и сѣли у докторскаго порога. Пока дѣвочка бѣгала къ Абдурраимъ-эффенди, старушка разказала отцу что случилось вчера у доктора въ домѣ. Былъ у доктора слуга Яни, изъ деревенскихъ. Сама же Гайдуша жаловалась что у нея очень много работы, что докторъ любитъ жить чисто и просторно, а у нея больше силъ нѣтъ уже одной все дѣлать, шить, мести, готовить, убирать, мыть, лапть чистить, диваны равнять, самому ему раза три въ недѣлю еще тѣло все бритвой брить.

Отецъ спросилъ: „Какъ такъ все тѣло брить? Что это ты говоришь?“

— Да! сказала старушка (со вздохомъ даже, я помню),—да! хочеть чтобы всегда весь выбрить онъ былъ. Безумный человекъ!

— Безумный! безумный! закричали въ одинъ голосъ двѣтри сосѣдки.—На цѣль человека этого слѣдуетъ! На цѣль давно.

А одна женщина съ сожалѣніемъ прибавила:— Это онъ, черная судьба его такая, съ Турками очень подружился, все съ Турками, отъ того и въ грѣхъ такой впадаетъ. Даже и въ баню турецкую часто любитъ ходить, а это тоже не

хорошо, потому что муро святое изъ тѣла исходитъ отъ испарины.

Отецъ говоритъ:—Такъ, такъ, да что же вчера-то за ссора была?

Женщины разказали что когда Гайдуша долго жаловалась на обременительную работу, докторъ нанялъ этого Яни слугу. Двѣ недѣли всего прожилъ онъ и не могъ болѣе. Съ утра Гайдуша все его учила и осуждала. „Ты звѣрь, ты животное, ты необразованный человѣкъ. Графины на самые углы стола ставь, а не на середину: такъ въ благородныхъ домахъ дѣлаютъ. Иди сюда, найди туда! Вонъ изъ кухни, деревенщина! ты только мѣшаешь.“ Яни и сказалъ доктору: „Прости мнѣ, эффенди, я не могу у тебя больше жить. Эта чума (на Гайдушу) съ утра мнѣ голову ѣстъ!“ А Гайдуша: „Я чума? Я? разъ! и за горло молодца; онъ почернѣлъ даже. Докторъ отнимать у нея паликара бѣднаго. Она въ доктора вцѣпилась. Тогда уже Яни доктора сталъ защищать и вмѣстѣ они хорошо ее наказали. Потомъ Яни съ вечера же ушелъ, а Гайдуша на разсвѣтѣ прежде тарелки, и блюда, и чашки всѣ перебила въ кухнѣ, а потомъ взяла свои вещи въ узелокъ и ушла. Докторъ ей за шесть лѣтъ службы по тридцати пиастровъ въ мѣсяцъ долженъ, это значитъ болѣе двадцатипятирепчихъ диръ! Мало развѣ? Какъ слѣдуетъ приданое цѣное. Теперь Гайдуша пойдетъ лашѣ жаловаться. А доктору и кушанья готовить сегодня некому и домъ стоитъ пустой и не вернется Гайдуша никогда! Мало-по-малу, пока старушка разказывала, собралось около насъ много народа. Женщины, дѣти, одна сосѣдка уже и младенца груднаго съ собою принесла и стала его кормить, другія съ пражей сѣли по плитамъ и на землю. Двое нищихъ сѣли тоже слушать. Потомъ и залтие-Турокъ подошелъ посмотреть нѣтъ ли какого безпорядка, увидалъ что все мирно и онъ присѣлъ поодаль на камушекъ, сдѣлалъ себѣ палироску и одна изъ сосѣдокъ ему изъ дома уголь вынесла, а онъ поклонился ей и поблагодарилъ ее. И нищія слушали внимательно и удивлялись, а залтие-Турокъ сказалъ: „Увы! улы! хуже злой женщины есть ли что на свѣтѣ!“

Наконецъ прибѣжала сосѣдская дѣвочка отъ Абдурраима-эффенди, принесла ключъ и сказала что докторъ проситъ отца войти въ домъ и подождать его не больше получаса, пока онъ кончитъ всѣ дѣла у бей.

Отперъ отецъ дверь; мы взошли и за нами нѣсколько сосѣдокъ тоже взошли въ сѣни. Онѣ стали намъ помогать вещи наши съ муловъ снимать. Мы ихъ благодарили. Та добрая старушка которая намъ все разказывала безпокоилась кто насъ сегодня накормить у доктора, а что самъ онъ вѣрно уже у Турка бея позавтракалъ. „Развѣ ужъ мнѣ придти приготовить бѣдному Коввино? Онъ у меня не разъ лѣчилъ дѣтей, чтобъ ему долго жить!“ сказала она.

— И лтицы небесныя питаются, а не то мы! сказалъ ей отецъ.

Какъ только онъ это сказалъ, какъ вдругъ стрѣлой вбѣжала въ домъ сама эта Гайдуша, о которой вся рѣчь была; маленькая, смуглая, хромая; и глаза большіе, черные у нея и какъ огонь!

И какъ закричить отцу: „Добро пожаловать г. Полихронидесъ, добро пожаловать. Извольте, извольте на верхъ.... докторъ очень радъ будетъ!“ А потомъ на сосѣдокъ: „Вы что же всѣ тутъ собралися? Все у васъ худое что-нибудь на умѣ у всѣхъ! Аманъ! Аманъ! Что за злобу имѣютъ люди. Идите по добру по здорову по жилищамъ своимъ.... Дѣти! вонъ сейчасъ всѣ.... вонъ!...“

Господи! что за женщина! Я испугался. Дѣтей ловыкидала за двери.... На женщинъ еще закричала. Одна было стала тоже на нее кричать: Ты что? Да ты что? А Гайдуша ей: а ты что.... А ты что? Разбойница!

— Нѣтъ, ты разбойница! Ты чума!

Шумъ, крикъ. Отецъ говоритъ: „Стойте! стойте, довольно!“ А Гайдуша одного нищаго въ слину, у другаго нашъ мѣшокъ вырвала, который онъ съ мула снималъ. „Еще украдешь, разбойникъ“... Залгіе-Турокъ въ двери заглянулъ на этотъ крикъ. Она и его: „Ты что желаешь, ага? Иди, иди. Не здѣсь твое мѣсто. Не здѣсь; я, слышишь ты, я это тебѣ говорю!“ Турокъ ей:

— Ты въ умѣ ли, женщина?

Какъ она закричитъ на него: „Я? я? Не въ умѣ? Такая-то царская полиція должна быть?.... Вы что смотрите? Вотъ смотри лучше что у васъ подъ городомъ два дня тому назадъ человекъ зарѣзали... Да я къ лашѣ пойду! Да мой докторъ, первый докторъ въ городѣ. Его всѣ наши любятъ и уважаютъ...“

Наговорила, наговорила, накричала; какъ потокъ весенній

съ горь бѣжить и не удержать ничѣмъ. Бѣдный Турокъ только одежду на груди лотрясъ и сказалъ: „Амаанъ! Амаанъ! Женищина!“ И ушелъ за другими.

Гайдуша какъ молнія и двери захолопнула и залерла ихъ изнутри и послѣ опять кричала: „Извольте, извольте“. И ставни въ большихъ комнатахъ отпираала и табакъ, и спички, и бумажку, и лелельницу отцу несла, и въ одну минуту и скрылась и опять съ водой и вареньемъ на большомъ локнось предъ нами явилась и привѣтствовала насъ еще; и кофе сварила и подала и два раза зачѣмъ-то уже къ соседкѣ одной сбѣгала и помирилась съ ней и вещи какія-то принесла и мы уже видѣли ее пока она въ кухнѣ птицей съ мѣста на мѣсто летала, завтракъ намъ готовила.

И отецъ сказалъ, какъ и залтѣе, глядя на нее: „Ну женищина! Это дьяволь! Хорошо сказала твоя мать что у Ковино оставлять тебя страшно. Такая въ худой часъ и замшить и отравить ядомъ тебя.“

Однако уже Гайдуша и соусъ прекрасный съ фасолою намъ изготвила и вареную говядину съ картофелемъ, и фруктами и халвой насъ угостила и множество разныхъ разностей, прислуживая намъ, очень умно и смѣшно намъ разказывала, а хозяинъ нашъ все еще не шелъ.

— Олоздакъ докторъ, сказалъ Гайдушѣ отецъ.

А Гайдуша ему на это:—Ковино человекъ очень образованный и въ Европѣ воспитанный. У него слишкомъ много ума и развитія для нашей варварской Янины. Онъ любитъ разговаривать и спорить о люболытныхъ и высокихъ предметахъ. Вѣрно онъ заспорилъ или о вѣрѣ съ Евреемъ какимъ-нибудь или у Абдурраима-эффенди съ какимъ-нибудь имамомъ ученымъ: почему Фатьме, дочь Магомета, будетъ въ раю, а жена его Аиша, напимѣръ, не будетъ.... Или въ Русскомъ консульствѣ въ канцеляріи сидитъ и чиновникамъ про свою жизнь въ Италіи разказываетъ. Бѣдный докторъ радъ когда встрѣтитъ людей имѣющихъ премудрость, или такъ-сказать, калпризъ какой-нибудь пріятный.. И здѣсь у насъ христіане, даже и кулцы, народъ все болѣе грубый... Впрочемъ прошу у васъ извиненія что я, простая Мецдовская селянка, берусь при васъ, господинъ мой, судить о такихъ вещахъ!...

— Я съ удовольствіемъ тебя слушаю, сказалъ ей отецъ.

А Гайдуша:—Благодарю васъ за вашу чрезмѣрную снисходительность къ моей простотѣ и безграмотности!

Я подумалъ: „Баба эта хромая краснорѣчивѣе многихъ изъ насъ. Она не хуже самого Несторида говорить. Вотъ какъ ее Богъ одарилъ!“

Послѣ завтрака я нестерпимо захотѣлъ спать: сказать объ этомъ Гайдушѣ боялся и стыдился, долго ходилъ по всѣмъ комнатамъ, отыскивая себѣ пристанище и, наконецъ, нашелъ одну маленькую горницу внизу съ широкимъ диваномъ и однимъ окномъ на тихій переулокъ.

Притворилъ поскорѣе дверь и улалъ на диванъ безъ подушки. Не успѣлъ я еще задремать, какъ Гайдуша вбѣжала въ комнату. Я испугался, вскочилъ и сѣлъ на диванъ чтобы показать что я не сплю.

Но Гайдуша довольно милостиво сказала мнѣ: — Спи, спи, дитя, отдыхай. Принесла мнѣ подушку, вспрыгнула мгомъ на диванъ, чтобы задернуть занавѣску на окнѣ и поставила мнѣ даже свѣжей воды на случай жажды.

Сильно смущенный ея вниманіемъ я сказалъ ей, краснѣя: — Благодарю васъ, кира-Гайдуша, за ваше гостепріимство и прошу васъ извинить меня за то что я такъ обременилъ васъ разными трудами.

Кажется бы и хорошо сказалъ?... Что же могло быть вѣжливей съ моей стороны, приличнѣе и скромнѣе?

Но лукавая хромушка усмѣхнулась, припрыгнула ко мнѣ и, ущипнувши меня за щеку, какъ какого-нибудь неразумнаго ребенка, воскликнула: „Глуленькій, глуленькій паликарчикъ горный.... Спи ужь, не разговаривай много, несчастный! Куда ужь тебѣ!“

И усакала изъ комнаты.

А я, вздохнувши, крѣпко уснулъ. И не успѣлъ даже отъ утомленія вникнуть въ смыслъ ея словъ и разобрать съ какою именно цѣлью она ихъ сказала; съ худою или хорошею? Вѣрнѣе что съ худою, однако; такъ казалось мнѣ. Спалъ я долго, и проснулся только подъ вечеръ отъ ужаснаго крика и шума въ сосѣдней комнатѣ. Казалось одинъ человѣкъ неистово бранилъ и поносилъ другаго, толая ногами и проклиная его. Другой же отвѣчалъ ему голосомъ вѣжливѣе, трогательнѣе и быть-можетъ даже со слезами.

Что за несчастіе? Что случилось?

(До слѣд. №.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ПАРИЖСВІЕ СИЛУЭТЫ И ОЧЕРКИ*

II.

Butte aux Cailles (Горка Перепеловъ)

Парижане сльвуть за страшнѣйшихъ домохвдовъ; не въ смыслѣ судѣнья дома, конечно, о, нѣтъ! но по привязанности къ мѣсту, къ тѣмъ семи тысячамъ пяти стамъ десятинамъ земли на которомъ выросъ и разросся ихъ дорогой, родной, незамѣнимый Парижъ.

На какой бы точкѣ міра ни находился Парижанинъ, куда бѣ онъ ни былъ заброшенъ судьбой, у него одно стремленіе, одна мысль: вернуться въ свой милый Парижъ. Ожидательно, охвдло, сынъ Лютеціи не устраивается нигдѣ; онъ лихорадочно работаетъ, копить деньги, устраиваетъ что нужно на новомъ мѣстѣ, ломышая только объ одномъ, о возвратѣ. „Новая родина“, слово для него невысказимое. Для него существуетъ только одинъ обитаемый пунктъ, только одинъ возможный центръ на свѣтѣ — Парижъ; остальное не что иное какъ громадное предмѣстье, нѣчто въ родѣ поля прилегающаго къ этому центру. Туда онъ отправляется только на работу, *удинается* только по необходимости. Почти же отъ трудовъ, жить, понимаетъ онъ исключительно въ Парижѣ.

---

* См. Русск. Вѣсти. № 3.

Никого такъ не трудно сдвинуть съ мѣста какъ Парижанинъ; онъ привинченъ къ своему асфальту, и рѣшается разгаться съ нимъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Эмиграціонный элементъ здѣсь совершенно ничтоженъ; все путешествующихъ (изъ природныхъ Парижанъ) можно сравнительно съ другими населенными центрами.

Я понимаю эту привязанность Парижанина къ своему родному городу, эту привинченность къ своей почвѣ. Зачѣмъ ему путешествовать, зачѣмъ ему скитаться по міру, когда весь міръ и всѣ вѣка у него подъ рукою?

Взглянуть въ одну сторону, онъ видитъ роскошнѣйшій изисъ высшей культуры, самого утонченнаго комфорта и изящества, взглянуть въ другую — предъ нимъ отрываются голыя стелы невѣжества и первобытнаго мрака, юбки сточныхъ элементовъ человѣческой семьи, дѣвственнаго лѣса Америки. У ногъ его скучены, въ необыкновенномъ зобилии, художественныя, научныя, историческія и культурныя сокровища, скучены также всевозможныя плевы и язвы и болячки общественныя; скучены несчетныя богатства и затѣи роскоши, скучена страшная нищета, непроходимая грязь, безобразнѣйшія отрелья. Предъ его глазами тянутся великолѣпнѣйшія въ мірѣ улицы, и окъ о бокъ извиваются невозможныя, смрачныя, средневѣковыя клоаки; открываются восхитительнѣйшіе лейзажи и аскіе уголки. Онъ имѣетъ подъ рукою такія крайности: *Бувъръ* и *Butte aux Cailles**, соборъ Парижской Богоматери *Carrières de l'Amérique*** , академію сорока „безсмертныхъ“ академію Монружской равнины***, монументальное диво менуемое Новою Оперой и бельвильскіе бои звѣрей не звѣрей, людей не людей — бельвильскихъ туземцевъ. Онъ можетъ одновременно слышать и готическій возгласъ иныхъ вѣковъ, монсиеньора Дюпанлу: *Мы всѣ уйдемъ съ крестомъ Евангеліемъ въ пустыню, и вы погибнете во мракѣ!* и возгласія народныхъ представителей, свѣточей радикализма,

* Горка Перепеловъ. Описана выше.

** Ямы и каменоломни близъ Монружской равнины, служація пристанищемъ ворами, разбойникамъ и бѣглымъ каторжникамъ.

*** Нѣчто въ родѣ разбойничьяго синдиката, дающаго совѣты, правки и даже матеріальныя пособія ловичкамъ и мелопытымъ вомамъ. Это „учрежденіе“ было открыто полиціей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

поощряющихъ людъ Божію на возмутительное кощунство, убѣждающихъ согражданъ зарывать покойниковъ въ землю какъ собакъ, восхваляющихъ „гражданское погребеніе“. Онъ видитъ всѣ крайности, онъ слышитъ всѣ крайности, онъ присутствуетъ при всѣхъ крайностяхъ.

Къ чему ему рыскать по свѣту когда цѣлой жизни не станетъ на то чтобъ узнать и исходить и изучить въ подробностяхъ свой родной городъ? Парижъ для него міръ.

И міръ онъ на самомъ дѣлѣ. Кто можетъ похвалиться что знаетъ Парижъ во всѣхъ подробностяхъ? Знаютъ свой кварталъ, свою улицу, или, если кругъ дѣятельности обширѣе, нѣсколько кварталовъ, нѣсколько улицъ, и возвращаясь къ этимъ предѣламъ какъ лошади въ манежѣ. Но затѣмъ? Затѣмъ начинается *terra incognita*.

Громадная централизація, въ свою очередь, ведетъ къ децентрализаціи.

Есть Парижане знающіе только по наслышкѣ о Сень-Жерменскомъ предмѣстьи, о паркѣ Монсо, о площади Трона, не говоря уже о Бельвилѣ, Поленкурѣ, Монружѣ и другихъ окраинахъ. Мелкій промышленный людъ знаетъ свои главные артеріи, улицы Сень-Дени, фобуръ Сень-Дени, Сень-Мартенъ, Пуассоньеръ, фобуръ Монмартръ. Для другихъ олять, для такъ-называемыхъ присяжныхъ *boulevardiers*, Парижъ ограничивается старыми бульварами (Калуцвскимъ, Италіянскимъ, Монмартрскимъ), ихъ кафе, ихъ клубами, ихъ *cercle*. Вивѣры, разгульный и ультра-шикарный людъ, иностранцы, финансисты, кокетки, не выходятъ изъ известнаго пространства, относительно очень ограниченнаго: правый берегъ Сены, фобуръ Пуассоньеръ, бульваръ Мажербоа, Елисейскія Поля и улица Риволи. Это ихъ міръ, ихъ Парижъ; остальное — дикая, варварская страна, неизвестныя степи, провинціальный городъ, съ мостовыми заросшими травой, съ дворами заросшими осокой, гдѣ отъ каждаго дома вѣетъ непроходимую скукой. Многие изъ нихъ только по наслышкѣ знаютъ что вокругъ скромныхъ, тихихъ, буржуазныхъ кварталовъ, облегающихъ килитильникъ центральный Парижа, дѣлятся другіе, оживленные, шумные, живущіе собственной жизнью эксцентричные кварталы, а что за этимъ глѣздается тамъ-самъ, гдѣ возможно, гдѣ попривольѣе отъ глаза дальше, таинственные хищническіе кварталы, — Муромскіе и Брянскіе дѣса современнаго Парижа.

На сѣверо-западной оконечности Парижа, на такъ-называемыхъ „новыхъ мѣстахъ“, противъ самаго Марсоваго Поля, на правомъ берегу, возвышается большой отлогій холмъ, южный склонъ котораго омывается Сеною. Вершина этой возвышенности срубана, выравнена и представляетъ круглую площадь, метровъ въ двѣсти пятьдесятъ въ поперечникѣ, носящую названіе *Площадь Римскаго Короля*.

Прежде все это возвышенное пространство, представлявшее огромное лустолорожное мѣсто, усыпанное буграми и ригорками, изрытое ямами и рытвинами, заросшее сорными травами и чахлымъ кустарникомъ, называлось *Трокадеро*, въ честь побѣды одержанной французскими войсками на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Теперь это красивая площадь, выравненная по ватерласу, ревосходно вымощенная, обнесенная красивыми перилами, обсаженная деревьями и цвѣтами, уставленная монументальными газовыми фонарями.

Съ этой площади открывается видъ единственный въ своемъ родѣ. Весь онъ безмѣрный городъ разстилается предъ нами со своими сорока лѣтью тысячами домовъ, съ церквами, памятниками, садами и аллеями.

Послѣ первой минуты растерянности при видѣ этого громаднаго, безмѣрнаго великолѣлія, взоръ вашъ спокойно ставляется на необъятную, восхитительную панораму и сразу начинаетъ различать детали.

Первый планъ прелестенъ. У ногъ вашихъ Сена несетъ лавно и спокойно свои воды; берега ея окаймлены роскошною растительностью; вправо они утопаютъ въ зелени, среди которой весело лестрѣютъ пригородныя виллы и дачи. Въ ту сторону очертанія рѣчки и безчисленныя детали, восхитительные пейзажи, докуда только хватаетъ глазъ, выдѣляются отчетливо и ярко; небо синее и прозрачно; воздухъ чистъ и ясенъ. Влѣво, къ центру, какъ бы ни былъ ясенъ пейзажъ, небо и раскинувшійся подъ нимъ городъ подернуты фатоватою дымкой. Эта дымка туманная и таинственная, топящая вѣчно надъ Парижемъ, — дыханіе исполина города.

Въ этой дымкѣ вы видите море человѣческихъ жилищъ: грома громоздятся надъ домами, крыши торчатъ надъ крышами, тѣсно, плотно другъ къ другу, и все дома, все крыши, все, насколько хватаетъ глазъ. Это огромно и величественно.

Необъятный муравейникъ гдѣ вы не видите, но чувствуетъ жизнь двухмилліоннаго населенія.

Почти на самомъ горизонтѣ виднѣются двѣ возвышенности, завлеченныя, какъ все остальное, домами, одна вправо, другая влѣво отъ Сены. Это двѣ горки: Монмартрская и *Butte aux Cailles*.

Странное впечатлѣніе онѣ производятъ: будто два народа на этой сѣрой однообразной массѣ человѣческихъ жилищъ. И дѣйствительно это наросты, гнилые и прокаженные, всасывающіе въ свои смрадные нѣдра ядовитѣйшіе соки новаго Вавилона. Осмотримъ одну изъ нихъ.

Butte aux Cailles (Горка Перелеловъ). Откуда идетъ это названіе? Должно-быть что нѣкогда здѣсь водились перелела, но это „нѣкогда“ чрезвычайно отдаленно, такъ какъ триста лѣтъ тому назадъ почтенная горка была уже облѣплена лачугами и служила пристанищемъ разному сброду. Для перелеловъ, слѣдовательно, въ тѣ времена уже, на нѣмѣста не было.

Что за странное, прокаженное мѣсто!

Кругомъ, съ одной стороны роскошная растительность береговъ Бievры, съ другой—пригородные луга, и среди этого зеленого пояса, голая, бѣлесоватая шишка, облѣпленная безобразными лачугами сложенными изъ мусора и грязи, лачугами локосившимися, накренившимися, освѣвшимися, наваливающимися, опирающимся другъ на друга, какъ пьяницы, на взаимной поддержкѣ или чтобъ если рухнуть такъ ужь свѣтло сразу; шишка прорѣзанная вкривь и вкось узкими, излучистыми улицами съ сильнѣйшимъ наклономъ, настоящими помойными ямами вѣчно струящими омерзительную смрадную жидкость, въ которой голодная, страшно тощія, лысыя, ободравыя, ларшивыя собаки роются съ остервененіемъ ищущую случайную поживу.

Ни деревца, ни кусточка, ни клочка зелени; одна грязь мерзость, смрадъ и вонь, однѣ мусорныя, сальныя лачуги претящіе душѣ дворы, и помойныя улицы. Да и какъ тутъ расти и жить дереву, травѣ? Зараза и вонь стоятъ въ воздухѣ. Вѣтъ чѣмъ-то кислымъ, гнилымъ, протухшимъ. Подумаешь что сама почва здѣсь на семь лядей насквозь прогнала, всыпая мерзость кишачаго на ея поверхности. Только чѣмъ-то, да собака, да развѣ еще свинья, могутъ тутъ ужитьсь

во свинья слишкомъ аристократическое животное для этого забытаго Богомъ уголка.

Недолго еще остается этому безобразію выставляться на свѣтъ Божій съ такимъ невозмутимымъ цинизмомъ, парижскій муниципалитетъ принялся и за „горку“ и намеренъ преобразовать ее, изъ дикаго, хищническаго, неизвѣстной злохи селенія, въ кварталъ современнаго Парижа. Съ каждымъ днемъ, муниципальная кирка и лопата проникаютъ далѣе и глубже въ эту тущобу и дѣлаютъ свое дѣло: прокладываются новыя улицы, прямыя и широкія; строятся человѣческіе дома трехъ- и четырехъ-этажныя; улицы метутся каждый день, устраиваются канавки для стока нечистотъ.

Эта благодѣтельная работа—ножъ острый для аборигеновъ *Butte aux Cailles*. Имъ ненавистна преобразовательная кирка и потому медленно, нехотя, шагъ за шагомъ, скрежеща зубами, они отступаютъ предъ нею и повемногу выселяются въ другія мѣста. Подумайте! имъ даютъ чистоту, даютъ свѣтъ, даютъ просторъ, у нихъ отымаютъ грязь, въ которой они выросли и барахтались и жили съ дѣтства; у нихъ отнимаютъ смрадъ и вонь, атмосферу въ которой они живутъ какъ рыбка въ водѣ; имъ даютъ газъ, когда и тусклое мерцаніе теперешнихъ, заколтѣлыхъ, засаженныхъ, масляныхъ фонарей они порой находятъ излишнимъ и неудобнымъ; имъ даютъ свѣтъ, когда они, какъ нетопыри и совы, ищутъ мрака.

Я провелъ два дня на *Butte aux Cailles*, и не жалѣю этого времени; что за живописность въ этомъ безобразіи, что за художественная законченность въ этихъ уродливыхъ деталяхъ; какія странныя картины, какіе своеобразные ландшафты, какія типичныя жанровыя сцены; что за виды, что за тилы!

Южный склонъ горки со стороны прудовъ Гласьеры блеститъ отсутствіемъ жилищъ. Вы видите какія-то насыпи бѣловатой, рыхлой земли. Земля эта наносная; ею засыпаны глубокія рытвины, въ которыхъ, во время оно, ботанисты собирали шалфей (*salvia verticillata*). Не сборъ цѣлебнаго растенія, какъ вы понимаете, побудилъ Парижскій муниципалитетъ засыпать эти морщины; сглажены онѣ потому что тамъ совершались всяческія безобразія, скрывались мѣст-

ные Могиканы, и складывались кожи уворованныя на окрестныхъ сыромятняхъ и кожевняхъ.

По мѣрѣ того какъ вы поднимаетесь на горку, кругозоръ вашъ увеличивается. На югъ, среди зелени и скученныхъ домовъ, выдѣляются: готическая часовня Бреа со своими вычурными стрѣльчатыми очертаніями; черная, раздающаяся у подножія, деревянная башня—старинная мельница *de la Roche*, бывшее ленное владѣніе Клодіона-Жана Фролло; дворецъ Тувисскаго бея, восточное великолѣпное зданіе въ мавританскомъ стилѣ, веселое, изящное, кокетливо лестрѣющее яркими цвѣтами, сверкающее золочеными кулолами; и среди этихъ построекъ иныхъ вѣковъ и иныхъ странъ, бѣжитъ и красиво изгибается полотно желѣзной дороги. Далѣе торчатъ угрюмо фортъ Бисетръ, мрачное, казеннаго вида строеніе съ черными окнами; резервуаръ Ванны, снабжающій водою Латинскій и прилегающіе къ нему кварталы лѣваго берега, громадное круглое зданіе; башня въ романскомъ стилѣ церкви *Saint-Pierre-du-Petit-Montrouge*; пріютъ Св. Анны съ своею вульгарною, неуклюжею, наводящею необъяснимую тоску колокольнею.

На сѣверо-западъ картина восхитительна: предъ вами опять весь Парижъ. Ближайшіе предметы выдѣляются изъ сѣромъ небѣ съ удивительною отчетливостію и яркостью. Далѣе, рѣзкость очертаній смягчается въ сѣроватой дымкѣ; царствуютъ полутоны; еще далѣе, цвѣта исчезаютъ, контуры слабѣютъ, и наконецъ тамъ, совсѣмъ вдали, ступеньваются, сливаются, и пейзажъ исчезаетъ какъ туманная картина.

Влѣво отъ васъ насыпался мрачно тюремный замокъ *de la Santé*, далѣе высятся, неуклюжее зданіе *Обсерваторіи*; четырехъугольныя башни церкви Св. Сюзьпиція, золотой куполъ *Инвалидовъ*, сверкающій на солнцѣ; Валь-де-Грасъ, знаменитый вязъ заведенія глухо-нѣмыхъ, считающійся однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ деревьевъ Франціи; стрѣлка церкви *Saint-Jacques du Haut-Pas*, куполъ Пантеона, куполъ Сорбонны, маленькая башенка стариннаго аббатства Св. Жевевеви, гдѣ Паскаль производилъ свои первые опыты надъ удѣльнымъ вѣсомъ воздуха; недостроенныя башни собора Парижской Богоматери, колонна площади Бастиліи съ своимъ золоченымъ, горящимъ на солнцѣ, геніемъ свободы, и

наконецъ совсѣмъ вправо, какъ бы въ *pendant* къ замку *de la Santé*, мрачное зданіе Сальпетриеры.

Весь онъ, славный и проклятый городъ, озарившій міръ и ужаснувшій міръ, весь онъ тутъ, у вашихъ ногъ. Глядя на эту громаду, предъ вами невольно проносится прошлое челоуѣческаго муравейника раскинувшагося на берегахъ Сены. Десять вѣковъ этому прошлому. Картины смѣняются картинами; то величественныя и славныя, то убогія и ужасныя, то свѣтлыя какъ солнечный лучъ, то мрачныя какъ ночь, то божественно прекрасныя и теплыя, то холодащія душу своею мерзостью. Чтò онъ вытерпѣлъ и выстрадалъ, этотъ городъ, чтò онъ вынесъ счастья, чтò онъ выплакалъ горючихъ слезъ! И перебирая, перелистывая это громадное, величественное прошлое, каждая страница котораго принадлежитъ исторіи, каждая строка котораго помѣчена краснымъ или чернымъ крестомъ, вась охватываетъ невольное благоговѣніе, и вы, забывая всѣ язвы и болячки, прорухи и ошибки, смѣшныя стороны и безобразія, лустоту и легковѣрность современнаго Парижа, склоняете главу предъ историческимъ исполиномъ. У подножія горки разстилается прелестный оазисъ. Среди зеленѣющаго луга извивается Биевра, освѣненная по обоимъ берегамъ склоненными къ долу ивами, стройными тополями, раскинувшимися дубами, всевозможными породами деревъ, представляющихъ гармоническіе переливы всѣхъ оттѣнковъ зелени. Въ этой роскошной растительности мелькаютъ хорошенькіе бѣленькіе домики и виллы.

Первое знакомство мое съ Биеврой было самое неожиданное. Я слышалъ о „берегахъ“ Биевры, о „набережной“ Биевры, о переправѣ войскъ черезъ Биевру, и на основаніи этого составилъ себѣ о ней понятіе какъ о настоящей рѣкѣ. Пробираясь къ горкѣ, я подхожу къ небольшому пруду, у котораго стоятъ двѣ женщины съ маленькими сѣтками для ловли раковъ.

— Какъ мнѣ попасть на *Butte-aux-Cailles*? спрашиваю.

— Да такъ какъ вы идете. Взбирайтесь все по этой тропинкѣ. Она тутъ сейчасъ и начинается.

— А гдѣ же Биевра? Она вѣдь огибаетъ съ этой стороны горку.

— Биевра? Отвѣтила одна изъ женщинъ, поглядывая на меня подозрительно, какъ бы недоумѣвая шучу ли я или говорю серьезно. — Да вѣдь вы на ней!

Тутъ только я замѣтилъ что стою на широкой досчатой настлѣкѣ перекинутой чрезъ вонючую канавку въ сажень ширины, не болѣе.

Это была Бievра.

Пренебрежительно отнесся я, однако, къ ней только въ первую минуту знакомства. Вскорѣ я съ ней помирился. увидѣвъ какъ сумѣли воспользоваться люди этою ничтожною струйкой воды, и что сдѣлала изъ нея художница природа.

Ниже зеленого оазиса, среди котораго она сначала протекаетъ, Бievра сплошь окаймлена, по обоимъ берегамъ, сырмятвями, ливоварьями, прядильнями, красильнями, винокурнями, бѣдильнями, сушильнями и прачешными. Ихъ тутъ сотни фабрикъ, тѣсно стоящихъ одна возлѣ другой. Дымныя трубы дымятся; изъ другихъ судорожно вырываются клубы пара; колеса вертятся, какіе-то брусья ходятъ взадъ и впередъ, сточныя трубы изрыгаютъ темную жидкость. Шумъ, стукъ и визгъ машинъ, мѣрные удары молотовъ, плескъ воды, бурчаніе водяныхъ колесъ, все это сливается въ одинъ нестройный гулъ. Здѣсь кипитъ промышленная, фабричная дѣятельность. Для всѣхъ этихъ фабрикъ и заводовъ маленькая рѣчонка золотое дно.

Это второе превращеніе Бievры.

За Гобленами, рѣкою завладѣли исключительно кожевники. Здѣсь, благодаря сотнѣ заводовъ и фабрикъ пропустившихъ ее чрезъ себя, Бievра несетъ не воду а какую-то густую жидкость металлическаго цвѣта, смрадную, отвратительную. Съ обѣихъ сторонъ рѣка загромождена станками и рамками съ натянутыми воловьими шкурами.

Странный, въ высшей степени курioзный и своеобразный видъ представляетъ Бievра въ этомъ мѣстѣ. Надо взглянуть при луномъ свѣтѣ на этотъ уголокъ стараго Парижа. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе оригинальное и фантастичное.

Надѣво, на первомъ ланѣ, торчатъ деревянныя сушильни, ажурныя террасы которыхъ представляютъ самыя страшныя сплетенія балокъ, досокъ, ломаныхъ, вычурныхъ линий. Далѣе, на голой поверхности горки бѣлѣются лачуги. Тѣни ложатся удивительно рѣзко. Направо, потрескавшіеся, покрытыя плесенью стѣны, самыхъ причудливыхъ очертаній, омываются Бievрой, на черныхъ, неподвижныхъ водахъ

которой тѣнь отражается столь же сильно какъ на землѣ. Всѣ предметы и сама горка, облитые звѣзднымъ и луннымъ свѣтомъ, кажутся ярко бѣлыми и выдѣляются какъ-то особенно рельефно на темной синевѣ неба. Тамъ и сямъ красноватый свѣтъ мерцаетъ сквозь залпесневѣлыя окна. Ни души не видно. Все тихо, все мертво, лишь тамъ, гдѣ-то на Бievрѣ, слышится легкое журчаніе воды.

Вамъ кажется что вы перенесены въ иной міръ, за тысячу верстъ отъ Парижа, на пять вѣковъ назадъ, а между тѣмъ вблизи отъ васъ, почти подъ бокомъ, лежитъ разгульный шумный Латинскій кварталъ, полный жизни и движенія въ эту пору.

Не думайте однако, глядя на эту мертвенную картину, что здѣсь нѣтъ жизни и движенія въ ночную пору. Напротивъ, на самой горкѣ въ это время можетъ-быть всего болѣе жизни и движенія, только эта жизнь, это движеніе скрываются на глубокихъ задворкахъ, на задахъ лагугъ... Но я однако забѣгаю впередъ; до того чтобъ описывать жизнь мѣстныхъ обывателей, мнѣ надо прежде описать вамъ самую горку.

На склонѣ ея, глядящемъ на Парижъ, прорѣзанъ недавно широкой бульваръ, уже застроенный каменными трехъ- и четырехъ-этажными домами, съ магазинами и лавками. Отъ него идутъ четыре, пять улицъ начинающихъ принимать видъ... улицъ: *Croulebarbe*, *Champs-de-l'Alouette* и пр. Это граница образованнаго міра. Затѣмъ, кверху, влѣво, идетъ дѣвственная трущоба. Тутъ свои дома, свои улицы. Одни названія послѣднихъ чего стоятъ: *passage des reculettes*, *impasse de la Main rouge*, *passage du Grand Pendu*, *rue de l'Echarpé*. * Названія эти не случайныя; многія изъ нихъ имѣютъ свою легенду. Такъ, напримѣръ, въ улицѣ *Champs-de-l'Alouette*, обратила на себя мое вниманіе вывѣска кабака: *A la Bergère d'Ivry*. Я невольно вспомнилъ объ одномъ извѣстномъ дѣлѣ, занимающемъ видное мѣсто во французской уголовной лѣтописи и озаглавленномъ: *l'assassinat de la Bergère d'Ivry*.

Вхожу въ кабакъ. За узенькимъ прилавкомъ сидитъ какое-то залывшее жиромъ, обрюзгшее существо, нѣчто въ родѣ борова, сидитъ въ страшно засаженномъ лестромъ жилетѣ и синей рубахѣ, *en bras de chemise*, какъ здѣсь выра-

* *Echarpé*—на парижскомъ острожномъ условномъ языкѣ (*argot*) значитъ зарѣзанный.

жаются. На прилавкѣ стоятъ нѣсколько стаканчиковъ прикрѣпленныхъ стальными цѣлочками къ прилавку.

Эти предохранительныя цѣпочки я уже имѣлъ случай видѣть въ другомъ, тоже хорошемъ мѣстѣ, въ Бельвилѣ, на прилавкахъ кабаковъ слишкомъ извѣстной дорожки *de la Révolte*. Назначеніе ихъ понятно. Отъ грѣха подальше! чтобы потребители не стащили стакановъ, или не могли бы лустить ими другъ другу въ голову.

Спрашиваю почему кабакъ называется: *a la Bergère d'Ivry*.

— Въ память событія, отвѣчаетъ кабатчикъ. — Здѣсь неподалеку была зарѣзана ластушка. Вотъ тамъ, видите, гдѣ мальчикъ играетъ, у самой стѣны... На этомъ самомъ мѣстѣ ее и уколошили... и надпись на стѣнѣ была сдѣлана, да теперь почти совсѣмъ стерлась. Давно вѣдь этому, лѣтъ тридцать.

Почтенный чичероне ошибся на цѣлые двадцать лѣтъ, потому что извѣстное убійство иврійской ластушки Ульбахомъ совершено въ 1824 году.

На указанномъ мѣстѣ я дѣйствительно увидѣлъ, на каменной, потрескавшейся, полуразвалившейся стѣнѣ, слѣды надписи совершенно уже стершейся. Одинокъ только грубо высѣченный полукруглый ободокъ окружавшій ее остался виденъ.

Но какъ вамъ нравится этотъ кабакъ принявшій подобную вывѣску?

Вотъ на примѣръ улица.

Канавы въ сажень шириною, съ наклономъ градусовъ въ пятнадцать. На каждомъ шагу вы рискуете разстаться съ вашею обувью засасываемой смрадною гущею замѣняющею мостовую. Надъ входомъ или скорѣе отверстіемъ улицы, во всю ширину ея, красуется слѣдующая краснорѣчивая надпись, выведенная большими бѣлыми буквами на черной продолговатой доскѣ:

Respect à la loi et aux propriétés.

Должно полагать однако что мѣстные жители не особенно надѣются на дѣйствительность административнаго напоянія и внушенія, потому что приняли такія мѣры какъ будто ихъ обители стоятъ не въ Парижѣ, а гдѣ-нибудь въ Абрупцскихъ горахъ: *ни единого окна не выходитъ на улицу на всемъ ея протяженіи*. Ни единого! По обѣимъ сторонамъ

тянутся залесѣвшія стѣны сажени въ двѣ вышиною. Надъ стѣнами видво начало крышъ спускающихся во внутрь, на дворъ. Окна туда же выходятъ, совсѣмъ какъ въ аристократическихъ палаццо, гдѣ лучшія хоромы смотрятъ въ садъ. Маленькія двери, аршина въ полтора вышиною, служатъ единственнымъ сообщеніемъ съ улицею.

Вы можете себѣ представить чтò за веселенькій видъ представляетъ такая улица.

Одного я не могъ понять: кого и чего боится эта безобразная нищета, укрывающая столь ревниво свои лохмотья? Воровъ? Разбойниковъ? Кто польстится на убогую ветость, да на пустыя бутылки изъ подъ *petit-bleu*, изображающія все богатство мѣстныхъ собственниковъ? Скорѣе, самимъ имъ надо укрываться отъ посторонняго глаза. Это можетъ-быть вѣрнѣе.

Ни единого фонаря, разумѣется. Мило тутъ должно-быть въ осеннюю ночь!

Надъ одною изъ дверей, нисколько не отличающеюся отъ другихъ, видна такая заманчивая надпись, выведенная прямо на стѣнѣ черною краскою:

Gloria à 10 centimes.

Superieur, 45 centimes le litre.

Чашка *gloria* (кофе съ коньякомъ) за два су; литръ вина да еще *superieur* (высшаго качества), за девять су.

Что за химикъ долженъ быть этотъ трактирщикъ! Судя по цѣнамъ, вѣтъ для него таинствъ въ наукѣ суррогатовъ.

Улица начинается и кончается воротами. Въ серединѣ ея двойная излучина подъ прямымъ угломъ. Пространство между обоими поворотами не болѣе десяти шаговъ. На видъ — будто нарочно устроенное мѣстечко для засады.

Эта прелесть именуется: *Impasse des Reculettes*. Почему *impasse* — неизвѣстно, такъ какъ она дебушируетъ въ другую улицу; можетъ-быть потому что рѣдко кому удавалось во время оно благополучно добраться до другаго ея конца.

Хороша тоже въ своемъ родѣ улица Барро.

Своеобразность ея между прочимъ состоитъ въ томъ что на всемъ протяженіи она имѣетъ *поперечный* наклонъ горбомъ, не считая продольнаго. Вы отсюда видите, какъ выражаются Французы, все удобство движенія по такой арте-

ріи. Правда что кареты и омнибусы здѣсь не разъѣзжаютъ, и все движеніе ограничивается рѣдкими лѣшеходами.

По лѣвой сторонѣ улицы тянется сплошь стѣнка, та же заплеснѣвшая стѣнка, сложенная изъ мусора и булыжника скрѣпленныхъ бѣлою глиной и грязью. Въ стѣнкѣ такія же маленькія двери. Мнѣ удалось заглянуть въ нѣкоторыя изъ нихъ. Вездѣ то же самое устройство: отъ дверей идетъ нѣчто въ родѣ узкаго, открытаго сверху, корридора, стѣны котораго составлены изъ гнилыхъ досокъ, старыхъ рамъ, развѣшенныхъ лохмотьевъ и почернѣвшихъ отъ времени соломенныхъ плетенокъ. Въ концѣ корридора другая дверь, въ самое жилище, удаленное отъ наружной стѣны шаговъ на сорокъ.

Здѣшняя публика вѣроятно чувствуетъ еще большее влеченіе къ уединенію.

По правую сторону улицы нѣтъ жилищъ; вмѣсто ихъ торчитъ накренившійся частоколъ, на самомъ гребнѣ кругаго обрыва.

Одинъ одишельскій древнѣйшаго вида масляный фонарь освѣщаетъ ночью эти великолѣлія.

Но вотъ вы натыкаетесь на такую диковинку:

Нѣсколько бездомныхъ ларіевъ рѣшили въ когда-то соорудить себѣ кровъ. Натаскали разнаго хлама, наворовали досокъ, рамъ, дверей, деревянныхъ ящичковъ; стащили откуда-то балки, жерди; собрали побольше мусору, намѣсили море грязи, натаскали глины, и начали строить.... когда это было, Богъ вѣсть. Затѣмъ нашлись такіе что и камень добыли и сложили тутъ же нѣчто имѣющее подобіе дома. Это каменное „зданіе“ стало опорнымъ пунктомъ, къ которому пристались другія постройки, сооруженныя опять изъ мусора, досокъ, рамъ, жердей, трехъ-четыреухъ балокъ и грязи смѣшанной съ глиной.

Такимъ образомъ образовалось странное строеніе; нестройная кучка сплоченныхъ углыхъ лачугъ, поддерживаемыхъ центральнымъ каменнымъ зданіемъ.

Потомки первыхъ владѣтелей этой архитектурной диковинки захотѣли должно-быть увеличить свои владѣнія, и начали строить вверхъ; возвелись вторые этажи и даже третьи, сколоченные и слѣпленные столь-же первобытнымъ образомъ какъ первые. Каменное зданіе, не желая отставать, такъ же полѣзло въ вышину, превратившись со втораго этажа въ

деревянное. Но сіе было слишкомъ. Честолюбивые строители не сумѣли сохранить мѣры: краугольный камень оказался наконецъ слишкомъ слабою опорой чтобы выдержать напоръ новыхъ пристроекъ и подался.... Къ счастью, начавшееся крушеніе остановилось на полдорогѣ. Каменное строеніе подалось лишь однимъ бокомъ; нѣкоторыя изъ пристроекъ рухнули, другія были придавлены; остальные—большая часть—только наклонились на бокъ плачевнѣйшимъ образомъ, но устояли какимъ-то чудомъ. Для предотвращения дальнѣйшихъ бѣдствій, мѣстные собственники прибѣгнули къ паллятивнымъ средствамъ: подперли покосившіяся строенія подпорками, завалили гдѣ нужно, гдѣ оказались пустоты, мусоромъ, приставили гдѣ балку, гдѣ доску, связали покрѣплече все вмѣстѣ..... и стали жить да поживать подъ этимъ кровомъ по старому.

Что вышло за необычайное строеніе изъ такой стряпни, вы не можете себѣ представить. Эту диковинку должны бы были хранить какъ зѣницу ока, на показъ и назиданіе будущимъ поколѣніямъ, но, увы! когда вами прочтутся эти строки, описанное чудо не будетъ уже красоваться въ поднебесной: неумолимая муниципальная кирка сроетъ его къ тому времени съ лица земли, на горе мѣстныхъ обитателей и любителей живописныхъ и уродливыхъ куріозовъ.

Это архитектурное безобразіе, притонъ страшной нищеты, называется *Cité Dorée!*

Сами ли обитатели состригли такъ жестоко на свой счетъ другіе ли окрестили эту кучку жилищъ такимъ неподходящимъ прозвищемъ?.....

Не стану водить васъ по всѣмъ закоулкамъ горки. Приведенные примѣры могутъ дать вамъ нѣкоторое понятіе о цѣломъ. Закончу это описаніе мѣстнымъ куріозомъ, находящимся впрочемъ уже внѣ трущобы, у подножія горки, въ томъ мѣстѣ гдѣ Биевра исчезаетъ подъ Парижемъ.

Дверь дома очень приличной наружности украшена слѣдующими двумя „орнаментомами“: Съ правой стороны, капитель неизвѣстнаго ордена съ надписью:

Les arts l'an 1228

La civilisation commence.

La reine Blanche régente,

Saint Louis roi.

Съ лѣвой, прусская бомба, съ надписью:

Les arts l'an 1871.
La civilisation à son apogée.
Guillaume 1er
Empereur d'Allemagne.

Какъ выдержатъ императоръ Вильгельмъ и его канцлеръ этотъ ударъ?

Займемся обитателями горки.

Коренное населеніе *Butte-aux-Cailles* принадлежитъ къ почетной корпорациіи парижскихъ шиффоньеровъ (тряпичниковъ).

Тѣ которые не побывали въ Парижѣ, не имѣютъ понятія объ этомъ типѣ, и не совсѣмъ вѣрно отдають себя отчетъ въ томъ какъ именно производится шиффоньерская работа. Здѣшніе шиффоньеры, не наши патріархальныя тряпичники, спующіе, среди бѣлаго дня, по дворамъ, роющіеся въ помойныхъ ямахъ, и собирающіе въ свои грязныя мѣшки кости да битое стекло; парижскіе шиффоньеры—ночныя лтицы; они имѣютъ право разгуливать по городу лишь въ строго опредѣленные часы (отъ 12ти ночи до 5ти утра), не затесываются ни на одинъ дворъ, кромѣ развѣ своего собственнаго, по той причинѣ что не только ночью, но и днемъ, никто изъ къ себѣ на дворъ не пуститъ, и промышляютъ исключительно на улицѣ.

Это надо вамъ пояснить.

Въ Парижѣ нѣтъ „заднихъ дворовъ“ съ помойными ямами. Все что ежедневно приходится выкидывать изъ квартиръ, комнатный соръ, зола изъ каминовъ, кухонные остатки и поскребки, битая посуда, кости и пр., все это собирается въ „поганое“ ведро, выносится поздно вечеромъ на улицу и сваливается предъ домомъ. Къ утру эти кучки исчезаютъ, выдержавъ предварительно три операціи.

Сперва являются „рыцари крюка“, какъ здѣсь называютъ шиффоньеровъ, съ корзиною (*hotte*) за спиною (корзина эта круглая, слегка приплюснутая со стороны прилегающей къ спинѣ, формы усѣченнаго конуса, широкимъ отверстіемъ сверху), съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ, съ крюкомъ въ правой, и начинаютъ рыться въ кучкѣ. Все что кажется ему пригоднымъ и подходящимъ, тряпье, бумажки, веревочки, кости и пр., онъ, съ необыкновеннымъ проворствомъ и лов-

остью, поддѣляетъ крюкомъ и перекидываетъ черезъ плечо въ корзину. Каждая кучка задерживаетъ тряпичника не болѣе минуты. Глазъ его удивительно наметанъ; пять-шесть даровъ крюка, и „сливки сняты“ съ помойной кучки. Смѣло можно поручиться что, въ большей части случаевъ, остающееся рѣшительно недостойно вниманія аристократа тряпичника,—аристократа, потому что шиффоньеры производящіе первую сортировку изображаютъ нѣчто въ родѣ прививаемаго элемента своей корпораціи, это мастаки, шевронисты мусора и помоевъ, съ положеніемъ и „связями“. Эти оперируютъ обыкновенно „парами“: *онъ* и *она*. *Она* его подруга. Разумѣется церковь и мерія не играютъ ни малѣйшей роли въ этихъ ультра-гражданскихъ бракахъ.

Вторая операція производится новичками тряпичниками, ли „особняками“, то-есть субъектами держащимися, по какому-нибудь причинамъ или по собственному влеченію, въ торгѣ отъ корпораціи. Эти выступаютъ на сцену часамъ въ четыремъ утра, и тоже роются въ кучкахъ, подбирая что могло случайно ускользнуть отъ зоркаго ока предшественниковъ, или же чѣмъ пренебрегли послѣдніе.

Затѣмъ является муниципальная телега на которую сваливаютъ остатки кучекъ. Соръ сметается въ *ruisseau* *, пускаютъ воды, и послѣдніе остатки нечистотъ уносятся въ гочныя трубы.

Утренній туалетъ города оконченъ.

Каждый вечеръ армія шиффоньеровъ обоюго пола собирается у заставы ожидая минуты когда ее влустятъ въ городъ. Странное зрѣлище представляютъ улицы идущія отъ заставъ къ городу когда по нимъ проносится смрадный леонъ. Издали вы видите множество быстро приближающихся огоньковъ. До васъ начинается долетать вестройный гулъ. Ближе, ближе. Гулъ превращается въ толотъ и говоръ; огоньки и превращаются въ фонари; изъ темноты выдѣляются черныя фигуры; васъ обдаетъ зловоніемъ.... Мимо валитъ безбразная арава. Шиффоньеры и шиффоньерки, по три, по четыре въ рядъ, движутся скорымъ шагомъ, переваливаясь горбясь по привычкѣ. Корзины за спиною, крюки на плечѣ; фонари болтаются низко, чуть не касаясь земли.

* Углубленіе по обѣимъ сторонамъ улицы у тротуара, для стока воды.

Ни визгу, ни лиску, ни лѣтушковыхъ криковъ, ни мяуканья, ни возгласовъ, раздающихся во всякой парижской толпѣ. Шумаго, живаго говору, и того нѣтъ. Отрывистая рѣчь скороговоркой, нелечатная брань, краткая но внушительная, да изрѣдка сильный надтреснутый хохоть, — вотъ все что слышно.

Не долго движется такъ это фантастическое шествіе. Ряды шиффоньеровъ рѣдѣютъ; небольшія кучки безпрестанно отдѣляются отъ главной колонны и исчезаютъ въ боковыхъ улицахъ, и вскорѣ вся тряпичная армія разсыплется по городу.

Что это за народъ? Откуда они являются? Тянутъ они эту лямку всю свою жизнь, или случайно погрязли въ помояхъ? Сами ли пошли въ эту тину, или были засосаны въ нее судьбою?

Народъ это всякій, принадлежавшій ко всѣмъ классамъ общества, даже къ самымъ высшимъ. Попадались между ними и бывшіе воспитанники Политехнической Школы, и бывшіе студенты, и графы, и маркизы.

Прошлое такихъ шиффоньеровъ болѣе или менѣе сходно между собою: распутная, разнузданная жизнь, конечное раззоренье, отсутствіе рѣшимости и силы воли привагаться за трудъ, начать новую жизнь, или, въ противномъ случаѣ, порѣшить съ собою; лянство съ горя и отчаянія, безпробудное лянство; затѣмъ, конечное паденіе, олуцченность, нищета, лохмотья, шатаніе безъ крова, голодъ, холодъ.... Тутъ шиффоньерскій крюкъ является якоремъ спасенія.

Прошлое другихъ шиффоньеровъ скромнѣе: спившіеся съ круга или выгнанные отовсюду за дурное поведеніе работники, кучера, гарсоны, мастеровые.

Есть много шиффоньеровъ по наслѣдству, промышленницкихъ тряпичничествомъ изъ рода въ родъ, отцы, дѣды и прадѣды которыхъ были „рыцарями крюка“.

Есть между ними бѣглые каторжники и субъекты скрывающіеся отъ полиціи, и люди бѣжавшіе общества по какому-либо причинамъ.

Есть лѣнтяи, которымъ нравится валяться на боку двадцать часовъ въ сутки, хоть бы то было въ немыслимой грязи.

Встрѣчались просто циники, вооружившіеся логическимъ крюкомъ такъ, просто, изъ любви къ искусству.

Попадались мизантропы добровольно погрязшіе въ помояхъ, въ надеждѣ потопить гложущую ихъ тоску.

Не перечтешь.

Прошлое шиффоньерокъ однообразнѣе; это почти все ветераки проституціи, слившіяся съ круга или не сумѣвшія пристроиться на старость.

Словомъ, въ массѣ, это подонки общества, осадки скопляющіеся въ одномъ мѣстѣ, гнилые, прокаженные соки стекающіеся въ одну яму, подобно тому какъ городскія нечистоты стекаются въ центральный сточный резервуаръ.

Странное дѣло! Шиффоньеры очень хладнокровные политики и не мѣшаются обыкновенно въ революціонныя движенія. Въ этомъ отношеніи они составляютъ рѣзкую противоположность съ другими общественными протестантами и вообще людьми живущими не въ ладахъ съ обществомъ. Утверждаютъ что само ремесло располагаетъ къ философіи! Развѣ только къ Диогеновой. Тутъ скорѣе другое: народъ это себѣ на-умѣ, опытный, бывалый, понимающій что никакая политическая революція не передѣляетъ его социальнаго положенія. Доказательство тому коммуна—соціалистскій миражъ—нашедшая въ нихъ ревностныхъ сектаторовъ. То была блестящая эпоха для шиффоньеровъ. Многіе изъ нихъ заняли видныя мѣста, другіе очутились штабъ- и оберъ-офицерами и гордо разгуливали по Парижу въ расшитыхъ мундирахъ и ботфортахъ; нѣкоторые лопали даже въ генералы.... Увы! гдѣ это время? Генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и сановники лежатъ теперь въ сырой землѣ, томятся въ заточеніи, или полираютъ негостепримную почву Новой Каледоніи.

Мнѣ удалось услышать на *Butte-aux-Cailles* поэтическій отголосокъ того времени: пѣсню сложенную по подругѣ разстрѣлянной версальскими войсками при взятіи Парижа. Я записалъ это непереваемое произведеніе дикой поэзіи. Вотъ оно:

J'la rencontre un joir par hasard;
C'était du temps que les communards
Dans Paris commettaient tant d'meurtres...

A Montmeurtre!...

J'lui plus d'abord parc'que j'avais
Un physico qui lui r'venait,
Et sur la tête un bonnet de marte!

A Montmarte!...

Elle n'était pas joli', du tout,
 Mais tout d'même elle était d'mon goût...
 Elle avait contracté des dartres
 A Montmartre!...

Elle fut pris! par les Versailleux....
 C'est ell' même qui commanda l'feu!
 Allons donc prendre une absinthe verte
 A Montmerte!...

Depuis qu'on l'y a crevé l'oeur,
 Sur sa tombe on va j'ter des fleurs,
 Car on l'y a bâti un tertre
 A Montmerte!...

Но надо это слышать слѣтвое туземцемъ, хриплымъ, натреснутымъ голосомъ, то исполненнымъ ядовитой пропито дивизма, то этого непередаваемого *air canaille* присущаго парижскому подкаретному люду. И вдругъ, какъ лучъ солнечный мелькнувшій среди мрака, раздается теплая, душевная нотка и голосъ глухо-болѣзненно вибрируетъ при словахъ:

Allons donc prendre une absinthe verte....

За два дня моего пребыванія на горкѣ я свелъ нѣсколько знакомствъ. Между ними позвольте мнѣ представить вамъ гражданина Гальяра.

Гальяръ шикарный шиффонеръ. Шикарный! не примите это слово въ прямомъ смыслѣ. Гальяръ шикаръ по своему: шалку носить онъ круто на бекрень, крюкомъ маневрируетъ съ какимъ-то особеннымъ захватствомъ, корзину носить какъ кожанъ, на бокъ. Словомъ онъ шиффроньеръ съ градомъ.

Теперь мнѣ надо оговориться. Я хочу сфотографировать вамъ типичную фигуру Гальяра и невольно призадумываюсь предъ этою операціей, призадумываюсь боясь обвиненія въ излишнемъ реализмѣ, въ погонѣ за отвратительнымъ.

Усилить красокъ я не стану, но и не вижу причинъ смягчить ихъ. Вы хотите шиффонера,—вотъ онъ вамъ, сросованный вѣрно, такой какъ есть.

Гальяръ идеально грязенъ; грязенъ какъ черви колошаціеся въ помойныхъ ямахъ. Первобытный цвѣтъ его блузы и штановъ опредѣлить теперь нѣтъ возможности, была

и они синіе, бѣлые, сѣрые, рѣшать не берусь; за одно огу поручиться, — что лѣтъ за десять, кромѣ дождя, другой стирки этому платью не было. На всклоченной головной растительности, таинственныя дебри которой обрѣются въ дѣвственномъ состояніи, покоится сочная, жирная фуражка безъ козырька, смятая блиномъ. Носъ Гальяра мѣнчателевъ и страшень. Первобытную форму его опредѣлить также невозможно; теперь это сизо-сѣро-багровый мягкій, корявый наростъ, съѣхавшій книзу, изъ двухъ отверстій котораго выбиваются внаружу два лука волосъ сливающихся въ усы. Черная съ рыжиной борода лѣплится жирными вычками къ губамъ и подбородку. Маленькіе впалые глаза изъ рѣсницъ, горячіе какъ два угля подъ густо нависшими стигматистыми бровями набитыми соромъ. Умолчу о его пальцахъ, потому что оконечности ихъ быть — можетъ отвратительнѣе всего остальнаго. На ногахъ нѣчто въ родѣ стоптанныхъ туфель на босую ногу. Вообще нижняго бѣлья не полагается. Цвѣтъ лица неизвѣстный, столько на немъ наносныхъ наслоевъ.

Этотъ почтенный шиффоньеръ согласился быть моимъ чиревомъ. Благодаря ему я видѣлъ возвращеніе смраданаго леона съ жатвы, то-есть изъ города. Возвратъ происходитъ по одиночкѣ или маленькими группами. Сперва появляются «ары» и «аристократы», снявшіе первыя «сливки». Они слѣзаютъ въ свои лачуги чтобы разсортировать ночную поживу. Сортировка эта производится въ единственной комнатѣ составляющей жильѣ шиффоньерской семьи; сочащаяся корзина опрокидывается на полъ и вся семья колается въ навозной кучѣ.

За парами и аристократами тянется простой плебсъ, домъствующійся объѣдками. У этихъ нѣтъ корзины и крышки; мѣшокъ замѣняетъ корзину, руки — крышку.

Возвратъ начинается съ шести часовъ утра. Улицы труобы представляютъ въ это время самое бойкое зрѣлище. Въ дверяхъ лачугъ появляются дѣти, беременныя подружки вообще людъ остававшійся дома.

Что за тилы, что за картины!

Нѣсколько женщинъ сидятъ кучкой и внимательно роются другъ у друга въ головахъ; дѣти барахтаются въ канавкахъ копошатся въ грязи; мальчишки лѣтъ десяти курятъ въ

коротенькихъ трубочкахъ (*brule-gueule*) сушеную траву вмѣсто табака. Тамъ и сямъ производится „сортировка“ на чистомъ воздухѣ; нѣсколько шиффоньеровъ свалили рядомъ кучки дабы усладить операцію пріятною бесѣдой. Бесѣда заключается почти исключительно въ нелечатныхъ ругательствахъ которыми сортировщики угощаютъ другъ друга. Дѣвушки сидятъ на корточкахъ въ продранныхъ платьяхъ съ обнаженной грудью. По улицѣ бредетъ старуха въ ломотяхъ; на плечахъ ея красуется въ видѣ шали засаленный мѣшокъ. Другая, ужаснаго вида, сгорбленная, съезжившаяся, съ крошечною лысою головою, съ лицомъ утратившимъ человѣческое подобіе, продаетъ стружки въ мѣшкѣ. У двери сидитъ на землѣ горбунья неизвѣстныхъ лѣтъ; лицо грязно-коричневаго цвѣта, вмѣсто глазъ воспаленныя щелки, крошечный хвостикъ волосъ торчитъ на маковкѣ, какъ у Китайца, одѣяніе ея—невообразимо засаленныя влажныя ломотья. У ногъ играютъ двое дѣтей, третьяго она кормитъ грудью. Она мать! Я невольно содрогнулся.

—Послѣдніе два здѣсь доживаемъ, говоритъ мнѣ Гальяръ,—выживаютъ.... Тѣсно имъ стало въ Парижѣ! А мѣсто наше, насиженное съ искони....

Вернувшись съ жатвы и локочивъ съ сортировкой, шиффоньеры и шиффоньерки отправляются, куда слѣдуетъ, пропустить „утренникъ“, то-есть нѣсколько рюмокъ водки. Нѣкоторые ловыскательнѣе предпочитаютъ убогатвориться литромъ другимъ *petit bleu* *, зарядившись предварительно, чтобы положить основу, водкою. Затѣмъ, на „второмъ взводѣ“ или совершенно пьяные, они заваливаются на боковую.

Вся семья спитъ обыкновенно въ ловакку: мужъ, жена, дѣти, все это валается вмѣстѣ на вонючей соломѣ прикрытой засаленною дерюгою. Тутъ же стоитъ навозная корыта, сохнетъ навозное ляно въ томъ мѣстѣ гдѣ производится сортировка; въ углу глиняный кувшинъ съ водою, исключительно предназначенной для литья. Столъ, стулъ или скамейка.

И между тѣмъ многіе изъ шиффоньеровъ пропиваютъ до двухъ-трехъ франковъ въ сутки. Это нищета ужасная и ужасающая, отвратительная и отвращающая, распутная, не

* Виногоградное вино низшаго сорта.

могущая внушить самому сердобольному сердцу ничего кромѣ мерзевія. Это порокъ въ лохмотьяхъ.

Во время оно, шиффоньеры собирались для оргій въ кабъ *Le Pot Blanc*. Я уже не засталъ этой диковинки, о которой много слышалъ, но зато видѣлъ нынѣшній ихъ сборный пунктъ, *Nectard de Bacu*, или не придерживаясь ореографіи вывѣски *Nectard de Bacchus*.

Съ улицы его не видно. Въ глубинѣ грязнѣйшаго трехпольнаго двора, заваленнаго всякою мерзостью, заставляемаго шиффоньерскими корзинами и ручными телѣжками, поитъ грязный домишко съ мезониномъ. Нижній этажъ углубленъ аршина на полтора ниже уровня земли. Въ этомъ подвалѣ и помѣщается заведеніе гдѣ счастливые смертные могутъ, какъ общается вывѣска, отвѣдать нектаръ Вакха. У двери вьется тощая виноградная лоза; по бокамъ висятъ кроличьи шкуры. И то и другое красуется вѣроятно чтобы ютребители не сомнѣвались въ томъ что имъ подвозятъ настоящее вино и настоящихъ кроликовъ. Внутри такъ темно что въ первую минуту, пока глазъ не привыкнетъ, нельзя ничего различить. Большая низкая комната; по бокамъ заляпанные, загаженные столы и скамейки; въ глубинѣ прилавокъ. Вечеромъ это освѣщается маленькими сальными свѣчами, дающими больше колоты чѣмъ свѣта.

Здѣсь царствуетъ американскій обычай раздѣленія половъ. Шиффоньерки имѣютъ свою „залу“, гдѣ онѣ могутъ ссоститься и драться сколько душѣ угодно, не мѣшая мужчинамъ. Мальяръ увѣряетъ что дня не проходитъ безъ того чтобы въ „дамской залѣ“ не произошло генеральной потасовки съ волосною расправою, послѣ обычнаго подпитія.

Мнѣ показали одну старуху проходившую въ „дамскую“. Маленькая, худая, будто вся изсохшая, съжеванная, съ лицомъ сморщеннымъ какъ печеное яблоко, съ вывороченными вѣками, безъ бровей и рѣсницъ, съ подѣхавшимъ къ носу подбородкомъ; безъ дѣтъ — Маеусалъ въ юлкѣ; на головѣ гармій клѣтчатый, красный съ желтымъ, платокъ, на плечахъ шѣдоваго цвѣта бурнусъ.

Вотъ что мнѣ про нее рассказали.

Каждый вечеръ, къ обѣденному времени, она является въ кабъ, садится и спрашиваетъ *ordinaire* (обыкновенный ѣздъ состоящій изъ порціи бульйона и одного блюда. Бульйонъ подается въ сосудѣ похожемъ на наши полоскательныя

чашки. Стоить это все четыре су). Едва предъ нею поставленъ бульйонъ какъ она начинаетъ поминутно кричать безжащимъ голосомъ: *U-a-t-il du café bien chaud?* * За все время ѣды, она не перестаетъ разговаривать съ собою, шмыкая беззубыми деснами, покачивая головою, подергивая плечами, какъ будто бы ее тормозили сзади. Выливъ свой кофе съ коньякомъ, старуха съ добрые четверть часа остается неподвижна, какъ бы въ раздумьи, съ закрытыми глазами. Затѣмъ она вырывается вдругъ изъ забытья, начинаетъ суетливо шарить въ карманѣ и вытаскиваетъ нѣсколько су.

— Давайте мнѣ еще „бѣлаго“ (*blanc*) на два су. Слышите! звизгиваетъ она.

„Бѣлое“ — мѣстная водка; ужасный напитокъ выдѣланный Богъ вѣсть изъ чего.

Старуха залпомъ опоражниваетъ стаканчикъ и послѣмъ утирается ладьюю. Тутъ ее начинаетъ корчить: ротъ сворачивается на сторону, она щуритъ глаза, плачетъ, кривляется, высовываетъ языкъ и строитъ такія рожи — выражается Гальяръ — *comme une bigote qui aurait avalé le diable avec sa fourche* **. Когда припадокъ проходитъ, старуха начинаетъ болтать безъ умолка и сообщаетъ слушателямъ всѣ подробности и слезки околотка.

Эта сцена повторяется каждый Божій день.

Что за женщина эта старуха? Откуда завесла ее судьба въ эту труппу? не спрашивайте. Не спрашивайте у меня ничего даже о Гальярѣ, моемъ услужливомъ чичерове. Попробовалъ я было завести рѣчь съ этими людьми о прошломъ, но съ первыхъ же словъ понималъ что то будетъ лишь потерянное время. Кромѣ умышленной лжи, да самого наглаго вранья, ничего не услышишь. Не въ два дня можно проручить этотъ людъ.

Въ *Nectard de Vasci* обыкновенно обѣдаетъ и кутитъ аристократическій элементъ почтенной корпорации. Раздѣленіе половъ не всегда соблюдается. Отъ времени до времени шиффоньеры устраиваютъ банкеты на которыхъ появляется и прекрасный полъ. Эти пиршества происходятъ обыкновенно

* Есть ли горячій кофе?

** Какъ ханжа проглотившая чорта съ вилами.

послѣ нѣсколькихъ удачныхъ жатвъ или случайныхъ ловивъ. Пирующіе, изобильно заласшись нектаромъ Вакха, запираются въ отдѣльной залѣ на всю ночь, и смрадная стѣна кабака остаются единственными и нѣмыми свидѣтелями безобразій этой оргіи прокаженныхъ.

Но довольно. Останавливаюсь. Слишкомъ долго быть-можетъ держалъ я васъ въ этой смрадной атмосферѣ; она вамъ претитъ, вы хотите отвернуться отъ гнусныхъ сценъ.

Выйдемъ же на чистый воздухъ; но не забывайте того что видѣли въ этомъ омутѣ. Не въ одномъ Парижѣ онъ есть, — всякое общественное тѣло даетъ осадокъ.

Не забывайте того что у этихъ демоновъ рождаются неплохія дѣти, способныя на все хорошее, могуція стать полезными членами общества.

Не забывайте что рука вырвавшая ребенка изъ такой среды, спасаетъ погибающаго.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

ПОЪЗДКА ВЪ БУХАРУ

(ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДНЕВНИКА)

I

Въ концѣ 1873 года, бухарскимъ эмиромъ Сеидъ-Музаффаръ-Эддиномъ было отправлено въ С.-Петербургъ посольство, которое только къ маю 1874 года возвратилось въ городъ Ташкентъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Бухару. Посѣщеніе столицы Россійской Имперіи, милостивый приемъ котораго они удостоились, произвели сильное впечатлѣніе на дикихъ Бухарцевъ. По собственнымъ ихъ словамъ, они насмотрѣлись въ С.-Петербургѣ такихъ чудесъ какихъ себѣ и вообразить трудно. Эта похвала европейской образованности болѣе заслуживала удивленія что она была изъ немощныхъ которыя средне-Азіатцы позволили себѣ провозглашать открыто и безъ всякой сдержанности. Вообще этотъ фактъ знаменателенъ что до сихъ поръ никогда никакой деятель Средней Азіи не осмѣливался восхищаться ничѣмъ что только не принадлежало къ мусульманскому міру, подъ страхомъ общаго презрѣнія и тяжелыхъ наказаній, которыя обыкновенно охлаждались неумѣренные восторги каждаго

мусульманина рискнувшего найти что-нибудь хорошее въ европейской образованности *.

Означенное посольство везло отъ Государя Императора къ эмиру многочисленныя подарки. По прибытіи его въ Ташкентъ, для оказанія ему почета, было поручено мнѣ сопровождать его до Бухары; кромѣ того я долженъ былъ передать Сеидъ-Музаффару поклоны и дружескія пожеланія туркестанскаго генераль-губернатора и генераль-лейтенанта Коллаковскаго.

Не скажу чтобъ извѣстіе о моемъ назначеніи пріятно подействовало на посланника. Онъ боялся попасть въ немилость у своего властителя за то что привезъ съ собой кяфира **. Смущеніе свое Абдуль-Кадыръ-бій (посланникъ) не смогъ скрыть, несмотря на всѣ приторныя любезности которыми послѣдшилъ меня осыпать при первомъ нашемъ знакомствѣ. Зная непостоянный и жестокій характеръ своего повелителя, онъ былъ особенно озабоченъ тѣмъ какъ я буду принять въ Бухарѣ и какъ его высокостепенство, эмиръ, отнесется къ его дѣйствіямъ въ С.-Петербургѣ. Мое присутствіе могло его сильно стѣснить.

15го мая, отправивъ впередъ арбы, *** нагруженныя подарками, посылаемыми Государемъ Императоромъ, и вещами, какъ нашими, такъ и бухарскими, я двинулся съ г. Вилькинсомъ (однимъ изъ моихъ спутниковъ) къ Самарканду, чтобъ обезпечить бухарскому посольству безостановочное слѣдованіе къ столицѣ Тимура и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить генераль-майора Абрамова (начальника Заравшанскаго округа) о пріѣздѣ Бухарцевъ.

Переездъ изъ Ташкента въ Самаркандъ былъ совершенно благополучно. Города Чиназъ, Джюзакъ и Самаркандъ, степь Мурзарабатъ, Тамерлановы Ворота и пр. не стану описывать: все это давнымъ-давно извѣстно до мельчайшихъ подробностей, а потому прямо начну свой разказъ съ выѣзда нашего изъ Самарканда.

Въ Самаркандѣ я узналъ что эмиръ Бухарскій находится

* Разительнымъ примѣромъ можетъ служить посольство въ 1869 году Тюрк-Джала, сына эмира: мало удѣлаю отъ этого посольства.

** Кяфиръ—неверный.

*** Арба — телега.

въ городъ Шааръ, а такъ какъ Абдуль-Кадыру и мнѣ требовалось явиться первоначально къ его высокостепенству, то съ общаго согласія и было рѣшено проѣхать черезъ горы на городъ Китабъ и оттуда въ Шааръ. Изъ двухъ путей идущихъ по этому направленію (одинъ въ 72 версты, другой въ 110 верстъ), мы выбрали самый длинный, потому что по кратчайшему, вслѣдствіе крутыхъ горъ его перерывающихся, было бы невозможно благополучно провезти наши арбы (черезъ Кара-Тюбе арбы не ходятъ).

Новизна далекаго путешествія верхомъ, перспектива ближе ознакомиться съ однимъ изъ независимыхъ государствъ Средней Азіи, извѣстнымъ мнѣ только по книгамъ и разсказамъ, наконецъ своеобразная обстановка при которой должно было совершиться путешествіе, все это сильно возбуждало мое любопытство. А Бухарцы нарочно, какъ будто испытывали мое терпѣніе, медлили приготовленіями къ отъѣзду, и, для большей важности, теряли время на пустыя церемоніи.

Наконецъ 20го мая въ 5 часовъ полудни, мы оставили Самаркандъ. На большое пространство растянулся нашъ караванъ; вотъ составъ его: Абдуль-Кадыръ-бій, токсаба,* посланникъ, его два секретаря, мирза ** уракъ *** и мирза Вахабъ, Зіанеддинъ-мирахуръ,**** вздвигшій въ Ташкентъ по приказанію эмира встрѣчать возвращающееся посольство, тридцать бухарскихъ джигитовъ, † я, г. Вилькинсъ, состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ и назначенный меня сопровождать г. Чалышевъ, назначенный мнѣ въ слуги въ качествѣ переводчика Татаринъ мулла-Хайрулла-Юнусовъ, приглашенный мною въ качествѣ частнаго секретаря, наши джигиты, Татаринъ Камалей и Ташкентцы Сеидъ-Али и Уста, десять уральскихъ казаковъ съ урядникомъ, одиннадцать арбъ съ ихъ проводниками и курбашъ †* самаркандскій съ пятью помощниками,

* Токсаба — военный чинъ, равный полковнику.

** Мирза — секретарь.

*** Уракъ — духовный чинъ.

**** Мирахуръ — штабмейстеръ, отъ словъ миръ — начальникъ и ахръ — ясли.

† Джигитъ — молодець; эти люди употребляются для посылокъ, исполняютъ обязанности прислуги и замѣняютъ почтальмоновъ. Джигитами также называются смѣльчаки, духіе наѣздики.

†* Курбашъ — полицейскій чиновникъ.

которые провожали насъ до самой границы и распоряжались угощеніемъ, покуда мы не оставили русскихъ предѣловъ.

Живописную картину представляла изъ себя эта смѣшанная толпа всадниковъ въ европейскихъ и азіатскихъ костюмахъ. Весьма неуклюжіе и неповоротливые какъ пѣшеходы, Бухарцы имѣютъ совершенно другой видъ на лошади. Несмотря на тяжелыя чалмы, длинныя, лестрыя халаты (почти на каждомъ было надѣто ихъ по нѣскольку штукъ), они чрезвычайно ловко сидятъ на своихъ высокихъ сѣдлахъ (у старшихъ лошади были украшены разноцвѣтными шалевыми и парчевыми полонами и бирюзовыми сбруями) и смѣло перескакиваютъ черезъ самыя трудныя препятствія. Лошади, большею частью иноходцы (между ними были и туркменской породы), не уступаютъ своимъ всадникамъ въ ловкости, выносливости и смѣлости. Меня особенно удивлялъ комфортъ которымъ умѣлъ окружать себя Абдуль-Кадыръ-бій во время своихъ странствованій. Въ продолженіе всего путешествія, *челимчи* * подносилъ ему ежеминутно *челимъ*, который онъ курилъ съ большою важною, нисколько не замедляя шага лошади. Обыкновенно челимъ переходилъ изъ рукъ въ руки по старшинству. На опытѣ пришлось мнѣ убѣдиться что куреніе челима, возбуждая мокроту и освѣжая ротъ, значительно способствуетъ перенесенію усталости. Когда наступала часъ для совершенія намаза, немедленно растиался *намазъ-джай*. ** Когда томила жажда, тотчасъ же подносилась свѣжая вода или же холодный чай джигитомъ особо для этого назначеннымъ. На стоянкахъ всегда весьма скоро разбивались узорчатыя палатки, устанавливались навѣсы, раскладывались ковры и подушки и подавались многочисленныя угощенія. При этомъ нельзя было не пожалѣть несчастную прислугу, которая изъ страха нагазанія, несмотря на усталость, принуждена была исполнять галѣйшіе капризы своего избалованнаго и изнѣженнаго господина. ***

* Обязанность челимчи заключается въ раскуриваніи и подаваніи *салима* — родъ каальяма. Бухарцамъ очень нравилось что я находилъ удовольствіе курить ихъ челимъ.

** Намазъ-джаемъ называется коверъ употребляемый во время намаза, то-есть молитвы.

*** На привалахъ Абдуль-Кадыръ всегда переодѣвался и развали-

Проѣхавъ три *таша* * по прелестной холмистой мѣстности, пересѣченной нѣсколькими горными ручейками, мы остановились на ночлегъ въ *кишлакъ* ** Садаганъ, у подножія Джамскихъ горъ. При лунномъ свѣтѣ разбили мы наши палатки на берегу быстрого горнаго ручейка; кони были привязаны къ желѣзнымъ кольямъ, что однако не мѣшало имъ часто отрываться и производить большую суматоху между славшимъ людомъ; и скоро весь караванъ, подкрѣпивъ свои силы туземными яствами, находился уже въ объятіяхъ Морфея. Съ этого мѣста, а потомъ съ каждаго привала, были посылаемы Абдуль-Кадыромъ джигиты къ эмиру съ извѣщеніемъ о нашемъ приближеніи. Первый переездъ, хотя мы и совершили его шагомъ, показался нѣсколько скучнымъ и утомительнымъ; въ послѣдствіи мы свыклись съ такимъ способомъ передвиженія и уже болѣе не чувствовали никакой усталости.

На слѣдующій день (21го мая), проѣхавъ въ сильнѣйшій жаръ по совершенно ровной долинтѣ $3\frac{3}{4}$ таша, мы добрались до кишлака Джамъ, гдѣ въ послѣдній разъ пользовались угощеніемъ на русской почвѣ. Здѣсь мы распростились съ курбашемъ, который вернулся въ Самаркандъ. Недалеко отъ кишлака, на маленькой возвышенности, мы увидѣли развалины стараго Джамскаго укрѣпленія. Отсюда подъ вечеръ мы успѣли сдѣлать еще два таша чрезъ Шахрисабзскія горы, по узенькой дорожкѣ, до кишлака Кызыль-Кутанъ, находящагося уже въ бухарскихъ владѣніяхъ, гдѣ и остановились ночевать, такъ какъ далѣе, вслѣдствіе темной ночи и высокихъ горъ, было очень трудно и опасно ѣхать, особенно тяжело нагруженнымъ арбамъ нашимъ. Съ этого дня всѣ

валяса на подушкахъ, причемъ джигиты обязаны были растирать его утомленное тѣло.

* Бухарскій *ташь* (ташь—камень) равняется восьми верстамъ. Отмѣриваютъ его слѣдующимъ образомъ: обыкновенно его дѣлаютъ во время путешествій эмира, джигитъ ведетъ его лошадь и считаетъ шаги. Отсчитавъ 12.000 шаговъ, онъ останавливается, произноситъ „ташь“ и кладетъ на то мѣсто большой камень. Затѣмъ уже идетъ отъ другой джигитъ и т. д.

** Кишлакъ—зимовка, деревня, вообще какое-нибудь поселеніе неукрѣпленное; отъ словъ *кишъ*—зима, *лакъ*, или *лакъ*—окончательное означющее мѣсто, способъ, средство, размѣръ.

полеченія обо мнѣ и моихъ слугахъ Бухарцы взяли на себя, что и исполнили съ большимъ услѣхомъ, обставивъ насъ самымъ изысканнымъ восточнымъ комфортомъ, какой только можно себѣ вообразить въ странѣ мало образованной. На этомъ ночлегѣ посланникъ предоставилъ намъ свою палатку, въ которой буквально все свободное пространство было заставлено блюдами съ разными кушаньями.

Хотя переѣздъ отъ Кызыль-Кутана до кишлака Акъ-Бугая всего въ четыре таша, онъ у насъ однако занялъ очень много времени по причинѣ крутыхъ и длинныхъ подъёмовъ на горы и такихъ же спусковъ. Дорога, весьма живописная, шла то большими пропастями и оврагами, то чрезъ узкія ущелья; поминутно приходилось переѣзжать быстрые горные ручейки, а самое худшее было переправляться чрезъ большія пространства густо устланныя острыми камнями. Всѣ эти прелестія было довольно трудно преодолѣть арбамъ, для которыхъ проложенная тропинка была слишкомъ узка; а потому, принужденныя вѣхать по склонамъ горъ, онѣ подвергались на каждомъ шагу опасности опрокинуться. Съ большимъ трудомъ и только съ помощью многихъ рукъ (насилу принуждались къ этому всѣ встрѣчавшіеся туземцы) могли онѣ быть благополучно вытаскиваемы на горы и спускаемы внизъ. Придавая важное значеніе поклажѣ, которою онѣ были нагружены, Абдуль-Кадыръ очень добросовѣстно заботился объ ихъ безопасности. Частыя депутаціи отъ разныхъ кишлаковъ выѣзжали къ Абдуль-Кадыру на встрѣчу съ поздравленіями, причемъ встрѣчавшіе послѣднимъ слѣзали съ лошадей, подобострастно подбѣгали къ посланнику и цѣловали его руки; эти задержки отнимали у насъ очень много времени.

На подорогѣ до Акъ-Бугая, у кишлака Гюль-Хаме, мы были встрѣчены младшимъ сыномъ Китабскаго бека (Абдуль-Гафаръ-илака) *, Абдурахманъ-бекомъ-курчи **, который послѣ дружественнаго рукопожатія объявилъ мнѣ: „какъ онъ доволенъ и счастливъ даннымъ ему порученіемъ встрѣ-

* Илакъ — значить саужаціи въ свитѣ, чинъ придворный. Нѣкоторые мнѣ объясняли будто этимъ названіемъ обозначается довѣренное лицо, близкій совѣтникъ, и будто этотъ чинъ посаѣ атамыка одинъ изъ важнѣйшихъ.

** Курчи — караульщикъ размѣется чину поручика.

тить меня, поздравить съ благополучнымъ вѣздомъ въ бухарскія владѣнія, выразить чувства искренней дружбы, которую Бухарцы питаютъ къ Русскимъ и, провожая насъ до города Китаба, оказывать мнѣ гостепріимство.“ На это я отвѣтилъ: „что я съ своей стороны также считаю себя счастливымъ вступить при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ на бухарскую почву, гдѣ вижу на каждомъ шагу доказательства дружбы Бухары къ ея могучему сосѣду, что я весьма радъ случаю познакомиться съ нимъ и выразить ему мою глубокую благодарность за оказываемый мнѣ приемъ: надѣюсь что наше знакомство этимъ не ограничится, и наконецъ, что съ нетерпѣніемъ буду ожидать дня когда буду имѣть честь представиться его высокостепенству.“ Молодого бека сопровождало болѣе пятидесяти всадниковъ, всѣ въ нарядныхъ, разноцвѣтныхъ халатахъ.

Въ кущахъ Акъ-Бугаѣ насъ помѣстили въ узбекскія, весьма уютныя и красивыя, юрты, устланныя коврами, куда, тотчасъ по нашемъ прибытіи, цѣлымъ эскадрономъ слугъ, почти на пятидесяти блюдахъ, былъ принесенъ роскошный *дастарханъ* *, состоявшій изъ фруктовъ, печеній, сластей и разныхъ произведеній бухарской кухни. Послѣ короткаго отдыха, такъ какъ ожидали моего разрѣшенія, я далъ знакъ къ подъему. **

22го мая день былъ облачный, что въ лѣтнее время въ этихъ странахъ рѣдко случается; дулъ сильный вѣтеръ, утренняя жара нѣсколько страшный жаръ, который мучилъ насъ въ продолженіи всего путешествія. Опять пришлось преодолѣвать трудности, перебираясь черезъ горы. Особенно утомилъ насъ проходъ черезъ ущелье Макритъ-Тау *** (или Калканъ-Агачъ). **** Только въ узкихъ долинахъ, оврагахъ и ущельяхъ видѣлись деревья, да склоны нѣкоторыхъ горъ были покрыты очень плохо обработанными полями; большую же часть пейзажа занимали высокія горы, представлявшія изъ себя груды наваленныхъ камней, всевозможныхъ цвѣ-

* Дастарханъ — скатерть. Этимъ словомъ обыкновенно называется угощеніе.

** Меня Бухарцы называли калянъ-заде, т.е. сынъ великаго сановника, почему и удостоивали самыхъ высокихъ почестей.

*** Тау—гора.

**** Калканъ-Агачъ, т.е. оторванное дерево.

товъ. Сѣдлавъ около трехъ ташей, мы очутились въ кишлакъ Макритъ, расположенномъ въ длинной и узкой долинь, окаймленной съ двухъ сторонъ горами. Насъ ждала масса народа (все Узбеки); угощенія уже были приготовлены, — несмотря на ихъ приторность мы принуждены были къ нимъ приступить, чтобы не обидѣть нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Здѣсь на нашихъ глазахъ разыгралась мелодраматическая сцена, о которой не могу умолчать, такъ какъ она весьма рельефно можетъ выставить на какой низкой ступени нравственнаго развитія стоитъ Бухарскій народъ. Когда нужны были вспомогательныя лошади для втаскиванія нашихъ арбъ на горы, то таковыя обыкновенно требовались отъ жителей. Одинъ Узбекъ, однако, отказался отъ этой неожиданной повинности; его рѣшили немедленно наказать за такое непослушаніе. Его замѣтили сидящимъ въ толпѣ, которая окружала нашу юрту. Абдуррахманъ-бекъ-курчи первый бросился на него и сталъ жестокомъ образомъ бить его когайкою. Это послужило сигналомъ: въ одну секунду все поднялось на ноги и кинулось на несчастнаго; даже тѣ которые за нѣсколько минутъ сидѣли рядомъ и дружески разговаривали съ нимъ. Сильно избитый, Узбекъ былъ повѣшенъ за локти на деревѣ и провисѣлъ въ такомъ отчаянномъ положеніи около четверти часа. Но этимъ не удовольствовались; къ нему подошелъ узбекскій аксакаль * и началъ его отвязывать, чтобы, какъ я узналъ позже, подвергнуть новымъ, еще худшимъ истязаніямъ. Узбекъ ждалъ только благопріятной минуты: когда его развязали, онъ внезапно, сбросивъ халатъ (за который его держали), устремился къ довольно высокой оградѣ, сѣдлавъ отчаянной скачокъ черезъ нее и мгновенно скрылся, благодаря своей быстротѣ, отъ слѣдившей за нимъ погони. Послѣ этого любопытно было видѣть ярость молодаго бека, который долженъ былъ сознаться что жертва избѣгла его жестокости.

Проѣхавъ еще немного по горамъ, мы наконецъ оставили ихъ и нашимъ глазамъ представилась великолѣпная картина: на далекое пространство разстилалась громадная Шахрисябская долина, совершенно оправдывающая свое названіе, — „зеле-

---

* Аксакаль — старшина, почетное лицо; отъ словъ акъ — бѣлый, акаль — борода.

ный городъ". Вся долина покрыта сплошною массою зелени (сады и поля), на которой темными пятнами обозначались города и кшлаки и свѣтлыми полосками изгибались ручейки и рѣчки. Вдали возвышалась башня Акъ-Сарая, * постройка Тамерлановскихъ временъ.

II.

Одолѣвъ еще два таша, мы вечеромъ добрались до Улусъ-кшлака, гдѣ и остановились, за восемь верстъ отъ города Китаба, для ночлега въ нарочно для насъ отведенномъ домѣ, съ большимъ садомъ. Населеніе этого большого кшлака очень привѣтливо отнеслось къ нашему прїѣзду. На слѣдующій день мы должны были вѣхать въ городъ, такъ какъ вечеромъ (отъ 9 до 10 часовъ), послѣ намаза хуфтана, послѣдней молитвы, ворота затворяются и въ городъ никого не впускаютъ.

Не обращая никакого вниманія на нашу усталость и почти насильно вынудивъ наше согласіе (мы отказывались сперва, но принуждены были согласиться, такъ какъ намъ внушили что отказъ очень обидитъ хозяевъ), послѣ неизбежнаго дастархана, Бухарцы устроили на небольшой эспланадѣ, подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ сальныхъ свѣчей, баземъ. ** Музыка загремѣла, нѣсколько мальчиковъ начали пляску, раздались пѣсни подъ аккомпаниментъ дутары. ** Съ трудомъ удалось намъ уговорить прекратить это увеселеніе и дать намъ необходимый отдыхъ.

23го мая, въ шесть часовъ утра, едва мы успѣли одѣться какъ явился Абдуль-Кадыръ предупредить насъ чтобы мы готовились встрѣтить двухъ посланныхъ отъ эмира сановниковъ. При этомъ посланникъ предложилъ свои услуги всегда и вездѣ содѣйствовать своими совѣтами: какъ слѣдуетъ дѣйствовать

* Акъ-Сарай — дворецъ въ гор. Шаарѣ.

** Баземъ — увеселеніе съ музыкой и танцами.

*** Дутара — двухструнная гитара.

при извѣстныхъ церемоніяхъ чтобы не нарушить мѣстныхъ обычаевъ. Я не замедлилъ отблагодарить его за вниманіе и предупредительность, но къ совѣтамъ его все-таки рѣдко прибѣгалъ и то только для формы, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ бухарскими нравами и обычаями, что приводило Бухарцевъ очень часто въ немалый восторгъ. Съ великою важною, облаченные въ парчевые халаты, явились эмирскіе сановники: Джалиль-бій токсаба и Ирпазаръ-удайчи.* Привѣтствовавъ меня отъ имени эмира и пожелавъ всего хорошаго (на что я отвѣчалъ въ томъ же духѣ), они предложили мнѣ поѣхать прямо во дворецъ, гдѣ меня желаетъ встрѣтить владѣтельный бекъ Абдуль-Гафаръ-бекъ-инакъ.

При большомъ стеченіи народа мы поѣхали многочисленною кавалькадой: курбаши, съ палками въ рукахъ чтобы разгонять народъ, впереди, Абдуль-Кадыръ-бій, за нимъ эмирскіе посланники, потомъ я, мои слутники, джигиты, казаки въ два ряда и бухарская свита. Предъ дворцомъ стояли сарбазы** (въ красныхъ мундирахъ) и толчи*** (въ зеленыхъ мундирахъ), съ распущенными знаменами, шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги. Когда мы показались, музыка заиграла тушь и послышалась русская команда „на караулъ“, довольно отчетливо произнесенная. По отдачѣ чести, мы были влущены во дворецъ, гдѣ вышелъ на встрѣчу Китабскій бекъ, очень видный и весьма почтенной наружности старикъ, съ большою свитою сановниковъ. Бекъ привѣтствовалъ меня отъ имени эмира въ весьма дружельюбныхъ выраженіяхъ; между прочимъ говорилъ какъ ему пріятно принимать сына одного изъ важныхъ русскихъ сановниковъ. Послѣ продолжительнаго разговора, предметомъ котораго были отношенія дружбы и согласія установившіяся между Россіей и Бухарой, былъ подавъ дастарханъ гигантскихъ размѣровъ для меня и для всѣхъ меня сопровождавшихъ. Затѣмъ были мнѣ подарены лошадь съ полною сбруей, халаты и куски матерій. Соотвѣствующими по старшинству подарками были также надѣлены и всѣ мои слутники безъ исключенія. Обы-

* Удайчи придворный чинъ.

** Сарбазы—солдаты. Этимъ именемъ обозначается регулярная пѣхота.

*** Толчи—артиллеристы.

чай одаривать при всякомъ удобномъ случаѣ очень распространень въ Бухарѣ,—отказъ считается оскорбленіемъ.

Такъ какъ эмиръ долженъ былъ скоро пріѣхать въ Китабъ (какъ мнѣ сказали, онъ слѣшилъ со мною познакомиться), то мы не могли остановиться во дворцѣ, который сперва намъ предназначался, а потому съ тѣми же церемоніями, какъ пріѣхали, были отведены на помѣщеніе въ частный домъ, гдѣ и расположились: я со слутниками своими на одномъ дворѣ, а Абдуль-Кадырь-біи—на другомъ, съ своимъ съ нашими. * О насъ заботиться въ продолженіи всего нашего пребыванія въ Китабѣ было поручено Абдурахманъ-беку-курчи и Абдузаигъ-мирахуру (ученый, почтенный старикъ, всегда дружески къ намъ относившійся), которые приложили всѣ старанія чтобы предупредить наши желанія и чтобы мы ни въ чемъ не нуждались, и исполняли это самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Едва мы успѣли переоблачиться въ домашній костюмъ, халаты намъ подаренные (что очень понравилось Бухарцамъ), какъ уже пришли мальчики-танцоры и начался баземъ: намъ совершенно не хотѣли дать времени вздохнуть и опомниться, только и думали какъ бы развлекать насъ. Но такъ какъ бухарскія увеселенія не блещутъ особеннымъ разнообразіемъ и такъ какъ всѣмъ въ Бухарѣ наслаждаются до пресыщенія, то все это скоро обратилось въ Демьянову уху.

Утромъ 24го мая послышалась вдали военная музыка, которую скоро заглушили частые пушечные выстрѣлы и крики народа (впрочемъ вынужденные лалками курбашей): это встрѣчали эмира. Вскорѣ затѣмъ явился къ намъ отъ влстителя Бухары посланный чтобъ узнать о здоровьи и пожелать всего хорошаго. Посланный между прочимъ выразился что эмиръ былъ такъ доволенъ узнавъ о нашемъ пріѣздѣ что тотчасъ послѣшилъ изъ Шаара въ Китабъ и былъ готовъ отъ радости „выскочить изъ своей рубашки чтобы насъ скорѣе увидѣть“. Я отвѣтилъ что высоко цѣню эту честь и прошу передать его высокостепенству покорѣннѣшую просьбу: ежедневно сообщать мнѣ извѣстія о его здоровьи и

---

* Вслѣдствіе сильныхъ жаровъ мы не могли ночевать въ комнатахъ, очень маленькихъ и низкихъ, почему большую часть времени проводили на воздухѣ подъ навѣсомъ или же въ палаткахъ.

благополучіи, чѣмъ премного меня обяжутъ; кромѣ того просилъ передать мою искреннюю благодарность за оказываемый пріемъ.

Въ одно время со мною въ Китабѣ находились: посланный отъ генерала Абрамова (котораго Бухарцы однако не допустили ко мнѣ) и посланникъ отъ кабульскаго владѣтеля, Ширъ-Али-хана. Послѣдній сопровождалъ эмира во всѣхъ его путешествіяхъ.

Здѣсь не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Бухары къ Афганистану и къ Россіи.

Отношенія Бухары, или вѣрнѣе сказать эмира Бухарскаго, къ Афганистану и къ Россіи часто мѣняются и вполне зависятъ отъ того какая сторона наиболѣе угрожаетъ; къ той и примыкаетъ Музаффаръ. Было бы весьма ошибочно ислагаться на него: онъ во всякое время готовъ превратиться въ преданнаго друга или же въ заклятаго врага. Такая шаткость въ политикѣ естественно вытекаетъ изъ самого положенія дѣлъ. Дѣйствительно, побывавъ въ Бухарѣ, легко можно убѣдиться на какомъ непрочно основаніи зиждется власть эмира и его отношенія къ сосѣдямъ. Благодаря своему жестокому и неправильному управленію, Сеидъ-Музаффару нельзя разчитывать на сочувствіе и преданность своихъ подданныхъ, что конечно заставляеть его вѣчно находиться въ опасеніяхъ; никогда онъ не въ состояніи отвѣчать за безопасность своей власти, своихъ богатствъ и даже воей жизни. Покуда подданные его будутъ апатично выносить гнетущій ихъ деспотизмъ, владычество эмира еще возможно, но онъ погибъ безвозвратно, если только страхъ разбѣтается. Не имѣя твердой почвы подъ собою въ своихъ владѣніяхъ, эмиръ и не думаетъ разчитывать на поддержку своихъ сосѣдей. Поэтому ему приходится вѣчно прибѣгать къ интригамъ, обману и хитростямъ, и лавировать между претензіями и опасностями которыя его окружаютъ. Чужія инліяніе сильнѣе, къ тому склоняются и его симпатіи.

Недоброжелательство и непріязненность къ намъ Афганцевъ вно уже извѣстны. Вѣроятно подзадориваемые Англичанами, Афганцы неуклонно стремятся возстановить противъ насъ тира Бухарскаго и побудить его къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Свои настойчивыя требованія они подѣлляютъ разными угрозами; не испытывъ еще силы рус-

скаго оружія, они полагаются на храбрость своего войска (впрочемъ довольно хорошо организованнаго) и постоянно лугаютъ эмира тѣмъ что если онъ откажется къ нимъ присоединиться, то они вторгнутся въ его предѣлы. Бывшіе при мнѣ въ Бухарѣ Авганцы нѣсколько разъ высказывали это муллѣ Юнусову (ошибочно принимая его за Бухарца и не подозревая что онъ мой спутникъ) и прибавляли: „наши войска всегда побѣдятъ Русскихъ“. Трусливый Музаффаръ частенько былъ готовъ уступить ихъ требованіямъ и согласиться объявить себя врагомъ Россіи. Такъ, еще недавно, во время Хивинской экспедиціи, по совѣту Авганцевъ, эмиръ хотѣлъ наотрѣзъ отказать въ присылкѣ выступившему въ походъ нашему отряду необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ онъ поставилъ бы нашихъ воиновъ въ безвыходное положеніе. Кромѣ того онъ намѣревался пропустить чрезъ свои владѣнія авганскія войска, съ которыми могъ бы сдѣлать нападеніе на Самаркандъ. Но проживающій въ Бухарѣ Татаринъ Каратаевъ и главнѣйшіе кулцы бухарскіе пришли къ своему властителю, упросили его оставаться въ мирѣ съ Россіей и указали ему оласность въ какую подобныя дѣйствія могутъ вовлечь его самого и все государство. Эти доводы осилили нерѣшительность эмира, и Авганцы возвратились къ себѣ ничего не добившись.

Каждый годъ авганское посольство является въ Бухару съ новыми предложеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ съ новыми угрозами. Я засталъ такое посольство сопровождавшее эмира во всѣхъ его поѣздкахъ; но и въ этотъ разъ Авганцамъ не повезло. Они пріѣхали, какъ я узналъ, снова настаивать на пропускѣ своихъ войскъ чрезъ бухарскія владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ старались отклонить эмира отъ блистательныхъ пріемовъ которые онъ мнѣ устраивалъ. Но и эти замыслы не удалось. Музаффаръ былъ очень доволенъ честью оказанною ему Бѣлымъ Царемъ, а потому и рѣшился, какъ кажется, прямо объявить себя другомъ Россіи. Вслѣдствіе этого Авганцы были приняты очень холодно: они не допускались къ аудіенціямъ, содержаніе и подарки давались имъ скудные, разтѣзжать по городамъ имъ было запрещено и масса пліоновъ слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ.

Повидимому въ настоящее время эмиръ Бухарскій образумился и понялъ насколько необходима и полезна ему дружба

Россіи, прибѣгая къ которой онъ можетъ упрочить свое положеніе, почему и старается теперь всѣми средствами доказать намъ свое расположеніе и преданность. Искренни ли его намѣренія и будетъ ли онъ вѣренъ этой политикѣ, трудно рѣшить.

Кушбегіи и Куратаевъ, стоящіе во главѣ русской партіи, очень много способствовали къ возвращенію Музаффаръ на истинный путь. Большинство бухарскаго населенія дружески расположено къ Россіи, даже многіе сановники не скрываютъ своего къ намъ сочувствія; въ этомъ я лично убѣдился. Такъ начальникъ войскъ города Кермине, Кара-Бекъ-Ишомъ-Баши, провожая меня откровенно высказалъ мнѣ свой образъ мыслей: по его мнѣнію Бухара не можетъ долго продержаться въ независимомъ состояніи и непремѣнно, рано или поздно, будетъ присоединена къ Россіи; присоединеніе это будетъ радостно всѣмъ, и подъ охраною и благодѣтельнымъ покровительствомъ Россіи Бухарцы увидятъ наконецъ счастливые дни. То же самое я слышалъ и отъ многихъ другихъ лицъ.

Вернусь теперь къ своему разказу. Наконецъ явился Абдулъ-Кадыръ-бій, только-что представившійся * эмиру, вполне веселый, счастливый и довольный. Страхъ и опасенія его разсѣялись; Музаффаръ-Эддинъ очень милостиво его принялъ, всѣмъ очень интересовался и выказалъ большое удовольствіе при видѣ подарковъ присланныхъ ему Государемъ Императоромъ и поднесенныхъ ему посланникомъ.

Начиная съ этого дня къ намъ одинъ за другимъ стали являться Бухарцы, ** такъ что почти каждую минуту кто-нибудь да сидѣлъ у насъ; многіе приходили изъ любопытства, а отчасти изъ желанія что-нибудь о насъ разузнать. Въ особенности мирза Вахабъ, второй секретарь Абдулъ-Кадыра, котораго обязанность была шпионить за нами. Каждое наше слово, каждое движеніе записывались имъ и вносились въ его ежедневные о насъ доклады, подаваемые сперва посланнику, а потомъ самому владѣтелю.

Вечеромъ была намъ оказана особенная, впрочемъ довольно

* Представленіе эмиру называется саямомъ, то-есть идти на поклонъ.

** Въ томъ числѣ много большыхъ за совѣтами.

странная, почесты: эмиръ прислалъ въ полное наше распоряженіе, на все время нашего пребыванія въ Китабѣ, своихъ придворныхъ мальчиковъ-танцоровъ, главнаго *маскарабаза*, * *ходжа-джевачи* ** и музыкантовъ. Устроился баземъ при свѣтѣ китайскихъ фонарей нами привезенныхъ, которые привели въ восторгъ Бухарцевъ.

Съ этого времени въ каждомъ кишлакѣ, въ каждомъ городѣ, гдѣ мы только останавливались, ежедневно по вечерамъ, къ несчастію очень часто и днемъ, являлись нась развлекать: танцоры, музыканты, маскарабазы, *найранбазы* *** и др. Танцы мало разнообразны, они пантомимую стараются изображать любовь, или же танцующіе выказываютъ въ прыжкахъ и круженіи свою ловкость и быстроту. Иногда они переодеваются женщинами и такъ удачно что ихъ трудно узнать. Маскарабазы представляютъ смѣшныя сцены, но большею частію неприличнаго содержанія. Музыканты разыгрываютъ народныя пѣсни (пныя весьма мелодичны), которыя поются со страшными выкрикиваніями; когда же они бьютъ въ бубны, то производятъ это съ сильнѣйшимъ, оглушающимъ шумомъ (бывало по девяти бубенщиковъ). **** Приважденностью всякаго базема были курбаши съ своими палками, которые сдерживали толпы зѣвакъ въ почтительномъ отдаленіи и соблюдали между ними порядокъ, безпощадно колотя палками по головамъ непослушныхъ. Мои старанія чтобъ эти увеселенія (которыя скоро надобно и опротивѣли) устраивались рѣже, остались напрасными. Пришлось покориться необходимости и терпѣливо, лежа на коврахъ, испи-

* Маскарабазъ—значить шутъ, отъ слова маскара—шутка и базъ—игра.

** Джевачи—чинаъ военный, адъютантъ. Люди этого чина употребляются для разныхъ порученій. На обязанности ходжа-джевачи было сообщать эмиру всевозможныя сплетки.

*** Найранбазъ — фокусникъ, отъ словъ найранъ — обольщеніе, хитрость, обманъ и базъ — игра.

**** Инструменты бухарскіе слѣдующіе: дутара—двухструнная гитара, ситара — трехструнная, сурмай — флейта, цизакъ — въ родѣ скрипки, кобызъ — скрипка съ волосяными струнами, кармай — каарнетъ, най (камышъ) — дудочка, тыбаль — барабанъ, чирменда — бубель, давыль — маленькій барабанъ, въ который обыкновенно бьютъ ночные сторожа, и пр.

вать чашу до дна. Было же это необходимо потому что все до мельчайшихъ подробностей доносилось эмиру, которому, какъ намъ объяснили, нашъ отказъ былъ бы крайне неприятенъ. Желая чѣмъ-нибудь ему угодить и вмѣстѣ съ тѣмъ отблагодарить за его гостепріимство, поневолѣ нужно было терпѣть. Кромѣ того наши уши сильно страдали отъ шума производимаго военною музыкою, которая ежедневно, въ присутствіи эмира, соблюдя извѣстныя церемоніи, разыгрывала зарю во время намаза дигара.*

III.

25го мая мы отправились въ мундирахъ представляться эмиру. Еще по выѣздѣ изъ Самарканда Абдуль - Кадыръ приставалъ ко мнѣ и даже требовалъ чтобъ я ему отдалъ для передачи эмиру письмо которое я везъ отъ генерала Колпаковского; но я ему отказывалъ наотрѣзъ (потому что письмо это могло служить мнѣ рекомендаціей). Теперь же, предъ отъѣздомъ во дворецъ, онъ возобновилъ свои просьбы и старался всевозможными хитростями выманить у меня письмо. Я ему опять объявилъ что самъ переманю его. Тогда онъ сказалъ что у нихъ въ обычаѣ передавать эмиру письма и прошенія чрезъ посредствующее лицо, что я, отказавъ ему въ просьбѣ, нарушу этотъ обычай. Видя бесполезность дальнѣйшаго спора въ вопросѣ не представлявшемъ особенной важности, я предложилъ Абдуль-Кадыру слѣдующій компромисъ, на который онъ согласился: когда будетъ время отдавать письмо, то я при эмирѣ переманю его Абдуль-Кадыру съ просьбою отдать его Сеидь-Мурффару. Вѣроятно посланникъ хотѣлъ особенно прислужиться своему властителю.

Нашъ переѣздъ ко дворцу совершился съ тѣми же церемоніями, какъ и при въѣздѣ въ городъ, разница была только въ численности участвовавшихъ: теперь было гораздо болѣе съ сопровождавшихъ насъ такъ и солдатъ разставленныхъ палерами.** Входъ во дворецъ былъ совершенно заставленъ

Всѣхъ намазовъ пять: утренній на зарѣ, въ полдень, за часъ заката солнца — дигаръ, послѣ заката солнца и по наступленіи раннихъ сумерекъ.

У входа во дворецъ стояли двѣ пушки, а рядомъ съ ними татасы и кареты, видно для большаго парада.

придворными и различнымъ чиновнымъ людемъ. Все ходило съ трелетомъ на цыпочкахъ и говорило шелотомъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ, послѣ частаго бѣгання Абдуль-Кадыра къ эмиру и обратно, намъ было наконецъ объявлено что его высокостепенство желаетъ насъ видѣть. Меня было подхватили два *удайчи* лодъ руки, чтобы вести въ парадные апартаменты, но я отказался отъ ихъ помощи, сказавъ что могу идти одинъ; для соблюденія же церемоніальнмъ осталось только показывать видъ будто они меня поддерживаютъ. За то мои спутники, гг. Вилькинсъ и Чапышевъ, были почти внесены. Абдуль-Кадыръ пошелъ съ нами чтобы представить насъ.

Сеидъ-Музаффаръ-Эддинъ принялъ насъ въ очень большой и высокой комнатѣ; деревянный потолокъ ея былъ раскрашенъ разнообразными пестрыми узорами; стѣны были покрыты довольно изящною лѣпною работою, со вѣзанными въ нихъ шкафиками (безъ дверей впрочемъ) всевозможныхъ величинъ и размѣровъ; но лучшимъ украшеніемъ комнаты были отличные ковры, сплошь покрывавшіе полъ. Еще далеко на лѣстницѣ, откуда едва можно было видѣть его высокостепенство, намъ подшелнули сдѣлать поклонъ, который мы и исполнили по-европейски. Сопровождавшіе насъ Абдуль-Кадыръ и *удайчи*, прижимая руки къ животу, начали совершать частыя пригибанія и присѣданія (трудно найти подходящее слово для выраженія ихъ поклоновъ: они какъ-то особенно сгибались пополамъ). Затѣмъ насъ повелъ уже одинъ Абдуль-Кадыръ, не прекращая присѣданій. У двери въ залу, гдѣ сидѣлъ эмиръ, мы сдѣлали другой поклонъ и наконецъ третій предъ самымъ его высокостепенствомъ. Тогда посланникъ исчезъ. Пожавъ намъ всѣмъ троимъ руки по старшинству, Музаффаръ знакомыми руками пригласилъ насъ сѣсть. Не видя вокругъ себя ни одного сѣдалища, мы принуждены были олуститься на коверъ сѣсть по-бухарски, то-есть поджавъ ноги подъ себя. Первые минуты, которыя мы провели въ молчаніи, я воспоминался чтобы подробно разсмотрѣть властителя Бухары главу мусульманства въ Средней Азіи. Небольшаго роста чрезмѣрно толстый, онъ сидѣлъ въ простомъ шелковомъ халатѣ, безъ особыхъ признаковъ величія, на шелковыхъ подушкахъ. Несмотря на начервенные волосы, бороду и брови, несмотря на раскрашенные глаза и щеки, все въ немъ об-

чало человека истощившаго силы свои на плотскія удовольствія. Можетъ-быть когда-то и очень красивый, онъ теперь (ему 56 лѣтъ) имѣлъ видъ весьма непріятный. Медленно и очень тихимъ голосомъ (онъ задыхался отъ тучности), онъ привѣтствовалъ меня съ благополучнымъ привѣдомъ, прибавивъ что до моего отъѣзда я могу считать себя какъ дома въ его владѣніяхъ, ѣздить куда хочу и видѣть что только пожелаю. Потомъ онъ освѣдомился о здоровьи и благополучіи Государя Императора, всего Императорскаго Дома, начальника Туркестанскаго края, генерала Коллаковскаго и вообще всѣхъ высшихъ русскихъ сановниковъ. На это я отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Высокостепенный эмиръ! Господинъ начальникъ края и генералъ Коллаковскій поручили мнѣ передать вамъ ихъ искреннія поздравленія съ оказанною вашему посольству Государемъ Императоромъ честью и искреннія пожеланія всякаго благополучія, а также выразить чувства дружбы и пріязни которыя они питаютъ къ вамъ. Къ этому я осмѣливаюсь присоединить и свои пожеланія и поздравленія. Осчастливленнымъ считаю себя даннымъ мнѣ порученіемъ, такъ какъ это дало мнѣ случай удостоиться большой чести быть представленнымъ вашему высокостепенству. По вѣздѣ моему въ бухарскія владѣнія счастье и радость меня не покидали, повсюду видѣлъ я радушный пріемъ и на дѣлѣ могъ убѣдиться въ крѣпости союза и дружбы между Россіей и Бухарой. Каждый благомыслящій человекъ долженъ молить Бога чтобы всегда такъ продолжалось. Благодарю ваше высокостепенство за гостепріимство и почести оказываемыя мнѣ вашими подданными. Еще долгомъ своимъ считаю вамъ выразить какъ я благодаренъ почетному Китабскому беку, его сыну и другимъ за ихъ старанія обратить мое пребываніе въ бухарскихъ владѣніяхъ въ цѣлый рядъ праздниковъ. Все это за непрѣмную обязанность почту сообщить пославшимъ меня и моему начальству въ Петербургъ. Навѣрное эти вѣсти всѣхъ порадуютъ и еще болѣе послужатъ къ укрѣпленію дружескихъ отношеній двухъ сосѣднихъ государствъ.“

Моя рѣчь ему понравилась и успокоила его. Поблагодаривъ меня, онъ началъ увѣрять въ дружбѣ которую питаетъ къ Россіи. Затѣмъ говорилъ г. Вилькинсъ, что очень удивило эмира, такъ какъ въ Бухарѣ не принято чтобы младшій говорилъ при старшемъ, не испросивъ у послѣдняго

на то разрѣшенія. Повторивъ поздравленія, мой спутникъ выразилъ просьбу о содѣйствіи ему для изученія шелководства, какъ оно производится въ Бухарѣ, на что и получилъ полное разрѣшеніе. *

Когда эмиръ сдѣлалъ знакъ что кончаетъ аудіенцію я передалъ ему письмо отъ генерала Коллаковскаго черезъ посредство Абдула-Кадыра, который, вдругъ, точно выросъ изъ лодь земли, явился предъ нами. Послѣ новаго пожатія рукъ и новыхъ троекратныхъ поклоновъ, мы вышли, отступая лицомъ къ Музаффару. Насъ тотчасъ окружила толпа царедворцевъ и осыпала поздравленіями съ милостивымъ приемомъ.

Всѣ мои джигиты и казаки также были представлены эмиру, только съ тою разницею что они свой поклонъ совершили вслѣдствіицѣ, дальше ихъ не пустили, и привѣтствіе за нихъ прокричали удайчи по установленной формѣ. **

Потомъ всѣхъ насъ одѣлили халатами и кусками шелковыхъ матерій, а мнѣ и гг. Вилькинсу и Чалышеву были подарены лошади подъ парчевыми полонами и съ бирюзовыми сбруями. (Мнѣ были подарены двѣ лошади, халатъ съ плечъ эмира и его собственный поясъ.) Когда стали отъ насъ требовать чтобы мы надѣли халаты и въ нихъ отправились по городу, какъ прежде ошибочно дѣлали всѣ Русскіе вѣздившіе въ Бухару, то я рѣшительно отказался это исполнить и согласился только на одну уступку. Объяснивъ Бухарцамъ что на свой мундиръ не имѣю права надѣвать другой (у Бухарцевъ халатъ имѣетъ значеніе мундира), я только накинулъ халатъ и, пройдя немного по двору, у выхода немедленно снялъ его. Мои спутники сдѣлали то же.

Дома опять цѣлый эскадромъ *махремовъ*, *** принесъ намъ

* Г. Вилькинсъ состоитъ при школѣ шелководства, которую Министертво Государственныхъ Имуществъ учредило въ Ташкентѣ съ цѣлью распространенія правильнаго шелководства и разведенія хорошихъ шелковичныхъ червей въ Туркестанскомъ краѣ.

** „Худа Хазрети амирли Музаффаръ макуръ кысумъ.“ То-естъ да сдѣлаетъ Богъ эмира могущественнымъ, побѣдоноснымъ. Въ этомъ фразѣ есть своего рода колизмъ: музаффаръ значитъ побѣжденный. Не зная хорошо арабскаго языка, Бухарцы думаютъ что слово это значитъ побѣдоносный.

*** Махремъ—сауга приближенный, Махрембашу—начальникъ присауги.

обильный дастарханъ, только уже съ кухни Музаффара—одна изъ самыхъ большихъ почестей.

Съ этого дня Абдуль-Кадыръ по нѣскольку разъ въ день сталъ ходить къ эмиру. Потому я узналъ слѣдующее: онъ попалъ въ милость къ своему владѣтелю, приобрѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла, словомъ, сдѣлался временщикомъ, убѣдивъ своего повелителя что онъ необходимый въ управленіи государствомъ челоѣкъ. Начавъ козни противъ всѣхъ кто только старался ближе сойтись съ эмиромъ (это отозвалось и на насъ въ послѣдствіи), онъ сумѣлъ отстранить всѣхъ вліятельныхъ людей и дѣйствовалъ вообще такъ что рѣдко кому удавалось помимо его добраться до Сеидъ-Музаффара.

Не стану распространяться объ увеселеніяхъ, которыя были каждый день тѣ же, и вообще о нашемъ препровожденіи времени, не блиставшимъ особымъ разнообразіемъ; во избѣжаніе повтореній, упомяну только объ отдѣльныхъ случаяхъ которыми иногда нарушалось однообразіе нашей жизни.

Каждый день стали приходять разныя подозрительныя лица, оказавшіяся потомъ шпионами, но такъ какъ я всегда держался насторожѣ, то имъ было невозможно узнать что-нибудь.

Утромъ 26го мая насъ разбудилъ страшный шумъ — это была военная музыка; проходили полки сарбазовъ и предъ нашимъ домомъ отдавали намъ военные почести. ** Войска (около двухъ тысячъ челоѣкъ) шли на поклонъ къ эмиру мимо насъ и мнѣ удалось такимъ образомъ подробно разсмотрѣть бухарскихъ сарбазовъ (о нихъ буду говорить послѣ). Въ этотъ день г. Вилькинсъ поѣхалъ дѣлать наблюденія надъ производствомъ шелка и выводкою червей, а я въ сопровожденіи казаковъ и двухъ курбашей отправился осматривать городъ. Высокая, большая стѣна, съ многочисленными башнями по угламъ, окаймляетъ городъ Китабъ. Другая стѣна, въ центрѣ города, окружаетъ дворецъ владѣтельнаго бека. Имъ по себѣ городъ не великъ и не имѣетъ почти никакихъ историческихъ памятниковъ. По серединѣ его находится не-ольшой базаръ. Долина предъ городомъ покрыта многочисленными кшлаками, садами и полями (рисовыя преобладаютъ). * Эту долину пересѣкаютъ съ одной стороны рѣка

Эта церемонія происходила въ послѣдствіи каждый день.

* Рисовыя поля доаго бывають совершенно затоплены водою, отъ распространяется сырость, причиняющая трудно-излѣчимыя орадки.

Акъ-Дарья, * съ другой—Китабъ-Дарья. Во время прогулки я посѣтилъ бухарскій лагерь, имѣвшій весьма плачевный видъ. Солдаты съ готовностью отдавали мнѣ честь. Хотя сопровождавшимъ меня курбашамъ и было поручено строго слѣдить за мною, однако они очень любезно отвѣчали на всѣ мои разспросы.

28го мая Бухарцы начали меня допрашивать когда я намѣренъ двинуться дальше. Этотъ вопросъ они повторяли почти до послѣдней минуты моего отъѣзда и постоянно получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Когда угодно будетъ его высокостепенству“. Все это было дѣломъ Абдуль-Кадыра, который старался скорѣе отправить насъ далѣе чтобы отнять всякую возможность имѣть свиданія съ эмиромъ. И въ то же время этотъ ловкій Бухарецъ увѣрялъ меня что если бы не служба, онъ все время проводилъ бы съ нами для исполненія нашихъ малѣйшихъ желаній.

Въ Бухарѣ всякое дѣло совершается медленно, послѣ длинныхъ переговоровъ, съ подходами и хитростями. Все другъ отъ друга скрываютъ, всѣ другъ друга боятся, другъ за другомъ шпионятъ; поэтому въ барышахъ только умѣющие интриговать, имъ и покровительствуетъ эмиръ; истинно же хорошіе люди всегда находятъ въ тѣни, или пользуются тайною славой и уваженіемъ, или же невинно погибаютъ жертвою навѣтовъ злыхъ завистниковъ.

30го мая по всему городу раздались пронзительные и востройные крики *азанчей*, ** созывавшихъ правоверныхъ къ совершенію намаза-джума. Намазъ-джума исполняется каждую пятницу (какъ мнѣ сказали, въ память вѣзда Магомета въ Медину). При громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи всѣхъ войскъ, эмиръ со всѣми своими сановниками совершилъ этотъ намазъ, послѣ котораго пропустилъ мимо себя всѣ полки церемоніальнымъ маршемъ, что представило весьма любопытное и комическое зрѣлище. Неловко, не въ ногу, неровными рядами, каждый держа свое ружье по собственному усмотрѣнію, подъ оглушительные звуки какого то страннаго бухарскаго марша, прошли жалкіе сарбазы скорѣе походившіе на толпу шутовъ, очень мало походившіе на военныхъ. Смотря на войско бухарское и на его во-

* Акъ—бѣлая, Дарья—рѣка.

** Азанчи — духовныя лица, созывающія магометанъ на молитву. Ихъ также называютъ муэдзинами.

оружіе, легко убѣждаешься въ справедливости словъ Каратаева, который совѣтовалъ эмиру распустить войска и оставить при себѣ для забавы только два, три баталіона, такъ какъ бухарскіе воины не могутъ принести никакой пользы, а требуютъ большихъ издержекъ. Слова эти совершенно справедливы: не говоря уже про отсутствіе дисциплины, солдаты не имѣютъ ни одного изъ тѣхъ качествъ которыя требуются отъ военныхъ; между тѣмъ содержаніе ихъ ложится тяжелымъ налогомъ на народъ. Регулярной кавалеріи нѣтъ, иррегулярная же собирается только во время войны. Артиллерія есть, но ее намѣрены уничтожить по негодности. Пушки теперь плавятся и понемногу обращаются въ монеты, такъ что уже съ трудомъ можно считать въ Бухарѣ какихъ-нибудь сто орудій. Настоящее войско составляетъ только пѣхота, сарбазы, которая почти вся набрана изъ Персіянъ-невольниковъ (ихъ болѣе десяти тысячъ человекъ въ войскахъ). Простые солдаты одѣты въ красныя и синія куртки, офицеры въ бѣлыя кафтаны и въ халаты. Вооруженіе весьма разнообразное и въ самомъ жалкомъ положеніи: кремневая ружья безъ кремней, ударныя безъ курковъ, другія же такія что при первомъ выстрѣлѣ разрываются.

Если есть полки и въ нихъ какой-то намекъ на порядокъ и дисциплину, если есть полковая музыка, команда по-русски, если наконецъ солдаты бухарскіе хотя нѣсколько похожи на воиновъ, то всѣмъ этимъ Бухара обязана сибирскому казаку, Алексію Яковлеву. Полавъ по своей олошности въ неволю къ Бухарцамъ, этотъ казакъ употребилъ первыя усилія свои на то чтобъ освободиться отъ рабства: объявилъ эмиру что нисколько не намѣренъ бѣжать, и что, если только примутъ его услуги по устройству войскъ, то нѣ сдѣлаетъ все чтобы быть полезнымъ. Сеидъ-Музаффаръ огласился на его предложеніе, переименовалъ его въ Осмаа, и вскорѣ, убѣдившись въ искренности его намѣреній, поучилъ ему начальство надъ своею арміей, возведя его въ остоинство бека. Осмаа-бекъ немедленно принялся за нововведенія. Онъ научилъ Бухарцевъ дѣлать порядочный полкъ, лить пушки, хотя и плохія, исправлять ружья, образовалъ полки, которые одѣвъ въ одинаковые мундиръ, ввелъ русскую команду и полковую музыку. Кончилъ же Осмаа-бекъ и многіе другіе, насильственной смертью. Нашлись

завистники которые повели противъ него интригу, къ фальшивому документу (письму въ которомъ онъ будто подговаривалъ противъ эмира) приложили его печать; эмиръ повѣрилъ и Османъ былъ задушенъ. Войско бухарское не опасно; когда оно идетъ на войну, то обыкновенно еще до приближенія непріятеля разстрѣливаются всѣ патроны (на каждаго солдата выдается по тридцати штукъ) съ цѣлю устрашить врага, такъ что, когда непріятель въ виду, имъ уже нечѣмъ стрѣлять. Если первый напоръ неудаченъ, то немедленно всѣ поворачиваютъ спину и бѣгутъ; только наемные Афганцы умѣютъ стойко умирать и сражаются довольно храбро. Чтобы разбѣжавшееся войско собрать, употребляютъ очень оригинальный способъ: всякому прибѣжавшему къ мѣсту сбора невредимымъ и не раненымъ дарятъ халатъ (иначе невозможно собрать храброе воинство). Раненые же ничего не получаютъ,—имъ ставятъ въ вину зачѣмъ допустили себя ранить. Пораженіе обыкновенно стоить жизни главнокомандующему: непременно заподозрять въ измѣнѣ и безъ суда казнять.

IV.

Утомленные выжидательнымъ положеніемъ (насъ все держали въ неизвѣстности насчетъ отъѣзда), 2го іюня мы съ удовольствіемъ услышали отъ Абдуль-Кадыра извѣстіе что черезъ полтора часа непременно должны выѣхать изъ Китаба чтобы не задержать эмира, который вскорѣ за нами желаетъ послѣдовать въ Шааръ. Наскоро приготовившись къ путешествію и одаривъ халатами и другими подарками всѣхъ лицъ которыя были къ намъ приставлены, мы оставили Китабъ.

Разстояніе между двумя главнѣйшими городами Шахрисябзской долины немного болѣе одного таша. Дорога идетъ мимо многочисленныхъ кшлаковъ, по хорошо обработанной мѣстности. На полдорогѣ насъ встрѣтили: племянникъ Шаарскаго бека, Саттаръ-Кули-мирахуръ, начальникъ полиціи, Мурадъ-ханъ-джевачи и ясауль-баши * Мукумъ, съ большою свитою. Съ ними мы и помѣнялись обычными любезностями. У воротъ городскихъ насъ встрѣтилъ карауль-

* Ясауль-баши — помощникъ баталіоннаго командира. Ясауль-капраалъ, баши—начальникъ.

Вѣхавъ на большую площадь, окружавшую цитадель, мы увидѣли толпы народа, смотрѣвшаго на насъ точно на звѣрей. У входа въ цитадель разставленные въ двѣ шеренги сарбазы, при двухъ знаменахъ, и артиллеристы при четырехъ пушкахъ, подъ звуки музыки отдали намъ честь. Въ воротахъ дворца мы были встрѣчены начальникомъ войскъ, Девлетъ-біемъ *, а на дворѣ дворца вышелъ къ намъ престарѣлый (80ти лѣтъ) бекъ, высшій сановникъ, родственникъ эмира по дѣду, Абдуль-Каримъ-диванъ-беги. ** Насъ ввели въ большія залы Акъ-Сарая ***, постройка знаменитаго Тимура. Старикъ бекъ привѣтствовалъ меня довольно странною рѣчью. Послѣ обычныхъ любезностей онъ сказалъ: „Знатные люди легко другъ друга понимаютъ и всегда другъ другу сочувствуютъ, а потому, какъ высшій бухарскій сановникъ, я весьма счастливъ познакомиться и подружиться съ сыномъ извѣстнаго русскаго визиря.“ Замѣтивъ слабость старика, я ему отвѣтилъ что раньше еще слышалъ о его знатности, горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть великаго сановника и что теперь исполненіе моего желанія представится ему наполнило мое сердце счастливымъ и радостнымъ спокойствіемъ. Лестъ моя понравилась беку и побудила его удвоить старанія чтобы перецеголять въ гостепріимствѣ бека Китабскаго (дастарханъ и подарки были въ большихъ размѣрахъ).

Въ Шаарѣ мы были поручены попеченіямъ близкаго родственника владѣтельнаго бека, Абду-Захидъ-мирахура, домъ котораго и былъ отданъ въ полное наше распоряженіе. Въ этотъ же день мы послѣдили осмотрѣть дворецъ. Акъ-Сарай, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже разрушившійся отъ времени, представляетъ во всякомъ случаѣ замѣчательный историческій памятникъ. Такія величественныя постройки нынѣ не воздвигаются болѣе въ Средней Азіи. Высота стѣнъ и башень, разнообразіе и красота эмальированныхъ на стѣнахъ узоровъ, **** прочность и долговѣчность древней мавританской

* Бій—князь, судья, гослюдинъ, генералъ. У Киргизовъ—судья.

** Диванъ-беги — чинъ гражданскій, начальникъ совѣта, дивана. Это названіе дается также лицу заведующему какими-нибудь хозяйственными дѣлами.

*** Одна сторона Акъ-Сарая имѣетъ 60 аршинъ вышины, другая 55 аршинъ.

**** Узоры составлены изъ вѣтвистыхъ въ стѣны разноцвѣтныхъ паразитовъ. Несмотря на время, цвѣта великоцвѣтно сохранились.

архитектуры служатъ неопровержимыми доказательствами прежняго процвѣтанія и богатства Средней Азии. Городъ Шааръ былъ родиной Тимура. Здѣсь онъ однажды на *кок-буре* * сломалъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего и былъ прозванъ Тимуръ-ленгомъ или Тимуръ-аксакомъ, то-есть хромымъ. Объ одной башнѣ Акъ-Сарая сложилось слѣдующее преданіе, которое обыкновенно приводится туземцами въ доказательство какъ преданы были этому эмиру его подданные и какъ они его любили. „Тимуръ очень любилъ сидѣть на вершинѣ этой башни и любоваться великолѣпнымъ видомъ на городъ и его окрестности; однажды, когда онъ тамъ сидѣлъ, ему было подано прошеніе. Вѣтеръ вырвалъ изъ его рукъ бумагу, которая и упала у подножія башни. Тимуръ выразилъ желаніе чтобы прошеніе тотчасъ же было поднято: въ ту же минуту сорокъ приближенныхъ къ нему людей бросились съ вершины башни и всѣ до одного погибли. Пораженный этимъ несчастіемъ, Тимуръ оставилъ башню и болѣе уже не посѣщалъ ее.“

3го іюня пушечные выстрѣлы возвѣстили о пріѣздѣ Сеидъ-Музаффаръ-Эддина.

Въ сопровожденіи многочисленной свиты, мы осматривали городъ, который имѣетъ много интереснаго. Изъ особенно замѣчательныхъ зданій, кромѣ Акъ-Сарая, можно указать нѣсколько мечетей, гробницъ святыхъ, большой крытый, съ каменными сводами базаръ, нѣсколько медресе * и наконецъ большую крѣпость, считающуюся одною изъ самыхъ неприступныхъ въ Бухарѣ.

Въ Шаарѣ особенно рѣзко обозначались происки Абдуль-Кадыра, желавшаго насъ удалить отъ эмира. Между прочимъ многими доброжелателями (въ числѣ которыхъ находился мирза-уракъ) ** было мнѣ сообщено что еще въ Ба-

Мозаика эта невольно поражаетъ своею оригинальностью и изощренностью. Кромѣ этихъ узоровъ стѣны покрыты арабскими надписями, большею частью синяго, чернаго и бѣлаго цвѣта.

* Кокъ-буре—очень опасная скачка, на которой всадники стараются вырвать другъ у друга козла. Побѣдитель всегда пользуется особымъ почетомъ и извѣстностью, какъ лихой наездникъ.

** Медресе — училище.

*** Мирза-Уракъ (второй секретарь посланника), какъ человѣкъ умный, четкій, прямой и хорошо образованный (насколько можетъ быть только образованъ Азіятецъ), рѣзко отличается отъ сво-

табѣ посланникъ старался убѣдить своего повелителя чтобы намъ не устраивали торжественныхъ встрѣчъ и вообще принимали какъ можно проще. Онъ говорилъ эмиру что мы какіе-то проходимцы, не пользующіеся никакимъ значеніемъ, потому и слѣдовало бы обращаться съ нами по-строже. Узнавъ объ этомъ заговорѣ, я попросилъ муллу Юнусова переговорить тайно съ мирзою уракомъ и, подъ видомъ дружбы и преданности, выставить ему что я не гонюсь за подарками и торжественными пріемами и пріѣхалъ только для исполненія даннаго порученія, что самъ я не большого чина, не хочу выставлять себя въ живомъ свѣтѣ и очень хорошо понимаю что въ лицѣ моемъ чувствуется мой отецъ, и наконецъ что если со мною будутъ дурно обходиться и выкажется непріязнь какъ ко мнѣ, такъ и вообще къ Русскимъ, то это можетъ повлечь за собою дурныя послѣдствія, которыя обрушатся не на меня, а на тѣхъ кто будетъ идти противъ меня, такъ какъ я русскій чиновникъ, удостоившійся довѣрія своего начальства; врядъ ли положеніе дѣлъ можетъ улучшиться если я, за зло мнѣ сдѣланное, также буду оплачивать зломъ; по моему мнѣнію имъ гораздо лучше будетъ если они откажутся отъ своихъ напрасныхъ угрозъ и интригъ и останутся со мною въ дружескихъ отношеніяхъ. Я былъ увѣренъ что уракъ передастъ эти слова по принадлежности; такъ и случилось. На другой же день Абдулъ-Кадыръ пришелъ ко мнѣ съ новыми изъявленіями дружбы и преданности. Ему видимо было не ловко.

Здѣсь также какъ и въ Китабѣ насъ постарались окружить многочисленными шпіонами, усилія которыхъ развѣдать что-нибудь остались попрежнему тщетными. Особенно интриговали Бухарцевъ частые развѣзды джигитовъ съ письмами отъ меня въ Самаркандъ и обратно. Однако какъ ни велико было ихъ любопытство, вскрыть письма они лобоялись.

Утромъ 6го іюня какой-то несчастный старикъ въ рубищахъ, прорвавшись сквозь толпу приставленныхъ ко мнѣ прислужниковъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ палатку и сталъ просить о защитѣ. Онъ оказался Узбекомъ и жаловался на то

ихъ соотечественниковъ. Онъ могъ бы принести большую пользу Бухарѣ, но къ несчастію эмиръ не любитъ правдивыя рѣчи, почему и держитъ его въ загоны.

что двѣ его дочери, несмотря на опубликованное запрещеніе продавать невольниковъ, были насильно схвачены и проданы одному богатому Бухарцу, который, не обращая вниманія на рѣшеніе кадіевъ и приказъ эмира, ни за что не хотѣлъ возвратить имъ свободу. Я не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія, почему отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса и послѣдствіемъ импроводить старика, посоветовавъ ему прямо обратиться къ эмиру.

10го іюня мы почти весь день провели въ саду племянника владѣтельнаго бека, Аллааръ-бека-токсабы, который, чтобы намъ угодить, сдѣлалъ все что только было въ его силахъ. Пришлось олять насладиться до пресыщенія музыкой, пѣніемъ, танцами и угощеніями. Это лиричество однако едва не было причиной очень трагическихъ событій. Вернувшись домой, я сильно расхворался (захватилъ шахрисябскую лихорадку) и слегъ въ постель. Болѣзнь моя встревожила всѣхъ, и когда вѣсть о ней достигла до эмира, то послѣдній такъ перелугался,—ему тотчасъ пришла на мысль отъѣзда,—что объявилъ: если мнѣ не будетъ лучше и если со мною случится какое-нибудь несчастіе, то всѣ приставленные ко мнѣ лица, обязанность которыхъ была слѣдить за моею безопасностью, будутъ подвергнуты строжайшему наказанію, первому эта участь угрожала угощавшему насъ Аллааръ-беку.

Утромъ на слѣдующій день (11го іюня) пріѣхали узнать о моемъ здоровьи отъ имени эмира Дурбинъ-бій * и владѣтельный бекъ. Кроме того каждыя четверть часа хозяинъ дома гдѣ мы жили и Абдуль-Кадыръ освѣдомлялись о томъ же. Очень было замѣтно какъ у всѣхъ отлегло отъ сердца и какъ всѣ разомъ повеселѣли когда мнѣ сдѣлалось лучше и я лѣжалъ кататься по городу.

13го іюня пришли Абдуль-Кадыръ и объявилъ что Музаффаръ-Эдинъ желаетъ принять насъ на слѣдующій день и въ доказательство своего дружескаго къ намъ расположенія присылаетъ подарки. Лица которымъ удалось часто видѣть эмира и которыя имѣли у него нѣсколько аудіенцій пользуются въ Бухарѣ большимъ значеніемъ и пріобрѣтаютъ особенныя преимущества. Для меня это было важно, такъ какъ могло быть значительнымъ облегченіемъ въ дѣлѣ собиранія раз-

* Младшій совѣтникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младшій казначей эмира.

ныхъ свѣдѣній, давая доступъ ко многимъ источникамъ которые при другихъ обстоятельствахъ навѣрно были бы закрыты для меня. Однако мое желаніе ближе сойтись съ эмиромъ постоянно встрѣчало противодѣйствіе со стороны Абдуль-Кадыра, ревниваго къ своему вліянію, пріобрѣтенному съ большими оласностями и трудомъ. Борьба эта длилась во время моего пребыванія въ бухарскихъ владѣніяхъ. Съ самаго пріѣзда въ Шааръ, я просилъ передать его высокостепенству что съ нетерпѣніемъ ожидаю удобнаго случая чтобы еще разъ повидаться съ нимъ. Мнѣ обѣщали и въ то же время откладывали мое второе представленіе въ долгій ящикъ. Наконецъ 13го іюня, какъ я уже сказалъ, меня извѣстили о назначенной на слѣдующій день аудіенціи.

Въ день представленія (14го іюня) въ девять часовъ утра, одѣтые въ мундиры, мы ждали, какъ было условлено, Абдуль-Кадара чтобы съ нимъ отправиться во дворецъ. Но посланникъ не являлся. Затянутые въ мундиры, мы должны были прождать до трехъ часовъ, испытывая не малыя мученія отъ удушливаго жара. Нѣсколько разъ я посылалъ сказать бію что мы ждемъ его съ великимъ нетерпѣніемъ и, когда онъ явился наконецъ, далъ ему понять всю неловкость и все неприличіе его обращенія съ нами. Сильно сконфуженный, онъ чувствовалъ свою ошибку и въ безсвязныхъ выраженіяхъ всю вину сваливалъ на эмира, который будто утомившись послѣ тяжелыхъ трудовъ отдыхалъ и никого не впускалъ къ себѣ; конечно все это оказалось выдумкой.

Представленіе обошлось съ обычными церемоніями. Когда я поблагодарилъ эмира за подарки и за расположеніе къ намъ и выразилъ ему какъ я радъ его видѣть въ вождѣльномъ нравіи,—онъ отвѣтилъ что весьма доволенъ нашимъ пребываніемъ въ его владеніяхъ, постарается чаще видѣться со мною, для чего и сократитъ свое пребываніе въ Шааръ и послѣшитъ въ Бухару, гдѣ будетъ въ состояніи еще нѣсколько разъ принять меня.

15го іюня Абдуль-Кадыръ пришелъ намъ объявить что сли мы согласны то можемъ выѣхать изъ Шаара около десяти часовъ полудни, такъ какъ эмиръ вскорѣ за нами ослѣдуетъ, и что ему дозволено насъ сопровождать до голицы ханства. По его сіающему виду, богатому шелковому халату, лочетному килжалу, видѣвшемуся изъ-за

шалеванаго кушака, и по *берату*, * который былъ воткнутъ въ великолѣпную чалму, мы могли замѣтить что онъ удостоился новой милости отъ своего повелителя, съ чѣмъ и послали его поздравить. Музаффаръ-Эддиль за удачную его поѣздку въ С.-Петербургъ произвелъ его въ *датхи*. ** Не имѣя никакаго дѣла въ Шаарѣ, я принялъ съ удовольствіемъ его предложеніе, и въ этотъ же день, когда жаръ началъ спадать, мы снова пустились въ дальнѣйшее странствованіе.

V.

Одаривъ многихъ подарками и распростившись въ Урта-Курганѣ (четыре версты отъ Шаара) съ гостепріимными Шахрисябцами, мы направились къ городу Чиракчи, отстоящему отъ Шаара на четырнадцать верстъ. Дорога все время пролегаетъ по берегу рѣки Кашка-Дарья, по ровной мѣстности, не отличающейся живописностью. Предъ городомъ мы были встрѣчены старшимъ сыномъ Китабскаго владѣтеля съ многочисленною толпою всадниковъ. Произошелъ по прежнимъ примѣрамъ размѣнъ подарковъ.

Городъ Чиракчи стоитъ на возвышенности, на берегу Кашка-Дарьи. Хотя не очень большой, онъ занимаетъ хорошее стратегическое положеніе и представляетъ изъ себя довольно твердый оплотъ противъ всякихъ нападений.

На слѣдующій день, въ сильнѣйшій жаръ, проѣхавъ двѣнадцать верстъ, мы остановились для отдыха въ Чимъ-Курганѣ, мѣстѣ весьма непривлекательномъ, * оправдывающемъ свое названіе (чимъ-курганъ значитъ холмъ покрытый дерномъ, впрочемъ дерна не было видно ни малѣйшихъ слѣдовъ). Даже узбекскія юрты не были въ состояніи достаточно скрыть насъ отъ удушающей жары. Отѣхавъ три таша, мы достигли Чима, когда-то сильной крѣпости, теперь же незначительнаго кшлака. Въ два часа ночи опять были въ дорогѣ и, сдѣлавъ еще нѣсколько ташей, прибыли въ городъ Карши.

* Бератъ — эмирская грамота.

** Датха — военный чинъ, въ родѣ нашего генералъ-майора.

*** На этомъ мѣстѣ всегда останавливается эмиръ во время своихъ путешествій.

Предъ городомъ насъ выѣхали привѣтствовать лица представленные эмиромъ въ качествѣ менторовъ къ его сыну, каршинскому беку, Сеидъ-Акрамъ-хану.

Карши одинъ изъ древнѣйшихъ, — если не самый древнѣй, — городовъ Бухарскихъ владѣній. Вытятая въ себѣ многочисленное населеніе, оныя растянулся на громадное пространство, имѣеть довольно высокія зданія * и обширный, крытый, со сводами, базаръ. Это самый богатый и значительный центръ Бухары. Насъ помѣстили въ домѣ называемомъ посольскимъ, потому что оныя предназначень для пріѣзжающихъ почетныхъ иностранцевъ.

Здѣсь ко мнѣ подошелъ посланный отъ генерала Абрамова Татаринъ и началъ просить моей защиты отъ притѣсненій бухарскихъ властей. Ему было поручено начальникомъ Заравшанскаго округа отыскать трехъ дочерей одной самаркандской жительницы которыя были тайно увезены въ Бухару и проданы въ неволю. Нечаянно проговорившись, оныя навлекъ на себя подозрѣніе Бухарцевъ, которые его продержали пятьдесятъ шесть дней въ Карши въ заключеніи и обращались съ нимъ весьма дурно, несмотря на то что оныя объявлялъ себя русскимъ джигитомъ. Чтобъ его освободить отъ притѣсненій я старался убѣдить Абдуль-Кадыра въ неблаговидности поступка бухарскихъ властей. Послѣ долгихъ усилій, мои настоянія имѣли наконецъ успѣхъ, и оныя былъ отправленъ обратно въ Самаркандъ съ приличными подарками.

18го іюня мы представлялись владѣтельному беку, который вовсе не былъ краснорѣчивъ и ограничился только обычными привѣтствіями, и то подсказанными Абдуль-Кадыромъ. Сеидъ-Акрамъ-ханъ, третій сынъ эмира, хотя еще весьма юный (восемнадцати лѣтъ), уже носилъ признаки бухарской испорченности. Его истомленный видъ, болѣзненная блѣдность, безсвязныя рѣчи ясно свидѣтельствовали о недостаткѣ всякаго нравственнаго и умственнаго развитія. Оныя произвелъ на насъ очень грустное и тяжелое впечатлѣніе. Кромѣ того видно что оныя залуганъ своими совѣтниками, управляющими бекствомъ его именовъ.

19го іюня мы оставили Карши, перѣѣхали по каменному

* Въ Средней Азии только въ старинныхъ городахъ можно увидѣть высокіе дома.

мосту Кашка-Дарью и съ большимъ трудомъ, по очень скверной дорогѣ, постоянно переправляясь черезъ глубокіе и широкіе арыки, добрались до Корсана, большаго кшлака, вѣстнаго своимъ базаромъ. Корсанъ былъ когда-то цвѣтущимъ городомъ, отъ котораго осталась только развалившаяся крѣпость.

На слѣдующій день, одолѣвъ четыре таша, мы остановились въ кшлакѣ Ходжа-Мубарекъ, — также древній городъ, о чемъ свидѣлствуютъ большія развалины. Отсюда Кашка-Дарья направляется на югъ и теряется въ пески. По дорогѣ очень много *сардоба*, крытыхъ колодцевъ, построенныхъ еще знаменитымъ эмиромъ Абдулла-ханомъ, очень заботившимся облегчить путешествія чрезъ безконечныя песчаныя пространства, занимающія всю середину бухарскихъ владѣній.

Ходжа-Мубарекъ расположенъ на краю громадной Каршинской степи, въ которую мы и вѣхали 21го іюня. Оставивъ за собою три таша, мы сдѣлали привалъ у большаго колодца Чули-Какыра.*

Для степныхъ колодцахъ построены сараи, весьма удобные для остановокъ и представляющіе хорошее убѣжище отъ часто дующихъ степныхъ вихрей. Не разъ приходилось съ благодарностью вспоминать объ Абдулла-ханѣ. Безъ этихъ построекъ было бы невозможно переѣзжать степи гдѣ путешественникъ легко можетъ сбиться съ дороги или же быть занесеннымъ пескомъ.

Безконечно въ даль тянутся многочисленныя песчаные холмы, по благоусмотрѣнію вѣтра мѣняющіе свои мѣста. Кое-гдѣ виднѣются мелкіе колючіе кустарники. Рѣдко встрѣчаются лутники; трудно найти дорогу въ этихъ степяхъ; это возможно только привычному глазу, мѣстами иногда торчащіе изъ-подъ песка скелеты указываютъ ея направление. Въ иныхъ мѣстахъ полагается и твердый грунтъ, образующійся отъ многочисленныхъ солончаковъ, сухихъ лѣтомъ и толкихъ осенью.

На одинъ ташъ отъ Какыра отстоитъ другой большой *сардоба*, Бузачи**, гдѣ въ прежнія времена былъ притокъ

* Чули — степь.

** Называлъ этотъ *сардоба* такъ потому что разбойники въ немъ жившіе ошивались бузой. Буза—одуряющій напитокъ, дѣлаемый изъ риса и проса.

разбойниковъ. Послѣ отдыха, въ двѣнадцать часовъ ночи мы пустились далѣе по глубокому песку перемѣшанному со множествомъ камней, которые представляли большія затрудненія нашимъ утомленнымъ лошадямъ. Несмотря на эти прелѣтствія мы употребили менѣе четырехъ часовъ на проѣздъ четырехъ съ половиною ташей; почти все время приходилось ѣхать рысью чтобы не отстать отъ посланника, который опережалъ всѣхъ на своемъ великолѣпномъ иноходцѣ. Наконецъ послѣ долгихъ усилій мы оставили мрачную степь съ ея горячимъ вѣтромъ и жгучимъ пескомъ и ступили на болѣе привлекательную почву. Въѣхавъ на небольшую каменистую гору мы немного остановились чтобы полюбоваться великолѣпною картиною, разомъ раскинувшюся предъ нами. Большое озеро тянулось направо и ярко отражало первые лучи восходящаго солнца. Весело было смотрѣть на разноцвѣтную зелень многочисленныхъ полей и садовъ. А въ дали, окруженные тѣнистыми деревьями, возвышались башни, мечети, медресе и дворцы. Это была знаменитая Бухара—цѣль нашего путешествія. Особенно для насъ это зрѣлище было отрадно послѣ безотрадной степи которую мы только-что ложили.

VI.

Чтобы приготовиться къ торжественному въѣзду въ Бухару, мы должны были сперва остановиться въ маленькомъ кишлакѣ. Здѣсь мы познакомились съ выѣхавшими къ намъ на встрѣчу гремя сыновьями Абдуль-Кадыра. Послѣдній ташъ мы, окруженные многочисленными всадниками, едѣли медленнымъ шагомъ, строго соблюдая бухарскій церемоніаль. Наконецъ мы могли отдохнуть отъ долгаго путешествія, и потому съ не малымъ удовольствіемъ слѣзли съ лошадей и вошли въ диванъ изъ лѣтнихъ, загородныхъ, эмирскихъ дворцовъ, отведенный намъ на все время нашего пребыванія въ Бухарѣ. Загородный дворецъ этотъ называется Тальчой. * Его многочисленные и разнообразные балконы, галереи, маленькія окна, украшенныя рѣзьбой, большое количество дворцовъ, очень напоминаютъ наши старинныя боярскіе терема.

* Тальча—значить зеленый холмъ.

Въ комнатахъ нѣтъ мебели, но за то богатые ковры и макія шелковыя и бархатныя подушки ее вполнѣ замѣняютъ. Очень изящная лѣльная работа на стѣнахъ и разноцвѣтные узоры на потолкахъ придаютъ комнатамъ весьма оригинальный и веселый видъ. Довольно большой садъ, распланированный на европейскій образецъ, представляетъ пріятное убѣжище отъ жары. Въ серединѣ его прудъ, очень чисто содержимый, распространяетъ благодѣтельную свѣжесть. У самого пруда была раскинута для насъ роскошная палата, принадлежавшая эмиру.

23го іюня, въ девять часовъ утра, состоялось при торжественной обстановкѣ наше представленіе кушбеги (первому министру) Мухаммедъ-бію-Инаку. * Очень представительный по наружности, бухарскій визирь съ перваго же знакомства приобрѣлъ нашу симпатію своею разговорчивостью и веселостью. Принимая насъ съ неподдѣльнымъ радушіемъ, онъ изъ кожи лѣзъ чтобы намъ угодить. ** Навѣрно въ разговорѣ съ нами онъ далъ бы волю откровенности, еслибы не присутствіе его сына и Абдуль-Кадыра, которые видимо его стѣсняли и лугали. Поблагодаривъ его за гостепріимство и получивъ позволеніе безпрепятственно развѣзжать по городу, мы распростились. При этомъ онъ просилъ извинить его если ему не удастся до возвращенія эмира пріѣхать ко мнѣ съ визитомъ, такъ какъ въ качествѣ временнаго команданта города Бухары онъ не имѣетъ права вывѣзжать даже городскихъ воротъ, но что непремѣнно это исполнить какъ только представится возможность. Я поблагодарилъ его за намѣреніе и сказалъ что все-таки не теряю надежды увидѣть его у себя.

Въ этотъ же день меня посѣтили довѣренныя нашихъ купцовъ: Дюкова—Александръ Агѣевъ и Козина—Феодоръ Козинъ. Третій, Мухамедъ-Джанъ — довѣренный Весаяна, былъ въ отсутствіи, я его увидѣлъ послѣ. Какъ отъ нихъ, такъ и отъ другихъ лицъ мнѣ удалось собрать о торговлѣ въ Бухарѣ нѣкоторыя свѣдѣнія которыя считаю полезнымъ помѣстить здѣсь.

Такъ какъ торговля составляетъ одну изъ доходнѣйшихъ статей для эмира то на нее и обращено особенное его

* Кушбеги и его сынъ родомъ Персіяне, были рабами. Оба вошли въ силу желавшись на оставшихъ женахъ эмира.

** Особливо это высказалось въ подаркахъ намъ поднесенныхъ.

вниманіе. Чтобы кулцы не могли увернуться отъ платежа установленной пошатины, существуютъ многочисленныя закѣтки съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ. Главный надзоръ порученъ главному закѣтчию—это мѣсто теперь занимаетъ сынъ кушбеги, который въ то же время исполняетъ должность казначея эмира. Кроме того для веденія торговыхъ дѣлъ и для наблюденія за правильностью торговли имѣются торговые аксакалы. * Хотя за сборомъ торговой пошатины весьма зорко слѣдятъ, однако цыне торговцы умудряются ускользнуть отъ ея уплаты. Приведу слѣдующій примѣръ: Бухарцы, ввозя въ наши предѣлы товары, получаютъ закѣтныя квитанціи въ удостовѣреніе того что товарная пошлатина уплачена. Эти квитанціи секретно передаются или перепродаются въ другія руки, и такимъ образомъ могутъ служить нѣсколькимъ лицамъ (тождественность лица весьма трудно проверить въ Средней Азій), которыя, пользуясь этимъ, провозятъ свои товары бесплатно. Чтобы труднѣе было узнать истину, Бухарцы стараются брать квитанціи изъ городовъ болѣе отдаленныхъ отъ границы, на примѣръ изъ Джизака, Ходжента и др. Обманывая нашихъ чиновниковъ, Бухарцы такимъ же способомъ вводятъ въ обманъ и своихъ.

Привозимые товары складываются въ нарочно для того устроенныя караванъ-сарай. ** Сарай эти отдаются въ пользование арендаторамъ, вслѣдствіе чего кулцы принуждены платить кроме обыкновеннаго ($2\frac{1}{2}\%$) закѣта, еще за помѣщеніе товаровъ въ сараяхъ. Последняя плата не опредѣлена точно и вполнѣ зависитъ отъ произвола арендаторовъ, надзоръ за которыми весьма слабъ.

Во время моего пребыванія въ Бухарѣ, цѣны на нѣкоторыя бухарскіе товары были слѣдующія:

Бумага хлопчатая отъ 7 до $9\frac{1}{2}$ тенегъ (тенегъ, серебряная монета въ 20 коп.) за 20 фунтовъ;

Шелкъ-сырецъ отъ 175 до 180 тенегъ за 10 фунт.;

Черный каракуль (шкурки съ маленькихъ барановъ) отъ 135 до 130 тенегъ за 10 штукъ;

* Старшій торговый аксакалъ постоянно живетъ въ Бухарѣ. Теперь эту должность занимаетъ весьма почтенный человекъ—Мирза-Ша-аксакалъ, пользующійся большимъ вліяніемъ.

** Въ Бухарѣ такихъ сараевъ 155.

Данадаръ * отъ 100 до 150 тенегъ за 10 штукъ;

Миша ** отъ 120 до 130 тенегъ за 100 кожъ;

Бухарская пряжа 200 тенегъ за 6 $\frac{1}{2}$ пудовъ;

Выбойка большемѣрная 460 тенегъ за 100 штукъ;

Выбойка маломѣрная отъ 185 до 200 тенегъ за 100 шт.

Чай идутъ болѣе всего въ Бухару изъ города Мамбъ (такъ мнѣ сказали). Больше спроса на слѣдующіе сорта:

Баладуръ высшій сортъ—отъ 90 до 95 тиллей (золотая монета въ 5 руб. 20 коп.) за 160 фунтовъ;

Яхакъ, крупный и мелкій—70 тиллей за 160 фун.;

Кумышъ, высшій сортъ—отъ 45 до 60 тиллей за 160 фун.;

Акъ-куйрюкъ—35 тиллей за 160 фунтовъ, и

Альма ***—16 тиллей за 160 фунтовъ.

Большая часть шелковичныхъ коконовъ направляется черезъ Авангистанъ въ Индію и Англію. Вообще цѣны стали довольно низкія, и купцы жаловались на дурную торговлю.

Кромѣ отдѣльныхъ лавокъ **** и караванъ-сараявъ существуютъ для продажи товаровъ многочисленныя базары. Самыми значительными могутъ считаться Бухарскій, Каршискій и Гиссарскій.

Базары бываютъ постоянныя и временныя; на нихъ всегда стекается множество народа. Кромѣ торговаго значенія базары имѣютъ политическое, потому что служатъ центромъ распространенія разныхъ слуховъ, новостей, словомъ, играютъ роль нашихъ газетъ.

Одно время преобладавшіе на бухарскихъ рынкахъ англійскіе товары теперь совсѣмъ вытѣснены русскими. Англійскихъ товаровъ теперь очень мало въ Бухарѣ и распродаютъ они плохо.

Изъ англійскихъ товаровъ болѣе всего ситца, коленкору и металлическихъ издѣлій; только послѣднія имѣютъ хорошій сбытъ, что же касается англійскихъ ситцевъ и кисей, то хотя они и лучшей доброты чѣмъ русскіе, покупаются однако неохотно, потому что русскіе продаются за полцѣны.

Временами много товаровъ привозятъ Авангцы и Индійцы, которые, слыша скорѣе выручить деньги, продаютъ по деше-

* Данадаръ—мелкая жерлушка, зернистая.

** Миша—сырая баранья кожа для обуви.

*** Курлицыый, въ видѣ яблока. Альма—значитъ яблоко.

**** Въ Бухарѣ насчитываютъ до 200 лавокъ съ краснымъ товаромъ.

вымъ цѣнамъ (очень часто себѣ въ убытокъ), чѣмъ очень портятъ цѣны. Но эта конкуренція не опасна, такъ какъ непостоянна и недолговременна. Продавъ товары свои, Англичане и Индійцы, а также и Евреи стараются приобрести русское золото, которое и вывозятъ въ большомъ количествѣ въ Индію. Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ убѣждаться какъ много въ Бухарѣ русскаго золота и стараго русскаго серебра. Итакъ первенство въ торговлѣ, конечно послѣ мѣстныхъ произведеній, безспорно принадлежитъ русскимъ товарамъ. Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о нашей торговлѣ съ Бухарою, привожу здѣсь перечень тѣхъ русскихъ товаровъ которые ввозятся въ Бухару и на которые спросъ болѣе распространенъ, съ обозначеніемъ приблизительно цѣнъ по которымъ они продаются:

Ситецъ Нарвской мануфактуры за кусокъ въ 50 аршинъ отъ 26 до 32 тeneгъ.

За кусокъ въ 40 аршинъ отъ 18 до 24 тeneгъ.

Однокубовый ситецъ за кусокъ въ 40 аршинъ 26 тeneгъ.

Розовая сарлипка за кусокъ въ 30 аршинъ 21 теньга.

Голубая 17 тeneгъ.

Ситецъ Ковшина за кусокъ въ 50 аршинъ 35 тeneгъ.

Ситецъ Зубова, лунцовый, 60 тeneгъ.

Ситецъ Гялдурина, зеленый, отъ 21 до 22 тeneгъ.

Ситецъ Меньщикова тоже.

Ситецъ Кокушкина отъ 20 до 22 тeneгъ.

Ситецъ Фокина 19 тeneгъ.

Тукъ Соколова за кусокъ въ 40 аршинъ 1й сортъ 60 тeneгъ.

Ситецъ Сидорова 50 тeneгъ.

Ситецъ Шереметева, 2й сортъ, 27 тeneгъ.

Сукно алое и розовое за кусокъ въ 20 аршинъ 80 тeneгъ.

Сукно Поталова тоже.

Карамели 37 тeneгъ за лудъ.

Леденецъ 47 тeneгъ за лудъ.

Сахаръ 22-фунтовой 51 теньга за лудъ.

Песокъ сахарный 45 за лудъ.

Олово прутковое 80 тeneгъ за лудъ.

Орѣшки чернильные, черные 40 тeneгъ за лудъ.

Бѣлые 30 тeneгъ за лудъ.

Кошениль черная 250 тeneгъ за лудъ.

Сѣрая 220 тeneгъ за лудъ.

Полотно въ кускѣ 30 аршинъ 32 теньги.

Коленкоръ лощеный, въ кускѣ 50 аршинъ, 17 тенегъ.

Красная юфта отъ 310 до 400 тенегъ за 10 кожъ.

Бумага прядильная, утокъ $\frac{38}{40}$, Нарвской мануфактуры, 27 тенегъ за лачку.

Лодерской мануфактуры 27 тенегъ за лачку и т. д.

Наши кулцы обыкновенно отправляютъ свои караваны изъ Оренбурга черезъ Казалу прямо въ Бухару. Кадый караванъ состоитъ только изъ пятидесяти навьюченныхъ верблюдовъ, — болѣе за одинъ разъ не посылаютъ, такъ какъ это значительно замедляло бы движеніе каравана. Кромѣ нашихъ кулцовъ, много бухарскихъ торговцевъ занимаются продажей русскихъ издѣлій, вывозя ихъ изъ Россіи (больше съ Нижегородской ярмарки). Исключительно для русскихъ товаровъ въ Бухарѣ отведены караванъ-сарай: Аимъ, Ташкентъ, Абдуль-Хакимъ, Погай (для Татаръ) и базары.

Въ настоящее время, какъ я уже упомянулъ, въ Бухарѣ находятся довѣренные нашихъ кулцовъ: Агѣевъ, довѣренный оренбургскаго кулца Дюкова, Козинъ, довѣренный московскаго кулца Кояшина и Татаринъ Мухамедъ-Джанъ и Юдинъ, довѣренные ростовскаго кулца Веснина. Первые трое живутъ въ городѣ Бухарѣ, а послѣдній въ Керманѣ. Вообще они довольны своимъ положеніемъ; Бухарцы ихъ не притѣсняютъ и торговаю ведутъ они довольно успѣшно. Я ихъ познакомилъ съ главнымъ зачетчи-емъ и Абдуль-Кадыромъ, которыхъ просилъ, въ случаѣ необходимости, оказывать довѣреннымъ покровительство и содѣйствіе.

Кромѣ вышеизложеннаго, отъ нихъ я узналъ еще слѣдующее:

Плата за русскіе товары производится на теньги по курсу, который иногда стоитъ очень высоко, смотря потому сѣншить ли продавецъ сбыть свой товаръ. Цѣна теньги доходить отъ 27 до 40 копѣекъ. Это происходитъ тогда когда требуется немедленная уплата. Чтобы не подвергаться большому убытку, которые были бы неизбежны при высокомъ курсѣ на теньгу, наши довѣренные принуждены поневолѣ торговать въ кредитъ, потому что въ этомъ случаѣ курсъ на теньгу почти не принимается въ расчетъ*.

* Во время моей поѣздки курсъ на русскія бумажныя деньги былъ въ Шахрисабъ 70 коп. за рубль и въ Бухарѣ 98 коп.

Бухарцы неохотно тотчасъ же платять за купленный товаръ, большею частью покупають его въ кредитъ съ разсрочкой уплаты, иногда на довольно продолжительное время. При этомъ для русскихъ торговцевъ бываетъ еще та выгода что при повышеніи цѣны на какой-нибудь товаръ достоинство теньги понижается и доходить отъ 20 до 18 копѣекъ. Но если продажа въ кредитъ представляетъ нѣкоторыя выгоды, за то съ другой стороны она имѣетъ большія невыгоды. Такъ, въ Бухарѣ продажа происходитъ большею частію на извѣстный срокъ, безъ всякихъ документовъ,—требуется только личное присутствіе маклера (или вообще какого-нибудь должностнаго лица), который назначается отъ правительства. Конечно, такое голословное свидѣтельство, хотя и официальнаго лица, о совершившейся продажѣ далеко не достаточно и не можетъ служить хорошею гарантіей. Бухарцы обыкновенно не отказываются отъ уплаты за забранный товаръ, только рѣдко производить ее въ сроки. * Однако случается тоже что они совершенно не уплачиваютъ своихъ долговъ (чему главною причиною бывають частыя банкротства) и тѣмъ сильно подрываютъ нашу торговлю. Изъ всего этого ясно видно на какихъ шаткихъ основаніяхъ держится торговля Русскихъ въ Бухарѣ и какимъ большимъ опасностямъ подвергаются интересы нашихъ купцовъ. Поэтому довѣренныхъ нашихъ весьма интересуется вопросъ: какъ обезопасить нашу торговлю въ Бухарѣ. Что конечно послужило бы къ большему ввозу русскихъ товаровъ. (Они очень надѣялись на учрежденіе торговаго консульства въ Бухарѣ или же на дозволеніе обезпечивать продажу законными документами.) Другая ихъ жалоба относится къ закату въ $2\frac{1}{2}\%$ который телеръ взимается эмиромъ съ вывозимаго хлопка. Этотъ лишній платежъ противорѣчитъ главному правилу по сбору зякета (было постановлено со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ брать $2\frac{1}{2}\%$ съ правомъ вывезти безплатно товаровъ на сумму равную ввозимымъ) и тяжело ложится на нашихъ купцовъ; кромѣ того взимается десятая часть съ вывозимой изъ Бухары звонкой монеты.

---

* При уплатѣ на каждыя двадцать темеръ дають одну теньгу пудами, что весьма затрудняетъ счетъ, такъ какъ въ одной теньгѣ (20 коп.) заключается 64 пуды. (Пува — маленькая, но тяжеловѣсная мѣдья монета).

VII.

На слѣдующій день прїѣзда въ Бухару, то-есть 24го июня, я познакомился съ саратовскимъ Татаринѣмъ Каратаевымъ (въ Бухарѣ его зовутъ Уста-Али). Онъ преданъ Русскимъ, и, несмотря на то что занимаетъ при эмирѣ ничтожную должность придворнаго часовщика, * имѣетъ большое вліяніе на Бухарцевъ. Послѣ перваго же свиданія онъ предложилъ свои услуги — доставлять мнѣ разныя свѣдѣнія, что и исполнилъ очень добросовѣстно и успѣшно, не обращая вниманія на опасности которыя были съ этимъ сопряжены. Али-Мухамедъ-Каратаевъ, сынъ купца второй гильдіи, изъ города Хвалынска, Саратовской губерніи, не имѣя возможности улачивать гильдейскія повинности, въ 1854 году прибылъ въ Бухару, гдѣ и нанялся за 300 рублей у бухарскаго купца Рахимъ-Бая, караванбаши, для постройки мукомольныхъ мельницъ. Въ то же время онъ не бросалъ своего любимаго мастерства — издѣліи часовъ. Заработанныя деньги онъ посылалъ въ Россію для уплаты повинностей. Когда же Рахимъ-Бай умеръ, Каратаевъ захотѣлъ вернуться на родину, но эмиръ Насрулла (отецъ Музаффаръ-Эддина), видя въ немъ человѣка полезнаго, насильно задержалъ его и запретилъ ему выѣздъ изъ бухарскихъ владѣній (ему было назначено содержаніе по 280 тенегъ и 16 батмановъ хлѣба въ годъ). Некому было за него хлопотать, и всѣ его просьбы оставались безъ послѣдствій. Телерешній эмиръ, Сеидъ-Музаффаръ, даже приказалъ, под страхомъ наказанія, совсѣмъ не принимать его прошеній. Долгое время находясь въ бѣдственномъ положеніи, Каратаевъ едва былъ въ состояніи пропитывать себя. Нѣсколько разъ онъ пытался бѣжать, но за нимъ зорко слѣдили и каждый разъ его возвращали назадъ. Ему volens volens пришлось покориться своей участи и терпѣливо выжидать спасенія въ будущемъ; часто жизнь его была въ опасности и только знаніе страны и жителей помогло ему избѣжать опасностей съ которыми приходилось бороться на каждомъ шагѣ. Уже двадцать лѣтъ какъ онъ жи-

* Одно изъ его произведеній, большіе стѣнные часы, красуются на воротахъ дворца въ городѣ Бухарѣ.

ветъ въ Бухарѣ; въ это время ему пришлось испытать многое: то онъ былъ переводчикомъ у эмира и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, то командовалъ артиллеріей (впрочемъ недолго, такъ какъ былъ признанъ неспособнымъ), то исполнялъ должность придворнаго часовщика, то наконецъ, владея въ немилость, бѣдствовалъ въ нищетѣ. Теперь онъ исполняетъ обязанности главнаго переводчика и пользуется большимъ значеніемъ. Преданность его Россіи имѣетъ очевидныя доказательства. Благодаря его заступничеству, многіе русскіе плѣнники, между прочимъ гг. Струве, Глуховской и другіе, спаслись отъ смертной казни. Неоднократно ему удавалось удерживать эмира отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Русскихъ. * Замѣчая его расположение къ Русскимъ, Бухарцы нѣсколько разъ порывались запретить ему приходить ко мнѣ; однако, когда я сталъ выражать непремѣнное желаніе видѣть старика, они побоялись отказать мнѣ.

Получивъ отъ генерала Коллаковскаго приказаніе переговоры съ кушбеги по нѣкоторымъ дѣламъ, я отправился къ нему вмѣстѣ съ г. Чалышевымъ. Хотя пріемъ былъ по обыкновенію очень радушенъ, все-таки было довольно трудно говорить о дѣлахъ съ кушбеги, который избѣгалъ положительныхъ отвѣтовъ, видимо стѣснялся и даже не постарался скрыть свою радость и облегченіе когда свиданіе пришло къ концу. Бухарцы вообще неохотно говорятъ съ Русскими о дѣлахъ, относятся съ большимъ недовѣріемъ и избѣгаютъ высказывать свое мнѣніе. Они убѣждены что ихъ хотятъ непременно обмануть, вылитавъ истину; а потому чтобы не подпасть гнѣву эмира за излишнюю болтливость, они или отмалчиваются, или же отвѣчаютъ совершенно ничего не значащими фразами. Понятно такой способъ переговоровъ не можетъ способствовать скорѣйшему рѣшенію дѣлъ.

26го іюня я постилъ нашихъ торговцевъ, что, какъ я узналъ въ послѣдствіи, значительно повысило ихъ положеніе между Бухарцами. Отъ нихъ, вслѣдствіе официальнаго приглашенія, мы поѣхали въ гости къ Абдуль-Кадыру, который надержалъ насъ у себя до слѣдующаго утра. Всѣ эти визиты

---

* Удивительно какъ этотъ старикъ, пробывъ двадцать лѣтъ въ Бухарѣ, не забылъ еще русскаго языка.

были очень утомительны, такъ какъ повсюду преслѣдовалъ насъ скучный бухарскій этикетъ.

Называя себя самымъ преданнымъ нашимъ другомъ, Абдуль-Кадыръ попрежнему продолжалъ вести свои интриги противъ насъ. Онъ началъ убѣждать насъ что эмиръ не скоро пріѣдетъ въ Бухару, что мы напрасно будемъ его ждать, словомъ, старался поскорѣе выпроводить. Сперва я было и хотѣлъ послѣшить своимъ возвращеніемъ въ Самаркандъ, но потомъ, посоветовавшись съ благонамѣренными людьми и прислушавшись къ народнымъ толкамъ, измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился непремѣнно дожидаться пріѣзда эмира. Причины къ этому рѣшенію были основательныя: въ народѣ распространился слухъ будто эмиръ нами не дозволенъ и намѣренъ подвергнуть насъ строгому обращенію, будто мы обманщики и самозванцы и т. л., кромѣ того я узналъ что Абдуль-Кадыръ, вступивъ въ тайную борьбу съ кушбегу, постоянно доносилъ эмиру (донесенія были редактированы мирзою Вахабомъ, шпіономъ посланника) что мы всѣмъ недовольны, все бранимъ и критикуемъ, стараемся втереться въ дружбу Бухарцевъ чтобъ обо всемъ подробно доложить въ Петербургъ; въ то же время кушбегу, съ своей стороны, представлялъ эмиру совершенно противоположныя извѣстія, что мы люди тихіе, доброжелательно относимся къ Бухарцамъ, довольны ихъ радушіемъ, за которое и стараемся отплатить добромъ и благодарностью. Это противорѣчіе не ускользнуло отъ эмира и побудило послѣдняго ускорить свой пріѣздъ въ Бухару чтобъ убѣдиться самому кто правъ и кто виноватъ.

28го іюня я былъ извѣщенъ что эмиръ проситъ меня дожидаться его прибытія, такъ какъ непремѣнно желаетъ еще разъ принять меня. Когда Абдуль-Кадыръ убѣдился въ своей ошибкѣ, онъ немедленно перемѣнилъ тактику и принялся увѣрять эмира что онъ былъ обманутъ ложными доводами.

29го іюня я нечаянно проговорился что это день именинъ моего отца. Каратаевъ услышавъ объ этомъ послѣдшилъ сообщить всему городу и внушить Бухарцамъ что они должны достойнымъ образомъ отпраздновать этотъ день; вслѣдствіе чего съ самаго утра начались поздравленія. Всѣ высшія должностныя лица перебивали у меня съ визитомъ. Весь день у меня въ саду играла военная музыка, а вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ (устройства Каратаева).

День окончился роскошнѣйшимъ ужиномъ съ участіемъ многочисленныхъ савонниковъ. За это вниманіе я отблагодарилъ подарками кого только было возможно.

Слѣдующимъ днемъ я воспользовался чтобы посѣтить кишлакъ Богоедина (отстоящій на одинъ тамъ отъ Бухары), гдѣ похороненъ извѣстный мусульманскій святой, именемъ котораго названо это селеніе. Къ этому мѣсту стекается множество поклонниковъ, особенно нищихъ, очень нахальныхъ, отъ которыхъ просто прохода нѣтъ. Властители Бухары также часто посѣщаютъ это святилище. Въ этомъ кишлакѣ достойны вниманія мечети древней мавританской архитектуры. Особенно замѣчательны высокія колонны сѣраго мрамора, потолки украшенные великолѣпными рисунками и большія люстры русскаго издѣлія (сдѣланныя въ Россіи на заказъ). Гробница святаго, сдѣланная по образцу прочихъ бухарскихъ мавзолеевъ, окружена оградой, у которой возвышается большой шестъ со знаменемъ изъ конскаго волоса и разныхъ старыхъ тряпокъ на концѣ. На гробницѣ видѣется мраморная доска, исписанная молитвами на арабскомъ языкѣ. Населеніе кишлака состоитъ большею частью изъ ходжей, потомковъ святаго Богоедина. Ходжи приняли насъ весьма радушно, за то нищія разорвали бы насъ на части, еслибы мы не были оберегаемы полицейскими. По моему порученію мулла Юусовъ бросалъ деньги въ толлу; то же самое онъ дѣлалъ на возвратномъ пути нашемъ изъ Бухары къ Катта-Кургану. Эта благотворительность даже необходима въ Бухарѣ, потому что располагаетъ массы въ пользу благотворителя, воспоминанія о которомъ залечатлѣваются на долго.

2го іюля мы ѣздили въ гости къ богатому бухарскому купцу, Мансуръ-Баю, много путешествовавшему и часто посѣщавшему Россію. Онъ показалъ намъ довольно хорошо удавшіяся посадки американскаго хлопка. * Затѣмъ мы смотрѣли размотку коконовъ, производство бархата и шелковыхъ матерій. Все это, конечно, находится въ первобытномъ состояніи и нуждается въ большихъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ.

---

* Сѣмена американскаго хлопка были подарены эмиру нашимъ правительствомъ съ цѣлью улучшить въ Бухарѣ хлопокъ, такъ какъ бухарскій хлопокъ все болѣе и болѣе вырождается и дѣлается хуже по причинамъ небрежнаго ухода за нимъ.

Хотя въ разное время было написано много статей о земледѣіи въ Средней Азіи, я рѣшаюсь однако сообщить здѣсь тѣ свѣдѣнія которыя собралъ въ Бухарѣ по этому вопросу и которыя не лишены нѣкотораго интереса.

Положеніе Бухары придадо здѣсь земледѣію особенный характеръ. Сильные жары и вѣтры иссушили бы окончательно почву, не совсѣмъ доброкачественную (мѣстами глинистую, мѣстами песчаную и солонцоватую; чернозема почти нѣтъ), еслибы жители не пользовались разлитіемъ рѣкъ и не проводили многочисленныхъ арыковъ. * Слѣдовательно плодородіе въ Бухарѣ вполнѣ зависитъ отъ количества воды которою наводняются поля. Міанкальская и Шахрисябская долины, какъ самыя близкія къ рѣкамъ, самыя урожайныя. Но первая почти цѣликомъ вошла въ составъ нашихъ владѣній, и главнѣйшими житницами Бухары остались только Шахрисябская долина и бекства Зіаддинское и Хатырчанское. Роль египетскаго Нила исполняетъ въ Бухарѣ Заравшанъ, который спасаетъ своею цѣлительною влагою Заравшанскій округъ отъ засухи. Распределеніе воды на такомъ большомъ пространствѣ весьма затруднительно и зависитъ отъ высоты до которой вода доходить при разливѣ; отчего иной годъ всѣ поля заливаются водою, въ другой же годъ, напротивъ, жители принуждены довольствоваться наводненіемъ только незначительной части обрабатываемыхъ земель. Такъ какъ главное течение Заравшана находится въ нашихъ предѣлахъ, то и ежегодное распределеніе его воды принадлежитъ нашему правительству, которое, завѣдуя этимъ дѣломъ, имѣетъ значительное преимущество предъ Бухарцами и можетъ всегда принудить посадившихъ, поражая въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ, быть осторожными въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Стоить только задержать воду и Бухара будетъ находиться въ крайнемъ положеніи. Почти каждый годъ между нашими и бухарскими пограничными властями возникаютъ пререканія по этому вопросу. Телерь эти пререканія усилились потому что задерживается большее противъ обыкновеннаго количество воды для Заравшанскаго округа, въ которомъ ежегодно увеличиваются обрабатываемыя земли. Для разрѣшенія этого вопроса и чтобы не лишить Бухару необходимаго для нея

* Арыкъ—каналъ.

количества воды, генераль-майоръ Абрамовъ отправилъ къ Заравшану особаго чиновника, на котораго возложена обязанность хорошенько ознакомиться съ теченіемъ помянутой рѣки и ея притоковъ и исчислить сколько возможно и необходимо пускать воды какъ въ наши, такъ и въ бухарскія владѣнія.

Лучшія земли въ Бухарѣ, какъ я уже сказалъ, и наиболѣе обработанныя расположены по Заравшану, но земель этихъ не особенно много. Вторыми по качеству могутъ быть названы земли въ Шахрисябзской долианѣ и отчасти въ окрестностяхъ города Карши. Поля дѣлятся на талалы, величина которыхъ приблизительно равняется 600 квадратнымъ аршинамъ, то-есть четвертой части десятины (въ Ташкентѣ талаль составляетъ одну шестую часть десятины). Несмотря на наводненія, земли требуютъ частаго удобренія: на талаль, какъ меня увѣряли, идетъ обыкновенно отъ 100 до 150 шацыхъ (осаивыхъ) выюковъ навоза (мѣшанаго); каждый выюкъ стѣитъ двадцать колѣекъ. Только посѣвы на горахъ нуждаются въ меньшемъ удобреніи.

Въ Бухарѣ принято трехпольное хозяйство — двѣ части полей находятся обыкновенно подъ посѣвомъ, а одна подъ паромъ. Въ сѣвооборотъ не входятъ земли занятыя огородами. Съ каждаго клена снимаются двѣ жатвы, изъ которыхъ первая называется кукъ, а вторая акъ. * Такъ въ концѣ февраля высѣвается яровая пшеница, въ маѣ мѣсяцѣ она снимается, и на ея мѣсто сѣются уже въ июлѣ либо какія-нибудь масличныя растенія, либо овощи, которыя въ свою очередь снимаются въ теченіе сентября. На слѣдующій годъ участокъ тотъ остается подъ паромъ.

Пашутъ обыкновенно волами, но часто ярмо надѣвается на лошадей. Плуги первобытнаго устройства и весьма плохи. Бороны ходятъ на нашу, только имѣютъ два ряда жѣзныхъ клиньевъ, по семи въ каждомъ; клинья покрыты оскою на которую становится работникъ.** Чтобы не истощать землю, хлѣба перемежаются съ овощами и травами. Для примѣра привожу здѣсь нѣкоторыя произведенія бухар-

* Кукъ — зеленый, когда снимаются овощи и др. Акъ — бѣлый, въ обозначенія хлѣбовъ.

** Часто бороны зашнелятъ проста доски, даже безъ клиньевъ.

ской почвы, съ обозначеніемъ приблизительно урожая въ которые они даютъ.

Морковь сѣется весной, получается въ количествѣ отъ 50 до 70 батмановъ * съ тавала. Цѣна за батманъ отъ четырехъ до двадцати тенегъ.

Затѣмъ сѣютъ пшеницу, иногда сорго, которымъ не даютъ вырѣвовать и вытравляютъ въ первый годъ скотомъ.

Потомъ идетъ очередь ячменя.

Пшеница родится самъ 10, 18 и даже 50, ячмень въ томъ же количествѣ. Обыкновенно отъ четверти батмана получается отъ двухъ до трехъ батмановъ. Батманъ пшеницы, послѣднейшей во второй половинѣ юня, стоитъ отъ 22 и до 100 тенегъ. Ячменя получается отъ трехъ до пяти батмановъ, сѣется въ послѣднихъ числахъ августа или сентября (въ рѣдкихъ случаяхъ въ октябрѣ); послѣдуетъ онъ въ первыхъ числахъ мая; стоитъ батманъ отъ 17 до 80 тенегъ.

Рисъ сѣютъ болѣе всего въ Шахрисабзской и Міанкальской долинахъ. Въ другихъ мѣстахъ не сѣютъ по недостатку воды.

Сорго сѣютъ въ юнѣ и маѣ, послѣдуетъ въ сентябрѣ; собираютъ его въ октябрѣ; сорго требуетъ большаго употребленія.

Хлопчатникъ сѣется весной и послѣдуетъ въ концѣ августа.

Табакъ сѣютъ только въ Карши или Міанкалѣ. Цѣна его доходитъ до 120 тенегъ за батманъ.

Марену сѣютъ на грядкахъ. Для нея необходимы усиленное удобреніе и тщательный уходъ. Отличается особенно длиннымъ корнемъ.

Свекла послѣдуетъ къ морозамъ; цѣна отъ четырехъ до пяти тенегъ за батманъ.

Земли въ Бухарѣ дѣлятся на три главные вида: эмирскія, бекскія и вакуфныя. Доходы съ эмирскихъ земель идутъ прямо эмиру и собираются особыми чиновниками—амлакчарами. Доходы съ бекскихъ земель употребляются на управленіе бекствами и собираются самими беками. А доходы съ вакуфныхъ земель идутъ въ пользу тѣхъ лицъ или учрежденій въ собственность которымъ эти земли предназначены.

Подать взимаемая съ обрабатываемыхъ земель часто и

* Бухарскій батманъ равенъ 8 пудамъ.

гъвается по произволу властителя. Съ земель орошаемыхъ водою берется третья часть урожая, съ неорошаемыхъ (большою частью въ горахъ) восьмая часть. Кроме того землевладѣльцы платятъ съ каждаго танала до рубля двадцати копѣекъ.

VIII.

Свободнымъ отъ всякихъ занятій временемъ я пользовался чтобъ ознакомиться съ городомъ Бухарой. Благодаря любезности Бухарцевъ мнѣ удалось это безъ особенныхъ затрудненій.

Извнѣ городъ имѣетъ довольно изящный видъ, внутри же, вслѣдствіе очень узкихъ улицъ и небольшихъ площадей, красота древнихъ зданій теряется въ массѣ домовъ ихъ окружающихъ. Худая мостовая, * пыльная въ жаркое время и грязная въ дождливое арыки (хотя нѣкоторые довольно широки), большою частью наполненные мутною водою, ** постоянные миазмы, отравляющіе атмосферу, дѣлають прогуку по городу не особенно пріятною. Доказательствами прежняго процвѣтанія страны остались многочисленныя памятники, по своей величинѣ, изящности и оригинальности архитектуры, вполнѣ достойные удивленія. Въ Бухарѣ до двухсотъ медресе, нѣсколько сотъ мечетей; большой крытый базаръ, въ которомъ лавки распределены по различнымъ отраслямъ промышленности; башня съ которой бросаютъ преступниковъ; клоповникъ и колодезь также для наказанія преступниковъ; дворецъ эмира въ городѣ и четырнадцать загородныхъ уже новѣйшей постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщаются болѣе тысячи женъ и наложницъ эмира.

4го іюля всѣ находившіяся въ городѣ войска вышли встрѣчать эмира. Такъ какъ дворецъ который мы занимали былъ расположенъ на дорогѣ по которой эмиръ долженъ былъ въѣхать въ городъ, то владѣтель Бухары остановился въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, *** не рѣшаясь проѣхать

* По улицамъ разбросаны въ безпорядкѣ большіе камни, которые очень затрудняютъ ѣзду по городу; лошади легко спотыкаются и нерѣдко угрожаютъ паденіемъ.

** Бухарцы не стѣсняются и сваливаютъ всѣ нечистоты прямо въ арыкъ.

*** Дворецъ Ширбудумъ, гдѣ живутъ жены эмира.

мимо насъ (у Бухарцевъ это считается неприличіемъ), а также и изъ боязни какой-нибудь западни (онъ рѣшительно всего боится и въ каждомъ человѣкѣ видитъ врага).

Въ этотъ же день я познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ Урепевымъ, извѣстнымъ въ Бухарѣ подъ именемъ Абдурахима, бывшимъ довѣреннымъ оренбургскаго купца Дѣева. Онъ мнѣ также былъ очень полезенъ разными свидѣніями которыя сообщалъ съ большою готовностью.

Удѣльный крестьянинъ Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, Урепевъ въ 1859 году въ качествѣ довѣреннаго былъ отправленъ въ Бухару съ большимъ караваномъ оренбургскимъ первой гильдіи купцомъ Степаномъ Михайловичемъ Дѣевымъ. Вскорѣ по прибытіи въ Бухару, Урепевъ сдѣлся жертвой собственныхъ увлеченій и неопытности. Захваченный ночнымъ карауломъ въ домѣ одного Бухарца съ женщиной, онъ былъ приговоренъ, согласно мѣстнымъ, законамъ, къ смертной казни, отъ которой ему удалось избавиться только по уплатѣ выкупа въ семь тысячъ тенегъ. Не имѣя своихъ денегъ, онъ принужденъ былъ произвести эту издержку изъ суммъ довѣренныхъ ему Дѣевымъ, что и поставило его въ крайне затруднительное положеніе относительно довѣрителя, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи уплатить означенной суммы. Неизвѣстность какъ отнесется довѣритель къ его поступку и страхъ навлечь на себя гоненія побудили Урепева остаться въ Бухарѣ, гдѣ онъ находится и по сіе время. Эмиръ не замедлил воспользоваться его критическимъ положеніемъ, женилъ его на туземкѣ насильно и подъ страхомъ смерти заставилъ его принять мусульманство, назначилъ надъ нимъ строгій надзоръ чтобы онъ не имѣлъ возможности бѣжать, и взялъ его къ себѣ въ переводчики, переименовавъ въ Татарина Абдурахимъ Абдулина.

Одно время Урепевъ постоянно находился при Музаффарѣ и съ 1859 года участвовалъ во всѣхъ его походахъ. Человѣкъ весьма умный, ловкій и благомыслящій онъ хорошо изучилъ нравы, обычаи и языкъ Бухарцевъ. Теперь онъ отставленъ отъ должности переводчика и едва пребывается, занимаясь мелкими торговыми операціями.

Его довѣритель, съ которымъ онъ вступилъ въ переписку, и которому откровенно признался въ своей винѣ, простилъ ему долгъ и нѣсколько разъ звалъ его къ себѣ въ

Оренбургъ. Урелевъ, страдая тоской по родинѣ, порывался уѣхать, но Бухарцы были насторожѣ и постоянно разрушали его намѣренія. Много русскихъ подданныхъ подобно Урелеву и Каратаеву подвергаются въ Бухарѣ насильственному задержанію. Татары составляютъ большинство. Одни бѣжали въ Бухару чтобъ избавиться отъ наказанія за какія-нибудь преступленія или спасаются отъ взысканій за долги, другіе же, попавъ случайно въ Бухару, насильно задерживаются эмиромъ, который принуждаетъ ихъ поступить къ себѣ на службу, и наконецъ третьи (обыкновенно очень молодые), которыхъ обманомъ и лживыми обѣщаніями заманиваютъ въ Бухару, откуда уже выѣздъ имъ запрещенъ. Эмиръ находитъ особенное удовольствіе задерживать у себя русскихъ подданныхъ и улорно отказываетъ имъ въ разрѣшеніи выѣзда изъ Бухары. Многие пробовали бѣжать, но попытки эти очень рѣдко удавались.

8го іюля состоялась наконецъ послѣдняя, прощальная аудиенція наша у эмира. Кромѣ меня и гг. Вилькинса и Чалышева на аудиенціи присутствовалъ Каратаевъ, на котораго эмиръ возложилъ обязанность слѣдить за переводомъ г. Чалышева. Поблагодаривъ еще разъ владѣтеля Бухары за его вниманіе и милости къ намъ и сказавъ ему что я не премину сообщитъ своему начальству самымъ точнымъ образомъ насколько укрѣпились въ Бухарѣ дружба и пріязнь къ Россіи, я предложилъ свою готовность исполнить всѣ порученія которыя ему будетъ угодно дать мнѣ. При этомъ воспользовался случаемъ чтобъ уломянуть о всѣхъ лицахъ блистательно исполнившихъ возложенное на нихъ порученіе, оказывать намъ самое утонченное гостепріимство. Меня очень дѣлило молчаніе которое послѣдовало за моею рѣчью. Эмиръ видимо затруднялся отвѣтомъ. Наконецъ онъ проговорилъ что остался весьма доволенъ нашимъ пребываніемъ въ его вѣдѣніяхъ и проситъ передать его искренніе привѣты и пожеланія пославшимъ меня, а также выраженія глубокой признательности всему Императорскому Дому. Закончилъ онъ слѣдующими словами: „пожалуста передайте генералу Коллѣжовскому что я очень обиженъ и оскорбленъ его недопріемъ ко мнѣ; ему не слѣдовало бы провѣрять мои слова поручая вамъ собирать по нѣкоторымъ дѣламъ доказательства.“ (Онъ намекалъ на порученіе данное мнѣ переговорить съ кушбеги о нѣкоторыхъ вопросахъ, рѣшеніе кото-

рыхъ Бухарцы по обыкновенію откладывали въ долги ящики.) Разными уклончивыми фразами, ссылаясь болѣе на недоразумѣніе, я старался его успокоить и утѣшить, въ чемъ кажется и успѣлъ. По окончаніи аудіенціи произошла необыкновенная раздача сарпаевъ*.

Въ столицѣ ханства мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о населеніи Бухары, управленіи, войскахъ, отношеніяхъ эмира къ народу и др.

Три рѣзко другъ отъ друга отличающіяся народности составляютъ главное населеніе Бухары: Узбеки, Таджики и Джугуты**.

Узбеки бѣдны и сильно притѣвляемы. Они держатся въ большомъ загонѣ; ихъ имя даже часто употребляется въ видѣ ругательства. По правдѣ говоря, Узбеки стоятъ на весьма низкой и первобытной ступени умственнаго развитія, въ чемъ далеко уступаютъ хитрымъ и ловкимъ Таджикамъ. Несмотря на это, они все-таки должны пользоваться предпочтеніемъ, такъ какъ очень добродушны, прямы и честны. Всѣ они осѣдлы и занимаются земледѣліемъ; торговцевъ между ними мало.

Таджики — самая многочисленная часть населенія, преобладаютъ въ странѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ высшей степени развращенные, они не останавливаются предъ выборомъ средствъ чтобы только достигнуть своихъ цѣлей; поэтому подкупъ, обманъ, шпіонство, доносы, у нихъ не считаются зломъ, родственныя чувства, честь, любовь къ религіи и отечеству имъ неизвѣстны; главное ихъ стремленіе — пріобрѣтать богатства и возвышаться быстро въ іерархическомъ отношеніи чтобы давить подчиненныхъ и мямсывать изъ нихъ что только возможно (я говорю здѣсь о бухарскихъ Таджикахъ).

Самому большому презрѣнію, самымъ большимъ притѣвленіямъ подвергнуты въ Бухарѣ Джугуты. Они живутъ преимущественно въ городахъ, лишены всякихъ правъ гражданства, даже ограничены въ выборѣ одежды, такъ напримѣръ, имъ запрещено ѣздить верхомъ, носить чамаи и ряды яркихъ цвѣтовъ, они должны ходить въ простыя

* Сарпай — значитъ почетный подарокъ. Саръ — голова, пай — то-есть съ ногъ до головы.

** Джугуты — Евреи.

темныхъ халатахъ подпоясанныхъ маленькими платками, или просто веревочками, въ маленькихъ изъ темнаго сукна шапочкахъ на головѣ. Обидѣть, убить Джугута не считается грѣхомъ. И все-таки подобно всѣмъ Евреямъ, подобострастно сгибая спину, терпѣливо вынося всѣ невзгоды, они сумѣли сохранить свою религію, не бросаютъ своихъ занятій и настойчиво ожидаютъ лучшихъ дней. Всѣ ихъ надежды основаны на прішествіи Русскихъ (гдѣ только Русскіе водворялись въ Средней Азіи, тамъ и Евреи немедленно появлялись въ большомъ количествѣ). Занимаются же Джугуты крашеніемъ шелка, продажей шелковыхъ матерій и ростовщицествомъ, въ чемъ сильно соперничаютъ съ Индійцами. Никакія притѣсненія и лишенія не въ состояніи помѣшать имъ наживать значительныя богатства.

Кромѣ этихъ трехъ народностей въ Бухарѣ живутъ Индійцы, Аванцы, Персіяне (большую частью невольники), Киргизы, Каракаллаки, Туркмены и Татары, преимущественно ученики медресе и бѣглецы изъ нашихъ предѣловъ.

Сельскими жителями могутъ назваться только Таджики и Узбеки, остальные же населяютъ города или же перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто.

Всѣ вышеисчисленныя народности не живутъ между собою въ согласіи, что еще болѣе усложняетъ интриги, которымъ всѣ безъ исключенія предаются въ Бухарѣ.

Какъ въ кишлакахъ, такъ и въ городахъ количество населенія очень часто измѣняется и собрать о немъ достовѣрныя статистическія свѣдѣнія совершенно невозможно; приходится ограничиться одними гипотезами. Торговля есть одна изъ главныхъ причинъ убыли и прибыли населенія; опала эмира также споспосбствуетъ частымъ передвиженіямъ. Перелисей совсѣмъ нѣтъ (теперь кажется хотятъ ввести эту мѣру), почему и количество взимаемой подати бываетъ каждый годъ различно. Только въ городахъ по числу мечетей и махалъ * опредѣляется количество жителей, и то приблизительно и весьма неточно. Такая неточность служить основой сборщикамъ податей къ великому произволу и злоупотребленіямъ. **

Изъ общей массы населенія выдѣляются два совершенно

* Махалъ—приходъ. Въ каждомъ приходѣ есть мечеть.

** Подушной подати нѣтъ.

различные элементы: военный (силаи—служилое сословіе) и духовный. *

Преимущества особенныхъ эти сословія не имѣютъ, такъ какъ все зависитъ отъ воли и каприза владѣтеля страны, почему и можно безошибочно утверждать что кастового раздѣленія въ Бухарѣ нѣтъ.

Кромѣ внешней и внутренней охраны, на силаяхъ лежатъ многочисленныя обязанности по управленію страны. Большая часть должностей распределена между ними, что и даетъ имъ не малый перевѣсъ надъ гражданскимъ людомъ. Духовные же исполняя религиозные обряды въ то же время служатъ главнымъ олотомъ мусульманской образованности. Какъ одни, такъ и другіе, соблюдая только личные интересы, легко относятся къ своимъ обязанностямъ, отчего войско, управленіе, религія, словомъ, все постепенно приходитъ въ упадокъ. Застой и развратъ проникли всюду. Бухара называется мусульманами священною; она считается центромъ мусульманства въ Средней Азіи, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иную картину: въ ней царствуетъ полнѣйшее безвѣріе; фанатизмъ и то напускной, фиктивный, выказывается только по отношенію къ кяфирамъ; религиозные обряды хотя и исполняются, но это дѣлается для вида, для постороннихъ, въ дѣйствительности же охмѣляющіе напитки (даже вино), азартныя игры, бачи и женщины сдѣлались лучшимъ препровожденіемъ времени Бухарцевъ, когда то отличавшихся необыкновенною строгостью нравовъ.

Въ то время какъ высшіе слои населенія предаются разврату, интригамъ и низколокловству предъ своимъ влѣстителемъ, низшіе стонутъ подъ ужаснѣйшимъ гнетомъ. Нельзя сказать чтобы масса жителей Бухары любила своего повелителя, напротивъ того, рѣдко кто изъ подданныхъ Сеидъ-Музаффаръ скажетъ о немъ доброе слово. Со всѣхъ сторонъ слышны на него жалобы и проклятія. Даже ослѣпанные его милостями не стѣсняются и бранятъ его. Видя это, мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову,—какъ еще держится на своемъ престолѣ Музаффаръ? Какъ его не свергнуть? Въ послѣдствіи, ознакомившись ближе съ положеніемъ страны и народа, я былъ въ состояніи себѣ отвѣтить на эти вопросы. Развращенность, нравственное паденіе

* Шейхи, ходжи, саиды и т. п.

болѣе всего способствовали алатіи оковавшей населеніе; конечно вѣрованіе въ предопредѣленіе играетъ въ этомъ не маловажную роль. Но главною причиною удерживающею Бухарцевъ отъ возмущенія и заставляющею ихъ терпѣливо выносить жестокій деспотизмъ ихъ гнетущій, можетъ безо всякаго сомнѣнія назваться интрига, которая вкоренилась во всѣхъ слояхъ общества. Такъ какъ все зависитъ отъ произвола эмира, то каждый самый послѣдній простолюдинъ не теряетъ надежды современемъ одѣлаться высокимъ сановникомъ, для чего не требуется ни особеннаго знанія, ни заслугъ—достаточно одной воли всемогущаго повелителя. Вслѣдствіе этого частенько какой-нибудь владѣтельный бекъ, потерявъ свое званіе, преспокойно сидитъ въ лавочкѣ и торгуетъ мелкимъ товаромъ, или нищенствуетъ, а простой арбакешъ * его замѣщаетъ и пользуется плодами своей ловкой интриги. При такомъ управленіи, о дружбѣ, родственныхъ чувствахъ не можетъ быть и помину, — всѣ другъ друга боятся, другъ за другомъ слѣдять, другъ другу копаютъ яму. Каждому хочется получить хотя незначительную должность чтобы грабить и наживаться. Этою-то отвратительною и безнравственною политикою твердо держится эмиръ на своемъ престолѣ. Всѣмъ готовы Бухарцы пожертвовать чтобы только достигнуть своей цѣли, такъ, напри- мѣръ: Абдуль-Кадыръ-бей, вѣдвизшій въ Петербургъ и восхищавшійся тамъ правильнымъ государственнымъ строемъ и европейскою образованностію, вернувшись въ Бухару, не задумался продать эмиру свою любимую дочь чтобы получить только чинъ *датли* и приобрѣсти ваіаніе на эмира. ** Поговариваютъ будто онъ готовитъ своего младшаго сына въ бачи для забавы Сеидъ-Музаффару. Подобныхъ этому примѣровъ я могу привести множество.

Что же дѣлаетъ эмиръ? Онъ очень хорошо знаетъ что ненавидимъ своими подданными, всего боится поэтому, окружаетъ себя наемными тѣлохранителями и только съ многочисленною стражей показывается народу, который, изъ опасенія за жизнь свою, за свое имущество, поневолѣ принужденъ привѣтствовать своего мучителя вынужденно-восторженными криками. Этоизму эмира нѣтъ предѣловъ: всѣ

* Арбакешъ—извозчикъ, амовой, управляющій арбою — телегомъ.

** Онъ взялъ за свою дочь двадцать тысячъ темеръ.

желанія его должны быть исполняемы; если какой-нибудь дерзновенный осмѣлится противиться, тотъ мгновенно стирается съ лица земли. Казни и всевозможныя притѣсненія доставляютъ удовольствіе, пріятное развлеченіе жестокому Музаффару, нарушая, хотя и на короткое время, однообразіе его жизни. Кромѣ того, онъ умѣетъ извлекать изъ казней большую выгоду для себя, присвоивая имущества жертвъ своихъ. Такой легкій способъ собиранія богатствъ сдѣлалъ его скулымъ, жаднымъ, онъ не упускаетъ ни одного удобнаго случая чтобъ увеличить свои сокровища запрятыя въ большихъ подвалахъ дворца и которыя онъ четыре раза въ годъ ходитъ осматривать и провѣрять. Чего только нѣтъ въ этихъ подвалахъ: золото, серебро, драгоценныя камни, рѣдкости, навалены тамъ горами, въ которыхъ даже халаты занимаютъ не малую часть.

Время свое Музаффаръ проводитъ исключительно среди своихъ женъ, бачей, музыкантовъ и маскарабаровъ; самая малая часть времени удѣляется на государственныя дѣла. Имѣя болѣе тысячи женъ и наложницъ, онъ все-таки этимъ не довольствуется: тѣ которыя ему надоели, или идутъ въ продажу, * или же передаются въ видѣ особенной милости приближеннымъ. ** Кромѣ того постоянно пріобрѣтаются новыя посредствомъ покупки (самая малая часть), или обменомъ, или же силою (обыкновенно употребляемый способъ).

Особенно тяжелы для народонаселенія частыя разѣзды эмира по его владѣніямъ, и горе тѣмъ провинціямъ въ которыя падаютъ его опала. Такъ при мѣѣ онъ привелъ съ собою въ Шахрисабъ, кромѣ многочисленной свиты придворныхъ, нѣсколько полковъ сарбазовъ. Содержаніе всего этого люда ложится на народъ, отъ котораго мѣѣ самому привелось слышать разказы о притѣсненіяхъ которыми его подвергало пребываніе бухарскаго влестителя. Какъ только клеветы Музаффара узнавали что у кого-нибудь изъ Шахрисабцевъ есть красивыя жены или дочери, эти несчастныя немедленно отрывались отъ семействъ и тащились ко двору. Въ ссылкахъ, конфискаціяхъ имущества, незаконныхъ по-

* Въ Бухарѣ мѣѣ предлагали купить четырехъ женъ эмира, по 150 рублей за каждую.

** Такъ Кумбегу и сынъ его главный закетчи женаты на отставныхъ женахъ эмира.

борахъ тоже недостатка не было. Эмиръ мстилъ и продолжаетъ мстить Шахрисабцамъ за прежнія ихъ возмущенія.

Входя въ разбирательство самыхъ назначительныхъ дѣлъ, эмиръ предоставляетъ себѣ исключительное право объявлять безапелляціонныя приговоры. Никакая инквизиція не въ состояніи сравниться въ жестокости съ изобрѣтательною способностью Саидъ-Музаффера въ придумываніи наказаній. Первое мѣсто между наказаніями занимаютъ: клоповная яма, колодезь и башня.

1) Клоповная яма находится во дворцѣ, въ городѣ Бухарѣ, имѣетъ видъ бутылки, къ низу широкая, къ верху уже, такъ что приговореннаго слускаютъ туда на веревкахъ. Выкарабкается изъ нея нѣтъ никакой возможности. Населена эта яма legionами клоповъ, которыхъ нарочно откармливаютъ мясомъ, чтобы сдѣлать ихъ свирѣлѣе. Чтобы продлить мученія несчастныхъ заключенныхъ, ихъ два раза въ день вытаскиваютъ на воздухъ. Во время моего пребыванія въ Бухарѣ, въ этой ямѣ сидѣлъ двадцатилѣтній юноша, сынъ одного заслуженнаго бека. Сидитъ онъ въ ней уже годъ и вслѣдствіе истощенія силъ и большой потери крови у него уже произошло разжиженіе мозга. Наказанъ былъ этотъ молодой человекъ за слѣдующее: его отцу поручено было собрать въ одной провинціи закеть. Бекъ исполнилъ порученіе добросовѣстно, но эмиръ, по своей обычной подозрительности, остался имъ недоволенъ, объявилъ что онъ собралъ не все и вѣроятно часть сбора присвоилъ себѣ. Всевозможныя доказательства были представлены старикомъ, во все напрасно. Эмиръ прослышалъ о его богатствахъ, которыми и задумалъ непремѣнно завладѣть. Поэтому старика бека онъ засадилъ на всю жизнь въ темницу, а сына его, вовсе не причастнаго къ дѣлу, свергнулъ въ клоповную яму.*

2) Колодезь имѣетъ глубины 38 футовъ; дно его устлано острыми кольями и кольями, на которые и бросаются съ верху несчастные; обезображенныя тѣла тамъ и остаются неприбранными.

3) Круглая башня, вышиною въ 60 аршинъ, построена однимъ киргизскимъ ханомъ, весьма красивое зданіе, укра-

* Эмиръ никогда не довольствовался наказаніемъ одного лица; непремѣнно все семейство обвиняемаго подвергалось опалѣ, а имущество конфисковалось.

шенное многочисленными и самыми разнообразными узорами и надписями. Съ вершины ея бросаютъ на каменную мостовую приговоренныхъ, отъ которыхъ остаются только какія-то массы.

Первымъ двумъ наказаніямъ подвергаются высокопоставленные лица, а послѣднему простые преступники.

Кромѣ этихъ трехъ видовъ наказанія существуютъ:

Тюрьма, называемая *зинаданомъ*, состоящая изъ трехъ этажей. Два нижніе этажа выложены камнемъ, третій представляетъ изъ себя саклю. Въ нижней этажъ олускаютъ преступниковъ на блокахъ. Свѣтъ туда никогда не проникаетъ. Въ отдѣленія второго этажа впускаютъ немного свѣта черезъ маленькія отверстія. Заключаютъ обыкновенно въ эту тюрьму на всю жизнь. Пищу для заключенныхъ казна не выдаетъ; заботу эту предоставляютъ родственникамъ преступниковъ. Въ противномъ случаѣ имъ остается голодная смерть.

Пытки, какъ-то: поджариваніе на раскаленныхъ подносахъ, отрубиваніе носовъ, ушей, рукъ и ногъ; выкалываніе глазъ, выдергиваніе ногтей, волосъ и языковъ; прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ; разламываніе молотками суставовъ и множество другихъ.

И наконецъ самая обыкновенная казнь — перерѣзываніе горла (на подобіе того какъ рѣжутъ барановъ) и отсѣченіе головы. За прелюбодѣяніе закалываютъ (этому подвергаются женщины) по поясъ въ землю и побиваютъ потомъ камнями. Вотъ перечень нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ лицъ которыя подверглись разнымъ наказаніямъ:

Абдуль-Адиръ, бывшій еще при Насрулла въ должности кушбеги, несмотря на свои заслуги, былъ Сеидъ-Музаффаромъ заключенъ въ крѣпость Нурата, гдѣ его три дня подрядъ били палками, потомъ жгли на раскаленномъ подносахъ и наконецъ зарѣзали. Было же это сдѣлано только потому что эмиру захотѣлось приобрести его имущество.

Баратбекъ, бывшій Уратюбинскимъ бекомъ, былъ посаженъ ужасныхъ пытокъ зарѣзанъ предъ дворцомъ за то только что былъ разбитъ Коканцами, которые овладѣли крѣпостью Уратюбе. Трое сутокъ тѣло его лежало на дворцовой площади.

Начальникъ полиціи Абдулла былъ зарѣзанъ въ тюрьмѣ за то что отсовѣтовалъ воевать съ Русскими.

Все семейство Сеидъ-Ахатъ-хана, племянника эмира, было перерѣзано. Самъ Сеидъ-Ахатъ-ханъ едва успѣлъ спастись.

стись бѣгствомъ въ Ташкентъ, гдѣ проживаетъ и нынѣ на счетъ русскаго правительства.

Люди казнились сотнями и тысячами заразъ (такъ при взятіи Гисара было казнено пять тысячъ человѣкъ). Хотя теперь казни совершаются рѣже, все-таки можно насчитать много невинныхъ жертвъ.

Управленіе въ Бухарѣ, какъ я уже сказалъ, основано на произволѣ и на злоупотребленіяхъ — рѣдко встрѣчается честный человѣкъ, который добросовѣстно исполнялъ бы свои обязанности. Хотя должностныхъ лицъ очень много, тѣмъ не менѣе въ Бухарѣ каждый можетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, отчего и происходитъ великая путаница. Всѣ заботятся болѣе о соблюденіи разныхъ бесполезныхъ церемоніаловъ, которымъ придаютъ большое значеніе (мѣстничество особенно развито), чѣмъ о дѣлахъ по управленію страной. Одна политика еще интересуется немного и то потому что даетъ обширное поле интригамъ; остальные дѣла исполняются весьма плохо и медленно. Между гражданскими и военными чинами точнаго разграниченія нѣтъ, такъ что часто въ одномъ лицѣ соединяются и военныя и гражданскія обязанности; только духовенство составляетъ нѣчто самостоятельное дѣло.

Не стану утруждать вниманіе читателя разборомъ всѣхъ частей управленія въ Бухарѣ; постараюсь только представить маленькую характеристику этого управленія, насколько я успѣлъ подмѣтить во время моей поѣздки.

Центръ управленія находится въ городѣ Бухарѣ и сосредоточенъ въ лицѣ кушбеги; въ бекствахъ же веденіе дѣлъ возложено на владѣтельныхъ бековъ. Какъ первый, такъ и послѣдніе хотя и имѣютъ въ эмирѣ опаснаго контролера, однако, вслѣдствіе неправильно организованнаго государственнаго строя, всегда въ состояніи много скрыть. Игра эта очень опасна, потому что можетъ имѣть трагическій конецъ, но за то и очень выгодна, отчего ей всѣ и предаются на свой рискъ и страхъ. Только побывавъ въ Бухарѣ можно повясть до какихъ утонченныхъ злоупотребленій могутъ дойти люди. Почти каждое дѣло рѣшается въ пользу того кто больше залазтитъ, почему бѣднымъ нѣтъ положительно никакого исхода. Общее правило въ Бухарѣ: каждый захватываетъ сколько успѣетъ и сумѣетъ, чтобы было чѣмъ задабривать другихъ болѣе сильныхъ. Предосторожность эта не

лишняя. Законнымъ основаніемъ для взяткоу служить древній обычай давать подарки при каждомъ удобномъ случаѣ. Главнымъ собирателемъ подобныхъ подарковъ можетъ считаться конечно самъ самъ эмиръ; только этимъ способомъ и можно заслужить его милости.

Считая государство собственнымъ достояніемъ, эмиръ не стѣсняется. Такъ когда умираетъ какой-нибудь чиновникъ, наслѣдники его обязаны представить подробный списокъ имущества умершаго эмиру, который уже рѣшаетъ: оставить все или часть наслѣдникамъ, или же присвоить себѣ. Скрывшіе что-нибудь подвергаются строгому наказанію. Но имущества отбираются не у однихъ мертвыхъ, живые также не могутъ считать свое въ безопасности отъ покушеній азнаго Музаффара. Я былъ свидѣтелемъ ужасной несправедливости. Въ Китабѣ былъ бекомъ очень умный, вліятельный и, сравнительно съ другими, честный человекъ, Абдуль-Гафаръ-бекъ (о которомъ я уже говорилъ раньше), глава большаго семейства. Его богатства давно прельщали эмира, который искалъ только удобнаго случая чтобъ ими завладѣть. Случай не замедлилъ представиться: Абдуль-Кадыр-бій, зная намѣреніе своего властителя, послѣдшилъ угодить ему, оклеветавъ Гафаръ-бека, съ которымъ былъ въ личной враждѣ. * Онъ донесъ Музаффару что старикъ бекъ, не обращая вниманія на данное приказаніе, отвелъ очень дурное помѣщеніе мнѣ и моимъ спутникамъ и вообще принялъ насъ дурно. Обвиненіе это было совершенно незаслуженное. Эмиръ ухватился за этотъ доносъ, немедленно смѣстилъ бека и его сыновей, конфисковалъ имущество всего семейства и повезъ несчастнаго старика съ собой въ Бухару чтобы заключить на всю жизнь въ тюрьму. Какъ я ни былъ возмущенъ такою несправедливостью, не могъ однако ничего предпринять въ пользу осужденныхъ. Не имѣя никакого права вмѣшиваться въ дѣла управленія, я рѣшился все-таки воспользоваться первымъ случаемъ чтобы смягчить эмира. На послѣдней аудіенціи я завелъ рѣчь объ Абдуль-Гафарѣ, очень его хвалилъ, восхищался приемомъ который онъ устроилъ въ мою честь и въ концѣ прибавилъ что, вернувшись въ Россію,

---

* Вражда произошла отъ пустяжнаго обстоятельства. Инакъ отказалъ содержать людей и лошадей послаамлика во время его пребыванія въ Китабѣ.

непремѣнно разкажу все своему начальству, которое конечно очень доброжелательно отнесется къ этому человѣку. Мои слова произвели желаемое дѣйствіе: потомъ я узналъ что наказаніе было отмѣнено и Абдуль-Гафару и его семейству подаренъ домъ, съ обѣщаніемъ въ скорости назначить его опять куда-нибудь бекомъ.

Подобныя дѣйствія конечно не могли приобрѣсти эмиру симпатію народа и увеличиваютъ только разладу и безпорядокъ.

Самымъ случайнымъ образомъ мнѣ удалось узнать что разказываютъ здѣсь о происхожденіи Сеидъ-Музаффаръ-Эддина. Въ Бухарѣ появленіе на свѣтъ мальчика празднуется всегда съ большимъ торжествомъ, рожденіе же дѣвочки считается немилостью Божіею. Когда у любимой жены эмира Насруллы-Богауръ-хана родилась дѣвочка, то бѣдная женщина, боясь подвергнуться опалѣ или даже смерти, рѣшилась на подлогъ. Подкупивъ жену одного плотника, которая въ одно время съ нею родила мальчика, она взяла, говорятъ, у нея сына и выдала за своего, а дѣвочку отдала ей. Дочь Насруллы до сихъ поръ живетъ въ неизвѣстности. Такимъ образомъ Музаффаръ изъ сына простаго плотника превратился въ сына владѣтеля Бухары. Невѣжественный, трусливый, онъ съ самой ранней юности своей уже обѣщаль мало хорошаго въ будущемъ. Молодость его прошла въ чувственныхъ наслажденіяхъ (что продолжается безъ всякаго перерыва по настоящее время) среди 30 женъ, цѣлаго эскадрона бачей, маскарабазовъ, хафизовъ * и пр. Его воспитатель Абдуль-Каримъ диванъ-беги потерялъ всякую надежду на его исправленіе, что и высказывалъ нерѣдко близкимъ къ себѣ людямъ. Крайне развратное общество въ которомъ Музаффаръ вращался съ дѣтства не могло благотельно повліять на его умственное развитіе; и теперь на вопросъ о познаніяхъ его можно получить всегда одинаковый отвѣтъ: что у него мало „савата“, то-есть что онъ едва можетъ разбирать писанное. Доступъ къ нему имѣли только низкіе льстецы, штриганы, вообще люди вся жизненная цѣль которыхъ заключалась въ быстромъ обогащеніи. Насрулла его никогда не любилъ и хотѣлъ уже назначить своимъ наслѣдникомъ Абдуль-Ахатъ-хана, сына одной изъ дочерей своихъ (вышедшей

* Хафизъ—помощій стихотворенія Хафиза.

замужъ за богатаго Бухарца Ходжа-Сеидъ-бека), но преждевременная смерть разрушила его намѣренія. При жизни отца своего Музаффаръ-Эддинъ еще сдерживался, когда же ему удалось захватить бразды правленія, онъ далъ полный ход своимъ дурнымъ наклонностямъ. Часть своихъ противниковъ онъ засадилъ въ заключеніе, гдѣ они и погибли, другихъ же предательски казнилъ. Такъ погибло все семейство Саидъ-Ахатъ-хана, который самъ успѣлъ спастись только бѣгствомъ въ Шахрисябъ и оттуда въ Ташкентъ. *

Семейство Музаффара очень многочисленно; большая часть городовъ находится во владѣніи его сыновей. Старшій сынъ, послѣ неудавшейся войны противъ отца, живетъ теперь въ Кашгарѣ. Изъ всѣхъ своихъ сыновей Музаффаръ любитъ болѣе всего бека въ Кермине, котораго, какъ кажется, прочитъ себѣ въ наслѣдники. Эмиръ, подозрѣвая всѣхъ, не довѣряетъ также и дѣтямъ своимъ (возмущеніе старшаго сына сильно его напугало), вслѣдствіе чего озаботился ко всѣмъ приставить шпіоновъ для наблюденія за ними.

Въ настоящее время въ Бухарѣ проживаетъ Назаръ-ханъ, сынъ Суфи-бека, старшаго брата настоящаго кокандскаго владѣтеля — Худояръ-хана. Судьба этого молодаго человека весьма печальная. Биби-Хатія (мать Назаръ-хана), дочь одного ташкентскаго жителя Шадманъ-Бая, по смерти Суфи-бека, осталась съ тремя сыновьями и двумя дочерьми на рукахъ. Прельстившись красотой послѣднихъ, Худояръ-ханъ кокандскій задумалъ взять ихъ къ себѣ въ наложницы, но получилъ рѣшительный отказъ. На его предложеніе отвѣтили что дѣвушекъ согласны отдать ему въ жены, но не въ наложницы, такъ какъ будущность таковыхъ обыкновенно бываетъ самая ужасная. Разсерженный этимъ, Худояръ засадилъ все семейство въ тюрьму, откуда выпустилъ только по просьбѣ родственниковъ и друзей покойнаго бека. Потомъ видя въ лицѣ подроставшаго Назаръ-хана опаснаго для себя соперника, онъ отправилъ его къ эмиру Бухарскому съ просьбою непремѣнно задержать его въ Бухарѣ и на подѣ какомъ предлогомъ не выпускать его. Мать, братья и сестры Назара вскорѣ присоединились къ нему въ Бухарѣ

* Сеидъ-Ахатъ-ханъ до сихъ поръ не теряетъ надежды сдѣлаться когда-нибудь бухарскимъ эмиромъ, почему и поддерживаетъ переписку со своими сторонниками (довольно многочисленными).

съ нѣкоторыми изъ оставшихся имъ вѣрными приверженцами. Сперва положеніе этого семейства было сносно: Назаръ-ханъ поступилъ въ военную службу и своимъ жалованьемъ могъ кое-какъ поддерживать себя и своихъ родныхъ. Но къ ихъ несчастію и эмиръ, прослышавъ о красотѣ дѣвушекъ, сталъ ихъ требовать себѣ въ жены. Ему также отвѣтили: вы вѣроятно желаете ихъ для временной забавы, а потому по обыкновенію отдадите кому-нибудь изъ своихъ прислужниковъ; дѣвушки недостойны такой горькой участи. Нѣсколько разъ эмиръ настаивалъ на своемъ намѣреніи, но все безуспѣшно, тогда онъ далъ волю своему гнѣву. Назаръ былъ немедленно отставленъ отъ службы и со всѣмъ семействомъ засажень подъ строгимъ надзоромъ въ домъ нарочно для этого назначенный эмиромъ, съ запрещеніемъ выходить изъ него и имѣть съ кѣмъ бы то ни было сношенія. Формально было объявлено, подъ страхомъ наказанія, чтобы никто не смѣлъ помогать имъ и свататься за молодыхъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ несчастные были лишены всякихъ средствъ къ жизни. Младшій братъ Назара умеръ въ это время; жестокій эмиръ запретилъ его хоронить и трупъ пролежалъ нѣсколько дней въ домѣ; съ трудомъ могли испрошить позволенія закопать его. Конечно все семейство пошло бы неизбежно, еслибы не сжалился надъ нимъ одинъ бухарскій портной, который тайно доставлялъ дѣвушкамъ работу; скудною платой за свое руководствіе послѣднія могли кое-какъ поддерживать своихъ родныхъ и избавить ихъ отъ скорой смерти, которая всѣмъ имъ угрожала. Много прошеній было подаемо эмиру отъ Назара и его матери, которые просили отпустить ихъ или въ Коканъ, или въ Ташкентъ, но все было напрасно. Разъ какъ-то Музаффаръ позволилъ имъ выѣхать, но когда они подъѣзжали къ городскимъ воротамъ, то ихъ остановилъ полицейскій и вернулъ назадъ въ заключеніе. Назаръ-хану теперь около тридцати лѣтъ; онъ пользуется всеобщою симпатіей, одаренъ большимъ умомъ и хорошими качествами, въ Коканѣ очень уважаемъ и большая часть коканскаго населенія желаетъ имѣть его своимъ ханомъ. Каратегинскій* бекъ нѣсколько разъ подавалъ эмиру прошенія, съ многочисленными подлинными Коканцевъ, въ которыхъ были изложены просьбы

* Каратегинъ расположенъ на границѣ Бухары и Кокана.

содѣйствовать къ низверженію Худояра и замѣщенію его Назаръ-ханомъ, но Музаффаръ разрывалъ прошенія и наконецъ объявилъ что если ему еще разъ будетъ подано подобное, то онъ казнить подателя. Единственное желаніе семейства Назаръ-хана — избавиться отъ жестокостей эмира и вѣрной насильственной смерти, которая въ будущемъ готовится для всѣхъ членовъ этого семейства, а потому они и просятъ позволенія жить у своихъ родственниковъ въ Ташкентѣ, подъ охраной русскихъ законовъ. Никакихъ политическихъ цѣлей въ этомъ желаніи не нужно предполагать.

Официально торговля невольниками была запрещена въ Бухарѣ по повелѣнію эмира, и караванъ-сарай гдѣ привалились невольники теперь навсегда закрытъ; нарушители этого повелѣнія подвергаются даже наказанію, штрафу въ тысячу тенегъ и шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Несмотря на это, большое количество людей (большую часть кулцы) занимается тайно у себя на дому продажей и локулкой рабовъ. Попрежнему, главными поставщиками рабовъ могутъ назваться Туркмены, которыхъ баранты (разбой, набѣги) не прекращаются. Большинство попадающихъ въ неволю составляютъ Персіане (я уже говорилъ что Персіанъ очень много въ войскахъ эмира Бухарскаго, это все несчастные захваченные Туркменами). Но особенно великъ торгъ женщинами; ихъ даже изъ нашихъ предѣловъ Бухарцы везутъ посредствомъ обмана и всевозможныхъ хитростей и продаютъ секретно въ Бухарѣ, и это совершаютъ такъ ловко что положительно нѣтъ никакой возможности услѣдить за ними. Торговлей женщинами занимаются преимущественно Татары. Хотя формальное запрещеніе и существуетъ, но оно существуетъ номинально, такъ какъ самъ эмиръ секретно покровительствуетъ этой позорной торговлѣ. Къ ней его лобуждаютъ двѣ причины: вопервыхъ, торгъ этотъ доставляетъ ему новобранцевъ для войска, и вовторыхъ, такимъ способомъ онъ можетъ приобретать себѣ молодыхъ и красивыхъ женщинъ и избавляться отъ тѣхъ которыя ему уже надоели. Для локулки и продажи рабовъ и рабынь Музаффаръ держитъ особыхъ тайныхъ агентовъ, которымъ платитъ очень значительное содержаніе.

Труднѣе всего мнѣ было собрать точныя свѣдѣнія о переправахъ черезъ рѣку Аму-Дарью. По этому вопросу Бухарцы старались сбить меня съ толку и давали самыя разныя

рѣшвыя показанія. Наконецъ Каратаевъ и Урелевъ разрѣшили мои сомнѣнія.

Переправы черезъ Аму-Дарью на всемъ протяженіи Бухарскихъ владѣній находятся во власти Бухарцевъ. Конечно, я говорю здѣсь о правомъ берегу рѣки, такъ какъ на лѣвомъ нѣсколько переправъ принадлежатъ Авганцамъ. Переправы около города Чарджуя (черезъ Чарджуй караваны идутъ въ Мемедъ) въ трехъ мѣстахъ, а именно въ Устѣ, Черчекѣ и Бурдалыкѣ, отданы теперь въ аренду за сто тридцать восемь тысячъ тенегъ бухарскимъ кулцамъ. Около Ир-Сари, въ трехъ мѣстахъ переправами владѣютъ Туркмены, которые иногда платятъ Бухарѣ, но очень рѣдко, дань за право перевоза чрезъ рѣку. Большею же частію они стараются избѣжать этой издержки, а Бухарцы положительно не въ состояніи принудить ихъ къ исполненію условій, которыя существуютъ только номинально. Правительство бухарское оставило въ своемъ распоряженіи только одну переправу, самую большую, около города Керки, имѣющую довольно важное значеніе, такъ какъ она есть пунктъ соединенія нѣсколькихъ караванныхъ путей. Эмиръ находится въ постоянномъ страхѣ чтобъ Авганцы не овладѣли переправами, тѣмъ болѣе что онъ чувствуетъ себя вполнѣ неспособнымъ имъ противо-дѣйствовать.

Въ настоящее время Сеидъ-Музаффаръ-Эдинъ сильно за-нять равными нововведеніями и начинаетъ обращать большое вниманіе на управленіе странюю и на положеніе своихъ подданныхъ—фактъ утѣшительный. Я думаю что поддержка съ нашей стороны, даже самая незначительная, утвердитъ его въ этомъ благомъ рѣшеніи. Такою спасительною для страны переменю эмиръ безъ сомнѣнія обязанъ Каратаеву и тѣмъ лицамъ которыя клонятъ къ сближенію съ Россіей. Но это навѣрно совершится не скоро, потому что Бухарцамъ трудно вырваться изъ застоя, въ которомъ они пребывали неизмѣнно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Покуда эмиръ, нехотя соглашаясь на нѣкоторыя нововведенія, продолжаетъ противиться другимъ. Такъ ему нѣсколько разъ было предложено устроить правильное почтовое сообщеніе между Бухарою и Катта-Курганомъ, выставлены были ему всѣ выгоды которыя могли бы отъ этого произойти; но все напрасно, онъ отказалъ наотрѣвъ, доказывая что Русскіе могутъ воспользоваться этимъ средствомъ чтобы при случаѣ наве-

сти свои войска (какъ будто по почтѣ это легче сдѣлать) въ Бухару и завоевать ее. Его постоянно лугаетъ мысль что Россія непремѣнно овладѣетъ Бухарой, прельстившись ея богатствами.

Невѣжество Сеидъ - Музаффаръ выказывается во всемъ. Слѣдующій примѣръ можетъ ясно доказать на какой низкой ступени умственнаго развитія онъ стоитъ. Когда въ Самаркандѣ былъ пожаръ, Бухарцы успѣли однако спасти знаменитую Тамерлановскую библіотеку, которую и перевезли въ городъ Бухару. Теперь эта библіотека свалена въ подвалъ эмирскіе и никому не позволено ею пользоваться. Время, сырость и мыши производятъ въ ней большія олустошенія. Кромѣ того самъ Музаффаръ, нисколько не дорожа ею, когда является необходимость въ деньгахъ, отправляетъ довольно часто на базаръ продавать по пустяжнымъ цѣнамъ нѣкоторыя книги; сочиненія такимъ образомъ разрозниваются и если не положить этому конца, то скоро отъ всей библіотеки ничего не останется.

Возвращаюсь къ своему путешествію.

9го іюля утромъ мы присутствовали на прощальномъ завтракѣ, который мнѣ давали русскіе довѣренныя. На этотъ случай всѣ вина и закуски нарочно были ими выписаны изъ Катта-Кургана. Со слезами на глазахъ провожали насъ эти добрые люди, что произвело сильное впечатлѣніе на Бухарцевъ. Вечеромъ мы оставили городъ Бухару, простившись съ Абдуль-Кадыромъ и русскими торговцами. Путеводителемъ нашимъ до русской границы былъ назначенъ мирза Васихъ, первый секретарь кушбеги, очень умный, ученый, прямой и честный человѣкъ, общество котораго было приятнымъ развлеченіемъ во все время нашего обратнаго путешествія. Проѣхавъ по густо населенной мѣстности три таша, мы остановились на ночь въ кишлакѣ Куюкъ-Мазарѣ. *

10го іюля подъ вечеръ мы вступили въ степь Малекскую. Намъ предстояло сдѣлать три съ половиною таша по совершенно безводному, песчаному пространству. Погода была сперва великолѣпная, жаръ немного спалъ и тихій, теплый шамаль** умѣрялъ ночную прохладу, которая въ степяхъ

* Слова предъ каждымъ кишлакомъ начали выѣзжать къ намъ на встрѣчу разныя чиновныя лица.

** Шамаль — вѣтеръ.

бываетъ очень ощутительна. Но, къ нашему несчастію, это не долго продолжалось. Вдругъ поднялся сильнѣйшій вихрь, небо совершенно скрылось за черными тучами и со всѣхъ сторонъ начали взвиваться густые столбы пещу, такъ что мы едва видѣли другъ друга и съ большимъ трудомъ могли слѣдовать за нашимъ проводникомъ, быстро подвигавшимся на великолѣпномъ инокходцѣ. Опасность была не шуточная и перспектива погибнуть въ безводной степи отъ жажды и голода далеко не завидная. Малкій лесокъ провикалъ всюду, закрывая глаза и мѣшалъ смотрѣть впередъ; лошади со страху дрожали и хрипѣли; вѣтеръ такъ сильно дулъ что голоса совсѣмъ не были слышны. Послѣ всего этого легко понять съ какимъ наслажденіемъ мы въѣхали въ ворота маленькаго караванъ-сарая и съ какимъ облегченіемъ развалились подъ навѣсомъ на приготовленныхъ коврахъ. Хотя намъ сказали что этотъ переходъ былъ въ три съ половиною таша, но это невѣрно, такъ какъ онъ занялъ у насъ, несмотря на очень скорую ѣзду, почти всю ночь. Маленькое мѣстечко Малекъ (всего тридцать домовъ) находится почти посрединѣ степи. Большой мазаръ и сторожевая башня свидѣтельствуютъ и здѣсь о любви Абдулаа-хана къ красивымъ постройкамъ и о его заботливости облегчить путешественникамъ трудности переходовъ по степнымъ пространствамъ. Въ Малекѣ мы были встрѣчены диванъ-беги, посланнымъ отъ бека города Кермине.

11го іюля, преслѣдуемые сильнымъ вѣтромъ, мы проѣхали еще два таша по степи и достигли Кермине. Городъ расположенъ въ долинѣ, густо населенной. Онъ дѣлится на новый и старый, послѣдній почти совсѣмъ покинутъ, бывъ нѣколько разъ разоренъ Киргизами. Мѣстоположеніе его весьма красивое, на берегу рѣки Заравшана. Вдали темнѣютъ Нуратинскія горы. Надъ городомъ на горѣ возвышается большая крѣпость, построенная еще въ тѣ давно прошедшія времена, о которыхъ составилось столько баснословныхъ и повѣстическихъ преданій. Намъ помѣстили въ лѣтнемъ дворцѣ бека, поручивъ полеченіямъ михмандъръ-баши * Абдуль-Изакамирахура (племянника Китабскаго бека). Здѣсь я познакомился съ Василиемъ Юдинымъ, довѣреннымъ ростовскаго кул-

* Михмандъръ-баши—придворный чинъ. На его обязанности лежить приемъ почетныхъ гостей.

да Веснина. Въ Кермине я узналъ нѣкоторыя подробности о сопровождавшемъ насъ секретарѣ кушбеги, мурзѣ Васихѣ, который его характеризуютъ съ хорошей стороны. Васихъ былъ прежде закѣтчимъ въ Кермине и исполнялъ свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, за что и подвергнулся большому нападению своихъ многочисленныхъ враговъ. На него посылались доносы, вслѣдствіе чего онъ подалъ въ отставку. * Въ противность заведенному въ Бухарѣ порядку, онъ ничего не нажилъ и долго находился въ большой бѣдности. Потомъ только его способности были замѣчены кушбеги, который и взялъ его къ себѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Этотъ человекъ навѣрно будетъ играть большую роль въ Бухарѣ.

12го іюля насъ принималъ пятнадцатилѣтній бекъ, Сеидъ Абдуль-Ахатъ-ханъ, любимый сынъ эмира. Весьма умный, развитой и бойкій мальчикъ, онъ составляетъ рѣзкую противоположность со своимъ братомъ, бекомъ въ Карши. Посадивъ насъ на стѣлья (что совсѣмъ не принято въ Бухарѣ) онъ осведомился о здоровьи Государя Императора и русскихъ генераловъ; потомъ очень много разспрашивалъ о Россіи. Хотя и некрасивое, его выразительное лицо внушаетъ симпатію. Покуда мы находились въ его владѣніяхъ, онъ входилъ въ мельчайшія подробности и во всемъ выказывалъ нелюдвѣльное желаніе намъ угодить. Послѣ представленія мы заѣзжали къ Юдину, а затѣмъ провели нѣсколько часовъ у одного изъ старшихъ сановниковъ города, Раджибъ-мирахура, который устроилъ въ нашу честь баземъ.

13го іюля, сопровождаемые большою свитой, мы отѣхали три таша до кшлака Ташъ-Кулрюкъ и оттуда немного болѣе одного таша до города Зіаддива, гдѣ насъ принялъ владѣтельный бекъ. Городъ Зіаддивъ не великъ; дворецъ бека и крѣпость построены на небольшомъ возвышеніи, у подножія котораго широко разстилается быстрый Заравшанъ; отъ этой рѣки зависятъ богатства всѣхъ бухарскихъ владѣній. Бекъ полновластенъ въ своихъ незначительныхъ помѣстьяхъ и, имѣя частыя сношенія съ Русскими, онъ успѣлъ приобрести нѣкоторый европейскій лоскъ. Всѣ его разговоры клонились къ разрѣшенію разныхъ политическихъ вопросовъ. Онъ всячески старался выпытать отъ меня свѣдѣнія о на-

* Въ Бухарѣ такой поступокъ можно назвать рѣдкимъ.

мѣреніяхъ Россіи относительно Бухары, но я былъ насто-
рожъ и общими фразами отдѣлался отъ излишней откровен-
ности. Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, онъ задалъ намъ ве-
ликолѣбное представленіе, насколько это позволило средне-
азіятское искусство.

14го іюля мы распростились съ мирзою Васихомъ, кото-
рому я далъ письмо къ эмиру (письмо это я написалъ съ
цѣлью обезопасить его отъ всякихъ нападений), и при ру-
жейныхъ залпахъ (намъ отдавали честь) оставили Зіаддинъ.
Къ вечеру, сдѣлавъ два таша, мы прибыли въ кишлакъ-
Миръ, послѣднее пограничное поселеніе Бухары.

15го іюля, переваливъ черезъ Зарыбулакскія высоты (про-
славившіяся битвою, въ которой были совершенно разбиты
бухарскія войска), мы прибыли наконецъ въ Катта-Курганъ.
Отсюда, распростившись съ Бухарцами насъ сопровождав-
шими, мы уже въ тарантасахъ послѣдили по направленію
къ Самарканду.

Н. СТРЕМОУХОВЪ.

О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВНѢШНЯГО МІРА

И

ОСНОВАНІИ МЕТАФИЗИЧЕСКАГО ПОЗНАВІЯ

(ОТВѢТЬ К. Д. КАВЕЛИНУ)

Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Апріорная философія или положительная наука? по поводу диссертациі г. В. Соловьева*, г. Кавелинъ разсматриваетъ преимущественно два важные философскіе вопроса, тѣсно связанные между собой, именно вопросъ о дѣйствительности внѣшняго міра и о возможности метафизическаго познанія, подвергая своей критикѣ взгляды на этотъ предметъ найденные имъ въ моей диссертациі *Кризисъ западной философіи*. Критика г. Кавелина совершенно свободна отъ полемическаго характера и нисколько не требуетъ съ моей стороны мелочнаго и скучнаго труда самозащиты. Тѣмъ болѣе считаю я нужнымъ по поводу замѣчаній г. Кавелина дать означеннымъ философскимъ вопросамъ болѣе опредѣлительную и ясную постановку чѣмъ какую они могли получить въ моей диссертациі. Надѣюсь чрезъ это сами собою устранятся главныя возраженія моего почтеннаго критика.

Весь дѣйствительный міръ поскольку онъ существуетъ для меня, то-есть мною познается, есть непосредственно лишь мое представленіе, имѣеть слѣдовательно значеніе субъективное. Въ самомъ дѣлѣ, то что я называю внѣшними предметами состоитъ изъ ощущеній моихъ внѣшнихъ чувствъ, — зрѣнія, осязанія и т. д., — ощущеній, соединенныхъ въ опредѣленные образы или представленія. Итакъ прежде всего „міръ есть мое представленіе“. Весьма многіе мыслители на этой точкѣ зрѣнія и останавливались. Къ сожалѣнію едва ли кто-нибудь изъ нихъ былъ вполне послѣдователенъ. Такъ, отвергнувъ безъ большого труда собственное бытіе предметовъ внѣшней природы (въ тѣсномъ смыслѣ) эти мыслители обыкновенно не рѣшаются отрицать собственное бытіе одушевленныхъ личныхъ существъ, другихъ людей, внѣ познающаго субъекта. Между тѣмъ, ясно что если я отвергаю собственное бытіе явленій внѣшней природы на томъ основаніи что они суть лишь мои представленія, то вѣдь и другихъ личныхъ существъ (то-есть внѣшнихъ мнѣ) я теоретически знаю также лишь какъ свои представленія, лишь поскольку они существуютъ въ моемъ субъективномъ сознаніи, для меня, иначе я ихъ узнать не могу. Правда, я имѣю непосредственную увѣренность что они кромѣ того что суть мои представленія, для меня, — существуютъ еще и сами по себѣ, имѣютъ собственное бытіе; и эта увѣренность руководитъ меня въ моихъ практическихъ отношеніяхъ. Но такую же точно увѣренность имѣю я и относительно *остаъ* остальныхъ внѣшнихъ предметовъ: я приписываю собственное, независимое отъ меня существованіе не только другимъ людямъ, но и деревьямъ, столамъ, стульямъ и т. д., и эту увѣренность точно также предполагаетъ моя практическая жизнь. И еслибы въ этомъ послѣднемъ случаѣ философское сознаніе уличало въ обманъ непосредственную увѣренность, то тѣ же самыя улики имѣло бы оно и противъ собственнаго бытія личныхъ существъ внѣшнихъ познающему субъекту. Итакъ, чтобы быть здѣсь послѣдовательнымъ я долженъ отрицать собственное существованіе не только всѣхъ предметовъ безличной природы, но и всѣхъ другихъ личныхъ существъ кромѣ себя самого. На такую точку зрѣнія, которую я вмѣстѣ съ Гартманомъ назову *соиндивидуализма* и которая была бы очень на руку нашему практическому эгоизму, въ дѣйствительности однако врядъ ли

кто серіозно становился. Это, конечно, не есть еще философскій аргументъ. Но къ несчастію для всего этого воззрѣнія оно не можетъ остановиться даже на *солипсизмѣ*: оно должно идти далѣе къ такимъ заключеніямъ которыми само себя уничтожаетъ.

Если то обстоятельство что я знаю всѣ существа внѣшняго міра (не исключая и другихъ людей) лишь въ своихъ представленіяхъ, то-есть въ состояніяхъ моего сознанія, даетъ мнѣ право отрицать собственное, независимое отъ моего сознанія, бытіе этихъ существъ, то по той же причинѣ я долженъ отрицать и свое собственное существованіе какъ *субъекта* сознанія, такъ какъ и оно доступно мнѣ только въ состояніяхъ сознанія. Все сводится такимъ образомъ къ состояніямъ сознанія такъ или иначе между собою связаннымъ и не имѣющимъ никакого самобытнаго субъекта. Всѣ вещи и всѣ существа исчезаютъ, остаются только состоянія сознанія. Но такое воззрѣніе уже не только противорѣчитъ всякому обыкновенному смыслу, но заключаетъ въ себѣ и внутреннее логическое противорѣчіе: оно немыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ „состояніе сознанія“ въ противоположность вещи или существу самому въ себѣ? „Этотъ предметъ есть лишь состояніе моего сознанія“ значитъ что онъ существуетъ только относительно другаго, для другаго, именно для меня; и я могу сказать что весь міръ есть только состояніе моего сознанія, существуетъ только для меня; такое положеніе само по себѣ еще имѣетъ логическій смыслъ, хотя и противорѣчитъ общечеловѣческой увѣренности. Но если я отринувъ самобытность всего міра, признавъ что все на землѣ и небѣ существуетъ только для меня, есть только состояніе моего сознанія, долженъ послѣдовательно отрицать и свою собственную самобытность, то мнѣ приходится утверждать слѣдующее: я самъ, мое я есть не что иное какъ только состояніе моего сознанія. Ясно въ самомъ дѣлѣ что если я не имѣю самобытности, не емь существо само по себѣ, то я долженъ имѣть лишь бытіе для другаго, но этого другаго нѣтъ, потому что все существующее уже признано мною какъ только состояніе моего же сознанія, слѣдовательно уже предполагаетъ меня. Я могъ считать весь внѣшній міръ за представленіе, за бытіе для другаго, потому что для него было это другое, именно я самъ. Но если я и себя самого долженъ признать лишь за бытіе для другаго, лишь за обь-

ектъ, то тутъ другаго, то-есть субъекта, по отношенію къ которому я былъ бы представленіемъ или объектомъ,—такого субъекта тутъ уже нѣтъ, ибо все остальное признано тоже только за объектъ. Такимъ образомъ мнѣ приходится утверждать что я есмь только объектъ себя самого, только состояніе моего собственнаго сознанія; но мое сознаніе уже предполагаетъ меня какъ субъекта и нелѣпость положенія вполне очевидна. И нелѣпость эта распространяется на все возрѣніе; потому что если прежде я весь міръ признавалъ своимъ представленіемъ, лишь объектомъ по отношенію ко мнѣ какъ субъекту, то теперь когда я долженъ былъ отринуть и свое собственное бытіе, я отнимаю субъектъ и у внѣшняго міра, онъ превращается въ объектъ безъ субъекта, въ представленіе безъ представляющаго, въ бытіе для другаго безъ другаго. Но это очевидно не мыслимо; подъ объектомъ или представленіемъ разумѣется не что иное какъ бытіе по отношенію къ субъекту какъ другому необходимо предполагаемому. Объектъ безъ субъекта перестаетъ быть объектомъ, представленіе не есть представленіе когда нѣтъ представляющаго. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь нелѣпость, которая сама себя уничтожаетъ и переходитъ въ свою истину.

Если мы должны утверждать что все существующее состоитъ изъ объектовъ или представленій самихъ по себѣ, что все есть состоянія сознанія сами по себѣ, то это утвержденіе, если мы дадимъ ему логическій смыслъ, означаетъ что все существующее не зависитъ само по себѣ ни отъ какого внѣшняго ему субъекта, а есть вмѣстѣ и субъектъ и объектъ самъ по себѣ. Это значитъ что все что есть состоитъ изъ существъ имѣющихъ собственную внутреннюю дѣйствительность. Этимъ восстанавливается и феноменальная сторона міра, ибо самобытныя существа, относясь другъ къ другу, получаютъ бытіе для другаго, становятся представленіемъ этого другаго, и такимъ образомъ для каждаго изъ нихъ всѣ остальные, то-есть весь міръ, есть его представленіе.

Итакъ первоначальная неистинность разсмотрѣннаго возрѣнія заключалась не въ томъ утвержденіи что міръ есть мое представленіе,—это утвержденіе безспорно истинно,—но въ томъ предположеніи что если міръ есть мое представленіе, то онъ уже не можетъ имѣть собственнаго независимаго

отъ меня бытія. Поистинѣ же все можетъ быть моимъ представленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все есть существо само по себѣ, феноменальность міра не противорѣчитъ его само-бытности. Явленіе какъ представленіе и сущее въ себѣ—Ding an sich—не суть двѣ безусловно отдѣльныя, недоступныя другъ другу сферы, а только двѣ различныя, но нераздѣльныя стороны всякого существа. Засауга философскаго идеализма состоитъ въ томъ что онъ показалъ рѣшительное, радикальное различіе сущности отъ явленія, различіе по которому невозможно простое перенесеніе опредѣленій явленія на сущность и обратно; но это различіе не есть безусловная отдѣльность, поскольку совершенно различныя и даже противоположныя предикаты могутъ принадлежать одному и тому же субъекту. Все существующее имѣетъ совмѣстно какъ бытіе въ себѣ и для себя такъ и бытіе для другаго, есть и сущность и явленіе, но въ двухъ радикально различныхъ отношеніяхъ. Отсюда такимъ образомъ никакъ не слѣдуетъ то гегелианское положеніе что сущность вполне исчерпывается въ своемъ явленіи, что сущность въ различіи отъ явленія есть только разсудочная абстракція и что познаніе логическихъ формъ явленія есть тѣмъ самымъ уже и познаніе сущности, абсолютное знаніе. Поистинѣ же можно только утверждать что въ собственной дѣйствительности и явленіе нераздѣльно отъ сущности, хотя и различается отъ нея какъ различаются двѣ противоположныя стороны одного и того же, но въ нашемъ вѣдѣннѣ или предметномъ познаніи мы имѣемъ только одну сторону, именно феноменальную, и въ этомъ смыслѣ наше предметное познаніе, какъ недостигающее сущности, односторонне и неистинно; для познанія же другой, внутренней или существенной стороны нуженъ и другой способъ познанаія. Какъ явленіе не есть еще сущность, хотя въ дѣйствительности нераздѣльно отъ нея, такъ и познаніе явленія какъ явленія не есть еще познаніе сущности. Но если не вѣремъ гегелевскій принципъ, отождествляющій внутреннюю сущность съ логическими формами явленія, то столь же невѣрно, съ другой стороны, какъ мы сейчасъ увидимъ, и то основное предположеніе такъ-называемаго позитивизма что если мы въ своемъ предметномъ познаніи имѣемъ только явленія, то внутренняя сущность недоступна намъ уже никакимъ способомъ.

Изъ предыдущаго надѣюсь ясно что обвиненіе въ отрица-

ни дѣйствительности вѣшняго міра, взводимое на меня г. Кавелинымъ и основанное на томъ что я утверждаю исключительную феноменальность вѣшняго міра какъ вѣшняго, совершенно несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того что вѣшний міръ какъ такой, то-есть по отношенію ко мнѣ какъ другому (ибо вѣшнимъ можно быть очевидно только по отношенію къ другому), есть лишь мое представленіе (а это первая аксіома всякой философіи), никакъ не слѣдуетъ чтобъ онъ самъ по себѣ, безъ отношенія ко мнѣ, то-есть уже не какъ вѣшний, не имѣлъ собственной дѣйствительности. Этотъ столь какимъ я его вижу и осажу есть въ этихъ своихъ относительныхъ качествахъ мое представленіе, и только мое представленіе; но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ этому моему представленію не соответствовало никакой собственной, независимой отъ меня дѣйствительности, непосредственно мнѣ неизвѣстной. Напротивъ, указанное выше основаніе заставляетъ признать что всякому явленію соответствуетъ извѣстное, дѣйствительное, независимое отъ представляющаго субъекта бытіе.

Въ настоящее время феноменальность вѣшняго міра не есть философское только положеніе, но признается вполнѣ и физическою наукой, которая хорошо знаетъ что всѣ чувственныя качества вещей существуютъ лишь въ нашихъ ощущеніяхъ, а не въ самихъ вещахъ. Самъ г. Кавелинъ очень хорошо выражаетъ эту истину, говоря что всѣ познаваемые нами предметы, суть лишь *значки* того что существуетъ въ независимомъ отъ насъ дѣйствительномъ мірѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія *Задачи Психологии* г. Кавелинъ повторяетъ ту несомнѣнную истину что се содержаніе нашего вѣшняго опыта, все что мы называемъ вѣшними предметами, состоитъ лишь изъ элементовъ нашего собственнаго психическаго бытія, изъ ощущеній или печатлѣній нашихъ чувствъ. Но именно это и разумѣется одъ феноменальностью вѣшняго міра. Такимъ образомъ въ томъ пунктѣ г. Кавелинъ совершенно согласенъ со мною. Мы оба признаемъ ту безспорную истину что вѣшний міръ какъ онъ намъ непосредственно дается есть лишь явленіе, то-есть представленіе въ нашемъ сознаніи, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ему соответствуетъ нѣчто дѣйствительное само по себѣ и что эта его собственная дѣйствительность намъ непосредственно неизвѣстна.

Если вѣдѣніи міръ доступенъ мнѣ непосредственно лишь какъ явленіе, то-есть какъ мое представленіе, собственная же его сущность какъ независимая отъ меня не входитъ въ сферу моего непосредственнаго познанія, то самъ себѣ я доступенъ и со внутренней стороны, не какъ явленіе только, но и какъ существо. Я познаю не только свое отношеніе къ другому, но и собственное свое внутреннее бытіе. Я какъ и все существующее имѣю двѣ формы или стороны бытія—внѣшнюю, относительную или феноменальную, и внутреннюю, самостоятельную или существенную. Другое доступно мнѣ только съ своей феноменальной стороны, именно какъ другое, потому что быть явленіемъ и значить только быть для другаго; но самъ я себѣ доступенъ и со внутренней стороны какъ существо, ибо еслибы мое существо было мнѣ недоступно, то оно было бы уже другое, а не мое существо, и слѣдовательно я самъ не былъ бы существомъ, а только явленіемъ, что, какъ мы видѣли, невозможно. Ясно что единственное различіе между существомъ другаго и моимъ можетъ заключаться только въ томъ что другое недоступно мнѣ само по себѣ непосредственно, а лишь въ посредствующемъ отношеніи, тогда какъ мое собственное существо есть для меня или сознается мною непосредственно. Другое я знаю только во внѣшнемъ явленіи, себя какъ собственное существо; въ противномъ случаѣ между мною и другимъ не было бы никакого различія, что нелѣпо. Эта апіорная логическая необходимость осуществляется въ фактъ внутренняго непосредственнаго знанія или самознанія, которое вполнѣ признаетъ и г. Кавелинъ, называя его внутреннимъ или психическимъ зрѣніемъ. Меня удивляетъ что несмотря на это признаніе, г. Кавелинъ находитъ возможнымъ отрицать всякое существенное познаніе, познаніе по существу. Въ своей полемикѣ съ профессоромъ Свѣчниковымъ г. Кавелинъ постоянно открещивается ото всякаго подозрѣнія въ допущеніи имъ какого-либо познанія по существу. Но это очевидное недоразумѣніе. Разъ допущено особое внутреннее познаніе, отличное отъ моего познанія другихъ предметовъ чрезъ внѣшнія чувства, должно опредѣлить въ чемъ заключается это отличіе. Но очевидно что оно заключается только въ томъ что чрезъ внѣшнее или предметное познаніе я познаю вѣчто другое, то-есть хотя представленіе вѣшняго предмета и есть мое собственное внутреннее состояніе

но я необходимо отношу его къ другому, признаю его непосредственно только значкомъ этого другаго, во внутреннемъ же познаніи я познаю не другое, а непосредственно себя самого, внутреннія собственныя опредѣленія своего существа, такъ что тутъ познаваемое не есть другое для познающаго, а онъ самъ, и такимъ образомъ это внутреннее познаніе есть непосредственное саморазличеніе, самопознаніе психическаго существа. Правда что я познаю лишь рядъ психическихъ состояній, но я знаю что эти состоянія суть непосредственныя выраженія моего существа, а не другаго, иначе я не сознавалъ и не называлъ бы ихъ *моими* психическими состояніями. Такимъ образомъ если и можно называть эти психическія состоянія явленіями (я не буду спорить о словахъ), то это явленія совершенно иного рода, чѣмъ то что я называю внѣшними явленіями. Существо которое не выражается въ моихъ внутреннихъ состояніяхъ не есть мое; единственное существо которое я могу назвать моимъ есть то которое мнѣ непосредственно извѣстно въ этихъ психическихъ состояніяхъ. Если такимъ образомъ я могу непосредственно познавать только свое существо, то слѣдовательно этимъ внутреннимъ самознаніемъ ограничивается для меня вообще существенное познаніе въ собственномъ смыслѣ. Всякое другое познаніе о существѣ,—всякое познаніе о существѣ другаго я могу получить только чрезъ какое-либо соединеніе съ этимъ непосредственнымъ внутреннимъ самознаніемъ, то-есть чрезъ такое или иное распространеніе опредѣленій своего внутренняго бытія на другое. Должно различать *существенное* познаніе отъ познанія *о существѣ*. Существенно или по существу, я могу познавать только свои внутреннія психическія состоянія какъ непосредственныя выраженія моего собственнаго существа. Но я могу имѣть посредственное познаніе и о существѣ другаго, хотя это не будетъ уже существенное познаніе въ показанномъ смыслѣ. Такъ напримѣръ, еслибъ я имѣлъ логическія основанія признать что другое внѣ меня существующее, напримѣръ другой человекъ, который непосредственно извѣстенъ мнѣ только со своей внѣшней, феноменальной стороны, самъ по себѣ имѣетъ такія же внутреннія психическія состоянія какъ и я, имѣетъ слѣдовательно такое же внутреннее существо какъ и то которое извѣстно мнѣ въ моемъ непосредственномъ самознаніи, тогда я имѣлъ бы

въкоторое познаніе о существѣ этого другаго, хотя это познаніе и не было бы существеннымъ, насколько внутрення состоянія этого другаго въ ихъ непосредственности оставались бы для меня все-таки недоступными, я зналъ бы о нихъ лишь посредствомъ аналогіи.

Теперь спрашивается: имѣю ли я дѣйствительно какое-нибудь познаніе о существѣ другаго? Несомнѣнно имѣю, именно о существѣ другихъ людей, ибо я знаю что другіе люди кромѣ своей феноменальной стороны, то-есть кромѣ ихъ отношенія къ моему познающему субъекту, кромѣ ихъ предметности, имѣютъ еще и внутреннюю психическую сторону, суть *однородныя* со мною существа; то-есть обладающія всѣми существенными внутренними опредѣленіями которыя открываются мнѣ въ моемъ самосознаніи. Такимъ образомъ то что для одного внѣшняго предметнаго познанія безусловно недоступно, есть чистое *x*,—внутренняя подлежательная сторона другаго,—становится доступнымъ и известнымъ чрезъ аналогію съ содержаніемъ внутренняго самосознанія. И эта аналогія не есть абстрактная, а совершенно непосредственная. Я непосредственно *увѣренъ* и знаю что человекъ съ которымъ я разговариваю не есть проявленіе какого-то неизвѣстнаго мнѣ Ding an sich, а самостоятельное существо, имѣющее *такую же* внутреннюю дѣйствительность какъ и я самъ. Но спрашивается: имѣеть ли эта увѣренность положительное логическое основаніе, можетъ ли она быть сведена къ какому-нибудь необходимому логическому закону? Я нахожу что можетъ, именно къ закону? аналитически выводимому изъ закона тождества и выражающемуся такъ: *постоянная и непосредственная однородность (материальная и формальная) независимыхъ другъ отъ друга проявленій (точнѣе: рядовъ проявленій) предполагаетъ внутреннюю однородность проявляющихся существъ.* Такой законъ, какъ и всѣ другіе логическіе законы, есть не что иное какъ общее логическое выраженіе того что дано уже въ нашей непосредственной увѣренности. Но именно какъ *общій* законъ этотъ можетъ неопредѣленно расширять кругъ своего примѣненія въ области возможнаго опыта. Такъ и извѣстный физическій законъ, отвлеченный первоначально отъ явленій совершающихся только на земномъ шарѣ, можетъ потомъ съ безусловною достовѣрностью примѣняться и къ мировымъ тѣламъ. Поэтому спрашивается: до какихъ предѣловъ имѣемъ мы осво-

ваніе расширить кругъ примѣненія указаннаго логическаго закона? Уже въ непосредственной увѣренности кругъ этотъ не ограниченъ міромъ человѣческимъ, а включаетъ въ себя и міръ животный. Наша непосредственная увѣренность признаетъ у животныхъ внутреннюю психическую дѣйствительность на томъ основаніи что внѣшнія ихъ проявленія существенно однородны съ соответствующими проявленіями нашей собственной природы. Но извѣстно что наука давно уже сняла границу между міромъ животнымъ и растительнымъ; явленія этого послѣдняго признаетъ она существенно однородными съ явленіями перваго, и такимъ образомъ распространяя и на міръ растеній примѣненіе нашего основнаго логическаго закона, заставляетъ и въ нихъ признать такую же внутреннюю психическую дѣйствительность какую мы признаемъ въ людяхъ и животныхъ. Но наука идетъ дальше и снимаетъ безусловную границу между міромъ органическимъ и неорганическимъ, утверждая существенную однородность въ явленіяхъ того и другаго. Такимъ образомъ и на неорганической міръ простирается нашъ законъ; и на его основаніи мы должны признать собственную внутреннюю дѣйствительность не только у недѣлимыхъ органическихъ, но и у недѣлимыхъ неорганическихъ, то-есть у атомовъ, при этомъ исчезаетъ логическое противорѣчіе существующее въ признаніи чисто вещественныхъ, то-есть лишенныхъ всякой внутренней дѣйствительности, атомовъ. Итакъ мы должны признать что все существующее состоитъ изъ единичныхъ дѣлимыхъ или монадъ имѣющихъ собственную внутреннюю дѣйствительность однородную съ тою какую мы знаемъ непосредственно въ своемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ. взаимныя отношенія этихъ существъ между собою и къ нему познающему субъекту образуютъ міръ вещественныхъ явленій. Во внѣшнемъ или предметномъ познаніи мы знаемъ только эти вещественныя явленія, но благодаря нашему внутреннему опыту и логическому примѣненію его мы знаемъ къ міру внѣшнему мы знаемъ что въ основѣ всѣхъ вещественныхъ явленій находится извѣстное психическое бытие такое же въ существѣ какъ и наше собственное, такъ что существующее представляетъ различія лишь въ степени. Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣкоторое познаніе о внутреннемъ существѣ всего другаго и если всякое познаніе существѣ другаго называть метафизическимъ, то мы уже

тутъ имѣемъ въ некоторое метафизическое познаніе. Но это познаніе весьма односторонне. Мы знаемъ здѣсь только о единичныхъ существахъ какъ такихъ. Но въ конкретной дѣйствительности, единичныхъ существъ самихъ по себѣ нѣтъ. Они существуютъ лишь въ постоянной, необходимо определенной, связи между собой, въ одномъ цѣломъ, котораго они суть лишь элементы. Поэтому въ своемъ познаніи о единичныхъ существахъ мы познаемъ лишь „стихию міра“, а не самъ міръ какъ единое цѣлое. Міръ не есть только простая совокупность единичныхъ существъ, а ихъ логическій и телеологическій порядокъ — космосъ. Частныя существа какъ такія составляютъ лишь субстратъ или подлежащее (υποκειμενον) міра, бытіе же его какъ единого цѣлаго, определяемого общими формами и общею цѣлью, предполагаетъ особое абсолютное первоначало, и это первоначало не есть только основаніе общихъ формъ и цѣли міра, но также и основаніе единичнаго бытія поскольку единичныя существа не имѣютъ отдѣльнаго бытія, сами по себѣ, а существуютъ лишь въ отношеніи ко всему космосу. Определение абсолютнаго первоначала или метафизической сущности въ собственномъ смыслѣ, составляющее высшую задачу философіи, возможно, поскольку дѣйствительный космосъ какъ проявленіе метафизической сущности доступенъ намъ чрезъ внутренній и вѣдѣнный опытъ и поскольку характеромъ проявленія определяется характеръ проявляющагося. И еслибъ оказалось что отношенія дѣйствительнаго космоса заставляютъ предполагать въ ихъ метафизическомъ первоначалѣ опредѣленія аналогичныя съ тѣми какія мы знаемъ въ своемъ духовномъ бытіи, то мы получили бы положительное, хотя и весьма общее, познаніе о метафизическомъ существѣ космоса по аналогіи съ своимъ собственнымъ существомъ.

Изъ этихъ краткихъ указаній, надѣюсь, г. Кавелину будетъ ясно почему я приписываю большую важность философіи Шопенгауэра и Гартмана, несмотря на очевидную несостоятельность этой философіи въ смыслѣ полной и окончательной системы, и почему я не могу придавать никакого положительнаго значенія такъ-называемому позитивизму. Всякія дальнѣйшія объясненія въ сферѣ метафизическихъ вопросовъ были бы пока преждевременны, и потому я окончу рѣзюмируя сказанное.

1) Во внѣшнемъ или предметномъ познаніи, то-есть въ познаніи происходящемъ изъ данныхъ внѣшнихъ чувствъ, мы познаемъ только реальныя отношенія дѣйствительныхъ существъ, то-есть ихъ внѣшнее взаимодействіе.

2) Въ опытѣ внутреннемъ, то-есть происходящемъ изъ данныхъ самосознанія, мы познаемъ уже не отношенія только, а нѣкоторое дѣйствительное психическое существо, именно наше собственное, и только во внутреннемъ опытѣ возможно непосредственное познаніе существа вообще или то тѣ я называю существеннымъ познаніемъ.

3) Черезъ логическое соотношеніе данныхъ внутренняго и внѣшняго опыта мы можемъ имѣть и имѣемъ нѣкоторое познаніе и о другихъ существахъ внѣ насъ, притомъ какъ о истинныхъ существахъ, такъ и о всеединомъ метафизическомъ существѣ или абсолютномъ первоначалѣ космоса.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ.

СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫХЪ

(ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

I.

Если вамъ случалось проѣзжать по большой ....ской доро-
гѣ, конечно не могла не обратить на себя вниманія нашего
живописная господская усадьба примыкающая къ большому
торговому селу Бакланамъ. Усадьба эта расположена по от-
логому скату покрытой сплошнымъ лѣсомъ горы, отдѣляю-
щейся отъ дороги длиннымъ, широкимъ прудомъ. На тек-
номъ фонѣ вѣковыхъ лилъ рельефно выдѣляется, выбѣгая
влередъ полукруглою колоннадой, затѣливой архитектуры
длинный фасадъ стариннаго барскаго дома, съ симметрически
расположенными по обѣ стороны его каменными фангелами,
колоннами и другими надворными строеніями. Его постро-
илъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія тогдашній Бакланов-
скій вотчинникъ, Екатерининскій вельможа, Н. М. Баклановъ.
Вслѣдствіе какихъ-то придворныхъ интригъ, онъ долженъ
былъ оставить службу и поселился доживать остатокъ дней
въ родовомъ имѣніи своемъ. Онъ перенесъ съ собою и свои
привычку къ размахистой широкой жизни и не отказывалъ
себѣ ни въ какихъ прихотяхъ и барскихъ затѣяхъ: у него
была своя музыка, свой доморощенный театръ, царскы

псовая охота и огромная дворня. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ, и въ посѣтителяхъ, конечно, недостатка не было; прѣзжали навѣщать старика и петербургскіе гости, преимущественно изъ партіи недовольныхъ порядками послѣднихъ годовъ великаго царствованія, и гащивали у него подолгу. Такъ шла жизнь въ Бакааныхъ въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, пока въ одинъ прекрасный день не умеръ, вслѣдствіе приступа подагры, спальный вельможа и не унесъ съ собою въ могилу всего, кромѣ воздвигнутыхъ имъ прихотливыхъ и ни на что ненужныхъ построекъ и соединенныхъ съ ними никого не интересующихъ воспоминаній. Сынъ его, занимавшій какой-то значительный постъ на службѣ, жилъ постоянно въ Петербургѣ и за границей и ни разу не прѣехалъ взглянуть на свое прадѣдовское наслѣдіе. Болѣе полувѣка домъ оставался необитаемымъ, неподдерживаемымъ затѣдливыми постройками съ каждымъ годомъ приходили въ упадокъ; заглохъ оставленный безъ призора садъ и мало-по-малу все пришло наконецъ въ окончательное запустѣніе. Но и въ самомъ запустѣніи этомъ была какая-то дикая, своеобразная прелесть, и проѣзжіи невольно останавливались полюбоваться развертывавшеюся предъ нимъ очаровательною картиной. Всюду видѣлись еще слѣды минувшей размахистой жизни. Сквозь густую листву буйно разросшихся деревьевъ и кустарниковъ мелькали тамъ и сямъ полуразвалившіеся причудливыхъ видовъ кіоски и бесѣдки; по сторонамъ заглохшихъ аллей мѣстами стояли еще уцѣлѣвшіе остатки статуй; отъ балкона къ пруду шель широкій каменный спускъ съ поросшими травой ступенями и площадками и стоящими у самой воды сфинксами. Поодаль отъ него, изъ-подъ крутаго берега одиноко выглядывалъ полуобрушившійся гротъ съ окружавшими его когда-то искусственными, а теперь уже настоящими, руинами и каменнымъ бассейномъ. Здѣсь, по разказамъ стариковъ, билъ нѣкогда фонтанъ, плавали золотыя рыбки и въ званые дни игралъ оркестръ домашней музыки. До половины заросшій камышомъ прудъ окаймляли плакучія ивы и березы, склоняясь надъ самою водой, и опустивъ въ нее длинныя и гибкія вѣтви свои онъ представлялъ ландшафту какой-то волшебный, чарующій видъ. Какъ казалось предъ вами стоялъ очарованный замокъ какой-нибудь слящей феи. „Вотъ, вотъ, думали вы, очнется она отъ своего долгаго сна, ударить волшебнымъ жезломъ и снова

закинуть въ немъ прежняя, своеобразная жизнь." Но фея не просыпалась, отжившая вѣкъ свой жизнь предъ вами не воскресала и долго въ нѣмомъ раздумьи смотрѣли вы на эти такъ краснорѣчиво говорящіе остатки минувшаго.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ усадьба эта принадлежала внуку Екатерининскаго вельможи, отставному гвардіи полковнику Александру Васильевичу Бакланову. Поселившись въ ней, онъ не считалъ нужнымъ реставрировать ее въ первоначальномъ видѣ. Онъ былъ человѣкъ положительный и смотрѣлъ на вещи съ практической точки зрѣнія; а потому, ремонтировавъ какъ слѣдуетъ домъ и надворныя строения и сдѣлавъ кое-какія необходимыя разчистки въ саду, онъ бросилъ дѣдовскія затѣи на произволъ судьбы, предоставивъ имъ полную свободу разрушаться и мало-по-малу обращаться въ мусоръ. Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ не по годамъ былъ еще бодръ и свѣжъ. Онъ былъ средняго роста, сухаго, но крѣпкаго сложенія. Его открытое лицо, высокій лобъ съ прямо и смѣло смотрѣвшими изъ подъ него глазами и нѣсколько вздернутая подъ нависшими на нее усами губа изобличали въ немъ человѣка съ твердымъ, непреклоннымъ характеромъ. Говорилъ онъ громко и отрывисто, съ особою свойственною военнымъ людямъ тогдашняго времени интонаціей. Въ разговорѣ и приемахъ его была та развязность и самоувѣренность которыя даютъ независимость средствъ и извѣстное положеніе въ обществѣ; но такъ какъ у него самоувѣренность эта была вмѣстѣ и прямымъ слѣдствіемъ настолько глубоко сознаннаго чувства собственнаго достоинства что она позволяла ему безъ ущерба для его самолюбія признавать и уважать чувство это и въ другихъ, то она никогда не переходила въ ту грубую, подавляющую безцеремонность, которую иные позволяютъ себѣ въ обращеніи съ тѣми кого почему-либо считаютъ ниже себя. Правда, въ голосѣ его слышалось какъ бы что-то начальственное, нетерпящее возраженія; но это была не болѣе какъ привычка вынесенная имъ изъ военной службы, — привычка, переходящая обыкновенно незамѣтно со служебныхъ на частныя и даже на семейныя отношенія. Баклановъ былъ горячъ и вспыльчивъ, но умѣлъ вовремя сдерживать себя и въ минуту раздраженія не приступалъ ни къ какому серьезному рѣшенію: „утро вечера мудренѣе“, говорилъ онъ, и откладывалъ дѣло до другаго дня. Въ домашнемъ быту онъ

не былъ ни деспотъ, ни самодуръ; въ семейныхъ дѣлахъ признавалъ за женой право голоса, принималъ въ соображеніе ея справедливыя требованія, въ иныхъ случаяхъ исполнялъ даже ея прихоти и причуды; но въ болѣе круныхъ и серьезныхъ вопросахъ оставлялъ послѣднее слово за собою и; принявъ разъ зрѣло обдуманное рѣшеніе, уже не измѣнялъ его. Вообще онъ былъ хорошій семьянинъ, заботливый и нѣжный отецъ, но не умѣлъ высказывать чувствъ своихъ и если высказывалъ ихъ, то какъ-то особенно, по своему; такъ, онъ очень любилъ сына, но отношенія его къ нему отзывались какою-то военною дисциплиной, — точно онъ хотѣлъ приучить его съ дѣтскихъ лѣтъ къ строевой субординаціи. Онъ былъ въ душѣ консерваторъ и потому врагъ нововведеній; но если видѣлъ что они были полезны, первый содѣйствовалъ ихъ проведенію. Характера онъ былъ настолько же прямаго и правдиваго, насколько стойкаго и послѣдовательнаго; аккуратность его въ дѣлахъ и пунктуальность доходили до педантизма; вся жизнь его была имъ заранѣе, такъ сказать, разграфлена, и отступить отъ разъ уже обдуманнаго и принятаго плана онъ не позволялъ себѣ ни на пядь.

Лишившись еще въ молодыхъ лѣтахъ отца и матери и располагая болѣе нежели независимымъ состояніемъ, онъ могъ бы жить роскошно, не отказывая себѣ ни въ какихъ прихотахъ; но и служа въ гвардіи, онъ жилъ очень скромно, и не потому чтобы былъ скупъ или разчетливъ, а потому что не имѣлъ ни особой къ чему-либо страсти, ни склонности жить на болѣе широкую ногу. Онъ не чуждался общества, гдѣ было нужно, не отставалъ отъ своихъ товарищей, но ничѣмъ не увлекался и во всемъ умѣлъ держаться благоразумной середины. Бакаановъ не имѣлъ особой склонности и къ военной службѣ, но исполнялъ требованія ея свято и пунктуально, потому что взявшись за какое бы то ни было дѣло, ставилъ себѣ въ обязанность заниматься имъ добросовѣстно, прослужить же извѣстное число лѣтъ на государственной службѣ онъ считалъ непрѣмьнымъ долгомъ всякаго дворянина. Не менѣе священнымъ долгомъ своимъ, какъ помѣщика, считалъ онъ, по выходѣ въ отставку, заяться устройствомъ и управленіемъ доставшагося ему отъ предковъ имѣнія; а потому, дослужившись до полковничьяго чина, какъ чина дающаго уже извѣстное почетное положеніе въ обществѣ, онъ несмотря на увѣщанія начальства и

просьбы товарищей вышелъ въ отставку и поѣхалъ хозяйничать въ родовое помѣстье свое, село Большіе Бакавы.

Хозяйство свое нашелъ онъ въ грустномъ положеніи. Управляющій, завѣдывавшій имъ безконтрольно въ продолженіе долгихъ лѣтъ, не столько заботился объ интересахъ помѣщика сколько о своихъ собственныхъ, и Бакавову не трудно было убѣдиться что онъ высылалъ ему едва половину получавшихся съ имѣнія доходовъ. Несмотря однакожь на это, онъ, сознавая неолытность свою въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, рѣшился удалить обкрадывавшаго его управляющаго лишь изучивъ подъ его же рукой это новое и совершенно незнакомое ему дѣло настолько что могъ съ помощью избраннаго имъ изъ крестьянъ бурмистра обойтись безъ его совѣтовъ. Одновременно съ хозяйствомъ занялся онъ и улучшеніемъ быта разоренныхъ крестьянъ своихъ.

Исполнивъ такимъ образомъ два лежавшіе на немъ долга, какъ дворянина и помѣщика, Бакавовъ согласно съ составленною имъ программой приступилъ къ исполненію послѣдняго оставшагося на немъ долга увѣковѣченія рода своего женитьбой. Если онъ не женился раньше, состоя на службѣ въ Петербургѣ, то не потому что не представлялось къ тому случая, а потому что, съ одной стороны, считалъ тогда дѣло это еще преждевременнымъ, а съ другой, хотѣлъ жениться непременно на дочери такого же помѣщика какимъ долженъ былъ сдѣлаться самъ. „Петербургская или московская жена, думалъ онъ, станетъ склонять меня къ столичной жизни; а долгъ мой жить въ имѣніи, получивъ которое отъ предковъ своихъ, я приваля на себя и обязанность лично завѣдывать имъ и лежись о благосостояніи оставшихся мнѣ полутора тысячъ душъ крестьянъ. И какое имѣю я право передать эту священную обязанность въ постороннія руки?“ У Бакавова и на счетъ женитьбы была своя программа, свои особые требованія. Къ счастью, всѣ требованія эти, какъ казалось ему, соединяла въ себѣ дочь сосѣда его Льва Федоровича Кудярова, жившаго безвыѣздно въ родовомъ имѣніи своемъ, въ пятидесяти верстахъ отъ Бакавова. Она была умна, недурна собою и очень хорошо по тогдашнимъ требованіямъ воспитана. У Кудяровыхъ было и родство, и связи; родъ же ихъ былъ такъ древенъ что по этикету стараго Французскаго двора давалъ бы право на мѣсто въ каретѣ короля. Со втораго же приѣзда къ Буда-

ярову Бакаановъ далъ ему понять цѣль своихъ посѣщеній, а на третій, какъ водится, за мазуркой, сдѣлалъ предложеніе. Причинъ къ отказу не было; правда, онъ былъ уже не первой молодости, но казался много моложе своихъ лѣтъ, былъ богатъ, гвардейскій полковникъ, что казадъ тому тридцать лѣтъ имѣло свое значеніе, словомъ, невѣсть по-правилса; предложеніе было принято и ровно черезъ мѣсяцъ онъ въѣзжалъ въ дѣдовскій домъ свой съ молодою женой.

Бакаанову было уже подѣ сорокъ лѣтъ и привыкать къ совершенно новымъ для него требованіямъ семейной жизни ему конечно было не легко; но онъ предвидѣлъ это и заранѣе приготовился къ необходимымъ уступкамъ; не предвидѣлъ онъ лишь того что не столько разница въ лѣтахъ, сколько разница въ характерахъ и направленіяхъ должна была сдѣлаться главною помѣхой къ осуществленію задуманнаго имъ семейнаго быта. Дѣйствительно, насколько онъ былъ положительъ и практиченъ, настолько жена его была мечтательна и экзальтирована. Этою мечтательностью и восторженнымъ направленіемъ своимъ обязана была она полученному ею воспитанію. Еще бывши ребенкомъ, лишилась она матери; отецъ ея, ничего не понимавшій въ трудномъ дѣлѣ воспитанія пятилѣтней дѣвочки, обратился за совѣтомъ къ теткѣ и та прислала изъ Петербурга какую-то Француженку-эмигрантку, которая, нося сама аристократическую фамилію, должна была, по мнѣнію ея, дать и питомицѣ своей самое блестящее и приличное званію ея воспитаніе. Madame de Bélicourt, никогда не занимавшаяся этимъ дѣломъ и жившая до того компаньонкой при какой-то знатной барынѣ, потѣшая ее своей болтовней, начала съ того что создала въ воображеніи дѣвочки какой-то фантастическій міръ, населенный небывалыми дивами, рассказывала ей о своей далекой милой родинѣ, ея роскошной природѣ, о прелестяхъ парижской жизни, брала все русское и удивлялась какъ сколько-нибудь образованный чедовѣкъ можетъ жить въ этой варварской сторонѣ; когда же та достигла возраста полнаго пониманія, читала съ нею романы Бальзака, Судье и Жоржъ Санда, распаляя ея воелпримчивое воображеніе чудовищными проявленіями необузданныхъ страстей. Результатомъ всего этого было то что молодая дѣвушка только и мечтала что о далекой невѣдомой ей сторонѣ съ ея чудными небомъ и роскошною природой, бредила Жоржъ-

Сандовскими героинями, скучая деревенскою захолустной жизнью, и возненавидѣла родину свою съ ея полугодовою зимой, курными избами, овчинными тулупами и непроходимую грязью. Баклаковъ увидѣлъ это съ первыхъ же дней женитьбы и тутъ же положилъ себя выбить у жены эту дурь изъ головы, но ему пришлось дѣйствовать на зыбкой, совершенно незнакомой ему почвѣ, и на этотъ разъ всѣ усилія его оказались тщетными. Чѣмъ болѣе старался онъ доказать ей что весь ея фантастическій міръ существовалъ лишь въ ея экзальтированномъ воображеніи, тѣмъ болѣе сосредоточивалась она въ себя самой и недовѣрчиво глядѣла на него, какъ на человѣка грубаго, матеріальнаго, поглощеннаго заботами обыденной жизни и для котораго высшія эстетическія наслажденія недоступны. Убѣдясь что продолжалъ идти этимъ путемъ, онъ неминуемо довелъ бы жену свсю до сознанія себя женщиной непопалтою и несчастною, *femme malheureuse et incomprise*, этой отравы семейной жизни, онъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ рѣшился повезти жеманчицу свою въ тѣ страны которыя такими яркими, заманчивыми красками рисовало ей ея экзальтированное воображеніе и доказать ей уже не на словахъ, а на дѣлѣ что какъ ни восхитительно роскошное италянское небо, оно мало чѣмъ лучше нашего православнаго, стелнаго: что какъ ни хороши лимонныя и алейсинныя деревья, далеко имъ до нашей развѣсистой березы или раскидистаго вяза; что какъ ни люты наши трескучіе морозы, во зимой и въ Италиі, дрожа отъ холода въ нетолстой остеріи, не разъ вспомнишь о русской, хотя и соломою толлею, избѣ, и что въ концѣ-концовъ можно точно также скучать на живописныхъ берегахъ Комскаго озера или Средиземнаго моря, какъ быть счастливымъ и живя въ стелномъ захолустьѣ. Предложеніе было принято, разумѣется, съ восторгомъ. Молодые наши пролутешествовали цѣлый годъ и чуть не объѣхали всю Европу. Они были и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Неаполѣ, и въ Венеціи; ѣздили даже въ Испанію, ѣздили на Эскуріаль и Альгамбру. Они любовались живописными берегами Рейна, и великолѣпнымъ видомъ Неаполя, восходили на Везувій, катались въ гондолахъ по лагунамъ и каналамъ Венеціи, словомъ, Баклаковъ возилъ жену свою всюду куда ей только хотѣлось. Сначала она отъ всего приходила въ неописанный восторгъ: первый сорванный ею и

лугахъ гиацить довелъ ее до слезъ и она лишь жалѣла что подлѣ нея не было Mme de Bélicourt чтобы подѣлиться съ нею своими впечатлѣніями. Такъ прошли первые три мѣсяца, и экзальтированное состояніе ея стало мало-по-малу переходить въ болѣе нормальное, чему много способствовало и то что все что она находила было ниже того чего ожидала. Она уже не отыскивала средневѣковыхъ руинъ, чтобы допрашивать ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, не стояла по нѣскольку часовъ въ нѣмомъ экстазѣ предъ памятниками искусства и стала предпочитать имъ прозаическую релетку, которой впрочемъ въ первое время предалась также съ большимъ увлеченіемъ, и спокойно проѣзжала мимо живописныхъ развалинъ Гейдельбергскаго замка въ Вольфсбрунъ, полакомиться его жирными форелями.

— А что-то дѣлается теперь тамъ у насъ въ степной глуши? сказала она наконецъ мужу послѣ десятидневнаго пребыванія за границей, сидя на каменной скамьѣ Promenade des Anglais и разсѣянно глядя на проходившую мимо толпу гуляющихъ.

Бакалановъ торжествовалъ.

— Тамъ теперь морозы да метели, отвѣтилъ онъ;—а здѣсь, посмотри, какая благодать: солнце грѣетъ по-лѣтнему, цвѣтутъ фіалки и съ моря вѣетъ живительною прохладой.

Софья Львовна посмотрѣла на мужа; она, казалось ей, люляла его и ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Съ какимъ удовольствіемъ прокатилась бы я теперь на тройкѣ въ саняхъ и хоть взглянула бы на нашу настоящую русскую зиму, сказала она нѣсколько дней спустя.

— Одно воображеніе, отвѣтилъ также хладнокровно Бакалановъ.—Какъ можно сравнить здѣшнюю зиму съ нашею.

И оба замолчали.

Софья Львовна еще не рѣшалась признаться мужу, но ей, привыкшей къ своему собственному осѣдлому угау, въ которомъ она чувствовала себя барыней, окруженной, избалованной извѣстнымъ почетомъ въ кругу сосѣдей и знакомыхъ, просто стала наскучать эта страствующая, скитальческая жизнь, эта бездомовность, это полное обезличеніе среди незнакомой и чуждой ей толпы. Еще прошелъ мѣсяць послѣ послѣдняго разговора и она наконецъ прямо призналась что скучаетъ по Бакаланамъ и Кудеярову, добавивъ что сестра ея въ послѣднихъ письмахъ своихъ въ такихъ мрачныхъ

краскахъ описываетъ положеніе больного отца что, оставаясь долѣе за границей, она боится не застать его въ живыхъ. Баклановъ не возражалъ и черезъ день они уже были на возвратномъ пути въ Россію. Была еще другая причина заставившая ихъ послѣшить возвращеніемъ: Софья Львовна готовилась быть матерью.

Пріѣхавъ въ Бакланы, она была счастлива какъ ребенокъ; бѣгала по всему дому, прыгала отъ радости, перецѣловалась со всѣми домашними, какъ будто бы уже отчаивалась съ ними видѣться, смѣялась, плакала, и когда наконецъ, успокоившись, сѣла въ свои любимыя кресла предъ затопленнымъ каминомъ, призналась чистосердечно что если въ гостяхъ и хорошо, но дома лучше. Не менѣе ея былъ счастливъ и Баклановъ; комбинація его удалась вполнѣ: жена теперь уже не могла жаловаться на судьбу и говорить что она une femme malheureuse et incomprise; потому что онъ доказалъ ей что лопялъ ее какъ нельзя лучше и сдѣлалъ все что могъ чтобы не только доставить ей то счастье о которомъ она такъ восторженно мечтала, но и насладиться имъ сколько хотѣла.

Такъ сложилась семейная жизнь Баклановыхъ и установились ихъ взаимныя отношенія.

II.

Вскорѣ же по возвращеніи Баклановыхъ на родину Софья Львовна подарила мужа своего сыномъ, а четыре года спустя дочерью. Нечего и говорить что молодая мать была въ полномъ упоеніи: она вся была въ дѣтяхъ и остальной міръ, казалось, пересталъ для нея существовать. Былъ счастливъ по своему и Баклановъ: ему было теперь кому передать и имя, и прадѣдовское наслѣдіе, вмѣстѣ съ соединенными съ ними правами и обязанностями. Оставалось лишь ввѣрить преемнику какъ достойно пользоваться первыми и исполнять послѣднія. „Больше и не нужно, разсуждалъ онъ самъ съ собою: сынъ да дочь—семья полная.“ Но на этотъ разъ судьба распорядилась по своему: на слѣдующій годъ Софья Львовна оказалась снова беременною; это обстоятельство заставило его серьезно призадуматься. „Что если родится еще сынъ, думалъ

онъ, маіоратовъ у насъ нѣтъ и придется раздѣлить Баклавы на двѣ части. Въ однойхъ рукахъ это барское имѣніе: съ нимъ можно поддерживать блескъ имени и сохранять вполне независимое положеніе; а тутъ изъ Баклановъ выйдетъ два Бакланчика. Да и какъ дѣлить ихъ? Тотъ кому достанется усадьба и будетъ настоящимъ представителемъ рода Баклановыхъ. Если отдать Баклавы въ полномъ составѣ старшему сыну, съ тѣмъ чтобъ онъ сдѣлалъ младшему по оцѣнкѣ уплату, будетъ ли это законно и справедливо?" И онъ домаль себѣ голову изыскивая средство какъ бы предотвратить грозившую его дому бѣду. „Нѣтъ; ужъ лучше бы родилась дочь," заключалъ онъ. Не такъ думала Софья Львовна. „Какъ бы я была счастлива, еслибы Богъ далъ намъ еще сына," говорила она мужу. Старшій былъ бы военный, а младшій дипломатъ; я выучила бы его всѣмъ возможнымъ языкамъ и сдѣлала бы изъ него втораго Меццофанти. Со временемъ онъ былъ бы посланникомъ гдѣ-нибудь въ Неаполь или Флоренціи. Лѣтомъ мы ѣздили бы съ тобой провѣдать Аркадія въ Петербургъ, наняли бы или купили дачу въ Петергофѣ, а на зиму въ Италію къ Митрошѣ. И ѣздили бы мы туда ужъ не какъ въ чужую, а какъ въ родную сторону." И она при одной мысли о такой блаженной будущности отъ избытка чувствъ плакала какъ ребенокъ. Баклановъ слушалъ ее молча и преслѣдовалъ въ головѣ свои собственные комбинаціи.

Наступилъ наконецъ съ такимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидаемый роковой день,—родилась дочь. Это до того убило Софью Львовну и потрясло ея слабыя нервы что доктора въ продолженіи нѣсколькихъ дней опасались за жизнь ея. Новорожденную дочь свою она не могла видѣть, она возненавидѣла ее со дня ея рожденія. Бакланова это очень огорчало, и онъ утѣшалъ себя лишь тѣмъ что это была вспышка которая также легко пройдетъ какъ и другія. Но и на этотъ разъ онъ ошибался: это была не вспышка, а какая-то глубоко залавшая, ничѣмъ необъяснимая ненависть. И странное дѣло: возненавидѣвъ младшую дочь, она еще сильнѣе полюбила старшую, точно всю вложенную въ нее природой долю материнской любви къ бѣдной Лизѣ она перенесла на свою любимицу Олю. Она боготворила ее, чуть не молилась на нее. Да и дѣйствительно это былъ милый,

живой, красивый ребенокъ, и между нею и болѣзненною, алатичною Лизою контрастъ былъ разительный; въ первое время боялись даже чтобъ она не была идиоткой. Софью Львовну самое мучила эта ничѣмъ не заслуженная нелюбовь къ дочери; она называла себя и *mère maîtresse* и *mère dénaturée*, но не могла превозмочь своего къ ней отвращенія. „Что же мнѣ дѣлать, говорила она мужу, если я видѣть ее не могу, *c'est plus fort que moi.*“ Баклановъ не разъ пытался положить въ ней это чувство; но попытки эти приводили только лишь къ слезамъ и истерикамъ, и онъ наконецъ долженъ былъ отъ нихъ отказаться. „Авось время передѣлаетъ все по своему,“ думалъ онъ. Часто приказывалъ онъ несчастную дѣвочку принести къ себѣ въ кабинетъ и посадивъ ее на колѣни „ахъ ты моя Сандрильионка“, говорилъ онъ цѣлуя и лаская ее; и это были единственныя ласки которыя она видѣла бывши ребенкомъ.

Время шло. Аркадію было уже шесть лѣтъ, и Баклановъ сталъ серьезно думать о его воспитаніи. Онъ прежде всего хотѣлъ развить въ немъ понятіе о чести, чтобъ изъ него вышелъ русскій дворянинъ и помѣщикъ какими тотъ и другой по мнѣнію его долженствовали быть, то-есть вѣрный царскій слуга, человекъ съ твердымъ, независимымъ и неподкупнымъ характеромъ и гуманнымъ взглядомъ на кровостныя отношенія; а потому не хотѣлось ему вѣрить воспитаніе его кому-либо кромѣ себя самого. Съ другой же стороны, онъ видѣлъ и явную невозможность обойтись безъ гувернера-иностранца, такъ какъ на человека не говорившаго по крайней мѣрѣ на двухъ иностранныхъ языкахъ въ то время смотрѣли какъ на неуча, не получившаго ровно никакого образованія и для котораго входъ въ порядочное общество, а тѣмъ болѣе въ высшій кругъ его, былъ положительно закрытъ; да и помимо того и самъ онъ былъ того убѣжденія что знаніе языковъ вещь вполне необходимая. По долгимъ соображеніямъ онъ наконецъ рѣшилъ: взявъ на свою долю нравственное воспитаніе сына, научное образованіе его поручить иностранцу, человеку испытанному и вполне соединяющему въ себѣ нужныя для того условія. Приискать такого наставника было дѣло не легкое; но ему помогъ счастливый случай. У Бакланова была въ Петербургѣ сестра, сынъ которой какъ разъ кончалъ свое домашнее воспитаніе и она рекомендовала ему воспитателя его, какъ

именно такого человѣка какой ему былъ нуженъ. Выборъ оказался дѣйствительно очень удачнымъ: не говоря уже о томъ что рекомендованный иностранецъ Тиссъ былъ человѣкъ развитой и хорошей педагогъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и человѣкъ вполне нравственный и добросовѣстный и въ короткое время умѣлъ поселить въ воспитанникѣ своемъ любовь къ себѣ и довѣріе. Къ трудному дѣлу преподаванія приступилъ онъ очень просто: онъ не обременялъ памяти молодаго питомца своего выдалбливаніемъ заданныхъ уроковъ, не утомлялъ его скучнымъ сидѣніемъ надъ книгой и не отбивалъ у него тѣмъ охоты къ ученію. Первоначальныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи онъ передалъ ему въ видѣ разказовъ; элементарныя же понятія изъ естественныхъ наукъ преподавалъ незамѣтно, нагляднымъ образомъ, объясняя законы физики и химіи по мѣрѣ того какъ представляла къ тому удобный случай сама жизнь. Гремѣлъ ли громъ и сверкала молонія, шелъ ли дождь, падалъ ли градъ или перекидывалась по небу полосатою лентой радуга, онъ объяснялъ причины этихъ явленій; любясь восходомъ или закатомъ солнца или усѣянными звѣздами небомъ, разъяснялъ законы движенія небесныхъ свѣтилъ; вспыхивали ли догоравшіе въ каминѣ уголья, онъ незамѣтно прочитывалъ цѣлую, исполненную самаго живаго для ребенка интереса, лекцію о химическомъ составѣ воздуха и твердыхъ тѣлъ, о законахъ горѣнія и свѣта. Самыя гулянья не проходили безъ научной пользы: соборизовали или собирали коллекціи камней и разныхъ ископаемыхъ, причѣмъ объяснялись шутя основныя начала ботаники, минералогіи и органической химіи. Такимъ образомъ опытный педагогъ мимоходомъ передавалъ питомцу своему всѣ тѣ свѣдѣнія которыя такъ трудно передаются и еще труднѣе удерживаются на скучныхъ и утомительныхъ урокахъ. Закону Божію и русскому языку училъ Аркадія сельскій священникъ. Надзоръ за нравственнымъ развитіемъ сына Баклановъ хотѣлъ было, какъ я уже сказалъ, оставить за собою; но, узнавъ ближе Тисса, всецѣло ввѣрилъ его ему, да и хорошо сдѣлалъ; потому что Аркадій былъ отъ природы робокъ и наставленія и замѣчанія дѣлаемая имъ всегда рѣзкимъ и начальственнымъ тономъ болѣе пугали его нежели приносили дѣйствительную пользу. Вообще отношенія сына къ отцу основаны были на какомъ-то безотчетномъ страхѣ, на уваженіи подчиненнаго

къ строгому начальнику, а не на сыновней любви и взаимномъ довѣрїи; а потому между ними никогда не могло быть искренности, а тѣмъ менѣ интимности. Эта натянутость и неестественность отношеній не могли не имѣть невыгоднаго вліянія на развитіе характера Аркадія и положили на немъ свою особую складку, которая уже не изгладилась во всю жизнь его.

Подростала и Оля; и для нея взята была Француженка. Mme Coudert не была ни un bas bleu, ни эмигрантка съ легитимистскими убѣжденіями, ни радикалка, ни социалистка, а женщина очень обыкновенная, кроткаго и веселаго нрава, подъ часъ не въ мѣру болтливая, какъ и большая часть Француженокъ, безъ особыхъ капризовъ, какъ и безъ особыхъ тенденцій. Она была не безъ талантовъ: очень хорошо рисовала и была порядочная музыкантша, словомъ, соединяла въ себѣ всѣ тѣ качества которыхъ Баклановы искали въ гувернанткѣ для своей дочери и были ею вполне довольны.

Дѣло воспитанія шло впередъ, незамѣтно прошли шесть лѣтъ съ поступленія Тисса въ домъ Баклановыхъ, Аркадію было уже двѣнадцать, — настало время везть его въ Петербургъ. Нечего и говорить о разставанїи съ нимъ Софїи Львовны. Конечно мать Остала и Андрїя, провожая ихъ въ Залорожскую Сѣчу и прощаясь съ ними можетъ-быть навсегда, не пролила, просидѣвъ надъ ними круглую ночь, столько горячихъ слезъ, сколько пролила ихъ она, разставаясь съ своимъ дорогимъ, несравненнымъ Аркадіемъ. Баклановъ долженъ былъ чуть не силой вырвать его изъ ея объятій.

Аркадій, благодаря полученной подготовкѣ, выдержалъ экзаменъ изъ первыхъ, и Баклановъ, поручивъ его попеченіямъ сестры и одного изъ старыхъ своихъ сослуживцевъ, возвратился домой вкушать отъ плодовъ трудовъ своихъ. Такъ, посвятивъ свою киву, съ спокойнымъ духомъ утѣшаясь сознаниемъ добросовѣстно исполненной работы, возвращается къ себѣ на отдыхъ усталый земледѣлецъ. „Землю удобрилъ кажется недурно, думаетъ онъ; и влаждатъ хорошо, и поспѣвалъ вовремя; а что на ней уродится и что придется съ нея убирать, одному Господу извѣстно.“

Не на отдыхъ и не на радость возвратился Баклановъ домой. На другой же день прїезда его Оля послѣ обычной вечерней прогулки съ гувернанткой почувствовала страшную головную боль; ночью съ ней сдѣлался бредъ и на слѣдую-

щій день открылась нервная горячка. Приглашенъ былъ изъ города лучший докторъ; но несмотря на всѣ медицинскія лособія, а можетъ-быть и благодаря имъ, болѣзь все усиливалась и на пятый день ея не стало. Не беру на себя описывать отчаяніе овладѣвшее Софьей Львовной,—она пришла въ состояніе какого-то изступленія близкаго къ умопомѣшательству. Съ трудомъ могли ее оторвать отъ бездыханнаго трупа дочери и въ продолженіе девяти дней она была между жизнью и смертію. Бакланова эта неожиданная утрата также очень огорчила; но онъ умѣлъ сосредоточивать въ себѣ волновавшія его чувства и перенесъ это семейное горе стоически. Онъ всячески старался утѣшить жену свою, говорилъ ей что у нихъ еще осталась дочь, на которую она можетъ перенести всю материнскую любовь свою; но это лишь болѣе раздражало ее, и она просила чтобъ и имя ея при ней произносимо не было. На десятый день ей сдѣлалось наконецъ какъ будто нѣсколько лучше, и Баклановъ, проведеній у постели ея девять бессонныхъ ночей, уже на разсвѣтѣ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ чтобы хотя сколько-нибудь подкрѣпить себя сномъ. Не раздѣваясь бросился онъ на диванъ; но едва успѣлъ закрыть глаза, какъ дверь съ шумомъ открылась. Онъ снова открылъ ихъ — предъ нимъ стояла Софья Львовна. Распущенные волосы въ безпорядкѣ лежали на ея полуобнаженныхъ плечахъ, глаза блестѣли какимъ-то неестественнымъ огнемъ, щеки пылали и грудь тяжело подымалась отъ неровнаго дыханія.

— Хочешь чтобъ я завтра же была покойна и здорова? сказала она взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

Баклановъ вскочилъ съ дивана и смотрѣлъ на нее въ нѣмомъ удивленіи.

— Если хочешь, то обѣдай мнѣ исполнить мою просьбу.

— Если это только въ силахъ моихъ, едва могъ онъ проговорить, не сводя съ нея глазъ.

— Я сейчасъ видѣла во снѣ Олю, продолжала Софья Львовна, опустившись въ изнеможеніи на диванъ.—Она подошла ко мнѣ въ томъ самомъ платьѣ въ которомъ ее положили въ гробъ, вся въ цвѣтахъ, бросилась ко мнѣ на шею и, рыдая, умоляла меня взять къ себѣ вмѣсто нея Ольгичку Кузмину. Другъ мой, успокой и ее, и меня.

Баклановъ въ раздумьи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Просьба эта не столько удивила, сколько огорчила

его. Взять въ домъ вмѣсто дочери, то-есть усыновить, чужую дѣвочку, когда своя собственная дочь живетъ безъ всякой вины въ законѣ, чуть не въ дѣвичьей, мысль эта возмутила его отцовское сердце. Онъ въ порывѣ негодованія хотѣлъ было уже высказать женѣ что Богъ потому и наказалъ ее что она такъ несправедлива къ Лизѣ; но воздержался, боясь этимъ окончательно убить ее. Да и отказать ей, думалъ онъ, въ ея просьбѣ наотрѣвъ страшно: не прошло и трехъ дней какъ жизнь ея была на волоскѣ, и такой рѣшительный отказъ можетъ пожалуй не менѣе гибельно подѣйствовать на нее, женщина она нервная, раздражительная. Да и почему звать: можетъ-быть получивъ согласіе мое взять Олиньку она изъ благодарности ко мнѣ будетъ ласковѣе и къ Лизѣ, тогда какъ отказъ еще болѣе ее востановитъ противъ нея. Къ тому же онъ почти однихъ лѣтъ; можетъ-быть сдружатся, и одна дружба эта уже облегчитъ положеніе Лизы. Всѣ эти соображенія молвіей пробѣжали въ головѣ его.

— Подумай, Alexandre, продолжала Софья Львовна не сводя съ него своего пылающаго взгляда. — И зовутъ ее Ольгой, и въ добавокъ даже Александровной. Вѣдь это перстъ Божій.

И она подняла руку къ небу.

Въ эту минуту лихорадочной экзальтаціи она похожа была на Писю прорѣкающую свои проблематическія предсказанія. Баклановъ, взглянувъ на нее, пораженъ былъ ея болѣзненно-возбужденнымъ состояніемъ.

— Чтò жь, сказалъ онъ, боясь дальѣйшимъ молчаніемъ повергнуть ее въ какой-нибудь новый и можетъ-быть уже смертельный нервный припадокъ, — если ты полагаешь что уже таково опредѣленіе Божіе, — пусть будетъ по твоему.

Софья Львовна, рыдая, бросилась благодарить его, умоляла на другой же день ѣхать къ Кузьминымъ, и Бакланову стоило не малаго труда уговорить ее подождать еще хотя недѣлю чтобы дать сколько-нибудь окрѣпнуть ея изнуреннымъ болѣзнію силамъ.

Ровно чрезъ недѣлю Баклановы уже ѣхали шеотерикою въ каретѣ по Кудеяровской дорогѣ.

III.

Однѣшка Кузьмина была дочь небогатаго помѣщика, жившаго въ небольшомъ имѣніи своемъ въ пяти верстахъ отъ Кудеярова. Мать ея еще ребенкомъ, оставшись круглою сиротою, взята была отцомъ Софьи Львовны въ домъ, гдѣ и воспитывалась вмѣстѣ съ нею, хотя была нѣсколькими годами старше ея. Она попала на руки Mme de Bélicourt когда ей было уже болѣе двѣнадцати лѣтъ и потому понятно не могла воспользоваться тѣмъ воспитаніемъ которое получила Софья Львовна; да и Mme de Bélicourt, кичившаяся своими quartiers de noblesse, несмотря на неоднократныя замѣчанія старика Кудеярова, не охотно давала уроки бѣдной, неприютной дѣвочки, считая это несовмѣстнымъ съ своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, и обращалась съ нею съ высокомернымъ пренебреженіемъ. Вслѣдствіе этого все полученное Глашей воспитаніе ограничилось тѣмъ что она едва могла сказать по-французски двѣ, три затверженныя фразы, произнося ихъ такъ что Французъ пожалуй и не догадался бы что она говоритъ на его родномъ языкѣ, да, благодаря сельскаго священника, обучавшаго ее русской грамотѣ, могла съ грѣхомъ пополамъ написать несвязное письмо по-русски. Вообще она играла въ домѣ жалкую роль: люди на каждомъ шагу давали ей чувствовать кто она и какаѣя разница между нею, неприютною сиротою, и ихъ барышней; Франуженка заставляла ее играть съ Соней, исполнять ея капризы, занимать и забавлять ее. Впрочемъ помимо нравственнаго вліянія которое могло имѣть на развитіе характера дѣвочки грустное положеніе ея въ Кудеяровскомъ домѣ, все же, живя въ немъ, она получила хотя какое-нибудь образованіе, котораго, оставленная одна на произволъ судьбы, конечно получить не могла бы; игры же и занятія ея съ Соней съ каждымъ днемъ мало-по-малу сближали ихъ и наконецъ скрѣпили ихъ взаимныя отношенія если не дружбой, то привычкой. Такъ незамѣтно шли годы пока наконецъ не вышла она замужъ за сосѣда-помѣщика, человѣка уже не молодого, кавказскаго героя, который, вышедъ съ полнымъ пенсіономъ въ отставку, поселился хозяйничать въ небольшомъ имѣніи своемъ.

Александръ Семеновичъ Кузьминъ былъ что-называется старый служака и вынесъ съ собою изъ фронтальной службы всѣ тѣ качества которыя такъ рѣзко характеризуютъ оставшихъ военныхъ. Онъ былъ человѣкъ прямой и правдивый, камня за пазухой держать не любилъ, и что зналъ или чувствовалъ, высказывалъ чистосердечно напрямикъ, безо всякихъ обиняковъ, за что былъ очень уважаемъ въ сослѣствѣ. Всю жизнь свою провелъ онъ въ кругу солдатъ, въ походахъ и экспедиціяхъ противъ горцевъ; а потому въ приемахъ его была какая-то рѣзкость и угловатость, отзвучившая солдатскою выправкой. Больше десяти лѣтъ бывъ ротнымъ командиромъ, онъ привычку свою къ порядку и дисциплинѣ перенесъ и на хозяйство, былъ взыскателемъ и строгъ, но справедливъ, и крестьяне столько же боялись сколько и любили его. Ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ дѣтелемъ не по годамъ: во время посѣвовъ и уборки объѣзжалъ самъ поля, лично надзиралъ за молотбой и ссылкой хлѣба, словомъ, хозяйскій глазъ его слѣдилъ за всѣмъ и дѣйствительно небольшое хозяйство его шло великолепно. Онъ вѣчно любилъ жену свою и дѣтей, которыхъ подъ часъ даже черезчуръ баловалъ, что, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ слабостей большей части старыхъ invalidовъ. Глафира Андреевна была женщина тихая и добрая, всецѣло преданная семейнымъ и домашнимъ заботамъ. Она искренно любила мужа, заботилась о немъ и ухаживала за нимъ какъ за ребенкомъ. Вообще между мужемъ и женой было такое невозмутимое согласіе, они такъ довольны были тѣмъ тихимъ счастьемъ которымъ наслаждались въ мирномъ уголкѣ своемъ что едва ли реступали въ порогъ ихъ небольшого, но всегда чисто убраннаго дома, какъ и нами неволью овладевало чувство душевнаго спокойствія и довольства.

У Кузьминыхъ было пятеро дѣтей: четыре сына и дочь. Два старшихъ воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, младшій въ гимназій. Александръ Семеновичъ хотѣлъ и всѣхъ пустить по военной службѣ, но уступилъ просьбамъ жены.

— Что если, избави Богъ, откроется война, говорила она, — и вдругъ всѣхъ ихъ у насъ переберуть! А тутъ по крайней мѣрѣ хоть двое останутся намъ подъ старость лѣтъ на утѣшеніе.

— А развѣ это не утѣшеніе, если всѣ лягутъ за вѣру и

царя, отвѣчалъ онъ.— На то они и дворяне, за то имъ и почетъ ото всѣхъ что долгъ ихъ за вѣру и царя кровь свою проливать; а чтобы бумаги кропать да карманы свои набивать, на то есть канцелярское сѣмя. Миша,—говорилъ онъ старшему сыну, семилѣтнему мальчику,—что еоди на царя нападетъ Французъ или Нѣмецъ, либо какой другой недобрый человекъ?

— Я ему голову сорву, отвѣчалъ тотъ не задумываясь.

— Молодецъ, говорилъ цѣлуя его въ лобъ Александръ Семеновичъ.— Не только вражьей головы, и своей собственной для царя щадить не слѣдуетъ. На то ты и дворянинъ чтобы за него грудью стоять.

Дома при старикахъ оставалась одна дочь. Она была лишь тремя мѣсяцами моложе старшей дочери Баклановыхъ и названа была Ольгой вслѣдствіе усиленной просьбы Софьи Львовны. „Если Богъ и вамъ дастъ дочь, говорила она Глафирѣ Андреевнѣ, когда та пріѣхала къ ней на крестины,—назовите и ее Ольгой. Онѣ будутъ почти ровесницы и стали бы онѣ какъ и мы расти и воспитываться вмѣстѣ: мнѣ вѣдь все равно держать гувернантку что для одной, что для двухъ. При моей и ваша выучилась бы и языкамъ и музыкѣ. Свою я звала бы Олей, а вашу Оленькой и любила бы обѣихъ одинаково.“ И обѣ матери отъ избытка чувствъ прослезнились и обнявшись долго плакали.

Черезъ три мѣсяца у Глафиры Андреевны дѣйствительно родилась дочь, и несмотря на желаніе Александра Семеновича назвать ее въ честь покойной его матери Лукерей, нарѣчена была во святомъ крещеніи Ольгою; предположенія же насчетъ воспитанія обѣихъ дѣвочекъ подъ надзоромъ одной гувернантки въ домѣ Баклановыхъ остались одними предположеніями. Правда, Софья Львовна не разъ говорила объ этомъ мужу; но тотъ постоянно отговаривалъ ее отъ ея намѣренія.

— Какъ брать чужаго ребенка на свои руки, отвѣчалъ онъ ей;—подумай какую мы взяли бы на себя отвѣтственность предъ Богомъ и людьми.

Да Кузмины серьезно и не разчитывали на этотъ планъ, составленный въ минуту сердечныхъ изліяній, и какъ не пымѣли средствъ дать дочери дома хотя мало-мальски порядочное образованіе, то и хлопотали о помѣщеніи ея на казенный счетъ въ мѣстный институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Въ этомъ дѣлѣ содѣйствовалъ имъ и Баклановъ, но всѣ хлопоты его остались безуспѣшны. Ему отвѣчали очень вѣжливо и какъ будто резонно что всѣ казенныя ваканціи зачислены за сиротами, у дѣвицы же Ольги Кузминой есть отецъ и мать. Баклановъ возражалъ что хотя у дѣвицы Кузминой дѣйствительно есть отецъ и мать, но средствъ ихъ несравненно ограниченнѣе средствъ сиротъ помѣщеныхъ на эти ваканціи. Отвѣта на это возраженіе никакого не было; тѣмъ дѣло и кончилось.

— Нѣтъ, говорила пригорюнившись Глафира Андреевна, видно на казенный коштъ воспитывать могутъ дочерей своихъ люди богатые, да знатные; а для нашего брата, бѣднаго и безпомощнаго дворянина, двери эти залерты.

— Да и не зачѣмъ, утѣшалъ ее Александръ Семеновичъ; дѣвочка не мальчикъ. Къ чему ей ученость? знала бы грамоту, была баагонравна, да научена какъ по закону мужа любить, дѣтей въ страхѣ Божіемъ воспитывать и Богу какъ слѣдуетъ молиться; а остальное все само-собою приложится.

Таково было семейство Кузминыхъ, къ которымъ съ извѣстною намъ цѣлью отправились Баклановы.

Былъ вечеръ, одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ первой половины сентября, когда солнце садится какъ разъ во время, чтобы день и ночь, смѣняясь не въ ущербъ другъ другу, могли дать возможность насладиться какъ грѣющими, но уже не жгущими лучами солнца, такъ и живительною вечернею прохладой. Кузминъ только-что возвратился съ поля гдѣ домолачивали горохъ и возили на гумно залоздыя колны проса и, надѣвъ халатъ, сидѣлъ у отвореннаго окна, прихлебывая изъ стакана горячій чай и покуривая свою коротенькую, походную трубку. Глафира Андреевна сидѣла у стола предъ ярко-вычищеннымъ какъ зеркало самоваромъ и выложивъ на подносъ для старой няньки два куска сахару, запирала стоящую подлѣ нея на стулѣ чайную шкатулку. Оленька кормила остатками своего поддника большую медлявскую собаку. Уже сѣло солнце, и, вдалькѣ противъ окна на багряной полосѣ ярко погаравшей зари рѣзкими чертами обрисовывались угловатые контуры водяной мельницы. На дворѣ было тихо, лишь доносился равномерный стукъ работавшихъ на мельницѣ колесъ, смѣшанный съ шумомъ падавшей съ нихъ воды, да отъ времени до времени долетали

изъ видѣвшагося за прудомъ села бленіе овецъ и голоса загонявшихъ ихъ бабъ и мальчишекъ.

— Что это такое? сказалъ вдругъ старикъ, приставно вглядываясь въ дадь.—Карета шестерикомъ, да еще никакъ на нашу дорогу свернула.

Глафира Андреевна подошла къ окну.

— И въ самомъ дѣлѣ карета, сказала она, глядя по направленію дороги.—Кто же бы это такой могъ быть?

— Въ заправду карета, кричала Оленька, услѣвшая уже вскарабкаться на стулъ и съ любопытствомъ слѣдившая за приближавшимся экипажемъ.—И лошади все бѣлыя такія.

— Кто же это такой? повторяла въ недоумѣніи Глафира Андреевна,—и придумать не могу.

— А кому же больше и быть какъ не Александру Васильевичу; сказалъ наконецъ еще не совсѣмъ рѣшительно Кузминъ.

— И Богъ знаетъ что выдумаетъ. Жена умираетъ; а онъ станетъ по гостямъ разѣзжать. Статочное ли это дѣло.

Кузмины уже знали какъ о смерти Оли, такъ и о болѣзни Софьи Львовны.

— Онъ же и есть, сказалъ Александръ Семеновичъ послѣ минутнаго молчанія.—Вонъ и Савельичъ сидитъ на козлахъ.

— И то Савельичъ, согласилась Глафира Андреевна.—Что же это такое значитъ?

Кузминъ всталъ и пошелъ переодѣваться. Глафира Андреевна засуетилась: приказала скорѣе подогрѣвать самоваръ, надвинула на плечи спавшую съ нихъ кофту, оправила на Оленькѣ платье и причесала ея растрепавшіяся волосы.

— Что бы это значило? продолжала она разсуждать сама съ собою, то подходя къ окну, то устанавливая и переставлявшая стулья.

Бакаловы бывали у Кузминыхъ рѣдко и то обыкновенно проѣздомъ отъ Кудеяровыхъ, къ которымъ ѣзжали также почти исключительно лишь въ дни ихъ именинъ, а потому это неожиданное посѣщеніе въ такое необычное время страшно интриговало ее. Минуты черезъ двѣ карета проѣхала мимо окна къ подъѣзду и изъ нея выглядывала Софья Львовна.

— Сама она! Что это такое? всплеснула руками Глафира Андреевна.—Ну, слава Богу! Стало-быть выздоровѣла, сказала она перекрестясь и любѣжала встрѣчать гостей на

крыльцо. Вслѣдъ за нею вышелъ и услѣвшій уже переодѣтъ-ся Александръ Семеновичъ. Встрѣча была самая трогательная.

— Вы знаете мое горе, сказала Софья Львовна бросившись къ Глафирѣ Андреевнѣ и обѣ горько заплакали.

— Успокойтесь, прилягте, да отдохните немного съ дороги, уговаривала хозяйка гостью, вводя ее въ домъ.

— А воть моя Олечка, сказала она подводя ее къ Софьѣ Львовнѣ.

Та поцѣловала ее и подарила бонбоньерку. Дѣвочка робко, какъ бы не охотно, взяла ее и съ недоувѣрчивостію, смѣшанною со страхомъ, глядѣла на пріѣзжую, хотя и не всѣмъ незнакомую ей барыню.

— Ты какъ будто бы не узнаешь и боишься меня, говорила лаская ее Софья Львовна.

— Она у меня такая дикая, вмигалась, желая ободрить дочь, Глафира Андреевна;—она такъ рѣдко видитъ чужихъ. Олечка,—сбратилась она къ ней;—или ты ихъ не помнишь? Они еще къ намъ зимой пріѣзжали съ хорошенькою барышней, которая тебѣ такъ понравилась.

— Это что воть недавно умерла-то? спросила съ грустивою интонаціей въ полголоса Оленька.

— Боже! какъ она на нее похожа! Какъ она мнѣ ее собою напоминаетъ! зарыдала снова Софья Львовна.

— Послушайте, Глафира Андреевна, сказала она вдругъ, поднявшись съ дивана,—мнѣ надо поговорить съ вами обѣ очень серьезномъ дѣлѣ.

И взявъ ее за руку она пошла въ сосѣдную комнату.

— Я къ вамъ съ убѣдительною просьбой, сказала она затворивъ за собою дверь. — Спасите меня!

И она упала предъ нею на колѣна.

— Что вы? Христосъ съ вами! засуетилась около нея совершенно растерявшаяся Глафира Андреевна, дѣлая всевозможныя усилія чтобы поднять ее на ноги.

— Не встану пока вы не дадите клятвы исполнить мою просьбу.

— Все что хотите, бормотала та, не помня себя отъ волненія и сама не ловимая что говорить.

— Отдайте мнѣ вашу Оленьку.

Слова эти обдали ее какъ холодною водой, и она остановилась на мѣстѣ безъ движенія какъ ошеломленная.

— Я буду для нея второю матерью, буду любить больше

чѣмъ дочь, говорила восторженно Софья Львовна.—При ней будетъ та же гувернантка которая была взята для моей покойной Оли. Она будетъ окружена всѣми возможными заботами и попеченіями; когда она выростетъ, я прищу ей богатаго жениха, все равно какъ для родной дочери своей, выдамъ ее замужъ, словомъ, сдѣлаю все что только отъ меня будетъ зависѣть для ея полного счастья.

Глафира Андреевна молча выслушала весь этотъ потокъ словъ и все еще никакъ не могла собраться съ мыслями. Она сознавала всю выгоду предложенія, очень хорошо понимала что она далеко не въ состояніи была дать дочери того воспитанія которое она могла получить у Бакаановыхъ; но и не менѣе хорошо знала по собственному опыту что такое жизнь бѣдной дѣвушки въ чужомъ богатомъ домѣ. Правда, она сама нѣкогда желала этого; но тогда Оленьки еще не было на свѣтѣ, теперь же ей было уже восемь лѣтъ и она успѣла привыкнуть къ ней. Но если, съ одной стороны, ей тяжело было разстаться съ ней какъ съ единственнымъ оставшимся при ней дѣтищемъ; то съ другой, то же самое чувство материнской любви побуждало ее рѣшиться на это самопожертвованіе. Остатывало ея еще одно обстоятельство: она знала нелюбовь Софьи Львовны къ Лизѣ, была увѣрена что она станетъ оказывать Оленькѣ всевозможныя предъ нею предпочтенія; но каково же будетъ чрезъ это самое положеніе Оленьки въ домѣ Бакаановыхъ и какія будутъ отношенія ея къ Лизѣ? какъ будетъ на все это смотрѣть Александръ Васильевичъ? какъ будутъ смотрѣть родные, близкіе знакомые, наконецъ, собственные люди? Не будутъ ли они при всякомъ удобномъ случаѣ колоть глаза ея бѣдной, ни въ чемъ неловиной Олечкѣ? Не будутъ ли всячески стараться вымѣстить на ней свое затаенное, сдерживаемое, но вполнѣ справедливое негодованіе на Софью Львовну? Всѣ эти и тысячи другихъ мыслей толпились въ ея головѣ.

— Рѣшайтесь, приставала къ ней съ умоляющимъ взоромъ Софья Львовна.—Не мечтали ли мы когда-то объ этомъ сами? И вотъ Господь Богъ устраиваетъ по нашему тогдашнему желанію. Не томите же меня; но помните что слово ваше можетъ какъ возвратитъ меня къ жизни, такъ и окончатель-но убить.

— Послушайте, проговорила наконецъ нерѣшительно Глафира Андреевна;—вѣдь вы хотите взять у меня послѣднее

утѣшеніе которое осталось мнѣ въ жизни; у васъ же есть еще....

— Я знаю что вы хотите сказать, перебила ее Софья Львовна;—и глаза ея засверкали, раздулись ноздри и на щекахъ выступили красныя пятна.—Но вѣдь это истукавъ, это деревяшка безъ всякихъ чувствъ. Какая же между нами можетъ быть симпатія? Это крестъ ниспосланный на меня Богомъ.

— Я вовсе не о томъ хотѣла рѣчь держать, слѣшила перебить ее въ свою очередь Глафира Андреевна, уже раскаиваясь что затронула эту щекотливую струну.—Я хотѣла только сказать что Лизанька вамъ все же родная дочь, и какъ же это Олечка вдругъ сядетъ ей что-называется на голову?

— Если вы уже принимаете такое участіе въ моей дочери, отвѣтила сухо Софья Львовна;—то скажу вамъ что при Оленькѣ и ея положеніе будетъ лучше. Она вмѣстѣ съ ней будетъ брать уроки у Mme Condert, будетъ вмѣстѣ съ нею подѣлывать надзоромъ роста и воспитываться. Держать же особую гувернантку для какой-нибудь идиотки было бы и смѣшно, и глупо.

— Повѣрьте, я не столько изъ участія къ Лизанькѣ, сколько по любви своей къ Олечкѣ, бормотала та, какъ бы оправдываясь.—Согласитесь, какое неловкое положеніе займетъ она въ вашемъ домѣ, если вы будете оказывать ей больше вниманія и любви нежели собственной вашей дочери. Какъ будутъ на это смотрѣть Александръ Васильевичъ и родные ваши? Вѣдь такъ долго ли и до семейнаго раздора, и всему будетъ безъ вины виновата все моя же Олечка. Вотъ вѣдь толкъ-то въ чемъ.

— Понимаю опасенія ваши, сказала, задумавшись, Софья Львовна,—и хотя не полагаю чтобъ они были основательны, для успокоенія вашего и для огражденія Оленьки отъ всякихъ возможныхъ нареканій и непріятностей въ будущемъ даю вамъ слово измѣнить сколько будетъ въ силахъ моихъ и отношенія мои къ дочери и положеніе ея въ домѣ, такъ что Оленька со дня вступленія въ него сдѣлается и моимъ утѣшеніемъ, и благодѣтельницей Лизы. Довольны вы?

Глафира Андреевна колебалась.

— Дайте мнѣ подумать, говорила она умоляющимъ голосомъ,—дайте сроку хоть до утра. Опять-таки вы сами знаете, у нея не я одна, у нея есть и отецъ.

— Совершенно справедливъ, сказала Софья Львовна, — и мы сейчас узнаемъ его мѣсто.

И не давъ ей оломниться она отворила дверь въ залъ. Бакаановъ уже успѣлъ объяснить Кузьмину цѣль своего прѣзда, и тотъ какъ человекъ практичный и прямой сразу понялъ всю выгоду предложенія и принялъ его съ искреннею благодарностию.

— Александръ Семеновичъ, сказала Софья Львовна, войдя въ залъ; — я сейчасъ объяснила Глафирѣ Андреевнѣ цѣль нашего прѣзда, вамъ вѣроятно передалъ о ней Александръ Васильевичъ. Отъ васъ зависитъ принять или отвергнуть нашу просьбу.

Старикъ въ короткихъ, но глубоко прочувствованныхъ, словахъ повторилъ ей только-что сказанное имъ ея мужу, въ заключеніе подѣловавъ ея руку.

Глафира Андреевна стояла на одномъ мѣстѣ безъ движенія, какъ обвиненный выслушивающій свой смертный приговоръ...

Но не ставемъ описывать раздирающей сцены разставанія матери съ дочерью. Бакаановы, переночевавъ въ Кузьминкѣ, на другой день рано утромъ уѣхали. Проводы были, разумѣется, самые трогательныя.

— Помните же обѣщаніе ваше, говорила Глафира Андреевна, прощаясь съ Софьей Львовной.

— Помню, отвѣчала та, крѣпко обнимая ее, — помню, и вотъ вамъ моя рука что свято исполню его.

Проводивъ дочь, долго еще сидѣли старики у отвореннаго окна, слѣдя глазами за удалявшеюся каретою.

— О чемъ ты такъ грустишь и горюешь, Глаша? спросилъ наконецъ Александръ Семеновичъ когда карета скрылась за дальнимъ бугромъ. — Не хлопотали ли мы съ тобой сами помѣстить Олечку въ институтъ? Тогда бы она и вовсе жила отъ насъ за двѣсти верстъ, а до Бакаановъ настоящихъ и пятидесяти не наберется. Будемъ ѣздить навѣщать ее; да и Софья Львовна, кажется, очень ее полюбила.

— Ахъ, другъ ты мой, грустно отвѣтила она ему, — тамъ была бы она на общемъ положеніи какъ и другія. Не ты, какъ государь за твою службу платилъ бы за нее; хлѣбъ она ѣла бы свой собственный; а чужой, а по себѣ сужу, подчасъ куда какъ бываетъ горекъ.

IV.

Софья Львовна сдержала свое слово. Возвратясь домой, она тотчасъ же позвала Лизу, сказала ей что Богъ вмѣстѣ умершей сестры посылаетъ ей другую, что она должна любить ее какъ и первую и въ заключеніе приказала ей съ Оленькой поцѣловаться. Она одѣла ихъ въ одинаковыя платья, перевела Лизу въ комнату которую занимала ее сестра, гдѣ помѣстила вмѣстѣ съ нею и Оленьку и приказала Mme Couderet заниматься равно какъ съ тою, такъ и съ другою, не дѣлая между ними никакого различія. Въ томъ же смыслѣ отдавы были приказанія и домашней прислугѣ Баклановъ и радовался, и удивлялся этѣй неожиданной перемѣнѣ; онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и не зналъ чему приписать ее. Не менѣе его удивлялись и Mme Couderet, и старая няня, и вся прислуга; они всѣ смотрѣли на Оленьку какъ на ниспосланнаго съ неба ангела-умиротворителя и съ перваго же дня полюбили ее, словомъ, она поступила въ домъ Баклановыхъ при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ. Впрочемъ, Оленька вполнѣ того заслуживала: это былъ прелестный ребенокъ, если только семилѣтнюю дѣвочку можно назвать ребенкомъ. Она была стройна и довольно высокаго по годамъ своимъ роста, свѣтлорусые волосы густыми прядями спускались на ее бѣлыя, хотя и нѣсколько загорѣлыя, лухавыя плечики; бѣжіе, каріе глаза глядѣли и лукаво, и привѣтливо. Не смотря на робость и застѣнчивость, которыя легко объяснялись уединенною захолустною жизнію Кузминыхъ, движенія ея были развязны и граціозны какъ движенія молодого котенка; голосъ мягкій и симпатичный. Правда, въ первое время Софья Львовна стоило не малаго труда отучить ее отъ дурныхъ привычекъ и непріятныхъ въ порядочномъ обществѣ тривіальныхъ словъ и выраженій, перенятыхъ ею отъ окружавшихъ и на которыя и сама Глафира Андреевна была не очень разборчива. Она должна была оставаться и поправлять ее лотчи на каждомъ шагу; но это продолжалось недолго и Оленька вскорѣ же отвыкла отъ нихъ. Характера она была живаго и воспріимчиваго; она очень скоро сошлась съ Лизой и полюбила ее какъ родную сестру. Баклановъ, любуясь ихъ дѣтскими играми, не могъ нарадоваться

на нихъ, хотя въ то же время не могъ не видѣть и огромной между ними разницы. Насколько одна была мила и граціозна, настолько другая неловка и непривлекательна. Въ болѣзненномъ видѣ Лизы, въ блѣсовато-желтыхъ волосахъ ея, въ анемичномъ цвѣтѣ кожи, съ слѣдами золотухи на щекахъ и шеѣ, было что-то далеко не симпатичное, почти отталкивающее; постоянно красные глаза ея смотрѣли тупо и безжизненно; въ движеніяхъ была вялость, въ характерѣ какая-то апатичность. Несмотря на все это она была отъ природы дѣвочка не глупая и съ очень добрымъ сердцемъ; но съ самаго рожденія до того забита и запугана дурнымъ обращеніемъ матери и несправедливою взыскательностію и строгостію гувернантки что въ характерѣ ея развились недовѣрчивость и сосредоточенность, заставлявшія ее казаться не коротко ее знавшимъ тупою и нелюдкою. Общество Оленьки принесло ей въ этомъ отношеніи большую пользу. Живая и веселая, она не давала ей углубляться въ самое себя, тормошила или тащила ее играть и бѣгать по саду. Та сначала упиралась, даже сердилась, но потомъ, видя невозможность постояннаго сопротивленія, сдѣлалась податливѣе и тѣмъ охотѣе позволяла распоряжаться собою что инстинктивно сознавала что Оленька дѣлала все это изъ любви къ ней и желая раздѣлить съ нею свои дѣтскія забавы. Мало-по-малу между ними установилась интимность: чистосердечіе Оленьки вызвало и Лизу на откровенность; онѣ стали передавать другъ другу свои тайны, свои тревоги и опасенія. Въдѣ и у дѣтей есть свои тайны и надо отдать имъ справедливость: они подѣ часъ умѣютъ хранить ихъ лучше взрослыхъ и стариковъ. Черезъ полгода Лизу узнать было трудно. Она измѣнилась какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи: на блѣдныхъ щекахъ ея появился легкій румянецъ; и смотрѣла она веселѣе и осмысленнѣе и въ движеніяхъ ея было больше энергіи и развязности. Въ ней уже не было этой вѣчной, безотчетной боязни за себя, этой пришибленности; она глядѣла и самоувѣреннѣе и самостоятельнѣе. Бакалановъ молча радовался этой метаморфозѣ; Mme Coudert приписывала ее новой принятой ею методѣ воспитанія, хотя она въ дѣлѣ воспитанія не держалась ровно никакой методы; сама Софья Львовна не могла не замѣтить ея; она сдѣлалась къ Лизѣ внимательнѣе, стала даже иногда ласково разговаривать съ нею.

У Оленьки оказались способности не только къ наукамъ и языкамъ, но и къ музыкѣ, въ особенности же къ рисованію. Черезъ два года она говорила по-французски и по-нѣмецки очень хорошо и свободно (Mme Couderт была Альзаска и знала оба языка), ко дню же именинъ Софьи Львовны нарисовала тайкомъ отъ всѣхъ, разумѣется съ помощью Mme Couderт, и поднесла ей очень отчетливо исполненную дѣтскую головку, что конечно растрогало ее до слѣзъ. „Mais c'est un prodige que cette enfant“, твердила, разводя руками Француженка.

Пріѣзжали отъ времени до времени въ Бакланы провѣдать дочь свою и Кузмины и всякій разъ не могли вдоволь наглядѣться и нарадоваться на нее. Глафира Андреевна сначала боялась чтобъ она, отвыкнувъ отъ нихъ, не разлюбила ихъ, — боялась даже чтобъ она окруженная роскошью и обществомъ людей воспитанныхъ и образованныхъ не стала гнушаться родными своими, людьми бѣдными и простыми; но непритворная радость ея и искреннія слѣзы при встрѣчахъ и расставаньи, дѣтская заботливость и предупредительность во время пребыванія въ Бакланахъ всякій разъ окончательно разсѣивали ея опасенія.

— Кладъ послалъ намъ Господь Богъ въ Олечкѣ, говорилъ Александръ Семеновичъ, возвратившись домой.

Глафира Андреевна вмѣсто отвѣта утирала навернушіяся на глазахъ слезы и затѣливъ свѣчку предъ иконой Богоматери Скорбящихъ Радости въ горячихъ молитвахъ изливала предъ нею благодарность свою.

Успокоившись на счетъ неизмѣнности чувствъ Оленьки, она не менѣе того боялась за будущность которую готовило ей получаемое ею у Баклановыхъ воспитаніе; особенно же пугала ее наклонность ея къ музыкѣ и рисованію.

— На что ей эта музыка и рисованіе? говорила она мужу, — лишь отъ другихъ лутныхъ занятій отвлекаютъ. И что мы съ такою воспитанною да образованною станемъ дѣлать? За нашего брата неуча не пойдетъ; а богатый и образованный ее безприданницу за себя не возьметъ, и будетъ она вѣкъ свой въ дѣвкахъ сидѣть.

— А что жь такое, отвѣчалъ Александръ Семеновичъ. — Что нищихъ-то размножать; ихъ и такъ много.

— Да и вѣкъ волосами трясти толку тоже нѣтъ.

— Съ образованіемъ она всегда добудетъ себѣ кусокъ

хлѣба: не выйдетъ замужъ, поидетъ въ наставницы либо гувернантки.

— Ипустишь ты дочь свою по бѣлу свѣту мыкаться? говорила Глафира Андреевна, въ услугѣ выкативъ на мужа удивленные глаза.

— Почему жь? хлѣбъ оный ѣдать не краденый.

— Чтобъ Олечка когда сдѣлалась Кудершей или Беликуршей? Избави Богъ ее дойти до такой низкости.

Глафира Андреевна уважала лишь вещественный трудъ, какъ приносящій видимую, осязаемую пользу, на всякій же другой, а тѣмъ болѣе на изящныя искусства смотрѣла какъ на пустую забаву, пригодную лишь для потѣхъ богатыхъ, праздныхъ людей; и если она такъ хлопотала дать Оленькѣ воспитаніе, то никакъ не потому чтобы сознавала въ томъ насущную потребность для нея самой, а потому что того требовалъ свѣтъ, „ужь больно сталъ прихотливъ и привередливъ“. Вслѣдствіе такого міросозерцанія гувернеры и гувернантки были въ глазахъ ея пустою ни на что не нужной народъ, выдумавшій все это образованіе лишь для того чтобъ обирать честныхъ людей и кормиться его трудовыми денежками. Да и Александръ Семеновичъ высказалъ свою мысль вовсе не потому чтобы таково въ самомъ дѣлѣ было его убѣжденіе, а такъ, благо подвернулось ему кстати гдѣ-то имъ слышанное на языкъ; самъ же оный никогда не рѣшился бы отпустить дочь свою, молодую дѣвушку, одну, въ чужіе люди.

Я уже сказалъ что Баклановъ поселившись въ имѣніи своемъ посвящалъ себя хозяйству и улучшенію быта крестьянъ своихъ. Онъ завелъ сельскую школу, учредилъ ссудныя кассы, устраивалъ больницу, обратилъ особое вниманіе на распространеніе трезвости и уменьшеніе праздничныхъ, прогульныхъ дней, даже сдѣлалъ опытъ самоуправленія и самосуда; но вскорѣ же убѣдившись что мужикъ для этого послѣдняго дѣла еще недостаточно развитъ, долженъ былъ отказать отъ своей попытки. Школы же въ двѣнадцать лѣтъ его управленія уже успѣли принести осязаемую пользу.

Вскорѣ кругу дѣятельности его суждено было расширяться: приближалась крестьянская реформа. Помѣщики много толковали, спорили, кричали, писали проекты. Баклановъ принималъ сначала въ преніяхъ этихъ дѣятельное участіе, по инициативѣ его возбужденны были и обсужены многіе серьезные вопросы, оный былъ такъ-сказать въ этомъ дѣлѣ коно-

водомъ; но когда явились люди которые увлекшись духомъ новаторства и дурно ли, хорошо ли понятого ими либерализма, стали требовать того что не согласовалось съ его убѣжденіями, онъ счелъ обязанностію своею сдерживать этотъ порывъ. „Господа, говорилъ онъ, я вполнѣ сочувствую великому дѣлу предстоящей реформы, сознаю что вмѣстѣ съ полноправіемъ является для крестьянина и насущная потребность какъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи, такъ и въ улучшеніи матеріальнаго быта его, то-есть необходимо учрежденіе народныхъ школъ, осудныхъ кассъ, установленіе на прочныхъ основаніяхъ частнаго кредита и т. п.; но тѣмъ не менѣе убѣжденъ я и въ томъ что при настоящей неразвитости своей, пришибленности и полномъ обезличеніи вслѣдствіе долгодѣтней безправности, онъ положительнo не въ состояніи будетъ справиться съ самоуправленіемъ и самосудомъ, которые вы хотите дать ему. Ему надо хорошенько освоиться со своимъ личнымъ полноправіемъ и новыми обязанностями, прежде нежели самостоятельно пріятыся за общественныя дѣла. Давайте же подвигаться впередъ по предстоящему пути не торопливымъ, а осмотрительнымъ шагомъ, чтобы позже не пришлось двигаться по нему рачковымъ ходомъ.“ Большинство людей положительныхъ сочувствовало ему; но увлеченное общимъ потокомъ не имѣло достаточно гражданскаго мужества чтобы прямо выразить ему свое сочувствіе и открыто примкнуть къ нему. Болѣе рьяные стали называть его отсталымъ и ретроградомъ. Нашлись даже такіе которые обозвали его крѣпостникомъ хотя и сами сознавали какъ мало шелъ къ нему этотъ аппетитъ; но Баклановъ не обращалъ на все это никакого вниманія и до самаго конца остался себѣ вѣренъ. „Мы дошли до Рубикона, говорилъ онъ, переступить за который не дозволяютъ мнѣ убѣжденія до которыхъ я дошелъ путемъ долгодѣтняго опыта и добросовѣстнаго изученія дѣла. Я могу, конечно, ошибаться, но я привыкъ говорить лишь то что чувствую и считаю недостойнымъ себя отказываться отъ своихъ возрѣвій только потому что они не согласуются съ господствующими въ данную минуту возрѣвіями и потому до поры до времени буду держаться особнякомъ. Когда же вопросъ выработается надлежащимъ образомъ и предполагаемая реформа сдѣлается обязательнымъ для всѣхъ учрежденіемъ, я безпрекословно подчинюсь ей въ той формѣ и

омъ размѣрѣ въ которыхъ она утверждена будетъ закономъ, какъ выраженію общественнаго требованія, и готовъ мужить этому святому дѣлу всѣми силами своими.“

И дѣйствительно, когда обнародовано было положеніе 19го февраля, Баклановъ предложилъ свои услуги правительству, былъ назначенъ мировымъ посредникомъ и всецѣло посвятилъ себя своей новой обязанности.

V.

Незамѣтно прошло восемь долгихъ лѣтъ со дня водворенія Оленьки въ домъ Баклановыхъ. Ей пошелъ уже шестнадцатый годъ; она выросла, похорошѣла и почти вполне сформировалась. Ея разившіяся формы уже приняли ту мягкость и округлость очертаній, которыя даютъ столько изумительной прелести стройному и гибкому стану молодой дѣвушки. Еще несобранные въ косу густые, русые волосы, обрамляя ея очаровательное личико, падали на плеча волнистыми прядями и, разсылаясь по нимъ, еще рѣзче выказывали матовую бѣлизну ихъ. Движенія ея были просты и раціозны: въ нихъ не было и тѣни той натянутости и приужденности которыми грѣшатъ большинство нашихъ деревенскихъ барышень и которыя такъ много вредятъ имъ. Характеръ ея не утратилъ своей живости и веселости, часто и теперь раздавался ея звонкій, дѣтскій смѣхъ; лишь глаза ея смотрѣли ужь не такъ бойко и беззаботно и порой въ сосредоточенномъ взглядѣ ея можно было прочесть глубоко затаявшуюся думу. Да было ей о чемъ и подумать. Намѣчено что дѣти преимущественно дѣвочки вырастаютъ въ чужомъ домѣ развиваются не по годамъ. Оленька въ пятнадцать лѣтъ уже смотрѣла на жизнь съ ея положительной стороны, а развертывалась она предъ нею не совсѣмъ въ радужномъ свѣтѣ. Несмотря на материнскія поличенія которыми продолжала окружать ее Софья Львовна, и на стовскую любовь и привязанность къ ней Александра Вальевича, она понимала что она все-таки не у себя дома, что положеніе ея у Баклановыхъ основано не на какихъ-либо родственныхъ или другихъ отношеніяхъ, а на мимолетной причудѣ, на капризѣ богатой барыни, и что самое почетное ея воспитаніе было не болѣе какъ дѣломъ част-

ной благотворительности. Сознаніе это, съ одной стороны, возмущало ея щекотливое самолюбіе, а съ другой — налагало на нее долгъ благодарности, то-есть такой долгъ, уплатить который она не предвидѣла возможности. Она и та и дала себѣ клятву посвятить всю жизнь свою, если нужно пожертвовать самой собою, для исполненія этой лежащей на ней святой обязанности; но легко могла пройти и вся жизнь ея не представивъ ни одного удобнаго къ тому случая. Эта мысль преслѣдовала и мучила ее какъ неотвѣчиво преслѣдуетъ челоуѣка его собственная тѣнь.

Дружба ея съ Лизой росла и крѣпла съ каждымъ днемъ: она буквально подлюбила ее какъ родную сестру. Да она и стояла того: это была дѣвушка ангельской кротости. Проведенные въ загонѣ дѣтскіе годы не возстановили ея ни противъ матери, ни противъ людей, не развили въ ней ни чувства зависти, ни злобы, какъ это въ подобныхъ случаяхъ большею частью бываетъ, а лишь наложили печать какой-то тихой, сосредоточенной грусти. Несмотря на перемену въ обращеніи матери, она и теперь верѣдко терпѣла отъ нея напраслину, но переносила вспышки ея безропотно, съ какою-то безотчетною покорностью судьбѣ, и слѣдила себя утѣшенія въ дружескихъ объятіяхъ своей нареченой сестры. И странное дѣло: Бакалановъ все это видѣлъ, верѣдко даже возмущался этими вѣчьмъ не мотивированными вспышками, но постоянно держался въ сторонѣ, какъ бы считая себя въ правѣ становиться между матерью и дочерью, точно также какъ не любилъ чтобъ и жена его вмѣшивалась въ отношенія его къ сыну. Такъ ужъ видно сложились его убѣжденія.

Аркадій кончалъ курсъ; онъ долженъ былъ дѣломъ быть вылученъ офицеромъ въ гвардію, и Бакалановъ хлопоталъ о назначеніи его въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, которыми командовалъ его старый товарищъ по службѣ, для того чтобъ имѣть возможность лучше слѣдить за нимъ. Между отцомъ и сыномъ шла постоянная переписка. Аркадій писалъ аккуратно два раза въ мѣсяцъ, и хотя коротенькія письма его по содержанию своему походили на рапортчики подаваемые дежурными офицерами по начальству, старикъ оставался ими вполне доволенъ. „Не надо мнѣ этихъ разглагольствованій, да сердечныхъ изліяній, говорилъ онъ; мнѣ нужно дѣло.“ Въ послѣднемъ письмѣ своемъ Аркадій, уведомляя

отца о благополучномъ исходѣ экзаменовъ, писалъ что будущій командиръ его обѣщалъ послѣ лагерей дать ему отпускъ на двадцать восемь дней для свиданія съ родными, и что онъ просилъ отпустить его на сентябрь мѣсяцъ, чтобъ имѣть возможность именины матери и сестры провести съ ними.

— Какія нѣжности, замѣтилъ Баклановъ, читая письмо женѣ,—и что за аккомодациі такія съ начальствомъ,—баловство одно.

„Итакъ, заключалъ Аркадій, ровно черезъ два мѣсяца я наконецъ крѣпко прижму васъ къ своему сердцу.“

— Вотъ еще какъ, сказалъ старикъ, складывая прочитанное письмо. — Въ наше время у отцовъ и матерей цѣловали драгоценныя ручки; а нынче ужъ прямо къ сердцу прижимаютъ.

— Но развѣ ты не видишь что слова эти вырвались у него помимо его воли, заступилась за сына Софья Львовна,— что они выражаютъ какъ нельзя лучше и теплоту сыновней любви, и нетерпѣніе съ которымъ онъ ждетъ этого свиданія.

Баклановъ изъ-подлобья полунасмѣшливо взглянулъ на жену, но не сказалъ ни слова.

Длины оказались для матери эти нескончаемые два мѣсяца. Чтобы скоротать какъ-нибудь время она даже сдѣлала таблицу дней остававшихся до пріѣзда Аркадія, и каждый вечеръ ложась спать вычеркивала на ней истекшее число, какъ дѣлаютъ школьники, думая скоротать тѣмъ время остающееся до выпуска. Наступило наконецъ и четвертое сентября, а Аркадій не пріѣзжалъ.

— А Лизины именины завтра, сказалъ Баклановъ за обѣдомъ.—Посмотримъ: пріѣдетъ ли такъ нѣжно любящій братъ обрадовать по обѣщанію сестру свою.

Наступило и пятое, а Аркадія все еще не было.

Утромъ, по возвращеніи отъ обѣдни, Софья Львовна, бывшая въ этотъ день въ очень хорошемъ расположеніи духа, подарила Лизѣ великолѣпныя серьги съ брощкой.

— Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, сказала она, поцѣловавъ ее въ лобъ.—А вотъ это за брата, добавила она, и крѣпко прижала къ сердцу. Это былъ первый искренній материнскій поцѣлуй. Лиза совершенно растерялась и ловила руку матери чтобы покрыть ее поцѣлуями. Пораженная и вмѣстѣ тронутая этимъ необычнымъ зрѣлищемъ не могла

совладѣть съ собою и Оленька: она бросилась къ нимъ, цѣлуя и обнимая то ту, то другую. Онѣ всѣ три плакали, плакали навзрыдъ и всѣ три въ эту минуту были такъ счастливы что конечно не согласились бы промѣнять своего счастлаго счастія ни на какое блаженство въ мірѣ.

Узнавъ отъ Лизы о происшедшемъ сближеніи ея съ матерью, повеселѣлъ и Александръ Васильевичъ, и чтобы не отравлять семейной радости, во весь день не упоминалъ объ Аркадіи. Для полнаго счастія Лизы не доставало только чтобъ и онъ въ этотъ день пріѣхалъ; но онъ какъ нарочно не пріѣзжалъ.

Такъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ прешли еще три дня. Баклановъ, начинавшій уже серьезно тревожиться, не случилось ли чего съ сыномъ, послалъ въ Петербургъ телеграмму и получилъ въ отвѣтъ извѣщеніе что тотъ выѣзжаетъ еще перваго сентября.

— Что же это такое? спрашивалъ онъ самъ себя. — Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ загостился въ Москвѣ, у тетки, зная что мы по его же письму ждемъ его?

И онъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

Наступило наконецъ двѣнадцатое. Былъ ясный день. Баклановъ сидѣлъ на балконѣ, докуривая свою сигару, предъ нимъ по ту сторону омывавшего садъ пруда тянулась, убогая вдаль, обсаженная ветлами большая К—ская дорога. Вдругъ среди общаго тишины послышался колокольчикъ. Онъ невольно взглянулъ по направленію дороги; сначала на ней изъ-за густо разросшихся ветель ничего не было видно кромѣ поднимающейся вдаль и косвенно относимой вътроемъ въ сторону пыли; потомъ показалась быстро подвигавшаяся темная точка и минутой спустя уже можно было довольно ясно различить летѣвшій что называется на всѣхъ парахъ ямской тарантасъ съ сидѣвшимъ въ немъ въ бѣлой фуражкѣ съдокомъ. „Онъ“, подумалъ про себя Баклановъ. И действительно, тарантасъ проѣхавъ прудъ повернулъ на плотину и чрезъ минуту прогесса мимо сада къ подъѣзду. Изъ лакейской послышался шумъ голосовъ смѣшанный съ радостными восклицаніями. Баклановъ всталъ и тихими шагами вошелъ въ домъ.

Въ залѣ у дверей въ переднюю стоялъ Аркадій съ повисшею у него на шеѣ матерью; нѣсколько поодаль стояла Лиза съ Оленькой. Софья Львовна, не умѣвшая ни въ чемъ

держаться середины, душила сына въ своихъ объятіяхъ, вмѣстѣ и смѣялась, и плакала. Лиза робко, въ нерѣшимости поглядывала то на группу матери съ братомъ, то на Оленьку, то на вошедшаго отца, какъ бы недоумѣвая что ей дѣлать со своею особой. Оленька, казалось, отъ искренняго сердца любовалась этою семейною сценою и съ любопытствомъ разсматривала пріѣхавшаго незнакомца.

Увидавъ отца Аркадій бросился къ нему на встрѣчу.

Тотъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— Выросъ, сказалъ онъ, осматривая его съ ногъ до головы.—Начали и усы пробиваться, какъ и слѣдуетъ корнету. Что же ты съ сестрами не поздороваешься?

Аркадій поцѣловалъ Лизу и молча пожалъ руку Оленькѣ.

— Ну, теперь объясни намъ гдѣ же это ты такъ замѣшался? спросилъ Баклановъ.

— Все это, право, случилось такъ неожиданно, оправдывался Аркадій какъ провинившійся школьникъ предъ своимъ начальникомъ.—Во первыхъ, изъ Петербурга, вмѣсто перваго, какъ предполагалъ, едва могъ я вырваться лишь лятаго....

— Какъ лятаго? перебилъ его отецъ.—Меня Павелъ Петровичъ увѣдомилъ телеграммой что ты выѣхалъ изъ Петербурга перваго.

Аркадій видимо сконфузился.

— Дѣйствительно, прощаясь съ Павломъ Петровичемъ, я сказалъ ему что выѣзжаю на другой же день, проговорилъ онъ несовсѣмъ твердо;—но кое-какія формальности, проводы товарищей, все это задержало меня на три дня лишнихъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ, и тетушка Марья Васильевна никакъ не хотѣла отпустить меня больнаго.

— Все это прекрасно, сказалъ выслушавъ его хладнокровно Баклановъ,—но подумалъ ли ты о томъ что до конца твоего отпуска осталось всего семнадцать дней, и что въ эти дни ты долженъ еще будешь съѣздить къ дядѣ Федору Львовичу за пятьдесятъ верстъ, да къ тетушкѣ Варварѣ Васильевнѣ за двѣсти. Если ты пробудешь у нихъ и по одному дню, такъ все-таки проѣдешь цѣлую недѣлю. Сколько же тебѣ времени останется съ нами пробыть?

— Но вѣдь на это, папаша, у насъ теперь такъ строго не смотрять: можно нѣсколько дней и просрочить или взять свидѣтельство о болѣзни.

— То-есть начать службу неакуратностью или обманомъ? Нѣтъ, братъ, это ужь шалашъ: надѣлъ лямку, такъ и тяни ее. Перваго октября срокъ; тридцатаго сентября изволь быть въ Петербургѣ.

— Но, другъ мой, вмѣшалась было Софья Львовна,—какъ же онъ все это услѣдетъ сдѣлать въ такое короткое время?

— Это ужь дѣло его, отрѣзалъ Баклановъ голосомъ недопускавшимъ возраженія и сталъ говорить съ сыномъ о другихъ предметахъ.

Неожиданное рѣшеніе это отравило радость свиданія и очень огорчило Софью Львовну. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ восьми лѣтъ разлуки увидать сына лишь на нѣскольکو дней, для нервной и раздражительной женщины было съ него сьма сойти; но она хорошо знала своего мужа; знала что когда дѣло шло объ исполненіи долга, на него нельзя было подбивать ни мольбами, ни слезами, ни даже истерическими припадками и что въ въ настоящемъ случаѣ пытаться уговорить его измѣнить принятое имъ рѣшеніе было бы напрасною тратой времени.

Она вечеромъ долго совѣщалась съ сыномъ какъ бы помочь дѣлу другими путями, но ничего придумать не могла: не ѣхать къ ея брату за пятьдесятъ верстъ, было неможно, тѣмъ болѣе что жена его была женщина очень взыскательная; не ѣздить же къ сестрѣ Александра Васильевича нечего было и думать,—однимъ намекомъ на это онъ привалъ бы за кровное оскорбленіе. Рѣшено было что Аркадій поѣдетъ въ Бакланы до семнадцатаго, то-есть до именинъ матери; на другой же день поѣдетъ къ роднымъ, а къ двадцать пятому возвратится, чтобъ уже остальные два, три дня провести вмѣстѣ.

Слѣдующій день прошелъ для всѣхъ скучно и натавото. Старикъ былъ недоволенъ сыномъ за его неакуратность. Софья Львовна дулась на мужа за его неумѣстный ригоризмъ; Лиза, и безъ того необщительная, еще болѣе сосредоточилась въ самое себя: съ одной стороны, на нее имѣло вліяніе дурное расположеніе духа стариковъ,—съ другой, она такъ мало знала Аркадія что не могла привыкнуть смотреть на него какъ на брата; Оленька чувствовала себя при немъ въ домѣ Баклановыхъ какъ-то неловко, будто не на своемъ мѣстѣ. Самъ Аркадій былъ до того озадаченъ и сконфуженъ сдѣланнымъ ему отцомъ приемомъ, да еще въ присутствіи

почти незнакомыхъ ему молодыхъ дѣвушекъ, что окончательно потерялъ подъ ногами почву и смотрѣлъ не какъ пріѣхавшій въ провинцію блестящій гвардейскій офицеръ, а какъ только-что пойманный въ шалости и оштрафованный школьникъ. Даже Mme Coudert, обыкновенно веселая и разговорчивая, подъ вліяніемъ общей натянутости какъ-то жалась и видимо была не въ своей тарелкѣ.

Натянутость эта продолжалось бы еще можетъ-быть долго еслибы не положило ей конецъ неожиданное обстоятельство, которое, казалось бы, должно было еще болѣе усилить ее. На третій день пріѣзда, Аркадій за часъ до обѣда отправился съ сыномъ управляющаго, гостившимъ подобно ему у родныхъ своихъ, на верхъ поиграть на билліардѣ. Не разчиталъ ли онъ времени, или увлекся игрой, но не замѣтилъ какъ настала обѣденная часть. Обѣдъ былъ сервированъ и недоставало только его чтобы сѣсть за столъ. Бакаловъ послалъ ему сказать что его ждутъ. Прошло еще десять минутъ и онъ пригласилъ всѣхъ идти въ столовую.

— Семеро одного не ждутъ, сказалъ онъ;—а старику и одному семерыхъ молодыхъ ждать не приходится.

Лиза хотѣла было бѣжать за Аркадіемъ въ билліардную; но онъ оставилъ ее.

— Разъ сказано и довольно, сказалъ онъ сухо.

Сѣли за столъ; всѣ молчали. Софья Львовна поминутно посматривала на дверь, но Аркадій не приходилъ. Обѣдъ ужъ приближался къ концу, когда онъ наконецъ вошелъ.

— Съ выигрышемъ или съ проигрышемъ? спросилъ старикъ, не поднимая глазъ съ своей тарелки.

Аркадій извинялся, оправдываясь какъ могъ, и хотѣлъ сѣсть за столъ.

— Тебѣ ужъ лучше не дожидаться ли какъ мы пообѣдаемъ? сказалъ отецъ:—Тебѣ начинать обѣдъ съ пирожного пріятнаго мало; да и намъ смотрѣть какъ ты начнешь его съ суна и ждать пока догонишь насъ, удовольствія будетъ немного. Тебѣ бы закурить пока палироску, оно бы уже какъ разъ на ресторанахъ было похоже: одни обѣдаютъ, другіе играютъ на билліардѣ, третьи въ ожиданіи пока принесутъ имъ заказанную порцію покуриваютъ себѣ. И отлично: всякій ишь о себѣ думаетъ. Сестры-то твои кстату въ ресторанахъ еще не бывали.

Аркадій совершенно растерялся и, не зная что ему дѣлать,

отомель къ окну. Обѣдъ впрочемъ скоро кончился; Софья Львовна ушла въ гостиную, Александръ Васильевичъ по обыкновенію къ себѣ въ кабинетъ. Сцена сдѣланная ему отцомъ до того озадачила, сконфузила и вмѣстѣ оскорбляла Аркадія что слезы чуть не выступили у него на глазахъ. Онъ выпилъ стаканъ воды, постоялъ еще минуту у окна чтобы сколько-нибудь оправиться, и вошелъ въ гостиную, гдѣ нашелъ все дамское общество въ полномъ сборѣ. Софья Львовна сидѣла на диванѣ и плакала; Лиза стояла у стола и опустивъ глаза перебирала пальцами концы своего фартука; Оленька сидѣла въ углу у окна видимо взволнованная: ноздри ея раздувались отъ сдерживаемого ею негодованія и грудь тяжело подымалась. Всѣ молчали; говорила одна Mme Coudert.

— Où sont donc après cela les droits de l'homme? тараторила она около Софьи Львовны.—M. Arcadie n'est plus un enfant. Et puis il y a manière et manière.

— Не стыдно ли тебѣ, Аркадію, сказала ему съ упрекомъ Софья Львовна.—Ты знаешь какъ отецъ всегда и во всемъ пунктуаленъ и какъ требуетъ и отъ другихъ той же пунктуальности. Чтò бы тебѣ стоило сойти къ обѣду вовремя?

— Мнѣ право и въ голову не приходило чтобы изъ такого вздора.....

— Ну вотъ и скушалъ урокъ. Хорошо?

— Можеть-быть и хорошо, только не сытенъ, сказалъ стараясь улыбнуться Аркадію.—Признаюсь вамъ: вѣсть страшно хочется.

Всѣ расхохотались, Софья Львовна отъ слезъ мгновенно перешла къ истерикѣ отъ разбиравшаго ее смѣха. Дѣвушки и Mme Coudert бросились хлопотать объ обѣдѣ.

Столовою избрана была комната Оленьки, какъ болѣе отдаленная, чтобы не могъ доходить стукъ ножей и тарелокъ въ кабинета гдѣ отдыхалъ старикъ.

— C'est à vous à faire les honneurs de la maison, mademoiselle Olga, говорила Mme Coudert.

— А la guerre comme à la guerre, отвѣчала Оленька, ставляя съ своего рабочаго столика стоявшія на немъ бѣлѣлашки и покрывая его салфеткой.

Привнесенъ былъ почти полный обѣдъ. Проголодавшійся Аркадію вѣлъ съ большимъ апетитомъ; надъ нимъ много шутили, смѣялись и въ какой-нибудь часъ болѣе сблизился

нежели въ предшествовавшіе два дня. Вечеръ прошелъ весело и оживленно: играли и въ *petits jeux* и въ *jeux d'esprit*.

Въ слѣдующіе три дня молодые люди или лучше сказать взрослые дѣти сошлись еще ближе, и когда на четвертый Аркадій, отпраздновавъ матернины именины, уѣзжалъ дѣлать свой объѣздъ, ему казалось что онъ прожилъ въ Бакааныхъ цѣлый годъ.

— Смотри олять не замѣшкайся, не заболѣй и у этой тет-ки, говорилъ отецъ, провожая его на крыльцо.

— Будьте покойны, двадцать пятого въ шесть часовъ утра буду здѣсь.

— Посмотримъ. Давши слово, надо сдержать его.

И дѣйствительно въ назначенный день еще до разсвѣта къ крыльцу подѣхала коляска и изъ нея выпрыгнувъ Аркадій.

— Что исправно такъ исправно, улыбался здороваясь съ нимъ старикъ, ровно въ шесть часовъ вышедшій изъ кабинета съ сигарою въ зубахъ.

Вскорѣ поднялся и весь домъ. За завтракомъ держали совѣтъ какъ употребить и если возможно какъ бы продлить оставшіеся три дня.

— Еслибъ изъ нихъ можно было сдѣлать хоть четыре, жазала Оленька со вкрадчивою улыбкой взглянувъ на Бакаанова.

За нею какъ бы стоворясь взглянули на него и всѣ остальныя; но онъ спокойно продолжалъ курить свою сигару и казалось ничего не слышалъ и не замѣчалъ.

— *Je ne vois qu'un moyen*, подала голосъ свой Mme Couert;—*c'est de prendre les jours sur les nuits*.

Совѣтъ ея принять былъ единогласно и положено было расодиться не раньше трехъ часовъ ночи. Но несмотря на сѣ эти ухищренія три дня прошли въ свой положенный рокъ и наступилъ роковой день разставанья.

— Завтра тебѣ надо выѣхать пораньше, чтобы не опоздать въ городъ къ отѣзду почтовой кареты, сказалъ еще жаянунѣ, прощаясь съ Аркадіемъ, отецъ.

Въ семь часовъ утра онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и о оставался съ нимъ наединѣ больше часа. Когда они шли, у Аркадія глаза были красны; у старика по лицу нта ничего нельзя было замѣтить, но по всему видно было что между ними произошло полное примиреніе.

Сѣли за завтракъ, до котораго впрочемъ никто не коснулся. Когда часы пробили девять, старикъ всталъ.

— Пора и въ луть, сказалъ онъ. — Помолитесь Богу.

По заведенному изстари традиціонному обычаю, онъ заперъ двери и пригласилъ всѣхъ сѣсть. Послѣ минутной торжественной тишины, онъ молча всталъ и положилъ три крестные поклона. Всѣ послѣдовали его примѣру.

— Ну, Христосъ съ тобою, сказалъ онъ, перекрестивъ Аркадія и поцѣловавъ его на обѣ щеки. — Не позабудь что я давеча говорилъ тебѣ: помни что ты представитель древняго благороднаго рода Баклановыхъ и что на тебѣ лежитъ священный долгъ поддерживать уваженіе къ имени котораго съ честью и гордостью носили твои предки. Не пренебрегай и акуратностью: *c'est la politesse des rois* и безъ нея плохой ты будешь царскій слуга.

И онъ еще разъ перекрестилъ и поцѣловалъ его.

Софья Львовна до того рыдала, прощаясь съ сыномъ, что не могла выговорить ни слова. Ей дали нюхать какіе-то спирты и соли, мочили голову одеколономъ и холодномъ водой и въ заключеніе почти вынесли на рукахъ на крыльцо, гдѣ и посадили въ кресло.

— Вотъ вамъ на память отъ насъ обѣихъ, сказала Аркадію Оленька, когда онъ подошелъ прощаться съ нею, и она подала ему акварельный портретъ Лизы.

Портретъ этотъ былъ нарисованъ ею во время поѣздки Аркадія къ теткѣ. Онъ съ Лизой долго придумывали какой бы сдѣлать ему сюрпризъ и наконецъ остановились на портретѣ. Сходство было разительное.

— Да ты, Оля, артистка; тебѣ надо съ твоимъ талантомъ ѣхать въ Академію, говорилъ Александръ Васильевичъ, д боясь имъ. — Ты бы ему и свой на память нарисовала.

— Пробовала, не могу, отвѣтила покраснѣвъ Оленька.

Лиза лукаво взглянула на нее. Дѣло въ томъ что она нарисовала и свой, но подарить его Аркадію рѣшиться не могла.

— И не нужно, *je le porte dans mon cœur*, сказалъ тотъ шуточно, приложивъ руку къ сердцу.

Оленька ничего не сказала. Слова эти и тонъ съ которыми они были сказаны какъ-то болѣзненно подѣйствовали на нее лишь принужденная улыбка судорожно скривила ея губки.

Проставшись еще разъ съ отцомъ и матерью, Аркадію подошелъ и къ ней.

— Можетъ-быть и вы когда-нибудь обо мнѣ вспомните, сказалъ онъ, крѣпко сжимая ея руку.

Оленька молчала, рука ея была холодна какъ ледъ. Онъ взглянулъ на нее и увидалъ катившуюся по щекѣ ея слезу.

Что значила эта какъ бы украдкой скатившаяся слеза, эта *furtiva lagrime*? Льезть слезы и безутѣшное горе, льезть ихъ подчасъ и тихая, свѣтлая радость. Не съ дрожащею ли на лепесткахъ слезой привѣтствуетъ и роза восходящее солнце?

VI.

Съ отъездомъ Аркадія Баклановскій домъ какъ бы опустѣлъ: вмѣсто оживленной, лихорадочно-возбужденной дѣятельности наступила мертвая тишина и потекла обыденная жизнь своимъ обычнымъ чередомъ. Софья Львовна жаловалась на разстроенные нервы и почти не выходила изъ своей спальни, продушенной лавровишневыми и другими противунервными каплями; Александръ Васильевичъ сталъ молчаливѣе обыкновеннаго и по цѣлымъ часамъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ съ сигарой въ зубахъ и заложенными за спину руками; Лиза глядѣла какъ-то разсѣянно и не могла приняться ни за какое дѣло; всегда согласовавшаяся съ общимъ настроеніемъ духа скучна была и *Mme Couderg*; но грустнѣе всѣхъ была Оленька. Почему она была такъ грустна, она и сама не могла дать себѣ отчета. Скучала и грустила она, казалось ей, потому что она въ это короткое время успѣла такъ привыкнуть къ Аркадію что безъ него ей какъ будто бы чего-то недоставало. Онъ нравился ей уже потому что такъ рѣзко отличался отъ обыкновенныхъ посѣтителей Бакланова какъ образомъ мыслей и способомъ ихъ выраженія, такъ и самыми приѣмами своими. Онъ былъ ловокъ и находчивъ, и когда хотѣлъ, очень забавенъ и остроуменъ, съ нею же всегда любезенъ и предупредителенъ; да и кромѣ того въ немъ было что-то симпатичное, что-то такое что неволью влекло къ нему. Съ самаго пріѣзда своего онъ возбудилъ въ ней къ себѣ участіе какъ крайне неласковымъ приѣмомъ сдѣланнымъ ему отцомъ, такъ и постоянно сухимъ, начальственнымъ его съ нимъ обращеніемъ; съ того же дня какъ онъ оставленъ былъ безъ обѣда и она угощала его въ комнатѣ своей, она привязалась къ нему какъ къ брату, и въ

остальные дни, казалось ей, иначе на него ужь не смотрѣла. Если сказанныя имъ при прощаніи слова шутивымъ тономъ своимъ почему-то и болѣзненно подѣйствовали на нее, то когда онъ подошелъ къ ней во второй разъ и крѣпко сжавъ ея руку просилъ ее вспоминать иногда и о немъ, въ выраженіи лица его и въ самомъ голосѣ было столько искренности что она ему тутъ же простила ихъ, и помимо ея воли выкатившаяся слеза досказала то что она не могла высказать словами. Правда, въ эту минуту рядомъ съ братскою къ нему любовью въ ней какъ будто пробудилось еще какое-то другое, до того незнакомое ей чувство, но что это было за чувство, она и сама не знала, хотя и казалось ей что оно должно было еще болѣе привязать ее къ нему, какъ будто даже сулило ей минуты какого-то еще неизвѣднаго ему блаженства. „Можетъ-быть, думала она, еслибъ онъ остался еще на нѣсколько дней, я уяснила бы себѣ это чувство, можетъ-быть узнала бы и самое блаженство, которое сулило оно; но онъ какъ нарочно тутъ же уѣхалъ и уѣхалъ надолго, быть-можетъ мнѣ уже никогда и не придется снова свидѣться съ нимъ.“ Такъ объясняла себѣ Оленька чувства свои къ Аркадію, такъ объясняла она себѣ и овладѣвшую ею грусть по отъѣздѣ его. Какъ же въ самомъ дѣлѣ было ей не грустить больше чѣмъ грустили другіе?

Не долго впрочемъ суждено было ей и скучать въ Бакалахъ. Не прошло и двухъ недѣль съ отъѣзда Аркадія какъ серьезно заболѣлъ ея отецъ. Она хотѣла непремѣнно ухаживать за нимъ сама, и Бакалановы не сочли себя въ правѣ удерживать или отговаривать ее отъ этого намѣренія. У отца былъ ударъ, лишившій его употребленія руки и ноги, и она нашла его въ постели. Какъ ни сильно было желаніе ея быть ему полезною, болѣзнь была такого рода, да и сама она еще была такъ молода и въ этомъ дѣлѣ неопытна что ухажь ея большой пользы больному приносить не могъ, да и оказался почти лишнимъ, такъ какъ кромѣ Глафиры Андреевны при немъ постоянно находилась близкій сосѣдъ Кузминыхъ, нѣкто Погорѣловъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, незадолго предъ тѣмъ вышедшій въ отставку и поселившійся въ небольшомъ имѣніи своемъ въ трехъ верстахъ отъ Кузмишки. Онъ былъ многимъ обязавъ старику, любилъ его какъ роднато отца и въ продолженіе всей болѣзни его не отходилъ отъ него ни на шагъ. Впро-

чемъ если присутствіе Оленьки приносило больному мало матеріальной пользы, оно принесло нравственную: прѣвѣдъся обрадовалъ и ободрилъ его. Оленька очень хорошо это видѣла и дала себѣ слово не оставлять больного отца до полнаго его выздоровленія.

Два мѣсяца проведенные въ Кузминкѣ прошли для нея незамѣтно: въ постоянныхъ заботахъ о больномъ ей почти и не было времени предаваться грусти, которая порой и здѣсь посѣщала ее; къ тому же Лиза отъ времени до времени сообщала обо всемъ чтѣ могло интересовать ее, разъ даже прѣвѣждала съ отцомъ навѣститъ ее сама. Жизнь въ Кузминкѣ даже правилась ей тѣмъ своеобразіемъ, которымъ отличалась отъ Бакаановской, не говоря уже о томъ что здѣсь чувствовала она себя какъ-то болѣе дома, у себя, въ своемъ телломъ гнѣздышкѣ, съ роднымъ отцомъ, окруженною нѣжными заботами родной матери. Часто ловила она ея устремленный на нее кроткій, полный материнской любви взглядъ, нерѣдко подмѣчала и дрожавшую на рѣсницѣ или катившуюся по искудалой щекѣ ея слезу, но тутъ же видѣла что это была слеза тихой радости и сердечной благодарности. Тому Кѣмъ испослана была эта радость. По утрамъ Оленька занималась рисованіемъ: она сняла нѣсколько видовъ живописныхъ береговъ пруда и нарисовала портретъ своей старой няни; вечера же были исключительно посвящены чтенію около постели больного. У Погорѣлова была порядочная библіотека, и онъ выбиралъ изъ нея книги которыя могли бы занять и Оленьку, и старика. Онъ много видѣлъ и читалъ, имѣлъ прекрасную память и умѣлъ хорошо передавать все имъ видѣнное и читанное. Иногда по просьбѣ Кузмина разказывалъ онъ эпизоды изъ сдѣланной имъ Крымской кампаніи, и разказы его были полны такого живаго интереса что Оленька всегда слушала ихъ съ большимъ любопытствомъ. Порой любила она слушать и простодушную болтовню старой няни, напоминавшей ей собою ея такъ недавно минувшей дѣтство. Чаще же всего, несмотря на позднее время года, уходила она въ свободные часы въ садъ, въ сопровожденіи огромнаго меделянскаго щенка, котораго уже успѣла выучить носить за собою лопоску, и тамъ бродила по опустѣлымъ аллеямъ и занесенному сухими листьями берегу широкаго пруда.

Ударъ сложившій старика въ постель былъ легкій, помощь

подана была своевременно, уходъ за больнымъ былъ самый бдительный, и онъ къ концу двухъ мѣсяцевъ проведенныхъ Оленькой въ Кузминкѣ, чувствовалъ себя настолько хорошо что могъ ходить безъ помощи костыля по комнатамъ и ждалъ лишь саннаго луты чтобъ отвезть Оленьку въ Бакланы и лично поблагодарить Александра Васильевича за посѣщеніе его во время болѣзни.

Ждала его съ нетерпѣніемъ и Оленька, не потому впрочемъ чтобы жизнь въ Кузминкѣ начинала наскучать ей; но она въ послѣднее время не имѣла никакихъ извѣстій изъ Баклановъ, знала какъ Лиза должна была скучать безъ нея и потому ей хотѣлось что-нибудь узнать отъ нея и объ Аркадіи. Онъ наканунѣ отъѣзда своего далъ слово Лизѣ писать ей часто, съ условіемъ чтобъ и она аккуратно отвѣчала на письма его. Оленька хотя въ договорѣ этомъ лично и не участвовала, могла чрезъ эту переписку знать объ Аркадіи и передавать ему все что хотѣла, конечно не отъ своего лица, а какъ слышанное отъ нея Лизой. Это была своего рода дипломатическая хитрость, которую оба они, разумѣется, очень хорошо понимали, но понимали что-называется каждый про себя.

Установился наконецъ и санный луть, и въ одинъ прекрасный вечеръ семейство Кузминыхъ въ полномъ наличномъ составѣ прибыло въ Бакланы. Общая радость была неопысанная; встрѣча конечно не обошлась безъ самыхъ трогательныхъ сердечныхъ изліяній и было уже довольно поздно когда наконецъ Оленька могла удалиться съ Лизой въ ея комнату. Съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидали онѣ объ этой минутѣ: такъ много, казалось имъ, имѣли онѣ о чемъ сообщить другъ другу, хотя въ сущности все это многое, какъ мы сейчасъ увидимъ, сводилось чуть не къ нулю.

— Ну что? спросила Оленька, когда онѣ остались наединѣ.

Лиза вмѣсто отвѣта вынула изъ столика цѣлую связку писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ Оленька уже читала въ пріѣздѣ Лизы въ Кузминку; остальные прочитаны были ими тутъ же вмѣстѣ. Въ письмахъ этихъ не было ничего особеннаго, всѣ они были одного содержанія; это были варианты на одну и ту же тему, такъ что прочитавъ одно, можно было остальныхъ и не читать. Аркадій писалъ въ нихъ что страшно скучаетъ по Бакланамъ и воображаетъ какъ Лиза должна скучать одна безъ Оленьки, что единственное утѣшеніе его

вспоминать о немногихъ счастливыхъ дняхъ проведенныхъ съ ними, что онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ даже объ обѣдѣ изъ-за котораго вышелъ голоднымъ, и что готовъ бы былъ каждый день оставаться безъ обѣда, лишь бы проводить вечеръ такъ какъ онъ провелъ его въ этотъ памятный для него день и т. д. и т. д. Словомъ, вся перелиска была дѣтскою забавой. Дѣти и забавлялись по-дѣтски, никакъ не подозрѣвая въ какую опасную играли игру. О перелискѣ этой знали и старики; иногда заставляли они Лизу прочесть полученное ею отъ Аркадія письмо и выслушивали его съ самодовольною улыбкой.

— А вотъ на это, сказала Лиза очень серьезно и озабоченно, — я право не знаю что и отвѣчать.

Въ письмѣ этомъ Аркадій просилъ Лизу убѣдить Оленьку прислать ему свой портретъ. „Если она будетъ отговариваться тѣмъ что не можетъ нарисовать его похожимъ, писалъ онъ, то скажи ей что мнѣ не трудно будетъ дополнить въ воображеніи моемъ то чего будетъ въ немъ не доставать.“

Долго думали что бы отвѣтить и наконецъ рѣшено было написать что если ему такъ хочется имѣть этотъ портретъ, то чтобъ онъ пріѣзжалъ за нимъ самъ. Оленькѣ не хотѣлось посылать Аркадію свой портретъ, а потому она была очень довольна что придумала эту увертку, такъ какъ была увѣрена что онъ пріѣхать въ Бакланы такъ легко не рѣшится. Каковъ же былъ ея испугъ, когда ровно черезъ десять дней полученъ былъ отъ Аркадія отвѣтъ что онъ непременно пріѣдетъ; онъ даже просилъ увѣдомить его къ какому сроку будетъ готовъ портретъ. Разумѣется тотчасъ же отправлено было другое письмо, въ которомъ просили Аркадія такимъ пріѣздомъ не возстановлять противъ себя отца и портретъ обѣщанъ былъ уже безъ всякихъ кондицій. Ему конечно только этого и было нужно.

Перелиска эта впрочемъ велась аккуратно лишь первые два, три мѣсяца, а тамъ Аркадій началъ запаздывать отвѣтами своими сначала недѣлю, потомъ двумя, и наконецъ цѣлымъ мѣсяцемъ. Самыя письма были короче и носили на себѣ совершенно другой колоритъ: онъ писалъ больше о петербургскихъ удовольствіяхъ, оперѣ, концертахъ, придворныхъ балахъ, словомъ, о такихъ предметахъ которые для Оленьки и Лизы, при ихъ замкнутой, захолустной жизни, представляли мало интереса; о Бакланахъ же и помина

уже не было. Это очень огорчало ихъ; онѣ долго недоумѣвали чему приписать такую перемену и наконецъ рѣшили что конечно Аркадій сердится на нихъ за то что онѣ долго не высылаютъ ему обѣщаннаго портрета.

Отдѣланнаго портрета своего Оленька посылать Аркадію не хотѣла и потому придумала нарисовать семейную группу. Мысль свою она сообщила старикамъ, которые конечно апробовали ее. Группа была нарисована и отправлена и при ней приложено письмо, въ которомъ Лиза писала Аркадію что съ ихъ стороны обѣщаніе исполнено и что не найдеть ли и онъ возможности подѣ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ исполнить свое. Отвѣтъ на этотъ разъ пришелъ также аккуратно какъ и въ прежнее время. Аркадій благодарилъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ за сдѣланнѣйшему сюрпризъ и увѣрялъ что еслибы не служебныя обязанности, то конечно вмѣсто письма пріѣхалъ бы принести благодарность свою самъ, но что впрочемъ надѣется исполнить это не въ дальнемъ будущемъ. Письмо было много длиннѣе предыдущихъ; видно было что Аркадій старался поддѣлаться подѣ товѣ прежнихъ своихъ писемъ, но въ поддѣлкѣ этой видно было что-то искусственное, натянутое, вообще письмо грѣшило отсутствіемъ искренности. Оленька, прочитавъ его, вздохнула, но не сказала ни слова. Отвѣтъ Аркадія на сдѣдующее письмо былъ уже много короче и залоздалъ на цѣлую недѣлю, на сдѣдующее за нимъ слишкомъ на двѣ; на третье же не получалось отвѣта болѣе мѣсяца. „Что бы это такое значило? говорила Оленькѣ Лиза, и портретъ посылаетъ, и онъ, кажется, остался имъ такъ доволенъ; за что же еще сердится онъ на насъ?“ Оленька молчала; но по лицу ея было видно какъ грустно было у ней на сердцѣ.

Незамѣтно прошло лѣто; сравнялся ровно годъ съ отъѣздомъ Аркадія въ Петербургъ. Дни проведенные имъ въ прошломъ году въ Бакланахъ показались Оленькѣ особенно скучны: въ день пріѣзда его она почти не сходила съ балкона, смотря на убѣгавшую въ даль большую дорогу, точно ожидая не покажется ли на ней мчащаяся во весь опоръ янская тройка и не блеснетъ ли на солнцѣ знакомая ей бѣлая фуражка; въ лампачь оставленія Аркадія безъ обѣда она въ этотъ день не коснулась за столомъ ни до одного кушанья; въ день же отъѣзда его даже немного всплакнула, запершись въ своей комнатѣ.

Лѣто впрочемъ прошло для нея не совсѣмъ скучно. Въ сосѣднемъ городѣ какой-то академикъ открылъ школу живописи, и Баклазовъ, желая развить талантъ Оленьки, пригласилъ его давать ей уроки. Она отъ акварели перешла къ маслянымъ краскамъ и преимущественно занялась пейзажемъ. Въ продолженіе лѣта она сняла нѣсколько видовъ съ живописной Баклазовской усадьбы и ея окрестностей, изъ которыхъ нѣкоторыя были такъ хороши что безъ всякой компановки цѣликомъ такъ и просились на полотно. Наступившая же осень, отбѣивъ окружившія усадьбу вѣковыя деревья и прилегавшій къ ней великолѣпный паркъ всѣми возможными нюансами самыхъ причудливыхъ колеровъ, придала ей съ разбросанными по саду полуразвалившимся гротами и бесѣдками и густо разросшимся между ними кустарникомъ какую-то дикую, самобытную, заманчивую прелесть. Оленька любила бродить по шуршавшимъ подъ ногами листьямъ въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ огромнаго парка, отыскивая для своихъ пейзажей болѣе живописныя мѣстности. Опустѣлый и одичалый видъ его въ позднюю осень почему-то особенно нравился ей; можетъ-быть и потому что согласовался съ ея настроеніемъ духа; да хороши и сами по себѣ ведренныя, осенніе дни. Времена года, подобно возрастамъ человѣка, имѣютъ каждое свою собственную, своеобразную, ему одному присущую красоту. Прелестна кудрявая головка лукаво улыбающагося ребенка; улочительнъ долгій, полный сладострастія и вѣги взглядъ черноокой красавицы; очаровательна груля молодой матери, окруженной лепещущими и играющими около нея малютками; но хорошъ и почтенный видъ маститаго старца съ высокими, изрѣзанными поперечными морщинами лбомъ и устремленнымъ на васъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, полнымъ передуманныхъ думъ, но еще бодрымъ и самоувѣреннымъ взглядомъ. Прекрасенъ и осенній, ясный день. Уже не жжетъ палящими лучами сентябрьское солнце; разрѣженный, свѣжій воздухъ вдыхается легче и свободнѣе; высоко скользятъ по чистому небу легкія и сѣрыя какъ дымъ облака; блеститъ на солцѣ олутовавшая землю шелковистою сѣтью паутина, ея тонкія подыгранныя вѣтромъ пряди колышутся и носятся въ воздухѣ; рдѣютъ на темной зелени кудрявой рябины сочныя гроздія ея блестящихъ какъ кораллы ягодъ; горитъ пурпуромъ и золотомъ на осинахъ и

березахъ ихъ уцѣлѣвшая листва. Уже начали серебрить землю, усыпая ее мелкою хрустальною пылью, ранніе утренняяки; собираясь на отлетъ несмѣтными стаями токують по полямъ грачи, — всюду чувствуется преддверье приближающейся зимы. Словно чей-то неотступный голосъ шепчетъ вамъ на-ухо: спѣшите насладиться этими еще прекрасными и свѣжими какъ бодрая старость днями, этими послѣдними дарами отходящей на покой природы. Скоро, скоро, утомленная полугодовою неустанною работою, заляжетъ міровая кормилица на отдыхъ, укроется своимъ бѣлымъ и теплымъ какъ лебяжій пухъ одѣяломъ и заснетъ полугодовымъ же, богатырскимъ сномъ.

VII.

Прошла осень, наступила и зима съ своими короткими днями и нескончаемыми вечерами. Занесло сѣтгомъ паркъ и Оленька должна была отказаться отъ своихъ уединенныхъ прогулокъ. Предъ нею тянулась скучная перспектива полугодоваго домашняго заключенія, съ ежедневнымъ обязательнымъ чтеніемъ по утрамъ *Revue des deux Mondes* для Софьи Львовны, а за вечернимъ чаемъ *Московскія Вѣдомостей*, которыя она, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру Васильевичу, должна была прочитывать ему отъ доски до доски, со всеми правительственными распоряженіями, производствами и даже объявленіями. Правда, въ Бакалахъ получались и другія періодическія изданія, была даже порядочная бібліотека и Оленька читала очень много; но она еще была такъ молода что одно чтеніе, какъ оно ее ни интересовало, не могло вполнѣ удовлетворить ее. Кто не жила въ зимю въ деревнѣ, тотъ не имѣетъ понятія до чего скучна и однообразна эта одуряющая стереотипностію своею жизнь и еслибы тотъ кто первый сказалъ: *les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas*, прожилъ хотя одну зиму въ нашей степной глуши, конечно взялъ бы свое изреченіе назадъ.

Единственными сколько-нибудь оживленными днями среди монотонной Бакалановской жизни были дни привоза изъ города почтовой корреспонденціи; но и они были для Оленьки чѣмъ-то въ родѣ дной розыгрыша лотереи, то - есть днями однихъ напрасныхъ или по крайней мѣрѣ очень рѣдко осу-

ществлявшихся ожиданій. Корреспонденція эта обыкновенно привозилась вечеромъ, когда все общество сидѣло въ залѣ около большаго круглаго стола за чаемъ или рукодѣльемъ и чтеніемъ. Старикъ Бакаловъ, во всемъ педантичный, взявъ кожаную сумку изъ рукъ посланнаго, вынималъ изъ нея не торопясь сначала газеты, которыя отдавалъ тутъ же связать по номерамъ, потомъ журналы и наконецъ письма. Раздавъ послѣднія по адресамъ и оставивъ тѣ которыя были на его имя, онъ принимался за ихъ чтеніе, причемъ напередъ прочитывалъ снова на каждомъ изъ нихъ адресъ, разсматривалъ печать и почтовые штемпеля. По окончаніи всей этой процедуры, длившейся иногда очень долго, такъ какъ болѣе интересныя и дѣловыя письма перечитывалъ онъ по нѣсколь- ку разъ, отдавалъ уже спитые номера газетъ Оленькѣ или Лизѣ и начиналось чтеніе.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, распорядившись по обыкновенію привезенною корреспонденціей, Бакаловъ принялся за чтеніе писемъ. Прочитавъ одно изъ нихъ, онъ нахмурилъ брови, перечелъ еще разъ, и швырнувъ его на столъ, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Отъ кого это письмо? спросила нервѣнительно Софья Львовна, какъ бы боясь услышать непріятную вѣсть.

— Отъ сестры Вѣры Васильевны, проговорилъ тотъ сквозь зубы.

— Можно прочесть?

— Читай если есть охота, отвѣтилъ онъ рѣзко, съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, и молча ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Софья Львовна взяла со стола письмо и съ тревожнымъ волненіемъ стала читать его. Пока дочла его до конца, она нѣсколько разъ останавливалась чтобы перевести стѣснившееся въ груди дыханіе; письмо дрожало въ ея рукахъ и казалось готово было изъ нихъ выласть. Окончивъ его, она встала и не сказавъ ни слова также ушла къ себѣ въ спальню. Оленька съ Лизой молча переглянулись въ недоумѣніи.

Читатель уже знаетъ что у Бакалова была въ Петербургѣ сестра замужемъ за однимъ значительнымъ лицомъ. Она была женщина не гаулая, любила брата и принимала въ дѣлахъ его живое участіе. Ея поличеніямъ поручилъ онъ Ардія при опредѣленіи въ учебное заведеніе и она не сражалась его изъ виду и теперь, издали наблюдая за нимъ.

Настоящее письмо, такъ смутившее Александра Васильевича, было отъ нея. Она писала ему что въ Петербургъ пріѣхали какія-то двѣ красавицы Француженки, восившія одну изъ самыхъ аристократическихъ фамилій; онѣ выдавали себя за родныхъ сестеръ, и какъ красотой своей, такъ и кокетствомъ и роскошною обстановкой свели съума всю молодежь. Въ числѣ поклонниковъ ихъ былъ и Аркадій. Онъ тратилъ на нихъ страшныя деньги и въ довершеніе въ одну изъ нихъ влюбился по уши, такъ что всѣ говорятъ что онъ на ней женится. „Вѣдь нынче въ большой модѣ жениться на Цыганкахъ да на актрисахъ, заключала она письмо свое; а потому послѣши взять мѣры чтобы нашъ Донъ-Жуанъ не подарилъ насъ французскою родней уличныхъ авантюристовъ, а въ лицѣ жены своей какою-нибудь модисткой или флеристкой болѣе нежели сомнительнаго поведенія. А тутъ еще лопли у насъ какіе-то гражданскіе браки: а не спохватисься какъ ужъ будетъ поздно.“

Софья Львовна, пришедши въ спальню, чуть не утонула въ обморокъ. Она приняла противуверныхъ капель и переждавъ съ полчаса чтобы дать время мужу сколько-нибудь обдумать и сообразить дѣло, пошла къ нему въ кабинетъ. Подойдя къ двери и стукнувъ въ нее три раза, что дѣлала всегда когда знала что Александръ Васильевичъ чѣмъ-нибудь занятъ, она вошла. Старикъ заложивъ руки за спину съ сигарой въ зубахъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Прочла? спросилъ онъ не останавливаясь.

— Прочла, отвѣтила Софья Львовна садясь на диванъ. — Что же ты думаешь дѣлать?

— Думаю написать ему; да отцовскія письма и наставленія плохіе въ такихъ дѣлахъ вразумители, добавилъ онъ какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Но вѣдь надо же что-нибудь предпринять, медлить нельзя, продолжала Софья Львовна устремивъ на мужа долгій вопросительный взглядъ.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Знаешь что, сказала она вдругъ. — Лучшаго кажется ничего не придумаешь: выйди его сюда въ безсрочный отлускъ. Онъ проживетъ съ нами три, четыре мѣсяца и позаводитъ свою Француженку: развѣ это въ самомъ дѣлѣ серіозная любовь какая? А этимъ временемъ можетъ-быть уѣдетъ и она откуда пріѣхала.

Дѣйствительно придумать что-нибудь лучше въ данномъ случаѣ было трудно; но это далеко не согласовалось съ попятіями старика о службѣ. „Пока я живъ онъ здѣсь не нуженъ, думалъ онъ: хозяйство идетъ, благодаря Бога, хорошо и безъ него; бакалуши же бить безъ дѣла ему здѣсь нечего. Въ безрочномъ отпуску онъ облѣнится, отъ службы отстанетъ и останется на весь вѣкъ свой шалолаемъ.“ Бакалановъ вообще безрочнымъ отпускамъ не сочувствовалъ.

— А служба? сказалъ онъ остановясь противъ жены.

— Помилуй, до службы ли тутъ, когда такая бѣда виситъ надъ головой.

Бакалановъ промолчалъ и сталъ опять мѣрными шагами ходить изъ угла въ уголъ.

Онъ, какъ я уже сказалъ, въ семейныхъ дѣлахъ признавалъ за женою право голоса, и если находилъ что мнѣніе ея справедливо, не позволялъ себѣ увлекаться неумѣстнымъ самолюбіемъ и всегда охотно соглашался съ нею. Еслибъ еще въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла объ одной личности Аркадія и его служебной карьерѣ, можетъ-быть онъ и не принялъ бы въ резонъ ея совѣта; но это было дѣло общеземейное и онъ не считалъ себя въ правѣ руководствоваться одними личными своими воззрѣніями.

— Подъ какимъ же предлогомъ мы его сюда вызовемъ? спросилъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія, снова оставаясь предъ Софьей Львовной.—Если для его здоровья или для удовольствія видѣть его; онъ знаетъ что я не баловникъ, не повѣрять. А если станетъ подозрѣвать что-нибудь такое, такъ пожалуй и не поѣдетъ: тутъ явится некстати и евность къ службѣ и разныя законныя отговорки и всякая штука.

— Напиши ему что я очень больна и желаю его видѣть. Для большей правдоподобности пошли даже телеграмму.

— Ну ужъ нѣтъ, матушка, въ этомъ меня извини. Съ роду когда не агаль; а полъ старость учиться этому искусству жь не приходится.

— Да ты и не солжешь. Я чувствую что завтра же неремѣнно слягу въ постель: во мнѣ нервы дрожатъ какъ акія-нибудь вятанутыя струны.

Не стану описывать подробностей совѣщанія супруговъ; скажу только что оно длилось до полуночи.

На другой день утромъ верховой вѣхалъ въ городъ съ

письмомъ на почту. Софья Львовна писала сыну что она очень больна и просить его немедленно пріѣхать; Александръ Васильевичъ при коротенькой запискѣ посылалъ ему деньги на путевыя и другія издержки. Къ вечеру того же дня Софья Львовна дѣйствительно слегла въ постель.

Разстроило ли ее въ самомъ дѣлѣ до такой степени полученное изъ Петербурга письмо, притворилась ли она больною чтобы дать предлогу подъ которымъ вызывался Аркадій болѣе правдоподобія въ глазахъ молодыхъ дѣвушекъ и тѣмъ самымъ скрыть отъ нихъ настоящую причину вызова: но приглашенъ былъ изъ города докторъ и черезъ три дня писалъ Аркадію уже самъ Александръ Васильевичъ о болѣзни матери и торопилъ его пріѣздомъ въ Бакааны.

Въ письмѣ такъ встревожившемъ Бакаановыхъ было много правды, хотя опасенія на счетъ женитьбы Аркадія были неосновательны: онъ дѣйствительно ухаживалъ за пріѣзжей Француженкой, тратилъ на нее большія деньги, даже благодаря ей кругомъ задолжалъ, но жениться на ней никогда не думалъ, да и она врядъ ли имѣла это въ виду. Она считала уже надоѣдать ему своими ненасытимыми и все возраставшими требованіями, удовлетворить которыя онъ не имѣлъ уже болѣе средствъ; но бросить безъ всякой благовидной причины уже огласившуюся связь было какъ-то не ловко и онъ волею-неволею долженъ былъ входить въ новые долги, не видя никакой возможности улатить ихъ, не признавши во всемъ отцу, а сдѣлать это ему было крайне тяжело. Полученное имъ письмо, хотя и огорчило его извѣстіемъ о болѣзни матери, которую онъ очень любилъ, давало ему этотъ благовидный предлогъ. Онъ тотчасъ же сталъ собираться въ путь и послѣднее письмо отца уже не застало его въ Петербургѣ.

Дней черезъ пять по отправкѣ этого письма, позднимъ вечеромъ Софья Львовна лежала у себя въ спальнѣ, окруженная всѣмъ семействомъ; она въ этотъ день чувствовала себя лучше и просила Оленьку прочесть ей что-нибудь изъ *Revue des deux Mondes*, любимаго журнала ея, который она неизмѣнно получала съ тѣхъ поръ какъ при ней была *Mme de Bélicourt*. Оленька читала какую-то никого не интересовавшую историческую статью; Бакаановъ сидя въ креслѣ дремалъ; Лиза и *Mme Coudert* молча занимались рукодѣльемъ, вдругъ послышался у подъѣзда колокольчикъ.

— Аркадій! вскрикнула Софья Львовна, привскочивъ на кровати.

Александръ Васильевичъ встрепенулся.

— И колокольчикъ-то недостало ума ведѣть подвязать чтобы не обезпокоить больную мать, проворчалъ онъ вставая съ креселъ и вышелъ изъ комнаты.

— И прекрасно сдѣлалъ, кричала ему вслѣдъ Софья Львовна;—теперь я ужь приготовлена ко встрѣчѣ съ нимъ. Веди его прямо сюда.

Черезъ полчаса въ залѣ слышались голоса и шумъ приближавшихся шаговъ, среди которыхъ можно было различить тихое бряцаніе шпоръ.

— Можно? спросилъ за дверьми Александръ Васильевичъ.

— Я ужь сказала веди, отвѣтила Софья Львовна.

И въ спальню вошелъ старикъ Бакаановъ въ сопровожденіи сына.

Едва успѣлъ Аркадій подойти къ матери, какъ та бросилась къ нему на шею и залилась слезами. Онъ съ участіемъ спросилъ ее о здоровьи, потомъ поцѣловался съ Лизой и пожалъ руку Оленьки и Mme Coudert. Аркадій въ эти полтора года много измѣнился; онъ смотрѣлъ уже не прежнимъ неопытнымъ юношей, а вполне развитымъ взрослымъ человекомъ. Тогда только-что пробывавшіеся усы теперь уже густо оттѣняли верхнюю губу; глаза смотрѣли не робко и застѣнчиво, а прямо и самоувѣренно; движенія были развязны, но не рѣзки; лишь голосъ остался попрежнему мягокъ и симпатиченъ. Видно было что онъ уже успѣлъ покатериться въ порядочномъ обществѣ и усвоить себѣ его приемы и обращеніе.

— Прости меня, другъ мой, что я потревожила тебя въ такое время, извинялась предъ сыномъ Софья Львовна.—Рѣки въ полномъ разливѣ, дорогъ никакихъ нѣтъ: тебѣ, я думаю, пришлось ѣхать гдѣ въ саняхъ, гдѣ въ телѣгѣ. Вѣдь вы тамъ въ Петербургѣ и понятія не имѣете о нашихъ дорогахъ.

— Не безпокойтесь, татап, отвѣчалъ Аркадій;—я доѣхалъ прекрасно и эти переправы на лодкахъ и паромахъ очень понравились мнѣ своею оригинальностью.

— Въ его лѣта, да дорогахъ разбирать, говорилъ Бакаановъ.—А какже курьеры до желѣзныхъ дорогъ изъ Одессы въ

Петербургъ на перекаладныхъ въ самую ростопель безъ отдыха летали.

Но Аркадій былъ не курьеръ до желѣзнодорожныхъ временъ; дорога видимо утомила его и мать вскорѣ же послала его подкрѣпить себя ужиномъ и сномъ.

Очень удивило Оленьку и оскорбило самолюбіе ея то что Аркадій во все время какъ бы не обращалъ никакого вниманія ни на нее, ни на Лизу. Она полагала что онъ постыжись извиниться предъ ними, если не въ томъ что такъ долго не исполнялъ обѣщанія своего, что конечно при отцѣ и матери одѣлать было неудобно, то по крайней мѣрѣ въ небрежности и неакуратности въ отвѣтахъ своихъ на письма Лизы; вѣдь онъ очень хорошо зналъ что въ корреспонденціи этой участвовала и она, а какъ разъ съ послѣдняго отвѣта его прошло болѣе мѣсяца. Наконецъ онъ могъ бы привести извиненіе это и безъ свидѣтелей, при переходѣ изъ спальни столовую или прощаясь съ ними послѣ ужина. Пусть бы оправданія его были натянуты, даже не правдоподобны, думала она, по крайней мѣрѣ изъ нихъ видно было бы желаніе его или хотя сознаніе лежавшаго на немъ долга оправдаться предъ ними; но онъ въ спальнѣ говорилъ почти исключительно съ одною матерью, за ужиномъ разказывалъ отцу о послѣднихъ производствахъ и какихъ-то парадатъ; съ ними же въ продолженіе всего вечера почти вовсе не говорилъ, точно не замѣчалъ ихъ присутствія, или находилъ ихъ не стоящими того чтобы считаться съ ними.

Ночью Оленька долго не могла заснуть. Образъ только что видѣннаго ею Аркадія преслѣдовалъ ее и не давалъ покоя: онъ такъ рѣзко отличался отъ того Аркадія котораго знала она назадъ тому полтора года и черты котораго такъ живо сохранились въ ея сердцѣ. Ужь полно онъ ли это? спрашивала она себя; неужели въ такое короткое время можно физически и нравственно такъ измѣниться? И во снѣ грезился онъ ей. Снилось ей какъ угощала она въ своей комнатѣ обѣдомъ прежняго, милаго Аркадія, смѣялась, глядя съ какимъ алетитомъ влѣ онъ, говорила и шутила съ нимъ, и вдругъ вошелъ вчерашній Аркадій, съ фуражкой на головѣ, и, не обращая на нее никакого вниманія, какъ будто ея тутъ не было, дерзко спросилъ у того Аркадія зачѣмъ онъ здѣсь. Между ними готова ужъ была вспыхнуть ссора,—она бросилась между ними и проснулась. Что зна-

читать этотъ сонъ? думала она; неужели онъ пророчить что этотъ Аркадій изгонитъ изъ сердца моего пражяго? Никогда; я вѣчно буду сохранять память о немъ. Такъ вы смотрите на насъ съ высотъ вашего воображаемаго величія, рѣшила она наконецъ послѣ напрасныхъ усилій заглушить возмущавшее ее чувство оскорбленнаго самолюбія, — вы такъ высоко цѣните себя что не хотите удостоить насъ вниманія вашего. Что жь, и я не ниже вашего цѣню себя и вниманіе ваше право мнѣ ни на что не нужно.

VIII.

На другой день рано утромъ Бакаловъ позвалъ къ себѣ сына въ кабинетъ. Носить долѣе маску, въ особенности же предъ сыномъ, онъ не могъ, да и не любилъ откладывать въ дальній ящикъ никакого дѣла, а настоящее считалъ онъ дѣломъ чести. Онъ объяснилъ ему что первоначальною причиною вызова его изъ Петербурга была не болѣзнь матери и что болѣзнь эта была уже естественнымъ послѣдствіемъ крайне нерадостныхъ слуховъ дошедшихъ до нихъ изъ вѣрныхъ источниковъ о двусмысленномъ поведеніи его и образѣ его жизни.

Аркадій сталъ-было оправдываться; но онъ остановилъ его.

— Не надо мнѣ твоихъ оправданій, сказалъ онъ ему рѣзко;—ими дѣла не поправишь. Я позвалъ тебя сюда не бобы разводить и не для того чтобы заставить тебя лгать, а чтобы узнать отъ тебя цифру надѣлавныхъ тобою долговъ.

Онъ сѣлъ въ стоявшее предъ письменнымъ столомъ кресло и, пододвинувъ листъ чистой бумаги, взялъ въ руки карандашъ.

— Сколько ты всего долженъ? спросилъ онъ не глядя на Аркадія.

Неожиданный вопросъ этотъ, брошенный такъ-сказать въ улоръ, совершенно озадачилъ его; онъ замаялся.

— Ну, сказалъ Бакаловъ, не своди глазъ съ лежавшаго предъ нимъ листа бумаги.— Не утаивай, говори всю правду; вѣдь это дѣло чести.

Цифра была такъ велика что Аркадій не рѣшался приняться въ ней.

— Ну, что жь молчишь? повторилъ вѣтерливо старикъ;— видно признаваться въ долгахъ труднѣе чѣмъ дѣлать ихъ.

„Чтожь въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Аркадій; лучше объявить и уплатить весь долгъ разомъ, нежели потомъ по немногу выклянчивать.“

— Около восьмидесяти тысячъ, проговорилъ онъ нерешительно, украдкой взглянувъ на отца.

— Не дурно, замѣтилъ тотъ очень хладнокровно, записывая,—цифра почтенная. Я во всю службу свою столько и прожилъ. Кому и сколько именно? продолжалъ онъ допрашивать, не измѣняя своей позы.

— Я долженъ разнымъ лицамъ и въ числѣ ихъ есть такіа которыя удовольствуются уплатою и половины.

Старикъ обернулся и молча посмотрѣлъ на него.

— Чье имя подъ росписками? спросилъ онъ сухо.

— Конечно мое; но вѣдь....

— Еще до сихъ поръ, благодаря Бога, Баклановскими росписками трубокъ не закуривали, перебилъ онъ его съ чувствомъ достоинства.

— Но, вѣдь у насъ это вещь обыкновенная.... началъ было Аркадій снова.

— Довольно, остановилъ его на первыхъ же словахъ старикъ,—и презрительная улыбка пробѣжала по лицу его.

Онъ положилъ карандашъ и приказалъ сыну приготовить къ вечеру списокъ своимъ кредиторамъ съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ именъ и адресовъ.

— Ну, слушай, заключилъ онъ;—всѣ эти долги твои будутъ уплачены немедленно; но знай, что впередъ кромѣ денегъ которыя я высылаю тебѣ на твое содержаніе, а высылаю я вдвое больше чѣмъ нужно, я никакихъ долговъ твоихъ уплачивать не намѣренъ, и помни что тотъ кто дѣлаетъ долги которыхъ уплатить не въ силахъ, не достоинъ носить имя честнаго человѣка. Такъ думали въ мое время и полагаю также думаютъ благородные люди и теперь. Стулай, ты пока мнѣ больше не нуженъ.

На другой день Баклановскій повѣренный вѣхалъ уже въ Петербургъ, съ деньгами.

„Дешево отдѣлался, думалъ про себя, выходя изъ кабинета Аркадій.— Станный человѣкъ отецъ: за какой-нибудь вздоръ готовъ казнить; а тутъ, когда въ самомъ дѣлѣ было за что голову хорошенько намылить, почти и выговора не сдѣлалъ. На все у него какія-то свои допотопныя воззрѣнія;

все основано на какомъ-то воображаемомъ долгѣ и щепетильномъ point d'honneur. За что въ самомъ дѣлѣ этотъ подлецъ Грюншпукъ получить тридцать тысячъ, когда я замѣлъ у него всего семь и когда онъ за пятнадцать съ радости черезъ голову перекувыркнулся бы. И еще говорятъ человѣкъ практичный. Гдѣ же тутъ практичность? По моему, чудакъ, ригористъ и больше ничего."

Аркадій чувствовалъ себя легко, какъ будто лудовая гиря свалилась у него съ плечъ. Въ залѣ встрѣтилъ онъ Оленьку.

— Я не успѣлъ еще разъ лично поблагодарить васъ за семейную группу, сказалъ онъ ей. — Не говоря уже о разительномъ сходствѣ лицъ и мастерствѣ съ которыми они сгруппированы, самое исполненіе такъ безукоризненно хорошо что люди вполнѣ въ этомъ дѣлѣ компетентные восхищались этою во всѣхъ отношеніяхъ прелестною акварелью. *C'est un vrai chef-d'oeuvre.*

Говоря это, Аркадій смотрѣлъ Оленькѣ прямо въ глаза и ей показалось что во взглядѣ его было что-то чего прежде въ немъ не было, какъ будто выраженіе какой-то надмѣнной самонадѣянности, какъ бы сознанія своего превосходства, точно онъ снисходилъ до нея, удостоивая ее своею похвалою или комплиментомъ. Ей казалось даже будто словами этими онъ не столько благодарилъ ее, сколько дарилъ своею похвалою, давая ей чувствовать что она должна была ему быть за нее признательна, подобно тому какъ получающій на экзаменѣ похвальный листъ долженъ быть проникнутъ чувствомъ признательности къ начальству за дѣлаемое ему поощреніе. „Лучше бъ онъ извинился въ неисполненіи даннаго обѣщанія или въ небрежности отвѣтовъ своихъ на Лизины письма,“ подумала она. „Видно, въ самомъ дѣлѣ, мы въ глазахъ его не стоимъ того чтобы считаться съ нами.“ Невольно припомнилось ей все то о чемъ передумала она, залершись у себя въ комнату, и оскорбленное чувство самолюбія заговорило въ ней съ новою силою.

— Я была бы очень довольна, отвѣтила она хотя и сдержанно, но такъ что сквозь сдержанность эту ясно видно было желаніе ея уколоть Аркадія, — еслибы хотя это сходство лицъ напоминало вамъ объ нихъ чаще чѣмъ вы напоминали имъ о себѣ письмами своими.

Слова эти что-называется сорвались у нея съ сердца и она тотчасъ же слыхватилась что ей, и именно ей ментѣ

нежели кому-либо можно было позволить себѣ сказать ихъ. Они имѣли видъ выговора, и какое право имѣла она дѣлать его ему? она не была даже его сестрой. А главное, выговоръ этотъ выдавалъ ее: онъ ясно высказывалъ Аркадію насколько интересовалась она его письмами. Ей было и досадно, и стыдно за себя.

— Не знаю насколько такое вещественное наложение нужно для другихъ; что же касается до меня, сказалъ Аркадій съ самодовольною и какъ бы заигрывающею улыбкой, — то вы сами очень хорошо знаете почему оно совершенно лишнее.

Оленька вспыхнула. Она невольно взглянула вскользь на Аркадія и встрѣтила его упорно устремленный на нее взглядъ и на этотъ разъ во взглядѣ этомъ, кромѣ прежней самонадѣянности и самодовольства, было выраженіе какъ бы сознанаго имъ за собою права глядѣть на нее такъ прямо и самоувѣренно. Она горѣла какъ въ огнѣ.

— Впрочемъ портретъ этотъ, какъ вы конечно и сами помните, посланъ былъ вамъ лишь какъ исполненіе даннаго обѣщанія, послѣшила сказать она болѣе для того чтобъ измѣнить направленіе которое Аркадій видимо хотѣлъ дать разговору. Она въ эту минуту была на него зла и желала бы высказать ему все что накопило у нея противъ него на сердцѣ, ей хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь досадить ему или уколоть его. — Вѣдь обѣщаніе тогда лишь и имѣетъ цѣну когда точно исполняется, добавила она съ оцутительнымъ оттѣнкомъ горечи и укоризны.

И эта добавочная фраза опять-таки сказана была во все нектати и далеко не клеилась съ тѣмъ положеніемъ въ которое хотѣла стать Оленька въ отношеніи къ Аркадію; укоряя его въ неисполненіи даннаго обѣщанія, она вмѣстѣ съ тѣмъ помимо воли своей упрекала его въ томъ что онъ такъ долго не ѣхалъ въ Бакааны, то-есть высказывала ему именно то чего ни подъ какою видою не желала бы ему высказать. Она тутъ же сообразила это, но уже было поздно, дѣло было неисправимо. Бываютъ минуты, въ которыя что ни сдѣлаешь, что ни скажешь, все выходитъ какъ-то невпопадъ.

Оленька молчала, ее буквально душили готовые прыснуть изъ глазъ слезы. Аркадій также молчалъ и казался сосредоточеннымъ въ самого себя, точно что-то обдумывалъ и соображалъ.

— Простите мнѣ, оказалъ онъ вдругъ, какъ бы остановясь на внезапно принятомъ рѣшеніи.—Я до сихъ поръ обманывалъ васъ, да и теперь хотѣлъ налузкою веселостію прикрыть то что у меня на сердцѣ; но долѣе носить предъ вами маску не могу.—И онъ пріостановился точно высказать то что было у него на сердцѣ ему было не легко.—Я писалъ Лизѣ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—что меня останавливали въ Петербургѣ служебныя занятія. Вы конечно могли принять, а можетъ-быть и приняли слова мои за пустую, вымышленную отговорку, и дѣйствительно это была одна отговорка, такъ какъ настоящую причину я объяснить вамъ не могъ. Причины удерживавшія меня въ Петербургѣ были много серьезнѣе и есаибы вы знали ихъ, то конечно простили бы меня, а можетъ-быть и лодарили бы вашимъ участіемъ.

Оленька взглянула на него съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ невольнымъ любопытствомъ, такой рѣзкій переходъ поразилъ ее. Сначала смотрѣла она на него недоувѣрчиво; но въ голосѣ его было столько искренности, во взглядѣ столько сосредоточенной грусти что трудно было не повѣрить словамъ его. Припоминались ей и обстоятельства сопровождавшія вызовъ его изъ Петербурга, и поразившее такъ стариковъ письмо сестры Александра Васильевича, и таинственность которою былъ обставленъ самый вызовъ этотъ. Онъ съ Лизой тогда же догадывались что причиною его была не болѣзнь Софьи Львовны, но настоящую причину узнать было не отъ кого. Теперь стали ей понятными, даже вполне извинительными, неакуратность и сухость отвѣтовъ Аркадія на Лизины письма; въ самомъ дѣлѣ не насиловать же ему было себя и писать то что далеко не согласовалось съ его тогдашнимъ настроеніемъ духа. Это доказывало лишь благородство и прямоту его характера. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ соображеній было то что возмущавшее ее чувство оскорбленнаго достоинства мало-по-малу улеглось, кипѣвшее въ ней заминуто предъ тѣмъ чувство негодованія незамѣтно смѣнилось чувствомъ участія и состраданія и она уже спрашивала себя не можетъ ли чѣмъ-либо облегчить давящую грусть, лодъ гнетомъ которой, казалось, находится Аркадій. Ей очень хотѣлось знать причину этой грусти, но спросить было не ловко; самъ же онъ продолжалъ молчать, погруженный въ глубокое раздумье.

— Матан приказала спросить тебя исполнилъ ли ты ея порученіе, сказала Аркадію вошедшая Лиза.

— Исполнилъ, отвѣтилъ онъ, точно очнувшись отъ тяжелаго сна,—и даже очень удачно. Можно ее видѣть?

— Она меня прислала за тобой.

И они вмѣстѣ ушли въ спальню Софьи Львовны.

Оставшись одна, Оленька старалась уяснить себѣ то что еще не совсѣмъ вязалось въ головѣ ея. „Если это и такъ, думала она; то все-таки чему же приписать его вчерашнее къ намъ съ Лизой невниманіе, какъ бы пренебреженіе намъ? Чѣмъ объяснить этотъ самонадѣянный, почти наглый тонъ съ которымъ онъ сейчасъ говорилъ со мною? Не долго, впрочемъ, думала она себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Извѣстно что когда кто желаетъ что-либо объяснить себѣ съ предвзятою мыслию, почти всегда объяснить все какъ ему хочется. Такъ было и здѣсь. Невнимательность Аркадія къ ней и къ Лизѣ она объяснила себѣ тѣмъ что онъ весь сосредоточенъ былъ на дѣлѣ о которомъ намекала ей и по которому вѣроятно и былъ вызванъ. Изъ съ Лизой слѣдовало по пріказу его выйти изъ спальни и дать ему свободу объясниться съ отцомъ и матерью наединѣ; тогда конечно, сбросивъ съ себя тяготившее его бремя, онъ съ ними былъ бы любезенъ попрежнему. А что у него было о чемъ съ ними переговорить, доказывалось тѣмъ что онъ позванъ былъ къ отцу, а теперь къ матери. Что же касается до самонадѣяннаго и такъ оскорбившаго ее тона съ которымъ онъ говорилъ съ ней; то это объяснялось еще легче. Когда онъ подошелъ къ ней, она была такъ противъ него вооружена что естественно должна была все растолковать въ невыгодную для него сторону; да и Аркадій вышелъ отъ отца въ такомъ веселомъ расположеніи духа, вѣроятно вслѣдствіе благоприятнаго для него исхода объясненія, что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ держалъ себя свободнѣе обыкновеннаго. Вѣдь и самые серіозные люди, вылутавшись изъ труднаго положенія, бываютъ не по характеру своему веселы и шутливы. Къ тому же если въ самомъ дѣлѣ Аркадій чтобы скрыть свое сердечное горе хотѣлъ казаться веселымъ, то что же удивительнаго если онъ не выдержалъ роли, а переступивъ границу, сдѣлалъ изъ себя какого-то самонадѣяннаго фата? Это только доказывало что онъ былъ плохой актеръ. Да если, наконецъ, онъ и дѣйствительно былъ въ

обращеніи съ нею черезчуръ легко и несдержанъ, то не сама ли она подала ему къ тому поводъ своими необдуманными, какъ бы вызывающими на такое обращеніе объясненіями? Другой на мѣстѣ Аркадія пожалуй счелъ бы себя въ правѣ быть съ нею еще несдержаннѣе. Словомъ: все объяснилось такъ легко и послѣдовательно что Оленька даже недоумѣвала и спрашивала себя какъ могла она представить и растолковать себѣ все это въ такомъ превратномъ видѣ.

— Знаешь о какомъ порученіи я сейчасъ спрашивала Аркадія? сказала вбѣжавшая влопыхахъ Лиза:—Мамаша поручила ему купить для тебя сѣдло, амазонку и шпалу и онъ все это привезъ съ собою.

Софья Львовна дѣйствительно за мѣсяць прелъ тѣмъ спросила Оленьку не желаетъ ли она учиться ѣздить верхомъ и она съ радостью приняла ея предложеніе.

Черезъ часъ она позвала ее къ себѣ. Тамъ былъ Аркадій, на стульяхъ лежали амазонка и сѣдло.

— Ты, другъ мой, нарисовала брату сюрпризомъ нашъ семейный портретъ, сказала ей Софья Львовна;—а онъ сюрпризомъ же привезъ тебѣ сѣдло съ амазонкой.

Слова эти совершенно озадачили Оленьку. Принять этотъ сюрпризъ, т.-е. подарокъ отъ Аркадія и притомъ въ эту минуту было выше силъ ея; отказать же отъ него значило оскорбить не столько его, сколько Софью Львовну. Она рѣшительно не знала чтѣ ей дѣлать: день этотъ былъ для нея положительно днемъ неудачъ. Аркадій конечно не могъ не понять всей щекотливости ея положенія.

— Я тутъ, папан, ни причемъ, совершенно постороннее лицо, послѣшилъ онъ предупредить отвѣтъ Оленьки.—Сюрприза съ моей стороны ровно никакого нѣтъ. Вы поручили мнѣ купить сѣдло и заказать амазонку, прислали даже для нея мѣрку; я обѣщаль вамъ исполнить ваше порученіе, и если сдержаль свое слово, то не думаю чтобъ это могло быть для кого-нибудь сюрпризомъ.

Онъ такъ вовремя и съ такимъ тактомъ выручилъ Оленьку и послѣднія слова сказаны были такъ любезно и казалось съ такимъ чистосердечіемъ что она тутъ же отъ души простила ему все чтѣ имѣла противъ него. Она поцѣловала Софью Львовну и дружески пожала руку Аркадію.

— Могу ли я по крайней мѣрѣ предложить вамъ свои услуги? сказалъ онъ ей.—Я недурной ѣздокъ и еслибы вы позволили мнѣ быть вашимъ берейторомъ и грумомъ....

— Вы-таки непремѣнно хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ, сказала Оленька, смѣясь,—и я на этотъ разъ принимаю его съ удовольствіемъ и благодарностію, добавила она, еще разъ пожавъ ему руку.

Мировая была полная и искренняя.

IX.

Выздоровливаніе Софьи Лововны шло очень быстро: по-дѣйствовало ли на нее благотворно пріѣздъ сына или въ самомъ-дѣлѣ болѣзнь ея была не больше какъ личина, подъ которою она хотѣла скрыть настоящую причину вызова ея изъ Петербурга; но къ вечеру того же дня она уже встала съ постели, а на другой день съ дѣтскимъ увлеченіемъ завалась одѣваніемъ Оленьки въ привезенный костюмъ. Она сама причесала ей волосы, надвинула на нихъ кокетливо шляпу и вывела ее въ залъ, гдѣ старикъ Бакаловъ ходилъ, разговаривая съ Аркадіемъ. Оленька въ ловко обхватывавшей ея гибкій и граціозный станъ амазонкѣ, съ подобранными подъ шляпу волосами и хлыстикомъ въ рукѣ была очаровательна. Александръ Васильевичъ сразу не узналъ ея.

— Передайте мнѣ хоть на самое короткое время искусство ваше, чтобы снять въ эту минуту съ васъ портретъ, сказалъ любясь ею Аркадій.

Оленька чувствовала что въ словахъ этихъ не было ничего притворнаго и что они такъ-сказать вылетѣли у него прямо изъ сердца.

Съ другаго же дня начались уроки верховой ѣзды. Къ крыльцу подведена была осѣдланная лошадь; Александръ Васильевичъ самъ показалъ Оленькѣ какъ садиться въ сѣло, какъ брать въ руки поводья и управлять ими. Аркадій взялъ лошадь подъ узды и сдѣлалъ съ ней нѣсколько вольтовъ по двору. Слѣдующіе уроки происходили уже въ манежѣ: Оленька была смѣла и они шли успѣшно. Лица всакой разъ отъ искренняго сердца любовалась ею,—такъ граціозна она была на конѣ; сама же сѣсть на лошадь боялась; да ей верховая ѣзда запрещена была и докторомъ.

Между тѣмъ незамѣтно подкралась весна съ своими теплыми, но еще не знойными днями, прохладными и упоительными вечерами. Рѣки уже давно пролали; сошелъ съ полей

и свѣтъ и лишь кое-гдѣ по сѣверныхъ склонамъ лощинъ и овраговъ лежалъ еще длинными, сѣроватыми полосами. Мало-по-малу зазеленѣли луга; кусты и деревья стали одѣваться вѣжною, полупрозрачною листвою; надули почку, готовясь къ цвѣту, сирень и черемуха. Въ густой чащѣ ихъ зацѣлкалъ и засвисталъ соловей, затаилъ свою нескончаемую трель, вися въ воздушномъ пространствѣ, жаворонокъ; закукула въ липовой рощѣ и кукушка. „Кукушка, кукушка! сколько мнѣ лѣтъ жить на свѣтѣ?“ спрашивала, смѣясь, Оленька. „Одинъ, два, три.... довольно, довольно!“ кричала она, прыгая и хлопая въ ладони. И въ самомъ дѣлѣ что значать годы, что значать десятки лѣтъ скучной, обыденной жизни предъ однимъ днемъ, однимъ часомъ, вѣсколькими мгновеніями, полнога, ничѣмъ не возмущеннаго счастья? А Оленька была такъ счастлива что казалось ей и не могло быть на свѣтѣ другаго болѣе полнога счастья.

Съ наступленіемъ весны измѣнилась и жизнь въ Бакажахъ. Аркадію по утрамъ ходилъ стрѣлять вальдшнеповъ; предъ обѣдомъ же и по вечерамъ уходилъ гулять съ Лизой и Оленькой. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ ихъ былъ примыкавшій къ саду вѣковой липовый паркъ, нравившійся Оленькѣ дикою величественностію своею и отсутствіемъ всякой искусственности; къ тому же они здѣсь были болѣе на свободѣ. Иногда присоединялась къ нимъ и Mme Couderт, умѣвшая прогулкамъ этимъ дать болѣе жизни и разнообразія. Старики рѣдко принимали въ прогулкахъ этихъ участіе: Софью Львовну онѣ утомляли; Александръ же Васильевичъ любилъ соединять пріятное съ полезнымъ и потому предпочиталъ имъ прогулку по полямъ и хозяйственнымъ заведеніямъ.

Аркадію вскорѣ же удалось совершенно изгладить то невыгодное для него впечатлѣніе которое онъ произвелъ на Оленьку при первой встрѣчѣ. Она полюбила его какъ брата,—такъ по крайней мѣрѣ казалось ей. Повидимому и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же чувствомъ: онъ былъ съ нею настолько же любезенъ, насколько и сдержанъ, настолько же казалось любить, насколько и уважалъ ее: никогда не позволялъ онъ себѣ съ нею ни двусмысленнаго слова, или нескромной шутки, словомъ, ничего такого что могло бы хотя косвеннымъ образомъ ескорбить ея нравственное чувство. Мало-по-малу между ними установилась интимность, основанная

на дружбѣ и взаимномъ другъ къ другу довѣрїи. „Какъ могла я такъ жестоко ошибиться?“ спрашивала иногда себя Оленька; „какъ могла я хотя на минуту подозрѣвать его въ томъ отъ чего онъ такъ далекъ, что такъ несродно его характеру?“ Ей становилось совѣстно за себя предъ Аркадіемъ, она сознавала себя предъ нимъ виноватою и всячески старалась загладить вину свою. Не разъ хотѣлось ей заговорить съ нимъ о томъ о чемъ онъ намекнулъ въ разговорѣ съ нею на другой день своего прїѣзда; но она боялась возобновить въ памяти его какія-нибудь грустныя или непрїятныя воспоминанія, а можетъ-быть и растравить еще не зажившую сердечную рану. Да и какъ было ей начать говорить о такомъ щекотливомъ предметѣ, когда онъ самъ такъ упорно молчалъ о немъ? Порою молчаніе это казалось ей страннымъ, порою даже огорчало ее какъ признакъ его недовѣрія къ ней. „Но, утѣшала она тутъ же себя, придетъ время когда онъ, ближе узнавъ меня, пойметъ что руководить мною не пустое любопытство, а искреннее участіе, и тогда конечно будетъ со мною откровеннѣе.“ Такъ смотрѣла Оленька на взаимныя отношенія свои съ Аркадіемъ и на чувства свои къ нему. Они казались ей такъ естественно исходящими одна изъ другихъ, что ей и въ голову не приходило ихъ анализовать, пока одно обстоятельство не заставило ее ближе всмотрѣться въ нихъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Баклановъ, на берегу протекавшей по лугамъ рѣчки, была дубовая роща, куда Софья Львовна любила ѣздить подъ разными предлогами, смотря по времени года: то за ландышами, то за земляникой, то за грибами или орѣхами. Ѣздили на эти parties de plaisir обыкновенно въ большихъ дрогахъ цѣлымъ обществомъ; иногда, особенно во время покосовъ, пили тамъ и вечерній чай.

Возвращаясь съ одной изъ такихъ поѣздокъ, Оленька съ Аркадіемъ, конвоировавшіе дроги верхомъ, отъ нихъ отстали съ цѣлью проѣхать въ усадьбу бугристымъ берегомъ рѣчки, съ котораго открывались великолѣпные виды на окружающую мѣстность и по которому въ экипажѣ проѣхать было вельзя.

Рѣчка протекала подъ самою кручею берега. По другую сторону ея зеленымъ ковромъ широко раскидывались по низменной равнинѣ необозримые дуга съ лестрѣвшими по нимъ стадами и мелькавшими тамъ и сямъ игривыми рощами

ольняка и осинника. Оставшаяся отъ вешняго разлива вода еще стояла на нихъ огромными озерами; по сверкавшей на солнцѣ ослѣпительною, серебристою чешуей поверхности ихъ скользили едва замѣтными черными точками стада дикихъ утокъ, а въ воздухѣ сновали съ лискавыми криками сотни чаекъ и рыболововъ. За лугами по постепенно возвышавшейся громаднымъ амфитеатромъ холмистой мѣстности видѣлись разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ села и деревни, а еще дальше на самомъ горизонтѣ длинною темною полосой тянулся лѣсъ, какъ бы обрамляя собою эту дивную панораму. Любо было смотрѣть на эту необъятную ширь; и дышалось какъ-то вольнѣе, и мысль была свѣжѣе и на сердцѣ какъ бы легче и отраднѣе.

— Какая чудная картина, сказала Оленька, остановясь въ нѣмомъ экстазѣ.— Непремѣнно попрошу у татапа позволенія завтра же опять прѣѣхать сюда чтобы снять этотъ очаровательный пейзажъ, добавила она налюбовавшись имъ вдоволь.

— Прекрасная мысль, подхватилъ Аркадій.— Давайте ѣздить сюда каждый день и вы въ короткое время снимите всю живописную панораму этой рѣчки.

Дѣйствительно берега рѣчки представляли собою несчетную панораму видовъ изъ которыхъ одни были картиннѣе другихъ. Оленька съ Аркадіемъ такъ увлеклись ими что лишь когда увидѣли усадьбу далеко за собою, вспомнили что имъ давно уже слѣдовало быть дома.

— Однако куда же мы съ вами заѣхали? сказала вдругъ Оленька, остановивъ лошадь.— Посмотрите гдѣ остался у насъ ларкѣ. Насъ вѣрно ужъ давно ждутъ и конечно будутъ сердиться за нашу самовольную прогулку.

— Пожалуй еще безъ обѣда оставятъ, сказалъ, смѣясь, Аркадій.

Оленька повернула лошадь и стала шагомъ подыматься по крутому косогору. Аркадій молча поѣхалъ за нею, любясь какъ ловко и граціозно съ каждымъ движеніемъ лошади покачивался ея гибкій и стройный станъ.

— Ну, а теперь голъ, голъ, сказала она ему вобразившись на гору и, поднявъ коня своего въ галопъ, пустилась вскачь по широкому рубежу, зеленою лентою тянувшемуся между живъ свѣже-вспаханнаго червозема.

Поскакалъ за нею и Аркадій.

Старики дѣйствительно уже около часа какъ возврати-

лись домой и были въ страшной тревогѣ. Они не замѣтили какъ Оленька съ Аркадіемъ отъ нихъ отстали и какъ не могли объяснить себѣ куда они могли дѣваться. Они уже начинали серьезно безпокоиться не случилось ли съ ними чего-нибудь дорогой и хотѣли послать къ нимъ на встрѣчу верховыхъ, какъ увидали ихъ подѣжавшими къ крыльцу. Узнавъ почему они такъ долго не ѣхали, Александръ Васильевичъ тутъ же сдѣлалъ строгій выговоръ сыну. Софья Львовна, позвавъ Оленьку въ свою комнату, замѣтила ей, впрочемъ очень ласково, что подобныя прогулки вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ ея дѣта неприличны, что есть злые языки, которые изъ этого, самого по себѣ ничего незначащаго, поступка могутъ вывести слезы, отъ которыхъ можетъ пострадать ея репутація и что она уже не маленькая дѣвочка и должна держать себя осмотрительнѣе. Оленька выслушала всю эту нотацию съ широкими раскрытыми отъ удивленія глазами. Она очень хорошо понимала что дѣвушкѣ неприлично ѣздить одной съ молодымъ постороннимъ ей человѣкомъ, — по крайней мѣрѣ по принятымъ въ кругу ея понятіямъ, и она конечно никогда бы этого себѣ не позволила; но развѣ Аркадій былъ для нея посторонній? Развѣ Софья Львовна не называла его ея братомъ, а ее его сестрой? Да и сами они развѣ иначе смотрѣли другъ на друга? И она невольно задумалась надъ этимъ послѣднимъ вопросомъ, который не разъ и прежде приходилъ ей въ голову. Дѣйствительно ли такъ смотрѣли они другъ на друга? спрашивала она себя. Она принялась анализовать взаимныя свои съ Аркадіемъ отношенія, прослѣдила шагъ за шагомъ за всѣми перипетіями развитія лежавшаго въ основѣ ихъ чувства съ самаго дня своего съ нимъ знакомства. Припомнились ей и первый пріѣздъ Аркадія въ Баканы и выкатившаяся изъ глазъ ея при прощаніи съ нимъ слеза и ведевшая ими черезъ Лизу перелиска; вспомнила она и свой съ нимъ разговоръ на другой день его втораго пріѣзда, старалась уяснить себѣ и настоящія свои къ нему чувства. И чѣмъ болѣе углублялась она въ себя, чѣмъ глубже всматривалась въ чувства свои къ Аркадію, тѣмъ болѣе поселялось въ ней недовѣріе къ самой себѣ, недовѣріе къ собственнымъ чувствамъ своимъ. Еще загадочнѣе казались ей чувства къ ней Аркадія, особенно въ связи съ памятнымъ разговоромъ на другой день его пріѣзда. Загадоч-

юсть эта усложнилась для нея еще однимъ обстоятельствомъ. За несколько дней предъ тѣмъ Аркадій показывалъ ей съ Лизой привезенный имъ изъ Петербурга альбомъ. Когда онъ вынималъ его изъ футляра, изъ него вылазалъ обернутый въ китайскую бумагу акварельный портретъ; Аркадій хотѣлъ хватить его, но Лиза его предупредила и прежде нежели онъ успѣлъ выхватить портретъ у нея изъ рукъ, она уже показала его Оленькѣ. Это былъ женскій портретъ замѣчательной красоты. Аркадій видимо сконфузился и, какъ бы съ чѣмъ оправдываясь, оказалъ что это былъ портретъ одной италянкой пѣвицы. Оленька съ Лизой конечно тутъ же поняли что онъ лгалъ: онъ хотя и смутно, уже слышали въ связи его съ Француженкой и были почти увѣрены что портретъ былъ ея. Съ этого дня Оленьку очень занимала мысль дѣйствительно ли любилъ и продолжалъ ли любить ее Аркадій. Вопросъ этотъ и теперь пришелъ ей въ голову. Если онъ и до сихъ поръ еще любитъ ее, спрашивала она себя, какое же другое чувство можетъ онъ имѣть ко мнѣ ромъ братской любви и дружбы?"

— Еслибы ты видѣла какъ рара и папан сердились на Аркадія, сказала вошедши къ ней Лиза, — особенно рара. Развѣ онъ не понимаетъ, говорилъ онъ, что Оленька уже не ребенокъ и что она ему не родная сестра. "Знаешь что, — обавила она очень простодушно: — мнѣ кажется они боятся тобы вы серьезно другъ въ друга не влюбились.

Оленька промолчала; но слова эти глубоко запали у нея въ сердцѣ.

За обѣдомъ она почти не поднимала глазъ съ своей тарелки: послѣ полученнаго ею выговора, въ связи съ тѣмъ гдѣ такъ наивно высказала ей Лиза и что передумала сама, на не смѣла посмотреть кому-либо прямо въ глаза; лучше же всего избѣгала она встрѣтить взглядъ Аркадія; она боялась прочесть въ немъ отвѣтъ на волновавшій ее вопросъ, она боялась чтобъ и онъ во взглядѣ ея не прочелъ того что ей такъ хотѣлось скрыть отъ него.

Послѣ обѣда она до самаго вечера не выходила изъ своей комнаты и когда Аркадій сталъ приглашать ее по обыкновенію прогуляться по парку, она долго не рѣшалась.

— Почему же не пойти, уговаривала ее Лиза; вечеръ прекрасный и въ роцѣ поютъ соловьи.

— Да и будемъ мы не одни какъ давеча: съ нами будетъ

ангелъ хранитель, добавилъ шутливо Аркадiй, показывая на Лизу. Сквозь шутку эту слышалась провiя съ притискомъ худо скрытой досады.

Отказаться было неловко,—она пошла. Нервы ея были до того возбуждены что когда они вошли въ паркъ, ея охватывалъ какой-то непонятный, какъ бы лавической страхъ: сумрачнѣе обыкновеннаго, казалось ей, смотрѣли стоявшiя по сторонамъ вѣковыя липы; изъ полуразвалившагося грота словно вѣяло могильнымъ холодомъ; луга ея и жемчужныя игравшаго въ кустахъ вѣтра, луга ея и шумъ шуршавшихъ подъ ногами сухихъ прошлогоднихъ листьевъ,—луга ея моемолчанiе и царившая кругомъ тишина и она инстинктивно жала къ Лизѣ, точно сердце говорило ей что въ ней дома она была искать себѣ защиту и опору.

— Однако утреннiй урокъ, какъ видно, пошелъ вамъ къ проку, сказала, смѣясь Аркадiй;—должно-быть разумително былъ преподавъ.

— Да вѣдь и вы получили выговоръ отъ начальства, отвѣтила Оленька. Ей хотѣлось скрыть давившее ее чувство и казаться по возможности веселою.

— Я ужь обтерпѣлась, мнѣ къ вамъ не привыкать.

— А я давеча сказала Оленькѣ за что рара съ татами васъ сердятся или лучше сказать чего боятся, вѣднмъ со всегдашней наивностью своею Лиза.

— Чего же? спросилъ Аркадiй.

— Ради Бога переставь, шептала Оленька Лизѣ на ухо.

Она шла обнявшись и она крѣпко прижала ее къ себѣ чтобы заставить замолчать.

— А развѣ это не правда? продолжала та съ той же наивностью.

Оленька вспыхнула и невольно взглянула вбокъ на Аркадiя. Глаза ихъ встрѣтились. Такъ еще никогда не смотрѣлъ онъ на нее. Чтѣ прочла она въ этомъ взглядѣ, она сама не могла дать себѣ отчета; но вся кровь ея, казалась ей, разомъ прихлынула въ голову, страшно забилося сердце и какъ бы перервалось стѣснившееся въ груди дыханiе.

— Чтѣ съ тобою? спросила ее Лиза,—ты вся дрожишь какъ въ лихорадкѣ, а сердце-то какъ бьется.

— Должно-быть отъ верховой вѣды, едва могла проговорить Оленька.

— Весна, сказала хладнокровно, закуривая папироску, Аркадій.

Съ этой минуты Оленька уже болѣе не сомнѣвалась что въ основаніи взаимныхъ отношеній ея съ Аркадіемъ лежала не братская любовь и не дружба, а болѣе страстное чувство. Ей страшно было вспомнить о взглядѣ Аркадія, и страшно болѣе потому что онъ вызвалъ въ ея сердцѣ настолько же безотчетно-тревожное, насколько и томительно-сладкое ощущеніе, противостоять которому она чувствовала себя не въ силахъ; невольно припомнилось ей дѣ-то прочитанное ею о чарующемъ взглядѣ змѣи, неострашимо притягивающей несчастную жертву въ раскрытую пасть зюю. И тотъ же, до того невѣдомый ей, лавическій страхъ съ новою силой овладѣлъ ею. Понятно что съ этой минуты должны были измѣниться и отношенія ея къ Аркадію: прежнюю искренность и интимность смѣнили сдержанность и смотрительность; она стала наблюдать за собою, стала взвѣшивать каждое слово, разчитывать каждый шагъ, стала даже избѣгать частыхъ встрѣчъ съ нимъ, а тѣмъ менѣе позволяла себѣ оставаться съ нимъ наединѣ, чтобы какъ-нибудь не встрѣтить снова этого такъ сильно потрясшаго ее взгляда, а можетъ-быть и объясненія на словахъ что выражалъ въ, наконецъ, чтобы какъ-нибудь не высказаться и самой. Она стала чуждаться и окружавшихъ ее, боясь необдуманнѣмъ словомъ или неосторожнымъ взглядомъ выдать свою душу. Прежнія невинныя забавы и развлечения которымъ она еще такъ недавно предавалась съ дѣтскимъ увлеченіемъ, не занимали ее; она по цѣлымъ часамъ сидѣла одна груженная въ безотчетное раздумье. Оленька въ короткое время такъ измѣнилась что Софья Львовна стала серьезно опасаться за ея здоровье.

— Ужь не больна ли ты чѣмъ? заботливо спрашивала она ее.
— А ты ужь не любишь попрежнему Аркадія, выговаривала ей протодушно Лиза.

X.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ Аркадiй жилъ въ Бакалангъ, но отношенiя его къ отцу нисколько не удружились; напротивъ, изъ натянутыхъ они сдѣлались какими-то непрiязненными, чуть не враждебными. Причиною тому была противоположность ихъ взглядовъ на жизнь и убѣжденiй, если только кое-какъ схваченныя Аркадiемъ верхушки слышавшья, но не прочувствованныя и неусвоенныя имъ идеи можно было назвать убѣжденiями. Александръ Васильевичъ былъ человѣкъ стараго закала и раздѣлялъ воззрѣнiя и вѣрiя людей своего вѣка; Аркадiй, принадлежа къ молодому поколѣнiю, хотѣлъ быть представителемъ и его мзрѣнiй. Иногда проводилъ онъ какую-нибудь новую мысль, далеко не совпадающую съ образомъ мыслей отца, а часто и диаметрально ему противоположную: возникали споры, которые, не разубѣждая старика, лишь раздражали его и все болѣе и болѣе возстановляли противъ него. Споры эти болѣзненно дѣйствовали на Оленьку, искренно любившую и уважавшую Александра Васильевича и отъ души желавшую видѣть его въ добромъ согласiи съ сыномъ. Она досадовала на Аркадiя не только за его неуступчивость, которая, какъ и самъ онъ видѣлъ, ровно ни къ чему не вела, сколько и то что онъ часто защищалъ убѣжденiя которыхъ не раздѣлялъ и проводилъ принципы которыхъ не сочувствовалъ и которыхъ даже и самъ не понималъ, точно лишь для того чтобы доказать старику его отсталость. И она не ошибалась: у Аркадiя дѣйствительно не было, ни принциповъ, ни убѣжденiй, а защищалъ онъ тѣ или другiя изъ нихъ лишь потому что они были въ ходу и онъ, считая себя человѣкомъ передовымъ, полагалъ обязанностью своею защищать ихъ. Все они сводились у него къ какой-то туманной идеѣ либерализма, котораго онъ выдавалъ себя за взятый поборникомъ, хотя сути его никогда уяснить себѣ не могъ. Да онъ впрочемъ надъ такимъ вздоромъ никогда не ломалъ себѣ головы. „Ça vous pousse dans le monde, думалъ онъ; ça vous donne un certain pli,“ и ему этого было довольно.

Когда старикъ Бакаановъ былъ въ духѣ, онъ охотно разговаривалъ съ Аркадіемъ о петербургской жизни, причемъ припоминалъ и свои молодые годы; разспрашивалъ его о направленіи современнаго общества, о занимающихъ его вопросахъ, совершенныхъ и предстоявшихъ реформахъ, о новыхъ порядкахъ по военной службѣ: одни изъ нихъ одобрялъ, надъ другими слегка подтрунивалъ. Оленька прислушивалась къ этимъ разговорамъ съ любопытствомъ: они раскрывали предъ нею новую, незнакомую ей жизнь; подчасъ ей казалось что слышитъ она сказки Шехеразады.

— А касокъ и солдатскихъ шинелей у васъ ужъ нѣтъ, говорилъ старикъ;— солдаты въ кели да въ пальто щеголяютъ?

— Да, отвѣчалъ Аркадій;— послѣднія военныя дѣйствія доказали что они много удобнѣе. Прежде обращали вниманіе лишь на наружный видъ, а теперь болѣе смотрять на удобство.

— При Суворовѣ объ удобствахъ и не думали, а неприступныя крѣпости брали, да черезъ Чортовы мосты переходили. Ну и этихъ кели солдаты предъ офицерами, какъ прежде фуражки, ужъ не снимаютъ, а, проходя мимо, лишь дѣлаютъ имъ лодъ козырекъ: бонжуръ, молъ, мусье?

— Да, лодъ козырекъ.

— Оно дѣйствительно удобнѣе. Что бы при встрѣчѣ ужъ прямо другъ другу руку жать. Вотъ что гимнастику звели, такъ это дѣло хорошее, давно бы слѣдовало. Я чай между солдатами есть ребята ловкіе?

— Есть такіе что любому акробату не уступать.

— Любопытно было бы взглянуть, говорилъ съ самоодольною улыбкой старикъ. — Какъ буду въ Петербургѣ, непременно съѣзжу посмотрѣть. Русскій человекъ на все слообенъ: укажи ему только какъ за дѣло взяться, чорта за оясъ заткнетъ.

— А что это у васъ тамъ за вигилистки такія завелись? спрашивалъ онъ немного спустя.— Говорять, ничему не вѣать и знать ничего не хотять.

— Знать-то напротивъ онѣ все хотять, но вѣрять лишь тому въ чемъ убѣдятся умомъ или собственнымъ опытомъ.

— И для этого лягушекъ потрошать?

— Да, естествознаніемъ нынче много занимаютъ.

— А тамъ и людей рѣжутъ?

— Слушаютъ лекціи и въ анатомическій театръ ходятъ.
 — Какое ходятъ, такъ, говорятъ, сами и поласуютъ: приятно у такой барышни ручку поцѣловать. Ну и волосы стригутъ, и синія очки носятъ?

— Стригутъ и очки носятъ.

— А по вечерамъ у студентовъ собираются; съ ними бутерброды ѣдятъ, пиво пьютъ, да объ общественныхъ дѣлахъ толкуютъ.

— И собираются и толкуютъ.

— И что жь полиція? ничего?

— А полиціи какое до нихъ дѣло?

— Ну, вѣтъ, братъ, въ наше время — шалишь; еслибы полиція гдѣ такихъ накрыла, навѣрно ихъ куда бы-нибудь припрятали. А какіе это они еще гражданскіе браки придумали?

— Браки основанные на одномъ взаимномъ согласіи.

— То-есть выходятъ не освященные церковью и не утвержденные закономъ?

— Да; не связанные ни церковными обѣтами, ни формальными обязательствами.

— Стало-быть: любы другъ другу, живите, а не любы — хоть завтра же расходитесь? Хороши браки; главное удобны. Правду ты сказалъ что нынче больше объ удобствахъ молочать. Ну и съ такою женой тоже подъ-ручку по улицамъ гуляютъ?

— Гуляютъ.

— И знакомые встрѣчаются, кланяются?

— Если знакомые, почему же не поклонятся.

— Ну, а если промежь себя разойдутся и пойдетъ она съ новымъ мужемъ подъ-ручку гулять, и опять ей поклонятся?

— И опять поклонятся.

— И съ прежнимъ мужемъ встрѣтится, разговариваетъ съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало?

— Почему же имъ не разговаривать? вѣдь они не ссорились.

— Только характерами не сошлись.

— Конечно.

— Чудеса! заключалъ Баклановъ.

Точно также въ разговорахъ съ сыномъ заводилъ онъ рѣчь и о другихъ интересовавшихъ его вопросахъ.

— А вотъ вчера Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ изъ Петербурга, сказалъ онъ какъ-то, возвратясь изъ гостей, — и разговариваетъ будто тамъ говорятъ что всѣхъ стариковъ пере-

вѣшать надо, что они какъ старыя деревья молодымъ побѣгамъ солнце затѣняютъ, хода имъ не даютъ. Правда?

— Можетъ-быть и говорить, но я не слышалъ, отвѣчалъ Аркадій.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, на что мы стали годны? Мы ужъ и выдохлись, и изъ ума выжили. Вѣдь говорятъ же что не молодымъ у стариковъ, а старикамъ у молодыхъ учиться надо?

— Дѣйствительно говорятъ что по естественному ходу прогресса каждое новое поколѣніе становится и умнѣе, и опытнѣе стараго.

— Даже и опытнѣе? Это какъ? Объясни пожалуйста, интересно послушать.

— Очень просто. Человѣчество, какъ нравственное лицо, живетъ точно также своею жизнью какъ и отдѣльный индивидуумъ, считая возрасты свои поколѣніями. Повяте что каждое послѣдующее поколѣніе опытнѣе предыдущаго, если не своимъ, то его же опытомъ.

— То-есть молодое-то поколѣніе по этому расчету становится ужъ, такъ-сказать, старше стараго?

— Конечно.

— Хитро, сказала, подумавъ, Баклановъ, — и если разсудить хорошенько, такъ пожалуй и справедливо, только надо дѣло повяте какъ слѣдуетъ; а то иной мелкососъ возмечталъ что онъ умнѣе стариковъ уже потому что моложе ихъ. Вишь какіе камуфлеты подводятъ. А небось все половици разные эти силлогизмы придумываютъ. Все подъ нашего брата подкалываются, ужъ больно ихъ подтормаживать, хода не даемъ. Слышишь, Sophie, — кричалъ онъ женѣ. — Иди же разкажи матери, да скажи ей что Лиза и опытнѣе старше ея стала и что ручку-то цѣловать теперь ужъ ей не приходится.

И долго еще послѣ того старикъ смѣясь разказывалъ прижавшимъ къ нему гостямъ объ этомъ, какъ онъ называлъ, многогривомъ силлогизмѣ.

Но не всегда разспросы и бесѣды эти кончались такъ миролюбиво; нерѣдко по поводу ихъ между отцомъ и сыномъ звикали горячіе споры, имѣвшіе иногда очень грустный ходъ.

Разъ завязался у нихъ диспутъ на тему: „собственность раба“. Аркадій хотя и не поддерживалъ принципа во всемъ

его луризмъ, но тѣмъ не менѣе проводилъ положенія далеко не согласовавшіяся съ образомъ мыслей старика, заключивъ ихъ выводомъ что на всякомъ богатомъ человѣкѣ лежитъ непремѣнная обязанность удѣлять часть состоянія своего въ помощь неимущей брати и что не сдѣлавъ этого, онъ не имѣетъ права смотрѣть на людей прямыми глазами.

Тотъ выслушалъ его очень серьезно и съ большимъ вниманіемъ.

— И ты чувствуешь въ себѣ достаточно характера и самоотверженія чтобы поступить такъ? спросилъ онъ его.

— Еслибы не чувствовалъ, то конечно и не позволялъ бы себѣ такъ говорить, отвѣтилъ нѣсколько обиженнымъ тономъ Аркадій.

— Стало-быть ты ничего не будешь имѣть противъ меня, если я употреблю часть имѣнія или по крайней мѣрѣ денежный капиталъ на человѣколюбивыя учрежденія?

Оба эти вопроса предложилъ онъ очень серьезно, точно были они не слѣдствіемъ настоящаго разговора, а еще заранѣе задуманнаго плана. Аркадій зналъ отца, зналъ что онъ говорить на вѣтеръ не любилъ, зналъ и то что онъ уже употребилъ довольнозначительную сумму на устройство разныхъ сельскихъ учрежденій. Припомнилъ ему и слова матери какъ то жаловавшейся ему на неумѣстныя по ея мнѣнію гуманничанія мужа и онъ невольно замаялся. „Чего добраго, подумалъ онъ про себя; вѣдь онъ самодуръ,—пожалуй что говорить, то и сдѣлаетъ: самъ же ты, скажетъ, того хотѣлъ.“

— Я спрашиваю тебя объ этомъ потому, продолжалъ такъ же серьезно Баклановъ,—что въ силу моихъ убѣжденій всякій не нажившій самъ состоянія своего, и получившій его по наслѣдству отъ предковъ, обязанъ передать его не только въ полномъ составѣ, но и со сдѣланными на доходы, съ всего приращеніями своему потомству. Ты мой единственный сынъ и наслѣдникъ и потому я очень желалъ бы знать твое по этому предмету мнѣніе. Серьезно думаешь ты такъ? заключилъ онъ, смотря ему прямо въ глаза.

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ-сказать въ упоръ и отвѣчать на него надо было прямо и категорически.

— Конечно, сказалъ Аркадій, смѣшавшись и глядя на дѣлывшуюся въ рукѣ его лалироску,—чтобы поступить такъ, надо быть твердо увѣреннымъ что употребленный съ этою

цѣлю капиталъ пойдетъ по своему назначенію; а поручиться за это въ наше время трудно.

Сдѣлавъ этотъ уклончивый отвѣтъ, Аркадій взглянулъ вскользь на отца и ему показалось что въ его прямо и вопросительно устремленномъ на него взглядѣ промелькнуло что-то въ родѣ горькой насмѣшки. Старикъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ни слова и, заложивъ руки за спину, сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ другой разъ за обѣдомъ зашла рѣчь о настроеніи духа современнаго общества и преимущественно молодаго поколѣнія.

— Вѣдь нынче, сказалъ Баклановъ, — военная служба, говорятъ, ужь не въ прежнемъ почетѣ; всѣ больше нарываютъ шкуры по статской.

— Да; гражданская служба въ настоящее время представляетъ болѣе легкую и блестящую карьеру, отвѣтилъ Аркадій; — да и кому какая охота подставлять свой лобъ подъ пулю.

— Какъ такъ? посмотрѣлъ на него вопросительно отецъ, остановивъ на половинѣ пути вилаку съ кускомъ мяса, который несъ-было въ ротъ.

— Конечно; какой-нибудь авантюристъ Наполеонъ для осуществленія своей личной фантазіи или для упроченія своей династіи на узурпированномъ престолѣ заварить кашу; а тутъ по его милости и *rouge son bon plaisir* и рискуй своею жизнью? Нѣтъ; нынче всякій разсуждаетъ что онъ ее не въ дровахъ нашелъ.

— Но если этого требуетъ честь націи, если это необходимо для поддержанія могущества и славы отечества?

— Все это прекрасно, но своя рубашка къ тѣлу ближе.

Старикъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— И дворяне нынѣшніе также думаютъ? спросилъ онъ, видимо приходя въ раздраженіе.

— Развѣ дворяне глупѣе другихъ? Много они выиграли что въ Двѣнадцатомъ Году ни скота, ни живота своего не щадяли? Надъ ними же теперь всякій смѣется.

— Нѣтъ; я никогда не повѣрю чтобы такъ могъ разсуждать настоящій русскій дворянинъ, сказалъ Баклановъ, задыхаясь отъ негодованія. — Такъ можетъ думать лишь прохвость какой-нибудь безъ роду и племени. Это не благородное, а низкая, недостойная дворянина трусость! И, бросивъ вилаку на столъ, онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Сцена эта произвела на всѣхъ сильное, хотя и не одинакое впечатлѣніе. Оленька вполне раздѣляла и образъ мыслей и негодованіе старика и недоброжелательно смотрѣла на Аркадія; Лиза, сама не понимая чего испугалась, въ недоумѣніи и страхѣ провожала глазами уходившаго отца.

— И охота тебѣ вѣчно затѣвать эти споры съ отцомъ, упрекала Аркадія мать.

— Тѣмъ болѣе что я увѣрена что Аркадій Александровичъ самъ не раздѣляетъ убѣжденій которыя защищалъ, добавила нерѣшительно Оленька.

Аркадій посмотрѣлъ на нее, но не сказалъ ни слова: онъ чувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то неловко.

На другой день послѣ этого разговора, Оленька, гуляя по обыкновенію съ Аркадіемъ и Лизой, навела намѣренно на него рѣчь.

— Неужели таковы дѣйствительно ваши убѣжденія? спросила она Аркадія.

— То-есть какія именно?

— Что вы для блага и чести отечества не рѣшились бы рисковать своею жизнію?

— Волервыхъ, чтѣ понимаете вы подѣ словомъ отечество? Слово это чрезвычайно неопредѣленно. Понимаете ли вы подѣ нимъ опредѣленный районъ извѣстной мѣстности, связанный общностью матеріальныхъ или какихъ-либо другихъ интересовъ, или все населеніе со включеніемъ Чувашей, Бурятъ, Самоѣдовъ?...

— Подѣ именемъ отечества понимаю я Россію въ полномъ ея составѣ, ту Россію, могуществомъ и силою которой гордится всякій истинно Русскій.

— То-есть, продекламировалъ Аркадій:

.....Отъ Перми до Тавриды

Отъ Финскихъ ледяныхъ скалъ до пламенной Кокады

Отъ потрясеннаго Кремля,

До стѣнъ недвижнаго Китая.

— Конечно.

— Что до меня касается, то признаюсь: сердце мое не настолькоъ эластично чтобы могло растянуться на такое огромное пространство. Чтѣ у меня можетъ быть общаго съ какимъ-нибудь Камчадаломъ? И если его любить или и вовсе убѣтъ американскій китоловъ, неужели я долженъ считать

это за оскорбленіе націи и для удовлетворенія національной чести снаряжать кругосвѣтную экспедицію?

— Я появлялся бы еслибы дѣло шло о районѣ четырехъ, пяти смежныхъ губерній, связанныхъ между собою какимъ-нибудь общимъ матеріальнымъ интересомъ, хотя бы наприимѣръ обытомъ пшевицы. Еслибы вдругъ сбыту этому представилось бы такое препятствіе устранить которое нельзя было бы иначе какъ силою оружія; то я понимаю, всякій необходимо долженъ взяться за него во имя общей пользы.

— Неужели только и есть что матеріальная польза и опасность можетъ только угрожать пшевицѣ?

— Но какая же намъ можетъ угрожать опасность? Мы, благодаря Бога, живемъ не во времена Батыева, Тамерлана или какой-нибудь Пугачевщины.

— Компания Двѣнадцатаго Года была не очень давно, да и Крымская могла кончиться не такъ, какъ кончилась. И что жъ, вы оставили бы насъ на произволъ судьбы, потому что жизнь вашу не въ дровахъ нашлаи?

— О, тогда я конечно полетѣлъ бы въ станъ Русскихъ воиновъ, свѣз у огня между патрами и залѣлъ бы:

Друзья, блаженнѣйшая часть:

Любимыхъ быть спасаемъ.

Когда жъ предѣлъ намъ въ битвѣ ластъ—

Погибнемъ съ насаждедемъ.

— Какъ! Вы и Жуковского читали?

— Еще бы; я еще мальчикомъ зналъ всѣ патріотическіе гимны и лѣсны наизусть.

— Удивляюсь. Такъ вы ужъ кстати пропойте:

Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ

Пріема вѣрность съ кровью.

— И заключилъ бы:

О Царь! Здѣсь сомнѣ твоихъ сыновъ,

Къ тебѣ горимъ любовью.

И при словѣ „сомнѣ“ укажу на весь разнохарактерный дивертисментъ отъ сидящихъ вкругъ огня на корточкахъ Алеутовъ, до остзейскихъ бароновъ. Не забуду, конечно, и Тамбовскихъ и Саратовскихъ помѣщиковъ, готовыхъ, какъ извѣстно, для защиты отечества по первому кличу бросить не только женъ и дѣтей, но и борзыхъ собакъ своихъ.

— Вы опять свое, сказала съ непритворною грустью Оленька:—самыя святыя чувства обращаете въ шутку, вѣдь это нравственное кощунство. Нѣтъ; я дамъ себѣ слово никогда не говорить съ вами о такихъ предметахъ.

— Считаете меня неспособнымъ возвыситься до нихъ?

— Вѣдь то-то и досадно что я, напротивъ, убѣждена что вы имъ вполнѣ сочувствуете, что вы любите отечество ваше и гордитесь имъ, и гордитесь именно его могуществомъ и силою. Я даже убѣждена что вы въ душѣ помѣщикъ, и если смѣтаетесь надъ ними, то только потому что такъ ужь въ духѣ настоящаго времени надъ ними смѣяться и дѣлать изъ нихъ какихъ-то шутковъ. Простите мнѣ мою откровенность; но я не вѣрю чтобы вы раздѣляли и большинство принциповъ и убѣжденій которые вы въ разговорахъ вашихъ проводите и не вѣрю потому что слишкомъ уважаю васъ.

Аркадій молчалъ; откровенность эта видимо была ему не поутру.

— Послушайте, продолжала Оленька послѣ минутнаго молчанія:—вы очень остроумны и обладаете способностію высокіе предметы представлять смѣшными. Дайте мнѣ слово не обращать этой способности на предметы касающіеся религіи и нравственныхъ убѣжденій. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ, сказала она почти со слезами на глазахъ, протягивая Аркадію руку.

— А вы что мнѣ за это дадите? спросилъ онъ полушутливо.

— Мою дружбу.

— Что еще?

— Развѣ вамъ этого мало?

— Можетъ-быть даже слишкомъ много; но я желаю бы получить отъ васъ еще что-то.

— Что же могу я вамъ дать еще?

— Подумайте.

— Такая право мудреная загадка что я сама собою никогда ее не отгадаю.

— А можетъ-быть и отгадали, да не рѣшаетесь сказать.

— Но развѣ на это нужна извѣстная доза рѣшимости?

— Вѣдь женщины вообще нерѣшительны. Кромѣ оковъ которыя наложило на нихъ общество, онѣ еще сами произвольно налагаютъ на себя разныя другія, то изъ нравствен-

ныхъ прищиповъ, то изъ пустаго приличія, даже изъ предразсудковъ, и точно щеголяютъ ими. Хотите выслушать мою задуманную исповѣдь?

— Говорите.

— Откровенность моя не оскорбитъ васъ?

— Нисколько.

— Я женщинъ каждую порознь уважаю и имѣю къ нимъ всевозможныя аттенціи; но женщину вообще въ глубинѣ души моей презираю.

— За что жъ такая немилость?

— А за то что она живетъ тысячи лѣтъ въ рабствѣ и до сихъ поръ еще не свергнула съ себя этого позорнаго ига.

— Но кто въ этомъ виноватъ какъ не вы же?

— Сначала конечно такъ; но съ тѣхъ поръ какъ нравственная сила стала брать верхъ надъ физическою, такъ равнодушно переносить свое униженіе просто возмутительно.

— Но что же намъ дѣлать?

— Войдите съ протестомъ, сдѣлайте демонстрацію, удалитесь наконецъ какъ нѣкогда плебеи изъ Рима на Авентинскую гору и мы всемірные патриціи явимся къ вамъ для переговоровъ.

— Гдѣ же эта Авентинская гора и какъ мы пойдемъ на нее? спросила Оленька, стараясь не глядѣть на Аркадія: онъ въ роли пролагандиста всегда казался ей до крайности смѣшнымъ.

— Начните хоть съ того что дайте себѣ слово не вступать въ бракъ на существующихъ условіяхъ.

— Что же изъ этого выйдетъ?

— Ну и мы поневолѣ должны будемъ согласиться на тѣ которыя вы намъ предложите.

— А если не согласитесь?

— И отлично: будемъ жить всякій самъ по себѣ, не завися другъ отъ друга, трудами своими. Такой порядокъ вещей былъ бы хорошъ ужъ тѣмъ что при немъ было бы больше общности въ интересахъ. Теперь же женишься, обзаведешься своимъ теллымъ гнездышкомъ, своимъ отдѣльнымъ микроскопическимъ, а объ общемъ дѣлѣ и позабудешь.

— Другими словами: вы проповѣдуете намъ гражданскіе браки, сказала Оленька.

— Васъ почему-то напугало это слово, возразилъ Арка-

дѣй,—и вы боитесь взглянуть въ суть дѣла. Назовите эти качели хоть вистлицей, они все-таки останутся качелями.

— Нѣтъ, Оленька, онъ какой-то злой духъ, Мефистофель, сказала прижавшись къ ней Лиза, — не слушай его. Не сбавляй моей доброй Гретхель, добавила она обратившись съ умоляющимъ взглядомъ къ Аркадію.

— Я лишь высказалъ свою мысль, сказалъ онъ;—а тамъ ваше дѣло. Если вамъ ваши оковы нравятся, такъ и оставайтесь въ нихъ: вольному воля.

— А спасенному рай, заключила Лиза цѣлуя Оленьку.

(До слѣд. №.)

Н. ЧАПЛЫГИНЪ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
ОБЪ
У К Р А Й Н О Ф И Л А Х Ъ

По поводу статьи о современномъ украинофильствѣ (*Русскій Вѣстникъ*, 1875, февраль), считаю долгомъ заявить, или лучше сказать повторить, и мое мнѣніе объ этомъ странномъ направленіи нѣкоторыхъ нашихъ украинолюбивыхъ дѣятелей, выбивающихся изъ силъ чтобы какъ-нибудь достигнуть своей фантастической цѣли. Не стану впрочемъ входить въ подробный разборъ этого направленія; авторъ вышеупомянутой статьи весьма вѣрно выставилъ всю недобросовѣстность ратоборцевъ украинолюбства. Ограничусь только указаніемъ самыхъ главныхъ и существенныхъ его пунктовъ, имѣя въ виду преимущественно нашъ западъ и юго-западъ, такъ какъ, по одинаковости ихъ обстоятельствъ, состояніе одного обыкновенно отражается на другомъ. Въ томъ же смыслѣ какъ телерь я уже высказался нѣсколько разъ (особенно въ статьяхъ: *Голосъ изъ юго-западной Руси*, *Русское Слово*, 1859 года; *О русскомъ языкѣ*, *Современная Лѣтопись*, Москва, 1863 года и *О посланіи Поддѣпранина къ Кіевскимъ Болгарамъ и Сербамъ*, Кіевъ, 1864).

Что такое украинофильство? Еслибъ то была только любовь къ Украинѣ, какъ своей родинѣ, то любовь эта была бы дѣломъ добрымъ; но бѣда въ томъ что наше украино-

любовство страдаетъ иногда довольно болѣзненнымъ избыткомъ; въ своемъ избыткѣ оно болѣзненно потому что какая-то горсть любителей своего уголка, называемаго Украиною, воображаетъ подчинить своимъ вкусамъ и весь нашъ западъ и юго-западъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Извѣстно что наши западные сосѣди, послѣ вѣковыхъ усилій, успѣли сильно подавить нашъ южно-русскій (а равно и западно-русскій) народъ въ западной полосѣ; но эти успѣхи не довершились и были прерваны, благодаря воссоединенію всего нашего запада съ центральною Россіей и образованному, богатому литературою обще-русскому языку. Продолжать прежнюю систему дѣйствій нѣтъ для нихъ теперь никакой возможности, и вотъ, издавѣка лущена въ ходъ другая система (подобная ей впрочемъ и прежде неоднократно употреблялась ии въ дѣло). Теперь сочинители этой системы желали бы ослабить православное русское населеніе нашего юга и юго-запада, ограничивъ его письменность и обученіе только его просторѣчіемъ и проводя въ немъ всевозможными инсинуаціями вражду къ центральной Россіи. Въ тактъ съ этими прямо гибельными для насъ желаніями нашихъ сосѣдей, къ тому же направляли свои довольно странныя усилія и нѣкоторые наши любители Украины. И вотъ, въ этомъ и состоятъ главные, излюбленные ими лункты. Конечно, эта искусственная система обнаруживаетъ изворотливую ловкость въ своихъ авторахъ; но за то она обнаруживаетъ и нѣкоторую недалекость въ нашихъ землякахъ: они наживались на эту систему какъ мотыльки на пламя горячей свѣчи, воображая что совершаютъ для насъ дивно благотворный подвигъ. Остановлюсь преимущественно на усиліи нѣкоторыхъ любителей Украины направленномъ противъ русскаго языка; что касается прямыхъ и косвенныхъ выходовъ противъ центральной Россіи, то касаюсь ихъ только мимоходомъ, въ немногихъ словахъ, такъ какъ объ этомъ вопросѣ я уже высказалъ мой взглядъ довольно подробно въ вышеупомянутой статьѣ *О посланіи Поддѣпранина къ Кіевскимъ Болгарамъ и Сербамъ*, стр. 15—51. *

* Для образца подобныхъ выходовъ укажемъ только на два примѣра:

1) Львовское Слово, которое сознательно относится къ Россіи и къ русскому языку, нѣкоторые любители Украины стараются вса-чески унизить, тогда какъ какой-то галицкой мнимою „Правдѣ“ враж-

Наши любители Украины, какъ намъ кажется, усиливались такъ повести дѣло чтобы вытѣснить обще-русскій языкъ и учебники на обще-русскомъ языкѣ и какъ-нибудь ввести учебники и объясненія только на южно-русскомъ просторѣчїи, по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ школахъ. Чего не говорено было, лишь бы достигнуть цѣли? Прежде всего старались увѣрить что обще-русскій языкъ въ элементарныхъ школахъ не понятенъ. Чтѣ сказать объ этомъ увѣренїи? Можемъ сказать смѣло что эта ссылка на непонятность обще-русскаго языка и элементарныхъ учебныхъ книгъ на обще-русскомъ языкѣ въ первоначальныхъ школахъ несправедлива. Обще-русскій языкъ учебныхъ книгъ въ элементарныхъ школахъ у насъ не только понятенъ дѣтямъ, но часто даже понятнѣе южно-русскаго жаргона выдуманнаго нѣкоторыми нашими любителями Украины, такъ какъ

дебной Россїи, расточаютъ похвалы, или если и указываютъ въ ней на нѣкоторые недостатки, то только на второстепенные, возможные въ каждомъ периодическомъ изданїи, но отнюдь не на ея общее направление, неизреченное Россїи. По нашему мнѣнїю, о подобномъ изданїи или вовсе говорить не стоить, или если говорить, то нужно указать на то что оно враждебно Россїи. Не имѣя возможности умизить направление львовскаго *Слова*, наши дѣятели украинолюбства усиливаются по крайней мѣрѣ очернить самого издателя. А все изъ-за чего? Изъ-за того что издатель сочувственно относится къ Россїи и къ цѣлому шестидесятицѣлѣционному Русскому народу, а не къ одной Украинѣ, которая, правду сказать, для насъ безразлична. Но напрасно украинофилы бѣгаютъ и хлопочутъ чтобы унизить *Слово*, мѣшающее ихъ лигнейскимъ затѣямъ. Пока *Слово* сочувствуетъ Россїи и всему Русскому народу, и мы будемъ ему сочувствовать.

2) Другимъ образомъ можетъ быть композиція *Хмары* на южно-русскомъ просторѣчїи. Въ этой композиціи авторъ хотѣлъ выставить въ самыхъ темныхъ краскахъ одного воспитанника Кїевской Духовной Академіи, уроженца сѣверной Россїи. Заниматься разборомъ подобныхъ композицій не стоить. Замѣтимъ только что въ періодъ нашего воспитанїа, мы постоянно встрѣчали самые прерасные типы молодыхъ людей изъ уроженцевъ сѣверной Россїи и постоянно остаемся въ убѣжденїи что для общаго нашего блага нуженъ у насъ между сѣверомъ и юго-западомъ постоянный взаимный бѣтъль умственныхъ силъ и дѣятелей. Мы желали бы только знать: еужели автору *Хмары* не жалъ времени и труда потраченнаго а эту *жизну* работу? Писать подобныя сочиненїа то же самое чтѣ заниматься абедами и крючокотворствомъ.

южно-русское просторѣчїе не одинаково въ разныхъ полахъ южной и юго-западной Россіи. Конечно, для начинающаго учиться будутъ и на обще-русскомъ книжномъ языкѣ встрѣчаться слова и понятія неизвѣстныя, точно также какъ они были бы, и притомъ несравненно въ большемъ количествѣ, на придумываемомъ южно-русскомъ просторѣчїи; но для того чтобъ эти рѣдкія непонятности сдѣлать понятными, существуютъ объясненія, а эти объясненія словъ и фразъ никто не воспрещаетъ сдѣлать, если это дѣйствительно нужно гдѣ-нибудь въ глуши, и на мѣстномъ просторѣчїи; никто же не воспрещаетъ, если кому угодно, читать и какіи-нибудь композиціи на южно-русскомъ просторѣчїи. Къ чему же, спрашивается, хлопотать и суетиться о какомъ-то формальномъ, систематическомъ двуязычїи въ обученїи на нашей Русской землѣ, гдѣ въ средѣ главнаго ея народонаселенія вовсе нѣтъ того двойства которое дѣйствительно мы находимъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ? Прибавимъ еще что во многихъ, очень во многихъ первоначальныхъ школахъ, вовсе не потребуются даже и этихъ объясненій русскихъ словъ и фразъ на мѣстномъ просторѣчїи, потому что въ нихъ дѣти прекрасно все понимаютъ безъ всякихъ переводовъ на мѣстное просторѣчїе. Вводить для нихъ лишніе объясненія даже этихъ отдѣльныхъ словъ и фразъ на мѣстномъ просторѣчїи, значило бы просто только замедлять ходъ ихъ обученія и толочь въ ступѣ воду. Говорю это твердо, потому что весьма хорошо знаю какъ не только сотни мѣстѣ со мною, но, подобно мнѣ, тысячи дѣтей, говорившихъ до 7—8 лѣтъ только на мѣстномъ южно-русскомъ просторѣчїи, начинали потомъ ученіе, безъ малѣйшихъ затрудненій, по книгамъ на обще-русскомъ языкѣ и все понимали также какъ понимали бы ихъ дѣти живущія въ центральной Россіи. Мало того, я думаю что большинство дѣтей нашего запада и юго-запада даже лучше будетъ понимать простой книжный обще-русскій языкъ нежели дѣти нѣкоторыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ губерній, знакомыя только съ мѣстнымъ просторѣчїемъ. Такъ было на нашемъ юго-западѣ (и сѣверо-западѣ) даже до тридцатыхъ годовъ, когда на всѣхъ пространствахъ его существовали только польскія свѣтскія училища, русскія же училища были только духовныя, и когда, снѣло можно сказать, во сто разъ меньше было возможности учиться на русскомъ языкѣ. Въ настоящее

же время, когда средства образованія значительно увеличились, когда существуетъ столько училищъ и столько учебныхъ руководствъ, когда русскій языкъ такъ распространенъ даже въ отдаленныхъ западныхъ губерніяхъ, было бы признакомъ нѣкоторой неискренности увѣрять что русскій языкъ непонятенъ въ школахъ, что нужно вытѣснить его и замѣнить какимъ-то новосочиняемымъ южно-русскимъ книжнымъ языкомъ. Въ другихъ странахъ, гдѣ даже главное народонаселеніе бываетъ очень разноплеменно, и гдѣ языки на которыхъ оно говоритъ совершенно чужды одинъ другому, какъ на примѣръ мадьярскій или нѣмецкій русскому, конечно, большею частью обучаютъ сначала на мѣстныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ; но у насъ, въ областяхъ западныхъ и юго-западныхъ, гдѣ сплошное народонаселеніе почти все славяно-русское, стыдно для устраненія обще-русскихъ учебныхъ книгъ и объясненій, для ограниченія этого народонаселенія какими-то, кѣмъ-то составленными жаргонными книжонками, прибѣгать къ увѣреніямъ будто обще-русскія элементарныя книги не понятны. И одной этой понятности общерусскихъ учебныхъ книгъ достаточно для доказательства неумѣстности введенія какого-то двойственного книжнаго учебнаго языка.

Но мы и не вправѣ устранять обще-русскія учебныя книги и замѣнять ихъ какими бы то ни было другими; потому что обще-русскій или просто русскій языкъ также нашъ, какъ и жителей сѣверныхъ: онъ выработанъ совокупными трудами нашего сѣвера, запада и юга. Это не великорусскій только, а общій русскій языкъ, языкъ культурный, которымъ каждый сколько-нибудь грамотный будетъ и долженъ будетъ пользоваться во всевозможныхъ случаяхъ практической жизни.

Изъ того что южно-русское нарѣчіе отличается чѣмъ бы то ни было отъ великорусскаго, ровно ничего не слѣдуетъ относительно нашего образованія. Различіе между ними можетъ быть предметомъ филологическаго изслѣдованія для тѣхъ кого это интересуетъ; но оно нисколько не мѣшаетъ и не должно мѣшать употребленію одного обще-русскаго языка въ области школьнаго обученія. Кому угодно, можетъ себѣ что-нибудь читать на южно-русскомъ просторѣчій; если изрѣдка бываетъ дѣйствительная необходимость въ объясненіи словъ и фразъ русскихъ на мѣстномъ просторѣчій, она можетъ быть ува-

жена; но изъ-за личныхъ вкусовъ усиливаться измѣнить цѣлую систему обученія и устранивъ изъ школъ общій всѣмъ намъ и понятный русскій языкъ, было бы безразсудно. Подобныя притязанія всегда казались намъ тѣмъ болѣе странными что при серіозномъ отношеніи къ дѣлу, никто изъ родителей самаго простаго званія не пожелалъ бы чтобы обученіе ихъ было на южно-русскомъ просторѣчїи. * Скорѣе они пожелали бы чтобы въ составъ обученія на обще-русскомъ языкѣ входило и церковно-славянское чтеніе.

Далѣе, и изъ того что нѣкоторые иностранцы говорятъ иногда о составленіи учебниковъ для элементарныхъ школъ только на мѣстномъ просторѣчїи, нисколько не слѣдуетъ что и мы непремѣнно должны слѣдовать ихъ мнѣнію. Ихъ историческая жизнь, этнографія, рознь въ языкахъ и нарѣчїяхъ и многія другія обстоятельства могутъ быть вовсе не сходны съ нашими; съ какой же стати мы непремѣнно должны имъ слѣдовать, когда, съ одной стороны, русскій языкъ принадлежитъ всѣмъ намъ и понятенъ на всѣхъ инстанціяхъ обученія, а съ другой — недоброжелатели Россіи только и жаждутъ какъ-нибудь проводить рознь въ средѣ главнаго и огромнаго ея народонаселенія. Чужими взглядами въ подобномъ вопросѣ, по моему мнѣнію, нужно пользоваться очень осторожно; иначе легко можно дойти до результатовъ, для насъ печальныхъ, а для другихъ, быть-можетъ, очень желанныхъ и отрадныхъ. Впрочемъ, если уже ссылаться на иностранцевъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду не мнѣнія которыя случайно высказаны кѣмъ-нибудь, но дѣйствительное положеніе дѣла, а въ образованныхъ странахъ Европы языкомъ преподаванія служить одинъ общій всему народу языкъ. Въ Германіи, также какъ и во Франціи, есть много мѣстныхъ говоровъ; но ни тамъ, ни тутъ никакое мѣстное нарѣчїе не ослабляетъ правъ общаго языка, и нѣмецкій языкъ для всѣхъ Нѣмцевъ есть общій, равно всѣмъ родной и дорогой языкъ національнаго единенія и образованія, какъ французскій для всѣхъ Французовъ.

Наконецъ, мы не можемъ и не имѣемъ права настаивать на томъ что прямо клонилось бы къ неестественному внутреннему отдаленію западныхъ губерній отъ центральной Россіи, къ отнятію у нихъ одного изъ источниковъ ихъ внутренней силы сообщаемой нашимъ прекраснымъ русскимъ

* Знаемъ это положительо, какъ фактъ.

языкомъ, и затѣмъ къ содѣланію изъ нихъ удобнѣйшей жертвы для различныхъ пропагандъ. Мы уже знаемъ результаты этихъ пропагандъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Неужели же мы не поймемъ что выбить ихъ можно только силою нашего образованнаго русскаго языка на всѣхъ инстанціяхъ обученія, и что всякая лутаница въ этомъ отношеніи только упрочитъ навсегда эти неблагоприятныя для насъ послѣдствія бывшей пропаганды. Не можемъ не вспомнить при этомъ прекраснаго дѣла гр. А. Д. Б—ой; разумѣемъ основанное ею почти въ самомъ центрѣ одной изъ юго-западныхъ губерній женское училище. Вотъ что собственно могло бы оградить и упрочить на будущее время положеніе нашего несчастнаго запада и юго-запада; это — живое и основательное усвоеніе въ школахъ прекраснаго русскаго языка дѣвцами всякаго званія и состоянія, которыя изъ школъ перенесли бы его и въ свои семейства, а не эти злосчастныя выходы мнимыхъ украинолюбцевъ, творимыя подъ камертонъ нашихъ же недоброжелателей. Вотъ что до нашему глубокому убѣжденію, достойно признательности и подражанія. Только русская литература и русскій языкъ могутъ тамъ вытѣснить собою языкъ до сихъ поръ господствовавшій почти во всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ слояхъ народонаселенія. * Выдумывая же хлопоты о какомъ-то формальномъ введеніи въ элементарныя школы какого-то южно-русскаго жаргона, котораго, какъ литературнаго, officialнаго и общаго, одинаковаго нѣтъ и быть не можетъ, усиливаясь постоянно объяснять различіе между центральною и юго-западною Россіей, рекомендуя какіе-то officialныя

---

* Дай Богъ чтобы подобныхъ женскихъ училищъ явилось еще хотя по два, по три въ каждой юго-западной губерніи, особенно подавльше къ западу; лишь бы въ нихъ были хорошія русскія библіотеки, хорошіі надзоръ и училъ бы хорошо русскому языку и русскому произношенію. Не нужно много пронацительности чтобы выразумѣть всю важность подобныхъ училищъ, а равно и всю безпольность украинофильскихъ тенденцій; стѣдуетъ только знать существовавшій до недавняго времени широкій фактъ и вдуматься въ его послѣдствія. Известно что на нашемъ юго-западѣ почти всѣ, особенно по селамъ, знаютъ больше или меньше мѣстное южно-русское просторѣчіе. Но на немъ говорили и говорятъ только въ самыхъ низшихъ слояхъ общества или въ разговорѣ съ прислугою;

переводы при обученіи съ русскаго на южно-русскій и съ южно-русскаго на русскій языкъ, мы только способствуемъ тому чтобы продлить, а можетъ-быть и увеличить пассивное состояніе нашего православнаго русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ предъ чуждымъ намъ и иноплеменнымъ населеніемъ. Къ чему же намъ раздроблять и запутывать дѣло обученія, къ чему разстроивать его гармонію, когда никто же не мѣшаетъ, какъ мы сказали, и при вывѣшывемъ книжкомъ единопзычій, если это дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нужно, объяснять какія-нибудь русскія слова или фразы на мѣстномъ просторѣчій? хотя слова прибавлю, это далеко не такъ часто нужно какъ иные господа хотятъ насъ увѣрить.

Напрасно мнимые украинолюбцы, чтобы придать себѣ больше значенія, прибѣгали къ такимъ увѣреніямъ съ которыми могутъ примириться только люди незнакомые съ положеніемъ нашего русскаго запада. Суетясь о какомъ-то двойствѣ первоначальнаго обученія, наши мнимые любители Украины хотятъ играть роль народолюбцевъ и рисуютъ себя какъ дѣятелей народнаго блага; для ващаго успѣха, они увѣряютъ что прежнія идеи о значеніи русскаго языка для насъ уже старыя и должны уступить мѣсто идеямъ новымъ, о подавленіи русскаго языка какимъ-то новосочиненнымъ жаргономъ. Слыша подобныя самовосхваленія кто-нибудь готовъ подумать что для нашего блага и въ самомъ дѣлѣ нужно устранить русскій образованный языкъ въ первоначальныхъ школахъ. Но когда вникнемъ въ дѣло, то окажется что это ни больше, ни меньше какъ самооболь-

---

въ сферахъ же сколько-нибудь образованныхъ, или считающихъ себя образованными, обыкновенно употребляли только языкъ польскій; такъ было даже въ семействахъ православнаго духовенства, съ рѣдкими искаженіями. Повято теперь, какое сѣдствіе вышло бы и что именно мы упрочили бы и на будущее время, еслибы мы поколебали авторитетъ обще-русскаго языка хотя бы то и на низшей степени обученія, и перелутали это обученіе выдумываемъ и введеніемъ какого-то не существующаго общаго и культурнаго южно-русскаго просторѣчія... Не даромъ даже въ Галиціи, въ одномъ періодическомъ изданіи называютъ украинофильство *скверною раною на тѣлѣ русскоме, выкликанною сражѣмъ заблѣгали...* (*Зоря коломыйска*, 2, „Воспоминанія о Лукѣ Данкевичѣ“, стр. 14—16).

щеніе. Почему же въ самомъ дѣлѣ наше благо невозможно если мы будемъ продолжать дѣло обученія по русскимъ и церковно-славянскимъ книгамъ? Почему наше благо невозможно, если мы будемъ напоминать не о томъ чего жаждутъ наши недоброжелатели, а о томъ что дѣйствительно для насъ нужно, а именно о единствѣ съ центральною Россіей, гдѣ мы постоянно имѣемъ крѣпкую точку опоры? Напротивъ, по нашему убѣжденію, нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ что возникло бы много зла для насъ еслибы мы позволили себѣ увлечься странными, откуда-то и къ-то навѣянными притязаніями на ломку въ самомъ естественномъ ходѣ нашего обученія. Зло произошло бы впервыхъ, отъ раздробленія нашихъ силъ; вовторыхъ, мы повредили бы себѣ какимъ-то насильственнымъ придумываніемъ особаго, высшего учебнаго жаргона, когда его нѣтъ и когда есть для всѣхъ насъ одинъ образованный русскій языкъ; далѣе мы повредили бы себѣ ослабленіемъ авторитета русскаго языка и самаго употребленія его въ западныхъ губерніяхъ, безъ чего тамъ и все православное русское населеніе неизбежно утратитъ свою нравственную силу. Наконецъ, какъ мы выше сказали, мы повредили бы себѣ неолисаннымъ хаосомъ какъ въ школахъ, такъ и въ жизни. Въ большинствѣ школъ не только не поймутъ этого жаргона, но и отнесутся къ нему съ ролотомъ и неудовольствіемъ какъ чему-то дикому и совершенно лишнему. О путаницѣ какая вышла бы отъ этого прихотливаго притязанія въ жизни и говорить нечего: не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ гдѣ все православно-русское народонаселеніе, сколько-нибудь образованное, говоритъ и пишетъ на русскомъ какъ на своемъ языкѣ, гдѣ и въ практической и официальной сферѣ другаго языка и быть не можетъ, домогаться нарушить вывѣшную гармоническую и однохарактерную систему обученія введеніемъ книжнаго двуязычія, котораго мы никогда не знали и о которомъ мы всегда думаемъ и будемъ думать какъ о чемъ-то несмысленномъ? Словомъ, отъ притязаній о которыхъ у насъ идетъ рѣчь произошли бы бѣдственныя послѣдствія, которыя всегда и вездѣ обыкновенно происходятъ отъ нарушенія господствующаго, естественнаго хода жизни и дѣла.

Не удивителенъ былъ бы подобный хаосъ тамъ гдѣ онъ неизбеженъ при дѣйствительной рѣзкой разноплеменности,

разноязычности и разновѣрности между главными массами народонаселенія, напимѣръ, между Турками и Болгарами. Но намъ, нарочно, да еще съ болѣзнями рожденія, усиливаться произвести раздвоеніе, котораго нѣтъ, намъ, изъ подражанія и угожденія завидующимъ нашему единству и пускающимъ въ нашу среду всевозможныя крамолы, усиливаться создать раздвоеніе въ существующемъ единствѣ обученія едва ли разумно. Да и какъ будто въ самомъ дѣлѣ каждое нарѣчіе можетъ сдѣлаться общимъ литературнымъ языкомъ, и особенно, когда мы уже выработали для себя общій литературный, образованный, книжный языкъ? Какъ будто въ самомъ дѣлѣ намъ возможно и нужно устроить два литературные языка? Можно себѣ что-нибудь читать на какомъ угодно южно-русскомъ просторѣчці, если это кому-нибудь нравится; но это дѣло частное, дѣло личнаго вкуса. Изъ того же что кому-то угодно было поскорѣе написать какія-то книжонки на южно-русскомъ просторѣчці, и потому бѣгать, суетиться и хлопотать о томъ чтобъ увѣрить что вотъ есть у насъ дескать и другая литература, нарочно посвящать страницы періодическаго изданія разбору этихъ книжонкъ, какъ произведеній дѣйствительно литературныхъ, смѣшно было бы дѣлать выводъ что, изъ угожденія этой непрошеной хлопотливости, мы должны отказаться отъ одной изъ самыхъ существенныхъ и постоянныхъ стихій нашего обученія и образованія, хотя бы то и низшаго. Всѣ эти композиціи на южно-русскомъ просторѣчці, которыя рѣшительно не могутъ быть общими, не литература, а издѣлія форсированныя и искусственныя. А потому никогда онѣ не могутъ замѣнить обще-русскаго языка на всѣхъ инстанціяхъ обученія.

Что касается старой идеи о русскомъ языкѣ и новой, то послѣ того что выше сказано, отвѣтъ на этотъ доводъ былъ бы излишенъ. Замѣтимъ только что было бы признакомъ нѣкоторой ограниченности еслибы русскіе жители нашего запада и юго-запада, изъ обыкновеннаго въ наше время увлеченія идеями выдаваемыми за новыя, стали колебать авторитетъ своего же русскаго языка на низшихъ инстанціяхъ обученія, а вѣтъмъ и въ общемъ употребленіи, то-есть если бы мы сами же подкалывали подъ собою то что составляетъ одинъ изъ источниковъ нашей силы. Было бы легкомысленно, еслибы мы измѣряли основы народнои жизни и

благосостоянія какими-нибудь идеями потому только что ихъ выдаютъ за идеи новой работы. Основы жизни имѣютъ и должны имѣть силу не только на столѣтія и тысячелѣтія, но и навсегда. Еще неизвинительнѣе было бы, еслибы мы, изъ желанія роли, позволили себѣ эксперименты надъ народнымъ образованіемъ которые не выдержатъ строгой и безпристрастной критики. Впрочемъ, чтобы наши слова не показались бездоказательными, припомнимъ что подобное самовосхваленіе новостію своихъ идей уже употреблялъ кой-кто въ шестидесятыхъ годахъ, хотя оно скоро было оцѣнено по достоинству. Въ 1861 году, въ одномъ изъ нашихъ столичныхъ журналовъ была напечатана статья *Национальная Безтактность*, въ которой, между прочимъ, доказывалось русскимъ Галичанамъ что они напрасно поручаютъ обученіе народа своему духовенству, что гораздо лучше все дѣло заботливости о галицко-русскомъ народѣ и его образованіи поручить лицамъ стороннимъ. Чтобы придать этой статьѣ побольше вѣсу, люди усиливающіеся подавить Русскихъ Галичанъ стали вездѣ увѣрять что это голосъ молодой или новой Россіи, то-есть, употребляли именно тотъ же самый маневръ который и теперь усиливаются пустить въ ходъ нѣкоторые люди, лишь бы сколько-нибудь выставить въ выгодномъ свѣтѣ странныя выходки свои противъ русскаго языка и центральной Россіи. Каждый понимающій дѣло очень хорошо знаетъ что почти единственными учителями Русскаго народа въ Галиціи могутъ быть или галицко-русское духовенство, или лица выходящія изъ его среды, такъ какъ почти всѣ стоящіе сколько-нибудь выше простаго народа приняли другой языкъ, другую народность и другое вѣроисповѣданіе. Что же вышло бы, еслибы русскіе Галичане увлеклись совѣтомъ автора *Национальной Безтактности*, и повѣрили что совѣтъ его и въ самомъ дѣлѣ уже потому и разуменъ что названъ голозомъ молодой Россіи? Къ такимъ приемамъ могутъ прибѣгать гостинодворцы, для скорѣйшаго сбыта своего товара, но не дѣятели народнаго образованія.

Заключимъ же наше поясненіе общимъ примѣчаніемъ и повтореніемъ главныхъ положеній: по нашему глубочайшему убѣжденію, воспитанному не только подъ родительскимъ кровомъ, но и долговременнымъ изученіемъ вопроса, помыслы украинолюбцевъ объ устраненіи русскаго языка и русскихъ учебниковъ, да еще о какой-то неизвѣст-

ной намъ южно-русской литературѣ — вопросъ жизни и смерти. Не эти злоредныя благожеланія нужны намъ, а полное единеніе съ центральной Россіей, русскія учебныя книги на всѣхъ инстанціяхъ обученія и такой взаимный обменъ умственныхъ силъ и дѣятелей между Русскимъ северомъ и Русскимъ юго-западомъ, который бы намъ лучше упрочивалъ наше единство съ центромъ Россіи. Всегда и крѣпко должны мы помнить что эти три пункта должны быть барометромъ нашего развитія и безопасности на будущее время отъ всевозможныхъ пропагандъ, подобныхъ тѣмъ какія мы уже испытали въ былыя времена; что безъ этихъ условій жизни запада и юго-запада, мы уцѣлѣть не можемъ. Говоримъ это потому что всегда и впрямь не будетъ недостатка и въ зложелательныхъ намъ людяхъ, и въ жертвахъ ихъ ловитвы, говоримъ потому что тѣ и другіе будутъ придумывать всевозможные доводы, лишь бы насъ какъ-нибудь разобщить и уединить, и потомъ тѣмъ удобнѣе повлечь куда угодно. Считаю долгомъ заявить это еще разъ навсегда, какъ истый автохтонъ нашего юго-запада, какъ сознающій его прошлое и нынѣшнее положеніе и отъ всей души желающій ему блага.

С. ГОГОЦКІЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наслѣдники. Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ описаніе жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и некоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.
Д. И. Станкева. 2 тома. Спб. 1875.

Историю нашей литературы нынче вошло въ обыкновеніе разсматривать такъ что будто бы до Гоголя она имѣла фальшивый, сочиненный характеръ, содержала и распространяла лишь одинъ

„Нашъ возвышающій обманъ“,

и что будто бы Гоголь разрушилъ этотъ обманъ, указавъ путь къ правдѣ и обнажилъ предъ нами настоящую русскую дѣйствительность. Въ этой правдивости, въ этомъ стремленіи къ неприкрашенной дѣйствительности видятъ обыкновенно главную черту того движенія литературы которое послѣдовало за Гоголемъ и продолжается до сихъ поръ.

Намъ кажется, тутъ есть значительное недоразумѣніе. Фактъ поставленъ невѣрно вслѣдствіе очень обыкновенной ошибки, вслѣдствіе того что все вниманіе обращено на самый предметъ изображенія, а не на то *какъ* онъ изображается. Конечно послѣ Пушкина наша литература почти исключительно сосредоточилась на русской жизни и стала чуть

ли не систематически перебирать всевозможныя ея сферы, всё ея сословія и вѣдомства, всё углы и закоулки. Въ литературѣ исчезли такія произведенія какъ *Каменный Гость*, *Моцартъ* и *Сальери*, драмы и новеллы изъ жизни италіянскихъ художниковъ, и тому подобное. Міръ древній и міръ европейскій покемному совершенно ушли изъ кругозора нашей поэзіи и не существуютъ для современныхъ читателей. Если поэтъ выходитъ за предѣлы русской жизни, то его произведение, хотя бы оно касалось величайшаго событія въ исторіи и высшихъ интересовъ человѣчества, какъ на примѣръ *Девы Мира* А. Майкова, большинству читателей кажется чѣмъ-то чуждымъ, не возбуждающимъ живаго интереса.

Изъ того, однакоже, что нашъ интересъ и наше вниманіе ограничались извѣстнымъ предметомъ не слѣдуетъ еще что наше пониманіе этого предмета сдѣлалось глубже и яснѣе. Пониманіе Россіи! Возможно ли утверждать что мы обладаемъ имъ теперь въ значительно большей степени чѣмъ до Гоголя? Трудъ народнаго самосознанія есть дѣло столь великое и сложное что кто разумѣетъ важность этого вопроса, никогда не будетъ самоувѣреннымъ и послѣднимъ въ сужденіяхъ о немъ. Конечно переворотъ совершенный Гоголемъ, какъ и всякое движеніе умственной жизни, можетъ и долженъ пойти въ прокъ нашему самосознанію. Но пока до времени, это можетъ быть только запросъ на лучшее пониманіе, только постановка новыхъ задачъ которыя еще могутъ-быть вовсе не рѣшены нами, да и не скоро будутъ рѣшены. Намъ бы не показалось страннымъ еслибы кто-нибудь сталъ утверждать что до Гоголя мы лучше понимали Россію чѣмъ послѣ него, и что теперь недоумѣнія и недоразумѣнія не только не кончились, а напротивъ еще растутъ и господствуютъ.

„Бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни“ дѣйствительно составляютъ непосредственный предметъ нашей литературы послѣ Гоголя, но это еще ничего не говоритъ намъ о ея *близости къ дѣйствительности*. Чтобы разобратъ и разсмотрѣть *что* намъ даетъ эта литература, нужно анализовать тотъ *пріемъ искусства* который она употребляетъ, видѣть въ чемъ состоитъ ея художественная работа, какому процессу въ ней подвергаются непосредственныя данныя дѣйствительности, тогда намъ и будетъ ясно

въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности находятся тѣ произведенія которыя получаются въ результатѣ.

Повидимому, ничего реальнѣе Гоголя быть не можетъ, положимъ хоть въ *Мертвыхъ Душахъ*. Онъ описываетъ величайшія мелочи съ полнѣйшею вѣрностію и точностію. Но, еслибъ эти описанія были простыми фотографическими снимками, они не имѣли бы никакой важности, никакого смысла. Смыслъ, художественное значеніе они получаютъ не вслѣдствіе своей вѣрности, а потому что *возведены въ перлъ созданія*, подвергаются какому-то художественному процессу, отъ котораго и получаютъ необыкновенную значительность.

Въ чемъ же дѣло? Первое чтó должно намъ броситься въ глаза, если мы отвѣдемъ свое вниманіе отъ предмета который описывается, и устремимъ его на процессъ искусства, есть *тонъ* разказа. Этотъ тонъ не простой, не сливающийся съ содержаніемъ рѣчи, не стремящійся скрасться, уйти отъ вниманія, какъ форма которая не должна отдѣляться отъ того чтó въ ней заключено; нѣтъ, это тонъ рѣзко звучащій, усиленно выдающійся и обособляющійся. Это тонъ въ высшей степени *ироническій*. Иронія, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ что мы важно, торжественно разказываемъ о томъ чтó заслуживаетъ презрѣнія и насмѣшки. Сила ироніи состоитъ въ этой противоположности между предметомъ и способомъ его изображенія; мы усиливаемъ нашу рѣчь контрастомъ словъ и содержанія.

Вотъ тотъ приѣмъ который господствуетъ въ *Мертвыхъ Душахъ*. Самый ходъ разказа, подробнаго, плавнаго, обстоятельнаго, медленнаго и тяжело движущагося, составляетъ иронію надъ пошлостію того чтó разказывается. Пустѣйшіе разговоры передаются какъ важныя событія; ничтожныя подробности являются въ ужасномъ безобразіи, какъ будто мы другъ навели на нихъ увеличительное стекло. И чѣмъ тоньше черта отдѣляющая иронію отъ дѣйствительности, чѣмъ ответственнѣе для насъ что это почти дѣйствительность, что жизнь города N почти такъ представляется самимъ жителямъ этого города, какъ ее описалъ Гоголь, тѣмъ ужаснѣе печатлнвіе пошлости, тѣмъ сильнѣе торжество ироніи.

Но не нужно улускать изъ виду что иронія есть однакоже языкъ переносный, не собственный. Она связана съ неумовимымъ отгѣнкомъ синонимическихъ словъ, употребляемыхъ одно вмѣсто другаго, съ неумовимымъ поворотомъ

фразы, дающимъ ей то или другое теченіе. Вотъ отчего, вѣроятно, переводы *Мертвыхъ Душъ* на иностранныя языки не имѣютъ, какъ говорятъ, успѣха у иностранныхъ читателей. Чрезвычайно трудно удержать въ переводѣ ироническій тонъ всей повѣсти, принимающей тысячи оттѣнковъ; а безъ этого тона содержаніе разказа само по себѣ не имѣетъ цѣны.

Иронія есть во всякомъ случаѣ непрямое отношеніе къ дѣлу. Когда вы слышите ироническую рѣчь, вы чувствуете что говорящій порицаетъ то о чемъ говоритъ, но во что чего совершается порицаніе и каково должно быть прямое отношеніе къ дѣлу, это еще вопросъ, вопросъ не только для васъ, но можетъ-быть, и даже весьма часто, и для того кто говоритъ. Явленія описываемыя иронически суть поистинѣ самому не серьезныя явленія; но при этомъ намъ еще не ясно, гдѣ и въ чемъ намъ искать серьезныхъ явленій, и въ какомъ отношеніи къ этому серьезному стоитъ описываемое несерьезное.

Но искусство требуетъ прямого отношенія къ дѣлу; оно можетъ употреблять иронию, можетъ достигать въ этомъ приемѣ величайшей художественности, какъ это и было у Гоголя, но остановиться на ироніи оно не можетъ. Гоголь, задумавъ въ *Мертвыхъ Душахъ* изобразить полную картину русской жизни, конечно не имѣлъ никогда и въ мысли ограничиться одною ироніей: его намѣреніе всегда было (какъ это видно изъ многихъ мѣстъ первой части *Мертвыхъ Душъ*) постепенно смягчить свой тонъ, перейти въ юморъ и кончить серьезнымъ разказомъ. Гоголь былъ человѣкъ восторженный, пламенно, кровно любившій свою родину, и его художественная иронія порождена этою восторженностію, а не холоднымъ анализомъ недостатковъ русской жизни.

Гоголь, какъ извѣстно, не справился съ задачею, за которую взялся съ такимъ воодушевленіемъ и увѣренностію. Онъ погибъ, мучительно усиливаясь взять другой тонъ и создать иныя лица.

Исторія нашей литературы послѣ Гоголя какъ нельзя лучше показываетъ что изъ его тона требовался выходъ, что естественное стремленіе искусства было перейти отъ иронической рѣчи въ прямую. Возбужденіе произведенное Гоголемъ было необычайное, и послѣдствія его продолжаются до сихъ поръ; но почти всѣ значительныя явленія въ послѣ-Гоголевской литературѣ можно рассматри-

вать какъ *неправку* Гоголя, какъ попытки подойти къ предмету съ другой стороны, уменьшить разстояніе на которое насъ отдалаетъ отъ предмета иронія. И такъ какъ это была задача не легкая, то рядомъ съ этими попытками были дѣлаемы ошибочные, неправильные выходы изъ Гоголевскаго тона.

Самая простая ошибка состояла въ томъ что тонъ былъ вовсе улускаемъ изъ виду, какъ дѣло не существенное, и что Гоголю стали подражать въ выборѣ предметовъ. Отсюда вышла *натуральная* школа, выродившаяся потомъ въ *обличительную*. Натуральная школа пустилась въ описаніе пошлыхъ и мелкихъ людей и предметовъ, какъ будто вся сила Гоголя заключалась въ томъ что онъ обратилъ вниманіе на мелочи. Появилось очень много очень скучныхъ произведеній, весь интересъ которыхъ состоялъ въ стремленіи къ фотографической вѣрности и въ смутномъ чувствѣ пустоты и тоски. Конечно въ этихъ произведеніяхъ находило себѣ удовлетвореніе то недовольство дѣйствительностью, которое у насъ такъ обыкновенно и въ первые годы послѣ Гоголя было особенно сильно. Но все же ясно что приемы этихъ писаній глубоко неправильны. Для читателя не приготовленнаго, не питающаго извѣстныхъ предрасположеній, не зараженнаго привычкою къ многочтенію, не испорченнаго господствующею литературой, эти книги должны представляться очень дикимъ и скучнымъ явленіемъ. Для такого читателя повѣствовательная книга должна быть столько же серьезна какъ и всякая другая, следовательно или должна быть настоящимъ поэмою съ настоящими героями, или же—ироническою поэмою съ ироническими героями.

Между тѣмъ наши повѣствователи, очень часто прежде, а теперь и теперь, ведутъ свои разказы такъ что приводятъ читателей въ совершенное недоумѣніе, зачѣмъ и о чемъ разказывается. Иногда мелкія и ничтожныя явленія изображаются такимъ тономъ, съ такимъ основательнымъ реализмомъ, какъ будто они имѣютъ полнѣйшее право на существованіе, все же другое есть вздоръ, пустая мечтація. Получается не иронія надъ дѣйствительностію, а ея оправданіе; излагается серьезно и потому какъ бы сочувственно то что въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго.

Но авались, какъ мы замѣтили, и правильныя попытки найти рѣшеніе задачи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣ-

чательна дѣятельность Островскаго. Онъ лишетъ серьезныя драмы и комедіи изъ такой сферы на которую читателя обыкновенно смотрятъ свысока. Онъ успѣлъ создать изъ этой сферы совершенно живыя лица и положенія и заставилъ насъ смотрѣть на нихъ не подсмѣваясь, не проицируя, а съ дѣйствительнымъ сочувствіемъ или негодованіемъ, следовательно такъ что мы ставимъ себя на одинъ уровень съ ними, признаемъ интересъ и важность ихъ духовной жизни.

Но наибольшую прямоту, чистоту и вѣрность отношеній къ предмету мы конечно должны признать за графомъ Л. Н. Толстымъ. Опять, мы не хотимъ здѣсь опредѣлять полное значеніе произведеній этого писателя; мы только, какъ на примѣръ и на подтвержденіе, указываемъ на то что у негоуже господствуетъ тотъ прямой приѣмъ искусства, который какъ будто былъ потерявъ послѣ Пушкина.

Въ свою очередь то не прямое отношеніе къ предмету, которое началось съ ироніи Гоголя, не только однакоже не исчезло въ нашей литературѣ, а напротивъ продолжается у многихъ писателей и развилось даже до своихъ крайнихъ формъ. Иронія, которая у Гоголя имѣла такую строгую художественную мѣру, повемногу вовсе удалилась отъ предмета; все больше и больше усиливая свое выраженіе, писатели стали непрерывно употреблять *иронію гиперболическую*, въ которой уже нѣтъ заботы о реальномъ изображеніи, а напротивъ вся потѣха заключается въ *искаженіи* реальныхъ чертъ. Эта гиперболическая иронія иногда разыгрывается наконецъ до того что переходитъ въ чистое *глумленіе*, то-есть въ рѣчи совершенно безсмысленныя, и самою своею бессмысленностію выражающія презрѣніе къ тому о чемъ говорится. Въмѣсто ироніи явилось такъ-сказать нахальное, наглое обращеніе съ предметами, какъ всего сильнѣе выражающее пребреженіе къ нимъ того кто о нихъ говоритъ.

Такой характеръ представляютъ произведенія *Щедрина* и отчасти *Некрасова*. Ихъ приѣмы пришлись очень по душѣ многимъ русскимъ людямъ, которые вообще не любятъ прямой рѣчи, для которыхъ почти нѣтъ середины между восторженностью и озлобленіемъ, между сентиментальностью и цинизмомъ. Спокойная рѣчь, раскрывающая съ художественною мѣрой свойства предмета, имъ кажется скучною и даже противною, какъ нѣчто прѣсное; имъ нужна сильная приправа, густая присыпка перца, что-нибудь азвительное или

надрывающее. Поэтому они и сами ни о чемъ говорить просто не могутъ, вѣчно пронизируютъ и сыплютъ циническими выраженіями безъ малѣйшаго повода.

Понятно что при такихъ условіяхъ нельзя ожидать въ литературѣ никакой *близости къ действительности*. Еслибъ иностранецъ вздумалъ, напримѣръ, изучать Россію по Щедрина и Некрасову, то онъ едва ли бы много узналъ. Онъ узналъ бы развѣ только то какъ иные русскіе люди впадаютъ въ гиперболы и въ глумленіе по поводу самыхъ простыхъ предметовъ, но этихъ предметовъ онъ узнать бы не могъ. Названные два писателя дѣйствительно замѣчательны тѣмъ что, при всемъ ихъ талантѣ, они не создали ни единого лица, ни единой картины, ни единого положенія или чувства на которое можно было бы указать какъ на нѣчто законченное, дѣйствительно созданное, дѣйствительно „возведенное въ перлъ созданія“. Ихъ иронія и гипербола безплодны, распыляются, никогда не достигаютъ точнаго, опредѣленнаго смысла. Образы, зачатки которыхъ иногда являются съ большою свѣжестью и силой, непремѣнно бываютъ испорчены, искажены въ развитіи. Такимъ образомъ, чтобы оцѣнить достоинства этихъ писателей (иногда весьма блестящія), приходится прибѣгать къ отрывкамъ, почти къ отдѣльнымъ стихамъ, къ отдѣльнымъ выраженіямъ. Ничего цѣлаго указать у нихъ невозможно, такъ какъ цѣлое требуетъ дѣйствительнаго реализма, пониманія внутренней жизни предмета.

Странное настроеніе по которому для такого рода писателей невозможно стать въ прямое отношеніе къ дѣлу иногда выступаетъ очень ясно. У Некрасова есть слѣдующіе стихи:

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
 Великое, святое слово: мать
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.
 Но я привыкъ обычаѣ презирать,
 Я не боюсь насмѣшности модной, и пр. *

Что такое? Что за помѣха встрѣтилась поэту когда онъ вздумалъ выразить свое сыновнее чувство? Онъ ссылагается на *насмѣшливый и дерзкій вѣкъ*; увѣряетъ что въ людяхъ его окружающихъ слово *мать* — *не пробуждаетъ чувства*. Черта до такой степени чудовищная что ей невозможно

* См. т. I. Изд. шестое, ст. 206.

повѣрить. Стихотвореніе это писано лѣтъ двадцать тому назадъ; но развѣ очень отдаленные потомки могутъ подумать что дѣйствительно въ это время дерзость и насмѣшливость умовъ вытравила изъ сердца людей всякія сывовнія чувства. Однакоже почему-нибудь да написаны же эти стихи. Мы думаемъ что поэтъ, жалующійся на холодность вѣка, въ сущности испытывалъ борьбу внутри себя. Что-то мѣшало ему вольно отдаться изліянію своего чувства; прямое, открытое выраженіе не давалось, казалось чѣмъ-то недовкимъ, стѣннымъ; словомъ, такъ или иначе, но поэтъ не былъ въ силахъ найти, или создать художественную форму для своего душевнаго состоянія. Стихотвореніе дѣйствительно такъ и осталось неоконченнымъ.

То ли дѣло иронія, шутка! Тутъ можно говорить не своимъ голосомъ, кривляться, преувеличивать, не соблюдать въ точности, ни порядка; словомъ, тутъ нужно не выражать свое чувство, а только намекать на него, только подразумивать его, причемъ иногда самъ авторъ не знаетъ что такое слѣдуетъ подразумивать подъ его словами. Вотъ почему обыкновенный характеръ стихотвореній Некрасова есть мрачная шутовскость, то переходящая вдругъ въ ласость, то спускающаяся до водевильности. Тонъ всегда медленный, торжественный, ибо всегда ироническій, не натуральный.

Сава Богу, стрѣлять перестали!
 Ни минуты мы вѣжче не спали,
 И едва ли кто въ городѣ спалъ:
 Ночью душевный громъ грохоталъ.
 Не до сна! Вся столица молилась,
 Чтобъ Нева въ берега воротилась;
 И мишура большая бѣда—
 Понемногу сбываетъ вода... *

Вообразимъ себѣ иностранца, или читателя отдаленнаго отъ насъ значительнымъ промежуткомъ времени, нѣсколькими вѣками: для нихъ конечно будетъ очень трудно уловить шуточный, ироническій тонъ этихъ стиховъ, и они (какъ вѣроятно и теперь многіе провинціалы) пожалуй примутъ за правду все это описаніе. Между тѣмъ тутъ гипербола на гиперболѣ: *едва ли кто спалъ, душевный громъ, вся столица молилась* — все это шутка; такихъ ужасовъ не бываетъ, да и быть не можетъ.

* Томъ II, стр. 149.

А вотъ описаніе петербургскихъ улицъ во время сильнаго мороза:

Разыгралися силы Господни!
 На пространствахъ пяти саженихъ
 Насчитаешь навѣрмо до сотни
 Отмороженныхъ щекъ и ушей.*

Шутка очень крупная, которая конечно выражаетъ не дѣйствительность, а настроеніе автора. Эти желчныя гиперболы нравятся читателямъ находящимся въ такомъ же настроеніи, на примѣръ многимъ жителямъ Петербурга, о которомъ иногда можно почти вправду сказать:

Въ дѣломъ городѣ нѣтъ человѣка
 Въ комъ бы жель не кипѣла ключомъ.**

Все это длинное вступленіе мы почли нужнымъ сдѣлать по поводу явленія само по себѣ весьма скромнаго, но по крайнему нашему убѣжденію, заслуживающаго того чтобы не пройти совсѣмъ незамѣченнымъ. Мы говоримъ о повѣсти г. Стахѣва. Колебанія въ разныя стороны, до сихъ поръ продолжающіяся послѣ Гоголя, послѣ того какъ онъ своею ироніей какъ бы нарушилъ равновѣсіе художественныхъ силъ, показываютъ какъ трудно нашимъ писателямъ найти твердую точку опоры и правильную, не колеблющуюся подъ ногами дорогу. И вотъ почему такія явленія, какъ повѣсть г. Стахѣва, хотя бы и не отличались яркими достоинствами, производить на насъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Вы вдругъ видите что писатель съ талантомъ хотя и поладаетъ въ нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ уклоненій, но чувствуетъ истинныя требованія искусства и наконецъ выбирается на прямой путь указываемый ими. Дарованіе г. Стахѣва имѣетъ такой складъ который дѣлаетъ изъ него подражателя Гоголю, но не копировщика, а такъ-сказать оригинальнаго подражателя, который владаетъ въ тонѣ образца неволью, по требованію своей собственной натуры. Чистый Гоголевскій тонъ, который такъ сильно подѣйствовалъ, когда слышался въ первый разъ, однакоже, къ величайшему удивленію, не повторялся, не появлялся у другихъ писателей. Очевидно этотъ тонъ вовсе не легко брать и выдерживать. У г. Стахѣва онъ появляется въ большей чистотѣ. Но

* Томъ IV, стр. 12.

** Томъ II, стр. 156

изъ этого тона, какъ мы видѣли, требуется выходъ, и г. Станхевъ пошелъ по дорогѣ которая всего прямѣе ведетъ къ выходу. Эта прямая дорога—юморъ.

Юморъ, какъ извѣстно, есть насмѣшливое, шутовское изображеніе важныхъ предметовъ, пріемъ почти обратный пріему ироніи. Писатель повидимому смѣется надъ описываемыми предметами, говоритъ о нихъ легкимъ, часто ироническимъ тономъ, но въ сущности, онъ ихъ любитъ и вообще считаетъ то что разказываетъ дѣломъ серьезнымъ. У Гоголя серьезнѣе не предметъ къ которому иронія относится, а самъ иронія; у юмористическаго писателя серьезна не иронія, а самый предметъ.

Отсюда видно какъ свободна и широка эта форма. Она какъ будто способна изобразить жизнь во всей ея двойственности, взять ее и съ комической и съ трагической стороны. Шутливая рѣчь, заключающая серьезный смыслъ, не составляетъ никакого противорѣчія съ рѣчью совершенно прямою и серьезною. Поэтому писателю дается полная свобода употреблять и ту и другую рѣчь, и онъ пользуется ими по мѣрѣ силы и надобности. Гдѣ предметъ труденъ и глубокъ, авторъ прибѣгаетъ къ особенному пріему, начинаетъ подсмѣиваться, дѣлаетъ намеки, боковые штрихи, и такимъ образомъ заставляетъ самого читателя создать образъ того чувства которое хочетъ описать. Давъ читателю понять свое сочувствіе, серьезность и глубину дѣла, авторъ умышленно пускается въ мелочныя подробности, въ описаніе будничныхъ и пошлыхъ чертъ: контрастъ который при этомъ получается усиливаетъ впечатлѣніе. Предметъ не очерчивается, не получаетъ опредѣленности, но тѣмъ лучше чувству и воображенію читателя дается полный просторъ.

Такъ пишутся большинство англійскихъ романовъ; въ непрерывный юморъ скрываетъ подъ собою нѣкоторое серьезное значеніе признаваемое за описываемыми явлениями; нельзя говорить о предметѣ съ юморомъ не питая къ нему никакой любви. Конечно эта форма все-таки половинчатая, не вполне художественная, но она и не анти-художественная, она законная переходная форма. Читая Диккенса вы никогда не упрекнете его ни въ скуку, ни въ невѣрности тона.

Авторъ *Наслѣдниковъ* представляетъ намъ, какъ мы сказали, и тонъ по мѣстамъ напоминающій Гоголя, и крокъ

того юморъ, иногда замѣчательно правильный. Изъ лицъ выведенныхъ имъ на сцену, онъ къ вѣкоторымъ питаетъ глубочайшее сочувствіе и описалъ ихъ юмористически.

Недостатки *Наслѣдниковъ*, можно сказать — рутинные, наслѣдованные, тогда какъ достоинства самобытныя. Главный недостатокъ привычка къ обыкновенному въ нашей литературѣ реализму, по которой авторъ считаетъ законнымъ тщательное описаніе сценъ и явленій имѣющихъ иногда очень слабый интересъ. Тѣмъ не менѣе повѣсть представляетъ большую стройность, ясность и законченность. Можно упрекнуть ее въ растянутыхъ или слабыхъ мѣстахъ, но въ сочиненіи, въ фальши—невозможно. Взяты люди истинно-русскіе, люди которые больше или меньше равнодушны къ богатству, къ имуществу (наслѣдство—внѣшняя тема разказа), и не умѣютъ съ нимъ справиться; взяты также русскія семейныя отношенія, то отсутствіе связи и теплоты между отцами и дѣтьми, которое у насъ такъ нерѣдко. Это повѣсть о русскихъ людяхъ, которыхъ слѣдуетъ назвать хорошими, но которые вѣчно носятся съ какими-то порывами и никакъ не умѣютъ устроиться въ жизни.

Вмѣсто подробнаго разбора приведемъ лучше два, три мѣста, которыя будутъ для читателей обращеніемъ таланта автора и вмѣстѣ подтверждать наши слова о смыслѣ который имѣютъ его художественныя приемы, и о чистотѣ, до которой они иногда достигаютъ.

Вотъ описаніе наломанное намъ манеру Гоголя, хотя смягченную. Сцена происходитъ въ вагонѣ третьяго класса въ которомъ ѣдутъ два героя разказа: деревенскій священникъ, отецъ Вареоломей, и бѣдный молодой учитель Чухлымовъ.

„Поѣздъ приближался къ Петербургу. Шелъ дождь, небо заволочлось тучами, и скука путешествія еще болѣе увеличилась; по временамъ, во время остановокъ на станціяхъ, слышалось однообразное стучанье дождя въ желѣзныя крыши вагоновъ.

— А ректоръ семинаріи, продолжалъ разказывать отецъ Вареоломей,—этотъ вѣчно-памятный мнѣ ректоръ, по свойствамъ своего нрава улодоблялся Ироду....

Но раздался продолжительный свистокъ и Чухлымовъ вздохнулъ во всю грудь, уже не слыша что такое сдѣлалъ семинарскій Иродъ.

— Это, поистинѣ говоря, было избіеніе младенцевъ...

Продолжать далѣе уже не представлялось никакой возможности. Публика стала подниматься съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые торопливо вскакивали, испуганно осматривались со сна; другіе сладко потягивались и зѣвали во весь ротъ.

Какая-то толстая купчиха, закутанная шальми и шарфами, точно на дворъ были трескучіе морозы, охатила въ испугъ обѣими руками кучу подушекъ, на которыхъ сидѣла; и испуганно зашептала: „ахъ, батюшки, не горимъ ли.“ Вылѣзали изъ-подъ скамей и показывались на свѣтъ Божій неизвѣстно откуда взявшіяся лица: проворно вылезъ, точно изъ-подъ пола, какой-то бѣлобрысый мужичонко, и видя что появленіе его возбудило хохотъ товарищей, самъ захихикалъ себѣ подъ носъ оттого что не просыпаясь допѣхалъ отъ Волочка до Петербурга; черная борода медленно, точно крадучись, высовывалась изъ-подъ скамьи и вылезъ оттуда ухмылый Татаринъ, да такой толстый что изъ него легко можно было выкроить троихъ; вскочилъ на ноги, какъ встрепанннй солдатъ и сталъ поспѣшно опралавать свою аммуницію; появились саквояжи, чемоданы, ящики и пр. и пр. Татаринъ, выбравшись изъ своей засады, сѣлъ тутъ же на полу, и преваарительно погладивъ ладонью голову, сталъ наивливать на засаленную тюбетейку высокую баранью шалку; но, выбитый изъ своей позиціи общимъ движеніемъ пассажировъ, онъ въ свою очередь поднялся на коротенькія ноги, сильно кракнулъ и началъ пкать. *Высокій, сухощавый, съ длинною сидю бородой купецъ вздыхалъ на весь вагонъ и, смотря въ темную даль неба, молился Богу.*

— Иванъ Сидоришъ, ты? крикнулъ онъ кучцу.

Купецъ молча молился, не поворачивая головы.

— Иванъ Сидоришъ, ты? опять повторилъ Татаринъ, пробираясь поближе къ кучцу.

— Ну я, видишь чай, сердито отвѣтилъ купецъ, окончивъ молитву.

Татаринъ такъ быстро заговорилъ что кромъ кучца разговоръ этотъ для всѣхъ остальныхъ сливался въ одну общую трескотню; только и можно было понять между интервалами икоты: „а, судырь мой, поплъ, судырь мой, и заснул судырь мой, подъ эта самая сидня, судырь мой,“ потомъ опять шла трескотня до новой икоты.

Поѣздъ шелъ уже между строеніями, и по причинѣ темнаго ненастнаго вечера, можно было по временамъ видѣть какъ вблизи рельсовъ двигались человѣческія фигуры съ фонарями, точно мрачные заговорщики въ какомъ-нибудь таинственномъ романѣ. Вѣтеръ сердито вылъ и шумѣлъ: кондукторъ растворилъ дверь вагона и сталъ въ проходѣ, оставаясь безучастнымъ къ нетерпѣвию публики и можетъ-быть занятый своими соображеніями о старинныхъ огаркахъ, которые при позднемъ зажиганіи и раннемъ тушеніи вагонныхъ фонарей, составляли нѣкоторую статью его доходовъ. Публика тѣсни-

да съ къ выходу. Отецъ Вареооломей расчесывалъ широкимъ бѣлымъ гребнемъ волосы, и окончивъ такимъ образомъ приготовления къ прїѣзду въ столичный городъ обратился къ Чухлымову:

— До свиданія, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, до свиданія. Если Господь благословить, можетъ-быть и паки встрѣтимся на пути жизни.

Публика безлокоила отца Вареооломея, начиная выходить, такъ какъ поѣздъ уже остановился. Кто-то наконецъ сильно двинулъ его въ спину и увлекъ отъ Чухлымова, который напоследокъ услышалъ только фразу отца Вареооломея, обращенную уже къ публикѣ:

— Почтенные господа, недовольнымъ голосомъ произнесъ онъ стараясь запахнуть рясу, — почтенные господа, нужно лоблагородяте, я такъ предполагаю...

Музики вздѣвали на спины мѣшки и совершенно исчезли за ними, такъ что вдругъ въ одномъ концѣ вагона вѣсто людей оказалась уплая куча громадныхъ мѣшковъ, которые какъ будто сами собою двигались и расталкивали публику. Недовольные этимъ волшебнымъ превращеніемъ отталкивали отъ себя мѣшки, и тогда точно изъ глубины ихъ слышалось сердитое ворчанье:

— Не валягай больно-то, ей!

— Ослобони маненько, почтенный!

Далѣе послышался громкій крикъ покрывшій весь шумъ движенія и говоръ толпы:

— *Робята, держись плотнѣе, оно ловчѣй будетъ, не свалитъ...*

Но надъ этимъ окрикомъ старался взять верхъ другой.

— *Не вались, Микитка, эка обрадовался, дьяволъ!*

И затѣмъ всѣ мѣшки высылачи на платформу. * "

Приведемъ еще сцену которая непосредственно слѣдуетъ:

„Чухлымовъ былъ еще въ вагонѣ. Наклонившись, чтобы поднять стоявшій на полу сакъ-вояжъ, онъ почувствовалъ подъ ногой что-то мягкое, взялъ въ руку, посмотрѣлъ и вздрогнулъ: поднятая вещь оказалась бумажникъ, повидимому туго набитый деньгами. Въ памяти Чухлымова быстро возобновились впечатлѣнія вечера: онъ вспомнилъ что сѣдой купецъ въ сумерки этого дня „отъ нечего дѣлать“ укладывался на полу вагона вблизи его мѣста; ему какъ будто снова послышался шопотъ купца, когда онъ, повертываясь на голомъ полу съ боку на бокъ, шепталъ, тѣжело вздыхая: „Господи, прости мои великія согрѣшенія!“ и затѣмъ считалъ: „семь полтинъ—три съ полтиною.“

Чухлымовъ началъ торопливо, нервночески хватать свои вещи и такъ сильно дышалъ, какъ будто бы только-что вбѣжалъ на вершину крутой горы. Захвативъ подушки и сакъ-

* *Наслѣдники*, ч. II, стр. 64—68.

вождь, онъ бросился впередъ, растакивая публику, не замѣчая и не слыша какъ сыплются на него со всѣхъ сторонъ толчки и ругательства. Въ это время онъ думалъ только объ одномъ, какъ бы догнать кулца, который вышелъ уже изъ вагона, и, идя рядомъ съ Татаринномъ, что-то разказывалъ ему, сильно размахивая длинными рукавами суконной чуйки. Отецъ Вареоломей тоже подвернулся подъ руку Чухлымовъ и тоже проворчалъ что-то относительно благородства; но догадавшись что толчокъ получился ни отъ кого другаго какъ отъ его недавняго собесѣдника и видя что этотъ милый собесѣдникъ чѣмъ-то встревоженъ до крайности и ничего не замѣчаетъ вокругъ себя, отецъ Вареоломей самъ ускорилъ шаги, слѣдуя за нимъ.

Чухлымовъ наконецъ догналъ кулца и остановилъ его.

Отецъ Вареоломей видя что Чухлымовъ что-то заговорилъ съ купцомъ, посоветился близко подойти и остался въ нѣкоторомъ отдаленіи, какъ говоритса „на сторожѣ“, чтобы въ случаѣ надобности подать помощь своему недавнему собесѣднику.

— Послушайте, остановитесь на одну минуту, задыхаясь сказалъ Чухлымовъ купцу.

— Ась! Что тебѣ, голубчикъ? удивленно спросилъ купецъ.

— Осмотритесь, не потеряли ли вы что-нибудь?

— Ни талкуй, чего напрасна, торолилъ Татаринъ, дергая кулца за руку, — ни талкуй, иди знай....

— Послушайте....

Но купецъ уже вздрогнулъ и выраженіе испуга охватило его старческое лицо. Онъ быстро распахнулъ свою чуйку, откинулъ полу длиннаго кафтана и сунулъ руку въ одинъ карманъ, другою, вдругъ точно остолебѣвъ.

— Владычица! Смерть моя! прошепталъ онъ потомъ, и затрясся весь, точно вдругъ охватилъ его сильнѣйшій припадокъ лихорадки.

— Успокойтесь, успокойтесь! зашепталъ въ свою очередь Чухлымовъ.

— Голубчикъ! Нашелъ что ли? Говори, не томи.... Умру! со слезами бросился къ нему купецъ.

— Шту такая, шту такая? затараторилъ Татаринъ и засуетился, торопливо обращаясь то къ одному, то къ другому, но на него не обращали никакого вниманія.

— Иванъ Сидорышъ, шту такая? приставалъ онъ къ купцу.

— Уйди ты, ради Христа! Уйди! ахъ, ахъ Господи! сто-налъ купецъ.— Да говори же, голубчикъ.... ахъ!...

— Вы что, собственно, потеряли? едва могъ спросить Чухлымовъ, самъ до крайности встревоженный испугомъ купца.

— Батюшка! Кормилецъ!.. Бумажникъ обривилъ, бумажникъ съ деньгами... Голубчикъ! отдай... Давай!.. Давай!..

— Какого цвѣта?... силится еще спросить Чухлымовъ, давно готовый возвратитъ находку.

— Зеленый, родимый мой... Не мучь... Умру!.. Зеленый, краснымъ гайтанчикомъ перевязанъ, этакъ крестъ на крестъ... Царица Небесная! Владычица!.. А старуха-то еще сколько наказывала беречь....

Отецъ Вареоломей стоялъ въ сторонѣ... Да нѣтъ, это не отецъ Вареоломей стоялъ около стѣны: это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, блѣдный и испуганный, страдающій: на лицѣ его, точно въ зеркалѣ, отражались всѣ тѣ болѣзненные ощущенія которыя испытывалъ купецъ, тревога, испугъ и страшное томительное ожиданіе того, чѣмъ все это, наконецъ, окончится. Отецъ Вареоломей, казалось, болѣе купца боялся за развязку, и ждалъ, ждалъ нетерпѣливо, съ замираемъ сердца...

Черезъ нѣсколько мгновеній купецъ плакалъ, обнималъ отъ радости Чухлымова и предлагалъ денегъ.

— На, возьми тысячу, голубчикъ, не брезгуй, пригодятся... Не жаль, ей-ей не жаль....

— Чтò вы, помилуйте! За чтò же я буду брать... Я радъ чтò все такъ благополучно кончилось, отвѣтилъ Чухлымовъ и пошелъ дальше.

— Святой человѣкъ! Да скажи хоть имя-то, хоть такъ обнякомъ... Гдѣ живешь-то хоть скажи.

Но Чухлымовъ шагалъ уже далеко и не оглядывался.

Отецъ Вареоломей оставался еще нѣсколько времени въ полнѣйшемъ изумленіи, потомъ, точно оломившись, вдругъ бѣгомъ пустился впередъ, слѣдомъ за Чухлымовымъ.

Татаринъ и купецъ все еще стояли на томъ же мѣстѣ гдѣ послѣдній получилъ обратно бумажникъ. Татаринъ сначала подозрѣвалъ въ Чухлымовѣ какого-нибудь хитраго мазурика (Петербургъ вѣдь, думалъ онъ), но догадавшись въ чемъ дѣло, всплеснувъ руками и почти вслухъ сказалъ: „шайтанъ (дьяволъ) Хайбулка!“ видимо въ укоръ самому себѣ за то что не тамъ спалъ гдѣ слѣдовало, какъ оказалось по обстоятельству. Купецъ между тѣмъ, перекрестившись разъ пятнадцать, сталъ размышлять: „дурачокъ надо-быть, этотъ паренекъ-то“, и черезъ нѣсколько времени думалъ: „а можетъ-статься это вовсе и не человѣкъ, а ангелъ Божій явился во образѣ человѣческомъ“; но еще черезъ нѣсколько секундъ размышлялъ уже совершенно иначе: „куда ужъ намъ, думалъ онъ, до ангельскихъ услугъ, — наше мѣсто въ аду, можетъ только по милосердію Божію, да за молитвы святыхъ угодниковъ сподобимся принять кончину съ покаяніемъ и избавимся мукъ преисподнихъ... Гдѣ ужъ намъ до ангельскихъ услугъ.“

Такъ думалъ онъ, все еще тяжело дыша.

— Ухъ, батюшки мои, угодники Божіи! Николай Чудотворецъ! Пресвятая Богородица!..

И олять принялся часто-часто креститься; потомъ вздохнулъ во всю грудь и окончательно порѣшилъ о Чухлымовѣ.

— Нѣтъ, надо-быть такъ какой-нибудь простенькій дурачокъ, сказалъ онъ и тронулся въ путь.

— Ты шайтанъ, Хайбулка! мысленно ругалъ себя Татаринъ идя рядомъ съ купцомъ и искоса взглядывая на его сѣдую бороду. *

Страницы столь же характерныя перѣдки въ книгѣ г. Стахѣва. Но лучшія достоинства его повѣсти не могутъ быть показаны выписками; они состоятъ въ созданіи лицъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ конечно слѣдуетъ признать *отца Вареоломея*, являющагося во 2й части повѣсти. Лицо это—положительная заслуга г. Стахѣва; оно представляетъ вполнѣ дорисованную и вполнѣ живую фигуру; его жизнь и приключенія, его недостатки и смѣшныя стороны находятся въ удивительной гармоніи съ его душевною красотой, а красота эта поразительна. Это одинъ изъ тѣхъ священниковъ, преимущественно попадающихся въ деревенской глуши, которые представляютъ собою живое воплощеніе евангельскаго духа и о которыхъ съ такимъ изумленіемъ разказываютъ иногда просвѣщенные люди, привыкшіе вообще негодовать на грубость и дикость русской жизни.

Приведемъ небольшую картинку.

„Приходитъ, напримѣръ, мужикъ съ просьбой о помощи и валится въ ноги отцу Вареоломею, начиная во все горло выть. Отецъ Вареоломей строгимъ шепотомъ начинаетъ усо-вѣщать просителя.

— Молчи! Молчи! въ ужасѣ шепталъ онъ,—молчи!

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ, вопилъ мужикъ, стучась лбомъ о полъ.

— Вставай! Вставай! Грѣховодникъ ты этакой! Кому ты кланяешься? Кому? ты долженъ Господу Богу поклоняться и Ему Единому служить... Вставай!

Мужикъ лѣниво поднимается и начинаетъ громко разказывать свое горе, что давно хлѣба нѣтъ, что семья третій день сидитъ голодная, что ходилъ туда и туда....

Отецъ Вареоломей только руками машетъ и проситъ говорить тише, а самъ оглядывается, не слышитъ ли Анна Аванасьевна. Удостоверившись что ея нѣтъ дома, „онъ тихими стопами“ ** отправляется въ свою амбарушку для того чтобъ исполнить просьбу бѣдняка.

— Ты, главное, много не говори, замѣчаетъ при этомъ отецъ Вареоломей;—помни что въ многоглаголаніи нѣсть спасенія,

* Стр. 69—72.

** Слова въ кавычкахъ принадлежать тому языку которымъ говорилъ отецъ Вареоломей.

а потому, касательно снабженія тебя хлѣбомъ ты лучше умолчи. Я съ великою готовностью радъ тебѣ услужить и помочь. Но ты помни слова Господа нашего, Который глаголетъ: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и вся временная благая приложатся вамъ“. Вотъ, напримѣръ, я тебѣ, братецъ мой, скажу, было однажды достопамятное событіе въ царствованіе въ Бозѣ почившаго благовѣрнаго государя нашего Александра Благословеннаго. Во время одного изъ своихъ путешествій по государству онъ долѣе обыкновеннаго оставался на почтовой станціи...

Мужикъ стоялъ предъ отцомъ Вареоломеемъ съ открытою головою и внимательно слушалъ разказъ; а разказчикъ уже не обращая вниманію на то что амбарушка еще не залерта и мужицкая телѣга съ мѣшкомъ хлѣба стоитъ посреди его двора, обстоятельно, со всеми подробностями, разказывалъ про достопамятное событіе.

Подъ вліяніемъ представившагося случая сдѣлать добро ближнему и даже еще имѣть возможность побесѣдовать съ нимъ, отецъ Вареоломей совершенно забывалъ про то что матушка въ это время можетъ возвратиться домой и уличить его на мѣстѣ преступленія въ томъ что онъ „расточаетъ“ свое имѣніе! Несмотря на то что уже бывали такіе случаи и вели за собою весьма продолжительныя „пререканія“, отецъ Вареоломей былъ неисправимъ. Въ первое время онъ пугался когда Анна Аванасьевна напала на него врасплохъ и даже не зналъ что говорить, тѣмъ болѣе что улыка была на лицо: тутъ стоялъ и мужикъ съ открытою головою, тутъ же стояла и тощая кляченка съ мѣшкомъ муки на телѣгѣ; но отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ, отецъ Вареоломей обтерпѣлся и на упреки жены „за расточительство“ указывалъ ей на ея малодушіе.

— Поладья, поладья! говорилъ онъ,—отчего ты не памятуешь о житіи святаго Филарета Милостиваго? Ужели въ твоемъ воспоминаніи не осталось никакихъ слѣдовъ изъ мощи разказовъ о дѣяніяхъ сего замѣчательнаго угодника Божія.

Но указывать на малодушіе ему приходилось не долго, потому что чрезъ двѣ, три минуты Анна Аванасьевна уже визжала на весь дворъ, и изъ ея устъ лились одно за другимъ, въ безконечномъ количествѣ, различныя опредѣленія касательно нравственныхъ свойствъ отца Вареоломея: тутъ слышались и „аспидъ“, и „василискъ“, и такія непонятныя слова которыя могла придумать только разсерженная супруга отца Вареоломея, строгая блюстительница его хозяйственныхъ интересовъ.

Крестьянинъ послужившій новою причиною „междуусобій“ слѣдилъ поскорѣе ретироваться и если услѣзвалъ, то увоził мѣшокъ съ хлѣбомъ, а если нѣтъ, то оставлялъ его на полѣ битвы до слѣдующаго благоприятнаго случая, когда

Анны Аванасьевны не будетъ дома. Отецъ Вареоломей, замѣчая что авторитетъ Филарета Милостиваго сильно страдаетъ въ этомъ междуособи, благоразумно отступалъ и оставалъ поле битвы. Онъ удалялся внутрь домика, плотно затворивъ за собою дверь для того чтобы не слышать какъ раздается на дворѣ звонкій голосъ Анны Аванасьевны, не видѣть какъ испуганная этимъ крикомъ куры вмѣстѣ съ солидно ходившимъ до того времени лѣтухомъ, торопливо улетѣваютъ въ отдаленную часть половскаго двора, въ болѣе безопасное по ихъ понятіямъ мѣсто.

Отецъ Вареоломей, вслѣдствіе неудавшагося случая сдѣлать добро и вообще вслѣдствіе „возникшихъ“ вновь непріятностей, печально склонялся головою на преддвѣнный столъ и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

Если кому изъ читателей случалось видѣть въ Эрмитажѣ картину Бруни *Христосъ въ Гевсиманскомъ саду*, то онъ отчасти вѣрно можетъ представить себѣ выраженіе лица отца Вареоломея въ то время когда онъ, попявъ главу отъ стола, смотрѣлъ въ передній уголъ на икону, слабо освѣщенную свѣтомъ лампы.

Какъ ни далеко заходили иногда домашнія непріятности, какъ ни было трудно и, главное, обидно переживать ихъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ когда замѣшивался и страдалъ при этомъ интересъ третьяго лица, но отецъ Вареоломей умѣлъ переживать: судя по его же собственнымъ словамъ, всѣ страданія сердца и боль, иногда „мгновенно“ охватывавшая душу, разсѣивались при одномъ только взглядѣ на икону Долготерпѣливаго, при одной мысли о неисповѣдимомъ Его Промыслѣ, разсѣивались также какъ во храмѣ „еуміамъ куренія“.

Успокоивъ такимъ образомъ свои взволнованныя чувства, отецъ Вареоломей уже начиналъ обдумывать какъ бы поскорѣй устроить чтобы мѣшокъ съ мукой передать по привадежности. А во дворѣ между тѣмъ все еще гремитъ голосъ Анны Аванасьевны. Она, какъ говорится, расходилась и сама не можетъ собою владѣть. Сосѣди, прильнувъ лицомъ къ щелямъ забора, наблюдаютъ за теченіемъ событій во дворѣ отца Вареоломея; Анна Аванасьевна, замѣтивъ это, начинаетъ ихъ распекать и въ досадѣ швыряетъ въ нихъ первое попавшееся подъ руку, не разбирая, полѣно ли полало, камень или что другое. Однажды въ азартѣ она кинула въ сосѣдній дворъ даже посохъ отца Вареоломея, который онъ только что было выкрасилъ въ голубой цвѣтъ, сильно имъ, между прочимъ сказать, любимый.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ оканчивались соображенія о передачѣ мужику мѣшка съ хлѣбомъ отецъ Вареоломей осторожно подходилъ къ двери, прикладывая ухо къ ея скважинѣ и начиналъ ведашиваться въ немолкающій визгъ Анны Аванасьевны, печально повторяя про себя: „соблазнъ! соблазнъ!...“ Дождавшись наконецъ того времени

Когда во дворѣ возстановилась тишина, онъ глубоко, глубоко вздыхалъ, точно по окончаніи тяжелой работы, и садился за книгу чтобы забыться окончательно и успокоиться; для чего и надвигалъ на носъ старинныя серебряныя очки солидныхъ размѣровъ. Иногда междуусобіе этимъ и оканчивалось; супруга сознавъ свое превосходство и восторгствовалась надъ мужемъ, сурово принималась за свои домашнія дѣла, не обращая вниманія на отца Вареоломея.

Вслѣдствіе этого, онъ уже совершенно успокоивался и углублялся въ чтеніе духовной книги; но читая, напримѣръ, о битвѣ Филлистимлянъ съ Израильтянами во время Сауда и Ионаана, онъ какъ-то невольно задумывался надъ вопросомъ о томъ, къ которому собственно изъ ихъ лагерей могла быть причислена его воинственная супруга.

Такъ дешево отдѣлаться за посягательство „расточать“ свое имѣніе отцу Вареоломею приходилось не часто, потому что Анна Аванасьевна не всегда ограничивалась тѣмъ что срывала бѣольшую часть гнѣва на сосѣдахъ; его оставалось и на долю отца Вареоломея достаточное количество. Въ такомъ случаѣ, онъ считалъ необходимымъ на нѣкоторое время „удалиться“ изъ своего дома, чтобы дать возможность скорѣе утихнуть домашнимъ волненіямъ. Онъ уходилъ въ поле, бродилъ по лѣсамъ, забирался на горы и совершенно забывалъ о томъ какія причины вызвали его изъ дома. Иногда въ такое время домашнихъ баталій его можно было встрѣтить сидящимъ на крутомъ обрывѣ горы и наблюдающимъ закатъ солнца. Сидитъ онъ и смотритъ какъ уходитъ за дальнія горы великое свѣтило, какъ постепенно скрывается отъ глазъ его послѣдняя блестящая точка, и во всѣ стороны неба изъ яркаго пламени вечерней зари разстилаются полукругомъ его блѣднѣющіе лучи; вотъ оно уже совершенно скрылось отъ глазъ, а лучи все еще видны на небѣ и прорѣзываются сквозь легкія облака, озолоченныя и окрашенныя необъяснимо-чудными цвѣтами. Сидитъ отецъ Вареоломей и все смотритъ, и только порывистѣе и порывистѣе дѣлается его дыханіе; видно что въ глубинѣ души его что-то творится и просится наружу; онъ, наконецъ, не выдерживаетъ, всталъ на ноги, снимаетъ шляпу и начинаетъ лѣть со слезами на глазахъ: „Величитъ душа моя Господа!“ *

Намъ тѣмъ пріятнѣе отдать справедливость повѣсти г. Стахѣева что онъ пишеть уже давно, но до *Наслѣдниковъ* не успѣлъ обратить на себя вниманія. По той добросовѣстности которою отличается этотъ его послѣдній трудъ, видно что онъ усердно работаетъ надъ своимъ талантомъ; если же такъ, то по результатамъ которые уже теперь у насъ предъ глазами мы можемъ еще многого ожидать отъ него въ будущемъ.

Н. СТРАХОВЪ.

* *Наслѣдники*, т. II, стр. 25—30.

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Histoire de la littérature contemporaine en Russie, par C. Courtière.
Paris, 1875.

Не безъ основанія привыкли у насъ относиться съ крайнимъ недоувѣрiемъ къ сочиненiямъ французскихъ писателей о Россiи. Неосновательность и безцеремонность этихъ сочиненiй всѣмъ извѣстна. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда французскiй писатель, собираясь говорить о Россiи, не запасается никакими предвзятыми взглядами и не черпаетъ своихъ понятiй о нашемъ отечествѣ изъ польскихъ источниковъ, даже и въ такихъ случаяхъ легкомыслие, самоувѣренность и неспособность понять чужую жизнь отнимаетъ у произведенiй большинства французскихъ авторовъ о Россiи всякую цѣну и дѣлаетъ ихъ интересными развѣ со стороны многочисленныхъ и диковинныхъ курioзовъ почти всегда ихъ наполняющихъ.

Главнымъ препятствiемъ къ основательному знакомству Французовъ съ нашимъ отечествомъ служило всегда незванiе русскаго языка, и слѣдовательно невозможность пользоваться русскими источниками. Въ послѣднее время французскiе писатели повидимому сознали что не владѣя такимъ

существеннымъ орудіемъ къ изученію страны, каково знаніе ея языка, нельзя много подвинуться въ знакомствѣ съ нею, также какъ нельзя избѣжать на каждомъ шагѣ самыхъ грубыхъ ошибокъ и недѣлностей. Теперь многіе во Франціи уже изучаютъ русскій языкъ, и это обстоятельство тотчасъ отразилось самымъ выгоднымъ образомъ на сочиненіяхъ французскихъ авторовъ о Россіи. Въ *Revue des deux Mondes* и въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ появился въ послѣдніе годы цѣлый рядъ статей о русской исторіи и современномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, статей написанныхъ на основаніи русскихъ источниковъ и далеко не представляющихъ тѣхъ грубыхъ промаховъ какими обилдовали прежнія французскія сочиненія о нашемъ отечествѣ. Русскій читатель конечно не найдетъ въ большей части этихъ статей ничего для себя новаго; обыкновенно это только извлеченія изъ русскихъ книгъ и журналовъ, рѣдко удачныя тамъ гдѣ авторъ оставляетъ своего русскаго руководителя и вдается въ собственные соображенія. Но для европейской и въ особенности французской публики эти новѣйшіе труды о Россіи чрезвычайно полезны и интересны. Въ нихъ западный читатель почти впервые находитъ довольно достовѣрное слово о странѣ остающейся по сѣ порѣ весьма мало извѣстною Европѣ, несмотря на ея громадное политическое значеніе. Почти все что онъ находитъ въ этихъ статьяхъ для него совершенно ново и должно разрушить множество предрасудковъ и заблужденій. Статьи въ *Revue des deux Mondes*—это почти то же что записки Америго Веспуччи. Европѣ открывается въ нихъ цѣлый новый міръ, до сихъ порѣ почти невѣдомый, хотя и не отдѣленный отъ нея Океаномъ. Отсюда понятенъ огромный интересъ возбуждаемый этими статьями не только во Франціи, но и въ Германіи и въ Англіи.

Г. Куррьеръ, съ книгой котораго мы намѣрены познакомить нашихъ читателей, принадлежитъ къ этому новому поколѣнію французскихъ писателей о Россіи. Онъ знаетъ русскій языкъ, если не настолько чтобы понимать его художественныя красоты, то по крайней мѣрѣ достаточно чтобы справляться съ русскими историческими и критическими сочиненіями. Къ сожалѣнію, онъ кажется мало знакомъ непосредственно съ русскими поэтами и романистами; выдержки которыя онъ изъ нихъ приводитъ большею частью тѣ самыя какія приводятся въ русскихъ критическихъ статьяхъ; собственные сужденія

его о русскихъ авторахъ почти всегда свидѣтельствуя о недостаточномъ пониманіи того что не разъяснено ему русскою критикою. Но весьма важно уже и то что г. Куррьеръ представляетъ въ распоряженіе европейскаго читателя значительную часть матеріала разработаннаго русскою критикою, и притомъ располагаетъ этотъ матеріалъ довольно систематически, и хотя со многими промахами, но безъ волюющихъ недѣлностей. При томъ состояніи въ какомъ находится наша критика, потерявшая всѣ преданія и чуждая самаго умѣреннаго безпристрастія и добросовѣстности, совершить эту задачу было не легко. Французскому историку русской литературы приходилось поминутно видѣть себя между самыми крайними противорѣчіями и почти на ощупь давать вѣру тому или другому мнѣнію. Отсюда произошли нѣкоторые любопытные куріозы, о которыхъ мы въ своемъ мѣстѣ скажемъ. Теперь же укажемъ для примѣра хотя бы слѣдующее: говоря о послѣднихъ сочиненіяхъ гг. Писемскаго и Достоевскаго, г. Куррьеръ руководствовался исключительно нашими статьями въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, переведя многое изъ нихъ почти буквально; но ни словомъ не обозначилъ такого заимствованія, и о самомъ *Русскомъ Вѣстникѣ* отозвался въ такомъ же смыслѣ въ какомъ принято говорить о нашемъ журналѣ у большинства петербургскихъ газетчиковъ. Той же системѣ слѣдовалъ французскій авторъ и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже. Непосредственное знакомство г. Куррьеръ имѣеть, кажется, только съ драмами гг. А. Толстаго и г. Аверкіева: отзывъ его объ этихъ произведеніяхъ отличается наибольшою полнотою. Произведенія г. Тургенева знакомы г. Куррьеру, повидимому, только по французскимъ переводамъ; по крайней мѣрѣ о томъ что не переведено онъ говоритъ явныя несообразности, на примѣръ считаетъ отрывокъ *Довольно* стихотвореніемъ. Не читая самихъ авторовъ, а руководствуясь только рецензіями русскихъ журналовъ, г. Куррьеръ конечно не могъ говорить о современныхъ писателяхъ съ тою же основательностью, какъ о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ; солидность его сужденій находится въ прямой зависимости отъ того какимъ изъ русскихъ журналовъ онъ руководился. Къ сожалѣнію, онъ весьма часто прибѣгаетъ къ помощи *Journal de St.-Petersbourg*, критическій отдѣлъ въ которомъ не имѣеть значенія и далеко не отличается безпристрастіемъ.

Существенное достоинство книги г. Куррьера заключается конечно въ томъ что значеніе русской литературы, какъ высшей выразительницы нашего просвѣщенія, понято имъ безъ того презрительнаго отношенія ко всему русскому которое еще недавно отличало французскихъ писателей. Онъ говоритъ въ предисловіи что его трудъ долженъ удивить нѣкоторыхъ читателей и многихъ научить. „Мы слѣло вѣрили что Россія не имѣетъ литературы, или что если эта литература существуетъ, то не можетъ интересовать насъ. Я хотѣлъ доказать этою книгою протавное.“ По его мнѣнію, Россія не только имѣетъ литературу, но эта литература во многихъ случаяхъ выдерживаетъ сравненіе со всякой другою, и заслуживаетъ внимательнаго изученія. Правда, относясь со справедливымъ уваженіемъ къ русской литературѣ, авторъ остается прежде всего Французомъ и заявляетъ нѣкоторыя довольно странныя претензіи, напримѣръ удивляется что англійскіе романисты обнаружили на нашихъ болѣе значительное вліяніе чѣмъ французскіе, негодуетъ на тѣхъ изъ нашихъ писателей которые выводили въ своихъ произведеніяхъ Французовъ въ комическомъ видѣ, сѣтуетъ на графа Льва Толстаго за изображенія партизанскихъ стычекъ съ Наполеоновскими мародерами и пр. Правда также что несмотря на знакомство съ нѣкоторыми русскими историческими сочиненіями, многія явленія нашей внутренней жизни остались непонятными г. Куррьеромъ и отразились въ его книгѣ въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Но общій смыслъ нашей тысячелѣтней исторіи, также какъ и общественныя заслуги нашей литературы выражены авторомъ довольно вѣрно, и въ этомъ отношеніи книгу его нельзя не признать чрезвычайно полезною для европейской публики. Можно пожалѣть только что авторъ не ограничилъ своей задачи и не далъ отчета лишь о томъ съ чѣмъ онъ основательно познакомился. Не имѣя возможности осилить всего матеріала захваченнаго въ рамки его сочиненія, и желая въ то же время достигнуть наибольшей полноты, онъ принужденъ былъ о многомъ писать по наслышкѣ, отчего его книга облуетъ внутренними и вѣшними погрѣшностями. Такъ напримѣръ, русскій читатель съ удивленіемъ узнаетъ что Пушкинскій Алеко былъ Цыганъ, отчего смыслъ поэмы, разумеется, долженъ былъ сдѣлаться неяснымъ; что Четьи-Минеи есть родъ религіозной энцикло-

ледіи; что въ *Мертвыхъ Душахъ* выведенъ помѣщикъ Окудровжогло, а въ *Обрывѣ* нѣкто Раевскій; что Татьяна, невѣста Литвинова (въ *Дымѣ*), была его кузина; что извѣстный писатель Муравьевъ былъ архіепископъ; что комедіи г. Островскаго печатались въ журналѣ *Всемирный Трудъ*, отличавшемся вѣншиимъ изяществомъ; что до 1825 года въ Россіи существовала только одна газета, *С.-Петербургскія Вѣдомости*; что *Московскія Вѣдомости* проповѣдуютъ панславизмъ; что министръ народнаго просвѣщенія кажется склонится наконецъ въ пользу классической системы образованія; что *Русскій Миръ* сначала издавался г. Костомаровымъ, а теперь редактируется нѣсколькими лицами, и налаждаетъ на мировой судъ и на земскія учрежденія; что дѣла о преступленіяхъ противъ законовъ о печати судятся присяжными состоящими изъ людей образованныхъ; что провинціальныя газеты подлежатъ предварительной цензурѣ потому что не въ состояніи внести 2.500 р. залогоу, и пр. и пр. Всѣ эти промахи, сооставленные вмѣстѣ, могутъ очень подорвать въ глазахъ русскаго читателя кредитъ книги г. Куррьера; но разсѣянные болѣе чѣмъ на 400 страницахъ, они не такъ замѣтны, и вообще не настолько существенны чтобъ отнять у произведенія французскаго автора нѣкоторыя несомнѣныя его достоинства.

Г. Куррьеръ предпосылаетъ своему труду бѣглый историческій очеркъ, въ которомъ старается уловить древнѣшіе слѣды культуры славянскаго племени. Онъ замѣчаетъ что хотя ни одинъ народъ не обладалъ такою прекрасною и богатою безыскусственною поэзіей, и что хотя ни у кого поэтическія преданія не были такъ живучи, какъ у Славянъ. тѣмъ не менѣе у нихъ не выработалась стройная мифологическая система, и они не оставили письменнаго памятника въ родѣ санскритскихъ *Ведъ* или скандинавской *Эдды*. Авторъ указываетъ затѣмъ на нѣкоторые слѣды религиозныхъ представленій Славянъ и переходитъ къ бынамъ и лѣснямъ, причемъ не совѣмъ ясно разграничиваетъ область мифологическихъ вѣрованій отъ области сказокъ. Слѣдующая глава посвящена введенію христіанства. Безъ сомнѣнія это самая слабая часть книги, такъ какъ здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо высказалось неумѣнье автора понять внутренній смыслъ явленій чуждыхъ западно-европей-

ской исторіи. Заимствованіе христіанства отъ Византіи представляется автору самымъ роковымъ событіемъ въ судьбахъ Русскаго народа. Ему кажется что византійское христіанство было совершенно безплодно и не принесло никакого новаго нравственнаго начала. „Официальная религія, говоритъ онъ, силой навязанная народу и лишенная, по своей организаціи, всякаго соціальнаго вліянія, не могла имѣть никакого нравственнаго дѣйствія. Греческое христіанство принесло результаты мало благоприятныя для дальнѣйшаго развитія Россіи. Оно надолго уединило ее отъ остальной Европы. Да и чего можно было ожидать отъ этого сочетанія испорченной цивилизаціи разрушающейся Имперіи и молодого народа съ грубыми и варварскими нравами?“ Такимъ образомъ автору остаются совершенно непонятными тѣ высокія выгоды которыя пріобрѣтала Русь заимствуя христіанство отъ Византіи. Даже то обстоятельство что это христіанство явилось въ Русь проповѣдуемое на родномъ языкѣ и принесло съ собою готовую письменность—авторъ считаетъ въ числѣ самыхъ неблагоприятныхъ. А между тѣмъ немного далѣе ему приходится самому изумляться непосредственнымъ и быстрымъ результатамъ событія. „Странное дѣло! восклицаетъ онъ, важнѣйшими литературными воспоминаніями завѣщанными намъ этимъ періодомъ мы обязаны почти исключительно русскимъ писателямъ,“ и затѣмъ перечисляетъ труды Луки Жидята, Θεодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и наконецъ Нестора. Такимъ образомъ, замѣчая духовный подъемъ обнаружившійся въ Русскомъ народѣ тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ христіанства, авторъ не хочетъ отнести этотъ результатъ къ его дѣйствительному источнику, византійскому просвѣщенію и славянскому переводу книгъ Св. Писанія. Упомянувъ затѣмъ о *Поученіи* Владиміра Мономаха, о *Русской Правдѣ*, о *Посланіи* Даниіла Заточника и *Словѣ о Полку Игоревомъ*, авторъ возвращается къ своей прежней мысли что „византійское христіанство не имѣло на соціальную и духовную жизнь Русскаго народа того спасительнаго вліянія какое имѣлъ католицизмъ на западную Европу“. Эту мысль онъ основываетъ болѣе всего на томъ что въ Россіи духовенство всегда было де подчинено свѣтской власти и стояло въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ. Въ литературѣ, говоритъ авторъ, православіе

имѣть ту единственную заслугу что внесло письменный языкъ, съ грамматическими формами; какъ будто этого мало! „Удерживая за собою литературную монополию, продолжаетъ онъ, греческое христіанство объявило ожесточенную войну народной поэзіи, привязанной къ языческимъ вѣрованіямъ.“ Но вѣдь то же самое происходило и въ католической Европѣ въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ, и остатки національных вѣрованій тамъ были истреблены еще ранѣе и быстрѣе чѣмъ у насъ. Но авторъ какъ будто вычеркиваетъ изъ исторіи Запада Средніе Вѣка, соединяя принятіе христіанства съ эпохой Возрожденія: „Латинскій языкъ въ литургіи, говоритъ онъ, открывалъ новообращеннымъ широкіе горизонты великихъ произведеній древности.“ Однако прежде чѣмъ эти горизонты открылись западному человѣчеству, протекли долгіе вѣка варварства и мрака, о чемъ кажется забываетъ французскій авторъ.

Гораздо лучше поняты авторомъ историческіе результаты Монгольскаго ига. „Владычество Монголовъ, говоритъ онъ, имѣло роковыя и бѣдственныя послѣдствія для судебъ Россіи. Можно сказать что оно вырыло глубокую бездну между историческимъ прошлымъ страны и ея дальнѣйшимъ развитіемъ. Не только прекратилась всякая національная жизнь, но и нравы, начавшіе незаметно смягчаться подъ вліяніемъ христіанства, приняли вновь прежній характеръ грубости и варварства. Выиграла только въ своемъ вліяніи религія. Она была единственною связью соединявшею поработеннаго населенія. Съ этого времени она слилась съ народностью, и народъ Русскій привыкъ отнынѣ защищать съ одинаковою ревностью независимость этихъ двухъ великихъ началъ. Въ теченіе этого столь бѣдственнаго для Россіи періода, духовенство проявило энергію которой не давали предвидѣть на его происхожденіе, ни созданное для него положеніе.“ Прямымъ результатомъ Монгольскаго завоеванія авторъ считаетъ возвышеніе Москвы и объединеніе Руси подъ сильною властью великихъ князей Московскихъ. Перемѣщеніе политическаго и умственнаго центра изъ Кіева въ Москву имѣло, по мнѣнію г. Куррьера, большое вліяніе на литературу. „По формѣ, говоритъ онъ, она нисколько не развивалась и попрежнему оставалась подражаніемъ византійской. Но характеръ ея совершенно измѣнился вслѣдствіе различія существующаго въ склонностяхъ Великорусса и Малоросса.

Первый, смѣсь Финна, Татарина и Славянина, болѣе суровъ, строгъ и положительъ. У втораго умъ болѣе подвиженъ, у него болѣе воображенія и поэзіи.“ Въ XVI вѣкѣ Россія совершенно преобразовалась политически, Москва притянула къ себѣ всѣ религіозныя, соціальныя и интеллектуальныя элементы народной жизни, и съ тѣмъ вмѣстѣ возникли новыя потребности, которымъ прежняя литература, заключенная въ тѣсныя рамки религіозныхъ интересовъ, не могла удовлетворить. Являются новые дѣятели, старающіеся вдохнуть въ жизнь общества новыя идеалы. Къ такимъ дѣятелямъ авторъ причисляетъ Максима Грека, князя Курбскаго, Сильвестра и самого Ивана IV. Въ слѣдующемъ столѣтіи авторъ отмѣчаетъ патріарха Никона, Симеона Полоцкаго, Котошихина (котораго онъ называетъ Котошкинымъ), Крыжанича, Сильвестра Медвѣдева. Онъ указываетъ что въ то же время южная Русь, поставленная въ необходимость отстаивать свою религіозную независимость противъ посягательствъ католицизма, равнымъ образомъ напрягала свои духовныя силы. Она покрылась религіозными братствами, школами, типографіями; въ Киевской Академіи преподавались науки по образцу западныхъ школъ. Весь этотъ Московскій періодъ русской исторіи г. Куррьеръ характеризуетъ такими словами: „Съ перемѣщеніемъ умственнаго центра изъ Кіева въ Москву, литература попрежнему оставалась подчиненною религіозному вліянію Византіи. Но нравственная природа Великорусса и деспотизмъ тяготѣвшій надъ страной, дали ей характеръ угрюмый, тусклый и офиціальныи. Этимъ объясняется, почему несмотря на испытанія и потрясенія, которымъ поддалъ въ теченіе этого періода Русскій народъ, литература оставалась исключительно религіозною и была лишена плодovitости и оригинальности. Однако позднѣе, со временъ Ивана IV, когда положеніе страны создало новыя потребности, Россія начала сближаться съ Европой. Сами цари, въкоторыя высшіе умы эпохи, и въ особенности ученые пришедшіе изъ Кіева, были проводниками этого движенія. Но ихъ вліяніе чувствовалось лишь въ весьма ограниченной средѣ; народъ былъ совершенно чуждъ ему. Нуженъ былъ великій преобразователь чтобъ окончательно двинуть Россію по этому новому пути“.

Въ Петрѣ Великомъ г. Куррьеръ видитъ именно такого преобразователя. Онъ становится вполнѣ на сторонѣ его

реформъ, хотя и замѣчаетъ что преслѣдуя чисто практическія цѣли, Петръ искалъ для своей страны техниковъ и мастеровъ, а не артистовъ и литераторовъ. Изъ современниковъ и учениковъ Петра, трудившихся вмѣстѣ съ нимъ надъ пересаженіемъ въ Россію европеизма, авторъ упоминаетъ о Теофанѣ Проколовичѣ, Кавтемирѣ, Татищевѣ, и переходитъ затѣмъ къ Ломоносову, Тредьяковскому и Сумарокову. Онъ замѣчаетъ далѣе что важною ошибкой Петра было то что онъ придалъ литературѣ слишкомъ практической характеръ, опредѣлилъ ей вторую роль, употребляя ее только какъ средство для приложенія и распространенія новыхъ идей. „Оттого, продолжаетъ г. Куррьеръ, эта литература освободилась отъ религіознаго ига только для того чтобы подпасть влиянію западной Европы и сохранить характеръ подражанія и заимствованія. Въ ея практической пользы, на нее смотрѣли лишь какъ на развлеченіе и забаву.“

Взглядъ автора на значеніе Екатерины II для русскаго просвѣщенія не вызываетъ особыхъ возраженій. Онъ опредѣляетъ ея величайшую заслугу тѣмъ что она внесла въ нашу литературу новое начало—нравственное. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, европейская цивилизація дѣйствовала только на форму; теперь она должна была проникнуть въ мнѣнія и въ самыя идеи“. Къ сожалѣнію, отзывъ автора о литературномъ движеніи того времени слишкомъ поверхностенъ: упомянувъ лишь вскользь о Фонвизинѣ и Новиковѣ, онъ не даетъ полного представленія объ этой замѣчательной эпохѣ нашего общественнаго и литературнаго развитія, и въ особенности о положительной сторонѣ движенія, выразившейся въ Державинѣ. Пѣвца Фелицы онъ привязываетъ къ послѣдующему періоду, общій характеръ котораго опредѣленъ имъ довольно вѣрно. Теоріи энциклопедистовъ, усвоенныя высшимъ обществомъ, служили ему только маской, подъ которою сохранялось много грубости и невѣжества, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ своей странѣ и національности. „Тогда, говоритъ г. Куррьеръ, въ нѣдрахъ русскаго общества обнаружилась реакція въ пользу національности и религіи. Эта нравственная и литературная реакція произвела плеяду талантливыхъ писателей, подготовившихъ окончательную независимость русскаго литературнаго произведенія, и произведенія которыхъ составили эпоху“. Къ этой плеядѣ авторъ относитъ Державина, Карамзина, Жуковскаго, Ватюшкова и Крылова. Къ сожалѣнію,

характеристики этихъ писателей у г. Куррьера крайне поверхностны. Значеніе Карамзина имъ совершенно не понято и кажется онъ руководился исключительно мнѣніями г. Пылипа. Даже *Исторія Государства Россійскаго* представляется ему не заслуживающею тѣхъ похвалъ какими встрѣтили ее современники. Со словъ отрицательной русской критики, онъ ставитъ Карамзину въ упрекъ его званіе официального исторіографа и увѣряетъ будто онъ написалъ лишь исторію князей и царей Московскихъ, а не исторію Русскаго народа. Нѣсколько строкъ посвященныхъ Жуковскому нисколько не опредѣляютъ его значенія для русской поэзіи; самыя главныя его произведенія—русскія сказки и баллады, переводы изъ Шиллера, переводъ *Одиссеи*—даже не упомянуты французскимъ историкомъ нашей литературы. Крыловъ заинтересовалъ его преимущественно тѣмъ что Русскіе сравниваютъ его съ Лафонтеномъ; но г. Куррьеръ находитъ, кажется, такое сравненіе слишкомъ лестнымъ для нашего баснописца. „Въ его басняхъ, говоритъ онъ, не находимъ той наивности, простоты и добродушія, которыя такъ характеризуютъ французскаго фабулиста.“ Значеніе Крылова какъ сатирика и какъ писателя въ высшей степени народнаго, внесшаго національную струю въ животный эпосъ, осталось для г. Куррьера непонятнымъ.

Переходя во второй части своей книги къ новой литературѣ, г. Куррьеръ опредѣляетъ періодъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ какъ эпоху борьбы романтизма съ классицизмомъ. Эту борьбу онъ не считаетъ только эхомъ происшедшаго въ западной Европѣ, но объясняетъ ее изъ естественнаго хода развитія нашей литературы. Романтизмъ, принятый сначала какъ эстетическая теорія, въ послѣдствіи сблизился съ народностью и помогъ русской литературѣ приобрести окончательную независимость и самобытность. Авторъ приводит нѣкоторыя подробности объ *Арамаст* и о борьбѣ его съ Шашковымъ, и переходитъ къ обстоятельному очерку нашей литературы въ этомъ періодѣ.

Первый писатель довольно полную оцѣнку котораго мы находимъ у г. Куррьера—Грибоѣдовъ. Театръ вообще, какъ видно, наиболѣе интересуется французскаго историка нашей литературы, и здѣсь у него замѣтно непосредственное знакомство съ произведеніями нашихъ писателей. Глава о Грибоѣдовѣ отличается основательностью и отсутствіемъ тѣхъ

промаховъ, которыхъ къ сожалѣнiю довольно много въ остальной части его труда. Авторъ даетъ очеркъ жизни Грибоѣдова, пользуясь замѣтками Пушкина и материалами собранными въ недавнее время въ русскихъ журналахъ. Переходя къ комедii *Горе отъ Ума*, онъ замѣчаетъ что сценическое содержанiе этой пьесы очень скудно, интрига совершенно ничтожна; что повѣсть очевидно хотѣлъ только провести предъ публикой нѣсколько типовъ въ которыхъ осмѣиваются нравственные недостатки и пустота высшаго московскаго общества двадцатыхъ годовъ. Пользуясь текстомъ комедii, г. Куррьеръ опредѣляетъ нѣкоторые изъ этихъ типовъ, и затѣмъ приводитъ два монолога Чацкаго, въ которыхъ выразилось сатирическое отношенiе поэта къ изображаемой имъ средѣ. „Комедiя Грибоѣдова, говоритъ авторъ, есть протестъ противъ установившагося порядка вещей; это сатира и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдкая критика на современное общество. Но увлекаемый слишкомъ фанатическимъ рвенiемъ, герой ея становится нетерпимъ. Желчь его разливается черезъ край; изъ остроумнаго и насмѣшливаго, онъ дѣлается злымъ. Это ужъ не сатира, а памфлетъ. Онъ раздражается по поводу фраговъ, бритыхъ подбородковъ; онъ посылаетъ своихъ соотечественниковъ учиться у Китайцевъ, и продолжаетъ громить въ этомъ тонѣ до тѣхъ поръ пока выведенное изъ терпѣнiя общество возмущается и трактуетъ его какъ сумашедшаго.“

Отъ Грибоѣдова г. Куррьеръ переходитъ къ Пушкину, которому посвящаетъ самую большую главу своей книги. Къ сожалѣнiю, разные части этой главы весьма не равнаго достоинства. Взглядъ автора на внутреннюю исторiю артистическаго развитiя Пушкина, критическiя сужденiя о замѣчательнѣйшихъ его произведенiяхъ, могутъ удовлетворить читателя. При томъ поверхностномъ знакомствѣ съ русскою жизнью какое обнаруживаетъ французскiй авторъ, естественно что многое въ поэзи Пушкина осталось не усвоеннымъ и не оцѣненнымъ имъ, и притомъ именно то что наиболее драгоцѣнно для русской литературы и русской цивилизаци. Съ другой стороны, Пушкинъ въ современной нашей журналистикѣ сдѣлался предметомъ спорнымъ; мы сами какъ бы понизили свою точку зрѣнiя. Нѣтъ ничего удивительнаго если ивоземный историкъ нашей литературы принялъ за

истую мовету различными журнальными мистификаціи нашего времени.

Несмотря на то что г. Куррьеръ цѣнитъ въ Пушкинѣ только произведенія первой половины его литературной жизни, общій взглядъ его на поэта и на его значеніе въ нашей литературѣ вообще вѣренъ. „Пушкинъ, говоритъ онъ, былъ и до сихъ поръ еще есть величайшій изъ русскихъ поэтовъ; его вліяніе на современниковъ и на послѣдующее поколѣніе было необъятно. Этимъ вліяніемъ онъ былъ обязанъ не только прелести своихъ стиховъ и оригинальности своего таланта, но по преимуществу существенно-національному характеру своей поэзіи. Различныя чувства его вдохновлявшія были только вѣрнымъ отраженіемъ стремленій и страданій общества среди котораго онъ жилъ. Оно нашло въ его произведеніяхъ то чего оно искало, что его волновало, что ему давало жизнь.“

Жизнь Пушкина довольно хорошо разказана г. Куррьеромъ, преимущественно по Анненкову. Сказавъ о его лицейскихъ годахъ, онъ излагаетъ довольно подробно содержаніе *Руслана и Людмилы*, причемъ удачно переводитъ нѣкоторые отрывки изъ этой поэмы. Надо сказать вообще о переводахъ г. Куррьерера что они очень хороши, легки и живы, хотя конечно попадаются отѣвики не вѣрно передаваемые, краски ослабленныя. Чтобы не ходить далеко, укажемъ въ самомъ первомъ отрывкѣ изъ *Руслана* слѣдующую фразу: „Les vêtements enviés vont tomber sur les tapis princiers“. У Пушкина сказано:

Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры.

Въ элитетѣ *цареградскій* есть мѣстный и историческій колоритъ, между тѣмъ какъ элитетъ *princier*—общее мѣсто. Подобныхъ обозначеній къ сожалѣнію не чужды всѣ французскіе переводы, что объясняется отчасти свойствами самаго языка, имѣющаго слишкомъ много условности и стереотипности въ отѣвикахъ.

Передавъ содержаніе *Руслана и Людмилы*, г. Куррьеръ продолжаетъ: „По этой канвѣ, заимствованной изъ области народной поэзіи, Пушкинъ выткалъ цѣлый рядъ блестящихъ картинъ, образныхъ описаній, поразительныхъ контрастовъ,

руководясь одною своею фантазіей. Чувства высокія, пылыя, поэтическія, воинственныя, даже сатирическія, мѣшались и слѣдуютъ другъ за другомъ съ удивительнымъ увлеченіемъ, огнемъ и блескомъ. Характеръ Людмилы, то веселый, то мечтательный, обрисованъ тонкою и легкою кистью. Пушкинъ превосходитъ въ женскихъ портретахъ.“

Отношенія Пушкина къ байронизму объяснены г. Куррьеромъ едва ли не лучше чѣмъ это сдѣлано въ русской литературѣ. Въмѣсто того чтобы разсматривать увлеченія Пушкина англійскимъ поэтомъ какъ проявленіе „слѣло-будущей личности“, г. Куррьеръ видитъ въ немъ лишь стремленіе раздвинуть рамки русской поэзіи и открыть ей новыя области. „Байронизмъ, какъ его обыкновенно понимаютъ, говоритъ г. Куррьеръ, дѣйствовалъ въ Россіи иначе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ этой странѣ онъ принялъ національный оттѣнокъ, сохраненный имъ даже въ самыхъ крайнихъ его странностяхъ. Пушкинъ расположенъ былъ болѣе всякаго другаго подпасть вліянію англійскаго поэта. Въ его положеніи было нѣчто сходное съ Байрономъ. Но что сближало его болѣе всего — это артистическая форма, новые горизонты которые онъ нашелъ въ англійскомъ поэтѣ.“ Авторъ приводитъ затѣмъ нѣсколько отрывковъ изъ *Кастаскаго Плетника* и замѣчаетъ что въ слѣдующихъ поэмахъ: *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*, *Братьяхъ Разбойникахъ* и *Цыганахъ*, вліяніе Байрона чувствуется слабѣе, и рядомъ съ нимъ болѣе и болѣе проявляются признаки самобытнаго таланта.

Разказавъ затѣмъ жизнь Пушкина въ Кишиневѣ и Одессѣ, г. Куррьеръ приводитъ стихотворенія *Наполеонъ* и *Къ Морю*, и слѣдитъ за новыми трудами Пушкина въ Михайловскомъ. Изъ *Бориса Годунова* онъ приводитъ цѣлкомъ сцену у фонтана, также отрывки изъ писемъ Пушкина, въ которыхъ поэтъ объясняетъ исторію своей трагедіи и огромное значеніе придаваемое имъ этому труду, но самъ г. Куррьеръ избѣгаетъ высказаться о трагедіи. Можно догадываться что это произведеніе, по духу и формѣ столь далекое отъ французскихъ понятій о драмѣ, ему не особенно нравится; повидимому, *Графъ Нулинъ*, подробно пересказанный г. Куррьеромъ, заинтересовалъ его болѣе.

Слѣдующая эпоха въ жизни и дѣятельности Пушкина изображена французскимъ критикомъ гораздо менѣе удачно. Взгляды г. Пылина очевидно сбили его съ толку. Встрепча-

ясь съ фактомъ разрыва, обнаружившагося между Пушкинымъ и массою русскаго общества со времени *Бориса Годунова*, г. Куррьеръ очевидно объясняетъ его вмѣствъ съ новою петербургскою критикою тѣмъ, будто общество опередило поэта, а не тѣмъ что самъ поэтъ достигъ той высшей артистической зрѣлости, на которой художникъ перестаетъ быть выразителемъ стремленій и чаяній *du gros public*. „Публика, говоритъ г. Куррьеръ, требовала отъ Пушкина отзыва за новые волпросы и стремленія ее волповавшія. Поэтъ не хотѣлъ ей отвѣчать; роль проповѣдника мало соблазняла его. Недовольный собою и другими, онъ становится все болѣе и болѣе чуждъ нравственной жизни окружающей его среды. Усилія сблизиться съ нею не удавались (?). Отвыкнувъ имъ невозможно было понять другъ друга. Пушкинъ претендовалъ то цѣль поэзіи—преслѣдованіе возвышеннаго и недоступнаго (?) идеала“, и т. д.

О *Полтавѣ* г. Куррьеръ нашелся только сказать что эта юзма посвящена восхваленію Петра Великаго; точно также имъ лишь перечислены *Дюжикъ съ Коломни* и нѣкоторыя драматическія произведенія; самыя зрѣлыя созданія Пушкина, какъ *Мядный Всадникъ*, *Галубъ*, *Сцена изъ Фауста*, *Руалка*, *Арапъ Петра Великаго*, *Египетскія Ночи*, даже не упомянуты французскимъ историкомъ нашей литературы и ювидимому вовсе ему неизвѣстны. Вообще кажется что онъ читалъ у Пушкина лишь весьма немногое, и относительно юздняйшаго періода творчества повѣрилъ безъ дальнихъ хлопотъ г. Пыливу. Разказавъ о женитьбѣ поэта въ 1831 оду, г. Куррьеръ дѣлаетъ такую характеристику послѣдующихъ, самыхъ зрѣлыхъ и плодоносныхъ лѣтъ его жизни: Творческій талантъ Пушкина сильно страдалъ отъ его новаго образа жизни. Офіціальныя труды, заботы семейной жизни, безпокойства причиняемая ему дѣлами его отца — се это мало могло поддерживать и оживлять въ немъ свяденный огонь вдохновенія. Поэтическія способности его лабѣли: онъ становился писателемъ работающимъ по столу-у-то за страницу. Къ этому времени относятся его главныя произведенія въ прозѣ: *Капитанская Дочка*, *Исторія Гугачевского Бунта*, и фантастическая сказка (?) *Пиковая Дамка*. Кто узнаетъ въ этихъ строкахъ нашего Пушкина, въ самый зрѣлый и блестящій періодъ его творчества, когда

поэтической гений его достигъ изумительной глубины и элическаго слокойствія?

О *Капитанской Дочкѣ* французскій критикъ отзывается съ какою-то покровительственною снисходительностью: „Подробности романа, говоритъ онъ, приближаются къ истинѣ; интрига и эпизодическая сторона живы и возбуждаютъ интересъ. Портретъ Пугачева довольно живо схваченъ.“ О *Пу- гачевскомъ Бунтѣ* сказано еще менѣе, вмѣсто оцѣнки этого замѣчательнаго труда, г. Куррьеръ находитъ нужнымъ объяснить что „въ вознагражденіе за него Пушкинъ былъ сдѣланъ въ 1833 году камергеромъ (?) его величества и получилъ 20 т. руб. ассигнаціями. Его матеріальное положеніе, продолжаетъ авторъ, улучшилось; отнынѣ онъ могъ глядѣть на будущее безъ боязни. Но нравственный вредъ которымъ онъ страдалъ все усиливался. Прекрасная юность его, пылая силы и огня, плодоносная и страстная, въ теченіе которой онъ такъ много создалъ, миновала навсегда. Поэтическое пламя погасло. Чахлаость и уныніе наполнили его душу, и семейныя отношенія не могли его утѣшить.“

Очевидно, французскій историкъ нашей литературы сдѣлался жертвою одной изъ тѣхъ мистификацій которыми такъ усердно занимается наша вымышленная журналистика.

Возникновеніе *Современника* г. Куррьеръ объясняетъ какими-то счетами Пушкина съ критикой, причемъ самъ же этъ оказывается кругомъ виноватымъ. „Появившись вновь въ свѣтъ, послѣ долгаго изгнанія—говоритъ авторъ разбираемой книги—Пушкинъ увидѣлъ себя въ разладѣ съ мнѣніями и стремленіями общества. Всѣ партіи отвергли его. Онъ сохранялъ свои прежніе вкусы, тогда какъ идеи вѣтъ ушли съ тѣхъ лоръ впередъ (?). Пушкинъ трактовалъ съ величайшимъ презрѣніемъ критиковъ, считавшихъ себя судьями хорошаго вкуса. Въ его глазахъ литература могла быть достояніемъ лишь небольшого кружка привилегированныхъ (если не ошибаемся, эта фраза буквально заимствована у г. Пылева) и должна удаляться отъ массы лубаки.“ Слѣдуетъ затѣмъ переводъ извѣстнаго совета:

Поэтъ, не дорожи любовію народною!

Приведа далѣе цѣликомъ письмо Жуковскаго о послѣднихъ дняхъ Пушкина и то мѣсто изъ *Опыта* гдѣ разказаны дубль и смерть Левскаго, авторъ переходитъ къ разбору

этого романа, который онъ называетъ лучшимъ произведеніемъ Пушкина. „Никогда еще, говоритъ онъ, не видѣли столько легкости ритма и тона, столько свободы и разнообразія въ стилѣ, переходящаго отъ важнаго къ сладостному, отъ важнаго къ шутливому. Первые главы этого романа были писаны въ Бессарабіи. Вліяніе Байрона еще чувствуется на формѣ. Какъ и англійскій поэтъ, Пушкинъ шутя берется за всѣ тоны. Положенія мѣняются, переплетаются, и не замѣчаешь ни малѣйшаго слѣда авторскаго труда. Поэтъ перескакиваетъ съ одного предмета на другой; за чувствительною сценою слѣдуетъ отступленіе, гдѣ онъ говоритъ о себѣ самомъ, о своихъ современникахъ и противникахъ. Онъ покидаетъ страстный или драматическій мотивъ чтобы посмѣяться надъ любовью, надъ воспитаніемъ, надъ поэзіей, надъ критикою. По поводу какого-нибудь прекраснаго пейзажа онъ издѣвается надъ классическою поэзіей, переизраживаетъ ея напыщенность, и затѣмъ все кончаетъ сатирическою выходкой.“ Герой романа, по мнѣнію г. Куррьера, есть русскій Довъ-Жуанъ того времени, продуктъ общества страдавшаго разочарованіемъ, сухостью и пустотой души. Для ближайшей характеристики его, авторъ приводитъ въ прекрасномъ прозаическомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ первой главы, именно:

Имѣлъ онъ счастливый талантъ

и потомъ

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить и т. д.

Очертивъ затѣмъ характеръ Ленскаго, Ольги и Татьяны и разказавъ содержаніе романа, авторъ проводитъ параллель между Чацкимъ и Онегинимъ, въ томъ же смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ это было сдѣлано нами въ одной изъ нашихъ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ заключеніе авторъ вновь возвращается къ оцѣнкѣ поэтической карьеры Пушкина и общаго литературнаго движенія эпохи. „Какъ бы то ни было, говоритъ онъ, Пушкинъ есть величайшій гений созданный Россіей. Литература его страны еще не дала ему соперника. Его творческій талантъ, его артистическія дарованія остались безъ преемниковъ. Скажемъ болѣе; прекрасные дни романтизма навсегда миновали. Нынче молодые умы не открыты вліянію прекрасныхъ и плодотворныхъ идей, расцвѣтшихъ съ такимъ блескомъ въ

первой половинѣ нашего вѣка. То было время литературнаго диллетантизма. Что случилось съ поэтической зарей озарившей ту эпоху? Дряхлость или слишкомъ разслабляющая дѣйствительность тяготѣютъ надъ современнымъ поколѣніемъ? Въ Россіи, какъ во Франціи, какъ въ остальной Европѣ, романтизмъ былъ самымъ блестящимъ періодомъ въ духовной жизни народовъ.“

Лермонтову г. Куррьеръ посвящаетъ лишь нѣсколько страницъ, да и тѣ больше чѣмъ на половину заняты біографіей поэта. О произведеніяхъ его говорится очень мало, въ самыхъ общихъ фразахъ. Повидимому, г. Куррьеръ ничего не читалъ изъ Лермонтова кромѣ *Думы*, не дурно имъ переведенной. О *Герое Нашего Времени* говорится, кажется, лишь по наслышкѣ; княжну Мери г. Куррьеръ считаетъ *дамой* и называетъ ее „пустой, набитой тщеславіемъ, съ праздымъ умомъ“. О Печоринѣ говорится что это была, подобно Чацкому и Овѣгину, представитель русскаго байронизма. „Это живая картина борьбы генія противъ тяжелой и узкой атмосферы, тяготѣвшей тогда надъ свободными и независимыми умами, противъ алатіи и невѣжества массъ. Характеры серьезные и честолюбивые страдали; за борьбой, за кипучимъ пыломъ молодости, быстро слѣдовали разочарованіе, сомнѣніе, пресыщеніе.“ Вѣроятно г. Куррьеръ потому удѣлилъ такъ мало мѣста Лермонтову что нынѣшняя критика рѣдко о немъ говоритъ.

За то Гоголю посчастливилось болѣе всѣхъ. Это любимый авторъ французскаго критика, и ему онъ отводитъ почти Пушкина самое большое мѣсто въ своей книгѣ, хотя и тутъ основательное непосредственное знакомство г. Куррьера съ нашимъ писателемъ подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, такъ какъ имѣя подробности обнаруживаютъ необъяснимое непониманіе. Чтобы не далеко ходить, укажемъ для примѣра на характеристику Акакія Акакіевича въ *Шинели*: „Онъ труженникъ простой и скромный; поставленный въ болѣе высокую сферу, онъ могъ бы быть истинно полезенъ“. Развѣ это Гоголевскій Акакій Акакіевичъ?

Нѣтъ надобности слѣдить за г. Куррьеромъ во всѣхъ подробностяхъ его оцѣнки Гоголя: для русскаго читателя тутъ не найдется ничего новаго. Притомъ біографія и переводы занимаютъ столько мѣста что для критическаго анализа

произведеній остается его очень не много. Г. Куррьеръ даетъ почти полный переводъ повѣсти *Майская Ночь* и отрывки изъ *Страшной Мести* и *Тараса Бульбы*. Содержаніе послѣдней повѣсти разказано очень подробно. Позднѣйшимъ повѣстямъ Гоголя удѣлено меньше вниманія: авторъ слѣдуетъ перейти къ *Ревизору* и *Мертвымъ Душамъ*. Знаменитая комедія чрезвычайно нравится г. Куррьеру, и чуть ли онъ не считаетъ ее картиной вышшняго русскаго общества; по крайней мѣрѣ онъ увѣряетъ что кто жилъ нѣкоторое время въ русской провинціи, можетъ смѣло назвать по имени каждый изъ выведенныхъ въ піесѣ типовъ. Но несмотря на все желаніе автора дать своимъ читателямъ самое выгодное представленіе объ этомъ произведеніи, онъ едва ли достигаетъ своей цѣли. Ему не удалось пересказать ее съ тѣмъ интересомъ какой она въ себѣ заключаетъ. Онъ пересчитываетъ по порядку дѣйствующихъ лицъ, характеризуя ихъ общими мѣстами въ родѣ: „почтмейстеръ любопытенъ какъ старая женщина“; выходитъ скучно и читателю надо много воображенія чтобы догадаться почему комедія возбуждаетъ такой смѣхъ. Точно то же дѣлаетъ потомъ г. Куррьеръ и съ *Мертвыми Душами*, перечисляя Чичикова, Манилова (котораго онъ называетъ Малиновымъ), Поздрева и т. д., надѣлая ихъ весьма общими и вовсе не талантливими характеристиками. Общій выводъ автора о *Ревизорѣ* выраженъ имъ такимъ образомъ: „Комедія эта очень проста съ точки зрѣнія лава и сюжета. Ея единственное достоинство—портретная живопись. Она соотвѣтствуетъ *Горю отъ Ула* Грибоѣдова, правда, въ болѣе скромной сферѣ, но съ болшею реальностью типовъ. Да не подумаютъ мои французскіе читатели что сюжетъ этой піесы чистый вымыселъ. Это значило бы мало знать нравы прежней Россіи. Подобныя исторіи случались много разъ, и всегда находились авантюристы достаточно смѣлые чтобы разыграть эту роль.“ По поводу *Мертвыхъ Душъ* г. Куррьеръ говоритъ что въ основной идеѣ этого произведенія лежитъ то же недовольство существующимъ порядкомъ которое отличаетъ всѣхъ русскихъ писателей тридцатыхъ годовъ. „Созданія Гоголя, говоритъ онъ, происходятъ изъ той же идеи изъ которой вышли Чацкій, Онегинъ, Печоринъ; только первый, со своимъ юморомъ, схватилъ русскую натуру съ ея самыхъ смѣшныхъ и пошлыхъ сторонъ.“

Опредѣлая роль Гоголя въ нашей литературѣ, г. Куррьеръ говоритъ: „Его мѣсто близъ Пушкина. Въ нихъ обоихъ мы находимъ одинаковую силу оригинальности и таланта. Пушкинъ, въ качествѣ поэта, болѣе остается въ облакахъ. Онъ беретъ героевъ изъ среды въ которой живетъ, и тщательно ихъ рисуетъ, не заботясь объ обстановкѣ и никогда почти не приводя ихъ въ солприкосновеніе съ дѣйствительностью (?). Гоголь низвелъ литературу изъ высокихъ сферъ, гдѣ ее оставилъ Пушкинъ. Его тилы болѣе закончены, потому что дѣйствительны, въ нихъ болѣе человѣческаго; мы видимъ какъ они движутся, говорятъ, мы узнаемъ вліяніе среды въ которой они живутъ, и ихъ собственное дѣйствіе на эту среду. Съ другой стороны, Гоголь непосредственно происходитъ отъ Пушкина. Онъ дополняетъ его и дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, демократизуя такъ-сказать литературу. Вліяніе Пушкина на Гоголя очевидно; оно чувствуется на каждомъ шагу; Гоголь самъ гордился этимъ.“

Покончивъ на Гоголѣ съ корифеями нашей изящной литературы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, г. Куррьеръ переходитъ къ журналистикѣ и говоритъ о Полевомъ, Бѣлицкомъ и славянофилахъ. Эта часть его книги составлена почти исключительно по статьямъ г. Пылина, и потому можно заранѣе знать какъ взглянулъ французскій авторъ на возникновеніе отрицательныхъ идей въ нашей журналистикѣ и на борьбу западниковъ съ славянофилами. Полевого онъ считаетъ превосходнымъ критикомъ, а какъ историка ставитъ его выше Карамзина. Онъ говоритъ объ его *Исторіи Русскаго Народа* что „это трудъ добросовѣстный, не достаточно цѣнимый вышшими учеными. Въ ней онъ любитъ общепринятые идеи и методу Карамзина. Въ изложеніи и сфѣвленіи фактовъ чувствуется вліяніе западныхъ историковъ: Нибура, Гизо, Гердера, Шлецера и др. Это уже не исторія государства и его властителей, какую далъ намъ Карамзинъ, это исторія самого народа“.

Бѣлицкаго г. Куррьеръ цѣнитъ по преимуществу какъ западника, энергически боровагося съ теоріями славянофиловъ. Определеніе какое онъ даетъ ученію славянофиловъ не отличается точностью. По его словамъ славянофильство возникло вслѣдствіе огромныхъ успѣховъ русской литературы въ тридцатыхъ годахъ; нѣкоторые писатели стали тогда говорить что Россія владѣетъ уже

достаточною степеню цивилизаціи чтобъ идти далѣе самостоятельно по пути развитія указанному ей исторіей. Западники же, по мнѣнію г. Куррьера, получили свое названіе оттого что защищали реформы Петра Великаго и полагали что Россія еще недостаточно созрѣла для того чтобъ обойтись безъ Европы. Такимъ образомъ выходитъ будто споръ между славянофилами и западниками былъ только споромъ о времени. Вообще эта страница въ исторіи нашего просвѣщенія осталась загадкою для французскаго автора, что впрочемъ весьма понятно. Замѣтимъ однако что считая ученіе славянофиловъ ложнымъ, г. Куррьеръ признаетъ его заслуги въ общемъ ходѣ нашего развитія. „Ему удалось, говоритъ онъ, лать противовѣсъ увлеченію всѣмъ европейскимъ; оно привлекло вниманіе писателей къ національной исторіи, къ заключающимся въ ней социальнымъ даянымъ (авторъ подразумѣваетъ вѣроятно вопросъ о русской общинѣ), а также и къ народной поэзіи; все это были вопросы которыми напрасно пренебрегали, занимаясь одними философскими отвлеченостями.“

Отъ славянофиловъ г. Куррьеръ переходитъ къ Кольцову, котораго онъ называетъ первымъ поэтомъ-лисеинникомъ въ Россіи. Онъ разказываетъ біографію поэта, а о произведеніяхъ его замѣчаетъ только что его стихотворенія подъ простонародною вѣшностью скрывали живое и глубокое чувство. „Жизнь народа, его радости и страданія—вотъ что было его любимой темой. Господствующій тонъ его лиризма—тонъ *думъ* средней Россіи, печальный и элегическій. Въ его мечтаніяхъ любовь, счастье, идеальныя стремленія, все подавлено дѣйствительностью.“

На Кольцовѣ г. Куррьеръ заканчиваетъ первый періодъ нашей новой литературы, то-есть эпоху двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Слѣдующій періодъ онъ считаетъ отъ 1840 года до Крымской войны. Оцѣнку писателей сороковыхъ годовъ г. Куррьеръ начинаетъ съ Герцена и излагаетъ содержаніе его романа *Кто виноватъ?* „Герцена отличаетъ въ особенности, говоритъ онъ, сила слога и тонкость анализа. У него поэтическая сторона стирается предъ идеей. Глубина наблюдательности, умъ и юморъ, вотъ что увлекаетъ у него читателя.“ Затѣмъ авторъ выражаетъ сожалѣніе что этотъ талантливый писатель разрушилъ свою литературную карьеру, бросившись въ революцію, и передаетъ въ немногихъ словахъ

судьбу его какъ публициста. „Его пропаганда въ некоторое время имѣла успѣхъ; но освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшія затѣмъ реформы сдѣлали ее безсильною.“

Отзывъ г. Куррьера о комедіяхъ г. Островскаго, достоинства которыхъ едва ли могли быть понятны французскому писателю, вообще неблагоприятъ. „Островскій, говоритъ онъ, выбираетъ свои типы въ кулеческомъ классѣ, въ Москвѣ или въ провинціи. Этотъ классъ, по грубости нравовъ, тиранніи предрасудковъ и деспотизму родительской власти, очень походитъ на крестьянское сословіе. Лица выводимыя Островскимъ вѣрны дѣйствительности. Но чтеніе его піесъ раздражаетъ скуку. Онѣ всѣ почти вырѣзаны по одной выкройкѣ. Слишкомъ много однообразія въ характерахъ, въ интригѣ, въ положеніяхъ и въ развязкѣ. Отецъ непремѣнно тиранъ, требующій повиновенія, и выдающій дочь замужъ по расчету или по капризу. Мать и дочь всегда существа слабыя, безсильныя, умѣющія только склонять голову... Можно также упрекнуть г. Островскаго въ быстротѣ и недостаточной тщательности съ какою повидимому лишутся его піесы. Сцены слѣдуютъ одна за другой, не оставляя сильнаго впечатлѣнія; интрига развивается слишкомъ быстро, развязка ускорена, невозможно слѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ характеровъ.“

Подъ рубрикой того же періода г. Куррьеръ говоритъ о первыхъ произведеніяхъ гг. Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго; но такъ какъ онъ возвращается къ этимъ писателямъ въ отдѣлѣ современной литературы, то мы перейдемъ прямо къ этому послѣднему отдѣлу. Упомянемъ только о весьма странномъ отзывѣ сдѣланномъ г. Куррьеромъ о талантливой, нынѣ забытой повѣсти графа Соллогуба *Тарантасъ*. Эта повѣсть чрезвычайно раздражила французскаго автора тѣмъ что въ ней нѣсколько осмѣявъ молодой помѣщикъ жившій долго въ Парижѣ и вернувшійся въ Россію съ французскими взглядами и симпатіями и съ полнымъ невѣдѣніемъ русской жизни. Г. Куррьеру непріятно что графъ Соллогубъ заставляетъ другаго помѣщика, кореннаго русскаго человѣка, разбить на всѣхъ пунктахъ нашего Парижанина и обнаружить всю пустоту и несостоятельность его французскаго воспитанія. Г. Куррьеръ видитъ въ этомъ волюющее пристрастіе и чуть ли не посягательство на честь Франціи, и графъ Соллогубъ трактуется

имъ какъ „крайне неискусный адвокатъ славянофильства“ (?). Не странно ли что эта талантливая, но совершенно невинная повѣсть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ своего появленія, такъ сильно раздражила національную щепетильность французскаго историка нашей литературы?

Въ современной беллетристикѣ нашей г. Куррьеръ отводитъ первое мѣсто г. Тургеневу. „Сказавъ свое слово по вопросу о крѣпостномъ правѣ—характеризуетъ его французскій критикъ—онъ задался изображеніемъ нравственнаго состоянія своихъ современниковъ. Вѣрность съ какою онъ ихъ воспроизводитъ составляетъ главную его заслугу. Съ чудеснымъ чутьемъ умѣетъ онъ угадать новыя потребности, новыя идеи. Не старался разрѣшить вопросы дня, онъ привлекаетъ вниманіе общества на каждую новую задачу начинающую волновать умы, и конечно это что-нибудь составляетъ. Онъ задается преимущественно изображеніемъ *лишнихъ* людей, этихъ представителей поколѣнія 40хъ годовъ, которые, полные увлеченія и пыла, довольствуются тѣмъ чтобы болтать, не имѣя возможности дѣйствовать.“

Рудина авторъ считаетъ прототипомъ этихъ *лишнихъ* людей. „Но, спрашиваетъ онъ, былъ ли это человекъ лишній въ полномъ значеніи слова? Нѣтъ, потому что, будучи неспособенъ приложить свои теоріи къ практической жизни, онъ могъ жаромъ своего краснорѣчія внушить другимъ любовь къ труду. Въ ту эпоху русское общество находилось еще наканунѣ дѣятельности, и Рудины могли играть въ немъ дѣйствительную роль.“

Въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* г. Куррьеръ различаетъ отголосокъ слоровъ славянофиловъ съ западниками. Европеизмъ, въ его внѣшнихъ формахъ, представленъ въ лицѣ Паншина; Лаврецкій стоитъ на сторонѣ самобытнаго развитія, лежащаго въ основѣ славянофильскаго ученія. „Не слѣдуетъ однако удивляться, замѣчаетъ г. Куррьеръ, что Тургеневъ, хорошо извѣстный своимъ европеизмомъ, держитъ сторону Лаврецкаго. Западничество Паншина не осмыслено, не исходитъ изъ убѣжденія. Это случайное, поверхностное мнѣніе молодого чиновника, изучившаго Россію не выходя изъ кабинета. Славянофильство Лаврецкаго не имѣетъ ничего фанатическаго, свирѣлаго; это результатъ серіознаго и просвѣщеннаго знакомства съ своею странюю, результатъ ума здраво глядящаго на вещи.“ По поводу романа *Наканунѣ*

г. Куррьеръ опровергаетъ мнѣніе новѣйшей критики (les critiques de l'école avancée, какъ онъ выражается), видѣвшей въ этомъ произведеніи сдѣды уладка авторскаго таланта. Французскій критикъ находитъ что г. Тургеневъ хотѣлъ показать своимъ Инсаровымъ что „время мечтаній и бесплодныхъ споровъ прошло, и настало время дѣйствія. Инсаровъ не такъ остроуменъ и блестящъ какъ Шубинъ, не такъ ученъ и глубоко какъ Берсенева, но онъ выше ихъ по той идеѣ которой посвятилъ себя, и по цѣли имъ преслѣдуемой.“ Г. Куррьеръ замѣчаетъ мимоходомъ что одну изъ лучшихъ сторонъ таланта г. Тургенева составляетъ тонкость отъѣски съ которою онъ рисуетъ женскіе типы, и останавливается на роковой судьбѣ постоянно преслѣдуемой его героинь и героевъ. Онъ объясняетъ ее условіями русской жизни, порождавшими лишнихъ людей и осуждавшими ихъ на бездѣйствіе. Неуспѣхъ этихъ *личныхъ* онъ приписываетъ тому что толпа всегда охотнѣе идетъ за людьми сдѣло вѣрующими въ свою цѣль, чѣмъ за умами сомнѣвающимися и анализирующими, какъ объяснилъ это самъ Тургеневъ въ своей параллели между Донъ-Кихотомъ и Гамлетомъ. „Портретъ Гамлета, заключаетъ критикъ, не есть ли осужденіе эпохи которую мы изучаемъ, и которая умѣла производить однихъ Рудиныхъ? Мы понимаемъ теперь почему Елена предпочитаетъ Инсарова Берсенева. Авторъ, показывая намъ превосходство чувства надъ разсудочностью, даетъ понять что царство Рудиныхъ кончено, и начинается царство людей дѣйствія.“ Однако г. Куррьеръ отказывается въ своемъ полномъ сочувствіи г. Тургеневу, когда тотъ отъ чаянія этихъ новыхъ людей приступилъ къ ихъ объективному изображенію. Его точка зрѣнія на романъ *Отцы и Дети* приближается къ воззрѣніямъ петербургской критики. Тургеневъ, по отзыву французскаго критика, въ этомъ произведеніи поддается старымъ симпатіямъ, хотя противъ воли его Базаровъ на всѣхъ пунктахъ торжествуетъ надъ *отцами*. „Желаю провести безпристрастную параллель между *отцами* и *детьми*, заключаетъ г. Куррьеръ, авторъ не удовлетворилъ ни тѣхъ ни другихъ. Первые, видя себя осмѣянными, протестовали, вторые испустили громкіе крики негодованія.“ Въ разборѣ *Дыма*, французскій критикъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. По его мнѣнію, въ этомъ произведеніи г. Тургеневъ обваружилъ еще менѣе безпристрастія. „Въ грудахъ

юныхъ прогрессистовъ, обранныхъ авторомъ въ Баденъ Баденъ, мы видимъ только карикатуры.“ Г. Куррьеръ признается что онъ съ удовольствіемъ готовъ принести въ жертву авторской сатирѣ груллу русскихъ генераловъ, но желалъ бы взять подъ свое покровительство юныхъ прогрессистовъ. Достоинно сожалѣнія что французскій историкъ нашей литературы берется въ настоящемъ случаѣ судить о томъ въ чемъ онъ очевидно не компетентенъ. Онъ одинаково, конечно, не знаетъ ни нашихъ *отцовъ*, ни нашихъ *дѣтей*, ни нашихъ генераловъ, ни нашихъ прогрессистовъ; онъ только переводитъ на французскій языкъ отголоски нашихъ газетчиковъ, надъ которыми самъ же въ другомъ мѣстѣ весьма основательно смѣется. Замѣтно вообще что сужденія г. Куррьерера о позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Тургенева мало самостоятельны и весьма поверхностны; о многомъ онъ пишетъ лишь по наслышкѣ, какъ это явствуетъ напримѣръ изъ того что онъ считаетъ отрывокъ *Довольно* стихотвореніемъ, Татьяну кузиной Литвинова и пр. Неосновательность его сужденій обнаруживается между прочимъ и въ томъ что онъ очень высоко цѣнитъ самый плохой изъ всѣхъ разказовъ г. Тургенева, *Пунинъ и Бабуринъ*. Съ французской точки зрѣнія ему этотъ сочиненный по рецепту разказъ кажется очень новымъ и глубокимъ: героемъ взятъ *пролетарій*; „и не трогательно ли видѣть, восклицаетъ онъ, этого стараго республиканца (русскій мѣщанинъ республиканецъ!) забывающаго свои страданія и молящагося за правительство, его преслѣдовавшее, но нынче осуществившее то о чемъ мечталъ онъ много лѣтъ!“

Романы г. Гончарова г. Куррьеръ называетъ *эскизомъ*, находя что этотъ авторъ производитъ только картины. „Его портреты чудесны по точности и изяществу рисунка, но слишкомъ отвлеченны, слишкомъ удалены отъ жизни; имъ не достаетъ одушевленія и движенія. По поводу *Обрыва* критикъ замѣчаетъ что авторъ также хотѣлъ провести въ немъ параллель между *отцами* и *дѣтьми*, но обнаружилъ еще менѣе безпристрастія чѣмъ г. Тургеневъ. Тотъ кого г. Гончаровъ даетъ намъ какъ типъ молодого поколѣнія—грязея, бѣдно одѣтъ, вчесанъ, грубъ и циниченъ и хвастаетъ тѣмъ что полираетъ ногами всѣ приличія. Это Диогенъ, гордый страхомъ который умѣлъ внушить всѣмъ въ городѣ, гдѣ онъ живетъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Онъ занимаетъ деньги

предупреждая что не отдастъ ихъ; безстыдно эксплуатируетъ довѣрчивость и великодушiе Раевского (то-есть Раискаго) и въ отплату осыпаетъ его тысячью грубыхъ колкостей. Словомъ, Гончаровъ, какъ и всѣ писатели натуральной школы, сдѣлалъ карикатуру, шаржъ.“ Здѣсь конечно мы опять встрѣчаемся съ отголосками петербургскаго журнализма, и это тѣмъ болѣе странно что въ другомъ мѣстѣ г. Куррьеръ самъ даетъ характеристику „новыхъ людей“ и въ этой характеристикѣ краски французскаго автора не уступаютъ краскамъ гг. Тургенева и Гончарова. „Нигилисты, говоритъ онъ, отвергали всякiй авторитетъ въ религи, въ нравственности, въ политикѣ, въ литературѣ, въ наукахъ и въ искусствахъ. Поэзія, любовь, чувство, даже сама природа, были для нихъ лустыя слова. Они смотрѣли на бракъ какъ на вѣльное учрежденіе и признавали только животное, матеріальное влеченіе двухъ половъ. Это странное ученіе родилось не въ 1861 году: оно таилось уже съ давнихъ поръ. Скрытное и болѣе или менѣе отвлеченное прежде, съ этой эпохи оно облеклось въ плоть. Къ вліянію французскихъ социалистовъ присоединилось вліяніе философскихъ системъ Мошота, Бюхнера и въ особенности Шопенгауэра (?). Къ нигилистамъ пристаали социалисты, недовольные недостаточными реформами. Нигилизмъ нашелъ особенно многочисленныхъ послѣдователей между университетскою молодежью, которую оболъцали преимущественно отрицательныя тенденціи русской литературы. Не слѣдуетъ однако слишкомъ увеличивать значеніе этой пропаганды. Нѣкоторое число студентовъ, лѣннвыхъ идеей не признавать никакаго авторитета, стали сами работать надъ своимъ развитіемъ и превратили нигилизмъ въ теорію своего рода selfhelp; другіе пріяли ее изъ моды. У тѣхъ и у другихъ это былъ только порокъ молодости, который жизнь и опытность должны были исправить. Но есть также нигилисты искренніе (?); они проповѣдуютъ перейти къ дѣйствию и называютъ себя людьми будущаго. Послѣдовательные и убѣжденные, они примѣняютъ свои теоріи къ дѣлу, устраиваютъ фаланстеры, тайныя общества, производятъ революціонную пропаганду. Они подали руку польскимъ инсургентамъ и возбудили волненія въ Петербургскомъ Университетѣ въ 1863 (то-есть 1862) году. На этой почвѣ они сближаются съ социалистами. Къ нимъ примкнули нѣсколько женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, покинувъ

шихъ свои семейства чтобы жить въ фаланстерахъ и имѣть удовольствіе стричь себѣ волосы, носить очки, курить на улицахъ, посѣщать курсы анатоміи и провозглашать независимость женщины. Слѣдуетъ ли заключить что на этихъ такъ-называемыхъ людей дѣйствія не должно смотрѣть серьезно, какъ полагаетъ одинъ французскій критикъ? Нѣтъ, процессы Нечаева и Долгушина доказываютъ что они работаютъ втихомолку и стараются привлечь къ себѣ народъ.“ Прочитавъ эти строки, перестаешь понимать упреки обращаемые г. Куррьеромъ къ гг. Тургеневу, Гончарову и др., за пристрастное будто бы изображеніе „новыхъ людей“. Что-нибудь одно: или невѣрна характеристика нигилистовъ сдѣланная французскимъ авторомъ, или вѣрны изображенія упомянутыхъ русскихъ художниковъ. Путаница въ какую попалъ г. Куррьеръ будетъ для насъ тѣмъ очевиднѣе, если мы сравнимъ эти упреки съ тѣмъ что онъ говоритъ о г. Писемскомъ. Этотъ писатель, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, „отличается умѣньемъ *святить жизнь* натуру и жизнь; оттого его созданія иногда также гадки какъ *сама дѣйствительность*. Въ своемъ *Взбаломученномъ Морѣ*—продолжаетъ французскій критикъ—онъ задается, подобно г. Тургеневу, изученіемъ нигилистовъ, но онъ рисуется намъ ихъ такими *каковы они на самомъ дѣлѣ*, то-есть въ наименѣе привлекательномъ видѣ.“ Итакъ что же наконецъ хочетъ сказать г. Куррьеръ? Чѣмъ объясняются всѣ подобныя противорѣчія?

Объясненіе, кажется, заключается въ томъ случайномъ знакомствѣ г. Куррьерера съ нашей литературой на которое мы уже указывали. О г. Тургеневѣ онъ написалъ по отзывамъ петербургской критики, а о гг. Писемскомъ и Достоевскомъ—по нашимъ двумъ статьямъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1873 года: *Практическій Нигилизмъ* и *Общественная Психологія въ Романѣ*. Заимствованія эти столь очевидны что каждый взявъ въ руки книгу г. Куррьерера и наши статьи, тотчасъ убѣдится что послѣднія служили французскому автору единственнымъ источникомъ для оцѣнки новыхъ произведеній гг. Писемскаго и Достоевскаго. Даже едва ли читалъ онъ самыя произведенія, такъ какъ всѣ цитаты изъ нихъ приведены имъ по нашимъ статьямъ. Правда, г. Куррьеръ ни словомъ не упоминаетъ объ этихъ заимствованіяхъ, вѣроятно для того чтобы не быть въ противорѣчіи съ отзывомъ своимъ о *Русскомъ Вѣстникѣ*; но именно въ виду этого отзыва

мы считаемъ не лишнимъ облегчить нашимъ читателямъ трудъ повѣрки надъ французскимъ авторомъ, сопоставивъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ его книги и изъ нашихъ статей.

У г. Куррьера о *Взбаломученномъ Морѣ* говорится: „Il nous représente la société russe comme une mer agitée et remuée jusque dans ses profondeurs; ses bouleversements ont fait remonter à la surface tout ce que son sein recélait d'impur, d'abject et de répoussant. Nous assistons à la confusion des idées, à l'abaissement du niveau moral, à la domination du mensonge et de la phrase.“

Въ нашей статьѣ о томъ же романѣ сказано: „Г. Писемскій представилъ намъ... внезапное пониженіе общественнаго уровня, уладокъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, необузданное господство фразъ, деспотизмъ джи... Картину какого-то взбаломучившагося общественнаго Океана, въ которомъ вся нечистота, поднятая волненіемъ съ глубокаго дна, всплыла на поверхность.“

Далѣе у г. Куррьера, какъ и въ нашей статьѣ, слѣдуетъ выписка изъ заключительной страницы романа, гдѣ авторъ говоритъ что если въ его произведеніи не отразилась вся Россія, за то тщательно собрана вся ея ложь.

О романѣ *Люди Сороковыхъ Годовъ* г. Куррьеръ говоритъ: „Mais cette oeuvre, malgré ses qualités réelles, n'impressionna pas le public, comme l'auteur aurait pu s'y attendre. La critique accusa le romancier de négliger les nombreuses questions qui se pressaient de tous côtés et demandaient une solution, pour appliquer son puissant talent d'observation à une époque qui semblait déjà éloignée.“

У насъ о томъ же романѣ сказано: „Въ лублукѣ... эта таинственная эпопея отшедшаго въ исторію періода не произвела большаго впечатлѣнія: читатели сожалѣли что авторъ обнаружившій такъ много ума и наблюдательности въ пониманіи интересовъ текущей минуты, какъ бы отворачивается отъ лывущей на него жизни.“

Переходя къ роману *Въ Водоротѣ*, г. Куррьеръ говоритъ: „...La seconde phase du nihilisme, qui à notre époque a perdu son caractère primitif de doctrine et de système de philosophie. Il n'est pas rare de rencontrer dans le monde des hommes qui... dans leur vie pratique se sont appropriés inconsciemment certains côtés du nihilisme.“

У насъ это выражено такъ: „Движеніе вступило во второй

періодъ... Если въ обществѣ стали рѣдко встрѣчаться нигилисты сдѣлавшіе изъ своей доктрины задачу жизни, профессію, религію, за то на каждомъ шагѣ начали поладаться люди совершенно безсознательно усвоившіе себѣ вѣкоторую часть нигилистическихъ воззрѣній.“

Дальнѣйшее опредѣленіе практическаго нигилизма у г. Куррьера есть не болѣе какъ сокращеніе оказаннаго о томъ же въ нашей статьѣ. Затѣмъ самое изложеніе или лучше сказать толкованіе романа *Въ Водоворотѣ* также представляетъ лишь перифразъ нашей статьи, причемъ французскій авторъ цѣликомъ заимствуетъ наши мысли, наши цитаты и даже нерѣдко наши выраженія. Чтобы показать до какой степени французскій перифразъ г. Куррьера близокъ къ русскому оригиналу, ограничимся одною выдержкою:

У г. Куррьера: „*Hélène devint la maitresse du prince. Désormais, commence pour ce dernier une lutte morale résultant de la situation équivoque et anormale dans laquelle il se trouve placé. Le tourbillon des événements l'entraîne contre son gré, il perd pied à chaque instant, et chaque foi qu'il veut se raccrocher à une branche, survient un nouveau courant plus fort qui le rejette dans la mer; privé de tout point d'appui, il est bien prêt à perdre tout sens moral; il en vient même à désirer platoniquement que sa femme prenne un amant. Cette atmosphère de faussetté, de mensonge et de dépravation systématique finit aussi par altérer la notion de l'honnêteté chez la princesse. Il se produit alors en elle un fait psychologique monstrueux, qui n'est cependant que la conséquence logique de tout ce qui précède. Affolée par les intrigues qui l'entourent, repoussée par son mari et perdant pied à son tour, elle consent à partir pour l'étranger avec un des amis du prince.*“

Въ нашей статьѣ мы говорили такъ: „Она (Елена) сдѣлалась его любовницею. Почти съ самою тою минутою, въ существованіи князя начинается та роковая борьба усвоенныхъ вѣшнимъ образомъ идей съ неодолимою силою внутреннихъ потребностей натуры, которая въ концѣ-концовъ приводитъ его къ трагическому исходу... Водоворотъ, въ которомъ они безпомощно кружатся, теряя всякую лутеводную нить и переходя отъ одного неразчитаннаго шага къ другому... Князь доходитъ до того что самъ перестаетъ понимать свое положеніе... Князь начинаетъ *умственно* желать чтобы жена его воспользовалась правомъ въ свою очередь

полюбить кого-нибудь... Атмосфера же начинаетъ оказывать свое вліяніе и на княгиню, и тутъ происходитъ очень странное и на первый взглядъ какъ бы нескладное, но весьма возможное и тонко подмѣченное явленіе. Наталкиваемая со всѣхъ сторонъ на цыригу, оскорбляемая мужемъ, лшешая въ себя и внѣ себя всякой точки опоры, княгиня... соглашается ѣхать за границу съ Миклаковымъ."

Намъ пришлось бы выписать почти цѣликомъ двѣ главы изъ книги г. Куррьера, еслибы мы захотѣли прослѣдить до конца сдѣланныя имъ заимствованія изъ нашихъ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, слѣды заимствованій мы нашли бы и въ отзывѣ его о послѣднихъ произведеніяхъ г. Некрасова и о повѣстяхъ г. Габба Успенскаго. Полагаемъ однако что приведенныхъ выдержекъ достаточно для нашей цѣли. Мы не имѣемъ къ французскому автору ни малѣйшей претензіи за честь которую онъ оказалъ намъ, воспользовавшись нашими статьями; но мы полагаемъ что это обязывало его отнестись съ большею независимостью и безпристрастіемъ къ журналу съ критическими взглядами котораго онъ такъ близко сошелся въ нѣкоторыхъ вопросахъ.

Намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь мнѣнія г. Куррьера о послѣднихъ произведеніяхъ гг. Писемскаго и Достоевскаго, такъ какъ эти мнѣнія заимствованы имъ изъ нашихъ статей, хорошо извѣстныхъ читателямъ *Русскаго Вѣстника*. Укажемъ только на заключительныя слова, которыми французскій авторъ характеризуетъ, по поводу романа *Беси*, русскій нигилистическій кружокъ...

„Какая цѣль всѣхъ этихъ агитаторовъ? спрашиваетъ онъ.— Хотятъ ли они, подобно западнымъ социалистамъ, объявить войну капиталу, богатству, собственности, высшимъ классамъ? Нѣтъ, русская почва не произвела еще классъ пролетаріевъ настолько многочисленный и развитый чтобы поднять эти вопросы. Они хотятъ только уничтожить таланты, просвѣщеніе. Еслибы они могли, они отрѣзали бы языкъ Цицерону, выкололи бы глаза Копернику, лобили бы камнями Шекспира... Эта социальная гангрена есть недугъ гложущій современный міръ. Россія также подвержена ему, какъ и прочія страны; только въ ней эта борьба приняла другой характеръ. Нигилизмъ, отвергая всякій нравственный и умственный авторитетъ, ведетъ войну только съ просвѣщеніемъ, съ мыслью. Русскіе нигилисты, также какъ и западные

соціалисты, стремятся къ полнѣйшему равенству; но у нихъ это слово имѣетъ совершенно особое значеніе. Не равенства богатствъ и капитала они хотятъ, а равенства нравственнаго, рождающагося изъ невѣжества и порока. Когда цѣлое общество будетъ ввергнуто въ идиотизмъ и развратъ, тогда „да здравствуетъ вѣчная война, до пришествія новаго Іерусалима,“ какъ говоритъ Раскольниковъ. Соціальныя романы Писемскаго и Достоевскаго даютъ намъ ключъ къ этимъ внезапнымъ взрывамъ, идущимъ изъ подполья интеллигенціи; и для тѣхъ кто прочелъ *Взбаложенное Море*, *Преступленіе* и *Наказаніе* и *Блѣсы*, теоріи Нечаева, Долгушина и tutti quanti не представляютъ уже ничего новаго и удивительнаго.“

Отъ писателей сороковыхъ годовъ г. Куррьеръ переходитъ къ современной реальной беллетристикѣ, которую онъ называетъ „новою школою“. Несмотря на нѣкоторыя несообразности, встрѣчающіяся напримѣръ въ отзывѣ о Рѣшетниковѣ общій взглядъ автора на писателей этого направленія довольно основателенъ. Предоставляя беллетристамъ старшаго поколѣнія изучать и анализировать цивилизованный слой, эта новая школа, говоритъ г. Куррьеръ, „присвоила себѣ монополию низшихъ классовъ общества и водрузила знамя простонароднаго реализма. Но подобно натуральной школѣ, она смотритъ на свой предметъ отрицательно, и кажется съ удовольствіемъ отыскиваетъ въ народѣ самыя гадкія и отталкивающія стороны. Отъ одной крайности она перешла къ другой и впадала въ преувеличенія, отъ которыхъ ей трудно будетъ отдѣлаться. Хвастаясь тѣмъ что она не идеализуетъ крестьянина, какъ Тургеневъ и Григоровичъ, и претендуя быть вѣрнымъ выраженіемъ реалистическихъ тенденцій современнаго общества, какимъ образомъ выполнила она свою программу? Откровенно говоря, трудно полюбить народъ прочитавъ писанія Глѣба Успенскаго и tutti quanti.“

Авторъ упоминаетъ затѣмъ о романѣ *Что Дѣлать*, какъ о произведеніи совершенно бессмысленномъ: „Его герой, Рахметовъ, не скажу мало натураленъ, но невозможенъ. Этотъ типъ людей будущаго, чтобы слѣдовать въ точности своимъ принципамъ, совершаетъ единственныя въ своемъ родѣ фокусы. Онъ много путешествуетъ, затѣмъ освобождаетъ своихъ крестьянъ и дѣлается самъ бурлакомъ, чтобы изучить вблизи народ-

ную жизнь. Онъ можетъ читать восемьдесятъ два часа орду и проглатывать одинъ за другимъ восемь стакановъ крепкаго кофе. Къ несчастью, онъ имѣетъ вовсе не демократическую слабость къ хорошимъ сигарамъ. Этотъ Рахметовъ, этотъ чистѣйшій изъ чистыхъ, есть куріозъ достойный быть помѣщеннымъ въ музей; полагаю что онъ никогда не найдетъ молодыхъ людей которые пожелаали бы ему подражать.“

„Успенскій одинъ изъ главныхъ корифеевъ этой литературы, гордо носящей названіе *музыкой*. Еслибъ-то еще она вводила насъ въ дѣйствительную, здоровую и нормальную жизнь народа! Но нѣтъ, всѣ ея герои или грубые идиоты — крестьяне, или пролетаріи въ постоянномъ мятежѣ противъ общества. Чтобы ихъ изобразить, нѣтъ надобности идти въ деревню, надо съѣздить за преніями въ судахъ исправительной полиціи (?) или посѣщать кабаки.“ Приведа за тѣмъ нѣсколько цитатъ, заимствованныхъ изъ нашей статьи *Народность въ Новой Литературѣ*, авторъ замѣчаетъ что всѣ герои г. Успенскаго находятся въ состояніи вѣчнаго и вялаго протеста и заключаетъ словами: „Будемъ надѣяться что тилы подносимые намъ Успенскимъ суть только порожденія его фантазіи.“

Уломянувъ затѣмъ о Помяловскомъ, Слѣпцовѣ, Левитовѣ, Рѣшетниковѣ, съ которыми г. Куррьеръ знакомъ кажется только по отзывамъ петербургской критики, авторъ переходитъ къ историческому роману и начинается съ *Князя Сербянаго* графа Алексѣя Толстаго, талантъ котораго напоминаетъ, по его словамъ, Вальтеръ-Скотта. Наиболѣе интереса въ этой главѣ онъ удѣляетъ впрочемъ хроникѣ *Войны и Мира* графа Л. Н. Толстаго, названной имъ „безъ сомнѣнія однимъ изъ лучшихъ образцовыхъ произведеній русской литературы“. „Рамки его, продолжаетъ онъ, необъятны и дѣйствующія лица безчисленны. Между ними насчитываютъ трехъ императоровъ съ ихъ министрами, маршалами и генералами, офицеровъ, солдатъ, дворянъ и крестьянъ. Изъ петербургскихъ салоновъ авторъ переноситъ насъ въ лагерь, изъ Москвы въ деревню. И все это вается, оцѣпляется ясно, безъ лутаницы, множество разнообразныхъ, мѣняющихся картинъ проходитъ предъ нашими глазами, равно прекрасныхъ, равно поражающихъ.“ Разказавъ затѣмъ общее содержаніе романа, г. Куррьеръ выражаетъ

сожалѣніе что къ превосходнымъ картинамъ примѣшаны философскія разсужденія и выводы, по его мнѣнію, очень неключительныя. Онъ высказываетъ затѣмъ нѣкоторыя частныя замѣчанія, съ которыми русскій читатель едва ли согласится. Такъ на примѣръ въ солдатикѣ Каратаевѣ онъ видитъ аллегорію; упрекаетъ графа Толстаго въ томъ будто бы онъ лишь вскользь касается Аустерлицкаго и Бородинскаго сраженій, между тѣмъ какъ мелкимъ партизанскимъ стычкамъ даетъ размѣры настоящихъ битвъ и пр. Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, г. Куррьеръ говоритъ совершенно иное, находя что описаніе этихъ битвъ у графа Толстаго можетъ смѣло соперничать съ подобными описаніями во французской литературѣ. Какъ будто во французской литературѣ есть что-нибудь подобное!

Глава оканчивается краткимъ отзывомъ о романѣ графа Салиаса *Пугачевцы*. Отзывъ этотъ одинъ изъ самыхъ странныхъ въ цѣлой книгѣ. Французскій авторъ судитъ романъ со стороны его историческаго колорита, и находитъ этотъ колоритъ невѣрнымъ... Не много ли взялъ на себя въ этомъ случаѣ иномыслии историкъ нашей литературы? Впрочемъ, нерасположеніе его къ *Пугачевцамъ* объявляется изъ того же источника какъ и въ разборѣ *Тарантаса* графа Соллогуба: г. Куррьеръ недоволенъ затѣмъ тамъ выведенъ съ комической стороны одинъ Французъ. „Графу Салиасу, говоритъ онъ, показалось нужнымъ послѣдовать примѣру многихъ русскихъ писателей и сдѣлать изъ этого Француза шута, несовершенно остроумнаго дурачества котораго легко могли бы быть опущены.“

Съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ историческому роману, отнесся г. Куррьеръ къ исторической драмѣ. Театръ, какъ мы сказали уже, вообще наиболѣе интересуется его, и въ этой области онъ обнаруживаетъ непосредственное знакомство съ произведеніями русской литературы. Историческія драмы г. Островскаго кажутся ему слабыми, за исключеніемъ *Дже-Дилитрія*. Гораздо выше ставитъ онъ *Смерть Иоанна Грознаго* графа Алексѣя Толстаго; по его мнѣнію, это лучшая драма написанная когда-либо для русской сцены. „Правда, мы не находимъ въ ней—говоритъ онъ—разнообразія дѣйствія и богатства происшествій, отличающаго піесы г. Островскаго. Но за то характеры глубже обдуманы и портретъ царя Ивана, этой отодъ сложной въ

психологическомъ отношеніи фигуры, нарисованъ съ совершенствомъ подробностей какого еще никто не достигалъ." Разказавъ содержаніе драмы, г. Куррьеръ замѣчаетъ что она не чужда недостатковъ свойственныхъ вообще русской драматической литературѣ, то-есть что отдѣлка характеровъ преобладаетъ надъ сценическимъ интересомъ, что дѣйствіе замедляется длиннотами и обременено подробностями; но за всѣмъ тѣмъ піеса эта, по мнѣнію французскаго критика, содержитъ въ себѣ сцены не уступающія лучшимъ произведеніямъ французскихъ драматурговъ, и много превосходить трагедію Делавиля *Людвигъ XI*. Г. Куррьеръ приводит нѣсколько отрывковъ изъ этой такъ сильно понравившейся ему піесы и сообщаетъ въ примѣчаніи что въ настоящее время онъ занятъ окончательною отдѣлкой полнаго ея перевода, съ цѣлью поставить ее на одной изъ парижскихъ сценъ. Позднѣйшія драмы графа Толстаго, *Царь Теодоръ* и *Царь Борисъ*, г. Куррьеръ находитъ много слабѣе предыдущей.

Драмѣ г. Аверкіева *Каширская Старина* авторъ отводитъ значительное мѣсто въ нашей литературѣ. Онъ замѣчаетъ что „дѣйствіе не затягивается въ ней, и есть сцены написанныя рукою мастера“. По мнѣнію критика, г. Аверкіевъ имѣеть то преимущество что не привязывается исключительно къ своему главному герою, не жертвуетъ ему прочими дѣйствующими лицами, и отводитъ достаточное мѣсто женскому элементу. Авторъ замѣчаетъ что въ Москвѣ піеса эта имѣла громадный успѣхъ, но въ Петербургѣ была встрѣчена холодно, частью по низкому уровню александринской публки, частью потому что все идущее изъ Москвы вообще не пользуется въ Петербургѣ приемомъ...

Къ сожалѣнію, этого весьма вѣрнаго замѣчанія г. Куррьеръ не принялъ въ соображеніе въ той главѣ гдѣ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ романахъ явившихся въ послѣдніе годы въ нашемъ журналѣ. Въ отзывѣ объ этихъ произведеніяхъ нельзя не видѣть отголоска петербургской фельетонистики, удостоивающей систематической вражды все то что появляется на страницахъ *Русскаго Вѣстника*. Чтобы судить насколько основательны въ этомъ случаѣ отзывы г. Куррера, довольно уломянуть что романъ г. Крестовскаго *Панургово Стадо*, гдѣ петербургскія событія 1862 года изображены чуть не съ документальною достовѣрностью, кажется

Куррьеру фантастическимъ и не натуральнымъ.

Еще менѣе самостоятельности и основательнаго знакомства обнаруживаетъ г. Куррьеръ въ главѣ посвященной новой русской поэзіи. Повидимому эта область ему совершенно чужда, за исключеніемъ двухъ, трехъ случайно попавшихся на глаза стихотвореній. Кое-что онъ могъ однако сообщить о г. Фетѣ. Онъ называетъ его однимъ изъ главныхъ представителей новой школы, подлавшей вліянію Гейне. „Его темы однакожь довольно разнообразны. То поетъ онъ скорбь души уставшей жить и искать счастья, то отдается съ увлеченіемъ изображенію любви къ женщинѣ и красоту природы.“ Поэзія гг. Майкова и Полонскаго вѣроятно вовсе неизвѣстна французскому критику, такъ какъ онъ посвящаетъ ей всего по парѣ словъ. Упомянувъ тутъ же о Шевченкѣ и Никитинѣ, г. Куррьеръ говоритъ что „всѣ эти поэты имѣли очень ничтожное вліяніе, такъ какъ поэзія нисколько не интересовала общество, всецѣло поглощенное вопросами дня“. Сатиры г. Некрасова имѣли, по словамъ г. Куррьерера, болѣе успѣха, такъ какъ ихъ отрицательныя тенденціи болѣе отвѣчали состоянію умовъ. „Некрасовъ пользовался большимъ вліяніемъ на свою эпоху, въ особенности на университетскую молодежь. Мало заботясь о красотѣ формы и о гармоніи, онъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за движеніемъ жизни, за ходомъ идей, и былъ вѣрнымъ отголоскомъ стремленій современнаго журнализма. Онъ занималъ также довольно видное мѣсто въ журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ, подавая знамя реализма въ *Современникѣ*, котораго онъ былъ редакторомъ. Одно время онъ пользовался большою популярностью. Это было въ ту эпоху когда русская литература бросилась изучать вопросы сильно занимавшіе умы. Увлеченный этимъ движеніемъ, Некрасовъ написалъ нѣсколько стихотвореній дѣйствительно замѣчательныхъ, какъ напри- мѣръ начинающееся словами: „Вду ли ночью по улицѣ темной“. Позднѣе, съ появленіемъ натурализма и ультра-реалистической школы, Некрасовъ, обратившійся къ этимъ новымъ теоріямъ, началъ видимо падать. Его стихотворенія въ на- родномъ духѣ ничѣмъ не лучше нѣкоторыхъ страницъ Успенскаго. Онъ показываетъ намъ крестьянина просящаго и тобъ его освободили отъ блохъ, кишачихъ въ его рубахѣ, молодую крестьянку онъ сравниваетъ съ проворною блохой. Геллеръ, когда усталые отъ волненій умы стали спокойнѣе,

г. Некрасовъ, за недостаткомъ сюжетовъ, обратился къ прошедшему. Событіе 14го декабря доставило ему содержаніе для нѣсколькихъ лиесъ: *Дядюшка*, *Русскія Женщины*, гдѣ онъ восплѣваетъ героизмъ двухъ княгинь, послѣдовавшихъ въ Сибирь для соединенія съ своими мужьями. Но видно что поэтъ стоитъ здѣсь не на своей почвѣ. Тщетно осѣдлалъ онъ романтическаго Пегаса, превратившагося подъ нимъ въ разбитую клячу; онъ создалъ поэму сухую, исполненную лоямаго лиризма. Муза, которую онъ хотѣлъ поработить своими тенденціямъ, мститъ за себя. Читатели могутъ замѣтить что этотъ отзывъ французскаго критика о г. Некрасовѣ довольно близко совпадаетъ съ замѣчаніями сдѣланными нами въ статьѣ о томъ же поэтѣ: *Поэзія Журнальныхъ Мотивовъ*.

Окончивъ обзоръ прошедшаго и настоящаго нашей литературы, г. Куррьеръ дѣлаетъ общее заключеніе, не лишнее нѣкоторыхъ основательныхъ замѣчаній и соображеній. „Русская литература, говоритъ онъ, имѣетъ весьма странную судьбу. Да и не все ли вообще странно въ этой душной подобно Янусу странѣ, старой своею исторіей и юной своими еще непочатыми силами, принадлежащей въ одно и то же время Европѣ и Азій и имѣющей двойное призваніе—заимствовать цивилизацію и прививать ее своимъ народамъ? Выступивъ послѣднимъ на сцену, Русскій народъ долженъ былъ тащиться за другими. Все въ этой странѣ началось со вчерашняго дня: романъ, исторія, журналистика, критика. Несмотря на то она сумѣла создать въ различныхъ областяхъ литературы произведенія которыя сѣбѣ могутъ выдержать всякое сравненіе. Умственные силы ея, не истощенныя псевдо-классицизмомъ, обнаружили всю свою жизненность въ эпоху романтизма. Въ настоящее время русская литература также быстро пришла къ реализму какъ и ея старшія сестры. Послѣ великихъ реформъ шестидесяти годовъ, она, какъ само русское общество, сдѣлалась жертвою кризиса, симптомы котораго легко опредѣлить, но исходъ невозможно предвидѣть.“ Упомянувъ затѣмъ что писатели сороковыхъ годовъ отнеслись отрицательно къ новому движенію, г. Куррьеръ продолжаетъ: „Талантъ этихъ великихъ писателей не ослабѣлъ, но они какъ будто потеряли связь посреди общества, съ которымъ оказались въ полномъ разладѣ. Новая школа критическая и литературная поступила не разсудительнѣе ихъ. Первое, въ чемъ можно упрекнуть

ее, это въ презрѣніи къ великимъ талантамъ, какіе уже произвела Россія. Она трактуетъ ихъ съ высоты своего величія, какъ молодые романтики 1830 года трактовали Фидистимлянъ. * Желая вести свое начало лишь отъ себя самой, она не довольствуется сказать: *Multum egerunt qui ante nos fuerunt, sed non peregerunt*; она идетъ далѣе и не хочетъ признать романистовъ сороковъ годовъ своими предками. Это не простое увлеченіе молодости, это открытый бунтъ противъ славнаго прошлаго, представители котораго въ глазахъ новой школы суть не что иное какъ аристократы. Въ этой чернильной войнѣ существуетъ смѣшеніе словъ и идей какого нигдѣ болѣе не найдешь. Упрекая великихъ романистовъ 1840—60 годовъ въ томъ что они держатся исключительно высухшихъ слоевъ русскаго міра, писатели новой школы сдѣлали изъ реализма не только литературную теорію, но по преимуществу теорію соціальную. Они хвастаются тѣмъ что создали *музыкальную* литературу, забывая что реализмъ понимаемый такимъ образомъ не всегда вѣренъ. Не сказалъ ли Жюберъ что гдѣ нѣтъ изящества, тамъ нѣтъ литературы? Въ связи съ этимъ замѣчаніемъ находится сказанное г. Куррьеромъ въ другомъ мѣстѣ: „Большинство авторовъ-реалистовъ слишкомъ далеко зашло съ самаго начала. Съ той минуты какъ искусство исключено изъ романа, когда послѣдній дѣлается только слѣлкомъ, стенографіей, всѣ выходы залерты и литература осуждена на безсиліе и безплодіе. Всякій прогрессъ, всякое будущее становятся невозможны.“

„Новая критическая школа, продолжаетъ французскій авторъ, сверхъ того впала въ чрезвычайныя крайности въ своихъ сужденіяхъ и требованіяхъ. Она убила поэзію и допускаетъ только сатиру. Она изгнала иллюзію изъ театра. Сцена отнынѣ должна сдѣлаться лишь уголкомъ дѣйствительной жизни, комедія—дагерротипнымъ портретомъ. Вообще, впрочемъ, этотъ родъ литературы разрабатывался въ Россіи съ малымъ успѣхомъ. Мы говорили уже о бѣдности вымысла характеризующей піесы г. Островскаго. Комедія интриги не имѣетъ шансовъ акклиматизоваться въ Россіи, и нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ, какія мы видѣли, не были удачны. Комедія правовъ также имѣетъ очень узкія рамки. Она

* Этимъ именемъ назывались во Франціи противники романтической школы, выступившей съ Викторомъ Гюго во главѣ.

заимствуетъ свои сюжеты всегда изъ міра купечества и чиновничества, міра узкаго и мало разнообразнаго. Скажемъ впрочемъ въ оправданіе русскихъ авторовъ что условія въ какихъ они находятся мало благоприятны. Правительство, не щадящее громадныхъ издержекъ для привлеченія иностранныхъ артистовъ, даетъ лишь крайне умѣренное вознагражденіе русскимъ авторамъ. Кромѣ того цензура, допускаящая играть на театрахъ Берга и Буффъ самыя декольтированныя французскія оперетки, безъ жалости мнетъ русскія піесы. Наконецъ составъ публки Александринскаго театра не имѣетъ ничего поощряющаго. Аристократическое общество прілежно посвѣщаетъ италіанскую оперу, Мариинскій театръ, гдѣ даютъ русскія оперы, Михайловскій, гдѣ даютъ французскія піесы; оно ходитъ, правда, тайкомъ въ Буффъ и въ театръ Берга, но совершенно гнушается Александринскимъ. Да что можетъ ее привлечь туда? Репертуаръ его такъ бѣдѣн тамъ даются только русскія комедіи, мало интересныя, и переводы съ французскаго, такъ плохо прилаженные и такъ обезображенные что знающіе французскій языкъ разумѣется предпочитаютъ видѣть эти піесы разыгранными на Михайловскомъ театрѣ такими артистами какъ Дюлюи, Ворисъ, Лагранжъ, гжи Паска, Делалортъ и Лагранжъ-Белькуръ. Русскому автору остается партеръ, состоящій изъ бѣдныхъ и скромныхъ чиновниковъ, и ложи наполняемыя куцями въ шалкахъ и кафтанахъ. Такая публка очень плохой суды и неспособна оцѣнить достойнаго произведенія.

„Русскій умъ по преимуществу положительный, практический и резонирующій. Этимъ объясняется вышнее преобладаніе критики и реалистическихъ тенденцій. Говорили и вторяли что русскій умъ болѣе всего наклоненъ къ подражанію и ассимиляціи и что онъ совершенно лишенъ способности изобрѣтенія. Мнѣніе это произошло конечно оттого что Русскій народъ очень поздно получилъ цивилизацію. Но это мнѣніе далеко не вполнѣ характеризуетъ геній Русскаго народа. Мы видѣли что въ эпоху романтизма и позднѣе, произведенія русскихъ писателей не были лишены оригинальности. Вѣрнѣе будетъ сказать что русскій умъ обладаетъ даромъ изобрѣтенія, но лишенъ извѣстной высоты идей и понятій. Благодаря своей положительности, своей настойчивости, онъ производитъ изыскателей, терпѣливыхъ труженниковъ. Въ критикѣ онъ привязывается болѣе къ подражанію

статье чѣмъ къ общимъ взглядамъ. Въ философіи онъ еще ничего не сдѣлалъ.“

Послѣдняя глава книги г. Куррьера посвящена русской журналистикѣ и представляетъ лестное смѣшеніе правды и вздора. Желая быть по возможности полнымъ, г. Куррьеръ говоритъ о томъ что ему, очевидно, неизвѣстно, или о чемъ дошли до него отрывочныя свѣдѣнія изъ чужихъ рукъ. Онъ полагаетъ на примѣръ что Добролюбовъ былъ преемникомъ Бѣлинскаго въ *Современникѣ* и въ *Русскомъ Словѣ* (вѣроятно отождествляя его съ Писаревымъ), что онъ сдѣлалъ для натуральной школы то что Бѣлинскій для романтизма, и что онъ часто долженъ былъ жертвовать своими убѣжденіями ради мнѣній редакціи. „Его ошибкой, говоритъ г. Куррьеръ, было то что онъ смѣшивалъ искусство съ наукой. По его мнѣнію идеалъ состоитъ въ томъ чтобы отражать вполнѣ въ ежедневныхъ отдѣльныхъ фактахъ самыя возвышенныя общія идеи; и потому единственною цѣлью искусства и поэзіи должна быть популяризація науки.“ Въ другомъ мѣстѣ говорится что представителями школы Бѣлинскаго были Дружининъ, Ахшарумовъ и Николай Соловьевъ.

Авторъ замѣчаетъ что ежемѣсячные журналы имѣютъ въ Россіи болѣе значенія чѣмъ во Франціи. „У насъ, говоритъ онъ, гдѣ газета царствуетъ деспотически, гдѣ ежедневныя политическія событія поглощаютъ все вниманіе, книжки журналовъ проходятъ почти незамѣченными. Въ Россіи, гдѣ нѣтъ политическихъ партій, гдѣ полная тишина царствуетъ въ обществѣ, представляется досугъ заняться вопросами историческими, литературными, критическими. Первое число каждаго мѣсяца ожидается съ нетерпѣніемъ; слѣдуетъ узнать содержаніе новыхъ книжекъ. Критика и публика раздѣлены на литературные лагери, ведущіе почти такую же ожесточенную войну какъ бонапартисты и республиканцы во Франціи.“ Авторъ группируетъ затѣмъ главные наши журналы, пародируя сочетаніе парламентскихъ партій. „При появленіи новаго романа или критической статьи, продолжаетъ онъ, всѣ эти партіи приходятъ въ движеніе. Огонь открываютъ фельетонисты, исполняющіе роль застрѣльчиковъ; за ними слѣдуетъ тяжелая кавалерія толстыхъ журналовъ. Герой романа, тенденціи статьи, хвалятся или лорцаются смотря по тому соотвѣтствуютъ они или нѣтъ мнѣніямъ судей. Тутъ

нѣтъ мѣста безпристрастію, и мнѣ очень часто случалось видѣть какъ одинъ и тотъ же романъ, превозносимый до небесъ въ одномъ журналѣ, попирается ногами въ другомъ. Прибавьте что эти господа критики не всегда вѣжливы и что перо ихъ не отстываетъ предъ ругательствами. Короче, критика набрасывается на все; она оцилиываетъ и крошитъ литературныя произведенія какъ трупы въ анатомическомъ театрѣ. Она не смотритъ, согласны ли мнѣнія автора съ истиной, съ принципами нравственными и эстетическими. Если писатель принадлежитъ къ одной партіи съ критикомъ, его хвалятъ, въ немъ находятъ талантъ; въ противномъ случаѣ онъ попадаетъ въ Могилы литературы. Ультра-реалисты и социалисты также имѣютъ свою критическую школу. Успенскій ея богъ; Пушкина она считаетъ салоннымъ поэтомъ; Тургеневу, Гончарову и пр. она выдала отставку. Новая школа производитъ много шума, сильно кричить; это почти единственная ея заслуга. Проловѣдуя самый широкій утилитаризмъ, она отрицаетъ искусство и даже рассматриваетъ его какъ вещь опасную. Она отвергаетъ все что русская литература произвела лучшаго и прекраснѣшаго съ начала столѣтія.“

За этой общою характеристикой, г. Куррьеръ переходитъ къ оцѣнкѣ главныхъ современныхъ журналовъ. *Вѣстникъ Европы* онъ называетъ умѣренно-либеральнымъ и упрекаетъ его въ томъ что онъ не всегда счастливъ въ выборѣ романовъ. *Гражданина* авторъ вѣроятно никогда не видалъ, такъ какъ считаетъ его московскимъ изданіемъ. По поводу *Отчужденныхъ Записокъ* онъ замѣчаетъ что г. Краевскій, издавая кромѣ этого журнала газету *Голосъ*, можетъ такимъ образомъ имѣть двѣ мѣры и двое вѣсовъ. Объ отношеніи автора къ *Русскому Вѣстнику* мы уже говорили. *Московскимъ Вѣдомостямъ* г. Куррьеръ посвящаетъ весьма пространный отзывъ, представляющій лестную смѣсь былей и небылицъ, вѣрной оцѣнки и отголосковъ лустѣвшихъ слетель. Въ заключеніе авторъ отдаетъ впрочемъ справедливость этому изданію въ томъ что оно „глубоко-національно, въ особенности въ вопросахъ вѣдшей политики, и можетъ быть рассматриваемо какъ органъ истинныхъ Русскихъ“. О фельетонахъ, занимающихъ такую видную роль въ современной петербургской журналистикѣ, авторъ отзывается съ презрѣніемъ. „Критика прикрывающаяся анонимами и псевдо-

шимами, говоритъ онъ, заявляетъ тамъ себя иногда рѣзкостью и грубостью, напоминающею тонъ нѣкоторыхъ американскихъ журналовъ. Нѣкоторые изъ этихъ фельетоновъ наполнены личными намеками и клеветами, мало достойными печатнаго слова. Другіе, какъ напримѣръ критикъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (подъ редакціей г. Корша), не только нападаютъ на своихъ собратьевъ, но съ наглою безцерковностью заставляютъ ихъ говорить то чего они никогда не писали“ и т. д.

Передавъ тщательнымъ образомъ содержаніе книги Куррьера, представляющей во всякомъ случаѣ явленіе весьма любопытное, не можемъ не указать въ заключеніе что нѣкоторые талантливые русскіе писатели совершенно пропущены французскимъ историкомъ нашей литературы; онъ, напримѣръ, не упоминаетъ вовсе объ Аксаковѣ (авторѣ *Семейной Хроники*), и Мельниковѣ (Андрѣй Печерскомъ).

Оканчивая свою книгу, г. Куррьеръ говоритъ о необходимости и своевременности основать въ Парижѣ или въ Петербургѣ французскій литературный органъ который поставилъ бы своей задачей знакомить Францію съ нашимъ отечествомъ, со всѣмъ замѣчательнымъ въ области нашей литературы, промышленности и общественнаго быта. По видимому вопросъ этотъ стоитъ на очереди. Не можемъ не пожелать успѣха предполагаемому изданію, но должны также присоединить пожеланіе чтобъ оно не впадало въ тѣ же ошибки въ какія увлекся г. Куррьеръ: пусть этотъ будущій франко-русскій органъ оставитъ правиломъ говорить лишь то съ чѣмъ онъ познакомится самостоятельно, и старается избѣжать вліянія ходячихъ мнѣній и тенденціозныхъ предразсудковъ. Ему удобнѣе будетъ чѣмъ русскому журналу стоять во многихъ вопросахъ на почвѣ самаго строгатаго безпристрастія; и только этимъ путемъ онъ можетъ приобрести извѣстное значеніе въ глазахъ русской публики.

А.

При семъ № предлагается для всѣхъ подписчиковъ особое объявленіе объ центральному делу Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

М А Й

	Стр.
✓ На горахъ. Разказъ. Гл. I—IX. <i>Андрея Печерскаго</i>	5
Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хро- ники. Гл. III—V. <i>М. Θ. Де-Пуле</i>	105
Изъ перелиски Прудона. <i>V. W.</i>	188
Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ. Гл. I—V. <i>М. П. Соловьева</i>	205
Парламентское слѣдствіе о дѣйствіяхъ правительства національной обороны. <i>Г. де-Молinari</i> ..	254
✓ Болѣзнь нашего времени. Картины изъ современной жизни. <i>С. Эмануэля</i>	288
✓ Искусство и позитивизмъ. <i>Г. Θ. Струве</i>	357
По поводу спиритическихъ сообщеній г. Вагнера. <i>С. А. Рачинскаго</i>	380
✓ По поводу новаго романа графа Л. Н. Толстаго. <i>А...</i>	400

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона.
Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая,
гл. XIV—XVIII.
- ✓ Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Макъ-
Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками).
Окончаніе второй части.

І Ю Н Ъ

	<i>Стр.</i>
Дѣлавахъ нейтральныхъ. Окончаніе. <i>Ю. А. Новосильцова.</i>	421
Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хроніки. Гл. VI—VII. <i>М. Ѡ. Де-Пуле.</i>	463
Memento Mori. Стихотвореніе. <i>М. А. Хитрово.</i>	525
Мое дѣтство и наша семья. (Воспоминанія Одиссея Полхроніадеса, загорскаго Грека). Гл. I—VIII. <i>К. Н. Леонтьева.</i>	526 ✓
Парижскіе силуэты и очерки. <i>Петра Петрова.</i>	606
Повѣдка въ Бухару. (Извлеченія изъ дневника). <i>Н. П. Стремюхова.</i>	630
О дѣйствительности внѣшняго міра и основаніи метафизическаго познанія. (Отвѣтъ <i>К. Д. Кавелину</i>). <i>В. С. Соловьева.</i>	696
Семейство Баклановыхъ. (Изъ моихъ воспоминаній). Гл. I—X. <i>Н. Г. Чаплыгина.</i>	708 ✓
Еще нѣсколько словъ объ украинофилахъ. <i>С. С. Гогоукаго.</i>	787 ✓
Русская литература. <i>Н. Н. Страхова.</i>	799
Французская книга о русской литературѣ. <i>А.</i>	818

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга двѣнадцатая. гл. I—V.	✓
Военныя дѣйствія на Оксусъ и паденіе Хивы. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть третья. Гл. I—X.	✓

Сего 1го июня вышла и разошла подлищикамъ VI, июньская книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Князь Григорій Александрович Потемкинъ-Таврической, 1739—1790, биографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ: взятіе Очакова; пребываніе въ С.-Петербургѣ въ 1789 году; переписка съ Прасковьею Андреевною Потемкиной и пр.—II. Замѣтка о гравированномъ на мѣди портретѣ кв. Потемкина, приложенномъ при этой книгѣ *Русской Старины*, и о граверѣ академикѣ Пожалостинѣ. — III. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ по управленію И. И. Бецкаго, историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ А. П. Пятковского.—IV. Французская армія предъ войной съ Россіей, переводъ съ французской рукописи, 1808 года.—V. Максимъ Григорьевичъ Власовъ, атаманъ войска Донскаго 1836—1848, биографическій очеркъ и воспоминанія о немъ его адъютанта.—VI. Первое бомбардированіе Севастополя 5го—13го октября 1854 года, историческій очеркъ М. И. Богдановича.—VII. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: письма къ друзьямъ, 1847—1865. Сообщ. В. В. Стасовъ.—VIII. Воспоминанія А. И. Кармалиной, рожд. Бленицыной: М. И. Глапка и А. С. Даргомыжскій.—IX. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*: Пугачевскіе листы 1774 года.—X. *Ставленникъ*, русскій опера въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненная въ Ярославѣ въ 1780 году.—XI. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Приложенія. Къ этой книжкѣ приложены: I. Записка Манштейна о Россіи 1728—1744, переводъ съ французской подлинной его рукописи: главы VI—VII, событія 1736—1737 гг.—II. портретъ князя Потемкина-Таврическаго гравированный на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изданія 1875 года продолжается. Двѣнадцать книгъ, съ портретами, рисунками и прочими приложеніями,

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексева.

Гг. иногородныхъ подлищиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, домъ № 42, кв. № 12.

РУССКАЯ СТАРИНА 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой (осталось 38 экземпляровъ). 5.851.

мобилыя бывшими подъ командой Ангеррана, и о тщетной попыткѣ послѣдняго воодушевить ихъ. Но о судьбѣ брата онъ не зналъ. Въ полночь Рауль продолжалъ свои поиски среди грудъ тѣлъ и лужъ крови, освѣщаемыхъ издали свѣтомъ изъ обсерваторіи на Монмартрѣ, а вблизи бивуачными огнями протянувшимися вдоль лѣваго берега Марны, между тѣмъ какъ по полю повсюду мелькали оговьки фонарей *Frères Chrétiens*. Вдругъ, въ темномъ мѣстѣ на которое падала тѣнь отъ недокопченнаго окопа, онъ замѣтилъ небольшую зловѣщую фигуру припавшую къ груди раненаго воина, очевидно не затѣмъ чтобъ оказать помощь. Онъ бросился впередъ, и схватилъ отвратительнаго вида мальчишку, не старше двѣнадцати лѣтъ, который держалъ въ одной рукѣ маленькій кристалльный медальонъ, въ филигранной золотой оправѣ, сорванный съ груди воина, а въ другой высоко поднималъ длинный поварской ножъ. Съ перваго взгляда Рауль узналъ священныя талисманы данныя имъ Ангеррану, и приказавъ слугителямъ схватить маленькаго разбойника, послѣдовалъ къ своему брату. Ангерранъ еще дышалъ, и его потухавшіе глаза просіяли когда онъ узналъ дорогое родное лицо. Онъ попытался говорить, но голосъ измѣнилъ ему, и онъ только покачалъ головой, грустно, но все еще со слабою улыбкой на губахъ. Его подыали и осторожно положили на носилки. Движеніе, какъ оно ни было осторожно, причинило ему сгряданіе и онъ прошепталъ съ болѣзненнымъ усиліемъ: „Матушка—я хочу видѣть ее еще разъ“.

Когда на разсвѣтѣ зѣваки спустились съ Монмартрскихъ высотъ и укрѣпленій въ улицы, гдѣ въ теченіи всей ночи большая часть оконъ были открыты и изъ нихъ выглядывали встревоженныя, блѣдыя женскія лица, они увидѣли печально двигавшееся лазаретное шествіе; многіе взоры устремились пристально на носилки гдѣ лежалъ идолъ жаднаго до удовольствій Парижа, и около которыхъ шли темныя фигуры съ релокрытыми головами,—шли все дальше и дальше пока достигли отеля де-Вандемаръ, и у дверей его послышался женскій крикъ, крикъ матери: „Сынъ мой! сынъ мой!“

К Н И Г А XII.

Г Л А В А I.

Послѣдняя книга заключилась успѣхомъ парижской вылазки 30го ноября; за ней послѣдовала стрѣнная схватка 2го декабря, не менѣе славная для французской доблести. Всѣ были восторженно убѣждены что освобожденіе близко, что Трошю прорвется чрезъ желѣзныя линіи осаждающихъ, и соединясь съ арміею Орелля де-Паладина, привудитъ Германцевъ снять обложеніе. Увѣренность эта была сильно поколеблена прокламаціей Дюкро отъ 4го декабря, объясняяшей обратное движеніе за Марну и оставленіе выигранной позиціи, но не была потеряна окончательно когда письмо фонъ-Мольтке къ Трошю отъ 5го числа уведомило объ отбитіи Луарской арміи и о новомъ завѣтѣ Орлеана. Даже и тогда Парижане не утратили надежды на избавленіе; и даже послѣ отчаянной и безплодной вылазки противъ Лебурже 21го числа, не переставали острить надъ пораженіемъ и предсказывать побѣду, когда морозъ и голодъ враждебно водворились въ столицѣ.

Разказъ нашъ открывается теперь въ послѣдній періодъ осады.

Если въ эти грозные дни, все что есть худшаго и презрѣннаго въ парижскомъ населеніи выказало себя съ худшей стороны, то и все что есть привлекательнаго, благороднаго и священнаго, что незамѣтно для обыкновеннаго наблюдателя въ счастливые дни столицы, стало рѣзко выдаваться. Высшіе классы, остатки старой *noblesse*, въ теченіи всей осады обнаруживали качества рѣзко протаворѣщавшія тѣмъ что приписываются имъ врагами аристократіи. Сыновья ихъ составляли большинство тѣхъ солдатъ которые никогда не клеветали на своихъ предводителей, никогда не бѣжали отъ врага; женщины были въ числѣ наиболѣе усердныхъ и вѣрныхъ сестеръ милосердія въ лазаретахъ которые были учреждены ими и гдѣ онѣ служили; дома ихъ были открыты какъ для пристанища бѣжавшихъ изъ предмѣстій такъ и для госпитальныхъ помѣщеній. Размѣръ пособій которыя они безъ всякаго хвастовства оказывали при наступленіи голода изъ

средствъ сильно пострадавшихъ при общемъ уменьшеніи доходовъ, былъ бы едва вѣроятенъ еслибъ былъ приведенъ въ извѣстность. Изумительны также были твердость и самоотверженіе истой парижской буржуазіи, расчетливыхъ торговцевъ и мелкихъ *rentiers*, того класса въ которомъ, если судить по его уступчивости предъ уличною толпою, мужество не составляетъ выдающейся добродѣтели. Но мужество ихъ обнаружилось теперь, мужество съ какимъ они переносили ежечасно возраставшія лишения и подавали въ себѣ всякій ропотъ страданія, который обезславилъ бы ихъ патриотизмъ взывая о мирѣ какою бы ни было цѣной. На этотъ классъ бѣдствія осады ложились особенно тяжело. Приостановка торговли, неполученіе ренты въ которую помѣщены были ихъ сбереженія, заставляли многихъ изъ нихъ испытывать настоящую нужду. Только тѣ кто получалъ по полтора франка въ день служба въ національгардахъ могли быть уверены что не умрутъ голодною смертію. Но эта лаата начала уже оказывать деморализующее вліяніе на получавшихъ; будучи самимъ ничтожна для покупки съѣстныхъ припасовъ, она была вполнѣ достаточна чтобы наливаться. И пьянство, до того времени рѣдкое въ этомъ классѣ Парижанъ, сдѣлалось преобладающимъ порокомъ, тѣмъ болѣе важнымъ что оны дѣлали національгардовъ неспособными къ исполненію ихъ обязанностей, особенно тѣхъ національгардовъ которые принадлежали къ безпокойной демократіи рабочихъ классовъ.

Среди парижскаго населенія трогательнѣе всего обнаруживались прекраснѣйшія стороны челоѣческой природы въ женщинахъ и духовенствѣ, причислая къ послѣднему многообразныя братства и общества образовавшіеся подъ вліяніемъ религіи.

27го декабря Фредерикъ Лемерсье стоялъ пристально смотря на военный приказъ прибитый къ пустой стѣнѣ, въ которомъ говорилось что „неприятель истощенный сопротивленіемъ продолжающимся болѣе ста дней“ приступилъ къ бомбардировкѣ. Бѣдный Фредерикъ страшно измѣнился; его пощадили выстрѣлы Прусаконъ, но не пощадила парижская зима, самая суровая за послѣдніе двадцать лѣтъ. Будучи однимъ изъ многихъ которые замерзли на своемъ посту, оны былъ доставленъ въ лазаретъ вмѣстѣ съ Фоксомъ, лежавшимъ на его груди стараясь согрѣть его. Только недавно былъ оны выписанъ изъ лазарета въ качествѣ выздоравливающаго,—лазареты были

слишкомъ перелопачены и не имѣли возможности держать пациентовъ долѣе чѣмъ это было крайне необходимо—и теперь онъ страдалъ отъ голода и холода. Великолепный Фредерикъ имѣлъ еще въ своихъ рукахъ капиталъ привосившій болѣе трехъ тысячъ въ годъ, но изъ этого капитала онъ не могъ реализовать ни франка; это были документы на деньги помѣщенные въ различныя предприятия и находившіяся въ рукахъ Дюлеса, предавѣвшаго изъ друзей и чествѣвшаго человѣка, но который въ настоящее время былъ въ Бретани. А въ Парижѣ настало такое время что нельзя было получить въ долгъ ни фунта лошадиного мяса, ни дневной порціи топлива. И Фредерикъ Лемерсье, который давно уже истратилъ 2.000 франковъ занятыя у Алеа (истратилъ хотя благородно, но нѣсколько тщеславно, угощая всѣхъ знакомыхъ кто желалъ получить угощеніе), и который распродалъ всѣ свои изящныя вещи, часы, бронзы, трубки съ янтарными мундштуками, все что составляло завидное украшеніе его холостой квартиры, Фредерикъ Лемерсье въ отношеніи средствъ къ существованію чувствовалъ себя хуже всякаго англійскаго нищаго который можетъ обратиться къ общественной благотворительности. Конечно въ качествѣ національгарда онъ могъ теперь требовать себѣ половиннаго жалованья, по тридцати су въ день. Но тотъ мало знаетъ настоящихъ Парижанъ кто можетъ себѣ представить чтобы *seigneur* изъ *Chaussée d'Antin*, оракулъ въ своемъ кругу, человѣкъ настолько знавшій жизнь что давалъ совѣты осторожности такому видуому члену Сель-Жерменскаго предмѣстья какъ Аленъ де-Ромбрианъ, чтобы такой человѣкъ сталъ кланяться прося тридцать су жалованья. Добывать раціоны могло только изумительное терпѣніе женщинъ имѣвшихъ дѣтей, ради которыхъ онѣ были святыми и мученицами. Цѣлые часы, томительные часы которые приходилось ждать чтобы добиться мѣста въ рядахъ ожидавшихъ раздачу ужаснаго чернаго хлѣба, истощали терпѣніе мужчинъ, истощали терпѣніе большей части женъ, если онѣ имѣли только мужей; ихъ выносили только матери и дочери. Лемерсье буквально умиралъ съ голоду. Аленъ былъ тяжело раненъ въ сраженіи 21го числа и лежалъ въ лазаретѣ. Но если бы къ нему и можно было пробраться, у него вѣроятно не оставалось ничего чѣмъ бы онъ могъ подѣлиться съ Фредерикомъ.

Лемерсье смотрѣлъ на извѣщеніе о бомбардировкѣ;— не утративъ еще парижской веселости, которую нѣкоторые француз-

скіе историки осады называли *douce philosophie*, Фредерикъ сказалъ громко обращаясь къ постороннимъ прохожимъ:

— Мы самые счастливые изъ смертныхъ! При настоящемъ правительствѣ насъ никогда не предупреждаютъ о чемъ-нибудь неприятомъ; намъ говорятъ объ этомъ только когда оно уже произошло, да и тогда извѣщаютъ скорѣе какъ о чемъ-нибудь пріятномъ нежели неприятомъ. Иду я, встречаю жандарма. „Что это за стрельба? Которая изъ нашихъ армій напала на Прусоковъ съ тылу?“ „*Monsieur*, отвѣчаетъ жандармъ, это прусскія крупновкія пушки.“ Смотрю я на прокламацію и мои опасенія разсѣиваются, на душѣ становится легче. Читаю что бомбардировка есть вѣрный знакъ истощенія непріателя.

Нѣкоторые изъ собравшихся вокругъ Фредерика въ ужасѣ опустили головы; другіе, знавшіе что ядра съ плато Аврона не могутъ достигъ парижскихъ улицъ, отвѣчали смѣхомъ и шутками. Между тѣмъ впереди, безъ признака ужаса, безъ звука смѣха, тянулась, подвигаясь шагъ за шагомъ, процессія женщинъ направлявшихся къ лекарямъ гдѣ раздавались кусочки хлѣба для ихъ дѣтей.

— Тш, *mon ami*, слышалася густой голосъ позади Лемерсье.—Взгляните на этихъ женщинъ и не оскорбляйте ихъ слуха шутками.

Лемерсье, обиженный этимъ замѣчаніемъ, хотя слишкомъ чувствительный къ добрымъ порывамъ чтобы не признать его основательнымъ, попробовалъ слабыми пальцами закрутить свои усы и обратиться съ вызывающимъ выраженіемъ къ говорившему. Но онъ былъ изумленъ увидавъ около себя высокую воинственную фигуру и узнавъ Виктора де-Молеона.

— Не думаете ли вы, *Monsieur* Лемерсье, продолжалъ виконтъ съ отгѣнкомъ грусти, — что эти женщины достойны лучшихъ мужей и сыновей нежели тѣ которыхъ такъ часто можно встрѣтить въ носимыхъ нами мундирахъ?

— Національной гвардіи! Вы не должны бы увижать ихъ, виконтъ,—вы чей отрядъ покрылъ себя славою въ великіе дни Вильера и Шампиньи, вы, при прославленіи кого даже парижскіе ворчуны становятся краснорѣчивы, въ комъ видать будущаго маршала Франціи.

— Но увы! большія половина моихъ солдатъ полетали на плахъ битвы или доживаютъ остатки безотрадной жизни въ лазаретахъ. А новобранцы съ которыми я выступилъ въ поле

Эго не способны покрыть себя славою или доставить своему командиру маршальскій жезлъ.

— Да, я слышалъ въ лазаретѣ что вы публично стыдили этихъ рекрутъ и объявили что скорѣе оставите службу нежели рѣшитесь вести ихъ въ другой разъ въ битву.

— Это правда; и въ настоящую минуту меня возненавидѣла за это та сволочь изъ которой набраны эти рекруты.

Разговаривая такимъ образомъ они медленно подвигались впередъ и теперь подходили къ кафе изъ котораго доносились громкіе крики *bravo* и аплодисменты. Любопытство Лемерсье было возбуждено.

— Что могутъ означать эти рукоплесканія? сказалъ онъ—зайдемте и посмотримте.

Комната была полна народу. Въ отдаленіи, на небольшой возвыщеніи платформѣ, стояла дѣвушка одѣтая въ помпезные остатки театральнаго великолѣлія и расклаивалась съ толпой.

— Боже мой! воскликнулъ Фредерикъ:—Я не вѣрю глазамъ. Неужели это нѣкогда блестящая Жюли; она танцовала здѣсь?

Одинъ изъ зрителей, очевидно принадлежавшій къ тому же кругу общества какъ и Лемерсье, услышавъ этотъ вопросъ вѣжливо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, *Monsieur*; она декламировала стихи, и дѣлательно хорошо декламируетъ, принимая во вниманіе что это не ея призваніе. Она прочла намъ отрывки изъ Виктора Гюго и де-Мюссе; вѣдомъ же всего былъ патріотическій гамъ Густава Рамо—она бывшаго любовника, если сплетки на этотъ счетъ справедливы.

Между тѣмъ де-Молеонъ, который сначала осматривалъ все со своимъ обычнымъ спокойнымъ и холоднымъ равнодушіемъ, былъ внезапно пораженъ красивымъ лицомъ дѣвушки и смотрѣлъ на него съ видомъ недоумѣвающего удивленія.

— Кто и что, это прекрасное существо, *Monsieur* Лемерсье?

— Это нѣкоторая *Mademoiselle* Жюли Комартенъ, бывшая очень извѣстною *coruphée*. Она имѣетъ наследственное право быть хорошею танцовщицей, какъ дочь когда-то славнаго украшенія балета, *la belle* Леони, которую вы должны были видать въ ваши молодые годы.

— Разумѣется, Леони—она вышла замужъ за *Monsieur* Сурвиля, глуловатаго *bourgeois gentilhomme*, который заслужилъ

ненависть Парижа за то что взялъ ея со сцены. Такъ это см дочи! Я не нахожу въ ней сходства съ матерью, она гораздо красивѣе. Почему она называется Комартевъ?

— О, сказалъ Фредерикъ,—это печальная, но обыкновенная исторія. Леона овдовѣла и умерла въ бѣдности. Чтѣ оставалось дѣлать бѣдной молодой дочери? Она наша богатаго покровителя который своимъ вліяніемъ доставлялъ ей мѣсто въ балетѣ; она поступила какъ бѣольшая часть дѣвушекъ въ подобныхъ обстоятельствахъ: выступила на сценѣ подъ вымышленнымъ именемъ, которое и осталось за ней съ тѣхъ поръ.

— Понимаю, сказалъ Викторъ съ состраданіемъ.—Бѣднужка! Вотъ она сошла съ платформы и идетъ сюда, вѣрно поговорить съ вами. Я видѣлъ какъ блеснули ея глаза когда она замѣтила васъ.

Лемерсье попытался принять видъ скромнаго самодовольствія когда дѣвушка подошла къ нему.

— *Bonjour, Monsieur* Фредерикъ! *Ah, mon Dieu!* Какъ вы похуovali! Вы были бѣдны?

— Суровость военной жизни, *Mademoiselle*. А, теперь вспомнишь о *bons jours* и мирныхъ временахъ которыя мы старались разрушить при Имперіи, а потомъ разрушили ее за то что она насъ послушалась. Но вы, вѣдьюсь, хорошо поживаете. Я видалъ васъ въ лучшемъ туалетѣ, но никогда вы не были такъ прекрасны.

Дѣвушка вслыхнула и спросила:

— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете то чтѣ говорите?

— Я не могъ бы говорить искреннѣе еслибы жилъ въ сказочномъ стеклянномъ домѣ.

Дѣвушка сжала его руку и проговорила сдержаннымъ тономъ:

— Гдѣ Густавъ?

— Густавъ Рамо? Не имѣю лоятія. Развѣ вы не видааетесь съ нимъ теперь?

— Нѣтъ; можетъ-быть больше и не увижу; но если вы встрѣтитесь съ нимъ, скажите что Жюли обязана ему средствами къ жизни. Честными средствами, *Monsieur*. Она научилъ меня любить стихи, научилъ декламировать ихъ. Я приглашена въ этотъ кафе; вы найдете меня здѣсь каждый день въ этотъ часъ, въ случаѣ... если... Вы добры и любезны, вы придете и скажете мнѣ что Густавъ здоровъ и счастливъ, если даже и забылъ меня. *Au revoir!* Постоите, вы смотрите, бѣдный мой Фредерикъ, какъ будто... простите

меня, *Monsieur* Лемерсье, не могу ли я что-нибудь сдѣлать для васъ? Не согласитесь ли взять у меня въ займы? Я теперь при деньгахъ.

При такомъ предложеніи Лемерсье былъ тронутъ почти до слезъ. Какъ ни былъ онъ голодець, онъ не могъ однакоже рѣшиться воспользоваться заработкомъ дѣвушки.

— Вы ангелъ доброты, *Mademoiselle!* О, какъ я завидую Густаву Рамо! Но я не нуждаюсь. Я все еще *rentier*.

— *Bien!* А если увидите Густава, вы не забудете?

— Положитесь на меня. Уйдемте, сказалъ онъ де-Молеону; — мнѣ не хочется слышать какъ эта дѣвушка будетъ повторять напыщенныя фразы новѣйшихъ повтогов. Умъ у нея можетъ-быть легокъ какъ перышко, но у нея золотое сердце.

— Правда, сказалъ Викторъ когда они вышли на улицу. — Я слышалъ что она вамъ говорила. Что за непостижимое существо женщина! Еще болѣе непостижима женская любовь! Простите меня, я долженъ васъ оставить. Я вижу въ радяхъ процессіи одну бѣдную женщину которую я знавалъ въ лучшіе дни.

Де-Молеонъ подошелъ къ женщинѣ о которой говорилъ, и которая вмѣстѣ съ другими направилась къ лекарнѣ; за ея платьемъ держался ребенокъ. Женщина была блѣдна, лицо ея было искажено страданіемъ; несмотря на молодость въ немъ было старческое утомленіе, и тѣнь смерти на лицѣ ребенка.

— Кажется я вижу *Madame* Монье, сказалъ де-Молеонъ мягкимъ голосомъ.

Она обернулась и взглянула на него печально. Годъ тому назадъ она покрасѣла бы еслибы чужой человекъ назвалъ ее этимъ именемъ, которое не принадлежало ей по закону.

— Да, сказала она слабымъ голосомъ, заглушеннымъ кашлемъ, — но я васъ не знаю, *Monsieur*.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ идя рядомъ, въ то время какъ она медленно подвигалась, а голодные глаза другихъ женщинъ устремились на нее. — Вашъ ребенокъ тоже кажется нездоровъ. Это вашъ младшій?

— Единственный. Другіе покоятся уже въ *Pere la Chaise*. Не много дѣтей осталось въ живыхъ на нашей улицѣ. Господь милосердѣ, Онъ взялъ ихъ къ Себѣ на небо.

Де-Молеонъ припомнилъ чистую, уютную квартиру и здоровыхъ, счастливыхъ дѣтей игравшихъ на полу. Смертность

между дѣтьми, особенно въ кварталѣ занятыхъ рабочимъ классомъ, въ послѣднее время была ужасная. Недостатокъ пищи и толпы, суровость зимы уносили ихъ какъ моровая язва.

— А Монье, что съ нимъ? Онъ безъ сомнѣнiя служить въ національной гвардiи и получаетъ свое жалованье?

Женщина не отвѣчала, она только опустила голову, и подавила рыданiе. Глаза ея казались вылакали уже всѣ слезы.

— Онъ еще живъ? продолжалъ Викторъ съ сожалѣнiемъ: — онъ не раненъ?

— Нѣтъ: онъ здоровъ; благодарю васъ, *Monsieur*.

— Но жалованья его не хватаетъ чтобы помогать вамъ и конечно онъ не можетъ достать теперь работы. Простите меня что я оставилъ васъ. Я долженъ немножко Арману Монье за работу, и мнѣ стыдно признаться что я совсѣмъ забылъ объ этомъ среди этихъ ужасныхъ событiй. Позвольте мнѣ, *Madame*, залатить этотъ долгъ вамъ; — съ этими словами онъ сунулъ свой кошелекъ въ ея руку. — Я думаю здѣсь почти столько сколько я долженъ; если окажется больше или меньше, мы послѣ сочтемся. Берегите себя.

Онъ готовъ былъ уйти когда женщина остановила его.

— Пойдите, *Monsieur*. Богъ да благословить васъ! Но скажите мнѣ какъ я должна назвать васъ Монье. Я не могу припомнить никого кто бы долженъ былъ ему деньги. Это было вѣрно прежде этой ужасной стачки съ которой начались всѣ наши несчастiя. О, еслибъ было позволено проклинать, я боюсь что послѣднiй вздохъ мой не былъ бы молитвой.

— Вы проклинали бы стачку, или хозяина который не простилъ Арману что онъ принималъ въ ней участие?

— Нѣтъ, нѣтъ; того жестокаго человека который подбилъ его къ ней, ко всему что сдѣлало изъ лучшаго работника, человека съ самымъ добрымъ сердцемъ.... опять голосъ ея замеръ въ рыданiяхъ.

— А кто этотъ человекъ? спросилъ де-Молеонъ содрогавшись.

— Его зовутъ Лебо. Еслибъ вы были бѣднымъ человекомъ я бы сказала вамъ „избѣгайте его“.

— Я слышалъ имя которое вы назвали; но если мы говоримъ объ одномъ и томъ же человекѣ, то Монье не могъ.

встрѣчаться съ нимъ въ послѣднее время. Со времени осады его вѣтъ въ Парижѣ.

— Я думаю что вѣтъ; трусь! Онъ разорилъ насъ, которые прежде были такъ счастливы; и потомъ, какъ говорить Арманъ, отбросилъ какъ орудія которыя уже отслужили ему свою службу. Но если вы его знаете, и увидите его, то скажите ему чтобъ онъ не довершалъ своихъ злодѣяній, не заставлялъ бы Армана брать убійство на свою душу. Арманъ теперь не тотъ какой былъ, онъ сталъ, о, какъ онъ сталъ жестокъ! Я не смѣю взять денегъ если не узнаю отъ кого они получены. Онъ не возьметъ денегъ какъ милостыни отъ аристократа. Онъ прибилъ меня за то что я взяла деньги отъ добраго *Monsieur* Рауля де-Вандемара; бѣдный мой Арманъ прибилъ меня.

Де-Молеомъ вздрогнулъ.

— Скажите ему что это отъ знакомаго закащика которому онъ въ свободное время отдѣлывалъ квартиру еще до стачки, *Monsieur* — —; онъ невѣято произнесъ какое-то невыговариваемое имя, послѣдшилъ прочъ и скоро исчезъ въ темнотѣ улицы, между группами людей высшаго класса военными, дворянами, бывшими депутатами. Въ средѣ ихъ имя его было очень уважаемо. Не только всѣ воздавали должное его храбрости въ послѣднихъ вылазкахъ, но являлась твердая увѣренность въ его воинскомъ талантѣ; присоединилъ къ этому имя которое онъ составилъ себѣ прежде, въ качествѣ политическаго писателя, и воспоминаніе о твердости и провинцательности съ какими онъ противился войнѣ, казалось несомнѣннымъ что когда возстановится миръ и будетъ свои утвержденъ порядокъ, ему предстояла блестящая карьера въ будущей администраціи. И это тѣмъ болѣе что онъ рѣшительно держался въ сторонѣ отъ настоящаго правительства, которое какъ говорили, справедливо или нѣтъ, приглашало его стать въ свои ряды; также какъ держался въ сторонѣ отъ всякихъ комбинацій различныхъ демократическихъ и недовольныхъ партій.

Оставляя этихъ болѣе знаменитыхъ своихъ знакомыхъ, онъ направилъ свой одинокій путь къ укрѣпленіямъ. Наступалъ конецъ дня; громъ лушекъ затихалъ.

Онъ проходилъ мимо виднаго погребка вокругъ котораго собрались худшіе представители *Moblots* и національгардовъ, по большей части пьяные, говорившіе громко и горячо обвиняв-

шіе своихъ генераловъ и офицеровъ и комиссаріатскихъ чиновниковъ. Когда онъ проходилъ въ свѣтъ фонаря освѣщеннаго петролеумомъ (въ бѣдствующей столицѣ не было болѣе газа), одинъ изъ этихъ людей узналъ въ немъ командира который осмѣлился настаивать на дисциплинѣ, и оскорблять честныхъ патріотовъ которые присваивали исключительно себѣ право выбора между сраженіемъ и бѣгствомъ. Человѣкъ этотъ былъ однимъ изъ такихъ патріотовъ, одинъ изъ новобранцевъ которыхъ Викторъ де-Молеонъ пристыдилъ и разогналъ за буйство и трусость. Онъ шатаясь подошелъ къ своему бывшему начальнику и закричалъ: „*A bas l'aristote!* Товарищи, это тотъ *coquin* де-Молеонъ которому Прусаки платятъ чтобъ онъ велъ насъ на убой: *à la lanterne!*“ „*A la lanterne!*“ забормотали заикаясь въ толпѣ, но никто не двинулся съ мѣста для исполненія своей угрозы. Хотя сонные глаза ихъ только смутно различали суровое лицо и желѣзные формы человѣка къ которому обращены были эти угрозы, но имени де-Молеона, человѣка безъ страха предъ врагомъ, безъ пощады къ бунтовщикамъ, было достаточно чтобы защитить его отъ насилія. Отъ легкаго движенія его руки обвинитель его отлетѣлъ къ фонарному столбу и де-Молеонъ хотѣлъ идти дальше когда другой человѣкъ въ мундурѣ національгарда выскочилъ изъ дверей таверны крича громкимъ голосомъ: „Кто сказалъ де-Молеонъ? дайте мнѣ взглянуть на него“; Викторъ, который шагнулъ впередъ медленнымъ львинымъ шагомъ, раздвинувъ толпу, обернулся и увидѣлъ предъ собою въ мерцающемъ свѣтѣ лицо, котораго прежнее смѣлое, открытое, умное выраженіе смѣнилось дикимъ, безпечнымъ, грубымъ—лицо Армана Монье.

— А! такъ это вы Викторъ де-Молеонъ? спросилъ Монье, не свирѣло, но сдерживая дыханіе, — тѣмъ театральнымъ шелотомъ который естественъ въ человѣкѣ подъ двойнымъ влияніемъ сильнаго ольяненія и накопившейся ярости.

— Да; я Викторъ де-Молеонъ.

— И вы командовали *** отрядомъ національгардовъ 30го ноябля, при Шампильи и Вильерѣ?

— Да, я.

— И вы застрѣлили вашу собственною рукой офицера другаго отряда отказавшагося присоединиться къ вашему?

— Я застрѣлилъ труса который бѣжалъ отъ непріятеля и

казалось увлекалъ за собой другихъ бѣглецовъ; а спасъ этихъ отъ позора лучшихъ изъ его товарищей.

— Человѣкъ этотъ не былъ трусъ. Онъ былъ просвѣщенный Французъ и стоялъ пятидесяти такихъ *aristos* какъ мы; и онъ зналъ лучше своихъ командировъ что его вели на бесполезное убійство; бесполезное, я говорю бесполезное. Улучшилось ли положеніе Франціи, увеличилась ли безопасность Парижа бессмысленною рѣзней этого дня? Убийствъ этого человѣка вы погубили лучшаго полководца нежели Троюю.

— Арманъ Монье, еслибы вы были совсѣмъ трезвы сегодня, я сталъ бы толковать съ вами объ этомъ вопросѣ. Но вы сами несомнѣнно храбры: какъ и почему принимаете вы сторону бѣглеца?

— Какъ и почему? Онъ мой братъ, и вы сознаетесь что убивая его: мой братъ, умнѣйшая голова въ Парижѣ. Еслибъ я слышалъ его, я бы не былъ—*bah!*—теперь все равно что такое я.

— Я не могъ знать что онъ вашъ братъ; но еслибъ онъ былъ мой я сдѣлалъ бы то же самое.

Губы Виктора задрожали, потому что Монье схватилъ его за руку и посмотрѣлъ ему въ лицо своими дикими каменными глазами.

— Я припоминаю этотъ голосъ! Но, но вы говорите что вы дворянинъ, виконтъ, Викторъ де-Молеонъ! и вы убили моего брата.

Онъ быстро провелъ по лбу лѣвою рукой. Вишние лары все еще омрачали его умъ, но проблески разсудка пробивались сквозь этотъ мракъ. Вдругъ онъ сказалъ громкимъ, спокойнымъ, естественнымъ голосомъ:

— *Monsieur le vicomte*, вы назвали меня Арманомъ Монье; скажите пожалуйста какимъ образомъ вы знаете мое имя?

— Какъ бы мнѣ не знать его? Я бывалъ въ собраніяхъ *clubs rouges*; слышалъ какъ вы говорили, и естественно спросилъ ваше имя. *Bon jour, Monsieur* Монье! Когда вы пораздумаете въ болѣе спокойную минуту, вы увидите что если патріоты оправдываютъ Брута за то что онъ лишилъ чести и потомъ казнилъ собственнаго сына, то офицеръ призванный защищать свою страну конечно можетъ быть оправданъ въ убійствѣ бѣглеца который не былъ ему родственникомъ, когда этимъ убійствомъ онъ спасъ отъ безчестія имя его и его

родныхъ, развѣ вы только сами будете настойчиво объявлять всѣмъ за что онъ былъ убитъ.

— Мнѣ знакомъ вашъ голосъ, я знаю его. Каждый звукъ становится яснѣе для моего слуха. И если....

Пока Монье говоритъ это, де-Молеонъ послѣшво отошелъ. Монье оглянулся, увидалъ что онъ уходитъ, но не сталъ догонять его. Онъ былъ настолько пьянъ что не могъ идти твердо; онъ вернулся въ погребокъ и угрюмо потребовалъ еще вина. Еслибы вы, зная этого человѣка два года тому назадъ и увидавъ его теперь какъ онъ шелъ покачиваясь изъ стороны въ сторону по направленію къ стѣнѣ, почувствовали къ нему отвращеніе, вы были бы непростительно жестоки. Вы могли чувствовать только глубочайшее состраданіе, которое овладѣваетъ нами когда мы смотримъ на падшее величіе. Ибо нѣтъ царственности величавѣ той коей надѣляетъ природа, помимо всякихъ случайностей рожденія. Природа надѣлила Армана Монье царственною душой; она вселила въ него высокое презрѣніе ко всему низкому, фальшивому и безчестному, и даровала ему телоту и вѣжкость сердца, которыя давали ему способность отрѣшаться отъ родственныхъ и семейныхъ узъ и простираетъ свою горячность на тѣ отдаленныя окраины человѣчества, которыя истинно царственная натура стремятся освѣтить тѣнью своего скипетра.

Но какимъ образомъ такая царственная натура могла пасть такъ низко? Величіе рѣдко падаетъ отъ присущихъ ему самому недостатковъ. Оно падаетъ когда, лишившись царственныхъ достоинствъ, подчиняется дурнымъ постороннимъ внушеніямъ. Какіе же дурные совѣтчики, вѣчно зывающіе къ его лучшимъ качествамъ и чрезъ то пораждавшіе въ немъ худшіе пороки, развѣначали такимъ образомъ эту избранную натуру? „Полузнаніе опасная вещь“, говоритъ старомодный поэтъ. „Нѣтъ, неправда, восклицаетъ новѣйшій философъ, полузнаніе все же лучше невѣжества.“ Такъ какъ всякій отдѣльный человѣкъ и всякое общество должны пройти ступень полузнанія прежде чѣмъ достигнуть полнаго знанія, то пожалуй возраженіе философа справедливо, если относить его къ человѣчеству въ его историческомъ развитіи. Но есть времена и есть классы общества для коихъ полузнаніе влечетъ за собою страшную деморализацію. Арманъ Монье жилъ именно въ такое время и принадлежалъ къ одному изъ такихъ классовъ. Полузнаніе почерпнутое его впечатлитель-

нымъ и пылкимъ умомъ изъ книгъ которыя воевали противъ великихъ основъ существующаго обществѣ и было его дурнымъ совѣтникомъ. Человѣкъ вооруженный полнотою знанія не позволялъ бы лаваятъ на свои дѣйствія практической жизни наладкамъ гжи де-Граммента на учрежденія брака и Лубановскимъ апологіемъ Робеспьера какъ представителя рабочаго въ борьбѣ его противъ средняго класса. Онъ считалъ бы оцѣнить по достоинству такого рода мѣнья, и какъ бы высоко ни цѣнилъ ихъ въ теоріи, онъ не подчинился бы ихъ руководству въ жизни. Роковое значеніе для жизни имѣютъ дѣйствія, а не мѣнья. И если что могло превратить въ фанатика серьезную, горячую, сильную натуру Армана Монье, то это было именно полужананіе. Мнѣніе которое нравилось ему онъ принималъ какъ небесное откровеніе, это мнѣніе направляло его поступки, а изъ поступковъ сложилась его судьба. Горе философу который легкомысленно выкладываетъ предъ полуграмотными рабочими ученія въ родѣ тѣхъ которыя изложены въ *Атлантидѣ* Платона, ученія вполнѣ безвредныя какъ предметъ преній между философами, но смертоносныя какъ пламенники Атея когда фанатики усваиваютъ ихъ себѣ какъ догматы вѣры! но трижды горе рабочему который становится приверженцемъ такого ученія!

Бѣдный Арманъ поступалъ сообразно съ воспринятымъ имъ вѣроученіемъ. Онъ подтверждаетъ свое пренебреженіе къ браку живя съ чужою женою; а когда общество вымещаетъ на ней его презрѣніе къ своимъ законамъ, онъ по своей мужественной натурѣ мститъ обществу за такую несправедливость. Онъ кидается очерта голову въ борьбу противъ всего общества, дѣлается непремѣннымъ союзникомъ всѣхъ кто имѣетъ какіе-либо другіе поводы ненавидѣть общество. По своему личному положенію онъ пользуется всѣмъ что могло бы удержать его отъ участія въ необдуманныхъ забастовкахъ — высокою заработною платой и значительными сбереженіями, кромѣ того, хозяинъ къ нему благоволяетъ, онъ имѣетъ всѣ виды на то чтобы самому скорѣ сдѣлаться хозяиномъ; но вѣтъ, фанатику этого недостаточно; ему во что бы то ни стало хочется быть жертвой. Онъ, этотъ царь труда, вѣнчаный природой, но надъ которымъ тяготѣло проклятіе того полужананія которое даже не понимаетъ какъ много ему еще недостаетъ чтобы послѣдній школьникъ признавалъ его какимъ бы то ни было знаменемъ, онъ кидается въ

самыя безумныя изъ рискованныхъ предпріятій, политическіе перевороты при коихъ рабочій съ его ничтожнымъ знаніемъ и громадною вѣрой ввѣраетъ честолюбивому авантюристу слепойствіе и безопасность своей жизни, отдаетъ свое горячее сердце на службу холодному разчету этого авантюриста. Такъ пользовалось коммунистами сентябрьское правительство адвокатовъ, такъ во всякой французской революціи Бертравы пользовались Ратонами, такъ до окончанія вѣка люди гораздо худшіе нежели Викторъ де-Молеонъ будутъ пользоваться людьми несравненно лучшими чѣмъ Арманъ Монье, если послѣдніе не провакуются смиреніемъ Исаака Ньютона, который узнавъ что нашлись возражатели противъ вѣрности теоремы разработанной его могучимъ умомъ, отвѣтилъ: „быть можетъ“. Исаакъ Ньютонъ полагалъ вѣроятно что требуется огромное количество проверенныхъ опытовъ для того чтобы человекъ съ большимъ знаніемъ сталъ тѣмъ чѣмъ человекъ малознающій становится съ одного прыжка, — фанатикомъ непроверенныхъ экспериментовъ.

Г Л А В А II.

Почти тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ какъ де-Молеонъ разотался съ Лемерсье послѣдній встрѣтилъ двухъ прохожихъ едва ли менѣе голодныхъ чѣмъ онъ, Саварепа и де-Брезе. Подобно ему они оба были больны, хотя не настолько чтобы быть принятыми въ госпиталь. Въ это время болѣзни всякаго рода—бронхитисъ, пневмонія, оспа, дисентерія—производили настоящій моръ и валопыляли улицы неприбранными трулами. Эти три человека, годъ тому назадъ такіе блестящіе, теперь имѣли видъ тѣней при пасмурномъ небѣ; тѣмъ не менѣе въ нихъ сохранялася еще аромать врожденнаго Парижанамъ юмора, и достаточно было имъ встрѣтиться чтобъ онъ вспыхнулъ блестящими искрами.

— Осталось два утѣшенія, сказалъ Саваревъ, когда друзья побрели или скорѣе полозали по направленію бульваровъ, — два утѣшенія для *gourmet* и для обшественниковъ въ настоящіе дни испытаній для гурмановъ; во первыхъ, трюфели по дешевѣли.

— Трюфели! вздохнулъ де-Брезе съ увлажненными губами;— быть не можетъ! Они исчезли вмѣстѣ съ золотымъ вѣкомъ.

— Нѣтъ. Я говорю на основаніи лучшаго авторитета, моей квартирной хозяйки; потому что она служитъ въ *succursale* въ *Rue de Chateaudun*; если бѣдной женщиной, которая къ счастью для меня бездѣтная вдова, удастся достать тамъ какой-нибудь кусочекъ, она продаетъ его мнѣ.

— Продаетъ! слабо воскликнулъ Лемерсье. — Крезъ! зачитать у васъ есть деньги и вы можете купить!

— Продаетъ въ кредитъ! Я обезпечу ее на всю жизнь если доживу до того времени когда опять буду имѣть деньги. Не прерывайте меня. Эта честная женщина отправляется сегодня утромъ въ *succursale*. Я общаю себѣ великолѣпный бифстекъ изъ конины. Приходить она туда, и *employé* объявляетъ ей что запасы всѣ истощились за исключеніемъ трюфелей. Избытокъ посадившихъ на рынокъ даетъ ему возможность уступить ей за семь франковъ бутылку. Пришлите мнѣ семь франковъ, де-Брезе, и вы будете участвовать въ банкетѣ.

Де-Брезе выразительно покачалъ головой.

— Впрочемъ, продолжалъ Саварень, — хотя кредитъ боги не существуетъ, кромѣ какъ у моей хозяйки, на условіяхъ въ которыхъ проценты пропорціональны риску, однакоже, какъ я имѣлъ уже честь замѣтить, для собственниковъ осталось утѣшеніе. Истѣнокъ собственности несокрушимъ.

— Но только не въ томъ домѣ гдѣ я живу, сказалъ Лемерсье. — Тамъ стояли постоемъ двое солдатъ; пока я лежалъ въ лазаретѣ, они забрались въ мою квартиру и вывели весь небольшой остатокъ мебели какой тамъ былъ, кромѣ кровати и одного стола. Предъ военнымъ судомъ они оправдывались говоря что квартира была оставлена. Оправданіе это было сочтено достаточнымъ. Ихъ отпустили съдѣлавъ выговоръ и взявъ съ нихъ обѣщаніе возвратить то что еще не продано. Они возвратили мнѣ еще столъ и четыре стула.

— И все-таки у нихъ былъ истѣнокъ собственности, хотя ошибочно направленный; иначе они сочли бы всякое оправданіе своего поступка излишнимъ. Но вотъ мой примѣръ врожденной твердости этого принципа. Почтенный гражданинъ, нуждаясь въ толпавѣ, видитъ дверь въ заборѣ одного сада и естественно уноситъ ее. Его останавливаетъ жандармъ видѣвшій его поступокъ. „*Voleur*, кричитъ онъ жандарму; ты хочешь лишить меня моей собственности?“ „Эта дверь ваша собственность? Я видѣлъ гдѣ вы достали ее.“ „Вы признаете,

значитъ, кричить гражданскъ торжествуя,—что это мое состояние; потому что вы видѣли какъ я досталъ ее. Какимъ образомъ вы видите какъ неокружимъ истиннѣею ответственности. Какъ только онъ исчезаетъ въ понятіи *ваше*, какъ снова возраждается въ понятіи *мое*.

— Я бы расхохотался еслибы могъ, сказалъ Лемерсье,—но одобренное потрясеніе было бы для меня роковымъ. *Dieu des jeus*, какъ я отощалъ!

Говоря это, онъ пошатнулся и прислонился къ де-Брезе; тобы не упасть. Де-Брезе извѣстенъ былъ за величайшаго гонимаго. Но въ настоящую минуту, когда и въ великодушномъ слѣдствіи можно бы извинить желаніе сохранить то немногое что въ имѣлъ для спасенія себя отъ голодной смерти, въ такую минуту этотъ эгоистъ сдѣлался щедрымъ.

— Друзья мои, воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ,—у меня еще осталось кое-что въ кармазѣ; мы пообедаемъ всѣ трое вмѣстѣ.

— Обѣдать! прошепталъ Лемерсье.—Обѣдать! Я не обѣдалъ въ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ лазарета. Вчера я завтракалъ—двумя жареными мышами. Роскошно, но не питательное. И я раздѣлялъ ихъ съ Фоксомъ.

— Фоксъ! Такъ Фоксъ еще живъ! воскликнулъ де-Брезе въ изумленіи.

— До какой степени, да. Но одна мышь со вчерашняго утра это не много; и онъ не можетъ разчитывать на это каждый день.

— Почему вы не берете его съ собой? спросилъ Саваренъ.—Дайте ему возможность подобрать гдѣ-нибудь косточку.

— Не рѣшаюсь; его самого подберутъ. Собаки стали очень инны: ихъ продаютъ по пятидесяти франковъ за штуку. Идемте, де-Брезе; гдѣ мы будемъ обѣдать?

— Я съ Савареномъ могу пообѣдать въ Лондонской Тавернѣ, пастетомъ изъ крысъ или вареною кошкой. Но было бы вязливо приглашать такого сатрапа какъ вы, у котораго запасъ цѣлая собака, блюдо въ пятьдесятъ франковъ, колдовское блюдо. Прощайте, любезнѣйшій Фредерикъ. *Allons, Savares*.

— Я угощала васъ лучшими блюдами вежели собачина, когда гдѣ-то средотва, сказалъ Фредерикъ жалобно;—а вы первый изъ пригласили меня и берете назадъ приглашеніе. Пусть къ. *Bon appetit*.

— *Bah!* сказалъ де-Брезе, хватая Фредерика за руку когда тотъ повернулся чтобъ идти.—Помысли что я пошутялъ. Но только въ другой разъ, когда мои карманы будутъ пусты, подумайте что за прекрасная вещь собака, и рѣшитесь, пока у Фокса еще остается нѣсколько мяса на костяхъ.

— Мясо! сказалъ Саваренъ останавливая ихъ.—Смотрите! Видите какъ правъ былъ Вольтеръ сказавъ что „удовольствие первая потребность цивилизованнаго человѣка“. Парижъ можетъ обойтись безъ хлѣба, но продолжаетъ имѣть Полишнеля.

Онъ указалъ на кукольную комедію вокругъ которой собралась толпа, не только дѣтей, но и людей среднихъ лѣтъ и стариковъ; оборванный мальчикъ собиралъ въ маленькую тарелочку деньги.

— И видите, *mon ami*, шепнулъ де-Брезе на ухо Лажерсе голосомъ врага искусителя,—какъ Полишнелъ обходится безъ собаки.

Это была правда. Собаки не было и мѣсто ея занимала печальная тощая кошка.

Фредерикъ пошелъ къ оборванному мальчишкѣ.

— Куда дѣвалась собака Полишнеля?

— Мы съели ее въ прошлое воскресенье. Въ слѣдующее съядимъ кошку въ пироги, сказалъ мальчишка выразительно чмокая губами.

— О, Фоксъ, Фоксъ! прошепталъ Фредерикъ, когда онъ трое тихо шли по темнѣвшимъ улицамъ; между тѣмъ какъ вдали слышался ревъ прусскихъ пушекъ, а вблизи раздавался смѣхъ звѣвкѣ собравшихся смотрѣть Полишнеля безъ собакъ.

Г Л А В А Ш.

Пока де-Брезе и его друзья пировали въ *Café Anglais*, кушали лучше нежели общалъ угощавшій, такъ какъ въ этотъ обѣда входили подобныя роскоши какъ ослятина, мясо и горохъ, жареный картофель и шампанское (шампанское какимъ-то таинственнымъ путемъ не испортилось въ теченіе всего времени голода), совсѣмъ иного рода группа собралась въ квартирѣ Исавры Чигоньи. Она съ Веностой до сихъ поръ не терпѣли крайнихъ лишеній, какимъ подвергались многіе бѣдѣ богатые люди. Правда что состояніе Исавры, находившейся въ

рукахъ Лувье, который былъ въ отсутствіи, и помѣщенное имъ въ строившуюся улицу, не приносило дохода. Правда что въ эту же улицу Веноста, мечтавшая получить сто на сто, помѣстила также всѣ свои сбереженія. Но при первомъ извѣстіи о войнѣ Веноста настояла на томъ чтобъ удержать въ рукахъ небольшую сумму изъ полученнаго Исаврой за ея романъ, сумму которой могло хватить на текущіе расходы, и съ еще большею провицательностью закупила запасы провизіи и топлива какъ только явилась вѣроятность осады. Но даже пророрливый умъ Веносты никогда не могъ предвидѣть что осада будетъ такъ продолжительна, или что цѣны на всѣ предметы необходимости поднимутся такъ высоко. Между тѣмъ всѣ запасы, денегъ, топлива, провизіи, сильно уменьшались благодаря благотворительности Исавры, не встрѣчавшей большаго сопротивленія со стороны Веносты, которая по натурѣ была очень склонна къ жалости. Къ несчастію, въ послѣднее время деньги и провизія истощались у *Monsieur* и *Madame* Рамо; доходъ ихъ заключался отчасти въ рентахъ, по которымъ болѣе не платили, и въ долѣ барышей съ лавки, лишившейся теперь покупателей; такъ что они пришли раздѣлять столъ и квартиру невѣсты своего сына, не особенно стѣняясь, потому что имъ не было извѣстно что и деньги и припасы сбереженные Веностой приходили уже къ концу.

Патріотическій жаръ побудившій старика Рамо вступить въ ряды національгардовъ съ тѣхъ поръ остылъ, если не совсемъ прошелъ, вопервыхъ, вслѣдствіе трудности службы, а потомъ вслѣдствіе безпорядочнаго поведенія товарищей по службѣ, ихъ безнравственныхъ разговоровъ и нескромныхъ пѣсень. Онъ уже давно вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ въ которыя могъ быть призванъ на службу. Его сынъ впрочемъ принужденъ былъ замѣнить его, хотя по слабости сложенія и болѣзненности онъ былъ назначенъ въ ту часть національной гвардіи которая не принимала участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но которая, какъ предполагалось, должна нести службу на укрѣпленіяхъ и поддерживать порядокъ въ городѣ.

При исполненіи этой обязанности, такъ противорѣчившей его вкусамъ и привычкамъ, Густавъ выказалъ себя однимъ изъ самыхъ громкихъ крикуновъ противъ неспособности правительства, требуя немедленнаго и энергическаго дѣйствія, не взирая на то съ какою потерей жизни оно было бы сопряжено во всѣхъ частяхъ войска, исключая геройскихъ

силъ къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. Несмотря на свои военныя занятія Густавъ находилъ достаточно времени для сотрудничества въ красныхъ журналахъ, которое доставляло ему довольно хорошее вознагражденіе. Надо отдать ему справедливость что родители скрывали отъ него свои лишени; они, съ своей стороны, не зная что онъ имѣлъ полную возможность помогать имъ, даже боялись что у него самого нѣтъ ничего кромѣ екуднаго жалованья національгарда. Въ послѣднее время они рѣдко видѣлись съ сыномъ. *Monsieur* Рамо, хотя придерживался либеральныхъ мнѣній въ политикѣ, но былъ либералемъ какъ лавочникъ, а не какъ красный республиканецъ или социалистъ. И мало обращая вниманія на теорію сына пока Имперія обезпечивала его отъ практическаго приложенія этихъ теорій, теперь онъ серьезно опасался, какъ и большая часть парижскихъ торговцевъ, возможности что коммунисты возьмутъ верхъ. *Madame* Рамо, съ своей стороны, раздѣлая преобладавшую въ ея классѣ нелюбовь къ аристократамъ, была ревнистая католичка; и видя въ бѣдствіяхъ постигшихъ ея страху справедливое наказаніе за грѣхи, была огорчена мнѣніями Густава, хотя не знала что онъ былъ авторомъ нѣкоторыхъ статей въ нѣкоторыхъ журналахъ гдѣ эти мнѣнія проповѣдывались съ гораздо большею запальчивостью чѣмъ какую онъ выказывалъ въ разговорахъ. Она упрекала его съ гнѣвомъ и горячими слезами за его безобидныя мнѣнія; и съ этого времени Густавъ старался не доставлять ей другаго случая оскорблять его гордость и уязвлять его мудрость.

Избѣгая отчасти свиданія съ родителями, отчасти скуки при встрѣчѣ съ другими посѣтителами Исабры, парижскими дамами посѣщавшими выѣхавъ съ нею лазареты, съ Рулемъ де-Вандемаромъ, котораго онъ особенно ненавидѣлъ, и аббатомъ Вертпре, между которымъ и обѣими Италианками въ послѣднее время завязалась короткая дружба — Густавъ Рамо въ послѣднее время очень рѣдко бывалъ у Исабры. Онъ оправдывалъ свое отсутствіе постоянными занятіями службой. Въ этотъ вечеръ у очага Исабры, въ которомъ догоралъ почти послѣдній запасъ топлива, собрались Веноста, оба Рамо, аббатъ Вертпре, состоявшій въ качествѣ духовника при обществѣ котораго Исабра была такимъ дѣятельнымъ членомъ. Старый священникъ и молодая писательница стали близкими друзьями. Въ натурѣ всякой женщины (въ особенности женщины съ тѣ-

кою даровитую и въ то же время дѣтскою душою какъ у Исавры, соединявшей въ себѣ врожденную склонность къ вѣрѣ съ безлокойною пытливостью ума, всегда подсказывающаго вопросы или сомнѣнія) есть стремленіе къ чему-то далекому отъ дѣлъ и заботъ среди которыхъ она живетъ, стремленіе способное находить удовлетвореніе только въ союзѣ земли съ небомъ, который мы называемъ религіей. Въ этомъ, для натуръ подобныхъ Исаврѣ, то звено между женщиной и священникомъ котораго французская философія никогда не могла порвать.

— Уже поздно, сказала *Madame Рамо*: — я начинаю безпокойтись. Дорогая наша Исавра еще не возвращалась.

— Напрасно вы тревожитесь, сказалъ аббатъ. — Дамы посѣщающія госпиталь въ которомъ она такая ревностная сестра совершенно безопасны. Тамъ всегда найдутся симпатичные люди, родственники больныхъ и раненыхъ, которые позаботятся о безопасности женщинъ на пути домой. Бѣдный мой Рауль ежедневно посѣщаетъ госпиталь. Его родственникъ *Monsieur* де-Ротбрианъ лежитъ тамъ въ числѣ раненыхъ.

— Надѣюсь онъ не опасно раненъ, сказала Веноста, — не обезображенъ? Онъ былъ такъ красивъ; только безобразнаго война можетъ украсить рубецъ на лицѣ.

— Не безпокойтесь, синьора; прусскія орудія пощадилъ его лицо. Рама его сама по себѣ не опасна, но онъ потерялъ много крови. Рауль съ другими членами братства нашли его безъ чувствъ среди груды убитыхъ.

— *Monsieur* де-Вандемаръ кажется очень скоро оправился отъ горя о смерти его бѣднаго брата, сказала *Madame Рамо*; — у этихъ аристократовъ такъ мало чувства.

Лобъ аббата нахмурился.

— Будьте свисходительны, дочь моя. Именно потому что скорбь Рауля о его погибшемъ братѣ такъ глубока и такъ священна, онъ больше чѣмъ когда-нибудь посвящаетъ себя на службу Отца Небеснаго. День или два спустя послѣ похоронъ, когда на его обсужденіе представленъ былъ проектъ памятника на могилѣ Ангеррана, онъ сказалъ: „Да будетъ услышана моя молитва, и пусть моя жизнь будетъ памятникомъ болѣе пріятнымъ его кроткому духу нежели монументы изъ бронзы и мрамора. Да поможетъ мнѣ Провидѣніе и да укрѣпитъ меня въ моемъ желаніи дѣлать тѣ добрыя дѣла которыя онъ самъ бы дѣлалъ еслибъ ему суждено было долѣе оставаться на землѣ. И если меня будетъ искушагь усталость,

лусть моя совѣсть шеплетъ мнѣ: „не нарушай завѣта ослѣпленнаго тебѣ братомъ пока не соединишься съ нимъ на нѣтъ“

— Простите меня, простите! прошептала *Madame Ри* смиренно, между тѣмъ какъ Вевоста залулась слезами.

Аббатъ хотя былъ искренній и ревностный священникъ, былъ въ то же время веселый свѣтскій человекъ. Желаніе бавить *Madame Рамо* отъ тяжелыхъ угрызений вызванныхъ его словами олъ перемѣнилъ разговоръ.

— Я долженъ однакоже остерегаться, оказалъ олъ со своимъ пріятнымъ смѣхомъ, — въ выборѣ общества въ которомъ вмѣшиваюсь въ семейные вопросы; въ особенности же защитить моего бѣднаго Рауля отъ возводимыхъ на него обвиненій. Сегодня одинъ добрый другъ прислалъ мнѣ ужасный органъ коммунистической филолофіи, въ которомъ очень грубо отзываются о насъ, смиренныхъ священникахъ. въ особенности же я указавъ по имени, какъ постоянно и злобно вмѣшивавшійся во все частныя семейныя дѣла. Меня обвиняютъ что я возбуждаю женщинъ противъ храбрыхъ мущинъ, друзей народа, и съ угрозами предостерегаютъ прекратить такіа низкія дѣйствія.

Съ сухимъ юморомъ, который представлялъ въ смѣшномъ видѣ то что иначе вызвало бы отвращеніе и негодованіе слушателей, аббатъ прочелъ вслухъ статью исполненную тонкаго рода претензій на краснорѣчіе который былъ тогда въ ходу между красными журналами. Въ этой статьѣ, не только аббатъ предавался публичному поруганію, но и Рауль и Вандемаръ, хотя не названный по имени, былъ ясно обозначенъ какъ ученикъ аббата и тиль свѣтскаго іезуита.

Одна Вевоста не присоединилась ко всеобщему смѣху, который лоскій слогъ этихъ діатрибовъ вызвалъ въ обществѣ Рамо. Ея простоту италянскому уму эти рѣчи, къ которымъ аббатъ относился шутя, внушали ужасъ.

— А, сказалъ Рамо, — я угадываю автора — это поджигатель Феликсъ Піа.

— Нѣтъ, отвѣчалъ аббатъ; — подъ статьей стоитъ имя бѣлаго ученаго атеиста — Дидеро *le jeune*.

Въ это время дверь отворилась и вошелъ Рауль провожаемый Исавру. Лицо молодого Вандемара измѣнилось послѣ смерти его брата. Линіи около рта сдѣлались глубже; щеки утратили свои округлыя очертанія и нѣсколько ввалились. Но выраженіе лица было также ясно, можетъ-быть въ еще

было даже мевѣ задумчивой грусти. Вся фигура его напоминала человека который страдалъ, но нашелъ поддержку въ своемъ страданіи; въ ней было болѣе мягкости и болѣе высоты.

И какъ будто бы въ окружавшей его атмосферѣ было что-то улодобавшее его душѣ души другихъ: съ тѣхъ поръ какъ Исавра познакомилась съ нимъ, въ ея красивомъ лицѣ появилось то же выраженіе какое преобладало въ его лицѣ, выраженіе ея также одѣлалось мягче и также возвышеннѣе.

Между этими двумя молодыми сердобольными завязалась такого рода дружба которая не часто встрѣчается. Въ ней не было того отбѣака чувства который могъ бы разгорѣться въ страсть земной любви. Еслибы сердце Исавры было свободно, она и тогда сочла бы любовь къ Раулю де-Ваадемару за профанацію. Онъ никогда не былъ болѣе духовенъ какъ въ то время когда былъ особенно вѣженъ. Нѣжность Рауля къ ней была тѣмъ святымъ чувствомъ которое стремится возвысить *аколита*. Одважды, не задолго до смерти Ангеррана, онъ съ трогательною искренностью говорилъ Исаврѣ о своемъ расположеніи къ монастырской жизни.

— Свѣтскія призванія, которыя открываютъ для другихъ почетную и полезную карьеру, не имѣютъ для меня привлекательности. Я не ищу ни богатства, ни власти, ни почестей, ни славы. Суровость монастырской жизни не страшитъ меня; напротивъ, имѣетъ свою прелесть, потому что съ нею соединяется отрѣшеніе отъ земли и помышленія о небѣ. Въ молодые годы я могъ, подобно другимъ, делая мечты о земной любви и счастіи семейной жизни, пока не почувствовалъ благоговѣнія къ той которой обязанъ вѣтъ что можетъ быть во мнѣ добраго. Когда я впервые занялъ свое мѣсто въ обществѣ молодыхъ людей которые изгоняютъ изъ своей жизни всякую мысль о другомъ мірѣ, я подпалъ подъ вліаніе женщины научившей меня видѣть прекрасное въ святости. Она мало-по-малу привакала меня къ участію въ своихъ дѣлахъ благотворительности и отъ нея научился я любить Бога настолько чтобы былъ свисходительнымъ къ его созданіямъ. Не знаю могла ли бы привязанность какую я почувствовалъ къ ней зародиться въ человекѣ который съ дѣтства не оставилъ себѣ романтическаго представленія, можетъ-быть не оправдываемаго исторіей, объ идеалахъ рыцарства. Мое чувство къ ней въ началѣ было чистымъ и поэтическимъ

чувствомъ какое могъ молодой рыцарь позволить себѣ, или *reproche*, питать къ прекрасной королевѣ или *châtelaine*. которой цвѣтъ онъ носилъ на турнирахъ, незанятную репутацію которой онъ сталъ бы защищать не щадя жизни. Но эскорть даже это чувство, какъ ни было оно чисто, стало ощущаться отъ всякаго слѣда земной любви, но мѣръ того какъ восхищеніе переходило въ почитаніе. Она часто убѣждала его жениться, но для него нѣтъ невесты на землѣ. Я только жду пока женится Ангерранъ, а тогда променяю себя на монастырь.

Но послѣ смерти Ангеррана Рауль отказался отъ всякой мысли о монастырѣ. Въ этотъ вечеръ, когда онъ провожалъ домой Исавру и другихъ дамъ бывшихъ въ госпиталѣ, онъ сказалъ въ отвѣтъ на вопросъ о его матери:

— Она спокойна и не ропщетъ. Я обѣщаль ей пока она жива не лаять ее и другаго сына и оставилъ всякія мечты о монастырѣ.

Рауль оставался у Исавры всего нѣсколько минутъ. Абатъ пошелъ провожать его по дорогѣ домой.

— У меня есть до васъ просьба, сказалъ аббатъ;—вы безъ сомнѣнія знаете вашего дальняго родственника виконта де-Молеона?

— Да. Не такъ близко какъ бы слѣдовало: Ангерранъ любилъ его.

— Но во всякомъ случаѣ настолько чтобы зайти къ нему и передать порученіе которое даю мнѣ, но которое удобнее исполнить вамъ какъ родственнику. Я для него чужой и не знаю не сочтетъ ли такой человекъ сообщеніе переданное чрезъ священника за навязчивое вѣщательство въ чужія дѣла. Дѣло однакожъ очень просто. Въ монастырѣ *** есть была монахиня которая, боюсь, умираетъ. Она имѣетъ сильное желаніе увидаться съ *Monsieur* де-Молеономъ. По ея словамъ онъ приходится ей дядей и есть единственный ея родственникъ находящійся въ живыхъ. Монастырскіе уставы не такъ строги чтобы воспретить свиданіе при подобныхъ обстоятельствахъ. Я долженъ прибавить что не знаю ея прежней исторіи. Я не духовникъ этого монастыря. Ихъ духовникъ былъ опасно раненъ нѣсколько дней тому назадъ при пощещеніи перевязочнаго пункта на укрѣпленіяхъ. Какъ только докторъ позволялъ ему видѣть постороннихъ, онъ послалъ за мной и просилъ меня сходить къ монахинѣ о которой я го-

ворю, сестрѣ Урсулѣ. Кажется онъ сообщилъ ей что де-Молеонъ въ Парижѣ и обѣщаль узнать его адресъ. Рааа его помѣшала ему исполнить это и онъ поручилъ мнѣ достать это свидѣніе. Я хорошо знакомъ съ начальницей монастыря и льщу себя что пользуюсь ея расположеніемъ. Потому я безъ труда получилъ позволеніе видѣть бѣдную монахиню. Она умоляла меня, для спокойствія ея души, не теряя времени узнать адресъ *Monsieur* де-Молеона и просить его посѣтить ее. Въ случаѣ его сомнѣній я могу назвать ему имя подъ которымъ онъ зналъ ее въ свѣтѣ—ее звали Луиза Дюваль. Я разумѣется послѣдовалъ исполнить ея просьбу. Мѣстожителство челоѣка который такъ отличился во время этой несчастной осады найти было не трудно, я отправился тотчасъ же къ *Monsieur* де-Молеону, но не засталъ его дома и мнѣ сказали что онъ можетъ-быть проведетъ всю ночь на укрѣпленіяхъ.

— Я пойду къ нему завтра рано утромъ, сказалъ Раулъ, — и передамъ ваше порученіе.

ГЛАВА IV.

На слѣдующее утро де-Молеонъ былъ нѣсколько удивленъ посѣщеніемъ Раула. Онъ не особенно любилъ этого родственника, котораго вѣжливая сдержанность, въ противоположность сердечной искренности бѣднаго Ангеррана, оскорбляла его самолюбіе; онъ не могъ также понять религіозныхъ мнѣній которыя прелятствоваали Раулу вступать въ ряды войска, хотя заботясь о спасеніи жизни другихъ онъ такъ безстрашно подвергалъ опасности собственную жизнь.

— Простите меня, сказалъ Раулъ съ своею мягкою грустною улыбкой, — что беспокою васъ въ такое раннее время. Но ваша служба на укрѣпленіяхъ и моя въ госпиталѣ начнутся рано, и я обѣщаль аббату Вертире передать вамъ порученіе которое вы можетъ-быть сочтете слѣшнымъ.

Онъ повторилъ что слышалъ отъ аббата вечеромъ о болѣзни и желаніи монахини.

— Луиза Дюваль! воскликнулъ виконтъ: — Наконецъ-то она наша, и въ монастырѣ! Теперь я понимаю почему она не видѣлась со мной послѣ моего возвращенія въ Парижъ. Подобныя извѣстія не проникають въ монастыри. Я много обьязалъ вамъ, *Monsieur* де-Вандемаръ, за безпокойство которое

вы такъ любезно приняли на себя. Эта бѣдная монахиня моя родственница, и я тотчасъ же послѣдую исповѣть ея просьбу. Но этотъ монастырь ***, къ стыду моему я долженъ сознаться что не знаю гдѣ онъ находится. Я думаю не далеко?

— Позвольте мнѣ быть вашимъ проводникомъ, сказалъ Рауль; — я былъ бы счастливъ ближе познакомиться съ человекомъ котораго такъ уважалъ мой покойный братъ.

Викторъ былъ тронутъ этими примирительными словами, и черезъ нѣсколько минутъ они были на пути къ монастырю, находившемуся по другую сторону Сены.

Викторъ началъ разговоръ горячими сердечными похвалами характеру покойнаго Ангеррана.

— Никогда, сказалъ онъ, — не видалъ я натуры болѣе одрежденной самыми привлекательными чертами молодости; кротость и умъ возвышали его прекрасныя качества и заставляли забывать тѣ немногія ошибки и слабости которыхъ молодой человекъ въ такомъ положеніи, среди столькожъ некушений, не можетъ совершенно избѣгнуть; не горюйте о его потерѣ. Мужественная смерть достойно увѣчала эту прекрасную жизнь.

Рауль не отвѣчалъ, только съ благодарностью пожалъ руку лежавшую въ его рукѣ. Слугаики продолжали идти молча. Викторъ задумался о предстоящемъ посѣщеніи племянницы которая такъ давно и таинственно исчезла и теперь такъ неожиданно была отыскана. Луиза внушала ему интересъ своею красотой и силой характера, но никогда онъ не чувствовалъ къ ней горячей привязанности. Онъ находилъ утѣшеніе въ томъ что жизнь ея оканчивалась въ святынь монастыря. Онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ опасенія внушеннаго ему Лувье что она своею жизнью навлечетъ нареканія и безчестіе на то имя которое ему стоило столько труда и борьбы очистить отъ несправедливыхъ обвиненій.

Рауль разотался съ де-Молеономъ у воротъ монастыря и направился къ госпиталямъ которые онъ посѣщалъ и бѣднымъ которымъ приносилъ утѣшеніе.

Викторъ былъ молча проведенъ въ монастырскій *parloir*, и послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія дверь открылась и вошла начальница. Когда она приближалась къ нему величавою походкой, съ торжественнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ отступилъ съ едва сдержаннымъ восклицаніемъ въ которомъ выразилось изумленіе и ужасъ. Возможно ли? Ужели эта же-

щина съ важнымъ, безстрастнымъ видомъ та нѣкогда пылая дѣвушка письма которой онъ хранилъ въ годы своихъ испытаний и сжегъ только ночью наканунѣ самаго опаснаго сраженія въ которомъ онъ участвовалъ? Единственная женщина которую онъ въ своихъ юношескихъ мечтахъ считалъ своею будущею женою? Да, это была она. Сомнѣнія исчезли когда онъ услышалъ ея голосъ; хотя какъ непохоже было теперешнее его выраженіе на тихую, кроткую музыку которая звучала въ этомъ голосѣ въ былые годы!

— *Monsieur* де-Молеонъ, сказала настоятельница спокойно, — мнѣ больно огорчить васъ печальнымъ извѣстіемъ. Вчера вечеромъ, когда аббатъ обѣщалъ передать вамъ просьбу сестры Урсуды, она хотя и была при смерти — иначе я не могла бы нарушать правила монастыря и допустить ваше посѣщеніе — но не было еще немедленной опасности; полагали что страдавія ея продолжатся еще нѣсколько дней. Я видѣла ее поздно вечеромъ предъ уходомъ въ мою келью, и казалось что она была даже крѣпче нежели всю послѣднюю недѣлю. Одна изъ сестеръ осталась дежурить на ночь въ ея кельѣ. Подъ утро, казалось, она забылась спокойнымъ сномъ и во время этого сна отошла.

При этихъ словахъ настоятельница перекрестилась и набожно прошептала нѣсколько словъ латинской молитвы.

— Умерла! бѣдная моя племянница! сказалъ Викторъ тронутый. Слушая грустное извѣстіе такъ спокойно переданное ему настоятельницей, онъ оправился отъ смущенія которое почувствовалъ при первомъ взглядѣ на нее. — Такъ я не могу даже узнать зачѣмъ она желала видѣть меня или что хотѣла завѣщать мнѣ?

— Это печальное утѣшеніе я рѣшилась передать вамъ, *Monsieur le vicomte*, послѣ долгихъ колебаній, и получивъ одобреніе аббата Вертире, котораго я сегодня утромъ просила разсѣять мои сомнѣнія не будетъ ли это противорѣчить моему долгу. Когда сестра Урсуда узнала о вашемъ возвращеніи въ Парижъ, я дала ей позволеніе написать вамъ письмо, которое она должна была показать мнѣ. Она чувствовала что при своей слабости не будетъ въ состояніи передать вамъ на словахъ съ достаточною подробностью многое что имѣла на душѣ; и такъ какъ она могла видѣться съ вами только въ присутствіи одной изъ сестеръ, то ей казалось что она можетъ быть болѣе откровенной на письмѣ. Она желала чтобы, когда

вы придете, я могла передать вамъ это письмо и вы имѣли бы время прочесть его прежде личнаго свиданія съ нею; тогда нѣсколькихъ словъ выражающихъ ваше обѣщаніе исполнить ея желаніе, извѣстное вамъ напередъ, было бы достаточно при свиданіи, которое не могло быть продолжительно въ ея трудномъ положеніи. Понимаете ли вы меня?

— Совершенно, *Madame*,—но письмо?

— Она дописала его вчера вечеромъ; и когда я ночью уходила отъ нея она передала его мнѣ для просмотра. Мнѣ грустно сознавать, *Monsieur le vicomte*, что многое въ тонѣ этого письма вызвало мое сожалѣніе и неодобреніе. Я имѣла намѣреніе указать на это нашей сестрѣ сегодня утромъ и сказать что эти мѣста должны быть измѣнены прежде чѣмъ я могу передать письмо въ ваши руки. Но внезапная смерть ея лишила меня возможности исполнить это. Сама я не могла, разумѣется, ни измѣнить, ни вылустить въ немъ ни одной строчки, ни одного слова. Мнѣ оставалось только или вовсе уничтожить письмо или отдать его вамъ такъ какъ есть. А аббатъ полагаетъ что долгъ мой не противорѣчать здѣсь моему чувству; и теперь я могу передать это письмо вамъ.

Де-Молеонъ принялъ незалечатанный пакетъ изъ бѣлыхъ, тонкихъ рукъ настоятельницы; и наклонясь чтобы взять его онъ подыалъ на нее глаза краснорѣчивые въ своемъ грустномъ, смиренномъ лаосѣ, въ которыхъ сердце любившей женщины не могло не видѣть напоминанія о прошломъ, котораго не смѣла высказать уста.

Слабый, едва замѣтный румянецъ проступилъ на марморныхъ щекахъ монахини. Съ изящною деликатностью чувства, въ которомъ видно было что и въ монахинѣ не умерла женщина, она отвѣчала на это безмолвное обращеніе.

— *Monsieur* Викторъ де-Молеонъ, прежде сегодняшней встрѣчи мы разстались съ вами навсегда. Позвольте бѣдой *religieuse* сказать съ какою радостью я узнала отъ аббата Вертире что вамъ удалось очистить отъ клеветы вашу честь, въ которой никто знавшій васъ не могъ никогда сомнѣваться.

— А, вы слышали объ этомъ — наконецъ-то, наконецъ!

— Повторяю, въ вашей чести я никогда не сомнѣвалась.— Настоятельница слышала договорить.— Еще болѣею радостью было для меня узнать изъ того же достойнаго источника что вы были храбрѣйшимъ въ числѣ защитниковъ вашей страны и не омрачили себя сообществомъ съ тѣми ко-

торые являются противниками Божества. Продолжайте также, продолжайте, Викторъ де-Молеонъ.

Она пошла къ двери; и тамъ обернувшись снова къ нему со взглядомъ въ которомъ совершенно исчезъ мраморъ, проговорила слова въ которыхъ еще болѣе видна была монахиня, но въ то же время еще болѣе женщина, чѣмъ въ сказанныхъ прежде:

— Я никогда не забываю просить въ своихъ молитвахъ чтобы вы до конца оставались вѣрны Богу.

Она сказала и исчезла.

Въ какомъ-то смутномъ, дремотномъ восхищеніи Викторъ де-Молеонъ стоялъ въ стѣнахъ монастыря. Машинально,—какъ всякій человѣкъ, отъ перваго министра до бѣднаго клоуна въ провинціальномъ балаганѣ, когда предъ нимъ возстаетъ ругана жизни, когда онъ обязанъ являться на своемъ посту и толковать о налогахъ на пиво или прыгать черезъ обручъ на лошади, хотя бы сердце его обливалось кровью вслѣдствіе тайныхъ домашнихъ огорченій, — машинально де-Молеонъ пошелъ своимъ путемъ на укрѣпленія, гдѣ онъ ежедневно училъ своихъ рекрутъ. Извѣстный своею суровостью къ нарушителямъ порядка, горячностью своихъ похвалъ тѣмъ которые радовали его солдатское сердце, онъ, повидимому, ни мало не измѣнился въ это утро, развѣ только былъ нѣсколько свисходительнѣе къ первымъ, нѣсколько холоднѣе къ послѣднимъ. Когда это привычное дѣло окончилось, онъ тихо пошелъ къ болѣе пустынному, можетъ-быть потому что оно было самымъ опаснымъ, мѣсту укрѣпленій и тамъ сѣлъ одиноко на замерзшую траву. Вокругъ него раздавался громъ орудій. Онъ слушалъ безсознательно. Время отъ времени ядро свистало и падало почти у самыхъ его ногъ; — онъ смотрѣлъ разсѣяннымъ взоромъ. Душа его ушла въ прошедшее; и раздумывая надо всѣмъ что въ немъ было похоронено, онъ почувствовалъ глубокое убѣжденіе въ тщетѣ всѣхъ земныхъ человѣческихъ цѣлей, изъ-за которыхъ мы бьемся и страдаемъ, болѣе глубокое чѣмъ то которое происходило изъ его свѣтскаго цинизма и его свѣтскаго честолюбія. Видъ этого лица, съ которымъ было связано единственное чистое увлеченіе его безпорядочной молодости, поразилъ его среди новыхъ надеждъ на новую карьеру, какъ поразилъ нѣкогда дворянина ставшаго въ послѣдствіи суровымъ преобразователемъ ордена

Трагистовъ вырытый изъ могилы скелетъ женщины, которую онъ такъ любилъ и о смерти которой такъ сокрушался. Раздумывая такимъ образомъ онъ забылъ о письмѣ бѣдной Луизы Дюваль. Она, чье существованіе такъ тревожило, измѣняло и частью омрачало жизнь другихъ,—она, едва умерла, какъ уже была забыта ближайшимъ своимъ родственникомъ. Правда, развѣ она сама не забыла всѣ свои обязанности въ отношеніи къ тѣмъ кто былъ гораздо ближе ей чѣмъ для племянницъ?

Короткій, суровый, безсолнечный день приблизился къ концу прежде чѣмъ де-Молеонъ быстро, нетерпѣливо очнулся отъ своихъ мечтаній, и принялся за письмо умершей монахини.

Оно начиналось выраженіемъ радости что она еще разъ увидитъ его предъ смертью и благодарности за прежнюю его доброту. Пропускаю большую часть того что касалось разказа о событіяхъ уже извѣстныхъ читателю. Она указывала, какъ на главную причину своего отказа Лувье, на то что черезъ нѣсколько времени она должна была стать матерью — фактъ въ то время скрытый отъ Виктора де-Молеона, изъ опасенія что онъ будетъ настаивать не на расторженіи ея неправильнаго брака, а на формальномъ его закрѣпленіи. Она вкратцѣ разказала о своей дружбѣ съ *Made-me* Марильи, о перемѣнѣ именъ и документовъ, о томъ какъ ребенокъ ея, родившійся въ окрестностяхъ Ахена, былъ оставленъ на попеченіи кормилицы, о путешествіи въ Мюнхенъ чтобъ убѣдиться въ смерти ложной Луизы Дюваль. Потомъ говорилось о полученіи удостовѣренія о смерти чрезъ ея податливаго родственника, покойнаго маркиза де-Ротбринна, о послѣдовавшемъ затѣмъ пребываніи ея въ семействѣ фонъ-Рюдестгеймовъ — все это достаточно только напомнить затѣмъ вкратцѣ. Затѣмъ письмо продолжалось такъ:

„Принятая такимъ образомъ въ этомъ семействѣ, гдѣ я была гувернанткой только по имени, на самомъ же дѣлѣ другою, я встрѣтила сивьора Лудовико Чигонья, Италяца благородной фамиліи. Это былъ единственный человекъ который заинтересовалъ меня. Я полюбила его страстно. Я не могла разказать ему мою настоящую исторію, не могла сказать что у меня былъ ребенокъ; эти свидѣнія побудили бы его тотчасъ же удалиться отъ меня. У него была дочь отъ прежняго брака, еще ребенокъ, которая воспитывалась во Франціи. Онъ хотѣлъ взять ее къ себѣ, хотѣлъ что-

бы вторая жена замѣнила ей мать. Что было мнѣ дѣлать съ моимъ ребенкомъ оставленнымъ въ окрестностяхъ Ахена? Во время этихъ сомнѣній и колебаній я прочла въ газетахъ объявленіе что одна французская дама, жившая тогда близъ Кобленца, желала взять къ себѣ дѣвочку не старше шести лѣтъ, которая должна быть отдана въ полное ея распоряженіе родителями и о которой она будетъ заботиться какъ о своей дочери. Я тотчасъ же рѣшилась отправиться въ Кобленць. Увидѣла эту даму. Она ловидимому была богата, еще молода, но неизлѣчимо больна, и проводила большую часть дня лежа на диванѣ. Она откровенно разказала мнѣ свою исторію. Она была прежде танцовщицей на сценѣ, вышла замужъ за почтеннаго человѣка, осталась вдовою, и вскорѣ сдѣлалась жертвою болѣзни которая вѣроятно заставитъ ее всю жизнь провести не выходя изъ комнаты. Страдая такимъ образомъ, и не имѣя ни родства, никакихъ интересовъ или цѣлей о жизни, она рѣшилась взять къ себѣ ребенка котораго бы могла воспитать какъ дочь. Главнымъ условіемъ при этомъ было то чтобы родители никогда уже не могли взять назадъ ребенка. Моя наружность и обращеніе ей понравились: ей не хотѣлось чтобы пріемная дочь ея была крестьянка. Она не разспрашивала меня ни о какихъ подробностяхъ, откровенно сознаваясь что не желаетъ знать ничего что, дойдя по ея неосторожности до ребенка, побудило бы его въ послѣдствіи отыскивать своихъ родителей. Словомъ, я ухвала изъ Кобленца съ тѣмъ чтобы привезти дѣвочку, и если она понравится *Madame* Сюрвилль, то соглашеніе должно послѣдовать.

„Я вернулась въ Ахенъ. Увидѣла ребенка. Увы! я была недостойная мать; одинъ видъ дитяти живо напомнилъ мнѣ мое собственное опасное положеніе. Но ребенокъ былъ прекрасенъ! похожъ на меня, но гораздо красивѣе, потому что это была чистая, невинная красота. Ее научили звать меня *Maman*. Не поколебалась ли я услылавъ это имя? Нѣтъ; оно терзало мой слухъ какъ слова упрёка и стыда. Представьте мое огорченіе, когда идя съ ребенкомъ на станцію желѣзной дороги я встрѣтила человѣка который долженъ былъ почитать меня умершею. Вскорѣ я увидѣла что его огорченіе было также сильно какъ мое и что мнѣ нечего бояться что онъ пожелаетъ предъявить свои права на меня. На минуту я готова была уступить ему его ребенка. Но когда онъ содрогнулся при

одномъ намекѣ объ этомъ, гордость моя была оскорблена, совѣсть моя облегчилась. Во всякомъ случаѣ было неосторожно относительно моей безопасности въ будущемъ оставить ему предлогъ требовать меня къ себѣ. Я послѣшю оставила его. Больше я никогда не видала его и не слышала о немъ. Я привезла ребенка въ Коблеуцъ. *Madame* Сюрвилъ была очарована красотой и разговоромъ дѣвочки, очарована еще больше когда и остановила бѣдное дитя назвавшее меня *Матая* и сказала: „вотъ твоя настоящая мать“. Избавившись отъ хлопотъ я вернулась въ доброе германское семейство и скоро стала женою Лудовико Чигонья:

„Вскорѣ началось мое наказаніе. Онъ былъ легкомысленъ и измѣнчивъ, натура вѣчно ищущая удовольствія. Я скоро наскучила ему. Самая любовь моя дѣлала меня непріятною для него. Я сдѣлалась раздражительна, ревнива, требовательна. Его дочь, которая теперь жила съ нами, была новымъ поводомъ къ несогласіямъ. Я знала что онъ любитъ ее больше нежели меня. Я сдѣлалась злою мачихой; отрастные упреки Лудовико возбуждали мою ярость. Но отъ этого брака родился у меня сынъ. Мой милый Луджи! Какъ мое сердце привязалось къ нему! Нянчалась съ нимъ я забывала неудобствъ мои противъ его отца. Потомъ бѣдный Чигонья заболѣлъ и умеръ. Я искренно оплакивала его; но у меня остался мой мальчикъ. Я впала въ бѣдность, въ крайнюю бѣдность. Единственными средствами Чигонья было жалованье которое онъ получалъ на австрійской службѣ; оно прекратилось вмѣстѣ съ австрійскимъ владычествомъ въ Италию; въ видѣ вознагражденія ему былъ назначенъ небольшой пенсіонъ, который кончился съ его смертію.

„Въ это время, одинъ Англичанинъ, съ которымъ Лудовико познакомился въ Венеціи, и который часто бывалъ у насъ въ Веровѣ, предложилъ мнѣ свою руку. Онъ чрезвычайно привязался къ Исаврѣ, дочери Чигонья отъ перваго брака. И я думаю что онъ рѣшился сдѣлать мнѣ предложеніе какъ изъ состраданія ко мнѣ такъ и вслѣдствіе своей привязанности къ ней. Я вышла за него ради моего сына Луджи. Онъ былъ добрый человекъ, и будучи ученымъ, имѣлъ склонность къ уединенію, въ чемъ не встрѣчалъ во мнѣ симпатіи. Общество его наводило на меня скуку, но я переносила ее ради Луджи. Богъ видѣлъ что мое сердце какъ и всегда удалено отъ Него и лишилъ меня всего что я имѣла на землѣ

УЗБЕКЪ.

ЧАСТЬ III.

ТУРКМЕНСКІЙ ПОХОДЪ.

I. Туркмены.

Туркмены самое храброе и воинственное племя Центральной Азіи.

Это кочевой народъ, бродящій почти по всей странѣ между Оксусомъ и Каспійскимъ моремъ, на востокъ до Афганистана, на югъ до границъ Персіи. Средства существованія ихъ различны: Туркмены живущіе по берегамъ Каспія занимаются большею частію рыболовствомъ; тѣ которые кочуютъ далѣе къ востоку и сѣверу держатъ стада и табуны. Но однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ ихъ дохода до послѣдняго времени былъ захватъ Персіянъ и продажа ихъ въ рабство въ Хиву и Бухару.

Туркмены живущіе въ Хивѣ принадлежатъ къ шести племенамъ: Имралы, которыхъ считается до 2.500 кибитокъ; Кодоры 3.500 кибитокъ; Карадашлы 2.000; Кара-Егелды 1.500; Амелы-Игокланы 1.500, Юмуды 11.000; всего 22.000 кибитокъ, что составитъ, полагая среднимъ числомъ по пяти человекъ въ кибиткѣ, населеніе въ 110.000 душъ.

Это дикое и безпокойное населеніе никогда не подчинялось никакой правильной формѣ правленія; они отвергаютъ всякую власть, и хана и эмира и Русскаго Царя.

Каждое племя состоитъ изъ многихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій, основою которыхъ служатъ вѣроятно семейныя звязи и родство, и которыя состоятъ подъ властью старшины или предводителя. Но у Туркменъ нѣтъ никакого государственнаго устройства, нѣтъ ни правящихъ классовъ, ни признанныхъ властей, ни верховной власти, ни другаго суда

кромѣ общественнаго голоса. Правда, ихъ старшины имѣютъ нѣкоторую номинальную власть разбирать ссоры; но они не имѣютъ силы заставить повиноваться своимъ рѣшеніямъ. Враждебныя стороны могутъ по собственному желанію или подчиниться этому рѣшенію или же продолжать ссору, раздѣляясь по своему. Тѣмъ не менѣе своеобразныя понятія о правомъ и неправомъ такъ сильно развиты въ средѣ ихъ и общественное мнѣніе такъ уважаетъ эти понятія что между ними рѣдко происходятъ ссоры и несогласія.

Хивинскій ханъ никогда не былъ въ состояніи управлять Туркменами живущими въ его владѣніяхъ. На дѣлѣ это происходитъ почти наоборотъ; сами Туркмены очень рѣшительно управляютъ дѣйствіями хана. Долуская его имѣетъ нѣкоторую номинальную власть какъ правителя ихъ сосѣдей Узбековъ, они противятся всякой попыткѣ распространить эту власть на нихъ самихъ. Проживая на хивинской территоріи они отказываются отъ всякаго участія въ общихъ повинностяхъ, и не только не думаютъ платить какія-нибудь подати, но еще сами собираютъ поборы. Они всегда готовы сражаться за хана, исключая впрочемъ случаевъ когда сражаются противъ него; изъ нихъ-то онъ составляетъ главнѣйшимъ образомъ свои войска. Они въ значительной мѣрѣ отстали отъ кочеваго образа жизни, но ни мало не покинули своихъ хищническихъ привычекъ. Это даетъ поводъ къ постоянной борьбѣ между ними и Узбеками; почти не проходитъ года безъ того чтобъ они не воевали между собой. Главнымъ поводомъ вызвавшимъ походъ Русскихъ на Хиву было также хищничество Туркменъ.

Ханъ неоднократно пытался усмирять ихъ, но всегда безуспѣшно. Несмотря на недостатокъ артиллеріи, имъ всегда удавалось брать верхъ надъ превосходными ханскими силами и оказывать весьма сильное вліяніе на дѣла ханства.

Обыкновенный планъ дѣйствій хана слѣдующій. Онъ собираетъ войско, вступаетъ въ ихъ землю, располагается лагеремъ и укрѣпляется. Туркмены немедленно атакуютъ его или только показываютъ видъ что хотятъ атаковать, рыщутъ вокругъ лагеря, съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣляютъ изъ своихъ фитильныхъ ружей, и захватываютъ небольшія партіи ханскихъ войскъ которыя показываются изъ-за окопа. Въ отвѣтъ на нападеніе ханъ посылаетъ въ нихъ тяжеловѣсные выстрѣлы изъ своихъ пушекъ; но такъ

какъ ему приходится израсходовать нѣсколько тоннъ желѣза чтобъ убить одного человѣка, то вредъ причиняемый Туркменамъ очень незначителенъ. Самъ ханъ никогда не выступаетъ изъ своего лагеря; такимъ образомъ они мѣняются ролями, и вмѣсто того чтобы подчинить себѣ Туркменъ, хану представляется вѣроятность самому подчиниться имъ. Такое положеніе дѣлъ продолжается обыкновенно нѣсколько недѣль. Туркмены очень любятъ подобныя войны, и для нихъ это время настоящій праздникъ. Когда у хана истощаются военные снаряды и припасы — Туркмены безъ труда отрываютъ путь къ подвозамъ, — онъ заключаетъ съ ними договоръ, который ни мало не измѣняетъ ихъ взаимныхъ отношеній, и съ торжествомъ возвращается въ свою столицу; Туркмены же снова принимаются за свои обычные занятія.

Впрочемъ, говоря вообще, ханъ имѣлъ болѣе причинъ быть довольнымъ Туркменами, нежели наоборотъ. Несмотря на эти небольшія недоразумѣнія, они всегда были ему преданы. Не соглашаясь признавать его власть надъ собою, они охотно помогали ему удерживать власть надъ другими. Если они отказывались платить налоги или допускать какое-нибудь вмѣшательство въ свои дѣла, то всегда были готовы обнажить свой мечъ на его защиту, отстаивать его противъ домашнихъ претендентовъ и внѣшнихъ враговъ. Единственное серьезное сопротивленіе Русскимъ было оказано ими; они продолжали сражаться когда ханъ прекратилъ борьбу, почитая ее безнадёжной, и когда, пораженный ужасомъ при бомбардировкѣ столицы войсками генерала Веревкина, онъ бѣжалъ изъ города и собственные подданные возстали противъ него и избрали на престолъ его брата, — онъ нашель убѣжище у Туркменъ. Забывая все это, забывая услуги которыя они оказали ему, преданность и мужество обнаруженныя ими въ войнѣ за него, онъ представилъ ихъ Русскимъ какъ разбойниковъ и нарушителей закона. Во время переговоровъ съ генераломъ Кауфманомъ касательно уплаты военныхъ издержекъ, онъ объявилъ что не можетъ принять на себя отвѣтственности за уплату части причитающейся на ихъ долю; ссылаясь на то что они никогда не платили никакихъ налоговъ, онъ утверждалъ что они не залатаютъ и теперь, онъ же не можетъ принудить ихъ къ этому. Далѣе, чтобы вернуть себѣ свои пушки, онъ увѣрялъ что безъ артиллеріи не будетъ

имѣть возможности держать ихъ въ покоѣ, ни даже ручаться за безопасность собственнаго престола.

Генераль Кауфманъ, не имѣя надобности въ этихъ пушкахъ, возвратилъ хану восемнадцать или девятнадцать изъ числа двадцати одной доставшихся Русскимъ при взятіи города; фактъ этотъ доказываетъ увѣренность Русскихъ въ собственной силѣ. Что же касается представленій хана, то они не могли имѣть ваіянія на дѣйствія генерала Кауфмана противъ Туркменъ, такъ какъ онъ уже рѣшилъ взять сборъ военной контрибуціи въ свои руки.

Онъ издалъ прокламацію въ которой предписывалось Іомудамъ уплатить въ теченіи двухъ недѣль 300.000 рублей. Въ отвѣтъ на это они прислали нѣсколько депутацій съ общаіемъ уплаты, но съ просьбою назначить большій срокъ, указывая на невозможность собрать такую значительную сумму въ такое короткое время. Но генераль Кауфманъ рѣшилъ настаивать на немедленной уплатѣ и сдѣлалъ приготовленія для вступленія въ ихъ страну.

II. Огнемъ и мечомъ.

Іомуды, противъ которыхъ рѣшенъ былъ походъ русскихъ войскъ, самое многочисленное и могущественное племя Туркменовъ. Ихъ насчитывается 11.000 кибитокъ, столько же сколько во всѣхъ остальныхъ племенахъ вмѣстѣ.

7го (19го) іюля, пять недѣль спустя послѣ паденія Хивы, отрядъ подъ командою генераль-майора Головачова, въ составѣ восьми ротъ пѣхоты, восьми сотенъ казаковъ, при десяти орудіяхъ, — въ числѣ ихъ двѣ картечицы, — съ батареями ракетъ, двинутъ былъ изъ Хивы къ Хазавату, гдѣ начинается земля Іомудовъ.

Путь лежалъ чрезъ сады, подъ развѣсистыми вязами, темная листва которыхъ отражалась въ прозрачныхъ маленькихъ озеркахъ. Абрикосовыя деревья все еще блестятъ на солдцѣ своими золотисто-розовыми плодами; маленькія рисовыя поля, все еще зеленыя, пріятно разнообразятся желтющею пшеницей и ячменемъ, уже скошенными и сложенными въ стога какъ сѣно, въ ожиданіи молотбы, которая производится ногами лошадей.

Во время нашего похода Узбеки выходятъ толпами на

встрѣчу и предлагаютъ намъ хлѣбъ, плоды и молоко, и изумленными глазами слѣдятъ за грознымъ строемъ артиллерійскихъ орудій, блестящихъ на солнцѣ зловѣщимъ блескомъ и безшумно подвигающихся по пыльной дорогѣ.

Верстахъ въ восьми отъ Хивы луть нашъ пролегаетъ по окраинѣ пустыни, которая въ этомъ мѣстѣ глубоко врѣзывается въ оазисъ. Пески здѣсь такъ часто перестѣкаютъ обработанную землю, подобно морскимъ протокамъ, что Хивинскій оазисъ можно сравнить съ рядомъ маленькихъ острововъ, между коими и окружающею пустыней происходитъ постоянная борьба за господство. Война между пескомъ и плодородною почвой ведется неустанная и нескончаемая. Первый, наносимый свирѣлыми вихрями пустыни, переступаетъ границу и глубоко погребаетъ подъ собой богатую почву съ ея растительностью. Но вода, получая богатые запасы изъ Оксуса, проникаетъ и смачиваетъ песокъ, такъ что самый песокъ становится плодороднымъ; снова появляется растительность, и почва остается побѣдительницей, — чтобы потомъ въ свою очередь быть побѣжденной и засыпанной пескомъ. Борьба эта происходитъ уже цѣлыя столѣтія безъ замѣтнаго успѣха съ той или другой стороны. Впрочемъ въ послѣдніе годы, если судить по тому что въ разныхъ частяхъ пустыни встрѣчаются слѣды прежняго орошенія, песокъ повидимому торжествуетъ; граница между почвой и пескомъ также ясно и рѣзко обозначена какъ между землею и водой.

Въ одиннадцать часовъ отрядъ достигъ Хазаватскаго канала, верстахъ въ двадцати отъ Хивы, и расположился лагеремъ на его берегахъ. Арьергардъ же прибылъ на мѣсто не ранѣе пяти часовъ; причиною такой медленности была узкая мучительная дорога. Каналъ у котораго мы стали лагеремъ служитъ для отвода излишней воды главнаго Хазаватскаго аръка, и оканчивается въ пустынѣ, верстахъ въ полутора ниже мѣста нашей стоянки. Онъ около тридцати футовъ ширины и десять футовъ глубины; прозрачная тихая вода протекаетъ по немъ со скоростью отъ пяти до шести миль въ часъ. Кстати замѣтить что всѣ главные каналы оазиса, получающіе гораздо болѣе воды чѣмъ нужно для орошенія земли, имѣютъ подобныя отводы, чрезъ которые огромное количество воды направляется въ пустыню и тамъ терается чрезъ испареніе. Это доказываетъ что при небольшемъ ста-

раніи оазисъ могъ быть распространень гораздо даѣе къ югу; нѣтъ сомнѣнія что при господствѣ здѣсь Русскихъ это и будетъ сдѣлано.

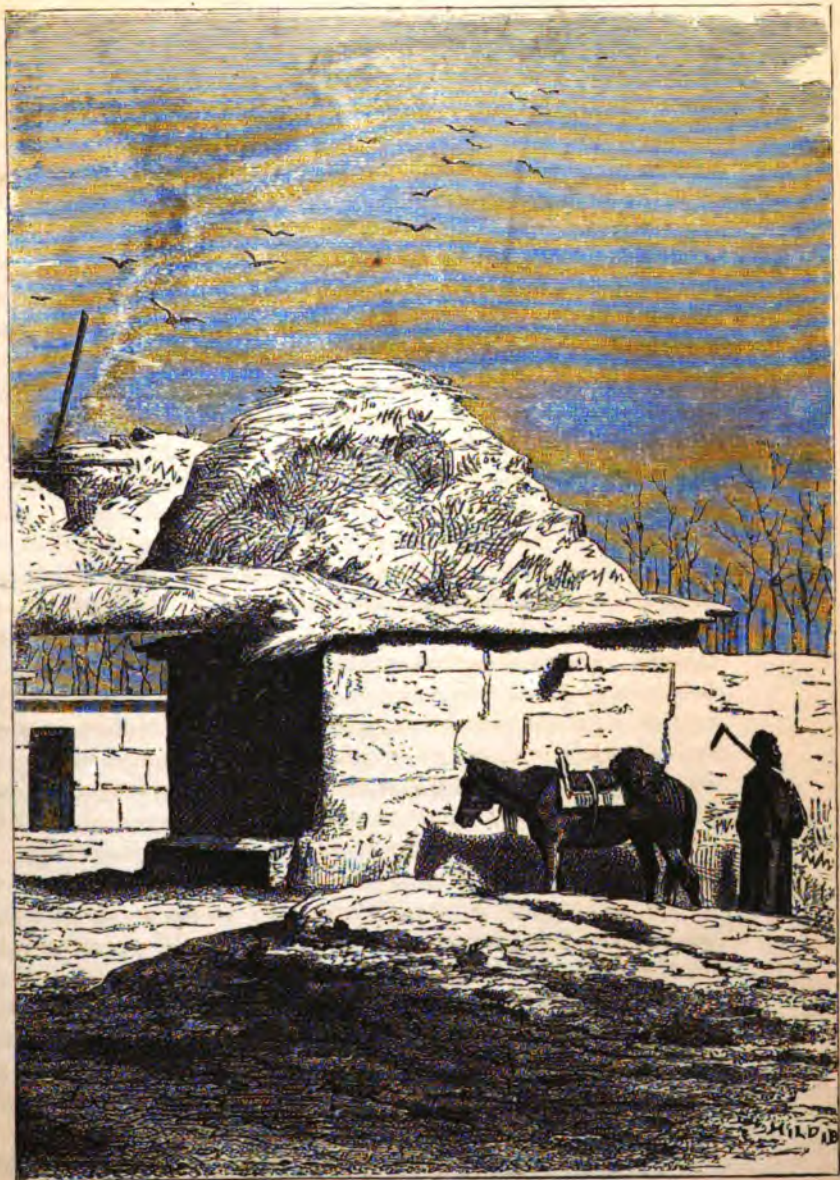
Отрядъ простоялъ здѣсь лагеремъ весь слѣдующій день, въ ожиданіи что Туркмены явятся съ уплатой. Рано утромъ 9го (21го) числа онъ двинулся дальше. Двухчасовой переходъ привелъ насъ на территорію Юмудовъ. Страна была богата и плодородна, повсюду перерѣзана глубокими каналами, берега коихъ обсажены длинными рядами тополей, небольшія луговины покрыты богатою травой, тамъ и сямъ по нимъ разбросаны чащи кустаряковъ.

Земледѣліе у этого племени повидимому не такъ развито, какъ у Узбековъ. Здѣсь меньше встрѣчается фруктовыхъ деревьевъ, меньше засѣянныхъ полей, и гораздо болѣе пастбищъ. Населеніе не такъ густо; жилища болѣе грубы. Нигдѣ не видать толстыхъ зубчатыхъ стѣнъ и роскошныхъ вазовъ отличающихъ жилища Узбековъ. Дома здѣсь большею частію низкіе глиняные и конюшни и зимнія помѣщенія сосредоточиваются въ нихъ подъ одною крышею; а въ сторонахъ стоитъ одна или двѣ кибитки, въ которыхъ живутъ лѣткомъ. Короче, все обличаетъ народъ въ переходномъ состояніи между кочевымъ и осѣдлымъ образомъ жизни, народъ который еще не привязался настолько къ своему дому чтобы попытаться улучшить его.

Всѣ дома были покинуты жителями. Ни одной вещи изъ мебели не было оставлено въ комнатахъ; хозяйственныя строенія также были пусты; нельзя было встрѣтить ни ребенка ни курицы. Въ нѣкоторыхъ домахъ еще тлѣлся огонь, ясное доказательство что бѣгство жителей произошло очень недавно.

Генераль оставилъ движеніе авангарда, выжидая пока станется вся армія. Казаки отдѣлились отъ остающаго отряда и разсыпались во всѣ стороны, въ то время какъ пѣхота продолжала двигаться по дорогѣ. Значеніе этого движенія обяснилось для меня скоро и неожиданно.

Я стоялъ раздумывая о тишинѣ и пустынности мѣста, какъ вдругъ пораженъ былъ трескомъ раздавшимся позади. Оглянувшись вокругъ я увидѣлъ длинный языкъ пламени вырвавшийся изъ-подъ крыши дома въ который я только-что заглядывалъ; и другой изъ стога невымоленной лшеницы рядомъ съ домомъ. Сухая соломенная крыша вельхнула какъ

ТУРКМЕНСКИЙ СКОТНЫЙ ДВОРЪ. (Съ рисунка. Верещагина.)

порохъ; пшеница почти также скоро была обхвачена пламенемъ. Огромные глубы густаго чернаго дыма поднимались изъ-за деревьевъ во всѣхъ направленіяхъ и свертывались надъ головами въ черныя зловѣщія облака, освѣщенные яркимъ отблескомъ пламени снизу. Я вѣхалъ на вершину небольшой возвышенности и сталъ смотрѣть вокругъ. Странное, дикое зрѣлище представилось моимъ глазамъ. Въ невѣроятно короткое время пламя и дымъ поднялись надъ горизонтомъ съ обѣихъ сторонъ, и подвигаясь впередъ въ томъ же направленіи какъ шли мы, понемногу застилали всю окрестность. Казаки двигались въ дыму какъ привидѣнія. Съ пылающими головнями въ рукахъ, они быстро передвигались съ мѣста на мѣсто, перескакивая канавы, переносясь черезъ стѣны, какъ настоящіе демоны, и оставляя позади себя слѣды пламени и дыму. Они рѣдко слѣшивались, но просто подѣвжались къ домамъ, прикладывая горѣвшія головни къ соломеннымъ крышамъ или стогамъ невымоленной пшеницы, и неслись прочь. Пять минутъ спустя, волны kloчущаго пламени и облака чернѣющаго дыма свидѣтельствовали какъ успѣшно они дѣлали свое дѣло. Вся страна была въ огнѣ.

Черезъ полчаса скрылось солнце, небо омрачилось, и, какъ будто такое множество вспыхивающихъ огней произвело какое-то измѣненіе въ атмосферѣ, пошелъ дождь, явленіе почти неизвѣстное въ Хивѣ, и прибавилъ еще новую печальную черту къ этой и безъ того печальной картинѣ. Дождь былъ рѣдкій и мелкій, онъ не имѣлъ силы потушить огня, и только сбивалъ лепель и дѣлалъ горѣніе ярче, онъ не давалъ дыму подниматься вверхъ, и дымъ темными сплошными массами висѣлъ надъ деревьями, омрачая воздухъ и составляя темный фонъ картины кроваваго пламени. Это была война какой я никогда не видалъ до сихъ поръ и какую рѣдко можно видѣть въ наши дни.

Это былъ грустный видъ, ужасное зрѣлище войны въ ея разрушительной работѣ, странно сочетавшейся съ этою странною, дикою страной.

Мы медленно подвигались вдоль узкой извилистой дороги, сопровождаемые съ обѣихъ сторонъ дымомъ и пламенемъ. Такъ шли до полудня, когда авангардъ довелъ что бѣгущіе жители находятся въ виду. Отрядъ всадниковъ остановился для переговоровъ съ авангардомъ. На вопросъ чего

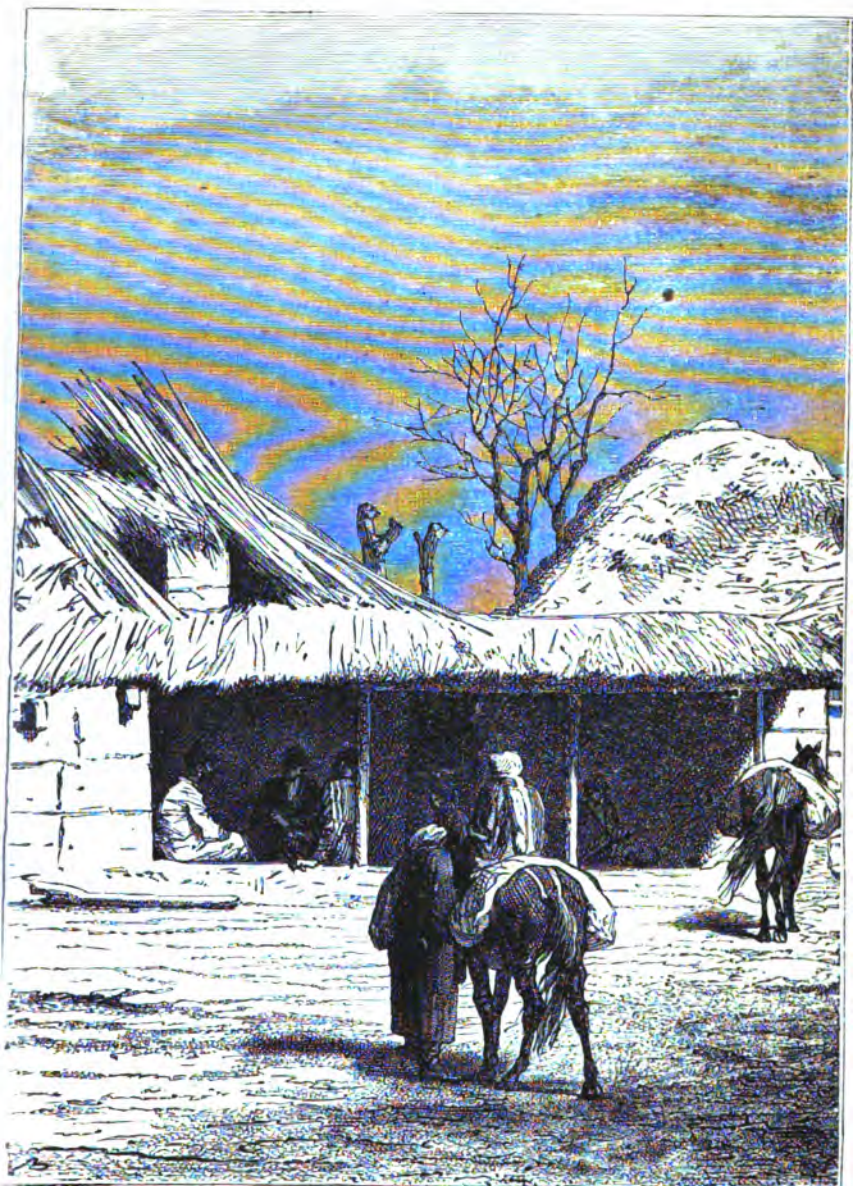

они желаютъ, они отвѣчали что желали бы знать зачѣмъ Русскіе вторглись въ ихъ страну. Они никогда не вели войны съ Русскими; зачѣмъ же Русскіе идутъ противъ нихъ войною?

Передовой отрядъ приглашалъ ихъ отправиться къ генералу Головачову, который выслушаетъ ихъ жалобы; но они отказались отъ этого предложенія, разразившись потокомъ угрозъ. „Насъ не одна тысяча,“ говорили они, „и если Русскіе вторглись въ нашу страну, жестоко будетъ ихъ наказаніе!“ По словамъ ихъ они рѣшились сражаться. Такъ какъ именно этого и желали Русскіе, то нечего было больше говорить, и всадники ускакали чтобы присоединиться къ своимъ бѣгущимъ товарищамъ.

Русская кавалерія такъ и рвалась въ атаку. Нѣсколько разъ офицеръ командовавшій авангардомъ посылалъ назадъ просить разрѣшенія начать наладеніе. Генералъ Головачовъ, однако, долго колебался прежде чѣмъ далъ приказъ. Въ числѣ бѣгущихъ Туркменъ было много женщинъ и дѣтей и я думаю что онъ великодушно ломышлялъ о ихъ участи.

Наконецъ получилось извѣстіе что Туркмены сворачиваютъ въ пустыню, гдѣ преслѣдованіе становилось невозможнымъ; и если имѣлось въ виду наладеніе, то оно должно было быть произведено немедленно. Казакамъ данъ былъ приказъ преслѣдовать бѣглецовъ. Какъ только я услышалъ объ этомъ, я поскакалъ впередъ къ головѣ колонны. Войска были какъ разъ на краю пустыни, выстроенныя въ двѣ линіи, каждая сотня съ своимъ значкомъ, развѣвавшимся по вѣтру; люди и лошади одинаково рвались въ битву. Въ разстояніи около трехъ верстъ къ югу, исчеза за гребнемъ длинной, высокой песчаной возвышенности, видны были бѣгущіе Туркмены, сплошная масса мушкетеровъ, женщинъ, дѣтей, лошадей, верблюдовъ, овецъ, козъ и рогатаго скота, въ которой ничего нельзя было различить и которая стремилась впередъ въ дикомъ ужасѣ и безпорядкѣ. Ихъ было всего тысячи двѣ или три; это были только отсталые отъ главныхъ силъ, ушедшихъ уже на нѣсколько миль впередъ. Минуты черезъ двѣ или три они скрываются за вершиною холма и исчезаютъ изъ вида.

ТУРКМЕНСКИЙ СКОТНЫЙ ДВОРЬ. (Съ Рисунка *Верещагина.*)

III. Р ѣ з н а .

Шесть сотенъ казаковъ были назначены для преслѣдованія непріятеля. Пробѣгая по фронту, я увидѣлъ Князя Евгения Максимиліановича, который помѣстилъ меня въ одинъ изъ своихъ эскадроновъ, какъ въ хорошій пунктъ для наблюденій.

Приказъ двинуться пробѣжалъ по линіи, и черезъ минуту мы мчимся въ галопъ по пустынѣ. Черезъ десять минутъ мы уже на вершинѣ холма за которымъ бѣжавшіе скрылись у насъ изъ виду; мы видимъ ихъ въ разстояніи версты или двухъ далѣе, переваливающихъ черезъ другое возвышеніе. Они не представляютъ болѣе сплошной массы. Овцы и козы разбѣжались безъ призора по всѣмъ направленіямъ; повсюду попадаются вещи оставленныя при слѣшности бѣгства; вьюки сброшенные съ верблюдовъ, телѣги изъ которыхъ лошади были выпряжены; наконецъ толпы отстающихъ, отдѣлившихся отъ своихъ и попадающихъ въ руки враговъ.

При слускѣ съ возвышенности лошади наши вязнутъ по колѣна въ сыпучемъ пескѣ; потомъ мы несемъ далѣе по пустынѣ подобно урагану.

Затѣмъ слышны воли и крики, раскаты залпа изъ ружей, линія наша разорвана встрѣтивъ покинутыя телѣги, и движеніе замедляется толпами овецъ и скота которые мечутся по равнинѣ. Все это представляетъ видъ дикаго смѣшенія. Я останавливаюсь на минуту чтобъ оглядѣться кругомъ. Вотъ Туркмень лежитъ въ пескѣ, съ головой пробитою пулей; немного далѣе казакъ свалился на землю съ ужасною сабельною раной на лицѣ; тамъ двѣ женщины съ тремя или четырьмя дѣтьми, сидятъ на пескѣ, жалобно плача и рыдая и моля о пощаду; я кричу имъ на скаку: „аманъ, аманъ“, миръ, миръ, чтобы разсѣять ихъ страхъ. Еще далѣе цѣлая куча арбъ и телѣгъ, ковровъ и одѣялъ, перемѣшанныхъ съ мѣшками наполненными зерномъ, огромными узлами и вьюками, кухонною посудой и всякимъ домашнимъ добромъ.

Потомъ еще нѣсколько женщинъ съ трудомъ подвигающихся впередъ таща ребятъ и горько плача; между ними одна очень толстая старуха едва передвигающая ноги тащитъ

на рукахъ ребенка, вѣроятно своего внука. Дальше верблюды, овцы, козы, ослы, коровы, телята, собаки, каждое животное по-своему дополняетъ картину общаго ужаса.

Сначала я былъ пораженъ множествомъ Туркменъ лежащихъ недвижно на землѣ. Я не могу удержаться отъ мысли что если все это убитые, то нѣтъ на свѣтѣ болѣе мѣткихъ стрѣлковъ чѣмъ казаки. Однакоже немного спустя тайна разъясняется, я замѣчаю какъ одинъ изъ убитыхъ повиному Туркменъ осторожно приподнимаетъ голову и тотчасъ же снова принимаетъ прежнее неподвижное положеніе. Многие изъ нихъ только притворились мертвыми, и счастье для нихъ что казаки не открыли обмана.

Промедливъ нѣсколько наблюдая эти сцены, я замѣчаю что остался позади и снова поспѣшаю впередъ. Перебравшись чрезъ возвышенность я вижу что моя сотня мчится по краю узкаго болота, стрѣляя по Туркменамъ, которые уже на другой сторонѣ послѣшно взбираются на другое отагое возвышеніе. Я спускаюсь къ болоту, встрѣтивъ по пути два или три мертвыя тѣла. Въ болотѣ двадцать или тридцать женщинъ и дѣтей, по шею въ водѣ, ищутъ укрыться въ травѣ и камышахъ, умоляютъ о пощадѣ и волятъ самымъ жалобнымъ образомъ. Казаки уже проскакали, не обративъ на нихъ вниманія. Однако одинъ, отвратительно грубый на видъ, отделился отъ своихъ, подвѣлъ ружье, прицѣлился въ плачущую группу, и прежде чѣмъ я успѣлъ останоить его, спустилъ курокъ. Къ счастью ружье осѣкалось; не успѣлъ онъ надѣть другой листокъ какъ я подскакалъ и пригрозивъ ему нагайкой велѣлъ возвратиться къ своей сотнѣ. Онъ немедленно и безропотно повиновался; закричавъ несчастнымъ сидѣвшимъ въ водѣ *аманъ!* я послѣдовалъ за нимъ.

Нѣсколько сажень далѣе четыре казака окружили Туркмена. Ударъ за ударомъ падаютъ на его голову. Онъ валится ничкомъ въ воду со страшною равой на шеѣ, и казаки скачутъ прочь. Минуту спустя встрѣчаю я женщину сидящую у воды, тихо плачущую надъ мертвымъ тѣломъ мужа. Вдругъ моя лошадь дѣлаетъ скачокъ, отъ котораго я едва не вылетѣлъ изъ седла; слухъ мой пораженъ рѣзкимъ, пронзительнымъ, порывистымъ трескомъ; оглаждаюсь и вижу огненная полоса провелаась по небу и рассыпалась среди непріятелей. Это не болѣе какъ ракета, но за ней слѣдуетъ другая, еще и еще, и смѣшалась съ во-

АВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА. (Съ рисунка Верещагина изъ Лондонской
Иллюстраци.)

племъ женщинъ и дѣтей, толотою казацкихъ лошадей, блявиемъ овецъ и козъ, ревомъ животныхъ которыя дико мечутся по равнинѣ, все это представляетъ цѣлый адъ ужасовъ. Такъ продолжается нѣсколько минутъ.

Туркмены постепенно исчезаютъ за другимъ возвышеніемъ, одни въ одномъ, другіе въ другомъ направленіи; у насъ труба даетъ сигналъ къ сбору. По мѣрѣ того какъ мы стягиваемся я напрасно смотрю по сторонамъ чтобъ увидать женщинъ и дѣтей которыхъ раньше видѣлъ въ водѣ. Всѣ они исчезли; и такъ какъ ихъ не видать нигдѣ поблизости, то я начинаю бояться что испуганныя ракетами онѣ побросались въ воду и перетонули. Это тѣмъ болѣе прискорбно что, за исключеніемъ случая о которомъ я упомянулъ, наши войска не тревожили женщинъ и дѣтей. Я даже видѣлъ какъ одинъ молодой казацкій офицеръ наказалъ фухтелемъ одного изъ своихъ людей за попытку убить женщину.

Когда всѣ собрались, стали подбирать раненыхъ, и докторъ оказывали немедленную помощь всѣмъ кого находили. Мальчикъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати былъ опасно раненъ сабельнымъ ударомъ въ голову. При немъ была его мать убитая горемъ; пока докторъ дѣлалъ перевязку она не слускала съ него дикихъ, жадныхъ взоровъ. Для ея первобытныхъ понятій было съ трудомъ вѣроятно что тѣ же самые люди которые прежде хотѣли убить ея сына, теперь стараются его вылѣчить. Когда рана была тщательно перевязана и докторъ увѣрилъ ее что сынъ ея будетъ жить, она схватила его руку и принялась цѣловать обливаясь благодарными слезами.

Мы дали небольшой отдыхъ лошадямъ; потомъ нѣсколько казаковъ было послано чтобъ отвести захваченный скотъ и овецъ, около двухъ тысячъ головъ, и мы потянулись къ лагерю. Много разъ мы оглядывались назадъ, гдѣ среди пространной пустыни было зрѣлище отъ котораго мы съ трудомъ могли оторвать взоры. Это была мать которая съ своею дочерью сидѣла надъ раненымъ сыномъ. Вокругъ нея лежали жалкіе остатки ея земнаго богатства; можетъ-статься невдалекѣ было мертвое тѣло ея мужа; вдали исчезали пораженные толпы ея племени. Она стояла волощенною картиной бѣдствія и отчаянія.

IV. Картина войны.

На слѣдующее утро мы продолжали свой путь сожигая и истребляя все на пути. Мы оставляли позади себя обнаженную полосу, около трехъ миль шириною, гдѣ были одѣ только груды тлѣющаго пепла. Желая посмотрѣть поближе какъ производилась операція сожиганія, я поѣхалъ вмѣстѣ съ отрядомъ который получалъ приказаніе жечь все на правой сторонѣ пути. Дѣло было разумѣется отталкивающее, тѣмъ не менѣе въ немъ было что-то возбуждающее и интересное, что-то льстящее духу разрушенія, который вѣроятно въ скрытомъ состояніи существуетъ во всякомъ даже самомъ мирномъ и цивилизованномъ человѣкѣ.

Мы скакали туда и сюда, перепрыгивая черезъ канавы и стѣны, пробираясь чрезъ изгороди и выламывая ворота, замечуя наше постулательное движеніе столбами дыма и яростнымъ пламенемъ.

Тишина жилищъ которыя мы такимъ образомъ истребляли представляла рѣзкій контрастъ съ суматохой и насмѣемъ нашихъ дѣйствій. Во всѣхъ домахъ царствовало повѣйшее молчаніе. Во многихъ мы могли еще встрѣтить слѣды мирной повседневной жизни ихъ обитателей, отпечатки маленькихъ дѣтскихъ ногъ, остатки женскихъ домашнихъ работъ, простые снаряды которыми онѣ пользовались при своихъ занятіяхъ.

Они жили здѣсь въ спокойномъ довольствѣ — потому что если и принимали участіе въ войнахъ, то это было далеко, на русской и персидской границѣ, — жила въ своемъ маленькомъ оазисѣ окруженномъ обширною пустыней, настолько разобщенные со внѣшнимъ міромъ какъ какой-нибудь еще не открытый островокъ въ южной части Тихаго Океана. Но факель коснулся ихъ жилищъ, и они узнали, слишкомъ дорого цѣной, объ этомъ великомъ внѣшнемъ мірѣ.

Мы рѣдко находили что-нибудь въ домахъ. Немного кухонной посуды, иногда нѣсколько цыплятъ, которыхъ тотчасъ же ловили казаки, старую лошадь или молодого теленка, которые не въ силахъ были слѣдовать за послѣдними бѣгствомъ; часто можно было встрѣтить кошку мирно си-

дающую на стѣнѣ или на крышѣ, уывающуюся лалкой и съ люболытствомъ смотрящую на происходившее вокругъ, пока жгучее пламя не сгоняло ее прочь. По временамъ, но рѣдко, мы находили собаку, которая была оставлена, или же съ кошачьимъ инстинктомъ отказалась сама оставить домъ; при нашемъ приближеніи она бросалась прочь съ отчаяннымъ лаемъ. Разъ я былъ пораженъ страшнымъ визгомъ нѣсколькихъ щенятъ неожиданно очутившихся среди непроходимаго пламени.

Мы завтракали около десяти часовъ жареными циллятами, во фруктовомъ саду примыкавшемъ къ дому который былъ подоженъ нами. Такъ какъ лѣхота осталась далеко позади и стало-быть намъ не зачѣмъ было торопиться, то мы растауались на травѣ подъ деревьями, и нѣкоторые заснули, другіе наблюдали пламя, огненное дыханіе котораго поджигало и корчило деревья и иногда почти достигало до насъ горячими; сердитыми вспышками. Тяжелый черныи дымъ висѣлъ густыми столбами и садился на деревья, скрывая до половины казаковъ, которые весело заваривали свой чай, и лошадей, роскошно лакоившихся богатою туркменскою пшеницей. Надо всѣмъ этимъ воздымалось русское знамя, ясно различаемое сквозь дымъ, лѣвиво развѣвавшееся и казавшееся какимъ-то громаднымъ коршумомъ ларящимъ надъ этою сценой разрушенія.

Мы стали лагеремъ около двухъ часовъ пополудни, отойдя около двадцати верстъ отъ послѣдняго мѣста стоянки, и провели остатокъ дня въ разстояніи шестидесяти верстъ отъ Хивы.

Движеніе слѣдующаго дня было подобно предыдущему: мы продолжаемъ истребленіе огнемъ, прилагая горяція головки ко всему что только можетъ горѣть, и оставляя за собою чернѣющую пустыню. Къ полудню мы достигли равнины Кизиль-Текирь. Это голая, открытая, песчаная пустыня, и на ней на протяженіи нѣсколькихъ верстъ только двѣ хозяйственныя постройки. Впрочемъ во всѣхъ направленіяхъ она перерѣзана каналами, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть еще вода, что доказываетъ что мѣсто это когда-то было прекрасно обработано. Но какая-нибудь война подобная настоящей вѣроятно превратила прежніе фруктовые сады въ эту безпріютную обнаженную пустыню. Это мѣсто гдѣ Маркозовъ долженъ

былъ впервые вступить въ оазисъ послѣ перехода Туркменскою степью. Около полудня мы стали лагеремъ на равнинѣ близъ дома съ садомъ, который повидимому былъ уже давно покинутъ обитателями.

Жара въ это время стала невыносима, такъ что оказалось необходимо сдѣлать дневку, чтобы дать отдыхъ войскамъ. Я вскорѣ узналъ что въ это утро былъ взятъ въ плѣнъ одинъ туркменскій мальчикъ. Не вѣдая объ ужасахъ происходившихъ вокругъ, бѣдный малый, когда его нашли, спалъ глубокимъ сномъ въ тѣни дерева близъ дома; ему было лѣтъ двѣнадцать, но черты его были удивительно грубы для ребенка, голова очень большая, съ сильно выдавшимися скулами, съ короткимъ вздернутымъ носомъ, желтою кожей, и большими черными глазами, сердитыми и блестящими. Онъ говорилъ что у него нѣтъ ни отца ни матери. Дядя его, у котораго онъ жилъ, убѣждалъ, оставивъ его спящимъ. Но ребенокъ, какъ мы узнали послѣ, былъ оставляемъ безъ намѣренія, такъ какъ дядя его, узнавъ по окончаніи похода что мальчикъ находится у Русскихъ, пришелъ за нимъ и просилъ отдать его, выражая величайшую радость при свиданіи съ нимъ. Мальчикъ сопровождалъ насъ во время похода и сдѣлался любимцемъ солдатъ, которые снабдили его новою парой платья, изъ числа вещей взятыхъ у его соотечественниковъ, дали ему осла для вѣзды и учили говорить по-русски.

Я воспользовался этою остановкой чтобы посѣтить развалины крѣлости Имукчира, близъ которыхъ мы стояли лагеремъ. Онѣ занимаютъ пространство около четырехъ акровъ, и стѣны, доходившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до тридцати футовъ вышины, довольно хорошо еще сохранились; построены онѣ были не изъ сыраго, но изъ превосходнаго обожженнаго кирпича, блѣдно-краснаго цвѣта, шести дюймовъ въ квадратъ и полтора дюйма толщины; все это показываетъ что крѣлость не хивинской постройки. Время построения ея можно отнести ко временамъ китайскаго или персидскаго владычества. Пока мы стояли здѣсь, мимо насъ прослѣдовали Тумуды, бывшіе въ заключеніи въ Хивѣ по распоряженію главнокомандующаго и направлявшіеся къ мѣсту гдѣ могли встрѣтить своихъ бѣжавшихъ соплеменниковъ. Они были

освобождены съ порученіемъ убѣдить своихъ соплеменниковъ подчиниться требованіямъ Русскихъ и уплатить военныя издержки. Судя по тому что произошло дальше, старанія ихъ, если только они прилагали старанія, остались безуспѣшны.

Утромъ 12го (24го) числа мы опять двинулись въ походъ. Въ этотъ день однако мы ничего не жгли, потому что находились въ пересѣкавшей оазисъ песчаной полосѣ, гдѣ нечего было жечь. За это время мы уже прошли всю землю Юмудовъ и опустошили страну на протяженіи около 150 квадратныхъ верстѣ. Теперь мы приближались къ мѣстности обитаемой Узбеками, которые были намъ дружественны. На дорогѣ мы нашли Персіянина котораго Юмуды оставили умирать въ пескахъ. На немъ было не меньше пятнадцати или двадцати сабельныхъ ранъ. Раны были перевязаны нашимъ докторомъ и онъ былъ помѣщенъ въ лазаретъ, но никто не надѣялся что онъ останется въ живыхъ, хотя кажется въ послѣдствіи онъ неожиданно поправился.

Въ десять часовъ мы опять видимъ сады и зеленѣющія деревья, и къ одиннадцати располагаемся въ тѣни ихъ лагерьмъ, на самомъ краю пустыни, верстахъ въ трехъ разстояніи отъ города Иальмы. Пока мы разбираемъ свои палатки слышится радостный крикъ: „базаръ!“ Всякій оставляетъ свою работу и слѣпшитъ на указанное мѣсто. Нетерпѣніе наше понятно, потому что уже много дней мы не имѣли ни свѣжаго, хлѣба, ни плодовъ, ни молока, ни мяса; а на базарѣ, какъ намъ было извѣстно, мы могли раздобыться всѣми этими предметами роскоши.

Я долженъ пояснить что слово *базаръ* прилагается ко всякому мѣсту, большому или малому, богатому или бѣдному, гдѣ что-нибудь продается. Хотя бы весь товаръ состоялъ изъ одной тележки съ дынями или изъ одного мѣшка хлѣба, тѣмъ не менѣе употребляется это звучное слово. На нашемъ базарѣ мы нашли пять или шесть тележекъ наполненныхъ дынями, горячими лшеничными лепешками и кринками молока. Нужно ли говорить что мы разобрали весь запасъ этихъ лакомыхъ вещей? На этомъ мѣстѣ жило человекъ двадцать Узбековъ, которые, какъ я уже имѣлъ случай перѣдко упоминать прежде, въ теченіи всей экспедиціи доставляли пищу и питье для утоленія голода и жажды русскихъ войскъ.

Мы разбили свои палатки въ тѣни яблонь и тополей, разстелили свои ковры на травѣ и вскорѣ наши чайники запыли свои привѣтныя пѣсни. Пріятна тѣнь и прохлада деревьевъ послѣ жары; пріятна послѣ поста эта усажденная лица; пріятно послѣ долгаго перехода растянуться на травѣ! Мы отдаемъ настроенію минуты, переговариваемся лишь лѣвивыми полусловами, и вскорѣ „усталыя вѣки смежаютъ усталыя очи“.

Вдругъ неожиданно трубятъ тревогу: получилось извѣстіе что Туркмены приближаются черезъ пустыню. Мы немедленно вскакиваемъ съ земли, послѣшво одѣваемся, хватаемъ револьверы, и взбираемся на телеги или другія возвышенныя мѣста чтобы видѣть приближеніе непріятеля.

V. Стычка.

Туркмены послѣшво приближались нестройными массами по пустынѣ, всѣ верхомъ, но по видимому имѣя въ виду скорѣе рекогносцировку нежели нападеніе.

Чтобы сдѣлать понятнымъ послѣдующее я долженъ напомнить что мы стояли лагеремъ между пустынею и садами, въ сторонѣ отъ дороги по которой пришли. Здѣсь дорога входила въ сады и продолжая идти садами до города Ильялы, въ трехъ верстахъ разстоянія, была совершенно скрыта деревьями и стѣнами. Къ югу и западу тянулась пустыня, далеко разстилааясь широкою, слегка волнистою плоскостью, поросшею мелкою сорною травой.

Туркмены приближались со стороны пустыни. Двѣ роты пѣхоты были уже высланы имъ на встрѣчу и кавалеріи отданъ былъ приказъ готовиться къ дѣлу. Генералъ Головачевъ съ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ лагеря на небольшое возвышеніе, съ котораго можно было сдѣлать за ходомъ дѣла.

Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ передовому отряду, который подвигался въ разстояніи около версты впереди лагеря. Я догналъ ихъ когда они тянулись вдоль высохшаго канала: правымъ крыломъ командовалъ полковникъ Дрешернъ, лѣвымъ полковникъ Новомиинскій. Туркмены были въ разстояніи около версты въ значительномъ числѣ; они скакали взадъ и вле-

едь по равнинѣ, но не обнаруживали расположенія подтѣз-
 кать ближе. Застрѣльщики тамъ и самъ стрѣляли по време-
 намъ, иногда раздавался раскатъ выстрѣла картечицы, но
 товидимому эти выстрѣлы не причиняли большого вреда.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, когда оглянувшись
 въ сторону лагеря, я увидѣлъ поднимающееся надъ деревья-
 ми и приближающееся вдоль дороги отъ Ильялы густое обла-
 ко пыли, очевидно поднятое толпою всадниковъ приближав-
 шихся въ галопъ.

Это было нападеніе на лагерь съ другой стороны, и оно
 угрожало опасностью, такъ какъ всѣ, офицеры и солдаты,
 собрались въ сторонѣ ближайшей къ равнинѣ, наблюдая дѣй-
 ствія нашей передовой линіи стрѣлковъ; кромѣ того нападаю-
 щіе были скрыты деревьями и стѣнами.

Казалось никто въ лагерь не вѣдалъ о ихъ приближеніи,
 и одну минуту можно было опасаться что Русскіе будутъ
 захвачены врасплохъ, благодаря самой простой и нему-
 древой военной хитрости. Теперь стала понятна причина по-
 явленія непріятелей на равнинѣ и ихъ повидимому безцѣль-
 ное скаканье взадъ и впередъ.

Я повернулъ лошадь чтобы дать знать о приближеніи не-
 пріятеля когда увидѣлъ что полковникъ Новомиаискій за-
 мѣтилъ его почти въ то же время и поворотилъ своихъ лю-
 дей чтобы дать отпоръ нападенію. Черезъ минутку солдаты
 бѣжали бѣгомъ въ направленіи Ильяльской дороги.

Тѣмъ временемъ Туркмены показались пѣз-за деревьевъ и
 мы неясно могли различать ихъ темныя фигуры среди пыли
 и кустовъ, въ разстояніи около ста сажень отъ лагеря.

Еслибы непріятель продолжалъ смѣло двигаться впередъ,
 онъ несомнѣнно могъ имѣть хотя минутный перевѣсъ надъ
 Русскими, которые, собравшись въ другой сторонѣ лагеря и
 наблюдая за происходившимъ въ равнинѣ, ни мало не по-
 доврѣвали объ опасности имъ угрожавшей. Въмѣсто того
 однакоже, Туркмены остановились и начали угонять лошадей
 и верблюдовъ бродившихъ вблизи лагеря. Это дало время
 подвать тревогу. Русскіе бросились къ оружію, солдаты
 сомкнулись въ ряды и изготовились къ битвѣ почти безъ по-
 мощи офицеровъ.

Между тѣмъ полковникъ Новомиаискій приблизился на раз-
 стояніе ста сажень отъ дороги, зайдя во флангъ Туркменамъ.
 Онъ командовалъ полуоборотъ, затѣмъ быстро послѣдовала

команда: „Жай“, „клатс“, „пли!“ Рѣзкій звукъ провизалъ воздухъ и рой штуцерныхъ пуль полетѣлъ черезъ небольшое поле отдѣлявшее насъ отъ Туркменъ. Затѣмъ послѣдовали быстро одинъ за другимъ три новые залпа изъ американскихъ винтовокъ. Туркмены не выдержали такого сильнаго и мѣткаго огня; повернувъ лошадей они поскакали назадъ съ такою же послѣдностью съ какою приближались къ лагерю. Я видѣлъ какъ нѣкоторые изъ нихъ падали, видѣлъ какъ ихъ товарищи останавливались и подбирали ихъ, несмотря на убійственный огонь съ нашей стороны.

Еслибъ они рѣшились пробиться чрезъ лагерь — что было бы вовсе не трудно — они избѣжали бы убійственнаго огня во флангъ и соединились бы со своими, которые, какъ мы вскорѣ узнали, сдѣлали диверсію къ югу.

На югѣ, не болѣе какъ во ста саженьяхъ отъ лагеря, стоялъ ликетъ изъ пяти человекъ. Пока происходили только что описанныя событія, между этимъ ликетомъ и толпою Туркменъ завязалось непродолжительное но отчаянное дѣло. Какъ это случилось, осталось неизвѣстнымъ. Молодой офицеръ, поручикъ Каменецкій, повѣрявшій караулы, прибылъ къ этому ликету въ то время когда началась битва на другой сторонѣ, и вѣроятно они такъ пристально смотрѣли на происходившее въ другомъ концѣ лагеря что допустили захватить себя врасплохъ. Когда битва на нашей сторонѣ кончилась, на мѣстѣ гдѣ стоялъ ликетъ найдено было шесть мертвыхъ тѣлъ, обнаженныхъ и обезглавленныхъ. То обстоятельство что это произошло въ разстояніи ста сажень отъ лагеря и не было никѣмъ замѣчено, свидѣтельствуетъ объ искусствѣ и смѣлости Туркменъ.

Между тѣмъ четыре или пять сотень казаковъ двинуты были въ равнину гдѣ въ началѣ появился непріятель, съ порученіемъ убѣдиться расположенъ ли онъ дать сраженіе. Желая по возможности ближе видѣть этотъ своеобразный способъ веденія войны, я послѣдовалъ за ними и вскорѣ опять очутился между сражающимися.

Сцена представившаяся моимъ глазамъ была нѣсколько забавна и очень живописна.

Туркмены скачутъ вокругъ въ значительномъ числѣ, съ крикомъ и гуканьемъ, но не обнаруживаютъ расположенія сходитьсѣ съ нашими войсками, а ихъ великолѣпные кони дѣлаютъ для насъ невозможнымъ подойти къ нимъ бли-

же чѣмъ они находятъ для себя удобнымъ. По временамъ мы стрѣляемъ по нимъ, нарочно доставляемъ имъ случаи для нападенію, рассылаясь въ беспорядкѣ, и крича имъ чтобы они приближались; но они отказываются.

Все это имѣетъ видъ забавы, которая насъ много потѣшаетъ. Наѣздническое искусство обнаруживаемое Туркменами поистинѣ удивительно; и мы замѣчаемъ что у нихъ нѣтъ недостатка въ личной храбрости. Будь у нихъ дисциплина, изъ нихъ вышла бы самая грозная кавалерія.

Они обнаруживаютъ также наклонности стараго рыцарства и вызываютъ насъ на единоборство. Подскакиваютъ къ намъ по одному, по двое, по трое, сажень на двадцать, салютуютъ намъ своими кривыми саблями, дѣлая въ то же время какія-то замѣчанія на невѣдомомъ языкѣ—можетъ-быть касающіяся лично каждаго изъ насъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ Кавказцевъ такъ и рвутся помѣряться съ ними, и еслибъ не осторожность нашего полковника, мы могли бы имѣть цѣлый рядъ великолѣпныхъ турнировъ, которые вѣроятно окончились бы общою рукопашною схваткой. Судя по тому что я видѣлъ въ послѣдствіи, я теперь расположенъ думать что для насъ было лучше что дѣло не кончилось такимъ образомъ.

Одинъ молодецъ, на великолѣпномъ ворономъ конѣ, подъѣзжаетъ къ намъ сажень на двадцать и остановившись салютуетъ намъ граціознымъ движеніемъ своей сабли. Казаки начинаютъ стрѣлять по немъ. Ни мало не испугавшись, онъ пускаетъ свою лошадь въ легкій галопъ и проѣзжаетъ вдоль всей нашей линіи, въ то время какъ каждый изъ казаковъ разряжаетъ по немъ свое ружье. Мы видимъ какъ пули взрываютъ песокъ, иногда подъ самыми ногами его лошади; но онъ остается невредимъ, и возвращается къ своимъ, очевидно съ одинаковымъ презрѣніемъ къ нашей мѣткости въ стрѣльбѣ и къ нашей храбрости.

— Не хотите ли принять участіе въ атакѣ? слышу я обращенный ко мнѣ вопросъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Я съ сотней казаковъ хочу атаковать ту толпу которую вы видите тамъ справа. Подтяните подлругу и будьте готовы.

Мы вытѣнулись въ линію—сто человекъ, съ обнаженными саблями. Туркмены находятся въ разстояніи ста пятидесяти

саженъ, столпившись въ нестройную массу въ которой человѣкъ 300 или 400.

— Готово?—Въ атаку! раздается команда и мы несемся на нихъ подобно лавинѣ. Взвилось облако пыли, раздался топъ лошадей, звякнули шпоры, блеснули сабли, и мы уже на мѣстѣ.

Но Туркменъ тамъ нѣтъ.

Мы видимъ ихъ саженъ на полтораста дальше; они подвигаются легкимъ галопомъ, ловидому ни мало не слѣша и очевидно не долуская мысли что мы можемъ ихъ настигнуть. Мы продолжаемъ скакать далѣе, но также безуслѣшно. Это можетъ привести въ отчаяніе. Съ такимъ же услѣхомъ мы могли бы идти въ атаку на стаю дикихъ гусей; и мы оставляемъ наше намѣреніе.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, безъ большой потери съ обѣихъ сто нъ, мы возвращаемся въ лагерь. Но Гомуды немедленно поворачиваются и слѣдуютъ за нами съ насмѣшливыми криками, давая намъ понять что считаютъ насъ величайшими изъ трусовъ.

Мы возвращаемся однако въ лагерь мало обращая на нихъ вниманія, за исключеніемъ одного залпа изъ ружей когда они подошли уже слишкомъ близко. Они продолжаютъ слѣдовать за нами и не доходя около полуверсты до лагеря удаляются. На возвратномъ пути мы находимъ два тѣла Туркменъ убитыхъ нашими застрѣльщиками; одному пуля пробила голову, другому попала въ грудь. Я думаю что эти двое Туркменъ были единственными убитыми оставленными на полѣ, хотя они должны были потерять не мало убитыхъ стрѣлками полковника Новомичнскаго.

Потеря Русскихъ состояла всего изъ шести человѣкъ.

Жара днемъ была необычайная, и мы были рады, возвращаясь въ лагерь, сбросить свои дослѣхи и растянуться для отдыха на коврахъ подъ тѣнью деревъ. Скоро мы принялись весело толковать о событіяхъ дня, за хорошимъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ жареной баранины, молока, дынь и свѣжихъ, съ лылу горячихъ, пшеничныхъ лепешекъ доставленныхъ намъ Узбеками.

VI. Въ промежуткѣ.

Это нападеніе со стороны непріятелей показывало что они дѣйствительно хотѣли биться, и еслибъ они продолжали также какъ начали, то могли бы имѣть серіозный успѣхъ. Мы увидали что слишкомъ легко прежде относились къ ихъ храбрости и что это былъ непріятель котораго нельзя было презирать. Слѣдующій день мы провели въ лагерѣ ничего не предпринимаемая. Узбеки олять принесли намъ провизію; мнѣ казалось любопытнымъ какимъ образомъ они съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ ввѣряли намъ свою жизнь и собственность, когда мы такъ сурово постулали съ ихъ сосѣдями. Съ своей стороны я находилъ очень мало разницы между ними и Туркменами, какъ по одеждѣ такъ и по наружности; только когда они снимали свои бараньи шалки и можно было видѣть очертаніе головы, тогда разница становилась замѣтна. Но даже и тогда въ большей части случаевъ было трудно различить ихъ, ибо между обоими племенами жившими въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ естественно должно было происходить смѣшеніе, и различіе типовъ свойственныхъ каждому изъ нихъ должно было болѣе или менѣе сглаживаться. На самомъ дѣлѣ, хотя мы и были убѣждены въ противномъ, половина этихъ Узбековъ могли быть Туркменами, которые приходили въ лагерь для развѣдокъ. Однакоже, такъ какъ не было вѣрнаго способа различать ихъ, Узбеки же не были настолько преданы Русскимъ чтобы выдавать своихъ единовѣрцевъ Магометанъ, и такъ какъ Туркмены ничего бы не поняли изъ русскихъ военныхъ порядковъ еслибъ и видѣли ихъ, то противъ пліоновъ и не привималось никакихъ мѣръ.

Въ теченіи этого дня прибыли новые уполномоченные отъ Туркменъ, повидимому для переговоровъ; но я могъ узнать касательно ихъ предложеній только то что они не были приняты.

Что они готовы были помириться и не имѣли особенной злобы противъ Русскихъ, это доказывается ихъ отношеніемъ къ Оренбургскому отряду, который проходилъ по этимъ самымъ мѣстамъ всего три недѣли тому назадъ. На всемъ пути его они выходили во множествѣ, привнося дыни, фрукты,

молоко и хлѣбъ, и предлагали все это самымъ радушнымъ образомъ, не требуя платы. Одинъ офицеръ послѣ разказы-валъ мнѣ что войска этого отряда, находившіяся верстъ за лятьдесять ниже по рѣкѣ, близъ Куля-Ургенча, жили съ Турк-менами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ то время какъ мы жгли и разоряли ихъ страну по всѣмъ направленіямъ. Онъ говорилъ что нѣкоторые изъ Юмудовъ даже пытались заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ противъ нашего отряда. Они говорили наизво: „Мы покля-лись съ вами въ дружбѣ и считаемъ себя вашими союзни-ками. Но другое племя Русскихъ, изъ Туркестана, затѣяло съ нами войну, и мы полагаемъ что вы должны помогать намъ противъ нихъ, какъ и мы стали бы помогать вамъ про-тивъ вашихъ враговъ.“

VII. Б и т в а.

Мы пролежали цѣлый день въ бездѣйствіи. Подъ вечеръ генералъ Головачовъ, казалось, собиралъ свѣдѣнія куда укры-лись массы Туркменъ, готовясь сдѣлать на нихъ нападеніе. Когда стемнѣло, у лагерныхъ огней стали перешелтываться что на слѣдующее утро до разсвѣта мы выступаемъ, чтобы напасть врасплохъ на непріятеля въ его лагерь, верстахъ въ десяти отъ насъ. Около десяти часовъ слухъ этотъ под-твердился официальнымъ приказомъ отданнымъ по лагерю. Обозъ долженъ былъ остаться позади подъ прикрытіемъ, и мы должны были выступить въ часъ утра.

Туркмены, какъ говорили, находится по ту сторону города Ильялы, въ восьми или девяти верстахъ, и тамъ намѣрены сдѣлать стоянку.

Около одиннадцати часовъ, когда всѣ разошлись спать, сдѣлалась тревога; раздались нѣсколько выстрѣловъ, и мы бросились къ оружію, ожидая немедленнаго нападенія. Однакоже все стихло и съ ликета донесли что тамъ видѣли темную фигуру кравшуюся въ тѣни и по ней данъ былъ вы-стрѣлъ. Больше ничего не случилось и мы снова ложимся чтобы воспользоваться краткимъ отдыхомъ. Снова разбуже-ны мы, немного раньше часа, выстрѣломъ и дикимъ крикомъ, который всѣхъ насъ подвѣялъ на ноги подобно электриче-скому удару. Снова кризывъ къ оружію; минутное смятеніе; всѣ становятся по мѣстамъ, и все замолкло — мы ожидаемъ

нападенія. На этотъ разъ это уже не фальшивая тревога, такъ какъ пикетъ выстрѣлилъ въ темнотѣ по чему-то очень къ нему близкому, и затѣмъ поднята была сабля. Ясное доказательство что непріятель бродитъ гдѣ-то по близости.

Это побуждаетъ генерала Головачова не выступить въ часъ, какъ было назначено прежде, но выждать до трехъ, какъ разъ предъ разсвѣтомъ.

Согласно этому, въ три часа насъ будить зоря; вещи наши улаковываются и помѣщаются въ четырехугольномъ пространствѣ окруженномъ арбами, числомъ около двухсотъ; при нихъ оставляется триста человѣкъ солдатъ. Когда это окончено, съ немалой сумятицей въ темнотѣ, генераль съ своимъ штабомъ садятся на коней и становятся у выхода изъ лагеря, чтобы видѣть какъ дефилируетъ выступающая лѣхота.

Слѣдуетъ припомнить что мы находились на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ два дня тому назадъ происходило небольшое дѣло; мы выступаемъ въ открытую равнину на западъ, въ направленіи Ильяль, такъ какъ слѣдовать по ней въ темнотѣ удобнѣе нежели по болѣе прямой дорогѣ садами. На востокѣ чуть-чуть брежитъ слабый свѣтъ занимающейся зари, на западѣ же, въ томъ направленіи куда лежитъ нашъ путь, черная, непроницаемая темнота. Въ воздухѣ чуеться что-то странное, какое-то особенное, какъ бы электрическое состояніе, которое наводитъ на мысль о готовящейся бурѣ. Бѣлая разнузданная лошадь бѣшено мчиться тамъ и сямъ перестѣкая ряды и описывая какую-то причудливую ломаную линію, — я съ интересомъ припомнилъ послѣ этотъ случай.

Кавалерія выступила въ равнину, и вѣроятно отѣхала уже болѣе полуверсты; лѣхота же только строится въ порядокъ на глазахъ генерала; двое или трое изъ насъ толкуютъ о вѣроятности захватить Туркменъ врасплохъ, какъ вдругъ внезапно дикіе, неистовые возгласы, страшное смѣшеніе испуганныхъ голосовъ, выстрѣлы тамъ и сямъ, толпотъ мчащихся лошадей, поражаютъ нашъ изумленный слухъ. Повсюду—спереди, сзади, вокругъ—воздухъ полонъ дикими метательными криками. Долина оживаетъ Туркменами. Наши ожиданія внезапнаго нападенія исполнились нѣсколько неожиданнымъ образомъ.

Затѣмъ вестройный залъ ружей, сверкнувшій какъ молнія, потомъ длинная огненная полоса которая пронизы-

ваетъ темноту со страшнымъ, трескучимъ, потрясающимъ нервы звукомъ, и раздражается смертоноснымъ взрывомъ, потомъ цѣлый букетъ голубаго, зеленаго и краснаго пламени, которое вслѣхиваетъ и исчезаетъ; еще нѣсколько огненныхъ полосъ, свистъ пуль, топотъ перелуганныхъ лошадей, и случайный блескъ сабель.

Съ минуту мы остаемся какъ бы прикованные къ сѣду, слишкомъ изумленные чтобы предпринять что-нибудь, и только смотримъ съ нѣмымъ удивленіемъ.

Генералъ Головачовъ даетъ послѣдній приказъ пѣхотѣ и артиллеріи двинуться впередъ; черезъ минуту мы движемся въ темнотѣ вслѣдъ за нимъ, не зная куда направляемся. Еще минута, и мы уже посреди сражающихся. Тѣмъ временемъ ракетные выстрѣлы прекратились, частію потому что, будучи попорчены, ракеты часто разрывались въ рукахъ солдатъ; отчасти потому что Туркмены слишкомъ близко, такъ что при самомъ низкомъ углѣ подъ которымъ мы можемъ метать ихъ, ракеты перелетаютъ черезъ головы неприятеля и не причиняютъ ему ни вреда ни страха. Ружейная перестрѣлка дѣлается живѣе и съ обѣихъ сторонъ раздаются нестройные залпы, при свѣтѣ которыхъ тамъ и сямъ выдѣляется изъ темноты грозная фигура, и темное лицо, и блестящая сабля, которыя тотчасъ же припадаютъ въ темнотѣ, между тѣмъ какъ крики и вопли продолжаютъ съ удесятеренною адскою силою. Казаки, кажется, нѣсколько смѣшались и медленно отступаютъ. Тамъ и сямъ Туркмены прорвали линію и схватка становится рукопашною. Въ суматохѣ я отдѣляю отъ генерала Головачова. Когда я снова подѣвжаю къ нему, онъ спокойно отдастъ приказанія, но покрытъ кровью. Онъ раненъ сабельнымъ ударомъ; полковникъ Фриде, начальникъ штаба, рядомъ съ нимъ, также обливаема кровью, обильно истекающею изъ раны пулей въ голову. Туркмены прорѣзали или фланкировали линію во многихъ мѣстахъ и одинъ изъ нихъ ранилъ генерала Головачова.

Вдругъ какъ волна подаются казаки назадъ и увлекаютъ меня за собою. Можетъ - быть это не бѣгство, но что-то очень похожее на него, или же это начало бѣгства; въ самомъ воздухѣ носится что-то зловѣщее, чего я никогда не испытывалъ ни прежде ни послѣ, что можно сравнить только съ угрожающею атмосферой, предвѣстницей землетрясенія; какое-то боязливое содроганіе, первый тре-

леть ужаса, начинаетъ закрадываться въ массу солдатъ меня окружающихъ; среди криковъ, гиканья и смятенія, носится тихій, зловѣщій, услуганный шелеть, какъ предвѣстіе крика отчаянія; мы за минуту отъ паники. Казаки потеряли своего полковника; присматриваясь ближе я могу различать ихъ услуганныя, встревоженныя лица, и я знаю что это значить. Пораженіе—бойня: ни одинъ изъ насъ не спасется отъ Юмудовъ, съ ихъ быстроногими конями. Мало того; возстаніе разнеслось бы затѣмъ изъ Хивы въ Хавки, въ Ташкентъ—по всему Туркестану. Въ этотъ моментъ колебалось на вѣсахъ все владычество Русскихъ въ Средней Азій. Оглядываясь по направленію лагеря изъ котораго мы вышли, я вижу длинную линію темныхъ фигуръ которыя скачутъ между нами и лагеремъ, ихъ высокія черныя формы ясно вырисовываются противъ свѣтлѣющаго восточнаго края неба; мы совершенно окружены. Вдали справа слышится трескъ картечицы, что доказываетъ что битва идетъ на большомъ протяженіи.

Не зная куда могутъ увлечь меня казаки въ своемъ обратномъ движеніи, я рѣшаюсь выѣхать изъ ихъ рядовъ. Я очутился на краю фронта и между мной и непріятелемъ нѣтъ ничего. Туркмены надвигаются съ запада, гдѣ все погружено въ глубокую темноту, но я могу различить на разстояніи можетъ-быть сажень въ двадцать темную, нестройную массу всадниковъ несущихся въ галопъ. Они визжатъ какъ бѣсы, и при свѣтѣ выстрѣловъ я могу видѣть ихъ свирѣпыя, темныя лица и блескъ обнаженныхъ сабель. Мнѣ не нужно много времени чтобы понять что я не могу здѣсь оставаться; быстро повернувъ лошадь я бросаюсь прочь, разрядивъ прежде по толпѣ свой револьверъ. Почти въ ту же минуту рота пѣхоты подходитъ съ лѣвой стороны.

Они подходятъ бѣглымъ шагомъ и движеніе ихъ нѣсколько наломываетъ движеніе заброшеннаго аркана. Офицеръ выстраиваетъ ихъ въ боевую линію. Я послѣшно шлору лошадь и становясь позади ихъ чувствую себя на минуту безконечно счастливымъ. Они выстраиваются, лѣвая нога впереди, ружья на готовѣ; черезъ минуту раздается команда: „пид!“ и воздухъ съ шумомъ и свистомъ пронизываетъ туча летящихъ пуль.

За первымъ залпомъ слѣдуетъ другой, третій, черезъ короткіе промежутки. Это было вовремя; Туркмены такъ близ-

ко что нѣкоторые изъ убитыхъ падаютъ почти у самыхъ ногъ нашихъ солдатъ. Вдали справа начинается раздаваться громкій, яростный ревъ пушекъ, которыя явились на мѣсто дѣйствія и начинаютъ изрыгать яду и картечь.

Появленіе разсвѣта было вѣроятно замедлено на нѣсколько минутъ пылью и дымомъ которые висѣли надъ нами, потому что теперь, когда пыль и дымъ разсѣялись легкимъ порывомъ вѣтра, какъ бы по волшебству, тѣма раздвинулась и мы видимъ Туркменъ несущихся по равнинѣ на своихъ быстроногихъ коняхъ въ совершенномъ бѣгствѣ.

Я оглядѣлся вокругъ. Около пятидесяти сажень въ сторону вижу знамя генерала Головачова; нѣсколько казаковъ и офицеровъ окружили его; остальные казаки стояли тамъ и сямъ неправильными группами; пѣхота растапулась разорваннымъ кругомъ, сажень около полотораста въ діаметрѣ, но все еще въ боевой линіи; артиллеристы стоя за дымящимися пушками слѣдятъ за бѣгущимъ непріателемъ и колеблются дать ли по немъ выстрѣлъ на прощанье. Сраженіе кончено.

VIII. Послѣ битвы.

Около меня лежатъ двое или трое убитыхъ русскихъ солдатъ, и трое или четверо раненыхъ. Немного дальше, полковникъ Есиловъ, которому я пожималъ руку за полчаса до выступленія, лежитъ холодный и недвижимый, съ лулею въ груди, и Георгіевскій крестъ его обрызганъ кровью. Онъ умеръ смертью храбраго.

Я направляюсь къ тому мѣсту гдѣ развѣвается значокъ генерала, безпокоясь узнать не опасно ли онъ раненъ. Рука его перевязана, бѣлый китель облитъ кровью, но онъ все еще въ сѣдлѣ. Рана его только порѣзъ саблей по рукѣ и нанесена пѣхотинцемъ.

Мы объѣзжаемъ поле чтобы сосчитать убитыхъ и раненыхъ. Тѣла Туркменъ разбросаны во множествѣ. Вотъ одинъ лежитъ на боку, обѣ руки его еще сжимаютъ длинную палку, къ которой привязана короткая кривая коса. Онъ босикомъ, съ непокрытою головой, вся одежда его состоитъ изъ легкой холщевой рубахи и шароваръ; темная тѣнь ненависти видна еще въ его жесткихъ, грубыхъ чертахъ, сохранившихъ лечать дикой ярости побудившей его выступить съ такимъ неравнымъ оружіемъ противъ русскихъ стрѣлковъ.

Тамъ трое или четверо лежатъ рядомъ, какъ бы убитые одновременно, и трое, четверо или пятеро свалились въ кучу на трулъ превосходнаго коня, какъ бы убитые одинъ за другимъ, вслѣдъ за благороднымъ животнымъ, въ попыткѣ помочь другъ другу. Дальше, еще трулы лошадей, еще убитые люди, полускрытые низкою травой въ небольшой песчаной ложбинѣ. Въ одномъ мѣстѣ земля буквально усылана тѣлами. Но раненыхъ не было; не было ни стоновъ, ни моленій о помощи. Сначала я былъ удивленъ этому: хотя Туркмены всегда стараются увозить своихъ раненыхъ, но они не имѣли возможности захватить съ собою всѣхъ которые могли быть ранены Русскими въ недавней битвѣ.

Явленіе это вскорѣ для меня объяснилось ужаснымъ и неожиданнымъ образомъ. Я увидѣлъ солдата осторожно приближавшагося къ одному изъ мертвыхъ Туркменъ. Движенія его были странны, они возбудили мое любопытство, и я отъѣхалъ на двадцать или на тридцать футовъ и сталъ слѣдить за нимъ. Онъ былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ что не замѣтилъ меня; и я могъ видѣть дикій, испуганный блескъ его глазъ, напоминавшихъ отчасти безумнаго. Вразумно, прежде нежели я могъ догадаться что онъ намѣренъ дѣлать, онъ глубоко вознилъ свой штыкъ въ бокъ Туркмена. Я услужилъ невольный крикъ ужаса; онъ взглянулъ, увидѣлъ меня, и поспѣшилъ прочь, не говоря ни слова. Туркменъ только притворялся мертвымъ; но даже теперь у него не вырвалось ни стоана, онъ не открылъ глазъ, между тѣмъ какъ кровь струилась у него изъ бока и изо рта краснымъ потокомъ; я бы и теперь счелъ его за мертвеца, еслибы не замѣтилъ судорожнаго движенія пальцевъ и сокращенія членковъ. Я отвернулся съ болью въ сердцѣ, такъ какъ зналъ что бѣдняга уже внѣ человѣческой помощи.

Я радъ что могу заявить, къ чести русскаго войска, что по всѣмъ моимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ лучшихъ источниковъ, это былъ единственный случай такой хладнокровной жестокости. Хотя я изъѣздилъ все поле, я не видѣлъ подобнаго случая. Этотъ солдатъ былъ очевидно трусъ, смертельно перепуганный и искавшій отмстить за это.

Но отсутствіе раненыхъ объяснилось. Всѣ они притворились мертвыми изъ боязни быть убитыми. Мы насчитали всего около трехсотъ тѣлъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ или валявшихся горами, но непріятель послѣ показалъ что

потеря его простиралась до пятисотъ человекъ. Потеря Русскихъ состояла всего изъ сорока человекъ убитыми и ранеными, что можно приписать тому что Туркмены были вооружены только саблями и косами. Это было смѣлое и блестящее нападеніе, и еслибы не стойкость обнаруженная русскою пѣхотой, оно могло имѣть для насъ печальный исходъ. Начались только паника, ни одинъ изъ насъ не уцѣлѣлъ бы. Между тѣмъ это было первое дѣло въ которомъ участвовали эти войска. Хладнокровіе генерала Головачова во время дѣйствія было изумительно и вѣроятно много способствовало предупрежденію паники.

Генераль сдѣлалъ быстрый осмотръ поля, отдалъ приказъ о помощи раненымъ и о погребеніи убитыхъ, и продолжалъ движеніе. Въ это время взошло солнце и бросило длинныя тѣни вдоль пустыни; кругомъ царствовало подавляющее молчаніе, смѣнившее шумъ и смятеніе битвы, и мы въ тишинѣ подвигались впередъ, переговариваясь вполголоса.

Нападеніе было такъ внезапно, такъ неожиданно, такъ яростно и отчаянно, что теперь нами овладѣлъ ужасъ при мысли объ опасности которой мы съ такимъ трудомъ избѣжали.

Такъ какъ теперь уже не было особенной причины идти по открытому мѣсту, то мы свернули вправо и скоро двигались по дорогѣ ведущей чрезъ сады къ Ильяламъ. Черезъ поляны мы завидѣли сквозь деревья глиняныя стѣны города, сѣрыя и хмурья въ утреннихъ тѣняхъ. Дорога шла вокругъ города. Жители собрались большою толпою у воротъ чтобы встрѣтить насъ, поднося свѣже-испеченныя лепешки, дыни, виноградъ и персики.

IX. Преслѣдованіе.

Жители Ильяла были Узбеки, съ которыми мы были въ мирѣ.

Но хотя они знали что мы не ведемъ противъ нихъ войны, тѣмъ не менѣе были испуганы шумомъ сраженія; они смотрѣли на насъ боязливыми глазами, когда мы проѣзжали мимо, покрытые пылью и грязью, и съ ужасомъ глядѣли на генерала Головачова, бѣлый китель котораго былъ весь въ крови и рука перевязана.

Мы не вошли въ городъ, но обошли по дорогѣ огибающей

ГЕНЕРАЛЪ ГОЛОВАЧОВЪ.

ны и продолжали путь къ сѣверо-западу. Черезъ часъ были опять въ пустынь. Дорога наша лежала по окраинѣ, неправильной и извилистой, такъ что мы постоянно мѣстками то полосы леса, то пространства воздѣланной или. Мы искали туркменскаго лагеря, на который собирались напасть врасплохъ выстулая сегодня утромъ, и конный, какъ полагали, находился въ восьми или девяти верстахъ отъ Ильяля.

Туркмены совершенно исчезли тотчасъ же послѣ сраженія, часа два или три мы вовсе ихъ не видали. Однакоже до девяти часовъ они показались въ послѣднемъ движеніи вдоль горизонта сѣва отъ насъ. Черезъ полчаса равнина была покрыта ими; снова началось сраженіе, если только это можетъ быть названо сраженіемъ. Они появились въ значительныхъ массахъ справа и сѣва и вперенасъ; такъ что мы должны были ждать нападенія въ любухъ пунктахъ. Мы послали впередъ застрѣльщиковъ, которые укрывались за берегами каналовъ, во многихъ мѣстахъ представлявшихъ превосходную защиту. Непріятель облакивалъ довольно смѣлости, несмотря на утреннее пораженіе; часто Туркмены подѣвзжали на ружейный выстрѣлъ и шли мимо бѣшеннымъ галопомъ.

Мы приближались къ ихъ лагерю и они имѣли въ виду по возможности замедлить наше движеніе, чтобы дать возможность не принимающимъ участія въ сраженіи удалиться. Движеніе наше при такихъ обстоятельствахъ было очень медленно. Подвигаясь въ боевомъ порядкѣ, съ линіей застрѣльщиковъ брошенной сѣва, справа же защищенные карьерей, мы принуждены были доминутно останавливаться бы выравнивать нашу порванную линію или перемѣнять фронтъ. Чувствуя страхъ къ нашей пѣхотѣ, Тумуды ни мале боялись кавалеріи. Нѣсколько разъ они бросались на коньковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, и были удерживаемы только залпами пѣхоты или гранатой произывавшей ряды.

одобнаго рода битва на ходу продолжалась два или три часа; Тумуды скакали вокругъ насъ во всѣхъ направленіяхъ, крикомъ и гиканьемъ, стрѣлая изъ своихъ фитильныхъ ружей. Повидимому они не имѣли какого-нибудь опредѣленнаго плана дѣйствія или нападенія, кромѣ того чтобы наско-

дата, облаженный и обезглавленный; вѣроятно онъ былъ въ никетѣ, на который они валали врасплохъ ночью. Цѣлый день мы гнались по слѣдамъ бѣглецовъ, останавливаясь только чтобы дать время солдатамъ позавтракать. Такъ какъ вещей у насъ съ собой было не много, то движеніе наше было очень быстро. Мы опять прошли близъ Ильяль, оставивъ городъ влѣво отъ себя, и пересѣкши небольшой оазисъ очутились на обширной открытой равнинѣ, которая, судя по множеству перерѣзывавшихъ ее каналовъ, въ недавнемъ прошломъ должна была быть обработана. Мы не видѣли никакого слѣда бѣжавшихъ почти вплоть до захода солнца, когда только на горизонтѣ показало намъ что мы скоро ихъ достигнемъ.

Немного спустя мы стали лагеремъ на берегу канала, который представлялъ обильный запасъ воды; черезъ нѣскольکو минутъ казаки разсылались по равнинѣ, отыскивая корму для своихъ лошадей. Верстахъ въ двухъ отъ лагеря они нашли нѣсколько сѣна, которое только что было накошено и приласено Туркменами. Во время этой фуражировки случилось печальное происшествіе. Одинъ изъ туземныхъ проводниковъ, отъѣхавшій на нѣкоторое разстояніе отъ другихъ, былъ принятъ за Юмуда; казакъ выстрѣлилъ въ него, и ранилъ такъ опасно что два часа спустя онъ умеръ, несмотря на всѣ усилія нашего доктора спасти его.

Х. Б ѣ г с т в о.

На слѣдующій день рано утромъ мы возобновляемъ преслѣдованіе и вскорѣ замѣчаемъ слѣды бѣглецовъ. Здѣсь арба нагруженная ложитками и оставленная въ полыхахъ; тамъ корова или теленокъ которые не могли слѣдовать за бѣгущими; вотъ старуха, полумертвая отъ страха, думающая что ее сейчасъ же поведутъ на казнь; тамъ старикъ, оборванный, покрытый пылью, жалкій, который опираясь на палку смотритъ на насъ свирѣпыми глазами. Дальше начинаютъ попадаться намъ стада ягнать и козлятъ, потомъ стада овецъ и рогатаго скота и опять арбы.

Генераль Головачовъ отдалъ приказъ кавалеріи, шедшей впереди, открыть и атаковать бѣглецовъ и если можно заставить ихъ принять сраженіе. Судя по тому что я видѣлъ

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ 1875 въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англию, Днію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **тринадцать рублей сер.**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей сер.**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рублей**; съ доставкою и пересылкой **восемнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и др.)
на Страстномъ Бульварѣ.

